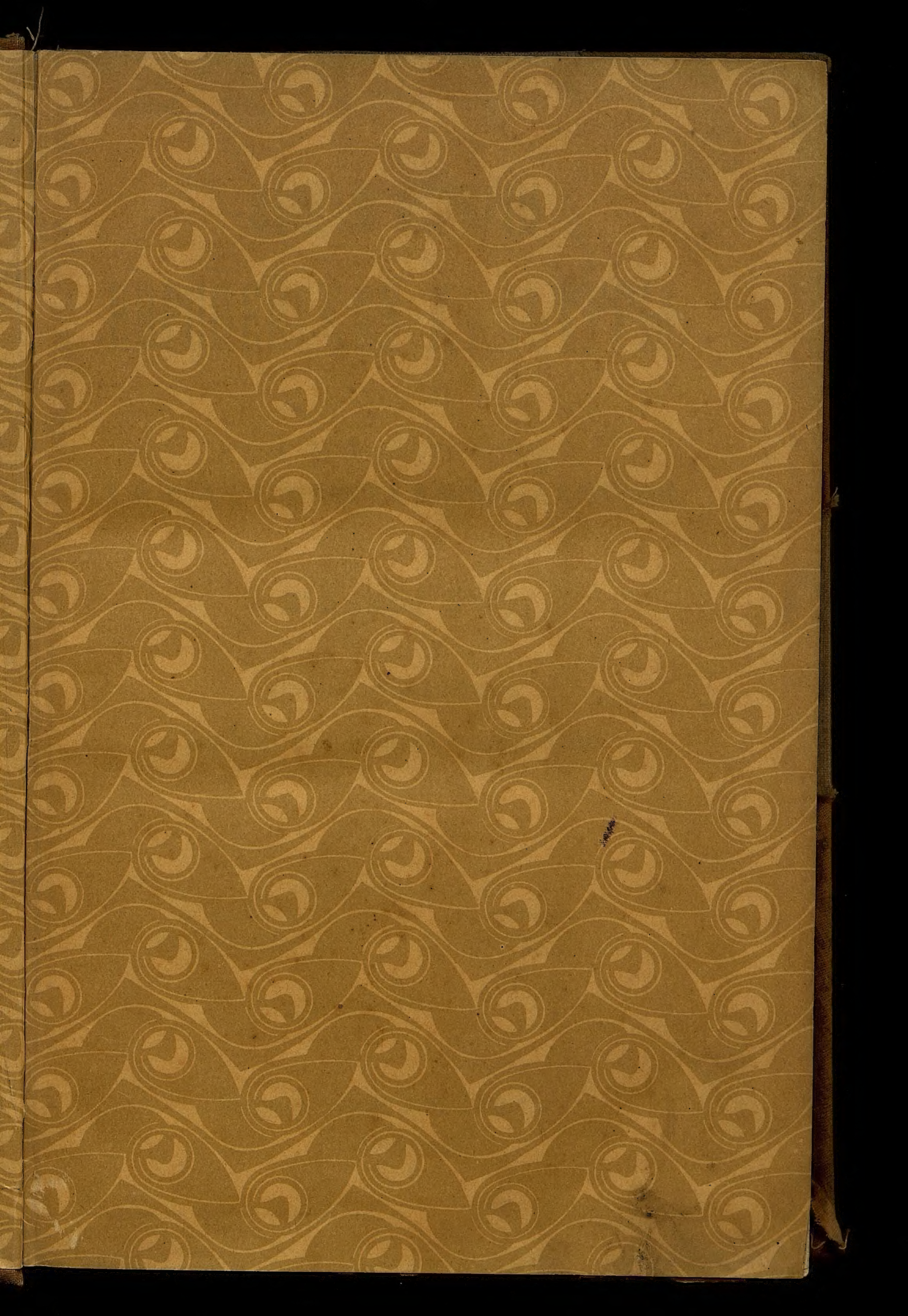

Изданіе
Брокгаузъ-Ефронъ

ОБЩАЯ ИСТОРІЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРОВЪ:

И. М. ГРЕВСА, Ѳ. Ф. ЗѢЛИНСКАГО, Н. И. КАРѢЕВА и М. И. РОСТОВЦЕВА.

ТОМЪ IV.

Людвигъ Фридлендеръ,

Картины изъ бытовой исторіи Рима

въ эпоху отъ Августа до конца династіи Антониновъ.

Часть I.

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Ѳ. ЗѢЛИНСКАГО, заслуженнаго профессора С.-Петербургскаго Университета,

и

С. МЕЛИКОВОЙ, преподавательницы С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ.

Изданіе „Брокгаузъ-Ефронъ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1914.

Тип. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. С.-Петербургъ, Прачешный пер., № 6.

Предисловіе къ переводу.

Книга Фридлендера, предлагаемая русской читающей публикѣ въ настоящемъ переводѣ, принадлежитъ къ самымъ знаменитымъ произведеніямъ въ области античной культуры. Охватывая очень различныя ея стороны, приводя съ поразительной полнотой весь и литературный, и эпиграфическій, и изобразительный матеріалъ, строя на этомъ матеріалѣ строго обдуманные, чуждые всякой фантастичности выводы, она давно завоевала себѣ первенствующее положеніе среди пособій по исторіи культуры римской имперіи, столь интересной для насъ, и ея вліяніе чувствуется во всѣхъ бытовыхъ романахъ изъ этой эпохи, которыми насъ дарятъ писатели нашихъ временъ—и притомъ тѣмъ болѣе, чѣмъ они лучше.

Въ виду этого обстоятельства необходимость включенія Фридлендера въ число руководствъ, объединяемыхъ подъ заглавіемъ „Общей исторіи европейской культуры", не представлялась сомнительной. Затрудненіе состояло въ томъ, что объемъ оригинала былъ сильно увеличенъ „экскурсами", т.-е. монографіями по всякаго рода научнымъ вопросамъ, часто лишь бѣгло затронутымъ въ основномъ изложеніи. Эти экскурсы, очень ученые и важные для спеціалистовъ, не представляли, однако, интереса для широкой публики; а между тѣмъ они не только заняли бы много мѣста въ переводѣ, но, благодаря обилію греческихъ и латинскихъ цитатъ, потребовали бы усиленной работы наборщиковъ и корректоровъ и этимъ вдвойнѣ увеличили бы стоимость книги. Поэтому редакторы сочли очень счастливымъ для себя совпаденіемъ, что ко времени возникновенія самой мысли перевода сочиненіе Фридлендера, раньше трехтомное, успѣло выйти—седьмымъ изданіемъ—въ двухъ томахъ безъ означенныхъ экскурсовъ. Такъ какъ за этимъ изданіемъ послѣдовала смерть престарѣлаго автора, то оно могло считаться окончательнымъ. По этому изданію и былъ начатъ переводъ.

Но когда было переведено около половины, появилось, неожиданно для большинства филологовъ (въ 1910 г.),

восьмое, посмертное изданіе, при чемъ оказалось, что покойный авторъ успѣлъ передъ смертью его приготовить къ печати отъ первой до послѣдней страницы; это изданіе, вообще увеличенное, вновь приняло въ себя всѣ экскурсы, тоже въ сильно увеличенномъ объемѣ, вслѣдствіе чего оно растянулось на цѣлыхъ четыре тома. Въ виду этого новаго обстоятельства редакторы рѣшили поступить такъ: 1) весь уже заготовленный переводъ провѣрить и дополнить по новому изданію; 2) остальной переводъ заказать по новому изданію, принимая его распредѣленіе главъ (измѣненное въ сравненіи съ седьмымъ), но сводя его четыре тома къ двумъ; 3) экскурсовъ по вышеуказаннымъ соображеніямъ не переводить; 4) зато помѣстить подъ текстомъ имѣющіяся въ новомъ изданіи ссылки на авторовъ и надписи. Этотъ послѣдній пунктъ былъ самымъ кропотливымъ и докучливымъ; тѣмъ не менѣе, редакторы не сочли себя въ правѣ отъ него отступиться. Незначительно увеличивая объемъ книги, ссылки сильно увеличиваютъ ея научность, давая каждому читателю возможность провѣрить и развить положеніе текста. Но даже и не провѣряя даннаго положенія по источникамъ, всякій образованный читатель пойметъ разницу, удостовѣрено ли оно строгимъ историкомъ Тацитомъ или льстивымъ панегиристомъ Пакатомъ, объективной ли надписью или злобной эпиграммой.

Этотъ исходъ былъ признанъ такимъ, при которомъ интересы читающей публики были бы наилучшимъ образомъ соблюдены.

Въ заключеніе сообщаемъ фамиліи лицъ, которымъ былъ порученъ переводъ настоящаго перваго тома (въ порядкѣ главъ): преподавательница Ксеніинской ж. г. въ Казани А. И. Зелинская; окончившая Спб. В. Ж. Курсы Н. А. Энманъ; преп-ца Константиновской ж. г. въ СПБ. К. В. Треверъ; преп-ца ж. г. св. Евфросиніи въ СПБ. Л. Ѳ. Завалишина; преп-ца Спб. В. Ж. Курсовъ В. В. Пѣтухова; преп-ца учительской семинаріи въ Великихъ Лукахъ В. Д. Любимова; слуш. Спб. В. Ж. Курсовъ Е. В. Цинзерлингъ.

Ѳ. Зѣлинскій.
С. Меликова.

P. S. Второй томъ, весь матеріалъ котораго уже готовъ, печатается и появится въ самомъ непродолжительномъ времени.

I. ГОРОДЪ РИМЪ.

Еще въ концѣ царскаго періода Римъ походилъ многими существенными чертами на свайную деревню, несмотря на свои уже довольно значительные размѣры, которые опредѣлялись Сервіевой стѣною [1]). Земледѣліемъ и скотоводствомъ занимались еще въ предѣлахъ города. Вокругъ жилищъ, построенныхъ изъ глины, соломы и дерева, лежали нечистоты, и валялась разбитая домашняя и сельско-хозяйственная утварь. Немощенныя улицы лѣтомъ покрывались облаками пыли, а зимою—грязью [2]).

Неудобства позднѣйшаго распланированія города древніе приписываютъ тому, что, послѣ сожженія его галлами (390 г. до Р. Хр.), городъ застраивался вновь безъ плана и опредѣленнаго порядка. Кварталы были неправильны, улицы тѣсны и извилисты, дома построены часто скученными массами [3]). Черепичныя крыши только мало-по-малу входили въ употребленіе; до войны съ царемъ Пирромъ (284 г. до Р. Хр.) сохранялся обычай крыть дома тесомъ [4]), что указываетъ на изобиліе лѣсовъ въ Италіи въ то время. Впослѣдствіи этихъ лѣсовъ стало значительно меньше, такъ какъ они истреблялись на постройку высокихъ полудеревянныхъ, такъ часто горѣвшихъ домовъ для эксплуатаціи [5]). Гораздо позже приступили къ мощенію городскихъ улицъ; первая извѣстная проѣзжая улица была проложена въ 237 г. до Р. Хр. [6]). Хотя Римъ и утрачивалъ постепенно свой деревенскій характеръ (напр., еще до 310 г. до Р. Хр. деревянныя лавки мясниковъ на форумѣ уступили мѣсто конторамъ мѣнялъ [7]), все же улучшенія слѣдовали такъ медленно и спорадически, что еще при дворѣ Филиппа Македонскаго (174 г.) враждебная Риму партія могла смѣяться надъ некрасивымъ видомъ столицы Италіи, не блиставшей ни публичными, ни частными постройками [8]). Сооруженіе видныхъ городскихъ построекъ началось лишь незадолго до этого. Первая изъ базиликъ, замѣнившихъ лавки и составившихъ со временемъ „каменный, однородный въ архитектурномъ отношеніи, сводчатый корпусъ, опредѣлявшій

---

[1]) Согласно Белоху («Bevölkerung der griechisch-röm. Welt», стр. 392), послѣдняя обнимала площадь въ 426 гектаровъ.—[2]) Helbig, «Die Italiker in der Poebene», стр. 63.—[3]) Ливій, V, 55: Тац., «Анн.», XV, 43; Jordan, «Topographie», I, 1, 483 сл.—[4]) Плин., «Н. n.», XVI, 36. Jordan, ук. соч. стр. 533 (иначе Nissen, «Pompejan. Stud.», стр. 24).—[5]) Nissen, «It. Landesk.», I, 434.—[6]) Jordan, стр. 522. Когда Римъ былъ сплошь замощенъ, нельзя опредѣлить съ увѣренностью. R. Pöhlmann, «Die Übervölkerung der antiken Grossstädte im Zusammenhange mit der Gesammtentwicklung städtischer Zivilisation dargestellt» (1884), стр. 118, считаетъ, что это произошло до 121 г.—[7]) Bekker, «Topogr.», 295. Jordan, I, 2, стр. 379 сл.—[8]) Ливій, XL, 5.

главныя очертанія форума", была выстроена около 185 года М. Порціемъ Катономъ, послѣ чего въ 180 и 170 гг. появились базилики Фульвія Нобиліора и Семпронія Гракха [1]). Первый устроилъ также въ 179 году (годъ его цензорства, составляющій эпоху въ исторіи римской архитектуры) обширный центральный рынокъ для съѣстныхъ припасовъ съ бойней, покрытою куполомъ посрединѣ и съ окаймляющими ее кругомъ лавками для продажи [2]). Первый „мраморный храмъ", построенный Кв. Метелломъ Македонскимъ (консуломъ 143 г.), былъ, вѣроятно, украшенъ вывезенными колоннами и другими произведеніями искусства [3]). „Благодаря тому, что городъ постепенно разростался на Марсовомъ полѣ, произошла крупная перемѣна. Проложеніе прямой Фламиніевой дороги и постройка Фламиніева цирка составили эпоху, за нею послѣдовалъ періодъ постройки портиковъ въ южной части, затѣмъ періодъ построекъ Помпея. За монументальными постройками слѣдовалъ всегда и успѣхъ частнаго строительства и, вѣроятно, сѣть улицъ, примыкающихъ къ Фламиніевой дорогѣ, портикамъ и цирку, была проложена также подъ прямыми углами, какъ мы это затѣмъ видимъ изъ остатковъ, сохранившихся отъ императорской эпохи. Уже къ концу республики должна была быть рѣзкая разница между старымъ городомъ и новымъ, лежащимъ на равнинѣ" [4]).

Послѣ того, какъ уже значительно раньше (можетъ-быть, вскорѣ послѣ 2-ой пунической войны) [5]), благодаря снятію укрѣпленій Рима, устранилось главное препятствіе для расширенія города, ростъ послѣдняго уже при Суллѣ вызвалъ необходимость дальнѣйшаго переноса городской черты (pomerium), имѣющей сакрально-правовое значеніе [6]).

Но хотя съ эпохи Суллы Римъ все болѣе и болѣе пополнялся величественными постройками [7]), однако, направленія улицъ оставались въ общемъ прежними, равно какъ и характеръ ихъ фронтовъ, и еще въ 63 году Римъ со своими неособенно хорошими улицами, то поднимавшимися по холмамъ, то спускавшимися въ долины, со своими высокими домами и очень узкими переулками никакъ не могъ сравниться съ Капуей, „вторымъ Римомъ" [8]), широко разстилавшейся по равнинѣ [9]), которая еще во время Домитіана не очень отставала отъ столицы [10]). Даже при Августѣ Римъ производилъ впечатлѣніе не планомѣрно построеннаго, а случайно возникшаго города [11]). Въ тридцатипятилѣтній періодъ отъ смерти Суллы до смерти Цезаря (съ 78—44 г. до Р. Хр.), Римъ украсился многочисленными роскошными постройками, какъ общественными, такъ и частными, въ которыхъ полководцы, офицеры, гражданскіе чиновники и купцы выставляли на показъ свои богатства, набранныя въ ту эпоху великихъ завоеваній на Востокѣ и Западѣ. Въ 44 г. до Р. Хр. въ Римѣ было уже болѣе ста дворцовъ [12]). Цицеронъ уже въ 70 году считалъ себя въ правѣ назвать его прекраснымъ и богато украшеннымъ городомъ [13]), хотя (по мнѣнію Плутарха) всѣ римскія

[1]) Jordan, I, 2, стр. 383 сл.—[2]) Jordan, I, 2, стр. 433.—[3]) Jordan, I, 1, стр. 17.—[4]) Hülsen-Jordan, I, 3, стр. 487 слл.—[5]) Nissen, «Pompej. Stud.», стр. 473.—[6]) Jordan, I, 1, стр. 319.—[7]) Часть III, гл. I, 3.—[8]) Цицер. d. l. agr. 2, 31, 86. Phil. 12, 3, 7.—[9]) Цицер. d. l. agr. 2, 35, 96.—[10]) Статій, Сильв. III, 5, 76.—[11]) Ливій V, 55.—[12]) Плиній, «H. n.», XXXVI, 109; ср. часть III, гл. I, 3.—[13]) ad Quirites p. red. гл. I. Verr II. 5, 48, 127: ср. de nat. deor. III. 9, 21.

постройки до императорскаго періода не могли сравниться съ постройками Перикла въ Аѳинахъ [1]), и Светоній, безъ сомнѣнія, былъ правъ, говоря, что Августъ нашелъ городъ Римъ по внѣшнему виду совершенно не соотвѣтствующимъ достоинству римскаго владычества [2]).

При Августѣ строительное дѣло переживало новый пышный расцвѣтъ. Этому содѣйствовали не только чувство безопасности, вернувшееся благодаря всеобщему миру, возрастающее благосостояніе, ростъ населенія и притокъ капиталовъ (понизившій въ 29 г. до Р. Хр. процентную норму съ 12% до 4%) [3]), но въ особенности стремленіе императора окружить Римъ блескомъ и роскошью, необходимыми для престижа міровой столицы. Теперь только сталъ употребляться для построекъ въ большомъ количествѣ благородный матеріалъ каррарскихъ каменоломенъ [4]). Хотя на первыхъ порахъ украшенію Рима способствовала масса общественныхъ сооруженій и памятниковъ, все же предпринималось также и (частью вызванное этимъ) упорядоченіе и расширеніе уличной сѣти [5]). Затѣмъ несомнѣнно и то, что ясно выраженное желаніе монарха было закономъ для магнатовъ, капиталистовъ и предпринимателей также относительно и частныхъ построекъ, вслѣдствіе чего и возникли вскорѣ многочисленные блестящіе частные дома и дворцы, затмившіе отчасти прежніе [6]). По поводу солидной постройки дворца какого-то Пизона [7]) Августъ сказалъ съ чувствомъ удовлетворенія, что Пизонъ строитъ такъ, какъ-будто Римъ будетъ существовать вѣчно [8]).

Вообще, мы въ правѣ предположить, что желаніе Августа имѣло не менѣе быстрое и внушительное воздѣйствіе на архитектурное обновленіе Рима, чѣмъ воля и примѣръ многихъ правителей для современныхъ столицъ. Въ исторіи архитектуры Неаполя новая эпоха началась съ правленія испанскаго вице-короля Піетро Толедскаго (1532—1553); Сикстъ V наложилъ печать своего духа на городъ Римъ (1585—1590 [9]). Стокгольмъ въ концѣ XVI в. выдѣлялся изъ городовъ сѣверной Европы (не исключая и Лондона) количествомъ каменныхъ домовъ, и это было вызвано приказомъ Густава Вазы (1523—60), который энергично проводился въ жизнь Іоанномъ III (1568—92). Уже въ 1582 г. изъ 658 домовъ 429 были каменными [10]). Парижъ былъ обязанъ частнымъ постройкамъ, вызваннымъ примѣромъ Людовика XIV, возникновеніемъ двухъ новыхъ городовъ, расположившихся около церкви св. Сульпиція и около Палэ-рояля, которые и затмили старый городъ [11]). Въ Москвѣ, гдѣ еще къ концу XVII в. продавались на базарахъ грубо-сколоченные срубы для возстановленія сотенъ и тысячъ домовъ, ежегодно уничтожавшихся пожарами, примѣръ дворца, выстроеннаго княземъ Голицынымъ, имѣлъ такое вліяніе, что за время, когда онъ стоялъ во главѣ правленія (1682—89), было построено не менѣе 3000 каменныхъ домовъ [12]). Августъ Сильный превратилъ Дрезденъ, который до него былъ маленькимъ деревян-

---

[1]) Плутархъ, «Comparat. Pericl. c. Fab Max.», гл. 3, 7.—[2]) Светоній, «Августъ», гл. 28.—[3]) Діонъ Касс. LI, 21.—[4]) Jordan, ук. соч., стр. 16 слл.—[5]) Тамъ же, стр. 485 сл.—[6]) Плиній, «H. n.», XXXVI, 110.—[7]) Drumann, «Gesch. Roms», II, 80, 13, или II. 90, 27?—[8]) Плутархъ, «Apoph. Rom. Caes. Aug.», 15.—[9]) Hübner, «Sixtus V», II, 134.—[10])—Troels Lund, «D. tägl. Leben in Skandinavien während des XVI. Jahrhunderts», стр. 104 сл.—[11]) Voltaire, «Siècle de Louis XIV», гл. 37.—[12]) Brückner, «Beiträge zur Kulturgesch. Russlands im 17. Jahrh.», стр. 299.

нымъ городомъ, въ каменный и (по словамъ лэди Монтегью, 1716 г.) въ самый красивый изъ всѣхъ нѣмецкихъ городовъ [1]. Варшава лишь при Станиславѣ Августѣ, который выбралъ ее своею столицею, вышла изъ своего жалкаго состоянія и была украшена благодаря ему и его магнатамъ многочисленными дворцами и другими видными строеніями [2]. Берлинъ разукрасился при Фридрихѣ-Вильгельмѣ I и Фридрихѣ II благодаря значительнымъ затратамъ государственныхъ средствъ и упорядоченію частныхъ сооруженій, что производилось отчасти принудительнымъ путемъ [3]. Очень оживленная строительная дѣятельность послѣдовала послѣ семилѣтней войны [4]. Подобно этимъ столицамъ и Римъ получилъ благодаря первому своему монарху новый архитектурный характеръ: при Августѣ и благодаря ему онъ превратился „изъ глинянаго города [5]) въ мраморный" [6]. Уже черезъ 30 лѣтъ послѣ битвы при Актіи Овидій говоритъ о золотомъ Римѣ, владѣющемъ сокровищами всего міра [7].

„Въ центральныхъ кварталахъ города уже при Августѣ и его ближайшихъ преемникахъ частныя постройки были большею частью вытѣснены общественными: десятый участокъ былъ занятъ императорскими дворцами, одиннадцатый—расширеннымъ циркомъ, четвертый—императорскими форумами. Въ замѣнъ этого Целій и Авентинъ превратились въ элегантныя, излюбленныя аристократіей части города" [8].

Однако, распланировка улицъ въ Августовскій вѣкъ, вѣроятно, очень мало подверглась измѣненію. Такъ, при Тиберіи раздавались жалобы на то, что дома такъ высоки, а улицы такъ узки, что противъ пожара нѣтъ защиты, а при обвалѣ нѣтъ возможности спастись ни въ ту, ни въ другую сторону [9]. Послѣ пожара при Неронѣ (въ 64 г. по Р. Хр.) [10], случившагося въ одинъ день съ галльскимъ пожаромъ (19 іюля или, вѣрнѣе, въ ночь съ 18-го на 19-ое), и послѣ того, какъ онъ бушевалъ 6 дней, уничтожившаго до тла 3 участка изъ 14, а изъ семи участковъ оставившаго лишь немногія полусгорѣвшія развалины [11], Римъ возсталъ совершенно новымъ. Съ этихъ поръ дома возводились до извѣстной высоты изъ огнеупорнаго матеріала—изъ габинскаго и албанскаго камня,—не были такъ стѣснены и строились не такими высокими; кварталы располагались по общему плану, улицы прокладывались болѣе широкими и прямыми, и черезъ нихъ были перекинуты аркады [12].

---

[1]) Vehse, «Gesch. d. Höfe», 33, 174 сл.; «Letters of L. Montague», 15.—[2]) F. v. d. Brüggen, «Polens Auflösung», стр. 235 сл.—[3]) Justi Winckelmann, I, 29; Büsching, «Neue Erdbeschr.», III, 2, 989—1002, 6-е изд.—[4]) Между 1763 и 1786 гг. было построено 439 домовъ, перестроено деревянныхъ 912, исправлено и украшено 1203.—[5]) Nissen, «Pompej. Stud.», стр. 25, справедливо отвергаетъ переводъ «кирпичный», такъ какъ подъ этимъ мы разумѣемъ всегда обожженные кирпичи, и ссылается на Кассія Діона, LVI, 30.—[6]) Светоній, «Авг.», гл. 28.—[7]) Овидій, «Ars am.», III, 113.—[8]) Hülsen-Jordan, I, 3, 154, 229.—[9]) Сенека, «Controvers.», II, 9, изд. Bursian, стр. 121.—[10]) Нероновскій пожаръ возникъ случайно; 17 іюля 64 г. было полнолуніе, и совершенно свѣтлой ночи, очевидно, не выбрали бы для поджога. Hülsen, «The Burning of Rome under Nero», «Amer. Journ. of Arch.», 1909, стр. 45—48.—[11]) Указаніе о числѣ домовъ (132 domus, 4000 insulae) въ перепискѣ между Сенекой и Павломъ, которымъ пользуется Jordan, ук. соч., стр. 488, я могу считать только за произвольную выдумку совершенно не освѣдомленнаго фальсификатора; ср. Hülsen, «Röm. Mitt.», 1894, стр. 98.—[12]) Тацитъ, «Анн.», XV, 38 и 43.

Само собою разумѣется, что къ году смерти Нерона (68 г.) эти новыя сооруженія далеко еще не были закончены. Еще Веспасіанъ засталъ городъ искаженнымъ прежними пожарами и обвалами [1]), и надпись, сдѣланная въ 71 г., гласитъ, что онъ на свой счетъ привелъ въ порядокъ улицы, обезображенныя благодаря нерадѣнію предыдущаго времени [2]).

Но и перестройки, доведенныя до конца династіей Флавіевъ и коснувшіяся болѣе двухъ третей города, не могли совсѣмъ устранить прежніе недостатки. По единогласнымъ свидѣтельствамъ древнихъ писателей, дома и послѣ большого пожара оставались очень высокими. По словамъ Ювенала, повсюду были окна, изъ которыхъ предметы на улицѣ казались какъ бы въ туманѣ [3]). „Если,—говоритъ Плиній,—къ протяженію и объему Рима прибавить высоту его домовъ, то ни одинъ городъ въ мірѣ не можетъ сравниться съ нимъ по величинѣ“ [4]). Дѣло въ томъ, что по площади Александрія (вѣроятно также и Антіохія) превосходила Римъ (по измѣренію 74 г., Римъ имѣлъ 13200, а Александрія—16360 шаговъ въ окружности) [5]), но оба эти города не имѣли такихъ высокихъ домовъ. Аристидъ въ похвальной рѣчи Риму говоритъ: „подобно тому, какъ силачъ поднимаетъ другихъ надъ своей головой и такъноситъ ихъ, такъ и Римъ несетъ одинъ городъ надъ другимъ, которые онъ поднялъ надъ своей головой. Если бы расположить ихъ по землѣ, то вся Италія въ поперечникѣ, вплоть до Адріатическаго моря, заполнилась бы ими, какъ однимъ сплошнымъ городомъ“ [6]). И дѣйствительно, причины, вызвавшія нагроможденіе многихъ этажей [7]), еще долго сохраняли свою силу. Онѣ сводились къ чрезвычайной густотѣ населенія (особенно въ старомъ городѣ) съ одной стороны, съ другой—къ ограниченнымъ размѣрамъ площади города и высокимъ цѣнамъ на землю; отчужденіе мѣста для форума Цезаря обошлось около 9 милліоновъ рублей, которые пошли на уплату землевладѣльцамъ и домовладѣльцамъ [8]). Въ Римѣ дома были выше, чѣмъ въ современныхъ большихъ городахъ къ сѣверу отъ Альповъ [9]). Въ то время, какъ берлинскій строительный уставъ 1860 года допускаетъ максимальную высоту фасадовъ въ 36 футовъ при одинаковой ширинѣ улицы, допуская большую высоту лишь при соотвѣтственной ширинѣ улицы, вѣнскій уставъ разрѣшаетъ лишь 45 футовъ (при 4 этажахъ), парижскій—не болѣе 63,6 футовъ (при условіи одинаковой ширины улицы) [10]), Августъ опредѣлилъ максимальную высоту переднихъ домовъ въ 70 римскихъ (около 66 прусскихъ футовъ) футовъ = 20,72 метра, допустивъ, такимъ образомъ, возможность существованія шести, семи этажей, а Траянъ въ 60 римскихъ (около 56 прусскихъ) футовъ, = 17,70 метровъ [11]), слѣдовательно, 5—6 этажей. Эти оба постановленія, которыя едва ли строго соблюдались, не распространялись на надворныя строенія и дома, не выходившіе на улицу, которые поэтому, безъ

---

[1]) Светоній, «Веспасіанъ», гл. 8. — [2]) Orelli, 742=CIL, VI, 1, 931. — [3]) Ювеналъ, 6, 31; ср. 3, 269; Статій, «Сильв.», IV, 4, 14.—[4]) Плиній, «H. n.», III, 67.— [5]) Jordan, «Topogr.», II, 85 слл.; Mommsen, «Abh. d. Sächs. Ges. Ph. hist. Kl.», II, стр. 273 сл.—[6]) Аристидъ, «Or.», XIV, стр. 199; Jebb. ср. Waddington, «Mem. del'Institut», 1867, стр. 253.—[7]) Витрувій, II, 8.—[8]) Pöhlmann, стр. 292 слл.—[9]) Въ Неаполѣ и Генуѣ существуютъ дома въ 18—21 метр. высоты, [въ самомъ Римѣ я знаю дома съ 180 ступенями. — [10]) Pöhlmann, стр. 94. — [11]) Страбонъ, V, 3, стр. 235; Аврел. Викторъ, «Epit.», гл. 13.

сомнѣнія, часто превышали норму; такъ, напримѣръ, у Мартіала бѣдняку приходится подниматься на „двѣсти ступеней", чтобы дойти до своей комнаты [1]). Кромѣ того, максимумъ вышины допускался при любой ширинѣ улицъ, а въ этомъ послѣднемъ отношеніи Римъ значительно уступалъ современнымъ большимъ центрамъ. Въ то время какъ въ Берлинѣ средняя ширина всѣхъ улицъ составляетъ 22 метра [2]), въ Римѣ ширина главныхъ улицъ была, повидимому, не болѣе 5—6,50 метровъ [3]), слѣдовательно, меньше самой узкой парижской улицы въ 7,80, при которой тамъ допускаются постройки не выше 11,90 метровъ. Такая оживленная, благодаря своимъ магазинамъ, улица, какъ Vicus Tuscus въ Римѣ, имѣла мостовую лишь въ 4,48 метра, а Vicus Iugarius лишь въ 5,50 метра [4]). Если городъ Тиръ, дѣйствительно, какъ говоритъ Страбонъ [5]), имѣлъ еще болѣе высокіе дома, чѣмъ Римъ, то это обусловливалось его положеніемъ на тѣсномъ скалистомъ островѣ [6]).

Длинныя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прямыя улицы были на Марсовомъ полѣ, какъ, напримѣръ, Via Lata, соотвѣтствующая южной части Корсо, а также улица, соотвѣтствующая Via dei Coronari, идущая отъ моста Ангела до Piazza Colonna. Нѣсколько такихъ улицъ было и въ остальной части Рима, напримѣръ: Vicus patricius (Via Urbana) и Alta Semita (Via del venti Settembre); однако, подобныхъ улицъ, которыя должны были представлять очень красивый видъ, не могло быть много, вслѣдствіе постояннаго чередованія долинъ съ холмами, тѣмъ болѣе, что долины, по большей части, были заняты форумами и другими общественными сооруженіями. Въ Римѣ никогда не было такихъ грандіозныхъ проспектовъ, какими были роскошныя улицы Александріи и Антіохіи, чуть не въ милю длиною и пересѣкавшіяся подъ прямымъ угломъ другими великолѣпными улицами. Въ силу необходимости, обусловленной природою мѣста, въ направленіи улицъ средневѣкового Рима до эпохи Сикста V, а отчасти и до нашихъ дней, сохранился въ значительной степени старый планъ. Скудные и частью поврежденные фрагменты капитолійскаго городского плана начала III вѣка представляютъ почти равное число правильныхъ, прямоугольныхъ и неправильно распланированныхъ кварталовъ, при чемъ наблюдается (едва ли случайная) цѣлая градація разнообразнѣйшихъ по ширинѣ улицъ [7]).

Кромѣ того, архитектурной внѣшности римскихъ улицъ, по современнымъ понятіямъ, вредили многія характерныя особенности античнаго стиля: часто непрямолинейные фасады домовъ, неправильныя и рѣдкія окна въ верхнихъ этажахъ, неодинаковая высота различныхъ частей въ однихъ и тѣхъ же домахъ, но особенно часто встрѣчающіеся пристройки и выступы, значительно суживавшіе какъ-разъ самыя оживленныя улицы [8]). Тамъ, гдѣ вдоль фасада домовъ тянулись аркады, сообщеніе могло сосредоточиваться въ нихъ, но такія аркады встрѣчались, вѣроятно, лишь въ большихъ улицахъ. На другихъ улицахъ таверны, лавки, магазины, мастерскія, кабачки

---

[1]) Мартіалъ, I, 117, 7.—[2]) Pöhlmann, стр. 95.—[3]) Jordan, «Topogr.», I, 1, стр. 493 сл. Lanciani, «Ruins and Excavations», стр. 570, указываетъ на то, что въ современномъ Римѣ существуютъ двѣ людныя (правда, короткія) улицы, имѣющія только 8—10 футовъ въ ширину.—[4]) Jordan, I, 2, стр. 468.—[5]) Страбонъ, XVI, стр. 757 C.—[6]) Pöhlmann, стр. 99, 7.—[7]) Jordan, «Topogr.», I, 1, 492.—[8]) О помѣщеніяхъ нижнихъ этажей insulae Hülsen, «Röm. Mitt.», 1892, стр. 282.

занимали часть улицы, какъ и въ Помпеѣ, гдѣ на главныхъ улицахъ передъ каждымъ домомъ находились будки съ каменными прилавками [1]). При суматохѣ и давкѣ на римскихъ улицахъ неудобства отъ суживанія ихъ, благодаря этимъ пристройкамъ, иногда такъ сильно давали себя чувствовать, что приходилось принимать противъ этого какія-нибудь мѣры. „Весь Римъ,— говоритъ Мартіалъ (въ 92 г.),—превратился въ большую гостиницу, всѣ улицы заняты разносчиками и торговцами, мясниками, трактирщиками и цырюльниками, такъ что не видно уже пороговъ домовъ. Здѣсь на косякѣ шинка на цѣпочкѣ висѣли винныя бутылки, тамъ въ самой густой толпѣ цырюльникъ орудовалъ своею бритвою, закопченныя дымящіяся кухмистерскія занимали всю ширину улицы, и преторы бывали принуждены идти по грязи проѣзжей дороги". Домитіанъ сократилъ трактиры, и съ тѣхъ поръ улицы, бывшія лишь простыми тропинками, опять стали удобными для сообщенія [2]). Но, тѣмъ не менѣе, деревянныя пристройки передъ домами оставались многочисленны, какъ объ этомъ опредѣленно упоминаетъ Геродіанъ, описывая уличную схватку между народомъ и преторіанцами въ 237 или 238 г.: благодаря этимъ постройкамъ, пожаръ, устроенный преторіанцами, быстро охватилъ большую часть города [3]). Въ 368 г. городской префектъ Претекстатъ совершенно устранилъ балконы и выступы верхнихъ этажей [4]); вѣроятно, вслѣдствіе опасности въ пожарномъ отношеніи, увеличивавшейся, повидимому, еще тѣмъ, что они обыкновенно были снабжены занавѣсками [5]), а также, можетъ-быть, и ради безопасности [6]).

Однако, несмотря на всѣ недостатки улицъ и положенія Рима, не было города, равнаго ему. Еще Клавдіанъ былъ въ правѣ сказать, что небо не взираетъ ни на что болѣе величественное, что ничей взглядъ не охватываетъ его ширины, никакой умъ не постигаетъ его красоты, ни одни уста не могутъ выразить достойной его хвалы [7]); и еще 100 лѣтъ спустя африканецъ Фульгентій воскликнулъ при видѣ Рима: „какъ прекрасенъ долженъ быть небесный Іерусалимъ, если уже земной Римъ сіяетъ такимъ великолѣпіемъ!" [8]). Одинъ панегиристъ Рима (Каллиникъ изъ Петры въ Аравіи) въ III вѣкѣ сравниваетъ лишеніе тѣхъ, которые не видятъ Рима, съ несчастіемъ слѣпыхъ, не знающихъ солнца; только тотъ, кто знаетъ Римъ, можетъ сказать, что онъ, дѣйствительно, жилъ, и его судьба отличается отъ судьбы людей, не знающихъ Рима, болѣе, чѣмъ состояніе посвященныхъ—отъ нечистыхъ [9]). Такое могущественное впечатлѣніе создавалось, главнымъ образомъ, слѣдующимъ: громадной постоянно мѣняющейся толпой населенія, стекающагося изъ всѣхъ странъ, ошеломляющей и опьяняющей сутолокой истинно мірового общенія, величіемъ, роскошью и множествомъ общественныхъ сооруженій и построекъ и, наконецъ, неизмѣримой площадью города. „Съ ка-

---

[1]) Jordan, «Forma urbis», стр. 46b, табл. XXI слл.—[2]) Мартіалъ, VII, 61.—[3]) Геродіанъ, VII, 12, 5; ср. біогр. Максимина, гл. 20. «Максим. и Бальб.», гл. 9.—[4]) Амм. Марц., XXVII, 9, 10.—[5]) «Digg.», XLIII, 8, 2, § 6. Ср. такъ назыв. домъ Ливіи, «Rev. Archéol.», XXII (1870), табл. 20. G. Perrot, «Mém. d'archéol.», стр. III слл.—[6]) Ср. совѣтъ, который будто бы далъ неаполитанскій король Фердинандъ папѣ Сиксту IV въ 1475 г.; Gregorovius, «Gesch. Roms», VII, стр. 647, 2-ое изд.—[7]) Клавдіанъ, «De cons. Stilich.», III, 131.—[8]) Gregorovius, «Gesch. d. Stadt Rom», 2-е изд., I. 275.—[9]) Mueller, «Hist. Gr.», fr. III, 663.

кого мѣста,—спрашиваетъ Аристидъ,—можно было бы вполнѣ охватить взоромъ столько холмовъ, покрытыхъ домами, или долинъ, превратившихся въ города или, вѣрнѣе, такую громадную площадь земли, занятую однимъ городомъ? Гдѣ бы человѣкъ ни находился, онъ всегда оказывается въ серединѣ города“ [1]). И въ самомъ дѣлѣ, взоръ того, кто смотрѣлъ тогда внизъ съ вершины Капитолія, терялся въ массѣ великолѣпныхъ построекъ, дворцовъ, различнаго рода памятниковъ, которые простирались подъ его ногами на цѣлыя мили, уходя черезъ холмы и долины въ необозримую даль. Тамъ, гдѣ теперь разстилается по направленію къ Албанскимъ горамъ покрытая развалинами пустыня, надъ которой виситъ зараженная лихорадкой атмосфера,—въ то время была совершенно здоровая, вся застроенная и прорѣзанная оживленными улицами равнина [2]). Ни съ одной стороны городъ не имѣлъ настоящей границы [3]); не было никакого опредѣленнаго признака, по которому можно было бы заключить, какъ далеко онъ простирался, и гдѣ начиналась новая область. Его слободы захватывали Кампанью и постепенно поглотили многочисленныя окрестныя мѣстечки и области, а его предмѣстья терялись въ новыхъ сооруженіяхъ роскошныхъ виллъ, храмовъ и монументовъ, мраморные зубцы, фронтоны и куполы которыхъ выдѣлялись на темной зелени рощъ и садовъ [4]).

Изъ общественныхъ сооруженій постройки на Марсовомъ полѣ превосходили всѣ прочія по грандіозности, не уступая имъ въ то же время въ роскоши и великолѣпіи. То сильное впечатлѣніе, которое производилъ этотъ, возникшій при Августѣ, мраморный городъ, передано Страбономъ. Заключенная въ изгибѣ рѣки широкая равнина, громадная площадь которой давала просторъ движенію экипажей, наѣздниковъ [5]) и безчисленной толпы людей, состязавшейся въ гимнастическихъ упражненіяхъ; ея поверхность, постоянно покрытая зеленою травою, кругомъ—великолѣпныя зданія и памятники, лабиринтъ поддерживаемыхъ колоннами портиковъ, сводчатыя и украшенныя фронтонами крыши, чередующіяся съ зеленью рощъ и аллей и окаймленныя по ту сторону рѣки возвышающимися полукругомъ холмами, склоны которыхъ спускались къ самому берегу,—вотъ тотъ видъ, отъ котораго трудно было оторваться, и который заставлялъ остальной городъ казаться чѣмъ-то второстепеннымъ. Но стоило только войти въ самый городъ и увидѣть рядъ форумовъ, одинъ возлѣ другого, окруженныхъ колоннадами и храмами, а также Капитолій съ его архитектурными постройками и Палатинъ, и колоннаду Ливіи, чтобы легко позабыть видѣнное внѣ города. „И таковъ,—восхищенно заключаетъ свое описаніе Страбонъ,—городъ Римъ“ [6]). То, что изъ этого великолѣпія погибло во время пожаровъ при Неронѣ и

---

[1]) Аристидъ, «Or.», XIV, стр. 198.—[2]) Страбонъ, V, 3, 12, стр. 239 слл.—[3]) Юридической границей былъ камень у первой мили (отъ Сервіевой стѣны), фактическая—указывалась прекращеніемъ домовъ и улицъ. Mommsen, «Staatsr.», 3-е изд., II, 2, 1035, 1—4.—[4]) Ср. живое описаніе тройного пояса изъ виллъ, окружающаго Римъ и простирающагося до 7 и 8 мили на Via Appia и Nomentana, у Lanciani, «La villa Castrimeniese di Q. Voconio Pollione», «Bull. com. di Roma», 1884, стр. 143.—[5]) Но при этомъ надо имѣть въ виду не движеніе людей и товаровъ, такъ какъ Страбонъ подразумѣваетъ только спортъ. Ср. Hülsen-Jordan, «Topographie», I, 3, стр. 499.—[6]) Страбонъ V, 3, стр. 236 С. (Написано послѣ 747 г., ср. Becker, «Topogr.», I, 542, пр. 1144).

Титѣ, было потомъ снова возстановлено или замѣнено; старыя же сооруженія были пополнены новыми. Все Марсово поле можно было пройти подъ крышами колоннадъ; все протяженіе 10 главныхъ портиковъ девятаго района (Фламиніевъ циркъ) равнялось 4500 метрамъ, а пространство, защищенное ими отъ солнца и дождя,—27500; площадь, ими охватываемая,—приблизительно 100000 квадр. метрамъ, а число ихъ колоннъ доходило до 2000 [1]. Въ этихъ портикахъ находились указанія ихъ длины въ футахъ и того, сколько разъ надо было пройти ихъ взадъ и впередъ, чтобы пройти пространство въ 1000 шаговъ (одну милю) и больше [2]. По словамъ Плинія, Римъ является побѣдителемъ вселенной и въ каждомъ отдѣльномъ изъ своихъ шедевровъ, а, вслѣдствіе скопленія ихъ въ одномъ мѣстѣ, кажется, какъ будто бы, на ряду съ существующими, возникъ другой міръ. Въ послѣднее время республики, главнымъ образомъ, приводили въ изумленіе построенный царемъ Сервіемъ съ открытой восточной стороны Рима колоссальный валъ [3], въ 50 футовъ шириною, огромный фундаментъ Капитолія и система клоакъ; изъ нихъ семь главныхъ подземныхъ рукавовъ (какъ говоритъ Плиній), проведенныхъ къ одному мѣсту, крутымъ наклономъ низвергались внизъ, неудержимо увлекая съ собою всё; своды же этихъ клоакъ выдерживаютъ еще до сихъ поръ чудовищную тяжесть, и сотрясеніе почвы при обвалахъ и землетрясеніяхъ [4]. Во времена Плинія самыми великолѣпными зданіями были: построенный Юліемъ Цезаремъ большой циркъ, форумъ Августа, возобновленная при немъ базилика Павла съ колоннами изъ фригійскаго мрамора, дирибиторій Агриппы на Марсовомъ полѣ, имѣвшій небывало широкую крышу, и выстроенный Веспасіаномъ храмъ мира [5].

Въ теченіе полустолѣтія, между Веспасіаномъ и Адріаномъ, Римъ достигъ своего наивысшаго блеска, хотя при Антонинахъ, и позднѣе, особенно при Северѣ и Каракаллѣ, многое было сдѣлано для его украшенія [6]. Проведенная послѣднимъ Via nova въ мѣстности, гдѣ были его термы, считалась самой красивой улицей Рима [7]. Но тогда возникли, быстро слѣдуя одно за другимъ, чудныя произведенія искусства, удивлявшія отдаленныхъ потомковъ не менѣе современниковъ. Амміанъ описываетъ впечатлѣніе, которое Римъ произвелъ на императора Констанція, когда онъ увидѣлъ его въ первый разъ въ 357 году; въ этомъ описаніи онъ упоминаетъ, почти безъ исключенія, только о постройкахъ, возникшихъ въ это время [8]. Взойдя на форумъ, это знаменитое мѣсто древняго могущества, онъ не могъ говорить отъ восхищенія. Въ какую сторону онъ не обращалъ взоры, повсюду его ослѣпляла масса чудесъ искусства. Когда потомъ онъ постепенно осматривалъ отдѣльныя части города, гдѣ бы онъ ни находился, на вершинахъ ли семи холмовъ, на ихъ ли склонахъ, или въ равнинѣ, ему всегда ка-

---

[1]) Lanciani, «I portici della regione IX», «Ann. d. Inst. d. corr. arch.», I, 1883, стр. 18 слл.—[2]) De Rossi, «Di un'epigrafe di Baja», XIII, 1888, стр. 109 слл. De Rossi e Gatti, «Miscellanea», «Bull. comm. di Roma», XVII, 1889, стр. 355 слл.; ср. также C. I. L. VI, 4, 1, № 29774—29778 съ примѣч. Hülsen'a.—[3]) Jordan, «Topogr.», I, 214 слл.—[4]) Jordan, «Topogr.», I, стр. 441 слл.—[5]) Плиній, «H. n.», XXXVI, 121 слл.—[6]) Ср. напр., Chr. Hülsen, Das Septizonium des Septimius Severus», «Winckelmanns programm der Archäol. Ges.», 1886 (реставрація на табл. 4).—[7]) Richter, «Topogr.», стр. 889.—[8]) Амміанъ, XVI, 10, 13.

залось, что то, что онъ видитъ въ данную минуту, и есть самое величайшее. Храмъ Юпитера на Тарпейской скалѣ сіяетъ, какъ нѣчто божественное въ сравненіи съ человѣческимъ. Бани занимаютъ своей площадью цѣлыя провинціи. Громада (Флавіева) амфитеатра, величественное зданіе изъ тибуртинскаго камня, поднимается такъ высоко, что взглядъ едва достигаетъ самой вершины. Прекрасное круглое зданіе Пантеона съ великолѣпнымъ высокимъ сводомъ, гигантскія колонны, къ вершинамъ которыхъ вели внутреннія лѣстницы, увѣнчанныя статуями прежнихъ императоровъ, храмъ богини Рима, Форумъ мира, театръ Помпея, Одеонъ, стадій—всѣ эти красоты города соперничали между собою въ красотѣ, пышности и великолѣпіи. Но когда онъ подошелъ къ форуму Траяна и увидѣлъ это сооруженіе, подобнаго которому нѣтъ подъ небомъ, и которое, конечно, сами боги должны были признать чудеснымъ, онъ остановился въ оцѣпенѣніи, предоставивъ своей душѣ носиться по громаднымъ пространствамъ, которыхъ невозможно описать на словахъ, и осуществленіе которыхъ во второй разъ недоступно для смертныхъ.

Планъ этого въ высшей степени блестящаго сооруженія Рима эпохи имперіи возможно еще распознать въ общихъ чертахъ на основаніи значительныхъ остатковъ. Гигантскихъ размѣровъ базилика, а позади высокая въ 100 фут. высоты колонна, гласившая о дѣяніяхъ императора, составляли задній планъ, и идеальный центръ открытой площади, которая (для идущаго отъ форума Августа) замыкалась слѣва и справа колоннадами; позади нихъ, въ видѣ полукруговъ, симметрично возвышались зданія, примыкавшія съ одной стороны къ склону Капитолія, съ другой—къ Квириналу; единственное украшеніе форума составляла находившаяся посрединѣ конная статуя императора. Базилика представляла собою поддерживаемое колоннами зданіе; ея, по всей вѣроятности, двухъэтажная средняя зала, окруженная двойною колоннадою, замыкавшаяся со стороны Капитолія и Квиринала полукруглыми экседрами, была шириною въ 25 метровъ=100 римскимъ футамъ [1]); впослѣдствіи она была почти буквально повторена въ базиликахъ св. Петра и S. Paolo fuori; деревянная крыша снаружи была покрыта позолоченными бронзовыми листами, щедро использованъ гранитъ, туземный и иностранный мраморъ. По обѣимъ сторонамъ колонны (съ востока и запада) находились, вѣроятно, зданія двойной (латинской и греческой) библіотеки; къ сѣверу, позади колонны, какъ бы заключая все, находился построенный Адріаномъ храмъ Траяна. Со временемъ форумъ Траяна все болѣе наполнялся статуями заслуженныхъ государственныхъ дѣятелей, преимущественно изъ позолоченной бронзы; ихъ постаменты, возникавшіе отъ эпохи Антониновъ до VI столѣтія, отчасти сохранились еще и донынѣ. „Если представить себѣ при этомъ вершины базилики и окружающихъ колоннадъ уставленными позолоченными конями и трофеями, а также фигуры плѣнныхъ и плачущихъ варваровъ, изъ которыхъ нѣкоторыя сохранились на тріумфальной входной аркѣ, и другія фигуры, сдѣланныя изъ мрамора и порфира; если затѣмъ представить себѣ роскошную и смѣлую орнаментовку сохранившихся кусковъ фриза, то получится ясное предста-

[1]) G. Dehio, «Die kirchliche Baukunst d. Abendlandes», I, 76.

вленіе объ истинно-царскомъ великолѣпіи формъ, которыя заполняли эту парадную площадь, расчлененную такъ симметрически строго [1])".

Мы имѣемъ подробныя описанія города Рима, гдѣ говорится о его 14 участкахъ, только отъ средины VI столѣтія: именно два мало различающіяся между собою изложенія, сдѣланныя на основаніи оффиціальнаго документа, относящагося ко времени между 312 и 315 годами, и въ основѣ котораго очевидно лежалъ планъ города. При этихъ описаніяхъ есть два дополненія [2]), изъ которыхъ одно содержитъ въ себѣ перечисленіе нѣкоторыхъ главныхъ классовъ общественныхъ памятниковъ (6 обелисковъ, 8 мостовъ, 11 термъ, 19 водопроводовъ и т. д.), другое—указатель къ описанію участковъ, въ которомъ приведена общая сумма находящихся въ этихъ четырнадцати участкахъ памятниковъ, зданій и учрежденій: 2 цирка, 2 амфитеатра, 3 театра, 4 школы гладіаторовъ, 5 навмахій, 36 мраморныхъ арокъ, 37 воротъ, 290 магазиновъ и амбаровъ, 254 общественныхъ пекарни, 1790 дворцовъ, 46602 дома съ наемными квартирами, и т. д. Пользованіе этимъ справочникомъ замѣчается впервые въ календарѣ Полемія Сильвія (448 г. послѣ Р. Хр.), гдѣ также перечисляются семь „главныхъ чудесъ" Рима, которыя, очевидно, противопоставляются семи чудесамъ міра. Вотъ эти семь чудесъ (ихъ, конечно, называютъ весьма различно): клоаки, акведуки, (Флавіевъ) амфитеатръ (Колоссей), Одеонъ (построенный Домитіаномъ), термы и высоты Яникула (на Acqua Paola), откуда, слѣдовательно, и тогда, какъ теперь, чичероне заставляли посѣтителей вѣчнаго города восхищаться „семью холмами и всѣмъ Римомъ" [3]).

Но не одно это несравненное великолѣпіе зданій и сооруженій дѣлало Римъ городомъ чудесъ. Идущаго по его безконечной территоріи на каждомъ шагу приковывали новыя зрѣлища. Повсюду его взглядъ останавливали на себѣ произведенія древнѣйшаго и новѣйшаго искусства, необозримой массой украшавшія весь городъ. Стѣны портиковъ и храмовъ сверкали блескомъ красокъ, фресокъ и картинъ [4]), а всѣ свободныя мѣста какъ тамъ, такъ и въ баняхъ, всѣ улицы и площади еще въ IV вѣкѣ [5]) были заставлены бронзовыми и мраморными статуями. Въ то время было выставлено публично 3785 бронзовыхъ статуй императоровъ и полководцевъ, такъ что общее число выставленныхъ пластическихъ произведеній превышало, вѣроятно, 10000. Если прибавить сюда всѣ статуи, находящіяся внутри зданій, будетъ понятно, что еще спустя два столѣтія, послѣ многихъ новыхъ опустошеній, Кассіодоръ могъ сказать: „кажется, что въ стѣнахъ Рима живетъ еще другой народъ, состоящій изъ статуй" [6]).

Повсюду массы домовъ чередовались и окаймлялись зеленью садовъ и

---

[1]) Jordan, «Topogr.», I, 2; стр. 455—467.—[2]) Въ основѣ статистической части описанія районовъ лежитъ болѣе древній (составленный приблизительно во время Веспасіановыхъ обмѣровъ города) и небрежно обработанный въ константиновскую эпоху документъ. Richter, «Topographie von Rom», у I. Müller, «Handbuch», III, 915.— [3]) Jordan, II, 143 сл. и вообще стр. 1—178. Ср. Марціалъ IV, 64, 11 слл. и примѣчаніе Dehio въ моемъ изданіи Марціала, II, 543 сл. Ср. противоположный (можетъ-быть, правильный) взглядъ, A. Elter, «Rh. Mus.», XLVI, 411; H. Schenkl, «Röm. Mitt.», 1906, 211 слл.—[4]) R. Rochette, «Peintures antiques», стр. 61 сл.—[5]) Амврос., «Письма», 18, 3.—[6]) Часть III, гл. II, 1 b γ.

парковъ, и во всякое время года можно было видѣть въ изобиліи свѣжую листву. Эсквилинъ былъ покрытъ садами Мецената, Палласа, Эпафродита, Торквата и другими, какъ однимъ огромнымъ паркомъ; сады Ацпліевъ, Лукулла, Саллюстія занимали собою всю площадь Monte Pincio и прилегающія долины: „такъ что отъ Porta del Popolo до Sante Croce въ Gerusalemme тянулся одинъ колоссальный паркъ, прерываемый только термами Діоклетіана“ [1]). Обширные участки дворцовъ часто также заключали въ себѣ сады съ великолѣпными, старыми деревьями, въ которыхъ раздавалось пѣніе птицъ [2]). Излюбленными въ городскихъ садахъ были особенно лотосовыя деревья (т.-е. крапивница, каркасъ) за ихъ широколиственную вершину. Шесть лотосовыхъ деревьевъ въ саду оратора Красса на Палатинѣ, которыя въ 92 г. до Р. Хр. цѣнились такъ же дорого, какъ дворецъ (3 милліона сестерцій), погибли лишь спустя 150 лѣтъ, во время нероновскаго пожара [3]). Цвѣты и букеты распространяли свое благоуханіе даже съ крышъ и балконовъ [4]). Но особенно много садовъ, отчасти императорскихъ, находилось на правомъ берегу Тибра [5]) и на окружающихъ холмахъ. Многіе изъ этихъ садовъ были доступны для народа [6]); кромѣ того, лавровыя и платановыя аллеи на Марсовомъ полѣ манили прогуляться подъ густымъ, тѣнистымъ навѣсомъ вѣтвей [7]). Въ великолѣпной колоннадѣ Ливіи (на высокой равнинѣ между сѣверо-восточной стороной термъ Траяна и церковью S. Martino ai Monti) [8]), во времена Плинія листва только одного огромнаго винограда, изъ котораго тамъ подъ открытымъ небомъ были устроены шпалеры, давала тѣнь прохожимъ [9]) Гордіанъ III предполагалъ разбить большой садъ подъ Monte Pincio на Марсовомъ полѣ, засадивъ его лавровыми, миртовыми и буковыми деревьями, въ 1000 фут. длины и 500 ф. ширины; онъ предполагалъ прорѣзать его въ длину аллеей, вымощенной мозаикой и окаймленной рядомъ колоннъ со статуэтками. Его обѣ длинныя стороны должны были замыкаться колоннадами, а короткія—съ одной стороны базиликой и лѣтними термами, а съ другой—зимними термами. Но этотъ планъ не былъ выполненъ, и при Константинѣ это мѣсто заняли частные сады и зданія [10]).

Но, можетъ-быть, самое прекрасное украшеніе, которое имѣлъ уже древній Римъ, состояло въ количествѣ и красотѣ его водопроводовъ; это украшеніе было притомъ сокровищемъ неизмѣримой цѣнности для благополучія его жителей, и оно сглаживало многіе недостатки построекъ и мѣстоположенія. Источники, проведенные въ городъ съ горъ (при Нервѣ общая длина ихъ равнялась приблизительно 58 нѣмецкимъ милямъ) [11]) по подземнымъ трубамъ, или же посредствомъ ряда гигантскихъ арокъ, скатывались съ шумомъ изъ искусственныхъ гротовъ, разливались на подобіе прудовъ

[1]) Lanciani, «I portici della regione IX», «Ann. dell' Inst. d. corr. arch.», I, 1883, стр. 16. — [2]) Рутил. Намат. «Ит.», I, 111. — [3]) Плиній, «Н. n.», XVII, 5. — [4]) Becker-Göll, II, 286. Плиній, «Н. n.», XV, 47.—[5]) Статій, «Сильв.», IV, 4, 7.— [6]) Hirschfeld, 137—139; L. Homo, «Mélanges de l'Ecole. franç» 1899, 101—129.—[7]) Ср. писаніе портика Помпея и гекатостиля (г. очевидно не былъ садомъ) Becker, «Topogr.», I, стр. 64. Hülsen-Jordan, «Topogr. Roms», I, 3, стр. 530 сл.—[8]) Тамъ же, стр. 315.—[9]) Плиній, «Н. n.», XIV, 11.—[10]) Гордіаны, гл. 32. ср. перечисленіе римскихъ садовъ у Jordan, «Forma urbis», стр. 43a; Hirschfeld, «Klio», II (1902), стр. 45 слл., 284 слл.—[11]) Bauer, «Wasserversorgung Roms», «Vierteljahrsschr. f. Volkswirtsch. u. Kulturgesch.», LII, стр. 68.

въ широкіе богато украшенные бассейны, или же съ плескомъ поднимались въ струяхъ великолѣпныхъ фонтановъ, прохладная атмосфера которыхъ освѣжала и очищала лѣтній воздухъ [1]). „Если бы,—говоритъ Плиній,—кто-нибудь захотѣлъ измѣрить все количество воды, текущей для общественнаго употребленія въ баняхъ, прудахъ, каналахъ, дворцахъ, садахъ, въ пригородныхъ виллахъ, измѣрить тѣ разстоянія, которыя она протекаетъ, сооруженныя арки, прорытыя горы, сравненныя долины, то онъ долженъ былъ бы сознаться, что во всемъ мірѣ никогда не было ничего болѣе достойнаго удивленія“ [2]). Также и Галенъ причисляетъ къ главнымъ достоинствамъ Рима количество и красоту источниковъ, изъ которыхъ „ни одинъ не имѣетъ дурно-пахнущей, вредной, грязной или жесткой воды“ [3]). Всѣ водопроводы въ совокупности доставляли, послѣ того, какъ Фронтину удалось почти удвоить ихъ производительность, такое количество воды, которое исчисляется, по меньшей мѣрѣ, въ 675000 куб. метровъ [4]). Постоянно возраставшая вплоть до III вѣка масса воды не только дѣлала пребываніе въ старыхъ, большихъ публичныхъ садахъ все болѣе усладительнымъ отдыхомъ, но побуждала также къ постоянному увеличенію числа публичныхъ бань, доступныхъ каждому вслѣдствіе низкой цѣны (менѣе 1 коп.), и фонтановъ [5]). Въ описаніи города въ IV вѣкѣ упомянуты 856 бань (не считая 11 термъ) и 1352 водяныхъ бассейна съ фонтанами (при Нервѣ ихъ было 591). Большое число этихъ бассейновъ было украшено произведеніями искусства (такъ, одинъ бассейнъ, устроенный Агриппой, былъ украшенъ изображеніемъ гидры), по которымъ они и назывались, напримѣръ, источникъ Орфея, Ганимеда, Прометея: одинъ съ верхомъ покрываемый, какъ бы купающійся въ водѣ конусъ народъ прозвалъ: „потѣющей цѣлью для стрѣльбы“. Руина этой колонны у Колоссея [6]) и великолѣпная руина одного монументальнаго источника, называемая Trofei di Mario [7]) — почти единственные сохранившіеся намъ остатки „отъ этого, очевидно, пышнаго великолѣпія“. Во второмъ приложеніи къ описанію города перечислены, кромѣ того, 15 нимфеевъ, т.-е. построекъ для ключей, конечно, съ богатой орнаментовкой, изъ которыхъ била или вытекала вода; объ ихъ устройствѣ можетъ дать представленіе такъ называемый гротъ Эгеріи [8]) такъ же, какъ о бассейнахъ, украшенныхъ скульптурными работами, могутъ дать понятія Acqua Paola, Fontana di Trevi и di Termini. Совершенно разрушенный только Сикстомъ V септизоній Севера—трехъэтажное, богатое колоннами великолѣпное зданіе на юго-западномъ углу Палатина, состоявшее изъ трехъ почти полукруглыхъ нишъ, замыкаемыхъ справа и слѣва выступающими крыльями,—былъ, повидимому, утроенной „Fontana Trevi“ [9]). „Тотъ, кто видитъ народъ отдыхающимъ въ жаркое время года у этихъ искусственныхъ

---

[1]) Рутил. Намат., «Іт.», I, 97—106.—[2]) Плиній, «Н. n.», XXXVI, 123.—[3]) Галенъ, XVIIb, 159.—[4]) Lanciani, «Acque», стр. 362; Hülsen, «Röm. Mitt.», 1893, стр. 277; Фронтинъ, «de aquis», II, 78 и 87.—[5]) Jordan, «Topogr.», I, 460.—[6]) Можетъ быть meta sudans было техническимъ терминомъ, который встрѣчается также въ Байяхъ. Сен., «Письма», 56, 2. Jordan, «Top.», I, 3, стр. 24, прим. 54.—[7]) Hülsen-Jordan, «Topogr. Roms», I, 3, стр. 349.—[8]) Ср. Preller, «R. R.», стр. 109 сл., и Jordan, «Topogr.», II, 48—66. О нимфеяхъ въ Греціи и Малой Азіи ср. Puchstein, «Jahrb. d. Arch. Inst.», XVII (1902), стр. 121 сл.—[9]) Hülsen, «Das Septizonium des Septimius Severus», 1886. Maass, «Tagesgötter», стр. 105—111, считаетъ слово septizonium испорченнымъ sep-

водопадовъ, а вечеромъ видитъ, какъ онъ вдыхаетъ, среди каменныхъ массъ, испускающихъ поглощенный солнечный жаръ, освѣжающій горный воздухъ,— пойметъ ту гордость, съ которой можно было при Нервѣ сказать, что теперь устранены причины, дѣлавшія въ прежнія времена римскій воздухъ губительнымъ и тяжелымъ какъ свинецъ" [1]. „Но вѣнцомъ всей системы было снабженіе частныхъ домовъ проточною водою". Съ тѣхъ поръ, какъ управленіе водопроводами въ 11 г. до Р. Хр. перешло къ императору, не только была совершенно уничтожена обычная прежде плата за пользованіе водою частными лицами, но каждый могъ, независимо отъ характера потребленія, получить позволеніе провести въ свой домъ воду, и уже при Страбонѣ „почти каждый римскій домъ имѣлъ резервуары, водопроводы и богатые водометы" [2].

Почти всѣ извѣстные въ то время предметы роскоши и наслажденія были доступны при посредствѣ міровой торговли; она наполняла ряды, лавки и магазины Рима драгоцѣннѣйшими и рѣдкими произведеніями самыхъ отдаленныхъ странъ, великолѣпнѣйшими и наиболѣе трудно выполнимыми предметами индустріи и художественной промышленности всѣхъ народовъ. Плиній называетъ Тибръ „милымъ купцомъ всѣхъ предметовъ, производимыхъ на землѣ" [3]. „Въ Римѣ можно было вблизи разсмотрѣть произведенія всего міра [4]: испанскую шерсть и китайскій шелкъ, художественныя пестрыя стекла и тонкое полотно изъ Александріи, вино и устрицъ съ греческихъ острововъ, сыръ съ Альповъ и морскую рыбу съ Чернаго моря. Въ магазинахъ и лавкахъ лежали цѣлебныя травы изъ Сициліи и Африки, арабскія пряности и благовонія, жемчуга съ мелей Барейнскихъ острововъ и смарагдъ изъ уральскихъ рудниковъ, куски драгоцѣннаго дерева съ красивыми прожилками, растущаго на Атласѣ, и гигантскіе пласты и плиты цвѣтного мрамора, который ломали въ горныхъ цѣпяхъ различныхъ провинцій [5]. О колоссальномъ количествѣ доставляемаго мрамора намъ даетъ представленіе открытый на Авентинѣ мраморный складъ, содержавшій около 1000 каменныхъ глыбъ, добытыхъ изъ 40 каменоломенъ [6]. „Къ вамъ—говорится въ уже упомянутой хвалебной рѣчи Аристида въ честь Рима [7]—приходитъ изъ всѣхъ странъ со всѣхъ морей все, что производятъ времена года, всѣ поясы, рѣки и озера, трудъ грековъ и варваровъ. Такъ что желающій осмотрѣть все это долженъ либо объѣздить цѣлый свѣтъ, либо пожить въ этомъ городѣ, такъ какъ все, что производится и изготовляется у всѣхъ народовъ, здѣсь имѣется въ изобиліи во всякое время". Въ продолженіе цѣлаго лѣта и осени сюда приходитъ изо всѣхъ странъ такое количество нагруженныхъ судовъ, что городъ походитъ на общую мастерскую цѣлой земли [8]. Здѣсь можно видѣть такое коли-

---

tizodium (C. I. L. VIII, 14372) и предполагаетъ, что это зданіе было посвящено культу планетъ. Противъ этого возражаетъ Schürer, «Zeitschr. f. neutest. Wiss.», VI, стр. 29 слл. Провизорный рисунокъ милетскаго септизонія см. «Arch. Anz.», 1902, стр. 152.

[1] Jordan, «Topogr.». I, 1, 459 сл.—[2] Pöhlmann, стр. 146—148; Страбонъ, V, 3, 8, стр. 235.—[3] Плиній, «H. n.», III, 54.—[4] Тамъ же, XI, 240. Ср. Плутархъ, «de fortuna Rom.», 12 (325 D), и Галенъ, XIV, 23.—[5] Ср. Pöhlmann, стр. 14 сл.—[6] Часть III, гл. I, 3.—[7] Аристидъ, or. XIV стр. 200, 10 слл.—[8] Здѣсь надо прежде всего имѣть въ виду доставку натурой хлѣба, масла и вина изъ Сициліи, Испаніи, Африки, Египта и т. д. въ склады, находящіеся подъ управленіемъ префекта анноны

чество товаровъ Индіи и счастливой Аравіи, что можно подумать, что впредь деревья тамъ навсегда обнажены, и тѣ народы будутъ принуждены явиться сюда, чтобы потребовать то, въ чемъ они нуждаются, изъ своихъ же собственныхъ произведеній. Вавилонскія одежды и драгоцѣнности изъ глубины варварской Азіи доходятъ сюда легче и въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ если бы ихъ пришлось доставлять съ одного изъ острововъ Архипелага въ Аѳины. Однимъ словомъ, сюда свозится все то, что доставляютъ торговля и мореплаваніе, что добываетъ земледѣліе, что извлекаетъ на свѣтъ горное дѣло, что производятъ всѣ существующія искусства, все, что рождается и произрастаетъ на землѣ.

Вообще, тысяча явленій напоминала, что Римъ былъ центромъ мірового государства. Точно съ высокой башни можно было обозрѣвать отсюда всю землю. Съ отдаленнѣйшихъ границъ приходили по всѣмъ дорогамъ непрерывныя сообщенія, „точно приносимыя птицами", къ резиденціи мірового владычества, такъ что имѣющій здѣсь свою резиденцію императоръ былъ въ состояніи, посредствомъ посланій, управлять цѣлымъ міромъ [1]). Возможно, что изъ главныхъ центровъ приходили доклады (по крайней мѣрѣ, время-отъ-времени) каждый день; Калигула предпочиталъ присылаемые ему изъ Александріи доклады всякому другому чтенію [2]). Выпалъ ли въ верхнемъ Египтѣ дождь, или было ли землетрясеніе въ Малой Азіи, взбунтовались ли легіоны на Рейнѣ, или пареянскій дворъ перемѣнилъ свою позицію по отношенію къ Риму,—все это дѣлалось очень скоро предметомъ разговоровъ на Форумѣ и Марсовомъ полѣ, на пирахъ и при дружескихъ встрѣчахъ [3]). Если гдѣ-нибудь дѣлалась неслыханная находка, она сейчасъ же посылалась императору и выставлялась публично въ Римѣ. Художники стекались въ Римъ изо всѣхъ странъ, чтобы показать свое искусство и свои произведенія, или же для того, чтобы добиваться вѣнка на большихъ римскихъ состязаніяхъ; поэты и ораторы, философы и ученые пріѣзжали, чтобы здѣсь выступить публично. Способнѣйшіе и наиболѣе честолюбивые молодые люди всего свѣта стремились изъ провинціальной глуши къ блеску и свѣту мірового города, „который привлекалъ къ себѣ взоры всѣхъ боговъ и людей" [4]), который открывалъ широкое поле честолюбію и предоставлялъ богатыя средства какъ для образованія и ученія, такъ и для отдыха и наслажденія.

Въ залахъ и портикахъ многочисленныхъ библіотекъ (въ описаніи города ихъ названо 28) [5]) другъ науки и литературы могъ вволю насладиться цѣнными пергаментами и свитками папируса, а въ кружкахъ ученыхъ, собиравшихся тамъ и въ другихъ общественныхъ мѣстахъ, напр., въ храмѣ мира и въ термахъ Траяна [6]), онъ могъ найти всяческое побужденіе и поощреніе

(horrea). Изъ обломковъ разнаго рода глиняныхъ сосудовъ, въ которыхъ привозились эти продукты, возникъ съ теченіемъ времени Monte Testaccio. De Rossi, «Le horrea sotto l'Aventino e la statio annonae Urbis Romae», «Ann. dell'Inst.», 1885, стр. 223 слл., особ. стр. 226—228.

[1]) Аристидъ, ук. мѣсто, стр. 207. «Жизн. Антон. Пія», гл. 7. — [2]) Филонъ, «Посольство къ Гаю», 570, М. — [3]) Ювеналъ, 6, 398. Марціалъ, IX, 36.— [4]) П. Анній Флоръ (Jahn, «Juli Flori epit.», стр. XLI).— [5]) Hirschfeld, стр. 298 слл.— [6]) Галенъ XIX, 21, и X, 909; о bibliotheca T. Divi Augusti Hülsen, «Röm. Mitt.», 1902, 79 сл.; «Topogr.», I, 3, стр. 84; «Forum Romanum», 2-е изд., стр. 152 слл.

для своихъ занятій, а также такое обиліе пособій, какъ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ; въ многочисленныхъ же аудиторіяхъ онъ могъ присутствовать на лекціяхъ по всѣмъ предметамъ, читаемыхъ спеціалистами. Большія литературныя задачи, для выполненія которыхъ нигдѣ нельзя было найти болѣе благопріятныхъ условій, чѣмъ здѣсь (а нѣкоторыя и вообще могли быть выполнены исключительно здѣсь), постоянно заставляли подолгу проживать въ Римѣ иностранныхъ ученыхъ, какъ, напр., уже въ эпоху Августа, Діонисія Галикарнасскаго и Діодора [1]). Сооруженія несравненной роскоши и великолѣпія для отдыха и развлеченія въ императорскихъ термахъ были доступны даже простому люду; тамъ во всякое время года для тысячъ людей были готовы всякаго рода бани, начиная отъ бассейна для плаванія и кончая паровыми ваннами; для тѣлесныхъ упражненій, бесѣдъ и прохлажденія были назначены мѣста, отличавшіяся болѣе, чѣмъ царскимъ великолѣпіемъ. Термы Каракаллы и Діоклетіана далеко оставили за собою, по крайней мѣрѣ, по объему, старѣйшія термы, изъ которыхъ первыми по великолѣпію считались, кажется, термы Нерона, такъ какъ ихъ не разъ называли образцомъ величайшаго блеска [2]). Свѣдѣніе о томъ, что термы Нерона имѣли 1600 банныхъ мраморныхъ креселъ, а новыя почти вдвое болѣе этого, заимствовано, повидимому, изъ того же оффиціальнаго источника, какъ и описаніе города съ его приложеніями [3]). И все-таки зрѣлища на сценѣ, въ циркѣ, на аренѣ превосходили всѣ чудеса, которыя заключалъ въ себѣ этотъ городъ чудесъ; плоды самой богатой фантазіи превращались здѣсь въ изумительную дѣйствительность.

Но величайшимъ изъ всѣхъ зрѣлищъ Рима было его населеніе, для котораго, какъ пишетъ Сенека, въ первое время правленія Клавдія, едва хватало домовъ въ этомъ неизмѣримомъ городѣ [4]), гдѣ поѣдается жатва всѣхъ странъ, гдѣ улицы должны вмѣщать толпу, стремящуюся одновременно въ три театра, и гдѣ неизбѣжно было быть задавленнымъ, если этой безпрерывно катящейся, точно быстрая вода, человѣческой рѣкѣ, представлялось препятствіе [5]). Эти послѣднія слова, написанныя въ 56 году [6]), были вызваны воспоминаніемъ о землетрясеніи 51-го года, во время котораго вслѣдствіе безпорядочнаго бѣгства, произошла давка, въ которой погибли болѣе слабые [7]). Подобные случаи были вдвойнѣ опасны, вслѣдствіе узости и извилистости улицъ донероновскаго времени; однако, намъ передаютъ только о двухъ подобныхъ несчастныхъ случаяхъ, происшедшихъ только по исключительнымъ поводамъ. Такъ, когда Калигула разсыпалъ деньги съ крыши базилики Юліи, погибли въ давкѣ 32 мужчины, 247 женщинъ и одинъ евнухъ [8]); въ другой разъ, когда онъ приказалъ бить палками по толпѣ, стремящейся ночью въ циркъ, за то, что она потревожила его сонъ, погибло болѣе 20 всадниковъ, столько же женщинъ, а сверхъ того безчисленная масса народа [9]). Кромѣ того, одна надгробная надпись говоритъ о женщинѣ и три-

[1]) Діон. Галик., «Arch. Rom.», I, 7. Діодоръ, I, 4.—[2]) Марціалъ, II, 48, 8. VII, 34, 4. Статій, «Сильв.», I, 5, 62.—[3]) Jordan, «Topogr.», II, 252; «Forma urbis», стр. 42.—[4]) Сенека, «ad Helv.», 6, 2.—[5]) Сенека, «Clem.», I, 6, 1.—[6]) Jonas, «de ord. libr. Sen.», стр. 40.—[7]) Тацитъ, «Анн.», XII, 43.—[8]) «Chron. min.» ed. Mommsen, I, 145. По предположенію Hülsen'a m (ulieres) XLVII вмѣсто CCXLVII.—[9]) Светоній, «Калиг.», гл. 26.

надцатилѣтнемъ мальчикѣ, задавленныхъ въ толпѣ, тѣснящейся у Капитолія или на немъ [1]).

Людская толпа, наполнявшая улицы и площади города, была весьма смѣшаннаго характера. Чѣмъ болѣе Римъ становился міровымъ центромъ, тѣмъ болѣе стекались сюда всѣ національности. Уже Цицеронъ называлъ Римъ общиной, образовавшейся изъ сліянія народовъ [2]). Но настоящее массовое переселеніе изъ провинцій началось только со времени паденія республики, и съ измѣняющейся интенсивностью, которая, однако, до Константина едва ли когда-нибудь надолго ослабѣвала; оно наводняло Римъ и смѣшивало его населеніе съ элементами всѣхъ странъ древняго міра. Луканъ говоритъ про него, что онъ оживляется не собственными гражданами, но наполненъ дрожжами всего свѣта [3]); Геродіанъ называетъ его населеніе въ III столѣтіи пестрымъ, смѣшаннымъ [4]); и еще императоръ Констанцій удивлялся, смотря на римскій народъ, съ какою быстротою всѣ существующія „на землѣ націи стекались въ Римъ“ [5]). Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе Римъ становился „общимъ городомъ“ [6]), „сборнымъ пунктомъ всего міра“ [7]), „міровою гостиницею“ [8]), а одинъ изъ его греческихъ хвалителей, софистъ Полемонъ (въ первой половинѣ II вѣка) мѣтко называлъ его „компендіемъ міра“ [9]).

Пестрота населенія еще увеличивалась вслѣдствіе массы беспрестанно пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ иностранцевъ. Римскихъ куртизанокъ посѣщали, какъ утверждаетъ Мартіалъ, парояне и германцы, киликійцы и каппадокійцы, египтяне и нубійцы, іудеи, даки и аланы [10]). При такихъ исключительныхъ случаяхъ, какъ, напр., большія зрѣлища, число иностранцевъ также возрастало чрезмѣрно. Уже по поводу устроеннаго Августомъ состязанія кораблей (2 г. до Р. Хр.), по словамъ Овидія, весь свѣтъ былъ въ городѣ [11]); на освященіи Флавіева амфитеатра (согласно Мартіалу) были зрители изъ отдаленнѣйшихъ народовъ: сарматы и сикамбры, арабы, сабейцы и эѳіопы [12]). Но и помимо этого число иностранцевъ было очень велико въ городѣ, который непреодолимо притягивалъ къ себѣ, дѣйствуя на самыя сильныя человѣческія склонности, который „за добродѣтель, равно какъ и за порокъ, платилъ самую высокую цѣну“ [13]) и, конечно, представлялъ самое благодатное поприще авантюристамъ и обманщикамъ всякаго рода. По Мартіалу, честный и надежный человѣкъ совершенно не могъ тамъ разсчитывать на обезпеченное существованіе [14]); еще менѣе могъ надѣяться на удачу тотъ, кто не умѣлъ быть ни сводникомъ, ни кутилой, ни обвинителемъ, ни доносчикомъ, кто не умѣлъ соблазнить жену друга или получать плату за любовь отъ старыхъ женщинъ, кто не умѣлъ „шарлатанить“ у императорскаго дворца, или наниматься въ качествѣ клакера у музыкальныхъ виртуозовъ [15]).

Такимъ образомъ, въ Римѣ раздавались 100 языковъ, перемѣшивались

---

[1]) C. J. L. VI, 29436=Rücheler, «Anth. Lat.», 1159.—[2]) Цицеронъ, «De petit. cons.», 14, 54.—[3]) Луканъ, VII, 405.—[4]) Геродіанъ, VII, 7, 1.—[5]) Амміанъ, XVI, 10, 5.—[6]) Сенека, «Ad Helv.», 6, 2.—[7]) П. Анн. Флоръ (Jahn, указ. мѣсто); ср. Мартіалъ, VIII, 4, 1.—[8]) Kaibel, «Inscr. Gr.», XIV, 1108.—[9]) Галенъ, XVIII a, 347. «Аѳиней», I, 20 B. Ср. Pöhlmann, стр. 17, 7 и 8.—[10]) Мартіалъ, VII, 30.—[11]) Овидій, «Ars amandi», I, 173.—[12]) Мартіалъ, «Spect.», I.—[13]) Сенека, «Ad Helv.», 6, 2.—[14]) Мартіалъ, III, 38, 14.—[15]) Мартіалъ, IV, 5.

фигуры и цвѣта всѣхъ расъ, одежды всѣхъ народовъ. Здѣсь рабы—мавры выводили слоновъ изъ императорскихъ звѣринцевъ [1]). Тамъ мчалась толпа бѣлокурыхъ германцевъ — императорскихъ тѣлохранителей — въ блестящемъ вооруженіи [2]). Здѣсь египтяне, съ бритыми наголо головами, въ льняныхъ таларахъ, несли въ процессіи статую великой богини Исиды [3]). За греческимъ ученымъ шелъ, нагруженный свитками, молодой нубіецъ [4]). Восточные молодые князья, въ высокихъ шапкахъ и широкихъ, пестрыхъ одеждахъ, шествовали со своею свитою черезъ толпу съ молчаливой серьезностью [5]), а татуированные дикари изъ Британіи удивлялись окружающимъ ихъ чудесамъ новаго для нихъ міра [6]).

Иногда какая-нибудь особенно необычная процессія, двигавшаяся по улицамъ, приковывала всеобщее вниманіе, и тогда разносилась молва, что это послы изъ какой-нибудь далекой варварской страны, едва извѣстной по имени, и что они пришли предложить императору отъ имени своего народа добровольное подчиненіе или союзъ. Уже Августъ принималъ, какъ онъ самъ хвалился, многочисленныя посольства отъ народовъ, не имѣвшихъ раньше никакого общенія съ Римомъ. Между ними были послы отъ кимвровъ и харидовъ Ютландіи, семноновъ, жившихъ къ востоку отъ Эльбы, отъ племенъ южно-русскихъ степей вплоть до восточнаго берега Дона, послы изъ Мидіи и Парѳіи, отъ черкесскихъ и грузинскихъ князей, отъ предводителей Британіи и Феццана и многія посольства изъ Индіи; одно изъ нихъ, какъ разсказывали въ Римѣ, было въ пути 4 года [7]).

Число жителей Рима можно установить только приблизительно. Хотя оно и подвергалось большимъ колебаніямъ, все-таки въ періодъ отъ Августа до Траяна (за исключеніемъ того времени, когда свирѣпствовали эпидеміи и междоусобная война) оно, вѣроятно, постоянно возрастало, не уменьшаясь замѣтно вплоть до большихъ эпидемій при Маркѣ Авреліи и Коммодѣ. Можно допустить съ вѣроятностью, что уже при Августѣ оно составляло болѣе милліона, а къ этому времени все болѣе приближалось къ $1^1/_2$ милліона, если даже не превзошло этого числа.

Привольнѣе всего жилось въ Римѣ самымъ высшимъ и самымъ низшимъ слоямъ общества, которые въ изобиліи наслаждались преимуществами, развлеченіями и зрѣлищами, представляемыми міровымъ городомъ. Подавляющая масса свободныхъ жителей мужского пола кормилась всецѣло или отчасти на счетъ государства. Знатные находили здѣсь, какъ нигдѣ на свѣтѣ, просторъ и средства, чтобы вести княжескій образъ жизни. На среднихъ классахъ наиболѣе отражались темныя стороны римской жизни. Къ послѣднимъ принадлежали высокія цѣны на всѣ жизненныя потребности сравнительно съ дешевыми цѣнами въ муниципіяхъ Италіи и въ провинціяхъ [8]). Прежде всего, въ Римѣ ощущался болѣе, чѣмъ въ новѣйшихъ большихъ го-

---

[1]) Ср. Сенека, «Письм.», 85, 41. Марціалъ, VIII, 74.—[2]) Marquardt, «Staatsverwalt.», 2-е изд., II, 487 слл. Mommsen, «Staatsrecht», 3-е изд., II, 808 сл.—[3]) Аппіанъ, «Bell. civ.», IV, 47; ср. Marquardt, «Staatsverw.», 2-е изд., III, 81.—[4]) Филостр., «Жизн. соф.», I, 8.—[5]) Mommsen, «Res gestae d. Aug.», 2-е изд., стр. 135 сл. C. I. G. 6312 b. 6559. Ієрон., «Ad Ol.», CCI; Orelli 510=C. I. G. VI, 1801; VI, 5207=Kaib. I. Gr. XIV 1636; VI. 1797—1801.—[6]) Діонъ Касс. LX. 33.—[7]) «Res gestae d. Aug.» и комментарій Моммзена.—[8]) Ювеналъ, 3, 165 сл. Марціалъ, IV, 66.

родахъ, недостатокъ квартиръ, такъ какъ тамъ возможность использовать окраины города очень ограничивалась отсутствіемъ удовлетворительнаго и общедоступнаго сообщенія съ центромъ; даже ѣзда въ экипажахъ внутри города дозволялась частнымъ лицамъ только въ послѣдніе часы дня. Небольшое меньшинство захватило несоотвѣтственно большую часть городской земли, годной подъ постройки, такъ какъ тогдашняя архитектурная роскошь требовала простора; значительную часть земли заняли также общественныя сооруженія (напр., императорскіе форумы заняли 6 гектаровъ), регулировка и расширеніе улицъ. Перестройка и украшеніе Рима Цезарями также увеличили цѣны на квартиры, какъ перестройка Парижа Наполеономъ III [1]). Наконецъ, вздорожанію послѣднихъ еще очень способствовали (въ большихъ размѣрахъ практикуемая еще Крассомъ) спекуляція на дома и монопольное хозяйство профессіональныхъ домовладѣльцевъ, при чемъ дома (какъ lodging—houses англійскихъ большихъ городовъ) часто сдавались арендаторамъ, которые, въ свою очередь, сдавали ихъ по частямъ мелкимъ арендаторамъ; и высокій предпринимательскій барышъ этихъ посредниковъ естественно долженъ былъ также оплачиваться квартирантами [2]). Въ Пандектахъ, для примѣра, одинъ разъ вычисляется барышъ арендатора болѣе чѣмъ въ 30 процентовъ, а въ другой разъ барышъ вторичнаго арендатора — въ 20 процентовъ; въ дѣйствительности, несомнѣнно, арендаторы получали иногда еще большіе барыши. При Цезарѣ цѣны квартиръ въ Римѣ были, повидимому, въ среднемъ, въ 4 раза выше, чѣмъ въ остальныхъ городахъ Италіи [3]). Семьи низшихъ классовъ ежегодно платили, какъ кажется, въ Римѣ около 2000, здѣсь 500 сест. (около 215 и 54 р.) [4]). Но въ Римѣ, подъ вліяніемъ указанныхъ обстоятельствъ и при все возрастающихъ требованіяхъ [5]), цѣны, безъ сомнѣнія, возрастали все больше, хотя, вѣроятно, Ювеналъ преувеличиваетъ, говоря, что за ту сумму, которую платили въ Римѣ, какъ годовую плату за темную квартиру, можно купить домъ и садъ въ Сора Фабратеріи или Фрузино [6]).

Также высоки были цѣны всѣхъ другихъ необходимыхъ для жизни предметовъ; особенно цѣны на дрова и пищевые продукты были едва доступны для бѣдныхъ [7]), „въ Римѣ ничего нельзя было имѣть даромъ“ [8]); кромѣ того, каждаго человѣка, не принадлежавшаго къ самымъ низшимъ классамъ, обстоятельства заставляли дѣлать расходы, которые сами по себѣ не были необходимы. Даже отъ самыхъ незначительныхъ людей обычай требовалъ нѣкотораго блеска во внѣшности, который часто былъ имъ не подъ силу, особенно трудящемуся классу. Такъ, считалось постыднымъ ѣсть изъ глиняной посуды, нельзя было показаться въ публичномъ мѣстѣ иначе, какъ въ тогѣ, а для многихъ — безъ нѣкотораго числа провожатыхъ и рабовъ. Блестящая бѣдность, дорого стоющее голоданіе — были весьма распространены; аферы и банкротства были заурядными явленіемъ. У Марціала говорится (въ 86 году): этотъ человѣкъ, котораго вы видите плетущимся медленнымъ шагомъ въ элегантномъ плащѣ лилово-пурпурнаго цвѣта, со свитой изъ кліентовъ и пажей и новыми носилками позади, только-что заложилъ

[1]) Pöhlmann, ук. соч., стр. 299.—[2]) Все это отлично изложено Pöhlmann, стр. 78—89 и 105—108.—[3]) Drumann, «Röm. Gesch.», I, 400, прим. 33.—[4]) Діонъ Касс., XLVIII, 9.—[5]) Велл., «Пат.» II, 10, 1. Но ср. часть III, гл. I, 3а.—[6]) Ювеналъ, 3, 223 слл.—[7]) Марціалъ, X, 96.—[8]) Ювеналъ, 3, 183.

на прилавкѣ ростовщика Клада кольцо за 8 сестерцій, чтобы имѣть возможность поѣсть на ночь [1]). „Обанкротиться,—говоритъ спустя 40 лѣтъ Ювеналъ,—для большинства значитъ столько же, какъ переѣхать изъ одной части города въ другую. Стыда люди уже почти не знаютъ. Когда растраченныя, на глазахъ у кредиторовъ, деньги идутъ на убыль, они отправляются въ Байи лакомиться устрицами и жалѣютъ только о томъ, что въ продолженіе года будутъ лишены цирковыхъ зрѣлищъ“ [2]). Рѣзкій контрастъ обманчивому блеску римской жизни представляла муниципальная и провинціальная простота и безпритязательность, точно такъ же, какъ строгость нравовъ, сохранявшаяся въ городахъ верхней Италіи, представляла контрастъ распущенности и разврату въ Римѣ, которые не только не пытались укрыться, но съ оскорбительной откровенностью праздновали свои оргіи [3]).

Въ Римѣ не прекращались шумъ и толкотня. Уже Горацій жаловался на безпрерывный шумъ, продолжавшійся днемъ и ночью, на тѣсноту и давку на улицахъ города, „изъ бурь и волнъ“ которыхъ онъ охотно бѣжалъ въ тишину и уединеніе Сабинскихъ горъ [4]). Въ продолженіе перваго столѣтія населеніе города и оживленіе значительно увеличились, и возможно, что, въ то время, когда ихъ изображаютъ Мартіалъ и Ювеналъ, они достигли своего высшаго предѣла. Еще до разсвѣта раздавались голоса булочниковъ, выкрикивающихъ о своихъ товарахъ, несомнѣнно также и пастуховъ, пришедшихъ въ городъ изъ окрестностей продавать молоко [5]); затѣмъ въ дѣтскихъ школахъ начинали хоромъ читать по складамъ [6]), а въ мастерскихъ приводились въ движеніе молоты и пилы [7]). Скрипящія телѣги тащили огромныя каменныя плиты и бревна, отъ тяжести которыхъ сотрясалась почва [8]); тяжело нагруженныя вьючныя животныя и носильщики наталкивались на пѣшеходовъ, со всѣхъ сторонъ тѣснили, толкали, наступали на ноги [9]), и въ этой тѣснотѣ ворамъ легко доставалась добыча [10]). „Здѣсь,—говоритъ Мартіалъ—(около 100 г.), на грязномъ столѣ мѣняло гремитъ порчеными нероновскими монетами, тамъ на наковальнѣ работникъ ударяетъ молотомъ по испанскому золотому песку. Безпрерывно раздается крикъ процессіи неистовствующихъ жрецовъ Беллоны, болтовня потерпѣвшаго крушеніе моряка, который, держа въ рукѣ обвязанный кусокъ корабельнаго обломка, выпрашиваетъ милостыню, еврейскаго мальчика, котораго мать послала просить подаяніе, возгласы торговца съ гноящимися глазами, съ другого берега Тибра, который предлагаетъ за дешевую цѣну сѣрныя нитки для разбитаго стекла“ [11]). Фигляры, многіе съ дрессированными животными [12]) (Ювеналъ упоминаетъ объ одной, ѣздившей верхомъ на козѣ и потрясавшей копьемъ, обезьянѣ въ солдатскомъ костюмѣ) [13]), марсійскіе пожиратели и укротители змѣй заманивали зрителей на свои представленія [14]). Разносчики съ платьемъ,

---

1) Мартіалъ, II, 57.—2) Ювеналъ, 11, 46—55; ср. его же, 3, 168—189, и 7, 129—149.—3) Тацитъ, «Анн.», XVI, 5. Плиній, «Письм.», I, 14, 4; II, 13. Мартіалъ, XI, 16.—4) Горацій, «Посл.», II, 2, 72—85.—5) Кальпурн. «Экл.», IV, 25.—6) Март. XII, 57; XIV, 223; IX, 29.—7) Плутархъ, «Quaest. conv.», III, 6, 4, 9 (не относится къ Риму).—8) Сенека, «Письм.», 90, 9.—9) Ювен. 3, 245 слл. Сенека, «de ira», III, 6, 4.—10) Диг. XLVII, 11, 7. Куяц. Обс. X, 27.—11) Мартіалъ XII, 57. Ср. Becker-Göll, I, 85, Jahn, «къ Перс.» I, 88.—12) Петроній, гл. 47.—13) Ювеналъ, 5, 153.—14) Мартіалъ, I, 41, 7. Манил. V, 390 слл. Галенъ, XI, 143. Corp. gloss. III, 272, 5.

полотномъ и другими товарами [1]), продавцы протертаго гороха и дымящихся колбасъ [2]), мясники, предлагавшіе „ужасную для обонянія“ четверть быка, вмѣстѣ съ ногой, кишками и краснымъ легкимъ [3])—всѣ пронзительно расхваливали свой товаръ, каждый на свой особый напѣвъ [4]).

Шумъ не прекращался даже ночью. Въ расположенныхъ далеко отъ улицъ спальняхъ обширныхъ дворцовъ спалось спокойно; зато тѣмъ хуже было въ наемныхъ квартирахъ. Грохотъ дорожныхъ экипажей, которые большую часть дня не имѣли права ѣздить по городу, нарушалъ ночью самый крѣпкій сонъ, когда они круто огибали углы узкихъ улицъ [5]). Къ этому присоединялся шумъ, производимый толпами бродящихъ повсюду буяновъ, ночныхъ гулякъ, а также гуляющихъ по ночамъ женщинъ, между которыми встрѣчались иногда женщины высшаго сословія (напр., дочь Августа, Юлія [6]) или серенады влюбленныхъ, которые просили или старались добиться силой, чтобы ихъ впустили къ ихъ возлюбленнымъ [7]).

Когда же всѣ дома затворялись, всѣ таверны запирались и затихали, тогда на пустыхъ, совершенно не освѣщенныхъ, улицахъ одинокому путнику становилось жутко и дѣйствительно опасно [8]). Часто встрѣчались носилки съ трупами бѣдныхъ, которыхъ отправляли ночью на сожженіе [9]). Несмотря на то, что въ Римѣ, начиная съ 6 года послѣ Р. Хр., существовалъ полицейскій отрядъ (исполнявшій одновременно обязанности пожарной команды), состоявшій изъ 7 когортъ (по 1000 человѣкъ каждая), при чемъ каждая охраняла два района; несмотря на то, что въ каждомъ изъ районовъ находилось помѣщеніе для стражи, и что патрули обходили каждую ночь, при свѣтѣ факеловъ, свои участки, — все-таки на улицахъ всегда было очень опасно, а кражи и нападенія были обыкновеннымъ явленіемъ [10]). Плиній говоритъ, что окна, на которыхъ мелкій людъ обыкновенно разводилъ зелень и цвѣты, придется запирать ставнями (даже днемъ), къ чему ихъ вынудили „ужасные разбои безчисленной толпы“; по всей вѣроятности, послѣ междуусобной войны 69 года, необезпеченность жителей необыкновенно увеличилась [11]). Въ качествѣ частныхъ ночныхъ сторожей домовладѣльцы, какъ говоритъ Ювеналъ, часто пользовались своими рабами; Кассій Діонъ упоминаетъ, что они носили колокольчики, которыми подавали другъ другу сигналы [12]). Также нерѣдки были нападенія разбойниковъ; Тибуллъ говоритъ, что влюбленныхъ, во время ихъ ночныхъ похожденій, ограждала отъ нападеній покровительствующая имъ Венера [13]). Многимъ грозилъ кинжалъ подкупленнаго бандита [14]); послѣдніе отправлялись цѣлыми толпами въ Римъ, когда ихъ убѣжища въ Понтійскихъ болотахъ и въ сосновомъ лѣсу къ югу отъ Волтурна занимали солдаты. Другая опасность грозила бѣдняку, освѣщавшему себѣ самому огаркомъ дорогу домой, или заставлявшему свѣтить себѣ своему единственному рабу [15]), когда ему встрѣчался молодой господинъ знат-

[1]) Диг. XIV, 3, 5, 4.—[2]) Мартіалъ, I, 41.—[3]) Март. VI. 64, 18. Ман., «Astr.», IV, 184.—[4]) Сенека, «Письм.», 56, 2 (о Байяхъ).—[5]) Ювен., 3, 236 слл.—[6]) Сенека, «Benef.» VI, 32, 1. Ювен., 6, 306 слл.—[7]) «Interpr. ad Horat.», C. I, 25, Jahn ad Pers. 5, 166.—[8]) Ювен. 3, 268—314.—[9]) Март. VIII, 75, 9. Marquardt, «Privatl.», 2 изд., I, 343 сл.—[10]) Павелъ, «Диг.», I, 15, 3, 1. Mommsen, «Staatsr.», 3 изд., II, 2, 1058, 1.—[11]) Плиній, «H. n.», XIX, 59. Ср. Preller, «Regionen», стр. 104.—[12]) Діонъ Касс., LIV, 4; Ювен., 14, 305. Hirschfeld, ук. соч., 849, 12.—[13]) Тибуллъ, I, 2, 25.—[14]) Ювен. 13, 145.—[15]) Март., VIII, 75, 6.

наго рода, возвращавшійся домой съ поздняго пира въ сопровожденіи большой свиты, при свѣтѣ несомыхъ впереди многочисленныхъ факеловъ и фонарей. Ночныя безобразія составляли постоянное удовольствіе знатныхъ молодыхъ людей. Они задерживали несчастныхъ, попавшихся имъ на пути, и подбрасывали кверху на растянутыхъ плащахъ (солдатская шутка [1]), или же оскорбляли инымъ образомъ. Съ крышъ падали черепицы, изъ оконъ верхнихъ этажей выливали изъ ведеръ или бросали внизъ негодную посуду, разбивавшуюся съ трескомъ о мостовую [2]).

Болѣе серьезныя опасности угрожали жителямъ домовъ, сдаваемыхъ подъ квартиры, такъ какъ эти дома, по большей части, строились спекулянтами самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Спекуляція была заманчива, но опасна; въ благопріятномъ случаѣ, она доставляла очень большую прибыль, но, при столь часто случавшихся въ Римѣ пожарахъ, очень легко можно было потерять капиталъ [3]). Такимъ образомъ, предприниматели, несомнѣнно, старались такъ строить, чтобы съ доходовъ за квартиры въ небольшое число лѣтъ получить барышъ или, по крайней мѣрѣ, вернуть затраченный капиталъ. Они стремились использовать мѣсто, не только сооружая возможно большее число этажей, но также суживая и по возможности уменьшая до крайней степени размѣры отдѣльныхъ квартиръ, при чемъ, главнымъ образомъ, принимали въ соображеніе то, чтобы по возможности свести до минимума издержки на ремонтъ: такой способъ постройки со своей стороны сильно увеличивалъ опасность въ пожарномъ отношеніи. „Тонкія стѣны нагроможденныхъ одна на другую квартиръ, не могущія въ достаточной мѣрѣ защитить ни отъ жары, ни отъ холода, состояли изъ дерева или заштукатуренной драницы; особенно охотно употребляли такъ называемую сѣтчатку, соотвѣтствовавшую, вслѣдствіе своей красивой внѣшности, цѣлямъ спекулянтовъ, которые, главнымъ образомъ, и гонялись за внѣшностью, но вредившую, конечно, существеннымъ образомъ солидности домовой постройки, такъ какъ построенныя такимъ образомъ стѣны легко пріобрѣтали трещины и щели“ [4]). „Часть нашего страха,—говоритъ Сенека,—вызывается нашими крышами. Даже изъ украшенныхъ живописью залъ большихъ дворцовъ всѣ съ ужасомъ бѣжали, заслышавъ трескъ“ [5]). По большей части, сдававшіеся въ наемъ дома были ветхи; самыми необходимыми поправками или вовсе пренебрегали, или же выполняли ихъ неудовлетворительнымъ образомъ; довольно управляющему домомъ подпереть шатающуюся стѣну и закрасить старую зіяющую щель, чтобы онъ увѣрялъ жильцовъ, что они могутъ спокойно спать въ то время, какъ обвалъ уже угрожаетъ имъ [6]). Поэтому обвалы, вмѣстѣ съ пожарами, уже въ послѣднее время республики составляли отличительное бѣдствіе Рима. Катулъ восхваляетъ въ насмѣшку какъ преимущество бѣдности, что ей не надо бояться ни того, ни другого [7]). Страбонъ называетъ оба эти рода несчастій

[1]) Казауб. къ Свет. Отонъ, 2, и Либан. περὶ ταπητος. О ночныхъ похожденіяхъ Нерона Тацитъ, «Анн.», XIII, 25; Свет., «Неронъ», 26; Діонъ Касс., LXI, 8 сл. Плин., «H. n.», XIII, 126; Vit. L. Veri, 4.—[2]) Ювен., 13, 145. Гай Диг. XLIV, 7, 5, § 5. C.I.L, III, 1, 2083, ст. 6.—[3]) Preller, «Regionen d. St. Rom», стр. 89 слл. Геллій, «Noct. Att.», XV, 1, 2.—[4]) Pöhlmann, стр. 111. Плиній, «H. n.», XXXVI, 171; ср. Витрув. II, 8, 1.—[5]) Сенека, «Письм.», 90, 43.—[6]) Ювен., 3, 193. Ср. Сенека, «de ira» III, 35; «de benef.» VI, 15, 7. Диг., XV, 3, 3, 8.—[7]) Плут., «Крассъ», 2; Катуллъ, 23, 9. Оба упоминаются обыкновенно вмѣстѣ. Сен. «Controv.», II, 9. Сен. Clem., I, 26, 5.

не прекращающимися [1]); во время Траяна страхъ передъ ними могъ боязливыхъ людей [2]) прогнать изъ Рима, но надо думать, что и въ послѣдующія столѣтія дѣло не измѣнилось [3]). Еще Симмахъ сообщаетъ въ одномъ письмѣ какъ городскую новость, что при обвалѣ одного дома на Траяновой улицѣ погибли жильцы [4]).

Пожары, которые въ нынѣшнемъ выстроенномъ почти сплошь изъ камня и кирпича Римѣ почти не извѣстны, въ древнемъ Римѣ не только были чрезвычайно частымъ явленіемъ, но были втройнѣ опасны вслѣдствіе способа постройки, описаннаго выше, высоты домовъ и узости улицъ; въ особенности вслѣдствіе многочисленныхъ деревянныхъ надстроекъ и пристроекъ, которыя, главнымъ образомъ, и давали пищу пожарамъ, неудержимо распространяя огонь съ ужасающей быстротой [5]). Черезъ всю исторію города Рима проходитъ цѣлый рядъ огромныхъ пожаровъ, не считая массы безпрерывныхъ маленькихъ пожаровъ, и холмы постепенно росли благодаря постоянно накопляющемуся мусору развалинъ [6]). Въ 6 году послѣ Р. Хр. многочисленные пожары, связанные съ большими убытками, побудили Августа къ учрежденію уже упомянутой пожарной команды въ 7000 человѣкъ, но она, повидимому, вѣроятно, вслѣдствіе большого несовершенства приспособленій для тушенія огня [7]), приносила сравнительно мало пользы [8]). При Тиберіи произошли два большіе пожара: въ 27 году сгорѣлъ Целій, а въ 37 г.—Авентинъ съ примыкающею къ нему частью большого цирка; оба раза Тиберій, по мѣрѣ возможности, возмѣщалъ убытки; во второй разъ пожертвованная имъ сумма доходила въ 100 милліоновъ сестерцій (10 милліоновъ рублей) [9]). Въ началѣ своего правленія и Калигула многимъ возмѣстилъ убытки отъ пожара [10]). Во время нероновскаго пожара погибли, кромѣ огромнаго числа наемныхъ домовъ, дворцы древнихъ полководцевъ, украшенные отнятой у враговъ добычей, храмы боговъ, построенные по обѣту и освященные царями, и затѣмъ во время галльскихъ и пуническихъ войнъ, и вообще все достопримѣчательное, что только сохранилось отъ древности. „Пріобрѣтенныя столькими побѣдами сокровища, художественныя произведенія греческаго искусства, затѣмъ древнія неискаженныя (литературныя) произведенія великихъ умовъ",—все это погибло невозвратно, какъ ни велика была красота вновь возрождающагося города [11]). За нероновскимъ пожаромъ слѣдовалъ пожаръ при Титѣ, который свирѣпствовалъ на Марсовомъ полѣ три дня и три ночи [12]). „Пожары,—говорилъ Плиній,—наказаніе за роскошь, которая, однако, все-таки накопляетъ драгоцѣнности для того, чтобы какъ можно больше погибло въ огнѣ" [13]). Мартіалъ (въ 90 году) говоритъ, восхваляя постройки Домитіана (въ особенности предпринятыя для возстановленія погибшаго во время упомянутаго

«Benef», IV, 6, 2. Consol. ad. Marc., 22, 3; «Письм.», 103, 1. «Benef.», V, 18, 2; VII, 31, 5; «Письм.», 13. 11; 30, 4. Плиній, «H. n.», XXXVI, 106; только обвалъ Сен. tranqu. an. 11, 7. Ср. Baudrillart, «Hist. du luxe», I, 334, объ обвалахъ въ Персіи.

1) Страб. V, 3, 7, p. 235, c. XIV, 4, 4, p. 670 c. Ср. также Сен., «Contr.» II, 9.— 2) Ювен., 3, 7.— 3) Фирм. Мат. «de math.», IV, 4, 3.— 4) Симм., «Письм.», VI, 37.— 5) Ср. выше, стр. 4 сл.— 6) Фронтинъ, «de aq.», I. 18.— 7) Jordan, «Topogr.», I, 460.— 8) Діонъ, LV, 26 сл.— 9) Тац., «Анн.», IV, 64; Свет., «Тиб.», 48;—Тац., «Анн.», VI. 45; Діонъ, LVIII, 26.— 10) Свет., «Калиг.», гл. 16.— 11) Свет., «Неронъ», гл. 38; Тац., «Анн.», XV, 41.— 12) Діонъ, LXVI, 24; Свет., «Титъ», гл. 8; Hülsen-Jordan, «Topogr.», I, 3, стр. 501.— 13) Плин. «H. n.», XXXV, 3; XXXVI, 110.

пожара), что Римъ, подобно Фениксу, вернулъ себѣ черезъ огонь свою молодость и проситъ бога Вулкана впредь щадить городъ, такъ какъ онъ вѣдь не только городъ Марса, но и городъ Венеры [1]). Пожаръ при Антонинѣ Піи уничтожилъ 340 жилыхъ домовъ [2]). Геллій сообщаетъ, какъ онъ однажды (при этомъ же императорѣ), будучи еще молодымъ человѣкомъ, провожалъ домой, вмѣстѣ съ другими учениками, ритора Юліана. Въ окрестности Циспійской горы (одной изъ вершинъ Эсквилина) они увидѣли пылающій наемный домъ, со многими высокими этажами, и уже все по сосѣдству было охвачено сильнѣйшимъ пожаромъ; при этомъ одинъ изъ присутствующихъ замѣтилъ, что онъ давно бы купилъ себѣ участокъ земли въ городѣ, такъ какъ доходы съ городской земли такъ велики, если бы можно было изыскать средство противъ безпрерывныхъ пожаровъ въ Римѣ [3]). Величайшій пожаръ послѣ нероновскаго произошелъ въ 191 г. при Коммодѣ близъ храма Мира; прежде всего онъ уничтожилъ находящіеся тамъ склады египетскихъ и арабскихъ товаровъ, а потомъ перешелъ на Палатинъ. Всѣ усилія остановить его были напрасны, и онъ прекратился лишь за неимѣніемъ пищи для пламени уже послѣ того, какъ сравнялъ съ землею большую часть города и поглотилъ огромныя богатства [4]). Тогда погибли въ особенности драгоцѣнныя книжныя сокровища. Кромѣ большихъ библіотекъ на Палатинѣ, сгорѣлъ, между прочимъ, складъ на Священной улицѣ, въ которомъ находилась часть книгъ Галена [5]). Капитолійскій городской планъ (начерченный между 203 и 211 годами) заключаетъ въ себѣ уже новыя постройки, которыми Северъ и Каракалла замѣнили или возстановили разрушенное [6]). Упомянутый выше пожаръ, вспыхнувшій въ 237 или 238 году, вслѣдствіе уличной борьбы, также превратилъ въ пепелъ большую часть города [7]). Большой пожаръ у Форума при Каринѣ побудилъ Діоклетіана возстановить площадь и окружающія ее строенія [8]).

Римъ былъ также въ высшей степени подверженъ разрушительнымъ явленіямъ природы, повторявшимся черезъ большіе или меньшіе промежутки времени. Землетрясенія бывали нерѣдко; такъ, они были въ 5, 15, 51, 59, 68 годахъ послѣ Р. Хр. [9]); чаще всего они сопровождались наводненіями, которыя, и помимо этого, бывали довольно часто; Тибръ нигдѣ такъ широко не разливался, какъ въ городѣ, — это явленіе подтвердили и опыты новаго Рима [10]). „Какъ выше, такъ и ниже Рима—говоритъ Мольтке—долина рѣки имѣетъ въ поперечникѣ отъ одного склона до другого въ среднемъ $^1/_4$ нѣмецкой мили. Между Авентиномъ и южною подошвою Яникула, тамъ, гдѣ спускается въ настоящее время городская стѣна, вершины сближаются до 1000 шаговъ. Здѣсь естественно должно происходить скопленіе воды всякій

[1]) Март., V, 7. Jordan, «Topogr.», I, 491, 11. Ср. Hülsen-Jordan, «Topogr.», I, 3, стр. 128, 410, 425.—[2]) Антон. П., гл. 9.—[3]) Геллій, XV, 1, 2.—[4]) Діонъ, LXII, 24. Геродіанъ, I, 14. 2 слл. Евсев., «Хрон.», 191 п. Р. Хр.—[5]) Галенъ, XIII, 362; XV, 24.—[6]) Jordan, «Forma urbis», стр. 8 сл.—[7]) См. выше, стр. 8, 1; о пожарахъ до Августа и послѣ 288 г. Jordan, «Topogr.», I, 428 сл.—[8]) «Chron min.» изд. Mommsen, I, 148.—[9]) Діонъ, LV, 22. LVII, 14; Тац., «Анн.», XII, 43; Евсев., «Хрон.» 59 г. Свет., «Гальба», гл. 18.—Въ 191 г. Геродіанъ, I, 14, 217; Діонъ, LXXVIII, 25; «Chron. min.» изд. Mommsen, I, стр. 300 слл. Ср. перечисленіе землетрясеній въ Италіи съ 461 г. до Р. Хр. по 394 г. по Р. Хр. у Nissen, «Ital. Landeskde» I, 285 слл.—[10]) Плин., «H. n.», III, 54; Лукрец. I. 281 слл.

разъ, когда, послѣ сильнаго ливня въ горахъ, Тибръ, Нера, Велино, Аніо, Паглія и другіе столь многочисленные притоки скатываютъ свои быстрыя волны“ [1]). „Особенно усложняло дѣло устройство устья Тибра, гдѣ при сильномъ сирокко рѣка лишь медленно могла изливать въ море водныя массы“ [2]). Императоры не преминули приложить величайшія старанія для того, чтобы урегулировать берега и русло рѣки. Учрежденная для этого Августомъ должность продолжала существовать и постоянно занималась консуларами [3]). Въ 15 году въ сенатѣ обсуждался вопросъ относительно отвода рѣкъ и озеръ, которыя приводятъ въ Тибръ воду, но это не привело ни къ какимъ результатамъ [4]). Въ найденной у Остіи надписи говорится, что въ 46 году, при постройкѣ гавани, Клавдій освободилъ Римъ отъ опасности наводненія тѣмъ, что провелъ рвы отъ Тибра до самаго моря [5]). Траянъ въ первую половину своего царствованія также провелъ отводный каналъ, быть-можетъ, тотъ самый, который дѣйствуетъ еще и теперь [6]); но, несмотря на это, въ 108 или въ 109 году рѣка на большомъ пространствѣ затопила равнину, а происшедшій вслѣдствіе этого подъемъ воды въ Аніо распространилъ опустошенія еще гораздо дальше [7]). Такимъ образомъ, несмотря на всѣ усилія и мѣры предосторожности, желтыя воды Тибра, задерживавшіяся весною или осенью напоромъ вѣтра и разроставшіяся отъ проливныхъ дождей, всякій разъ снова заливали низкія части Рима, а иногда достигали и болѣе высокихъ мѣстъ, разрушали старые деревянные мосты, и уносили съ собою, внезапно поднявшись, въ большомъ числѣ животныхъ и людей. Въ это время цѣлыя части города находились подъ водою въ продолженіе нѣсколькихъ дней, такъ что изъ воды выступали только тѣ дома, которые были построены на болѣе высокихъ мѣстахъ, причемъ они объѣзжались на лодкахъ, доставлявшихъ отрѣзаннымъ пищу. Послѣ возвращенія рѣки въ свое русло, послѣдствіемъ наводненія являлись обвалы подмытыхъ зданій, заразныя болѣзни и голодъ; послѣдній являлся, потому что наводненія очень часто уничтожали большіе запасы зерна въ амбарахъ, находившихся при рѣчной гавани, какъ объ этомъ опредѣленно свидѣтельствуетъ Плутархъ относительно 69 года [8]). Еще Григорій Турскій сообщаетъ объ одномъ наводненіи въ Римѣ, когда между прочимъ погибли принадлежащіе церкви амбары съ большимъ запасомъ зерна [9]).

Древнему Риму приходилось больше страдать отъ невыгоднаго положенія при рѣкѣ, чѣмъ нынѣшнему, потому что его низменности, повышенныя съ тѣхъ поръ мусоромъ отъ построекъ, лежали ниже, чѣмъ въ настоящее время (на Марсовомъ полѣ на 1—2 метра, на форулѣ на 6—12 метровъ); высота же русла рѣки не увеличивалась въ такой мѣрѣ. Это обстоятельство естественно не мало содѣйствовало и частому повторенію наводненій въ древности [10]). Историки, безъ сомнѣнія, отмѣчали только самыя большія наводненія, и то не всѣ; при Августѣ 5—въ 27, 23, 22, 13 годахъ до Р. Хр. и 5

---

[1]) Moltke, «Wanderungen um Rom», «Deutsch. Rundsch.», V, 1879, Мартъ, стр. 387.—[2]) Этимъ объясняется происхожденіе fossae Claudii и Traiani.—[3]) Mommsen, «Hermes», III, 47. Hirschfeld, 262—264.—[4]) Тацитъ, «Анн.» I, 79.—[5]) Henzen 5098=C. I. L. XIV. 85.—[6]) C. I. L. XIV. 88 и примѣч.—[7]) Плин. «Письм.» VIII, 17.—[8]) Плутархъ, «Отонъ», гл. 4. Ср. М. Антонинъ, гл. 8.—[9]) Григ. Турск., «Hist. Franc.» X, 1.—[10]) Nissen, «Ital. Landesk.» I, 323.

послѣ Р. Хр. [1]). Во время перваго изъ нихъ можно было только въ лодкахъ добраться до новаго театра Корнелія Бальба, который, какъ-разъ въ это время, освящалъ его представленіями; во время послѣдняго въ городѣ ѣздили на лодкахъ въ продолженіе 7 или 8 дней, и число погибшихъ людей и обрушившихся домовъ было значительно [2]). При Тиберіи упоминаются два наводненія, въ 15 и 36 годахъ [3]). Одно изъ величайшихъ наводненій произошло въ мартѣ 69 года, когда волны, тѣснимыя назадъ массою развалинъ, достигли даже высоко-расположенныхъ мѣстъ, бывшихъ обыкновенно въ безопасности даже при высокомъ уровнѣ воды, многихъ уносили съ улицъ, иныхъ настигали въ лавкахъ и спальняхъ. Оттонъ, выступленіе котораго было задержано этимъ наводненіемъ, нашелъ улицу, находившуюся на разстояніи 20 римск. миль отъ Рима (4 географ. мили), загроможденной разрушенными зданіями [4]). Въ періодъ времени отъ Нервы до Марка Аврелія также не проходило ни одного правленія безъ того, чтобы Римъ, по крайней мѣрѣ, хоть разъ не подвергался большому наводненію [5]).

Но не только вслѣдствіе наводненій наступалъ въ Римѣ голодъ. Даже самое ревностное стараніе императоровъ не всегда могло устранить случайности, которыя въ переполненномъ, всецѣло живущемъ урожаемъ заморскихъ жатвъ городѣ вызывали недостатокъ и дороговизну, а вмѣстѣ съ этимъ и опасность бунта. Главная причина, почему частная торговля не могла здѣсь помочь, заключалась въ томъ, что большія повинности натурою [6]), которыми были обложены земледѣльческія страны, мало оставляли для вывоза [7]). Египетъ доставлялъ двойную десятину зерна, поскольку этого требовалось въ Римѣ на 4 мѣсяца; провинція Африка (при Веспасьянѣ) доставляла хлѣбъ въ количествѣ, достаточномъ на остальные восемь мѣсяцевъ [8]). Кромѣ того, частная торговля не могла выдерживать конкуренціи съ фискомъ, который продавалъ иногда даже ниже стоимости зерно, частью полученное въ видѣ подати, частью купленное его агентами въ провинціяхъ; вслѣдствіе этого даже попытки императоровъ поощрить хлѣбную торговлю частныхъ лицъ посредствомъ отличій и привилегій не могли имѣть большого успѣха [9]). Конечно, императоры принимали самыя широкія мѣры для достаточнаго ввоза зерна. Собственный хлѣбный флотъ для Египта былъ сооруженъ уже въ началѣ Имперіи; при Коммодѣ къ нему присоединился другой флотъ для Африки [10]). Клавдій отстроилъ съ огромными издержками римскую гавань Остію, къ которой раньше корабли не могли приставать зимою, и перевелъ туда для охраны магазиновъ одну когорту римскихъ пожарныхъ. Траянъ прибавилъ къ этому вторую надежную гавань, и расцвѣтшее близъ

---

[1]) Горац., «Од.» I. 2, 13? Діонъ, LIII. 20, 33, LIV. 1, 25; LV. 22.—[2]) Кассіодоръ, «Хрон.»—[3]) Діонъ, LVII. 14; Тац., «Анн.» I. 76; Діонъ, LVIII. 26.—[4]) Тац., «Ист.» I. 86. Плутархъ, «Оттонъ», гл. 4. Свет., «Оттонъ», гл. 8.—[5]) Аврел. Викт., «Epit.» 13, 12; Март. X. 85; Плин., «Письм.» VIII. 17 (C. I. L. VI. 964); «Hadr.» гл. 21; «Ant. P.» гл. 9. «M. Anton.» гл. 8.—Діонъ, LXXVIII, 25 (217). Аммiанъ, XXIX. 6, 18 (371); ср. также Jordan, «Topogr.» I, 128, 17. и Nissen, ук. соч. стр. 324.—[6]) Marquardt, «Staatsverw.» 2 изд. II, 233 сл.—[7]) Rodbertus, «Z. Gesch. d. Röm. Tributsteuern», въ «Hilgebrands Jahrbb. f. Nat.-Ök.», VIII, 418 сл., прим. 60. Ср. томъ XIV. 371, прим. 11.—[8]) Marquardt, ук. соч. Ср. Іосифъ, «Іуд. в.» II. 16, 5.—[9]) Hirschfeld, «Die Getreideverwaltung in der Röm. Kaiserzeit», «Philologus», XXIX. 22 сл.—[10]) Тамъ же, стр. 24.

нся мѣстечко Портъ превзошло Остію, благодаря своему болѣе выгодному положенію [1]). Въ самомъ Римѣ, съ теченіемъ времени, собирались все большіе запасы. Уже Тиберій въ 32 году упоминаетъ въ одной бумагѣ къ сенату о томъ, насколько при немъ подвозъ хлѣба сталъ больше, чѣмъ былъ при Августѣ, и изъ какихъ провинцій онъ приходилъ [2]). При Траянѣ въ амбарахъ складывались такіе большіе запасы, что при неурожаѣ въ Египтѣ оказалось возможнымъ послать туда хлѣбъ изъ Рима [3]). Также при Маркѣ Авреліи, во время голода, хлѣбъ отправлялся изъ Рима въ другіе города Италіи [4]). Северъ оставилъ послѣ себя запасъ хлѣба, котораго было достаточно на 7 лѣтъ [5]). Но, несмотря на все это, въ первыя два столѣтія, дороговизна постоянно повторялась, какъ при плохихъ, такъ и при хорошихъ правителяхъ; это зависѣло отчасти отъ случайностей, которымъ подвергался иноземный транспортъ, а отчасти отъ того, что запасы портились въ римскихъ амбарахъ или же гибли отъ огня и воды (въ 62 году Неронъ велѣлъ выбросить въ Тибръ испортившееся отъ времени зерно, чтобы успокоить народъ относительно достаточнаго количества запасовъ; и дѣйствительно, цѣна не поднялась, несмотря на то, что 200 кораблей съ зерномъ были разбиты бурею въ гавани, 100 другихъ погибли на рѣкѣ отъ пожара) [6]); наконецъ, это зависѣло отчасти отъ большихъ хищеній и нечестности чиновниковъ; такъ, по словамъ Діона, префектъ Папирій Діонисій еще увеличилъ большую дороговизну въ 189 году, для того, чтобы направить народную ненависть на императорскаго казначея Клеандра, который, главнымъ образомъ, и вызвалъ ее, благодаря своимъ растратамъ [7]). Однажды во время возникшаго, отчасти вслѣдствіе наводненія, голода, который затянулся благодаря неурожаямъ и продолжался отъ 5-го до 8-го года, цѣна зернового хлѣба поднялась въ пять, шесть разъ сравнительно съ обычной; мѣсячная порція одного взрослаго (5 модіевъ, 43½ литра), стоющая въ среднемъ около 5 денаровъ, продавалась тогда за 27½ денаровъ [8]): повышеніе цѣнъ, неслыханное въ наше время [9]). Изъ Рима были высланы всѣ приведенныя для продажи семьи рабовъ, банды гладіаторовъ, а также всѣ иностранцы, за исключеніемъ врачей и учителей, и даже часть рабовъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ; самъ Августъ и другіе отпустили большую часть своей прислуги. И, несмотря на это, только благодаря исключительнымъ стараніямъ, удалось предотвратить угрожавшій бунтъ [10]). Въ 19 году дороговизна возникла снова. Вслѣдствіе жалобъ народа, Тиберій установилъ максимальную цѣну на хлѣбъ и приплачивалъ хлѣбнымъ торговцамъ за каждый модій 2 сестерція [11]). Въ 32 году, вслѣдствіе высокой цѣны, опять чуть не возникъ бунтъ. Толпа заявляла свои требованія въ продолженіе многихъ дней болѣе бурнымъ образомъ, чѣмъ обыкновенно, вслѣдствіе отсутствія императора (бывшаго на Капри) [12]). Для постройки моста Калигулы отъ Баи до Путеоли (39 г.) потребовалось большое количество судовъ, а это причинило такой большой ущербъ судоходству, что въ 41 году опять возникла дороговизна, которая и

[1]) Тамъ же, стр. 75 сл.—[2]) Тац., «Анн.», VI, 13.—[3]) Плин., «Панег.» 30.—[4]) «М. Антонинъ», гл. 11.—[5]) Hirschfeld, стр. 24.—[6]) Тамъ же, стр. 7, прим. 10. Тац., «Анн.» XV, 18.—[7]) Діонъ, LXXII. 13; «Коммодъ», гл. 14.—[8]) Евсев., «Хрон.» 8 г.—[9]) Pöhlmann, стр. 73, 1.—[10]) Діонъ, LV, 22, 26, 27, 31. Свет, «Авг.», гл. 42.—[11]) Тац., «Анн.», II, 87.—[12]) Тац., «Анн.», VI, 13.

побудила императора Клавдія къ постройкѣ гавани Остіи [1]). Другое вздорожаніе во время его правленія возникло по причинѣ неурожая въ 52 году [2]). Хлѣба оставалось всего только на 15 дней, разразился бунтъ, и Клавдій съ трудомъ избѣжалъ народной ярости. Къ счастью, зима была мягкая, и поощреніе, въ видѣ большихъ премій, которое императоръ оказалъ судоходству и хлѣбной торговлѣ, оказалось въ достаточной мѣрѣ дѣйствительнымъ. Въ 68 году, незадолго до кончины Нерона, во время голода, недовольство народа усилило извѣстіе о прибытіи корабля изъ Александріи, привезшаго нильскій песокъ для императорской палестры [3]). Уже упомянуто о голодѣ, который возникъ вслѣдствіе большого наводненія въ 69 году и увеличился еще больше вслѣдствіе недостатка въ заработкѣ при общей необезпеченности [4]). Во время всѣхъ правленій отъ Адріана до Коммода (при Адріанѣ бѣдствіе распространилось, повидимому, на все государство или большую его часть) Римъ, по крайней мѣрѣ по одному разу, подвергался голоду и дороговизнѣ [5]). По всей вѣроятности, и въ этомъ отношеніи не произошло перемѣнъ въ позднѣйшія времена. Такъ, Амміанъ, говоря о Римѣ, почти никогда не забываетъ выставить на видъ успѣхъ или неудачу префектовъ въ дѣлѣ управленія хлѣбомъ, и, по большей части, ему приходится упоминать о неудачахъ [6]). Тогда массовое изгнаніе иностранцевъ во время вздорожаній было, повидимому, какъ и въ ранній періодъ имперіи (какъ, напр., при Августѣ), излюбленнымъ средствомъ, для облегченія задачи прокормленія [7]).

Также и зародыши опустошительныхъ эпидемическихъ болѣзней искони жили на этой почвѣ. Всѣмъ извѣстно нездоровое положеніе Рима [8]). Сѣть каналовъ внутри туфовыхъ холмовъ, которая въ древности въ значительной степени уменьшала влажность почвы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и зародыши маляріи [9]), принесла, повидимому, гораздо больше пользы Кампаніи, чѣмъ самому городу, такъ какъ естественно, что мостовыя улицъ и фундаменты зданій всякаго рода [10]) не могли въ достаточной мѣрѣ оградить городъ отъ міазмовъ маляріи, распространенныхъ въ почвѣ. „Тамъ, во главѣ вселенной,—говоритъ Амміанъ Марцеллинъ,—также и ярость болѣзней имѣетъ большую силу, и вся врачебная наука слабѣетъ въ попыткахъ ее смягчить“ [11]). Еще древнѣйшіе поселенцы воздвигали алтари богу лихорадки [12]), которая всегда была мѣстною болѣзнью въ Римѣ; по Галену, люди заболѣвали тамъ, по большей части, перемежающейся лихорадкою [13]). Кромѣ того, при такой густотѣ населенія, неизбѣжно должна была являться и распространяться до безконечности масса вредныхъ

---

[1]) Сенека, «Brev. vit.» 18, 5. Авр. Викт., «Caes.» гл. 4. Ср. Reimarus, къ Діону LX, 14. Willrich, «Caligula», «Klio», III, 419.—[2]) Свет., «Клавд.», гл. 18. Тац., «Анн.» XII, 43. Евсев., «Хрон.» 52.—[3]) Свет. «Нер.», гл. 45.—[4]) Тац., «Ист.» I, 86.—[5]) «Адріанъ», гл. 21. «Антон. П.» гл. 8 сл. «М. Антон.» гл. 8. Діонъ, LXXII, 13. Герод. I. 12, 3.—[6]) Pöhlmann, стр. 72.—[7]) Cod. Theod. XIV, 3 (397). Амврос. «de offic. ministr.» III. 7. 49. Либан. изд. R. I. 329, 14.—[8]) Ср. Schwegler, «Röm. Gesch.», I стр. 454, 7; Gerlach-Bachofen, «Röm. Gesch.» I. 1, 43 сл. «Beschr. Roms» I, стр. 82 сл.—[9]) Tommasi-Crudeli, «Die Malaria von Rom und die alte Drainage der röm. Hügel, нѣм. перев. Schuster, 1882. Представленіе, что возбудителями маляріи являются маленькія живыя существа, встрѣчается уже у Варрона, r. r. I. 12.—[10]) Tommasi-Crudeli, «Alcune riflessioni sul clima dell' antica Roma», «Mitt. d. Arch Inst.» Röm. Abt. II (1887) стр. 79.—[11]) Амм. Марц. XIV. 6, 23.—[12]) Preller, «Röm. Myth.» 3 изд. II. 240.—[13]) Галенъ, XVII a, 121. Ср. Cael. Aurel. «de morb. acut.» II. 10.

вліяній. Галенъ говоритъ, что въ Римѣ можно видѣть ежедневно безчисленное количество больныхъ желтухою и водянкою (безъ сомнѣнія, вслѣдствіе лихорадки) [1]). Вообще, врачи находили здѣсь богатѣйшій матеріалъ для изученія. Одну форму искривленія плеча, которой Гиппократъ совсѣмъ не наблюдалъ, въ Римѣ онъ самъ видѣлъ четыре раза; правда, въ Римѣ каждая улица была многолюднѣе многихъ городовъ, въ которыхъ жилъ Гиппократъ [2]). Нездоровая блѣдность была обыкновеннымъ цвѣтомъ лица горожанъ. Марціалъ пишетъ къ нѣкоему Домитію, который отправился въ верхнюю Италію, что по возвращеніи въ Римъ его совсѣмъ не узнаетъ толпа его блѣдныхъ друзей и будетъ съ завистью разсматривать его свѣжія щеки; но, какимъ бы загорѣлымъ онъ ни вернулся, Римъ скоро похититъ у него цвѣтъ лица, который ему дало путешествіе [3]). Надъ городомъ стоялъ тяжелый воздухъ, пропитанный запахами безчисленныхъ дымящихся кухонъ, зловонный чадъ которыхъ смѣшивался съ облаками пыли; при выходѣ за городъ сейчасъ же чувствовалось облегченіе [4]). Хотя дѣйствіе вредныхъ вліяній уменьшалось благодаря широкому распространенію водоснабженія, устроеннаго Фронтиномъ [5]), все-таки вполнѣ устранить ихъ было невозможно [6]).

Какъ въ императорскомъ, такъ и въ республиканскомъ Римѣ, большія эпидеміи, часто слѣдовавшія одна за другою черезъ угрожающе короткіе промежутки времени, уносили безчисленныя жертвы. При Августѣ, господствовали, особенно въ 23 и 22 году до Р. Хр., опустошительныя болѣзни въ Римѣ и по всей Италіи [7]). Во время большой эпидеміи осенью 65 года послѣ Р. Х. не былъ пощаженъ ни полъ, ни состояніе, ни возрастъ; дома были полны труповъ, а улицы—погребальныхъ процессій. Въ книгу богини смерти Либитины (при храмѣ которой находились и имѣли свой складъ гробовщики) было занесено въ теченіе этой одной осени 30000 погребеній [8]); но это можетъ составлять только часть всего числа. Помимо того, что аппарата Либитины далеко не хватало при большихъ эпидеміяхъ, рабы и бѣдняки очевидно не могли быть похоронены такъ, по крайней мѣрѣ, при такой ужасной смертности. Послѣ изверженія Везувія (въ 79 г.) также была опустошительная эпидемія въ Римѣ [9]), „какая едва ли бывала когда-либо раньше". Въ продолженіе многихъ дней въ ежедневные списки умершихъ (ephemeris) вносилось, какъ говорятъ, около 10000 смертныхъ случаевъ [10]) (позднѣе была сдѣлана по нимъ классификація умершихъ по возрастамъ) [11]). 10000 смертныхъ случаевъ ежедневно—не является невѣроятнымъ числомъ, такъ какъ въ Палермо (гдѣ было тогда около 168000 жителей) [12]) отъ 3 до 13 іюля 1837 года ежедневно умирало болѣе 1000, а 10-го умерло 1803 человѣка [13]).

---

[1]) Галенъ, XI, 328.—[2]) Галенъ. XVIIIa, 347.—[3]) Март. X, 12.—[4]) Горац., «Од.» III. 19, 12; ср. «Посл.» I. 17, 6. Сенека, «Письм.» 104, 6.—[5]) Ср. выше, стр. 13, 4.—[6]) По мнѣнію R. Kobert'a, «Über den Zustand der Arzneikunde vor 18 Jahrh.» стр. 28 сл. въ Римѣ, вслѣдствіе употребленія свинца въ посудѣ и въ водопроводныхъ трубахъ, должны были быть часты отравленія свинцомъ.—[7]) Діонъ, LIII, 33; LIV, 1.—[8]) Тац. «Анн.» XVI. 13; Светоній, «Неронъ», гл. 39.—[9]) Светоній, «Титъ», 8. Діонъ, LXVI, 23.—[10]) Евсев., «Хрон.»—[11]) Ульпіанъ, «Диг.» XXXV. 2. 68. Ср. Hildebrand, «Bevölkerungsstatistik im alten Rom», «Jahrbb.» VI, 91; Евсев. «Ист. ц.» VII, 21, 9, предполагаетъ также точныя статистическія данныя.—[12]) Adr. Balbi, «Abrégé de géographie», Парижъ 1834.—[13]) Reuchlin, «Gesch. Italiens» I, 264 слл.

Но самой ужасной изъ всѣхъ эпидемій по продолжительности и широкому распространенію, не только для Рима, но и для древняго міра вообще, была та, которая началась въ Вавилоніи, въ 162 году свирѣпствовала уже въ Іоніи [1]), и возвращающимся съ востока на западъ войскомъ Л. Вера была занесена на западъ; пройдя черезъ очень большую часть римскаго государства, она распространилась вплоть до Рейна и Галліи [2]), опустошила лагерь легіоновъ и до такой степени обезлюдила всю Италю, что села, города и поля, за смертью жителей и земледѣльцевъ, превратились въ пустыни, наполненныя развалинами и поросшія лѣсомъ [3]). Зараза охватила Римъ въ 167 или 168 году [4]) и похитила много тысячъ людей, среди нихъ большое число людей изъ высшихъ сословій. Трупы кучами вывозились изъ города на ломовыхъ телѣгахъ; Маркъ Аврелій велѣлъ хоронить мертвыхъ изъ простонародья на государственный счетъ [5]). Галенъ говоритъ, что эта болѣзнь очень походила на описанную Ѳукидидомъ; какъ при той, такъ и при другой, тѣла больныхъ покрывались черными прыщами, у нихъ былъ сильный кашель и зловонное дыханіе [6]). Предполагаютъ, что и то и другое была оспа [7]). Эпидемія продолжалась нѣсколько лѣтъ [8]), въ продолженіе которыхъ, надо полагать, она то усиливалась, то ослабѣвала; она господствовала еще во время смерти Марка Аврелія (180 г.), который, быть-можетъ, самъ отъ нея умеръ; на смертномъ одрѣ его занимала мысль объ опустошеніяхъ, производимыхъ ею [9]); болѣзнь, свирѣпствовавшая въ Римѣ при Коммодѣ (около 187—189 гг.), была, вѣроятно, ея послѣднимъ сильнымъ проявленіемъ. По словамъ Діона, въ Римѣ умирало тогда часто по 2000 человѣкъ ежедневно [10]). Уже тогда появилась, такъ легко выплывающая при опустошительныхъ болѣзняхъ, молва, что болѣзнь распространяется умышленно, нарочно нанятыми для этого людьми (посредствомъ уколовъ отравленными булавками).

Эти многочисленныя, столь разнообразныя и ужасныя бѣдствія постоянно напоминали и въ „золотомъ, святомъ, вѣчномъ“ Римѣ слова Варрона: „Земля—божественнаго происхожденія, города же выстроены человѣческими руками“ [11]).

---

[1]) Waddington, «Vie du rhéteur Aristide», «Mem. de l'ac.» XXVI, 250.—[2]) Аммiанъ, XXIII, 6, 24.—[3]) Орос. VII. 15.—[4]) Clinton, «Fasti Rom.» 167 г.—[5]) «M. Антонинъ», гл. 13.—[6]) Hecker, «De peste Antoniniana», стр. 25—29.—[7]) Krause, «Über das Alter der Menschenpocken».—[8]) Галенъ, «Meth. med.» V. 12.—[9]) «M. Антонинъ», гл. 28; C. I. L. III. 1, 5567.—[10]) Діонъ, LXXII, 14. Геродiанъ, I. 12; «Адріанъ», гл. 21. Tillemont, «Hist. des emp.» III.—[11]) Варронъ, r. r. III, 1, 4.

II. ДВОРЪ.

1. Его вліяніе на формы жизни и нравы.

Подобно тому, какъ римскіе императоры вышли изъ частныхъ людей, также и императорскій дворъ создавался вначалѣ со всѣми своими порядками, формами и своимъ персоналомъ по образцу большого частнаго дома. Не отличаясь существенно въ первое время отъ богатѣйшихъ домовъ знатныхъ римскихъ фамилій, онъ медленно и постепенно приближался къ характеру царскихъ дворовъ древняго міра. Повторныя и частью искреннія стремленія многихъ императоровъ вернуть его, по мѣрѣ возможности, къ прежнему простому укладу могли только замедлить этотъ процессъ развитія, который, подъ вліяніемъ Востока, дѣйствовавшаго все съ большею неотразимостью, закончился въ III столѣтіи.

Со своей стороны, и дворъ вліялъ во многихъ отношеніяхъ на нравы и формы жизни высшихъ сословій (даже на ихъ домашніе порядки), а затѣмъ это вліяніе распространялось и на болѣе широкіе слои общества. Опредѣленно высказанные взгляды и принципы, склонности и пристрастія къ чему-нибудь со стороны императора, его семьи, его любимцевъ имѣли для Рима такое рѣшающее значеніе, какъ это возможно только при безграничномъ деспотизмѣ; и не только для Рима: съ извѣстной долей справедливости можно было высказать извѣстное изреченіе: весь міръ руководствуется примѣромъ своего владыки [1]). Вмѣстѣ съ личностями императоровъ измѣнялись не только порядки, но также нравы и формы жизни. Только такая философская абстракція, какъ абстракція Марка Аврелія, могла усмотрѣть въ этой послѣдовательности разнородныхъ, часто рѣзко противоположныхъ, явленій вѣчное безразличіе. Все—такъ казалось ему—существовало уже раньше и такимъ же будетъ и впредь: дворъ Адріана и Антонина и снова Филиппа, Александра и Креза—все это одно и то же, только личности другія [2]). Всегда были тѣ же суетныя и преходящія стремленія, какъ при Веспасіанѣ, такъ и при Траянѣ, тѣ же усилія и разочарованія [3]);—и все это прошло и забылось, и точно также пройдетъ и будетъ забыто настоящее [4]). Однако, тотъ, кто умышленно не отворачивался отъ жизненныхъ явленій и дѣйствительности, тотъ постоянно сызнова замѣчалъ, какія быстрыя и огромныя измѣненія, даже перевороты, влекла за собою каждая перемѣна въ высшихъ кругахъ. Это достаточно часто высказывали современники [5]). „Склоняе-

---

[1]) Клавдіанъ, «IV конс. Гонор.», 296—302; Otto, «Sprichwörter», подъ сл. «rex.», 6.— [2]) М. Антонинъ, «Comment.» X. 27.—[3]) Тамъ же, IV. 32.—[4]) Тамъ же, IV, 33 и 48.—[5]) Нѣсколько такихъ мѣстъ у Gronov., «Diatribe in Statium», стр. 242 и Otto, «Staatliche u. private Einrihctungen und Berufsarten im Sprichwort», «Archiv» VII, 3.

мые императоромъ въ любую сторону, мы становимся гибкими,—говорилъ Плиній Младшій передъ Траяномъ въ сенатѣ,—и стараемся подражать его примѣру, такъ какъ ему желаемъ мы нравиться, снискивать его одобреніе, на что люди, не похожіе на него, не могутъ надѣяться; постояннымъ повиновеніемъ мы достигли того, что почти весь міръ живетъ, слѣдуя обычаямъ одного. Жизнь императора—цензура, и пожизненная; къ нему мы приспособляемся, согласно ему измѣняемся; и мы нуждаемся не столько въ приказаніи, сколько въ примѣрѣ" [1]). „Подданные,—говоритъ Геродіанъ,—имѣютъ обыкновеніе подражать въ своей жизни образу мыслей своего правителя [2]").

Такого рода превращенія особенно бросались въ глаза, когда распущенность одного или нѣсколькихъ дворовъ смѣнялась строгимъ придворнымъ режимомъ. Если роскошь въ столѣ, которая въ столѣтіе между битвой при Актіѣ и смертью Нерона достигла своего высшаго предѣла, затѣмъ постепенно уменьшилась, то это, какъ и вообще большая строгость нравовъ, обусловливалось, согласно Тациту, примѣромъ Веспасіана и его стариннымъ, простымъ образомъ жизни. Покорность императору и желаніе ему подражать оказывались болѣе дѣйствительными, чѣмъ страхъ передъ законами и наказаніями [3]). Не менѣе рѣзкой была противоположность между дворами Коммода и Пертинака, и слѣдствіе смѣны императора сказалось не менѣе быстро: „всеобщее подражаніе бережливости Пертинака,—говоритъ біографъ этого императора, | вызвало въ Римѣ большое пониженіе цѣнъ" [4]). Объ Александрѣ Северѣ также говорятъ, что его образъ жизни былъ какъ бы цензурой: ему подражали вельможи Рима, его супругѣ—знатныя женщины [5]).

Такое же всеобщее соревнованіе вызывало направленіе ума и интересовъ императоровъ. То, что Неронъ дважды, до своего вступленія на престолъ и въ первый годъ своего правленія, упражнялся въ произнесеніи рѣчей, вызвало большое усердіе къ изученію риторики, и Римъ наводнили учителя этого искусства, которое никогда такъ не процвѣтало, такъ что многіе черезъ него, выйдя изъ самаго низкаго сословія, достигли сенаторскаго званія и величайшихъ почестей [6]). Можно предполагать съ достовѣрностью, что страсть Нерона къ музыкѣ имѣла подобное же дѣйствіе, хотя это не упоминается опредѣленно: „любящіе музыку правители,—говоритъ Плутархъ,—вызываютъ появленіе большого числа музыкантовъ, такъ же какъ любители литературы или гимнастики увеличиваютъ число образованныхъ или атлетовъ" [7]). Поэтому и при Маркѣ Авреліи, этомъ философѣ на тронѣ, возрастало число друзей мудрости и науки [8]), по большей части притворныхъ, которые подъ этой маскою надѣялись сдѣлать карьеру и пріобрѣсти богатство [9]). Лукіанъ съ любовью, почти надоѣдающей читателю, описалъ жизнь этихъ псевдо-философовъ, которыми кишѣла тогда въ особенности Греція, гдѣ, какъ онъ увѣряетъ, можно было видѣть на всѣхъ улицахъ и площадяхъ цѣлую массу длинныхъ бородъ, книжныхъ свитковъ, большихъ палокъ и изношенныхъ плащей [10]). Грубые, необразованные люди покупали библіотеки въ надеждѣ обратить на себя вниманіе императора и пріобрѣсти большія выгоды. Про-

[1]) Плиній, «Панег.» гл. 45; 46.—[2]) Геродіанъ, I, 2, 4.—[3]) Тац., «Анн.» III, 56. Аврел. Викт., «Epit.» 9, 6.—[4]) «Пертин.» гл. 8.—[5]) «Алекс. Сев.» 41.—[6]) Свет. «de clar. rhetor.» гл. 1.—[7]) Плутархъ, «Coniug. praec.» § 17.—[8]) Геродіанъ, I, 2, 4.—[9]) Діонъ, LXXI, 35.—[10]) Напр., bis accus. 6.

тивъ одного изъ такихъ направлено особое сочиненіе Лукіана [1]). Его описаніе едва ли преувеличено, и сообщеніе Галена, которое лучше, чѣмъ все остальное, характеризуетъ вліяніе примѣра императора, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Маркъ Аврелій принималъ ежедневно дозу теріака, противоядія, которое считалось въ то же время универсальнымъ средствомъ. Во время его правленія это средство въ такомъ количествѣ изготовлялось для богатыхъ людей, что часто не хватало необходимыхъ для него составныхъ частей. „Удивительно,—говоритъ Галенъ,—какъ богатые перенимаютъ все, что дѣлаютъ императоры или же только желаютъ показать, что перенимаютъ". Послѣ смерти Марка Аврелія спросъ на теріакъ тотчасъ же прекратился въ Римѣ [2]). Естественно, что и любимыя кушанья императоровъ быстро входили въ моду; такъ во время правленія Тиберія—какой-то съѣдобный корень, который онъ ежегодно выписывалъ себѣ изъ Германіи, и сохраняемый въ дыму виноградъ изъ Африки, которому онъ отдавалъ предпочтеніе передъ излюбленнымъ ранѣе виноградомъ изъ Велтлина; черная смородина вошла въ употребленіе отъ того, что ее ежедневно ѣла мать Тиберія, Юлія. Неронъ „доставилъ славу луку-порею" тѣмъ, что ѣлъ его съ масломъ въ опредѣленные дни мѣсяца, ради улучшенія своего голоса, вмѣсто всякой другой пищи [3]). Надо полагать также, что коротко-остриженные волосы Марка Аврелія, такъ же, какъ длинные волосы Люція Вера, служили примѣромъ не только для обоихъ дворовъ (о чемъ свидѣтельствуетъ Галенъ), но и для болѣе широкихъ слоевъ общества: подобно тому, какъ коротко-остриженные, во избѣжаніе головной боли, волосы Карла V, а позднѣе падающіе назадъ за уши и съ висковъ локоны Донъ-Жуана Австрійскаго вошли въ моду [4]).

Такимъ образомъ, состояніе высшихъ слоевъ общества,—а мы только о нихъ и освѣдомлены до нѣкоторой степени,—даетъ болѣе или менѣе вѣрное отраженіе тогдашнихъ придворныхъ нравовъ; хотя, конечно, подобныя явленія должны были оставаться тѣмъ болѣе поверхностными, чѣмъ быстрѣе они наступали.

---

2. Чиновники, вольноотпущенники и рабы императорскаго дома.

Дворъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, состоялъ изъ очень обширнаго съ самаго начала и подраздѣленнаго на многочисленныя степени персонала прислуги и чиновниковъ императора и императорскаго семейства. Въ болѣе широкомъ смыслѣ къ нему принадлежали также такъ назыв. друзья императора.

Въ продолженіе большей части перваго столѣтія императоры, по примѣру частныхъ лицъ, пользовались своими рабами и вольноотпущенниками не только для личныхъ услугъ, но также какъ помощниками въ своихъ трудахъ и замѣстителями при управленіи доходами и учрежденіями и веденіи дѣлъ всякаго рода. Если это дѣлалось съ намѣреніемъ сохранить императорскому двору характеръ частнаго дома, то все-таки здѣсь дѣйствовалъ,

[1]) Лукіанъ, «Adv. indoct.», 22.—[2]) Галенъ, «De antid.» I изд. К. XIV, стр. 24 слл.—[3]) Плиній, «H. n.» XIX, 90; 91.—[4]) Motley, «Abfall der Niederlande» (нѣм. перев. 1861 г.) I II. 112.

хотя и противоположный, но все же могущій совмѣщаться съ этой подчеркиваемой буржуазностью, мотивъ. Эти чиновники императорскаго дома, хотя низкіе по происхожденію, подчиненные и мало уважаемые по своему юридическому положенію, очень быстро достигали фактической силы, которая поднимала ихъ надъ людьми самыми знатными по рожденію. Самой природой цезаризма, особенно находящагося въ состояніи роста, обусловливалось нѣкоторое преднамѣренное невниманіе къ различію сословій, система нивелировки не только для того, чтобы сломить сопротивленіе аристократіи [1]), но также, чтобы показать, что императорскій произволъ всемогущъ, что онъ одинъ въ состояніи самое низкое положеніе превратить въ самое высокое, что передъ нимъ всѣ подданные равны. Съ яснымъ намекомъ Тацитъ говоритъ, что у германцевъ вольноотпущенники, въ частномъ домѣ рѣдко, въ государствѣ же никогда не имѣютъ силы, за исключеніемъ народовъ, управляемыхъ царями: ибо тамъ они возвышаются какъ надъ свободными, такъ и надъ благородными; у остальныхъ же ихъ положеніе—доказательство свободы [2]). Первый Цезарь выставлялъ на показъ неуважительное высокомѣріе новой царской власти также по отношенію къ знатному происхожденію и закону. Рабамъ онъ предоставлялъ завѣдываніе чеканкой монеты, передалъ имъ взиманіе общественныхъ сборовъ и назначилъ начальникомъ легіона, оставленнаго въ Александріи, сына вольноотпущенника, Руфина, своего прежняго любовника [3]).

Однако, чѣмъ болѣе вырабатывались, по мѣрѣ прогрессивнаго развитія имперіи, формы и учрежденія абсолютной монархіи, тѣмъ болѣе придворныя должности пріобрѣтали, по крайней мѣрѣ отчасти, объемъ и значеніе государственныхъ должностей, которыя могли занимать лишь свободные и благородные по рожденію люди. Теперь уже не было ни возможности, ни желанія спасать буржуазную внѣшность и не было нужды доказывать императорское всемогущество посредствомъ возвышенія низко стоящихъ слугъ. Такимъ образомъ, императорскіе вольноотпущенники были вытѣснены изъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ придворныхъ должностей, уступивъ свое мѣсто всадникамъ. Роль вольноотпущенниковъ въ веденіи дѣлъ была ограничена второстепенными должностями и личной придворной службой. И послѣ этой перемѣны нерѣдко они бывали очень могущественны, хотя характеръ ихъ могущества былъ иной, чѣмъ прежде. Въ первомъ столѣтіи оно основывалось отчасти на важности занимаемой ими должности; во второмъ и третьемъ—на ихъ предполагаемомъ или дѣйствительномъ личномъ вліяніи при дворѣ. Вольноотпущенники, правившіе отъ имени Клавдія, были правителями счетнаго приказа (т.-е. управленія императорскими финансами), секретаріата и канцеляріи для прошеній и жалобъ; всемогущіе вольноотпущенники при дворѣ Коммода были камердинерами.

Такимъ образомъ, постепенно возрастающее значеніе и важность придворной службы и должностей по дому служитъ вѣрнымъ показателемъ успѣховъ въ развитіи имперіи, которое, исходя изъ внѣшнимъ образомъ сохраняемыхъ республиканскихъ формъ, окончилось тѣмъ, что вылилось въ

---

[1]) См. систему Мазарини: «Auswahl a. d. Memoiren des Herzogs v. Saint Simon» (coll. Spemann, II. 54).—[2]) Тац., «Германія», гл. 25.—[3]) Свет., «Цез.» гл. 76.

неподвижныя формы восточнаго абсолютизма. Должности, которыя въ первомъ столѣтіи съ виду оставались лишь домашнею службою, хотя люди, занимающіе ихъ, уже со временъ Клавдія, принадлежали къ самымъ могущественнымъ государственнымъ чиновникамъ [1]), во второмъ столѣтіи представляли высокую цѣль на служебномъ поприщѣ всадниковъ, достигнуть которой можно было лишь послѣ важныхъ постовъ; эти должности были ступенями къ самому высокому положенію, которое только было доступно для всадническаго сословія.

До Вителлія придворная служба находилась всецѣло въ рукахъ вольноотпущенниковъ, а со времени Калигулы отчасти черезъ нее они пріобрѣли величайшую силу. Вителлій первый въ видѣ исключенія назначалъ на нѣкоторыя изъ этихъ должностей всадниковъ (префектовъ или трибуновъ, перешедшихъ на его сторону войскъ) [2]). Но на практикѣ колебанія въ этомъ дѣлѣ продолжались еще долгое время, такъ какъ рѣшающимъ здѣсь былъ частью личный произволъ императоровъ, которые часто все еще предпочитали видѣть на этихъ должностяхъ преданныхъ и послушныхъ слугъ, нежели людей изъ высшаго сословія, частью среди вольноотпущенниковъ появлялись, вѣроятно, особенно подходящія и испытанныя лица. Изъ перечисленныхъ выше трехъ важнѣйшихъ должностей при Домитіанѣ двѣ были заняты вольноотпущенниками: завѣдываніе прошеніями и жалобами и секретаріатъ [3]). Однако, послѣднимъ управлялъ при немъ, какъ позднѣе при Нервѣ и Траянѣ, также человѣкъ изъ всадническаго сословія; при Траянѣ же снова вольноотпущенникъ.

Только Адріанъ провелъ опредѣленную границу между управленіемъ государствомъ и императорскимъ домомъ, при чемъ онъ послѣдній и формально лишилъ его частнаго характера и на мѣсто вольноотпущенниковъ поставилъ сословіе императорскихъ чиновниковъ, съ магистратскимъ характеромъ, учрежденіе котораго было единственной возможностью отвѣтить на возросшія до чудовищныхъ размѣровъ потребности. Всѣ высшіе посты въ управленіи, вмѣсто вольноотпущенниковъ, заняли всадники, прежде всего, три должности: завѣдываніе финансами, прошеніями и жалобами, и секретаріатъ, которыя, такимъ образомъ, и формально сдѣлались государственными должностями [4]). Съ этихъ поръ мы видимъ, что люди, занимавшіе эти должности, отчасти непосредственно, отчасти черезъ промежуточныя ступени, достигали самыхъ высшихъ положеній въ міровомъ государствѣ, именно—намѣстничества въ Египтѣ и префектуры преторія въ Римѣ. Это относится въ общемъ и къ должности управленія императорскими финансами, хотя здѣсь особенно замѣчалась та аномалія, что эту должность занимали вольноотпущенники еще и въ то время, когда она представляла такую высокую ступень въ должностной лѣстницѣ. Но, независимо отъ того, что такія аномаліи объясняются сущностью абсолютизма, при выборѣ именно этихъ чиновниковъ знаніе дѣла и благонадежность должны были болѣе приниматься въ соображеніе, чѣмъ все остальное, и имѣла большое значеніе возможность примѣненія принудительныхъ мѣръ въ случаѣ могущихъ случиться растратъ. Это послѣднее обстоя-

[1]) Hirschfeld, стр. 471 слл., взглядъ котораго на совершившуюся уже тогда централизацію въ управленіи финансами опровергаетъ Mommsen, «Staatsrecht», 3 изд. II. 2. 1001, 1.—[2]) Тац., «Ист.» I, 58. Bormann, «Inschr. aus Umbrien», «Österr. Jahresh.» XV (1891), стр. 32 слл.—[3]) Свет., «Домит.», гл. 7.—[4]) Hirschfeld, стр. 112, 4 и 320, 2.

тельство и Меценатъ въ своей рѣчи къ Августу у Діона выставляетъ какъ причину, почему для управленія финансами рекомендуется пользоваться вольноотпущенниками [1]).

Когда эти должности совсѣмъ или по большей части перестали быть доступными для вольноотпущенниковъ, у нихъ осталась должность оберкаммерарія (a cubiculo, cubicularius), занимая которую они еще могли достигать могущества: развитіе ея также характерно для позднѣйшей имперіи, какъ развитіе другихъ должностей для ранней. Хотя камердинеры всегда были вліятельны, все-таки ихъ внѣшнее положеніе вначалѣ было очень невысоко. Только все возрастающее вліяніе восточныхъ нравовъ создало „начальнику священнаго спальнаго покоя" (praepositus sacri cubiculi), какъ онъ теперь назывался, высокое положеніе, а то, что это мѣсто въ послѣдніе вѣка занималось обыкновенно евнухами, принадлежитъ къ самымъ характернымъ симптомамъ полной оріентализаціи римскаго императорскаго двора. Евсевіи и Евтропіи не только пользовались въ Византіи и Равеннѣ болѣе неограниченною властью, нежели нѣкогда Палланты и Нарциссы въ Римѣ, но и юридически приравнивались къ самымъ высшимъ государственнымъ чиновникамъ [2]).

Но прежде, чѣмъ можно будетъ приступить къ разсмотрѣнію этихъ должностей, необходимо разсмотрѣть то положеніе, которое занимали императорскіе вольноотпущенники независимо отъ своей службы, а также прослѣдить тѣ измѣненія, которымъ постоянно подвергалась эта служба при правителяхъ обоихъ первыхъ столѣтій.

Въ продолженіе этого времени прислуга императора и большихъ дворцовъ Рима почти цѣликомъ образовывалась и пополнялась изъ восточныхъ странъ,—странъ древней культуры: Греціи, Малой Азіи, Сиріи и Египта. Въ то время, какъ Сѣверъ и Западъ поставляли, по большей части, тѣлохранителей, которымъ императоры ввѣряли свою безопасность [3]), для личныхъ услугъ и для веденія своихъ дѣлъ они предпочтительно выбирали грековъ и азіатовъ, и, такимъ образомъ, эти люди, болѣе всѣхъ народовъ презираемые римскою національною гордостью, постоянно снова достигали величайшаго могущества. На Востокѣ люди были, какъ самодовольно высказался одинъ изъ нихъ (Геродіанъ), умнѣе [4]).

Намъ извѣстно, какимъ незначительнымъ уваженіемъ пользовались греки у римлянъ вообще. Цицеронъ называетъ ихъ лживыми, ненадежными и воспитанными продолжительнымъ рабствомъ для лести [5]). Самое рѣзкое порицаніе вызывало отсутствіе у нихъ любви къ правдѣ, которому еще болѣе способствовала ихъ легко возбудимая, творческая фантазія [6]). Кромѣ того, представители этой націи въ Римѣ часто совершенно не были „достойны древней Греціи". По извѣстному описанію Ювенала, они обладаютъ быстрымъ соображеніемъ, поразительнымъ краснорѣчіемъ; они—мастера на всѣ руки и готовы, смотря по надобности, выступать какъ ученые, художники, учителя гимна-

---

[1]) Діонъ, LII, 25.—[2]) Ср. вообще Boecking, «Not. Dign.» II, 1, 294 сл.; Hirschfeld, стр. 309.—[3]) Тац. «Анн.» XV, 58.—[4]) Геродіанъ, III, 8. 11.—[5]) Цицер., «ad. Qu. fr.» I, 5, 16.—[6]) Ювен. 10, 174; Тац., «Анн.» V, 10.

стики, прорицатели, акробаты, врачи или знахари; они—неподражаемые мастера въ искусствѣ льстить и лицемѣрить, прирожденные актеры, неслыханные наглецы и неразборчивые въ выборѣ своихъ средствъ безбожники [1]). Но, не говоря о томъ, что краски здѣсь сильно сгущены, забыты преимущества, которыя украшали еще эту націю даже въ періодъ ея упадка: ея прирожденное (особенно іонійцамъ, какъ отзывается о нихъ Филостратъ) [2]) изящество, ихъ болѣе высокое и обширное образованіе, грація ихъ манеръ, ихъ изобрѣтательность и ловкость въ дѣлахъ, вслѣдствіе чего они сдѣлались столь же необходимыми уже при дворахъ Персеполя и Сузы, какъ впослѣдствіи въ Римѣ [3]).

Сирійцы считались людьми умными, склонными къ пріятной бесѣдѣ, а также къ шуткѣ и насмѣшкѣ, легкомысленными, перемѣнчивыми, но также лукавыми и хитрыми [4]). Національный характеръ египтянъ представлялся грекамъ и римлянамъ странною смѣсью противорѣчивыхъ, но по большей части непріятныхъ и нехорошихъ свойствъ; вмѣсто выраженія „коварно поступать“ греки говорили „египтизировать“ [5]). Умомъ и остроуміемъ особенно славились александрійцы [6]); ихъ остроуміе отличалось мѣткостью и колкостью, а также неприличіемъ и шутовствомъ [7]), а ихъ наглость и безстыдство въ рѣчахъ [8]) считались безпримѣрными. Вообще же египтянъ упрекали въ тщеславіи, спѣси, дерзости и хвастовствѣ [9]). Они были одарены способностью какъ къ смѣлымъ дѣламъ, такъ и къ перенесенію рабства [10]). Они были сластолюбивы и сладострастны [11]), но мученія переносили съ поразительной твердостью [12]). Они легко возбуждались и приходили въ волненіе [13]), любили задирать и спорить [14]), всегда искали новыхъ впечатлѣній (что они сами высказывали въ своихъ уличныхъ пѣсняхъ), а поэтому постоянно были склонны къ возстанію и переворотамъ; при этомъ они были полны зависти [15]), глубокаго коварства [16]) и темной закоснѣлости [17]), проявлявшейся особенно въ ихъ религіозномъ фанатизмѣ. Тацитъ называетъ Египетъ за суевѣріе и необузданность его жителей несогласной и непостоянной провинціей [18]). У феллаховъ нынѣшняго Египта проявляются многія характерныя черты, которыя поразительно согласуются съ описаніями древнихъ, а именно: хитрость и лукавство, выносливость и упорство, своенравіе, сварливость, зависть, лживость, склонность къ сатирѣ и колкому остроумію [19]). Судьба этихъ императорскихъ

---

[1]) Ювен. 3, 57—114; Тац., «Ист.» III. 47; ср. Finlay, «Griechenland unter d. Römern», 59 слл. Rohde, «Gr. Roman», 2 изд. 320, 1.—[2]) Филостр., «Vitt. Soph.» I, 21, 5.—[3]) Grote, «History of Greece», т. IV. стр. 357.—[4]) Геродіанъ, III, 11, 8; II, 10, 7; II, 7, 9; Діонъ, LXXVII, 6 и 10. Евнап., «Vitt. Soph.», 178.—[5]) Свида, см. Αἰγυπτιάζειν; ср. Varges, «D. stat. Aegypti», стр. 22 слл.—[6]) Цезарь, «bell. Alex.» гл. 3. — [7]) Intpp. Martial. IV. 42; Статій, «Silv.» II. 1, 72; Квинтил. I. 2, 7. Діонъ Хрис., «Or.», XXXII, p. 360, 4 и 393, 30. Филонъ, «leg. C.» 569 слл.—[8]) Цицер. «pro Rabir. Post. 12, 34. Сенека, «Consol. ad H.» гл. 19, 6.—[9]) Плин., «Панег.», гл. 31. «Vit. Saturnin.» гл. 7.—[10]) Геродіанъ, I. 17.—[11]) Ювен. 15, 45 (Страбонъ, XVII. 1, 17 стр. 801, Casaub.).—[12]) Аммiанъ, XXII. 16, 23.—[13]) Куртій, IV, 5. Плут. «de Is. et Os.» Діонъ, LI. 17. Аммiанъ, ук. мѣсто и XXII, 11. 4. «Vit. Saturn.» гл. 7.—[14]) Аммiанъ, XXII, 16, 23; XXII, 6, 1 и Діонъ Хрис. ук. м. стр. 366, 4. Филонъ, «in Flacc.» M. p. 519 сл.—[15]) Филонъ, «in Flacc.» p. 521 M.—[16]) Цезарь, «Bell. Alex.» гл. 24, 4.—[17]) Аммiанъ, ук. м.—[18]) Ювен. «Сат.» 15. Плут. ук. соч. Тац. «Ист.» I, 11.—[19]) A. v. Kremer, «Aegypten», I, 56 сл.

слугъ, дѣлавшихся нерѣдко повелителями своихъ господъ, принадлежитъ къ самымъ страннымъ явленіямъ того времени, столь богатаго вообще странностями. Они часто приводились для продажи въ Римъ и стояли побѣленными ногами на подмосткахъ, гдѣ покупатели осматривали и ощупывали выставленныхъ на продажу рабовъ. Изъ однѣхъ рукъ они переходили въ другія и претерпѣвали всѣ униженія рабства до тѣхъ поръ, пока они, будучи проданы, подарены или переданы по наслѣдству, не попадали въ императорскій домъ, или переходили въ него въ качествѣ вольноотпущенниковъ. Талантъ, пригодность или благопріятный случай обращали на нихъ взоръ господина и поднимали ихъ изъ безчисленной толпы слугъ, однихъ быстро и внезапно, другихъ медленно и постепенно. Многіе изъ нихъ имѣли вліяніе на судьбу міра, и ихъ біографія занесена на страницы исторіи. О другихъ, которые, постепенно восходя отъ малыхъ до болѣе высокихъ должностей, достигли не такого блестящаго, но болѣе вѣрнаго и все-таки виднаго и почетнаго положенія, гласятъ намъ памятники. Интересно также прослѣдить и ихъ карьеру. Примѣры того, какъ люди, выходя изъ глубины низшаго сословія достигали блеска и могущества, встрѣчаются, кромѣ Рима того времени, еще, быть-можетъ, лишь въ Россіи 18 вѣка. Кутайсовъ, одинъ изъ любимцевъ императора Павла, былъ не имѣющимъ родителей турецкимъ мальчикомъ, который при штурмѣ Бендеръ попался въ руки солдатамъ, а изъ лагеря былъ привезенъ ко двору и причисленъ къ низшей прислугѣ; камердинеръ и цырюльникъ великаго князя, наконецъ—оберъ-шталмейстеръ, графъ, кавалеръ всѣхъ русскихъ орденовъ и чрезмѣрно богатый магнатъ, онъ сумѣлъ до самой своей кончины сохранить себѣ благоволеніе императора [1]), несмотря на то, что послѣдній, цырюльникомъ котораго онъ оставался, при случаѣ наказывалъ его палкою.

Положеніе вольноотпущенниковъ, поскольку оно основывалось только на ихъ отношеніи къ императору, ихъ значеніе и власть, которую они имѣли въ качествѣ слугъ его дома, а также внѣ сферы своей службы, были, конечно, очень различны, смотря по личнымъ склонностямъ императоровъ и тѣмъ принципамъ, которыми они руководились при правленіи. Но если даже ихъ вліяніе внѣ сферы ихъ службы и было сравнительно ограничено при хорошихъ правителяхъ, то все-таки оно было, какъ покажетъ дальнѣйшій обзоръ, даже при лучшихъ изъ нихъ отнюдь не малымъ; при этомъ не слѣдуетъ забывать, что до нашего свѣдѣнія дошли лишь отдѣльные факты, и почти лишь такіе, которые возбудили всеобщее вниманіе.

Августъ, который намѣренно разыгрывалъ роль частнаго человѣка, при случаѣ былъ безъ снисхожденія строгъ къ своимъ рабамъ и вольноотпущенникамъ въ Римѣ, если они позволяли себѣ какія-нибудь превышенія власти, полагаясь на свои отношенія къ его дому [2]). Въ провинціяхъ имъ позволялось больше. По крайней мѣрѣ, Галлъ Лицинъ, бывшій рабъ Цезаря, нѣкоторое время неограниченно управлялъ, какъ императорскій комиссаръ [3]), у себя на родинѣ и вымогалъ огромныя суммы. Онъ прославился раздѣленіемъ года на 14 мѣсяцевъ, именно ради податей, которыя взимались ежемѣсячно;

[1]) Bernhardi, «Gesch. Russlands», II, 2, 375; P. v. Götze, «Fürst N. A. Galitzin u. seine Zeit» (1882), 113.—[2]) Светон., «Авг.», гл. 69.—[3]) Hirschfeld, стр. 377, 7 и 468, 1.

такъ какъ ноябрь и декабрь, какъ показываютъ эти названія, были только девятымъ и десятымъ мѣсяцами, можно было прибавить сюда еще два мѣсяца, которые онъ назвалъ августовыми. Несмотря на жалобы галловъ, несмотря на неудовольствіе Августа, ему удалось спастись, пожертвовавъ большую сумму; и ему осталось еще такъ много, что его богатство вошло въ пословицу и упоминалось наравнѣ съ богатствомъ Красса и Паллanта. Его величественный мраморный надгробный памятникъ на Via Salaria, который, казалось, былъ построенъ для вѣчности, былъ предметомъ горестныхъ размышленій для позднѣйшихъ поколѣній [1]). Заслуживаетъ упоминанія, что вольноотпущенникъ и педагогъ Августа, Сферъ, былъ погребенъ на государственный счетъ [2]), и что іудейскій царь Иродъ, который завѣщалъ Августу 1000 талантовъ, назначилъ по 500 талантовъ на ряду съ женой Августа, его дѣтьми и друзьями, также его вольноотпущенникамъ [3]).

Тиберій былъ слишкомъ аристократической натурой для того, чтобы сознательно и открыто дозволить рабамъ имѣть вліяніе на свою волю. „Его рабы были скромны, его прислуга ограничивалась немногими вольноотпущенниками",—говоритъ Тацитъ о первомъ времени его правленія [4]). Впослѣдствіи, особенно со времени смерти Друза, измѣнилось и это, какъ и все остальное. Важнѣйшая императорская провинція, Египетъ, послѣ смерти Сеяна, временно была передана вольноотпущеннику Северу, правда, на короткій срокъ [5]). Іудейскій царь Иродъ Агриппа почти разорился на подарки вольноотпущенникамъ Тиберія, дѣятельную поддержку которыхъ онъ покупалъ такимъ образомъ [6]); и одинъ изъ нихъ, самаритянинъ Ѳаллъ, былъ въ состояніи ссудить его милліономъ денаровъ [7]); но знатнѣйшимъ изъ нихъ былъ другой—Эводъ [8]). Третьяго вольноотпущенника Тиберія, Помія, Плиній называетъ обладателемъ одного изъ величайшихъ извѣстныхъ, чрезвычайно драгоцѣнныхъ столовъ изъ цитроваго дерева, и притомъ цѣльнаго, тогда какъ у самого Тиберія столъ былъ только фанерованный [9]).

Но та чудовищная аномалія, что полуправные и презираемые люди были поставлены, на глазахъ у всѣхъ, во главѣ міроваго государства и рѣшали по своему произволу величайшія дѣла, началась только при Калигулѣ. Каллистъ, рабъ одного частнаго человѣка, который его продалъ [10]), сталъ императорскимъ рабомъ и достигъ, въ качествѣ любимца Калигулы, почти равнаго императорскому всемогущества и колоссальнаго состоянія [11]). Сенека часто видѣлъ, какъ его прежній господинъ напрасно добивался пропуска у его двери. Вслѣдствіе его ходатайства, Калигула отказался въ 39 г. отъ преслѣдованія своего нелюбимаго оратора Домитія Афра (консулъ 39 г.) [12]). Будучи участникомъ въ заговорѣ противъ Калигулы, Каллистъ сохранилъ свое положеніе и при его преемникѣ [13]).

Правленіе Клавдія было временемъ сатурналій для вольноотпущенниковъ [14]).

---

[1]) Teuffel, «Realencycl.» v. Pauly, Walz u. Teuffel, IV стр. 1081 сл.; Mayor, къ Ювен. 1, 109.—[2]) Діонъ, XLVIII. 33, 1.—[3]) Іосифъ, «Древн.» XVII 6, 1. «Іуд. в.» I. 32, 7.—[4]) Тац. «Анн.» IV. 7.—[5]) Діонъ, LVIII, 19. Ср. Marquardt, «Staatsverw». 2 изд. I. 442, 1.—[6]) Іосифъ, «Древн.» XVIII. 6, 1.—[7]) Тамъ же, 6, 4 сл.—[8]) Тамъ же, 6, 8.—[9]) Плин. «Н. и.» XIII. 94.—[10]) Сен. «Письма», 47, 9.—[11]) Іосифъ, «Древн.» XIX 1, 10.—[12]) Діонъ, LIX, 19. Ср. Зонар. 11. 6, къ Діону LIX, 25.—[13]) Тац. «Анн.» XI, 29, Діонъ, LIX, 29.—[14]) Діонъ LX, 19.

Въ пасквилѣ Сенеки на обожествленіе Клавдія говорится объ его пришествіи на небо: можно было подумать, что всѣ присутствующіе были его вольноотпущенниками, такъ какъ никто не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія! [1]). Каллистъ, Паллантъ и Нарциссъ, „смѣлые и хитрые люди", поставившіе императорскій домъ на мѣсто правительства [2]), подѣлили между собою власть. Они и другіе вольноотпущенники, въ союзѣ съ Мессалиною, по произволу торговали не только гражданскими правами, должностями и мѣстами намѣстниковъ, но также за деньги освобождали отъ смертныхъ приговоровъ и избавляли отъ наказаній [3]). Помимо названныхъ, Светоній упоминаетъ Ботера, какъ любовника первой жены Клавдія Ургуланилы и отца ея дочери Клавдіи, затѣмъ евнуха Посида, прокуратора Іудеи Феликса, ученаго совѣтника Полибія и Гарпократа. Оба послѣдніе вмѣстѣ съ Мирономъ, Амфеемъ и Феронактомъ въ пасквилѣ Сенеки принимаютъ въ подземномъ мірѣ своего бывшаго господина: онъ отправилъ ихъ впередъ для того, чтобы нигдѣ не быть безъ прислуги [4]). Плиній упоминаетъ очень богатаго евнуха Ѳессалика, который, будучи вольноотпущенникомъ Марцелла Эзернина, для того, чтобы пріобрѣсти себѣ болѣе могущества, зачислился въ челядь Клавдія [5]); онъ первый пересадилъ изъ Крита вѣчно-зеленые платаны въ Италію и на свои виллы около Рима [6]).

Едва ли не меньшей властью пользовались вольноотпущенники Нерона [7]). Поликлетъ, одинъ изъ самыхъ безстыдныхъ грабителей при этомъ дворѣ [8]), въ 61-мъ году былъ посланъ въ Британію, какъ третейскій судья между легатомъ и прокураторомъ этой провинціи, а также за тѣмъ, чтобы усмирить все бунтовавшія племена. Путешествуя съ огромною свитою, которая обременяла Италію и Галлію, явился онъ въ Британію, страшный для арміи; но варвары приняли его съ насмѣшкой, потому что они еще не знали, какова власть вольноотпущенниковъ, и не понимали того, что армія и побѣдоносный полководецъ могутъ склоняться передъ рабомъ [9]). Другой, Гелій, отпущенный на волю еще Клавдіемъ, былъ въ началѣ правленія Нерона правителемъ частнаго имущества императора въ провинціи Азіи, а въ 54-мъ году былъ орудіемъ Агриппины въ убійствѣ тамошняго проконсула Юнія Силана [10]). Неронъ предоставилъ ему въ свое отсутствіе, во время своего путешествія въ Грецію, въ 66—67-мъ году, такую безграничную власть въ Римѣ, что онъ могъ совершать конфискаціи, произносить смертные приговоры и приговаривать къ ссылкѣ даже всадниковъ и сенаторовъ, не увѣдомляя объ этомъ предварительно Нерона; такъ что, по словамъ Діона, Римъ былъ подвластенъ двумъ императорамъ, изъ которыхъ трудно было назвать худшаго [11]). Въ командиры отряда солдатъ, посланнаго подъ начальствомъ центуріона для убійства Рубеллія Плавта, Неронъ далъ евнуха Пелагона (въ 62-мъ году) „какъ императорскаго слугу въ начальники толпы тѣлохранителей" [12]). О двухъ начальникахъ вѣдомства просьбъ и жалобъ — Дорифорѣ (товарищѣ

---

[1]) Сен., «Lud.», 6.—[2]) Hirschfeld, стр. 472.—[3]) Светон., «Клавд.», 29; Діонъ, LX, 17.—[4]) Светон., «Клавд.» гл. 27 сл. Сенека, «Lud.» 13, 5; C. I. L. VI. 9016.—[5]) Ср. Hirschfeld, стр. 458, 1. Либан. изд. R. I. 565, 17.—[6]) Плин., «H. n.», XII. 12.—[7]) Свет., «Нер.», гл. 37.—[8]) Тац., «Ист.» I, 37; II. 95. Діонъ, LXIII, 12. Плин., «Письм.», VI. 31.—[9]) Тац., «Анн.», XIV. 39.—[10]) Тац., «Анн.» XIII, 1.—[11]) Діонъ, LXIII, 12; ср. 18 сл. Свет., «Нер.», гл. 23; Тац., «Ист.», I, 37.—[12]) Тац., «Анн.», XI, 59.

Нерона въ его кутежахъ, котораго впослѣдствіи онъ велѣлъ отравить) и Эпафродитѣ (господинъ философа Эпиктета, который помогъ Нерону лишить себя жизни) рѣчь будетъ ниже.

Гальба велѣлъ казнить тѣхъ изъ вольноотпущенниковъ Нерона, наказанія которыхъ громче всего требовала всеобщая ненависть, а именно: Поликлета, Гелія и Патробія (послѣдній въ 66-мъ году руководилъ великолѣпнѣйшими зрѣлищами на праздникѣ по случаю пріѣзда парѳійскаго царя Тиридата въ Путеоли) [1]. Но одного изъ самыхъ знаменитыхъ, Галота (быть-можетъ, евнуха, который, въ качествѣ отвѣдывателя блюдъ, участвовалъ въ отравленіи Клавдія), Гальба не только не наказалъ, но пожаловалъ ему даже очень значительную прокуратуру [2]. По отношенію къ своимъ собственнымъ вольноотпущенникамъ онъ оказывалъ позорнѣйшую снисходительность и, попрежнему, при дворѣ можно было получить какъ милость, или купить за деньги свободу отъ налоговъ, осужденіе невинныхъ или безнаказанность виновныхъ. Самымъ могущественнымъ былъ любимецъ Гальбы Ицелъ [3], человѣкъ съ самымъ грязнымъ прошлымъ [4], но который проявилъ преданность своему господину [5]. Черезъ пожалованіе золотого кольца онъ былъ причисленъ къ всадническому сословію; его даже называли какъ кандидата въ префекты преторія [6]. Онъ также злоупотреблялъ своимъ всемогуществомъ для самаго безстыднаго грабежа [7]. Отонъ велѣлъ его казнить [8], но зато онъ водворилъ вольноотпущенниковъ и прокураторовъ Нерона на ихъ прежнія мѣста, чѣмъ вызвалъ всеобщее опасеніе [9]. Во время междоусобной войны онъ предоставилъ командованіе флотомъ своему вольноотпущеннику Мосху, и въ то же время поручилъ ему наблюдать за поведеніемъ высшихъ сословій [10].

Такого же могущества, какъ и Ицелъ, достигъ при дворѣ Вителлія его вольноотпущенникъ Азіатикъ, вышедшій, какъ и тотъ, изъ глубины ничтожества. Такъ какъ ему надоѣло дурное обращеніе его господина, онъ убѣжалъ отъ него и слонялся въ Путеоли въ качествѣ продавца напитка, употребляемаго низшими классами; пойманный, онъ сдѣлался вторично любимцемъ своего господина, но опять такъ раздражилъ его, что тотъ въ гнѣвѣ продалъ его бродящему по рынкамъ начальнику банды гладіаторовъ; затѣмъ онъ взялъ его снова къ себѣ и, наконецъ, освободилъ. Въ первый же день правленія новаго императора Азіатикъ былъ возведенъ въ сословіе всадниковъ; въ четыре мѣсяца онъ сравнялся съ самыми знаменитыми вольноотпущенниками прежнихъ дворовъ. Онъ умеръ вмѣстѣ съ своимъ господиномъ, вѣроятно, на крестѣ [11]. Мало извѣстно о вольноотпущенникахъ двухъ первыхъ Флавіевъ. У Филострата Аполлоній Тіанскій совѣтуетъ Веспасьяну сломить надменность вольноотпущенниковъ: чѣмъ больше ихъ господинъ, тѣмъ смиреннѣе они должны быть [12]. На основаніи словъ Светонія думали, что Вес-

---

[1]) Плут., «Гальба», гл. 17; Діонъ, LXIV, 2.—[2]) Свет., «Гальба», гл. 16; Ср. «Клавд.», гл. 44; Тац., «Анн.», XII, 66.—[3]) Свет., «Гальба», гл. 15. Тац., «Ист.» I, 7.—[4]) Свет., «Гальба», гл. 22.—[5]) Плут., «Гальба», гл. 7; Свет., «Нер.», гл. 49.—[6]) Тац., «Ист.» I, 13. Свет., «Гальба», гл. 14.—[7]) Тац., «Ист.» I, 37; II, 95.—[8]) Тамъ же, I, 46.—[9]) Свет., «Отонъ», гл. 7; Діонъ, LXIV, 8.—[10]) Тац., «Ист.» I, 87.—[11]) Тац., «Ист.» IV, 11. Свет., «Вит.» гл. 12; Тац., «Ист.» II. 57; 95.—[12]) Филостр., «Аполл. Тіанск.», V, 36, стр. 101, 28 ed. Kayser.

пасьянъ назначалъ прокураторовъ съ самыми хищническими наклонностями на высшія должности съ тою цѣлью, чтобы имѣть возможность казнить ихъ и отбирать ихъ имущество, когда они на этихъ мѣстахъ разбогатѣютъ еще больше [1]). Одинъ изъ его вольноотпущенниковъ, снискавшій себѣ дурную славу, Гормъ, который проявилъ свою дѣятельность во время междоусобной войны (ему приписывали вину разрушенія Кремоны), получилъ въ 71-мъ году всадническое достоинство [2]). При Домитіанѣ вольноотпущенники стали опять достигать высокихъ должностей и большого могущества [3]); каммераріи Пароеній и Сигеръ были при этомъ дворѣ особами съ большимъ значеніемъ [4]).

Существенное измѣненіе въ положеніи императорскихъ вольноотпущенниковъ наступило при Нервѣ и Траянѣ. Однако, тонъ, въ которомъ Плиній Младшій высказываетъ похвалу новымъ принципамъ правленія, показываетъ, что вольноотпущенники все еще были довольно могущественны. „Большинство правителей,—говоритъ онъ,—были одновременно господами гражданъ и рабами вольноотпущенниковъ; они руководились ихъ совѣтами и указаніями, слышали черезъ нихъ, говорили черезъ нихъ; черезъ нихъ, или, вѣрнѣе, у нихъ искали назначенія въ преторы, жрецы и консулы. Ты оказываешь, конечно, величайшую честь твоимъ вольноотпущенникамъ, но все-таки лишь какъ вольноотпущенникамъ, и считаешь, что для нихъ вполнѣ достаточно, если ихъ считаютъ за честныхъ и порядочныхъ людей, такъ какъ ты знаешь, что великіе вольноотпущенники — главный признакъ невеликаго правителя. И прежде всего ты не имѣешь около себя ни одного, который не былъ бы дорогъ тебѣ или твоему отцу и всѣмъ хорошимъ людямъ, а затѣмъ ты ежедневно требуешь, чтобы они примѣнялись къ своему, а не къ твоему положенію; и они тѣмъ достойнѣе, чтобы мы имъ оказывали всяческую честь, что къ этому насъ ничто не принуждаетъ“ [5]). Плиній разсказываетъ также, что при обвиненіи Эвриθма, вольноотпущенника и прокуратора Траяна, въ поддѣлкѣ завѣщанія, замѣшанные въ этомъ дѣлѣ боялись выступать противъ обвиненнаго, и это побудило Траяна сказать красивую фразу: „онъ не Поликлетъ, а я не Неронъ“ [6]). Говорятъ, будто Адріанъ не пренебрегъ, чтобы обезпечить свое усыновленіе, расположить къ себѣ вольноотпущенниковъ Траяна подкупомъ и знаками вниманія [7]). Онъ самъ, правда, не хотѣлъ, чтобы его вольноотпущенники были всѣмъ извѣстны, или, чтобы они имѣли на него какое-нибудь вліяніе; онъ обыкновенно говорилъ, что всѣмъ прежнимъ императорамъ слѣдуетъ ставить въ вину пороки ихъ вольноотпущенниковъ, и былъ строгъ по отношенію ко всѣмъ, кто хвалился своимъ вліяніемъ у него [8]). Антонинъ Пій былъ также очень строгъ къ своимъ вольноотпущенникамъ и самымъ энергичнымъ образомъ уничтожалъ вліяніе придворныхъ тѣмъ, что обо всемъ освѣдомлялся самъ и, такимъ образомъ, мѣшалъ имъ продавать свои сообщенія [9]). Но Маркъ Аврелій былъ слишкомъ мягокъ, чтобы сломить, по крайней мѣрѣ, вліяніе вольноотпущенниковъ Гемина [10]) и Агаклита [11]), которымъ покровительствовалъ его соправитель; онъ стерпѣлъ даже то, что

---

[1]) Свет., «Веспас.», гл. 16.—[2]) Тац., «Ист.», III, 12; 28; IV, 39.—[3]) Свет., «Домит.», гл. 7.—[4]) Діонъ, LXVII, 15.—[5]) Плин., «Панег.», гл. 88.—[6]) Плин., «Письм.», VI, 31.—[7]) «Hadr.», гл. 4.—[8]) Тамъ же, гл. 21, ср. 15.—[9]) «Anton P.», гл. 11 и 6.—[10]) Вѣроятно, упоминаемый въ «vit. Anton.», гл. 2 учитель М. Аврелія.—[11]) Ср. Lanciani, «Acque e acquedotti», стр. 303.

Веръ женилъ Агаклита на вдовѣ его двоюроднаго брата Аннія Либона [1]) (консулъ 128 г., ум. намѣстникомъ Сиріи въ 176 г.) и, какъ ни непріятенъ былъ ему этотъ бракъ, онъ присутствовалъ на свадьбѣ. Правда, по смерти Вера, онъ удалилъ вольноотпущенниковъ подъ почетными предлогами, за исключеніемъ одного, который впослѣдствіи сталъ убійцею его сына, Эклекта [2]). При Коммодѣ вольноотпущенники распоряжались съ такимъ же безграничнымъ произволомъ, какъ развѣ только при Клавдіи, и одинъ изъ нихъ, Клеандръ, занялъ, дѣйствительно, первое послѣ императора мѣсто префекта римскаго преторія. Пертинакъ своими энергичными мѣрами противъ распущенности придворныхъ слугъ навлекъ на себя ихъ смертельную ненависть, которая играла не малую роль въ ускореніи его гибели [3]). Северъ также былъ строгъ къ вольноотпущенникамъ; зато тѣмъ болѣе вліянія пріобрѣли они при Каракаллѣ, судьбу котораго они и раздѣлили. Новыя сатурналіи начались для нихъ при Элагабалѣ [4]).

Хотя и случалось, особенно послѣ насильственныхъ переворотовъ, что вся прислуга императорскаго дома смѣнялась [5]), все-таки обыкновенно она переходила въ неизмѣненномъ составѣ отъ одного двора къ другому [6]), и большинству слугъ не трудно было пріобрѣсти опытъ, дававшій возможность „управлять своимъ судномъ въ любой водѣ“ [7]). О Грантѣ, имѣвшемъ самое безнравственное вліяніе на Нерона, Тацитъ говоритъ, что онъ, благодаря возрасту и опыту, основательно познакомился съ императорскимъ домомъ со времени Тиберія [8]). Отецъ Клавдія Этруска [9]), умершій при Домитіанѣ почти девяностолѣтнимъ [10]) старцемъ, попалъ ко двору при Тиберіи чуть не мальчикомъ, служилъ десяти императорамъ и, повидимому, за все это время пережилъ только короткую немилость [11]). Изъ его повелителей шесть умерли насильственной смертью, въ продолженіе стольких кровавыхъ правленій были истреблены съ корнемъ многіе старые роды, сильныя потрясенія измѣнили весь міръ, а старый вольноотпущенникъ (возведенный, впрочемъ, Веспасіаномъ во всадники) [12]) шелъ навстрѣчу мирной кончинѣ, ненарушимо наслаждаясь своимъ положеніемъ и своими огромными богатствами. И такъ сотни выростали въ императорскихъ дворцахъ и возвысились, которые умѣли приспособляться къ одному господину за другимъ и переживали одного за другимъ—кто могъ бы разсказать, что они знали!

Но, конечно, чѣмъ выше они поднимались, тѣмъ ненадежнѣе становилось ихъ положеніе. Какъ показываетъ отчасти только-что сдѣланный нами обзоръ, многихъ приводило къ гибели, если ихъ богатства возбуждали зависть императора (такъ Неронъ велѣлъ отравить многихъ старыхъ и богатыхъ вольноотпущенниковъ [13]), если они становились, по его мнѣнію, и по мнѣнію его другихъ любимцевъ, слишкомъ могущественными, если они во время двор-

---

[1]) Tillemont (Венеція 1732) II, стр. 354.—[2]) «L. Ver.», гл. 9, ср. «M. Anton.», гл. 15.—[3]) «Pertin.», гл. 14 и 12. Діонъ, LXXIII, 8—10.—[4]) Діонъ, LXXVI, 6; LXXVII, 18 и 21, LXXVIII, 10; «Elag.», гл. 11.—[5]) Hirschfeld, стр. 447, 2.—[6]) Ср. Hirschfeld, стр. 458, 1. C. I. L. VI, 8432.—[7]) Статій, «Сильв.», III, 3, 84.—[8]) Тац., «Анн.», XIII, 47.—[9]) Имя его неизвѣстно: Hirschfeld, «Wien. St.» 1881, стр. 273 сл.—[10]) Friedländer, къ Март. VII, 40, 6 и IV, 45, 4.—[11]) Стат., «Сильв.», III, 3.—[12]) Тамъ же, 143—145.—[13]) Свет., «Нер.», гл. 35; Тац., «Анн.», XIV, 65; Іосифъ, «Древн.», XIX. 1, 10.

цовой революціи принадлежали къ главарямъ низложенной партіи, если последствія ихъ участія въ такихъ роковыхъ дѣяніяхъ и рѣшеніяхъ обращались противъ нихъ самихъ, такъ какъ они достаточно часто имѣли рѣшающее вліяніе въ заговорахъ противъ императоровъ, въ выборѣ ихъ супругъ или наслѣдниковъ.

Богатства, притекавшія къ нимъ вслѣдствіе ихъ привилегированнаго положенія, были главнымъ источникомъ ихъ могущества. Въ то время, когда богатства вольноотпущенниковъ вошли въ пословицу, весьма немногіе могли сравняться съ этими императорскими слугами. Нарциссъ обладалъ 400 милліонами сестерціевъ (43 милл. рублей)—самое большое состояніе въ древности, о которомъ вообще извѣстно (Ювеналъ считаетъ его богатство равнымъ состояніямъ Креза и персидскаго царя вмѣстѣ) [1]); Паллантъ—300 милл. (32 милл. рублей) [2]), Каллистъ, Эпафродитъ, Дорифоръ и другіе владѣли едва ли менѣе колоссальными сокровищами. Когда однажды Клавдій жаловался на убыль въ императорской казнѣ, въ Римѣ говорили, что онъ имѣлъ бы избытокъ, если бы былъ принятъ въ товарищество своихъ обоихъ вольноотпущенниковъ (Нарцисса и Палланта) [3]). Эпиктетъ разсказываетъ объ Эпафродитѣ, что одинъ проситель упалъ ему въ ноги и жаловался на свое несчастье, состоящее въ томъ, что обладаетъ еще только 6 милл. сестерціевъ (65200 рублей), послѣ чего Эпафродитъ выразилъ свое изумленіе, какъ тотъ можетъ спокойно переносить подобную бѣдность [4]). Приводимые ниже примѣры покажутъ, что многіе, которые не занимали такого высокаго положенія, также были очень богаты. Помимо своихъ доходныхъ должностей, они имѣли массу возможностей, какъ въ провинціяхъ, такъ и въ Римѣ, увеличивать свои состоянія, даже не грабя и не притѣсняя прямо, но искусно пользуясь обстоятельствами, управляя финансами или находясь на личной службѣ императора. Разумѣется, достаточно упомянуть о томъ, что люди, находящіеся на придворной службѣ, заставляли оплачивать каждое свое дѣйствительное или кажущееся содѣйствіе, чтобы довести просьбу до ушей императора, какъ и каждое свое посредственное или непосредственное вліяніе на его рѣшеніе. Во время одного путешествія Веспасьяна погонщикъ муловъ остановился, повидимому, для того, чтобы подковать животныхъ, въ дѣйствительности же для того, чтобы дать кому-то возможность обратиться съ просьбой къ императору. Веспасьянъ спросилъ, за какую цѣну онъ подковалъ муловъ, и выговорилъ себѣ часть платы [5]). Прибыльная торговля велась также свѣдѣніями о мнѣніяхъ, намѣреніяхъ и настроеніяхъ императора; часто эти дорого продаваемыя свѣдѣнія были простымъ „дымомъ“ (fumi) [6]); уже Марціалъ упоминаетъ, какъ о промыслѣ, о „продажѣ чистаго дыма въ императорскомъ дворцѣ“ [7]), а позднѣйшіе императорскіе біографы пользуются этимъ выраженіемъ почти какъ терминомъ [8]). Александръ Северъ приказалъ распять на крестѣ одного изъ своихъ людей, который „продавалъ дымъ“ и получилъ за это отъ одного солдата 100 золотыхъ, а своего друга Верконія Турина за занятіе этой торговлей какъ ремесломъ приказалъ задушить въ

[1]) Ср. ч. III, гл. I. Ювен., 14, 329.—[2]) Тац., «Анн.», XII, 53, 3.—[3]) Свет., «Клавд.», гл. 28.—[4]) Эпиктетъ, «Dissert.», I, 26, 11.—[5]) Светон., «Веспас.», гл. 23.—[6]) Otto, «Sprichwörter», fumus 1.—[7]) Марціалъ, IV, 5, 7.—[8]) Dirksen, «De scr. Hist. Aug.», стр. 216 сл. Ср. Apul., «Apol.», p. 66 ed. Bip.

дыму на форумѣ Нервы, привязавъ его къ столбу, при чемъ герольдъ выкрикивалъ: „тотъ, кто продавалъ дымъ, убивается дымомъ“ [1]). Адріанъ и Антонинъ Пій поддерживали при своихъ дворахъ такой хорошій порядокъ, что ни одинъ изъ ихъ друзей и вольноотпущенниковъ „не продавалъ“ ничего изъ того, что они говорили или дѣлали, „какъ это обыкновенно дѣлаютъ императорскіе слуги и придворные“ [2]). Эти, постоянно сызнова примѣняемыя императорами мѣры противъ этой торговли лживыми свѣдѣніями, показываютъ, что невозможно было надолго устранить это зло. Въ жизнеописаніи Элагабала, написанномъ въ ребяческомъ стилѣ этихъ императорскихъ біографій, описываются поступки одного изъ его любимцевъ, которые болѣе или менѣе характерны для большей части императорской эпохи: „Аврелій Зотикъ, сынъ повара изъ Смирны, „продавалъ все“, что говорилъ или дѣлалъ императоръ, мороча людей, въ надеждѣ на огромныя богатства, при чемъ однимъ угрожалъ, другимъ обѣщалъ, всѣхъ обманывалъ; выходя отъ него, къ нѣкоторымъ онъ подходилъ со словами: „о тебѣ я сказалъ это“, „о тебѣ я слышалъ то-то“, „съ тобою случится такъ“; люди такого рода, будучи допущены до слишкомъ большой близости съ императорами, вредятъ славѣ не только дурныхъ, но и хорошихъ правителей, и вслѣдствіе глупости или простодушія императоровъ, не замѣчающихъ этого, кормятся подобными постыдными обманами“ [3]).

Обладая столь громадными богатствами, императорскіе вольноотпущенники по роскоши и великолѣпію превосходили знать Рима. Ихъ чертоги были самыми великолѣпными въ Римѣ; дворецъ евнуха Посида превосходилъ, по словамъ Ювенала, Капитолій [4]), и все самое рѣдкое и драгоцѣнное, что только давала земля, украшало эти дворцы въ чрезмѣрномъ изобиліи. „Въ то время, какъ бѣдный беззаботенъ,—говоритъ тотъ же поэтъ,—богатый Лицинъ дрожитъ за фригійскія колонны и статуи, янтарь, черепаху и слоновую кость на своихъ колоннахъ“ [5]). Въ столовой, выстроенной вольноотпущенникомъ Каллигулы, Каллистомъ, Плиній видѣлъ тридцать колоннъ изъ восточнаго алебастра; четыре колонны поменьше изъ этого же камня Корнелій Бальбъ велѣлъ поставить, какъ достопримѣчательность, въ своемъ (выстроенномъ при Августѣ) театрѣ [6]). Если „бани вольноотпущенниковъ“ вошли въ пословицу за свое великолѣпіе [7]), то, навѣрно, самыми блестящими изъ нихъ были бани императорскихъ вольноотпущенниковъ. Въ банѣ, которую выстроилъ Этрускъ, сынъ императорскаго вольноотпущенника, сорта мрамора, хотя и дорогіе, но часто употребляемые, совсѣмъ не встрѣчались, какъ слишкомъ обыденные, зато въ большомъ количествѣ были использованы самые рѣдкіе; своды блистали пестрыми картинами изъ стеклянной мозаики, вода била изъ серебряныхъ трубъ въ серебряные бассейны [8]). Ихъ парки и сады были самыми большими и красивыми въ городѣ: ихъ виллы—прелестнѣйшими въ окрестности. „Какой „слуга“ Нерона (здѣсь и въ другихъ мѣстахъ подъ этимъ именемъ разумѣются ненавистные и презираемые вольноотпущенники),—спрашиваетъ Плиній Старшій,—не былъ бы недавно доволенъ земельнымъ участ-

[1]) «Alex. Sever.», гл. 23 сл. и 36.—[2]) «Anton P.», гл. 11. Діонъ, LXIX, 7.—[3]) «Elagab.», гл. 10; Діонъ, LXXIX, 16.—[4]) Ювен., 14, 91.—[5]) Ювен., 14, 306.—[6]) Часть III, I, 3.—[7]) Сенека, «Письм.», 86, 7.—[8]) Стат., «Сильв.», I. 5; ср. часть III, I, 3.

комъ въ два югера для своего сада?“ [1]). Упоминается о паркахъ Палланта и Эпафродита на Эсквилинѣ въ Римѣ [2]). „Кто увидитъ садъ при дворцѣ Энтелла (вольноотпущенника Домитіана),—говоритъ Мартіалъ,—тотъ принужденъ будетъ предпочесть его саду Алкиноя: тамъ подъ защитою стеклянной крыши созрѣвали красныя гроздья винограда, несмотря на зимніе холода“ [3]). Но императорскіе вольноотпущенники также украшали Римъ и другіе города имперіи великолѣпными общеполезными постройками. Клеандръ, могущественный вольноотпущенникъ Коммода, употребилъ часть своего громаднаго состоянія на постройку домовъ, бань и „другихъ полезныхъ, какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для цѣлыхъ городовъ, учрежденій“ [4]). Въ разныхъ мѣстахъ надписи упоминаютъ императорскихъ вольноотпущенниковъ какъ строителей храмовъ, термъ и другихъ большихъ зданій, или воздвигнутыя за ихъ щедрость въ честь ихъ статуи, или оказанныя имъ почести [5]). Самые дорогіе предметы роскоши, изобрѣтенія самой утонченной изнѣженности носили ихъ имена. Ванны, согрѣваемыя посредствомъ проведенія или вливанія воды изъ байскаго источника, назывались, по имени евнуха Клавдія, Посидіевыми байскими ваннами [6]). Одинъ изъ „слугъ“ Нерона, такъ же какъ и Калигулы, велѣлъ смѣшивать воду въ своихъ баняхъ съ эссенціями [7]). Такъ же, какъ и полководцы Александра Великаго, Патробій выписывалъ песокъ съ Нила для гимнастическихъ упражненій [8]). Останки ихъ и ихъ близкихъ хоронились съ восточною пышностью [9]), колоссальные памятники, для украшенія которыхъ были соединены всѣ искусства, возвышались надъ ихъ пепломъ, а хвастливыя надписи возвѣщали потомкамъ о ихъ заслугахъ. Перечисленіе на подробной надписи Палланта (ум. 62 г.) о воздапныхъ ему сенатомъ почестяхъ, которыя были имъ лишь отчасти приняты, слишкомъ сердили еще въ 107 году консулара Плинія, чтобы онъ могъ надъ этимъ смѣяться [10]).

Высшая аристократія Рима соперничала въ подчиненіи и оказываніи почестей всемогущимъ слугамъ императора, несмотря на то, что потомки древнихъ и славныхъ родовъ въ глубинѣ души гнушались и презирали этихъ людей, вышедшихъ изъ ненавистныхъ имъ племенъ, запятнанныхъ несмываемымъ позоромъ рабства и, сверхъ того, въ юридическомъ отношеніи, стоявшихъ во многихъ отношеніяхъ ниже рожденнаго свободнымъ бѣдняка [11]). Ибо императорскіе вольноотпущенники, какъ таковые, не имѣли большихъ правъ, чѣмъ все ихъ сословіе, и возведеніе въ высшее званіе, даруемое императорами и сенатомъ нѣкоторымъ изъ нихъ, давало имъ, самое большее, притязанія на права второго сословія, хотя (все-таки крайне рѣдко) съ нимъ были связаны внѣшніе знаки отличія перваго. Чаще всего, возведеніе во всадническое сословіе происходило уже въ первомъ вѣкѣ черезъ пожалованіе золотого кольца [12]) и, какъ кажется, даже на оказаніе этой чести, по крайней мѣрѣ, тогдашніе императоры были скупы; такъ какъ они оказывали ее самымъ за-

---

[1]) Плиній, «H. n.», XVIII, 7.—[2]) Becker, «Topogr.», стр. 550. Frontin., «De aq.», 25, 19. См. выше стр. 134.—[3]) Мартіалъ, VIII, 68.—[4]) Діонъ, LXXII, 12; ср. Preller, «R. d. St. R.», стр. 114 и ч. III, II, 1a.—[5]) C. I. G. III, 5791; Henzen, 7190.—[6]) Плиній, «H. n.», XXXI, 5.—[7]) Тамъ же, XIII, 22.—[8]) Тамъ же, XXXV, 168.—[9]) Стат., «Сильв.», V. 1. 208 слл. Ч. III. I. 5.—[10]) Плиній, «Письм.», VII, 29.—[11]) Ср. M. Hartmann, «de exilio apud Romanos», Берл. 1887, стр. 58, 3; Mommsen, «Staatsr.», III, 1, 433, ср. 3 изд. II, 2, 894, 2.—[12]) Mommsen, «Staatsr.», 3 изд. II, 893.

служеннымъ и предпочитаемымъ любимцамъ, можно думать, что тогда она не была еще обезцѣнена тѣмъ, что слишкомъ часто оказывалась. Извѣстно, что во всадническое сословіе были возведены Паллантъ—Нерономъ, Ицелъ—Гальбой, Азіатикъ—Вителліемъ, Гормъ и отецъ Клавдія Этруска—Веспасьяномъ [1]. Съ возведеніемъ во всадническое сословіе иногда связывалось прибавленіе новаго (всадническаго) имени: такъ, Ицелъ получилъ имя Марціана [2]; назначенный въ камердинеры Элагабала, Аврелій Зотикъ былъ почтенъ именемъ его дѣда Авита [3]. Въ видѣ исключенія, послѣ дарованія правъ свободнорожденнаго, вольноотпущенникамъ давалась также всадническая лошадь [4]. То, что Нарциссу сенатъ далъ квесторскіе [5], а Палланту даже преторскіе [6] знаки отличія, принадлежитъ къ аномаліямъ этого времени правленія вольноотпущенниковъ, какъ и то, что они оба имѣли право присутствовать на засѣданіяхъ сената [7]. Клавдій, давъ всѣмъ своимъ прокураторамъ судебныя полномочія въ фискальныхъ дѣлахъ, поставилъ, какъ говоритъ Тацитъ, на одну ступень съ собою и законами вольноотпущенниковъ, которымъ онъ предоставилъ завѣдываніе своимъ частнымъ имуществомъ [8]. Нарциссъ и камердинеръ Домитіана, Парѳеній, носили даже офицерскую шпагу, которую не имѣли права носить даже сенаторскіе проконсулы, а лишь полководцы, назначенные императоромъ [9]: быть-можетъ, они носили ее какъ знакъ военной власти надъ дворцовой стражей. То, что Клавдій разрѣшилъ своему вольноотпущеннику Гарпократу пользоваться въ городѣ носилками и устраивать публичныя зрѣлища [10], были права, которыя имѣли, быть-можетъ, всѣ свободно-рожденныя и приличныя лица [11]. Во время британскаго тріумфа Клавдій далъ, съ обычной безтактностью, военное отличіе (древко копья безъ острія) евнуху Посиду [12]. Воспитатель Л. Вера, вольноотпущенникъ Никомедъ, получившій этотъ и другіе знаки отличія, былъ предварительно введенъ въ сословіе всадниковъ [13].

Итакъ, внѣшнія отличія императорскихъ слугъ (за исключеніемъ короткихъ періодовъ) въ общемъ были ничтожны; по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны ихъ подчиненное по рангу и сословію положеніе по отношенію къ знатнымъ, украшеннымъ звучными именами и всевозможной внѣшней помпой сановникамъ монархіи, должно было быть сохранено и подчеркнуто. Въ дѣйствительности же, отношенія сложились совсѣмъ иначе и даже довольно часто, напротивъ, безгранично-презираемые „рабы“ имѣли то удовлетвореніе, что „свободные и благородные удивлялись имъ и считали ихъ счастливыми“ [14], а сама римская знать до крайности унижалась передъ ними; лишь немногіе осмѣливались обращаться съ ними, какъ со слугами, какъ, напримѣръ, обезглавленный при Веронѣ въ 65 году Латеранъ, который такъ отвѣтилъ Эпа-

---

[1]) Плиній, «Письм.», VIII, 6, 4; Светоній, «Гальба», гл. 14; Плут., «Гальба», гл. 7.—Свет., «Вителл.», гл. 12, Тац., «Ист.», IV, 39. Стат., «Сильв.», III, 3, 143—145.—[2]) Светоній, «Гальба», гл. 14. Тац., «Ист.» I, 13.—[3]) Діонъ, LXXIX, 16.—[4]) «Bull Comm. d. Roma», I. 73.—[5]) Тац., «Анн.», XII, 53.—[6]) Тамъ же и Плиній, «Письм.», VIII. 6. Плин., «H. n.», XXXV. 201.—[7]) Діонъ, LX, 16.—[8]) Тац., «Анн.», XII. 60. Ср. Hirschfeld, стр. 473, Mommsen, «Staatsr.», 3 изд. II. 2. 1022, 2.—[9]) Mommsen, «Staatsr.» 3 изд. I, 435.—[10]) Светон., «Клавд.», гл. 28.—[11]) Mommsen, «Staatsr.», 3 изд. I, 396.—[12]) Светон., «Клавд.», гл. 28; Стат., «Сильв.», III, 3, 140. Ср. Геллій, V, 6, 4.—[13]) Henzen, «Ann. dell' Inst. d. Corr. Arch.», XXIX, 90 слл.—[14]) Плутархъ, «Tranqu. an.», гл. 13 сл.

фродиту на его попытку выспросить его: „если мнѣ захочется, я буду говорить съ твоимъ господиномъ“ [1]). Грубая лесть сочинила Палланту родословную, которая вела его происхожденіе отъ одноименнаго съ нимъ аркадскаго царя, и одинъ изъ потомковъ Сципіоновъ предложилъ въ сенатѣ благодарственный адресъ за то, что этотъ отпрыскъ царскаго рода, пренебрегая для блага государства своей древней знатностью, снисходитъ до того, чтобы стать слугою государя. По предложенію одного изъ консуловъ (52 г.), ему были предложены преторскіе знаки отличія и значительный денежный подарокъ (15 милл. сестерціевъ). Паллантъ принялъ только первые. Затѣмъ послѣдовалъ слѣдующій декретъ, который пятьдесятъ лѣтъ спустя Плиній Младшій прочелъ въ архивѣ сената со стыдомъ и возмущеніемъ: сенатъ присудилъ этому достойному человѣку значительную сумму денегъ изъ государственной казны, и, чѣмъ болѣе чужда душа Палланта жадности, тѣмъ усерднѣе хотѣлъ онъ ходатайствовать у императора, отца отечества, чтобы онъ побудилъ управляющаго своей казной уступить желаніямъ сената; но такъ какъ императоръ, по желанію Палланта и отъ его имени, отклонилъ денежный подарокъ, то сенатъ свидѣтельствуетъ, что, хотя онъ по заслугамъ и съ радостью вотировалъ эту сумму и прочіе присужденные Палланту знаки почета, однако, и здѣсь подчиняется волѣ своего государя, противорѣчить которому онъ ни въ чемъ не считаетъ возможнымъ. Этотъ декретъ былъ выставленъ публично на бронзовой доскѣ (вѣроятно, при канцеляріи императорскаго казначейства) [2]) рядомъ со статуею Юлія Цезаря, изображеннаго одѣтымъ въ броню, и обладатель 300 милліоновъ сестерціевъ былъ прославленъ, какъ образецъ строгаго безкорыстія [3]). Л. Вителлій, отецъ одноименнаго съ нимъ императора, человѣкъ, занимавшій очень высокое положеніе, но виртуозъ въ подлости, возбуждавшій удивленіе даже въ то время, почиталъ въ числѣ своихъ домашнихъ боговъ золотыя изображенія Палланта и Нарцисса [4]). Полибія часто видѣли разгуливающимъ между обоими консулами [5]). Еще Северъ долженъ былъ отвергнуть постановленный сенатомъ почетный декретъ о своемъ вольноотпущенникѣ Эводѣ, при чемъ онъ сдѣлалъ замѣчаніе: было бы позоромъ, если бы подобный декретъ слугѣ императора былъ внесенъ въ сенатскіе акты [6]).

Но ничто такъ не характерно для положенія этихъ бывшихъ рабовъ, какъ то, что они имѣли право жениться на дочеряхъ изъ знатныхъ и даже родственныхъ императорскому дому родовъ въ то время, когда гордость знати древнимъ происхожденіемъ и длиннымъ рядомъ благородныхъ предковъ была очень велика, и несмотря на законъ, запрещавшій дочерямъ сенаторовъ или ихъ внучкамъ и правнучкамъ по мужской линіи обручаться или вступать въ бракъ съ вольноотпущенниками; постановленіе это императоры могли, однако, такъ же легко устранить, какъ и другое, соотвѣтствующее ему, что сенаторы не имѣли права жениться на вольноотпущенницахъ [7]). Феликсъ, братъ Палланта, извѣстный какъ прокураторъ Іудеи, сдѣлался мужемъ трехъ царскихъ дочерей, изъ которыхъ первая, Друзилла, была внучкой Антонія и Клеопатры, вторая, также Друзилла, была дочерью Ирода Агриппы; кто была третья — неиз-

---

[1]) Эпиктетъ, «Dissert.», I, 1, 20.—[2]) Hirschfeld, стр. 4, 4.—[3]) Тац., «Анн.», XII, 53; Плиній, «Письм.», VIII, 6.—[4]) Светон., «Вителл.», гл. 2.—[5]) Светон., «Клавд.», гл. 28.—[6]) Діонъ, LXXVI, 6.—[7]) Lex Julia, «Digg.», XXIII, 2, 44, ср. 31.

вѣстно [1]). Его потомки также были очень далеки отъ того, чтобы стыдиться своего происхожденія отъ него. Надпись въ Полѣ, поставленная одному изъ его правнуковъ, Л. Аннею Домитію Прокулу его бабушкою, Антоніей Клементиною, опредѣленно называетъ этого мальчика изъ сенаторскаго сословія правнукомъ Антонія Феликса [2]). Мать Клавдія Этруска, отличавшаяся красотою, была сестрою консула, командовавшаго въ первой дакійской войнѣ (86 г.) [3]). Антистія Присцилла, супруга вольноотпущенника Домитіана Абасканта, была также благороднаго происхожденія [4]). Уже было упомянуто о томъ, что Агаклитъ женился на вдовѣ Аннія Либона, двоюроднаго брата императора Марка Аврелія [5]). Эти случайно извѣстные факты даютъ право предполагать, что императорскіе вольноотпущенники нерѣдко вступали въ свойство съ благородными фамиліями.

И такъ все соединилось, чтобы усиливать пошлое высокомѣріе этихъ поднявшихся изъ глубочайшаго ничтожества выскочекъ, и ихъ безстыдство которое они выставляли на видъ, было тѣмъ упорнѣе, чѣмъ болѣе они сознавали презрѣніе къ себѣ людей свободно-рожденныхъ и знатныхъ. Когда однажды на сценѣ былъ произнесенъ стихъ: „Битый рабъ въ счастьѣ невыносимъ“, всѣ глаза обратились на присутствующаго Полибія, который закричалъ въ отвѣтъ: „Тотъ же поэтъ сказалъ также: тѣ, которые нѣкогда пасли козъ, сдѣлались царями“ [6]). Паллантъ, не скрывавшій своего мрачнаго высокомѣрія даже по отношенію къ Нерону (который ему, правда, былъ обязанъ престоломъ), и сдѣлавшійся, наконецъ, ему невыносимымъ [7]), былъ въ 55 году отданъ подъ судъ за государственную измѣну. Когда нѣкоторые изъ его слугъ были названы, какъ его соучастники, онъ отвѣтилъ, что онъ никогда не распоряжался въ своемъ домѣ иначе, какъ кивками и намеками; если нужно было сдѣлать болѣе важное замѣчаніе, онъ отдавалъ письменныя приказанія, чтобы не ставить себя черезъ разговоръ на общій уровень съ другими [8]). Конечно, надменность вольноотпущенниковъ, какъ и ихъ власть, достигли наибольшихъ размѣровъ при Клавдіи, хотя велика она была всегда, и всякій, кто рѣшался противостать ей, могъ разсчитывать на общее одобреніе. Объ одномъ изъ такихъ—вѣроятно, рѣдкихъ—случаевъ, сообщаетъ Плутархъ. Одинъ только-что разбогатѣвшій императорскій вольноотпущенникъ грубо и дерзко обошелся на пиру съ однимъ присутствовавшимъ здѣсь философомъ, котораго и спросилъ въ заключеніе, почему изъ черныхъ, какъ и изъ бѣлыхъ, бобовъ получается желтый соусъ, на что тотъ отвѣтилъ также вопросомъ, почему и отъ черныхъ и бѣлыхъ ремней остаются одинаковымъ образомъ красные рубцы [9]). Марціалъ, который въ одномъ стихотвореніи восхваляетъ поведеніе вольноотпущенниковъ Домитіана, заслуживаетъ въ данномъ случаѣ не больше вѣры, чѣмъ въ своихъ прочихъ восхваленіяхъ этого правленія. „До сихъ поръ,—говорится тамъ,—толпу императорскихъ слугъ ненавидѣли въ Римѣ, и палатинское высокомѣріе было знаменито. Но теперь

---

[1]) «Realencycl.» von Pauli, Walz u. Teuffel, III, 443 сл.—[2]) Henzen, 5404,=C. I. L. V, 1, 34.—[3]) Стат., «Сильв.», III, 3, 111.—[4]) Тамъ же, V, 1, 53. Ср. Teuffel, «Realencycl.» v. Pauli, Walz u. Teuffel, 2 изд. I, 1165.—[5]) См. выше, стр. 43, 1.—[6]) Діонъ, LX, 29. Ср. Meineke, «Fr. Com. Gr.», IV, 614 (XLIa).—[7]) Тац., «Анн.», XIII, 2. Діонъ, LXI, 3. Плин., «Письм.», VIII, 6.—[8]) Тац., «Анн.», XIII. 23. Діонъ, LXII, 14.—[9]) Плутархъ, «Quaest. conv.», II, 1, 12, 2; также Макроб., «Sat.», VII, 1, 12.

люди императора такъ любимы всѣми, что они каждому ближе, нежели его собственный домъ. Такъ велика ихъ кротость, ихъ почтеніе къ другимъ, такъ они тихи, такъ скромно ихъ поведеніе. Ни одинъ вольноотпущенникъ не имѣетъ своего личнаго характера, но всѣ имѣютъ характеръ своего господина: такова природа могущественнаго двора" [1]). Вообще, чѣмъ больше было высокомѣріе императорскихъ вольноотпущенниковъ, тѣмъ непреодолимѣе дѣйствовала ихъ случайная снисходительность. Эпиктетъ называетъ ихъ любезность однимъ изъ главныхъ пріемовъ, посредствомъ которыхъ они были въ состояніи вырвать любую тайну у человѣка, стремящагося ко внѣшнимъ благамъ [2]).

Спеціально въ администраціи вольноотпущенники рѣдко занимали высокіе посты; наоборотъ, уже до новой организаціи Адріана было правиломъ замѣщать эти мѣста всадниками [3]). Такъ, директорами важнѣйшихъ податныхъ правленій, напр., правленія пятипроцентной наслѣдственной пошлины, въ огромномъ большинствѣ были всадники [4]). Однако, здѣсь бывали и исключенія, происходившія отчасти вслѣдствіе произвола императоровъ, а отчасти оттого, что при назначеніи на эти мѣста почти исключительно приходилось считаться съ личной пригодностью назначаемыхъ. Клавдій назначилъ даже упомянутаго выше вольноотпущенника Феликса (брата Палланта) прокураторомъ Іудеи [5]). Это было аномаліей того времени господства вольноотпущенниковъ; однако, и императорскій вольноотпущенникъ Акастъ (въ неизвѣстное время) обладалъ такой же неограниченной властью въ качествѣ намѣстника всей провинціи Мавретаніи, которая обыкновенно дѣлилась между двумя намѣстниками и въ которой стоялъ значительный военный отрядъ [6]). Тотъ фактъ, что командирами флотовъ на ряду съ всадниками являются иногда еще при Клавдіяхъ вольноотпущенники, объясняется тѣмъ, что флоты сначала считались не государственными, а собственностью императора; лишь позднѣе (во всякомъ случаѣ, со времени Адріана) командованіе обоими флотами, въ Мизенѣ и Равеннѣ, причислялось къ высшимъ всадническимъ должностямъ [7]).

Управленіе финансами въ императорскихъ провинціяхъ, какъ и взиманіе доходовъ фиска въ сенатскихъ провинціяхъ, были переданы также вольноотпущенникамъ; однако, по большей части они, безъ сомнѣнія, были подчинены, какъ областные и подвѣдомственные чиновники, высшимъ чиновникамъ финансоваго вѣдомства; напримѣръ, прокураторъ области Карѳагена—прокуратору провинціи Африки, прокураторъ острова Мальты и Гоццо—прокуратору Сициліи [8]). Завѣдующіе императорскимъ лагеремъ (procuratores castrenses—должность значительная вслѣдствіе того, что она имѣла близкое отношеніе къ личности императора) были въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ неизмѣнно вольноотпущенниками [9]); ими были также нерѣдко прокураторы римскихъ водопроводовъ даже послѣ того, какъ Адріанъ предоставилъ это мѣсто

---

[1]) Мартіалъ, IX. 79.—[2]) Эпикт., «Dissert.», IV, 13, 22.—[3]) Объ употребленіи титуловъ procurator и procurator Augusti Hirschfeld, стр. 411, 4.—[4]) Ср. Eichhorst, «Quaest. epigr. de procuratorib. impp. Rom.» (Кенигсб., 1861) стр. 28—30, и Hirschfeld, ук. соч. стр. 104, 5.—[5]) Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд. I, 412, 4. Hirschfeld, стр. 380 слл.—[6]) C. I. L. X, 6081.—[7]) Mommsen, «Staatsr.», 3 изд. II, 2, 862 сл.—[8]) Eichhorst, ук. соч. Ср. Mommsen, «Staatsr.», III, 1, 555, 1.—[9]) Hirschfeld, стр. 312—317.

всадническому сословію [1]). Въ чрезвычайно обширномъ и многообразномъ управленіи императорскимъ имуществомъ, которое, чѣмъ далѣе, тѣмъ больше разрасталось до огромныхъ размѣровъ и распространялось по всему государству, такъ что мало-по-малу приняло характеръ коронаго имущества, вольноотпущенники сохраняли часто завѣдываніе отдѣлами даже послѣ того, какъ они, лишь въ видѣ исключенія, стали получать главное завѣдываніе [2]), которое было передано Адріаномъ прокураторамъ-всадникамъ. Часто подъ ихъ надзоромъ были: императорскіе рудники и мраморныя каменоломни [3]), лѣса, большія имѣнія, парки, виллы и дворцы въ Италіи и провинціяхъ [4]); такъ, напр., М. Ульпій Евфратъ управлялъ, въ качествѣ прокуратора, Павсилипономъ (Посилиппъ около Неаполя), который перешелъ въ императорскую собственность изъ наслѣдства Ведія Полліона [5]). Подъ начальствомъ вольноотпущенниковъ, которые (со времени Клавдія) завѣдывали даваемыми императоромъ гладіаторскими играми или борьбой звѣрей, находился многочисленный персоналъ: такъ, напр., особый прокураторъ завѣдывалъ деньгами, спеціально назначенными на содержаніе императорскихъ слоновъ [6]). Для повышенія вольноотпущенниковъ изъ одной прокуратуры въ другую, уже при Маркѣ Авреліи существовалъ опредѣленный порядокъ [7]). Изъ окладовъ тѣхъ финансовыхъ должностей, которыя были имъ доступны, мы знаемъ только объ окладѣ прокуратора римскихъ водопроводовъ, который составлялъ 100000 сестерціевъ (10870 рублей) [8]). Императорскій вольноотпущенникъ Евфратъ, въ найденной въ Ланувіи надписи, благодаритъ „генія этого мѣста" за то, что онъ на этой должности (вѣроятно, вслѣдствіе прибавки жалованья [9]) получалъ 100000 сестерціевъ [10]).

Такъ какъ въ финансовомъ вѣдомствѣ вольноотпущенники, въ общемъ, рѣдко занимали высокое положеніе, странно, что они въ продолженіе всего перваго столѣтія занимали три должности, значеніе которыхъ такъ возвысили вольноотпущенники Клавдія: счетный приказъ, вѣдомство просьбъ и жалобъ и секретаріатъ; эти важные посты они занимали иногда даже во второмъ столѣтіи [11]). Причину этого, очевидно, слѣдуетъ и здѣсь искать въ томъ, что на эти должности требовались не столько люди, внушающіе уваженіе своимъ высокимъ соціальнымъ положеніемъ (какъ это нужно было для занятія административныхъ постовъ въ провинціи), сколько люди надежные, преданные и пригодные къ дѣлу.

Въ „счетномъ приказѣ" (a rationibus), т.-е. въ императорскомъ финансовомъ вѣдомствѣ (министерство финансовъ имперіи), стекались доходы изъ всѣхъ императорскихъ кассъ, здѣсь же распредѣлялись всѣ расходы фиска [12]). Объ объемѣ и характерѣ дѣлъ, подлежавшихъ этому вѣдомству, нѣкоторыя указанія содержитъ уже многократно цитированное стихотвореніе Статія, написанное по поводу смерти отца Клавдія Этруска для его прославленія, по порученію его сына; также и помимо этого есть много свѣдѣній о возвышеніи вольноотпущенниковъ при дворѣ и ихъ положеніи. „Если отцу Этруска недоставало древняго происхожденія и родословной,—говоритъ поэтъ,—то счастье

[1]) Тамъ же, стр. 281.—[2]) Тамъ же, стр. 40.—[3]) Тамъ же, стр. 170 сл.—[4]) Тамъ же, стр. 139.—[5]) Fabretti, 199, 486.—[6]) Hirschfeld, стр. 288, 4.—[7]) Fronto, «ad Marcum», V, 22; Mommsen, «Staatsr.», III, 1, 559, прим.—[8]) Orelli, 946.—[9]) Mommsen, «Staatsr.», III, 1, 559, 2.—[10]) C. I. L. VI, 246.—[11]) Hirschfeld, стр. 31.—[12]) Тамъ же, стр. 30 сл.

съ избыткомъ восполнило этотъ недостатокъ. Ему пришлось имѣть господиномъ не человѣка изъ толпы, но тѣхъ, кому поклоняются Востокъ и Западъ. Этого ему нечего было стыдиться, ибо что на землѣ или небѣ можетъ существовать безъ закона послушанія: даже хороводъ звѣздъ, луна и солнце подчиняются опредѣленнымъ законамъ, даже Геркулесъ и Фебъ служили! — Родившись приблизительно во второмъ десятилѣтіи нашей эры въ Смирнѣ, будучи очень молодымъ, Этрускъ прибылъ въ Римъ ко двору Тиберія и еще имъ былъ отпущенъ на свободу (до 37 года); при Калигулѣ онъ сохранилъ свое положеніе и занялъ скромное мѣсто въ его свитѣ, во время его гальскаго путешествія; его возвышеніе началось при Клавдіи; при Неронѣ его положеніе, повидимому, осталось безъ перемѣны—его челнъ былъ счастливъ во всякой водѣ [1]). Затѣмъ (быть-можетъ, въ 55 году, когда Паллантъ сложилъ съ себя должность) ему одному было ввѣрено управленіе священной (т.-е. императорской) казной. Доходы съ иберійскихъ и далматскихъ золотыхъ розсыпей, съ африканскихъ и египетскихъ полей, съ ловли жемчуговъ въ восточномъ морѣ, съ тарентскихъ стадъ, съ александрійскихъ фабрикъ прозрачнаго хрусталя, съ нумидійскихъ лѣсовъ, съ индійской слоновой кости,— все, что бы ни приносили вѣтры со всѣхъ сторонъ неба въ гавани, все это было ввѣрено единственно его управленію [2]). Точно также ему было предоставлено ассигновать суммы на расходы. Черезъ его руки ежедневно проходитъ все нужное для арміи, для раздачи хлѣба въ Римѣ, для построекъ храмовъ, водопроводовъ и гаваней, для укрѣпленія императорскихъ дворцовъ, для статуй боговъ, для монеты [3]). Его сонъ и обѣды коротки, пировъ онъ совсѣмъ избѣгаетъ, удовольствія чужды его душѣ. Веспасіанъ ввелъ его во всадническое сословіе. При Домитіанѣ (послѣ 84 года) онъ впалъ въ немилость, но подвергся мягкому наказанію: онъ былъ сосланъ на кампанское побережье, куда его могъ сопровождать его сынъ, тогда какъ его ближайшій подчиненный былъ отправленъ въ ссылку за море [4]). Скоро получилъ онъ опять прощеніе (въ 89 или 90 г.). Вскорѣ, послѣ своего возвращенія въ Римъ, онъ умеръ (приблизительно въ 92 г.), почти девяносто лѣтъ отъ роду [5]). Его памятникъ благоухалъ цвѣтами, въ урну съ его пепломъ капали драгоцѣннѣйшія эссенціи. Живописцы и скульпторы стремились увѣковѣчить черты бывшаго раба на самыхъ драгоцѣнныхъ матеріалахъ, а оба самые прославленные поэта того времени воспѣли его въ стихотвореніяхъ, которыя передали его имя и повѣствованіе о его судьбѣ потомству [6]).

Завѣдываніе поступающими просьбами и жалобами (a libellis) [7]), должность, которая въ политическомъ отношеніи была гораздо менѣе важною, при Клавдіи занималъ уже многократно упоминавшійся Полибій, которому Сенека, будучи изгнанникомъ, прислалъ извѣстное недостойное утѣшительное слово. Основаніе для утѣшенія Сенека усматриваетъ въ сущности и важности его

[1]) Стат., «Сильв.», III, 3, 84.—[2]) Большинство указанныхъ доходовъ принадлежатъ патримонію (Hirschfeld, стр. 30, 4), но не всѣ (Mommsen, «Staatsr.», 3 изд. II, 2, 1006, 1).—[3]) Стат., «Сильв.», III, 3, 85—106. Mommsen, «Staatsr.», 3 изд., II, 2, 1003, 1.—[4]) Hirschfeld, стр. 448, 1.—[5]) Марціалъ, VI, 83. Стат., ст. 146—161.—[6]) Кромѣ стихотворенія Статія, мы имѣемъ стихотвореніе Марціала (VII, 40).—[7]) Hirschfeld, стр. 326 слл. Ed. Cuq, «Mem. s. le consilium principis d'Auguste», «Mém. présentées à l'Academie des inscr.», IX (1884), стр. 363—371.

должности, которая не позволитъ ему предаваться своему горю. На него обращены взоры всѣхъ. Ничто заурядное, ничто низкое не прилично ему; отъ него міръ желаетъ и ожидаетъ великаго. „Ты долженъ столько тысячъ людей выслушать, столько тысячъ просьбъ пересмотрѣть. Чтобы предложить въ надлежащемъ порядкѣ уму величайшаго владыки такую большую массу вещей, стекающихся съ цѣлаго свѣта, ты долженъ ободрить твой собственный духъ. Ты не имѣешь права плакать, потому что ты долженъ выслушать столькихъ плачущихъ. Чтобы осушить слезы столь многихъ, которые находятся въ опасности и желаютъ снискать милосердіе всемилостивѣйшаго императора, ты долженъ прежде всего осушить свои собственныя“ [1]). Отвѣтъ на прошеніе давался обыкновенно въ формѣ краткой приписки (subscriptio), дѣлаемой императоромъ собственноручно на самомъ прошеніи. Со времени Адріана эти приписки, становясь нормой для послѣдующихъ рѣшеній въ сходныхъ случаяхъ, пріобрѣли силу закона, и поэтому эта должность въ позднѣйшія времена замѣщалась знаменитыми юристами [2]).

Помимо этой должности, Полибій занималъ еще другую: именно, онъ былъ совѣтникомъ императора по дѣламъ просвѣщенія (a studiis) [3]). Между прочимъ онъ сочинялъ парафразы изъ Вергилія и Гомера, и Сенека говоритъ, что до тѣхъ поръ, пока власть латинскаго и очарованіе греческаго языка продолжатся, Полибій будетъ жить вмѣстѣ съ этими великими умами. Въ такомъ тонѣ написано все сочиненіе. Онъ—единственный изъ могущественныхъ при императорскомъ дворѣ лицъ, имѣть другомъ котораго каждому не только полезно, но и пріятно, независимо отъ всего прочаго. При такой легкости добыть себѣ богатства, онъ не извлекаетъ изъ этого другой пользы, какъ презрѣніе къ богатству. Его настолько всѣ уважаютъ, что его счастье не возбуждаетъ никакой зависти и т. д. [4]).

Впрочемъ, ученое вѣдомство при дворѣ [5]) (учрежденное вѣроятно Клавдіемъ) [6]) было, повидимому, правильно обставленнымъ [7]) учрежденіемъ съ значительнымъ персоналомъ [8]); въ четвертомъ вѣкѣ упоминается еще о второмъ директорѣ (adiutor), съ содержаніемъ въ 60000 сестерціевъ [9]). Со II вѣка эту должность обыкновенно занимали, по всей вѣроятности, всадники, какъ, напримѣръ, Л. Юлій Вестинъ, бывшій верховнымъ жрецомъ Александріи и всего Египта и завѣдующимъ тамошнимъ музеемъ, затѣмъ старшимъ библіотекаремъ въ Римѣ, a studiis при Адріанѣ и секретаремъ этого же императора [10]). Нѣкій Секстъ, котораго Мартіалъ проситъ дать мѣсто его стихотвореніямъ въ императорской (палатинской) [11]) библіотекѣ, былъ, повидимому, также одновременно и библіотекаремъ, и совѣтникомъ по дѣламъ просвѣщенія Домиціана. Ему, краснорѣчивому почитателю палатинской Минервы, было дано наслаждаться непосредственнымъ общеніемъ съ умомъ бога (т.-е., императора), узнавать работы государя при ихъ возникновеніи и знать мысли, которыя онъ въ себѣ замыкаетъ [12]). Въ III и

---

[1]) Сенека, «Consol. ad Polyb.», гл. 6.—[2]) Hirschfeld, стр. 327—329.—[3]) Светон., «Клавд.», гл. 28; Сенека, ук. соч. гл. 5, 2.—[4]) Сенека, ук. соч. 11, 5; 8, 2; 2, 6.—[5]) Ср. Cuq, ук. соч. стр. 373 слл.—[6]) Hirschfeld, 332; C. I. L. VI, 8636.—[7]) Orelli, 719, 2958, 6356.=C. I. L. VI, 8636—38. —[8]) C. I. L. VI, 8637.—[9]) C. I. L. VI, 1704.—[10]) C. I. G. III, 5900.—[11]) Mommsen, «Staatsr.», 3 изд., I, 330, 1.—[12]) Мартіалъ, V, 5.

IV вѣкахъ высшимъ руководителемъ ученаго вѣдомства былъ высокій чиновникъ изъ всадниковъ [1]).

Секретаріатъ (ab epistulis) [2]) (императорская канцелярія) имѣлъ два отдѣленія—греческое и латинское. Безъ сомнѣнія, каждое изъ нихъ имѣло всегда своего собственнаго начальника. Но въ продолженіе перваго вѣка управленіе всѣмъ вѣдомствомъ, повидимому, объединялось въ рукахъ одного высшаго директора. Ибо всемогущій Нарциссъ, бывшій секретаремъ при Клавдіи, не могъ быть простымъ правителемъ отдѣленія, и въ этомъ положеніи онъ не могъ бы сохранить за собою свое мѣсто на ряду съ Каллистомъ и Паллантомъ. Также при Домитіанѣ всѣмъ вѣдомствомъ управлялъ чиновникъ, называемый ab epistulis. По описанію Статія, тогдашній императорскій секретарь Абаскантъ былъ въ корреспонденціи со всѣмъ государствомъ—какъ съ областями, въ которыхъ господствовалъ греческій языкъ, такъ и съ тѣми, гдѣ господствовалъ римскій, — и поэтическое описаніе не могло содержать грубой и явной неточности. Однако, во второмъ вѣкѣ, кажется, наступила перемѣна, быть можетъ, въ связи съ новой организаціей всѣхъ императорскихъ должностей, при Адріанѣ. Надо полагать, что латинское и греческое бюро именно тогда были сдѣланы самостоятельными вѣдомствами: это раздѣленіе, при огромномъ скопленіи дѣлъ, могло оказаться крайне желательнымъ (по Статію, ни одно вѣдомство въ „священномъ" домѣ не было болѣе завалено дѣлами, чѣмъ это) [3]), тѣмъ болѣе, что, при все увеличивающейся концентраціи въ администраціи, число относящихся именно къ этому вѣдомству дѣлъ особенно увеличивалось. Съ теченіемъ времени, персоналъ императорской канцеляріи возросталъ, вѣроятно, еще болѣе. Къ реформамъ Юліана Отступника, при его вступленіи на престолъ, принадлежало и то, что онъ отпустилъ множество ненужныхъ писцовъ, злоупотреблявшихъ своимъ положеніемъ для самыхъ безсовѣстныхъ грабежей и вымогательствъ [4]).

Упомянутое стихотвореніе Статій адресовалъ вольноотпущеннику Абасканту [5]) послѣ смерти его супруги Антистіи Присциллы, „такъ какъ онъ всегда старался, поскольку могъ по своимъ слабымъ силамъ, оказывать преданность всѣмъ, кто близко стоитъ къ божественному дому; ибо тотъ, кто, истинно вѣруя, чтитъ боговъ, любитъ также ихъ" [6]). Императоръ, отъ проницательнаго взгляда котораго не укрылись способности и достоинства еще молодого Абасканта, возложилъ на его плечи это непомѣрное бремя, подавляющую тяжесть этой очень важной должности. Присцилла выразила императору свою благодарность и свою радость земнымъ поклономъ. Теперь Абаскантъ долженъ былъ разсылать по всему свѣту приказанія владыки, завѣдывать силами и вспомогательными средствами государства, принимать вѣсти о побѣдѣ съ Эвфрата, Дуная, Рейна, извѣстія о проникновеніи римскаго оружія въ самыя отдаленныя страны, даже въ Ѳулу: такъ какъ вѣстники никогда не приходятъ съ перомъ (знакъ недобраго извѣстія), а съ копьями, увѣнчанными лаврами. Онъ производитъ назначенія въ войскѣ, извѣщаетъ, кто получилъ примипилатъ, начальство надъ когортой, трибунатъ,

[1]) C. I. L. X, 4721.—[2]) Fronto, ed. Niebuhr, стр. 81, «de eloq.», 2.—[3]) Стат., «Сильв.», V, I, 83.—[4]) Liban, ed. R., 565 сл.—[5]) Ср. Vollmer, Stat., «Silv.», стр. 497 сл.—[6]) Стат., «Сильв.», V, 1, особ. 83—107 и praef.

начальство надъ отрядомъ всадниковъ [1]). Онъ долженъ затребовать свѣдѣнія, былъ ли разливъ Нила достаточнымъ для урожая, выпалъ ли дождь въ Африкѣ, а также производить тысячу другихъ справокъ: ни Меркурій, ни сама Ирида не были обязаны добывать такую массу извѣстій. Послѣ своего возвышенія, Абаскантъ, по словамъ поэта, остался прежнимъ: спокойнымъ, честнымъ, скромнымъ, его умѣренные обѣды и „трезвые кубки“ походили на таковые апулійскихъ или сабинскихъ крестьянъ. Однако, онъ долженъ былъ быть очень богатъ. Статій изображаетъ Присциллу, заклинающей мужа на своемъ смертномъ одрѣ соорудить въ честь ея на Капитоліи золотое изображеніе императора въ сто фунтовъ (приблизительно въ 45000 рублей). Ея погребеніе было совершено съ царской пышностью. Всѣ благовонія востока были въ изобиліи расточаемы на ея мертвое тѣло, которое, обвитое въ пурпуръ, лежало на шелковыхъ подушкахъ и, послѣ бальзамированія, было погребено на Via Appia у Альмона. Ея памятникъ былъ цѣлымъ дворцомъ, гдѣ ея образъ стоялъ въ видѣ многочисленныхъ изображеній различныхъ богинь — Цереры и Аріадны изъ мѣди, Маи и цѣломудренной Венеры—изъ мрамора. Остатки этого памятника, быть-можетъ, существуютъ донынѣ [2]).

Секретаріатъ требовалъ, впрочемъ, до нѣкоторой степени литературнаго образованія, такъ какъ императорскіе грамоты и рескрипты должны были быть сочинены правителями его канцеляріи отъ имени императора и въ формѣ достойной его императорскаго величества (какъ, разумѣется, и ихъ каллиграфическое исполненіе должно было быть превосходнымъ) [3]).

На литературное образованіе и научныя занятія указываютъ нѣкоторыя имена вольноотпущенниковъ, которыя имъ дали, безъ сомнѣнія, ихъ господа, имѣя въ виду ихъ занятія: Тиб. Клавдій Филологъ, Тиб. Флавій Иліадъ, быть-можетъ, также Флавій Гермесъ. То, что служащихъ здѣсь употребляли также въ библіотекахъ, было естественно и, вѣроятно, часто случалось: александрійскій грамматикъ Діонисій, сынъ Главка, который, какъ преемникъ стоика Херемона, былъ завѣдующимъ школами въ Александріи, впослѣдствіи былъ въ Римѣ библіотекаремъ и императорскимъ секретаремъ. Такъ какъ значеніе этой, какъ и всѣхъ императорскихъ должностей, возростало все больше и больше, особенно съ тѣхъ поръ, какъ на нее стали назначать постоянно лишь людей изъ всадническаго сословія, можно предположить, что эту должность получали лишь люди съ общепризнанною литературною славою. Титинія Капитона, который управлялъ этимъ вѣдомствомъ при Домиціанѣ, Нервѣ и Траянѣ, Плиній Младшій причисляетъ къ главнымъ украшеніямъ этого столѣтія и называетъ его возстановителемъ отживающей литературы; онъ пробовалъ свои силы также и въ стихахъ [4]). При Адріанѣ императорскимъ секретаремъ былъ Светоній, извѣстный какъ ученый и плодовитый писатель; въ его біографіяхъ императоровъ [5]) можно усмотрѣть привычку выражаться точно, но сухо и дѣловито; онъ потерялъ свое мѣсто

---

[1]) Vollmer, къ Стат. «Silv.», V, 1, 95—98.—[2]) Canina, «Topogr. d. v. Appia», «Ann. dell' Inst. di corr. arch.», XXV, 148, и «Via Appia», I, стр. 63.—[3]) Плутархъ, «D. Pyth. orac.», гл. 7. Mommsen, «Fragm. zweier lat. Kaiserresripte», у Bekker und Muther, «Jahrb. dtschen Rechts», VI, 398 слл.—[4]) Плин., «Письм.», VIII, 12, ср. I, 17.—[5]) См. Roth., ed. Sueton. praef., стр. IX.

вслѣдствіе слишкомъ близкихъ отношеній съ императрицей Сабиной [1]). Но во II вѣкѣ завѣдываніе, очевидно, было цѣлью для человѣколюбивыхъ стремленій греческихъ риторовъ и софистовъ, изъ которыхъ многіе, какъ мы знаемъ, и достигали его. Они стремились въ данномъ случаѣ не только къ признанію со стороны императора ихъ литературной славы, но, само собою разумѣется, ихъ привлекало также и очень блестящее положеніе и перспектива быть переведенными съ этого поста на другія высшія и болѣе доходныя должности. Риторъ Авидій Геліодоръ, занимавшій это мѣсто при Адріанѣ, достигъ того, что сталъ вице-королемъ Египта, а его сынъ Авидій Кассій дерзнулъ протянуть руку за императорской короной.

Но какъ могло для этихъ людей, для которыхъ искусство рѣчи было высшею цѣлью человѣческихъ стремленій, что-нибудь быть болѣе важнымъ, какъ признаніе ихъ со стороны императора, черезъ назначеніе на эту должность, за первыхъ изъ существующихъ стилистовъ—такъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣли на это они и ихъ друзья,—тогда какъ ихъ враги утверждали, что императоръ могъ сдѣлать ихъ секретарями, но не въ его власти сдѣлать ихъ хорошими стилистами [2]). Ритора Корнеліана императоры Маркъ Аврелій и Коммодъ (согласно аттицисту Фриниху) назначили, какъ человѣка очень извѣстнаго въ ученомъ мірѣ и какъ перваго изъ первыхъ, въ начальники своей греческой канцеляріи [3]). Онъ хвалитъ его какъ ритора, выражающагося чистымъ древнимъ языкомъ, называя его единственнымъ человѣкомъ, который возвращаетъ риторику къ ея древней истинной формѣ, который императорскій судъ дѣлаетъ настоящимъ эллинскимъ и аттическимъ и который для другихъ является учителемъ не только правильно выражаться, но также и по внѣшнему виду, взгляду, голосу и манерамъ. Поэтому—продолжаетъ аттицистъ, съ смѣшнымъ преувеличеніемъ—императоры считали его достойнымъ самаго высшаго положенія и передали ему управленіе всѣми греческими дѣлами, посадивъ его около себя въ качествѣ стража; они только именовали его секретаремъ, тогда какъ въ дѣйствительности выбрали его въ помощники въ управленіи [4])! Изъ этого видно, что чувство собственнаго достоинства въ императорскихъ канцеляріяхъ того времени было не меньшимъ, чѣмъ оно было въ папскихъ въ эпоху возрожденія, и стиль въ письмахъ цѣнился у софистовъ также, какъ у гуманистовъ XV вѣка [5]). О софистѣ Антипатрѣ изъ Гіераполя, который былъ учителемъ сыновей императора Севера и начальникомъ его канцеляріи, Филостратъ говоритъ, что никто не писалъ лучше его императорскихъ писемъ; какъ превосходный актеръ, правильно понявшій пьесу, онъ говорилъ достойно личности императора. Въ томъ, что онъ писалъ, была ясность, возвышенность настроенія, мѣткость выраженія и пріятная краткость рѣчи, которая, главнымъ образомъ, украшаетъ письмо [6]). Противъ софиста Аспасія изъ Равенны (бывшаго императорскимъ секретаремъ, быть-можетъ, уже при Каракаллѣ) Филостратъ направилъ письмо объ искусствѣ писать письма. Его письма, написанныя отъ имени императора, бывали отчасти слишкомъ напыщены, отчасти неясны.

---

[1]) «Hadrian.», гл. 11.—[2]) Діонъ, LXIX, 3.—[3]) Phrynichus, «epit.», стр. 418 ed. Lobeck.—[4]) Тамъ же, стр. 379.—[5]) Burckhardt, «Kultur der Renaissance», стр. 224 227.—[6]) Philostrat. «Vitt. Soph.», II, 24, 1 сл.

Письма императора не нуждаются ни въ какихъ искусственныхъ риторическихъ заключеніяхъ, они должны выражать только его волю; точно также слѣдуетъ избѣгать неясности, потому что онъ изрекаетъ законы; ясность же—толковательница закона [1]).

Какъ уже было замѣчено, императорскіе оберъ-каммераріи [2]) стали занимать выдающееся положеніе при дворѣ позже, чѣмъ придворные чиновники, о которыхъ мы говорили. Они стояли во главѣ многочисленнаго персонала [3]), который состоялъ частью изъ рабовъ, частью изъ вольноотпущенниковъ (свободныхъ въ первое время имперіи въ немъ никогда не было) [4]). Значеніе выраженія „камердинеръ перваго или второго ранга“ не ясно [5]). То, что ихъ было много, видно изъ того, что существовала особая прислуга для больныхъ камердинеровъ и (судя по надписямъ времени Адріана и Антонина Пія) для доставки имъ хлѣба [6]). Само собою разумѣется, что они также всегда могли пріобрѣтать вліяніе, ловко пользуясь обстоятельствами. Уже Цицеронъ, будучи проконсуломъ Киликіи, подчеркиваетъ, что доступъ къ нему не происходитъ при посредствѣ камердинера, какъ это принято въ провинціяхъ, и вообще черезъ него ничего не совершается [7]). Bontems, первый изъ четырехъ лейбъ-камердинеровъ Людовика XIV, „видѣлъ весь дворъ у своихъ ногъ, даже королевскихъ дѣтей, министровъ и лицъ изъ самой высокой аристократіи“ [8]).

На то, каково было значеніе императорскихъ камердинеровъ и въ первое время имперіи, указываетъ примѣръ египтянина Геликона при дворѣ Калигулы, о которомъ мы знаемъ изъ разсказа Филона о посольствѣ александрійскихъ евреевъ, въ которомъ онъ по восточному обыкновенію названъ „слугой, охраняющимъ сонъ“ или главнымъ „тѣлохранителемъ“ [9]). Геликонъ, бывшій сначала рабомъ частнаго человѣка, который далъ ему общее образованіе и подарилъ его Тиберію, достигъ только при дворѣ Калигулы положенія лейбъ-каммерарія, которое и привело его въ самое непосредственное и непрерывное соприкосновеніе съ императоромъ. „Онъ присутствовалъ при его игрѣ въ мячъ, при его гимнастическихъ упражненіяхъ, при купаньѣ и завтракѣ, и когда Гай ложился спать—такъ что ему, какъ никому другому, открытъ былъ доступъ къ императору въ каждую свободную минуту и при всякомъ случаѣ“. По словамъ Филона, онъ былъ обязанъ своимъ вліяніемъ особенно свойственному его націи таланту—къ остротѣ, насмѣшкѣ и шуткѣ, который онъ умѣлъ сдабривать ядовитой египетской злостью; это онъ во главѣ кучки египтянъ внушилъ императору свою врожденную и привитую воспитаніемъ ненависть къ евреямъ. Говорили, что, помимо этого, его подкупили послы александрійцевъ, чтобы онъ возстановилъ императора противъ евреевъ, отчасти золотомъ, отчасти перспективою почестей, которыя

---

[1]) Philostrat, «Vitt. Soph.», II, 33, 3.—[2]) Rostowzew, «Realencycl.», 2 изд. a cubiculo; Ср. Michiels, «Les cubicularii des empereurs Romains d'Auguste à Dioclétien», «Musée belge», VI, стр. 364—387.—[3]) Светон., «Домит.», гл. 17.—[4]) Henzen, «Ann. dell' Instit. di corr. arch.», XXIX, 88 пр. Or. 1635, 2905, 2906, 4663, 6334. C. I. G. 6418.—[5]) Henzen, «Ann. dell'Inst. di corr. arch.» 1856. 48 № 139 ср. Marquardt, «Privatleben d. Röm.», 2 изд., I, 144, 5.—[6]) Hirschfeld, «Philol.», XXIX, 55 сл. 73 сл. «Bull. comm. di Roma», V, 1877 стр. 173.—[7]) Cic., «ad Att.», VI, 2, 5.—[8]) «Memoiren des Herzogs von St. Simon», Sammlung von Spemann, I, 121.—[9]) Philo, «leg. ad Cai.», 571 M.

ему обѣщали оказать, когда онъ въ свитѣ императора пріѣдетъ въ Александрію. Евреи также думали о томъ, чтобы его купить, но напрасно; къ нему никто не осмѣлился приблизиться изъ-за высокомѣрнаго рѣзкаго нрава, который онъ передъ всѣми обнаруживалъ. Неизвѣстно, былъ ли онъ вольноотпущенникомъ или рабомъ [1]), какъ его называетъ Филонъ, что, однако, очень возможно. Впослѣдствіи Клавдій велѣлъ его казнить [2]).

Къ важнѣйшимъ лицамъ при дворѣ Домитіана принадлежали оба каммерарія, Пароеній и Сигеръ. Мартіалъ описываетъ одного стараго дурака, который хвастается своими отношеніями ко двору: „десять разъ на дню бѣжитъ онъ по улицѣ наверхъ ко дворцу, и ничего другого у него нѣтъ на языкѣ, какъ Пароеній и Сигеръ“ [3]). Изъ нихъ обоихъ Пароеній занималъ болѣе высокое положеніе; Светоній называетъ его употребительнымъ позднѣе титуломъ: „начальникъ спальнаго покоя“ [4]); онъ пользовался въ высшей степени расположеніемъ Домитіана, который, какъ уже сказано, даровалъ ему право носить шпагу [5]). Мартіалъ проситъ его поднести императору его пятую книгу слѣдующими словами: „ты знаешь время, когда Юпитеръ веселъ, когда онъ сіяетъ свойственной ему кроткой миной, когда онъ обыкновенно ни въ чемъ не отказываетъ просителямъ“ [6]). Пароеній и Сигеръ приняли дѣятельное участіе въ убійствѣ Домитіана и содѣйствовали вступленію на престолъ Нервы [7]), при дворѣ котораго Пароеній оставался въ милости. И тогда многое проходило черезъ его руки. Ему приходилось читать такъ много бумагъ, что ему вовсе не оставалось времени для музъ; иначе онъ посвятилъ бы себя своей собственной музѣ [8]), такъ какъ, по словамъ Мартіала, онъ превосходно писалъ стихи [9]). Мартіалъ, который уже въ 88 году поздравилъ его съ пятымъ днемъ рожденія его сына Бурра, а въ 93 году получилъ отъ него въ подарокъ изящную тогу, которая, къ сожалѣнію, въ 94 году была уже изношена, просилъ его также и теперь снова поднести императору его стихи, въ случаѣ, если у него будетъ свободное время, на что, конечно, было мало надежды [10]). Когда въ 97 году преторіанцы Нервы потребовали наказанія убійцъ Домитіана и убили ихъ, несмотря на его отказъ, повидимому, палъ и онъ [11]).

Инымъ было положеніе каммераріевъ сто лѣтъ спустя при дворѣ Коммода, гдѣ они, какъ въ восточной деспотіи, являлись, одинъ за другимъ, всемогущими замѣстителями императора—тѣмъ болѣе, что послѣдній, будучи пріученъ уже префектомъ Перенномъ жить исключительно для удовольствія, предоставилъ своимъ вольноотпущенникамъ самоуправствовать по своему произволу, и самъ находился, по большей части, внѣ Рима. Уже первый изъ нихъ—никомедіецъ Саотеръ—былъ могуществененъ; онъ исходатайствовалъ у сената право для своего родного города учредить періодическій праздникъ и выстроить храмъ императору [12]). Клеандръ вытѣснилъ его и передалъ вмѣстѣ съ другими палачу. Клеандръ [13]), фригіецъ по происхожденію, приве-

[1]) Тамъ же, 570 и 576.—[2]) Тамъ же, 576.—[3]) Мартіалъ, IV, 78.—[4]) Свет., «Домит.», 16; Діонъ, LXVII, 15; Тертулл., «Апол.». гл. 35.—[5]) Діонъ, ук. мѣсто. Ср. выше стр. 47, 9.—[6]) Мартіалъ, V. 6.—[7]) Діонъ, LXVII, 15.—[8]) Мартіалъ, XI. 1.—[9]) Мартіалъ, V. 6; XII, 11; IV, 45; VIII, 28; IX, 49.—[10]) Мартіалъ, XII, 11.—[11]) Aurel. Vict., «epit.», 25.—[12]) Діонъ, LXXII, 12. Ср. LXXVII, 21, «Commod.», гл. 3 и 4. C. I. L. VI, 2010.—[13]) Геродіанъ, I. 12 сл. «Commod.», гл. 5—7. Діонъ, LXXII, 9 сл.

зенный въ Римъ какъ рабъ, чтобы служить носильщикомъ, и проданный затѣмъ съ публичнаго торга, попалъ въ императорскій домъ и достигъ должности каммерарія. На этомъ мѣстѣ онъ имѣлъ неслыханную власть — такъ, напримѣръ, въ одинъ годъ онъ назначилъ двадцать пять консуловъ—и вымогательствами всякаго рода накопилъ колоссальное состояніе. Послѣ того, какъ Перенпъ былъ выданъ, отчасти по его подстрекательству, разъяреннымъ солдатамъ, онъ въ продолженіе нѣкотораго времени по своему усмотрѣнію назначалъ на мѣста и устранялъ этихъ ближайшихъ къ императору важнѣйшихъ чиновниковъ и, наконецъ, самъ занялъ эту должность вмѣстѣ съ двумя другими. Такъ какъ онъ, въ качествѣ префекта, носилъ (крайне рѣдко даруемую вольноотпущенникамъ) офицерскую шпагу (знакъ военной власти), народъ называлъ его: „вольноотпущенникъ со шпагой“ [1]). Предполагали, что онъ домогался высшей власти. Когда во время дороговизны вспыхнула народная ярость, обратившаяся противъ него, Коммодъ его выдалъ (189 г.); его голову носили на копьѣ по Риму; вмѣстѣ съ нимъ пали его важнѣйшіе приверженцы. Послѣдній каммерарій Коммода былъ египтянинъ Эклектъ, который, увидѣвъ, что его собственной жизни угрожаетъ деспотическій капризъ императора [2]), вступилъ въ союзъ съ тѣмъ, чтобы его убить, съ префектомъ Летомъ и любимой наложницей императора Марціей, возвелъ на престолъ Пертинака и самъ былъ убитъ вмѣстѣ съ нимъ солдатами послѣ смѣлой обороны [3]).

Камердинера Севера, Кастора, о которомъ Діонъ говоритъ, что онъ былъ самымъ лучшимъ изъ людей императора, Каракалла велѣлъ убить [4]). Кромѣ этой должности, онъ занималъ, вѣроятно при Северѣ, такую же вліятельную должность, какую занималъ при Каракаллѣ его камердинеръ Фестъ (a memoria) [5]). Мы уже упоминали о любимцѣ Аврелія, Зотикѣ, назначенномъ въ камердинеры Элагабаломъ [6]).

Кромѣ этихъ важнѣйшихъ придворныхъ, заслуживаютъ упоминанія также придворные актеры и танцовщики, хотя они и не всегда были вольноотпущенниками императора, потому что характерно для описаннаго здѣсь времени, что именно они такъ часто играли значительную роль въ императорскомъ домѣ. Первое мѣсто среди многочисленныхъ художниковъ сцены, принадлежавшихъ къ придворному штату, занимали пантомимы, потому что высшія сословія, женщины еще больше, чѣмъ мужчины, питали страстный интересъ къ этому роду сценическихъ представленій; нерѣдко виртуозы мимическаго танца могли похвалиться благосклонностью къ нимъ императрицъ. Такимъ образомъ, они бывали иногда при дворѣ могущественнѣйшими ходатаями и защитниками. „Многіе,—говоритъ Эпиктетъ,—вставая утромъ, размышляютъ, кому въ императорскомъ домѣ они должны сдѣлать визитъ, кому сказать что-нибудь пріятное, кому послать подарокъ, какъ понравиться танцовщику, какъ, оклеветавъ одного, доставить этимъ удовольствіе другому [7]). Исторіографія сохранила имена и біографіи знаменитѣйшихъ пантомимовъ.

[1]) «Commod.», гл. 6. Ср. Діонъ, LIX, 26. Ср. Mommsen, «Staatsr.», 3 изд. I, 434. Ср. выше стр. 47, 9.—[2]) «Commod.», гл. 15.—[3]) Геродіанъ, I, 17, Діонъ, LXXII, 22; «Pertinac.», гл. 4 и 11.—[4]) Діонъ, LXXVI, 14.—[5]) Діонъ, LXXVIII, 32. Геродіанъ, IV, 8, 4.—[6]) Ср. выше стр. 45 и 47, 3. Какого-то Харилампа упоминаетъ Галенъ, XIV, 624.—[7]) Epictet., «Dissert.», IV, 6, 31.

Основатель балета этого рода, киликіецъ Пиладъ, который считалъ, что имѣетъ право на благодарность Августа за то, что обратилъ вниманіе народа на сцену, былъ, повидимому, его вольноотпущенникомъ [1]); красавецъ Мнестеръ, любимецъ Калигулы, приневоленный любовникъ Мессалины, вмѣстѣ съ которой онъ и былъ казненъ въ 48 году, былъ, кажется, вольноотпущенникомъ Тиберія [2]). Парисъ, товарищъ Нерона въ его кутежахъ, казненный имъ въ 67 году, былъ вольноотпущенникомъ сестры его отца Домитіи [3]). Неизвѣстно, былъ ли вліятельный при дворѣ Домитіана Парисъ вольноотпущенникомъ послѣдняго. Другого извѣстнаго намъ Пилада, который былъ любимцемъ Траяна, освободилъ Адріанъ. Нѣкій Аполавстъ былъ уже вольноотпущенникомъ Траяна, другой пантомимъ съ этимъ же именемъ, также, какъ третій Пиладъ, были вольноотпущенниками Марка Аврелія и Л. Вера. Первый изъ нихъ несомнѣнно занималъ значительное мѣсто при дворѣ Коммода, такъ какъ онъ былъ казненъ, будучи замѣшанъ въ паденіи Клеандра [4]). Агилій Септентріонъ, „первый пантомимъ своего времени", вольноотпущенникъ Коммода, матерью котораго, Фаустиною, онъ былъ воспитанъ, выступилъ публично на сцену, побуждаемый своимъ патрономъ-императоромъ [5]). Танцоръ Ѳеокритъ, котораго Каракалла назначилъ [6]) на высокое военное мѣсто въ Арменіи [7]), былъ раньше рабомъ Саотера, каммерарія Коммода [8]).—Ко второму Парису относятся, вѣроятно, стихи Ювенала, которые позднѣе вызвали гнѣвъ другого пантомима, слѣдствіемъ чего и было изгнаніе поэта: „чего не доставятъ тебѣ знатные, тѣмъ снабдитъ тебя танцовщикъ; напрасно утруждаешь ты себя во дворцахъ; какая-нибудь Пелопея дѣлаетъ префектовъ, а Филомела—трибуновъ" [9]).

Какъ лица, пользовавшіяся при дворѣ вліяніемъ, иногда упоминаются также и другіе художники сцены. Апеллесъ изъ Аскалона, извѣстнѣйшій трагическій актеръ своего времени [10]), былъ постояннымъ спутникомъ и совѣтчикомъ Калигулы и „совершенно свободно дѣлалъ все, что осмѣливаются дѣлать подобные люди, когда они достигаютъ власти" [11]). Посланные изъ Александріи къ Калигулѣ евреи думали, что онъ, какъ Аскалонитъ—прирожденный врагъ евреевъ, вмѣстѣ съ каммераріемъ Геликономъ наиболѣе настраиваютъ противъ нихъ императора. Впослѣдствіи, однако, онъ впалъ въ немилость, какъ разсказываютъ за то, что на вопросъ Калигулы, кто ему кажется большимъ, онъ или Юпитеръ, замедлилъ отвѣтомъ. Калигула велѣлъ его высѣчь, и, когда тотъ кричалъ, хвалилъ его голосъ, который, даже когда онъ кричитъ отъ боли, звучитъ въ высшей степени пріятно [12]). Мимъ Алитиръ, еврей, находившійся въ большой милости у Нерона, представилъ императрицѣ Поппеѣ Іосифа въ Путеоли и добился, при ея ходатайствѣ, освобожденія нѣсколькихъ еврейскихъ священниковъ, которыхъ прокураторъ Феликсъ прислалъ въ цѣпяхъ къ императору [13]). Мимъ Латинъ, мастеръ въ своемъ искусствѣ, былъ любимцемъ Домитіана и гордился тѣмъ, что былъ извѣстенъ Риму, какъ „слуга

---

[1]) C. I. L. II, 2370.—[2]) Gruter, 615, 1. Nipperdey, къ Тац. «Анн.», XI, 4. Ср. ч. II, гл. III, 3.—[3]) Ср. C. I. L. XIV, 2886 съ прим.—[4]) Ср. ч. II, гл. III, 3.—[5]) Ср. выше, стр. 43, 6.—[6]) Ср. Mommsen, «Staatsr.», 3 изд. II, 2, 853, 4.—[7]) Mommsen, «Ephem. epigr.», V, стр. 578.—[8]) Діонъ, LXXVII, 21.—[9]) Ювен., VII, 90—92.—[10]) Петрон., гл. 64.—[11]) Діонъ, LIX, 5; Philo, «leg. ad. C.», 567, M.—[12]) Свет., «Калиг.», гл. 33.—[13]) Іосифъ, «Vit.», гл. 3.

своего Юпитера" (императора) [1]). Онъ сообщалъ императору новости дня [2]), и его боялись, какъ доносчика [3]).

Изъ массы остальныхъ придворныхъ слугъ надо упомянуть, по крайней мѣрѣ, о пажахъ и мальчикахъ-любимцахъ (delicati). Уже одного имени Антиноя достаточно, чтобы напомнить, какого значенія они могли достигнуть. Мартіалъ и Статій соперничали въ томъ, чтобы превозносить прекраснаго вольноотпущенника Эарина изъ Пергама, евнуха и кравчаго Домитіана, который, по словамъ перваго, изъ тысячи слугъ, подобныхъ Ганимеду, былъ самымъ милымъ для императора. „Дорогой мальчикъ,—обращается къ нему Статій,—который выбранъ для того, чтобы подносить богамъ нектаръ и касаться такъ часто могущественной правой руки, которую желаютъ схватить геты, персы, армяне и индійцы". Когда онъ въ первый разъ хотѣлъ остричь свои длинные локоны, Венера съ богами любви поспѣшила ему прислуживать. Они обвязали его шелковою мантіей, обрѣзали его волосы, при помощи лезвій двухъ стрѣлъ, напитали ихъ благоуханіями и положили въ золотой украшенный драгоцѣнными камнями сосудъ, который вмѣстѣ съ такимъ же зеркаломъ былъ посланъ въ Пергамъ къ Эскулапу [4]).

Въ одной комнатѣ на склонѣ Палатина противъ цирка нацарапаны надписи, которыми нѣкоторые, переходя изъ пажеской школы (paedagogium) на придворную службу, увѣковѣчили свои имена. Существованіе пажеской школы можно прослѣдить со времени Тиберія. Со времени Адріана она находилась въ зданіи, носящемъ имя „Caput Africae", во второмъ районѣ. Его именемъ была названа вся улица [5]). Надписи показываютъ, что также и здѣсь мальчики были набраны изъ самыхъ различныхъ странъ (напр., изъ Крыма и сѣверной Африки [6]). Въ этомъ царапаньѣ, которое принадлежало, быть-можетъ, еще времени Антониновъ, находится также имя какого-то Алексамена, котораго товарищи осмѣяли за принадлежность къ христіанству въ грубо-нацарапанномъ на штукатуркѣ рисункѣ: онъ изображенъ въ положеніи молящагося передъ человѣческою фигурою съ ослиною головою, висящею на крестѣ; подъ рисункомъ имѣется греческая надпись: Алексаменъ поклоняется своему Богу [7]).

О женской прислугѣ въ императорскомъ домѣ—о вольноотпущенницахъ и рабыняхъ—разумѣется, рѣдко заходитъ рѣчь; но нѣкоторые характерные для ихъ положенія факты заслуживаютъ упоминанія. Еврейка Акме (Hacma—по-сирійски „умная"), рабыня Ливіи, была подкуплена за большую сумму денегъ Антипатромъ, незаконнымъ сыномъ Ирода Великаго, для того, чтобы принять дѣятельное участіе въ интригѣ противъ сестры Ирода, Саломеи; ея письмо къ Антипатру было перехвачено, и она поплатилась жизнью [8]). Буду-

[1]) Мартіалъ, IX, 28.—[2]) Свет., «Домит.», гл. 15.—[3]) Схол. Ювен., 4; 53 сл.; ср. Ювен., 1, 36.—[4]) Стат., «Сильв.», praef. и III, 4; Мартіалъ, IX, 16. 36,—[5]) Gatti, «del caput Africae nella seconda regione di Roma», «Ann. dell' Inst. di corr. arch.» 1882, стр. 191 сл. Richter, «Topographie», стр. 834, 1. Hülsen, «Das sog. paedogogium aus dem Palatin», (Mélanges Boissier, стр. 307 сл.). — [6]) De Rossi, «Bull. d. Arch. cr.» I, 72, и V, 75. Wilmanns, 163.—[7]) Visconti e Lanciani, «Guida de Palatino», стр. 78 — 86. Ср. Wünsch, «Sethianische Verfluchstafeln», стр. 88 сл.—[8]) Іосифъ, «Древн.», XVII, 5, 7 сл. «Іуд. в.», I, 32, 6. 7. Letronne, «Rec. des inscript. de l'Egypte», т. II, стр. 359.

щій императоръ Отонъ проложилъ себѣ дорогу къ интимной дружбѣ съ Нерономъ черезъ посредство одной вліятельной вольноотпущенницы, которой онъ выказывалъ всяческое почтеніе; чтобы лучше достичь своей цѣли, онъ притворялся даже, что влюбленъ въ нее, несмотря на ея глубокую старость [1]). Это также напоминаетъ новѣйшіе дворы. При дворѣ Людовика XIV ва́жной особой была Нанонъ, старая служанка Мэнтенонъ; принцессы считали себя счастливыми, если имъ случалось говорить съ нею; министры, работавшіе у госпожи де Мэнтенонъ, дѣлали ей низкіе поклоны. Герцогиня Дю-Людъ достигла въ 1696 году своего стремленія—стать придворной дамой герцогини Бургундской, заплативъ 20000 талеровъ Нанонъ, и какъ-разъ вечеромъ того дня, когда король отозвался о ней совершенно отрицательно. „Таковы дворы!"—добавляетъ герцогъ Ст. Симонъ [2]).

Разумѣется, что легче всего вліяніе и силу могли пріобрѣтать императорскія любовницы. Нарциссъ побудилъ двухъ любовницъ, Кальпурнію и Клеопатру, которыя имѣли счастье пользоваться особеннымъ расположеніемъ императора, къ опасному обвиненію Мессалины передъ Клавдіемъ, обѣщаніями, подарками и перспективой большей власти по устраненіи супруги императора [3]). Иногда конкубинамъ удавалось также внушить императору прочную привязанность къ себѣ. Но правленія метрессъ не бывало въ Римско́й имперіи; причину этого можно найти въ античномъ отношеніи между полами, которое совершенно разнится отъ нынѣшняго.

Первый императоръ, который снизошелъ до подобной любовной связи, былъ тогда девятнадцатилѣтній Неронъ, а избранница его—малоазійская рабыня Акте; и эти отношенія казались до того странными, что префектъ ночной стражи Анней Серенъ долженъ былъ выдавать себя за любовника Акте. Императрица-мать впала въ ярость по поводу любовной интриги съ рабыней, которая угрожала парализовать ея вліяніе; старшіе друзья императора потому именно и способствовали ей, а также потому, что видѣли въ этомъ безопасный выходъ для его страстей. Страсть Нерона къ Акте была такъ велика, что онъ думалъ на ней жениться; лица консульскаго званія готовы были присягнуть въ томъ, что она происходитъ изъ царскаго рода Атталовъ [4]). Однако, скоро она была вытѣснена Поппеей. Она пережила Нерона и вмѣстѣ съ двумя своими старыми служанками воздала ему послѣднія почести очень пышнымъ погребеніемъ, которое стоило 200000 сестерціевъ [5]). Сохранились нѣсколько памятниковъ отъ ея, безъ сомнѣнія, многочисленныхъ рабовъ и вольноотпущенниковъ (двухъ камердинеровъ, одного скорохода, одного пекаря, одного евнуха и одной греческой пѣвицы) [6]). Водопроводныя трубы съ надписью: „Клавдія Акте, вольноотпущенная императора", найденныя въ Путеоли [7]) и Велитрахъ [8]), происходятъ изъ ея виллъ, находящихся тамъ, а кирпичи съ ея штемпелемъ—съ ея кирпичныхъ заводовъ въ Сардиніи [9]).

[1]) Свет., «Отонъ», гл. 2.—[2]) «Auswahl aus den Memoirend. H. v. St. Simon», «Spemannsche Sammlung», I, 91.—[3]) Тац., «Анн.», XI, 29 слл.—[4]) Діонъ, LXI, 7; Тац., «Анн.», XIII, 12 слл.; Свет., «Нер.», гл. 28; C. I. L. X, 7980.—[5]) Свет., «Нер.», гл. 50.—[6]) Fabretti, «Inscr. ant.», стр. 124 G, 125 F, 125 G (C. I. L. VI, 3, 15357), Henzen, 5412 (= 6425), 5413. Orelli, 2885; C. I. L. VI, 3, 15137—15176. C. I. L. X, 7640, 7980, 7984.—[7]) Ph. a Turre, «Mon. vet. Antii», стр. 121—123=Lanciani, «Acque e acquedotti», стр. 245, 226.—[8]) Lanciani, тамъ же, стр. 244, 214, ср. стр. 304.—[9]) C. I. L. X, 8046a—c.

Иными достоинствами, чѣмъ молодость и красота, Ценисъ сохранила расположеніе Веспасіана до своей смерти. Она была вольноотпущенницей Антоніи, матери Клавдія, которая пользовалась ею, чтобы писать важныя письма, такъ какъ она отличалась какъ вѣрностью, такъ и необыкновенною памятью [1]). Веспасіанъ, который любилъ ее уже раньше, взялъ ее по смерти своей супруги снова къ себѣ,—тогда ей должно было быть около сорока лѣтъ, такъ какъ она еще до смерти Сеяна (въ октябрѣ 31 г.) была повѣренной Антоніи, а супруга Веспасіана, Флавія Домитилла, умерла не раньше 52 года (годъ рожденія Домитіана). Императоръ обходился съ нею почти какъ съ законною женою. Тѣмъ болѣе бросалась въ глаза проявлявшаяся уже тогда крайняя грубость Домитіана, который, когда она по обыкновенію хотѣла поцѣловать его въ губы по возвращеніи его изъ путешествія, протянулъ ей для поцѣлуя руку [2]). Ея вліяніе на императора принесло ей неизмѣримыя богатства; думали даже, что Веспасіанъ пользовался ея услугами, чтобы собирать возможно большія суммы денегъ, „такъ какъ она получала деньги со всѣхъ сторонъ, продавая должности, прокуратуры, мѣста начальниковъ, жрецовъ, даже рѣшенія императора. Правда, ради денегъ Веспасіанъ не казнилъ никого, но за деньги многимъ оставлялъ жизнь. Получала деньги она, но Веспасіана подозрѣвали въ томъ, что она дѣлаетъ это по его желанію". Но недолго пользовалась она своею властью, такъ какъ она умерла уже въ первые годы правленія Веспасіана. Недавно при Via Nomentana былъ найденъ могильный алтарь, посвященный „манамъ Антоніи Ценисъ, вольноотпущенницы императора, ихъ прекрасной патронессѣ", который ей воздвигнулъ одинъ изъ ея вольноотпущенниковъ со своими тремя дѣтьми [3]). Послѣ ея смерти Веспасіанъ имѣлъ очень многихъ наложницъ [4]). Также на Антонина Пія одна наложница имѣла такое большое вліяніе, что городская молва приписывала ей назначеніе префекта тѣлохранителей [5]); быть-можетъ, это была, извѣстная по одной надписи, Лисистрата, вольноотпущенница его супруги Анніи Галеріи Фаустины [6]). Маркъ Аврелій, по смерти своей супруги, взялъ въ наложницы дочь одного изъ своихъ прокураторовъ, потому что онъ не хотѣлъ давать мачехи своимъ дѣтямъ [7]).

Возлюбленная Люція Вера, смирнеянка Пантеа, обязана своей посмертной славой, главнымъ образомъ, дани восхищенія, которую ей воздалъ даровитѣйшій писатель того времени Лукіанъ во время своего кратковременнаго пребыванія въ Смирнѣ (162 г.) [8]). „Ея красоту,—говорится въ посвященномъ ей сочиненіи, можно было бы описать, только собравъ воедино все наилучшее изъ знаменитѣйшихъ произведеній греческихъ мастеровъ кисти и рѣзца, такъ какъ все это она въ себѣ соединяетъ; ея голосъ—сладчайшее благозвучіе, въ пѣніи она искусствомъ и мелодіей превосходитъ соловья, даже Орфей и Амфіонъ заслушались бы ея молча; такъ же мастерски играетъ она на цитрѣ; къ поэзіи она имѣетъ живѣйшую склонность, а съ сочиненіями историковъ, ораторовъ и философовъ она очень хорошо знакома. Опытностью, политическимъ умомъ, остротою и быстротою соображенія она

---

[1]) Діонъ, LXVI, 14; Свет., «Веспасіанъ», гл. 3.—[2]) Свет., «Домит.», гл. 12.—[3]) C. I. L. VI, 2, 12037.—[4]) Свет., «Весп.», гл. 21.—[5]) «Anton. P.», гл. 8.—[6]) C. I. L. VI, 8972.—[7]) «M. Anton.», гл. 29.—[8]) Lucian, «Imagines».

похожа на Аспасію, или, вѣрнѣе, она настолько ея больше, насколько Римская имперія превышаетъ перикловы Аѳины". Дальше она сравнивается съ женою Пиѳагора Ѳеано, съ Сапфо, Діотимой. Затѣмъ, много разъ, восхваляется ея доброта и общительность, ея кротость и любезность по отношенію къ просителямъ, ея нравственность и вѣрность своему возлюбленному. „Счастье не дѣлаетъ ея высокомѣрной, она обращается съ тѣми, кто къ ней приближается, непринужденно и держитъ себя съ ними на равной ногѣ, а ея дружеское обхожденіе чаруетъ тѣмъ болѣе, что въ немъ нѣтъ никакой натянутости, несмотря на то, что она является болѣе высокопоставленной". Но и по внѣшности видно было, что она занимала высокое положеніе: многочисленная блестящая свита, камеристки, евнухи, солдаты, окружали ее. То, что расточаемую ей похвалу прекрасная женщина нашла чрезмѣрною, послужило для Лукіана предлогомъ для того, чтобы выпустить второе сочиненіе, въ которомъ онъ прибавляетъ ей новую похвалу за скромность и еще разъ повторяетъ прежнее [1]. Панѳея была, повидимому, прочною привязанностью Вера и надолго его пережила. Маркъ Аврелій разъ вспоминаетъ о ней въ одномъ изъ своихъ меланхолическихъ размышленій о тщетѣ всего земного. „Сидитъ ли еще Панѳея или Пергамъ у гроба своего господина? Или Хабрій и Діотимъ у гроба Адріана? Это было бы смѣшно. И даже если бы они тамъ сидѣли, почувствовали ли бы это мертвые? А если бы они это почувствовали, испытывали ли бы они отъ этого радость? А если бы испытывали ее, стали ли бы тѣ безсмертны? Развѣ не было суждено и имъ сначала сдѣлаться стариками и старухами, а потомъ умереть? И что стали бы они дѣлать, когда бы умерли эти? Все—преходящій тлѣнъ и оболочка полная нечистоты" [2]. Въ гаремѣ Коммода (въ которомъ было 300 женщинъ и дѣвушекъ и 300 мальчиковъ) [3]) выдвинулась, благодаря красотѣ и кокетству [4], (а какъ говорили, также благодаря колдовству) [5] Марція [6], бывшая любовница казненнаго въ 183 г. за участіе въ заговорѣ Луциллы Умидія Квадрата [7], весь домъ котораго перешелъ, повидимому, къ Коммоду. Она сдѣлалась его явной фавориткой и сумѣла сохранить это положеніе въ теченіе девяти лѣтъ. Коммодъ любилъ видѣть ее амазонкой; онъ приказалъ называть себя Амазоніемъ и хотѣлъ ради нея выступить на аренѣ въ амазонскомъ костюмѣ [8]; мы имѣемъ, можетъ-быть, ея изображеніе на одной монетѣ, гдѣ рядомъ съ его головою находится очень красивая женская голова и амазонскій щитъ [9]. Ее почитали, какъ законную жену, и она пользовалась всѣми знаками отличія, какія подобали императрицѣ, съ тѣмъ только исключеніемъ, что передъ нею не носили огня [10]. Достаточно было одного ея слова, чтобы освободить христіанъ, осужденныхъ на работу въ рудникахъ; она сама была христіанкой или, во всякомъ случаѣ, склонялась къ христіанству (какъ ея пріемный отецъ, евнухъ Гіацинтъ, который былъ пресвитеромъ въ римской общинѣ, и многіе вольноотпущенники этого двора) и имѣла отношеніе съ римскимъ епископомъ Викторомъ [11]. Напрасно заклинала она на колѣняхъ и со слезами Коммода въ послѣдній день его

[1]) Pro imaginibus.—[2]) M. Anton., «Comm.», VIII, 37.—[3]) «Commod.», гл. 5.—[4]) Aurel. Vict., «Epit.», 17, 5.—[5]) «Commod.», гл. 8.—[6]) Aurel. Vict., «epit.» 17, 5.—[7]) Діонъ, LXXII, 4.—[8]) «Commod.», гл. II.—[9]) Eckhel, D. N. VII, стр. 128. Cohen, «Med. imp.», III, табл. 4.—[10]) Геродіанъ I, 16, 4.—[11]) «Ref. haeres.», IX, 2. Ср. Ч. III, IV, 2 b.

жизни, чтобы ради себя самого онъ отказался отъ намѣренія переселиться въ гладіаторскую школу; она возбудила этимъ его гнѣвъ до такой степени, что онъ рѣшилъ ее убить. Марція случайно узнала объ этомъ и тогда сама, съ цѣлью убить императора [1]), соединилась съ двумя присужденными по той же причинѣ къ казни: съ префектомъ Преторія Летомъ и вольноотпущенникомъ Эклектомъ, бывшимъ, какъ говорятъ, ея любовникомъ. Въ первомъ, послѣ этого событія, засѣданіи сената консулъ Фальконъ назвалъ ее и Лета помощниками позорныхъ дѣлъ Коммода, но Пертинакъ защищалъ ихъ обоихъ, говоря, что они должны были ему повиноваться противъ своей воли; свой же истинный образъ мыслей они докажутъ впослѣдствіи [2]). Дидій Юліанъ приказалъ убить Марцію, какъ и всѣхъ прочихъ участниковъ заговора противъ Коммода [3]).

Даже императорскіе рабы [4]) были людьми со значеніемъ. И они нерѣдко бывали очень богаты, добивались и ихъ благосклонности и переносили ихъ высокомѣріе. Когда Сенека говоритъ, что бываютъ люди, которые заставляютъ нести себя въ своихъ носилкахъ въ паркъ привратника или еще болѣе низшихъ рабовъ и смотрятъ какъ на честь получить отъ него поцѣлуй—конечно, здѣсь идетъ рѣчь объ императорскихъ рабахъ [5]). Адріанъ увидѣлъ одного изъ своихъ рабовъ идущимъ между двумя сенаторами; онъ велѣлъ дать ему пощечину съ совѣтомъ не ходить рядомъ съ тѣми, рабомъ которыхъ онъ еще могъ бы быть [6]). Къ основаніямъ для подозрѣнія его шурина Сервіана принадлежало то, что онъ прислалъ обѣдъ императорскимъ рабамъ [7]). Однако, такіе примѣры строгости императора по отношенію къ своимъ рабамъ представляютъ, повидимому, исключенія; иначе едва ли они были бы подробно разсказаны, какъ, напримѣръ, о Клавдіи [8]). „Почему случается,—спрашиваетъ Эпиктетъ, что человѣкъ вдругъ пріобрѣтаетъ умъ, если императоръ дѣлаетъ его надзирателемъ отхожаго мѣста? [9]). Почему мы тотчасъ же говоримъ: Фелиціонъ разговаривалъ со мною разумно? Я бы хотѣлъ, что бы его прогнали изъ его отхожаго мѣста съ тѣмъ, чтобы онъ казался неразумнымъ". У Эпафродита былъ сапожникъ, котораго онъ за неспособность продалъ. Позднѣе тотъ по какому-то случаю былъ купленъ кѣмъ-то изъ императорскаго дома и сдѣлался сапожникомъ императора. Надо было посмотрѣть тогда, какъ его сталъ почитать Эпафродитъ. „Что дѣлаетъ честный Фелиціонъ,—говорилъ онъ тогда.—Я возлагаю на тебя большія надежды". Если одинъ изъ насъ спрашивалъ: „что дѣлаетъ онъ самъ?" то слѣдовалъ отвѣтъ: „онъ совѣщается съ Фелиціономъ" [10]). „Я не желалъ бы жить,—восклицаетъ философъ въ другомъ мѣстѣ,—если бы это зависѣло отъ Фелиціона, и если бы я былъ принужденъ выносить его высокомѣріе, его холопскую наглость" [11]). Однако, такъ думали немногіе. Какому-нибудь Нуменію или Симфору цѣловали руки, половину ночи проводили передъ дверью ихъ спальни и посылали имъ подарки, чтобы заручиться ихъ

---

[1]) Геродіанъ, I, 16. Діонъ, LXXII, 22. «Commod.», гл. 17.—[2]) «Pertinac», гл. 5.—[3]) Діонъ, LXXIII, 16.—[4]) Mommsen, «Staatsr», 3 изд. II, 2, 836, 5.—[5]) Сенека, «De beneff.», III, 28, 4.—[6]) «Hadrian.», гл. 21.—[7]) Тамъ же, гл. 23.—[8]) Діонъ, LX, 12. Ср. Свет., «Авг.», гл. 67.—[9]) Это надо, вѣроятно, понимать буквально, ср. Taine, «Origines d. l. France contemporaine», I, стр. 125.—[10]) Epictet., «Dissert.», I, 19, 16.—[11]) Тамъ же, IV, I, 149.

помощью для какого-нибудь повышенія [1]); за рабами ухаживали даже искатели претуры и консулата [2]). О ловкомъ цырюльникѣ Нерона Θаламѣ и его виночерпіи Пиθагорѣ говорили въ Римѣ еще черезъ четверть столѣтія послѣ смерти Нерона [3]). Съ проникновеніемъ восточныхъ нравовъ и привычекъ, съ III столѣтія, количество императорской челяди увеличивалось чѣмъ дальше, тѣмъ больше. По словамъ Либанія, Юліанъ Отступникъ нашелъ тамъ „тысячу поваровъ, не меньшее число брадобрѣевъ, еще большее число кравчихъ, толпы прислуживающихъ при столѣ и евнуховъ“ [4]). Эти числа едва ли покажутся очень преувеличенными, если съ ними сравнить, напримѣръ, числа нѣкоторыхъ разрядовъ прислуги при дворѣ султана Абдулъ-Азиза (5005 чиновниковъ и слугъ дворца, 409 сторожей и привратниковъ, 21 султанскихъ резиденцій, 359 поваровъ, 351 садовниковъ и т. д.) [5]). Между рабами римскаго императора не было „никого“, кто не пользовался бы своимъ мѣстомъ для всякихъ нарушеній, насилій и грабежей, „кто не хотѣлъ бы обладать землею, ѣздить въ собственномъ экипажѣ, быть господиномъ и притомъ такимъ же могущественнымъ, какъ его собственный господинъ; они не удовлетворялись богатствомъ, но были недовольны, если не достигали почетнаго положенія, чтобы прикрыть имъ свое рабство“ [6]).

Разумѣется, стать лично извѣстными императору удавалось только немногимъ изъ огромной толпы слугъ, и довольно часто надежды протѣснявшихся впередъ честолюбцевъ были обмануты къ злорадству ихъ товарищей по рабству. Баснописецъ Федръ, который, въ качествѣ императорскаго вольноотпущенника, былъ своимъ человѣкомъ въ средѣ слугъ, съ очевиднымъ удовольствіемъ разсказываетъ о подобномъ случаѣ. Однажды, когда Тиберій, во время своего путешествія въ Неаполь, заѣхалъ въ свою виллу около Мисена и прогуливался по парку, одинъ изъ виднѣйшихъ рабовъ тамошняго персонала (atriensis), съ высоко подвязаннымъ платьемъ, изящно одѣтый и хорошо причесанный, забѣгалъ передъ нимъ на всѣ дороги, по которымъ шелъ императоръ, и усердно поливалъ землю. Наконецъ, Тиберій сдѣлалъ ему знакъ, но только для того, чтобы сказать радостно поспѣшившему рабу: твое стараніе было напраснымъ, такъ дешево нельзя купить честь получить отъ меня пощечину [7]).

Къ рабамъ, занимавшимъ самыя видныя мѣста въ императорскомъ домѣ, принадлежали также диспенсаторы (счетчики, казначеи, интенданты) [8]), не только при самомъ дворѣ [9]), но также при многочисленныхъ управленіяхъ въ Римѣ и провинціяхъ. Правда, какъ о чемъ-то чудовищномъ Плиній сообщаетъ о томъ, что диспенсаторъ въ войну съ Арменіей, по ея окончаніи, могъ купить себѣ свободу за 13 милліоновъ сестерціевъ [10]). Но какъ велики были, и въ другихъ случаяхъ, доходы диспенсаторовъ, видно изъ того, что Отонъ могъ вынудить милліонъ сестерціевъ у одного раба, которому онъ при Гальбѣ выхлопоталъ такое мѣсто, какъ вознагражденіе себѣ за эту услугу [11]). Рабъ Клавдія, Ротундъ, который принадлежалъ раньше сестрѣ Калигулы,

---

[1]) Тамъ же, III, 8, 31.—[2]) Тамъ же, IV, 7, 23.—[3]) Марціалъ, VIII, 52; XI, 6, 10.—[4]) Liban. ed. R. I, 565.—[5]) Hirschfeld, стр. 310, 2.—[6]) Либан. ук. м.—[7]) Федръ, II, 5.—[8]) Fabretti, «Inscr. Ant.», стр. 293 слл., ср. стр. 334. Hirschfeld, стр. 461 сл.—[9]) Свет., «Гальба», гл. 12. «Веспас.», гл. 22.—[10]) Плиній, «H. n.», VII, 129.—[11]) Свет., «Отонъ», гл. 5.

Друзиллѣ, и былъ диспенсаторомъ въ ближней Испаніи, владѣлъ серебрянымъ блюдомъ въ 500 фунтовъ, для выдѣлки котораго была построена особая мастерская, а многіе изъ его свиты имѣли подобныя же блюда меньшаго размѣра [1]). Въ одномъ колумбаріи на Апіевой дорогѣ, около памятника Сципіоновъ, была найдена надгробная надпись одного диспенсатора главнаго императорскаго казначейства въ Лугдунской Галліи, который былъ рабомъ Тиберія. Она была ему поставлена его собственными шестьюдесятью рабами (vicarii), которые сопровождали его въ его путешествіи въ Римъ, гдѣ его и застигла смерть. Подобная свита при путешествіи даетъ возможность заключить о размѣрахъ всего домашняго штата. Она состояла изъ трехъ секретарей (a manu), двухъ каммераріевъ (a cubiculo), двухъ поваровъ, двухъ пѣшихъ провожатыхъ (pedisequi), двухъ хранителей серебряной посуды (ab argento), одного врача, одного гардеробщика, одного дѣлопроизводителя (negot.), одного эконома (sumptuarius) и одного, должность котораго не названа [2]).

Само собою разумѣется, что не всѣ должности, въ которыхъ нуждался дворъ, могли быть заняты вольноотпущенниками или рабами императорскаго дома, особенно тѣ, для которыхъ требовалось художественное или научное образованіе. Изъ лицъ, которыя находились на службѣ двора, не принадлежа императорскому дому, чаще всего упоминаются лейбъ-медики, придворные астрологи и учителя принцевъ.

Учителя въ императорской семьѣ иногда бывали знатными людьми. Сенека былъ уже сенаторомъ, когда онъ былъ призванъ къ воспитанію тогда еще восьмилѣтняго Нерона [3]); также, вѣроятно, и Фронтонъ, когда онъ взялъ на себя обученіе Марка Аврелія (тогда М. Аннія Вера) и Л. Вера (тогда Л. Коммода) [4]). Можно предположить, что обыкновенно выбирали такихъ людей, которые заслужили большую славу въ своей спеціальности; въ то время, когда Домитіанъ поручилъ Квинтиліану обученіе внуковъ своей сестры Домитиллы, онъ уже двадцать лѣтъ преподавалъ въ Римѣ краснорѣчіе [5]). Знаменитый Ѳеодоръ изъ Гадары [6]) былъ учителемъ Тиберія въ краснорѣчіи. Къ учителямъ Марка Аврелія принадлежали софисты Александръ Котіейскій и Геродъ Аттикъ [7]). Если учителя были изъ болѣе низкаго сословія, они, вѣроятно, причислялись къ дворцовому штату. Когда Августъ учителемъ своихъ внуковъ сдѣлалъ знаменитаго филолога Веррія Флакка, онъ позволилъ ему переѣхать къ нему въ домъ со всей своею школою, только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ не принималъ новыхъ учениковъ, и положилъ ему годовое содержаніе въ 100000 сестерціевъ [8]). Стоикъ Аполлоній, котораго Антонинъ Пій вызвалъ изъ Халкиды для обученія молодого Марка Аврелія, отказался переѣхать во дворецъ Тиберія, гдѣ жилъ Маркъ Аврелій, на томъ основаніи, что ученикъ самъ долженъ приходить къ учителю;—наслѣдникъ престола дѣйствительно выполнилъ это требованіе [9]). Пертинакъ позволялъ своему сыну, явно въ видѣ исключенія, посѣщать общественныя школы и

---

[1]) Плиній, «H. n.», XXXIII, 145. Тертулл., «De pall.», гл. 5.—[2]) Henzen, 6651.—[3]) Свет., «Нер.», гл. 7.—[4]) Niebubr, «Praef. ad. Fronton.», стр. XXI.—[5]) Квинтил. кн. IV, praef.—[6]) Свет., «Тибер.», гл. 57.—[7]) «M. Anton.», гл. 2 и 3.—[8]) Светон., «De ill. gramm.», гл. 17.—[9]) «Anton. P.», гл. 10, ср. «M. Anton.», гл. 3. Лукіанъ, «Демон.», 31. М. Антон., «Коммент.», I, 8.

площадки для гимнастическихъ упражненій [1]. Извѣстно, что трое учителей, обучавшихъ принцевъ, достигли консулата—Сенека (57 г.), Фронтонъ (143 г.), причемъ оба были только suffecti, а Геродъ Аттикъ былъ дѣйствительнымъ консуломъ (143 г.). Консульскіе знаки отличія получили Квинтиліанъ по ходатайству двоюроднаго брата Домитіана, Флавія Клемента, и Титіанъ, вѣроятно, учитель младшаго Максимина [2].

Несмотря на то, что императорскій домъ имѣлъ медицинскій персоналъ, который былъ очень многочисленъ [3], какъ по причинѣ многихъ дворцовъ и имѣній, служившихъ резиденціями, которые должны были имѣть необходимую прислугу [4], такъ и въ виду многочисленныхъ спеціальностей тогдашней медицины,—все же выборъ лейбъ-медиковъ зависѣлъ отъ довѣрія, а довѣріе отъ славы; и домашнимъ врачебнымъ персоналомъ пользовались, какъ надо предполагать, лишь въ незначительныхъ случаяхъ поданія помощи. Лейбъ-медики ранней эпохи имперіи получали годовое содержаніе въ 250000 сестерціевъ; Кв. Стертиній считалъ, что приноситъ жертву императорскому дому, удовлетворяясь двойнымъ жалованьемъ; онъ доказалъ, перечисливъ пользуемыя имъ семьи, что частная практика давала бы ему 600000. Братъ этого Стертинія Г., Стертиній Ксенофонтъ, получалъ отъ Клавдія такое же содержаніе и, хотя они оба истощили свое состояніе на большія постройки для украшенія Неаполя, они все-таки оставили 30 милліоновъ сестерціевъ (другой императорскій врачъ, Аррунтій, одинъ оставилъ столько же) [5]. Послѣ смерти лейбъ-медика Деметрія, находившійся тогда на германской войнѣ на Дунаѣ Маркъ Аврелій сдѣлалъ запросъ начальнику императорскаго финансоваго вѣдомства, какой врачъ находится въ настоящее время на императорскомъ жалованьѣ и, узнавъ, что Галенъ въ продолженіе всего времени руководилъ приготовленіемъ лѣкарствъ, приказалъ поручить ему также изготовленіе теріака [6]. При Александрѣ Северѣ жалованье получалъ только одинъ придворный врачъ; остальные, число которыхъ достигало шести, получали лишь продовольствіе натурою [7]. За послѣднія столѣтія древняго міра императорскіе лейбъ-медики (archiatri sacri Palatii) занимали очень видное положеніе, въ которомъ ихъ еще утвердилъ Теодерихъ [8].

Врачами обыкновенно бывали, также и при римскомъ дворѣ, греки, какъ, напримѣръ, врачъ Тиберія Хариклъ [9], оба врача Нерона, по имени Андромахи (старшій былъ съ Крита) [10], врачъ Траяна, Критонъ (онъ сопровождалъ его во время германскаго похода) [11], Адріана—Гермогенъ [12] Марка Аврелія—Деметрій [13], и Коммода—Галенъ [14]. Можно предполагать, что эти императорскіе врачи получали обыкновенно за свою службу права гражданства, если они его еще не имѣли, какъ нѣкій Т. Клавдій Алкимъ и нѣкій Т. Клавдій Менекратъ [15]. Вольноотпущенникъ Антоній Муза былъ награжденъ за излѣченіе Августа въ 22 году до Р. Хр. статуей, золотыми кольцами и освобо-

---

[1] Геродіанъ, I, 4, 9.—[2] Auson., «ad Gratian. imp. gratiar. act. pro cons.», ed. Toll, стр. 713.—[3] Ср. напр. М. Антон. «Коммент.», VIII, 31. Or. 2974, 4227. Свет., «Калиг.», гл. 8.—[4] C. I. L. VI, 8895—8910. 8646. 8647. 8656. 8671.—[5] Плин., «H. n.», XXIX, 7.—[6] Галенъ, XIV, 4.—[7] «Alex. Sev.», гл. 42.—[8] Marquardt, «Privatl.», 2 изд., II, 776.—[9] Тац., «Анн.», VI, 50.—[10] Sprengel, «Gesch. d. Arzneik.», 3 изд. II. 70 сл.—[11] Мартіалъ, XI, 60, 6. C. Mueller, «Fr. hist. gr.», IV, 373 сл.—[12] Діонъ, LXIX, 22.—[13] Galen, ed. K. XIV, 4.—[14] Sprengel, II, 140.—[15] C. I. G. 6604. 6607.

жденіемъ отъ налоговъ его самого и его товарищей по профессіи [1]). Упомянутый выше лейбъ-медикъ Клавдія Г. Стертиній Ксенофонтъ, Асклепіадъ изъ Коса, который соединялъ съ врачебною дѣятельностью придворную службу, выхлопоталъ для своего брата и дяди права гражданства и военный трибунатъ (слѣдовательно, зачисленіе во всадническое сословіе); себѣ же, помимо послѣдняго, онъ выхлопоталъ еще важную военную должность (praefectus fabrum) и знаки отличія въ видѣ золотого вѣнца и копейнаго древка на британскомъ тріумфѣ (43 г. послѣ Р. Хр.; безъ сомнѣнія, онъ сопровождалъ Клавдія въ его походѣ) [2]); своему родному городу онъ выхлопоталъ свободу отъ повинностей (53 г.) [3]). Его благодарные соотечественники поставили въ честь его и его домашнихъ статуи и вычеканили въ его память монеты съ его изображеніемъ. Говорятъ, что онъ, въ соглашеніи съ Агриппиной (54 г.), отравилъ Клавдія [4]). На его памятникахъ онъ называется не только, по обыкновенію, „другъ императора", но также „другъ Клавдія", а послѣ убійства послѣдняго: «другъ Нерона" [5]).

Врачи вообще обвинялись своими врагами въ составленіи ядовъ, а также въ прелюбодѣяніяхъ съ императорскими женами, къ которымъ ихъ профессія давала имъ свободный доступъ [6]). Плиній упоминаетъ о Веттіи Валентѣ (изъ Аримина, гдѣ еще находятся памятники этого семейства) [7]), который при Клавдіи былъ знаменитъ какъ врачъ и какъ любовникъ Мессалины, вмѣстѣ съ которою онъ былъ казненъ въ 48 году, а также объ Евдемѣ, врачѣ невѣстки Тиберія—Ливіи, который былъ посвященъ въ ея любовныя отношенія съ Сеяномъ и самъ жилъ съ нею въ незаконной связи [8]). Само собою понятно, что императорскіе врачи пользовались извѣстнымъ уваженіемъ среди своихъ коллегъ въ Римѣ. Галенъ хвалится тѣмъ, что въ короткое время вылѣчилъ ритора Діомеда, жившаго въ улицѣ сандальщиковъ, болѣзни котораго не поняли и невѣрно лѣчили даже знаменитѣйшіе придворные врачи [9]).

Рѣдко обходились эти дворы также безъ астрологовъ; они почти всегда были или греки, или жители Востока. Правда, астрологія создавала именно для престола большія и особыя опасности. Пророчества астрологовъ пробуждали дремлющія страсти, вызывали опасныя мысли и вѣрящимъ въ свое дѣло придавали мужество, близкое къ фатализму [10]). Императора Клавдія, согласно пасквилю Сенеки на его обожествленіе, астрологи заставляли умирать каждый день и каждый часъ [11]). Предсказатели и халдеи, постоянно окружавшіе Отона, не дали пасть его мужеству даже послѣ усыновленія Пизона Гальбою, особенно какой-то Птолемей, который ему раньше предсказывалъ, что онъ переживетъ Нерона и самъ достигнетъ престола, теперь основывался на томъ, что его пророчество на половину уже исполнилось [12]). „Халдеи,—говоритъ христіанскій писатель III вѣка,—губятъ правителей, внушая имъ страхъ, и одушевляютъ подданныхъ дерзать на великое". Поэтому по-

---

[1]) Діонъ, LIII, 30.—[2]) Его надписи у M. Dubois, «Un médecin de l'emper. Claude», «Bull. de corr. hell.», V (1881), стр. 461—476.—[3]) Тац., «Анн.», XII, 67.—[4]) Тац., «Анн.», XII, 67.—[5]) Dubois, ук. соч. стр. 479.—[6]) Плин., «H. n.», XXIX, 20.—[7]) «Real-encycl.» v. Pauli, Walz u. Teuffel, VI, 2532 сл.—[8]) Тац., «Анн.», IV, 3, 11.—[9]) Galen, «De praenot. ad Epig.», гл. 5, изд. K. XIV, 625.—[10]) «Refut. haeres.», IV, 7, изд. Duncker, стр. 62.—[11]) Сенека, «Apocoloc.», 3.—[12]) Плутархъ, «Гальба», гл. 23; Тац., «Ист.», I, 22.

стоянно слѣдовали строгiя запрещенiя астрологiи, высылка и наказанiе халдеевъ, но всегда одинаково напрасно [1]). Почти всѣ императоры сами совѣтовались съ астрологами [2]), и многiе изъ нихъ были посвящены въ тайны этой лженауки, какъ Адрiанъ и Северъ, но больше всѣхъ Тиберiй [3]). Астрологу Ѳрасиму, который до смерти Тиберiя оставался его неразлучнымъ спутникомъ, приписывали при дворѣ безусловное влiянiе на этого вообще столь замкнутаго монарха [4]). Веспасiанъ, который особенно предавался этому суевѣрiю, разрѣшилъ, по просьбѣ эфесскаго астролога Барбилла, городу Эфесу, учредить перiодическiя праздничныя игры (называемыя часто въ надписяхъ Барбиллеями)—преимущество, котораго онъ не оказалъ ни одному другому городу [5]). Это былъ тотъ самый знаменитый астрологъ, по совѣту котораго Неронъ, при появленiи кометы въ 65 году, казнилъ многихъ вождей аристократiи для того, чтобы, такимъ образомъ, избѣжать будто бы угрожающей ему опасности [6]). Поппея также имѣла тайныя сношенiя съ многими астрологами: для нея они были „злосчастными орудiями брака съ императоромъ“ [7]). Нерѣдко судьба знатныхъ родовъ находилась въ рукахъ халдеевъ. Тиберiй велѣлъ многихъ убить послѣ того, какъ вывѣдалъ часъ ихъ рожденiя и поэтому узналъ ихъ характеръ и предстоящее имъ жизненное поприще; Домитiанъ убилъ Метiя Помпосiана, потому что всѣ говорили, что расположенiе звѣздъ въ часъ его рожденiя предвѣщало ему императорскiй престолъ. Также Каракалла по гороскопамъ высшихъ придворныхъ лицъ узнавалъ, враждебно или дружественно они къ нему расположены; послѣ этихъ дознанiй онъ утверждалъ смертные приговоры и жаловалъ почести [8]).

Подданный, которому, по словамъ халдеевъ, его гороскопъ обѣщалъ престолъ, имѣлъ обыкновенно одинъ выборъ между заговоромъ и собственной гибелью. Такъ, на этомъ основанiи смерть Нервы была будто бы рѣшена уже Домитiаномъ и была отклонена лишь при посредствѣ одного расположеннаго къ нему астролога, который заставилъ императора повѣрить, что Нервѣ осталось жить еще лишь нѣсколько дней [9]).

---

3. Друзья и свита императора.

Лица изъ сенаторскаго и всадническаго сословiя, составлявшiя ближайшую свиту императора, назывались его друзьями. Они преимущественно созывались въ императорскiй государственный совѣтъ (составленный изъ сенаторовъ уже при Августѣ) [10]). Тиберiй „потребовалъ отъ сената, кромѣ своихъ старыхъ друзей и довѣренныхъ, двадцать человѣкъ изъ первыхъ лицъ государства въ качествѣ своихъ совѣтниковъ въ общественныхъ дѣлахъ“ [11]). Изъ позднѣйшихъ императоровъ упоминается только одинъ Александръ Се-

---

[1]) Marquardt, «Staatsverw.» 2 изд., III, 92—94.—[2]) Тамъ же, стр. 93 сл.—[3]) Iосифъ, «Древн.», XVIII, 6, 9. Ср. Тац., «Анн.», VI, 20 и 46; «Hadrian», гл. 16, «Ael. Ver.» 2; «Sever.», 3. «Geta», 2, 3. «Alexdr.», 5. Дiонъ, LXXVI, 11 и 14.—[4]) Тац., «Анн.», VI, 20 сл. Свет., «Авг.», 98. «Тибер.», 14, 62; Дiонъ, LVII, 15.—LVIII, 27. Schol. Juv. VI, 576.—[5]) Дiонъ, LXVI, 9.—[6]) Свет., «Нер.», гл. 36, Тац., «Анн.», XV, 47; Дiонъ, LXI, 18.—[7]) Тац., «Ист.», I, 22.—[8]) Дiонъ, LVII, 10. Светон., «Домит.», гл. 10. Дiонъ, LXXVIII, 2.—[9]) Дiонъ, LXVII, 15.—[10]) Mommsen, «Staatsr.», 3 изд., II, 2, 902—904.—[11]) Светон., «Тибер.», гл. 55.

веръ, который потребовалъ такой государственный совѣтъ [1]). Все-таки при рѣшеніи важныхъ политическихъ и военныхъ вопросовъ императоры обыкновенно совѣтовались съ выдающимися людьми изъ сенаторскаго и всадническаго сословія, естественно, главнымъ образомъ, изъ круга друзей. Вельможи (proceres, всѣ или почти всѣ—консулары, кромѣ того, оба префекта преторія), которыхъ Домитіанъ спѣшно созвалъ на совѣтъ въ свой дворецъ при Альбѣ, „какъ-будто онъ хотѣлъ сообщить имъ что-нибудь о хаттахъ или дикихъ сикамбрахъ, или какъ-будто пришло съ другого конца свѣта какое-нибудь ужасное извѣстіе“, и которыхъ онъ спросилъ только о лучшемъ способѣ приготовленія большой морской рыбы, въ разсказѣ объ этомъ происшествіи многократно названы Ювеналомъ „друзьями“ [2]).

Но, въ то время, какъ подобныя организованныя коллегіальныя совѣщанія совѣта, устраиваемаго для каждаго отдѣльнаго случая, бывали, повидимому, не часто, императоры, начиная съ Августа, неизмѣнно слѣдовали старому обычаю—не произносить юридическихъ приговоровъ, не призвавъ друзей и совѣтниковъ и не выслушавъ ихъ мнѣнія. Въ одномъ такомъ собраніи, которое было созвано Клавдіемъ, изъ 25 сенаторовъ было 16 консуларовъ [3]). До Траяна этотъ совѣтъ не имѣлъ прочной организаціи. Но со времени Адріана члены его (consilium, послѣ Діоклетіана consistorium) являются назначаемыми, и, во всякомъ случаѣ со времени Коммода, а можетъ быть и раньше, получающими жалованье совѣтниками (consiliarii Augusti); и если въ этотъ совѣтъ, „изъ котораго императоры выбирали членовъ для каждаго отдѣльнаго засѣданія, естественно, главнымъ образомъ, привлекались юристы, то въ немъ все же, по всей вѣроятности, всегда были въ большомъ числѣ также друзья и свита“ [4]) императора, особенно изъ сословія всадниковъ. Можно предполагать, что принадлежавшіе къ нему придворные уже давно регулярно привлекались въ него; съ конца II столѣтія префекты гвардіи получили въ немъ даже, повидимому, руководящее значеніе [5]).

Отчасти какъ члены (постояннаго или собирающагося по надобности) политическаго императорскаго совѣта, отчасти какъ неоффиціальные совѣтники, друзья императора часто оказывали рѣшающее вліяніе на систему правленія: такъ (назовемъ хотя бы только этихъ) Меценатъ и Агриппа, какъ друзья Августа, Сеянъ—Тиберія, Сенека—Нерона въ первые годы его правленія и Тигеллинъ — въ послѣдніе. Всѣ считали ихъ за лицъ, имѣвшихъ вліяніе на важнѣйшія рѣшенія, и обыкновенно такъ и было въ дѣйствительности. Въ первый годъ правленія Нерона, когда предстояла война съ парѳянами, въ Римѣ говорили, что при выборѣ полководцевъ обнаружится, имѣетъ ли императоръ честныхъ друзей или нѣтъ [6]). Тацитъ говоритъ, что нѣтъ для хорошаго правителя важнѣйшаго орудія, какъ друзья [7]). Біографъ императоровъ Марій Максимъ утверждалъ даже, что для государства безопаснѣе и лучше, если будетъ дурной императоръ, нежели друзья императора; одинъ дурной можетъ быть обузданъ многими хорошими, противъ мно-

[1]) Герод., VI, 1, 3. Діонъ, LXXXI, 1. Mommsen, ук. соч. 90, 3, 3.—[2]) Ювен., 4, 74 сл. 88.—[3]) Wilcken, «Alexandrin. Gesellschaften vor Kaiser Claudius», «Hermes», XXX, 1895, стр. 493.—[4]) «Hadrian», гл. 18.—[5]) Mommsen, 3 изд., II, 2, 988 слл. Hirschfeld, стр. 339—342. Seeck, «Consistorium», «Realencycl», 2 изд.—[6]) Тац., «Анн.», XIII, 2.—[7]) Тац., «Ист.», IV, 7.

гихъ дурныхъ одинъ хорошій не можетъ ничего сдѣлать [1]). Діонъ изъ Прусы говоритъ въ одной изъ рѣчей, въ которыхъ онъ даетъ совѣты Траяну, что правителю друзья полезнѣе, чѣмъ глаза, потому что при ихъ посредствѣ онъ можетъ видѣть до предѣловъ земли, полезнѣе, чѣмъ уши, потому что при ихъ посредствѣ онъ можетъ все слышать, о чемъ ему слѣдуетъ знать, чѣмъ языкъ и руки, потому что черезъ нихъ онъ можетъ говорить со всѣми людьми и совершать всѣ дѣла; черезъ нихъ онъ можетъ многое дѣлать одновременно, одновременно о многомъ думать и совѣтоваться, быть въ одно и то же время во многихъ мѣстахъ. Онъ имѣетъ также возможность выбрать себѣ самыхъ надежныхъ и способныхъ друзей, потому что никто не могъ бы наградить ихъ такъ, какъ онъ. „Ибо кто можетъ доставить болѣе почестей? Кто нуждается въ большемъ числѣ чиновниковъ? Кто въ состояніи раздавать болѣе видныя мѣста? Кто, кромѣ него, можетъ поручать другому веденіе войны? Кѣмъ могутъ быть оказаны болѣе блестящія почести? Чей столъ пользуется большимъ почетомъ? И, если бы дружба была продажна, кто имѣетъ болѣе денегъ,—такъ что никто не въ состояніи воздать тѣмъ же за его дары [2]). Траянъ, по совѣту многихъ друзей, почти рѣшился назначить своимъ наслѣдникомъ не Адріана, но Нератія Приска [3]). Антонинъ Пій „не дѣлалъ никакихъ постановленій ни относительно провинцій, ни о какихъ-нибудь государственныхъ дѣлахъ, не изложивъ этого предварительно друзьямъ, свои распоряженія онъ писалъ, сообразуясь съ ихъ взглядами“ [4]). Увидѣвъ приближеніе своей кончины, онъ призвалъ „друзей и префектовъ“, подтвердилъ передъ ними то, что Маркъ Аврелій — его наслѣдникъ и представилъ имъ его [5]). Маркъ Аврелій постоянно обсуждалъ съ самыми знатными лицами (optimates) военныя и мирныя дѣла. При этомъ онъ всегда держался такого взгляда: „справедливѣе мнѣ послѣдовать совѣту столь многихъ подобныхъ друзей, нежели столь многимъ подобнымъ друзьямъ подчиниться моей волѣ“ [6]).

Разумѣется, друзей императора всѣ столько же почитали, сколько и боялись. Плиній Младшій говоритъ, что онъ, будучи очень молодымъ человѣкомъ (при Титѣ или Домитіанѣ), взялъ на себя веденіе процесса „и притомъ противъ лицъ могущественнѣйшихъ въ государствѣ и даже противъ друзей императора“ [7]). „Я буду другомъ императора,—говорится у Эпиктета,—пока я имъ буду, никто не осмѣлится сдѣлать мнѣ никакого зла“ [8]). Естественно, что друзья нерѣдко злоупотребляли властью, которую это положеніе создавало. Біографъ Александра Севера описываетъ его друзей, управлявшихъ какъ внутренними, такъ и внѣшними дѣлами [9]), какъ образецъ императорскихъ друзей вообще, при этомъ онъ перечисляетъ недостатки, пороки и преступленія, которыя были имъ чужды, и въ которыхъ, очевидно, чаще всего упрекали людей, находившихся въ ихъ положеніи. Къ нимъ принадлежатъ воровство, властолюбіе, потворство злу, сластолюбіе, жестокость, обманъ императора, надъ которымъ его друзья насмѣхались и престижъ котораго роняли продажностью, ложью и вымысломъ [10]).

---

[1]) «Alex. Sever.», гл. 65.—[2]) Діонъ Хрис. «Or.», III. ed. Dindorf I, 55 сял.—[3]) «Hadrian», гл. 4.—[4]) «Anton. P.», гл. 6.—[5]) «M. Anton.», гл. 7.—[6]) Тамъ же, гл. 22.—[7]) Плин., «Письм.», I, 18.—[8]) Эпиктетъ, «Dissert.», IV, 1, 95.—[9]) «Alex. Sever.», гл. 29.—[10]) Тамъ же, гл, 66.

Отношеніе друзей къ императору уже при первыхъ дворахъ пріобрѣло незыблемыя формы, которыя прежде всего основывались на древнеримскомъ обычаѣ ежедневнаго утренняго пріема въ знатныхъ домахъ. Уже Гай Гракхъ и Ливій Друзъ такъ организовали свои партіи, что подраздѣлили ихъ на три разряда, изъ которыхъ членовъ перваго они принимали по одному и тайно, членовъ второго—въ большемъ числѣ, а членовъ третьяго—всѣхъ вмѣстѣ [1]. Точно также и при императорскомъ дворѣ различались друзья „перваго и второго пріема" (primae et secundae admissionis) [2]. Эта очередь въ пріемѣ зависѣла не столько отъ званія, сколько отъ личныхъ отношеній къ императору. Къ друзьямъ принадлежали (не считая родственниковъ [3]) и друзей молодости) [4] прежде всего первые изъ сенаторскаго сословія, а именно городскіе префекты, консулы, консулары, а также и болѣе молодые люди, которые только начинали свое поприще, и которымъ здѣсь открывалась надежда на блестящее будущее. Такъ, Луканъ получилъ квестуру только тогда, когда былъ вызванъ Нерономъ изъ Аѳинъ и принятъ въ числѣ его друзей [5], а Отонъ, ставшій позднѣе императоромъ (родившійся въ 32 году), уже въ 55 году занималъ выдающееся мѣсто среди друзей Нерона, какъ его товарищъ по распутству (также передъ полученіемъ квестуры) [6]. Но императоры набирали себѣ приближенныхъ также и изъ второго сословія, и какъ Августъ, главнымъ образомъ, предоставлялъ власть и вліяніе всадникамъ, Меценату, Прокулею, Саллюстію Криспу, чтобы ослабить вліяніе сената, такъ то же самое происходило и въ болѣе позднее время, когда это случалось уже безъ особаго намѣренія. Принадлежавшіе къ этому сословію высшіе префекты, а именно: намѣстникъ Египта, префектъ преторія и подчиненные городскому префекту префекты ночной стражи (завѣдывавшіе пожарными и полиціей) и префектъ столь важнаго для Рима управленія хлѣбомъ всегда были, въ силу своей должности, друзьями императора [7].

Со временемъ наименованіе „другъ" стало титуломъ, неразрывно связаннымъ съ нѣкоторыми высокими должностями и независимымъ отъ личныхъ отношеній. Рескриптомъ Севера и Каракаллы 201 года утверждалась нѣкоторая свобода отъ повинностей, данная гражданамъ одного города въ Мэсіи, а также и всѣмъ тѣмъ, которые впослѣдствіи будутъ приняты въ число гражданъ, „однако только тогда, если нашъ другъ, консуларъ-легатъ, сочтетъ ихъ достойными права гражданства" [8]. Но возможно, что уже въ первое время правленія Марка Аврелія всѣ консулары-легаты носили титулъ „друга императора". Одна надпись (поставленная между 163 и 165 гг.) гласитъ, что оба правящіе императора возстановили дорогу при Абилѣ „при посредствѣ Юлія Вера, который былъ преторскимъ легатомъ провинціи Сиріи и ихъ другомъ"; эта надпись несомнѣнно была сдѣлана трибуномъ легіона, руководившимъ постройкою [9]. Даже прокураторы провинцій могли, повидимому, въ силу своей должности претендовать на этотъ титулъ [10]. Возможно также, что и въ эту титулатуру уже въ первыхъ столѣтіяхъ были введены

---

1) Сенека, «Beneff.», VI, 34.—2) Его же, «De clementia», I, 10; ср. «Alex. Sever.», гл. 20.—3) Напр. Діонъ, LXIX, 1. «Hadrian.», гл. 15.—4) Напр. «M. Anton.», гл. 13.—5) Светон., «Vita Lucani».—6) Тац., «Анн.», XIII, 12 и 46; Светон., «Отонъ», гл. 3 сл. Плут., «Гальба», гл. 19.—7) Hirschfeld, стр. 449, 1.—8) C. I. L. III, 1, 781.—9) Orelli, 4997; Lebas-Waddington, 1874.—10) Hirschfeld, стр. 449.

разряды. Въ куріальномъ стилѣ IV и V вѣковъ три наивысшихъ государственныхъ чиновника (praef. praetorio, praef. urbis и magister militum) носятъ наименованіе parens (отецъ), другіе, принадлежащіе къ первому разряду (magister officiorum, comites rerum privatarum и sacrarum largitionum) — frater (братъ); къ чиновникамъ низшаго ранга (въ родѣ консулара Пицена или префекта Египта) обращались въ сохранившихся приказахъ только съ какимъ-нибудь дружескимъ обращеніемъ, чаще всего carissime (дражайшій) [1]. Начало этихъ оффиціальныхъ обращеній, быть-можетъ, можно уже усмотрѣть въ томъ, что Траянъ въ своихъ письмахъ къ Плинію Младшему, какъ императорскому легату въ Виѳиніи, постоянно называетъ его „дражайшій“, а Коммодъ называлъ префекта преторія Юліана „отецъ“ [2]; и уже несомнѣнно, когда Александръ Северъ (въ 222 году) называетъ юриста Ульпіана, какъ префекта анноны, своимъ другомъ, а въ томъ же году называетъ его, какъ префекта преторія, отцомъ (parentem) [3]. Дидій Юліанъ на первомъ пріемѣ сената и лицъ всадническаго сословія обращался ко всѣмъ безразлично со словами „сынъ“, „братъ“, „отецъ“, смотря по возрасту [4]. Впрочемъ, въ природѣ вещей-то, что наименованіе „другъ“ чаще давали императоры, чѣмъ кто-нибудь самъ такъ себя называлъ или былъ такъ названъ третьимъ лицомъ, что и встрѣчается рѣдко въ дѣловомъ стилѣ и на надписяхъ [5].

Друзья императора обыкновенно ежедневно являлись къ его утреннему пріему и ихъ часто приглашали къ столу. Адріанъ постоянно приглашалъ своихъ друзей на пиры [6]. Антонинъ Пій приглашалъ ихъ принимать участіе какъ на своихъ маленькихъ, такъ и на большихъ обѣдахъ [7]. Маркъ Аврелій перечисляетъ среди вещей, которымъ онъ научился у своего отца, то, что онъ не принуждалъ своихъ друзей раздѣлять съ нимъ трапезу и не измѣнялъ обращенія съ тѣми, которые не принимали въ ней участія [8]. Но какъ разъ то, что онъ вмѣнялъ себѣ въ заслугу, истолковывали дурно, и въ удаленіи друзей отъ общества и пировъ императора находили усиленіе придворнаго высокомѣрія [9]. При Александрѣ Северѣ нѣкоторые друзья бывали за трапезой ежедневно безъ особаго приглашенія [10]. Для прислуживанія друзьямъ, изъ которыхъ многіе, какъ кажется, жили, также будучи въ Римѣ, въ императорскомъ домѣ постоянно или временно [11], былъ назначенъ особый штатъ придворной прислуги (a cura amicorum) [12].

Для каждаго путешествія или похода императоры выбирали себѣ спутниковъ (comites) [13] изъ числа друзей, и эта свита (cohors amicorum) вполнѣ соотвѣтствовала свитѣ провинціальныхъ намѣстниковъ во время республики [14]. Поэтому, „спутниковъ“ въ техническомъ смыслѣ императоры могли имѣть только въ путешествіяхъ внѣ Италіи, и если Калигула въ своемъ тріумфаль-

---

1) Mommsen, въ «Bekkers u. Muthers Jahrb. d. gem. Rechts», VI, 407.—2) Діонъ, LXXII, 14.—3) Cod. VIII, 38, 4; IV, 65, 4.—4) «Did. Iulianus», гл. 4.—5) Mommsen, «Hermes», IV, 129 сл.—6) «Hadrian», гл. 9.—7) «Anton. P.», гл. 12.—8) M. Anton., «Comment.», I, 16.—9) «M. Anton.», гл. 29.—10) «Alex. Sever.», гл. 4.—11) «Hadrian.», гл. 8.—12) Gruter, 63, 1 (=Or. 1588) 70,2 (=Or. 2907) 598, 1. 2. 3. 4. Or. 2392. C. I. L VI, 604. 630. 8793–8799. XIV, 206. 3565. Marquardt, «Privatl. d. R.», 2 изд., I. 145 примѣч.—13) Тац., «Анн.», I, 47.—14) Mommsen, «Die comites Augusti der früheren Kaiserzeit», «Hermes.» IV, 120 слл.». «Staatsrecht», 3 изд., II. 2, 836, 1.

номъ шествіи отъ Баи въ Путеоли по сдѣланному изъ судовъ мосту велѣлъ сопровождать себя „когортѣ друзей“ въ легкихъ гальскихъ повозкахъ, то здѣсь онъ игралъ роль возвращающагося съ войны императора [1]). Маркъ Аврелій снабдилъ Л. Вера, при его выступленіи въ пароянскую войну, свитою императорскихъ друзей изъ сенаторскаго сословія [2]). Понятно, что выборъ въ провожатые, будучи великою милостью, считался за приказаніе. Маркъ Аврелій также и въ этомъ, по его собственному замѣчанію, не оказывалъ никакого принужденія по отношенію къ своимъ друзьямъ [3]). Гальбѣ, который былъ членомъ когорты Клавдія, была оказана та высокая честь, что, по его нездоровью, экспедиція была отложена на одинъ день [4]).

Въ путешествіи друзья жили вмѣстѣ съ императоромъ; объ ихъ помѣщеніи, во всякомъ случаѣ, заботились. Веспасіанъ, сопровождавшій Нерона въ путешествіи въ Грецію, былъ изгнанъ изъ общей квартиры, послѣ того, какъ навлекъ на себя его немилость [5]). Въ императорскомъ лагерѣ всегда отводилось особое мѣсто для свиты въ непосредственной близости къ императорской палаткѣ [6]). Понятно, что въ продолженіе путешествія свита получала жалованье. Уже при Цицеронѣ было обычно, чтобы провинціальные намѣстники выдавали своимъ офицерамъ и свитѣ соотвѣтственное вознагражденіе, смотря по ихъ рангу и времени службы [7]). Доказательствомъ бережливости Тиберія считалось то, что онъ, будучи принцемъ, въ путешествіяхъ и походахъ не давалъ своимъ спутникамъ никакого вознагражденія, но лишь суточныя деньги вмѣсто продовольствія натурою. Одинъ только разъ онъ сдѣлалъ денежный подарокъ, на который средства далъ Августъ: первый классъ свиты получилъ по 600000, второй по 400000 сестерціевъ [8]). Нареканія вызвала также незначительность наградъ, которыя давалъ Августъ своимъ друзьямъ [9]). Спутники Калигулы были вынуждены дѣлать такіе большіе расходы, что они разорялись [10]). Изъ сравненія, которое Плиній проводитъ между путешествіями Домитіана и Траяна, можно предполагать, что свита императора нерѣдко была въ большую тягость для тѣхъ странъ, по которымъ проходила. Путешествіе Траяна не сопровождалось „никакимъ шумомъ, никакой взыскательностью относительно помѣщеній, провизія была та же, что и для всѣхъ; къ тому же свита была послушна и строго дисциплинирована“ [11]). Антонинъ Пій, путешествія котораго никогда не выходили за предѣлы Италіи, замѣтилъ, что свита даже слишкомъ экономнаго государя все-таки обременительна для провинціаловъ [12]).

Дѣятельность императорскихъ спутниковъ всегда опредѣлялась особыми порученіями императора. Иногда ими пользовались въ сраженіяхъ для военныхъ цѣлей, и въ такихъ случаяхъ, послѣ счастливо оконченнаго похода, они также награждались при распредѣленіи военныхъ отличій. Но обычная ихъ дѣятельность состояла, вѣроятно, въ томъ, что они помогали императору въ судебныхъ и административныхъ дѣлахъ. Лица изъ всадническаго сословія, повидимому, на эти мѣста не допускались, но изъ сенаторскаго сословія

[1]) Светон., «Калиг.», гл. 19. Mommsen, «Hermes», IV, стр. 124, 2.—[2]) «M. Anton.», гл. 8.—[3]) M. Antonin, «Comm.», I, 16.—[4]) Свет., «Гальба», гл. 7.—[5]) Свет., «Веспас.», гл. 4.—[6]) Pseudo-Hygin, «Mun. castr.», 10, 33, 39.—[7]) Mommsen, «Staatsr.», 3 изд., I, 299 сл.—[8]) Свет., «Тибер.», гл. 46.—[9]) Квинтил., VI, 3, 52.—[10]) Philo, «leg, ad Cai», 596, M.—[11]) Плин., «Панег.», гл. 20.—[12]) «Anton. P.», гл. 7.

допускались уже квесторы и даже молодые люди, которые только должны были вступить въ сенатъ [1]). Императоры оказывали друзьямъ также съ своей стороны до извѣстной степени свѣтскую вѣжливость, и чѣмъ болѣе обращались съ ними какъ частныя лица, тѣмъ общительнѣе они были или желали казаться. Тиберій въ началѣ своего правленія защищалъ своихъ друзей передъ судомъ, присутствовалъ при ихъ жертвенныхъ приношеніяхъ, посѣщалъ ихъ безъ стражи въ случаѣ болѣзни и въ честь одного изъ нихъ произнесъ надгробное слово [2]). Клавдій же, напротивъ, никого не посѣщалъ безъ стражи, и впослѣдствіи это сдѣлалось правиломъ, изъ котораго, правда, нѣкоторые императоры, какъ Траянъ, дѣлали исключенія [3]); когда Гальба, будучи императоромъ, обѣдалъ у Отона, этотъ послѣдній, какъ бы для того, чтобы почтить императора, велѣлъ дать по золотому каждому изъ когорты, составлявшей стражу [4]). Неронъ, который въ самомъ началѣ своего правленія щедро одѣлялъ своихъ друзей огромными богатствами, съ другой стороны, требовалъ отъ нихъ такихъ же колоссальныхъ издержекъ; напримѣръ, когда онъ назывался у коголибудь обѣдать: на одномъ такомъ пирѣ однѣ розы стоили болѣе 4 милліоновъ сестерціевъ [5]). Онъ вызвалъ врача изъ Египта къ захворавшему римскому всаднику Коссину, который принадлежалъ къ его друзьямъ [6]) Севера и Каракаллу хвалятъ за готовность, съ которою они надѣляли своихъ друзей часто рѣдкими и недоступными для частныхъ лицъ медикаментами, хранившимися въ императорскихъ магазинахъ [7]). Особенною общительностью славился также Траянъ, который принималъ участіе въ охотахъ, пирушкахъ, предпріятіяхъ, совѣщаніяхъ и шуткахъ своихъ друзей, посѣщалъ ихъ во время болѣзни (что восхваляетъ еще Авзоній) и безъ охраны входилъ въ ихъ дома [8]). Онъ былъ, по словамъ Плинія, дѣйствительно ими любимъ, потому что онъ самъ ихъ любилъ; чтобы исполнить ихъ желанія, онъ даже отказывалъ себѣ въ исполненіи собственныхъ желаній. Одному префекту преторія онъ далъ просимую имъ отставку, хотя очень охотно удержалъ бы его; такимъ образомъ, произошло „неслыханное дѣло: когда императоръ и его другъ хотѣли разнаго, исполнилась воля друга“ [9]). Адріанъ въ своемъ исканіи популярности [10]) заходилъ еще дальше Траяна. Онъ посѣщалъ даже нѣкоторыхъ больныхъ римскихъ всадниковъ и вольноотпущенниковъ [11]), утѣшалъ и давалъ совѣты, а также посѣщалъ пиры своихъ друзей. Во время сатурналій онъ обмѣнивался съ ними подарками, посылалъ имъ добытую на охотѣ дичь, ѣздилъ съ ними вчетверомъ и посѣщалъ ихъ въ ихъ дворцахъ, въ городѣ и на дачѣ [12]); одинъ всадникъ на сдѣланной въ честь его надписи названъ „хозяиномъ божественнаго Адріана“ [13]). Одинъ изъ его друзей, Платорій Непотъ, остался безнаказаннымъ за то, что не допустилъ императора, который хотѣлъ его посѣтить во время его болѣзни [14]). На пирахъ своихъ друзей являлись также Антонинъ Пій и Александръ Северъ; послѣдній, по-

---

[1]) Mommsen, «Hermes», IV, 129 сл. Ср. Hirschfeld, 449, 3.—[2]) Діонъ, LVII 11. Свет., «Тибер.», гл. 32; ср. «Авг.», гл. 53.—[3]) Светон., «Клавд.», гл. 35. Діонъ, LX, 3; LXVIII, 7.—[4]) Светон., «Отонъ», гл. 4. Плутархъ, «Гальба», гл. 20. Тац., «Ист.», I, 24.—[5]) Светон., «Неронъ», гл. 27.—[6]) Плин., «Н. n.», XXIX, 93.—[7]) Галенъ, XIV, стр. 217.—[8]) Діонъ, LXVIII, 7. Auson., «ad Gratian. gratiar. act.», p. 300 ed. Bip. p. 733 ed, Toll.—[9]) Плин., «Панег.», гл. 85 сл.—[10]) «Hadrian.», гл. 17.—[11]) Тамъ же, гл. 9.—[12]) Тамъ же, гл. 17. 26. Діонъ, LXIX, 7.—[13]) Or. 804. Gr. 107, 8.—[14]) «Hadrian.», гл. 23.

мимо этого, бывалъ у постели больныхъ и, притомъ, людей не только перваго и второго класса, но и стоящихъ ниже [1]. Нѣкоторые императоры не сердились за свободное слово и даже наставленіе со стороны своихъ друзей. Веспасіанъ позволялъ своимъ быть въ высокой степени откровенными и удивительно много выносилъ, особенно отъ Лицинія Муціана [2]. Когда Антонинъ Пій при посѣщеніи спросилъ однажды своего друга Валерія Гомулла (консулъ 152 г.), откуда у него во дворцѣ порфировыя колонны (которыя могли быть лишь изъ императорскихъ порфировыхъ каменоломенъ на Красномъ морѣ), тотъ отвѣтилъ: въ чужомъ домѣ надо быть глухимъ и нѣмымъ [3].

Императоры очень часто дѣлали своимъ друзьямъ очень большіе подарки. Неронъ, какъ уже сказано, сейчасъ же послѣ смерти Британника (55 г.), обогатилъ черезъ свои подарки первыхъ изъ своихъ друзей. Съ порицаніемъ относились къ тому, что люди, съ претензіей на высокое достоинство, какъ добычу дѣлили между собою въ такое время дворцы и виллы. Здѣсь подразумѣвается прежде всего Сенека, который въ 62 году оправдывается въ письмѣ къ Нерону въ огромномъ богатствѣ, за которое его упрекали обвинители, тѣмъ, что онъ не осмѣлился отказаться отъ его даровъ. Теперь онъ предоставляетъ ихъ въ распоряженіе императора, который въ отвѣтъ на это въ успокоительномъ письмѣ проситъ его удержать все принятое: сады, доходы, виллы [4]. Также и Траянъ, по словамъ Плинія, тотчасъ по своемъ вступленіи на престолъ, щедро раздавалъ самыя живописныя помѣстья и „ничего больше не считалъ своимъ, кромѣ того, чѣмъ онъ владѣлъ черезъ своихъ друзей“ [5]. Адріанъ „обогащалъ своихъ друзей тоже помимо ихъ искательствъ, а въ ихъ просьбахъ никогда не отказывалъ имъ“ [6]. Антонинъ Пій, какъ только принялъ власть, употребилъ все свое значительное частное состояніе на подарки войску и своимъ друзьямъ [7]. Маркъ Аврелій особенно былъ щедръ къ друзьямъ своей молодости и обогащалъ, главнымъ образомъ, тѣхъ, кому онъ не могъ создать высокаго положенія, такъ какъ этому препятствовало сословіе, къ которому они принадлежали [8]. Северъ не только платилъ долги своихъ друзей, но, страстный въ любви, какъ и въ ненависти, забрасывалъ ихъ богатыми дарами и многимъ дарилъ великолѣпные дворцы, изъ которыхъ пареійскій и дворецъ Латерана принадлежали къ самымъ выдающимся дворцамъ Рима еще въ IV вѣкѣ [9]. Изъ друзей Юліана Отступника лучшіе отклоняли предлагаемые имъ подарки: „землю, лошадей, дворцы, серебро и золото“, другіе же оказывались жадными [10]. Съ другой стороны, обычай требовалъ, чтобы друзья не забывали объ императорѣ въ завѣщаніи, тѣмъ болѣе, что всѣ богатые обыкновенно называли его въ числѣ своихъ наслѣдниковъ [11]. Августъ, который придавалъ слишкомъ большое значеніе „послѣднему сужденію“, высказываемой въ завѣщаніи „послѣдней воли“, и не скрывалъ своей радости или своего недовольства въ зависимости отъ того, соотвѣтствовала ли она его ожиданіямъ или нѣтъ [12], въ послѣдніе

---

[1] «Anton. P.», гл. 11, «Alex. Sever.», гл. 4, 20.—[2] Светон., «Веспас.», гл. 13.—[3] «Anton. P.», гл. 11.—[4] Тац., «Анн.», XIII. 18; XIV. 53—55.—[5] Плин., «Панег.», гл. 50. Ср. Rudorff, «Zeitschr. f. gesch. Rechtsw.», XII, 371 сл.—[6] «Hadrian.», гл. 15.—[7] Діонъ, LXX. 7.—[8] «M. Antonin.», гл. 3.—[9] Victor, «Epit.», гл. 37.—[10] Liban. ed. R. I, 589 сл.—[11] Marquardt, «Staatsverw., 2 изд., II, 294. Hirschfeld, «Der Grundbesitz der röm, Kaiser», «Klio», II, 45 слл.—[12] Светон., «Авг.», гл. 66.

20 лѣтъ своей жизни получилъ отъ своихъ друзей по завѣщаніямъ 1400 милл. сестерціевъ (болѣе 150 милл. рублей); самъ онъ среди своихъ наслѣдниковъ упоминалъ на третьемъ мѣстѣ своихъ друзей и родственниковъ [1]).

То, чего придворные усердно добивались, какъ высшей чести, казалось настоящимъ философамъ, стоявшимъ въ сторонѣ въ качествѣ наблюдателей, тягостнымъ бременемъ, а положеніе императорскаго друга—самымъ злополучнымъ изо всѣхъ, вполнѣ зависимымъ, связаннымъ съ безпокойствами и мученіями всякаго рода. Конечно, друзья должны были приспособляться ко всѣмъ причудамъ, вкусамъ и страстямъ императора. Галенъ разсказываетъ, что придворные М. Аврелія (по обычаю стоической школы, къ которой принадлежалъ императоръ) носили коротко остриженные волосы; при представлявшемъ полную противоположность дворѣ Л. Вера, который смѣялся надъ этой прической (въ которой люди, по его словамъ, напоминали мимическихъ актеровъ), носились длинные волосы [2]). Даже спать, по словамъ Эпиктета, имъ не дозволялось. Ихъ будитъ извѣстіе, что императоръ уже бодрствуетъ, уже явился, затѣмъ слѣдуютъ волненія и заботы. Если они не приглашены къ столу, это доставляетъ имъ горе; если приглашены, то ѣдятъ, какъ рабы у своего господина; всегда они должны думать, чтобы не сказать или не сдѣлать чего-нибудь глупаго. И чего они такъ боялись? Наказанія плетью, какъ рабы? Развѣ они могутъ такъ легко отдѣлаться? Такимъ высокопоставленнымъ людямъ, какъ друзья императора, болѣе подобаетъ лишиться головы. Даже въ банѣ и во время тѣлесныхъ упражненій они не спокойны. Однимъ словомъ, кто можетъ быть такъ глупъ или такъ неискрененъ, чтобы не жаловаться на свою участь тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе близкій онъ другъ императора? [3]).

Дѣйствительно, положеніе императорскаго друга было не только по большей части труднымъ, но также и слишкомъ часто очень опаснымъ. Все повторяющіяся паденія сильнѣйшихъ изъ нихъ подтверждали ненадежность благоволенія деспотовъ. „Рѣдко,—говоритъ Тацитъ,—власть любимцевъ постоянна: либо пресыщеніе овладѣваетъ правителями, когда они все дадутъ, или же ими самими, когда они всего достигнутъ“ [4]). Эпрій Марцеллъ, котораго при Веспасіанѣ упрекнули въ сенатѣ дружбою съ Нерономъ, отвѣтилъ, что отъ этой дружбы онъ не менѣе страдалъ, чѣмъ иные отъ изгнанія [5]). Въ одномъ произведеніи, написанномъ подъ впечатлѣніемъ только-что миновавшаго правленія Калигулы, Сенека говоритъ, что, когда кто-то спросилъ разъ одного посѣдѣвшаго при дворѣ царедворца, какъ онъ достигъ того, что при дворѣ бываетъ рѣже всего—преклоннаго возраста, тотъ отвѣтилъ: получая оскорбленія и благодаря за нихъ [6]). Часто императоръ въ глубинѣ души ненавидѣлъ своихъ такъ называемыхъ друзей, и дворъ Домитіана не былъ единственнымъ, при которомъ „блѣдность отъ злополучной высокой дружбы покрывала лица вельможъ“ [7]). Легко можно было возбудить неудовольствіе и недовѣріе государя, а клевета и интриги при дворѣ не прекращались. Немногіе императоры имѣли такое непоколебимое довѣріе къ своимъ друзьямъ,

---

[1]) Светон., «Авг.», гл. 101. Ср. Діонъ, LVI. 32.—[2]) Галенъ, XVII B, 150.—[3]) Epictet., «Dissert.», IV, 8, 41—50.—[4]) Тац., «Анн.», III, 30.—[5]) Его же, «Ист.», IV, 8.—[6]) Сенека, «de ira», II, 33, 2.—[7]) Ювен., 4, 72 слл.

какъ Траянъ къ Лицинію Сурѣ, противъ котораго всячески старались возбудить его подозрѣніе. Несмотря на это, онъ посѣтилъ его, безъ предупрежденія, отослалъ стражу, позволилъ рабамъ Суры намазать свои глаза мазью и сбрить себѣ бороду, выкупался тамъ и обѣдалъ. На другой день онъ сказалъ врагамъ Суры: если бы онъ хотѣлъ меня убить, то сдѣлалъ бы это вчера [1]). Светоній хвалитъ Августа за постоянство въ дружбѣ, и если иногда и нарушались его отношенія съ друзьями, то ни одинъ изъ нихъ, за исключеніемъ Сальвидіена Руфа и Корнелія Галла, не палъ, но до своей кончины они сохраняли власть и богатство [2]), но здѣсь не упомянутъ Фабій Максимъ, который, правда, впалъ въ немилость лишь за короткое время до смерти Августа [3]). Титъ „выбиралъ такихъ друзей, что и его преемники удержали ихъ при себѣ, какъ необходимыхъ для государства" [4]). Напротивъ, изъ всѣхъ друзей и совѣтниковъ Тиберія лишь двое или трое избѣжали немилости [5]); Калигула наградилъ смертью даже тѣхъ, кто возвелъ его на престолъ [6]). Въ пасквилѣ Сенеки, Клавдія встрѣчаетъ въ подземномъ мірѣ привѣтствіе одного изъ тѣхъ, кого онъ туда отправилъ: „убійца всѣхъ друзей" [7]). Въ высшей степени непостояннымъ въ своей дружбѣ былъ Адріанъ. Онъ то осыпалъ своихъ друзей благодѣяніями, то жадно прислушивался къ нашептываніямъ противъ нихъ и имѣлъ шпіоновъ въ ихъ домахъ, которые извѣщали его обо всѣхъ ихъ поступкахъ и рѣчахъ [8]). Тѣхъ, кого онъ возносилъ особенно высоко, позднѣе онъ считалъ за враговъ, и многіе были казнены или покончили самоубійствомъ [9]). Въ своей похвальной рѣчи императору Констанцію Юліанъ говоритъ, что изъ его друзей ни одинъ не могъ пожаловаться на немилость, оскорбленіе, убытокъ или какое-либо пренебреженіе. Даже тѣ, которые послѣ своего возвышенія оказались недостойны этого званія, не были наказаны, а только удалены. Часть императорскихъ друзей достигла глубокой старости; до своей кончины они занимали свои мѣста и оставили свое состояніе сыновьямъ, друзьямъ или родственникамъ; другіе, утомившись отъ трудовъ и военныхъ походовъ, счастливо жили, получивъ почетную отставку. Многіе, которые умерли (еще не старыми), считались бы всѣми за счастливыхъ [10]).

Немилость императора постигала людей, какъ уничтожающій ударъ. Кто имѣлъ несчастье навлечь ее на себя, былъ исключенъ отъ доступа въ императорскій домъ, по древне-римскому обычаю, по которому при разрывѣ дружбы воспрещается входъ въ домъ [11]). Подобное наказаніе принималось какъ самый суровый приговоръ. Д. Юній Силанъ, уличенный въ прелюбодѣяніи съ внучкою Августа, Юліей, въ томъ, что ему было запрещено общеніе съ императоромъ, увидѣлъ приказаніе отправиться въ добровольное изгнаніе (въ 8 году послѣ Р. Хр.). Тиберій позволилъ ему (въ 20 году) возвратиться по вѣской просьбѣ его брата М. Силана (консулъ 19 г.), но объявилъ, что питаетъ къ нему тѣ же чувства, какъ и его отецъ, и онъ, хотя и жилъ затѣмъ въ Римѣ, но не получалъ почетныхъ должностей [12]). Часто тѣ, кого постигала немилость императора могли ожидать еще худшаго. Кор-

[1]) Діонъ, LXVIII, 15.—[2]) Светон., «Авг.», гл. 66.—[3]) Ср. стр. 80, 5.—[4]) Свет., «Титъ», гл. 7.—[5]) Светон., «Тибер.». гл. 55.—[6]) Светон., «Калиг.», гл. 26.—[7]) Сенека, «Apocoloc.» 13, 5.—[8]) «Hadrian.», гл. 11.—[9]) Тамъ же, гл. 15.—[10]) Julian, «Orat.», I, стр. 46 B—D. | [11]) Тац., «Анн.», VI, 29. Ср. II, 70. Светон., «Калиг.», 3.—[12]) Тац., «Анн.», III, 24.

нелій Галлъ, выйдя изъ низкаго сословія, достигъ префектуры Египта, но, находясь въ этомъ положеніи, навлекъ на себя гнѣвъ Августа, такъ что тотъ запретилъ ему входъ въ свой домъ и въ свои провинціи, послѣ чего тотчасъ отъ него отпали его приверженцы, а многочисленные обвинители поднялись противъ него, и сенатъ сдѣлалъ поспѣшное постановленіе объ его изгнаніи и конфискаціи его имущества; но Галлъ, покончивъ съ собою самоубійствомъ, предупредилъ исполненіе этого приговора [1]). Одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей Августа, консуларъ Фабій Максимъ, выдалъ своей женѣ важную тайну, которую зналъ лишь онъ одинъ; Августъ узналъ это и выразилъ ему свою немилость; по слухамъ, послѣдовавшая вскорѣ послѣ этого его смерть была добровольной [2]). Секстъ Вистилій, человѣкъ преторскаго званія, былъ близокъ съ старшимъ Друзомъ, и потому Тиберій принялъ его въ число своихъ друзей. Когда императоръ запретилъ ему общеніе съ собою, онъ пытался лишить себя жизни слабою отъ старости рукою, затѣмъ перевязалъ открытыя вены и письменно просилъ о милости; когда послѣдовалъ немилостивый отвѣтъ, онъ снялъ повязку [3]). Будущій императоръ Веспасіанъ находился, въ качествѣ консулара, въ свитѣ Нерона во время его путешествія въ Греціи; онъ навлекъ на себя немилость императора тѣмъ, что часто удалялся или засыпалъ во время его пѣнія. Онъ былъ за это исключенъ не только изъ числа домашнихъ Нерона, но также не допускался на публичный пріемъ. Когда онъ въ полномъ замѣшательствѣ воскликнулъ, что ему теперь дѣлать и куда идти, одинъ изъ вольноотпущенниковъ, прогоняя его, отвѣтилъ ему проклятіемъ. Опасаясь крайнихъ мѣръ, Веспасіанъ укрылся въ одномъ маленькомъ уединенномъ мѣстечкѣ, и, такимъ образомъ, ему удалось отвлечь отъ себя вниманіе императора [4]). Иногда удаленіе изъ числа приближенныхъ императора происходило въ формѣ почетнаго изгнанія. Такъ, Неронъ отправилъ намѣстникомъ въ Лузитанію будущаго императора Отона, бывшаго раньше его любимымъ другомъ, несмотря на то, что тотъ занималъ лишь мѣсто квестора, для того, чтобы безпрепятственно обладать его супругою Поппеей [5]).

Но, несмотря на самые горькіе опыты, атмосфера двора имѣла почти непреодолимую притягательную силу для большинства людей, которые хоть разъ въ ней жили. Эпиктетъ разсказываетъ, что одинъ пожилой человѣкъ, занимавшій въ то время важное мѣсто префекта анноны, какъ-то раньше былъ изгнанъ. Вернувшись изъ изгнанія, онъ увѣрялъ, будто хочетъ прожить въ полномъ покоѣ короткій остатокъ своей жизни; но такъ какъ Эпиктетъ пророчилъ, что онъ иначе будетъ думать, лишь только подышетъ воздухомъ Рима, тотъ клялся, говоря, что, если онъ хоть одной ногой вступитъ ко двору, пусть онъ думаетъ о немъ, что хочетъ. Однако, едва пріѣхавъ въ Римъ, онъ получилъ письмо отъ императора, которое мгновенно заставило его забыть всѣ его намѣренія, и онъ сталъ принимать одну обременительную должность за другою [6]).

Со смертью императора друзья нисколько не теряли своего положенія;

---

[1]) Светон., «Авг.», гл. 24; Діонъ, LIII, 24.—[2]) Тац., «Анн.», I, 5. Плутархъ, «de garrul.», стр. 508. А. Плин., «H. n.», VII, 150.—[3]) Тац., «Анн.», VI, 9.—[4]) Светон., «Веспас.», гл. 4 и 14. Діонъ, LXVI, 11.—[5]) Свет., «Отонъ», 3. Тац., «Анн.», XIII, 46.—[6]) Эпиктетъ, «Dissert.», I. 10.

наоборотъ, они, повидимому, обыкновенно, сохраняли его также и при новомъ дворѣ, если только отношенія ихъ съ императоромъ не были чисто личнаго характера или, если не было коренной перемѣны въ лицахъ и принципахъ правленія. Въ другихъ случаяхъ, помимо прочихъ соображеній, уваженіе къ своему предшественнику побуждало новаго правителя возможно почтительно обращаться съ его друзьями; если его предшественникъ былъ включенъ въ число боговъ, то жрецы новаго бога, какъ слѣдуетъ полагать, обыкновенно назначались изъ круга людей, близко къ нему стоящихъ. Такъ, напр., поступили Маркъ Аврелій и Л. Веръ, когда назначали жрецовъ Антонина Пія [1]. Умышленнымъ проявленіемъ неуваженія къ памяти умершихъ было то, что Домитіанъ и Коммодъ удалили отъ двора и преслѣдовали одинъ — друзей своего отца, другой—друзей своего отца и брата [2]. Конечно, насильственные перевороты вызывали паденіе друзей и тѣмъ болѣе вѣрное, чѣмъ тѣснѣе были они связаны съ императоромъ; такъ, Северъ велѣлъ сейчасъ же послѣ смерти Дидія Юліана привлечь къ суду его друзей, подвергнуть ихъ опалѣ и казнить [3]. Но иногда случалось въ подобныхъ случаяхъ, что друзья низвергнутаго императора вступали въ такія же отношенія съ новымъ. Отонъ принялъ въ число самыхъ близкихъ къ себѣ людей одного изъ самыхъ вѣрныхъ приверженцевъ Гальбы, предназначавшагося въ консулы Марія Цельса, и этотъ умно разсчитанный шагъ не только превратилъ одного изъ его противниковъ въ безусловнаго и надежнаго друга, но также снискалъ ему благосклонность аристократіи [4]. Напротивъ, Нерва, изъ чрезмѣрной кротости, терпѣлъ при своемъ дворѣ самыхъ ненавистныхъ для себя друзей Домитіана. Одинъ разъ, когда одинъ изъ нихъ, Фабрицій Вейентонъ, присутствовалъ за столомъ, разговоръ зашелъ о другой прославленной личности времени Домитіана, и императоръ самъ предложилъ вопросъ, что случилось бы съ нимъ, если бы онъ былъ еще живъ. „Онъ кутилъ бы въ нашемъ обществѣ“, — отвѣчалъ бывшій въ изгнаніи при Домитіанѣ (93—96 гг.) Юлій Маврикъ [5].

Мы уже упомянули, что друзьями иногда бывали товарищи юности императоровъ. Отчасти это имѣло то основаніе, что дѣти знатныхъ семействъ, а также иностранныхъ князей воспитывались при дворѣ; можно, вѣроятно, сказать, что это было обычно, потому что такая обстановка во многихъ отношеніяхъ могла оказаться въ высшей степени цѣлесообразной. Какъ уже сказано, Августъ взялъ во дворецъ филолога Веррія Флакка со всей его школой [6]. Онъ позволялъ воспитывать и обучать вмѣстѣ съ своими внуками большое число иностранныхъ царскихъ дѣтей [7]. Такъ, внукъ Ирода Великаго Агриппа былъ воспитанъ вмѣстѣ съ сыномъ Тиберія Друсомъ [8], а его сынъ, носившій то же имя, воспитывался при дворѣ Клавдія [9]. Маркъ Аврелій выросъ при дворѣ Адріана [10]. Клавдій ввелъ обычай, чтобы за каждымъ обѣдомъ его дѣти вмѣстѣ съ благородными мальчиками и дѣвочками ѣли, сидя у ногъ взрослыхъ, причемъ слѣдуетъ, конечно, думать, что преимущественно это были тѣ дѣти, которыя воспитывались при дворѣ [11]. Къ нимъ принадле-

[1] «M. Antonin.», гл. 7.—[2] Діонъ, LXVII, 2; LXXII, 4. «Commodus», гл. 3.—[3] «Severus», гл. 8.—[4] Тац., «Ист.», I, 71. Плутархъ, «Отонъ», гл. 1.—[5] Плиній, «Письм.», IV, 22.—[6] Светон., «Gramm.», 17.—[7] Светон., «Авг.», гл. 48. C. I. L. VI, 8980.—[8] Іосифъ, «Древн.», XVIII, 6, 1; 6, 6.—[9] Тамъ же, XIX, 9, 2.—[10] «M. Anton.», гл. 4.—[11] Светон., «Клавд.», гл. 32; Тац., «Анн.», XIII, 16.

жалъ Титъ, отецъ котораго, Веспасіанъ, возвысился уже при Клавдіи, благодаря покровительству Нарцисса; какъ товарищъ Британника, онъ обучался тѣмъ же, какъ и онъ, предметамъ и тѣми же учителями. Они были близкіе друзья, и говорятъ, что Титъ отвѣдалъ изъ отравленнаго кубка, выпивъ который Британникъ умеръ [1]. Нерѣдко изъ этого юношескаго товарищества развивалась прочная дружба; изъ друзей Марка Аврелія, которымъ онъ больше всего покровительствовалъ, два изъ сенаторскаго и два изъ всадническаго сословія были его товарищами по ученію [2]. Императорскій вольноотпущенникъ П. Элій Эпафдродитъ, который былъ учителемъ гимнастики „у мальчиковъ знатнаго происхожденія“ (pueri eminentes), принадлежалъ, вѣроятно, къ штату прислуги этихъ воспитываемыхъ при дворѣ дѣтей [3].

4. Общество императоровъ.

Императоры, пользуясь для дѣлъ совѣтами и поддержкою своихъ друзей, принадлежавшихъ къ обоимъ высшимъ сословіямъ, привлекали обыкновенно къ своему двору на короткое или продолжительное время также лицъ, не взирая на ихъ происхожденіе, за ихъ общественныя преимущества и таланты, образованіе и знанія; это были, смотря по личной склонности императоровъ, ученые, философы, поэты, художники, а также, до нѣкоторой степени, профессіональные шуты. Этими приближенными императоровъ (convictores, συμβιωταί, друзьями въ широкомъ смыслѣ слова) часто бывали иностранцы, особенно греки; къ этому классу отчасти принадлежали также лейбъ-медики, придворные, астрологи и учителя принцевъ, о которыхъ мы уже упоминали. Конечно, обыкновенно, они получали жалованье; по словамъ Лукіана, одинъ изъ самыхъ видныхъ философовъ того времени требовалъ отъ императора платы себѣ за право пользоваться его обществомъ, но за то онъ былъ принужденъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, участвовать въ императорскихъ путешествіяхъ, какъ какой-нибудь индійскій или скиоскій наемный солдатъ [4]. Быть-можетъ, и здѣсь образцомъ для римскаго двора были дворы Діадоховъ, при которыхъ философы были, повидимому, постоянными фигурами [5].

При дворѣ Августа изъ всѣхъ грековъ [6]) исключительнымъ расположеніемъ пользовался философъ Дидимъ Арей [7] изъ Александріи (эклектикъ) [8], постоянный спутникъ и домочадецъ императора, по ходатайству котораго, какъ говорятъ, александрійцы получили прощеніе послѣ битвы при Актіи. У Сенеки онъ называетъ себя супругѣ Августа постояннымъ спутникомъ ея мужа, „которому извѣстны всѣ тайныя движенія вашихъ думъ“ [9]. Говорятъ, что онъ побудилъ Августа убить сына Клеопатры и Цезаря—Цезаріона [10]. Сыновья Арея, Діонисій и Никаноръ, также остались при дворѣ, занимая то же положеніе. Августъ пользовался ими для того, чтобы расширить свои

---

1) Светон., «Титъ», гл. 2.—2) «M. Anton.», гл. 3.—3) Henzen, 6326=C. I. L. VI, 8981.—4) Ср. ч. III, гл. V. Tatian., «Or. ad Graecos», гл. 19.—5) Diels, «Doxogr. Gr.», стр. 82, 2.—6) Diels, стр. 86 сл.—7) Ср. Diels, стр. 80 слл. и Zeller, «Gesch. d. Philos. d. Gr.» 2 изд. III, 1, 545—548.—8) Светон., «Авг.», гл. 98.—9) Seneca, «ad Marc.», IV, 2. Julian., «Caes.», 21. Ср. ч. III., гл. V. Zeller, ук. соч., стр. 718.—10) Plutarch. «M. Anton.», гл. 81.

познанія въ греческой литературѣ [1]); послѣдній тожественъ, быть-можетъ, съ прославленнымъ на аѳинской надписи Юліемъ Никаноромъ, который восхваляется тамъ народомъ, совѣтомъ Ареопага и шестьюстами, какъ новый Гомеръ и Ѳемистоклъ, за то, что онъ для нихъ выкупилъ заложенный или проданный аѳинянами, вслѣдствіе денежной нужды, островъ Саламинъ, и былъ эпическимъ поэтомъ [2]). Также введенный Ареемъ къ Августу перипатетикъ Ксенархъ изъ Киликійской Селевкіи занималъ до своей старости весьма почетное положеніе [3]). Стоикъ Аѳинодоръ изъ Тарса, бывшій учителемъ Августа въ Аполлоніи, также жилъ долгое время при дворѣ своего ученика-императора, который продолжалъ оказывать ему прежнюю почтительность и исполнилъ его желаніе, дозволивъ ему вернуться въ его родной городъ лишь послѣ того, какъ Аѳинодоръ согласился продолжить свое пребываніе въ Римѣ еще на одинъ годъ [4]). Также ученый и талантливый Николай изъ Дамаска, язычникъ, послѣдователь Аристотеля, многосторонній и плодовитый писатель и поэтъ (написавшій между прочимъ на греческомъ языкѣ драму о цѣломудренной Сусаннѣ), часто бывавшій при римскомъ дворѣ по дѣламъ царя Ирода Великаго и бывшій, какъ говорятъ, учителемъ Антонія и Клеопатры, пользовался большимъ расположеніемъ Августа [5]). Историкъ Тимагенъ [6]), прибывшій въ Римъ изъ Александріи въ качествѣ военноплѣннаго, котораго Сенека старшій называлъ „счастливымъ до дружбы съ императоромъ“, потерялъ эту дружбу вслѣдствіе своего необузданнаго остроумія, которому онъ давалъ свободно изливаться на пирахъ и прогулкахъ и которое онъ направлялъ даже противъ императора, его жены и семьи; когда, наконецъ, Августъ, отказалъ ему отъ своего дома, его принялъ къ себѣ Асиній Полліонъ [7]). Желаннымъ гостемъ, въ качествѣ застольнаго товарища, былъ у Августа пѣвецъ Тигеллій, какъ уже у Цезаря и Клеопатры, и не только ради своего искусства, но и ради таланта вести разговоръ; къ его артистическимъ причудамъ относились снисходительно [8]). Горація Августъ также старался привлечь въ свое общество, но напрасно. Онъ не только не разсердился на то, что поэтъ отклонилъ отъ себя мѣсто секретаря, но продолжалъ прямо навязывать ему свою дружбу. Онъ писалъ ему между прочимъ: „распоряжайся мною такъ, какъ если бы ты былъ однимъ изъ моихъ приближенныхъ (convictor); ибо я желалъ бы этихъ отношеній съ тобою, поскольку это позволило бы твое здоровье“, и „хотя ты надменно пренебрегъ моею дружбою, я не буду отвѣчать тебѣ подобнымъ же высокомѣріемъ“ [9]).

Тиберій, получившій обширное и основательное образованіе [10]), еще до своего вступленія на престолъ окружилъ себя греками, которые при упомянутомъ выше [11]) награжденіи друзей также получили 200000 сестерціевъ [12]).

---

[1]) Светон., «Авг.», гл. 89.—[2]) Keil, «Rhein. Mus.», XVIII, 58. Ср. C. I. A. III, 1 и Dittenberger, «Ephem. epigr.», I, стр. 114 сл.—[3]) Страбонъ, XIV, 670, ср. Diels, стр. 100.—[4]) Ср. Müller, «Fragm. hist. Gr.», III, стр. 485 сл. и Plutarch, «Apophth. regal.», стр. 207 D. Діонъ, LVII, 32.—[5]) Hausrath, «Neutestam. Zeitgesch.», I. 248 сл. Mommsen, «Röm. Gesch.», V, 494.—[6]) Mommsen, «Ammians geographica», («Hermes.», XVI, 619).—[7]) Seneca, «Controv.», X, 5. (34), 22. Plutarch, «D. adul. et amic.», p. 68 A.—[8]) Горац., «Сат.», I, 3 нач. Ср. ч. III, гл. III.—[9]) Светоній, «Vita Horatii».—[10]) Ср. ч. III, гл. IV.—[11]) Ср. выше, стр. 75.—[12]) См. Mommsen, «Hermes», XIV, 29, «Realencycl.», 3 изд., II, 835, 2.

Они остались при его дворѣ, и были запрошены объ ихъ мнѣнiи, когда призванный къ императору египетскiй кормчiй Ѳамъ разсказывалъ о томъ, какъ вѣсть о смерти Великаго Пана была встрѣчена другими демонами съ громкими воплями [1]). Тиберiй велѣлъ этимъ придворнымъ ученымъ сопровождать себя на Капри, чтобы развлечься бесѣдами съ ними [2]). Между ними находился уже упомянутый астрологъ Ѳрасиллъ и врачъ Хариклъ, совѣтами котораго руководствовался Тиберiй, несмотря на то, что тотъ не былъ его лейбъ-медикомъ. Незадолго до смерти Тиберiя, прощаясь, онъ схватилъ его руку, какъ-будто для того, чтобы ее поцѣловать, и при этомъ пощупалъ ему пульсъ. Тиберiй замѣтилъ это и остался, чтобы скрыть свою слабость, необыкновенно долго за столомъ, „какъ-будто для того, чтобы оказать честь уѣзжающему другу“ [3]) Тиберiй, обладавшiй научными свѣдѣнiями по литературѣ обоихъ языковъ, особенно любилъ общество филологовъ, которыхъ онъ приводилъ за столомъ въ замѣшательство, предлагая имъ трудные или неразрѣшимые вопросы (посредствомъ которыхъ вообще испытывали, какъ серьезно, такъ и въ шутку, ихъ ученость) [4]); напр., кто была мать Гекубы, какое дѣвическое имя носилъ Ахиллъ, находясь среди дочерей Ликомеда, что пѣли сирены [5]). Иногда эти злыя забавы кончались страшно серьезно. Когда онъ узналъ, что филологъ Селевкъ вывѣдывалъ у его слугъ, что онъ читаетъ, для того, чтобы подготовиться къ ожидаемымъ вопросамъ, онъ сначала удалилъ его изъ своего дома, а затѣмъ заставилъ его лишить себя жизни [6]). Неронъ окружалъ себя стихотворцами, которые должны были помогать ему въ его поэтическихъ опытахъ; по словамъ Тацита, онъ посвящалъ также нѣкоторое время послѣ обѣда учителямъ мудрости для того, чтобы возбуждать ссоры между представителями противоположныхъ принциповъ, и находились такiе, которые, при всей строгости въ рѣчахъ и внѣшности, охотно позволяли пользоваться собою для такой забавы правителя [7]). Траянъ такъ отличалъ Дiона изъ Прусы, что его часто можно было видѣть въ императорскомъ экипажѣ [8]). Адрiанъ гордился своими близкими отношенiями съ большимъ числомъ философовъ и филологовъ, риторовъ, музыкантовъ, художниковъ, математиковъ и астрологовъ; среди нихъ выдающееся положенiе занималъ Фаворинъ изъ Арелаты [9]). Великiй греческiй грамматикъ Элiй Геродiанъ, котораго, по объему и глубинѣ его изслѣдованiй, можно сравнить съ Яковомъ Гриммомъ, былъ друженъ съ Маркомъ Аврелiемъ и свое изслѣдованiе объ ударенiи написалъ по его просьбѣ [10]). Въ свитѣ императоровъ остряки, шутники, скоморохи бывали частыми, быть-можетъ, постоянными фигурами; разумѣется, имъ приходилось часто жертвовать своею личностью, для развлеченiя двора. Ювеналъ говоритъ, что тотъ, кто желаетъ въ его время влачить свою жизнь паразитомъ, долженъ болѣе терпѣть, нежели Сарментъ или низкiй Габба за столомъ Цезаря (Августа) [11]). Первый изъ нихъ былъ бывшимъ рабомъ или вольноотпущенникомъ убитаго при Филиппахъ М. Фавонiя, этрускъ по происхожденiю, умѣвшiй заставить по-

[1]) Plutarch, «D. def. orac.», гл. 17.—[2]) Тац., «Анн.», IV, 58.—[3]) Тамъ же, VI, 50; Свет., «Тибер.», гл. 72.—[4]) Lehrs, «De studiis Aristarch.», 3 изд., стр. 213.—[5]) Светон., «Тибер.», гл. 70.—[6]) Светон., «Тибер.», гл. 56.—[7]) Тац., «Анн.», I, 14—16.—[8]) Свида, см. Δίων.—[9]) «Hadrian.», гл. 16. Ср. «Aelius Verus», гл. 4.—[10]) «Vita Herodiani»: Lentz, «Herodiani Technici rell. praef», стр. VI.—[11]) Ювен. 5, 1—4.

любитъ себя за красоту и остроуміе [1]). О второмъ Плутархъ разсказываетъ, что онъ притворился спящимъ за столомъ для того, чтобы не видѣть, какъ Меценатъ переглядывается съ его женою; но, когда рабъ хотѣлъ похитить вино, онъ сказалъ ему: „я сплю только для Мецената“ (этотъ анекдотъ встрѣчается уже у Люцилія) [2]). Остроуміе Габбы [3]) Марціалъ хвалитъ, но говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что, если бы теперь старый Габба, котораго осчастливилъ Цезарь, вернулся изъ Элисія, то каждый, кто услышалъ, какъ состязаются въ шуткахъ онъ и Капитолинъ, сказалъ бы: „мужикъ Габба, замолчи“ [4]); слѣдовательно, Капитолинъ былъ шутникомъ Траяна. Плутархъ упоминаетъ Батта, другого шутника того же императора [5]), грубую солдатскую натуру котораго, быть-можетъ, болѣе удовлетворяли грубыя шутки скомороховъ, нежели болѣе благородный разговоръ. Клавдій увеселялъ „свой лѣнивый досугъ обществомъ скомороховъ“, въ то время, когда при Тиберіи, презираемый, онъ жилъ въ уединеніи; одинъ изъ нихъ, презираемый равно какъ за слабость ума, такъ и за безобразіе тѣла, былъ имъ особенно любимъ и, по вступленіи его на престолъ, получилъ мѣсто прокуратора Каппадокіи [6]). При дворѣ Нерона Ватиній занималъ положеніе, характерное для господствовавшаго тамъ настроенія. Выросшій въ сапожной лавочкѣ въ Беневентѣ, физически уродъ, грубый комикъ, сначала онъ былъ принятъ ко двору, какъ предметъ для насмѣшекъ. Низкою услужливостью онъ сумѣлъ сдѣлаться любимцемъ Нерона; благодаря доносамъ и клеветамъ на всѣхъ честныхъ людей, онъ достигъ такой большой власти, что, по вліянію, состоянію и силѣ, которыя онъ употреблялъ ко вреду другихъ, онъ опередилъ всѣхъ остальныхъ негодяевъ при этомъ дворѣ и считался въ одномъ ряду съ самыми безсовѣстными и могущественными вольноотпущенниками Нерона [7]). Коммодъ одарилъ большими богатствами нѣсколькихъ грязныхъ скомороховъ съ отвратительными лицами и еще болѣе отвратительными именами и занятіями за ихъ безстыдную наглость, ихъ имена Пертинакъ велѣлъ опубликовать вмѣстѣ съ обозначеніемъ ихъ имущества [8]).

---

5. Церемоніалъ.

а) Утренній пріемъ.

Къ привилегіямъ друзей императора, хотя, быть-можетъ, только друзей перваго класса, принадлежало то, что они имѣли право каждое утро являться на поклонъ къ императору [9]). Фабій Максимъ понялъ, что Августъ къ нему немилостивъ, изъ того, что тотъ, на его обращеніе при обычномъ утреннемъ визитѣ: „привѣтъ тебѣ, Цезарь“, отвѣтилъ: „Прощай, Фабій“ [10]). Плиній Старшій, другъ Веспасіана, обыкновенно посѣщалъ этого императора, повидимому, обыкновенно ежедневно до наступленія дня, когда онъ уже откры-

[1]) «Schol. ad Juv.», 5, 4. Плутархъ, «Антон.», гл. 59, 2.—[2]) Плутархъ, «Amatorius», 16, 22, p. 760. Ср. Mayor, къ «Ювен.» 1, 56.—[3]) Марціалъ, I, 41, 16.—[4]) Тамъ же, X, 101.—[5]) Плутархъ, «Quaest. conv.», VIII, 6, 1, 3.—[6]) Тац., «Анн.», XII, 49. Ср. Свет., «Клавд.», гл. 5.—[7]) Тац., «Анн.», XV, 34; Ювен., 5, 46; Марціалъ, XIV, 94; Діонъ, LXIII, 15. Тац, «Діал.», 11. «Ист.» I, 37.—[8]) Діонъ, LXXIII, 6.—[9]) Светон., «Тибер.», гл. 34; Діонъ, LXVI, 10. Ср. Aur. Vict. IX, 15.—[10]) Плутархъ, «de garrul.», гл. 11, p. 508 A.

валъ аудіенцію [1]). Это право въ то время также было обязанностью, которую, конечно, едва-ли можно было, безъ весьма важныхъ основаній, безнаказанно не исполнить, хотя, конечно, и въ этомъ не всѣ императоры были одинаково строги. Фронтонъ хвалится тѣмъ, что пользуется любовью своего питомца Марка Цезаря, несмотря на то, что онъ „не приходитъ въ его домъ постоянно до зари, и не является ежедневно на поклонъ“ [2]). Часто также сенаторы являлись съ утреннимъ визитомъ къ императору, какъ къ первому лицу изъ ихъ сословія—иногда поодиночкѣ, иногда всею корпораціей. Подобные пріемы происходили, конечно, особенно регулярно при радостяхъ и торжественныхъ случаяхъ. Когда у Нерона въ 63 году отъ Поппеи родилась дочь въ Антіѣ, весь сенатъ отправился туда его поздравить. Одинъ лишь Трасея, вождь оппозиціи, не былъ допущенъ; онъ перенесъ это оскорбленіе, предвѣстника грозящей ему гибели, съ непоколебимой твердостью [3]).

Августъ не любилъ, чтобы сенатъ ходилъ къ нему на поклонъ въ дни засѣданій и привѣтствовалъ сенаторовъ въ куріи, причемъ они должны были сидѣть на мѣстахъ въ его присутствіи [4]); даже въ глубокой старости онъ запрещалъ являться къ себѣ на поклонъ [5]). Тиберій, не желая подвергать себя постоянному безпокойству отъ отдѣльныхъ посѣщеній, уже въ началѣ своего правленія предложилъ сенату приходить къ нему всѣмъ составомъ [6]). Повидимому, женщины и дѣти изъ сенаторскихъ семей также иногда представлялись императору. Такъ разсказываютъ, будто бы Августъ предсказалъ власть будущему императору Гальбѣ, когда тотъ еще мальчикомъ привѣтствовалъ его въ числѣ своихъ сверстниковъ [7]). Среди лицъ, являвшихся на пріемъ къ Клавдію, упоминаются женщины, мальчики и дѣвочки [8]).

Иногда императоры принимали у себя, кромѣ сенаторовъ, также и всадниковъ [9]); отъ времени до времени на пріемъ допускались и лица 3-го сословія. Пользуясь этимъ случаемъ, многіе изъ посѣтителей подавали прошенія императорамъ [10]), которые, по мѣрѣ возможности, старались быть милостивыми; Августъ, напримѣръ, замѣтивъ нерѣшительность одного изъ пришедшихъ при подачѣ прошенія, шутливо сказалъ ему, что онъ похожъ на человѣка, желающаго дать маленькую монету слону [11]). Сеянъ выражалъ неудовольствіе по поводу наплыва народа и массы приходившихъ, чтобы побудить Тиберія покинуть Римъ [12]).

Въ началѣ своего правленія Неронъ обнаруживалъ удивительную память, поименно обращаясь къ приходившимъ къ нему лицамъ всѣхъ сословій [13]). Но особенно доступнымъ былъ Веспасіанъ. Двери его дворца въ Саллюстіевыхъ садахъ, гдѣ онъ обыкновенно жилъ, были цѣлый день открыты, не только для сенаторовъ, но и для лицъ другихъ сословій [14]). Александръ Северъ принималъ у себя только почтенныхъ и извѣстныхъ съ хорошей стороны лицъ и объявилъ черезъ герольда, что никто не долженъ являться съ

—

[1]) Плин., «Письм.», III, 5.—[2]) Фронтонъ, «Epp. ad Marc. Caes.», I, 5, 8.—[3]) Тац., «Анн.», XV, 23.—[4]) Светон., «Авг.», гл. 53; Діонъ, LVI, 41.—[5]) Діонъ, LVI, 25.—[6]) Діонъ, LVII, 11.—[7]) Свет., «Гальба», гл. 4.—[8]) Свет., «Клавд.», гл. 35.—[9]) Mommsen, «Staatsr.», 3 изд., II, 2, 834, 4. «Cod. Iust.», IX, 51, 1.—[10]) Діонъ, LXI, 26.—[11]) Свет., «Авг.», гл. 53.—[12]) Тац., «Анн.», IV, 41.—[13]) Светон., «Неронъ», гл. 10.—[14]) Діонъ, LXI, 10.

привѣтствіемъ къ императору, кто сознаетъ за собою нечестный поступокъ, иначе, въ случаѣ обнаруженія онъ будетъ подвергнутъ смертной казни [1]).

Общій пріемъ (publica, promiscua salutatio) происходилъ обыкновенно по праздничнымъ днямъ [2]), къ которымъ, вѣроятно, причислялся и день восшествія на престолъ. Фронтонъ въ одномъ письмѣ къ Антонину Пію извиняется, что онъ, вслѣдствіе ревматизма, не могъ явиться съ поздравленіемъ въ этотъ день [3]). Особенно торжественный пріемъ бывалъ 1-го января. Дворецъ роскошно украшался [4]) (Неронъ, напр., былъ похороненъ обернутымъ въ бѣлые, тканные золотомъ ковры, которые служили украшеніемъ при послѣднемъ новогоднемъ пріемѣ), императоры принимали новогодніе подарки (strenae, étrennes) и дарили сами [5]). Августъ употреблялъ эти деньги на покупку статуй, которыя онъ потомъ распредѣлялъ по городскимъ кварталамъ. Въ началѣ правленія у Тиберія былъ обычай отвѣчать на каждый даръ въ четыре раза большимъ подаркомъ, передаваемымъ имъ собственноручно, но затѣмъ онъ вообще пересталъ дарить, такъ какъ ему въ теченіе всего мѣсяца приходилось принимать посѣтителей, не попавшихъ къ нему 1-го января, и началъ даже уѣзжать изъ города на этотъ день. Впослѣдствіи время выдачи новогоднихъ подарковъ было имъ ограничено только днемъ 1-го января. Чтобы увеличить свою казну, Калигула эдиктомъ заявилъ полную готовность принимать подарки и сталъ лично на площади передъ дворцомъ брать все, что приносила ему толпа, состоявшая изъ представителей всѣхъ сословій. Это злоупотребленіе было уничтожено эдиктомъ Клавдія, но обычай едва-ли совершенно исчезъ.

Торжественный пріемъ цѣлыхъ корпорацій и сословій у императрицъ происходилъ, очевидно, лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Сообщается только о трехъ изъ нихъ, дѣйствительно участвовавшихъ въ управленіи или желавшихъ казаться соправительницами [6]). Діонъ разсказываетъ, что Ливія, занявъ выдающееся положеніе среди женщинъ послѣ того, какъ ея сынъ достигъ власти, стала принимать во всякое время приходившихъ къ ней сенаторовъ и лицъ изъ другихъ сословій, желавшихъ быть ей представленными; всѣ эти посѣщенія вносились въ ежедневную газету [7]). Подобное имъ сообщается и объ Агриппинѣ [8]), которая при Клавдіи присутствовала (вѣроятно, окруженная штатомъ знатныхъ женщинъ) на пріемахъ пословъ и при другихъ государственныхъ актахъ; она желала оставить за собой это право и при Неронѣ, но онъ въ 55 г. назначилъ ей другое мѣстожительство, чтобы прекратить ея утренніе пріемы [9]).

Юлія Домна, которой ея сынъ Каракалла въ свое отсутствіе поручилъ часть дѣлъ, „принимала публично всѣхъ знатныхъ" [10]). Не говоря уже о женщинахъ, и высокопоставленные мужчины принимались императрицами во всѣ времена. Александръ Северъ запретилъ женщинамъ съ дурной славой являться

---

[1]) «Vit. Alex. Sever.», гл. 18.—[2]) Діонъ, LVI, 31.—[3]) Фронтонъ, «Epp. ad A. P.», 5.—[4]) Светоній, «Неронъ», гл. 50. ср. гл. 46.—[5]) Діонъ, LIV, 35.—Светоній, «Авг.», гл. 57.—Sueton., «Tib.», c. 37.—Діонъ, LVII, 9.—Sueton., «Calig.», c. 42. Діонъ. LX, 6.—Auson., «Epp.» 18 ad Urs. Gram.»—[6]) Mommsen, «Staatsr.», 3 изд., II, 788, 4.—[7]) Діонъ, LVII, 12.—[8]) Діонъ, LX, 33.—[9]) Тац., «Анн.», XIII, 8.—[10]) Діонъ, LXXVIII, 18.

къ его матери и женѣ [1]). Еще во время Іеронима множество лицъ являлось на поклонъ къ супругѣ императора [2]).

Въ пріемные дни на площади передъ дворцомъ всегда собиралась огромная толпа изъ лицъ всѣхъ сословій, ожидая объявленія пріема. Геллій [3]) сообщаетъ нѣсколько разговоровъ между учеными друзьями, напр. Фаворином, Фронтономъ, Сульпиціемъ, Аполлинаріемъ и др., завязавшихся во время подобнаго ожиданія. Но и въ другіе дни на площади рѣдко бывало пусто. Аполлоній Тіанскій у Филострата сравниваетъ эту толкотню передъ дворцомъ съ общественными банями, причемъ входящіе для поклона и выходящіе изъ дворца уподобляются имъ идущимъ купаться и выкупавшимся [4]). Кромѣ большого числа приходившихъ по службѣ или по дѣламъ, на площади толкалось много желавшихъ увидѣть и привѣтствовать императора при выходѣ и при спускѣ его съ Палатина или явившихся съ цѣлью подать ему прошеніе [5]); были люди, которые чуть не по десять разъ спускались и поднимались по Священной улицѣ къ дворцу, чтобы заставить другихъ думать, что у нихъ есть знакомства при дворѣ [6]).

Пріемъ происходилъ раннимъ утромъ, въ тотъ часъ, въ который римляне обыкновенно ходили въ гости. Поэтому многіе являлись еще до разсвѣта [7]). Веспасіанъ, какъ было сказано выше, допускалъ къ себѣ друзей въ этотъ ранній часъ, чтобы разговаривать съ ними, лежа въ постели и во время одѣванія [8]). Такъ какъ и театральныя представленія начинались тоже рано утромъ, то императоры (чтобы избавить своихъ посѣтителей отъ лишней ходьбы) иногда проводили ночь передъ представленіемъ (или даже нѣсколько, какъ Тиберій) [9]) въ домѣ какого-нибудь отпущенника вблизи театра; Адріанъ въ такіе дни совсѣмъ не принималъ у себя [10]).

Во дворцѣ становилась обыкновенно на стражу цѣлая когорта преторіанцевъ (1000 чел.) [11]), одѣтая въ тоги (одежду мирнаго времени) [12]); второй постъ находился, повидимому, у входа во дворецъ [13]). Послѣднее можно заключить изъ того, что Діонъ особенно подчеркиваетъ, что у открытыхъ дверей дворца Веспасіана не было никакой стражи [14]). Нѣкоторые изъ послѣдующихъ императоровъ, напр. Нерва и Траянъ, повидимому, слѣдовали этому примѣру [15]). Но, когда 22 янв. 205 г. Плавтіанъ былъ позванъ во дворецъ для выслушанія смертнаго приговора, „стража у рѣшетки" впустила лишь его одного, отстранивъ его спутниковъ [16]). Въ началѣ правленія Нерона Агриппина держала у себя на службѣ, кромѣ преторіанцевъ, еще германскихъ конныхъ стражниковъ; послѣднихъ содержали и другіе члены императорской фамиліи [17]).

Приходившіе на пріемъ подвергались иногда обыску съ цѣлью найти у нихъ оружіе. Когда при Августѣ происходила очистка сената съ исключе-

[1]) «Alex. Sever.», гл. 25.—[2]) Іерон., «Epp.», 22, 6.—[3]) Геллій, XX, 1, 2, 55. IV, 1, 1. XIX, 13, 1.—[4]) Филостр., «Жизнь Аполл. Т.», VII, 31, 310.—[5]) Sueton., «Tiber.», гл. 32.—Macrob, «Saturn.», II, 4, 31.—Seneca, «Beneff», III, 27.—[6]) Martial, IV, 78.—[7]) Fronto, «ad M. Caes.», I, 5, 8.—[8]) Діонъ, LXVI, 10.—Aurel. Vict. гл. 9.—Plin., «Epp.», III, 5.—Philostrat, «Apoll. Tyan.», V, 31.—[9]) Діонъ, LVII, 11.—[10]) Діонъ, LXIX, 7.—[11]) Tacit, «Hist.», I, 29.—Sueton., «Otho», гл. 6; ср. «Tiber.», гл. 34.—Tac., «A.», I, 7.—Діонъ, LIII, 11,—[12]) Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., II, 476, 7.—[13]) Діонъ, LVI, 10.—[14]) Діонъ, LXXVI, 4.—[15]) Plin, «Paneg.», гл. 47.—[16]) Діонъ, LXXVI, 4.—[17]) Свет., Нер.», гл. 34. Тац., «Анн.», XIII, 18.

піемъ изъ его состава цѣлаго ряда членовъ, обыску подвергались даже сенаторы [1]). Всего строже были обыски при Клавдіи, извѣстномъ своею трусостью. Лишь черезъ много времени и съ большимъ трудомъ удалось его склонить къ запрещенію ощупывать женщинъ и дѣтей и отнимать письменныя принадлежности у сопровождавшихъ приходящихъ на пріемъ и писцовъ [2]). Въ 47 г., во время большого пріема, былъ схваченъ всадникъ, имѣвшій при себѣ кинжалъ [3]). Клавдій давалъ тѣмъ, кто имѣлъ свободный доступъ къ нему, золотой перстень со своимъ изображеніемъ,—мѣра эта повела къ многимъ злоупотребленіямъ [4]). Веспасіанъ прекратилъ обыски уже во время гражданской войны [5]), значитъ, они продолжали еще существовать при ближайшихъ преемникахъ Клавдія. Какъ относились къ этому позднѣйшіе императоры—неизвѣстно; во время Діона обыски, повидимому, не производились.

Во дворцѣ существовалъ цѣлый штатъ придворной прислуги, обязанной наблюдать за порядкомъ, вызывать посѣтителей и вводить ихъ (ab admissione, admissionales) [6]). Количество этой прислуги было, вѣроятно, очень велико, такъ какъ аудіенціи представителей всѣхъ провинцій происходили почти безпрерывно. Филонъ упоминаетъ какого-то Гомила, который долженъ былъ вводить пословъ и благодаря которому Калигула согласился принять іудейскую депутацію [7]). Къ числу этихъ служащихъ принадлежали, конечно, и переводчики. Трудность доступа къ императору была различна. Плиній Младшій описываетъ пріемъ у Траяна, въ противоположность пріему его предшественника, слѣдующимъ образомъ: „Здѣсь нѣтъ никакихъ засововъ, нѣтъ цѣлаго ряда униженій; переступившій уже тысячу пороговъ не встрѣтитъ новыхъ, которые оставались бы закрытыми и мѣшали ему. Глубокая тишина царитъ вокругъ и въ особенности вблизи тебя; все дѣлается такъ безшумно и съ такой предупредительностью, что изъ царскаго дворца можно вынести примѣръ покоя и простоты для своего маленькаго, ограниченнаго хозяйства“ [8]). Уже во время пріобрѣтающей все большее господство восточной пышности, Александръ Северъ давалъ аудіенціи, какъ любой сенаторъ: занавѣси императорскаго кабинета были раздвинуты, и присутствовали только слуги, дежурившіе у дверей, „тогда какъ раньше императора невозможно было привѣтствовать, такъ какъ его совсѣмъ не было видно [9]).

Во время пріема императоръ и приходящіе были одѣты въ тогу; этотъ обычай сохранился до IV вѣка [10]). Появленіе Галліена въ Римѣ на аудіенціяхъ въ одеждѣ воина (chlamys), украшенной застежками, сверкавшими драгоцѣнными каменьями, является показателемъ перехода императорской власти въ военное господство [11]). Маркъ Аврелій и Александръ Северъ носили тогу даже въ другихъ городахъ Италіи [12]). Въ туникѣ императоръ могъ показываться только друзьямъ; это разсказываютъ особенно про Антонина Пія, желая подчеркнуть непосредственность его обхожденія [13]). Но и Маркъ Аврелій научился у Юнія Рустика „не расхаживать дома въ тогѣ—и вообще не

[1]) Свет., «Авг.», гл. 35, ср. 27.—[2]) Свет., «Клавд.», гл. 35.—Діонъ, LX, 3.—[3]) Тац., «Анн.», XI, 22.—[4]) Плин., «Н. n.», XXXIII, 41.—[5]) Свет., «Веспас.», гл. 12. Діонъ, LX, 3.—[6]) Sueton., «Vespas.», гл. 14. C. I. L. VI, 8698—8702, 8931.—[7]) Philo, «De leg.», 572 M.—[8]) Plin., «Paneg.», гл. 47.—[9]) «Alex. Sever.», гл. 4.—[10]) «Hadrian.», гл. 3.—[11]) «Gallieni», гл. 16, ср. Salmas. ad Alex. Sever., гл. 31.—Mommsen, «Staatsr.», 3 изд., I, 431, 2.—[12]) «M. Anton.», гл. 27.—«Alex. Sever.», гл. 40; ср. 4.—[13]) «Anton. Pius», гл. 6.

дѣлать ничего подобнаго“ [1]). Грубымъ нарушеніемъ этикета было появленіе Нерона на пріемѣ сенаторовъ въ затканной цвѣтами туникѣ, съ кисейнымъ платкомъ вокругъ шеи. И въ этомъ отношеніи, по словамъ Діона, онъ нарушалъ обычай, являясь публично въ неподпоясанной туникѣ [2]). Коммодъ также принималъ сенатъ, облеченный въ бѣлую шелковую, затканную золотомъ тунику съ рукавами [3]). Каракалла раздавалъ народу въ большомъ количествѣ обувь, отъ которой онъ получилъ свое прозвище и требовалъ, чтобы къ нему являлись въ ней [4]). Макринъ намѣревался сдѣлать такой же подарокъ отъ имени своего сына, чтобы завоевать ему расположеніе народа [5]). Ближайшіе друзья принимались во время республики по-одиночкѣ; но намъ совсѣмъ неизвѣстно, насколько этотъ обычай удержался въ императорское время, хотя при случаѣ сообщается, что нерѣдко происходили злоупотребленія такими частными аудіенціями, главнымъ образомъ, съ цѣлью распространенія ложныхъ слуховъ. Вслѣдствіе этого, Александръ Северъ всѣхъ своихъ друзей принималъ сообща и только одного своего префекта Ульпіана допускалъ къ себѣ безъ свидѣтелей [6]). Друзей, по крайней мѣрѣ ближайшихъ изъ нихъ, императоры привѣтствовали поцѣлуемъ; такъ, напр., Отонъ былъ принятъ Гальбой „по обыкновенію“ въ день смерти послѣдняго [7]). Этотъ обычай возникъ, повидимому, лишь при Августѣ [8]) и практиковался первоначально исключительно въ кругу знати. Это подтверждается слѣдующимъ обстоятельствомъ: когда въ половинѣ правленія Тиберія въ Римъ была занесена заразная личная сыпь, она не распространилась на женщинъ, рабовъ и лицъ средняго и низшаго сословія, а захватила исключительно знатныхъ (proceres), которые заражались другъ отъ друга благодаря поцѣлуямъ [9]). Тиберій и самъ, повидимому, страдалъ этой сыпью. Еще во времена Галена существовала „мазь императора Тиберія противъ лишаевъ“ [10]). Вѣроятно на послѣдствія этой же болѣзни ссылается и Тацитъ, когда онъ въ числѣ мотивовъ, заставившихъ его покинуть Римъ въ 26 г. упоминаетъ между прочимъ обезображеніе его лица опухолями и пластырями [11]); леченіе этой сыпи прижиганіями оставляло, по словамъ Плинія, рубцы, которые были еще безобразнѣе самой сыпи. Неизвѣстно, этой ли заразной болѣзнью былъ вызванъ эдиктъ Тиберія, запрещавшій „ежедневные поцѣлуи“ во время пріема при дворѣ [12]). То, какимъ образомъ Валерій Максимъ старается защитить это дѣйствіе императора, показываетъ, что эдиктъ произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе. „Вѣдь и царей Нумидіи не слѣдуетъ винить за то, что они, слѣдуя обычаю своего народа, не давали никому поцѣлуя. То, что поднято на высоту, должно быть освобождено отъ унижающаго всеобщаго обычая, чтобы стать предметомъ еще большаго почитанія“ [13]). Отъ аристократіи этотъ обычай поцѣлуя перешелъ затѣмъ и въ другія сословія. Во время Домитіана (а можетъ быть и раньше) онъ былъ уже всеобщимъ, и Марціалъ неоднократно жалуется, что въ Римѣ никогда нельзя ускользнуть отъ поцѣлуевъ [14]).

[1]) M. Anton., «Comment.» I, 7.—[2]) Dio, LXIII, 13.—[3]) Его же, LXXII, 17.—[4]) Vict., «Caes.», гл. 21. «Carac.», гл. 9.—[5]) «Diadum.», гл. 2.—[6]) «Alex. Sever.», гл. 31.—[7]) Sueton., «Otho», гл. 6.—[8]) Lipsius, «Electa», II, 6.—[9]) Plin., «H. n.», XXVI, 3.—[10]) Galen., XIII, 836.—[11]) Tac., «Анн.», IV, 57.—[12]) Sueton., «Tiber.», гл. 34.—[13]) Valer. Maxim. II, 6, 17; Casaubonus, ad Sueton. ср. указ. мѣсто.—[14]) Becker-Göll, I, 88; Sueton., «De gramm.», 23.

Очень можетъ быть, что римская знать заимствовала этотъ ранѣе неизвѣстный тамъ обычай съ востока. При персидскомъ дворѣ только родственники царя имѣли право цѣловать его [1]. Александръ, введшій при своемъ дворѣ вообще много обычаевъ персидскаго этикета [2], перенятыхъ затѣмъ у него діадохами, въ особенности, Селевкидами и Птолемеями [3], повидимому, предоставилъ своимъ друзьямъ и почетное право цѣловать царя [4]. Заимствованія изъ восточнаго этикета обычаевъ, не противорѣчившихъ римскимъ правамъ, не должно удивлять насъ, тѣмъ болѣе, что уже при Калигулѣ „нѣкоторыя лица ввели въ Италіи варварскій обычай земныхъ поклоновъ, противорѣчащій понятію римской свободы [5]. Послѣ своего возвращенія изъ Сиріи, отецъ императора Вителлія поклонился Калигулѣ какъ божеству; явившись, какъ всѣ молящіеся, съ покрытой головой онъ, повернувшись кругомъ, бросился передъ императоромъ на землю [6]. Калигула, „человѣкъ, который, казалось, былъ рожденъ для того, чтобы измѣнять обычаи свободнаго государства въ духѣ персидскаго рабства", даровавъ жизнь консулару Помпею Пенну, велѣлъ ему поцѣловать свою лѣвую золотую туфлю, покрытую жемчугами [7]. Другіе оказывали ему это почитаніе добровольно, напримѣръ, консулъ Помпоній Секундъ незадолго до его смерти [8]. Безусловное запрещеніе проскинезы Клавдіемъ заставляетъ предполагать, что эта форма привѣтствія нерѣдко употреблялась при Калигулѣ [9]. Домитіанъ опять потребовалъ унизительныхъ знаковъ почтенія, такъ какъ Плиній хвалитъ Траяна за то, что онъ, въ противоположность своему предшественнику, не заставлялъ своихъ согражданъ обнимать его колѣни и не отвѣчалъ движеніемъ руки на поцѣлуй [10]. Юристъ П. Ювентій Цельсъ, обвиненный въ 95 г. въ заговорѣ противъ Домитіана, попросилъ тайной аудіенціи у императора; во время нея онъ обращался къ нему съ молитвой, называя его господиномъ и богомъ [11]. Но Домитіанъ, повидимому, не заходилъ такъ далеко, какъ Калигула. Эпиктетъ говоритъ, что, если бы кого-нибудь принудили поцѣловать ноги императора, онъ бы счелъ это за непомѣрную тираннію [12]. Лишь Элагабалъ сталъ снова требовать себѣ поклоненія какъ богу, но это было прекращено Александромъ Северомъ [13]. Съ теченіемъ времени поклоненіе подданныхъ дѣлалось все болѣе обычнымъ; въ послѣдній періодъ древности поцѣлуй императора считался рѣдкой и высокой честью [14].

При римскомъ дворѣ на честь поцѣлуя императора претендовали и сенаторы, какъ члены одного съ нимъ сословія. Плиній, описывая въѣздъ Траяна въ Римъ въ качествѣ императора, говоритъ: „всѣмъ было отрадно видѣть, что ты съ поцѣлуемъ встрѣтилъ сенатъ подобно тому, какъ съ поцѣлуемъ прощался съ нимъ; что ты отличилъ лучшихъ изъ всадниковъ,

---

1) Herodot., I, 134. Duncker, «Gesch. d. Altert.», 4 изд., IV, 526, 4; Arrin. «Anabasis», VII, 11.—2) Letronne, «Rech. p. servir à l'hist. de l'Egypte», стр. 58 слл. и 314. Curtius, VI, 5, 11, 26, 7.—3) Letronne, ук. соч.—4) Plutarch, «Alexander», гл. 54, 2. Ср. Droysen, «Gesch. Alexanders», стр. 352 сл.—5) Philo, «Leg. ad Gaj.», p. 562 M. Ср. Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., III, 188.—6) Sueton., «Vitell.», гл. 2. Ср. Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., III, 179.—7) Seneca, «Beneff.», II, 12.—8) Dio, LIX, 29.—9) Его же, LX, 5.—10) Plin., «Paneg.», гл. 24.—11) Dio, LXVII, 13.—12) Epictet., «Diss.», IV, 1, 17.—13) «Alex. Sever.», гл. 18.—14) «Maximin. iun.», гл. 2. «Aurelian.», гл. 14. Liban. ed. R. I, 571. 9.

называя ихъ по имени, не нуждаясь при этомъ въ подсказчикѣ; отрадно также, что ты своихъ кліентовъ привѣтствовалъ чуть ли не первыми, удостаивая ихъ знаковъ твоего довѣрія" [1]). Можно предполагать, что наблюдаемыя тутъ различія въ привѣтствіи сословій практиковались и на придворныхъ пріемахъ; всадники, достигшіе высшихъ должностей или бывшіе друзьями императора, удостаивались той же чести, на которую сенаторы имѣли право по своему общественному положенію. Выше уже было упомянуто, что Тиберій совершенно упразднилъ обычай привѣтствія поцѣлуемъ. Калигула „цѣловалъ лишь очень немногихъ—остальнымъ, даже сенаторамъ, онъ протягивалъ для поцѣлуя руку или ногу. Поэтому, удостоившіеся его поцѣлуя приносили ему за это благодарность въ сенатѣ, хотя всѣ они прекрасно знали, что онъ ежедневно цѣловалъ танцовщицъ" [2]). Неронъ выразилъ свою ненависть къ сенату также и тѣмъ, что при своемъ отъѣздѣ въ Грецію и по возвращеніи оттуда онъ не поцѣловалъ никого изъ сенаторовъ и даже не отвѣтилъ на ихъ привѣтствія [3]). Такія нарушенія обычая тѣмъ болѣе непріятно поражали, чѣмъ незначительнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ распространеннѣе дѣлалась эта форма привѣтствія императора по отношенію къ лицамъ перваго сословія. Даже Домитіанъ, извѣстный, по словамъ Плинія, своимъ высокомѣріемъ, привѣтствовалъ краткимъ объятіемъ возвратившагося изъ Британніи Агриколу, хотя свиданіе это было намѣренно холоднымъ, и пріѣхавшій не удостоился даже разговора [4]). Очередь объятій обусловливалась, безъ сомнѣнія, рангомъ приходящихъ. Маркъ Аврелій выдѣлялъ очень близко стоявшаго къ нему Юнія Рустика (дважды назначеннаго имъ консуломъ) тѣмъ, что цѣловалъ его раньше, чѣмъ префекта преторія, который, слѣдовательно, въ то время имѣлъ право на первый поцѣлуй императора [5]). Коммодъ постоянно при всѣхъ обнималъ, цѣловалъ и называлъ отцомъ убитаго имъ впослѣдствіи Юліана, занимавшаго постъ префекта. Вообще невѣроятно, чтобы всѣ присутствующіе на пріемѣ привѣтствовались поцѣлуемъ. Фронтонъ разсказываетъ, что его царственный ученикъ Л. Веръ допускалъ его въ свою спальню, чтобы первымъ поцѣловать его, „не обидѣвъ никого другого"; затѣмъ онъ, по своему обыкновенію, подробно распространяется о томъ, что ему принадлежитъ особое право на этотъ поцѣлуй, такъ какъ ему довѣрены уста и рѣчь императора. Фронтонъ вообще считаетъ поцѣлуй особой честью, воздаваемой человѣчествомъ ораторскому искусству [6]). Насколько твердо уже во II вѣкѣ были установлены порядокъ и градація императорскихъ привѣтствій, и какое значеніе ему придавали получающіе эту честь, видно изъ надгробной надписи претора А. Плотія Сабина: послѣ перечисленныхъ въ низходящемъ порядкѣ его должностей сказано, что „онъ получалъ второй привѣтъ императора Антонина Пія" [7]). Въ IV вѣкѣ порядокъ аудіенцій у главныхъ сановниковъ [8]) (ordo salutationis) былъ также строго регулированъ, причемъ было установлено, какія лица имѣли право быть привѣтствуемы поцѣлуемъ [9]). Въ провинціяхъ куріалы, исполнившіе въ своемъ городѣ все отъ нихъ

[1]) Plin., «Paneg.», гл. 23, ср. гл. 71.—[2]) Dio, LIX, 27.—[3]) Sueton., «Nero», гл. 37.—[4]) Tac., «Agric.», гл. 40.—[5]) «M. Anton.», гл. 3.—[6]) Fronto, «ad L. Ver.», 3, 3.—[7]) «Bull. commun. di Roma», XVIII, 1890, p. 103=B. d. I. 1890, p. 299—302.—[8]) «Ordo salutationis» Ульпіана Марисціана (изъ эпохи Юліана) изъ Тамугади, C. I. L. VIII, Suppl. 17896. J. Schmidt, «Realencycl.», 2 изд. и. сл. «admissio».—[9]) Cod. Theodos, VI, 24, 1, 4 (387).

требуемое, получали право на поцѣлуй намѣстника и могли также сидѣть въ его присутствіи [1]). Поцѣлуй императора былъ тогда рѣдкой почестью [2]). Въ теченіе первыхъ столѣтій, императоры проявляли большую вѣжливость по отношенію къ первому сословію на оффиціальныхъ пріемахъ; зато тѣмъ тяжелѣе и глубже чувствовалось то умышленное непочтеніе, съ которымъ нѣкоторые изъ нихъ относились къ этому сословію. То, что Цезарь сидя принялъ весь сенатъ, принесшій ему почетные декреты, было принято какъ поруганіе сената, отвѣтомъ на которое была непримиримая ненависть [3]), такъ какъ издавна сенату принадлежало почетное право сидѣть передъ магистратомъ въ то время, какъ другіе граждане должны были стоять [4]). Тѣмъ вѣжливѣе были Августъ и Тиберій; послѣдній—даже до почтительности [5]). Въ теченіе двухъ первыхъ столѣтій, кромѣ Калигулы и Нерона, можетъ быть, только два императора, Домиціанъ и Коммодъ, выражали свою нелюбовь къ сенату также своимъ поведеніемъ. Плиній описываетъ противоположный характеръ пріема у Домиціана и Траяна. Къ первому являлись со страхомъ, нерѣшительно, точно идя навстрѣчу опасности; послѣ привѣтствія всѣ разбѣгались, и во дворцѣ становилось пусто; ужасъ и угрозы витали вокругъ входа. Принятые императоромъ боялись не менѣе недопущенныхъ къ нему. На самого императора боялись взглянуть или встрѣтиться съ нимъ; не рѣшались заговорить съ нимъ, ни подойти къ нему. Напротивъ, Траянъ ласково принималъ всѣхъ, уже заранѣе ожидая посѣтителей, и проводилъ съ ними значительную часть своего дорогого времени; всѣ являлись къ нему беззаботно и радостно, приходя иногда и по собственной надобности. Если кто-нибудь не являлся въ пріемный день, ему не надо было даже извиняться въ этомъ [6]). Такая привѣтливость очень растягивала часы пріема; приготовляясь къ нему, Антонинъ Пій въ старости подкрѣплялся обыкновенно сухимъ хлѣбомъ [7]). Пертинакъ „былъ всегда вѣжливъ съ посѣтителями, желавшими говорить съ нимъ“ [8]). Александръ Северъ заставлялъ садиться всѣхъ сенаторовъ во время утренняго пріема [9]). Напротивъ, Каракалла (на своихъ зимнихъ квартирахъ въ Никомидіи) заставлялъ ихъ иногда цѣлыми днями простаивать передъ дворцомъ, причемъ случалось, что, продержавъ ихъ до самаго вечера, онъ все-таки не назначалъ имъ пріема [10]). Діонъ считаетъ неприличнымъ, что Элагабалъ принималъ сенаторовъ, лежа въ постели [11]).

b) Общественные пиры.

Кромѣ публичныхъ аудіенцій, императоры устраивали такъ называемые общественные пиры (convivia publica) [12]), въ которыхъ принимало участіе очень большое число лицъ. Клавдій впервые сталъ назначать въ этихъ случаяхъ стражу; это наблюдается еще и при Александрѣ Северѣ [13]). Калигула позвалъ всадника Пастора на такой пиръ, немного спустя послѣ того, какъ каз-

---

[1]) Cod. Theodos., XII, 1, 109.—[2]) Gothofred., «ad Cod. Theod.», изд. Ritter, т. II, стр. 83b.—[3]) Sueton., «Caes.», гл. 78 сл. Ср. Appian., «B. C.», II, 107.—[4]) Mommsen, «Staatsr.», 3 изд., I, 397, 6.—[5]) Діонъ, LVII, 11.—Sueton., «Tiber.», гл. 29.—[6]) Plin., «Paneg.», 48.—[7]) «Anton. P.», гл. 13.—Aur. Vict., «epit.», 15.—[8]) «Pertinax», гл. 9.—[9]) «Alex. Sever.», гл. 18.—[10]) Dio, LXXVII, 17.—[11]) Dio, LXXIX, 14.—Ср. Julian. «Panegg.», X, 28—30.—[12]) «Alex. Sever.», гл. 34. Sueton., «Tiber.», гл. 34.—[13]) Dio, LX, 3.

пилъ его сына, причемъ онъ былъ „сотымъ гостемъ“ [1]). У Клавдія, особенно любившаго эти огромные пиры, собиралось обыкновенно до 600 лицъ [2]); Александръ Северъ, напротивъ, не любилъ ихъ: ему казалось, по его собственному выраженію, что онъ ѣстъ въ циркѣ или театрѣ. Приглашались не только сенаторы и всадники, но и лица третьяго сословія. Августъ дѣлалъ очень строгій выборъ среди сословій и отдѣльныхъ лицъ: къ его столу не допускался ни одинъ вольноотпущенникъ, кромѣ Мената, но и послѣдній получилъ эту возможность только послѣ того, какъ ему были даны права свободнорожденнаго. Августъ самъ писалъ, что пригласилъ лицо, служившее у него въ деньщикахъ, и въ домѣ котораго ему пришлось однажды жить [3]). Это опредѣленное упоминаніе объ исключеніи отъ стола отпущенниковъ при Августѣ заставляетъ предполагать менѣе строгое отношеніе къ нимъ со стороны позднѣйшихъ императоровъ, что и понятно, такъ какъ сословіе это получало все бо́льшее вліяніе и значеніе.

Сенаторовъ императоры угощали не только со всадниками [4]), но и отдѣльно. Въ первые дни правленія Отона за императорскимъ столомъ обѣдало 80 сенаторовъ, нѣкоторые приходили съ женами [5]). Жены сенаторовъ, повидимому, вообще нерѣдко принимали участіе въ этихъ трапезахъ. Калигула приглашалъ знатнѣйшихъ женщинъ съ мужьями или безъ нихъ, а тѣмъ женщинамъ, которыя ему особенно нравились, онъ посылалъ разводныя отъ имени ихъ отсутствующихъ мужей [6]). Клавдій однажды спросилъ за столомъ П. Сципіона, почему тотъ не привелъ съ собой жены—между тѣмъ, жена его, Поппея Сабина (мать жены Нерона) была доведена до самоубійства въ тюрьмѣ стараніями Мессалины. Пертинакъ въ первый же день своего правленія пригласилъ къ столу магистратовъ и знатнѣйшихъ (proceres) изъ сенаторовъ; этотъ обычай (consuetudinem) былъ упраздненъ Коммодомъ [7]). Во время пировъ императоры оказывали большія почести сенату, въ особенности же консуламъ. Тиберій, приглашая этихъ послѣднихъ, встрѣчалъ ихъ у дверей и также провожалъ ихъ при уходѣ [8]). Повидимому, за столомъ они сидѣли обыкновенно по обѣ стороны императора [9]). Адріанъ также стоя принималъ приходившихъ къ его столу сенаторовъ [10]). Отпуская своихъ гостей, Тиберій становился обыкновенно въ серединѣ триклинія, ставилъ рядомъ съ собой ликтора и прощался съ каждымъ уходящимъ отдѣльно [11]). Даже самые знатные считали честью для себя быть приглашенными къ столу императора. Тиберій, вообще любившій сперва успокаивать свои будущія жертвы, порѣшивъ казнить Друса Либона, далъ ему претуру и часто приглашалъ его къ своему столу [12]). Знакомъ невиданнаго подчиненія было принесеніе будущимъ императоромъ Веспасіаномъ благодарности Калигулѣ передъ всѣмъ сенатомъ за такое приглашеніе къ столу [13]). Еще больше это отличіе цѣнилось менѣе знатными людьми. Марціалъ заявляетъ, что, если бы его одновременно пригласили къ столу Домитіана и Юпитера, онъ бы не поколебался въ вы-

---

[1]) Seneca, «De ira», II, 33, 4.—[2]) Sueton., «Claud.», гл. 34.—[3]) Sueton., «Aug», гл. 74.—[4]) Marquardt, «Hist. eqq.», стр. 72, 62; Plutarch, «Otho», гл. 3.—[5]) Sueton., «Calig.», гл. 36.—[6]) Tac., «A.», XI, 3; иначе Dio, LX, 7; ср. LVII, 12.—[7]) «Pertinax», гл. 6.—[8]) Dio, LVII, 11.—[9]) Sueton., «Calig.», гл. 32.—[10]) «Hadrian.», гл. 22.—[11]) Sueton., «Tiber.», гл. 72.—[12]) Tac., «A.», II, 28.—[13]) Sueton., «Vespas.», гл. 2.

борѣ, даже, если бы небо оказалось ближе дворца [1]). Статій, увѣнчанный уже раньше на праздникѣ Минервы, вѣроятно, благодаря своей славѣ какъ поэта, былъ приглашенъ къ столу императора. Свою благодарность за первое приглашеніе на „эту святѣйшую трапезу“ онъ выразилъ въ длинномъ, напыщенномъ стихотвореніи [2]). Ему представлялось, будто онъ находится у стола Юпитера; этотъ день является первымъ днемъ его существованія, преддверіемъ новой жизни. Неужели въ самомъ дѣлѣ ему было возможно созерцать этотъ ликъ за кубкомъ, неужели онъ могъ оставаться сидѣть на мѣстѣ въ присутствіи императора?—Однажды Калигула узналъ, что какой-то богатый провинціалъ подкупилъ 200000 сестерціями его служителей, которые завѣдывали приглашеніемъ гостей. Императоръ не разсердился, что эта честь оцѣнивалась такъ высоко, и на другой день на аукціонѣ передалъ черезъ посланнаго провинціалу бездѣлушку за ту же цѣну съ просьбой придти обѣдать, на этотъ разъ по приглашенію самого императора [3]). Иногда во время этихъ собраній смѣшаннаго общества происходили разные непріятные случаи. Такъ, напримѣръ, однажды за столомъ Клавдія на одного изъ гостей (впослѣдствіи столь вліятельнаго Т. Винія, принадлежавшаго къ рангу преторовъ) пало подозрѣніе въ кражѣ золотого кубка; на слѣдующій день онъ былъ вновь приглашенъ, но передъ нимъ стоялъ уже глиняный кубокъ [4]). Обращеніе императоровъ съ гостями было, конечно, различнымъ. Августъ былъ съ ними очень любезенъ. Онъ вызывалъ ихъ принимать участіе въ разговорѣ, если они молчали или говорили тихо, или прибѣгалъ для развлеченія ихъ къ рѣчамъ, танцорамъ и шутамъ; часто онъ самъ являлся уже послѣ начала пира и затѣмъ уходилъ до окончанія его, причемъ гости не должны были смущаться этимъ [5]). О трапезахъ Тита также говорится, что онѣ были болѣе пріятны, чѣмъ расточительны [6]). Относительно Домитіана мы имѣемъ два совершенно противорѣчивыхъ свидѣтельства: Статія, который, въ упомянутомъ уже стихотвореніи, является совершенно опьяненнымъ милостивымъ приглашеніемъ императора, и Плинія Младшаго, который даетъ волю своему возмущенію по поводу высокомѣрнаго обращенія, которому подвергались тамъ сенаторы. Статій описываетъ роскошь безчисленныхъ колоннъ изъ драгоцѣннаго мрамора, громадныя залы, своды, высоту которыхъ едва можетъ измѣрить усталый взоръ, золоченый потолокъ,—во всемъ этомъ великолѣпіи императоръ пригласилъ сенаторовъ и всадниковъ расположиться за тысячью столами. Но у поэта не было времени обратить вниманіе ни на богатыя яства, ни на столы съ ножками изъ слоновой кости, ни на толпы слугъ—нѣтъ, только на него, на него одного онъ смотрѣлъ, какъ онъ радостнымъ величіемъ смягчалъ лучи собственнаго сіянія и т. д. [7]). По словамъ Плинія, Домитіанъ, уже начиная съ полудня, насыщался на одинокихъ кутежахъ, такъ что сидѣлъ потомъ въ качествѣ зрителя и наблюдателя среди своихъ гостей. Со всѣми признаками пресыщенія онъ заставлялъ бросать яства, а не подавать ихъ, и, продѣлавъ съ видимымъ усиліемъ всю эту пародію общей трапезы, уединялся опять для своихъ тайныхъ распутныхъ кутежей [8]). Напро-

---

[1]) Martial, IX, 93.—[2]) Stat., «Silvae», IV, 2 (65 слл.); ср. IV, praef.—[3]) Sueton., «Calig.», гл. 39.—[4]) Sueton., «Claud.», гл. 34. Tac., «Hist.», 1, 48.—[5]) Sueton., «Aug.», гл. 74.—[6]) Suet., «Titus», гл. 7.—[7]) Stat., «Silv.», IV, 2.—[8]) Suet., «Domitian.», гл. 21

тивъ, у Траяна не золото и серебро, не изысканность кухни бросались въ глаза, а любезность и дружеское обращеніе хозяина: за его столомъ не было заморскихъ суевѣрій, никакой извращенной распущенности, слышались ласковыя приглашенія, пристойныя шутки и замѣчалось уваженіе къ научнымъ стремленіямъ. Онъ любилъ общіе пиры, вызывалъ присутствующихъ на разговоръ и самъ поддерживалъ его; привѣтливость императора продляла трапезу, если его умѣренность была способна сократить ее [1]); (на самомъ дѣлѣ, Траянъ не отличался этой послѣдней добродѣтелью, онъ любилъ, напротивъ, много пить) [2]). Когда Плиній былъ вызванъ съ другими въ совѣтъ императора въ Центумцеллы, Траянъ каждый день собиралъ всѣхъ за своимъ столомъ, казавшимся слишкомъ простымъ для императорскаго. Иногда играла музыка, иногда ночь проходила въ пріятныхъ разговорахъ. При уходѣ всѣ получали подарки [3]). Гости Домитіана подвергались не только нерадушному, но подчасъ даже унизительному обращенію. Домитіанъ пригласилъ къ столу первыхъ сенаторовъ и всадниковъ; залъ былъ обитъ чернымъ, слуги одѣты въ черныя одежды и похожи на привидѣнія, кушанья поданы въ черной посудѣ, точно при поминкахъ, около каждаго гостя — доска съ его именемъ и зажженный канделябръ—словно въ могилахъ. Гости возвращались домой въ страхѣ, ожидая съ каждой минутой смертнаго приговора, но вмѣсто этого получили драгоцѣнные подарки [4]). Элагабалъ запиралъ напившихся до-пьяна друзей своихъ и пускалъ на нихъ дикихъ звѣрей, обезвреженныхъ благодаря выломаннымъ зубамъ; говорятъ, что многіе умирали отъ страха; болѣе незначительнымъ друзьямъ онъ подкладывалъ для лежанія за столомъ подушки, наполненныя воздухомъ, который затѣмъ выпускался [5]). При Августѣ угощеніе было очень простымъ, оно состояло изъ трехъ, самое большее, изъ шести блюдъ [6]). У Тиберія, желавшаго воздѣйствовать на всѣхъ своей умѣренностью, столъ бывалъ даже неприлично скуднымъ [7]). Напротивъ, роскошными были публичныя угощенія вообще бережливаго Веспасіана, такъ какъ этимъ онъ старался поддержать торгующихъ съѣстными продуктами [8]), но въ своемъ собственномъ столѣ онъ былъ примѣромъ умѣренности [9]). Коммодъ давалъ свои пиры съ чудовищной расточительностью, которая затѣмъ была до нѣкоторой степени сокращена Пертинакомъ [10]). Александръ Северъ соблюдалъ такую же простоту на большихъ трапезахъ, какъ и въ самомъ тѣсномъ кругу [11]). Обычное въ частной жизни римлянъ различіе въ угощеніи лицъ, принадлежащихъ къ неодинаковымъ сословіямъ и рангамъ, не наблюдалось за императорскимъ столомъ. По крайней мѣрѣ, Адріанъ приказывалъ подавать себѣ кушанья, предназначенныя для самыхъ отдаленныхъ столовъ, чтобы предупредить злоупотребленія со стороны прислуги [12]).

Если, въ смыслѣ угощенія, императорскій столъ мало чѣмъ отличался отъ стола знатныхъ людей, то зато онъ выдѣлялся своей посудой, убранствомъ и прислугой, хотя эта разница развилась, несомнѣнно, постепенно (едва-ли раньше конца I вѣка) и измѣнялась въ различное время. Объ этомъ, какъ и вообще о подобныхъ вещахъ, мы имѣемъ лишь разбросанныя и слу-

[1]) Plin., «Paneg.», гл. 49.—[2]) Vict., «Epit.», гл. 13, 4. «Hadrian.», 3. Iulian., «Caes.», p. 23.—[3]) Plin., «Epp.», VI, 31.—[4]) Dio, LXVII, 9.—[5]) «Elagabal.», 2.—[6]) Sueton., «Aug.», гл. 74.—[7]) Sueton., «Tiber.», гл. 34.—[8]) Его же, «Vespas.», гл. 19.—[9]) Tac., «A.», III, 55.—[10]) «Vit. Pertin.», гл. 8.—[11]) «Alex. Sever.», гл. 34, ср. гл. 37.—[12]) «Hadrian.», гл. 17.

чайныя свѣдѣнія. Подобно другимъ императорамъ (Калигулѣ, Нервѣ, Траяну, Антонину Пію и Пертинаку) [1]), Маркъ Аврелій устроилъ большой аукціонъ драгоцѣнныхъ вещей императорскаго обихода для покрытія издержекъ маркоманнской войны; среди этихъ вещей находились золотые, хрустальные и мирровые кубки. Впослѣдствіи онъ разрѣшилъ купившимъ возвращать вещи по той же цѣнѣ; при этомъ онъ, однако, предоставилъ имъ полную свободу и разрѣшилъ знатнымъ пользоваться при пирахъ такой же столовой посудой, какъ и онъ самъ [2]), и употреблять золотые покровы для дивановъ у столовъ; первымъ подданнымъ, воспользовавшимся этимъ позволеніемъ, былъ, повидимому, будущій императоръ Элагабалъ [3]). Шитыя и тканныя золотомъ скатерти сталъ употреблять впервые Адріанъ, этому потомъ сталъ подражать Элагабалъ; онъ завелъ и такія скатерти, на которыхъ были вытканы или вышиты изображенія подаваемыхъ блюдъ. На столѣ Александра Севера были всегда простыя, украшенныя только ярко-красными полосами, скатерти. Галліенъ, напротивъ, употреблялъ всегда золотые покровы [4]). Употребленіе золотой столовой посуды, повидимому, является прерогативой императоровъ съ тѣхъ поръ, какъ Тиберій (въ 16 г.) ограничилъ ея употребленіе у частныхъ лицъ только жертвенными обрядами [5]). Авреліанъ далъ опредѣленное разрѣшеніе снова употреблять ее [6]).

Въ одеждѣ тоже появилось многое, что со временемъ стало принадлежностью только придворной прислуги. Еще наслѣдникомъ престола Домитіанъ порицалъ зятя своего брата за то, что онъ одѣвалъ своихъ слугъ въ бѣлыя одежды. Онъ выразилъ свое неудовольствіе извѣстнымъ стихомъ Гомера: „нѣтъ въ многовластіи блага, да будетъ единый властитель!“ — Это разсказывается, правда, какъ примѣръ его негражданскаго высокомѣрія [7]). Маркъ Аврелій научился у своего отца обходиться безъ тѣлохранителей, безъ особой одежды для слугъ и безъ всей остальной роскоши [8]). И въ этомъ отношеніи этикетъ утверждается лишь позже. Про Авреліана опредѣленно говорится, что онъ, ставъ императоромъ, не измѣнилъ одежды своихъ рабовъ [9]). Повидимому, золото въ особенности отличало костюмъ дворцовыхъ слугъ. Александръ Северъ, дворъ котораго отличался изысканной простотой, и при публичныхъ пирахъ не давалъ прислугѣ являться въ золотыхъ одѣяніяхъ; золотую столовую посуду онъ тоже исключилъ изъ употребленія [10]). Еще во второй половинѣ IV вѣка шитыя золотомъ туники считались спеціальной одеждой дворцовой прислуги [11]).

Гости являлись на пиры, какъ и на утренніе пріемы, въ тогѣ, по крайней мѣрѣ, такъ было еще при Маркѣ Авреліи. Приглашенный имъ къ столу Септимій Северъ явился въ плащѣ, вмѣсто тоги. Ему была подана тога императора, что стали считать предзнаменованіемъ его будущей власти [12]). Можно

---

[1]) Sueton., «Calig.», гл. 38 сл.; Dio, LXVIII, 2; Martial, XII, 15; Plin., «Paneg.», гл. 50; «Anton. Pius», гл. 7.; «Pertin.», гл. 8. C. I. L. VI, 9035, 9035 a.—[2]) «M. Anton.», гл. 17, 21; Vict., «Epit.», 16, 8.—Eutrop., VIII, 14. Ср. Mommsen, «Hermes», 25 (1890), стр. 279 прим.—[3]) «Elagab.», гл. 19.—[4]) Marquardt, «Privatl. d. R.», 2 изд. I, 313, 1.—[5]) Dio, LVII, 14. Tac., «A.», II, 33. C. I. L. VI. 8732—8737.—[6]) «Aurel.», гл. 46.—[7]) Sueton., «Домитіанъ», гл. 12.—[8]) M. Anton., «Comment.», I, 17.—[9]) «Aurelian.», гл. 50.—[10]) «Alex. Sever.», гл. 34, ср. гл. 23.—[11]) Ammian., XXVI, 6, 15.—[12]) «Sever.», гл. 1, «Maximin.», гл. 4.

предположить, что и здѣсь употребленіе римскаго гражданскаго платья сохранилось до очень поздняго времени. Понятно, что сенаторы и всадники не являлись безъ красной пурпуровой полосы на туникѣ; магистраты, повидимому, надѣвали, для присутствія при императорскомъ столѣ, кромѣ того, знаки своего достоинства. Когда въ 70 г. пиръ Отона былъ прерванъ солдатскимъ мятежомъ, магистраты сбросили знаки своего отличія, чтобы бѣжать неузнанными [1]). Во время самаго пира тогу спускали съ плеча; такъ поступалъ, повидимому, Адріанъ, по свидѣтельству его біографа [2]). Во второй половинѣ III вѣка установился обычай, чтобы солдаты являлись на пиръ въ своей военной одеждѣ [3]).

[1]) Тац., «Ист.», I, 81.—[2]) «Hadrian.», гл. 22.—[3]) «Vit. Salonin. Gallien.», 2. Ср. XXX Tyr. 23 и Светоній, «Caes.», гл. 48.

III. ТРИ СОСЛОВІЯ.

1. Различія общественнаго положенія и происхожденія.

Уже во время республики процессъ государственнаго развитія все болѣе разрушалъ строгую замкнутость стараго римскаго гражданства по отношенію къ чужимъ и несвободнымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, понемногу исчезали и границы между его сословіями и классами. Чѣмъ болѣе римское государство пріобрѣтало характеръ міровой державы, тѣмъ болѣе новыхъ элементовъ стекалось въ его столицу, сначала изъ остальной Италіи, потомъ изъ провинцій, между тѣмъ, какъ потомки исконныхъ гражданъ исчезали по мѣрѣ того, какъ чужая кровь все болѣе смѣшивалась съ мѣстной; тѣмъ болѣе пришельцы и ихъ потомки, а скоро даже потомки несвободно-рожденныхъ и сами эти послѣдніе проникали въ высшія сословія и получали право на высшія почести и отличія. Этому процессу разложенія и смѣшенія способствовало нивеллирующее вліяніе абсолютной монархіи, въ которой всѣ подданные считались до извѣстнаго предѣла равными между собою. Но, несмотря ни на что, среди высшихъ сословій, хотя и менѣе сильно, все же продолжало ощущаться сознаніе своего преимущества въ сравненіи съ болѣе низшими классами; это сознаніе существовало во всѣ времена въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ. Несмотря на то, что отдѣльныя сословія, классы и національности уже не были такъ строго разграничены между собою, какъ прежде, и хотя переходъ изъ одного круга общества въ другой, подвергаясь непрерывнымъ измѣненіямъ, имѣлъ постоянную тенденцію къ упрощенію, тѣмъ не менѣе, совершенно естественнымъ было то, что всѣ перешедшіе въ болѣе высокій кругъ общества начинали, подобно своимъ новымъ собратіямъ, считать себя лучше членовъ только-что покинутаго круга. Итакъ, несмотря на всѣ перевороты въ старыхъ учрежденіяхъ, прежнія различія продолжали отчасти существовать и даже пополняться новыми, по мѣрѣ введенія монархіей новыхъ учрежденій.

Къ этимъ послѣднимъ относится, прежде всего, упорядоченіе именъ въ императорское время. Можно съ большимъ вѣроятіемъ предполагать, что при Августѣ были изданы особыя предписанія объ этомъ, „и имена были урегулированы такъ, что по нимъ строго различались свободнорожденные и отпущенники“. Съ этихъ поръ простой рабъ носилъ одно имя, государственный и императорскій рабъ—обыкновенно два [1]), отпущенникъ—3 имени, при чемъ

[1]) Mommsen, «Staatsr.», 3-е изд., I, 323, 3.

у послѣднихъ было отнято (вѣроятно, вмѣстѣ съ правомъ голоса) [1]) принадлежавшее имъ прежде право имѣть трибу, которая входила только въ имя свободнорожденнаго; послѣдніе имѣли по четыре и больше именъ [2]). Положеніе сыновей вольноотпущенниковъ и свободныхъ было также не одинаково [3]): лишь внуки первыхъ искони причислялись къ свободнорожденнымъ [4]). Напротивъ, допущеніе отпущенниковъ въ сенатъ и къ магистратурамъ считалось всегда злоупотребленіемъ; еще Клавдіемъ сынъ одного отпущенника былъ принятъ въ курію съ условіемъ предварительнаго усыновленія его всадникомъ; Неронъ долгое время совсѣмъ не допускалъ отпущенниковъ, а допущеннымъ при его предшественникахъ не давалъ должностей [5]). Указомъ Тиберія въ 23 г. сыновья отпущенниковъ не допускались даже въ сословіе всадниковъ, но уже Августъ сталъ допускать исключенія (напримѣръ, по отношенію къ одному изъ своихъ друзей Ведію Полліону, сыну отпущенника); впослѣдствіи эти нарушенія стали такъ многочисленны, что указъ Тиберія мало-по-малу потерялъ свое значеніе [6]). Но допущеніе сыновей отпущенниковъ къ государственнымъ должностямъ продолжало быть исключеніемъ. Наблюдалось оно уже въ послѣднее время республики [7]) и при Августѣ. Принадлежавшій къ этому классу Г. Тараній былъ трибуномъ въ 25 г. и произвелъ на всѣхъ очень благопріятное впечатлѣніе тѣмъ, что посадилъ въ театрѣ своего отца рядомъ съ собой на почетное трибунское мѣсто [8]). Въ теченіе перваго вѣка, сыновья отпущенниковъ достигали даже высокихъ курульныхъ должностей. Такъ, въ 101 г. былъ преторомъ нѣкій Ларцій Мацедонъ, извѣстный своимъ грубымъ и высокомѣрнымъ обращеніемъ съ рабами, такъ какъ онъ самъ, по словамъ Плинія, вѣроятно, слишкомъ мало или, наоборотъ, слишкомъ хорошо помнилъ, что отецъ его былъ тоже рабомъ [9]). Но еще въ концѣ II вѣка достиженіе консульства (175 г.) Пертинакомъ, сыномъ отпущенника [10]), вслѣдствіе его военныхъ заслугъ, вызвало массу насмѣшекъ надъ его низкимъ происхожденіемъ; говорили, что „только злосчастная война можетъ приводить къ такимъ явленіямъ“ [11]).

Дѣйствительно, какъ ни увеличивалось съ теченіемъ времени вліяніе класса отпущенниковъ, благодаря достиженію богатства и власти отдѣльными представителями его, въ своемъ общественномъ положеніи они все же никогда не сравнялись со свободными. Если кому-нибудь изъ свободныхъ и приходилось преклоняться и раболѣпствовать передъ ними, у него все-таки всегда было внутреннее сознаніе своего преимущества. Мартіалъ обращается къ одному богатому отпущеннику, говоря: „въ день твоего рожденія за столомъ у тебя собирается сенатъ и много всадниковъ—но, Діодоръ, никому изъ нихъ не интересно живешь ли ты на свѣтѣ“ [12]). Даже при выборѣ любовницы Мартіалъ предпочитаетъ свободную отпущенницѣ, а послѣднюю—простой рабынѣ, если только рабыня не окажется красивѣе ея [13]). Но, во

[1]) Mommsen, «Staatsr.», III, 1, 440 сл.—[2]) Mommsen, «Hermes», II, 157.—[3]) Mommsen, «Staatsr.», III, 1, 441, 1.—[4]) Mommsen, «Staatsr.», III, 422, 3.—[5]) Mommsen, «Staatsr.», 3-е изд., I, 488, 2. Sueton., «Claud.», гл. 24; «Nero», гл. 15.—[6]) Mommsen, «Staatsr.», III, 452. Plin., «H. n.», XXXIII, 2, 32; Dio, LIV, 23.—[7]) Appian., b. c. I, 33 (654 г.)—[8]) Dio, LIII, 27.—[9]) Plin., «Epp.», III, 14. Schol. Juv. (Valla) I, 20.—[10]) «Pertin.», гл. 1.—[11]) Dio, LXXI, 22. Eurip., «Suppl.», 119.—[12]) Martial, X, 27; ср. XI, 12.—[13]) Его же, III, 33.

всякомъ случаѣ, положеніе отпущенниковъ къ этому времени стало значительно лучше, чѣмъ было при Августѣ: тогда дворцовый этикетъ исключалъ ихъ еще изъ числа гостей у стола императора [1]), и Горацій нерѣдко слышалъ, какъ недоброжелатели называли его „сыномъ отпущенника“; правда, Меценатъ уже въ то время стоялъ выше этихъ предразсудковъ, находя безразличнымъ, отъ какого отца кто происходитъ, „лишь бы онъ родился свободнымъ“ [2]).

Послѣ отпущенниковъ римская національная гордость презрительнѣе всего относилась къ обитателямъ покоренныхъ провинцій. Провинціалъ, проданный рабомъ въ Римъ и достигшій тамъ свободы, могъ считать себя выше своихъ оставшихся свободными земляковъ: онъ становился римскимъ гражданиномъ; они же должны были платить tributum [3]), т.-е. не только земельный, но и подушный налогъ, а послѣднее считалось въ древности признакомъ несвободнаго положенія [4]). Какъ мало правъ было у провинціаловъ въ сравненіи съ италійцами, видно изъ словъ Тацита, который говоритъ о префектѣ равеннскаго флота Клодіи Квиринале, что онъ своей жестокостью притѣсняетъ италійцевъ „какъ самый низшій народъ“ [5]). Политическое завѣщаніе Августа содержало, среди другихъ совѣтовъ его преемникамъ, также предостереженіе не быть слишкомъ щедрыми въ раздачѣ гражданскаго права, чтобы не уменьшить разницы между гражданами и провинціалами [6]). Въ декуріи судей (присяжныхъ) Рима (состоявшія изъ 3-хъ тысячъ всадниковъ и 2-хъ тысячъ лицъ съ имущественнымъ цензомъ, большимъ половины ценза всадниковъ) [7]), провинціалы въ началѣ вовсе не допускались (хотя уже при Клавдіи были случаи допущенія). Въ послѣдующее время, по крайней мѣрѣ, „новымъ гражданамъ“ (не имѣвшимъ права гражданства по рожденію, а получившимъ его) не было доступа въ эти декуріи; списки ихъ составлялись, главнымъ образомъ, изъ италійцевъ [8]) и изъ обитателей провинцій, въ которыхъ говорили по-латыни. „Сыновья египтянъ не могутъ быть присяжными“, написано на одной стѣнѣ въ Помпеяхъ [9]). Испанецъ Сенека, совершенно въ духѣ римскаго высокомѣрія, высмѣиваетъ въ своемъ пасквилѣ на Клавдія его щедрость въ раздачѣ гражданскихъ правъ [10]), замѣчая, что „императоръ, очевидно, хочетъ видѣть всѣхъ грековъ, галловъ, испанцевъ и британцевъ одѣтыми въ римскія тоги. Парка прекращаетъ его жизнь, чтобы осталось хоть нѣсколько перегриновъ для размноженія“ [11]). Дѣйствительно, дарованіе правъ гражданства цѣлымъ группамъ и корпораціямъ сдѣлало полученіе ихъ отдѣльными лицами выдающимся отличіемъ [12]); однако, эти послѣдніе случаи были рѣдки и при другихъ правленіяхъ и поэтому считались особенно высокой честью [13]). Населеніе западныхъ провинцій ставилось выше жителей восточныхъ областей, непріязнь къ которымъ зависѣла въ нѣкоторой степени отъ различія расъ. Но и западнымъ провинціямъ права, ко-

[1]) Suet., «Aug.», гл. 74. Mommsen, «Staatsr.», III, 1, 424.—[2]) Horat., S. I, 6, 6 сл., 45 слл.—[3]) Petron., гл. 57.—[4]) Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., II, 197.—[5]) Tac., «A.», XIII, 30.—[6]) Dio, LVI, 33.—[7]) Mommsen, «Staatsr.», III, 1, 534—539.—[8]) Plin., «H. n.», XXXIII, 30; ср. Mommsen, «Edikt des Claudius» («Hermes» IV, 117).—[9]) C. I. L. IV, 1943, ср. 1942 с.—[10]) Dio, LX, 17.—[11]) Seneca, «Apocol.», 3, 3; ср. Mommsen, «Hermes», XIX, 79.—[12]) CIL, II, 159.—[13]) C. I. L., III, 2, 5232, C. I. A. III, 702. Ср. Mommsen, «Staatsr.», 3 изд., II, 2, 891, 4.

торыми уже давно пользовались италійцы, были даны гораздо позднѣе и очень неохотно; дѣйствительно, романизація галловъ, испанцевъ, африканцевъ, этихъ „дикихъ, варварскихъ народовъ“ [1]), совершалась очень медленно. Цицеронъ самымъ презрительнымъ образомъ отвергаетъ правдоподобность показаній противъ претора Фонтея, данныхъ свидѣтелями, присланными изъ нарбоннской Галліи, самымъ знатнымъ среди которыхъ былъ предводитель аллоброговъ Индуціомаръ. Цицеронъ считаетъ ихъ варварами, у которыхъ нѣтъ понятія о святости клятвъ, нѣтъ страха передъ богами, который заставилъ бы ихъ опасаться давать невѣрныя показанія. Неужели судьи больше повѣрятъ людямъ, ненавидящимъ Римъ, чѣмъ живущимъ въ провинціи римлянамъ? [2]). Принятіе Цезаремъ въ число сенаторовъ нѣсколькихъ „полуварваровъ“-галловъ, получившихъ отъ него только-что право гражданства, равнялось оскорбленію общественнаго мнѣнія, которое осуждало всякій притокъ новыхъ элементовъ „трансальпійскаго и носящаго панталоны населенія“ [3]). Было вывѣшено воззваніе, призывающее не показывать новымъ сенаторамъ дороги въ курію, а на улицахъ народъ распѣвалъ: „тѣхъ, которыхъ онъ велъ въ тріумфѣ, онъ вводитъ въ курію; они только-что носили штаны, теперь же носятъ широкую пурпуровую полосу“ [4]). Повидимому, эти сенаторы были снова исключены Августомъ [5]). Но уже въ 40 г. до Р. Хр. впервые иностранецъ достигъ даже консулата, правда, лишь въ качествѣ замѣстителя; это былъ испанецъ Корнелій Бальбъ изъ Гадеса, возвысившійся во время гражданскихъ войнъ, благодаря своему умѣнію ловко пользоваться обстоятельствами и большому богатству. По словамъ Плинія, онъ былъ первымъ, который, будучи не только иностранцемъ, но даже пріокеанскимъ жителемъ, получилъ такую честь, какой предки не удостаивали даже населявшихъ Лацій [6]); правда, его впослѣдствіи, какъ и прежде, презрительно называли „гадитанцемъ, тартесцемъ“ и считали недостойнымъ чести быть сенаторомъ [7]). Его племянникъ, Бальбъ Младшій, былъ тоже консуломъ, праздновалъ тріумфъ послѣ побѣды надъ гарамантами въ 19 г. до Р. Хр. и построилъ третій каменный театръ въ Римѣ [8]). Уже въ первое время имперіи къ сенаторскимъ должностямъ допускались въ большомъ числѣ лица, происходившія изъ Нарбоннской Галліи [9]), которая считалась скорѣе частью Италіи, чѣмъ провинціей [10]). „Весьма почтенная и славная колонія Віенна“, какъ ее называетъ Клавдій въ своей рѣчи, была первымъ и вначалѣ, вѣроятно, единственнымъ городомъ, удостоившимся чести посылать членовъ въ курію [11]). Валерій Азіатикъ изъ Віенны, достигшій такой высоты, какъ очень немногіе подданные въ его время, дважды былъ консуломъ, но во второй разъ (46 г.) онъ самъ сложилъ съ себя эту должность въ надеждѣ избавиться отъ интригъ своихъ многочисленныхъ враговъ и завистниковъ. Помпей Вопискъ изъ Віенны получилъ консулатъ отъ Отона въ 69 г. [12]). На ряду съ віеннцами, слѣдующіе извѣстные сенаторы изъ галловъ были:

---

[1]) Cic., «ad Qu. fr.», I, 1, 9, 27.—[2]) Drumann, «Röm. Gesch.», V, 331—334.—[3]) Cic., «ad fam.», IX, 15.—[4]) Sueton., «Caes.», гл. 76, 80.—[5]) Marquardt, «Handb. d. röm. Alt.», 1 изд., II, 3, стр. 267.—[6]) Dio, XLVIII, 32; Plin., «H. n.», VII, 136.—[7]) Drumann, «Röm. Gesch.», II, 594 слл.—[8]) Tac., «A.», XII, 60 съ прим. Nipperdey.—[9]) Tac., «A», XI, 24.—[10]) Plin., «H. n.», III, 31.—[11]) Tac. ed. Nipperdey, 3 изд., II, стр. 279.—[12]) Tac., «Hist.», I, 77; ср. Herzog, «Gall. Narbon.», стр. 113—115, 167.

Домитій Афръ изъ Немауза, первый ораторъ своего времени, бывшій консуломъ (suff.) уже въ 39 г. [1]); затѣмъ, Юлій Грецинъ изъ Форума Юлія, отецъ Агриколы, сынъ прокуратора, казненнаго Калигулой [2]); Антоній Примъ изъ Толозы, осужденный за поддѣлку завѣщанія въ 61 г., отличившійся впослѣдствіи какъ приверженецъ Веспасіана; наконецъ, Г. Фульвій Лупъ Сервиліанъ изъ Немауза [3]), возведенный Веспасіаномъ въ преторскій рангъ. Уже въ 49 г. сенаторамъ было позволено посѣщать безъ разрѣшеній свои имѣнія въ нарбоннской Галліи [4]).

Но когда въ 47 г. главари новыхъ частей Галліи, хотя и принадлежавшихъ Риму уже около ста лѣтъ, начали добиваться правъ на сенаторскія должности, которыя имѣла до сихъ поръ только колонія Лугудунумъ (Ліонъ) [5]), они встрѣтили рѣшительное противодѣйствіе: Италія-де не такъ еще истощена, чтобы не быть въ состояніи самой поставлять сенаторовъ для своей столицы. Развѣ недостаточно того, что венеты и инсубры уже проникли въ курію? Какія же привилегіи останутся на долю остатковъ знати и бѣдныхъ сенаторовъ—уроженцевъ Лація? Всѣ мѣста были бы быстро заполнены этими богачами, предки которыхъ побѣждены нашими войсками. Пусть имъ дается право гражданства, а привилегіи сенаторовъ и почести магистратовъ не должны принадлежать всѣмъ. Это противодѣйствіе было прекращено рѣшительно выраженной волей Клавдія. Въ его родномъ городѣ Ліонѣ сохраняется отрывокъ вырѣзанной на мѣди ученой рѣчи его по этому поводу. По его мнѣнію, сенаторамъ изъ Италіи, конечно, должно давать предпочтеніе, но не слѣдуетъ отстранять и провинціаловъ, если они смогутъ стать украшеніемъ куріи. Доступъ въ сенатъ первыми получили эдуи (между Соной и Луарой) [6]). Можетъ-быть, одновременно съ ними доступъ въ первое сословіе получили и другія мѣстности Галліи. Отецъ Г. Юлія Виндекса, Аквиданецъ „изъ царскаго рода“, былъ римскимъ сенаторомъ [7]). Попадавшіе изрѣдка въ сенатъ уроженцы другихъ провинцій считались, по всей вѣроятности, выскочками, и на нихъ смотрѣли съ недоброжелательствомъ. У Тацита кордубецъ Сенека въ 63 г. пишетъ Нерону, съ цѣлью обезоружить своихъ противниковъ собственнымъ признаніемъ своей недостойности, между прочимъ, что ему часто приходилось спрашивать самого себя: развѣ могутъ причислять къ первымъ въ государствѣ меня, человѣка всадническаго происхожденія, провинціала? Какъ я, новичекъ, поднялся до блестящаго положенія среди этой старой славной знати? [8]).—Истощенный гражданскими войнами сенатъ получилъ новый притокъ изъ провинцій при Веспасіанѣ; съ тѣхъ поръ онъ оттуда получалъ свои лучшія силы [9]); съ тѣхъ поръ, какъ испанецъ Траянъ сталъ императоромъ, громкая оппозиція приверженцевъ римской исключительности должна была понемногу затихнуть, по крайней мѣрѣ, противъ западныхъ областей. Въ его правленіе консуломъ 115 г. былъ гетульскій шейхъ кв. Лусій Квіетъ, отличившійся во главѣ конницы въ дакской и парфійской войнахъ; онъ происходилъ даже не изъ римской Африки, а изъ неизвѣстной отдален-

---

[1]) Teuffel, «Röm. Litteraturg.», 4 изд., 276, 5.—[2]) Tac., «Agric.», гл. 4. Teuffel, 283, 4.—[3]) Herzog, ук. соч., стр. 166 сл.—[4]) Tac., «A.», XII, 23.—[5]) Tac. ed. Nepperdey, 3 изд., II, стр. 281. Boissieu, «Inscr. de Lyon», стр. 141.—[6]) Tac., «A.», XI, 23—25.—[7]) Dio, LXIII, 22.—[8]) Tac., «A.», XIV, 53.—[9]) Sueton., «Vesp.», гл. 9; ср. Tac., «A.», III, 55.

ной пограничной области [1]). Африканцемъ былъ также Цецилій Классикъ, занимавшій въ 101 г. проконсулатъ въ Бетикѣ [2]). Извѣстный юристъ Сальвій Юліанъ, дважды занимавшій консулатъ при Адріанѣ, происходилъ изъ Гадрумета [3]). Фронтонъ, консулъ 144 г., говоритъ о многихъ своихъ соотечественникахъ изъ Цирты, бывшихъ сенаторами [4]). Африканскаго происхожденія былъ и сенаторъ Кассій Максимъ, другъ Аристида и Артемидора [5]). Изъ Гиппона [6]) происходилъ Сервилій Силанъ, консулъ 189 г., а Плавтіанъ, любимецъ императора Севера (какъ извѣстно, уроженца Лептиса), былъ его землякомъ [7]).

Греки и малоазійцы тоже уже давно не могли быть исключаемы, хотя антипатія къ послѣднимъ была еще сильнѣе, чѣмъ къ грекамъ, такъ какъ къ Греціи римляне всегда чувствовали уваженіе какъ къ родинѣ своей культуры. Цицеронъ говоритъ о фригійцахъ, что они, согласно пословицѣ, становятся лучше подъ ударами. Карійцы считаются самыми годными исполнителями опасныхъ предпріятій. Для выраженія крайняго презрѣнія говорилось—„это послѣдній изъ Мисійцевъ". Лидіецъ былъ главнымъ воплощеніемъ раба въ греческой комедіи [8]). У Ювенала прирожденный римлянинъ восклицаетъ: неужели человѣкъ, пришедшій въ Римъ по пути того вѣтра, который приноситъ дамасскія сливы и сирійскія фиги, можетъ раньше меня прикладывать печать къ документамъ или садиться за столъ выше меня? Развѣ не имѣетъ значенія то, что мы въ дѣтствѣ дышали воздухомъ Авентина и питались сабинскими плодами? Самъ же онъ, сынъ или воспитанникъ отпущенника изъ Аквина смотрѣлъ съ глубокимъ презрѣніемъ на всадниковъ „изъ Азіи, Виѳиніи и Каппадокіи", пришедшихъ въ Римъ босыми (т.-е. рабами) [9]). Марціалъ считаетъ несправедливостью судьбы, что нужду терпитъ благородный поэтъ, „не гражданинъ Сиріи или Парѳіи, не всадникъ изъ каппадокійскихъ выставочныхъ подмостковъ на рабскомъ рынкѣ, а происходящій изъ народа Рема и Нумы [10]). Даже Александръ Северъ, стыдясь своего сирійскаго происхожденія, выставлялъ себя уроженцемъ Рима [11]). Однако, уже съ начала имперіи пришельцы изъ Греціи и Малой Азіи начали занимать высокое положеніе въ сословіи всадниковъ. Другъ Августа, богатый всадникъ Ведій Полліонъ, происходилъ изъ Цезареи въ Виѳиніи [12]). Можетъ быть, впервые со времени цензуры Веспасіана и Тита (въ 73 и 74 гг.) [13]) въ сенатъ стали приниматься, по крайней мѣрѣ, въ большемъ числѣ самыя знатныя лица этихъ земель. Нѣкій Т. Флавій Филинъ изъ Ѳеспій достигъ при Домиціанѣ, или вскорѣ послѣ него, претуры и должности правителя Кипра, затѣмъ Ликіи и Памфиліи [14]). Г. Антій А. Юлій Квадратъ изъ Пергама занималъ при Домиціанѣ и Траянѣ многочисленныя высокія должности и былъ консуломъ въ 93 и 105 гг. [15]); также и сынъ его Апелла, правитель провинцій, и его внукъ Фронтонъ занимали выдающіяся должности, а правнукъ его Апелла въ день

[1]) Dio, LXVIII, 32. Mommsen, «Röm. Gesch»., V, 637, 2.—[2]) Plin., «Epp.», III, 9, 3.—[3]) Teuffel, «Röm. Litteraturg.», 4 изд., 350, 1.—[4]) Fronto, «ad amicos.», II, 10. ed. Naber, стр. 201.—[5]) Aristid., «ad Capiton.», ed Dind. II, 415; Artemidor, «Onir.», II, 70 сл.—[6]) Teuffel, «Röm. Litt.», 4 изд., 364, 1.—[7]) Herodian. XIII, 6.—[8]) Cic., «pr. Flacc.», 27, 65.—[9]) Iuv. 7, 14 сл. ed. Mayor. (ср. прим. Munro).—[10]) Martial, X, 76.—[11]) «Alex. Sever.», гл. 28 и 44.—[12]) Nipperdey, къ Tac. «Ann.» I. 10.—[13]) Mommsen, «Staatsrecht», 3 изд., II, 338, 1.—[14]) Keil, «Syll. inscr. Boelot.», стр. 134, № 34.—[15]) Waddington, «Vie du rhéteur Aristide» («Mém. de l'acad.», XXVI, 258); ср. Homolle, «Inscr. publiées à Smyrne» («Bull. corr. hell.», I (1877) 104—106.

своего 14-лѣтія былъ прославленъ Аристидомъ въ рѣчи, сказанной имъ по этому поводу [1]). При Траянѣ сенаторскія должности занималъ Г. Юлій Эвриклъ Гerкланъ [2]), принадлежавшій къ одному изъ знатнѣйшихъ спартанскихъ семействъ, которое еще при Августѣ жило по-княжески. Аѳинянинъ Тиберій Клавдій Аттикъ, разбогатѣвшій отъ находки большого клада (при Нервѣ), былъ дважды консуломъ (въ первый разъ ок. 104 г.) [3]), имя его сына, извѣстнаго софиста Герода Аттика, находится въ консульскихъ фастахъ за 143 г. (а его внука Тиберія Клавдія Брадуи Аттика—за 185 годъ) [4]). При императорахъ II вѣка литературная слава вообще могла служить средствомъ къ возвышенію; этимъ путемъ выдающіеся греческіе софисты и писатели достигали консульства: таковымъ былъ, напримѣръ, при Адріанѣ историкъ и философъ Флавій Арріанъ [5]) (изъ Никомедіи въ Виѳиніи), которому мы обязаны записями лекцій Эпиктета; затѣмъ Клавдій Аристоклъ изъ Пергама, ученикъ Герода Аттика [6]), также Даміанъ изъ Эфеса (при Септиміи Северѣ) [7]); тѣмъ не менѣе Плутархъ получилъ (при Траянѣ) только консульскія инсигніи [8]). Потомки княжескихъ семей тоже, вѣроятно, получали консулатъ; такъ, при Траянѣ, былъ консуломъ Г. Юлій Антіохъ Филопаппъ, потомокъ династовъ Коммагены [9]); въ 140 или 141 г. нѣкто Тиберій (Юлій) Северъ, происходившій изъ галатскаго княжескаго рода, который между 152 и 156 гг. былъ проконсуломъ Азіи [10]). Ѳеофилъ Седарій изъ Никеи, знакомый Аристида, имѣлъ преторскій рангъ; риторъ Статій Квадратъ былъ въ 142 г. консуломъ, а въ 154 или 155 г. проконсуломъ Азіи [11]). Семейство Квинтиліевъ въ Александріи Троадѣ было принято Нервой въ сенаторское сословіе. Внуки получившаго отъ него же широкій пурпуръ Секста Квинтилія Валерія Максима [12])—братья С. Квинтилій Кондіанъ и С. Квинтилій Максимъ [13]), были ординарными консулами въ 151 г., управляли Греціей при Маркѣ Авреліи и впослѣдствіи были одновременно убиты Коммодомъ [14]). Ихъ сыновья, носившіе тѣ же имена, были консулами 172 и 180 годовъ [15]). Отецъ историка Кассія Діона (род. 155 г.) Кассій Апроніанъ изъ Никеи былъ намѣстникомъ Сициліи и Далмаціи [16]), а самъ Кассій Діонъ достигъ консулата [17]). Консуларъ М. Ульпій Эвбіотъ, который на одной надписи на креслѣ въ аѳинскомъ театрѣ Діониса называется благодѣтелемъ и первымъ архонтомъ этого города [18]), былъ консуломъ, вѣроятно, во II вѣкѣ. Ко II и III вѣкамъ относится большое количество надписей, въ которыхъ упоминаются греки и малоазіаты сенаторскаго и консульскаго ранга [19]).

---

1) Lebas-Waddington, стр. 713 сл.—2) Тамъ же, II, 245. Weil, «Die Familie des C. Iulius Eurycles» («Mitt. d. arch. Inst. zu Athen», VI [1881], стр. 10 сл.).—3) Borghesi, «Oeuvres», V, 534, Lebas-Waddington, стр. 720.—4) Dittenberger, «Hermes», XIII, 75 сл. Mommsen, «Röm. Gesch.», V, 261, прим. Digg. XXXVI, 1, 22.—5) Renier, «Rev. Arch.», 1877, № 3.—6) Philostrat, «Vitt. soph.», II, 3.—7) Suidas, см. Λαμιανός.—8) Suidas, см. Πλούταρχος, ср. Hertzberg, «Gesch. Griech.», II, 183.—9) Mommsen, «Die Dynastie von Commagene» («Mitt. d. arch. Inst. in Ath.» I, 27—39); ср. C. I. A. III, 557.—10) Waddington, ук. соч. стр. 218—230.—11) Waddington, стр. 729.—12) Тамъ же, стр. 732; Orelli 5970.—13) Philostrat, «Vitt. soph.» ed. Kayser, p. 241.—14) Hertzberg, Gesch. Gr.», II, 402.—15) Waddington, ук. соч.—16) Reimarus, «De vita Dionis» (Dio, ed. Sturz, VII, 515) § 5.—17) Тамъ же, § 11—13 (стр. 526 сл.).—18) «Philologus», XIX, 360. XXII, 186=C. I. A. 688.—19) C. I. G. 423=C. I. A. 677, 906. C. I. G. 2782, 2783, 2790, 2792, 2793, 2831, 2781 b. 2819 b. 2944 b. 2933, 2996, 3104, 3151, 3491. Lebas-Waddington, 214, 657, 705, Kaibel, «Epigr. Gr.» 533, 3.

До III вѣка уроженцы другихъ восточныхъ провинцій встрѣчаются въ сенатѣ лишь изрѣдка (напримѣръ, консуларъ Флавій Боэтъ, послѣдователь Аристотеля, другъ Галена [1]), происходившій изъ Птолемеи въ Финикіи) [2]), но со времени Каракаллы и еще болѣе со времени Элагабала и Александра Севера число ихъ возросло [3]). Къ нимъ принадлежитъ, напримѣръ, Одейнатъ, князь Пальмирскій (ум. 251 г.), отецъ одноименнаго мужа Зеновіи, имѣвшаго консульскій рангъ, и Септимія Гейрана [4]). У насъ нѣтъ свѣдѣній относительно допущенія въ сенаторы евреевъ изъ Палестины (по крайней мѣрѣ, до замѣтки Іеронима о сенаторахъ-іудеяхъ въ IV в.) [5]). О всадникахъ изъ палестинскихъ евреевъ упоминаетъ Іосифъ, самъ, повидимому, не принадлежавшій къ этому сословію [6]). Всадникъ сенаторскаго происхожденія Тиберій Юлій Александръ, племянникъ философа Филона, управлявшій Іудеей въ послѣдніе годы Нерона, былъ отпавшимъ отъ своей вѣры александрійскимъ евреемъ „изъ очень богатой и знатной семьи, находившейся въ свойствѣ даже съ императорскимъ домомъ; въ Парѳійской войнѣ онъ отличился въ качествѣ начальника генеральнаго штаба Корбула, потомъ въ Іудейской войнѣ Тита онъ опять взялъ эту должность“, занимая въ промежуткѣ между войнами префектуру въ Египтѣ [7]).

Еще неблагопріятнѣе, чѣмъ къ евреямъ, всегда было отношеніе къ египтянамъ. Они не могли получать права римскаго гражданства, не достигнувъ его въ Александріи, даже это послѣднее императоры имъ давали очень скупо, а доступъ въ сословіе всадниковъ былъ имъ, по меньшей мѣрѣ, затрудненъ [8]). Послѣ присоединенія Египта прошло болѣе двухсотъ лѣтъ прежде, чѣмъ александріецъ Кэранъ (при Каракаллѣ) былъ допущенъ въ сенатъ и затѣмъ въ консулы [9]). Египтяне, кромѣ александрійцевъ, не имѣли права на сенаторскія должности еще въ V вѣкѣ [10]). То, что египтянинъ Криспинъ, будучи „первымъ изъ всадниковъ“ (можетъ быть, онъ былъ префектомъ преторія), занялъ выдающееся положеніе и сталъ любимцемъ императора, возбуждало негодованіе Ювенала, главнымъ образомъ, въ виду его національности [11]).

Что и въ послѣдующее время при выборахъ на высокія должности римлянамъ оказывалось предпочтеніе передъ иностранцами, было бы понятно, даже если бы мы не имѣли опредѣленнаго свидѣтельства Діона, который, влагая въ уста Мецената разсужденіе о правительственной системѣ имперіи, выставляетъ тотъ принципъ, что курульныя должности и, главнымъ образомъ, консулатъ должны быть замѣщаемы мѣстными уроженцами [12]). Хотя это правило, какъ показало время, не могло быть строго соблюдаемо, но стремленіе поддержать его никогда не прекращалось. Еще объ одномъ изъ соперниковъ Септимія Севера—Песценніи Нигерѣ—сообщается, что, по его мнѣнію, занимать должности въ Римѣ должны были только природные римляне [13]).

---

[1]) Ч. III, гл. 5.—[2]) Galen. «De anatom. adm.», I, 1, изд. К. III, 215.—[3]) Lebas-Waddington, стр. 599 (№ 2600).—[4]) Тамъ же, № 2621; Mommsen, «Röm. Gesch.», V, 427.—[5]) Hieronym. ed. Vallarsi, IV, 823 сл.—[6]) Joseph, «B. J.», II, 14, 9.—[7]) Mommsen, «Eph. epigr.», V, стр. 578. «Röm. Gesch.», V, 566, 1.—[8]) Mommsen, «Ephem. epigr.», V, стр. 13. «Röm. Gesch.» V, 562, 2.—[9]) Dio, LXXVI, 5; ср. LI, 17.—[10]) Kuhn, «Verf. d. R. R.», II, 86—91. Isidor. Pelusiota, «Epp.», I, 489.—[11]) Martial, VII, 90. VIII, 48. Juvenal, 1, 27; 4 1: 14; 24; 108.—[12]) Dio, LII, 20.—[13]) «Pescenn. Nig.», гл. 7.

Отвращеніе и зависть по отношенію къ чужимъ, презрѣніе „ко всему, что родилось внѣ городскихъ стѣнъ“, господствовали въ Римѣ до послѣднихъ временъ; еще тогда народъ выражалъ свою ненависть къ иностранцамъ въ страшномъ крикѣ во время театральныхъ представленій [1]).

Съ точки зрѣнія приверженцевъ римской исключительности даже италіецъ, даже латинянинъ не считался равнымъ, хотя и ставился ими выше провинціала; въ сенатѣ ихъ считали выскочками и происхожденіемъ отцовъ попрекали даже ихъ дѣтей. Антоній, происходившій изъ очень древняго рода, упрекалъ Октавіана тѣмъ, что мать послѣдняго была Ариціянкой [2]). По этому поводу Цицеронъ говоритъ: „можно подумать, что онъ говоритъ о женщинѣ изъ Траллъ или Эфеса. Видите, какъ низко ставятъ насъ, уроженцевъ муниципій, а слѣдовательно, всѣхъ, потому что кто же изъ насъ не происходитъ оттуда?“ Ему часто приходилось слышать отъ древней знати замѣчанія по поводу его происхожденія [3]). Катилина называлъ его пришлымъ римскимъ гражданиномъ [4]). Однако, какъ сказано въ рѣчи императора Клавдія, уже Тиберій принялъ въ сенатъ дѣльныхъ и состоятельныхъ людей—цвѣтъ муниципій и колоній Италіи [5]). Насколько глубоко тѣмъ не менѣе коренилось это высокомѣріе въ римскомъ сознаніи, и какой упорный протестъ оно выставило всѣмъ нововведеніямъ и разрушающимъ вліяніямъ, видно изъ того, что даже послѣ правленій рода Флавіевъ изъ Реаты и послѣ нарнійца Нервы, во время правленія испанца Траяна, Тацитъ считаетъ разницу между Римомъ и городами Италіи не меньшей, чѣмъ сто лѣтъ назадъ современники Цицерона. Разсужденія Тацита по этому поводу тѣмъ болѣе замѣчательны, что онъ самъ происходилъ изъ всадниковъ [6]). Разсказъ свой о связи Ливіи, жены Друза, съ Сеяномъ, всадникомъ изъ Вольсиній, онъ сопровождаетъ замѣчаніемъ: „и она, имѣвшая дядей Августа, Тиберія тестемъ, дѣтей отъ Друза—она опозорила себя, своихъ предковъ и потомковъ этой измѣной съ муниципаломъ“ [7]). Когда внучка Тиберія, Юлія, вышла во второй разъ замужъ за Рубеллія Бланда, онъ считалъ это за такое униженіе, что изображаетъ это какъ поводъ общей печали, такъ какъ еще многіе помнили дѣда Рубеллія, римскаго всадника изъ Тибура [8]), хотя самъ Рубеллій Бландъ былъ уже консуломъ [9]). Светоній разсказываетъ, что Калигула въ письмѣ къ сенату попрекаетъ свою прабабку Ливію Августу незнатнымъ происхожденіемъ, такъ какъ ея дѣдъ по матери былъ совѣтникомъ въ Фунди; Светоній защищаетъ ее отъ этого упрека, выставляя свидѣтельство, что Ауфидій Лурконъ занималъ въ Римѣ весьма почетныя должности [10]). То, что сто лѣтъ спустя Маркъ Аврелій выдалъ свою дочь Луциллу за Клавдія Помпейана, сына римскаго всадника [11]), изъ не особенно знатнаго антіохійскаго рода, можно объяснить не столько перемѣной воззрѣній, сколько космополитическимъ настроеніемъ императора-философа, который былъ на рѣдкость свободенъ отъ специфически римскаго духа; говорятъ, что онъ себѣ въ зятья

---

[1]) Ammian. XIV, 6, 22. XXVIII, 4, 32; ср. Themist. «Or.», 23, p. 298b.—[2]) Cic., «Orat. Philipp.», 3, 6, 15; ср. Sueton., «Aug.», гл. 4.—[3]) Cicero, «Pro Sulla», гл. 7; «pro Plancio», гл. 8.—[4]) Sallust., «Cat.», гл. 31.—[5]) Tac., ed. Nipperdey, 3 изд., II, p. 279.—[6]) Ulrichs, «De vita et honorib. Taciti», стр. 1 сл.—[7]) Tac., «A.», IV, 3; ср. III, 29.—[8]) Тамъ же, VI, 27; ср. VI, 15.—[9]) Тамъ же, III, 51.—[10]) Sueton. «Calig.», гл. 23.—[11]) «M. Anton.», гл. 20; ср. Borghesi, «Oeuvres», III, 124.

бралъ не первыхъ изъ сената и обращалъ вниманіе болѣе на нравственныя качества, чѣмъ на знатность и богатство [1]). Впрочемъ, Луцилла и ея мать Фаустина остались недовольны этимъ бракомъ и, повидимому, не только вслѣдствіе пожилого возраста избранника.

Приведенные взгляды вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ и для освѣщенія классовыхъ отношеній между сенаторами и всадниками: въ самомъ дѣлѣ, антагонизмъ между двумя классами въ значительной мѣрѣ совпадалъ съ антагонизмомъ между римскимъ и муниципальнымъ происхожденіемъ. Всадники восхваляются своими кліентами и прославляютъ себя сами на памятникахъ, какъ отцы или дѣды сенаторовъ [2]). По поводу одной ссоры между сенаторомъ и всадникомъ Веспасіанъ сказалъ, что сенаторовъ нельзя оскорблять, но отвѣчать на оскорбленія съ ихъ стороны можно и даже законно; по словамъ Светонія, онъ хотѣлъ этимъ показать, что оба класса различаются не столько въ правахъ, сколько по достоинству [3]). Марціалъ называетъ первые два класса: „всадники и господа сенаторы“ [4]). Выраженія классового сознанія сенаторовъ будутъ приведены ниже.

Въ уголовномъ правѣ [5]) было проведено строгое различіе между двумя первыми классами и плебеями: члены первыхъ двухъ классовъ считались привилегированными (также солдаты, ветераны и декуріоны городовъ имперіи); плебеи отъ нихъ такъ рѣзко отличались, что лица изъ упомянутыхъ классовъ могли быть разжалованы въ плебеи. Привилегированные классы были свободны отъ тѣлеснаго наказанія, отъ пытки при слѣдствіи, отъ принудительныхъ работъ, отъ ссылки въ каменоломни, ихъ нельзя было распинать, посылать на гладіаторскія игры и бросать дикимъ звѣрямъ. Обида, нанесенная сенатору плебеемъ, особенно строго преслѣдовалась [6]). Не стоитъ особенно распространяться о томъ, что и въ общественной жизни различіе между всадниками и низшимъ сословіемъ было не меньше, не говоря уже объ отношеніи къ послѣднему со стороны сенаторовъ. Тутъ пропасть была очень глубока. Удѣлимъ мѣсто лишь одному характерному случаю, иллюстрирующему эти отношенія: какой-то сенаторъ преторскаго ранга, обвиненный въ недоказанномъ преступленіи, предпочелъ добровольное изгнаніе несомнѣнному наказанію; ему пришлось поселиться въ Сициліи и заняться тамъ, для заработка, преподаваніемъ риторики. Однажды, выступивъ передъ своей аудиторіей, онъ началъ свою рѣчь словами: „какъ играешь ты съ нами, фортуна, ты дѣлаешь изъ сенаторовъ—профессоровъ, изъ профессоровъ—сенаторовъ!“. Плиній Младшій видитъ въ этой фразѣ столько желчи и горечи, что готовъ объяснить выборъ занятія этого сенатора только желаніемъ имѣть возможность сказать приведенныя слова [7]). Почти въ такихъ же выраженіяхъ, какъ сенаторъ Плиній, и Ювеналъ, принадлежащій ко второму сословію, сопоставляетъ эти два общественныя положенія, какъ рѣзкія противоположности: „если захочетъ фортуна, ты будешь изъ ритора консуломъ; такъ же по волѣ ея изъ консула риторомъ [8]).

[1]) Herodian, I, 2, 2.—[2]) Orelli, 804, 3108, 3719, 3761=C. I. L. V, 1, 4333.—[3]) Sueton., «Vespas.», гл. 9.—[4]) Martial, XIV, 1, 1.—[5]) Mommsen, «Strafrecht», стр. 1032—1037.—[6]) Paulus, «Sententiae receptae», V, 4, 10. Hartmann, «De exilio», стр. 58.—[7]) Plin., «Epp.», IV, 11.—[8]) Juv., 7, 198.

2. Сенаторы.

Принятіе императорской власти могло происходить по требованію войска или сената; но и въ первомъ случаѣ утвержденіе сената рѣшало дѣло [1]); послѣдній имѣлъ также право лишать власти правящаго императора, что и случалось не разъ [2]). По отношенію къ сенату императоры были лишь первыми среди равныхъ, члены этого сословія были ихъ пэрами [3]); это положеніе императоры двухъ первыхъ столѣтій старались поддерживать, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ (за исключеніемъ Калигулы, Нерона, Домитіана и Коммода). Геродіанъ приводитъ письмо къ сенату выбраннаго императоромъ Опеллія Макрина (217 г.), въ которомъ онъ почти униженно проситъ не ставить ему въ упрекъ его происхожденія изъ всадниковъ; знатность, лишенная способностей, совершенно безполезна: благородное происхожденіе Коммода и законность воцаренія Каракаллы не принесли пользы сенату. Императоры знатнаго происхожденія, считавшіе власть своимъ правомъ, отличались болѣе заносчивымъ отношеніемъ къ подданнымъ, чѣмъ незнатные. Тѣ, которые получили власть отъ сената, чувствуя себя въ долгу у него, старались благодѣяніями заручиться его сочувствіемъ [4]).

Августъ первый создалъ вполнѣ замкнутый классъ сенаторовъ, наслѣдственную пэрію, тѣмъ, что ограничилъ вступленіе на курульныя должности, и связанное съ этимъ во всѣ времена участіе въ сенатѣ, однимъ нобилитетомъ, то-есть, кругомъ семействъ, предки которыхъ занимали подобныя должности. Принятіе въ сенаторы не принадлежавшихъ къ этому сословію по рожденію происходило частью черезъ раздачу сенаторскихъ правъ молодымъ людямъ, частью при помощи чрезвычайнаго принятія не имѣющихъ его въ одинъ изъ трехъ низшихъ ранговъ сената (adlectio). И то, и другое совершалось императорами, хотя формально это право они получили съ тѣхъ поръ, какъ въ ихъ вѣдѣніе перешла цензура. Лица, сдѣланныя пэрами, получали наслѣдственный нобилитетъ. Сенаторское достоинство распространялось также на женъ членовъ сената, и на законное потомство до третьяго поколѣнія [5]).

Уже къ началу имперіи число представителей древнихъ знатныхъ семействъ въ сенатѣ было невелико. Многія семьи уже вымерли, напримѣръ, Атиліи, Метеллы, Куріи, Фульвіи; многія погибли въ гражданскихъ войнахъ или благодаря проскрипціямъ [6]); во время проскрипціи тріумвировъ погибло 130, по другому свидѣтельству—300 сенаторовъ и 2000 всадниковъ [7]). Иные угасли въ первое время имперіи, напримѣръ, Эмиліи Скавры [8]), другіе, напримѣръ, Гортензіи, впали въ бѣдность и, лишаясь своихъ правъ, терялись въ остальныхъ классахъ [9]). Какъ заполнялись ихъ опустѣвшія мѣста, было уже сказано выше. Сперва „разсадникомъ сената“ было сословіе всадниковъ; не только изъ всадниковъ Рима, но и изъ колоній и муниципій Италіи, а скоро также

---

[1]) Mommsen, «Staatsr.», 3 изд., II, 2, 841 сл.—[2]) Тамъ же, стр. 1132. Ср. III, 2, 1267.—[3]) Marquardt, «Hist. eqq.», стр. 53 сл. прим. 44 и Mommsen, ук. соч. 895. Ср. также стр. 960 слл.—[4]) Herodian., V, 1.—[5]) Mommsen, «Staatsr.», III, 1, 466—468; 507—509.—[6]) Marquardt, ук. соч., стр. 50. Tac., «A.», 1, 2.—[7]) Appian., «B. C.», IV, 5.—[8]) Senec., «Suasor.», 2, стр., 21 Bip.; Tac., «Ann.», VI, 29.—[9]) Tac., «A.», II, 38.

изъ провинцій стали брать все въ большемъ количествѣ „новыхъ людей“ въ сенатъ изъ наиболѣе благородныхъ, заслуженныхъ и богатыхъ [1]). Статій говоритъ о Рутиліи Галликѣ, который долголѣтними военными подвигами заслужилъ консулатъ при Неронѣ, затѣмъ былъ городскимъ префектомъ при Домитіанѣ, что онъ замѣнилъ своимъ потомкамъ родовитость и обратилъ ее также на своихъ предковъ; по всему вѣроятію, онъ принадлежалъ къ всадницеской семьѣ, хотя отецъ его былъ уже возведенъ въ сенаторы. Для не принадлежавшихъ къ сенаторству всадниковъ не существовало опредѣленныхъ нормъ для вступленія въ сенаторское сословіе. Въ послѣдующее время фактическое право на это вступленіе давало командованіе гвардіей, послѣ котораго занимавшій эту высшую всадническую должность причислялся къ сенату; часто, такимъ образомъ, онъ получалъ почетную отставку [2]). Но, уже въ началѣ имперіи, даже лица третьяго сословія изрѣдка попадали въ сенатъ, по заслугамъ, по милости, а иногда просто благодаря счастливой удачѣ. Уже во время гражданской войны Сальвидіенъ Руфъ, человѣкъ самаго низкаго происхожденія, былъ сдѣланъ Октавіаномъ консуломъ, хотя онъ не былъ даже сенаторомъ. Куртій Руфъ, котораго называли даже сыномъ гладіатора за его незнатность, достигъ квестуры собственными способностями и денежной поддержкой друзей, а затѣмъ, раболѣпствуя передъ высшими и кичась передъ низшими, онъ дошелъ до должности консула и проконсула Африки. Тиберій, оказавъ ему предпочтеніе передъ другими знатными кандидатами, когда онъ добивался претуры, говорилъ, извиняя его низкое рожденіе: „Мнѣ кажется, что Куртій Руфъ происходитъ отъ самого себя“ [3]). И другіе „сыновья своихъ дѣяній“ были обязаны достиженіемъ высшихъ должностей своей готовности служить орудіями императоровъ, въ особенности въ качествѣ доносчиковъ въ процессѣ объ оскорбленіи величества. Юный Отонъ, бывшій учитель краснорѣчія, достигъ сенаторства милостью Сеяна, а затѣмъ и претуры, благодаря своему ни передъ чѣмъ не останавливающемуся усердію [4]). Эпрій Марцеллъ и Вибій Криспъ — оба очень низкаго происхожденія и выросшіе въ бѣдности—достигли огромнаго богатства и высшихъ должностей, путемъ безсовѣстной эксплуатаціи необыкновенныхъ способностей [5]). Военная слава тоже помогала низкорожденнымъ попадать въ сенатъ. Діонъ вкладываетъ въ уста Мецената совѣтъ такимъ образомъ поощрять тѣхъ изъ офицеровъ, которые вступили въ полки центуріонами; только тѣ, кто служилъ простымъ солдатомъ, носилъ туръ и хворостъ, не достойны никогда быть сенаторами [6]). Очень рѣдки, конечно, случаи, вродѣ карьеры Оклатинія Адвента: начавъ простымъ солдатомъ, онъ, по словамъ Діона, будучи субальтерномъ, исполнялъ обязанности палача [7]), затѣмъ, несмотря на полное отсутствіе образованія, онъ достигъ постепенно должности префекта преторія [8]), при Макринѣ былъ уже городскимъ префектомъ и, наконецъ, консуломъ 218 года [9]). Первые сенаторы, начавшіе свою службу съ центуріоновъ, были императоръ Пертинакъ и соперникъ Севера Песценній Нигеръ [10]).

---

[1]) Hirschfeld, стр. 415, 1.—[2]) Mommsen, «Staatsr.», III, 1, 508.—[3]) Tac., «A.», XI, 21.—[4]) Тамъ же, III, 66.—[5]) Tac., «Dial.», гл. 8.—[6]) Dio, LII, 25.—[7]) Dio, LXXVIII, 14.—[8]) Hirschfeld, «Hermes», XXIV (1889), стр. 156—160.—[9]) Hirschfeld, «Verwaltungsb.», 232.—[10]) «Pertin.», гл. 1; «Pescen. Nigri», гл. 1; Dio, LXXIX, 7.

Совершенно невѣроятно, чтобы до Коммода въ сенатъ допускались отпущенники, которымъ всюду въ муниципіяхъ и колоніяхъ былъ закрытъ доступъ въ первое сословіе [1]). Любимецъ Коммода, Клеандръ, первымъ сталъ возводить отпущенниковъ въ сенаторы и патриціи [2]). При Каракаллѣ бывшій рабъ и парикмахеръ императрицы, Марцій Агриппа, при своемъ смѣщеніи съ очень высокой всаднической должности былъ сдѣланъ сенаторомъ съ преторскимъ рангомъ и этимъ до извѣстной степени униженъ [3]). Элагабалъ „назначалъ отпущенниковъ намѣстниками, легатами, консулами, военачальниками“ [4]). Тѣмъ строже ограничилъ права отпущенниковъ Александръ Северъ: онъ ихъ не принималъ даже въ сословіе всадниковъ [5]). Поэтому, когда Эпиктетъ разсуждаетъ: „рабъ желаетъ свободы; получивъ ее, онъ опять недоволенъ и хочетъ чего-нибудь новаго. Достигнувъ цѣли всѣхъ своихъ желаній—сенаторскаго достоинства, онъ и тутъ будетъ находиться въ блестящемъ рабствѣ“ [6])—онъ говоритъ либо о немыслимомъ для его времени фактѣ, либо находится въ полномъ невѣдѣніи современныхъ ему отношеній.

Сыновья отпущенниковъ (какъ было замѣчено выше) [7]), допускались въ сенатъ уже первыми императорами; тѣмъ легче было попасть туда ихъ дальнимъ потомкамъ. Уже въ серединѣ перваго вѣка существовало большое количество сенаторскихъ семей такого происхожденія [8]). Вителліи, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, происходили отъ сапожника-отпущенника; сынъ его, накопивъ денегъ, занимаясь раздѣломъ имѣній и государственными агентурами, женился на дочери булочника; ихъ сынъ достигъ всадничества и должности въ императорскомъ финансовомъ управленіи. Четверо сыновей его были сенаторами, одинъ изъ нихъ былъ трижды консуломъ и цензоромъ и сталъ отцомъ императора Вителлія [9]). Знаменитый риторъ Ѳеодоръ изъ Гадары, учитель Тиберія, происходилъ изъ рабовъ; его сынъ (?) Антоній при Адріанѣ былъ сенаторомъ [10]). Клавдій, и въ этомъ отношеніи не желавшій дѣлать безусловнаго исключенія [11]), далъ сыну одного отпущенника широкую пурпуровую полосу, но съ условіемъ, что тотъ будетъ усыновленъ всадникомъ [12]); такія формальности встрѣчались, вѣроятно, не рѣдко. Неронъ долго не принималъ вообще сыновей отпущенниковъ и тѣмъ, которые были приняты предыдущими императорами, не давалъ высокихъ должностей [13]). Позднѣе, они были допускаемы на должности, хотя предпочтеніе отдавалось знатнымъ кандидатамъ. Еще Валентиніанъ, Валентъ и Гратіанъ были принуждены издать рескриптъ, по которому сыновья отпущенниковъ не могли быть исключаемы отъ полученія клариссимата [14]).

Чѣмъ больше съ каждымъ поколѣніемъ росло число новыхъ сенаторовъ и убывало количество сенаторовъ стариннаго, знатнаго происхожденія (что ихъ было немного, говоритъ въ 166 году Апулей [15]), и уже пятьюдесятью годами раньше Ювеналъ говоритъ о таяніи знати) [16]), тѣмъ больше старыя семьи гордились; и общее почтеніе къ потомкамъ знатныхъ родовъ, во всякомъ

---

[1]) Mommsen. «Lex Col. Genetivae» («Eph. epigr.», II, 133). — [2]) «Commod.», гл. 6.—[3]) Dio, LXXVIII, 13.—[4]) «Elagab.», гл. 11.—[5]) «Alex. Sever.», гл. 19.—[6]) Epict., «Diss.», IV, 1, 33—40.—[7]) См. выше стр. 100, 7 и 8.—[8]) Tac., «A.», XIII, 27.—[9]) Sueton., «Vitell.», гл. 2.—[10]) Suid. см. Θεόδωρος.—[11]) Tac., «A.», XI, 24.—[12]) Sueton., «Claud.», гл. 24. — [13]) Его же, «Nero», гл. 15.—[14]) «Cod. Iustin.», XII, 1, 9.—[15]) Apul., «Florid.», I, 8.—[16]) Iuv. 1, 34.

случаѣ, не уменьшалось. Основнымъ отличіемъ знатности было право выставлять портреты своихъ предковъ въ атріи [1]). Всѣ съ почтеніемъ вступали въ тѣ дома, гдѣ атріи были по стѣнамъ расписаны потемнѣвшими картинами, изображавшими тріумфаторовъ на колесницахъ, гдѣ закоптѣвшія восковыя маски предковъ смотрѣли со стѣнъ; надписи подъ ними сообщали имена, титулы и подвиги [2]). По крайней мѣрѣ, толпа относилась къ этимъ „изображеніямъ предковъ и надписямъ" съ неменьшимъ почтеніемъ, чѣмъ во времена Горація [3]). Какъ въ средніе вѣка и въ новое время, и древній Римъ любилъ „своихъ великихъ мужей, съ достоинствомъ носившихъ прекрасныя имена, и охотно участвовалъ въ блескѣ, который распространяли вокругъ себя семейства родной знати" [4]). Облеченная въ стихотворную форму школьная рѣчь Ювенала на тему, что только собственная добродѣтель, а не предки дѣлаютъ человѣка достойнымъ, только лишній разъ доказываетъ—если только есть необходимость въ подобномъ доказательствѣ,—что господствующимъ было противоположное мнѣніе. Яркое доказательство того, какъ высоко народъ ставилъ старую знать, даетъ разсказъ Тацита о процессѣ Эмиліи Лепиды (20 г.), которая обвинялась своимъ разведеннымъ мужемъ, П. Сульпиціемъ Квириніемъ, въ томъ, что она подкинула ребенка, и въ другихъ преступленіяхъ. Женщина эта, „совмѣщавшая въ себѣ блескъ дома Эмиліевъ и происхожденіе отъ Суллы и Помпея", вызвала состраданіе толпы, несмотря на свою вину и дурную славу. Когда она, окруженная благородными женщинами, обратилась съ мольбой къ своимъ предкамъ въ театрѣ Помпея, въ народѣ послышались рыданія и проклятія, что эта женщина, предназначавшаяся когда-то въ жены Л. Цезарю и въ невѣстки Августу, должна страдать отъ этого человѣка изъ низкой семьи, имѣющаго вліяніе благодаря своей бездѣтной старости [5]). Сенека, разсуждающій иногда очень близко къ Ювеналу [6]), не только утверждаетъ, что знать при занятіи должностей отдаетъ предпочтеніе многимъ совершенно недостойнымъ людямъ, чтобы не допустить достойныхъ, но „новыхъ" людей, но самъ еще прибавляетъ, что это происходитъ „не безъ причины": Фабій Персикъ (консулъ 32 г.), несмотря на свой постыдный образъ жизни, достигъ высшихъ жреческихъ должностей, благодаря своимъ знатнымъ предкамъ—Веррукозу Аллоброгику и тремстамъ Фабіямъ. Тѣмъ же путемъ возвысился до консулата Мамеркъ Скавръ (ум. въ 34 г.), человѣкъ тоже съ дурной славой, потомокъ стараго Скавра (конс. 115 г. до Р. Хр.), бывшаго первымъ въ сенатѣ [7]). Тацитъ восхваляетъ Тиберія за то, что онъ въ первое время правленія, при раздачѣ почетныхъ должностей, обращалъ вниманіе на знатность [8]); такъ же похвально выражается Плиній о Траянѣ, говоря, что онъ при раздачѣ должностей всегда предпочиталъ потомковъ знатныхъ семействъ, чего не дѣлалъ Домитіанъ изъ страха и подозрительности [9]). Знатность оставалась могучимъ двигателемъ и преимуществомъ, какъ въ служебной карьерѣ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, и была однимъ изъ высочайшихъ благъ, хотя таковымъ и признавалось часто богатство, на которомъ базировались сословія и ранги [10]).

---

[1]) Mommsen, «Staatsrecht», 3 изд., I, 442 сл.—[2]) Iuv., 8, 1—20. Ср. Marquardt, «Privatl. d. R.», 2 изд., I, 244, 3.—[3]) Horat., «S.», I, 6, 17.—[4]) Hübner, «Sixtus V», I, 277.—[5]) Tac., «A.», III, 23.—[6]) Seneca, «De beneff.», III, 28, 2; «Epp.», 44, 5.—[7]) Seneca, «De beneff.», IV, 30 сл.—[8]) Tac., «Ann.», IV, 6.—[9]) Plin., «Paneg.», гл. 69.—[10]) Seneca, «Remed.», 16, 6.

Дѣйствительно, нѣкоторыя семьи, процвѣтавшія еще въ императорское время, имѣли за собой очень почтенную древность и прошлое: конечно, къ I вѣку уже немного осталось такихъ семействъ, предки которыхъ были выбраны въ сенатъ еще Ромуломъ или Брутомъ, т.-е. восемьсотъ лѣтъ назадъ [1]). Но въ это время должно было существовать еще немалое количество такъ называемыхъ троянскихъ (происходящихъ отъ Энея и его спутниковъ) и албанскихъ (т.-е. достигающихъ до основанія Рима) семей; первыхъ изъ нихъ еще ко времени конца республики насчитывали до пятидесяти [2]). Въ одномъ собраніи разговоровъ на греческомъ языкѣ, предназначенномъ для школьнаго употребленія, говорится: я хочу посѣтить сенатора, который ведетъ свой родъ отъ Ромула и Энеадовъ [3]). Всѣхъ больше такимъ происхожденіемъ хвалились Юліи; при ихъ погребеніяхъ носили изображенія Энея, Ромула и Албанскихъ царей [4]). Мемміи производили себя отъ троянца Мнесеея [5]). Албанскимъ родомъ были Квинтиліи, отъ которыхъ происходилъ Варъ, павшій въ битвѣ въ Тевтобургскомъ лѣсу [6]). Антоніи и Фабіи называли Геркулеса своимъ родоначальникомъ [7]), Эліи Ламіи—лестригонскаго царя Лама [8]). Пизоны изъ рода Кальпурніевъ вели свое происхожденіе отъ царя Нумы [9]): Гней Пизонъ, представитель этого дома при Тиберіи, почти не оказывалъ предпочтенія императору; на сыновей послѣдняго онъ смотрѣлъ свысока и считалъ ихъ несравненно ниже себя [10]). Вообще, родословныя, начинавшіяся съ миѳическихъ временъ, не были рѣдкостью,—онѣ охотно разрабатывались греческими учеными. Одно сочиненіе, посвященное Кв. Вителлію (дядѣ императора), производило родъ его, совершенно не знатный по другимъ источникамъ [11]), отъ Фавна, царя аборигеновъ, и отъ Вителліи, обоготворяемой во многихъ мѣстахъ [12]). Хотя было прекрасно извѣстно, что дѣдъ императора Веспасіана, реатинецъ, былъ центуріономъ въ гражданской войнѣ, а отецъ—откупщикомъ таможенныхъ сборовъ, тѣмъ не менѣе попробовали выставить родоначальникомъ дома Флавіевъ одного изъ спутниковъ Геркулеса; но Веспасіанъ самъ смѣялся надъ этимъ [13]). Императоръ Гальба, изъ древняго и знатнаго рода Сульпиціевъ, выставилъ въ своемъ атріи родословную, по которой значилось, что родъ его происходитъ со стороны отца отъ Юпитера, а со стороны матери отъ Пасифаи, жены Миноса [14]). Даже тѣ, которые въ обществѣ недовѣрчивыхъ высмѣивали эти таблицы, считали необходимымъ защищать ихъ передъ другими и не казались даже смѣшными при этомъ. Такъ, Юлій Цезарь, произнося надгробную рѣчь своей теткѣ Юліи, выводилъ ея родъ отъ Анка Марція съ одной стороны и отъ Венеры, бабки Іула, съ другой [15]). М. Ацилій Глабріонъ (во второй разъ консулъ 186 г.), котораго Пертинакъ предложилъ выбрать императоромъ, производилъ свой родъ отъ Энея [16]), семья Марка Аврелія—

---

[1]) Tac., «A.», XI, 25.—[2]) Dionys. Halic. I, 85; ср. Mommsen, «Die röm. Patriziergeschlechter» («Rh. M.», XVI, стр. 356).—[3]) Haupt, «Colloqu. scholast.», ind. l. hibern. Berol., 1871, стр. 5, 34.=Corp. Gloss. III, 655, 4.—[4]) Preller, «Röm. Myth.», 3 изд., стр. 98 сл. Tac., «Ann.», IV, 9.—[5]) Verg., «Aen.», XII, 127; Munro, «Lucret.», изд. 2, стр. 328. — [6]) Haack, «Realenc.» v. Pauly, Walz u. Teuffel, VI, 372. — [7]) Drumann, «Röm. Gesch.», I, 59.—[8]) Horat., «C.», III, 17, 1.—[9]) Marquardt, «Hist. eqq.», стр. 52 прим. 30.—[10]) Tac., «A.», II, 43.—[11]) См. выше стр. 111, 9—[12]) Sueton, «Vitell.», c. 1.—[13]) Sueton., «Vespas.», гл. 2 и 12.—[14]) Его же, «Galba», гл. 2; ср. Sil. Ital., VIII, 470.—[15]) Sueton., «Caes.», гл. 6; C. I. G. 2957.—[16]) Herodian., II, 3, 4.

отъ Нумы [1]), а Геродъ Аттикъ хвалится, что жена его Регилла, сестра Аппія Анnія Брадуи (конс. 160 г.), происходитъ отъ царственной крови Анхиза и идейской богини [2]) (впрочемъ, и родословная самого Герода доходила до Эакидовъ) [3]); вообще, выведеніе рода изъ героическаго времени часто встрѣчается и въ Греціи [4]). Акты арвальскихъ жрецовъ содержатъ длинные списки знатнѣйшихъ семействъ, входившихъ въ составъ этой жреческой коллегіи. Напримѣръ, при жертвоприношеніи, которое императоръ Калигула совершалъ какъ представитель коллегіи въ послѣднихъ числахъ мая 39-го года, присутствовало только три члена, предки которыхъ возвысились лишь при Августѣ: это были Тавръ Статилій Корвинъ, Г. Цецина Ларгъ (консулъ 42 г.) и Анній Виниціанъ; остальные были: Павелъ Фабій Персикъ, Г. Кальпурній Пизонъ (о древнемъ происхожденіи обоихъ было уже упомянуто), затѣмъ Маркъ Фурій Камиллъ, „послѣдній отпрыскъ побѣдителя Вей", Аппій Юній Силанъ и Гней Домитій Агенобарбъ, отецъ Нерона; предки двухъ послѣднихъ „часто носили пурпуръ республики" [5]). Домитіи Агенобарбы насчитывали въ своихъ родословныхъ, относящихся ко времени республики, 6 консулатовъ (кромѣ того 2 при Августѣ), 2 цензуры и 2 тріумфа [6]). Но ни одинъ родъ не могъ похвалиться такимъ количествомъ славныхъ воспоминаній, какъ Клавдіи, родъ которыхъ начинался съ первыхъ временъ республики; они насчитывали 22 консулата, 5 диктатуръ, 7 цензуръ, 7 большихъ и 2 малыхъ тріумфа; много было среди нихъ славныхъ мужей и женъ, великихъ въ добрѣ и злѣ; неизмѣримая гордость и непреклонная жестокость были главными чертами этого рода [7]). Большое значеніе старыхъ родословныхъ сохранилось до конца римскаго государства [8]).

Обычай носить кромѣ собственнаго имени еще и другія, особенно рядомъ съ пріобрѣтеннымъ черезъ усыновленіе, также и первоначальное имя, встрѣчается лишь изрѣдка во времена Юліевъ и Клавдіевъ, но во время Флавіевъ, когда вообще „получаютъ преобладаніе новые люди и новые порядки", явленіе это становится обычнымъ [9]). Имена прибавлялись или вслѣдствіе усыновленія или quasi-усыновленія, или черезъ присоединеніе именъ родныхъ со стороны матери. Это дѣлалось изъ желанія похвалиться семейными связями или изъ другихъ цѣлей [10]). Ко времени Траяна „имена римской знати такъ разрослись", что нѣкоторыя лица имѣли ихъ болѣе, чѣмъ по десяти, напримѣръ, Кв. Помпей Фалконъ. Сынъ его, Кв. Помпей Сенеціонъ, консулъ 169 г., имѣлъ не менѣе 38 именъ. Ихъ перечисленіе имѣется на одной надписи: Кв. Помпей Сенеціонъ Росцій Мурена Секс. Юлій Фронтинъ Силій Деціанъ Г. Юлій Еврiклъ Геркуланей Л. Вибулій Пій Августанъ Альпинъ Беллицій Соллертъ Юлій Аперъ Дуценій Прокулъ Рутиліанъ Ру-

---

[1]) «M. Anton.», гл. 1.—[2]) C. I. G. III, 6280, B. 3; ср. 38—40.—[3]) Philostrat, «Vitt. soph.», II, 1.—[4]) Becker, «Charikles», 2 изд., I, 22 сл. Martial, V, 35; Mommsen, «Röm. Gesch.», V, 257.—[5]) Henzen, «Scavi n. bosco d. fr. Arvali», стр. 5. 110—115 и стр. 7—10. Ср. Mommsen, «Grenzboten», 1870, I, стр. 161 слл.—[6]) Mommsen, «Die röm. Patriziergeschlechter», «Rh. M.», XVI, 322, 5.—[7]) Sueton., «Tiber.», гл. 1. 2; ср. Mommsen, «Mon. Ber. d. Berl. Akad.», 1861, стр. 320, прим. 1.—[8]) Marquardt, «Privatl. d. R.», 2 изд., I, 245, 3. Gibbon, «Hist.», гл. XXXI.—[9]) Mommsen, «Hermes», III, 70 сл.—[10]) Henzen, «Coll. Inscr. Lat.», III, 237. Renier, «Mél. d'épigr.», стр. 13, 23. Borghesi, «Oeuvres», III, 180. IV, 488 сл

финъ Силій Валентъ Валерій Нигеръ Клавдій Фускъ Сакса Ургутіанъ (?) Сосій Прискъ [1]).

Но сенаторскія семьи отличались, пожалуй, чаще царскимъ богатствомъ, чѣмъ древней знатностью [2]). Обыкновенно большое состояніе называли сенаторскимъ [3]). Наибольшимъ извѣстнымъ въ древности богатствомъ въ 400 милл. сестерціевъ обладалъ жившій при Августѣ авгуръ Гн. Лентулъ [4]). Но уже половина этой суммы считалась очень большимъ состояніемъ; „онъ богаче (Вибія) Криспа",—говоритъ Марціалъ, желая этимъ опредѣлить непомѣрно богатаго человѣка (названный Криспъ обладалъ состояніемъ въ 200 милл. сестерціевъ) [5]). Но и 300 милл. сест. нерѣдко располагали лица сенаторскаго званія. У Тацита Неронъ въ письмѣ къ Сенекѣ, обладавшему этой суммой, говоритъ, что, не говоря уже объ отпущенникахъ, многіе, уступавшіе Сенекѣ по заслугамъ, обладали бо́льшими средствами, чѣмъ онъ (какъ Л. Волусій Сатурнинъ, умершій въ 56 г. въ званіи городского префекта, 93-хъ лѣтъ отъ роду) [6]). Эпрій Марцеллъ, возвысившійся изъ очень скромной семьи, нажилъ впослѣдствіи также подобное состояніе [7]). Ежегодный доходъ съ такого капитала достигалъ вѣроятно 2436000 рублей на наши деньги; эту сумму Олимпіодоръ называетъ доходомъ богатѣйшихъ римскихъ семей начала V вѣка. Дѣло въ томъ, что сенаторскіе капиталы давали очень высокіе проценты: даже при переводѣ въ земельную собственность доходъ превышалъ 6%, что будетъ показано ниже [8]). Капиталъ въ 300 милл. сест. ($32^5/_8$ милл. рублей) при 7% нормѣ даетъ ежегодно 2283960 рубл. дохода.

Мѣстные сенаторы, безъ сомнѣнія, искони имѣли большія угодья въ Италіи. Лишь когда въ сенатъ стали прибывать провинціалы, Траянъ былъ принужденъ постановить (приблиз. въ 106—7 гг.), чтобы желавшіе занимать курульныя должности обращали третью часть своего состоянія въ недвижимое имущество въ Италіи; мѣра эта была введена для того, чтобы они считали Италію своей родиной, а не временнымъ пристанищемъ [9]). Маркъ Аврелій понизилъ это требованіе до четвертой части капитала [10]). Очевидно, было обыкновеніе пріобрѣтать земли сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ; дѣлалось это съ цѣлью уберечь доходы съ земли отъ одновременнаго вліянія непогодъ, а также для возможности постоянно мѣнять климатъ и мѣсто жительства и даже во время путешествія пріѣзжать въ свое собственное помѣстье. Уже во время Горація безъ сомнѣнія случалось, что одно лицо владѣло: сардинскими хлѣбными полями, калабрскими пчельниками, лугами тамъ-же и въ цисальпійской Галліи, „тысячью югеровъ фалернскихъ виноградниковъ" и угодьями на рѣкѣ Лирисѣ [11]). А сто лѣтъ спустя въ состояніе одного лица входили еще: пармскія стада (приносящія ежегодно 600000 сест. дохода), имѣнія въ Этруріи, обрабатываемыя безконечными рядами закованныхъ рабовъ, апулійскія поля, сетинскіе виноградники, и владѣнія въ Сициліи, у Гиблы, славной своимъ пчеловодствомъ [12]). Такъ часто упоминаемый при

1) Mommsen, ук. соч. стр. 75 с.—2) Philo, «Leg. ad Gaj.», p. 560 M.—3) Petron., гл. 76.—4) Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., II, 56,6. Ср. ч. III гл. I.—5) Martial, IV, 54, 7; Tac., «Dial.», гл. 8; Seneca, «Nat. qu.», I., 16, 1.—6) Tac., «A.», XIV, 55 сл.—7) Tac., «Dial.», гл. 8.—8) Ср. Columella, «R. r.», III, 3 и Marquardt, «Privatl.», 2 изд. II, 445.—9) Plin., «Epp.», VI, 19.—10) «M. Anton.», гл. 11.—11) Horat., «C.», I, 31. III, 16, 33; «Epod.», 4, 13.—12) Martial., IV, 37, 5; V, 13, 7; IX, 22, 4; X, 74.

Нeронѣ и Домитіанѣ М. Аквилій Регулъ имѣлъ земли: въ Умбріи, Этруріи, у Тускула и около дороги изъ Рима въ Тибуръ [1]). Свекровь Плинія Младшаго, Помпея Целерина—около Окрикула, Нарніи, Карсулъ и Перусіи [2]). Семейство Авреліевъ Симмаховъ во второй половинѣ IV вѣка владѣло, кромѣ трехъ дворцовъ въ Римѣ и одного въ Капуѣ, еще пятнадцатью виллами, частью вблизи города, частью въ самыхъ излюбленныхъ мѣстностяхъ, либо по берегу (Остія, Лавиній), либо въ горахъ (Тибуръ, Пренесте, Кора), частью въ Неаполитанскомъ заливѣ (у Формій, Кумъ, Баули, Бай, Путеоли, Неаполя и у Лукринскаго озера)—и сверхъ того еще имѣніями въ Самніи, Апуліи, Сициліи и Мавританіи [3]). Какъ видно, дѣловыя пребыванія въ провинціяхъ часто давали поводъ сенаторамъ пріобрѣтать тамъ земли. Послѣ упомянутаго раньше распоряженія Траяна, лица, желавшія получить курульныя должности, были принуждены продавать свои земли въ провинціяхъ для покупки новыхъ въ Италіи. Гордіанъ I „владѣлъ столькими землями въ провинціяхъ, какъ никто изъ подданныхъ“ [4]). Префектъ преторія Пробъ (368 г. по Р. Хр.) „былъ извѣстенъ всему римскому міру, такъ какъ владѣнія его были разсѣяны повсюду“ [5]). Декретъ Аркадія и Гонорія 395 г. касается сенаторовъ, пребывающихъ въ Римѣ, но имѣющихъ владѣнія въ различныхъ далекихъ провинціяхъ [6]). Сенаторы провинціальнаго происхожденія обыкновенно имѣли земли у себя на родинѣ. Поэтому тѣ изъ нихъ, которые происходили изъ Нарбонской Галліи получили въ 49 г. право ѣздить туда безъ просьбы объ отпускѣ (объ этомъ было уже упомянуто выше)—ранѣе это было возможно только для отлучекъ въ Сицилію [7]). Рубеллій Плавтъ имѣлъ наслѣдственныя земли въ провинціи Азіи [8]); Флавій Урсъ, покровитель Статія, кромѣ владѣній у Локровъ, Полленціи и Луканіи, имѣлъ земли на правомъ берегу Тибра и въ другихъ мѣстахъ: на Критѣ и въ Киренѣ [9]). Во время Нерона половина провинціи Африки принадлежала шести крупнымъ владѣльцамъ [10]), а при Домитіанѣ владѣнія частныхъ лицъ въ упомянутой сейчасъ и въ другихъ провинціяхъ были такъ велики, что превышали нерѣдко владѣнія городскихъ общинъ. Они вмѣщали многочисленное крестьянское населеніе и поселки вокругъ барскихъ домовъ на подобіе городовъ [11]); въ числѣ этихъ владѣтелей и рядомъ съ ними было не мало лицъ изъ сенаторскаго круга. Поэтому нельзя считать простой фразой упоминаніе Сенеки объ огромныхъ пространствахъ, обрабатываемыхъ закованными въ цѣпи рабами, о пастбищахъ, по объему не уступающихъ величинѣ царствъ и провинцій [12]), правъ также и Колумелла, говорящій о такихъ огромныхъ владѣніяхъ, что хозяинъ не въ состояніи объѣхать ихъ верхомъ [13]). Далеко кругомъ не было ни одного озера, въ которомъ бы не отражались дворцы вельможъ, ни одного залива, надъ которымъ бы не возвышались ихъ виллы; крыши ихъ сверкали со всѣхъ возвышеній, откуда было видно море и далекій горизонтъ [14]). Дворцы ихъ въ Римѣ съ огромными царственными

---

[1]) Martial., VII, 31, 9—12; ср. I, 12.—[2]) Plin., «Epp.» I, 4.—[3]) Seeck, «De Symmachi vita» («Symmachi quae supersunt» [1883], стр. XLV сл.)—[4]) Gordiani, III, гл. 2.—[5]) Ammian., XXVII, 11, 1.—[6]) «Cod. Theodos.», VI, 2, 1, 11 (5).—[7]) См. выше стр. 103, 4. Dio, LII, 42.—[8]) Tac., «A.», XIV, 22.—[9]) Stat., «Silv.», II, 6, 67.—[10]) Plin., «H. n.» XVIII, 35; ср. Petron., «Sat.» гл. 117. Symmach., «Epp.», IX, 125.—[11]) Frontin. Grom. p. 53. Lachm.—[12]) Seneca, «Beneff.», VII, 10, 5. «Ira», I, 21.—[13]) Colum. I, 3, 12; ср. Arnob., «Adv. gentes», II, 40,—[14]) Seneca, «Epp.», 89, 20 сл.

площадями дворовъ, съ высокими атріями, богатыми банями, библіотеками, картинными галлереями, широкими перистилями, включавшіе въ себѣ лавровыя и платановыя рощи, фонтаны, проѣздныя и пѣшеходныя дороги, были похожи на цѣлыя имѣнія, даже „на города“. Дворцы, по величинѣ подобные имѣнію Цинцината (4 югтера), казались слишкомъ тѣсными. Мартіалъ называетъ царствомъ Петиліанскій дворецъ, въ которомъ жилъ его покровитель Спарсъ; изъ нижняго этажа можно было любоваться расположенными внизу высшими точками Рима; тамъ можно было наслаждаться дачной жизнью въ городѣ; сборъ винограда превышалъ тамъ урожаи фалернскаго холма. Мѣста было такъ много, что можно было дѣлать прогулку въ легкой коляскѣ, не выѣзжая за порогъ дома; и ни уличный шумъ, ни слишкомъ ранній дневной свѣтъ не мѣшали спу [1]).

Большой римскій домъ съ тысячами прислуги изъ рабовъ и отпущенниковъ всевозможныхъ націй представлялъ изъ себя цѣлое автономное государство. Члены его не только всесторонне эксплуатировали всѣ его доходы и заботились о его благосостояніи, но могли дома удовлетворить часть такихъ потребностей, въ которыхъ въ новое время прибѣгаютъ къ помощи индустріи и ремеслъ. Въ домѣ были свои мастерскія для выдѣлки предметовъ украшенія дома; дома же достигали нѣкоторыхъ выгодъ вырабатываемыхъ наукой. Кромѣ этихъ членовъ, въ каждомъ большомъ домѣ жило немалое количество лицъ, отчасти или вполнѣ зависимыхъ отъ хозяина дома; другія пользовались поддержкой и поощреніемъ со стороны высокихъ хозяевъ, обѣднѣвшіе получали помощь или возстановленіе своего прошлаго состоянія. Отпущеніе раба на волю сопровождалось, вѣроятно, часто болѣе или менѣе богатымъ подаркомъ; Мартіалъ упоминаетъ одинъ такой даръ, составлявшій 10 милл. сест., переданный, повидимому, при подобномъ случаѣ [2]). Щедрость свою и заботы римскіе вельможи распространяли и на семьи своихъ приверженцевъ и кліентовъ. По словамъ одного отпущенника (принадлежавшаго раньше другу имп. Тиберія Коттѣ Мессалину), найденнымъ на надгробной надписи у Аппіевой дороги, патронъ нерѣдко дарилъ ему суммы, достигающія ценза всадниковъ (400000 сест.), дѣти его были взяты патрономъ на воспитаніе, сыновей онъ обезпечилъ какъ отецъ, одного сына, Коттана, служившаго въ войскѣ, онъ вывелъ въ военные трибуны и, наконецъ, самому ему поставилъ этотъ надгробный памятникъ [3]).

Въ серединѣ I вѣка самымъ почтеннымъ и самымъ вліятельнымъ изъ старыхъ знатныхъ домовъ былъ домъ Г. Кальпурнія Пизона, главы заговора противъ Нерона въ 65 г., принесшаго Пизону смерть вмѣсто трона. Онъ былъ изгнанъ Калигулой, но затѣмъ возвращенъ Клавдіемъ и назначенъ консуломъ съ полученіемъ обратно своихъ владѣній [4]); его и такъ уже значительное имущество увеличилось еще полученнымъ послѣ матери наслѣдствомъ. Онъ обладалъ всѣми качествами, чтобы стать любимцемъ народа. Онъ былъ высокаго роста съ прекрасными чертами лица, привѣтливый и разговорчивый даже съ незнакомыми, всегда готовый употребить свое краснорѣчіе для защиты

---

[1]) Martial., XII, 57, 19—25. Ср. ч. III. гл. I, 3.—[2]) Martial, V, 70.—[3]) Henzen, «Due inscrizioni latine», «Ann. dell'Inst. di corr. arch.», 1865, стр. 6. C. I. L. XIV, 2298.—[4]) Henzen, «Acta fr. Arv.», стр. 180.

угнетенныхъ. Жизнь онъ велъ очень веселую, любилъ наслажденія, пышность и роскошь; щедрость его доходила иногда до расточительности; кромѣ того, онъ былъ мастеромъ въ поэзіи, игрѣ на цитрѣ, въ играхъ въ мячъ и шахматы и въ фехтованіи. Онъ поддерживалъ сенаторовъ и всадниковъ, впавшихъ въ бѣдность не по своей винѣ; кромѣ того, выводилъ ежегодно нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ народа во всадники, давая имъ необходимыя для ценза деньги. Болѣе чѣмъ поколѣніе спустя послѣ его смерти его грандіозная щедрость воспѣвалась поэтами.

Послѣ Нерона положеніе аристократіи измѣнилось. На смѣну старымъ вымершимъ родамъ приходило все большее количество новыхъ людей изъ Италіи и провинцій; они приносили съ собой свои привычки, возникшія въ болѣе тѣсномъ жизненномъ кругу. Да и самъ Веспасіанъ давалъ примѣръ своей бережливостью. При Домиціанѣ вельможи должны были опасаться вызвать противъ себя подозрѣніе роскошью, щедростью и широкой кліентелой; только при Траянѣ они снова могли „дарить, увеличивать небольшія состоянія, давать отъ собственнаго избытка“ [1]). Повидимому, Марціалъ не безъ основанія желалъ возврата временъ Пизона и Криспа, Сенеки и Мемміевъ [2]). Тогда,— говоритъ онъ,—часто встрѣчались друзья, дарившіе золотые перстни своимъ кліентамъ (т.-е. вводившіе ихъ въ сословіе всадниковъ подаркомъ въ 400000 сест.), теперь ихъ стало мало, и все-таки можно назвать счастливымъ того, рядомъ съ кѣмъ идетъ всадникъ изъ его дома [3]).

Но и въ позднѣйшее время сенаторы продолжали роскошный образъ жизни, и то состояніе, которое въ ихъ кругу не считалось богатствомъ, продолжало составлять значительную сумму. Въ началѣ V вѣка второразрядные дома имѣли доходы въ 1000—1500 фунтовъ золота (456750—685125 руб.) [4]). Плиній Младшій, называющій свое званіе требующимъ большихъ издержекъ, въ противоположность своему небольшому состоянію [5]), даетъ намъ при случаѣ указанія на свои доходы и расходы; такимъ образомъ, мы имѣемъ возможность заглянуть въ денежныя дѣла не особенно знатнаго и богатаго сенатора времени Траяна. Онъ происходилъ изъ семьи всадниковъ, принадлежавшей къ муниципальной знати города Кома [6]). 27 лѣтъ онъ занималъ первую сенаторскую должность (квестуру) и затѣмъ, быстро пройдя всѣ должности, достигъ консульства къ 38 годамъ при Траянѣ (въ 100 г.). Свое состояніе, довольно значительное для муниципала, онъ расширилъ тремя женитьбами [7]), наслѣдствомъ отъ дяди и, наконецъ, своей дѣятельностью въ качествѣ адвоката, которая ему безъ сомнѣнія должна была давать большіе косвенные доходы (напр. по завѣщаніямъ) [8]), гонораръ же и подарки отвергались имъ [9]). Въ свою бытность преторомъ онъ умѣлъ быть умѣреннымъ въ расходахъ на театральныя представленія [10]). Большая часть его состоянія была обращена въ землю, отданную, главнымъ образомъ, подъ виноградники, приносившіе большія выгоды. Но при этомъ онъ уменьшалъ свои доходы, обращая слиш-

---

[1]) Martial, XII, 6, 9—12.—[2]) Ч. III, гл. III.—[3]) Mart., XIV, 122—[4]) Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., II, 56, 12; ср. Hultsch, «Metrol.», 2 изд., 348.—[5]) Plin., «Epp.», IV, 2.—[6]) Mommsen, «Zur Lebensgeschichte des jüngeren Plinius», «Hermes», III, 31.—[7]) Ук. соч. стр. 35.—[8]) Ср. Rudorff, «Testament des Dasumius», «Ztschr. f. gesch. R. W.», XII, 327 сл. 139. Plin., «Epp.», V, 7.; VII, 20.—[9]) Plin., «Epp.», IV, 13, 8.—[10]) Plin., «Paneg.», гл. 95.

комъ большое вниманіе на выгоды своихъ арендаторовъ и покупателей продуктовъ его владѣній. Кромѣ того, онъ давалъ капиталъ и въ займы на проценты [1]). У него были владѣнія въ Этруріи не далеко отъ Тиферна Тиберина, которыя отдавались въ аренду болѣе чѣмъ за 400000 сест. [2]); затѣмъ въ Ломбардіи у Кома, гдѣ было его наслѣдственное имѣніе цѣной въ 900000 сест., которое онъ продалъ за 700000 сест. [3]), и наконецъ, въ Беневентанскомъ; затѣмъ у него было нѣсколько виллъ у озера Комо [4]), одна въ Этруріи и одна у Лаврента. По его описанію, онѣ были устроены удобно и изящно, хотя безъ особой роскоши [5]). Около 101 г. онъ носился съ планомъ купить имѣніе за 3 милл. сест.; для этого ему нужно было занять денегъ; ближайшей возможностью было взять ихъ изъ открытой ему казны его свекрови [6]). Бережливое хозяйство давало ему возможность быть всегда очень щедрымъ по отношенію къ кліентамъ и къ недостаточнымъ друзьямъ; въ его собраніи имѣется немалое количество доказывающихъ это писемъ [7]). Своей кормилицѣ онъ подарилъ имѣньице въ 100000 сест.; столько-же онъ далъ въ приданое одной родственницѣ, простивъ ей кромѣ того значительный долгъ, оставшійся послѣ смерти ея отца; одному земляку онъ выхлопоталъ мѣсто центуріона и далъ ему на обмундировку 40000 сест. Одному своему школьному товарищу далъ 300000 сест. для вступленія въ сословіе всадниковъ; дочери одного бѣднаго друга—50000 сест. какъ добавку къ приданому; поэтъ Мартіалъ, воспѣвшій Плинія въ одномъ стихотвореніи, получилъ отъ него денегъ на возвращеніе въ Испанію. Въ городѣ Тифернѣ Тиберинѣ, патрономъ котораго онъ состоялъ, Плиній выстроилъ на свои средства храмъ и при освященіи его устроилъ пиръ [8]). Когда въ одномъ изъ его имѣній пришелъ въ ветхость храмъ Цереры, онъ, вмѣсто ремонта, построилъ новый красивый храмъ съ колоннадой. Заказано было четыре мраморныя колонны, мраморныя плиты для облицовки стѣнъ и пола и статуя богини [9]). Слѣдуя примѣру своего отца, завѣщавшаго жителямъ Кома 40000 сест., на проценты съ которыхъ ежегодно въ праздникъ Нептуна во всѣхъ термахъ и на мѣстѣ игръ раздавалось оливковое масло, Плиній также дѣлалъ большіе подарки своему родному городу, говорящіе о его „чисто итальянской привязанности къ родинѣ" [10]). Онъ подарилъ этому городу библіотеку цѣной въ 1 милліонъ сестерц. и въ то же время вложилъ капиталъ въ 100000 сест. на ея поддержаніе и пополненіе. Онъ вносилъ третью часть жалованія содержавшемуся при ней учителю риторики. Вторымъ большимъ даромъ было 500000 сест. на алиментацію свободнорожденныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, въ качествѣ процентовъ съ котораго ежегодно 30000 сест. (т.-е. 6%) должны были быть уплачены съ имѣнія, переведеннаго на общину и затѣмъ выкупленнаго въ качествѣ наслѣдственной аренды. Наконецъ, онъ завѣщалъ городу неизвѣстную сумму для постройки термъ; для внутренняго устройства ихъ было завѣщано по меньшей мѣрѣ 300000 сест., для поддержанія ихъ — 200000 сест. Затѣмъ былъ оставленъ капиталъ въ 1866666⅔ сест., проценты съ котораго должны были идти сперва на обезпе-

---

[1]) Plin., «Epp.», III, 19, 8.; VIII, 2; IX, 37; «ad Tr.», 8, 5.—[2]) Plin., «Epp.», IV; V, 6. «ad Tr.», 8.—[3]) Тамъ же, IV, 6; VII, 11.—[4]) «Epp.», IX, 7.—[5]) Тамъ же, II, 17.—[6]) Тамъ же, III, 19.—[7]) Для слѣдующаго ср. «Epp.», I, 19; II, 4; III, 31; VI, 3, 25, 32.—[8]) Plin., «Epp.», III, 4; IV, 1; «ad Tr.» 8.—[9]) «Epp.», IX, 39.—[10]) Mommsen, стр. 100—102. C. I. L. V, 2, 5262.

ченіе сотни отпущенниковъ завѣщателя, а потомъ (вѣроятно послѣ ихъ смерти) на устройство ежегоднаго угощенія для всѣхъ гражданъ Кома.

Если такими средствами располагалъ не особенно богатый сенаторъ, то ясно, что сенаторскій цензъ въ 1 милл. сест. (ок. 108750 руб.) могъ составлять лишь минимальный придатокъ, достаточный для одного лица, чтобы жить подобающей его сословію жизнью, но далеко не хватившій бы на цѣлое семейство. И въ среднихъ классахъ встрѣчались, вѣроятно, нерѣдко довольно большія состоянія. У Марціала какой-то человѣкъ хвастается тѣмъ, что онъ обладаетъ доходомъ въ 3 милл. сест. съ домовъ, отдаваемыхъ въ наемъ, и съ земли, что онъ кромѣ того получаетъ 100000 съ парменскихъ стадъ и сверхъ всего обладаетъ большими капиталами, отданными взаймы на проценты [1]). Даже муниципалы и провинціалы обладали часто состояніемъ, превышавшимъ сенаторскій цензъ (что показываютъ также ихъ дары и завѣщанія). Отецъ Апулея, напримѣръ, оставилъ 2 милліона [2]), отецъ Герennія Руфина въ Эѣ (по Апулею)—три милліона [3]); вдова Пудентилла, на которой Апулей женился въ Эѣ, имѣла четыре милл. [4]). Въ колоніи Петронія одинъ изъ видныхъ членовъ общины наслѣдуетъ тридцать милліоновъ [5]). Столько же хочетъ оставить Трималхіонъ; онъ говоритъ, что такую же сумму онъ потерялъ при кораблекрушеніи, но затѣмъ счастливое плаваніе дало ему 10 милл. и столько же онъ могъ бы получить при женитьбѣ [6]). Ежегодныя суммы, которыя Неронъ давалъ недостаточнымъ сенаторамъ, а Веспасіанъ нуждающимся консуларамъ, достигали 500000 сест., т.-е. половины сенаторскаго ценза [7]).

Принадлежавшіе къ первому сословію „были поставлены точно на вышку“ на глазахъ у всѣхъ [8]), такъ что имъ было невозможно не отвѣчать на тѣ требованія, которыя предъявлялись къ нимъ со всѣхъ сторонъ; въ противномъ случаѣ имъ угрожало упасть въ мнѣніи общества, которое ждало отъ нихъ подобающихъ ихъ званію издержекъ. Уже Горацій радовался своему невысокому происхожденію, избавлявшему его отъ столькихъ тяготъ. Будь онъ знатенъ, ему приходилось бы, ради увеличенія богатства, постоянно ходить съ визитами, нельзя было бы никуда поѣхать безъ сопровождающихъ, пришлось бы держать лошадей, коляски, конюховъ. Когда одинъ преторъ показался на дорогѣ въ Тибуръ въ сопровожденіи лишь пяти рабовъ, нагруженныхъ кухонной посудой, онъ подвергся жестокому осмѣянію. Насколько лучше жизнь поэта, чѣмъ высокопоставленнаго сенатора! [9]) Даже въ одеждѣ сенаторы были стѣснены этикетомъ. Даже при Адріанѣ, когда всѣ появлялись на улицахъ въ широкихъ плащахъ (lacernae) и въ сандаліяхъ, сенаторы должны были носить неудобную тогу и высокіе сапоги со шнуровкой [10]). Одинъ сенаторъ былъ лишенъ широкаго пурпура Тиберіемъ, узнавшимъ, что онъ незадолго до 1-го іюля (главный срокъ для перемѣны квартиръ) переѣхалъ въ надворный флигель, чтобы потомъ подешевле нанять какую-нибудь оставшуюся пустой квартиру [11]). „Кто платитъ за жилище 6000 сест. въ годъ, почти не считается сенаторомъ“,—говоритъ Веллей [12]). Дѣйствительно, возможность

---

[1]) Martial, IV, 37.—[2]) Apulej, «Apol.», гл. 23 сл.—[3]) Тамъ же, гл. 75.—[4]) Тамъ же, гл. 71.—[5]) Petron., гл. 45.—[6]) Petron., гл. 71, 74, 76.—[7]) Sueton., «Nero», гл. 10; «Vespas.», гл. 17.—[8]) Plin, «Epp.», II, 12.—[9]) Horat., «Sat.», I, 6, 100.—[10]) Gell., XIII, 22. Ср. Marquardt, «Privatl», 2 изд., II, 569, 4. 596, 9.—[11]) Sueton., «Tiber.», гл. 35.—[12]) Vellej. Paterc., II, 10, 1.

устроиться въ дорогомъ Римѣ такъ дешево (ок. 650 руб.) свидѣтельствуетъ о сравнительной простотѣ, господствовавшей въ то время—хотя и тогда уже раздавались жалобы на огромные дворцы на подобіе имѣній. Лишь послѣ Тиберія роскошь стала достигать огромныхъ размѣровъ, причемъ примѣръ подавали сами императоры; затѣмъ, при Веспасіанѣ, была вновь введена всеобщая бережливость. Сенаторскія семьи, состязавшіяся между собой въ роскоши и расточительности, стараясь перещеголять другъ друга дворцами, убранствомъ, свитой, сами мало-по-малу стали впадать въ долги и бѣдность, послѣ того, какъ даже огромныя состоянія приходили къ концу [1]).

Еще большихъ издержекъ, чѣмъ жизнь, требовала карьера сенатора: прохожденіе имъ различныхъ должностей было сопряжено съ колоссальными тратами, такъ какъ было связано съ устройствомъ различныхъ зрѣлищъ. Даже для одной этой потребности едва ли хватило бы сенаторскаго ценза. Мегаленскія игры обходились претору конца I вѣка въ 100000 сест. и то онѣ были еще очень посредственными; другой праздникъ стоилъ 20000 сест., такъ что одинъ годъ претуры нерѣдко поглощалъ половину сенаторскаго ценза, а то и болѣе. Если бѣдный другъ обращался къ нему съ просьбой дать ему 100000 сест., которыхъ ему не хватало для вступленія во всадники, преторъ долженъ былъ отвѣчать, что эти деньги ему необходимы для возницъ Скорпа и Θалла, и онъ былъ бы очень доволенъ, если бы не пришлось тратить больше [2]). „А развѣ,—спрашиваетъ Марціалъ,—не было бы такое употребленіе денегъ лучше, чѣмъ изводить ихъ на коней и на спрыскиваніе арены шафраномъ?“ [3]). Жена, разведшаяся съ мужемъ до времени его претуры, по словамъ Марціала, совершала выгодную сдѣлку [4]). Не мало преторовъ разорилось и погибло благодаря цирковымъ представленіямъ и, по выраженію Ювенала, „стали такимъ образомъ добычей коней“ [5]).

Рядомъ съ этими тратами сенаторы были подвержены ограниченіямъ въ повышеніи своихъ доходовъ. Уже самое управленіе достояніемъ затруднялось службой и дѣловыми поѣздками. По словамъ Эпиктета, высокопоставленнымъ сенаторамъ очень трудно слѣдить за хозяйствомъ: они должны постоянно разъѣзжать, повинуясь сами или раздавая приказанія—разъѣзжать или по высшему порученію, или по военной службѣ, или для судебныхъ дѣлъ [6]); повидимому, рѣдко кому изъ нихъ удавалось достигнуть высшихъ цѣлей своей карьеры, не поскитавшись по разнымъ мѣстамъ [7]). Какъ примѣръ приведемъ служебную карьеру Юлія Агриколы, тестя Тацита. Родившись въ 39 г. и выросши въ Марселѣ, онъ вступилъ на военную службу въ Британніи, а въ 61 г. пріѣхалъ въ Римъ, гдѣ и женился. Квестуру онъ получилъ 5-го декабря 63 г. въ провинціи Азіи [8]). Въ 66 и 68 гг. онъ былъ въ Римѣ въ качествѣ трибуна и претора [9]). Затѣмъ онъ былъ посланъ Веспасіаномъ командующимъ 20-го легіона въ Британнію; послѣ возвращенія получилъ въ управленіе Аквитанію (юго-зап. Францію); тамъ онъ пробылъ три года; въ 77 г. онъ сталъ консуломъ и въ слѣдующемъ году, въ третій разъ, отправился въ Британнію какъ консуларъ-легатъ. Послѣ семилѣтней войны онъ завершилъ

---

1) Tac., «A.», III, 55.—2) Martial, IV, 67.—3) Его же, V, 27.—4) Его же, X, 41.—5) Juv. 11, 195.—6) Epictet., «D.», III, 24, 6.; ср. IV, 1, 91.—7) Ч. II, гл. I, 4 a.—8) Hirschfeld, «Bemerkungen zu Tacitus», «Wiener St.», V, 1883, стр. 119—121.—9) Mommsen, «Zur Lebensgeschichte des j. Plinius», «Hermes», III, 80, 4.

ся покореніе, занявъ даже южную часть Шотландіи до Глазгова и Эдинбурга. Послѣ отозванія онъ жилъ уединенно въ Римѣ, такъ какъ подозрительность Домитіана лишала его возможности занять какое-либо выдающееся положеніе. Онъ отклонилъ поэтому выпавшее бы ему по жребію управленіе Азіей или Африкой. Если принять во вниманіе, что жизнь Агриколы до его ухода отъ дѣлъ не отличалась особеннымъ разнообразіемъ въ сравненіи съ другими [1]), то можно себѣ представить, какъ трудно давалось сенаторамъ управленіе своимъ имуществомъ, вслѣдствіе ихъ служебнаго положенія.

Затѣмъ для нихъ исключался всякій собственный дѣловой заработокъ отчасти обычаемъ, отчасти въ силу законодательныхъ запретовъ. Старый Клавдіевъ законъ, изданный во время второй пунической войны, по которому никакой сенаторъ или его сынъ не можетъ имѣть корабля емкостью болѣе, чѣмъ въ 300 амфор. (т.-е. 12 тоннъ и 240 центнеровъ) [2]), былъ вновь подтвержденъ Юліемъ Цезаремъ [3]). Эдиктъ Адріана о томъ, что никакой сенаторъ подъ своимъ или чужимъ именемъ не имѣетъ права откупать таможенныхъ сборовъ [4]), представлялъ изъ себя лишь возобновленіе постановленія, появившагося еще до 2-ой пунической войны, которое исключало сенаторовъ отъ всякихъ оффиціальныхъ откуповъ, вообще отъ всякихъ спекуляцій [5]) (то обстоятельство, что имъ было позволено поставлять лошадей на игры Марса Ультора, а также на Аполлоновскія и большія игры, даваемыя по обѣту [6]), можетъ быть объяснено желаніемъ возвысить уваженіе къ этимъ играмъ).

Но всѣ эти законы можно было обойти, ведя дѣла подъ чужимъ именемъ: такъ, напримѣръ, нѣкоторые сенаторы участвовали въ торговыхъ компаніяхъ [7]), другіе же вели всевозможныя дѣла [8]) черезъ своихъ вольноотпущенниковъ и рабовъ, главнымъ образомъ, денежныя дѣла, которыя имъ не хотѣлось вести подъ своимъ именемъ. Веспасіанъ, напримѣръ, уже послѣ того, какъ онъ въ качествѣ проконсула управлялъ провинціей Африкой, сталъ принимать участіе въ денежныхъ предпріятіяхъ, чтобы сохранить за собою свое положеніе [9]), а Пертинакъ, будучи консуляромъ, велъ торговлю въ Лигуріи при посредничествѣ своихъ рабовъ [10]). Давать въ долгъ капиталы по законнымъ процентамъ сенаторамъ, конечно, не возбранялось [11]). Когда въ 33 г., вслѣдствіе усиленія одного цезарскаго предписанія, упорядочивавшаго взаимоотношеніе между денежными суммами, отдаваемыми въ ростъ, и италійской поземельной собственностью, наступилъ денежный кризисъ, число сенаторовъ, „увеличивавшихъ свое состояніе ростовщичествомъ“ (и при этомъ нарушавшихъ вышеупомянутое предписаніе), было, очевидно, довольно велико [12]). Ростовщичествомъ занимались, главнымъ образомъ, въ провинціяхъ. Такъ, напримѣръ, Сенека навязалъ британцамъ ссуду въ 40 милліоновъ сестерціевъ по высокимъ процентамъ; неожиданное и насильственное взысканіе этой суммы было причиной возстанія провинціи въ 60 г. [13]). Еще въ послѣдніе

---

[1]) Ср. Brambach, C. I. Rh. 484.—[2]) Graser, «De veterum re navali», стр. 45.—[3]) Mommsen, «Röm. Gesch.», 5 изд., I, 854, 864.—[4]) Dio, LXIX, 16.—[5]) Mommsen, «Staatsr.», III, 1, 509 сл.—[6]) Dio, LV, 10.—[7]) Marquardt, «Privatleben», 2 изд., II, 404.—[8]) Тамъ же, I, 164—166.—[9]) Светоній, «Веспас.», гл. 4.—[10]) «Пертинакъ», гл. 3.—[11]) Плиній, «Письм.», III, 19.—[12]) Tac., «Annal.», VI, 16. Billeter, «Geschichte d. Zinsfusses», стр. 175—177.—[13]) Діонъ, LXII, 2; ср. «Alex. Sever.», гл. 26.

годы своей жизни онъ велъ черезъ своихъ агентовъ дѣла въ Египтѣ и черезъ флотъ, перевозившій хлѣбъ, получалъ извѣстія о положеніи своихъ тамошнихъ дѣлъ [1]). Александръ Северъ запретилъ сначала сенаторамъ вообще отдавать деньги въ ростъ, но потомъ разрѣшилъ имъ брать по 6 процентовъ [2]). Императоръ Антонинъ Пій, будучи еще сенаторомъ, отдавалъ свои деньги въ займы по очень низкимъ процентамъ (4%), и дѣлалъ это съ той цѣлью, чтобы имѣть возможность помогать какъ можно большему числу (главнымъ образомъ, вѣроятно, людямъ одного съ нимъ званія); фактъ этотъ приводится, какъ доказательство его безкорыстія [3]).

Большинство же сенаторовъ употребляло свой капиталъ для пріобрѣтенія земель и рабовъ. Изъ труда рабовъ можно было извлекать большія выгоды, не только ведя свои дѣла черезъ нихъ, но заставляя ихъ также заниматься ремеслами или же отдавая ихъ въ наймы. Капиталы, вложенные въ землю, приводили также къ промышленнымъ и торговымъ предпріятіямъ, если на ней можно было устроить каменоломни, рудники, кирпичные заводы, гончарни и другія фабрики [4]). Крупные землевладѣльцы [5]) занимались, главнымъ образомъ, фабрикаціей грубыхъ глиняныхъ издѣлій; сами императоры, члены императорской фамиліи, даже знатныя дамы получали большіе доходы съ своихъ кирпичныхъ заводовъ. Имена двухъ братьевъ, Гн. Домитія Тулла и Гн. Домитія Лукана, принадлежавшихъ въ эпоху Домитіана къ самымъ богатымъ сенаторамъ, часто встрѣчаются на клеймахъ кирпичей, при этомъ на кирпичахъ различныхъ фабрикъ, которыми завѣдывали различные мастера. Домитія Луцилла, дочь Лукана, усыновленная бездѣтнымъ Тулломъ, унаслѣдовала вмѣстѣ съ ихъ состояніемъ и фабрики, которыя она оставила своей дочери, носившей то же имя; потомъ онѣ перешли къ сыну послѣдней, императору Марку Аврелію. Но и другія самыя разнообразныя производства процвѣтали въ крупныхъ помѣстьяхъ. Императоръ Пертинаксъ, будучи консуларомъ, расширилъ войлочную фабрику въ Лигуріи, которую онъ получилъ въ наслѣдство отъ своего отца, прикупивъ большой кусокъ земли и построивъ на ней цѣлый рядъ новыхъ зданій; онъ самъ пробылъ тамъ три года и черезъ своихъ рабовъ велъ торговлю издѣліями этой фабрики [6]). Владѣльцы земель, граничившихъ съ большими дорогами, открывали у себя гостиницы [7]) и иногда добивались разрѣшенія сената устраивать въ своихъ владѣніяхъ ярмарки и базары [8]).

Кромѣ этихъ видовъ дохода, сенаторы пользовались еще той привилегіей, что имъ предоставлялись оплачиваемыя, и порою очень доходныя должности въ войскѣ, въ администраціи и въ провинціяхъ. Знатный юноша, принесшій все богатство своихъ предковъ въ жертву своей страсти къ лошадямъ, могъ еще разсчитывать на командованіе когортой [9]); годичное жалованье трибуна доходило до 25000 сестерціевъ (болѣе 2700 рубл.) [10]). Легаты,

---

[1]) Seneca, «Epp.», 77, 3.—[2]) «Alex. Sever.», гл. 26.—[3]) «Anton. Pius», гл. 2.—[4]) Marquardt, «Privatl. d. R.», 2 изд., I, 160 сл.—[5]) Тамъ же, II, 665 слл.—[6]) «Pertinax», гл. 3.—[7]) Marquardt, указ. соч.—[8]) Plin., «Epp.», V, 4, 1; Mommsen, «Staatsr.», 3-ье изд., II, 2, 887. C. I. L. VIII, 270.—[9]) Juv. I, 58; Mommsen у Renier, «Mél. d'épigr.», стр. 239; ср. C. I. L. V, 1, 543.—[10]) Mommsen, «Ber. d. sächs. Ges.», 1852, стр. 29. Вычисленіе жалованій различныхъ трибуновъ v. Domaszewski, «Rangordnung des röm. Heers», Bonner «Jahrbücher», 117 (1908), стр. 140 сл.

стоявшіе во главѣ императорскихъ провинцій (бывшіе консулы и преторы), равнымъ образомъ и проконсулы (намѣстники сенаторскихъ провинцій), получали также постоянное годовое жалованье; проконсулъ Африки получалъ одинъ милліонъ [1]).

Кромѣ того, намѣстники часто обогащались вымогательствами, хотя они въ это время не могли практиковаться съ такой безстыдной откровенностью, какъ въ эпоху республики [2]). Въ случаѣ жалобы, дѣла намѣстниковъ разбирались сенатомъ, члены котораго, въ большинствѣ случаевъ, были склонны къ снисхожденію по отношенію своимъ коллегамъ. Въ 100 г. и 101 г. Плиній Младшій велъ дѣла провинцій Африки и Бетики, которыя въ одинъ и тотъ же годъ подверглись крайнимъ притѣсненіямъ и ограбленію со стороны своихъ проконсуловъ, Марія Приска и Цецилія Классика. Послѣдній, умершій до судебнаго разбирательства, оставилъ перечень своихъ вымогательствъ и писалъ своей любовницѣ въ Римъ, что онъ вернется свободнымъ (отъ долговъ), такъ какъ за „продажу части бетиковъ“ ему удалось выручить 4 милліона сестерціевъ. Относительно же перваго на судѣ выяснилось, что онъ за деньги приговаривалъ невинныхъ къ смертной казни. Одинъ провинціалъ, между прочимъ, за 700000 сестерціевъ добился того, что одинъ римскій всадникъ былъ наказанъ палочными ударами, присужденъ къ работѣ въ рудникахъ и, наконецъ, задушенъ въ тюрьмѣ; легатъ, игравшій роль посредника въ этомъ дѣлѣ, большой щеголь, выторговалъ себѣ еще 10000 сестерціевъ на „душистыя воды и помады“. Легатъ за это не былъ даже исключенъ изъ сената, и все его наказаніе заключалось только въ лишеніи права принимать участіе въ распредѣленіи по жребію провинцій. Марій Прискъ былъ изгнанъ изъ Италіи, но остался достаточно богатымъ, чтобы, ведя расточительную жизнь, „услаждаться гнѣвомъ боговъ“ [3]). Настолько снисходительно было наказаніе за такое отвратительное и откровенное злоупотребленіе своею властью въ провинціи даже въ эпоху Траяна; цѣлый рядъ фактовъ говоритъ за то, что подобныя злоупотребленія случались довольно часто въ провинціяхъ, безъ того уже обремененныхъ непосильными налогами. Тиберій принималъ во вниманіе положеніе подданныхъ, когда оставлялъ намѣстниковъ долгое время въ одной и той же провинціи. Онъ при этомъ руководился слѣдующими соображеніями: всякая власть склонна къ корыстолюбію; если назначить намѣстника на короткое время, то онъ будетъ торопиться награбить какъ можно больше; если же онъ остается долгое время на одномъ и томъ же мѣстѣ, то у него достаточно времени, чтобы насытиться, и поэтому онъ будетъ дѣйствовать менѣе жестоко. Онъ сравнивалъ положеніе провинціаловъ съ положеніемъ раненаго человѣка, раны котораго покрыты роями мухъ, но который отказывается отъ предложенія прохожаго отогнать ихъ. Тѣ мухи, которыя насытились уже его кровью, не будутъ уже его сильно мучить, если же на него нападутъ рои новыхъ, голодныхъ мухъ, этого онъ не будетъ уже въ состояніи перенести [4]). Принесла ли эта мѣра дѣйствительно облегченіе провинціямъ,—это еще большой вопросъ. Квинтилій Варъ началъ упра-

[1]) Marquardt, «Staatsverw.» 2 изд., I, 558, 2; ср. Mommsen, «G. d. R. Münzw.» пр. 333, 335, 336.—[2]) Ср. Hardy, «Plinii Epp. ad Traianum», 1889, стр. 29 слл.—[3]) Mommsen, «Hermes», III, 39 и 41. Plin., «Epp.», II, 11 сл. III, 9. Juv. I, 47—50.—[4]) Іосифъ, «Древн.», XVIII, 6, 5.

влять богатой Сиріей, будучи бѣднымъ человѣкомъ, и оставилъ ее черезъ девять лѣтъ обѣднѣвшей страной, ставъ самъ богачемъ [1]).

Съ горькой иронiей говоритъ Сенека: „нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что провинціи разграбляются и судебные приговоры произносятся послѣ своего рода аукціона и выслушанія обоюдныхъ предложеній въ пользу того, кто предложитъ больше: вѣдь по международному праву можно продавать то, что было куплено“ [2]). Похвала за „чрезвычайную умѣренность и воздержанность“ или „непорочность“, которыя были обнаружены Вителліемъ и Отономъ во время управленія провинціей [3]), и другія подобныя восхваленія [4]) говорятъ за то, что скорѣе противное было правиломъ. Когда случалось, что какая-нибудь провинція обращалась къ адвокату въ Римъ съ просьбой взять на себя ея защиту, то это была обязательно разграбленная и оскорбленная провинція [5]). Ювеналъ увѣщеваетъ потомка знатныхъ предковъ, въ томъ случаѣ, если ему достанется, наконецъ, давно ожидаемая провинція, питать жалость къ беззащитнымъ союзникамъ, всю кровь которыхъ и безъ того уже высосали. Фактъ наказанія грабителя имъ помочь не можетъ. Процессы поглощаютъ состояніе обвинителей, и Панса отниметъ у нихъ то, что оставилъ Натта. Лучшую часть нѣкогда безмѣрныхъ богатствъ уже расхитили Верресъ и его современники. Теперь у нихъ можно отнять только нѣсколько паръ воловъ, небольшой табунъ кобылицъ, маленькое имѣньице и изображенія ихъ домашнихъ боговъ. Если свита намѣстника ведетъ себя безупречно, если нѣтъ у него прекраснокудраго пажа, отъ котораго зависятъ рѣшенія суда, если супруга его ведетъ безукоризненный образъ жизни и не свирѣпствуетъ съ цѣлью наживы, подобно гарпіи съ острыми когтями, въ городахъ и на окружныхъ собраніяхъ—то все это равноцѣнно самому древнему и знатному происхожденію [6]). Пертинакъ, по словамъ его біографа, до управленія Сиріей велъ себя безупречно, послѣ смерти Марка Аврелія въ немъ проснулось корыстолюбіе, а послѣ управленія четырьмя консуларскими провинціями, онъ вступилъ въ сенатъ уже богатымъ человѣкомъ [7]). Но и изъ эпохи Марка Аврелія дошла до насъ горькая критика управленія провинціями. „Бѣдное государство,—говорится въ одномъ письмѣ претендента Авидія Кассія,—которое должно сносить жадность этихъ богачей!“ Императоръ слишкомъ добръ. Только многочисленные смертные приговоры могли бы вернуть старый порядокъ. Возможно ли назвать проконсулами и намѣстниками тѣхъ, которые думаютъ, что провинціи даны имъ сенатомъ и императоромъ для того, чтобы они могли жить въ роскоши и обогащаться. И притомъ чѣмъ, какъ не кровью государства и имуществомъ провинціаловъ. „Но пусть они будутъ богатыми; боги, если они вообще способствуютъ правому дѣлу, вновь наполнятъ государственную казну“ [8]).

Небогатые сенаторы, не желавшіе поступить на военную службу и не имѣвшіе достаточно средствъ, чтобы избрать магистратскую карьеру, требовавшую большихъ издержекъ, могли себѣ составить цѣлое состояніе въ ка-

---

[1]) Велл. Пат., II, 117.—[2]) Seneca, «Beneff.», I, 9, 4.—[3]) Sueton., «Otho», 3; «Vitellius», 5.—[4]) Его же, «Vespas.», 4; Martial, X, 78.—[5]) Тац., «Діал.», 41; ср. также «Агрик.», 19, и Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., II, 103, I.—[6]) Juv. 8, 87—139.—[7]) «Pertinax», гл. 3.—[8]) «Avidius Cassius», гл. 13.

чествѣ судебныхъ ораторовъ; хотя цѣлый рядъ указовъ и ограничивалъ размѣры вознагражденій за судебную защиту 100000 сестерціями [1]), но это постановленіе все же легко можно было обойти, и доходы знаменитыхъ адвокатовъ достигали фактически огромныхъ размѣровъ. Правда, гораздо больше платили тѣмъ адвокатамъ, а число ихъ въ I вѣкѣ было очень велико, которые, злоупотребляя своимъ талантомъ, занимались постыднымъ ремесломъ обвинителей въ процессахъ по оскорбленію величества: только такимъ образомъ можно объяснить себѣ происхожденіе несмѣтныхъ богатствъ Регула, Вибія Криспа и Эпрія Марцелла. Первый изъ нихъ за свою дѣятельность въ качествѣ обвинителя получилъ въ награду отъ Нерона консулатъ, жречество и 7 милліоновъ сестерціевъ; онъ продолжалъ свою дѣятельность при Домитіанѣ и надѣялся увеличить свое состояніе до 120 милліоновъ [2]). Вибій Криспъ, богатство котораго (какъ говорилось выше) вошло въ поговорку при Домитіанѣ, владѣлъ 200 [3]), Эпрій Марцеллъ—300 милліонами [4]).

Но законовѣдѣніе не было непосредственнымъ источникомъ доходовъ сенаторовъ (къ числу которыхъ принадлежали самые извѣстные юристы первыхъ двухъ вѣковъ); это занятіе доставляло имъ вліяніе, почетъ и извѣстность, а въ особенности способствовало достиженію должностей и различныхъ почестей. Знаніе законовъ играло роль не только при выборахъ совѣтниковъ императора [5]), званіе которыхъ, начиная съ эпохи Адріана, стало постоянной и оплачиваемой должностью, но, главнымъ образомъ, при замѣщеніи городской префектуры [6]),—должности, которую занимали знаменитые юристы Пегасъ (при Веспасіанѣ и Домитіанѣ) [7]) и Сальвій Юліанъ (при Адріанѣ) [8]). Цѣлый рядъ очень извѣстныхъ законовѣдовъ двухъ первыхъ вѣковъ получили консулатъ. Антистій Лабеонъ по причинѣ своего независимаго образа мыслей былъ либо лишенъ этой чести, либо самъ отказался отъ нея; равнымъ образомъ, отказался и А. Касцеллій. Болѣе покладистый соперникъ Лабеона, Атей Капитонъ, занималъ эту должность въ 5 г. по Р. Хр. М. Кокцей Нерва былъ консуломъ въ 22 г., Г. Кассій Лонгинъ въ 30 г., Каниній Ребилъ (ум. въ 56 г.) въ неизвѣстномъ намъ году [9]), Целій Сабинъ въ 69 г., Пегасъ, можетъ быть, при Веспасіанѣ, Нератій Прискъ около 83 г., П. Ювентій Цельсъ, вѣроятно, при Траянѣ и вторично въ 129 г., Сальвій Юліанъ также дважды (при Адріанѣ), Пактумей Клементъ въ 138 г. вмѣстѣ съ М. Виндіемъ Веромъ [10]).

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что часто въ тѣхъ случаяхъ, когда законныя и честныя средства къ увеличенію доходовъ переставали соотвѣтствовать суммѣ тѣхъ издержекъ, которыя требовались отъ сенаторовъ, многія сенаторскія семьи попадали въ очень затруднительное положеніе и порою доходили до полнаго обѣдненія. Нужда заставляла отдѣльныхъ членовъ такихъ семействъ выступать за деньги въ общественныхъ предста-

---

[1]) Tac., «A.», XI, 7 сл. Keller, «Röm. Zivilprozess», стр. 238. (Tac., «A.», XIII, 5; Sueton., «Nero», гл. 17; Plin., «Epp.», V, 4, 14, 21; Quintil. XII, 7, 8, сл. и др.).—[2]) Tac., «Hist.», IV, 42; Plin., «Epp.», II, 20.—[3]) Schol. Juv., 4, 62; Martial, IV, 54, 7.—[4]) Tac., «Dial.», гл. 8.—[5]) «Hadrian.», гл. 18. Heyne, «Opp. acad.», IV, 211. Hirschfeld, стр. 339 сл.—[6]) О юрисдикціи городского префекта, Mommsen, «Staatsr.», 3 изд., II, 2, 1064 слл.—[7]) Teuffel, «Röm. Litter.», 4 изд., 316, 2.—[8]) Тамъ же, 350, 1.—[9]) Nipperdey, къ Tac. «A.», XIII, 30.—[10]) Teuffel, 316, 1. 342, 1 и 2. 350, 1 и 6. 360, 2. C. I. L, VI, 1421.

вленіяхъ, главнымъ образомъ, при Неронѣ [1]). Когда будущій императоръ Вителлій былъ посланъ Гальбой въ качествѣ консулара-легата въ Германію, у него совсѣмъ не было денегъ на дорогу, такъ что ему пришлось заложить жемчужину, которую его мать носила въ ухѣ, сдать на остальную часть года свой дворецъ въ наймы и помѣстить жену и дѣтей, которыхъ онъ оставлялъ въ Римѣ, въ наемной квартирѣ; съ трудомъ удалось ему также, не безъ нѣкоторой наглости, освободиться отъ массы кредиторовъ, которые хотѣли задержать его [2]). Долги Отона по смерти Нерона составляли 200 милліоновъ сестерціевъ [3]). Многіе, имѣя право попасть въ сенатъ, оставались всадниками, чтобы уклониться отъ разорительныхъ обязанностей перваго сословія, но иногда ихъ насильно принуждали къ этому. Нѣкій Сурдиній Галлъ, чтобы не быть сенаторомъ, отправился въ 47 году въ Карѳагенъ, но по приказанію Клавдія долженъ былъ вернуться, чтобы надѣть на себя „золотыя путы“ [4]). Другихъ всадниковъ сенаторскаго происхожденія, которые отказывались поступить въ сенатъ, Клавдій исключалъ и изъ сословія всадниковъ [5]).

Очень часто сенаторы обращались къ императорамъ съ просьбой—оказать имъ денежную поддержку или уволить ихъ изъ сената. Императоры въ большинствѣ случаевъ съ готовностью помогали сенаторамъ, тѣмъ болѣе, что они сами принадлежали къ ихъ сословію, и охотно заботились о сохраненіи древнихъ родовъ [6]). Но, само собою разумѣется, что всѣмъ нуждающимся они помочь не могли, да и помощь ихъ была очень различна. Августъ, щедрый и въ этомъ отношеніи, увеличилъ, между прочимъ, въ 4 г. по Р. Хр. состояніе восьмидесяти сенаторовъ до 1200000 сестерціевъ [7]); одинъ, всѣ долги котораго онъ уплатилъ, внеся 4 милліона, написалъ ему послѣ этого: „а мнѣ ты развѣ ничего не дашь?“ [8]). По очевидно достовѣрному свидѣтельству Тацита, Тиберій, даже лишившись всѣхъ другихъ добродѣтелей, продолжалъ быть щедрымъ, когда этого требовало благородство; но, такъ какъ число просителей, по всей вѣроятности, было слишкомъ велико, онъ соглашался помочь только тѣмъ сенаторамъ, которые могли изложить передъ сенатомъ причины своего обѣдненія, и этой и другими крутыми мѣрами онъ сталъ отпугивать всѣхъ отъ себя [9]). Пропертію Целеру, занимавшему уже должность претора, онъ въ 15 году подарилъ одинъ милліонъ сестерціевъ, такъ какъ было извѣстно, что уже отецъ его былъ человѣкомъ бѣднымъ. Когда Марій Непотъ, принадлежавшій къ тому же сословію, просилъ уплатить и его долги, онъ долженъ былъ назвать сначала имена своихъ кредиторовъ, послѣ чего Тиберій объявилъ ему, что долги его онъ уже велѣлъ заплатить, и прибавилъ къ этому довольно рѣзкое увѣщаніе [10]). Гортензій Горталъ, внукъ оратора, получилъ отъ Августа подарокъ въ одинъ милліонъ, но съ обязательствомъ обзавестись семьею, чтобы этотъ знатный родъ не прекратился. Когда онъ въ 16 году въ сопровожденіи своихъ четырехъ сыновей просилъ сенатъ выдать ему пособіе, такъ какъ бѣдность его

[1]) Tac., «A.», XIV, 14.—[2]) Sueton., «Vitell.», гл. 7.; Dio, LXV, 5; ср. Plutarch. «Galba», гл. 22; Tac., «Hist.», II,59 .—[3]) Plutarch. «Galba», гл. 21.—[4]) Dio, LX, 29.—[5]) Sueton., «Claud.», гл. 24.—[6]) Tac., «A.», II, 37 и 48.—[7]) Dio, LV, 13; ср. LIII, 2, LIV, 17. LVI, 41; Sueton., «Aug.», гл. 41.—[8]) Macrob., «Satt.», II, 23.—[9]) Tac., «Annal.», I, 75; Ср. Dio, VII, 10. Sueton., «Tiber.», гл. 47.—[10]) Seneca, «Beneff.», II, 7.

была общеизвѣстна, Тиберій отказалъ ему наотрѣзъ, но потомъ, такъ какъ это произвело неблагопріятное впечатлѣніе, выдалъ каждому сыну по 200000 сестерціевъ, но впослѣдствіи не заботился больше объ этой семьѣ, хотя она впала въ крайнюю нужду [1]). Обѣднѣвшихъ вслѣдствіе своей расточительности Тиберій исключалъ изъ сената [2]) или позволялъ имъ добровольно выходить изъ него [3]). Когда одинъ извѣстный мотъ, Ацилій Бута, превращавшій ночь въ день и расточившій такимъ образомъ все свое громадное состояніе, объявилъ себя несостоятельнымъ, Тиберій сказалъ ему: „Ты проснулся слишкомъ поздно“ [4]). Неронъ выдалъ въ началѣ своего правленія нѣсколькимъ обѣднѣвшимъ знатнымъ семьямъ по полмилліона, такъ, напримѣръ, семьѣ Валерія Котты, который въ 59 г. былъ его коллегой по консулату; равнымъ образомъ, онъ выдавалъ ежегодныя пособія семьямъ Аврелія Котты и Гатерія Антонина, хотя они промотали все свое наслѣдственное состояніе [5]). Веспасіанъ былъ также очень щедръ, пополнялъ сенаторамъ цензъ и поддерживалъ бѣдныхъ консуларовъ, выдавая имъ ежегодно по полмилліона [6]). Адріанъ выдавалъ пособія сенаторамъ, разорившимся не по своей винѣ, при чемъ размѣры пособія, иногда даже пожизненнаго, зависѣли отъ числа дѣтей, и давалъ имъ такимъ образомъ возможность жить соотвѣтственно своему званію. Для исполненія обязанностей, связанныхъ съ курульными должностями (и состоящихъ, главнымъ образомъ, въ устройствѣ зрѣлищъ), онъ дѣлалъ большіе подарки не только своимъ друзьямъ, но и людямъ завѣдомо дурной славы и поддерживалъ также нѣкоторыхъ женщинъ (очевидно, принадлежавшихъ къ сенаторскому кругу [7]).

Самъ онъ, будучи еще преторомъ, получилъ отъ Траяна 2 милліона на устройство театральныхъ представленій [8]). Антонинъ Пій также помогалъ сенаторамъ и магистратамъ при исполненіи ихъ должностныхъ обязанностей [9]). Гавію Клару, занимавшему должность квестора, эдила и претора, несмотря на то, что у него послѣ уплаты отцовскихъ долговъ почти ничего не осталось, онъ одолжилъ деньги изъ государственной казны для покрытія тѣхъ издержекъ, которыя требовала претура; всю эту сумму Гавій Кларъ вернулъ. Фронтонъ, другъ Клара, пишетъ Л. Веру, что онъ постарался бы самъ всячески облегчить ему исполненіе сенаторскихъ обязанностей, если бы у него было бо́льшее состояніе [10]). Очевидно, было обычнымъ, что богатые сенаторы помогали своимъ обѣднѣвшимъ коллегамъ, спасая этимъ честь сословія: такъ напримѣръ, и въ этомъ направленіи вышеупомянутый Г. Кальпурній Пизонъ обнаружилъ свою царскую щедрость [11]).

Кажется, вообще, внутри перваго сословія до нѣкоторой степени считались съ обязанностью взаимнаго вспомоществованія; особенно, когда дѣло шло о театральныхъ представленіяхъ, то денежная помощь предлагалась не только друзьями, но и менѣе близкими лицами того же сословія, и, въ большинствѣ случаевъ, принималась. Казненный въ эпоху Калигулы Юлій Грецинъ (отецъ Агриколы) отказался отъ большихъ денежныхъ суммъ, послан-

---

1) Tac., «Ann.», II, 37 сл.—2) Dio LV, 10.—3) Tac., «Ann.», II, 48.—4) Seneca, «Epp.». 22, 10.—5) Tac., «Ann.», XIII, 34; Sueton., «Nero», гл. 10.—6) Sueton., «Vespas.», гл. 17.—7) «Hadrian.», гл. 7.—8) Тамъ же, гл. 3. Ср. Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., III, 489, 5.—9) «Anton. Pius», 8.—10) Fronto, «ad L. Verum», 6.—11) Ср. выше, стр. 118. Symmach., «Epp.», IV, 67

ныхъ ему для этой цѣли консулами Фабіемъ Персикомъ и Канииіемъ Ребиломъ, вслѣдствіе дурной репутаціи этихъ лицъ, но принялъ помощь отъ другихъ; Сенека усматриваетъ въ этомъ фактѣ проявленіе нѣкоторой цензуры [1]). Когда сгоралъ домъ знатнаго человѣка, по словамъ Ювенала, вся аристократія надѣвала трауръ, преторъ прекращалъ судопроизводство, и денежныя суммы, стекавшіяся со всѣхъ сторонъ на построеніе новаго зданія, достигали порою такихъ размѣровъ, что на пострадавшаго падало подозрѣніе въ умышленномъ поджогѣ; но никому не приходило въ голову дать пріютъ и оказать помощь бѣдняку, потерявшему вслѣдствіе пожара все свое имущество [2]).

Существовавшій обычай, завѣщать свое состояніе цѣлому ряду лицъ, съ теченіемъ времени достигъ такихъ широкихъ размѣровъ, что сталъ для большинства сенаторовъ постояннымъ источникомъ доходовъ. Плиній Младшій выражалъ свою радость по поводу того, что его такъ часто упоминали вмѣстѣ съ Тацитомъ. И въ завѣщаніяхъ они оба обыкновенно упоминались вмѣстѣ и имъ предназначались одинаковыя суммы, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда завѣщатель былъ особенно близокъ съ однимъ изъ нихъ [3]). Въ дошедшемъ до насъ завѣщаніи Дасумія (составленномъ въ 109 г.), по всей вѣроятности, упоминается и о нихъ [4]). Кромѣ того, разрѣшались въ остальныхъ случаяхъ запрещаемыя дарственныя записи между мужемъ и женою, если онѣ производились съ цѣлью достиженія или сохраненія званія и почестей [5]). Сенаторамъ, главнымъ образомъ родовитымъ, было, конечно, легко поправить свои денежныя дѣла женитьбой на богатой невѣстѣ, достаточнымъ доказательствомъ чего является хотя бы слѣдующій разсказъ Светонія: вторая жена отца императора Гальбы, очень красивая и богатая женщина, влекомая его знатнымъ происхожденіемъ, сама сдѣлала ему предложеніе, и притомъ довольно навязчивымъ образомъ, несмотря на то, что онъ былъ малъ ростомъ и горбатъ [6]). Да и вообще „породниться съ широкой пурпуровой каймой“ было въ то время высшей цѣлью очень многихъ честолюбивыхъ женщинъ [7]).

Вступленіе въ сенатъ, несмотря на сопряженныя съ нимъ тяжелыя обязанности и многія чувствительныя ограниченія, было все же высшей цѣлью каждаго честолюбиваго римлянина и наполняло самихъ сенаторовъ высокимъ сознаніемъ своего собственнаго достоинства, дѣлавшаго ихъ первыми лицами тогдашняго міра. Чтобы объяснить себѣ этотъ фактъ, надо помнить, что вступленіе въ сенатъ открывало имъ путь къ достиженію должностей, перешедшихъ еще изъ республики и доступныхъ только имъ. И даже тогда, когда эти должности доставляли только внѣшній блескъ и почти совсѣмъ были лишены своего первоначальнаго значенія и смысла, достиженіе ихъ, даже лучшимъ и вдумчивымъ людямъ своего времени, казалось окруженной ореоломъ почета цѣлью, къ которой стоитъ стремиться. Очень немногія явленія послѣдующей жизни Рима вызываютъ столько удивленія, какъ тотъ фактъ, что даже жалкій призракъ прежняго величія былъ въ со-

---

1) Seneca, «Beneff.», II, 21, 5.—2) Juv., 3, 216 слл.—3) Plin., «Epp.», VII, 20.—4) Rudorff, «Testament des Dasumius» («Ztschr. f. gesch. Rechtsw.», XII, стр. 327 слл.); C. I. L. VI, 2, 10229, стр. 1353.—5) Ulpian. fr. VII, 1; «Digg.», XXIV, 1, 40.—6) Sueton., «Galba», гл. 2 сл.—7) Martial, V, 17.

стояніи такъ долго и до такой степени замѣнять давно исчезнувшую дѣйствительность, вызывать такое глубокое уваженіе къ себѣ и дѣйствовать на всѣхъ своими старыми непреодолимыми чарами. Это чувство настолько прочно и глубоко царило въ душахъ людей, что до самаго конца жизни древняго міра, да и послѣ того, консулатъ считался высшей почестью, который можетъ достигнуть подданный. Когда наступилъ періодъ старости въ жизни Рима, когда должность эта стала ничѣмъ инымъ, какъ дѣтской игрою въ пышность, и тогда еще императоръ Юліанъ называлъ ее „почестью, равносильной всякой власти". Въ VI в., когда консулатъ сталъ уже пустымъ звукомъ, лишеннымъ всякаго значенія, онъ прославлялся еще, какъ „высшее благо и величайшая почесть въ мірѣ" [1]). Либаній обосновываетъ эту высокую оцѣнку тѣмъ, что имя консула дѣлается извѣстнымъ всему міру и никогда не забывается [2]). Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что въ тотъ періодъ имперіи, который былъ эпохой прогресса, даже Тацитъ считаетъ предѣломъ всѣхъ человѣческихъ стремленій—достиженіе консулата, который въ его время не былъ еще лишенъ всѣхъ своихъ функцій, а былъ, напротивъ, окруженъ новымъ блескомъ, благодаря тому, что сами правящіе императоры по нѣскольку разъ занимали эту должность. Въ заключеніи біографіи Агриколы онъ говоритъ: „такъ какъ онъ достигъ почестей консулата и тріумфа, чего же еще могъ онъ ожидать отъ судьбы?" [3]).

До какой степени люди незначительные умѣли обманывать свое тщеславіе, будто бы магистратуры сохранили свое прежнее значеніе, и занимающіе ихъ являются дѣйствительно тѣмъ, чье имя они носятъ, объ этомъ ярче всего свидѣтельствуетъ то, какимъ образомъ Плиній Младшій говоритъ объ одной изъ самыхъ ничтожныхъ, и утерявшей всякое значеніе, о трибунатѣ. Онъ считалъ выступленіе въ качествѣ судебнаго защитника несовмѣстимымъ съ достоинствомъ трибуна. „Много, правда, зависитъ отъ того, чѣмъ считать трибунатъ, пустымъ ли призракомъ, именемъ безъ настоящаго значенія, или нерушимой властью, которой никто не долженъ ограничивать, даже обладающій ею. Будучи трибуномъ, я, можетъ быть, и ошибался, приписывая себѣ нѣкоторое значеніе; но, увѣренный въ своей правотѣ, я не выступалъ въ качествѣ защитника передъ судомъ, во-первыхъ, потому что мнѣ казалось неприличнымъ, что всѣ будутъ сидѣть въ то время, какъ стоять будетъ тотъ, передъ кѣмъ всѣ обыкновенно встаютъ и кому всѣ уступаютъ мѣсто, что водяные часы посмѣютъ прервать рѣчь того, кто можетъ заставить молчать всякаго другого, что ругательства долженъ будетъ выслушивать тотъ, даже уговаривать котораго возбраняется, и который долженъ всѣмъ показаться слабымъ, если онъ молча потерпитъ все это, и дерзкимъ, если ему вздумается отомстить" [4]).

Начиная съ эпохи Августа, комплексъ должностей, объединенныхъ подъ именемъ вигинтивирата, представлялъ собою предварительную ступень къ пер-

[1]) Julian, «Or.», III, т. 1, стр. 108 Spanh., Jornand. «De reb. geticis», гл. 57 у Marquardt, «Handb. d. R. A.» II, 3, стр. 242. Другіе отзывы изъ позднѣйшей эпохи у Casaub. къ Sueton. «Calig.», гл. 26; Dahn, «Procopius von Cäsarea», стр. 139. Еще въ X в. существовалъ титулъ консула. Gregorovius, «Gesch. d. St. Rom», II, 271. C. I. L. VI, 1754. Ср. 17[illegible]. 1756a.—[2]) Liban. изд. R. I, [illegible]69 слл.—[3]) Tac., «Agric.», гл. 44.—[4]) Plin., «Epp.», I, 23.

вой сенаторской должности—квестурѣ [1]). Каждый, желавшій попасть въ курію, долженъ былъ кромѣ того отбыть военную службу въ качествѣ офицера, что было возможно, начиная съ 18-го года жизни. Сначала служба эта отбывалась либо до вигинтивирата, либо послѣ него, впослѣдствіи это послѣднее стало правиломъ. Но и здѣсь императорская диспенсація могла вступить въ силу. Больше однократной офицерской службы (большею частью одногодней) отъ лицъ, желающихъ попасть въ сенатъ не требовалось. Со времени Тиберія они служили только въ качествѣ трибуновъ легіона; до Гордіана (включительно) офицерская служба отъ будущихъ сенаторовъ, во всякомъ случаѣ, еще требовалась [2]).

Къ тремъ ступенямъ, представлявшимъ собою обязательную скалу должностей во время республики, а именно: къ квестурѣ, претурѣ и консулату, Августъ прибавилъ еще четвертую обязательную ступень, которая заняла мѣсто между двумя первыми и на которой оба эдилитета, въ числѣ шести мѣстъ, были соединены съ народнымъ трибунатомъ, въ числѣ десяти мѣстъ. Такимъ образомъ, въ сенатѣ теперь существовали четыре класса: консулары, преторіи, трибуниціи (къ которымъ принадлежали и эдилиціи) и квесторіи. Занятіе одной ступени было обязательнымъ условіемъ достиженія слѣдующей; но патриціи, которымъ изъ 16 должностей третьей ступени были доступны только двѣ должности курульнаго эдилитета, могли пропускать ее и, такимъ образомъ, отъ квестуры прямо переходить къ претурѣ [3]). Двадцатью вигинтивирами занимались всѣ двадцать квесторскихъ мѣстъ; 20 квесторовъ, за вычетомъ патриціевъ, получали 16 трибунскихъ и эдильскихъ должностей, бывшіе трибуны и эдилы дѣлались преторами, число которыхъ колебалось, но въ общемъ доходило отъ 12 до 18; эта послѣдняя цифра (какъ норма, установленная, можетъ быть, уже Клавдіемъ), существовала еще въ эпоху Адріана [4]). Эти цифры обнаруживаютъ двоякую тенденцію: съ одной стороны—дать каждому, вступившему на поприще сенаторской службы, возможность достигнуть также и претуры; съ другой стороны—имѣть наготовѣ для всѣхъ ступеней сенаторской службы только столько кандидатовъ, сколько имѣлось мѣстъ, и, такимъ образомъ, сдѣлать избирательное право сената почти иллюзорнымъ. Но фактически обстоятельства складывались немного иначе, въ зависимости отъ императорской диспенсаціи отъ вигинтивирата [5]) и отъ возведенія сенаторовъ въ трибуниціи и преторіи самимъ императоромъ безъ прохожденія этихъ должностей; но объ этомъ рѣчь еще впереди. Роль сената при выборахъ до претуры въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ зависѣла, слѣдовательно, отъ императора [6]).

Высшая должность, консулатъ, замѣщалась (по всей вѣроятности, со времени Нерона) [7]) по императорскому назначенію; число мѣстъ постепенно расширялось. По крайней мѣрѣ со 2 года по Р. Хр., когда консулатъ былъ въ большинствѣ случаевъ должностью полугодичною, а годичная (предназначавшаяся, главнымъ образомъ, для членовъ императорскаго дома) стала понемногу все болѣе и болѣе рѣдкимъ знакомъ отличія (изъ которыхъ послѣд-

---

[1]) Mommsen, «Staatsr.», 3 изд., I, 544 и 557 сл.—[2]) Тамъ же, стр. 545—548.—[3]) Mommsen, «Staatsr.», I, стр. 554 сл.—[4]) Тамъ же, II, стр. 202—204.—[5]) Mommsen, Staatsrecht», 3 изд., II, 2, стр. 919.—[6]) Тамъ же, I, стр. 554 слл.—[7]) Тамъ же, II, 2, стр. 924 сл.

ній относится къ 52 году),—въ правленіе Августа число ихъ было обыкновенно 4, то же самое и при Неронѣ; при Калигулѣ и Клавдіи царилъ произволъ. Въ 69 г., вслѣдствіе назначеній, произведенныхъ тремя императорами, Гальбой, Отономъ и Вителліемъ, число консуловъ возрасло до 15. Съ этихъ поръ исчезаетъ полугодичный консулатъ, и появляются четырехмѣсячные, и отчасти двухмѣсячные сроки, произвольно чередующіеся, но изъ которыхъ въ III вѣкѣ преобладаютъ послѣдніе; другіе сроки, напримѣръ мѣсячные, были исключеніемъ. При Коммодѣ Клеандръ назначилъ однажды 15 консуловъ въ одинъ годъ, какъ объ этомъ уже было сказано [1]). Въ остальномъ, введенный Августомъ послѣдовательный порядокъ должностей, состоящій изъ четырехъ ступеней, продержался болѣе 200 лѣтъ [2]).

Между двумя слѣдующими другъ за другомъ должностями долженъ былъ пройти нѣкоторый промежутокъ времени. Для достиженія квестуры, начиная съ Августа, требовался 25-лѣтній возрастъ, для претуры 30-лѣтній; для трибуната (или эдилитета) и для консулата требовались, по всей вѣроятности, 27 лѣтъ и 33 года [3]). Были нѣкоторыя исключенія; такъ, между прочимъ, введенная Августомъ привилегія отцовъ; за каждаго изъ оставшихся въ живыхъ дѣтей имъ сокращалось по одному промежуточному году [4]).

Что касается соотношенія цифръ на трехъ нижнихъ ступеняхъ, то (какъ объ этомъ уже было сказано) лица, занимающія должность квесторовъ, могли быть увѣрены въ томъ, что со временемъ имъ удастся добиться двухъ слѣдующихъ высшихъ должностей. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что, кромѣ диспенсаціи патриціевъ отъ третьей ступени, порою требовались чрезвычайныя мѣры для полученія требуемаго числа соотвѣтствующихъ кандидатовъ. Это достигалось, какъ это уже было сказано, тѣмъ, что императоры возводили надлежащихъ лицъ въ высшій классъ безъ того, чтобы они дѣйствительно занимали связанныя съ нимъ должности. Въ силу своей цензорской власти, императоры все чаще и чаще стали производить въ классъ трибуниціевъ и преторіевъ такихъ сенаторовъ, которые не занимали еще трибуната, эдилитета и претуры [5]). Число ихъ въ послѣдующее время было довольно велико. Лица, удостоивавшіяся подобнаго повышенія (adlectio), пользовались всѣми политическими и почетными правами, вытекавшими изъ дѣйствительнаго замѣщенія магистратуры [6]), главнымъ образомъ, правомъ соисканія высшихъ должностей.

Кромѣ этого дѣйствительнаго повышенія волею императора, могло еще происходить дарованіе почетныхъ правъ сенатомъ (такъ называемыхъ ornamenta, т.-е. знаковъ достоинства) [7]). Въ основу дарованія ornamenta съ самаго начала была положена та мысль, что пожалованіе ихъ есть ничто

[1]) Henzen, «De nundinis consularibus aetatis imperatoriae», «Ephem. epigr.», I, стр. 187—199; Mommsen, «Staatsrecht», 3 изд., II, 1, 83—87. Asbach, «Gesch. des Konsulats unter dem Kaiserreich» («Histor. Untersuch. zu A. Schäfers 25 jähr. Jubil.», стр. 190—207): 6 мѣсяцевъ при Тиберіи и Неронѣ, произволъ при Калигулѣ и Клавдіи, 4 и 2 мѣсяца при Веспасіанѣ, 4 мѣсяца при Домитіанѣ (съ 85 г.), 2-хмѣсячный срокъ, ставшій правиломъ при Нервѣ и Антонинахъ.—[2]) Mommsen, «Staatsr.», 3 изд., I, 559 сл.—[3]) Mommsen, «Staatsrecht», 3 изд., I, 574.—[4]) Тамъ же, 536, 2.—[5]) Рѣже inter quaestorios: Mommsen, «Staatsrecht», 3 изд., I, 941, 5.—[6]) Тамъ же, II, 939 слл.—[7]) Тамъ же, I, 455 слл.

иное, какъ форма безъ содержанія, блескъ, за которымъ нѣтъ сущности. Они не давали ни права соисканія высшихъ должностей, ни права участія въ сенатѣ; только тѣ лица, которыя пользовались уже сенаторскимъ правомъ голоса, получали возможность подавать свой голосъ въ средѣ того класса, инсигніи котораго они получили, и являться на общественныхъ празднествахъ вмѣстѣ съ его членами [1]). Взаимоотношеніе между инсигніями и саномъ, полученнымъ по императорскому назначенію или вслѣдствіе занятія магистратуры, было, слѣдовательно, приблизительно такое же, какъ въ настоящее время взаимоотношеніе между почетнымъ и дѣйствительнымъ званіемъ. Клавдій, тщетно просившій Тиберія пожаловать ему консулатъ, получилъ отъ него только консульскіе инсигніи. На настоятельную, вторичную просьбу его Тиберій отвѣтилъ ему только, что онъ послалъ ему 50 золотыхъ для покупокъ на базарѣ во время сатурналій [2]). Когда друзья упрекали Нерона въ пренебрежительномъ отношеніи къ Октавіи, то онъ говорилъ, что она должна удовольствоваться инсигніями супруги [3]).

Первымъ изъ сословія всадниковъ, получившимъ подобное пожалованіе, былъ Сеянъ, который, въ качествѣ префекта преторія, въ 19 году получилъ преторскіе инсигніи. Префекты преторія и впослѣдствіи получали эти орнаменты, а со времени Нерона—и консульскіе, и не только они одни, но и префекты ночной стражи и другія вліятельныя или пользующіяся особымъ покровительствомъ лица изъ сословія всадниковъ, даже императорскіе прокураторы въ провинціяхъ, а при Клавдіи и императорскіе вольноотпущенники. Подвластные цари тоже удостоивались орнаментовъ; такъ, напримѣръ, іудейскій царь Агриппа получилъ преторскіе орнаменты при Калигулѣ, и консульскіе при Клавдіи. Этотъ послѣдній императоръ пожаловалъ брату его, Ироду, преторскіе орнаменты. Такъ же, какъ при пожалованіи орденовъ въ настоящее время, такъ и въ Римѣ существовала градація отъ низшихъ къ высшимъ инсигніямъ [4]).

Что касается дѣйствительнаго замѣщенія трехъ низшихъ должностей, то и здѣсь императоры назначали обыкновенно (сравнительно небольшую) часть кандидатовъ. Назначеніе это производилось въ формѣ рекомендаціи нѣкоторыхъ лицъ сенату, для котораго это имѣло уже законное и обязывающее значеніе [5]); остальныхъ лицъ выбиралъ сенатъ. Консулы же всѣ назначались императоромъ (вѣроятно, со времени Нерона, какъ объ этомъ уже говорилось выше) [6]). Сокращеніе времени консулата давало императорамъ возможность награждать большее число лицъ за заслуги или за услужливость и такимъ образомъ пріобрѣтать преданность большаго числа сенаторовъ. Вслѣдствіе этого, со временемъ получилось еще одно новое подраздѣленіе, а именно такъ-называемый „ординарный“ консулатъ, занимаемый въ теченіе двухъ первыхъ мѣсяцевъ года и отъ котораго весь годъ получалъ свое имя [7]), считался самымъ почетнымъ. Увеличеніе числа ежегодно назначаемыхъ консуловъ дѣлало излишнимъ назначеніе консуларовъ со стороны цензоровъ безъ дѣйствительнаго занятія этой должности. Эта мѣра, дѣйстви-

---

[1]) Тамъ же, I, 456 сл.—[2]) Sueton., «Claud.», гл. 5.—[3]) Его же, «Nero», гл. 35.—[4]) Mommsen, «Staatsrecht», 3 изд., I, 463—465.—[5]) Тамъ же, II, 2, 921 слл.—[6]) См. выше, стр. 131.—[7]) Mommsen, «Staatsrecht», II, 1, 92, 6.

тельно, была предпринята только въ III в. Опелліемъ Макриномъ; чаще она примѣнялась въ діоклетіано-константиновскую эпоху [1]). Высшимъ знакомъ императорской благосклонности и самымъ блестящимъ удовлетвореніемъ честолюбія было пожалованіе консулата во второй и въ третій разъ, но послѣднее случалось довольно рѣдко, а послѣ Адріана совсѣмъ прекратилось. Однако, самъ Адріанъ (какъ и оба предшественника его) [2]) удостоилъ этой чести очень многихъ [3]), не говоря ужъ о членахъ императорской фамиліи. Послѣдній подданный, удостоившійся назначенія консуломъ три раза, былъ зять Адріана Юлій Урсъ Сервіанъ въ 134 году [4]). До Траяна этой рѣдкой честью награждали только за военныя заслуги, Траянъ же удостоивалъ ея также лицъ, отличившихся на государственной службѣ [5]). О Вергиніи Руфѣ, который три раза занималъ консулатъ (два первыхъ раза въ 63 и 69 гг.), Плиній говоритъ, что онъ поднялся на самую высокую ступень, которая вообще доступна подданнымъ [6]). Но и вторичный консулатъ, пожалованіе котораго происходило, конечно, гораздо чаще (но только со времени Флавіевъ), считался высокимъ знакомъ отличія, хотя Адріанъ, а тѣмъ болѣе Каракалла и Александръ Северъ, не скупились на эту награду. [7])

Если магистратуры по большей части и потеряли свое прежнее значеніе и стали только средствомъ къ достиженію сенаторскаго званія, то въ то же время онѣ получили и новое значеніе и новую притягательную силу, благодаря тому, что пожалованіе ихъ стало знакомъ императорскаго благоволенія и доказательствомъ того, что императоръ остался доволенъ предыдущей службой даннаго лица. Плиній Младшій говоритъ въ своей благодарственной рѣчи Траяну, послѣ полученія отъ него консулата, что прежде (т.-е. при Домитіанѣ) стремленія даже лучшихъ людей парализовались увѣренностью въ томъ, что императоръ ничего не узнаетъ о ихъ заслугахъ (главнымъ образомъ, въ провинціяхъ) и не сможетъ поэтому наградить ихъ; теперь же надежда на повышеніе является для нихъ стимуломъ, путь почестей и славы открытъ всѣмъ, каждый можетъ выбрать себѣ цѣль для своихъ стремленій, и исполненіе его желаній зависитъ только отъ него самого. Онъ особенно одобряетъ то, что условіемъ достиженія какой-нибудь должности является, главнымъ образомъ, предыдущая служба [8]). Въ 103 или 104 гг. Плиній выпросилъ себѣ у Траяна освободившееся мѣсто авгура, какъ знакъ его хорошаго мнѣнія о себѣ; въ отвѣтъ на поздравительное письмо послѣ полученія желаемаго, онъ пишетъ, что убѣдиться въ милости императора даже по самому незначительному поводу—вещь прекрасная [9]). Тѣмъ болѣе въ глазахъ раболѣпно настроенныхъ людей каждый имѣлъ только постольку значеніе, поскольку онъ удостоивался знаковъ императорской милости, которая проявлялась въ раздачѣ почетныхъ должностей. Одинъ всадникъ, обвиненный послѣ паденія Сеяна за дружбу съ нимъ, сказалъ въ своей защитительной рѣчи передъ сенатомъ: „Намъ не подобаетъ судить о томъ, кого и по какимъ причинамъ ты возвеличиваешь надъ другими: тебѣ боги дали выс-

[1]) Mommsen, «Staatsrecht», 3 изд., II, 2, 942.—[2]) Asbach, «Konsularfasten», 68—96, Bonner Jahrbb.», LXXIX, 1885, стр. 143.—[3]) «Hadrian.», гл. 8.—[4]) Mommsen, «Staatsr.», 3 изд., I, 521, 5. Hirschfeld, «Verwaltungsb.», стр. 233.—[5]) Plin., «Paneg.», гл. 61.—[6]) Plin., «Epp.», II, 1.—[7]) Asbach, указ. соч. стр. 143—146.—[8]) Plin., «Paneg.», гл. 70.—[9]) Его же, «Epp. ad Tr.», 13, IV, 8; Mommsen, «Hermes», III, 44.

шее право рѣшать дѣла, намъ же оставили только доблесть послушанія. Мы видимъ только то, что открыто лежитъ передъ нами, видимъ, кто получаетъ отъ тебя богатство, почести и силу вредить или приносить пользу другимъ. Угадываніе сокровенныхъ мыслей властителя — вещь недопустимая, опасная, а кромѣ того, и безплодная" [1]). Такимъ образомъ, лица, удостоившіяся повышенія, возвеличивались надъ товарищами и приближались къ трону. Такъ республиканскія должности, несмотря на свои старыя названія, въ дѣйствительности приняли монархическій характеръ.

Становится яснымъ, насколько эта искусственно созданная, расчлененная и снабженная внѣшними знаками отличія система титуловъ, почестей и инсигніевъ отвѣчала цѣли—заставлять честолюбивыя стремленія подданныхъ служить выгодѣ монархіи. Доказательствомъ того, что цѣль эта вполнѣ достигалась, является то большое значеніе, которое придавалось знакамъ отличія, и то различіе, которое дѣлалось между почетной и дѣйствительной должностью. Что касается знаковъ отличія, то ихъ носили только въ исключительныхъ случаяхъ, на общественныхъ торжествахъ и придворныхъ праздникахъ [2]). Мысль Александра Севера—ввести форму для всѣхъ должностныхъ лицъ, состоящихъ на императорской или курульной службѣ, не была приведена въ исполненіе [3]).

Такимъ образомъ, курульныя должности были и оставались предметомъ страстныхъ желаній и неустанныхъ стремленій, и достиженіе каждой новой должности заставляло еще сильнѣе стремиться къ дальнѣйшему повышенію. „Честолюбіе,—говоритъ Сенека,—не даетъ человѣку возможности удовлетвориться той почестью, которая была для него когда-то предметомъ безмѣрныхъ желаній. Никто не благодаритъ за полученіе трибуната, напротивъ, трибунъ жалуется, что онъ не добился еще претуры, но и этой еще не достаточно, покуда нѣтъ консулата, и консулатъ, достигнутый лишь одинъ разъ, не даетъ полнаго удовлетворенія. „Онъ пожаловалъ мнѣ претуру,—говоритъ у него честолюбецъ,—а я надѣялся на консулатъ; онъ далъ мнѣ 12 ликторовъ, но не сдѣлалъ меня настоящимъ консуломъ; онъ велитъ называть моимъ именемъ годъ, но у меня нѣтъ еще жречества; я избранъ въ жреческую коллегію, но почему только въ одну?" [4]). Больше всего усилій прилагалось для достиженія консульства. „Многіе,—говоритъ Сенека въ другомъ мѣстѣ,—цѣлые годы добиваются того, чтобы одинъ годъ сталъ называться ихъ именемъ". По словамъ Марціала, сенаторъ каждое утро обиваетъ 60 пороговъ, чтобы прибавить новое имя въ списокъ консуловъ и чтобы впослѣдствіи въ качествѣ намѣстника управлять народами Нумидіи или Каппадокіи. „Если ты хочешь стать консуломъ,—говорится у Эпиктета,—ты долженъ сократить время своего сна, повсюду бѣгать, цѣловать руки, томиться передъ чужими дверями, говорить и дѣлать многое, недостойное свободнаго человѣка, многимъ посылать подарки, нѣкоторымъ даже ежедневно" [5]).

[1]) Tac., «Annal.», VI, 8.—Онъ обращается здѣсь къ отсутствовавшему императору, какъ-будто бы онъ былъ передъ нимъ.—[2]) Tac., «Hist.», I, 81; ср. выше стр. 98, 1.—[3]) «Alex. Sever.», гл. 27.—[4]) Seneca, «Beneff.», II, 24, 4; «De ira», III, 31, 2. Ср. Plutarch, «De tranqu. animi», 10.—[5]) Seneca, «De brev. vit.», 20, 1; Martial, XII, 26. Epictet. «Diss.», IV, 10, 20 (ср. IV, 1, 148, 7, 23); Seneca, «Quaest. nat.», I, prol. VI; Cyprian, «ad Donatum», гл. 10.

Такія старанія надо было прилагать для достиженія каждой должности. Ни самъ кандидатъ, ни друзья и покровители его не скупились на посѣщенія и рекомендательныя письма. Плиній Младшій находился въ большомъ волненіи, когда молодой С. Эруцій Кларъ добивался трибуната. Здѣсь до нѣкоторой степени дѣло шло о его собственной чести. Онъ выхлопоталъ для него у императора санъ сенатора, квестуру и право соисканія трибуната; если бы онъ теперь не добился желаемаго, то могло бы показаться, что Плиній обманулъ императора. Онъ ходилъ поэтому изъ дома въ домъ, изъ одного присутственнаго мѣста въ другое, просилъ и заклиналъ своихъ друзей, пускалъ въ ходъ все свое вліяніе, и другихъ убѣждалъ содѣйствовать ему [1]). Когда въ качествѣ кандидата выступилъ Юлій Назонъ, Плиній заклиналъ своего друга Минуція Фундана (который былъ консуломъ въ 108 г.) тотчасъ же явиться въ Римъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ содѣйствовать его избранію. Опять дѣло шло какъ бы о его собственномъ избраніи, такъ какъ было извѣстно, что онъ взялъ на себя поддержать кандидатуру. Отказъ Назону былъ равносиленъ отказу ему самому. Когда находящійся внѣ Рима Тацитъ написалъ рекомендательное письмо для его кандидата, то Плиній отвѣтилъ ему, что этимъ письмомъ онъ рекомендуетъ ему его же самого, и просилъ писать другимъ лицамъ [2]). Кандидатъ заслуживалъ похвалу, если использовалъ всѣ законныя средства, съ цѣлью обезпечить ими свое избраніе. Когда молодой Юлій Авитъ, избранный эдиломъ, умеръ до вступленія въ должность, Плиній восхвалялъ его между прочимъ и за неутомимость и бдительность, съ которой онъ добивался этой должности [3]). Но сколько велось интригъ, переносилось униженій и совершалось подлостей, чтобы проложить себѣ дорогу къ какой-нибудь должности! Колумелла, принадлежавшій къ сословію всадниковъ, хотѣлъ (въ эпоху Нерона) лучше удовольствоваться скромнымъ удѣломъ сельскаго хозяина, чѣмъ добиваться власти и почестей магистратуръ посредствомъ низкаго раболѣпства и позора и при этомъ растратить все свое состояніе [4]). Очень часто повышеніе бывало наградой за позорную дѣятельность въ качествѣ обвинителя въ процессахъ по оскорбленію величества и покупалось кровью невинныхъ, гибелью цѣлыхъ семей. Чтобы погубить всадника Титія Сабина, въ 27 г. составился постыдный заговоръ трехъ бывшихъ преторовъ, которые стремились къ консулату; „для этого надо было заручиться помощью Сеяна, чего можно было добиться только посредствомъ преступленія“ [5]). Подкупы господствовали и при дворѣ, и въ сенатѣ. Мессалина и вольноотпущенники Клавдія занимались торговлей должностями. Въ 62 г. Фабриція Веентона обвиняли въ томъ, что онъ продавалъ свое ходатайство передъ Нерономъ за повышенія и другія уступки [6]). Но и Веспасіанъ безъ всякаго стыда продавалъ желающимъ должности и почести [7]). Приблизительно въ 107 г. сенатъ постановилъ запретить искателямъ должностей устраивать пиры, разсылать подарки и передавать денежныя суммы лицамъ, которыя завѣдывали выборами. Это послѣднее дѣйствительно происходило, хотя и тайнымъ образомъ, все же остальное

[1]) Plin., «Epp.», II, 9.—[2]) Тамъ же, VI, 6 и 9.—[3]) Тамъ же, VIII, 23.—[4]) Columella, I, praef. 10.—[5]) Tac., «Annal.», IV, 68.—[6]) Tac., «Annal.», XIV, 50; Borghesi, «Oeuvres», V, 531 (Juv. 3, 183).—[7]) Dio, LX, 17; Sueton., «Vespas.», гл. 16.

совсѣмъ открыто и въ широкихъ размѣрахъ. Траянъ, по предложенію сената, закономъ о добываніи должностей происками ограничилъ непозволительные расходы кандидатовъ на подкупы.

Что касается самыхъ выборовъ, производившихся до конца I вѣка въ сенатѣ, посредствомъ устнаго голосованія, а въ началѣ проявленія Траяна посредствомъ тайнаго [1]), то они все еще считались важнымъ и серьезно обставленнымъ актомъ. „Во время послѣднихъ выборовъ,—пишетъ Плиній Младшій,—на выборныхъ табличкахъ встрѣчались разныя шутки, часто неприличныя, такъ что сенатъ пришелъ въ величайшее негодованіе и желалъ, чтобы виновные подверглись немилости императора. Чѣмъ долженъ дома заниматься тотъ, кто позволяетъ себѣ такія грубыя шутки въ столь значительномъ дѣлѣ и въ такое важное время!" [2]). Гордость избранныхъ равнялась недовольству и зависти обойденныхъ. Тиберій отвергъ внесенное въ 16 г. предложеніе—избирать магистратовъ на 5 лѣтъ, въ виду того, что уже при годичномъ назначеніи трудно избѣгнуть столкновеній, хотя обойденные въ этомъ случаѣ могутъ еще утѣшиться надеждой на близкое будущее. Если назначеніе на годъ дѣлаетъ людей такими заносчивыми, то что же будетъ при назначеніи на 5 лѣтъ? [3]) Сенека въ нѣсколькихъ мѣстахъ говоритъ о невозможности удовлетворить всѣ желанія. „Человѣка не столько радуетъ множество людей, стоящихъ позади него, какъ печалитъ одно лицо, стоящее передъ нимъ. Недостатокъ честолюбія состоитъ въ томъ, что оно никогда не оглядывается назадъ" [4]),—говоритъ онъ. Для „новаго человѣка" тотъ день, когда онъ получалъ курульную должность, становился новой главой въ его жизни. Встрѣчные знакомые обнимали избранника, его рабы цѣловали ему руки, при возвращеніи онъ находилъ свой домъ освѣщеннымъ, онъ поднимался на Капитолій, чтобы принести благодарственную жертву [5]); эта же церемонія происходила и въ его домѣ. „Запахъ крови быковъ,—говоритъ Марціалъ,—наполняетъ преддверіе дворца, если императорское посланіе принесло владѣльцу его вѣсть о дарованіи ему высокой почести" [6]). Вся семья того лица, которое удостоилось повышенія, поднималась вмѣстѣ съ нимъ; такъ, напримѣръ, преторская семья становилась консульской и т. д., а потомки получали возможность добиваться новыхъ, еще болѣе высокихъ почестей. О Л. Волусіи Сатурнинѣ, умершемъ въ 20 г., у Тацита говорится, что онъ происходилъ изъ древней, но дошедшей только до претуры семьи, самъ онъ уже добился консулата [7]). „Если сынъ консулара, получившаго тріумфальные инсигніи, трижды удостоивается консулата,—говоритъ Плиній Младшій,—для него это не является повышеніемъ, въ силу своего происхожденія онъ имѣетъ право на это" [8]). Легатъ Фабій Валентъ подстрекалъ Вителлія захватить императорскую власть, ссылаясь на высокое положеніе его отца, который былъ трижды консуломъ, занималъ должность цензора и былъ коллегой императора. Такое происхожденіе давно уже возлагаетъ на него императорское достоинство и одновременно лишаетъ его безопасности какъ подданнаго [9]).

[1]) Plin., «Epp.», III, 20, IV, 25.—[2]) Тамъ же, IV, 25.—[3]) Tac., «Annal.», II, 36.—[4]) Seneca, «Epp.», 73, 3. Ср. 84, 11. 104, 9.—[5]) Tac., «Dial.», гл. 7. Epictet., «Diss.», I, 19, 24.—[6]) Martial, XIV, 4, впервые вѣрно объяснено у Marquardt, «Privatl.», 2 изд., II, 805, 1.—[7]) Tac., «Annal.», III, 30. C. I. L. VIII, 7054 (ср. 7055).—[8]) Plin., «Paneg.», гл. 58.—[9]) Tac., «Hist.», I, 52.

Изъ многихъ другихъ свидѣтельствъ можно заключить о томъ значеніи, которое придавалось добытой должностями знатности. Плиній совѣтуетъ Минуцію Фундану, которому предстоялъ консулатъ, выбрать въ квесторы молодого Асинія Басса, въ виду того, что отецъ его былъ преторомъ, и онъ состоитъ въ родствѣ съ консулами [1]). Тацитъ говоритъ о Кальвіи Криспиниллѣ, пользовавшейся дурной славой, что, выйдя замужъ за консулара, она добилась уваженія всего города [2]). Квинтиліанъ потерялъ своего старшаго сына, на котораго онъ возлагалъ большія надежды, на десятомъ году его жизни; въ виду того, что онъ былъ усыновленъ консуляромъ, онъ имѣлъ въ будущемъ возможность добиться очень почетныхъ должностей, а кромѣ того, долженъ былъ стать зятемъ своего дяди, претора [3]). Писатели, принадлежавшіе къ классу сенаторовъ, какъ Плиній Младшій, Сенека, Тацитъ, такъ же тщательно отмѣчаютъ званія, какъ и тѣ, которые не принадлежали къ этому кругу [4]). На многочисленныхъ памятникахъ, поставленныхъ лицамъ сенаторскаго званія, съ тщательной точностью и въ строгой послѣдовательности перечисляются всѣ ихъ должности, титулы и званія, какъ настоящія, такъ и прошлыя, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда званіе и должностное положеніе не играло никакой роли. Такъ, напримѣръ, послѣ смерти Плинія Младшаго всѣ его пожертвованія и дары родному городу и всѣ его должности отъ высшихъ до низшихъ перечисляются не только на надписи, которая была сооружена въ Комѣ [5]), но и на постаментѣ бронзовой статуэтки, которая предназначалась въ тамошній храмъ Юпитера. На немъ долженъ былъ находиться полный перечень всѣхъ его титуловъ „въ томъ случаѣ, если другъ, которому было поручено изготовленіе ея, найдетъ это нужнымъ“ [6]). На греческихъ надписяхъ подробно указывалась даже родственная связь съ сенаторами и консулярами [7]).

Кромѣ знаковъ отличія, перешедшихъ еще изъ республики, а именно широкой пурпуровой каймы на туникѣ, сенаторскихъ башмаковъ (посредствомъ чернаго ремня подвязывавшихся до половины голени) [8]) и перваго мѣста на всѣхъ представленіяхъ, въ императорскую эпоху сенаторы пользовались еще и другими привилегіями, которыя опредѣлялись обычаемъ или законодательными предписаніями въ разное время различно. По указу Августа, въ 36 г. до Р. Хр. только магистраты изъ класса сенаторовъ имѣли право, въ качествѣ устроителей театральныхъ представленій, надѣвать сплошную пурпуровую одежду [9]). Закрытыя носилки, которыми впервые сталъ пользоваться, повидимому, императоръ Клавдій, стали въ III вѣкѣ привилегіей лицъ консуларскаго званія [10]). Когда въ это же время въ Римѣ вошли въ употребленіе запрещенные прежде экипажи, Александръ Северъ далъ сенаторамъ исключительное право пользоваться въ городѣ каретами, украшенными серебромъ [11]). Въ теченіе II вѣка почетное названіе сенаторовъ clarissimus,

[1]) Plin., «Epp.», IV, 15.—[2]) Tac., «Hist.», I, 73.—[3]) Quintilian, VI prooem. 13.—[4]) См. напр. Gellius, I, 2, 1. II, 26, 1. IX, 2, 1. XII, 1, 3. XIX, 12, 1.—[5]) См. надписи Плинія у Mommsen, «Hermes», III, стр. 108 слл.—[6]) Plin., «Epp.», III, 6.—[7]) См. выше, стр. 108, 2.—[8]) Marquardt, «Privatl.», 2 изд., II, 591. Пурпуровая полоса носилась съ самаго начала, башмакъ же надѣвался одновременно съ мужской тогой. Mommsen, «Staatsr.», III, 1, 470; III, 2, 888 слл.—[9]) Dio, XLIX, 16. Ср. Mommsen, «Staatsr.» 3 изд., I, 414, 1.—[10]) Dio, LX, 2. Mommsen, «Staatsr.», 3 изд., I, 397, 3.—[11]) «Alex. Sever.», гл. 43; ср. Hieronym, «in Isai.», XV, 66 ed. Vall. IV, 823.

употреблявшееся и въ концѣ I вѣка, стало постояннымъ титуломъ всего сословія, такъ что ставилось впослѣдствіи въ сокращенномъ видѣ сразу послѣ собственнаго имени мужчины (vir clarissimus), женщины (femina clarissima), юноши (iuvenis clarissimus) и дѣтей обоего пола (puer clarissimus, puella clarissima) [1].

Въ силу своей цензорской власти императоръ имѣлъ право исключать изъ сената [2]. Потеря сословной чести могла быть вызвана судебнымъ осужденіемъ, дурной славой, обѣднѣніемъ и другими причинами. Тиберій вычеркнулъ въ 25 году изъ сенаторскаго списка сенатора Апидія Галла Мерулу, потому что тотъ не далъ предписанной присяги, касающейся постановленій Августа [3]; въ 32 г.—сенатора Юнія Галліона за внесенное имъ предложеніе—разрѣшить отставнымъ гвардейцамъ (преторіанцамъ) занимать въ театрѣ мѣста всадниковъ. Предложеніе это было сдѣлано изъ излишняго раболѣпства, но Тиберій усмотрѣлъ въ немъ желаніе расположить къ себѣ солдатъ [4]. Въ 53 г. сенаторы добились исключенія одного члена, который, подстрекаемый императрицей Агриппиной, съ помощью ложнаго обвиненія принудилъ одно высокопоставленное лицо покончить жизнь самоубійствомъ [5]. Исключеніе изъ сената происходило чаще всего въ формѣ якобы добровольнаго ухода [6]. Въ 52 г. императоръ Клавдій произнесъ рѣчь, въ которой хвалилъ тѣхъ, кто по причинѣ стѣсненныхъ обстоятельствъ добровольно покидалъ сенатъ, и исключалъ тѣхъ, кто, оставаясь въ сенатѣ, усугублялъ свою бѣдность наглостью [7].

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что исключеніе изъ сената ощущалось въ большинствѣ случаевъ, какъ тяжкій ударъ, и немногіе, вѣроятно, переносили его такъ хладнокровно, какъ Умбоній Силіонъ, котораго Клавдій въ 44 г. отозвалъ изъ южной Испаніи (Бетики), гдѣ онъ былъ намѣстникомъ, и исключилъ изъ сената якобы за то, что по его винѣ войско въ Мавританіи терпѣло нужду. Дѣйствительной же причиной были подстрекательства нѣкоторыхъ враждебныхъ ему вольноотпущенниковъ. Умбоній сдѣлалъ видъ, что хочетъ распродать все свое имущество, онъ велѣлъ собрать и выставить всю свою роскошную домашнюю утварь какъ бы для аукціона, но продалъ только свою сенаторскую одежду, желая этимъ показать, что онъ потерпѣлъ только кажущуюся потерю и сохранилъ все то, что имѣетъ дѣйствительную цѣнность [8]. Но исключенные изъ сената могли вернуть себѣ свое званіе, главнымъ образомъ, съ перемѣной правителя; такъ, напримѣръ, въ 70 г., при Гальбѣ, этого добились три лица, исключенныя изъ сената Клавдіемъ и Нерономъ за вымогательство, равнымъ образомъ и М. Антоній Примъ, исключенный за подлогъ также при Неронѣ [9].

---

[1]) Mommsen, «Staatsr.», III, 1, 471.—Эти титулы употреблялись, однако, не всюду; такъ, напримѣръ, въ протоколахъ арвальской коллегіи они нигдѣ не встрѣчаются.—[2]) Mommsen, «Staatsr.», 3 изд., II, 945—947. III, 1, 469. III, 2, 879 слл.—[3]) Tac., «Annal.», IV, 42.—[4]) Тамъ же, VI, 3.—[5]) Tac., «Annal.», XII, 59.—[6]) Тамъ же, II, 48.—[7]) Тамъ же, XII, 52.—[8]) Dio, LX, 24.—[9]) Tac., «Hist.», I, 77. II, 86.

3. Всадники [1]).

Первое сословіе существовало только въ столицѣ имперіи; вступающій въ классъ сенаторовъ этимъ самымъ освобождался отъ муниципальныхъ тяготъ, т.-е. отъ всѣхъ личныхъ обязательствъ по отношенію къ общинѣ, къ которой онъ принадлежалъ по своему происхожденію [2]). И иноземные сенаторы должны были считать Римъ и Италію своей родиной, а не „гостиницей, въ которой они останавливаются проѣздомъ“. Этимъ объясняются распоряженія Траяна и Марка Аврелія объ употребленіи третьей или четвертой части состоянія на пріобрѣтеніе земель въ Италіи [3]). Второе сословіе, сословіе всадниковъ, съ теченіемъ времени стало все болѣе и болѣе распространяться по всему государству (хотя большая часть ихъ въ качествѣ членовъ суда присяжныхъ переселялась въ Римъ) [4]), начиная, главнымъ образомъ, съ эпохи Калигулы, который, желая противодѣйствовать уменьшенію его численности, возвелъ въ это достоинство всѣхъ выдающихся своимъ происхожденіемъ или состояніемъ провинціаловъ. Его примѣру слѣдовалъ и Веспасіанъ [5]). Въ провинціяхъ и городахъ Италіи всадники всегда занимали первое мѣсто [6]). О значеніи, которымъ пользовалось это сословіе, свидѣтельствуютъ многія надписи, какъ, напримѣръ, надгробная надпись нѣкоей Манліи Секундиллы въ одномъ изъ мавританскихъ городовъ, „братья и дяди по матери которой были римскими всадниками“. Эту надпись поставилъ супругъ ея Кв. Геренній Руфъ, бывшій также римскимъ всадникомъ [7]). Въ одномъ изъ городовъ Нумидіи на надгробной надписи мы читаемъ, что покойная была „матерью двухъ римскихъ всадниковъ“ [8]). Само собою разумѣется, что провинціалы и муниципалы, сыновья которыхъ возводились въ классъ всадниковъ, гордились этимъ не менѣе, чѣмъ всадники, ставшіе „отцами сенаторовъ“ [9]). Въ посвященіи своего труда Цереллію (238 г. по Р. Хр.), Цензоринъ говоритъ ему, что, ставъ всадникомъ, онъ возвысился надъ всѣми провинціалами [10]).

Изъ чисто военнаго института всадничество понемногу превратилось въ чисто государственный. Уже въ концѣ республики званіе всадника означало только возможность служить въ конницѣ и разсматривалось, какъ фактически наслѣдственное званіе [11]). Установленный закономъ Росція (въ 67 г. до Р. Хр.) цензъ для всадниковъ въ 400000 сестерціевъ, который, вѣроятно, былъ въ ходу съ самаго начала, сохранился и въ эпоху императоровъ. Лишеніе требуемаго ценза, по своей или по чужой винѣ, вело за собою потерю званія и

---

[1]) Этотъ отдѣлъ основывается, главнымъ образомъ, на изложеніи Mommsen'a, «Staatsr.», III, 1, 476—509 (всадничество). Ссылки я привожу только тогда, когда ихъ нѣтъ у него.—[2]) «Digg.» L. 1, 22, § 5 слл.—Mommsen, «Staatsr.», III, 1, 473 сл.—[3]) Ср. выше стр. 115, 9.—[4]) Ср., однако, Seneca, «Ira». III, 33, 2.—[5]) Dio, LIX, 9. Sueton., «Vespas.», гл. 9; ср. также совѣтъ Мецената, Dio, LII, 19. Mommsen, «Staatsr.», III, 1, 489, 4 и 502. Bohn, «Heimat der Prätorianer» (1883), стр. 7, примѣч., полагаетъ, что только со времени Тита equo publico honorati начали оставаться въ провинціяхъ; чаще они встрѣчаются тамъ, начиная съ Траяна и Адріана.—[6]) Marquardt, «Hist. eqq.», стр. 88 сл.—[7]) Renier, «Inscr. de l'Algérie», 3680=C. I. L. VIII, 9616. Ср. C. I. G. 2822. 3494.—[8]) C. I. L. VIII, 4437. Dessau, I. S. II, 6165 (также 6199).—[9]) Ср., напримѣръ, I. R. N. 5369=C. I. L. IX, 3158 (по всей вѣроятности, изъ эпохи Августа).—[10]) Censorin. «D. n.», гл. 15.—[11]) Mommsen, указ. соч. стр. 496, 482 сл.

связанныхъ съ нимъ привилегій: права носить золотое кольцо, узкую пурпуровую полосу на туникѣ и занимать мѣста для всадниковъ въ театрѣ [1]). Отецъ Геренннія Руфа въ Эѣ (можетъ быть, упомянутый выше или его родственникъ) потерялъ все свое состояніе: „онъ снимаетъ съ себя золотыя кольца и всѣ знаки своего достоинства и разсчитывается со своими кредиторами“ [2]). Состоянія дѣда поэта Статія (въ Неаполѣ) не хватало на требуемыя званіемъ издержки, и отецъ его былъ поэтому вынужденъ еще ребенкомъ сложить съ себя пурпуръ и золотую буллу, которую носили на шеѣ дѣти сенаторовъ и всадниковъ [3]). Мартіалъ говоритъ нѣкоему Макру: „Ты до тѣхъ поръ дарилъ кольца дѣвушкамъ, пока не лишился своихъ“ [4]). Кутила, расточившій все свое состояніе, лишается подъ конецъ и кольца, и Полліонъ долженъ нищенствовать безъ него [5]).

Въ эпоху императоровъ званіе всадника давалось не по происхожденію, а жаловалось вмѣстѣ съ лошадью, что производилось цензорами, чаще же, а потомъ исключительно, императорами въ отвѣтъ на соотвѣтствующее прошеніе [6]). Мальчики удостоивались этого лишь въ исключительныхъ случаяхъ, встрѣчающихся со II вѣка. Число всадниковъ ничѣмъ не ограничивалось, и званіе было пожизненно. На парадномъ смотру всадникамъ (обычай, продержавшійся до IV в.) [7]), происходившемъ 15-го іюля, уже въ эпоху Августа, участвовало до 5000 всадниковъ (причемъ никогда, конечно, не участвовали всѣ безъ исключенія). Все чаще и чаще встрѣчающійся на надписяхъ титулъ всадника указываетъ на то, что число ихъ постоянно росло [8]).

Хотя только лица, происходившія изъ знатныхъ семей, имѣли право получить всадническую лошадь, но это не исключало возможности того, что и низко-рожденные могли удостоиваться этой чести. Постановленіе, подтвержденное еще Тиберіемъ въ 23 г., объ исключеніи сыновей вольноотпущенниковъ, очень скоро потеряло свою силу [9]). Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что сыновья всадниковъ, гладіаторовъ и учителей фехтованія (которые могли, вѣдь, быть свободнорожденными) сидѣли на мѣстахъ для всадниковъ [10]). Но и вольноотпущенникамъ императоры съ самаго начала пожалованіемъ золотого кольца давали всѣ права всадниковъ (а слѣдовательно и обусловливающее ихъ фиктивное свободное происхожденіе) [11]). Первые императоры скупились на это пожалованіе; они награждали имъ (какъ это и было естественно) самыхъ заслуженныхъ и любимыхъ среди своихъ вольноотпущенниковъ, о чемъ уже говорилось [12]). Августъ почтилъ этой наградой нѣкоего Т. Винія Филопэмена, который скрывалъ у себя своего опальнаго господина; затѣмъ, перешедшаго къ нему отъ Секста Помпея, вольноотпущенника Мената и своего врача Антонія Музу [13]). Уже вскорѣ послѣ битвы при Филиппахъ, Горація возмущалъ одинъ изъ этихъ вольноотпущенниковъ, который разгуливалъ по священной дорогѣ въ своей тогѣ, длиною въ шесть локтей, катался по Via Appia въ коляскѣ, запряженной пони, сидѣлъ въ

[1]) Mommsen, «Staatsr.», III, 1, 499.—[2]) Apul., «Apol.», 523.—[3]) Stat., «Silv.», V, 316; ср. Marquardt, «Privatl.», 2 изд., I, 86, 1.—[4]) Martial, VIII, 5.—[5]) Juven., XI, 42.—[6]) Mommsen, 489 сл.—[7]) Mommsen, 495, 1.—[8]) Mommsen, 491—493.—[9]) Тамъ же, 452. См. выше стр. 100, 6.—[10]) Juven. 3, 33, слл.—[11]) Mommsen, 518 сл.—[12]) Mommsen, 519, 1. Выше стр. 46 сл.—[13]) Sueton., «August.», гл. 27. Dio, XLVIII, 45. LIII, 3.0

театрѣ на мѣстахъ для всадниковъ и былъ трибуномъ легіона [1]). Пожалованія золотыхъ колецъ стали чаще въ эпоху Флавіевъ, такъ что (какъ объ этомъ пишетъ Плиній при Веспасіанѣ) освободившіеся отъ рабства люди стали сразу достигать этой награды, чего прежде никогда не бывало; знакъ отличія, который до сихъ поръ выдѣлялъ всадниковъ среди всѣхъ другихъ свободно-рожденныхъ, смѣшалъ ихъ теперь съ несвободными [2]). Впослѣдствіи, по всей вѣроятности, до начала III вѣка (можетъ быть, начиная со времени Коммода), пожалованіе золотыхъ колецъ перестало находиться въ связи съ свободнымъ происхожденіемъ и вступленіемъ въ сословіе всадниковъ; послѣднія права давались только особымъ разрѣшеніемъ императора [3]). Что касается критерія, на основаніи котораго судили о честности лицъ, желавшихъ быть причисленными къ сословію всадниковъ, то онъ не былъ во всѣ времена одинаковъ. На многократныя прошенія одного лица, просьба котораго, вслѣдствіе якобы ложнаго доноса, была уже разъ обойдена, Адріанъ отвѣтилъ: „Тотъ, кто требуетъ всадинческой лошади, можетъ быть безупреченъ“ [4]).

Хотя по закону мѣсто въ сенатѣ и званіе всадника взаимно исключали другъ друга, но сенаторская карьера, какъ сыновьями сенаторовъ, такъ и молодыми людьми изъ не-сенаторскихъ семей, принятыми въ первое сословіе, обыкновенно начиналась со службы въ качествѣ всадника и всадническихъ должностей. Оба эти класса будущихъ сенаторовъ, которые по внѣшнимъ признакамъ (особенно по широкой пурпуровой полосѣ на туникѣ) теперь уже уравнивались съ сенаторскимъ сословіемъ, образовывали среди класса всадниковъ отдѣльную, въ большинствѣ случаевъ, временно принадлежащую къ нему категорію [5]).

Всадники давно уже перестали служить въ войскѣ, но военное распредѣленіе ихъ по турмамъ [6]) сохранилось: въ этомъ порядкѣ появлялись они въ торжественныхъ случаяхъ, такъ, напримѣръ, на публичныхъ похоронахъ, главнымъ же образомъ, на ежегодномъ парадномъ смотру 15 іюля. Шесть начальниковъ, стоящіе во главѣ этихъ турмъ (seviri equitum Romanorum), назначались императоромъ, въ большинствѣ случаевъ изъ всадниковъ, принадлежащихъ сенаторскому классу. Чаще всего ими бывали принцы императорскаго дома, носящіе уже мужскую тогу, но не засѣдающіе еще въ сенатѣ; ихъ называли „князьями молодежи“ (principes iuventutis) [7]). Но, хотя классъ всадниковъ и принималъ до нѣкоторой степени, вслѣдствіе этой организаціи, характеръ политической корпораціи, все же самой сущности таковой у него никогда не было; никогда онъ не выступалъ (какъ это дѣлалъ сенатъ) въ качествѣ политической корпораціи, и никогда къ нему какъ къ таковой не относились [8]).

Уже Г. Гракхъ предоставилъ всадникамъ дѣятельность въ судѣ въ ка-

---

[1]) Horat., «Epod.», 4.—[2]) Plin., «H. n.», XXXIII, 33.—Ср., напр., Orelli, 2176=C. I. L. VI, 1847. Mommsen, «Rh. M.», 1846, стр. 21. Orelli, 3750=C. I. L. V, 1, 4392.—[3]) Mommsen, «Staatsrecht», III, 1, 519; ср. 3 изд., II, 893 сл.—[4]) Dosith., «Hadrian. resp.», 6. Plin., «N. h.», XXXIII, 152.—[5]) Mommsen, «Staatsr.», III, 1, 508.—[6]) Ex equestribus turmis—служило для обозначенія сословія всадниковъ, C. I. L. VIII, 9754 и «Arch. epigr. Mitt. aus Österreich», VIII, 1884, стр. 243.—[7]) Mommsen, «Staatsr.», 3 изд., II, 2, стр. 826—828.—[8]) Тамъ же, III, 1, 522—527.

чествѣ присяжныхъ (въ концѣ республики и въ эпоху императоровъ институтъ присяжныхъ дѣйствовалъ одинаково и въ гражданскихъ, и уголовныхъ процессахъ). Вѣдомства, призывающія присяжныхъ, должны были выбирать ихъ изъ списка всадниковъ. Августъ освободилъ сенаторовъ отъ обязанности участвовать въ судѣ присяжныхъ, къ которой принуждалъ ихъ законъ Аврелія (70 г. до Р. Хр.) и Цезаря (46 г. до Р. Хр.), и заполнилъ три первыя декуріи присяжныхъ (по 1000 въ каждой) всадниками. Кромѣ того, Августъ образовалъ четвертую декурію изъ соотвѣтствующихъ лицъ, обладавшихъ половиной ценза всадниковъ, для участія въ мелкихъ гражданскихъ процессахъ, а Калигула образовалъ еще пятую декурію. Помимо того, что присяжные должны были быть не моложе тридцати, потомъ двадцати пяти лѣтъ [1], при Августѣ (какъ объ этомъ уже говорилось) [2] въ декуріи допускались только италики, впослѣдствіи, правда, и провинціалы, но почти исключительно изъ латинской половины государства. Судя по надписямъ, можно сказать, что число присяжныхъ, родомъ изъ Африки, Испаніи и Галліи, было очень велико, изъ придунайскихъ земель гораздо меньше, а изъ восточной половины государства совсѣмъ незначительно [3]). Кромѣ того, присяжными могли быть только тѣ лица, которыя имѣли право гражданства по рожденію, а не въ силу пожалованія. Въ такомъ видѣ институтъ присяжныхъ просуществовалъ оба первыхъ вѣка [4].

Необходимымъ условіемъ для службы въ качествѣ офицера [5] было удостовѣреніе въ пригодности къ званію всадника и принятіе императоромъ въ это сословіе. Служба въ качествѣ офицера, обязательно коннаго (militia equestris), распадалась, по крайней мѣрѣ, на три должности, послѣдовательность которыхъ была строго установлена: префектура вспомогательнаго коннаго отряда, трибунатъ легіона или когорты (по чину равные) и префектура когорты. Сюда же относилась еще, вѣроятно, должность плацъ-коменданта при стоянкахъ (praefectura castrorum), а кромѣ того, по всей вѣроятности, существовали еще и другія ординарныя (и большое число экстраординарныхъ) офицерскія должности [6]. Опредѣленнаго возраста для нихъ не существовало [7], да и вообще офицерская служба была гораздо свободнѣе обставлена, чѣмъ гражданская. Кромѣ того, солдаты, дослужившіеся до высшаго центуріоната легіона, нерѣдко получали всадническую лошадь; поступленіе такихъ ветерановъ на офицерскую службу поощрялось уже въ эпоху ранней имперіи. Впослѣдствіи, когда правительство стало все болѣе и болѣе опираться на низшіе классы, офицеры изъ бывшихъ ветерановъ (militiae petitores) образовали особый классъ [8].

Уже при Августѣ офицерская служба стала для всадниковъ обязательной. Можетъ быть, начиная съ Клавдія, во всякомъ случаѣ, съ начала II вѣка, они были обязаны пройти нѣкоторое число ординарныхъ офицерскихъ

---

1) Ulpian, «Digg.», XLII, 1, 57; ср. L, 4, 8.—2) См. выше стр. 101.—3) Надпись изъ Атталеи (Памфилія): «B. C. H.» X (1886), стр. 149. Траллесъ, тамъ же, стр. 456, 8= «Mitteilungen des deutschen archäolog. Instituts zu Athen», XI (1886), стр. 204.—4) Mommsen, «Staatsr.», 3 изд., II, 2, 527—539.—5) Тамъ же, 539—552.—6) Тамъ же, 544.— 7) Коммодъ назначилъ 14-лѣтняго мальчика въ первую militia C. I. L. XIV, 2947. Mommsen, 1196, 2.—8) Mommsen, 547.

должностей (до Севера—три, послѣ него — четыре) [1]). Продолжительность службы въ каждой изъ нихъ не была опредѣлена; обыкновенно они оставались на нихъ по нѣскольку лѣтъ. Назначеніе префектомъ или трибуномъ на полугодовую службу (которая въ этомъ случаѣ была равносильна одногодичной) было поэтому очень желаннымъ преимуществомъ [2]). Что касается всадниковъ, принадлежащихъ къ сенаторскому классу, которые съ поступленіемъ въ сенатъ (обыкновенно въ 25 лѣтъ) теряли право на офицерскія должности, то отъ нихъ требовалась только однократная служба [3]). Установленный Августомъ порядокъ офицерской службы продержался, какъ это можно прослѣдить по памятникамъ, до середины III вѣка [4]).

Долгое время офицерская служба считалась необходимымъ предварительнымъ условіемъ для гражданской службы всадниковъ. Сословію всадниковъ Августъ передалъ тѣ должности, которыя близко касались самой личности монарха; сюда, главнымъ образомъ, относились всѣ финансовыя должности, далѣе тѣ изъ административныхъ и военныхъ, которыя по чину были ниже сенаторскихъ, но требовали особаго довѣрія; затѣмъ завѣдываніе новыми вспомогательными отрядами и новосозданнымъ флотомъ [5]).

Въ качествѣ чиновниковъ финансоваго вѣдомства и администраціи (прокураторы), всадники служили какъ въ Римѣ, такъ и въ провинціяхъ. Въ сенаторскихъ провинціяхъ они были взыскателями всѣхъ фискальныхъ налоговъ, въ императорскихъ—завѣдующими всѣмъ финансовымъ управленіемъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ они являлись со времени Клавдія самостоятельными администраторами или намѣстниками съ большой судебной властью даже по уголовнымъ дѣламъ. Остальные прокураторы обладали судебной властью только въ дѣлахъ фиска, и то только со времени Клавдія [6]). Начиная со II вѣка, всадники стали занимать должности при императорскомъ дворѣ, которыя въ I вѣкѣ были большей частью занимаемы вольноотпущенниками; сюда относились завѣдываніе императорской казной, завѣдываніе поступающими прошеніями и жалобами и императорскій секретаріатъ [7]). Цѣлью этой служебной карьеры было достиженіе высшихъ префектуръ. Главными среди этихъ должностей считались префектура анноны, пожарной полиціи и полиціи, завѣдующей общественной безопасностью въ Римѣ, намѣстничество въ Египтѣ и, наконецъ, команда надъ гвардіей (преторіанцами), которая въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ раздѣлялась по большей части между двумя префектами, кромѣ того, еще префектура императорскихъ флотовъ у Мизена и Равенны и префектура государственной почты. Уже при Тиберіи префекты гвардіи были первыми лицами послѣ императора, и не только въ качествѣ начальниковъ того войска, отъ котораго зависѣла личная безопасность императора, и которое очень часто возводило и низводило императоровъ, но еще болѣе вслѣдствіе того, что представительство императора въ дѣлахъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства перешло постепенно къ нимъ. Префекты законнымъ образомъ возвысились до вице-императоровъ и, въ качествѣ таковыхъ,

---

[1]) Послѣ окончанія этой службы они носятъ названіе omnibus equestribus militiis functi или a (III, IV) militiis. Mommsen, 549; ср. 543.—[2]) Тамъ же, 550, 3.—[3]) Тамъ же, 551 сл.—[4]) Mommsen, 552, 2.—[5]) Тамъ же, 553.—[6]) Mommsen, «Staatsrecht», 2 изд., II, 981.—[7]) Ср. стр. 35, 3.

они прославляются въ произведеніяхъ писателей III вѣка какъ высшая власть на землѣ послѣ императорской [1]).

Высшихъ должностей достигали, конечно, только немногіе, но и прокуратура, особенно одна изъ болѣе важныхъ, приносила тому, кому она доставалась, большую славу. Достиженія ея было достаточно для возведенія своей семьи во „всадническую знать“ [2]). Помимо всего этого, должность эта была еще очень выгодной, потому что очень хорошо оплачивалась; дѣленіе на классы производилось здѣсь въ зависимости отъ величины жалованья. Фронтонъ рекомендуетъ императору Антонину Пію греческаго историка Аппіана, занимавшагося въ то время въ Римѣ адвокатурой, для опредѣленія его на административную службу: не честолюбіе, не прокураторское жалованье заставляютъ его добиваться административной должности, а желаніе украсить свою старость почетнымъ саномъ [3]). Должность трибуна легіона можно было занимать уже въ 18 лѣтъ [4]), и молодые люди изъ сословія всадниковъ этого возраста или немного старше и получали, по всей вѣроятности, эту должность, а съ нею жалованье въ 25000 сестерціевъ (приблизительно 2700 рублей). Однимъ изъ нововведеній Адріана, съ помощью которыхъ онъ думалъ возродить разрушавшуюся военную дисциплину, было то, что онъ не назначалъ трибуновъ безъ бороды [5]). Оклады жалованья, которое получали прокураторы, нормировались соотвѣтственно значенію и степени важности каждой прокуратуры [6]). Самый большой окладъ, въ 300000 сестерціевъ, получалъ во II вѣкѣ, по всей вѣроятности, только управляющій императорскими финансами, въ то время какъ секретаріатъ и завѣдываніе прошеніями оплачивались только 200000 сестерціями; столько же получалъ и управляющій наслѣдствами, поступавшими въ пользу императора. Такъ же велики были оклады самыхъ важныхъ изъ провинціальныхъ прокураторовъ, тогда какъ остальные получали 100000 сестерціевъ, а нѣкоторые даже только 60000 сестерціевъ. Къ классу, оплачиваемому 100000 сестерціями, принадлежали и хранитель императорской казны, завѣдующій чеканкой монеты, римскимъ водопроводомъ, большой школой гладіаторовъ, общественными постройками, продовольственными учрежденіями и почтой. Классъ лицъ, получавшихъ только 60000 сестерціевъ, состоялъ, главнымъ образомъ, изъ помощниковъ и младшихъ чиновниковъ прокураторовъ и префектовъ; сюда относились низшіе служащіе въ государственномъ совѣтѣ и управляющіе въ вѣдомствѣ по дѣламъ образованія, почтовые директора въ провинціяхъ, прокураторъ, завѣдующій хлѣбнымъ подвозомъ въ Остіи, и во II вѣкѣ ученый директоръ императорскихъ библіотекъ [7]). Оклады префектовъ опредѣлялись, должно быть, также, какъ оклады прокураторовъ.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что карьера чиновниковъ изъ сословія всадниковъ была не менѣе разнообразна, чѣмъ служебная карьера сенаторовъ. Такъ, напримѣръ, нѣкій Л. Валерій Прокулъ, судя по поставленной ему въ Малагѣ (гдѣ онъ, можетъ быть, родился) надписи, былъ сначала

---

[1]) Hirschfeld, стр. 340—342. Mommsen, «Staatsr.», 3 изд., II, 1120 сл. — [2]) Tac., «Agric.», 4. C. I. G. 2790.—[3]) Fronto, «ad Anton.», 9; ср. Appian., «prooem.», 15. Mommsen, «Staatsr.», III, 1, 559, 2.—[4]) Mommsen, «Staatsr.», 3 изд., I, 573.—[5]) «Hadrian.», гл. 10.—[6]) По Mommsen'у, «Staastr.», III, 1, 564 раздѣленіе на классы въ своей основѣ восходитъ къ Августу.—[7]) Hirschfeld, стр. 432—442.

префектомъ когорты и трибуномъ легіона (гдѣ именно—не сказано), затѣмъ префектомъ флотиліи [1]), которая должна была поддерживать тишину и порядокъ на Нилѣ и защищать таможенныя станціи, учрежденныя на всѣхъ его устьяхъ, затѣмъ прокураторомъ (намѣстникомъ) въ провинціи приморскихъ Альпъ (отъ Генуи до Вара) и одновременно завѣдующимъ наборомъ запасныхъ отрядовъ для легіоновъ, послѣ этого послѣдовательно прокураторомъ провинціи Бетики (въ южной Испаніи), Каппадокіи, Азіи и трехъ галльскихъ провинцій. Наконецъ, послѣ того, какъ онъ, очевидно, занималъ въ Римѣ должность управляющаго счетнымъ приказомъ и префекта анноны, онъ былъ еще префектомъ Египта [2]). Другъ Сенеки, Луцилій, былъ въ то время, когда Сенека писалъ ему свои письма, прокураторомъ въ Сициліи; до этого онъ былъ на императорской службѣ въ грайскихъ и пеннинскихъ Альпахъ, въ Далматіи и сѣверной Африкѣ [3]). Служебная карьера Плинія Старшаго на всемъ своемъ протяженіи намъ неизвѣстна; но мы знаемъ, что онъ родился въ Комѣ, въ 23 г., а въ 45 г. повелъ отрядъ римской конницы въ Германію, послѣ чего онъ, можетъ быть, былъ сдѣланъ прокураторомъ Испаніи [4]). Въ 52 г. онъ находился въ Римѣ; въ эпоху Веспасіана, другомъ котораго онъ былъ, онъ занималъ, по всей вѣроятности, различныя прокуратуры [5]) (одну изъ нихъ, можетъ быть, въ Африкѣ) [6]), а въ 79 г., будучи начальникомъ стоящаго у Мизена флота, онъ погибъ во время изверженія Везувія. Причиной тому, что онъ, другъ императоровъ, въ 56 лѣтъ не занималъ болѣе высокой должности, является, вѣроятно, его довольно продолжительная дѣятельность въ качествѣ адвоката, отчасти и его литературныя занятія [7]). О томъ, съ какой страстностью эти чиновники исполняли свои обязанности, свидѣтельствуетъ примѣръ Г. Турранія, который, получивъ въ 90 лѣтъ отъ Калигулы отставку отъ должности прокуратора, велѣлъ уложить себя на постель, какъ трупъ, и приказалъ своимъ слугамъ оплакивать себя, какъ мертваго. Онъ, дѣйствительно, не успокоился до тѣхъ поръ, пока ему не вернули его должности [8]). Полною противоположностью этому усердію является жажда покоя того Сульпиція Симиля, который при Адріанѣ просилъ уволить его отъ неохотно взятой имъ на себя должности префекта преторія и провелъ остальные семь лѣтъ своей жизни въ сельскомъ уединеніи; на надгробной надписи своей онъ велѣлъ прибавить послѣ обычнаго указанія того, сколькихъ лѣтъ онъ умеръ, слова: „а жилъ только семь лѣтъ“ [9]).

Какъ уже было указано [10]), и высшимъ центуріонамъ рано уже, вмѣстѣ

---

[1]) Lumbroso, «L'Egitto al tempo dei Greci e dei Romani», стр. 26; ср. «De bello Alexandrin.», гл. 13. W. Schwarz, «Die Potamophylaiia» («N. Jbb.», 1891, 713).—[2]) Renier, «Mélanges d'épigr.», стр. 88 слл. Henzen, 6928; ср. III, 552. Hübner, C. I. L. II, 1970. Hirschfeld, «Philol.», XXIX, 30, 11.—Др. примѣры: Orelli, 3331. 3651. 5530. C. I. L. II, 4135. «Pertinax», гл. 2 и особенно Wilmanns, «Ex. Inscr.», гл. VII.—[3]) Seneca, «Epp.», 31, 9. Hirschfeld, стр. 436, 3. «Verwaltungsb.», стр. 261, 1.—[4]) Hirschfeld, стр. 424, 2.—[5]) C. I. G. III, p. 1178 n. 4536 sq. (ср. Mommsen, «Add. ad. C. I. L.», III, «Eph. ep.», V, p. 578. «Hermes», XIX, 644—648); Fabia, «Pline l'ancien at-il assisté au siége de Jérusalem par Titus?», «Rev. de Philol.», 1892, стр. 149 слл., относитъ къ Плинію, хотя Hirschfeld отрицаетъ это въ виду пропуска прокуратуры въ Испаніи («Mitteilungen des römischen Instituts» II [1887], стр. 152).—[6]) Plin., «H. n.», XVII, 41.—[7]) Teuffel, «Röm. Litteraturgesch.», 4 изд., 312.—[8]) Seneca, «Brev. vit.», гл. 20.—[9]) Dio, LXIX, 19. Hirschfeld, «Verwaltungsb.», стр. 225.—[10]) Выше, стр. 143, 8.

со званіемъ всадника, открывался путь къ офицерской службѣ, а черезъ нее и къ чиновничьей карьерѣ. Примѣровъ непосредственнаго допущенія ихъ прямо къ послѣдней нѣтъ до Марка Аврелія, да и послѣ него это случалось довольно рѣдко [1]).

„Въ то время, какъ со II вѣка все болѣе и болѣе растетъ значеніе военной службы (такъ что въ III вѣкѣ гражданская служба является какъ-бы эпилогомъ къ долговременной военной службѣ, и административныя должности дѣлаются какъ бы мѣстами отдыха для отслужившихъ офицеровъ) [2]), одновременно съ этой военной карьерой всадниковъ начинаетъ наростать для нихъ чисто-гражданское поле дѣятельности, которое даетъ, равнымъ образомъ, возможность достигнуть прокуратуры и префектуры“ [3]). Широкія реформы Адріана повели къ увеличенію числа чиновниковъ по различнымъ отраслямъ управленія. Вслѣдствіе этого и существовавшаго до сихъ поръ принципіальнаго исключенія вольноотпущенниковъ отъ занятія самостоятельныхъ должностей, пришлось уменьшить требованія, предъявляемыя къ стремящимся къ всаднической карьерѣ. Это было необходимо для того, чтобы имѣть требуемое количество чиновниковъ, такъ какъ всей суммы служившихъ уже офицеровъ все же не было еще достаточно. Адріанъ создалъ новое поприще административной службы, совершенно не зависящей отъ военной, и благодаря этому—цѣлое сословіе чиновниковъ, надѣленныхъ опытомъ и знаніемъ дѣла. Начальныя должности были очень разнородны: низшія должности по управленію продовольственными дѣлами, дорогами, налогами на наслѣдство, императорскими фехтовальными школами, наборомъ рекрутовъ, публичными библіотеками въ Римѣ, въ вѣдомствѣ по дѣламъ образованія [4]). При повышеніи на службѣ юридическое образованіе пріобрѣло еще больше значенія, чѣмъ оно имѣло уже прежде, въ виду того, что прокуратура и префектура были связаны съ обширной судебной дѣятельностью [5]). Адріанъ образовалъ совѣтъ, цѣлью котораго была забота о законовѣдѣніи въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова (consilium principis) [6]); совѣтъ этотъ состоялъ, главнымъ образомъ, изъ юристовъ-спеціалистовъ, принадлежавшихъ большей частью къ сословію всадниковъ. Съ этого времени измѣнилось значеніе префектуры преторія, „цеховая юриспруденція выступаетъ на первый планъ, и какъ практическое приложеніе законовѣдѣнія къ дѣлу всегда представляло собою въ Римѣ противовѣсъ и дополненіе къ военной службѣ, такъ и теперь изученіе и примѣненіе юридическихъ наукъ на государственной службѣ стало равносильнымъ службѣ офицерской [7]). Еще до III вѣка, когда законовѣдѣніе стало главнымъ требованіемъ для достиженія префектуры преторія, и когда должность эту занимали великіе юристы Павелъ, Ульпіанъ и Папиніанъ, префектуру полиціи—Геренній Модестинъ [8]), мы видимъ уже знаменитыхъ юристовъ на высшихъ всадническихъ должностяхъ. Волусій Меціанъ, совѣтникъ Антонина Пія, другъ императоровъ Марка Аврелія и Л. Вера, былъ,

---

[1]) Mommsen, «Staatsr.», III, 1, 560, 4.—[2]) Hirschfeld, стр. 423.—[3]) Тамъ же, 426 слл.—[4]) Mommsen, «Staatsr.», III, 561. (Ср. также не приведенную у него надпись C. I. L. XIV, 2916).—[5]) Orelli, 3436; Henzen, 7234=C. I. L. VIII, 8489. C. I. L. XIV, 2916 (Примѣч. 6). C. I. L. VI, 1, 1602. Pompon., «De orig. iur.» (D. I, 2, 2, § 47.—[6]) См. выше стр. 71. Hirschfeld, стр. 339.—[7]) Тамъ же, стр. 428.—[8]) Bremer, «Rechtslehrer», 61, 261.

по всей вѣроятности, префектомъ Египта или iuridicus въ Александріи [1]; Таррутеній Патернъ былъ префектомъ преторія при Коммодѣ [2]. Юристы, принадлежавшіе къ сословію всадниковъ, начинали свою служебную карьеру оплачиваемою должностью асессоровъ при намѣстникахъ въ провинціяхъ [3], протоколистами префекта преторія, низшими служащими въ совѣтѣ императора, мелкими административными чиновниками [4] или блюстителями государственныхъ интересовъ (advocatus fisci),—должность, созданная Адріаномъ [5]; чиновники эти состояли при прокураторахъ для соблюденія въ спорныхъ дѣлахъ интересовъ государственной казны. Септимій Северъ, происходившій изъ всаднической семьи въ Лептидѣ (въ Африкѣ), началъ свою государственную службу съ этой должности, дарованной ему Маркомъ Авреліемъ [6], но былъ скоро возведенъ въ званіе сенатора. Преемникъ его по должности, Папиніанъ, сталъ во время его правленія директоромъ канцеляріи прошеній и жалобъ и, наконецъ, префектомъ преторія, въ качествѣ каковаго онъ выбралъ своими сотрудниками Павла и Ульпіана [7]. Опеллій Макринъ, который также, ставъ всадникомъ, получилъ должность блюстителя государственныхъ интересовъ, по всей вѣроятности, занималъ бо́льшую часть всаднических должностей въ обычномъ порядкѣ до префектуры преторія. Непосредственно передъ этимъ онъ занималъ должность прокуратора императорскихъ имуществъ (съ жалованьемъ въ 300000 сестерціевъ) [8]. По всей вѣроятности, уже во II вѣкѣ членами императорскаго совѣта становились лишь тѣ юристы-всадники, которые отличились въ качествѣ блюстителей государственныхъ интересовъ, и отсюда уже назначались на высшія должности, занимаемыя всадниками. Одинъ юристъ въ III вѣкѣ, согласно отрывочно сохранившейся надписи, служилъ сначала императорскимъ совѣтникомъ, съ жалованьемъ въ 60000 сестерціевъ, затѣмъ (получивъ въ это же время жреческое достоинство) съ жалованьемъ въ 100000 сестерціевъ; послѣ этого онъ сталъ директоромъ продовольственнаго управленія въ округѣ Фламиніевой дороги (отъ Рима до Римини), почтовымъ директоромъ, наконецъ, по всей вѣроятности, императорскимъ совѣтникомъ съ жалованьемъ въ 200000 сестерціевъ [9]. Юридическое образованіе, начиная со II вѣка, довольно часто прокладывало также путь въ сенатъ лицамъ, принадлежащимъ къ сословію всадниковъ, такъ напримѣръ, Л. Фульвію Абурнію Валенту [10].

Было уже сказано, что по постановленіямъ [11] императоровъ Марка Аврелія и Л. Вера чиновники изъ сословія всадниковъ распадались на три класса: первый состоялъ только изъ префектовъ преторія, носящихъ титулъ

---

1) Zimmern, «Gesch. d. r. Privatrechts», I, 353.—2) Тамъ же, I, 356. Karlowa, «R. Rechtsgesch.», 732.—3) Mommsen, «Hermes», IV, 122 сл.—4) Hirschfeld, указ. соч.—5) «Hadrian.», гл. 20. Ср. Haubold, «Opusc.», I, 276. Mommsen, «De C. Caelii Saturnini titulo» («Mem. dell'Inst.», II, 331 сл.). Ср. C. I. L. V, 1, 4332. Philostrat, «Vitt. soph.», II, 29, и 32. Hirschfeld, 49 сл. Schurz, «De mutationibus in imp. roman. ordin. ab imp. Hadriano factis» (Bonn, 1883), стр. 25—27.—6) Aurel. Vict. «Caes.», 20, 30, не Антониномъ Піемъ, какъ говорится «H. A. Geta», гл. 2, умершимъ, когда ему было 15 лѣтъ. Ср. «Vit. Severi», гл. 1.—7) Bremer, «Rechtslehrer», 62. Hirschfeld, «Verwaltungsb.», стр. 231, 234 сл.—8) «Opell. Macrin.», гл. 2, 4, 7. Hirschfeld, «Verwaltungsb.», стр. 231 сл.—9) Orelli, 2648=C. I. L. X, 6662. Ср. Garrucci, «Rev. arch.» nouv. sér. V, 393, и Mommsen, указ. соч., стр. 330. Hirschfeld, «Verwaltungsb.», стр. 215, 4.—10) Orelli, 3153=C. I. L. VI, 1421.—11) Mommsen, «Staatsr.», III, 1, 565. Juven. 10, 95.

(созданный, должно быть, Адріаномъ)—vir eminentissimus; ко второму классу принадлежали всѣ остальные префекты вмѣстѣ съ главами финансоваго управленія и секретаріата; всѣ они носили титулъ—vir perfectissimus (введенный, должно быть, Маркомъ Авреліемъ); третій классъ, наконецъ, состоялъ изъ всѣхъ остальныхъ чиновниковъ-всадниковъ (главнымъ образомъ, прокураторовъ), они всѣ носили титулъ—vir egregius [1]). За ними слѣдовали всадники, не состоящіе на государственной службѣ, среди которыхъ болѣе важные пользовались, по всей вѣроятности, почетнымъ титуломъ—splendidi и illustres. Два первыхъ класса чиновниковъ, съ ихъ потомствомъ до третьяго поколѣнія, пользовались, въ случаѣ обвиненія въ уголовномъ преступленіи, разными преимуществами относительно состава суда, самого процесса и степени наказанія. Что касается этихъ титуловъ, то они не переходили, подобно титулу clarissimus, на женъ и дѣтей или только въ исключительныхъ случаяхъ [2]).

Среди низшихъ должностей всадники очень часто занимали вліятельную и хорошо оплачиваемую должность скрибы (бухгалтера и счетовода) при курульныхъ эдилахъ и квесторахъ [3]). Горацій, бывшій трибунъ легіона, купилъ эту послѣднюю должность, равнымъ образомъ и нѣкій Сарментъ, разыгрывавшій въ эпоху Августа роль всадника [4]). Чиновники этого класса, не принадлежавшіе къ сословію всадниковъ, возводились иногда въ это достоинство [5]).

Изъ тѣхъ жреческихъ достоинствъ, которыя со времени нововведеній Августа были доступны только двумъ первымъ сословіямъ, достоинство куріоновъ и луперковъ принадлежало имъ обоимъ въ равной мѣрѣ. Исключительно всадникамъ принадлежали малые фламинаты, понтификатъ и тубицинатъ, а кромѣ того, всѣ прежнія латинскія государственныя жречества. Среди нихъ ценинское считалось, повидимому, самымъ важнымъ; самымъ незначительнымъ было лаврентское, доступное мелкоразряднымъ всадникамъ, а со времени Коммода лицамъ, не принадлежавшимъ къ этому сословію, и даже вольноотпущенникамъ. Помимо того значенія, которое имѣло жреческое достоинство, будучи дарованнымъ свыше въ знакъ отличія, оно предоставляло еще различныя иммунитеты [6]).

Даже тѣ всадники, которые могли имѣть притязаніе на сенаторское достоинство, иногда предпочитали оставаться во второмъ сословіи. Они предпочитали свободу и полный досугъ, блестящіе доходы, доставляемые дѣловыми предпріятіями, особенно же дѣйствительную власть на службѣ императора или же положеніе при дворѣ, пустому блеску и гнетущимъ обязанностямъ сенаторскихъ должностей. Такъ, напримѣръ, уже Кв. Секстій Нигеръ Старшій отказался отъ предложенной ему Юліемъ Цезаремъ широкой пурпуровой каймы, чтобы посвятить все свое время философіи [7]). Въ сенаторскихъ кругахъ, гдѣ очень дорожили сохраненіемъ преимуществъ передъ сословіемъ всадниковъ, съ неудовольствіемъ смотрѣли на это пренебреженіе

---

[1]) Hirschfeld, стр. 451.—[2]) Hirschfeld, стр. 451—457.—[3]) Mommsen, «Staatsr.», 2 изд. I, 337, 3 и 4.—[4]) Schol. Juvenal. 5, 3.—[5]) Mommsen, «De apparitoribus» («Rh. M.», 1846, стр. 42 слл., № 2). Ср. Henzen, 6023 a, 6565. «Ann. dell'Inst.», 1865, стр. 13, 1.—«Bull. di corr. arch.», 1865, стр. 151 слл.—[6]) Mommsen, «Staatsrecht», III, 1, 566—569.—[7]) Seneca, «Epp.», 98, 13. Plutarch, «Prof. in. virt.», 5, p. 77. E. Teuffel, «Röm. Litteraturg.», 4 изд., 266, 5. C. I. L. XII, 1783.

первымъ сословіемъ и стремленіе поступить на службу императора. Такъ, напримѣръ, Тацитъ говоритъ очень характернымъ для его сенаторской гордости образомъ о Л. Аннеѣ Мелѣ, братѣ философа Сенеки и отцѣ поэта Лукана: „извращенное честолюбіе удерживало его отъ соисканія курульнаго достоинства, чтобы, оставаясь всадникомъ, сравняться во вліятельности съ консуларами; онъ думалъ, что изберетъ кратчайшій путь къ денежной наживѣ, если въ качествѣ императорскаго чиновника станетъ вести дѣла правителя“ [1]). Корнелій Фускъ уже въ пору первой молодости отказался отъ сенаторскаго достоинства, „руководимый жаждой наживы“ [2]). Плиній Младшій говоритъ, напротивъ, не только безъ порицанія, но и съ большимъ одобреніемъ о нѣкоторыхъ выдающихся лицахъ изъ сословія всадниковъ, которые изъ любви къ покою или по отсутствію честолюбія не пожелали подняться выше. Минуцій Макринъ, возведенный Веспасіаномъ въ сенаторское достоинство съ рангомъ претора, предпочелъ бы оставаться однимъ изъ первыхъ среди сословія всадниковъ, такъ какъ отдавалъ свободной жизни этого сословія преимущество передъ принудительными обязанностями сенаторскаго достоинства. Такъ же думали Матурій Арріанъ и Терентій Юніоръ [3]). О пожалованіи всадникамъ почетныхъ сенаторскихъ правъ (впервые въ 19 г.) уже говорилось [4]).

Помимо всѣхъ упомянутыхъ степеней, внутри сословія всадниковъ существовали еще большія различія въ общественномъ положеніи, зависящія отъ состоянія и происхожденія. Всадникъ, имѣвшій возможность сослаться на цѣлый рядъ предковъ или только на отца, принадлежавшихъ къ сословію всадниковъ, съ презрѣніемъ смотрѣлъ на всѣхъ тѣхъ, которые возвысились изъ низшаго состоянія по чьей-либо милости или благодаря своимъ военнымъ заслугамъ [5]). „Римскимъ всадникомъ и сыномъ римскаго всадника“ называетъ себя нѣкій Л. Эмилій Пертинакъ Акцеянъ на одной надписи въ Мисенѣ [6]). Овидій гордился тѣмъ, что принадлежалъ къ своему сословію въ качествѣ потомка длиннаго ряда предковъ, а не попалъ въ него въ вихрѣ войны или по милости судьбы [7]). И Персій увѣщеваетъ не гордиться тѣмъ, что можешь пройти мимо цензора въ трабеѣ (парадномъ платьѣ всадниковъ), будучи самъ тысячною вѣтвью этрусскаго родословнаго древа [8]).

Насколько тягостно и даже унизительно могло быть положеніе всадниковъ, у которыхъ не хватало средствъ для жизни, соотвѣтственно своему званію, и которые были слишкомъ лѣнивы или неспособны, чтобы заняться какимъ-нибудь приличнымъ дѣломъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ стихотворенія Мартіала, который, ставъ трибуномъ, вступилъ въ сословіе всадниковъ [9]). Онъ всецѣло зависѣлъ отъ помощи богатыхъ или знатныхъ покровителей и не останавливался передъ тѣмъ, чтобы постоянно просить подачекъ у нихъ и у императора [10]). Его желанія были скромны, онъ просилъ, напримѣръ, подарить ему хорошій плащъ [11]) и воспѣлъ роскошную тогу, которую

---

[1]) Tac., «Annal.», XVI, 17.— [2]) Tac., «Hist.», II, 86.— [3]) Plin., «Epp.», I, 14. III, 2. VII, 25.— [4]) См. выше, стр. 133.— [5]) Marquardt, «Hist. eqq.», стр. 60, 31. 65, 76. 87, 8.— Ср. Henzen, 6790 adn. 3. 6747. C. I. L. VI, 1606, 1632.— [6]) Mommsen, «Inscr. regni Neap.», 2567, ср. 1488. «Eph. epigr.», IV, 97.— [7]) Ovid., «Trist.», IV, 10, 7. «Amor.», III, 15, 6.— [8]) Persius, 3, 9.— [9]) Martial, III, 95. V, 13. IX, 49. XII, 26.— [10]) Къ Домитіану V, 19. VI, 10. VII, 60. VIII, 24.—Къ Регулу VII, 60.—Къ Стеллѣ VII, 36 и т. д.— [11]) Тамъ же, VI, 82.

подарилъ ему императорскій казначей Парѳеній, въ двухъ стихотвореніяхъ, когда она была еще новой и когда износилась [1]). Въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ зарабатывалъ себѣ хлѣбъ, исполняя самыя низкія должности кліента. Его муза была готова служить каждому, кто могъ наградить ее [2]); одинъ изъ его друзей, которыхъ онъ особенно часто воспѣваетъ, былъ центуріонъ Пудентъ, который, повидимому, не достигъ даже цѣли своихъ стремленій—званія всадника [3]); и для другихъ центуріоновъ Марціалъ сочинялъ надгробныя надписи [4]). 400000 сестерціевъ едва хватало даже на скромный образъ жизни. Ювеналъ говоритъ, что только тотъ, кто требуетъ немного бо́льшаго, чѣмъ утоленія голода и жажды и защиты отъ холода, можетъ удовольствоваться ими. Но для кого сумма вдвое и втрое большая не достаточна, того уже не удовлетворятъ и сокровища Креза или Нарцисса [5]). Однако, среди римскихъ всадниковъ были и такіе, которымъ приходилось питаться хлѣбомъ изъ отрубей и испорченнымъ виномъ [6]). На основаніи того факта, что во время императоровъ изъ дома Юліевъ число всадниковъ, позорившихъ себя публичнымъ появленіемъ на сценѣ и аренѣ, было очень велико, приходится заключить, что крайнее обѣдненіе среди этого сословія было обычнымъ явленіемъ. Среди массы всадниковъ, выступавшихъ въ представленіяхъ Нерона, было только нѣсколько лицъ, пользующихся доброй славой и находящихся въ хорошихъ условіяхъ жизни [7]).

Но съ другой стороны, въ средѣ всадниковъ царили также достатокъ и богатство, какъ въ провинціяхъ и муниципіяхъ (поэтъ Персій, напримѣръ, родомъ изъ всаднической семьи въ Волатеррѣ, оставилъ послѣ себя 2 милліона сестерціевъ [8]), гадитанецъ Колумелла, принадлежавшій, по всей вѣроятности, также къ сословію всадниковъ, владѣлъ помѣстьями въ Цере, Ардеѣ, Карсеоли и Альбѣ) [9]), такъ, особенно, въ самомъ Римѣ. Ведій Полліонъ, другъ Августа и владѣлецъ роскошнаго Pausilypum („беззаботность", теперь Посилиппо) около Неаполя, кормившій своихъ муренъ рабами, былъ всадникомъ, ведшимъ свой родъ отъ вольноотпущенниковъ. Августъ велѣлъ послѣ его смерти сравнять съ землей его громадный дворецъ въ Римѣ, „который занималъ больше пространства, чѣмъ многіе города окружаютъ своими стѣнами", и на мѣстѣ его была воздвигнута колоннада Ливіи [10]). Вообще надо думать, что всадники, бывшіе друзьями императоровъ, вели большей частью блестящій образъ жизни. Къ этому же сословію принадлежали и банкиры (Августъ сдѣлалъ нѣсколькимъ всадникамъ цензорскій выговоръ за то, что они брали въ долгъ деньги по небольшимъ процентамъ, а отдавали ихъ въ ростъ по болѣе высокимъ) [11]), затѣмъ крупные торговцы [12]) (чаще всего занимавшіеся морской торговлей и перевозкой товаровъ на своихъ корабляхъ) [13]), фабриканты [14]), откупщики таможеннаго сбора [15]), поставщики, ди-

---

[1]) Тамъ же, VIII, 28. IX, 49.—[2]) Plin., «Epp.», III, 21.—[3]) Martial, I, 31 (ср. V, 48) IV, 13, 29. VI, 58. VII, 97, 3. VIII, 63.—[4]) Тамъ же, I, 93. X, 26.—[5]) Juv. 14, 316—331.—[6]) Gell. XI, 7. 3.—[7]) Sueton., «Nero», гл. 12. Ср. ч. II, гл. III.—[8]) «Vita Persii».—[9]) Teuffel, «Röm. Litteraturg.», 4 изд., 288, 1.—[10]) Dio, LIV, 23. Ovid., «Fast.», VI, 639; ср. «Realencycl.» v. Pauli, Walz и Teuffel, VI, 2, 2419.—[11]) Sueton., «Aug.», гл. 39.—[12]) Orelli, 4077; ср. Marquardt, «Privatl.», 2 изд., II, 469, 1.—[13]) Seneca, «Epp.», 119, 5.—[14]) Marquardt, указ. соч. 258, 2375.—[15]) Tac., «Annal.», IV, 6. XIII, 50. Sueton., «Vespas.», гл. 1. Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., II, 313, 1. Rein. «Realenc.», VI, 248.

ректора и члены торговыхъ компаній и обществъ, ведущихъ купеческія и другія доходныя предпріятія (какъ, напримѣръ, поставка четверокъ для цирка) [1]). Сенека говоритъ объ одномъ знатномъ (splendidum) всадникѣ, Корнеліи Сенеціонѣ, который съ большой ловкостью велъ различныя предпріятія и, благодаря своей бережливости, добился виднаго положенія. Онъ былъ на пути къ еще большему богатству, когда его неожиданно сразила смерть, деньги его работали на сушѣ и на морѣ, всѣ виды наживы были использованы имъ, онъ участвовалъ и въ откупѣ таможенныхъ сборовъ [2]). Но и принадлежавшіе къ этому сословію богачи чаще всего употребляли свой капиталъ на пріобрѣтеніе помѣстій [3]). Квинтиліанъ говоритъ, что присяжные засѣдатели были, большей частью, землевладѣльцами; „судебный ораторъ не долженъ поэтому стремиться къ сжатости слога, отъ котораго можетъ пострадать ясность, иначе они не будутъ въ состояніи слѣдовать за ходомъ его мысли“ [4]).

Во всѣ времена и довольно часто случалось, что нѣкоторыя лица носили титулъ всадника, не имѣя на то никакого права. Этруску Сарменту, вольноотпущеннику или рабу (по Горацію—одной женщины, по свидѣтельству другихъ—убитаго при Филиппахъ М. Фавонія), удалось, благодаря своему остроумію, добиться всеобщаго благоволенія при дворѣ Августа, такъ что онъ могъ рѣшиться выступить въ качествѣ всадника. Но, когда онъ во время одного представленія показался на мѣстахъ для всадниковъ, то народъ сталъ издѣваться надъ нимъ въ насмѣшливыхъ стихахъ. Однако, процессъ, вызванный противозаконнымъ присвоеніемъ имъ званія всадника, окончился, благодаря вліятельнымъ покровителямъ, оправданіемъ [5]). Въ 23 г. по Р. Хр., Г. Сульпицій Гальба внесъ (въ качествѣ эдила) жалобу въ сенатъ по поводу того, что даже содержатели питейныхъ домовъ стали носить золотое кольцо; сенаторскимъ указомъ это было впредь запрещено, а въ слѣдующемъ году запрещеніе это было еще разъ подтверждено закономъ Вителлія [6]). Вслѣдствіе нарушенія этого закона во время цензорства Клавдія (47 г.), болѣе 400 лицъ было привлечено къ отвѣтственности всадникомъ Т. Флавіемъ Прокуломъ. Вольноотпущенниковъ, которые (какимъ-либо образомъ) присвоили себѣ званіе всадника, Клавдій наказывалъ конфискаціей имущества [7]). При Неронѣ вольноотпущенники, повидимому, рѣдко осмѣливались носить золотое кольцо: Тримальхіонъ Петронія носитъ на одномъ пальцѣ большое, слегка позолоченное кольцо, на другомъ—золотое, но сплошь покрытое желѣзными звѣздочками [8]). Марціалъ нигдѣ не упоминаетъ о запретѣ носить золотое кольцо безъ права на то [9]), зато часто говоритъ о театральномъ эдиктѣ, изданномъ Домиціаномъ (въ 89 г. или незадолго до этого), по которому строго запрещалось пользоваться мѣстами для всадниковъ лицамъ, не принадлежащимъ

---

[1]) Plin., «N. h.», X, 71.—[2]) Seneca, «Epp.», 101, 1—4.—[3]) Mommsen, «Staatsr.», III, 1, 511.—[4]) Quintilian, IV, 2, 45. Ювеналъ, 7, 116. Seneca, «Epp.», 40, 8. Quintilian, II, 17, 27; ср. IX, 1, 45.—[5]) Horat, «Sat.», I, 5, 51—69. Schol. Juv. 5, 3.—[6]) Plin., «N. h.», XXXIII, 32. Mommsen, ук. соч. 424, 2 и 3.—[7]) Plin., указ. мѣсто. Sueton., «Claud.», гл. 15.—[8]) Petron., гл. 32.—Пять золотыхъ колецъ, которыя должна была носить его статуя (гл. 71), по праву принадлежали ему, какъ устроителю игръ (такъ же какъ трибуналъ и претекста)—Mommsen, ук. соч. III, 1, 514, 4.—[9]) Зоилъ Марціала безнаказанно носилъ, повидимому, и золотое кольцо: XI, 37; ср. III, 29.

къ этому сословію [1]); до сихъ поръ это допускалось. Несмотря на это запрещеніе, на мѣста для всадниковъ все-таки пробирались лица, старавшіяся казаться неподозрительными своею богатой одеждой и громкими восхваленіями императорскаго указа. Но ихъ высокопарныя восклицанія: „наконецъ-то можно удобно сидѣть; чернь больше не стѣсняетъ и не грязнитъ насъ, наконецъ-то всадникамъ вернули ихъ достоинство", не помогали имъ: государственные чиновники ихъ все-таки распознавали и высылали [2]). Встрѣчающееся у Марціала и Ювенала особое названіе для этихъ ненастоящихъ „всадниковъ" (vernae equites) [3]) заставляетъ также думать, что лица эти были постояннымъ явленіемъ въ тогдашнемъ Римѣ. У Марціала мы находимъ эпиграмму на одного цырюльника, котораго госпожа его снабдила нужными средствами, и который разыгрывалъ роль всадника до тѣхъ поръ, пока его не обвинили въ противозаконномъ присвоеніи непринадлежащаго ему званія, и ему пришлось спасаться отъ приговора бѣгствомъ въ Сицилію [4]).

---

4. Третье сословіе.

а) Бѣдность и богатство.

Среди огромной массы римскаго населенія, которую можно назвать третьимъ сословіемъ, преобладающее большинство, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежало пролетаріату, вся жизнь котораго концентрировалась вокругъ „хлѣба и зрѣлищъ". Число пролетаріата постоянно возростало, вслѣдствіе прилива изъ провинцій, который былъ вызванъ льготами этого положенія. Но публично раздаваемаго хлѣба едва хватало для большинства мужского свободнаго населенія, бѣдность и нужда царили поэтому въ этомъ большомъ городѣ, въ которомъ все отличилось чрезвычайной дороговизной. „Для бѣдныхъ,—говоритъ Марціалъ,—презрѣніе жизни въ духѣ стоиковъ не являлась особенной заслугой. Ихъ темныя комнатки, къ которымъ вели „200 ступенекъ", были такъ низки, что нельзя было войти въ нихъ, не согнувшись [5]). Ихъ очагъ былъ часто холоденъ, вся обстановка ихъ состояла изъ кувшина съ отломанной ручкой, матраса, клопа, кучки соломы и пустой кровати; ихъ единственной защитой отъ холода была короткая тога, служившая имъ и днемъ и ночью; ихъ пищей было кислое, какъ уксусъ, вино и черный хлѣбъ" [6]). Кромѣ хлѣба, пищей низшихъ классовъ были овощи, главнымъ образомъ, бобы и рѣпа (составлявшіе „обѣдъ ремесленниковъ") [7]), чечевица, лукъ, чеснокъ [8]), горохъ (купивъ его на одинъ асъ, можно было вполнѣ насытиться) [9]) и дешевая рыба [10]); сваренная съ лукомъ баранья или копченая свиная голова [11]) считалась роскошнымъ обѣдомъ [12]). Перваго іюля (послѣдній срокъ для перемѣны квартиры) часто можно было видѣть, какъ бѣдныя

---

[1]) Martial, V, 14, 2; ср. V, 8, 23, 25, 27, 35, 38, 41.—[2]) V, 8.—[3]) Martial, I, 84. Juvenal, 9, 9 сл.—[4]) Martial, VII, 64.—[5]) Martial, II, 53; ср. выше стр. 6, 1.—[6]) Martial, XI, 56.—И здѣсь вспоминается Катуллъ, 5, 4. Ср. Martial, XI, 32.—[7]) Martial, X, 48, 16. XIII, 13, 1.—[8]) Marquardt, «Privatl.», 2 изд., II, 424.—[9]) Martial, II, 104, 10; Petron., гл. 14.—[10]) Juv., 14, 127 сл.—[11]) Pers., IV, 69.—[12]) Juv., 3, 292 сл.

семьи, которыхъ домохозяинъ выгналъ, отобравъ у нихъ лучшія вещи, за то, что они два года не платили за квартиру, съ остаткомъ своего имущества переходили черезъ улицу, какъ это описывается у того же поэта, который называетъ это зрѣлище „позоромъ 1-го іюля“. Блѣдный, изнуренный голодомъ и холодомъ мужчина, „Иръ своего времени“, и три женщины, похожія на мегеръ, тащили кровать о трехъ и столъ о двухъ ножкахъ и другую старую рухлядь, какъ лампу, роговой фонарь, разбитую посуду, сковороду, покрытую мѣдянкой, горшокъ, пахнущій гнилой рыбой, старый вѣнокъ изъ чернаго блоховника (который, вслѣдствіе цѣлебной силы, вѣшали, обыкновенно, въ спальнѣ), кусокъ тулузскаго сыра, веревки, съ помощью которыхъ подвѣшивались нѣкогда луковицы, сосудъ, наполовину наполненный дешевымъ средствомъ для вытравливанія волосъ. Поэтъ спрашиваетъ, зачѣмъ эти люди ищутъ себѣ квартиру, когда они даромъ могутъ прожить „на мосту“? [1]). Мосты [2]), ступени, пороги зданій [3]) и склоны холмовъ служили (какъ и теперь въ Римѣ) постояннымъ мѣстопребываніемъ нищихъ [4]). Находясь тамъ и на другихъ оживленныхъ мѣстахъ, главнымъ образомъ, на форумахъ [5]), они старались вызвать въ прохожихъ состраданіе [6]) своимъ несчастнымъ видомъ, своими лохмотьями и наготой, своими недугами и убожествомъ [7]) (напримѣръ, слѣпые, ведомые собакой) [8]); хриплымъ голосомъ и нараспѣвъ повторяли они одинъ за другимъ [9]) свою несмолкаемую просьбу о подачѣ милостыни. Въ ненастныя декабрскія ночи ихъ убѣжищемъ служилъ, можетъ быть, открытый подвалъ, ихъ единственнымъ спутникомъ была собака, ихъ пищей „собачій хлѣбъ“ [10]) (хлѣбъ изъ отрубей) [11]), все имущество ихъ состояло изъ посоха, одѣяла или циновки [12]) и сумы, а избавленіемъ ихъ была смерть въ пустынномъ углу [13]).

Но, несмотря на все это, и среди низшихъ классовъ встрѣчались порою достатокъ и богатство, вызванные отчасти неожиданной перемѣной судьбы, которая чаще всего была благосклонна къ рабамъ. Плиній разсказываетъ о Клесиппѣ, горбатомъ и вообще некрасивомъ рабѣ, изучавшемъ валяльное ремесло, который во время одного аукціона былъ купленъ нѣкоей Геганіей въ придачу къ коринѳскому канделябру. Онъ сталъ любовникомъ своей госпожи и ея наслѣдникомъ. Ставъ богатымъ человѣкомъ, онъ чтилъ вмѣсто боговъ канделябръ, благодаря которому онъ возвысился и разбогатѣлъ [14]). Подобные случаи бывали, по всей вѣроятности, довольно часты въ императорскую эпоху. Богатство Филосторга, бывшаго любимца (Лицинія) Суры (могущественнаго друга Траяна), приводило въ негодованіе одного друга философа Эпиктета, который, однако, отвѣтилъ ему, что онъ не имѣетъ ни-

---

1) Martial, XII, 32, 5. Ср. XIV, 61 и 62. Plin., «N. h.», XV, 152.—2) Martial, XII, 32, 25.—3) Juv., 5, 8.—4) Ovid., «Ibis», 116. Seneca, «De vita beata», гл. 25, 1.—5) Jahn, «Über Darstellungen des Handwerks und Handelsverkehrs auf antiken Wandgemälden», «Abhandl. d. Sächs. Ges.», IV, 287.—6) Seneca, «De clementia», II, 7.—7) Ср. Prudent. «Peristeph.», II, 141—160.—8) Jahn, ук. соч.—9) «Schol. Hor. Epp.», I, 17, 48.—10) Martial, X, 5, 5; ср. IV, 53, 6. Seneca, «Controv.», I, 7, 18 (Kiessling, «N. Jahrb. f. Ph.», 1871, 716. Quintilian, VIII, 3, 22) Juv., 5, 11.—11) Phaedr. IV, 17, 3 сл. M. Voigt, «Die verschiedenen Sorten von triticum, Weizenmehl und Brot bei den Römern» («Rh. Mus.», 1876, 105 слл.—12) Juv., 5, 8, 9, 40. Martial, IV, 53.—13) Martial, X, 5. XIV, 81.—14) Plin., «N. h.», XXXIV, 11. C. I. L. I, 805=C. I. L. X, 6488=Willmanns, 1317.—Ср. Mommsen, «Staatsr.» III, 1, 566, 3.

какого права жаловаться на судьбу, такъ какъ самъ не пожелалъ бы купить себѣ самое блестящее положеніе тою цѣной, какою купилъ себѣ его Филосторгъ [1]). Ювеналу пришлось дожить до того, что цырюльникъ, подъ бритвой котораго шумѣла когда-то его борода, купилъ себѣ много виллъ, и состояніемъ своимъ могъ бы потягаться со всею аристократіей [2]). Марціалу пришлось видѣть, какъ одинъ вольноотпущенникъ-сапожникъ, привыкшій разрывать старыя шкуры зубами, сталъ вести роскошный образъ жизни въ Пренестинскомъ помѣстьѣ своего бывшаго господина [3]). Люди, которые нѣкогда въ качествѣ трубачей, во время борьбы гладіаторовъ, перебирались изъ города въ городъ, съ теченіемъ времени становились настолько богатыми, что сами устраивали гладіаторскія игры; одинъ бывшій сапожникъ при Домиціанѣ устроилъ подобныя состязанія въ Болоньѣ, а бывшій валяльщикъ—въ Моденѣ [4]), гдѣ это ремесло, находящееся въ связи съ производствомъ шерсти [5]), по всей вѣроятности, въ это время процвѣтало. Хотя подобные случаи счастья и были довольно рѣдки, но совершенно обыденнымъ дѣломъ было, что мелочные торговцы, торговавшіе грязнымъ товаромъ, и устроители аукціоновъ зарабатывали больше, чѣмъ адвокаты [6]). Ежегодный доходъ въ 24000 сестерціевъ давалъ одному лицу полную возможность вести въ Римѣ скромный образъ жизни [7]). Неволъ у Ювенала желаетъ себѣ только 20000 сестерціевъ, а кромѣ того, еще немного серебряной посуды, которая можетъ быть не особенно искусной работы, но не должна быть слишкомъ мелкой и простой, двухъ сильныхъ рабовъ изъ Мэзіи, которые смогутъ очистить ему мѣсто въ циркѣ, и двухъ опытныхъ ремесленниковъ, которые своей работой будутъ приносить ему доходъ. Этого ему будетъ достаточно, если онъ ужъ долженъ оставаться бѣднякомъ [8]).

b) Виды заработка. Мелочная торговля и ремесла.

Римъ давалъ возможность заработка и послѣднему бѣдняку, если онъ только не чуждался работы. Правда, вывоза изъ Рима почти не существовало, такъ какъ товары производились здѣсь въ очень небольшомъ количествѣ. Изъ римскихъ фабрикъ надо указать, главнымъ образомъ, на стеклянныя и бумажныя [9]); но часть вещей, требуемыхъ для снаряженія войска, выдѣлывалась, по всей вѣроятности, въ Римѣ, такъ какъ здѣсь существовалъ цехъ изготовителей метательныхъ машинъ [10]). Зато ввозъ достигалъ колоссальныхъ размѣровъ, и денежный рынокъ Рима былъ, можетъ быть, самымъ большимъ въ древнемъ мірѣ. Транспортъ товаровъ, главнымъ образомъ, по Тибру, котораго Плиній называетъ „самымъ ласковымъ хозяиномъ всѣхъ продуктовъ міра“ [11]), выгрузка въ порту, складываніе въ амбары, завѣдываніе магазинами и надсмотръ за ними, всевозможное посредничество между оптовыми и мелочными торговцами—все это давало заработокъ тысячамъ людей, въ качествѣ корабельщиковъ, водолазовъ, мѣрщиковъ, писцовъ, завѣдующихъ

---

[1]) Epictet, «Diss.», III, 17, 4.—[2]) Juv., 1, 24, 15, 224.—[3]) Martial, IX, 73.—[4]) Juv., 3, 36—40. Martial, III, 16, 59, 99.—[5]) Blümner, «Gewerbl. Tätigkeit der Völker des kl. Altert.», 100, 6.—[6]) Quintilian, I, 12, 17. Galen, Προτρ. λόγ., гл. 14. ed. K. I p. 38. u Sen. «Brev. vit.» 17, 5.—[7]) Martial, III, 10. Это—шестипроцентные доходы съ ценза всадниковъ. Ср. выше стр. 151, 5.—[8]) Juv., 9, 140—147.—[9]) Marquardt, «Privatl.», 2 изд., II, 749, 2, 810.—[10]) Orelli, 4066, 4068.—[11]) Plin., «N. h.», III, 54; ср. стр. 14, 3.

складами, товарныхъ маклеровъ, комиссіонеровъ, посыльщиковъ [1]) и т. д. Денежный рынокъ давалъ заработокъ, кромѣ банкировъ, еще и большому числу мелкихъ ростовщиковъ, денежныхъ маклеровъ и мѣнялъ [2]). Особенно ростовщичество нашло въ Римѣ обильную почву. Амвросій, описанія котораго соотвѣтствуютъ, по всей вѣроятности, и жизни болѣе раннихъ вѣковъ, описываетъ подробно, какъ ростовщики ловили въ свои сѣти богатыхъ молодыхъ людей и, по заранѣе обдуманному плану, приводили ихъ къ гибели. Если даннымъ лицамъ не нужно было денегъ, то ростовщики своими безсовѣстными восхваленіями заставляли ихъ покупать имѣнія и дворцы, приносившіе имъ потомъ убытокъ; они брали подъ залогъ старое родовое помѣстье, отцовскій надгробный памятникъ. Если должникъ ихъ не нуждался въ деньгахъ, то они, ничего не говоря, пропускали срокъ платежа, если же у него какъ-разъ не было денегъ, то они являлись къ нему со своими требованіями и не уходили, не получивъ новаго векселя (конечно, съ болѣе тяжкими условіями) [3]).

Торговыя дѣла сосредоточивались, главнымъ образомъ, въ рукахъ рабовъ и вольноотпущенниковъ, которые вели ихъ не на свой счетъ, а въ пользу своего господина, которому они обязаны были отдавать хотя бы часть барыша. То же самое приходится сказать и относительно мелочной торговли и ремеслъ; что касается этихъ послѣднихъ, то имъ наносился большой ущербъ со стороны богатыхъ, которые заставляли своихъ рабовъ выдѣлывать большинство нужныхъ вещей. Надпись одной таверны (найденная въ Іоркшайрѣ) гласитъ: „Слава генію этой мѣстности, а ты, рабъ (servule), счастливо занимайся въ этой лавкѣ выдѣлкой золотыхъ вещей“ [4]). Но кромѣ рабовъ, ремеслами и промыслами занимались также многіе свободные люди, которые работали для своей собственной выгоды. Работа ихъ была нужна для того, чтобы снабдить всѣмъ необходимымъ огромное населеніе города и чтобы удовлетворить разнородныя требованія знатныхъ и богатыхъ, нигдѣ такъ сильно не стремившихся къ роскоши, какъ въ Римѣ. Но эти самостоятельные ремесленники и дѣльцы были въ большинствѣ случаевъ не свободнорожденными, а вольноотпущенниками. Во-первыхъ, потому что рабы, постоянно и въ большомъ количествѣ отпускаемые на волю, зарабатывали себѣ пропитаніе, конечно, съ помощью тѣхъ работъ и занятій, которымъ они научились въ бытность свою рабами и которыми они когда-то занимались въ пользу своего господина; во-вторыхъ, потому что даже бѣдные, но свободнорожденные люди считали подобнаго рода заработокъ для себя унизительнымъ.

По нѣкоторымъ (хотя отрывочнымъ и одиноко стоящимъ) даннымъ можно представить себѣ объемъ и значеніе ремеслъ и промышленной дѣятельности въ Римѣ. По описаніямъ города, составленнымъ въ началѣ IV вѣка, въ Римѣ существовало 254 булочныхъ (15—20 въ каждомъ районѣ, въ

---

[1]) Marquardt, «Privatl.», 2 изд., II, 379 слл. Sueton., «Calig.», гл. 40. Ср. также De Rossi, «La horrea sotto l'Aventino et la statio Urbis Romae» («Ann. dell'Inst. di corr. arch.», 1885, p. 223 слл.) съ Tav. d'agg. I.—[2]) Colum. praef. 8 называетъ среди тѣхъ видовъ заработка, которымъ можно предпочесть земледѣліе, и foeneratio. Martial, II, 57, 7.—Ср. Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., II, 62 слл. Petron., гл. 56. Martial, XII, 57. C. I. L. VI, 9155—9186.—[3]) Ambros. «De Tobia», гл. 6, 23.—[4]) C. I. L. VII, 265 у Jordan'a, «Über römische Aushängeschilde» («Arch. Ztg.» N. F. IV (1871), 74).

одномъ даже 24) и 2300 мѣстъ, гдѣ продавалось масло [1]). Тысячи людей были заняты доставкой другихъ жизненныхъ продуктовъ; самые важные изъ нихъ продавались на спеціальныхъ рынкахъ; такъ, напримѣръ, существовали скотный рынокъ, бычій, свиной, хлѣбный, винный, овощной, рыбный, гастрономическій [2]). Равнымъ образомъ, процвѣтали и ремесла, съ помощью которыхъ выдѣлывалось все нужное для жилья, одежды, домашней обстановки и т. д.

Сильно развитое, вслѣдствіе расцвѣта промышленной дѣятельности, раздѣленіе труда было возможно только благодаря тому, что очень большая часть населенія занималась промышленностью и ремеслами. Многія мастерскія и торговые дома, занимавшіеся выдѣлкой и продажей одного какого-нибудь спеціальнаго товара, образовывали въ Римѣ отдѣльные цехи. Отъ цеха башмачниковъ, который, по преданію, принадлежалъ къ числу основанныхъ Нумою, отдѣлился цехъ сапожниковъ, который былъ (по всей вѣроятности, вновь) организованъ Александромъ Северомъ [3]). Кромѣ нихъ, существовали еще мастера сандалій, отъ лавокъ которыхъ одна улица получила свое названіе, далѣе (также объединившіеся), мастера туфель и дамскіе сапожники [4]) и рабочіе, занимавшіеся другими видами сапожнаго дѣла [5]). Кромѣ большого цеха булочниковъ, который былъ реорганизованъ Траяномъ, существовали еще нѣсколько видовъ булочниковъ, занимающихся изготовкой сдобнаго хлѣба или пирожныхъ, и каждый изъ этихъ видовъ занимался производствомъ особаго рода печенья [6]). Мѣдники распадались на выдѣлывателей горшковъ, канделябровъ, фонарей, гирь, шлемовъ и щитовъ; желѣзные мастера—на слесарей, ножовщиковъ, изготовителей топоровъ, мотыкъ, серповъ, мечей [7]); существовали ремесленники, занимающіеся производствомъ лѣстницъ (scalarii), которые уже при Августѣ составляли цехъ [8]). Производствомъ художественныхъ работъ изъ драгоцѣнныхъ металловъ занимались модельщики, литейщики, полировщики, позолотчики, ваятели, чеканщики, спеціалисты по чеканной работѣ [9]). Ювелирнымъ дѣломъ занимались бисерщики, шлифовальщики и рѣзчики [10]). Кромѣ цеховъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, существовали еще особые цехи кольцовщиковъ [11]), золотобитчиковъ и позолотчиковъ [12]). Августинъ сравниваетъ подземныхъ боговъ, власть которыхъ, по римскому вѣрованію, распространялась только на строго опредѣленную область, съ ремесленниками на улицѣ серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, гдѣ каждый сосудъ до окончанія своего долженъ пройти черезъ многія руки, хотя могъ бы быть законченъ и однимъ лицомъ. Это объясняется тѣмъ, что достиженіе совершенства во всѣхъ отрасляхъ искусства—вещь почти невозможная, тогда какъ изученіе одной части его доступно каждому [13]). Ремесленники, занимавшіеся однимъ и тѣмъ видомъ производства, „жившіе цѣлыми

---

[1]) Preller, «Reg. d. St. R.», стр. 30. Ср. 111 и 236.—[2]) Marquardt, «Privatl.», 2 изд., II, 412.—[3]) «Alex. Sever.», гл. 33.—[4]) Среди collegium fabrum, solearium, baxearium (Marquardt, «Privatl.», 2 изд., II, 597, 6) centuriarum trium fabri являются, можетъ быть, выдѣлывателями колодокъ и деревянныхъ башмаковъ.—[5]) Marquardt, ук. соч.—[6]) Marquardt, стр. 420.—[7]) Тамъ же, стр. 713. 715.—[8]) «Bull. Comm. d. Roma», 1886, p. 368, 1397.—[9]) Marquardt, ук. соч., стр. 684 слл.—[10]) Тамъ же, стр. 707.—[11]) Conlegium anularium C. I. L. VI, 1107.—[12]) Orelli, 4067; ср. Henzen, III, 450, и Marquardt, стр. 686).—[13]) Augustin., «C. D.», VII, 4.

колоніями и занимавшіе цѣлыя улицы, даже кварталы“ [1]), были какъ въ Римѣ, такъ и въ другихъ городахъ древней Италіи, такимъ же частымъ явленіемъ, какъ въ первой половинѣ XIX вѣка.

Раздѣленіе труда было развито въ особенности среди ремесленниковъ-художниковъ, такъ какъ громадная потребность въ предметахъ роскоши, въ то время единственныхъ въ своемъ родѣ, вела за собою совсѣмъ безпримѣрное, массовое производство, а это, въ свою очередь, вызвало своего рода фабричную дѣятельность. Стѣнныя росписи комнатъ и общественныхъ зданій, которыя мы знаемъ по Помпеямъ, и которыя были въ употребленіи не только въ Римѣ, но и въ другихъ мѣстахъ, свидѣтельствуютъ о существованіи гильдіи разрисовщиковъ. Гильдія эта состояла изъ малеровъ, рисовальщиковъ арабесокъ, цвѣтовъ, животныхъ, ландшафтовъ и фигуръ; всѣ они объединялись подъ руководствомъ одного лица [2]). Въ скульптурныхъ мастерскихъ, которыя въ Римѣ находились, главнымъ образомъ, въ девятомъ районѣ (между портикомъ Европы, circus Agonalis и Via Recta) [3]) и въ гавани, должно быть, около мѣста выгрузки мрамора [4]), принимались также въ передѣлку статуи [5]). Подобные заказы дѣлались вообще довольно часто, не говоря ужъ о тѣхъ случаяхъ, когда заказывали придѣлать новую голову. Въ пандектахъ говорится, что завѣщанная статуя можетъ быть принята наслѣдниками и въ томъ случаѣ, если къ ней приставлена рука отъ другой статуи [6]). Существовали особыя мастерскія надгробныхъ памятниковъ; такъ, напримѣръ, въ романѣ Петронія говорится о каменьщикѣ Габиннатѣ, у котораго Трималхіонъ заказываетъ себѣ памятникъ [7]). Въ пандектахъ упоминается товарищество, занимающееся производствомъ надгробныхъ памятниковъ, при чемъ одинъ изъ участниковъ давалъ капиталъ, а другой бралъ на себя техническое руководство [8]). Существовали ремесленники, занимавшіеся спеціально производствомъ геніевъ; мастерскія ихъ находились въ Римѣ, главнымъ образомъ, за храмомъ Кастора [9]). Другіе рабочіе занимались только тѣмъ, что вставляли статуямъ глаза [10]) (изъ цвѣтного матеріала). Такой видъ производства, при которомъ очень часто употреблялся трудъ рабовъ, давалъ возможность продавать скульптурныя работы сравнительно дешево (портретныя статуи, начиная съ 3000 сестерціевъ). Развитіе торговыхъ сношеній повело къ тому, что въ магазинахъ стали торговать только одного рода товаромъ [11]). Продавцы волчьихъ бобовъ образовали среди зеленьщиковъ свой особый цехъ. Торговля москательными товарами, медикаментами, красками, солями, эссенціями и туалетными принадлежностями, распадалась также на многія спеціальности [12]). Что касается торговли одеждами, то и тутъ существовали спеціальные магазины плащей, накидокъ, легкихъ лѣтнихъ одеждъ и т. д. [13]).

---

[1]) Gaudy (1839), «Werke», VI, 61 сл.—[2]) Goethe, 31, 252 слл.—[3]) «Bull. di corr. arch.», 1859, стр. 68 слл.—[4]) Becker, «Topogr.», I, 465. Ср. ч. III, гл. II, 1 с.—[5]) Appian. «B. C.», III, 3.—[6]) «Digg.», XXXIV, 2, 14 (15).—[7]) Petron., гл. 65 и 75.—[8]) «Digg.», XVII, 2, 52, 7.—[9]) Gruter, 25, 1. Orelli, 4195. R. Rochette, «Lettre à Mr. Schorn», p. 385.—Ср. часть III, гл. II, 1 с.—[10]) Orelli, 4224; ср. Marquardt, «Privatl.», 2 изд., II, 688, 12.—[11]) «Alex. Sever.», гл. 33.—Ср. Marquardt, ук. соч., стр. 465 слл.—[12]) Marquardt, ук. соч., стр. 782. Orelli, 4064.—[13]) О paenularii, sagarii, vestiarii, tenuarii—у Marquardt, ук. соч., стр. 585 слл. «Digg.», XVII, 2, 52, § 4.—Juv., 6, 591.

Торговлей и ремеслами занимались, главнымъ образомъ, на самыхъ оживленныхъ площадяхъ и улицахъ. Къ концу I вѣка число магазиновъ, лавокъ и мастерскихъ, пристроенныхъ къ фронтонамъ домовъ и вдающихся въ улицу, стало настолько велико, что отъ этого стало страдать движеніе, и пришлось употребить стѣснительныя мѣры [1]). Въ зависимости отъ занятій жителей, улицы часто получали свое названіе; такъ, существовали, напримѣръ, улица хлѣботорговцевъ, шорниковъ, мастеровъ сандалій, дровяниковъ, стекольщиковъ, торговцевъ мазями, серповщиковъ [2]). Рабочіе, занимавшіеся однимъ и тѣмъ же ремесломъ, жили вмѣстѣ, по всей вѣроятности, вслѣдствіе раздѣленія труда. Объ этомъ свидѣтельствуетъ вышеупомянутое изреченіе Августина относительно улицы серебряныхъ дѣлъ мастеровъ [3]). Священная дорога, одинъ изъ главныхъ путей сообщенія въ Римѣ, была наполнена магазинами, въ которыхъ продавались предметы роскоши; тамъ же находились и другія лавки. Судя по надписямъ, кромѣ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, ювелировъ, торговцевъ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, литейщиковъ и чеканщиковъ, тамъ находились еще торговецъ красками, выдѣлыватель флейтъ и учитель письма [4]). Тамъ же можно было купить игральныя кости изъ слоновой кости, такъ называемые каетанскіе шнурки (получаемые изъ Галліи) [5]), хрустальные шарики, вѣера изъ павлиньихъ перьевъ, подарки женщинамъ, медъ и фрукты для дессерта, слѣдующаго за пиршественнымъ обѣдомъ, и вѣнки для участниковъ послѣобѣденной попойки [6]). Но самые роскошные магазины Рима находились въ концѣ I вѣка въ торговыхъ рядахъ, которые окружали площадь съ оградами на Марсовомъ полѣ. Тамъ продавались прекрасные рабы, большія столовыя доски изъ лимоннаго дерева, издѣлія изъ слоновой кости, обѣденные диваны, выложенные черепахой, старыя бронзовыя статуи, сосуды изъ хрусталя и мирры, серебряные кубки старинной искусной работы, ожерелья изъ изумрудовъ въ золотой оправѣ, большія серьги изъ жемчуговъ, и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ и менѣе дорогіе товары [7]). Предметы роскоши продавались еще въ этрусскомъ кварталѣ—вѣроятно, и подъ арками, которыя окружали большой циркъ [8]).

Лавки и питейные дома, своей широкой стороной выходившіе на улицу, закрывались полотняными занавѣсями, которыя были расписаны объявленіями или картинами [9]); вывѣшенные товары также приманивали покупателей [10]), а кромѣ того, существовали еще и вывѣски.

Сохранилось нѣсколько рельефныхъ досокъ съ изображеніемъ магазиновъ, которыя служили либо въ качествѣ вывѣсокъ, либо въ качествѣ украшеній надгробныхъ памятниковъ промышленниковъ [11]). На вывѣскѣ торговца ветчиной красуются въ рядъ пять окороковъ. На двухъ рельефахъ изображены два различныхъ отдѣленія магазина платья: въ одномъ изъ нихъ продавалась женская, въ другомъ мужская одежда. Въ первомъ отдѣленіи мы ви-

---

[1]) Ср. стр. 7, 2.—[2]) Marquardt, ук. соч., стр. 413. Jordan, «Topogr.», I, 515 сля. Plin., «N. h.», XXXV, 166. Stat., «Silv.», IV, 3, 52.—[3]) Ср. выше, стр. 157, 13.—[4]) Preller, «Regionen», стр. 129. Jordan, «Topogr.», I, 2, 287.—[5]) Galen., X. 942.—[6]) Becker, «Topogr.», I, 236. Martial, II, 63, 2.—[7]) Martial, IX, 59.—[8]) Becker, ук. соч. стр. 489. Tac., «Ann.», XV, 38.—[9]) Juv., 8, 168. Ср. примѣчаніе Mayor'a.—[10]) Seneca, «Epp.», 33, 3.—[11]) Jordan, «Über römische Aushängeschilder» («Arch. Ztg.» N. F., IV (1871), 74).—Ср. также Blümner, «Archäol. Ztg.», 1877, 128 сля. (рельефъ виноторговца).

димъ покупательницу, во второмъ покупателя въ сопровожденіи другихъ лицъ, которыя разсматриваютъ предлагаемый хозяиномъ магазина и его приказчиками товаръ. Вывѣской должно было служить, навѣрно, и изображеніе богатаго магазина дичи, въ которомъ висятъ заяцъ, два кабана, нѣсколько крупныхъ птицъ, и въ которомъ мы видимъ молодую дѣвушку, съ которой торгуется покупательница. Въ одеждѣ и во всей трактовкѣ фигуръ замѣтно облагораживающее вліяніе греческихъ образцовъ. Это изображеніе и другія того же рода, хотя бы и второстепенныя, по своимъ достоинствамъ (главнымъ образомъ, надгробные памятники ремесленниковъ со сценами ихъ жизни), свидѣтельствуютъ о томъ, „что даже въ поздній періодъ жизни древняго міра и среди низшихъ слоевъ общества была гораздо сильнѣе, чѣмъ теперь, развита потребность украсить свою жизнь при помощи изобразительныхъ искусствъ и сохранить память о ней и для будущихъ поколѣній“ [1]). Рельефъ съ извѣстнымъ изображеніемъ трехъ грацій и сидящей съ ними женщины въ полномъ одѣяніи римской матроны, голова которой закутана верхней одеждой, съ подписью „четыре сестры“, служилъ, по всей вѣроятности, вывѣской магазина или гостинницы (а можетъ быть, и дома терпимости) [2]). Въ одномъ сборникѣ греко-латинскихъ разговоровъ, для изученія самыхъ обиходныхъ выраженій, встрѣчается, между прочимъ, слѣдующій діалогъ: „Я иду къ торговцу платьемъ. Сколько стоитъ эта пара?“— „Сто денаровъ“.—„А этотъ дождевой плащъ?“—„Двѣсти денаровъ“. — „Это слишкомъ дорого, хочешь сто?“—„Это невозможно: я самъ столько плачу скупщику (оптовому торговцу)“.—„Сколько же мнѣ дать?“—„Сколько хочешь“.— (Обращаясь къ рабу или спутнику): „Дай ему 125 денаровъ. Зайдемъ теперь къ торговцу полотномъ“ и т. д. [3]). У Ювенала встрѣчается также указаніе на то, что покупатели имѣли обыкновеніе торговаться съ купцами изъ-за цѣны: даже школьный учитель долженъ удовольствоваться меньшимъ, чѣмъ онъ желалъ бы, какъ и торговецъ циновками (которыми покрывались полы) и бѣлоснѣжными простынями понижаетъ назначенную имъ цѣну [4]).

Почти исключительно только рельефы и надписи даютъ намъ отъ поры до времени возможность заглянуть въ жизнь ремесленниковъ и лавочниковъ (многіе были, конечно, одновременно и тѣмъ и другимъ). Нѣкоторыя надписи напоминаютъ намъ, какъ мало мы знаемъ о соціальномъ положеніи ремесленниковъ того времени. По одной надписи изъ Іераполя въ Великой Фригіи (II или III вѣка) мы знакомимся съ существовавшимъ тамъ обществомъ взаимопомощи красильщиковъ [5]). Надпись въ Сардахъ 459 года по Р. Хр. знакомитъ насъ съ столкновеніемъ между хозяевами (ἐργοδόται) и рабочими (ἐργολάβοι) (что въ восточно-римской имперіи происходило довольно часто среди каменщиковъ), причемъ рабочіе прекратили постройку только-что начатаго зданія [6]). Римскія комедіи, которыя съ особымъ удовольствіемъ

[1]) Jahn, «Über Darstellungen antiker Reliefs, welche sich auf Handwerk und Handelsverkehr beziehen» («Ber. d. Sächs. Ges.», 1861, стр. 373).—Вышеупомянутые рельефы см. стр. 353, табл. XI, и XIII; ср. стр. 364 и 371.—[2]) Jordan, «Über römische Aushängeschilder» («Arch. Ztg.» N. F. IV (1871), стр. 77).—[3]) Haupt, «Colloquia ex cod. Montepessul. S. IX», «Ind. lect. Berolin. hib.», 1871, стр. 7, 9=«Opusc.», II, 446=Corp. Gloss. III, 657, 13.—[4]) Ювен., 7, 221.—[5]) Lebas-Waddington, 1687 b. Предположеніе издателя, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ христіанства, совершенно не обосновано.—[6]) Lebas-Waddington, 628; ср. комментарій.

черпаютъ свое содержаніе изъ этихъ круговъ общества (мимы и ателланы), къ сожалѣнію, потеряны, а неподражаемыя сцены изъ мѣщанской жизни у Петронія имѣютъ совершенно мѣстную (южно-италійскую) окраску. Авторы дошедшихъ до насъ литературныхъ произведеній принадлежали почти исключительно къ высшимъ классамъ общества,—того общества, которое съ пренебреженіемъ и безъ всякаго сочувствія смотрѣло на мелкихъ людей, принужденныхъ изо дня въ день стоять за прилавкомъ въ туникѣ безъ пояса [1]) или сидитъ въ передникѣ и шапочкѣ [2]) на скамейкахъ въ своихъ мастерскихъ, откуда не выходитъ ничего благороднаго, работающихъ изъ-за куска хлѣба [3]) или продающихъ съ прибылью въ 80 процентовъ дешево закупленный товаръ, безразлично, будутъ ли это дурно пахнущіе мѣха или благовонныя эссенціи, такъ какъ барыши всегда имѣютъ для нихъ пріятный запахъ [4]). Къ мелкому производству въ Римѣ относились съ большимъ пренебреженіемъ. Высшему классу и самыя неопрятныя сдѣлки (какъ отдача въ наймы домовъ и земельныхъ участковъ подъ дома терпимости) [5]) не ставились въ вину, точно такъ же, какъ въ Россіи не считалось предосудительнымъ для высокопоставленныхъ лицъ брать на себя питейные откупы [6]). Явленіе это объясняется тѣмъ, что они пользовались посредничествомъ рабовъ и вольноотпущенниковъ и, такимъ образомъ, оставались какъ бы незапятнанными этимъ неприличнымъ предпріятіемъ. Когда же дѣло шло о мелкихъ людяхъ, то за малѣйшее соблюденіе своихъ интересовъ на нихъ сыпались упреки. Плиній говоритъ, что торговцы платьемъ изъ наблюденій надъ заходомъ созвѣздія плеядъ (11-го ноября) заключали, что зима будетъ дождливая, если небо въ это время было облачно, или суровая, если оно было чисто. Въ первомъ случаѣ они повышали цѣну на плащи, во второмъ случаѣ—на другіе предметы. Въ этомъ фактѣ Плиній усматриваетъ проявленіе коварства этихъ людей [7]). Ремесленники ожидали и получали прибавку къ обѣщанной цѣнѣ (corollarium) [8]), если ихъ работой оставались довольны.

Ремесленники и лавочники являлись самымъ консервативнымъ элементомъ населенія. Каждое нарушеніе существующаго порядка, а тѣмъ болѣе революція и гражданская война, непосредственно угрожали ихъ существованію. „Бо́льшая часть владѣльцевъ харчевенъ,—говоритъ Цицеронъ (и это же самое относится и къ послѣдующему времени),—вѣрнѣе, весь этотъ классъ въ высшей степени любитъ покой. Источники ихъ доходовъ, ихъ трудъ и заработокъ основываются на оживленности сношеній и поддерживаются общимъ спокойствіемъ. Закрытіе уменьшаетъ уже ихъ заработокъ, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда онѣ становятся добычей пламени" [9]). Это послѣднее случалось во время уличныхъ стычекъ какъ напримѣръ, во время столкновенія народа съ преторіанцами въ 237—238 году: послѣдніе, когда ихъ съ крышъ забрасывали черепицами и камнями, въ свою очередь, подожгли запертыя таверны и дома [10]). Почти во всѣхъ тавернахъ, лавкахъ, мастерскихъ,

---

[1]) Marquardt, «Privatleben», 2 изд., II, 552, 6. Діонъ Хрис., 72 изд. Dindorf, II, 245.—[2]) Epictet., «Diss.», IV, 8, 16.—[3]) Цицер., «Катил.», IV, 7, 17. Marquardt, 2 изд., II, 725, 7. Цицер., «De off.», I, 42, 150.—[4]) Ювен., 14, 200.—[5]) «Digg.», V, 3, 27, § 1.—[6]) Ср., напр., Bernhardi, «Gesch. Russlands», II, 2, 689.—[7]) Plin., «N. h.», XVIII, 225.—[8]) Seneca, «De beneff.», VI, 17, 1.—[9]) Цицер., «Катил.», IV, 7, 17.—[10]) Herodian. VII, 12, 5.—Ср. выше стр. 7, 3.

мѣняльныхъ конторахъ можно было видѣть бюсты и портреты правящихъ императоровъ, большей частью грубо вылѣпленные и плохо нарисованные, часто совсѣмъ непохожіе [1]). Въ дни рожденія императоровъ и въ другіе праздники въ честь императора и императорскаго дома таверны украшались лавровыми вѣтками и освѣщались лампочками [2]), какъ вообще въ торжественныхъ случаяхъ; въ дни траура императорскаго дома онѣ закрывались [3]).

Какъ средневѣковые цехи почитали своихъ святыхъ, такъ и римскіе цехи ремесленниковъ и художниковъ почитали своихъ боговъ-покровителей и торжественно праздновали посвященные имъ дни [4]). Ихъ общимъ праздникомъ было 19 марта, день основанія на Авентинѣ храма Минервы, богини-покровительницы всѣхъ ремесленниковъ и художниковъ; впослѣдствіи праздникъ этотъ растягивался на пять дней, до 23 марта. Овидій называетъ среди участниковъ этого празднества пряхъ, ткачей, валяльщиковъ, красильщиковъ, сапожниковъ, а также скульпторовъ, живописцевъ, врачей и школьныхъ учителей; эти послѣдніе устраивали тогда каникулы [5]). День Весты (9 іюня) праздновался мельниками и пекарями; ословъ увѣшивали цвѣточными гирляндами и нанизанными на веревки хлѣбами, мельницы украшались вѣнками [6]). Цехъ музыкантовъ (главнымъ образомъ, флейтистовъ), игравшихъ во время жертвоприношеній и другихъ актовъ культа, устраивалъ пиръ въ храмѣ Юпитера на Капитоліи, а затѣмъ (13 іюня) шествіе по всему городу; участники его, замаскированные (большей частью въ женскихъ одеждахъ), и находящіеся подъ сильнымъ вліяніемъ вина, распѣвали шуточныя пѣсни на старинный ладъ [7]). Празднества ремесленниковъ часто сопровождались подобными же процессіями. Одна изъ помпеянскихъ фресокъ изображаетъ шествіе столяровъ: молодые люди несутъ на носилкахъ изображенія людей, занятыхъ пилкою, и другія фигуры, имѣющія отношенія къ этому ремеслу [8]). Какъ въ Римѣ, такъ и въ другихъ городахъ цехи, очевидно, регулярно принимали участіе и въ большихъ процессіяхъ (тріумфальныхъ шествіяхъ, встрѣчахъ императоровъ и т. п.), при чемъ часто упоминаются ихъ знамена. Каждый цехъ имѣлъ, несомнѣнно, своего знаменосца [9]). Мраморная доска, найденная въ Остіи, содержитъ распредѣленный по мѣсяцамъ перечень членовъ одного тамошняго союза (среди которыхъ находилась и одна женщина) и списокъ суммъ, внесенныхъ ими съ той цѣлью, чтобы доходы съ нихъ (12%) тратились ежегодно на общіе праздники, справляемые въ дни рожденія каждаго члена [10]). Общимъ праздникомъ всего мелкаго люда было 15 марта (день Анны Перенны), по всей вѣроятности, богини года, который праздновался во фруктовой рощѣ у первой мили на фламиніевой дорогѣ (вѣроятно недалеко отъ Porta del Popolo). Дѣвушки пѣли очень вольныя, сохранившіяся изъ древности шутливыя и насмѣшливыя пѣсни, мужчины и женщины располагались на зеленыхъ берегахъ Тибра, поросшихъ травою, частью подъ открытымъ не-

---

[1]) Fronto, «Epp. ad. M. Caes. et inv.», IV, 12 изд. Naber, стр. 74.—[2]) Tertullian, «Apologet.», гл. 35; «De idolatria», гл. 15.—[3]) Philo, «in Flacc.», стр. 525 M., § 8.—[4]) Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., III, 136.—Gaudy (1839), «Werke», VI, 61 сл.—[5]) Petron. fr. 24, 11 сл. Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд.. III, 139 и 572.—[6]) Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., III, стр. 332.—[7]) Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., III, стр. 577.—[8]) Jahn, «Darstell. d. Handwerks usw.», стр. 313, табл. IV.—[9]) «Ephem. epigr.», II, 316, 432. Ср. также «Vit. Gallieni», 8, «Aurelian.» 34, «Paneg.» VII, 8, 4.—[10]) C. I. L. XIV, 326.

бомъ, частью въ шалашахъ или импровизированныхъ шатрахъ изъ тростника, которые покрывались ихъ тогами. Тамъ они пировали и просили боговъ даровать имъ еще столько лѣтъ жизни, сколько ложекъ будутъ почерпнуты ими изъ кратера; распѣвали мелодіи, слышанныя ими въ театрѣ, и неуклюже плясали. Наконецъ, они возвращались домой, пошатываясь и поддерживая другъ друга на потѣху всѣмъ встрѣчнымъ [1]).

Цехи заботились отчасти и о погребеніи своихъ членовъ [2]). Большинство бѣдняковъ, однако, которые не имѣли возможности быть похороненными на свой счетъ, были членами общества похоронныхъ кассъ. Общество это принимало не только свободныхъ и вольноотпущенниковъ, но и рабовъ, и за ежемѣсячный взносъ обезпечивало имъ приличное погребеніе. Они хоронились обыкновенно въ такъ-называемыхъ колумбаріяхъ, т.-е. въ большихъ сводахъ съ лежащими другъ надъ другомъ рядами маленькихъ нишъ, которые получили свое имя по сходству съ голубятнями [3]). Эти общества тоже имѣли свои постоянные праздники; они праздновали торжественнымъ обѣдомъ, прежде всего, день рожденія своего бога-покровителя, т.-е. день освященія его храмовой статуи [4]). Среди сохранившихся уставовъ подобныхъ обществъ очень интересенъ уставъ „почитателей Діаны и Антиноя" въ Ланувіи (Città Lavigna) 133 года по Р. Хр. Уставъ этотъ не только позволяетъ намъ заглянуть въ сущность этихъ обществъ, но и даетъ намъ также нѣкоторое представленіе о томъ, какимъ образомъ справлялись эти праздники [5]). Уставъ начинается слѣдующимъ предостереженіемъ: „Ты, который желаешь вступить новымъ членомъ въ нашъ союзъ, прочти сначала уставъ и тогда лишь вступай, но съ тѣмъ, чтобы потомъ ужъ не жаловаться и не оставлять наслѣднику тяжбы". Новопринятые члены вносили при вступленіи въ общество 100 сестерціевъ и амфору хорошаго вина. Ежегодный взносъ въ пятнадцать сестерціевъ выплачивался ежемѣсячно по три аса. На погребеніе каждаго умершаго члена, который дѣлалъ свои взносы регулярно, общество давало триста сестерціевъ; исключались только самоубійцы. 50 сестерціевъ изъ этой суммы предназначались для провожающихъ покойника и раздавались у его костра. Жалобы и недовольства должны были быть представляемы собранію, „чтобы по праздникамъ веселье нашихъ пировъ ничѣмъ не омрачалось". Устроителями этихъ пировъ были четыре члена, которые ежегодно смѣнялись. Ихъ обязанностью было позаботиться о покрывалахъ и подушкахъ для обѣденнаго ложа, горячей водѣ и посудѣ, а кромѣ того, о четырехъ амфорахъ хорошаго вина, о хлѣбѣ въ 2 аса и четырехъ сардинкахъ для каждаго члена [6]). Пиры эти устраивались, по всей вѣроятности, на проценты съ капитала, предназначеннаго для этого какимъ-нибудь доброжелателемъ общества. Въ винѣ у нихъ недостатка быть не могло, такъ

---

[1]) Mommsen, C. I. L. I, стр. 388 b. Ovid., «Fast.», III, 523 слл. Preller, «Röm. Myth.», 3 изд., I, 344. Ср. Martial. IV, 64, 16 съ моими примѣчаніями.—[2]) Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., III, 135 слл. Wilmanns, I, 325 слл.—[3]) Marquardt, «Privatleben», 2 изд., I, 370; о названіи этихъ обществъ «collegium salutare» (по крайней мѣрѣ, съ начала II вѣка) ср. De Rossi, «Bull. comm. di Roma», 1882, стр. 144 слл.—[4]) Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., III, 141 сл.—[5]) Mommsen, «De collegiis et sodaliciis», стр. 89 слл. Henzen, 6086=C. I. L. XIV, 2112.—[6]) Col. II, 15. Hülsen, «Miscellanea epigrafica», «Bull. dell'Inst.» 1890, стр. 287 слл.

какъ, кромѣ того вина, которое поставлялось вновь поступающими членами, каждый рабъ изъ числа членовъ этого общества долженъ былъ приносить амфору вина въ томъ случаѣ, если его отпускали на волю. Въ продолженіе года бывало шесть большихъ пировъ; во время двухъ главнѣйшихъ празднествъ, въ „дни рожденія“ Діаны и Антиноя, старшина, который выбирался на пять лѣтъ (и во время всѣхъ дѣлежей получалъ двойную часть), долженъ былъ раздавать членамъ общества масло во время общаго купанья, происходившаго передъ обѣдомъ. Дѣломъ старшины было также совершать во время праздниковъ возліянія вина и воскуренія ѳиміама; при исполненіи этихъ и другихъ должностныхъ обязанностей онъ былъ одѣтъ въ бѣлую одежду. Въ случаѣ правильнаго исполненія всѣхъ своихъ функцій, онъ получалъ при каждомъ дѣлежѣ часть, въ полтора раза больше обыкновенной. Если кто-нибудь, поссорившись во время пира, переходилъ съ одного мѣста на другое, то въ наказаніе долженъ былъ платить штрафъ въ 4 сестерція; тотъ, кто бранилъ другого или вызывалъ шумъ, платилъ 12 сестерціевъ; кто осмѣливался поносить и оскорбить во время пира старшину, платилъ 20 сестерціевъ. Когда христіанство стало все болѣе и болѣе распространяться среди низшаго класса, очень многіе не рѣшались сразу отказаться отъ выгодъ, доставляемыхъ подобными обществами, членами которыхъ они были. Въ письмахъ епископа Кипріана Карѳагенскаго нѣкоему Мартіалу дѣлается, между прочимъ, упрекъ въ томъ, что „онъ долгое время посѣщалъ постыдныя и грязныя пиршества одного общества и хоронилъ своихъ дѣтей по языческому обычаю въ неосвященныхъ могилахъ этого самаго общества [1]).

Во многихъ другихъ мѣстахъ мы находимъ также данныя объ общественномъ и духовномъ образованіи людей этого круга. Само собою разумѣется, что это ихъ образованіе не могло быть значительнымъ, о чемъ свидѣтельствуютъ, главнымъ образомъ, надписи, отличающіяся отсутствіемъ грамматики и орѳографіи и тяжеловѣсностью языка. У Геллія одинъ грамматикъ называетъ незнакомое ему слово „плебейскимъ и принадлежащимъ къ языку ремесленниковъ“ [2]). Но стихи Вергилія, популярность котораго, можетъ быть, превышала даже популярность Шиллера въ современной Германіи, были на устахъ у всѣхъ и среди этихъ людей [3]), которые иногда очень своеобразно ихъ примѣняли; напримѣръ: на вывѣскѣ одной торговки дичью находится стихъ изъ Энеиды: „пока тѣнистыя вершины горъ будутъ давать убѣжище дичи, пока вокругъ полюса будутъ вращаться звѣзды, до тѣхъ поръ сохранятся твое имя и почесть и слава“ [4]). Порою встрѣчаются и собственные стихи. Одна надгробная надпись выражаетъ въ гексаметрахъ печаль по поводу потери раба, умершаго на 13-мъ году жизни, который былъ любимцемъ своего господина, по всей вѣроятности, золотыхъ дѣлъ мастера: „Искусной рукой онъ умѣлъ ожерелья готовить и золотомъ выпуклымъ пестрые камни оправить“ [5]). Нравы ихъ были, конечно, не всегда утонченными. О мелкихъ торговцахъ соленой рыбой говорилось (въ поговоркѣ, заимствованной съ греческаго), что они сморкались локтемъ [6]), а помощники про-

[1]) Cyprian, «Epp.», 67, 6.—[2]) Геллій, XIX, 10, 9.—[3]) Петрон., гл. 39: «Энеид.» II, 44. Ср. Jahn, ук. соч., стр. 365.—[4]) «Эн.», I, 607.—[5]) Henzen, 7352=C. I. L. VI, 9437.—[6]) «Auct. ad. Herenn.», IV, 54, 67. Светон., «Vit. Horat.» Ср. Діог. Лаерт. IV, 46.— Свида, см. ἀγκών.

давцовъ соли отличались грубостью своихъ шутокъ [1]). Мастера, должно-быть, очень часто злоупотребляли правомъ наказывать учениковъ: при случаѣ упоминается, что одинъ сапожникъ вышибъ глазъ своему свободнорожденному ученику, ударивъ его колодкой за какую-то неловкость [2]). Въ городской жизни Помпей подмастерья играли довольно большую роль. На стѣнахъ мы находимъ надписи со списками кандидатовъ, предлагаемыхъ на городскія должности; среди нихъ нѣкоторыя принадлежатъ подмастерьямъ (discentes) [3]), а одна, неграмотно написанная, нѣкоему Сатурнину „съ его учениками“ [4]). Нѣкоторыя надгробныя надписи чистосердечнымъ образомъ восхваляютъ качества умершихъ. Объ одномъ золотыхъ дѣлъ мастерѣ, „который всѣхъ превосходилъ своимъ искуснымъ производствомъ Клодіевыхъ сосудовъ“, его бывшій хозяинъ свидѣтельствуетъ, что „онъ никогда никого не бранилъ и не шелъ наперекоръ своему патрону; въ его рукахъ всегда находилось много золота и серебра, но оно ни разу не ввело его въ искушеніе“ [5]). Одинъ торговецъ жемчугомъ, вольноотпущенникъ, лавка котораго находилась на Священной дорогѣ, проситъ въ своей надгробной надписи прохожаго не портить его могилы, въ которой покоятся кости „добраго, сострадательнаго человѣка и друга бѣдняковъ“ [6]). Нѣкій Л. Нерусій Миоръ, судя по его написанной гексаметрами надгробной надписи (начальныя буквы стиховъ ея образуютъ его имя), былъ извѣстенъ на Священной дорогѣ, какъ человѣкъ рѣдкой честности, занимавшійся торговлей козлиными шкурами. Какъ промышленникъ, онъ, кромѣ того, безупречно производилъ всѣ взносы въ государственную казну и отличался справедливостью при заключеніи договоровъ. Ему повезло въ жизни: онъ построилъ себѣ украшенный мраморомъ домъ и помогалъ многимъ бѣднякамъ. Но самой большой своей заслугой онъ считалъ постройку семейной усыпальницы, такъ какъ этимъ онъ позаботился о будущемъ покоѣ всѣхъ своихъ вольноотпущенниковъ обоего пола и объ ихъ потомкахъ [7]).

Нѣкоторые ремесленники добывали себѣ побочный заработокъ посредствомъ дрессировки птицъ, хотя существовали и такіе люди, для которыхъ это занятіе служило спеціальнымъ ремесломъ. Манилій упоминаетъ о людяхъ, которые носятъ по всему городу ручныхъ птицъ въ клѣткахъ, и все состояніе которыхъ состоитъ изъ одной маленькой птички [8]). Въ относящихся сюда, но не особенно многочисленныхъ анекдотахъ три раза встрѣчаются ремесленники въ качествѣ владѣльцевъ или учителей ученыхъ птицъ. Августъ не хотѣлъ купить ворона, котораго какой-то бѣдный сапожникъ научилъ произносить ему пожеланіе, ввиду того, что у него дома было уже много такихъ поздравителей, но птица во-время произнесла очень часто слышанныя ею отъ своего хозяина слова: „я даромъ потерялъ и деньги и трудъ“, и была куплена за очень большую цѣну [9]). У одного жившаго около форума цырюльника была сорока, которая подражала музыкальнымъ инструментамъ и голосамъ людей и животныхъ. Однажды передъ домомъ цырюльника остановилась

[1]) Марціалъ, I, 41, 8. Marquardt, «Privatleben», 2 изд., II, 469, 3.—[2]) Ulpian. «Dig.», IX, 2, 5, § 3.—[3]) C. I. L. IV, 673.—[4]) Тамъ же, 275; ср. 694, 698.—[5]) Gruter, 639, 12=C. I. L. VI, 9222. Ср. Jahn, ук. соч., стр. 305.—[6]) Henzen, 7244 (приблизительно изъ эпохи Августа). Ср. также 7231.—[7]) C. I. L. IX, 4796=Meyer, «Anthol.», 1, 1412.—[8]) Манилій, V, 384 слл.—[9]) Макроб., «Сатурн.», II, 4, гдѣ встрѣчается также нѣкій opifex въ качествѣ учителя ворона.

большая похоронная процессія, и находящіеся въ ней трубачи сыграли длинную пьесу. Послѣ этого сорока на нѣкоторое время умолкла, и стали уже думать, что ее околдовалъ какой-нибудь завистливый конкурентъ, но вдругъ она пропѣла съ начала и до конца всю слышанную ею музыкальную пьесу, которую она, очевидно, долго про себя заучивала [1]). При Тиберіи одинъ вороненокъ вылетѣлъ изъ вороньяго гнѣзда на храмѣ Кастора и перелетѣлъ въ находящуюся напротивъ сапожную мастерскую, хозяинъ которой выучилъ его говорить. Воронъ пріучился летать каждое утро на ораторскую каѳедру, называть тамъ Тиберія, Германика и Друза по именамъ, привѣтствовалъ проходящій народъ и многіе годы вызывалъ такимъ образомъ удивленіе всего Рима. Когда разгнѣванный владѣлецъ сосѣдней лавки убилъ его, какъ говорили, за то, что онъ запачкалъ ему пару новыхъ башмаковъ, то народъ пришелъ въ такое волненіе, что прогналъ убійцу изъ его участка; впослѣдствіи онъ былъ убитъ. Два негра торжественно понесли птицу на носилкахъ подъ звуки флейтъ къ костру, сооруженному на Аппіевой дорогѣ, въ сопровожденіи большой толпы съ многочисленными вѣнками. Это произошло 28 марта 35 г. по Р. Хр. (какъ объ этомъ сообщаетъ Плиній, должно-быть, на основаніи оффиціальной городской газеты [2]).

c) *Другіе виды заработка. Искусства и науки.*

Болѣе или менѣе неприличными въ Римѣ считались не одни только ремесла и мелочная торговля, но и другіе, порою очень выгодные виды заработка. Бѣдный, но свободнорожденный и получившій соотвѣтствующее воспитаніе человѣкъ съ пренебреженіемъ говорилъ о людяхъ, которые становились богатыми, беря на себя заботы о похоронахъ, арендуя булочныя и бани или рѣчныя и портовыя пошлины, производя всевозможныя общественныя работы, даже очистку клоакъ, продавая съ молотка то неоцѣнимыя драгоцѣнности, то старую рухлядь [3]) и т. п.

Среди названныхъ ремеслъ два считались настолько неприличными, что по муниципальному закону Цезаря лишали занимающихся ими права быть выбранными на почетныя городскія должности: это были ремесла устроителей похоронныхъ процессій и публичныхъ глашатаевъ (praecones). Хотя этими послѣдними и пользовались при всякихъ публичныхъ объявленіяхъ (такъ напримѣръ, по поводу потерянныхъ вещей, сбѣжавшихъ рабовъ), но все же ихъ главнѣйшимъ занятіемъ было устройство аукціоновъ [4]). Близкое соприкосновеніе этого занятія съ ролью общественнаго шута было, вѣроятно, причиной презрительнаго отношенія къ представителямъ этого ремесла [5]). Благодаря аукціонамъ, ремесло это было очень доходнымъ, такъ какъ публичныя продажи съ торга имѣли въ римскихъ дѣловыхъ сношеніяхъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ въ настоящее время. Это занятіе занимало приблизительно мѣсто теперешнихъ маклерскихъ и комиссіонныхъ дѣлъ. Къ аукціону прибѣгали, когда желали освободиться отъ лишнихъ вещей, главнымъ образомъ, въ случаѣ полученія наслѣдства или, когда особенно нуждались въ

---

[1]) Plutarch, «De sollert. animal.», 19, 5.—[2]) Plin., «N. h.», X, 121.—[3]) Ювен., 3, 30; 7, 4.—[4]) Ювен., 3, 33. Горац., «Сат.», I, 7, 55 слл. Марціалъ, I, 85. Іосифъ, XIX, 1, 18.—[5]) Mommsen, «Staatsr.», 3 изд., I, 365 сл. Praeco facetus. Марціалъ, I, 85, 1.

деньгахъ. Вмѣсто владѣльца выступалъ профессіональный посредникъ, coactor argentarius или exactionum, какъ его называли по собиранію отдѣльныхъ аукціонныхъ требованій, ремесло котораго пользовалось такимъ же неуваженіемъ, какъ и занятіе глашатая. Вознагражденіе посреднику за его труды и за принятіе на себя всего риска производилось въ слѣдующей формѣ: съ покупателя взимался сверхъ покупной цѣны еще 1% въ его пользу (вознагражденіе глашатаю шло отдѣльно). Ничтожность этого вознагражденія объясняется тѣми размѣрами, которыхъ достигало римское аукціонное дѣло; когда же имѣлось въ виду болѣе сложное и опасное дѣло, то выговаривались, вѣроятно, болѣе высокіе проценты [1]. Во времена Горація, отецъ котораго занимался этимъ дѣломъ, доходы подобныхъ посредниковъ были еще такъ же незначительны, какъ и доходы глашатаевъ [2]. Но уже въ ранній періодъ имперіи заработокъ послѣднихъ (значитъ и первыхъ) значительно повысился [3], что можно объяснить только возрастающей быстротой имущественнаго обмѣна въ Римѣ. Страбонъ, дѣйствительно, указываетъ, что въ его время дома непрестанно переходили отъ одного лица къ другому [4]. Одинъ аукціонаторъ, сыгравшій нѣкоторую роль во время замѣшательства, послѣдовавшаго за убіеніемъ Калигулы, Аррунтій Еварестъ, по свидѣтельству Іосифа, былъ такъ же богатъ, какъ самые богатые римляне, и имѣлъ, какъ тогда, такъ и впослѣдствіи, полную возможность добиться въ Римѣ всѣхъ своихъ цѣлей [5]. По Мартіалу, за одну дѣвушку сватаются десять поэтовъ, семь адвокатовъ, четыре трибуна и два претора: отецъ, недолго думая, выдаетъ свою дочь за аукціоннаго глашатая. Поступилъ ли онъ необдуманно?—спрашиваетъ поэтъ [6]. Онъ же не совѣтуетъ заставлять мальчика, который хочетъ добиться нѣкотораго положенія, заниматься науками или стихотворствомъ; лучше будетъ, если онъ научится играть на цитрѣ или флейтѣ, а если онъ къ этому не способенъ, станетъ глашатаемъ или архитекторомъ [7].

Архитектура, которую Цицеронъ сопоставляетъ съ медициной, какъ самыя полезныя искусства, у римлянъ среди всѣхъ другихъ пользовалась особеннымъ почетомъ и была, кромѣ того, самымъ выгоднымъ. Поэтому-то число архитекторовъ было уже со времени Августа въ Римѣ очень велико, такъ что имъ приходилось, по словамъ Витрувія, самимъ предлагать свои услуги, если они хотѣли найти себѣ занятіе; а кромѣ того, этимъ дѣломъ занималось еще большое количество людей, къ нему совершенно не подготовленныхъ [8]. Впослѣдствіи, однако, спросъ на архитекторовъ, по всей вѣроятности, увеличился отчасти подъ вліяніемъ громадныхъ общественныхъ построекъ, а отчасти вслѣдствіе постояннаго частнаго строительства, вызываемаго пожарами, обвалами и продажей, наконецъ, и вслѣдствіе любви богатыхъ къ постройкамъ, которая съ теченіемъ времени обратилась въ своего рода

[1]) Mommsen, «Die Pompejanischen Quittungstafeln des L. Cäcilius Jucundus», («Hermes» XII [1876], стр. 88 слл., особенно 91—98).—[2]) Горац., «Сат.», I, 6, 86; ср. Mommsen, «Rh. Mus.», 1846, стр. 48 слл. («Digg.», XL, 7, 40, § 8. Cicero, «pro Rabirio», II, 30), C. I. L. VI, 9186—9190. Но уже Луцилій осуждалъ неуклюжую застольную роскошь глашатая Галлонія, ставшую поговоркой уже въ періодъ юности Цицерона. Горац., «Сат.», II, 2. 47 съ примѣчаніемъ Kiessling'a.—[3]) O. Jahn, «Allg. Lit.-Ztg.», 1842, стр. 198.—[4]) Страбонъ, V, стр. 235 C.—[5]) Іосифъ, ук. м.—[6]) Мартіалъ, VI, 8.—[7]) Мартіалъ, V, 56.—[8]) Цицер., «De off.», I, 42, 151. Витрув. VI, praef. 5 сл.

страсть. Ограниченность городской территоріи ее еще нѣкоторымъ образомъ сдерживала, но зато въ загородныхъ помѣстьяхъ она находила себѣ полное удовлетвореніе [1]).

О доходахъ мелкихъ скульпторовъ и живописцевъ мы знаемъ очень мало [2]) (за исключеніемъ отдѣльныхъ знаменитыхъ и хорошо оплачиваемыхъ художниковъ). Заработокъ музыкантовъ бывалъ иногда очень великъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ тѣ 200000 сестерцієвъ, которыми скупой Веспасіанъ наградилъ киѳаредовъ Терпна и Діодора, за ихъ выступленіе при вторичномъ освященіи театра Марцелла [3]). Преподаваніе музыки было тоже доходной статьей, и тѣ гонорары, которые знаменитые пѣвцы и киѳареды получали отъ своихъ богатыхъ учениковъ, вызывали зависть и злобу ученыхъ. „Справься только,—говоритъ Ювеналъ учителю краснорѣчія,—за какую цѣну обучаютъ Хрисогонъ и Полліонъ дѣтей богатыхъ людей (игрѣ на цитрѣ), и ты разорвешь на куски учебникъ Ѳеодора" [4]). Больше всего пользы могли извлекать изъ своего искусства музыканты въ эпоху Нерона и Домитіана. Ко времени послѣдняго относятся приведенныя слова Мартіала: „онъ хотѣлъ вернуться въ Римъ (изъ форума Корнелія) только киѳаредомъ" [5]). Какъ музыканты, такъ вообще и другіе художники, удовлетворявшіе потребностямъ въ роскоши и увеселявшіе публику, оплачивались въ большинствѣ случаевъ очень дорого, главнымъ образомъ, актеры и танцовщики [6]); но также и учителя фехтованія [7]) и цирковые возницы пріобрѣтали себѣ большія богатства [8]).

Ученая карьера избиралась также почти исключительно лицами третьяго сословія, такъ же, какъ и искусства, поскольку они не предоставлялись рабамъ. Среди предметовъ, достойныхъ выбора, Галенъ называетъ медицину, риторику, музыку, геометрію, ариѳметику, счетоводство, астрономію, грамматику, право, къ чему можно еще присоединить скульптуру и живопись [9]). Эти два послѣднихъ вида занятій, если они составляли ремесло, давали очень скоро возможность получать заработокъ, по этой-то причинѣ Лукіанъ и былъ отданъ въ ученіе къ своему дядѣ, скульптору [10]). Научныя занятія избирались только тѣми, которые не боялись многихъ годовъ усиленной подготовки и которые имѣли возможность не заботиться въ теченіе этого времени о заработкѣ. Лицамъ, проявленію способностей которыхъ препятствовали стѣсненныя матеріальныя обстоятельства, не такъ-то легко было выйти на дорогу (Ювеналъ) [11]). О томъ положеніи въ жизни, которое доставлялось научными занятіями, мы знаемъ довольно много.

Въ теченіе первыхъ вѣковъ учителя, въ большинствѣ случаевъ, не пользовались еще обезпеченнымъ существованіемъ и тѣмъ внѣшнимъ положеніемъ, которое доставляется общественной должностью. Въ началѣ императорскаго періода преподаваніе совсѣмъ еще не разсматривалось какъ дѣло государства [12]); это мнѣніе стало появляться только со II вѣка, и только съ этого же времени на него стали смотрѣть, какъ на общественное дѣло [13]).

[1]) Ср. часть III, гл. I, 3.—[2]) Ср. часть III, гл. II, 1, с.—[3]) Светон., «Веспас.», гл. 19.—[4]) Ювен., 7, 175.—[5]) Мартіалъ, III, 4. Ср. часть III, гл. II, 2.—[6]) Ср. часть II, гл. III, 3.—[7]) Ср. часть II, гл. III, 2 а.—[8]) Тамъ же, гл. III, 1.—[9]) Галенъ, I, стр. 38.—[10]) Лукіанъ, «Сонъ», 1 слл.—[11]) Ювеналъ, 3, 156.—[12]) Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., II, 106 сл.—[13]) Kuhn, «Verfassung d. r. R.», I, 94, 669 и 99, 714.

До этого школьное дѣло вполнѣ предоставлялось частнымъ лицамъ, чему еще всюду содѣйствовало то обстоятельство, что учителя были освобождены отъ всѣхъ городскихъ повинностей. Это же положеніе мы встрѣчаемъ въ недавно найденномъ общинномъ уставѣ одного селенія рудокоповъ въ южной Португаліи [1]). Значитъ и тамъ имѣлась школа или, по крайней мѣрѣ, предполагалось устройство ея. Элементарныя школы существовали, должно быть, и въ маленькихъ мѣстечкахъ, можетъ быть, даже и въ провинціяхъ, тогда какъ только болѣе значительные и самые крупные города насчитывали у себя школы, дающія научное образованіе, и высшую ступень ихъ—школы краснорѣчія. Родители, желавшіе дать своимъ дѣтямъ хорошее образованіе, нерѣдко посылали ихъ изъ маленькихъ мѣстечекъ въ большой городъ или въ Римъ. Школа Статія-отца въ Неаполѣ посѣщалась мальчиками изъ Луканіи и Апуліи [2]). Школа нѣкоего Флавія въ Венусіи не удовлетворяла отца Горація, хотя ее и посѣщали съ досками и пеналами взрослые сыновья важныхъ центуріоновъ; несмотря на свои ограниченныя средства, онъ отправилъ своего сына въ Римъ и далъ ему тамъ образованіе, которое получали сыновья всадниковъ и сенаторовъ [3]). Въ первые годы правленія Траяна въ Комо, напримѣръ, совсѣмъ не было учителей краснорѣчія, и молодые люди, желавшіе посвятить себя изученію его, должны были учиться въ Миланѣ. Плиній Младшій предложилъ лицамъ, заинтересованнымъ въ этомъ предпріятіи, собрать деньги на содержаніе учителя, и намѣревался самъ внести третью часть всей суммы. Подарить городу всю сумму онъ не рѣшался изъ боязни передъ предвыборными интригами, которыя очень дурно отзывались на замѣщеніи учительской должности въ такихъ мѣстахъ, гдѣ они назначались и оплачивались общиной [4]). Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и вообще очень часто за соотвѣтствующими научными силами обращались въ Римъ, и соискатели этой должности представлялись общинѣ, будучи снабженными рекомендательными письмами тамошнихъ знаменитостей [5]), и должны были обнаружить свою научную и педагогическую подготовку на публичномъ испытаніи. Геллій присутствовалъ въ Брундизіи на публичной пробной лекціи выписаннаго изъ Рима учителя. Послѣдній привелъ одно мѣсто изъ Вергилія очень неумѣло и даже съ ошибками и предложилъ затѣмъ слушателямъ ставить ему вопросы по поводу прочитаннаго. Отвѣчая на поставленный ему Гелліемъ вопросъ, онъ окончательно обнаружилъ свое полное невѣжество [6]).

По предписанію Антонина Пія, риторы и философы во всѣхъ провинціяхъ должны были получать жалованье (отъ общины) [7]) и, на основаніи одного указа, даннаго только для союза городовъ въ провинціи Азіи, но имѣвшаго значеніе и для всего остальнаго государства, онъ позволилъ освободить отъ муниципальныхъ повинностей слѣдующихъ лицъ: въ большихъ городахъ 10 врачей, 5 риторовъ и 5 грамматиковъ, въ среднихъ — 7 врачей 4 риторовъ и 4 грамматиковъ, а въ маленькихъ — 5 врачей, 3 риторовъ и

---

1) «Lex metalli Vipascensis», «Ephem. epigr.», III, 185.—2) Стат., «Сильв.», V, 3, 162 слл.—3) Горац., «Сат.», I, 6, 75.—4) Plin., «Epp.», IV, 13. «Grammaticus latinus» въ Comum'ѣ C. I. L. V, 2, 5278=Orelli, 1197.—5) Fronto, «ad amicos», I, 11 (изд. Naber I, 7, p. 179).—6) Геллій, XVI, 6, 1.—7) «Anton. Pius», гл. 11.

3 грамматиковъ [1]). Само собою разумѣется, что цифры эти не могли удовлетворять потребностямъ такихъ городовъ, какъ Эфесъ и Смирна, принадлежавшихъ къ самымъ большимъ и многолюднымъ городамъ имперіи. Что касается риторики и грамматики, то во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ городахъ, кромѣ небольшого числа назначаемыхъ и оплачиваемыхъ общиной учителей, должно было существовать гораздо большее количество частныхъ преподавателей. Геллій часто говоритъ о грамматикахъ, которые пользовались въ Римѣ почетнымъ положеніемъ въ качествѣ учителей, но ни разу не упоминаетъ объ учителѣ, который былъ бы назначенъ городомъ [2]). Если таковые и существовали въ основанномъ Адріаномъ Атенеумѣ, то число ихъ по отношенію ко всему числу жившихъ въ Римѣ грамматиковъ было очень незначительно. Публичное опредѣленіе на службу и въ другихъ городахъ было, по всей вѣроятности, очень желаннымъ явленіемъ среди учителей. На надгробной надписи одного латинскаго грамматика въ Тритіѣ Магаллѣ, въ таррконской Испаніи, говорится (очевидно, какъ о необычайномъ успѣхѣ), что покойный уже съ 25-и лѣтъ получалъ отъ города жалованье [3]). Кромѣ жалованья, учителя удостаивались порою и знаковъ почета; такъ напримѣръ, одинъ латинскій грамматикъ въ Веронѣ, принадлежавшій ко второму сословію, получилъ знаки отличія декуріоновъ [4]).

Грамматики, т.-е. учителя, преподавательская дѣятельность которыхъ заключалась въ чтеніи и объясненіи авторовъ на обоихъ языкахъ, обучали либо отдѣльныхъ лицъ, для чего иногда поступали въ знатные дома на довольно продолжительное время, либо—главнымъ образомъ, лучшіе и наиболѣе ученые учителя—открывали школы. По словамъ Квинтиліана, они считали себя достойными болѣе широкаго поля дѣятельности, тогда какъ менѣе значительныя личности, въ силу сознанія своей слабости, соглашались, на подобіе педагоговъ (воспитателей мальчиковъ) [5]), посвящать всю свою жизнь отдѣльнымъ лицамъ. Но за хорошее вознагражденіе и лучшіе учителя, вѣроятно, давали частные уроки. Маркъ Аврелій былъ очень благодаренъ своему прадѣду за то, что тотъ далъ ему возможность пользоваться частными уроками одного такого преподавателя, вслѣдствіе чего онъ могъ не посѣщать общественной школы и лишній разъ убѣдиться въ томъ, что на это скупиться не надо [6]). Лица, посвящавшія себя преподавательской дѣятельности, принадлежали, по большей части, къ низшимъ классамъ. Въ Римѣ ими были, главнымъ образомъ, вольноотпущенники, лица, не имѣвшія права гражданства, и провинціалы, которыхъ Юлій Цезарь въ большомъ количествѣ привлекъ въ столицу, даровавъ учителямъ право гражданства [7]). Большинство изъ нихъ было родомъ изъ греческихъ провинцій и съ Востока, такъ какъ въ Римѣ преподаваніе греческаго языка и литературы особенно процвѣтало.

Большинство учителей занималось преподаваніемъ только ради заработка, а не въ силу внутренняго призванія; объ этомъ приходится заключить на томъ основаніи, что среди самыхъ знаменитыхъ и отличившихся своей ученой дѣятельностью грамматиковъ (филологовъ) Рима въ I вѣкѣ (о ко-

---

[1]) «Digg.», XXVII, 1, 6, § 2.—[2]) Геллій, IV, 1. V, 4. IV, 17. XIV, 5 и 10. XX, 10. Среди magistri и praeceptores C. I. L. VI, 10008, можетъ быть, и грамматики.—[3]) C. I. L. II, 2892.—[4]) C. I. L. V, 1, 3313.—[5]) Квинтил., I, 2, 10.—[6]) M. Antonin., «Comment.», I, 4.—[7]) Светон., «Цезарь», гл. 42. Его же, «Августъ», гл. 42.

торыхъ говоритъ Светоній) очень многіе посвятили себя наукѣ или совершенно случайно, или лишь послѣ неудачи, которую они претерпѣли въ какой-нибудь другой области. Нѣкоторые изъ нихъ получили основныя знанія, находясь въ качествѣ вольноотпущенниковъ или рабовъ въ услуженіи у ученыхъ, другіе, сопровождая въ школу сына своихъ господъ. Знаменитый Орбилій былъ сначала секретаремъ у одного магистрата, а послѣ этого служилъ въ пѣхотѣ и въ конницѣ. Еще болѣе знаменитый М. Валерій Пробъ изъ Берита занялся изученіемъ языковъ только тогда, когда ему пришлось окончательно отказаться отъ давно лелѣемой надежды добиться одной изъ низшихъ офицерскихъ должностей. Третій былъ нѣкогда кулачнымъ бойцомъ, четвертый слонялся по театрамъ и добывалъ себѣ пропитаніе, принимая участіе въ сочиненіи фарсовъ [1]). Въ противоположность всѣмъ имъ, будущій императоръ Пертинакъ, сынъ вольноотпущенника, занимавшагося дровяной торговлей, перешелъ изъ учительскаго званія въ военное, такъ какъ первое не давало ему достаточнаго заработка [2]).

По всей вѣроятности, господствовало то общее мнѣніе, что „сидѣть въ школѣ и учить дѣтей"—одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ видовъ заработка [3]). „Грамматика (школьнаго учителя), который былъ бы счастливъ, нѣтъ, да и никогда не было,—говоритъ Авсоній.—Если же таковой наперекоръ судьбѣ и существовалъ когда-нибудь, то онъ нарушилъ правила грамматики" [4]). Труды и заботы ихъ были велики, а выгоды очень незначительны, и только очень немногихъ учителей утѣшало и поднимало сознаніе того, „что обучать невинные умы добрымъ нравамъ и священнымъ наукамъ"—высокое, даже царственное призваніе [5]). Обученіе начиналось съ разсвѣтомъ или даже раньше; учитель долженъ былъ вставать раньше кузнеца или ткача, долженъ былъ вдыхать чадъ лампъ, которыя приносились учениками и покрывали копотью бюсты Горація и Вергилія, находившіеся въ классѣ [6]). Продолжительность ежедневныхъ занятій была не всегда одинакова, но они длились, повидимому, часовъ шесть, что Авсоній называетъ обычнымъ для своего времени явленіемъ [7]).

Галенъ разсказываетъ про нѣкоего грамматика Діодора, что онъ страдалъ эпилептическими припадками, если ему не удавалось поѣсть между уроками, и что онъ началъ чувствовать себя гораздо лучше съ тѣхъ поръ, какъ, по совѣту его, сталъ часа въ 3 или 4 ѣсть немного хлѣба, смоченнаго въ винѣ [8]): то-есть въ срединѣ занятій или немного позже. Напротивъ, въ греко-латинскихъ школьныхъ разговорахъ говорится, что ученики уходили къ завтраку, то-есть въ полдень, домой, послѣ чего они возвращались въ школу, успѣвъ переодѣться [9]). Что касается возраста учениковъ, то его болѣе или менѣе можно опредѣлить. По Павлу Эгинскому, отъ предписаній котораго, вѣроятно, не очень отклонялась и практика болѣе раннихъ вѣковъ,

---

[1]) Светон., «Ill. gr.», 19 слл. 23, 9, 24, 22, 18.—[2]) «Pert.», гл. 1.—[3]) «Ann. Flor. fr.» Jahn'a. Flor. p. XLIII. (О сидѣніи учителей ср. Jahn, «Darst. des Handwerks usw», ук. соч., стр. 292.—[4]) Авсон., «Эпигр.», 138.—[5]) «Ann. Flor. fr.» у Jahn, Flor. p. XLIV. Wissowa, «Parodia d'una scena di Scuola» (оселъ въ качествѣ учителя, обезьяны вмѣсто учениковъ), «Bull. dell'Inst.», 1890, стр. 1 слл.; табл. I.—[6]) Ювен., 7, 222 сл.—[7]) Авсон., «Письм.», 18, 10.—[8]) Галенъ, XI, 242.—[9]) «Colloqu. Scholast.» (Stephan. ed. Londin., p. 426) Boucherie, Ἑρμηνεύματα, стр. 207.

а также и западная, первоначальное обученіе мальчиковъ должно было начинаться съ шести- или семилѣтняго возраста [1]), обученіе грамматикѣ и геометріи (вмѣстѣ съ гимнастическими упражненіями) начиналось въ 12 лѣтъ; съ 14 до 20 года продолжалось изученіе (высшей) математики и философіи (въ связи со сложными физическими упражненіями) [2]). Труднѣе всего было учителю не упускать все время изъ виду „рукъ и мигающихъ глазъ" столь большого количества подростающихъ мальчиковъ, о нравственности которыхъ онъ долженъ былъ заботиться, какъ отецъ [3]). Въ своей исповѣди Августинъ разсказываетъ о проступкахъ своего школьнаго времени, когда страхъ его передъ тѣмъ, что онъ сдѣлаетъ ошибку въ языкѣ, былъ гораздо сильнѣе, чѣмъ стремленіе его избавиться отъ зависти по отношенію къ тѣмъ ученикамъ, которые не дѣлали этихъ ошибокъ. Прибѣгая постоянно ко лжи, онъ обманывалъ своихъ надзирателей (педагоговъ), своихъ учителей и родителей, побуждаемый къ этому своей любовью къ игрѣ съ орѣхами, въ мячъ и съ птицами, своей страстью къ фарсамъ (комедіямъ), и изъ дѣтскаго желанія подражать видѣнному. Онъ бралъ потихоньку изъ кладовой и со стола своихъ родителей, влекомый отчасти своей любовью къ лакомствамъ, отчасти же, чтобы съ помощью украденнаго купить у другихъ мальчиковъ игрушекъ, и обманывалъ въ играхъ [4]).—Каракули школьниковъ сохранились въ большомъ количествѣ на помпеянскихъ стѣнахъ. До насъ дошло также, составленное, должно-быть, школьниками, „завѣщаніе поросенка М. Груннія Корокотты, пользовавшееся большимъ успѣхомъ среди „кудрявой толпы". Поросенокъ передъ смертью, которую онъ долженъ претерпѣть подъ ножомъ повара, завѣщаетъ своему отцу (Верршу Лардину) 30 мѣръ желудей. Сапожнику онъ завѣщаетъ свою щетину, глухимъ свои уши, адвокатамъ и болтунамъ свой языкъ и т. д., а на надгробномъ памятникѣ своемъ проситъ сдѣлать слѣдующую надпись золотыми буквами: „М. Грунній прожилъ 999½ лѣтъ; если бы онъ пожилъ еще полгода, то жизнь его равнялась бы тысячѣ годамъ" [5]). Подобно тому, какъ эта школьная шутка очень напоминаетъ намъ современныя, приходится думать, что и въ то время при борьбѣ между учителями и учениками разыгрывались тѣ же сцены, какъ и теперь, что и тогда уже ученики были рады посмѣяться надъ слабостью учителя. Въ греческомъ сборникѣ анекдотовъ изъ позднѣйшаго времени встрѣчается слѣдующая школьная исторія: одинъ начальный учитель сказалъ во время урока: „А Діонисій въ томъ углу шалитъ". Когда ему отвѣтили, что Діонисія тамъ нѣтъ, то онъ возразилъ: „когда онъ будетъ тамъ, онъ будетъ шалить" [6]). Среди тѣхъ причинъ, которыя заставляютъ предпочесть школьное обученіе домашнему преподаванію, Квинтиліанъ приводитъ и то соображеніе, что дружба, заключенная въ школѣ, сохраняется до старости, и что соревнованіе между сверстниками будитъ въ нихъ нужное честолюбіе [7]). Съ другой стороны, существовало мнѣніе, что школа очень легко портитъ нравы [8]), хотя мальчики изъ хорошихъ семей и являлись въ школу въ сопровожденіи педагоговъ.

---

[1]) Ср. Квинтил., I, 1, 15.—[2]) Paul. Aegineta, «De arte med.», I, 14. Страннымъ является то, что совсѣмъ не упоминается преподаваніе риторики.—[3]) Ювен., ук. м.—[4]) Август., «Испов.», I, 19, 30.—[5]) Petron., изд. 2-ое Bücheler'a, стр. 231 сл.—[6]) Philogel., ed Eberhardt, 61.—[7]) Квинтил., I, 2, 20.—[8]) Его же, I, 2, 4.

Часто молва не щадила и нравственности учителей [1]). Для поддержанія порядка учителя, должно-быть, часто пользовались тростью, розгами и кнутомъ [2]). Меньшинство преподавателей (къ которымъ принадлежалъ и Квинтиліанъ) придерживалось того гуманнаго мнѣнія, что ученики вообще не должны подвергаться тѣлесному наказанію [3]). Трудность и тягость учительскаго званія усугублялась еще несправедливыми требованіями родителей; о ихъ безтактности и тщеславіи по поводу дѣтей уже Орбилій написалъ цѣлую книгу жалобъ [4]). На школьную пыль учителя пожаловаться не могли, такъ какъ преподавали въ совсѣмъ или наполовину открытыхъ помѣщеніяхъ [5]), на плоскихъ крышахъ или непосредственно у самой улицы, отъ которой ихъ отдѣляла только занавѣсь [6]). Лѣтніе каникулы (не говоря ужъ о многочисленныхъ праздникахъ) [7]) продолжались очень долго, такъ какъ лѣтомъ, по словамъ Мартіала, достаточнымъ занятіемъ мальчиковъ считалась забота о своемъ здоровьѣ [8]). Домашніе учителя, главнымъ образомъ, греки, жаловались, и совершенно справедливо, на недостойное обращеніе съ ними, на всевозможныя униженія и на то, что жалованья ихъ едва хватаетъ, чтобы заплатить врачу, сапожнику и торговцу платьемъ [9]). Римляне же, въ свою очередь, заявляли, что этихъ иностранцевъ въ знатныхъ домахъ предпочитаютъ имъ, и что они съ помощью интригъ и подлостей становятся настоящими господами въ этихъ домахъ [10]).

Въ общемъ грамматическое преподаваніе въ Римѣ оплачивалось плохо. Ювеналъ говоритъ о пяти золотыхъ (500 сестерціевъ), какъ о годичномъ гонорарѣ; занятія съ тридцатью учениками доставляли, слѣдовательно, только 15000 сест. (1632 рубля), причемъ изъ этихъ же денегъ надо было платить за наемъ помѣщенія и т. д. [11]). Хорошіе учителя зарабатывали, конечно, гораздо больше; многіе изъ нихъ занимались съ бо́льшимъ числомъ учениковъ, но за то многіе съ еще меньшимъ: у Мартіала одинъ учитель просилъ императора даровать ему вмѣсто правъ, которыми пользуются люди, имѣющіе трехъ и больше дѣтей, право имѣть трехъ учениковъ, такъ какъ у него число ихъ никогда не превышало двухъ [12]). По тарифу Діоклетіана за мѣсячное занятіе съ однимъ ученикомъ начальный учитель и учитель чистописанія получаютъ 50 денаровъ (45 коп.), учитель ариѳметики и скорописи—75 денаровъ (около 70 коп.), учитель языковъ и геометріи—200 денаровъ (1 р. 80 к.), а учитель краснорѣчія—250 денаровъ (2 р. 25 коп.) [13]). Конкурренція, безъ сомнѣнія, была очень велика: уже въ концѣ республики въ

---

[1]) Ср. Nissen, «Hermes», I, 147. Ювен., 10, 224. Квинтил., I, 3. 17. Lucill., «ср.», 4. Anthol. Gr. ed. Jacobs, 1794, III, стр. 29 (т. II, стр. 317).—[2]) Marquardt, «Privatleben», 2 изд., I, 113, 7. Auson., «Idyll.», 4, 24 слл. Ср. картину у Jahn'а ук. соч., табл. I, 3 (стр. 288 и 294) Prudent., «Cathem.», pr. 7—9.—[3]) Квинтил., I, 3, 14.—[4]) Sueton., «Ill. gr.», 9.—[5]) Marquardt, ук. соч., стр. 93 сл. Ср. также у Dio Chr. «orat.», 20, p. 264, 14 и у Jahn'а ук. соч., стр. 289. Тѣ фигуры, которыя Jahn считаетъ госпитантами, ничто иное, какъ педагоги, сопровождающіе учениковъ.—[6]) Август., «Испов.», I, 13, 22.—[7]) Marquardt, ук. соч., стр. 113, 9.—[8]) Мартіалъ, X, 62, 12.—[9]) Lucian., «De merc. cond.», 38.—[10]) Ювен., 3, 69 слл. Lucian., ук. соч. 17.—[11]) Ювен., 7, 243 (ср. схол.).—[12]) Мартіалъ, X, 60.—[13]) Blümner, «Ed. Diocletiani de pretiis rerum venalium», стр. 119. По Горацію, «Сат.», I, 6, 72, мѣсячная школьная плата равнялась только octoni aeris=8 асовъ (приблизительно 19 коп.). Стоимость Діоклетіановскаго денара была немного больше $^9/_{10}$ коп. Blümner, стр. 59.

Римѣ существовало иногда одновременно по 20 посѣщаемыхъ школъ грамматики [1]). Нѣкоторыя школы принадлежали двумъ лицамъ заразъ, которыя дѣлили между собою доходы [2]), а пожилые учителя, по всей вѣроятности, держали и оплачивали помощниковъ [3]), какъ, напримѣръ, другъ Августина, Верекундъ въ Миланѣ. Хотя учителя, какъ объ этомъ говоритъ Овидій, и считались вообще обиженными въ матеріальномъ отношеніи классомъ [4]), но тѣ изъ нихъ, которые пользовались извѣстностью, зарабатывали все-таки сравнительно много. М. Веррій Флаккъ, который вмѣстѣ со всей своей школой былъ принятъ Августомъ въ его дворецъ [5]), получилъ отъ него за обученіе его внуковъ ежегодное жалованье въ 100000 сест. (около 10875 руб.) [6]). Реммій Палемонъ получалъ со своей школы доходъ въ 400000 сест. и приблизительно столько же со своего частнаго имущества, пріобрѣтеннаго имъ, вѣроятно, преподавательской дѣятельностью. Это свое имущество онъ старательно увеличивалъ, занимаясь торговлей платьемъ и тщательнымъ управленіемъ своихъ помѣстій [7]). Запущенный виноградникъ около Номента, купленный имъ за 600000 сест., былъ доведенъ съ помощью отличныхъ знатоковъ этого дѣла до такого состоянія, что черезъ восемь лѣтъ сборъ винограда приносилъ ему 400000 сест. Черезъ десять лѣтъ онъ продалъ все помѣстье за сумму въ четыре раза больше покупной цѣны философу Сенекѣ [8]), который, по собственнымъ словамъ его, ревностно занимался разведеніемъ винограда и часто упоминаетъ виноградникъ около Номента [9]). Эпафродитъ изъ Херонеи, который занимался въ Римѣ преподавательской дѣятельностью, начиная со времени Нерона и вплоть до Нервы, и умеръ 75-и лѣтъ отъ роду, владѣлъ въ Римѣ двумя домами и библіотекой, состоявшей изъ 3000 томовъ драгоцѣнныхъ и рѣдкихъ книгъ [10]). Что касается оффиціальныхъ должностей, занимаемыхъ учителями, то, кромѣ школъ, они служили еще только при библіотекахъ въ Римѣ и Александріи. При секретаріатѣ императора они занимали, должно-быть, высшія должности только въ исключительныхъ случаяхъ [11]).

Профессора краснорѣчія страдали отчасти отъ тѣхъ же невзгодъ и превратностей, какъ и школьные учителя. И имъ приходилось выносить, съ одной стороны, несправедливыя требованія и глупое тщеславіе родителей [12]), а съ другой—шалости и лѣность учениковъ, которые чаще предпочитали играть въ кости и въ волчекъ, чѣмъ заучивать рѣчь умирающаго Катона, и натирали себѣ глаза масломъ, чтобы имѣть поводъ пропустить урокъ [13]). То устройство, о которомъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ Квинтиліанъ, на основаніи котораго учителемъ ежемѣсячно опредѣлялся порядокъ слѣдованія учениковъ въ зависимости отъ ихъ успѣховъ, далѣе то значеніе, которымъ пользовались въ классѣ первые ученики [14]), заставляютъ думать, что большинство ихъ находилось еще „далеко отъ возмужалости“, какъ говоритъ

---

[1]) Sueton., «Ill. gr.», 3.—[2]) «Digg.» XVII, 2, 71.—[3]) Август., «Испов.», VIII, 6, 13. Петрон., гл. 81, 1. Auson., «Proff.», 22. Boucherie, Ἑρμηνεύματα, стр. 206. (Описаніе школьнаго преподаванія) «Corp. Gloss.», III, 198, 22.—[4]) Овид., «Фаст.», III, 829.—[5]) См. выше, стр. 67, 8.—[6]) Светон., ук. соч. 17.—[7]) Тамъ же, 23.—[8]) Plin., «N. h.», XIV, 48—52.—[9]) Seneca, «Qu. N.», III, 7, 1. «Epp.», 104 и 110. Ср. Columella, III, 3, 3.—[10]) Свида, см. Ἐπαφρόδιτος.—[11]) Sueton., «Ill. Gr.», 20 (Гигинъ).—[12]) Петрон., «Сатир.», 4. Квинтил., II, 4, 16.—[13]) Ювен., 7, 213. Перс., III, 44—51.—[14]) Квинтил., I, 2, 22.

Авсоній [1]), однако, если большинство учениковъ и носило еще одежду мальчиковъ [2]), то это не исключаетъ возможности того, что нѣкоторые, какъ напримѣръ, Геллій, находились уже въ юношескомъ возрастѣ [3]). Мартіалъ называетъ Квинтиліана, какъ представителя общественной каѳедры краснорѣчія, „главнымъ руководителемъ непостоянной молодежи" [4]). Риторъ Вергиній Флавъ былъ изгнанъ послѣ заговора Пизона, въ виду того, что преподаваніе его имѣло большое вліяніе на молодыхъ людей [5]). Ювеналъ упоминаетъ, что ритору Руфу и другимъ приходилось сносить удары „каждому отъ своихъ учениковъ" [6]). Августинъ, изучившій риторику въ Карѳагенѣ, былъ вынужденъ покинуть этотъ городъ, вслѣдствіе ужасающей безправственности учащейся молодежи, и переселиться въ Римъ, гдѣ нравы были строже [7]). Конкурренція была настолько велика, что сами учителя (по словамъ Ювенала) искали себѣ учениковъ [8]), прибѣгая при этомъ къ лести и недостойной уступчивости, чтобы только наполнить свои аудиторіи [9]). Сами учителя должны были испытывать смертельную скуку отъ произносимыхъ для упражненія рѣчей, вѣчно на однѣ и тѣ же темы, которыя Ювеналъ называетъ постоянно разогрѣваемой капустой. Заработокъ ихъ былъ очень не великъ, порою имъ совсѣмъ не платили,—такъ что даже каѳедра краснорѣчія не всегда приносила ожидаемые доходы [10]). Августину въ этомъ отношеніи пришлось испытать въ Римѣ очень много горькаго, такъ что онъ сталъ хлопотать о мѣстѣ въ Миланѣ [11]). Либаній привыкъ къ тому, что ученики не платили, отчасти вслѣдствіе бѣдности, отчасти же вслѣдствіе того, что деньги, полученные отъ отцовъ для вознагражденія учителю, растрачивались ими на пиры, на игру въ кости и на кутежи [12]). Все же риторамъ платили больше, чѣмъ грамматикамъ (Ювеналъ говоритъ, правда, о 2000 сест. [218 рублей], какъ о значительномъ гонорарѣ ритора), но и вообще ихъ положеніе считалось болѣе выгоднымъ и почетнымъ [13]), уже вслѣдствіе того, что они занимались высшимъ преподаваніемъ, находившимся въ непосредственной связи съ жизнью, и что въ числѣ ихъ учениковъ были и взрослые [14]). Способность изысканной и плавной, даже художественной рѣчи требовалась не только для общаго образованія, но была даже необходима во многихъ жизненныхъ положеніяхъ, главнымъ образомъ, для занятія всѣхъ высшихъ должностей. Профессура латинскаго и греческаго краснорѣчія была поэтому въ Римѣ, да и въ другихъ городахъ, по всей вѣроятности [15]), первой и долгое время един-

---

[1]) Auson, «Profess.» 17, 10.—[2]) Plin., «Epp.», IV, 13. «Vita Persii». Orelli, 2432=C. I. L. VI, 2188. Kaibel, «Epigr.», 229.—Auson., «Mosella», 403.—По словамъ Либанія (ed. R. I, 178, 15), тѣлесныя наказанія были въ школахъ риторовъ въ Антіохіи обычнымъ явленіемъ; но заключить отсюда, что подобные порядки существовали и на западѣ и въ болѣе раннее время, было бы рискованнымъ.—[3]) Auson., «Idyll.», 4, 73. Prudent., «Cath.», pr. 7—9, см. выше стр. 172, 3.—[4]) Мартіалъ, II, 90.—[5]) Тац., «Анн.», XV, 71. Gellius, XIX, 9, 2.—[6]) Ювен., 7, 213 сл.—[7]) Август., «Испов.», V, 8, 14.—[8]) Ювен., 7, 165.—[9]) Тац., «Діал.», гл. 28.—[10]) Ювен., 7, 157. 203.—[11]) Август., «Испов.», V, 12, 22.—[12]) Либан., изд. R. I., стр. 198 сл. Плата вносилась 1-го января, стр. 259, 20.—Ср. вообще Sievers, «Leben des Libanius», стр. 16—42 (о риторахъ и ихъ школахъ).—[13]) Ювен., 7, 217; ср. 1, 86 слл. По Cod. Theod. De med. et prof. l. 11 (Kuhn, «Verfassung», I, 94, 664) жалованье риторовъ было вдвое больше жалованья грамматиковъ; По ср. Kuhn, стр. 102 (пр. 740, о гонорарахъ, получаемыхъ греческими риторами).—[14]) Marquardt, ук. соч., стр. 111 сл.—[15]) «Anton. P.», гл. 11.

ственной должностью, которая оплачивалась государствомъ и общинами. Въ Римѣ они получали жалованье въ 100000 сест., что равнялось жалованью прокуратора третьей степени и было въ четыре раза больше содержанія военнаго трибуна [1]). Испанецъ Квинтиліанъ, первый занявшій новосозданную Веспасіаномъ каѳедру, не только сильно разбогатѣлъ, но и удостоился еще (въ качествѣ учителя принцевъ) консуларскихъ знаковъ отличія [2]).

Уже въ эпоху Нерона и вслѣдствіе того кажущагося интереса, который онъ обнаруживалъ по отношенію къ краснорѣчію, многіе преподаватели, какъ объ этомъ уже говорилось, изъ самаго низкаго состоянія возвысились до сенаторскаго званія и добились высшихъ почестей [3]). Въ первомъ [4]), а еще болѣе во второмъ вѣкѣ знаменитые ораторы нерѣдко достигали вліятельной должности императорскихъ секретарей, что было порою только предварительною ступенью къ дальнѣйшимъ повышеніямъ [5]). Въ одномъ анекдотѣ разсказывается, что астрологъ предсказалъ по расположенію звѣздъ въ часъ рожденія одного мальчика, что онъ будетъ риторомъ, затѣмъ префектомъ и, наконецъ, намѣстникомъ [6]). Изъ всего этого понятно, почему профессія эта избиралась и лицами, принадлежавшими къ сословію всадниковъ, какъ это впервые сдѣлалъ въ правленіе Августа нѣкій Бландъ. До него только вольноотпущенники занимались преподаваніемъ краснорѣчія; и позорнымъ считалось преподаваніе того, изученіе чего казалось вполнѣ приличнымъ [7]). Случалось, что риторы возводились въ званіе всадниковъ по волѣ императора, такъ напримѣръ, Діонисъ Милетскій—по волѣ Адріана, который назначилъ его къ тому же прокураторомъ нѣсколькихъ провинцій и отличилъ его правомъ обѣдать на общественный счетъ въ Александрійскомъ музеѣ [8]). О софистѣ Геліодорѣ Филостратъ разсказываетъ, что императоръ (Северъ) пожаловалъ ему и сыновьямъ его казенную лошадь [9]). О грамматикахъ ничего подобнаго не сообщается. Со II вѣка риторы стали назначаться внѣ Рима въ среднихъ и, повидимому, даже въ очень многихъ маленькихъ городахъ общинами. Съ этого времени притокъ лицъ, изучающихъ въ Римѣ краснорѣчіе, увеличился, между прочимъ, и потому, что по рекомендаціи римскихъ знаменитыхъ учителей и ораторовъ было сравнительно легко достать себѣ мѣсто либо въ Италіи, либо въ провинціи. Плиній проситъ Тацита выбрать изъ большого числа молодыхъ людей, объединенныхъ преклоненіемъ передъ его умомъ, такихъ, которыхъ онъ могъ бы предложить въ качествѣ учителей риторики для своего родного города Кома [10]). Фронтонъ проситъ своего зятя Ауфидія Викторина дать рекомендацію ритору Антонію Аквилѣ для полученія государственнаго мѣста въ одномъ изъ городовъ Галліи [11]). Преподаватели греческаго краснорѣчія занимали уже во время Страбона оффиціальныя мѣста въ городахъ этой провинціи [12]). Лукіанъ хвалится тѣмъ,

---

[1]) См. выше, стр. 123, 4. Жалованье въ 600000 сест., которые Евменій получалъ въ Августодунѣ («Orat. pro restaur. scholis», гл. 11, 14, 16)—послѣ того, какъ онъ въ качествѣ magister sacrae memoriae получалъ 300000 сест.—было особымъ знакомъ императорскаго благоволенія.—[2]) Ювен., 7, 186. См. выше, стр. 62, 2.—[3]) Ср. стр. 32, 6.—[4]) Риторъ Секундъ при Отонѣ.—[5]) Иначе у Kuhn'a, «Verf. d. R.», I, 92 сл.—[6]) Philogelos, 202.—[7]) Seneca, «Controv.», II, prooem. 5.—[8]) Philostr., «Vitt. Soph.», I, 22, p. 224.—[9]) Philostrat, «Vitt. Soph.», II, 32, стр. 273 сл.—[10]) Plin., «Epp.», IV, 13.—[11]) Fronto, «ad amicos», I, 11 (изд. Naber I, 7, стр. 179).—[12]) Strabo, IV, 181.

что онъ принадлежалъ къ лицамъ, получавшимъ на такой должности очень большое жалованье [1]).

Искусство рѣчи могло приносить еще гораздо больше выгодъ, если оно, вмѣсто аудиторій, практиковалось въ судѣ [2]). Не каждый, обладавшій достаточнымъ для учителя знаніемъ и искусствомъ, могъ выступить въ качествѣ судебнаго оратора, но многіе, какъ Квинтиліанъ, соединяли оба рода занятій или переходили отъ одного къ другому [3]). Судебные ораторы очень часто избирали подъ старость болѣе спокойную дѣятельность преподавателей [4]). Для веденія защиты и обвиненія было необходимо не юридическое образованіе, какъ въ настоящее время, а, главнымъ образомъ, даръ краснорѣчія. Къ достиженію краснорѣчія стремились поэтому, прежде всего, даже тѣ судебные ораторы, которые желали по возможности разностороннѣе подготовиться къ своему призванію; и если они при этомъ и не пренебрегали изученіемъ права, все же смотрѣли на него, какъ на второстепенное вспомогательное средство. Тѣмъ болѣе большинство адвокатовъ (которые и тогда уже носили это имя), занимавшихся своимъ дѣломъ, какъ ремесломъ, обладали только даромъ краснорѣчія и совсѣмъ не знали законовъ [5]), такъ что во время процессовъ имъ приходилось пользоваться услугами юридически образованныхъ помощниковъ (такъ называемыхъ прагматиковъ), вознагражденіе которымъ взималось съ обѣихъ сторонъ особо; о нихъ рѣчь еще впереди.

Адвокатура была, должно-быть, обычной дорогой, по которой шли люди третьяго сословія, если они отличались умомъ и честолюбіемъ: „въ тогѣ выслуживался народъ“ [6]). Тога, въ которой выступали судебные ораторы, стала въ то время для нихъ, какъ и для кліентовъ, отличительной одеждой, по которой они и получили названіе „носителей тоги“ (togati) [7]). Квинтиліанъ называется у Марціала „величайшей гордостью римской тоги“ [8]). Во всей остальной Италіи и въ провинціяхъ эту профессію предпочтительно избирали самые способные и честолюбивые люди (такъ напримѣръ, Лукіанъ и Апулей); вольноотпущенникъ въ колоніи Петронія, желающій обучить кой-чему своего сына, хочетъ сдѣлать изъ него, если не аукціонатора, то во всякомъ случаѣ адвоката [9]). Занятіе адвокатурой и законовѣдѣніемъ считалось самымъ почетнымъ гражданскимъ дѣломъ среди лицъ третьяго сословія, какъ это видно изъ того, что только эти два занятія среди другихъ, доступныхъ этому сословію, признавались приличными и для всадниковъ и сенаторовъ. Адвокатура была также единственнымъ гражданскимъ поприщемъ, на которомъ лица низкаго происхожденія могли, благодаря таланту и счастью, подняться до перваго сословія. Съ ея помощью удалось Эпрію Марцеллу и Вибію Криспу возвыситься до консулата, добиться дружбы императоровъ, высшихъ почестей и большого могущества [10]). Среди писателей этого времени, принад-

---

[1]) Lucian, «Apol.», гл. 15.—[2]) Ср. Kuhn, ук. соч. I, 103.—[3]) Марціалъ, II, 64.—[4]) Квинтил., XII, 11, 4.—[5]) Квинтил., XII, 3. Тац., «Діал.», гл. 31. 32.—[6]) Тас., «Анн.», XI, 7. C. I. L. IV, 9240—9242.—[7]) O. Hirschfeld, въ «Gött. gel. Anz.» 1872, стр. 680 (togati=advocati Dirksen, «Manuale» s. v. § 2; Heinrich къ Ювен. 8, 49). Sidon. Apoll., «Epp.», VI, 3, «Eph. epigr.», VII (1888), № 102 ex tog(ato)—бывшій адвокатъ.—[8]) Марціалъ, II, 90, 2.—[9]) Петрон., «Сат.», гл. 46.—[10]) Тац., «Діал.», гл. 9, 11, 13. См. выше стр. 126.

лежавшихъ къ сословію всадниковъ, въ качествѣ адвокатовъ выступали Л. Сенека, Светоній и Плиній Старшій [1]). Плиній Младшій, который выступалъ публично уже въ 19-илѣтнемъ возрастѣ [2]), и Фронтонъ, ставъ сенаторами, все же оставались вѣрными адвокатурѣ.

Знаменитые судебные ораторы жили въ большой роскоши; ихъ просторные и разукрашенные атріи ежедневно наполнялись посѣтителями [3]), ихъ имя было на устахъ у всѣхъ, высокопоставленныя и богатыя лица добивались ихъ дружбы, иностранцы, наслышавшіеся о нихъ уже въ муниципіяхъ и колоніяхъ, желали познакомиться съ ними [4]). Внутри ихъ домовъ и на площадкахъ передъ ними стояли ихъ статуи (воздвигнутыя, вѣроятно, благодарными кліентами) [5]); нѣкоторые изображались даже на конѣ или стоящими на запряженной четверкой колесницѣ [6]). Входъ и ведущія къ нему ступени украшались пальмовыми вѣтвями въ знакъ выигранныхъ процессовъ [7]), послѣ которыхъ большая толпа сопровождала побѣдоноснаго защитника до дома, въ то время какъ оправданные подсудимые съ остриженной головой (въ знакъ благополучно пережитой опасности) отправлялись въ одинъ изъ храмовъ, чтобы принести благодарственную жертву богамъ [8]). Адвокаты, двери которыхъ осаждались отдѣльными партіями и охранялись грубыми привратниками [9]), если и не добивались должностей и званій, то зарабатывали себѣ цѣлое состояніе [10]), и этотъ видъ обогащенія считался вполнѣ приличнымъ [11]). Само собою разумѣется, что рядомъ съ этими извѣстными и дорого оплачиваемыми адвокатами существовало еще большое количество мелкихъ, которые, можетъ быть, за четыре рѣчи получали одинъ золотой, съ вычетомъ отсюда еще вознагражденія прагматику [12]), и которые не зарабатывали даже столько, чтобы заплатить за квартиру [13]). Сельскіе кліенты ограничивались, въ большинствѣ случаевъ, приношеніемъ съѣстныхъ припасовъ. Ряды горшковъ (наполненныхъ, вѣроятно, фруктами) въ кладовой адвоката были даромъ толстаго умбрійца, котораго онъ защищалъ; окорока и бочки съ соленой рыбой — памятью о марсійскомъ кліентѣ [14]). Пиценецъ, по словамъ Марціала, посылаетъ своему защитнику къ празднику сатурналій маленькую коробочку съ оливками, комплектъ изъ семи помѣщавшихся одинъ въ другомъ кубковъ грубой сагунтинской гончарной работы и красную полосатую салфетку [15]). Ювеналъ говоритъ, что иногда вознагражденіе состояло изъ пяти бутылокъ деревенскаго вина и т. п. [16]). Марціалъ проситъ кліентовъ знакомаго ему адвоката Реститута избавить этого послѣдняго въ день его рожденія отъ подобныхъ подарковъ. Надутый торговецъ, лавка котораго находится

---

1) Сенека, «Письм.», 49, 2.—О Светоніи ср. Mommsen, «Hermes» III, 43, 4; о Плиніи Старшемъ—Плин. «Письм.» III, 5, 7.—2) Mommsen, ук. соч. 78 и 103—105.—3) Витрув., VI, 5, 1.—4) Тац., «Діал.», гл. 6, 7.—5) Seneca, «de beneficiis», V, 8, 2.—6) Марціалъ, IX, 68, 5. Ювен., VII, 124 слл. Ср. Müller, «Hdb. d. Archäol.», § 199, 4.—7) Марціалъ, VII, 28. Ювен., 7, 118.—8) Марціалъ, II, 74.—9) Сенека, «De ira», III, 37. Статій, «Сильв.», IV, 4, 41.—10) Марціалъ, I, 17, 76. II, 30. V, 16. VIII, 16, 17.—11) Квинтил., XII, 7, 10.—12) Ювен., 7, 122.—13) Марціалъ, II, 38, 5.—Въ «Colloq schol. Labb. Gloss.» II, стр. 247 говорится о процессѣ въ провинціи, причемъ какъ гонораръ всѣмъ защитникамъ называется сравнительно небольшая сумма въ 100 денаровъ.—Ср. «Colloq. schol.» ed. Haupt, «Ind. lect. Berol. hib.», 1871, стр. 6, 3. О жалобахъ по поводу гонорара ср. «Digg.» L. 13, 1, § 10—13.—14) Персій, 3, 75.—15) Марціалъ. IV, 46.—16) Ювен., 7, 119.

въ портикѣ Агриппы, могъ бы послать ему пурпуровыхъ плащей, другой торговецъ, котораго обвиняли за участіе въ дракѣ во время попойки, могъ бы прислать одежды для пировъ; молодая женщина, выигравшая процессъ, который она вела со своимъ мужемъ по поводу прелюбодѣянія, могла бы пожертвовать настоящіе драгоцѣнные камни и принести ихъ сама, а старый знатокъ художественныхъ произведеній подарить хорошее мраморное издѣліе [1]).

Наплывъ адвокатовъ былъ, очевидно, очень великъ, и употребленіе ими шарлатанскихъ средствъ, съ цѣлью добиться извѣстности и найти себѣ кліентовъ, стало общимъ явленіемъ. Судебные ораторы, желавшіе обратить на себя вниманіе, никогда не появлялись безъ большой связки рукописей, а кромѣ того, старались привлечь кліентовъ своей богатой одеждой, видомъ состоятельности и толпой рабовъ и кліентовъ, окружавшихъ ихъ носилки. Они брали даже на прокатъ драгоцѣнныя кольца, которыя они надѣвали во время засѣданія суда, чтобы заставить этимъ кліентовъ заплатить имъ больше [2]). Лицъ, желавшихъ поручить имъ веденіе процесса, они отсылали къ своимъ помощникамъ для изложенія дѣла, или же просили ихъ явиться только въ утро дня суда или наканунѣ, чтобы показаться заваленными дѣлами и похвастаться своею проницательностью, которая въ одно мгновеніе разрушаетъ всѣ трудности [3]). Для своихъ рѣчей они часто требовали отъ суда очень большого количества времени (которое опредѣлялось водяными часами [4]), говорили очень пространно, примѣшивая совсѣмъ постороннія вещи, и въ процессѣ изъ-за трехъ украденныхъ козлятъ могли декламировать съ большимъ паѳосомъ и театральными жестами о Маріи и Суллѣ, митридатовыхъ и пуническихъ войнахъ и осушали во время своей рѣчи цѣлые сосуды воды [5]). Недостойными средствами домогались они одобренія слушателей [6]), нанимали людей, которые должны были апплодировать имъ [7]) и выражать свое восхищеніе, и въ сопровожденіи большой толпы отправлялись съ форума домой [8]). Но многимъ, несмотря на всѣ ихъ старанія, не удавалось добиться своей цѣли, они должны были откладывать платежи или же искать себѣ пропитанія въ Галліи или Африкѣ [9]). Само собою разумѣется, что существовало много такихъ адвокатовъ, которые готовы были продать за деньги свое краснорѣчіе каждому и которые брали на себя веденіе всякаго дѣла, будь оно правымъ или нѣтъ [10]). Очень часто величина вознагражденія опредѣлялась впередъ (по примѣру пиратовъ, какъ говоритъ Квинтиліанъ) [11]). Марціалъ называетъ сумму въ 2000 сестерціевъ (218 марокъ), какъ впередъ выговоренное вознагражденіе, при чемъ въ случаѣ потери процесса, кліентъ платилъ только половину ея [12]). Филостратъ разсказываетъ, что знаменитый софистъ Полемонъ взялъ на себя веденіе процесса въ Сардахъ, въ которомъ дѣло шло о всемъ состояніи одного богатаго индійца, за вознагражденіе въ два таланта (4715 рублей) [13]). Такъ какъ не только адвокаты, но и судьи нерѣдко ожидали вознагражденія, и приговоръ, такимъ образомъ, легко могъ

---

[1]) Марціалъ, X, 87.—[2]) Ювен., 7, 105—149.—[3]) Квинтил., XII, 8.—[4]) Марціалъ, VI, 35.—[5]) Марціалъ, VI, 19.—[6]) Тац., «Діал.», гл. 26.—[7]) Квинтил., XI, 3, 131. Плин., «Письм.», II, 14, 4. Ювен., 13, 29—31.—[8]) Квинтил., XII, 8, 3.—[9]) Ювен., 7, 129. 147 сл.—[10]) Квинтил., XII, 1, 25. 7, 7.—[11]) Квинтил., XII, 7, 11.—[12]) Марціалъ, VIII, 17.—[13]) Philostrat, «Vitt. sophist.», 1, 22, 4.

быть куплепъ [1]), процессы порою тянулись безконечно долго, иногда даже 20 лѣтъ [2]), вслѣдствіе скопленія жалобъ и другихъ задержекъ [3]) (такъ что обѣ стороны не всегда доживали до объявленія приговора [4]) и часто издерживали значительную часть своего состоянія),—ввиду всего этого, Мартіалъ и совѣтуетъ одному должнику, на котораго была подана въ судъ жалоба, лучше заплатить кредитору, чѣмъ вести процессъ [5]). Нерѣдко случалось, что адвокаты подкупались противной стороной и только для виду продолжали взятое на себя дѣло, — что въ случаѣ обнаруженія могло повести къ исключенію изъ адвокатуры [6]). На основаніи всего этого становится понятнымъ, что многимъ судебные ораторы должны были представляться въ видѣ „продажныхъ людей“ [7]). Про ихъ женъ разсказывалось, что онѣ отличаются большимъ аппетитомъ [8]); должно-быть, полагали, что жадность мужей передается и имъ и выражается въ этой формѣ. Презрѣніе ко всему этому сословію было вызвано еще и тѣмъ, что адвокаты во время процесса разражались бранью не только по адресу противной партіи (этого порою настоятельно требовали сами кліенты), но не щадили при этомъ и другъ друга [9]). По словамъ Лукіана, обманъ, ложь, дерзость, толчки и давка и тысячи другихъ противныхъ вещей неразрывно связаны съ дѣломъ адвоката [10]). Въ высшей степени отталкивающую картину ихъ нравовъ и нравовъ всѣхъ тѣхъ, кто живетъ процессами, рисуетъ Амміанъ Марцеллинъ по своимъ собственнымъ наблюденіямъ [11]). Число „ябедниковъ и крикуновъ“ было повсюду столь велико, что противники этого сословія не стѣсняясь могли прозвать краснорѣчіе адвокатовъ „собачьимъ“ [12]). Страстныя тѣлодвиженія ихъ также вызывали насмѣшку: одинъ нѣмой шутъ императора Тиберія хвалится на своей надгробной надписи тѣмъ, что впервые выдумалъ передразнивать адвокатовъ [13]).

Законовѣды пользовались не меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ адвокаты. Слѣдующую тему Квинтиліанъ приводитъ какъ обычную для школьнаго письменнаго упражненія: чья должность должна быть поставлена выше— ученаго юриста или военнаго [14]). Но все же знаніе права, къ чему съ такимъ рвеніемъ стремились лица двухъ первыхъ сословій, потому что оно давало имъ доступъ къ высшимъ должностямъ, открывало лицамъ низшаго происхожденія менѣе блестящія перспективы, чѣмъ адвокатура. Квинтиліанъ говоритъ, что лишь тотъ посвящаетъ себя юриспруденціи, кто потерялъ надежду сдѣлать свою карьеру какъ ораторъ въ судѣ [15]). Также Либаній считаетъ изученіе большихъ, толстыхъ, всей своею тяжестью давящихъ на колѣни юридическихъ фоліантовъ изъ пергамента, исключительно дѣломъ медлительныхъ, неповоротливыхъ умовъ [16]). Но это занятіе, благодаря своей

[1]) Ovid., «Am.», I, 10, 38. Петрон., гл. 14. Cyprian, «Ad Donatum», гл. 93 сл.—[2]) Мартіалъ, VII, 65.—[3]) Ср. Mayor, къ Ювен. 16, 42—50.—[4]) Светон., «Веспас.», гл. 10.—[5]) Мартіалъ, II, 13.—[6]) Плин., «Письм.», V, 14. Объ исключеніи изъ адвокатуры «Digg.», III, 1, 8. XVII, 1, 6, § 7.—[7]) Сенека, «Apocol.», 12, 3, 54. Ср. Тац. «Анн.» XI, 5.—[8]) Fronto, «Epp. ad Marcum Caesarem», II, 9, 2.—[9]) Квинтил., XII, 9, 10 и 8. Плин., «Письм.», IV, 8.—[10]) Lucian, «Piscator», 29.—[11]) Амміанъ, XXX, 4.— Ср. Август. «Испов.» III, 3, 6. IX, 2, 2.—[12]) Квинтил., XII, 9, 9. Колумелла, I praef. Также Firmic. Matern. «De mathesi», IV, praef. Prudent. «Hamartig.», 400.— [13]) Henzen, 6188. О передразниваніи представителей опредѣленныхъ профессій, см. мои примѣч. къ «cena Trimalchionis», гл. 64, стр. 323.—[14]) Квинтил., II, 4, 24.—[15]) Квинтил., XII, 3, 9.—[16]) Либан., ed. R. I, 214, 2.

доходности, часто избиралось лицами третьяго сословія. Одинъ изъ мѣщанъ у Петронія купилъ своему сыну цѣлый рядъ книгъ съ красными заглавіями (сборники законовъ) съ тѣмъ, чтобы тотъ „отвѣдалъ права для домашнихъ потребностей, и потому что „это даетъ хлѣбъ“ [1]). По словамъ Ювенала, именно въ низшихъ классахъ общества встрѣчаются краснорѣчивые люди и такіе, которые умѣютъ развязать узелъ права и разгадать загадку закона [2]). Одинъ отецъ, который въ сатирѣ того же поэта побуждаетъ сына къ выгодной дѣятельности, предоставляетъ ему выборъ между адвокатурой, изученіемъ права и соисканіемъ центуріоната [3]).

Юристы [4]), безъ всякаго сомнѣнія, занимались и преподавательской дѣятельностью. Число знатныхъ или привилегированныхъ молодыхъ людей, которые изучали право подъ руководствомъ высокопоставленныхъ знатоковъ этого дѣла и поэтому не нуждались въ платныхъ учителяхъ, было незначительно. Что же касается вообще числа лицъ, изучающихъ право, то оно было очень велико, тѣмъ болѣе, что ради изученія именно этого предмета въ Римъ изо всѣхъ провинцій, даже изъ греческихъ, стекалось безчисленное количество молодыхъ людей [5]). Относительно очень большого числа юристовъ-классиковъ болѣе или менѣе достовѣрно извѣстно, что они были родомъ изъ провинцій. Гай былъ, по всей вѣроятности, родомъ изъ Малой Азіи, Папиніанъ—изъ Сиріи, Ульпіанъ—изъ Тира; Цервидій Сцевола, Модестинъ, Каллистратъ, Марціанъ и Трифоній происходили, должно-быть всѣ, съ греческаго востока; Сальвій Юліанъ, можетъ быть, и Тертуліанъ были африканцами [6]). Само собою разумѣется, что юристы, принадлежавшіе къ низшимъ классамъ, занимались преподаваніемъ за извѣстную плату. Знаменитый (въ эпоху Тиберія) Масурій Сабинъ былъ бѣденъ и только въ 50-тилѣтнемъ возрастѣ удостоился званія всадника; онъ не бралъ вознагражденія, но допускалъ, чтобы ученики заботились о его пропитаніи [7]). Ульпіанъ говорилъ о вознагражденіи учителямъ, какъ о правилѣ; оно передавалось имъ при началѣ занятій, такъ какъ взысканіе позднѣе неуплаченныхъ денегъ судебнымъ порядкомъ не допускалось [8]). Въ Римѣ учителя-юристы освобождались отъ опеки (и прочихъ повинностей); въ провинціяхъ же этого не было [9]).

Въ первой половинѣ II вѣка (можетъ быть и раньше) въ Римѣ существовали общедоступныя помѣщенія, такъ называемыя „станціи“, гдѣ юристы занимались публичнымъ преподаваніемъ, и гдѣ можно было получать справки относительно различныхъ вопросовъ права [10]). Геллій разсказываетъ, что въ то время, когда онъ кончилъ свое школьное образованіе и занялся изуче-

---

[1]) Петрон., гл. 49.—[2]) Ювен., 8, 49.—[3]) Ювен., 14, 190.—[4]) Juris studiosi называются не только изучающіе право, но и тѣ, которые пользуются изученною ими юриспруденціей какъ источникомъ заработка (въ качествѣ нотаріусовъ, ассессоровъ, учителей права). Hitzig, «Die Assessoren der römischen Magistrate und Richter» (1893) стр. 76 сл.—[5]) Ср. Kuhn, «Verf. d. r. Reichs», I, 88, 608.—[6]) Bremer, «Rechtslehrer», стр. 76—101.—[7]) Pompon. «De orig. iur.» D. I, 2, 2, § 47.—[8]) Ср. Karlowa, «Röm. Rechtsgesch.», I, 673. I.—[9]) Modestin. l. II, excus. (D. XXVII, 1, 6, § 12). Juris studiosus въ Немаусѣ у Herzog, «Gallia Narbon.» App. 226; въ Іадерѣ C. I. L. III, 1, 2936. «Eph. Epigr.», V, 411, № 776.—[10]) Karlowa, ук. соч., стр. 673, предполагаетъ, что помѣщенія станцій, предоставляемыя юристамъ, принадлежали фиску или государству. Онъ же думаетъ, стр. 722, что Гай былъ учителемъ при станціи, предназначенной для обученія исключительно или предпочтительно провинціаловъ.

ніемъ права (въ концѣ правленія Антонина Пія), въ большинствѣ этихъ станцій обсуждался вопросъ о томъ, можетъ ли квесторъ римскаго народа быть привлеченъ къ суду преторомъ [1]. Помпей Авктъ, который, по словамъ Мартіала, „сидѣлъ передъ храмомъ Марса Мстителя" (т.-е. тамъ находилась его станція), „глубоко посвященный въ тайны права и различное употребленіе тоги" (т.-е. былъ одновременно и адвокатомъ, и юрисконсультомъ), бывалъ обыкновенно занятъ до 10 часовъ дня [2]. Каждый юристъ имѣлъ право давать справки по юридическимъ вопросамъ, но со времени Августа, по спеціальному указу императора, самые выдающіеся изъ нихъ были для этого особо назначены. При рѣшеніи дѣлъ, судьи должны были считаться съ ихъ мнѣніемъ, если это мнѣніе сообщалось имъ въ опредѣленной формѣ (а именно: письменно и запечатано) [3]. Мнѣніе остальныхъ юристовъ, число которыхъ было гораздо больше, имѣло для судей только чисто научное или моральное значеніе. Но и эти юристы, добившись нѣкоторой славы, не имѣли недостатка въ кліентахъ, которые съ первыми пѣтухами стучались уже въ ихъ двери [4] и, конечно, платили за данный совѣтъ. Амміанъ, который, какъ уже было сказано, даетъ очень нелестное описаніе жизни юристовъ своего времени, разсказываетъ, что они даже зѣвоту свою ставили въ счетъ кліентамъ. Если кліентъ ихъ былъ человѣкъ со средствами, то они увѣряли его въ томъ, что нѣкоторыя невѣдомыя ему статьи закона говорятъ въ его пользу, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло объ умышленномъ убійствѣ матери [5]. Безъ содѣйствія юристовъ процессъ былъ вообще немыслимъ. Въ этомъ дѣлѣ именно юристъ, а не адвокатъ считался главнымъ лицомъ; о чемъ свидѣтельствуютъ особенно надгробныя надписи, въ которыхъ пожелали, чтобы распоряженія, сдѣланныя въ духовномъ завѣщаніи, оставались неприкосновенными, выражена слѣдующей формулой: „Да не приблизятся ябедники и юристы къ этому памятнику!" [6]. Если императоръ Клавдій, любившій заниматься судопроизводствомъ [7], считался въ своихъ приговорахъ гораздо больше съ мнѣніемъ адвокатовъ, чѣмъ юристовъ, то это является только доказательствомъ его глупости. Адвокаты искренно оплакивали смерть его (согласно пасквилю Сенеки), время ихъ сатурналій миновало; опять появились на сцену юристы, блѣдные, исхудалые, еле дышащіе, точно только-что вышедшіе изъ могилы [8].

Порою юристы (какъ, напримѣръ, Павелъ) выступали сами въ качествѣ адвокатовъ [9], но это не было общимъ правиломъ; во время судопроизводства юристы, обыкновенно, только совѣтомъ помогали несвѣдущимъ въ законахъ ораторамъ. Цицеронъ и Квинтиліанъ, которые вообще стараются унизить юриспруденцію за счетъ краснорѣчія, съ презрѣніемъ говорятъ объ этихъ такъ-называемыхъ „прагматикахъ" [10], какъ о простыхъ прислужникахъ

[1]) Геллій. XIII, 13.—[2]) Мартіалъ, VII, 51. Ср. Becker, «Topogr.», примѣч. 712.—[3]) Pompon. ук. м. Puchta, ук. соч., стр. 566 сл. Bremer, ук. соч., стр. 10 сл. Karlowa, «Röm. Rechtsgesch.», стр. 659 слл. Mommsen, «Staatsr.», 3 изд., II, 2, 912, 2. Мартіалъ, X, 37.—[4]) Горац., «Сат.», I, 1, 9.—[5]) Амміанъ, XXX, 4, 11 и 12.—[6]) Orelli, 4374. 4390. 4391. 4821. Ср. Marini, «Atti d. f. Arv.», II, стр. 556.—[7]) Светон., «Клавд.», гл. 15 слл.—[8]) Seneca, «Apocol.», гл. 12.—[9]) Bremer, ук. соч., стр. 59 сл. Ovid., «Ars am.», III, 531. Horat., «Ars Poet.», 369.—[10]) Orelli, 4981. Henzen, 7270. Mordtmann, «Zur Epigraphik von Thracien» («Archäol. epigr. Mitt. aus Österreich.», VIII, 1884, стр. 222, 52).

адвокатовъ, которые какъ бы только подаютъ стрѣлы сражающимся [1]). Либаній говоритъ, что до того времени, когда наука римскаго права достигла столь незаслуженнаго значенія, юристы должны были во время судопроизводства стоять со взоромъ, обращеннымъ на адвоката, и ждать, покуда тотъ не крикнетъ имъ: „Ты тамъ, прочти-ка!“ (соотвѣтствующую статью закона) [2]). Этимъ дѣломъ занимались, очевидно, только второстепенные юристы за очень небольшое вознагражденіе [3]); сельскіе кліенты платили имъ за это натурою—мѣшкомъ зерна, пшеномъ или бобами [4]).

Юристы занимались также составленіемъ нотаріальныхъ и другихъ записей, вродѣ жалобъ, прошеній [5]), актовъ, имѣющихъ законную силу, договоровъ, поручительствъ. Въ наказаніе за проступки, ихъ исключали съ форума (въ провинціяхъ это дѣлали намѣстники), а именно, лишали права заниматься юридическими дѣлами; имъ тогда спеціально возбранялось составлять акты, писать прошенія, удостовѣрять показанія свидѣтелей и имѣть свои станціи при публичныхъ архивахъ, въ которыхъ хранились документы,—наконецъ, составлять, писать и закрѣплять печатью завѣщанія [6]). Составленіе завѣщаній было главнымъ занятіемъ юристовъ-практиковъ. Неронъ конфисковалъ не только имущества тѣхъ своихъ вольноотпущенниковъ, которые въ завѣщаніяхъ своихъ „обнаруживали неблагодарность по отношенію къ императору“, но привлекалъ къ отвѣтственности и юристовъ, которые диктовали или составили ихъ [7]). Занятіе это было очень доходнымъ, что можно заключить хотя бы изъ того, что имъ занимались не одни только юристы. Одинъ писецъ въ Венафрѣ хвалится въ своей надгробной надписи тѣмъ, что онъ въ продолженіе 14-ти лѣтъ писалъ завѣщанія, не прибѣгая за помощью къ юристамъ [8]), а одинъ школьный учитель въ Капуѣ тѣмъ, что „онъ писалъ надежныя завѣщанія“ [9]). Составитель завѣщаній (testamentarius) въ Гадесѣ, Кв. Валерій Литера (буква), получилъ свое прозвище, по всей вѣроятности, отъ своего занятія [10]).

Юристы занимали, наконецъ, очень выгодныя должности асессоровъ при судебныхъ чиновникахъ. Эти послѣдніе какъ въ Римѣ, такъ и въ провинціяхъ со времени республики обязаны были въ силу традиціи рѣшать свои приговоры при содѣйствіи знатоковъ права. Вліяніе асессоровъ было, конечно, очень часто рѣшающимъ. Сенека говоритъ, что преторы произносятъ приговоры, составленные ихъ асессорами [11]). Въ эпоху имперіи одновременно съ развитіемъ бюрократіи обычай этотъ становился все болѣе и болѣе распространеннымъ явленіемъ, такъ что, вѣроятно, еще задолго до начала III вѣка магистраты съ судебными полномочіями (въ Римѣ, главнымъ образомъ, префекты города, преторія, полиціи и пожарной стражи) [12]) были обязаны имѣть

---

[1]) Цицеронъ, «Объ ораторѣ», I, 45, 198. Квинтил., XII, 3.—[2]) Либан., изд. R. I, 185, 20.—[3]) Ювен., 7, 122.—[4]) Мартіалъ, XII, 72, 3.—[5]) Augustin, «In evang. Johann. tract.», 7, 11.—Bethmann-Hollweg, «Röm. Zivilprogress», III, 162. «Eph. ep.», V, стр. 629; ср. Mommsen, 640 слл. Надпись въ Кёльнѣ (ср. C. I. L. VIII, 9182). J. Klein, «Bonner Jahrbücher», LXXX (1885), 158—160.—[6]) Ulpian. кн. X, «de officio procons.» (D. XLVIII, 19, 9) § 4 - 7.—[7]) Светон., «Неронъ», гл. 32.—[8]) Henzen, 7236. Ср. Mommsen, «Ztschr. f. gesch. Rechtsw.», XV, 370.—[9]) Nissen въ «Hermes» I, 149.—[10]) C. I. L. II, 1734.—[11]) Seneca, «Tranq. an.», 3, 4.—[12]) По Hitzig, ук. соч., стр. 37—46, должность асессоровъ была введена, по всей вѣроятности, Адріаномъ.

при себѣ одного [1]) платнаго асессора съ юридическимъ образованіемъ. То же самое приходится сказать и относительно консуловъ и преторовъ, а въ провинціяхъ и о намѣстникахъ. Іосифъ говоритъ въ своемъ сочиненіи противъ Апіона, написанномъ въ первыхъ годахъ II вѣка, что лица, занимающія высшія и важнѣйшія должности и стоящія во главѣ судебнаго управленія, обнаруживаютъ свое незнаніе законовъ тѣмъ, что держатъ при себѣ знатоковъ права [2]). Антонинъ Пій рескриптомъ призналъ право асессоровъ на вознагражденіе [3]). До конца II вѣка оно опредѣлялось по взаимному соглашенію между намѣстниками и асессорами, начиная съ III вѣка оно уплачивалось непосредственно изъ государственной казны [4]). Въ Римѣ существовали даже особыя бюро, которыя въ качествѣ посредниковъ доставляли молодымъ людямъ, окончившимъ курсъ права и вступающимъ въ практическую жизнь, мѣста у магистратовъ.

Врачами были даже до позднѣйшаго времени очень часто, можетъ быть, преимущественно, вольноотпущенники и рабы [5]); еще Юстиніанъ признавалъ право требовать за рабовъ и рабынь, изучившихъ это дѣло, высшую цѣну—до 60-ти золотыхъ, въ то время, какъ даже евнухи цѣнились не выше 50-ти [6]). У юристовъ часто говорится о тѣхъ услугахъ, которыя врачъ можетъ требовать отъ отпущенныхъ имъ на волю рабовъ, которые изучили у него медицину: такъ напримѣръ, они были обязаны безвозмездно лѣчить друзей своего патрона. Патроны имѣли далѣе право требовать отъ своихъ вольноотпущенниковъ, если конкуренція ихъ приносила имъ вредъ, чтобы они сопровождали ихъ при посѣщеніи больныхъ, что мѣшало имъ заниматься своей собственной практикой [7]).

Свободные врачи въ Римѣ были большей частью иностранцами, которымъ Юлій Цезарь, такъ же какъ и учителямъ, въ случаѣ ихъ полнаго переселенія въ столицу, даровалъ право гражданства [8]). Августъ, послѣ своего выздоровленія благодаря Антонію Музѣ, присоединилъ къ этому освобожденіе отъ всѣхъ повинностей [9]). По словамъ Плинія, римляне занимались этимъ дѣломъ въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ [10]). Большинствомъ этихъ иностранныхъ врачей были греки и уроженцы восточныхъ странъ [11]), главнымъ образомъ, египтяне, которые иногда спеціально вызывались въ Римъ, когда дѣло шло о лѣченіи опредѣленныхъ, распространенныхъ всего болѣе на ихъ родинѣ болѣзней. Сюда относились особенно накожныя болѣзни (уже Библія упоминаетъ объ „египетскихъ нарывахъ“) [12]). Галенъ свидѣтельствуетъ о

[1]) Hitzig, ук. соч., стр. 88 слл.—[2]) Ioseph, «c. Ap.», II, 17—19; C. I. L. III, 1640.—Mommsen, «Staatsrecht», 3 изд., I, 317, 2.—[3]) «Digg.», L. 13, 4. Ср. Zimmern, «G. d. r. Privatr.», I, 252. [4]) «Pescenn. Niger», гл. 7. «Alexander Sever.», гл. 46. Mommsen, «Staatsr.», 3 изд., I, 303, 3. Cuq, «Mém. s. le consil. principis» («Mém. prés. à l'acad.» Tom. IX, 2, 1884), стр. 354. Hitzig, ук. соч., стр. 132 слл.—[5]) Marquardt, «Privatleb.», 2 изд., I, 156, 9. Ср., напр., завѣщаніе Дасумія, стр. 72 («Ztschr. f. gesch. Rechtsw.», XII, 364) и Ever. Otto, «De vit. Serv. Sulpic. et Alfeni Vari», стр. 237 слл.—Julian, «orat.» 7, стр. 207 D.—Marquardt, «Privatleb.», 2 изд., II, 772, 1—6.—[6]) «Cod. Just.», VII, 7, 1, § 5. VI, 43, 3; ср. Gaupp, «De profess. et medicis», стр. 16.—[7]) «Digg.», XXXVIII, 1, 25--27. O imperantes sibi (26) ср. мою программу Acad. Alb. 1865. I.—[8]) Свет., «Цез.», гл. 42. «Авг.», гл. 42.—[9]) Діонъ, LIII, 30.—[10]) Плин., «N. h.», XXIX, 17.—[11]) Lucian. «Tragodop.», 265. Надписи врачей города Рима VI, 9562—9617. C. I. L. XI, 1, 3943 (Капена). «Eph. ep.», VII, 53 (Суффетула).—[12]) Pauly-Wissowa, «Realenc.», I, 319. Ср. Stephan, «Das heutige Ägypten», стр. 70.

томъ, что заболѣваніе элефантіазой было въ Египтѣ частымъ явленіемъ. Когда въ правленіе Тиберія какая-то заразная накожная болѣзнь была занесена изъ Азіи въ Римъ, то явились египетскіе врачи, занимавшіеся излеченіемъ только этой болѣзни, и, по словамъ Плинія, вернулись домой съ большой добычей. Неронъ призвалъ египетскаго врача съ тѣмъ, чтобы тотъ вылечилъ одного изъ его друзей, заболѣвшаго какой-то лишайной сыпью [1]). Воспоминаніе о подобныхъ преданіяхъ сохранилось въ одномъ аравійскомъ сказаніи, и понынѣ распространенномъ въ Александріи: въ немъ говорится о чудесномъ, исцѣляющемъ отъ проказы источникѣ, который посѣтилъ царь римлянъ (Руми) [2]). Вообще въ Римѣ больные питали къ иностраннымъ врачамъ большее довѣріе [3]), все же существовали и пользовались извѣстностью и популярностью и врачи-римляне, главнымъ образомъ, среди придворныхъ врачей первыхъ императоровъ. Скрибоній Ларгъ, врачъ Клавдія, сопровождалъ, какъ онъ самъ говоритъ, „нашего бога Цезаря" въ Британнію [4]). Веттій Валентъ, врачъ того же императора, принадлежалъ даже къ сословію всадниковъ, въ которое и другіе придворные врачи возводились, должно-быть, довольно часто какъ, напримѣръ, вольноотпущенникъ Антоній Муза, спасшій Августа, смѣло примѣнивъ леченіе холодной водой, тогда какъ всѣ другіе врачи уже отказались отъ него. Среди врачей, которыхъ Галенъ приводитъ какъ изобрѣтателей лекарствъ, встрѣчаются нѣсколько лицъ съ римскими именами, какъ Валерій Павлинъ, Помпей Сабинъ, Флавій Клементъ [5]). На штемпеляхъ окулистовъ часто встрѣчаются римскія имена [6]), и въ западныхъ провинціяхъ большинство врачей было, должно-быть, негреческаго происхожденія.

Что касается назначенія врачей общинами внѣ Рима, то объ этомъ впервые сообщаетъ Страбонъ, имѣя въ виду Массилію и другіе галльскіе города. Антонинъ Пій опредѣлилъ число врачей (сначала для провинціи Азіи), которые должны были быть назначаемы общинами и освобождаемы отъ городскихъ повинностей, въ 10 человѣкъ для большихъ, въ 7 для среднихъ и въ 5 для малыхъ городовъ [7]). По словамъ Галена, освобожденіе отъ всѣхъ повинностей (которое было распространено Адріаномъ и Веспасіаномъ и на провинціи) побудило многихъ заняться изученіемъ медицины. По всей вѣроятности, со II вѣка уже во всѣхъ большихъ городахъ были свои врачи; Галенъ уже упоминаетъ, что во многихъ городахъ имъ предоставлялись просторныя залы съ большими дверями, пропускающими много свѣта (такъ называемыя ἰατρεῖα), въ которыхъ они могли лечить больныхъ [8]). Въ большихъ городахъ врачи объединялись въ коллегіи, какъ въ Беневентѣ [9]), которыя довольно часто, какъ напримѣръ, въ Туринѣ, сообща правили культъ Эскулапа и Гигіеи [10]). Очень возможно, что въ греческихъ городахъ врачи бывали одновременно и жрецами этихъ божествъ [11]). Въ Эфесѣ существовало общество врачей (οἱ ἀπὸ Μουσείου ἰατροί), устраивавшее двухдневное состязаніе, во

[1]) Plin., «N. h.», XXVI, 3. Galen, ed. K. XI, 142, ср. выше, стр. 76, 6.—[2]) H. Frhr. v. Maltzan, «Arabische Sagen über Alexander», въ «Ausland» 1870, стр. 967.—[3]) Plin., «N. h.», XXIX, 17.—[4]) Scribon. Larg, гл. 42, 163; ср. Marquardt, «Privatleb.», 2 изд., II, 773.—[5]) Galen, ed. K. XIII, 1027.—[6]) Grotefend, «Stempel der röm. Augenärzte», 127.—[7]) См. выше, стр. 170, 1. О раздѣленіи городовъ на 3 класса см. Mommsen, «Röm. Gesch.», V, 303.—[8]) Galen, XVIIIb, 678.—[9]) Wilmanns, «E. I.», 1873.—[10]) Promis, «Storia dell'ant. Torino», стр. 452, № 209.—[11]) C. I. G. 4315 n (p. 1148).

время котораго за лучшіе врачебные труды въ истекшемъ году присуждались награды, а именно въ области хирургіи—за изобрѣтеніе и устройство медицинскихъ инструментовъ, за научныя работы и, можетъ быть, за рѣшеніе опредѣленной медицинской задачи, поставленной комиссіей [1]).

Нѣкоторые врачи находили себѣ работу въ школахъ для гладіаторовъ [2]), многіе другіе при войскѣ (во всѣхъ его частяхъ) [3]). По надписямъ (210 г.) двухъ когортъ полицейской стражи (vigiles) города Рима, при каждой тысячѣ человѣкъ, изъ которыхъ состояла когорта, находилось по четыре врача, которые по чину своему занимали послѣднее мѣсто среди унтеръ-офицеровъ. Если предположить, что то же самое соотношеніе встрѣчалось и въ легіонахъ, то при каждомъ изъ нихъ находилось по 24 врача, которые всѣ, должно-быть, носили имя „легіонныхъ врачей“. Само собою разумѣется, что и всѣ другіе военные отряды имѣли при себѣ своихъ собственныхъ врачей [4]). При британскомъ флотѣ имѣлся даже свой врачъ по глазнымъ болѣзнямъ [5]). Нѣкій М. Ульпій Споръ, который былъ врачемъ при двухъ корпусахъ конницы, сталъ впослѣдствіи врачемъ города Ферентина [6]). Только римскіе граждане могли быть врачами легіоновъ и городскихъ преторіанскихъ когортъ. Когда Цезарь далъ право гражданства всѣмъ врачамъ, то его побудили къ этому, можетъ быть, и соображенія, основывавшіяся на заботахъ о здоровьѣ войска [7]). На колоннѣ Траяна изображены два врача (въ вооруженіи солдатъ) занятые перевязкой ранъ и удаленіемъ стрѣлъ [8]).

Титулъ ἀρχιατρός (главный врачъ), который впервые сталъ употребляться среди придворныхъ врачей Селевкидовъ и отъ котораго произошло нѣмецкое „Arzt“ (древне-верхн.-нѣм. arzât, ср.-верхн.-нѣм. arzût, arzet) давался въ греческихъ странахъ также городскимъ врачамъ, получавшимъ свое назначеніе и вознагражденіе отъ общинъ. Чаще всего онъ встрѣчается въ Малой Азіи въ эпоху Антониновъ, съ тѣхъ поръ, какъ Антонинъ Пій вышеупомянутымъ указомъ точно опредѣлилъ число врачей, освобождаемыхъ отъ несенія городскихъ повинностей, въ зависимости отъ величины города. Оттуда названіе это распространилось по всему государству [9]), въ Римѣ онъ встрѣчается впервые въ грамотѣ Константина въ 326 г. [10]). Въ Беневентѣ архіатръ изъ сословія всадниковъ былъ одновременно и высшимъ должностнымъ лицомъ общины, въ Писаврѣ онъ былъ вольноотпущенникомъ, въ Экланѣ—грекомъ, въ Венусіи—евреемъ [11]). Указъ императора Валентиніана I въ 368 г., обращенный къ городскимъ префектамъ Рима, распоряжается относительно назначенія 14-и архіатровъ для 14 районовъ города, кромѣ тѣхъ, которые были уже приставлены къ обществу атлетовъ (porticus Xysti) и къ дѣвамъ-весталкамъ. Жалованье свое они получали отъ казны (за что обязаны были

---

[1]) J. Keil, «Ärzteinschriften aus Ephesus» («Österreich. Jahreshefte», VIII (1905), стр. 128 сл.).—[2]) Часть II, III, 2a.—[3]) Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., II, 555 сл. Galen, V, 751. Herzog, «Gall. Narbon.», App., 157.—[4]) Gaupp, «Das Sanitätswesen in den Heeren der Alten» (Blaubeuren, 1869). R. Briau, «L'assistance médicale chez les Romains» (1869).—[5]) Grotefend, ук. соч., стр. 66.—[6]) Orelli, 3507.—[7]) Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., II, 556.—[8]) Тамъ же, примѣч. 3.—[9]) Briau, «L'archiatrie Romaine» (1877), стр. 127. R. Pohl, «De Graecorum medicis publicis» (1905), стр. 29, 31, 36, 39 сл.—Erotian. «Glossar. in Hippocr.» praef. Galen, «De antidot.» I, 1.—Lebas-Waddington, ч. III, 1695; ср. Marquardt, «Privatleb.», 2 изд., II, 795, 8.—[10]) Marquardt, ук. соч., стр. 777.—[11]) «Cod. Theod.», XIII, 3.

лечить также и бѣдныхъ), но могли получать и частныя вознагражденія. Въ случаѣ освобожденія мѣста, остальные архіатры должны были послѣ тщательнаго выбора предложить императору кандидата, достойнаго „ихъ сообщества, архіатріи и императорскаго одобренія“ [1]). Указъ 370 г. предписываетъ, чтобы выборы новаго архіатра на мѣсто умершаго производились при согласіи по крайней мѣрѣ семи первыхъ лицъ этого сословія (ordo); новоизбранный врачъ долженъ былъ занять послѣднее мѣсто, тогда какъ всѣ остальные подвигались на одно мѣсто впередъ [2]).

Сочиненія по медицинѣ даютъ намъ гораздо болѣе точное представленіе о врачебной практикѣ, чѣмъ мы имѣемъ о всѣхъ другихъ ученыхъ профессіяхъ, главнымъ образомъ, обширные труды Клавдія Галена, одного изъ самыхъ плодовитыхъ и словоохотливыхъ писателей всѣхъ временъ. Родился онъ въ Пергамѣ въ 128—129 г., изучалъ медицину сначала тамъ, потомъ въ Смирнѣ, Коринѳѣ и Александріи, занималъ затѣмъ должность врача гладіаторовъ въ родномъ городѣ (158—164), жилъ впослѣдствіи три года въ Римѣ (гдѣ онъ былъ уже и въ 162 г.), а въ 167 году, во время большой эпидеміи, вернулся въ Малую Азію. Но уже въ слѣдующемъ году онъ былъ призванъ обоими императорами въ Аквилею и, отказавшись отъ сдѣланнаго ему предложенія сопровождать Марка Аврелія во время его похода въ Германію, остался въ Римѣ въ качествѣ лейбъ-медика молодого Коммода. Въ 201 г. онъ умеръ. О размѣрахъ его врачебной практики мы можемъ составить себѣ нѣкоторое понятіе на основаніи того, что въ продолженіе одного только лѣта онъ видѣлъ (должно-быть, въ Римѣ) 400 тяжело больныхъ [3]). Впрочемъ, Геймъ въ Берлинѣ (въ которомъ тогда еще не было и 200000 жителей) за августъ 1802 г. имѣлъ дѣло съ 975 больными, а число больныхъ, не лежащихъ въ постели, которыхъ онъ лечилъ даромъ, доходило ежегодно до 3—4000 [4]).

Такъ какъ въ древности врачи не подвергались предварительному испытанію и на нихъ не возлагалось особенной отвѣтственности [5]), этимъ дѣломъ занималось очень много некомпетентныхъ лицъ, главнымъ образомъ, изъ низшихъ классовъ, такъ какъ профессія эта, въ случаѣ удачи, приносила большіе доходы. Сапожники, плотники, красильщики, кузнецы [6]) бросали свое ремесло и становились врачами, но случалось и наоборотъ, что врачи, потерпѣвшіе неудачу, дѣлались носильщиками мертвыхъ или же брались за ремесло гладіаторовъ. Марціалъ, по крайней мѣрѣ, посмѣивается надъ такими, которые, перемѣнивъ свое ремесло, продолжаютъ дѣлать то же, чѣмъ они занимались прежде [7]). Среди такихъ шарлатановъ очень высокое мѣсто занимали изготовители мазей и аптекарскихъ товаровъ. Галенъ увѣряетъ, что большинство лицъ, избравшихъ въ его время профессію врача, не всегда умѣли читать [8]), и предостерегаетъ своихъ коллегъ отъ грамматическихъ

[1]) «Cod. Theod.», XIII, 3, 8.—[2]) «Cod. Theodos.», XIII 3, 9. Ср. Symmach., «Epp.», X, 40 (384) и «Cod. Theod.», XIII, 3, 13 (387).—[3]) Galen. IX, 8¯3 («De dieb. decret.» II, 7).—[4]) Kessler, «Der alte Heim», 3 изд., II, 79.—[5]) О случаяхъ actio ex lege Aquilia ср. «Digg.», IX, 2, 7, § 8. 8, 9 и «Realencycl.» IV, 1702, прим.—Briau, «L'archiatrie», стр. 7.—[6]) Galen. «De meth. med.», I, ed. K. X, стр. 5.—[7]) Martial, I, 30. VIII, 74. I, 47.—[8]) Galen. «de libr. propr.» prooem. ed. K. XIX, стр. 9.

ошибокъ въ разговорѣ съ образованными паціентами [1]. У подобныхъ невѣждъ отсутствовали, конечно, всякія познанія въ риторикѣ, діалектикѣ и философіи; во всѣхъ этихъ наукахъ они понимали не больше, чѣмъ оселъ въ игрѣ на лютнѣ [2]. Наплывъ врачей усилился съ тѣхъ поръ, какъ Ѳессалъ, бывшій первоначально ученикомъ своего отца-ткача, и имѣвшій, несмотря на это, въ эпоху Нерона огромнѣйшій успѣхъ въ качествѣ врача, объявилъ, что для пріобрѣтенія необходимыхъ медицинскихъ знаній вполнѣ достаточно полу-года [3]. Съ этихъ поръ толпа учениковъ сопровождала врачей при посѣщеніи больныхъ, часто доставляя мученіе послѣднимъ. Марціалъ разсказываетъ, что во время одной его болѣзни его навѣстилъ врачъ Симмахъ вмѣстѣ съ сотней учениковъ, и что, послѣ прикосновенія сотни ледяныхъ рукъ, онъ заболѣлъ лихорадкой, которой у него до того не было [4]. У Филистрата разсказывается, что больного Филиска посѣтили Селевкъ изъ Кизика и Стратоклъ изъ Сидона съ болѣе, чѣмъ тридцатью учениками [5].

Это занятіе медициной, какъ ремесломъ, повело къ увеличенію числа врачей-спеціалистовъ, число которыхъ уже въ древнемъ Египтѣ было очень значительно [6]. Мимоходомъ упоминаются, по крайней мѣрѣ, довольно многіе изъ нихъ, не говоря уже о помощникахъ врачей, которые собирали корни, варили мази и напитки, накладывали повязки, ставили клистиры, пускали кровь и ставили банки [7]. „Никто,—говоритъ Филостратъ,—не можетъ обнять всей медицины; одинъ знаетъ, что дѣлать въ случаяхъ пораненія, другой — спеціалистъ по лихорадкамъ, третій — по глазнымъ болѣзнямъ, четвертый—по чахоткѣ“ [8]. Среди спеціалистовъ число глазныхъ врачей было особенно велико; мы знаемъ болѣе ста таковыхъ по штемпелямъ, надписямъ и упоминаніямъ у писателей; существовали также особые глазные операторы [9]. Среди рабовъ вольноотпущенника Калигулы, Г. Юлія Каллиста, было нѣсколько свѣдущихъ глазныхъ врачей [10]. Галенъ хвалится тѣмъ, что онъ вылечивалъ глазную болѣзнь леченіемъ больного вообще въ то время, какъ „такъ называемые окулисты“ примѣняли только мѣстное леченіе [11]. Далѣе упоминаются ушные и зубные врачи и такіе, которые занимались спеціально леченіемъ грыжи, фистулъ, болѣзней язычка [12]. Марціалъ называетъ рядъ врачей-спеціалистовъ, пользовавшихся въ то время (95 г.) извѣстностью въ Римѣ: Касцелій удаляетъ больные зубы и вставляетъ новые, Гигинъ выжигаетъ вредные для глазъ волоски рѣсницъ, Фанній удаляетъ безъ операціи гноящійся язычекъ, Эротъ удаляетъ съ кожи клейма рабовъ, Гермесъ—лучшій врачъ по излеченію переломовъ костей [13].

На ряду съ врачами по женскимъ болѣзнямъ [14], существовали еще и женщины-врачи, въ большинствѣ случаевъ, онѣ были не болѣе, какъ пови-

---

[1]) Galen. «Comm. in Hippocr. epid.», IV, 9 ed. K. XVII, 2, стр. 146.—[2]) Galen. XI, 541.—[3]) Galen. «De meth. med.» ук. м. Sprengel, «Gesch. d. Arzneik.», II, 42 слл.—[4]) Марціалъ, V, 9.—[5]) Philostrat, «Apoll. Tyan.», VII, 349 ed. K., стр. 162.—[6]) Геродотъ, II, 85. Но ср. Maspero, «Gesch. d. morgenl. Völker» (нѣм. пер. Pietschmann'a), стр. 79.—[7]) Galen. ed. K. XVII b, стр. 229.—[8]) Philostrat, «Gymnast.», 15.—[9]) Or. 4228. C. I. L. II, 1737 и 5055. V, 1, 3490.—Or. 2983; ср. Galen. X, 941. 1019. V, 846—850.—[10]) Scribon. Larg. V, 38.—[11]) Galen. VII, 392; ср. XVIII a, 47—50.—[12]) Or. 4227. Galen. X, 1019. «Digg.» L. 13, 1, § 3.—[13]) Martial, X, 56.—[14]) Soran. «De muliebr. affect.», гл. 47. ed. Ermerins, стр. 191, 15.

вальныя бабки (нѣкая Валерія Верекунда въ Римѣ называется на надгробной надписи „первой ученой повивальной бабкой въ своемъ районѣ“) [1], но занимались также и леченіемъ женскихъ болѣзней [2]). По мнѣнію Сорана, хорошая повивальная бабка должна имѣть полное медицинское образованіе. Она должна умѣть читать, чтобы имѣть возможность изучить свой предметъ и теоретически; она не должна быть жадной до денегъ, чтобы не соблазниться продажей абортивныхъ средствъ; она не должна быть суевѣрной, чтобы не упустить чего-нибудь важнаго изъ-за сна или какой-нибудь примѣты [3]). Галенъ говоритъ, что истеричныя женщины сами называли себя этимъ именемъ, услышавъ его отъ своихъ женщинъ-врачей [4]). У Ювенала, нѣкая „толстая Лида“ лечитъ бездѣтныхъ женщинъ какимъ-то вкуснымъ лекарствомъ [5]). Самъ Галенъ сообщаетъ рецептъ смягчительнаго пластыря для больныхъ селезенкой, водянкой и подагрой, который былъ составленъ нѣкоей Антіохидой [6]).

Хирурги, по всей вѣроятности, не переходили границъ своей спеціальности. Плутархъ говоритъ, что они работали вмѣстѣ съ врачами по внутреннимъ болѣзнямъ, не стѣсняя другъ друга [7]). По словамъ Галена, нехирурги въ большинствѣ случаевъ воздерживались отъ леченія хирургическихъ случаевъ и отъ операцій [8]), особенно въ Римѣ, въ томъ числѣ и онъ самъ во время своего пребыванія тамъ. Но онъ говоритъ, что во всѣхъ интересныхъ случаяхъ врачи обращались къ нему за совѣтомъ и не только въ Римѣ, но и въ другихъ многолюдныхъ городахъ (Портѣ, Остіи), такъ что онъ, должно быть, видѣлъ всѣ необычные вывихи плеча, которые случились тамъ за это время [9]). И для этого случая существовали, безъ сомнѣнія, спеціалисты. Галенъ называетъ спеціалистовъ по операціи грыжи, камня, прободенію брюшины, сшиванію вѣкъ [10]). Хирургъ Алконъ, котораго Мартіалъ ставитъ рядомъ съ Симмахомъ и Дасіемъ, извѣстнѣйшими врачами Рима, „безжалостно рѣзалъ въ случаяхъ ущемленной грыжи и искусной рукой вправлялъ кости“ [11]). Сенека называетъ, на ряду съ пожарами, обвалами и кораблекрушеніями, истязаніе, производимое врачами, которые вынимаютъ кости и опускаютъ свои руки во внутренности [12]). Инструменты для операціи фистулъ, какъ и другіе хирургическіе инструменты, сохранились въ большомъ количествѣ (главнымъ образомъ, въ Помпеяхъ) [13]). Въ то время уже при операціяхъ употреблялось усыпительное средство, сокъ мандрагоры (служившей также средствомъ отъ безсонницы) [14]) и другія [15]). Дозой, въ большинствѣ случаевъ достаточной для усыпленія, была обыкновенная разливная ложка (=$2^1/_2$ куб. дюйма); въ нѣкоторыхъ случаяхъ было достаточно одного запаха. Для

---

[1]) Or. 4230—32. C. I. L. VI, 9614—9617.—Императорскія obstetrices, тамъ же, 8947—8949; другія 9720—9725. Ср. также Galen. XIV, стр. 641.—[2]) Martial, XI, 71.—[3]) Soran., ук. соч., гл. 1 и 2.—[4]) Galen. VII, 414; Ср. Martial, XI, 7, 11.—[5]) Juv. 2, 141.—[6]) Galen. XIII, 341.—[7]) Plutarch, «De frat. am.», 15.—[8]) Galen. X, 454 слл.—[9]) Его же, XVIII a, стр. 346—348.—[10]) Его же, V, 846 слл.—[11]) Martial, VI, 70, 6. XI, 84, 5.—[12]) Seneca, «Ad Marciam», 22, 3.—[13]) Jahn, «Ber. d. Sächs. Ges.» 1861, 330. Marquardt, «Privatleb.», 2 изд., II, 713, 8. Ср. иллюстраціи въ статьѣ «Chirurgie» Saglio, (Daremberg et S. «Dictionnalre des autiquités»)—[14]) Seren. Sammon. 998.—[15]) Plin. «N. h.», XXXVI, 56. Dioscorid. 1, стр. 574. II, стр. 99 сл. I стр. 817.—Ср. Kobert, «Zustand der Arzneikunde vor 18 Jahrhunderten» (1887) стр. 21 (наркотическія средства), 22 (расширеніе зрачка). Мандрагора содержала въ себѣ атропинъ.

облегченія снятія бѣльма [1]) увеличивали зрачекъ съ помощью одного средства (Anagallis) [2]).

Само собою разумѣется, что въ области медицины между ремесломъ и искусствомъ точной границы быть не могло. Ясно далѣе и то, что въ противовѣсъ грубому эмпиризму стало развиваться одностороннее занятіе медицинскими теоріями, представители которыхъ, такъ называемые врачи-софисты (λογιατροί, ἰατροσοφισταί), „сидя на высокомъ стулѣ, съ авторитетнымъ видомъ засыпали своихъ слушателей разсужденіями относительно научныхъ вопросовъ“, но ничего не знали о ходѣ какой-нибудь болѣзни. Поэтому всѣ отличали врачей отъ софистовъ и, увидѣвъ одного изъ нихъ за книгой или услышавъ отъ него теорію, объясняющую дѣйствіе лекарствъ, причисляли его къ послѣднимъ [3]). Научныя теоріи были причиною того, что медицину стали называть сестрой философіи или второй философіей [4]).

Вознагражденія и доходы извѣстныхъ врачей, практиковавшихъ среди аристократіи Рима, были очень велики. Люди состоятельные имѣли, въ большинствѣ случаевъ, своихъ домашнихъ врачей. Галенъ разсказываетъ, что одинъ богачъ, владѣвшій помѣстьемъ близъ Рима, попросилъ его взять на себя леченіе одного изъ его управляющихъ, которому угрожала слѣпота, въ виду того, что домашній врачъ его, придерживавшійся ученія Эрасистрата, не соглашался пустить ему кровь [5]). Домашніе врачи получали опредѣленное жалованье. Кв. Стертиній (братъ Г. Стертинія Ксенофонта) приписываетъ Клавдію, какъ объ этомъ уже говорилось, ежегодный доходъ въ 600000 сест. (10875 руб.), „перечисляя дома“, въ которыхъ онъ былъ врачемъ (говорятъ, что доходы извѣстнѣйшихъ врачей, Броди и Брайта, въ Лондонѣ дошли въ 1851 г. до 10000 фунт. стерл., сумма въ десять разъ больше этой) [6]). Въ пандектахъ упоминается завѣщаніе, по которому годовое жалованье должно было выплачиваться врачу и послѣ смерти паціентки [7]). Платежъ производился, повидимому, обыкновенно перваго января [8]). Упоминаются также очень большія вознагражденія за отдѣльныя леченія, которыя порою опредѣлялись впередъ. Бывшій преторъ Манилій Корнутъ, легатъ Аквитаніи, заболѣвъ сыпью, подвергся леченію, которое стоило ему 200000 сест. [9]); за эту же сумму врачъ Хармидъ изъ Массиліи взялся во второй разъ за леченіе одного богатаго провинціала [10]). Отъ консулара, а впослѣдствіи намѣстника Палестины, Боэта, Галенъ получилъ за леченіе его жены 400 золотыхъ [11]) (4350 руб.). Доходы его увеличивались еще благодаря тому, что къ нему, какъ и вообще ко всѣмъ знаменитымъ римскимъ врачамъ, обращались, вѣроятно, за совѣтами и изъ другихъ городовъ. Больные глазами изъ Азіи, Галліи, Испаніи и Өракіи письменно обращались къ нему. Онъ задавалъ имъ нѣ-

---

[1]) Epictet. «D.», 1, 25, 32.—[2]) Plin., «N. h.», XXV, 144 и 150. Ср. A. Hirsch, «Gesch. d. Augenheilkunde» (Gräfe u. Seinisch, «Handbuch d. Augenheilkunde», VII) 261.—[3]) Galen. XVIIIb, 258.—[4]) Otto, «Der menschliche Körper in seinen Teilen im Sprichworte», «Archiv» VI, 340.—[5]) Тамъ же, XI, 299.—[6]) Trevelyan, «Life and Letters of Lord Macaueay», Tauchn. ed. IV, 58. Въ царствѣ калифовъ врачи получали тоже очень большое вознагражденіе. Мѣсячнымъ жалованьемъ второго глазного врача калифа Гаруна Рашида было 2000 дир. (франковъ), не считая раціоновъ, которые составляли ежегодно 20000 дир.—[7]) «Digg.», XXXIII, 1, 10, § 1.—[8]) Mommsen, ad «Digg.» XIX, 5, 26.—[9]) Plin., «N. h.», XXVI, 4.—[10]) Plin., «N. h.», XXIX, 29.—[11]) Galen. XIV, стр. 647.

которые вопросы, касающіеся болѣзни, и, получивъ отвѣты, посылалъ имъ лекарства и вылечивалъ такимъ образомъ не только этихъ больныхъ, но черезъ нихъ и другихъ, страдавшихъ тамъ же этой же болѣзнью, не видавъ ни одного изъ нихъ [1]). До насъ дошли его совѣты нѣкоему Цециліану относительно его сына, эпилептика; они были посланы имъ письменно отцу на запросъ послѣдняго, хотя онъ не видѣлъ больного, а посовѣтовался только съ его домашнимъ врачемъ Діонисіемъ [2]). Что касается жалованья придворныхъ врачей, то объ этомъ уже говорилось. Криnатъ изъ Массиліи оставилъ 10 милліоновъ сест. (1087500 руб.), послѣ того, какъ онъ воздвигъ стѣны родного города и еще другія, что стоило ему приблизительно столько же [3]). Хирургъ Алконъ былъ приговоренъ Клавдіемъ къ уплатѣ 10 милліоновъ; но за время своего изгнанія и послѣ возвращенія въ Римъ онъ въ теченіе немногихъ лѣтъ вновь заработалъ эту сумму [4]). Но доходы врачей въ древнемъ Римѣ не могли все же сравняться съ тѣми, которые получаютъ современные врачи, особенно въ большихъ городахъ. Въ 1787 г. докторъ Hunter получалъ въ Лондонѣ за консультацію у себя на дому двѣ, за посѣщеніе больного четыре гвинеи; въ началѣ 19 вѣка Геймъ въ Берлинѣ зарабатывалъ иногда болѣе 12000 талеровъ въ годъ; въ 1851 г. доходы извѣстнѣйшихъ врачей Лондона, Броди и Брайта, равнялись 10000 фунт. стерл.; Бильротъ въ Вѣнѣ оцѣнивалъ свои доходы уже въ первомъ году (1867) въ 12—15000 гульденовъ [5]). Въ древности и въ небольшихъ мѣстечкахъ практика была сравнительно доходна, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ надпись вольноотпущенника „клиническаго врача и глазного оператора“ П. Децимія Эрота Мерулы въ Ассизи. Здѣсь говорится, что за отпущеніе на волю онъ заплатилъ 4000 сест., городской казнѣ за свое назначеніе севиромъ 2000 сест., на сооруженіе статуй въ храмѣ Геркулеса онъ подарилъ 30000 сест., на мощеніе улицъ 37000 сест., а наканунѣ смерти состояніе его равнялось, повидимому, 520000 сест. [6]). Врачъ Гераклитъ изъ Родіаполя (въ Ликіи), гдѣ онъ безвозмездно практиковалъ, пріобрѣлъ себѣ состояніе, очевидно, работою въ другихъ городахъ (главнымъ образомъ, въ Александріи, Родосѣ и Аѳинахъ). Онъ построилъ въ своемъ родномъ городѣ храмъ Эскулапу и Гигіеѣ, въ которомъ были поставлены статуи этихъ божествъ, и подарилъ городу еще 60000 сест. для раздачи и на устройство состязаній въ праздникъ Эскулапа [7]). Только конкуренція, а не чувство порядочности,—говоритъ Плиній,—заставляетъ врачей понижать размѣры вознагражденія [8]); очень часто они пользуются минутой опасности, чтобы заставить больныхъ согласиться на ихъ требованіе; „жадной торговлей въ минуту паренія роковой смерти“ называетъ это Плиній на своемъ высокопарномъ языкѣ [9]). Ульпіанъ говоритъ: если врачъ съ помощью вредныхъ средствъ подвергъ больного глазами опасности ослѣпнуть и благодаря этому принудилъ его продать ему за безцѣнокъ свои помѣстья, то намѣстникъ данной провинціи обязанъ вмѣшаться въ это преступленіе (incivile factum) и заставить его вернуть захваченное [10]). Въ 370 г.

---

[1]) Galen, VIII, 224.—[2]) Его же, XI, 357 слл.—[3]) Plin., «N. h.», XXIX, 8, 9.—[4]) Plin., «N. h.», XXIX, 22.—[5]) Joh. Schopenhauer, «Jugendleben u. Wanderbilder», 1839. Kessler, ук. соч. II, 353. «Billroths Briefe», 1895.—[6]) Wilmanns, 2486. Mommsen, «Hermes», XIII, 120.—[7]) C. I. L. III, 4315 n (p. 1148).—[8]) Plin., «N. h.», XXIX, 21.—[9]) Тамъ же.—[10]) «Digg.», L. 13, 3 (Ulpian. lib. V Opinionum).

по Р. Хр. императорскій рескриптъ напоминаетъ главнымъ врачамъ (archiatri), получающимъ жалованье отъ городскихъ общинъ, что лучше „честнымъ путемъ являться на помощь бѣднымъ, чѣмъ постыднымъ образомъ служить богатымъ. Мы разрѣшаемъ имъ принимать то, что будетъ имъ предложено за труды здоровыми, но не то, что въ минуту опасности будетъ обѣщано имъ за спасеніе больными“ [1]). Автору одной книги о врачебныхъ средствахъ, составленной въ первой половинѣ IV вѣка на основаніи естественной исторіи Плинія, пришлось испытать много бѣдъ отъ врачей въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ заболѣвалъ во время своихъ путешествій. Побуждаемые жадностью, они брались за дѣло, въ которомъ ничего не понимали, и продавали дешевыя лекарства за чудовищныя цѣны. Они затягивали болѣзни, которыя можно было бы устранить въ нѣсколько дней или часовъ, чтобы добиться большаго вознагражденія. Чтобы не подвергаться и впредь ограбленію съ ихъ стороны, онъ и собралъ испытаннѣйшія средства противъ цѣлаго ряда болѣзней [2]).

Галенъ даетъ самыя подробныя предписанія относительно отношенія врачей къ больнымъ [3]). Посѣщенія ихъ должны быть частыми или рѣдкими въ зависимости отъ желанія больного; для многихъ частыя посѣщенія бываютъ въ тягость. Нѣкоторые врачи настолько неразумны, что будятъ больныхъ громкой рѣчью или звукомъ своихъ шаговъ и такимъ образомъ возбуждаютъ ихъ противъ себя: слѣдуетъ избѣгать всего несвоевременнаго и неумѣстнаго. Въ разговорахъ съ больными врачъ долженъ быть тактичнымъ, чтобы у него не вырвалась фраза вродѣ той, которою герофилеецъ Каллинактъ отвѣтилъ больному, жалующемуся на то, что онъ долженъ умереть: „и Патроклу пришлось умереть“. Грубымъ обращеніемъ своимъ нѣкоторые врачи и въ настоящее время вызываютъ къ себѣ ненависть больныхъ, другіе же подобострастіемъ своимъ добиваются только презрѣнія. Врачъ долженъ избѣгать обѣихъ крайностей и вмѣстѣ съ любезностью и умѣренностью сохранять сознаніе своего достоинства. Подходящимъ предметомъ для разговора съ больнымъ можетъ послужить, напримѣръ, положеніе Гиппократа, что искусство покоится на трехъ вещахъ: на больномъ, болѣзни и врачѣ; больной долженъ вмѣстѣ съ врачемъ противодѣйствовать болѣзни, такъ какъ это послужитъ лучшей порукой тому, что вдвоемъ они могутъ одолѣть ее [4]). Но существуютъ и такіе больные, которыхъ надо занимать не серьезными, а веселыми разговорами или разными разсказами. Врачъ долженъ думать и о томъ, какъ держать себя. Нѣкоторые ведутъ себя очень напыщенно и развязно, другіе отличаются чопорностью, третьи низкопоклонствомъ и покорностью. Онъ совѣтуетъ и въ этомъ избрать средній путь, но думаетъ, что до извѣстной степени позволительно примѣняться къ наклонностямъ больныхъ, равнымъ образомъ, и относительно одежды и прически: при дворѣ Антонія, напримѣръ, носили коротко остриженные, при дворѣ Л. Вера длинные волосы. Нѣкоторые врачи настолько небрежны, что отъ нихъ при посѣщеніи больныхъ пахнетъ лукомъ или чеснокомъ. Отъ земляка Галена, Квинта, сильно пахло виномъ, когда онъ посѣтилъ одного богатаго римлянина, лежавшаго въ лихорадкѣ. Больной попросилъ его стать немного по-

[1]) Cod. X, 52. 9.—[2]) Plinii quae fertur medicina, ed. V. Rose, стр. 1.—[3]) Galen. XVII b, 144—152.—[4]) Galen. XVIIa; 150.

дальше, такъ какъ этотъ запахъ ему непріятенъ; на это Квинтъ довольно грубо отвѣтилъ, что ему самому приходится переносить болѣе непріятный запахъ, которымъ отличаются комнаты больныхъ. Нѣкоторые врачи раболѣпно подчинялись всѣмъ желаніямъ больныхъ, позволяя имъ пить холодную воду, остуженное въ снѣгу вино и принимать ванны, когда имъ захочется. Передъ такими врачами открывались двери почти всѣхъ домовъ. Они быстро становились богачами, пользовались вліяніемъ, и многіе поручали имъ своихъ ближайшихъ рабовъ, для обученія ихъ медицинѣ [1]). Самыми непослушными и упрямыми больными были, конечно, богатыя и могущественныя лица. „Лучше всего было бы,—говоритъ Галенъ,—совсѣмъ не лечить ихъ, но, на самомъ дѣлѣ, врачи вынуждены, по разнымъ причинамъ, сносить ихъ изнѣженность“ [2]). Хотя онъ и не одобрялъ уступчивости врачей и называлъ ее постыдной, но все-таки совѣтовалъ врачу исполнять, смотря по обстоятельствамъ, желанія больныхъ, даже противъ своихъ убѣжденій, если это только не приносило слишкомъ большого вреда: если больной будетъ ненавидѣть врача, то не станетъ его слушаться.

Еще Гиппократъ говорилъ, что врачъ долженъ, для того, чтобы добиться послушанія больныхъ, вызвать по отношенію къ себѣ удивленіе и заставить смотрѣть на себя, какъ на высшее существо. Извѣстно, что въ Пергамѣ больные, отдавшіеся на леченіе богу Эскулапу, исполняли самыя строгія предписанія; такъ, напримѣръ, воздерживались въ теченіе 15 дней отъ всѣхъ напитковъ, чего никогда не могъ бы добиться своими требованіями ни одинъ врачъ. Гиппократъ указывалъ также на то, что правильными діагнозами и предсказаніями врачъ скорѣе всего можетъ вызвать удивленіе больного [3]). Галенъ имѣлъ обыкновеніе самъ называть причины болѣзни, не разспрашивая объ этомъ больного [4]). Нѣсколько разъ ему удавалось, какъ нѣкогда врачу Эрасистрату, установить, какъ причину болѣзни, сильную любовную страсть по біенію пульса больного, когда возлюбленный или возлюбленная входили въ комнату [5]). Одинъ богатый паціентъ принялъ тайно отъ него и наперекоръ предписанію какое-то лекарство (въ пилюляхъ, чтобы не выдать себя цвѣтомъ языка) и потомъ сталъ упорно отрекаться отъ этого. Галенъ спросилъ его тогда, могъ ли бы онъ поклясться ему въ этомъ, и одновременно пощупалъ его пульсъ, ускореніе котораго выдало ему нечистую совѣсть больного [6]). Самодовольство Галена, обнаруживающееся въ подобныхъ разсказахъ, шло такъ далеко, что онъ прямо заявляетъ, что „съ божьей помощью ни разу не ошибся въ своихъ прогнозахъ и діагнозахъ“ [7]). Разсуждая по поводу положенія Гиппократа, кажущагося, какъ онъ говоритъ, тривіальнымъ, что врачъ обязанъ помогать больному и, во всякомъ случаѣ, не приносить ему вреда, онъ увѣряетъ, что ему всегда удавалось избѣгать этого послѣдняго [8]). Въ то время, какъ онъ придавалъ главное значеніе своимъ прогнозамъ и діагнозамъ, другіе думали, что они не являются врачами, если не опояшутся тотчасъ послѣ появленія своего въ комнату больного, не наложатъ пластыря, не сдѣлаютъ обливанія, не поставятъ кли-

---

[1]) Galen. X, 4.—[2]) Его же, XIII, 597.—[3]) Galen. XVIIb, 135—143.—[4]) Его же, XI, 10.—[5]) Его же, XVIIIb, 40. XIV, 631.—[6]) Galen. IX, 218.—[7]) Sprengel, «G. d. A.» II, 169.—[8]) Galen. XVIIa, 148.

стира, не пустятъ крови и т. п. [1]). Такимъ врачамъ было не лишнимъ напомнить предписанiя Гиппократа—не засучивать одежду выше локтей, что совсѣмъ не соотвѣтствуетъ достоинству медицины, и чего избѣгаютъ даже адвокаты изъ боязни уподобиться кулачнымъ бойцамъ [2]).

Врачебное шарлатанство практиковалось во всѣхъ видахъ, начиная съ многозначительнаго подниманiя бровей въ самыхъ ничтожныхъ случаяхъ [3]) и кончая производствомъ операцiй въ театрѣ передъ толпою зрителей [4]). Цельсъ по этому поводу говоритъ, что только актеры придаютъ большое значенiе пустякамъ, съ цѣлью выказать свою силу [5]). Галенъ замѣчаетъ, что терiакъ во многихъ случаяхъ творитъ чудеса, но что лица, „восхваляющiя его, какъ средство противъ глухоты и слабаго зрѣнiя, рекомендуютъ его не въ качествѣ врачей, а шарлатановъ [6]). Нѣкоторая публичность во врачебной практикѣ обусловливалась привычками античной жизни. Врачи подавали совѣты, продавали и выдавали лекарства и дѣлали даже операцiи въ лавкахъ и магазинахъ, открытыхъ на улицу. Туда входилъ одинъ больной съ вывихнутымъ плечомъ, другой съ нарывомъ, третiй съ головной болью [7]). Самые несвѣдущiе врачи болѣе всего заботились о томъ, чтобы снабдить свои помѣщенiя коробочками изъ слоновой кости, серебряными (кровососными) банками и ножами съ золоченными ручками [8]). По словамъ Эпиктета, въ Римѣ дѣло дошло до того, что врачи стали сами приглашать къ себѣ пацiентовъ [9]).

По всей вѣроятности, случалось довольно часто, что врачи читали публичныя лекцiи въ большихъ аудиторiяхъ и сопровождали ихъ демонстрацiями, какъ напримѣръ, Галенъ въ Римѣ въ храмѣ Мира [10]) и въ другихъ городахъ [11]). Послѣ лекцiй часто происходили диспуты. Вскорѣ послѣ своего перваго прибытiя въ Римъ, Галену пришлось вступить въ споръ съ нѣсколькими пожилыми врачами школы Эрасистрата по поводу одного кровопусканiя, которое ему казалось необходимымъ. На слѣдующiй день землякъ и соученикъ его Тевфатъ прочелъ „передъ всѣми философами“ книги Эрасистрата, доказалъ затѣмъ, что цѣлый рядъ случаевъ со смертельнымъ исходомъ былъ вызванъ его неправильнымъ методомъ, и вызвалъ на диспутъ старыхъ врачей. Но послѣднiе отказались подъ тѣмъ предлогомъ, что споръ съ молодымъ человѣкомъ несовмѣстимъ съ ихъ достоинствомъ. Въ виду того, что Галенъ въ то время ежедневно читалъ доклады по поводу вопросовъ, которые ставились ему слушателями, онъ былъ вынужденъ затронуть также вопросъ, поскольку правъ былъ Эрасистратъ, воздерживаясь отъ кровопусканiй. Докладъ этотъ, который Галенъ по желанiю Тевфата продиктовалъ для него рабу, былъ опубликованъ безъ его вѣдома и хотя, по формѣ своей онъ предназначался только для аудиторiи, результатомъ его было неожиданное обращенiе всѣхъ эрасистратовцевъ къ вѣрѣ въ необходимость кровопусканiя [12]). Въ другой разъ Галенъ разсказываетъ, что одинъ теоретикъ (софистъ), тотчасъ по прочтенiи доклада, въ которомъ онъ развивалъ совсѣмъ необосно-

[1]) Galen. XV, 313—316.—[2]) Galen. XVIIIb, 692.—[3]) Epictet, III, 10, 15. M. Antonin. «Comm.», IV, 48.—[4]) Plutarch, «De adulat. et amico», 32, стр. 70.—[5]) Cels. V, 26, 1.—[6]) Galen. XIV, 305.—[7]) Epictet, III, 23, 30.—[8]) Lucian, «Adv. indoct.». 29.—[9]) Epictet, III, 23, 27.—[10]) Galen. «De libr. propr.», p. 363 K. XIX, стр. 21 сл.—[11]) Его же, «De praenot. ad Epig.», стр. 455 слл.; ср. также ed. K. II, стр. 622 и 690 (о публичныхъ вскрытiяхъ и демонстрацiяхъ).—[12]) Galen. XI, 186—194.

ванную теорію, и послѣ котораго онъ былъ награжденъ рукоплесканіями хора своихъ приверженцевъ, поспѣшно удалился вмѣстѣ съ ними, зная, что Галенъ опровергнетъ его. На другой день Галенъ передалъ его единомышленникамъ рукопись, содержавшую опроверженіе этой теоріи; и никто не могъ ему ничего возразить [1]). Шарлатаны тоже читали публичныя лекціи объ органахъ человѣческаго тѣла и ихъ функціяхъ и видомъ учености привлекали къ себѣ паціентовъ [2]).

Само собою разумѣется, что и въ то время не было недостатка въ научно-образованныхъ врачахъ, среди которыхъ писательствомъ занимались, главнымъ образомъ, греки. Нѣкій Гермогенъ изъ Смирны написалъ въ теченіе 77 лѣтъ 77 книгъ (среди нихъ 72 медицинскихъ) [3]). Императорскій лейбъ-медикъ Тиберій Клавдій Менекратъ написалъ 156 книгъ, въ которыхъ обосновывалъ новую логическую медицину [4]). Вышеупомянутый Гераклитъ изъ Родіаполя въ Ликіи, который въ поставленный ему тамъ почетной надписи восхваляется какъ первый врачъ всѣхъ временъ, былъ авторомъ медицинскихъ и философскихъ сочиненій въ прозѣ и въ стихахъ; этими послѣдними онъ заслужилъ названіе Гомера въ медицинѣ. Всѣ свои произведенія онъ преподнесъ своему родному городу, а кромѣ того, Александріи, Родосу и Аоипамъ. Въ Родіаполѣ ему, кромѣ другихъ знаковъ почета, воздвигли еще „статую за научное образованіе“ [5]).

Знаніе лечебныхъ средствъ имѣло для античныхъ врачей совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ оно имѣетъ для современныхъ, въ виду того, что въ то время не существовало аптекъ, въ которыхъ лекарства могли быть приготовляемы по предписанію и подъ надзоромъ врачей, такъ же, какъ не было ихъ и въ средніе вѣка (за рѣдкими исключеніями) въ странахъ по эту сторону Альпъ [6]). Въ маленькихъ мѣстечкахъ Германіи ихъ не было еще въ концѣ прошлаго вѣка: Гуфландъ долженъ былъ въ Веймарѣ (съ 1783 г.), „по господствовавшему въ то время всюду обычаю“, самъ приготовлять и отпускать взвары, пилюли и порошки [7]). Очень возможно, что лекарства приготовлялись также въ храмахъ боговъ-цѣлителей, какъ напримѣръ, въ храмѣ Милостивой богини (Bona Dea) въ Римѣ, гдѣ подъ руками у жрицъ находились всевозможныя травы, изъ которыхъ онѣ приготовляли ихъ [8]). Торговлей лекарственными веществами и готовыми медикаментами въ древности занимались продавцы мазей, москательныхъ товаровъ и пряностей; эти послѣдніе (aromatarii) образовали въ Римѣ свой цехъ. Кромѣ того, существовали еще и такіе торговцы, шарлатаны и площадные лекари, которые ѣздили съ мѣста на мѣсто, и число ихъ было довольно велико [9]). У продавцовъ очень часто покупали и врачи, какъ на это жаловался уже Плиній Старшій, вмѣсто того,

---

[1]) Galen. XI, 331 слл.—[2]) Dio Chr., «Or.», XXXIII, p. 395, 31.—[3]) C. I. G. 3311. Kaibel, «Epigr. gr.» 305.—[4]) C. I. G. 6607. См. выше стр. 68, 15.—[5]) См. выше стр. 191, 7.—[6]) Kohl, «Alte und neue Zeit», стр. 114 сл. Въ Франкфуртѣ аптека была открыта въ 1343 г., въ Лейпцигѣ въ 1409 г., въ Берлинѣ въ 1488 г., въ Дрезденѣ въ 1490 г., въ Галле въ 1493 г., въ Бременѣ въ 1532 г.—[7]) «Hufelands Selbstbiographie» у Göschen, «Deutsche Klinik», 1863, № 13 слл. («Deutsche Lehr und Wanderjahre» 1874, II, 216).—[8]) Макроб., «Сат.», I, 12, 26. О храмѣ, Hülsen-Jordan, «Top. Roms», I, 3, стр. 183.—[9]) Цицер., «Клуент.», 14, 40. Горац., «Сат.», I, 2, 1. Катон. у Гелл., I, 15. Marquardt, «Privatleb.», 2 изд., II, 780—782. C. I. L. V, 1, 4489 (Бриксія).

чтобы самимъ приготовлять лекарства, что прежде считалось главнымъ дѣломъ врачебной науки. Составныя части смѣсей они знали плохо или даже совсѣмъ не знали, а когда они хотѣли приготовить лекарства по лечебникамъ, то ихъ обманывали купцы, продавая имъ плохой или поддѣльный товаръ. Многіе покупали даже готовыя мази и пластыри [1]). Галенъ, который также жалуется на обманъ „проклятыхъ торговцевъ аптечными товарами“, говорить, что они, въ свою очередь, подвергались обманамъ со стороны своихъ поставщиковъ, а этихъ опять обманывали собиратели травъ, которые приносили въ городъ соки, цвѣты, плоды и побѣги растеній [2]). Торговцы до такой степени умѣли придавать своимъ поддѣлкамъ видъ настоящихъ продуктовъ, что даже лучшіе знатоки не могли отличить ихъ отъ подлинныхъ [3]). Самъ Галенъ въ юности учился у одного человѣка, который училъ самымъ точнымъ образомъ поддѣлывать бальзамы, лемнійскую печатную глину, бѣлую окись цинка и другія драгоцѣнныя лекарственныя вещества, за преподаваніе чего онъ бралъ очень большой гонораръ. Но онъ не желалъ обнародовать рецептовъ приготовленія медикаментовъ, такъ какъ безсовѣстные люди могли бы употребить ихъ въ свою пользу [4]). Онъ, напротивъ, надѣялся, что сочиненія его побудятъ благоразумныхъ молодыхъ людей изучить природу всѣхъ цѣлебныхъ веществъ только на основаніи собственнаго зрѣнія и повторнаго изслѣдованія. Кто желаетъ овладѣть знаніемъ всѣхъ врачебныхъ средствъ, тотъ долженъ настолько хорошо изучить всѣ лекарственныя свойства растеній, животныхъ, металловъ и остальныхъ минераловъ, чтобы умѣть отличить поддѣльные отъ настоящихъ, и тогда только онъ будетъ въ состояніи начать примѣнять ихъ, справляясь съ его книгой „о дѣйствіи простыхъ лечебныхъ средствъ“ [5]).

Въ виду того, что большинство очень важныхъ лечебныхъ средствъ въ торговлѣ рѣдко встрѣчались въ настоящемъ видѣ, необходимо было доставать ихъ съ помощью надежныхъ друзей изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ они отличались наилучшими качествами и, если это было возможно, запастись такими количествами, которыхъ хватило бы на всю жизнь. Съ этой цѣлью Галенъ совершилъ нѣсколько путешествій, а кромѣ того, получалъ ежегодно посылки изъ различныхъ провинцій, отчасти отъ своихъ тамошнихъ друзей, отчасти черезъ императорскихъ и сенатскихъ намѣстниковъ, главнымъ образомъ, изъ Сиріи, Палестины, Египта, Каппадокіи, Понта, Македоніи, Галліи, Испаніи и Мавританіи [6]). Онъ совершилъ спеціальное путешествіе на Лемносъ, чтобы достать себѣ оттуда печатной глины, и на Кипръ, съ цѣлью добыть различныхъ металлическихъ веществъ изъ кипрскихъ мѣдныхъ рудниковъ. На этомъ островѣ у него былъ очень богатый другъ, находившійся въ дружбѣ съ императорскимъ прокураторомъ, завѣдывавшимъ рудниками у Соли. Черезъ него онъ досталъ себѣ мѣднаго купороса, мѣдной купоросной воды, гальмея, желѣзнаго купороса, бѣлой цинковой окиси въ такомъ количествѣ, что всего этого хватило не только ему одному на всю его жизнь, но онъ могъ отдать еще часть друзьямъ [7]). Свинцовую слюду можно было

[1]) Plin., «N. h.», XXXIV, 108.—[2]) Galen. XIII, 571.—[3]) Galen. XIV, 7.—[4]) Galen. XII, 215.—[5]) Galen. XIII, 570 сл.—[6]) Galen. XIV, 6 слл.—[7]) Galen. XIV, 7 слл. XII, 220—238.

найти въ рудникахъ между Пергамомъ и Кизикомъ [1]). Рѣки Гагата въ Ликіи, въ которой долженъ былъ встрѣчаться черный янтарь [2]), онъ не могъ найти, несмотря на то, что проѣхалъ на маленькомъ суднѣ вдоль всего побережья Ликіи, чтобы познакомиться со всѣми ея достопримѣчательностями. Съ Мертваго моря онъ привезъ (кромѣ асфальта) пористыхъ черныхъ горючихъ камней [3]). Главной цѣлью его путешествія въ Палестину было пріобрѣтеніе бальзама, который росъ въ одномъ императорскомъ владѣніи въ Энгадди въ Іудеѣ и продавался въ пользу фиска, но который въ торговлѣ никогда почти не встрѣчался въ настоящемъ видѣ [4]). На обратномъ пути ему посчастливилось встрѣтить караванъ верблюдовъ, везшій индійскую алою и индійскій лиціумъ въ Палестину, и достать себѣ послѣдній изъ названныхъ медикаментовъ въ несомнѣнно подлинномъ видѣ: то вещество, изъ котораго приготовлялся поддѣльный лиціумъ, въ Индіи было неизвѣстно [5]). Нѣкоторые медикаменты должны были имѣть извѣстный возрастъ, главнымъ образомъ— масла. Но торговцы продавали врачамъ, въ большинствѣ случаевъ, вмѣсто требуемаго стараго масла, смѣсь изъ свиного сала и обыкновеннаго масла, которая по виду и запаху очень походила на него. Но и чистое масло, находившееся въ продажѣ, обыкновенно не было выдержаннымъ, а именно этому маслу приписывались особенныя свойства. Галенъ получилъ отъ своего отца масло, сохранявшееся уже въ теченіе многихъ лѣтъ, и самъ съ молодыхъ лѣтъ дѣлалъ новые запасы, которыми онъ могъ бы пользоваться, когда израсходуются болѣе ранніе; благодаря этому онъ разсчитывалъ, что запаса масла хватитъ ему даже, если бы онъ прожилъ сто лѣтъ [6]).

Врачи, безъ всякаго сомнѣнія, растили лечебныя растенія въ своихъ садахъ, поскольку это позволяли климатъ и почва. Подобные сады или огороды [7]) въ новое время впервые появились въ 16 вѣкѣ въ Падуѣ, Пизѣ и Болоньѣ [8]), а вскорѣ и во всѣхъ нѣмецкихъ городахъ. Плиній жалуется на ботаниковъ своего времени, которые не желали сообщить другимъ знанія скрытыхъ свойствъ растеній, и восхваляетъ безкорыстную и готовую на жертвы любознательность древнихъ, изслѣдовавшихъ неприступныя вершины горъ, безлюдную глушь и нѣдра земли, чтобы узнать силу всѣхъ корней, пользу каждаго растительнаго волокна, и которые въ врачебныхъ цѣляхъ умѣли употреблять даже растенія, не тронутыя пасущимся скотомъ. Рисунки встрѣчавшіеся въ нѣкоторыхъ греческихъ ботаническихъ сочиненіяхъ [9]), были обманчивы и неудовлетворительны, въ другихъ находились только описанія или указанія названій и свойствъ растеній, но Плинію посчастливилось познакомиться съ лечебными растеніями, за исключеніемъ очень немногихъ, въ маленькомъ ботаническомъ саду врача Антонія Кастора (можетъ-быть, вольноотпущенника дочери М. Антонія), который какъ ботаникъ пользовался въ свое время большимъ уваженіемъ (онъ писалъ также книги по ботаникѣ);

---

[1]) Galen. XII, 229.—[2]) У Dioscorid. V, 145 Γάγας.—[3]) Galen. XII, 202 (375)— [4]) Marquardt, «Privatleben», 2 изд., II, 781, 5 и 6. — [5]) Galen. XII, 216. — [6]) Galen. XIII, 703 сл.—[7]) Kohl, «Alte u. neue Zeit», стр. 115.—[8]) F. Cohn, «Laurentius Scholz v. Rosenau», «D. Rundschau» 1890, April, стр. 114.—[9]) 574 цвѣтныхъ иллюстрацій въ рукописяхъ Діоскорида представляютъ собою, вѣроятно, копію цвѣтныхъ оригиналовъ, которые были нарисованы въ эпоху Птолемеевъ въ Александріи. F. Cohn, «Jahresber. d. Schles. Ges. f. vaterl. Kultur», 1881, 27. Oktober.

большинство цѣлебныхъ растеній онъ выращивалъ самъ. Онъ прожилъ болѣе ста лѣтъ, причемъ онъ никогда не болѣлъ, а бодрость и память его совсѣмъ не пострадали отъ старости [1]).

Для частныхъ надобностей императорскаго дома въ Римѣ были устроены склады, въ которыхъ постоянно получались лекарственныя вещества всѣхъ странъ самаго лучшаго качества и въ очень большихъ количествахъ. Лѣтомъ приходили ежегодныя посылки изъ Сициліи, Африки и въ особенности съ Крита, гдѣ императоры имѣли своихъ сборщиковъ растеній. „Обязанностью ихъ было тщательно запаковывать въ бумагу находящіяся тамъ въ изобиліи медицинскія вещества, надписывать названіе и мѣсто нахожденія“, наполнять лечебными травами плетеныя корзины и отсылать ихъ въ Римъ, отчасти въ императорскія аптеки, отчасти для продажи. Галенъ упоминаетъ также объ императорскихъ рабахъ, которые должны были собирать змѣй, употреблявшихся для приготовленія разныхъ лекарствъ. Все богатство этихъ императорскихъ складовъ находилось къ услугамъ Галена, который въ качествѣ императорскаго лейбъ-медика могъ пользоваться ими для приготовленія требуемыхъ лекарствъ. Онъ могъ выбрать себѣ старое фалернское вино подходящихъ годовъ изъ цѣлаго ряда глиняныхъ сосудовъ, на которыхъ отмѣчался годъ сбора винограда, и гиметтскій медъ сбора различныхъ годовъ. Деревянные сосуды съ корицей стояли тамъ со времени правленія Траяна, Адріана и Антонина Пія. Среди нихъ находилось вмѣстилище, длиною въ $4^1/_2$ локтя, въ которомъ сохранялось цѣлое коричное дерево перваго сорта [2]). Въ такомъ же изобиліи находились тамъ, вѣроятно, и другія вещества (какъ напримѣръ, бальзамъ изъ Энгадди): Павсаній упоминаетъ, что изъ Титореи императорамъ посылалось превосходное масло, употреблявшееся, главнымъ образомъ, для приготовленія мазей [3]).

Не менѣе важно, чѣмъ знаніе свойствъ лекарственныхъ растеній, было умѣнье приготовлять медикаменты; очень важно было также обладаніе хорошимъ сборникомъ рецептовъ, для многихъ это было даже единственнымъ необходимымъ условіемъ для практики. Такую книгу написалъ вышеупомянутый лейбъ-медикъ императора Клавдія, Скрибоній Ларгъ, побуждаемый къ этому своимъ покровителемъ, вольноотпущенникомъ Г. Юліемъ Каллистомъ, который и передалъ это сочиненіе въ „божественныя руки“ императора. Врачебная наука представлялась автору въ видѣ знанія давно испытанныхъ средствъ. Самъ Асклепіадъ, о которомъ неправильно утверждалось, что онъ лечилъ больныхъ безъ лекарствъ, сказалъ, что врачъ, не знающій двухъ или трехъ вѣрныхъ средствъ противъ каждой болѣзни, стоитъ еще на очень низкой ступени. Медицина получила свое имя отъ медикаментовъ, поэтому прежде всего надо стремиться къ ихъ изученію и не бояться входить въ сношенія съ людьми мелкими и часто, къ сожалѣнію, ничего не знающими о медицинѣ, какъ о наукѣ, но зато опытными и съ помощью цѣлебныхъ средствъ нерѣдко излечивающими болѣзни, съ которыми оказалась не въ силахъ бороться врачебная наука [4]). Скрибоній купилъ, напримѣръ, за потребованную

---

[1]) Plin., «N. h.», XXV, 1—10. Teuffel, «Röm. Litteraturgesch.», 4 изд., 283, 2. Luxor. Anthol. Lat. ed. Riese, I, № 369).—[2]) Marquardt, «Privatleb.», 2 изд., II, 781.—[3]) Paus., X, 32, 11.—[4]) Scribon. «Compos. medic.» praef.

цѣну средство, дѣйствовавшее, сверхъ всякаго ожиданія, противъ колики, отъ одной старой женщины изъ Африки, которая съ его помощью вылечила многихъ въ Римѣ [1]). Онъ указываетъ средство противъ укуса змѣй, которое носятъ за поясомъ охотники въ Сициліи [2]). Учитель его, Апулей Цельсъ, приготовлялъ лекарство противъ бѣшенства и ежегодно посылалъ въ свой родной городъ Центурипы въ Сициліи, гдѣ существовало много бѣшеныхъ собакъ; но оно доставляло больнымъ только нѣкоторое облегченіе. Скрибоній узналъ, что на Критѣ живетъ старикъ, родомъ изъ варварскихъ странъ, попавшій туда послѣ кораблекрушенія, который получаетъ отъ общины жалованье за приготовленіе средства, вылечивающаго водобоязнь. Когда врачъ Зопиръ изъ Гордія пріѣхалъ въ качествѣ посла въ Римъ и поселился у него, онъ узналъ отъ него, что средство это состоитъ изъ кусочка мѣха гіэны, завернутаго въ тряпку. Онъ тотчасъ же досталъ себѣ этотъ мѣхъ, но (къ счастію, какъ онъ говоритъ) ему еще не представился случай испробовать его дѣйствіе [3]). Врачъ Амвросій изъ Путеоли называетъ средство противъ каменной болѣзни, которое должно быть истолчено деревяннымъ пестомъ, не заключающимъ въ себѣ желѣза; это послѣднее Скрибоній считаетъ суевѣріемъ, но не совѣтуетъ пренебрегать этимъ предписаніемъ [4]). Онъ увѣряетъ, что большинство своихъ средствъ (среди которыхъ находится также зубной порошокъ, употреблявшійся императрицей Мессалиной) [5]) онъ испробовалъ самъ; лишь немногія онъ включилъ въ свой сборникъ на основаніи клятвы друзей, что они даютъ желаемые результаты [6]). Марцеллъ Эмпирикъ говоритъ въ предисловіи къ своему сборнику рецептовъ, предназначенному для его сыновей, что трудъ его будетъ приносить имъ пользу и исцѣленіе безъ содѣйствія врача. Только приготовленіе лекарствъ должно происходить подъ наблюденіемъ врача.

Большая часть сочиненій Галена тоже касается приготовленія медикаментовъ. Онъ хотѣлъ дать врачу возможность пользоваться суррогатами въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя получить требуемыхъ составныхъ частей, какъ напримѣръ, во время путешествій. Нѣкоторые врачи, даже не покидавшіе родины, въ случаѣ потери своей домашней аптеки, становились настолько безпомощными, что умирали съ горя [7]). Многія лекарства приготовлялись изъ очень большого числа составныхъ частей, теріакъ, напримѣръ, изъ 61, одной изъ которыхъ были сушеные ужи [8]). Цѣлебная сила приписывалась цѣлому ряду веществъ, иногда самымъ противнымъ и отвратительнымъ: даже постельные клопы и тысяченожки употреблялись какъ составныя части лекарствъ [9]). Галенъ удивляется тому, что врачъ Ксенократъ изъ Афродисіады (во второй половинѣ I вѣка по Р. Хр.) осмѣливался такъ самоувѣренно предлагать, въ качествѣ средствъ противъ разныхъ болѣзней, внутреннее употребленіе человѣческаго мозга, мяса, печени, крови и костей въ то время, какъ людоѣдство въ Римѣ преслѣдовалось закономъ. Этотъ же врачъ совѣтовалъ употреблять какъ лекарство всѣ выдѣленія человѣческаго тѣла и различныхъ животныхъ (среди нихъ—гиппопотама и слона). Но и римскіе врачи,

---

[1]) Scribon., «Compos. medic.», 122.—[2]) Тамъ же, 163.—[3]) Тамъ же, 171 слл.—[4]) Scribon., «Compos. medic.», 152.—[5]) Тамъ же, 60.—[6]) Тамъ же, заключеніе.—[7]) Galen. XIII, 861.—[8]) Sprengel, II, 80.—[9]) Dioscorid. «mat. med.», II, 36, 37.

напримѣръ, Сѳренъ Саммоникъ и другіе, совѣтовали пользоваться экскрементами въ качествѣ лекарствъ или ихъ составныхъ частей [1]). Хотя Галенъ и выражаетъ рѣшительное отвращеніе къ подобнымъ средствамъ, но все-таки самъ сообщаетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они бываютъ полезны, какъ напримѣръ, калъ мальчика, если его употреблять какъ наружное средство при опасныхъ горловыхъ опухоляхъ; но паціентъ не долженъ былъ знать, изъ чего состояло средство, такъ какъ оно дѣйствовало только въ силу антипатіи. Одинъ деревенскій врачъ съ большимъ успѣхомъ употреблялъ козій навозъ противъ укусовъ змѣй и другихъ болѣзней. „Но врачъ,—прибавляетъ Галенъ, какъ бы для успокоенія своихъ читателей,—не долженъ употреблять подобныхъ средствъ при леченіи горожанъ и знатныхъ людей, но можетъ быть знакомъ съ ними, чтобы въ соотвѣтствующихъ случаяхъ лечить съ ихъ помощью землекоповъ, косарей и подобныхъ имъ людей: они вѣдь не лучше ословъ, такъ что и жалѣть ихъ нечего“ [2]).

Во врачебныхъ книгахъ встрѣчались также указанія, какъ приготовлять яды и волшебные напитки, съ помощью которыхъ можно было возбудить ненависть и любовь, навѣвать сны, зачаровывать языкъ противника на судѣ и т. п. О нихъ, какъ и о смертоносныхъ средствахъ, дѣйствіе которыхъ можно было испытать вообще только, свершивъ преступленіе, Галенъ не желалъ говорить. Одинъ человѣкъ предложилъ двумъ врачамъ, состоявшимъ при магазинахъ мазей, купить у него меду, и быстро удалился послѣ того, какъ они отвѣдали его; оба умерли [3]). Полагали также, что существуютъ лекарства, удаляющія всю кровь изъ организма и вызывающія, такимъ образомъ, смерть. Галенъ говоритъ, что достовѣрно можетъ сообщить слѣдующее: когда онъ былъ ребенкомъ, одинъ человѣкъ въ виѳинской Ѳракіи, т.-е. въ области Византіи, случайно нашелъ траву, обладающую вышеупомянутымъ свойствомъ. На судѣ онъ потомъ разсказывалъ, что положилъ на нее свиную печень и, поднявъ ее затѣмъ, увидѣлъ, что съ нея отовсюду стекали кровавыя капли. Впослѣдствіи онъ произвелъ опытъ надъ первымъ встрѣчнымъ и послѣ того, какъ онъ оказался удачнымъ, лишилъ жизни еще многихъ другихъ. Во время пытки онъ продолжалъ утверждать, что никому не показывалъ этой травы; но такъ какъ, по словамъ его, она росла всюду, намѣстникъ велѣлъ отправить его на мѣсто казни съ завязанными глазами, чтобы онъ не могъ по дорогѣ указать на нее.

Въ виду того, что очень многіе занимались составленіемъ ядовъ [4]), и приготовленіе противоядій стало очень распространеннымъ; въ этомъ занятіи врачи усматривали одну изъ своихъ важнѣйшихъ задачъ. Изобрѣтатель теріака, лейбъ-медикъ Нерона Андромахъ, восхваляетъ это вещество въ длинномъ стихотвореніи за то, что оно не только обезвреживаетъ всѣ яды, но и противодѣйствуетъ многимъ другимъ болѣзнямъ. Многіе здоровые употребляли его ежедневно, какъ предохранительное средство, какъ напримѣръ, императоръ Маркъ Аврелій; главнымъ же образомъ, его принимали тѣ люди, которые своимъ непріятнымъ и тяжелымъ нравомъ вызывали къ себѣ ненависть

---

[1]) Ср. Teuffel, «Röm. Litteraturgesch.», 4 изд., 446, 6 (медикаменты Плацита) и Hieronym. «adv. Jovinian.», II, 6, изд. Vallarsi, II, 337 сл. (гдѣ приводится цѣлый рядъ подобныхъ средствъ и болѣзней, противъ которыхъ они дѣйствуютъ).—[2]) Galen. XII, 248—250, 290 слл.—[3]) Galen. XII, 251 сл.—[4]) Galen. XI, 336—338.

другихъ или опасались преслѣдованія со стороны враговъ [1]). Скрибоній перечисляетъ симптомы отравленій самыми употребительными ядами, какъ омегомъ, опіумомъ, бѣленой, гипсомъ, свинцовой слюдой, свинцовыми бѣлилами и т. д., и соотвѣтствующія противоядія, среди которыхъ находится одно, по названію „совершенное“, составленное для Августа врачемъ Марціаномъ [2]).

Многіе врачи злоупотребляли своимъ искусствомъ въ косметическихъ цѣляхъ, вродѣ императорскаго лейбъ-медика Критона, написавшаго косметику въ четырехъ книгахъ, изъ которыхъ Галенъ сообщаетъ только тѣ средства, которыя служатъ для сохраненія естественной красоты. Перечислять средства для удаленія волосъ, для улучшенія цвѣта кожи, наконецъ, рецепты благовонныхъ эссенцій для спрыскиванія одежды, комнатъ и т. д., онъ считалъ недостойнымъ медицины [3]).

Продажа лекарствъ была доходной статьей врачей, тѣмъ болѣе, что существовало мнѣніе, что самыя дорогія средства дѣйствуютъ лучше другихъ [4]), и многіе богатые люди съ презрѣніемъ отвергали дешевыя, хотя бы и полезныя лекарства. Одинъ богачъ, раба котораго Галенъ исцѣлилъ отъ зловреднаго нарыва, потребовалъ отъ него рецептъ лекарства; услышавъ, что оно состоитъ только изъ дешевыхъ составныхъ частей, онъ сказалъ: „прибереги его для нищихъ, мнѣ назови болѣе дорогое“. Галенъ исполнилъ его желаніе, и богачъ этотъ сталъ производить опыты надъ свободными и надъ рабами и богато одарилъ Галена, такъ какъ результаты превзошли всякое ожиданіе. Изъ двухъ видовъ стораксa Галенъ обыкновенно совѣтовалъ употреблять чаще встрѣчающійся и поэтому болѣе дешевый видъ, а болѣе рѣдкій и дорогой онъ прописывалъ императору и такимъ лицамъ, которыя не жалѣли средствъ, когда дѣло шло о лекарствахъ [5]). Даже за слабительныя средства, которыя безъ необходимости составлялись искусственнымъ образомъ, врачи брали „огромныя деньги“ [6]).

Способъ приготовленія излюбленныхъ лекарствъ, безъ всякаго сомнѣнія, сохранялся въ тайнѣ. Другъ Галена, Клавдіанъ, нашелъ среди вещей, полученныхъ имъ по наслѣдству, книжечку изъ пергамента, въ которой было записано средство отъ преждевременнаго облысѣнія, о которомъ онъ слышалъ, что оно отлично дѣйствуетъ. Но рецептъ состоялъ изъ символическихъ выраженій, которыя Галенъ съ трудомъ, и то лишь приблизительно, разгадалъ [7]). Скрибоній Ларгъ даетъ рецептъ „чудодѣйственнаго“ лекарства, унимающаго боли въ груди, которое было уже извѣстно въ старину. Оно вошло въ славу, главнымъ образомъ, благодаря врачу Пакцію Антіоху (упомянутому также у Галена) [8]), который съ его помощью достигалъ въ тяжелыхъ случаяхъ блестящихъ результатовъ, и, такимъ образомъ, много зарабатывалъ. Онъ приготовлялъ его при запертыхъ дверяхъ и, желая обмануть своихъ помощниковъ, заставлялъ ихъ растирать больше составныхъ частей, чѣмъ требовалось. Но послѣ его смерти рецептъ, согласно его желанію, былъ переданъ императору Тиберію, который велѣлъ сохранять его въ публичныхъ

---

[1]) Galen. XIV, 32 и 216.—[2]) Scribon. 177 слл. Marcell. Empir., гл. 20, 115.—[3]) Galen. XII, 445 слл.—[4]) Plin., «N. h.», XXIX, 24 и 28.—[5]) Galen. XIII, 636—638, 954.—[6]) Seren. Sammonic. 523—526.—[7]) Galen. XII, 423 сл.—[8]) Galen. XII, 772. Ср. Kühn, Ind. s. Paccius. Martial, XIV, 78.

библіотекахъ [1]). Позднѣе Адріанъ и Антонинъ Пій также распорядились о сохраненіи въ этихъ библіотекахъ сочиненій врача Марцелла изъ Сиды [2]).

На ярлыкахъ лекарствъ указывалось названіе средства, имя изобрѣтателя его, названіе болѣзни, противъ которой оно употреблялось, часто также имя знаменитаго больного, для котораго оно было изготовлено или котораго оно излечило. Объ этомъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ примѣровъ, взятыхъ у Галена: „Бериткое средство, употреблявшееся Стратономъ изъ Берита противъ сильнѣйшихъ гноеній глазъ, тотчасъ же помогаетъ [3]). Мазь для глазъ, которою Флоръ лечилъ Антонію, мать Друса, послѣ того, какъ другіе врачи почти лишили ее зрѣнія [4]). Средство отъ лишая, благодаря которому Памфилъ заработалъ много денегъ въ Римѣ, когда тамъ свирѣпствовалъ лишай подбородка [5]). Втираніе (отъ ломоты), составленное для императорскаго вольноотпущенника Патрокла, не вызываетъ болѣзненныхъ раздраженій [6]). Другое втираніе Помпея Сабина, называемое „дорогимъ“, приготовленное для Абурнія Валента (можетъ быть, знаменитаго юриста), „помогаетъ хромымъ, подагрикамъ, страдающимъ ломотою, дрожью и дѣйствуетъ противъ всякаго нервнаго раздраженія“ и т. д. [7]). Нѣкоторыя средства получали громко звучащія названія, какъ амбросія, нектарій, аницетъ (безподобный), фосфоръ (утренняя звѣзда), Изида, Галена (имя, данное обоими Андромахами ихъ теріаку), попугай, фениксъ, лебедь (по бѣлому цвѣту) и т. д. [8]). Все это было написано либо на самомъ сосудѣ, либо на привязанной къ нему кожѣ (Галенъ какъ-то упоминаетъ, что въ одномъ жестяномъ сосудѣ началось броженіе змѣинаго яда, вслѣдствіе чего были разорваны кожа и веревка) [9]), можетъ быть, на привязныхъ билетикахъ. Клеймомъ снабжались, должно-быть, только мази для глазъ (коллиріи), которыя разсылались въ сухомъ видѣ, въ формѣ четыреугольныхъ палочекъ. Сохранилось болѣе 160 каменныхъ штемпелей глазныхъ врачей, найденныхъ почти исключительно въ Англіи, Франціи, Германіи, Австріи и Нидерландахъ (только 3 въ Италіи). „На нихъ имѣется также имя врача, назначеніе средства, составныя части его и способъ его растворенія (въ яйцѣ, водѣ, винѣ)“ [10]).

---

[1]) Scribon. Larg., гл. 23, 97.—[2]) «Anthol. Pal.», т. III, стр. 273. DLXXIX (изд. Jacobs, IV, 239).—[3]) Galen. XII, 749.—[4]) Galen. XII, 768, ср. Grotefend, «Stempel d. r. Augenärzte», стр. 68.—[5]) Galen. XII, 839. Ср. Plin., «N. h.», XXVI, 3; выше, стр. 90.—[6]) Galen. XIII, 1019.—[7]) Его же, XIII, 1027.—[8]) См. Kühn, Ind.—[9]) Galen. VII, 549.—[10]) Marquardt, ук. соч. 780, 3. Grotefend, ук. соч. и дополненія въ «Bonner Jahrbb.», 1867 стр. 220. Zangemeister, въ «Hermes», II, 313 слл. Schuermann, «Rev. arch.», 1867, 75 слл. Roulez, тамъ же, 180 слл. Longpérier, тамъ же, 1869, 61 слл. Robert, 1870, 348. «Bull. dell'Inst.» 1868, стр. 104—108, ср. стр. 176. Mommsen, «Eph. epigr.», II, стр. 450. Huebner, тамъ же, III, 147. Jos. Klein, «Stempel v. röm. Augenärzten», «Bonner Jahrb.», 1875, стр. 93—136 (гдѣ насчитывается 128 штукъ), а 1876, стр. 200 сл. еще одинъ. Dr. E. Bertheraud, «Recherches des cachets des oculistes Romains dans le Nord del'Afrique» (Alger, 1876) насчитываетъ 131 (одинъ найденъ въ развалинахъ Ламбессы, стр. 5). Desjardin, «Comptes rendus», VIII (1880), стр. 481; Keller, «Ein neuer röm. Augenarztstempel», «Jahrb.», 1881, стр. 140—150 (первый штемпель съ греческой надписью). Héron de Villefosse et Thédenat, «Cachets d'oculistes romains» (т. I, 1882) содержитъ 18 новыхъ штемпелей, изъ которыхъ про 17 достовѣрно извѣстно, что они найдены во Франціи. Zangemeister, «Zwei neuerdings gefungene Oculistenstempel», «Bonner Jarhrbb.», LXXVI (1883), стр. 224 сл. Ср. Fröhner, «Krit. Analekten», 93 («Philol.» Supplementb. V, стр. 87—89); Reinach, «Liste des oculistes Romains mentionnés sur les

Само собою разумѣется, что въ сословіе врачей входило много сомнительныхъ элементовъ въ виду того, что занятіе медициной было доступно каждому, и что лица, занимающіяся ею, подвергались большимъ искушеніямъ. У Мартіала, врачъ крадетъ даже у больного ложку для лекарства [1]). Врачей особенно обвиняли, кромѣ приготовленія ядовъ [2]), въ прелюбодѣяніи [3]); господствовало то мнѣніе, что они нерѣдко заставляли мужей соблазненныхъ ими женъ „умирать безъ лихорадки" (т.-е. устраняли ихъ съ помощью яда) [4]). Сенека разсказываетъ, что существовали врачи, которые обостряли форму болѣзни, чтобы, излечивъ ее, добиться большей славы [5]). Сюда же относятся отчасти уже упомянутые упреки въ жадности, вымогательствѣ и сварливости [6]), послѣдній постоянно находилъ себѣ новую пищу въ тѣхъ враждебныхъ отношеніяхъ, которыя существовали между многочисленными школами. Далѣе ихъ упрекали въ грубой необузданности по отношенію къ коллегамъ: многіе врачи до того забывались, что во время диспутовъ или у постели больного начинали браниться, высовывали языки и переходили къ дракѣ [7]); въ страсти доказывать свою правоту, они доходили до того, что не послушались бы даже Аполлона и Эскулапа, если бы послѣдніе удостоили ихъ своимъ совѣтомъ [8]); зависть процвѣтала особенно въ Римѣ, вслѣдствіе существовавшей здѣсь возможности разбогатѣть [9]), и вызывала не только злостную клевету и преслѣдованія, но даже убійства [10]). Галена изгнала изъ Рима ненависть коллегъ, возраставшая вмѣстѣ съ благодарностью больныхъ (благородный Л. Мартій, котораго онъ чудеснымъ образомъ избавилъ отъ меланхоліи, говорилъ о немъ, что голосъ его раздается точно съ золотого треножника) [11]). Но среди врачей болѣе всего процвѣтали, вѣроятно, шарлатанство, невѣжество и презрѣніе ремесленниковъ ко всякому научному знанію [12]).

Рядомъ съ главнѣйшими школами догматиковъ, эмпириковъ, методиковъ, пневматиковъ, эклектиковъ существовало еще много другихъ сектъ, изъ которыхъ нѣкоторыя назывались по имени своего основателя, какъ напримѣръ, эрасистратовцы и т. д. Императорскому лейбъ-медику Тиберію Клавдію Менекрату, „автору совсѣмъ особенной и общепонятной логики въ 156 томахъ, за которую онъ былъ удостоенъ почетныхъ декретовъ отъ нѣсколькихъ большихъ городовъ", приверженцы его воздвигли, какъ главѣ своей школы, надгробный памятникъ въ Римѣ [13]). Съ другой стороны, секты эти получали свое названіе и отъ метода леченія, напримѣръ: прописывающіе вино (οἰνοδόται) [14]), гидропаты: водолеченіе вошло въ Римѣ въ моду (какъ при Августѣ, благодаря Антонію Музѣ) въ эпоху Нерона, благодаря Хармиду изъ Массиліи, „который прописывалъ холодныя ванны даже зимою, и заставлялъ погружать больныхъ въ бассейны, при чемъ нѣкоторые приверженцы его, даже старые консулары въ родѣ Сенеки, изъ хвастовства доходили до оцѣпенѣнія" [15]). О

---

cachets», «Rev. arch.» (1888, I, стр. 254 сл. «Bonner Jahrbücher», LXXXX (1891), стр. 211. Wellmann, «Augenärzte», Pauly-Wissowa, «Realencycl».

[1]) Martial, IX, 96.—[2]) Seneca, ed. Haase, т. III, стр. 422. Liban., ed. Reiske, IV, стр. 908.—[3]) Plin., «N. h.», XXIX, 20.—[4]) Martial, VI, 31.—[5]) Seneca, «Beneff.», VI, 36, 2.—[6]) Galen. XIV, 660.—[7]) Его же, VIII, 357 и 495.—[8]) Его же, VII, 419.—[9]) Его же, XIV, 621.—[10]) Его же, XIV, 602; ср. 623 сл. 625, 660 и XIX, 15.—[11]) Его же, XVI, 456 сл.—[12]) Этотъ упрекъ очень часто повторяется Галеномъ, напр. I, 53 слл.—[13]) C. I. G. 6007.—[14]) Marquardt, «Privatleb.», 2 изд., II, 779, 7. Ср. C. I. A. III, 779.—[15]) Plin., «N. h.», XXIX, 10; ср. Seneca, «Epp.», 53 и 83.

ненависти, съ которой различныя школы вели борьбу другъ съ другомъ, свидѣтельствуетъ полемика Галена съ „глупымъ“ Θессаломъ, съ „ослами изъ его стада“, „каменными (глупыми) методиками“ [1]). „Ни одна наука,—говоритъ Плиній,—не была болѣе непостоянной и не подвергается и теперь еще столь частымъ измѣненіямъ, какъ медицина“. За Веттіемъ Валентомъ, который прославился въ качествѣ придворнаго врача [2]) и основалъ новую школу, послѣдовалъ Θессалъ, опрокинувшій всѣ прежнія положенія, громившій съ близкой къ безумію страстностью врачей всѣхъ прошлыхъ временъ и назвавшій себя на своемъ памятникѣ на Аппіевой дорогѣ „покорителемъ врачей“. Онъ находился какъ-разъ на вершинѣ своей славы, и ни одинъ возница или пантомимъ не былъ окруженъ на улицѣ большей толпою, чѣмъ онъ, когда Криnатъ изъ Массиліи перебилъ у него эту честь. Этотъ послѣдній соединялъ астрологію съ медициной и, такимъ образомъ, производилъ впечатлѣніе большей тщательности и добросовѣстности и опредѣлялъ часы обѣда и ужина по расположенію планетъ. Его, въ свою очередь, затмилъ упомянутый Хармидъ, такъ что въ правленіе Нерона судьбами Рима, какъ говоритъ Плиній, управляли одинъ за другимъ три врача, изъ которыхъ каждый пользовался совсѣмъ особыми принципами. „Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ,—продолжаетъ онъ,—что всѣ они своими новшествами добивались только славы и, орудуя жизнью паціентовъ, стремились къ наживѣ; этимъ и объясняются всѣ злосчастныя ссоры въ комнатахъ больныхъ, гдѣ каждый совѣтуетъ какое-нибудь другое средство, чтобы только не показаться зависящимъ отъ другого. Здѣсь же кроется разгадка той печальной надписи одного надгробнаго памятника, которая сообщаетъ, что покойный погибъ отъ множества врачей. Ежедневно измѣняется эта наука, претерпѣвшая уже столько преобразованій, и дуновеніе талантовъ Греціи гонитъ насъ то сюда, то туда. Какъ только начнутъ слушаться одного изъ нихъ, такъ онъ тотчасъ и становится повелителемъ нашей жизни и смерти. А вѣдь тысячи народовъ прожили безъ врачей и все же имѣли лекарства; болѣе 600 лѣтъ не зналъ ихъ и римскій народъ, скоро усваивающій себѣ всякое знаніе и особенно любившій медицину, пока опытъ не заставилъ его проклинать ее“.

Асклепіадъ изъ Виθиніи, очень умный человѣкъ, выступалъ въ Римѣ въ послѣдніе годы республики въ качествѣ учителя краснорѣчія, но, не удовлетворенный своими доходами, занялся медициной. Онъ употреблялъ совсѣмъ новый методъ, основывавшійся, главнымъ образомъ, на цѣлесообразной діэтѣ, умѣлъ приноравливаться къ причудамъ больныхъ и, посредствомъ грубаго шарлатанства (напримѣръ, воскрешенія мертваго), добился того, что все человѣчество стало исполнять его законы, какъ говоритъ Плиній, и съ помощью всего этого пополнилъ свою казну; всѣмъ казалось, что онъ спустился съ неба [3]). Слава его дошла до царя Миθрадата, который пригласилъ его къ своему двору. Асклепіадъ отказался отъ этого, но послалъ вмѣсто себя сочиненіе, содержавшее всѣ правила врачебной науки. По словамъ Плинія, онъ вышелъ побѣдителемъ изъ состязанія съ судьбой: онъ говорилъ, чтобы его не считали больше врачемъ, если онъ когда-либо заболѣетъ; онъ умеръ въ

[1]) Galen. IX, 657. X, 909 слл. XVII a, 274.—[2]) См. выше, стр. 69,7.—[3]) Plin., «N. h.», XXVI, 12 слл. K. Sprengel, ук. соч. II, 5 слл. «Bull. dell'Inst.» 1864, стр. 67.

глубокой старости, упавъ съ лѣстницы [1]). Успѣхомъ своимъ онъ былъ обязанъ, главнымъ образомъ, чародѣйству. Онъ утверждалъ, что знаетъ такія растенія, съ помощью которыхъ можно осушить озера и рѣки, отпереть все запертое, обратить въ бѣгство враждебное войско, добыть себѣ всего въ изобиліи и т. п. [2]).

Магія и медицина стояли вообще въ тѣсной связи; врачи пользовались ею не только изъ шарлатанства, но, можетъ быть, также часто вслѣдствіе глубокой вѣры въ нее [3]). Большинство врачей болѣе или менѣе было заражено безмѣрнымъ суевѣріемъ, которое царило въ области медицины въ древности. Во всю эту эпоху всего болѣе была распространена (и не только среди врачей) вѣра въ господствующія во всей природѣ антипатію и симпатію, во „вражду и дружбу между нѣмыми и лишенными сознанія веществами“ [4]). Изъ знанія ихъ, по словамъ Плинія, и возникла вся врачебная наука. Природа создала всѣ простыя, легко находимыя и безъ всякихъ затратъ добываемыя лечебныя средства; что же касается дорогихъ и рѣдкихъ средствъ, какъ и ихъ искусственныхъ составовъ и смѣсей, то ихъ изобрѣли обманъ и корыстолюбіе [5]). Діоскоридъ (врачебная наука котораго въ продолженіе 16 вѣковъ была источникомъ знанія для всего медицинскаго міра и теперь еще продолжаетъ быть имъ среди турецкихъ врачей) [6]) тоже совѣтуетъ употреблять симпатически дѣйствующія средства [7]). Онъ сообщаетъ также, что, откапывая чемерицу, которую употребляли противъ многихъ болѣзней (главнымъ образомъ, противъ эпилепсіи и сумасшествія), надо стоя молиться Аполлону и Эскулапу и остерегаться быть увидѣннымъ пролетающимъ орломъ, такъ какъ это приноситъ смерть копающему [8]). Всѣми видами яшмы можно, по его мнѣнію, пользоваться въ качествѣ амулетовъ; будучи привязаны къ бедрамъ лежащей въ родахъ женщины, они ускоряютъ роды. Орлиный камень, напротивъ, замедляетъ ихъ, если привязать его къ лѣвой рукѣ, и приноситъ, такимъ образомъ, пользу женщинамъ, склоннымъ къ выкидышамъ. Если отвязать его отъ руки и привязать къ бедру, то роды произойдутъ безболѣзненно [9]). Галенъ указываетъ, что яшма помогаетъ и противъ желудочныхъ заболѣваній. По предписанію египетскаго царя Пехепсоса, нѣкоторые вырѣзали на ней змѣю съ вѣнцомъ изъ лучей, но Галенъ по опыту зналъ, что камень дѣйствуетъ и безъ этого. Онъ совѣтовалъ одѣвать на шею ожерелье изъ кусочковъ яшмы такимъ образомъ, чтобы камни доходили до устья желудка, и всегда имѣлъ успѣхъ. Сначала онъ не вѣрилъ въ силу заговоровъ, но впослѣдствіи ему пришлось убѣдиться и въ ней [10]). Но о примѣненіи излюбленной въ то время пиѳагоровой числовой мистики къ ученію о критическихъ дняхъ, онъ не хотѣлъ и слышать. „Что общаго,—спрашиваетъ онъ,—между семью Плеядами или семью устьями Нила и тѣмъ, что при воспаленіи легкихъ и грудной плевры кризисъ чаще всего наступаетъ на седьмой день?“

---

[1]) Plin., «N. h.», VII, 124. XXV, 6.—[2]) Тамъ же, XXIX, 1—11. Ср. ниже.—[3]) Ср. обѣ бронзовыя таблички съ рецептами Wilmanns, «Ex. Inscr.», 2753 сл.—[4]) Plin., «N. h.», XXI; ср. XXXVII, 50.—[5]) Plin., «N. h.», XXIV, 1—5.—[6]) R. Kobert, «Über den Zustand der Arzneikunde vor 18 Jahrhunderten» (1887), стр. 7.—[7]) Тамъ же, стр. 16—18.—[8]) Dioscorid., «Mat. m.», IV, 149 (ed K. I, 632).—[9]) Dioscorid., «Mat. m.», V, 159 сл. (I, 818, K.).—[10]) Röper у Marquardt'a, «Handb. der röm. Altertümer», 1 изд., IV, пр. 741 и 751.

Очень часто онъ наступаетъ и въ другiе дни [1]). Ульпiанъ говоритъ, что тѣ, кто прибѣгаютъ къ заговорамъ или, „употребляя обычное среди обманщиковъ слово, экзорцизмамъ“, недостойны названiя врачей, хотя многiе и хвалятся тѣмъ, что подобныя средства имъ помогали [2]). Изгнанiе демоновъ, вызывающихъ болѣзнь, издавно существовало въ Египтѣ [3]). Кромѣ египтянъ, этимъ занимались еще особенно евреи [4]). Даже тѣ лица, которыя отрицали всякiя волшебныя средства, не такъ-то легко могли опровергнуть значенiе астрологическихъ исчисленiй [5]), которыя были положены въ основу терапiи, главнымъ образомъ, въ Египтѣ, и которыя многимъ врачамъ и не-врачамъ [6]) казались необходимыми. Врачъ Д. Сервилiй Аполлонiй, который, судя по его надгробной надписи, дожилъ до 93 лѣтъ, „какъ онъ это себѣ и предсказалъ“ [7]), основывалъ при этомъ пророчества не на медицинской, а на своей астрологической наукѣ. Галенъ былъ тоже не только убѣжденъ въ томъ, что семидневныя лунныя фазы сильно влiяютъ на всю земную жизнь, но и безусловно соглашался съ открытiемъ египетскихъ астрологовъ въ томъ, что по положенiю мѣсяца относительно добрыхъ и злыхъ планетъ можно заключить, какiе дни будутъ для больного благопрiятными и какiе нѣтъ. Если, напримѣръ, во время рожденiя человѣка добрыя планеты находятся въ созвѣздiи Овна, а злыя въ созвѣздiи Тельца, то болѣзни будутъ для него опаснѣе всего въ томъ случаѣ, если мѣсяцъ находится въ созвѣздiи Тельца, Льва, Скорпiона или Водолея; если же онъ проходитъ черезъ Овна, Рака, Вѣсы и Козерога, то эта опасность ему не угрожаетъ. Кто самъ не наблюдаетъ за этими явленiями и не вѣритъ наблюденiямъ другихъ, тотъ принадлежитъ къ числу все болѣе и болѣе распространяющихся теперь софистовъ, которые требуютъ объясненiя причины даже въ очевидныхъ случаяхъ, вмѣсто того, чтобы на основанiи доказанныхъ уже фактовъ искать ихъ невѣдомыя еще причины [8]). При употребленiи врачебныхъ средствъ часто, должно-быть, призывались также боги [9]).

Астрологiя сама по себѣ была тоже доходнымъ занятiемъ, хотя она и была запрещена, а много разъ по особымъ поводамъ за нее назначались строгiя наказанiя [10]). Ее все-таки допускали постольку, поскольку ею не пользовались во вредъ личности императора или государству. Среди учителей, которымъ Александръ Северъ раздавалъ деньги, назначалъ аудиторiи и которыхъ онъ снабжалъ учениками, сыновьями бѣдныхъ, но свободныхъ родителей, о которыхъ онъ заботился,—среди этихъ учителей, кромѣ риторовъ, грамматиковъ, врачей, механиковъ и архитекторовъ, находились также гаруспики и астрологи [11]). Дѣдъ Авсонiя, Цецилiй Аргицiй Арборiй, занимался астрологiей, которую онъ хорошо изучилъ лишь тайнымъ образомъ. Онъ запечаталъ таблицы, на которыхъ онъ начерталъ жизнь внука, но дочь его не выдержала и сломила печать [12]). Августинъ, будучи молодымъ человѣкомъ,

[1]) Galen., IX, 934 сл.—[2]) «Digg.» L. 13, 1, § 3.—[3]) Pauly-Wissowa, «Realencycl.», I, 319.—[4]) Iосифъ, «Древн.», VIII, 2, 5.—[5]) Lobeck, «Aglaoph.», стр. 928; ср. также Плин., «N. h.», XXIX, 9 и Псевдо-Галена, «Prognostica de decub. ex math. scient.» Galen. ed. K. XIX, 529.—[6]) Ювен., 4, 553 слл.—[7]) Kaibel, «Epigr. Gr.», 592=C. I. G. 5821.—[8]) Galen. IX, 910—913.—[9]) Wilmanns «Exempl. inscr.», 2753.—[10]) Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., III, 92—94. О преслѣдованiи астрологовъ въ Византiи въ эпоху Юстинiана, Procop., «H. arc.», гл. 11.—[11]) «Alex. Sever.», гл. 44.—[12]) Auson., «Parent.», 4, 17—21.

питалъ къ предсказаніямъ астрологовъ очень большое довѣріе, пока одинъ старшій другъ не убѣдилъ его въ ихъ обманчивости. Послѣдній хотѣлъ посвятить себя астрологіи и основательно изучилъ ее, чтобы съ ея помощью обезпечить себѣ заработокъ, но, убѣдившись въ ея полной необоснованности, онъ предался изученію медицины [1]). Въ противоположность ему, Фирмикъ Матернъ, писавшій въ 334—337 годахъ, бросилъ адвокатуру, которая опротивѣла ему вслѣдствіе связанныхъ съ нею „собачьей“ руготни, опасностей и ненависти, чтобы на досугѣ заняться изслѣдованіемъ божественной и небесной сущностей, то-есть астрологическимъ писательствомъ, и, такимъ образомъ, очистить свою душу отъ всѣхъ погрѣшностей, которыми она запятнала себя во время общенія съ дурными людьми [2]). Если онъ самъ, повидимому, и не занимался астрологіей ради заработка, все же въ своемъ сочиненіи онъ называетъ астрологовъ на ряду съ другими предсказателями, какъ людей, зарабатывающихъ себѣ этимъ дѣломъ средства для существованія [3]). Промысловый налогъ, который астрологи должны были платить въ Александріи, получилъ названіе „налога глупцовъ“, такъ какъ онъ взимался со средствъ, доставляемыхъ глупцами, которые обращаются съ вопросами къ астрологамъ [4]). Астрологія сохранила свое значеніе въ продолженіе всей императорской эпохи. Астрологи, главнымъ образомъ, греки, жители Востока и египтяне [5]), были своими людьми какъ при дворѣ [6]), такъ и въ знатныхъ домахъ, пользовались безграничнымъ довѣріемъ и во всѣхъ опасныхъ предпріятіяхъ играли роль либо зачинщиковъ, либо совѣтчиковъ и поэтому часто бывали замѣшаны въ процессахъ по государственной измѣнѣ. Знаменитый астрологъ Памменъ, который, благодаря своему искусству, съ очень многими поддерживалъ дружественныя отношенія, продолжалъ получать всякія извѣстія и запросы даже тогда, когда онъ, въ послѣдніе годы Нерона, въ качествѣ изгнанника находился на островѣ; отъ консулара П. Антея онъ продолжалъ получать и ежегодное жалованье. Другому ссыльному, жившему на томъ же островѣ, удалось овладѣть бумагами Паммена и донести въ 66 году о перепискѣ съ нимъ Антея и Осторія Скапулы. Увѣренные въ томъ, что имъ грозитъ осужденіе, они оба покончили жизнь самоубійствомъ [7]). Астрологія считалась аристократической формой предсказанія; на основаніи того значенія, которымъ она пользовалась, можно сказать, что взаимоотношеніе между нею и народными видами пророчества было приблизительно такое же, какъ въ настоящее время взаимоотношеніе между сомнамбулизмомъ, стукомъ столовъ, психографомъ, спиритизмомъ и т. п. и гаданіемъ по сплаву олова, кофейной гущѣ, картамъ и т. д. Толкователь сновъ Артемидоръ съ презрѣніемъ относился къ гаданію по чертамъ лица, фигурѣ и рукамъ или съ помощью игральныхъ костей, чашекъ, рѣшета, сыра и огня, также и къ вызову духовъ; кромѣ толкованія сновъ, онъ признавалъ еще только гаданіе по жертвеннымъ животнымъ, ихъ печени, полету птицъ и звѣздамъ. Надо сказать, что онъ сомнѣвался даже въ достовѣрности исчисленій съ помощью

---

1) Augustin. «conf.», IV, 3, 5.—2) Firmic. Matern., «De mathesi», IV praef.—3) Тамъ же, III, 8. 9.—4) Свида, см. Βλᾶκα и Casaub. ad Sueton. «Caligula», гл. 40. Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., II, 200, 5. Orelli, 1202=C. I. L. V, 2, 5893.—5) Juv., 3, 41. Ammian., XXII, 16, 18 сл.—6) Ср. стр. 69 сл.—7) Тац., «Анн.», XVI, 14.

гороскопа [1]). Этотъ видъ гаданія, который въ то время пользовался у высшихъ классовъ исключительнымъ или, по крайней мѣрѣ, частичнымъ успѣхомъ, былъ распространенъ и среди другихъ сословій. Кромѣ этихъ знатныхъ, „священныхъ" [2]) и требовательныхъ пророковъ, всюду существовали еще (въ Римѣ въ особенности у цирка) и площадные астрологи, которые за небольшую цѣну исчисляли простолюдинамъ ихъ будущее [3]). Астрологи утверждали, что въ ихъ власти предсказывать и погоду, такъ какъ извѣстныя перемѣны воздуха случаются только въ опредѣленные дни; это положеніе было опровергнуто Колумеллой въ спеціальномъ сочиненіи [4]). Отъ нихъ сельскій хозяинъ узнавалъ о судьбѣ урожая [5]), купецъ объ успѣхѣ предпріятія [6]), коварный наслѣдникъ о днѣ смерти богача, надѣлившаго его въ своемъ завѣщаніи. Этотъ послѣдній случай былъ однимъ изъ самыхъ частыхъ, по поводу которыхъ обращались къ астрологамъ, и они отвѣчали, сообразовывая свой отвѣтъ съ желаніемъ спрашивающихъ [7]). По словамъ Галена, богачи только постольку интересуются астрологіей, поскольку имъ желательно знать напередъ, кто завѣщаетъ имъ свое состояніе [8]). Женихи и невѣсты освѣдомлялись у астрологовъ, какой день будетъ самымъ благопріятнымъ для ихъ свадьбы, строители—какой для закладки дома, путешественники—для начала пути. Въ качествѣ вознагражденія за консультацію послѣдняго рода въ одномъ мѣстѣ приводится сумма въ 100 денаровъ (43 руб.) [9]). Чтобы устранить у спрашивающаго всякія сомнѣнія въ истинности ихъ знанія, астрологи старались выказать свою точную освѣдомленность о его прошломъ. Тримальхіонъ Петронія разсказываетъ, что его астрологъ разсказалъ ему такія подробности, которыя даже онъ самъ забылъ; далѣе: „тебѣ не везетъ въ дружбѣ. Никто не выказываетъ тебѣ той благодарности, которую ты заслуживаешь. Ты владѣешь большими богатствами. У груди твоей ты питаешь змѣю"; затѣмъ онъ прибавилъ, что онъ проживетъ еще 30 лѣтъ, 4 мѣсяца и 2 дня и получитъ вскорѣ наслѣдство [10]).

Вышеупомянутый Фирмикъ Матернъ, написавшій свое сочиненіе объ астрологіи по побужденію проконсула Мавортія Лолліана, которому онъ и посвятилъ его, старается представить астрологію въ видѣ науки, которая не только вполнѣ безупречна, но и возвышаетъ умъ и очищаетъ душу. Лица, посвящающія себя ей, должны поэтому сдѣлаться достойными ея съ помощью жреческой чистоты и святости. Предписанія и предостереженія, которыми онъ снабжаетъ будущихъ астрологовъ, указываютъ намъ одновременно на то, изъ-за чего они подвергались порицанію и какія опасности могли имъ угрожать. „Кто посвященъ въ эту священную науку,—говоритъ онъ въ концѣ второй книги,—тотъ долженъ уподобиться образу божества и быть постоянно украшенъ славою правдивости. Онъ долженъ быть доступенъ для всѣхъ, и тотъ, кто обращается къ нему, не долженъ дѣлать этого съ трепетомъ. Онъ долженъ быть цѣломудренъ, трезвъ, умѣренъ, долженъ удовлетворяться немногимъ, чтобы корыстолюбіе не унизило славы божественной науки. Какъ

[1]) Artemidor. Onirocr. II, 69.—Suid. s. v.—[2]) Квинтил., «Деклам.», 4, 16.—[3]) Ср. ч. II, отдѣлъ III, 1. Горац. I, 6, 141. Ювен., 6, 588.—[4]) Колум., XI, 2, 31.—[5]) Marquardt, «Handb. der röm. Altertüm.», 1 изд., IV., прим. 691.—[6]) Петрон., «Сат.», гл. 76.—[7]) Апул., «Апол.», 553. Лукіанъ, «Діал. мертв.», 11, 1.—[8]) Галенъ, XIV, 604.—[9]) Апул., «метам.», II, 28 сл.—[10]) Петрон., гл. 77.

жрецъ солнца, мѣсяца и другихъ боговъ, управляющихъ вселенной, онъ долженъ стремиться къ тому, чтобы по свидѣтельству всѣхъ быть достойнымъ этого великаго дѣла. Отвѣты свои онъ долженъ давать всенародно и напередъ предупреждать объ этомъ спрашивающихъ, чтобы не быть спрошеннымъ о томъ, о чемъ нельзя ни спрашивать, ни говорить. Онъ не долженъ отвѣчать на вопросы относительно положенія государства и жизни императора; и то, и другое преступно, а послѣднее и невозможно. Только судьба императора не зависитъ отъ хода свѣтилъ: въ виду того, что онъ—властитель всего міра, судьбою его управляетъ воля всевышняго бога, и онъ самъ принадлежитъ къ кругу боговъ, которые созданы прабожествомъ для совершенія и сохраненія всего сущаго. Гаруспики тоже убѣждаются въ томъ, что ни одно изъ призываемыхъ ими божествъ не въ состояніи объяснить сущности той высшей силы, которая заключена въ императорѣ, такъ какъ ихъ сила гораздо слабѣе его. Кому подвластны всѣ духи, всѣ сословія, всѣ богатые и знатные, всякій почетъ и могущество, тому даны божественная сила и мѣсто среди боговъ. Если кто-нибудь поставитъ вопросъ относительно императора, то не надо строго порицать его за это, а, объяснивъ ему, что личность императора недоступна толкованіямъ, этимъ заставить его отказаться отъ своего преступнаго заблужденія. Но отъ астрологовъ нельзя требовать того, чтобы они доносили на тѣхъ, кто поставитъ имъ непозволительный вопросъ. Если случится, что спросившій будетъ подвергнутъ смертной казни за свое преступное любопытство, то въ этомъ будетъ виновенъ и астрологъ, а жрецъ не долженъ быть запятнанъ чьей-либо кровью. Пусть у него будутъ супруга, домъ, честные друзья, пусть онъ принимаетъ участіе въ общественной жизни, но ссоръ, преступныхъ дѣяній и заботы о заработкѣ онъ не долженъ знать. Всякая жестокая страсть должна остаться чуждой ему, также радость, вызванная взаимной враждою другихъ; во всемъ онъ долженъ соблюдать спокойную умѣренность. Пусть онъ избѣгаетъ мятежей, будетъ вѣренъ въ дружбѣ и безупречно честенъ во всѣхъ дѣйствіяхъ. Да не запятнаетъ онъ свою совѣсть ложнымъ показаніемъ, не занимается ростовщичествомъ и не извлекаетъ себѣ выгоды изъ чужой бѣды. Онъ не долженъ ни давать, ни требовать клятвенныхъ увѣреній, въ особенности, если дѣло идетъ о деньгахъ, а то могло бы показаться, что онъ призываетъ помощь боговъ изъ-за ничтожнаго дара. Заблуждающимся, главнымъ образомъ, друзьямъ, пусть онъ указываетъ вѣрный путь, чтобы они могли съ помощью его совѣтовъ освободиться отъ своихъ недостатковъ. Онъ не долженъ участвовать въ ночныхъ жертвоприношеніяхъ, будь они общественнаго или частнаго характера, не долженъ ни съ кѣмъ тайно разговаривать, а открыто, какъ уже говорилось, долженъ онъ передъ всѣми служить священному искусству. Толкуя гороскопы людей, онъ не долженъ слишкомъ откровенно называть ихъ пороковъ, но со сдержанностью давать подобные отвѣты, чтобы слова его не могли показаться упрекомъ тому, кто обреченъ на это враждебнымъ ходомъ свѣтилъ. Да устоитъ онъ передъ соблазномъ представленій, чтобы не казаться приверженцемъ какой-нибудь партіи: жрецамъ боговъ подобаетъ сторониться соблазновъ всѣхъ наслажденій. Если духъ его укрѣпленъ этой красой добродѣтели, то онъ можетъ приняться за дѣло и со спокойной душой читать слѣдующія книги о вліяніи свѣтилъ на судьбы людей. Душа, покоренная и запятнанная позор-

ной страстью, не въ состояніи усвоить ученія этой достойной уваженія науки, и тяжелое наказаніе долженъ понести тотъ, кто позоритъ ее своимъ безбожіемъ. Незапятнаннымъ, чистымъ и цѣломудреннымъ долженъ духъ его заняться этимъ священнымъ дѣломъ; пророческой силой духа астрологъ достигнетъ большаго, чѣмъ учеными занятіями [1]). Въ предисловіи къ пятой книгѣ Фирмикъ съ восторженной молитвой обращается къ высшему богу, который является „одновременно и отцомъ и матерью всѣхъ существъ, и отцомъ и сыномъ въ силу однихъ узъ родства". Онъ проситъ его благосклонно отнестись къ тому, что авторъ съ чистой душой и по вдохновенію свыше собирается объяснить ходъ свѣтилъ и ихъ вліяніе: „Для твоихъ римлянъ написалъ я эту книгу, чтобы, въ случаѣ перенесенія всѣхъ наукъ въ ихъ литературу, эта область не оказалась единственной, къ которой не осмѣлился подойти ни одинъ римскій умъ". Затѣмъ онъ проситъ свѣтила, главнымъ образомъ, солнце и луну, простить ему его вторженіе въ ихъ тайну. Не преступное желаніе и не грѣховный помыслъ побудили его къ этому, а укрѣпленный божественнымъ вдохновеніемъ духъ, который осмѣлился снести въ храмы тарпейской скалы то, что было извлечено древними мудрецами на свѣтъ изъ мрака египетскихъ святилищъ [2]).

d) Земледѣліе. Морская торговля. Низшія должности. Военная служба.

Среди всѣхъ остальныхъ занятій Колумелла особенно восхваляетъ сельское хозяйство, которое слѣдуетъ предпочесть всѣмъ другимъ (особенно военной службѣ, мореплаванію и торговлѣ, ростовщичеству, адвокатурѣ и службѣ кліентовъ) [3]). По его словамъ, въ Италіи обработанная земля приносила только шесть процентовъ доходу [4]); поэтому, когда въ эпоху Августа размѣры процентовъ понизились до четырехъ, то цѣны на помѣстья стали возрастать въ виду того, что всѣмъ казалось наиболѣе выгоднымъ употребить капиталы на пріобрѣтеніе земель [5]). Но „мелкія культуры", продукты которыхъ находили хорошій сбытъ на римскихъ рынкахъ, какъ напримѣръ, разведеніе домашнихъ птицъ, огородовъ и фруктовыхъ садовъ, давали гораздо большій доходъ. Нѣкоторыя фруктовыя деревья около Рима давали, напримѣръ, ежегодный доходъ въ 2000 сест. (217 руб.); цвѣтоводство было также очень прибыльно [6]). Въ 227 году арендаторъ огородовъ по дорогѣ въ Остію платилъ ежегодную аренду въ 26000 сест. [7]). Въ виду большихъ доходовъ съ мелкаго хозяйства, большинство среднихъ и крупныхъ землевладѣльцевъ стало взымать поземельную ренту въ формѣ арендныхъ денегъ съ многочисленныхъ мелкихъ арендаторовъ. Большая часть населенія Италіи (и римскаго государства вообще) состояла въ эпоху императоровъ изъ такихъ арендаторовъ (coloni), которые нерѣдко становились довольно зажиточными людьми, какъ объ этомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ свидѣтельствуютъ надписи [8]).

[1]) Фирм. Мат., «De mathesi», II, 33; ср. VIII, введ.—[2]) Его же, V введ.—[3]) Колум., I, введ. 1.—[4]) Его же, III, 3. Rodbertus, «Z. Gesch. der agrarischen Entwicklung Roms», «Hildebrands Jahrbb. f. Nationalökon.», II (1864), 208—228.—[5]) Діонъ, LI, 21. Свет., «Авг.», гл. 41. См. выше, стр. 3, 3.—[6]) Rodbertus, ук. соч., стр. 213. Плин., «N. h.», XVII, 8.—[7]) Barnabei, «Libello di Geminio Entichete», «Mitt. d. Arch. Inst.», Röm. Abt., II (1887), стр. 203 слл.—[8]) Mommsen, «Das Dekret des Commodus für den saltus Burunitanus», «Hermes», XV (1880), стр. 408 сл. Coloni въ приведенныхъ надписяхъ являются всѣ безъ исключенія временными арендаторами.

Мелкое хозяйство было, такимъ образомъ, въ то время, какъ и до этого и какъ въ наши дни, господствующей формой земледѣлія въ Италіи. Крупныя хозяйства почти всегда состояли изъ группы мелкихъ [1]). Мѣсто мелкихъ собственниковъ съ теченіемъ времени стали все болѣе и болѣе занимать мелкіе арендаторы, въ ихъ же руки переходило управленіе помѣстьями, которымъ прежде занимались сами помѣщики. Когда Плиній Старшій говоритъ, что крупное землевладѣніе погубило сначала Италію, а потомъ и провинціи [2]), то онъ можетъ имѣть въ виду только вытѣсненіе осѣдлыхъ крестьянъ ничѣмъ не владѣющими мелкими арендаторами. Но о томъ, что онъ и здѣсь, какъ и часто вообще, преувеличивалъ, свидѣтельствуютъ два письменныхъ обязательства относительно капиталовъ, которые были пожалованы Траяномъ для воспитанія дѣтей свободныхъ, но бѣдныхъ родителей. Подъ эти капиталы были заложены помѣстья (цѣнность которыхъ въ дѣйствительности была въ 12 разъ больше) [3]), находящіяся въ окрестностяхъ Велеи (у Пармы), Плацентіи (Піаченца) и Беневента. Въ этой послѣдней области еще преобладало крестьянское хозяйство: среди 50 владѣльцевъ заложенныхъ земель находились только два крупныхъ помѣщика (помѣстья которыхъ цѣнились въ 451000 и 501000 сест.); девятерымъ принадлежали помѣстья цѣною въ 100—400000 сест., всѣ остальные владѣли меньшими (римскій моргенъ = 0,252 гектара плодородной земли, цѣнился въ 1000 сест.) [4]). Въ Эмиліи большая часть прежде мелкихъ хозяйствъ перешла въ руки крупныхъ владѣльцевъ, „очевидно потому, что богатыя равнины на берегахъ По болѣе привлекали капиталъ, чѣмъ холмистая область гирпиновъ". Едва только половинѣ 52-хъ тамошнихъ владѣльцевъ принадлежали помѣстья цѣною меньше 100000 сест.; приблизительно столькимъ же—помѣстья цѣною въ 100—400000 сест., а пятой части болѣе крупныя земли (среди нихъ помѣстья троихъ цѣнились дороже, чѣмъ въ милліонъ) [5]).

Самой доходной статьей сельскаго хозяина въ Италіи и въ то время было виподѣліе. Основной капиталъ для пріобрѣтенія семи прусскихъ моргеновъ земли подъ виноградники вмѣстѣ съ рабомъ, который въ качествѣ виноградаря долженъ былъ заботиться о нихъ, съ виноградомъ, инвентаремъ и процентами за два года, въ продолженіе которыхъ виноградъ ничего еще не производилъ,—все это стоило 32480 сест. (3532 руб.). По словамъ Колумеллы, капиталъ этотъ при хорошей почвѣ приносилъ 19 процентовъ [6]), продажа высадковъ давала тоже большой доходъ, такъ что даже, если вычесть неурожаи, деньги, необходимыя на поддержаніе всего, и непредвидѣнные расходы, то предпріятіе это все же было очень выгоднымъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ хотя бы доходы Реммія Палемона [7]).

Менѣе безопасной, но еще болѣе выгодной была морская торговля, которою римскіе купцы занимались на всѣхъ моряхъ [8]). По написанной въ эпоху

---

[1]) Весь этотъ отдѣлъ (по большей части, дословно) по Mommsen'у, «Die italische Bodenteilung und die Alimentartafeln», «Hermes», XIX (1884), 393—416.—[2]) «N. h.», XVIII, 35.—[3]) Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., II, 145.—[4]) Колумелла, III, 3, 8.—[5]) Когда приводятся эти цифры, то имѣется въ виду, что всѣ владѣльцы отдавали въ аренду не часть своихъ помѣстій, а все цѣликомъ. О продажѣ помѣстья за 70000 сест., см. C. I. L. XIV, 3471.—[6]) Колумелла, III, 3, 9. Billeter, «Gesch. d. Zinsfusses», стр. 183 сл.—[7]) Marquardt, «Privatleb.», 2 изд., II, 445 (см. выше, стр. 174, 8).—[8]) Тамъ же, стр. 404 сл.

Тиберія астрологіи Манилія, созвѣздіе Рака научало искусству промышлять и выручать барыши. Рожденные подъ этимъ созвѣздіемъ превращали свой капиталъ въ заграничные товары, разносили ихъ по разнымъ городамъ, разузнавали про большія, вызванныя пожаромъ потери зерна и отдавали тогда свои сокровища на произволъ вѣтровъ. Они снабжали весь міръ товарами всего свѣта, входили въ торговыя сношенія съ незнакомыми землями и подъ новымъ солнцемъ зарабатывали новыя богатства [1]). Поэтому Трималъхіонъ у Петронія, разбогатѣвшій вслѣдствіе морской торговли, и хвалится тѣмъ, что родился подъ созвѣздіемъ Рака [2]). Одинъ хлѣботорговецъ (судя по надписи статуи, поставленной ему его сыномъ въ 131 г. въ Пренестѣ) [3]), пользовавшійся и въ Римѣ извѣстностью и уваженіемъ за свою честность (который, по крайней мѣрѣ, часть зерна закупалъ въ Этруріи и Умбріи) [4]), „привыкъ усердно объѣзжать всѣ гавани, которыя предоставляютъ усталымъ мореходамъ возможность безопасной высадки". Но что касается размѣровъ и многообразія римскихъ торговыхъ сношеній, торговыхъ предпріятій, простиравшихся не только до самыхъ отдаленныхъ границъ имперіи, но и за границы ея, что касается далѣе сопряженныхъ съ ними опасностей и ихъ доходности,—то обо всемъ этомъ рѣчь еще впереди [5]).

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и низшія должности при магистратахъ и жречествахъ считались очень хорошимъ занятіемъ [6]). Всѣ онѣ были доступны вольноотпущенникамъ и ими, по большей части, и были занимаемы. Должности эти оплачивались, а, можетъ быть, нѣсколько ихъ могли объединяться въ одномъ лицѣ; хотя по закону на нихъ можно было опредѣлять только на время функцій магистрата, слѣдовательно, въ большинствѣ случаевъ, на одинъ годъ, на дѣлѣ опредѣленіе это было пожизненнымъ, такъ какъ вторичному избранію ничто препятствовать не могло. Кромѣ того, эти низшіе служащіе (apparitores) могли, въ случаѣ добровольнаго ухода, найти себѣ пріемника, которому они продавали свое мѣсто. Въ виду этого, должности большинства столичныхъ аппариторовъ были фактически пожизненными, они пользовались предоставленнымъ имъ еще въ эпоху республики правомъ объединяться въ корпораціи, благодаря чему ихъ союзы (decuriae) при строгомъ ограниченіи права сообществъ въ лучшій періодъ имперіи, пріобрѣтали извѣстное значеніе. Эти товарищества состояли, если не исключительно, то преимущественно изъ аристократіи среди вольноотпущенниковъ. Трималъхіонъ у Петронія хочетъ написать на своемъ надгробномъ памятникѣ, что онъ былъ бы принятъ во всѣ декуріи Рима, если бы только захотѣлъ [7]).

Самыми почетными и лучше всего оплачиваемыми [8]) были среди нихъ должности секретарей и счетоводовъ (scribae) [9]); но не всѣ они пользовались правомъ корпорацій, а только тѣ, которые состояли при квесторахъ (три де-

---

[1]) Манилій, «Астрон.», IV, 162 слл.—[2]) Петрон., «Сат.», гл. 39.—[3]) C. I. L. XIV, 2852.—[4]) C. I. L. XIV, 12.—На основаніи этого можно заключить, что земледѣліе въ обоихъ этихъ районахъ не могло быть незначительнымъ.—[5]) Ч. II, отдѣлъ I, 4 b.—[6]) Послѣдующее изложено по Моммсену, «Staatsr.», 3 изд., I, 332—371 и его статьѣ «De apparitoribus magist. Roman.» въ «Rh. M.» 1848, VI, 1—57.—[7]) Петрон., гл. 71.—[8]) Содержаніемъ аппариторовъ по lex Coloniae Genetivae («Ephem. epigr.» III, 91 сл.) было: Scribae II virorum 1200 сест., scribae aedilium 800, accensi 700, lictores 600, viatores 400, librarii 300, haruspices II virorum 500 (aedilium 300), praecones 300, tibicines 300.—[9]) О значеніи слова Scriba—Mommsen, ук. соч. стр. 346, 1.

куріи) и курульныхъ эдилахъ (одна декурія). Обѣ эти корпораціи занимались, главнымъ образомъ, управленіемъ эрарія (который представлялъ собою не только кассу, но и архивъ) и веденіемъ государственныхъ счетоводныхъ книгъ. Въ виду ежегодной смѣны магистратовъ, эраріемъ фактически управляли, по крайней мѣрѣ, очень часто, эти постоянные низшіе служащіе; они же нерѣдко оказывали всякія услуги италійскимъ и провинціальнымъ городамъ (давая имъ справки относительно законовъ, счетовъ и другихъ архивныхъ документовъ, давая указанія относительно кассоваго управленія и вопросовъ по законовѣдѣнію) [1]; за это города вознаграждали ихъ правомъ гражданства, почетными должностями и другими знаками отличія. Эти видныя должности сравнительно рѣдко занимались вольноотпущенниками, хотя и были доступны имъ; очень часто ихъ занимали сыновья вольноотпущенниковъ, но нерѣдко и лица изъ сословія всадниковъ, какъ объ этомъ уже говорилось [2]. Трупъ Августа несли всадники, трупъ Друса Старшаго—декурія скрибъ. Витрувій упоминаетъ о роскошномъ домѣ скрибы Фаберія на Авентинѣ, въ перестилѣ котораго всѣ стѣны были выкрашены киноварью [3].

Изъ остальныхъ аппариторовъ за скрибами непосредственно слѣдовали ликторы; среди нихъ ликторы римскихъ магистраторовъ составляли товарищество изъ трехъ декурій, которыя управлялись десятью лицами. Порою они пользовались большимъ вліяніемъ. Гильдія тибрскихъ рыбаковъ и водолазовъ поставила памятникъ одному консульскому ликтору (который былъ ихъ патрономъ), главнымъ образомъ, за то, что онъ выхлопоталъ и утвердилъ за ними право лодочнаго сообщенія [4]. Сыновья главныхъ ликторовъ (lictores proximi) оказываются часто римскими всадниками. Но еще вліятельнѣе ликторовъ бывалъ служившій съ ними замѣститель (accensus), котораго магистратъ обыкновенно выбиралъ изъ своихъ вольноотпущенниковъ и который, вслѣдствіе этого, былъ ему болѣе близокъ и часто становился его довѣреннымъ лицомъ. Нѣкоему Л. Лицинію Секунду, занимавшему это мѣсто при своемъ патронѣ, могущественномъ другѣ Траяна Лициніи Сурѣ, во время всѣхъ трехъ его консулатовъ (98, 102 и 107 гг.) было поставлено въ Тарраконѣ, по крайней мѣрѣ, тринадцать статуй отдѣльными лицами и цѣлыми корпораціями [5].

За ликторами слѣдовали низшіе по чину разсыльные (viatores), въ большинствѣ случаевъ, вольноотпущенники и мелкіе люди; при квесторахъ эту должность занимали, однако, иногда и всадники. Самымъ низшимъ классомъ были глашатаи (praecones), которые не пользовались уваженіемъ въ виду того, что занятіе это считалось позорнымъ. Судя по надписямъ, этимъ дѣломъ занимались почти исключительно вольноотпущенники и незаконнорожденные.— Манилій приводитъ въ своемъ астрологическомъ сочиненіи особую констелляцію, подъ вліяніемъ которой развиваются всѣ требуемыя для этихъ должностей свойства. Рожденный подъ этой констелляціей становится знатокомъ города. Въ качествѣ глашатая онъ заботится о томъ, чтобы нашлись покупатели для земель, оффиціально продаваемыхъ съ молотка или подлежащихъ размежеванію; въ качествѣ разсыльнаго или ликтора онъ подвергаетъ нака-

---

[1]) Mommsen, «Staatsr.», 3 изд., I, 352, 5.—[2]) См. выше, стр. 149—[3]) Витрув., VII, 9, 2.—[4]) Gruter, 391, 1.—[5]) C. I. L. II, 4536—4548.

занію преступника и въ качествѣ скрибы заставляетъ должниковъ платить городской казнѣ [1]). Многіе низшіе служащіе занимались еще побочными ремеслами или торговлей; среди ликторовъ были продавцы платья, масла, жемчуговъ, литейщики сосудовъ и т. д.

Но мужчины и юноши изъ народа больше всего стремились, повидимому, въ военную службу. Гарнизонъ Рима (состоявшій во время Веспасіана изъ 9, потомъ изъ 10 преторіанскихъ [2]) и 3 или 4 городскихъ когортъ [3]), въ общемъ изъ 13—14000 человѣкъ) пополнялся исключительно свободнорожденными; но по-военному организованная пожарная команда (бывшая одновременно ночной и полицейской стражей—около 7000 человѣкъ) состояла изъ вольноотпущенниковъ. Рядовые римскаго гарнизона жалованьемъ и чиномъ своимъ превосходили рядовыхъ легіоновъ. Рядовые городскихъ когортъ должны были служить 20 лѣтъ и получали по одному денару ежедневно, гвардейцы же (преторіанцы) служили 16 лѣтъ съ жалованьемъ въ два денара ежедневно. Кромѣ того, они получали въ чрезвычайныхъ случаяхъ очень большіе подарки; Клавдій, обѣщавшій послѣ своего возведенія на престолъ каждому преторіанцу по 15000 сест., положилъ начало обычаю подкупать ихъ съ помощью большихъ суммъ. Отъ нѣкоторыхъ императоровъ они получали ежегодно небольшіе подарки, отъ другихъ же черезъ каждые 5 или 10 лѣтъ [4]). Но военная служба привлекала не только своимъ жалованьемъ, надеждой на повышеніе и военныя почести, обезпеченностью въ старости послѣ отставки [5]), любовью къ военному дѣлу и наряду: главной причиной было постоянно возрастающее значеніе войска. Солдаты, главнымъ образомъ, ветераны, подобно лицамъ высшихъ сословій, не могли быть приговорены къ тяжелымъ наказаніямъ (какъ напримѣръ, къ работѣ въ рудникахъ) и не могли быть подвергнуты пыткѣ [6]). Въ одномъ стихотвореніи начала II вѣка, среди другихъ преимуществъ военнаго сословія въ Римѣ, особенно подчеркивается та заносчивость, съ которой гвардейцы могутъ безнаказанно обращаться съ невоенными [7]). Если случится, что гвардеецъ ударитъ человѣка въ тогѣ, то этотъ не только не посмѣетъ отвѣтить ударомъ, но и не рѣшится пожаловаться въ судъ на выбитый зубъ или на безнадежно поврежденный глазъ. Въ военномъ судѣ (въ преторіанской казармѣ), гдѣ разсматривались такія дѣла, вся когорта возставала противъ обвинителя, и никто не рѣшался выступить въ качествѣ его свидѣтеля. Легче было найти ложнаго свидѣтеля противъ невоеннаго, чѣмъ истиннаго свидѣтеля противъ солдата.

Само собою разумѣется, что заносчивостью провинціальныя войска не отставали отъ римскихъ гвардейцевъ. Хотя легіоны и составлялись, главнымъ образомъ, посредствомъ рекрутскихъ наборовъ, но значительная часть ихъ все-таки состояла изъ добровольцевъ [8]). Бѣдность и нелюбовь къ упорядоченной жизни побуждали поступать въ войско [9]) и жить холостыми въ ла-

[1]) Манилій, V, 315—322.—[2]) Mommsen, «Die röm. Gardetruppen», «Hermes», XVI, 643 слл. Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., II, 475 слл.—[3]) Тамъ же, 475 слл. Ср. Mommsen, «Staatsrecht», 3 изд., II, 2, 1067, 4.—[4]) Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., II, 141 слл.—[5]) Тамъ же, стр. 561 слл.—[6]) «Digg.», XLIX, 16, 3, 1; 18, 3 и т. д. Hartmann, «De exilio», p. 58, 5.—[7]) Ювен., «Сат.», 16, 7—34.—[8]) Mommsen, «Konskriptionsordnung», «Hermes», XIX, 58.—[9]) Тац., «Ист.», IV, 4.

геряхъ отъ 17-и до 37-и, а впослѣдствіи (можетъ быть, со времени Адріана) и до 42-хъ лѣтъ [1]), часто въ далекихъ и суровыхъ пограничныхъ странахъ [2]). Только Септимій Северъ далъ незаконнымъ бракамъ солдатъ законную силу; оффиціальное техническое названіе солдатской сожительницы было focaria (кухарка) [3]). Продолжительная и суровая служба вела къ огрубѣнію ихъ нравовъ, а удержаніе ихъ жалованья со стороны офицеровъ заставляло ихъ заниматься разбоемъ и грабежемъ [4]). Квинтиліанъ предостерегаетъ судебнаго оратора отъ нанесенія оскорбленій цѣлому сословію и совѣтуетъ, по крайней мѣрѣ, прибавлять извиненіе. Можно назвать солдатъ жадными, но необходимо прибавить, что нѣтъ ничего удивительнаго, если они считаютъ свою жизнь и кровь достойными бóльшаго вознагражденія; можно говорить и о ихъ дерзости, но надо помнить, что они болѣе привыкли къ войнѣ, чѣмъ къ миру [5]). Песценнія Нигера біографъ его восхваляетъ за то, что ни одинъ изъ его солдатъ не занимался вымогательствомъ дровъ или масла и не заставлялъ оказывать себѣ услугъ (подобное явленіе, вѣроятно, представляло собою рѣдкость) [6]). Солдаты ненавидѣли Пертинака за то, что онъ наказывалъ ихъ за грабежи и насилія [7]). Одинъ изъ эпизодовъ въ романѣ Апулея даетъ намъ нѣкоторое представленіе о томъ, до чего доходила ихъ дерзость по отношенію къ провинціаламъ. Легіонеръ въ провинціи Македоніи встрѣчаетъ на проѣзжей дорогѣ садовника, ѣдущаго верхомъ на ослѣ. Съ надменнымъ и заносчивымъ видомъ онъ обращается къ нему съ вопросомъ на латинскомъ языкѣ, котораго тотъ не понимаетъ и поэтому молчитъ. Солдатъ не въ силахъ удержать своей привычной наглости: палкой изъ виноградной лозы онъ разбиваетъ садовнику голову въ кровь и сбрасываетъ его съ осла. Садовникъ смиренно извиняется. Послѣ этого солдатъ хочетъ насильно отнять у него осла. Садовникъ сначала проситъ его не дѣлать этого, но такъ какъ солдатъ отвѣчаетъ ему грубыми угрозами, онъ сбрасываетъ его съ ногъ и бьетъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не притворяется мертвымъ, затѣмъ похищаетъ его оружіе и бѣжитъ въ сосѣдній городъ, гдѣ скрывается у своихъ друзей. Солдатъ отправляется туда же и уговариваетъ своихъ товарищей отомстить за него. Они обвиняютъ садовника передъ властями въ томъ, что онъ укралъ серебряный сосудъ у намѣстника. Садовника находятъ, уводятъ въ тюрьму, а затѣмъ подвергаютъ смертной казни [8]).

Всѣ, конечно, стремились попасть въ гвардію, пользовавшуюся особымъ почетомъ. Даже младшіе сыновья муниципальныхъ сановниковъ и тамошнихъ высшихъ чиновниковъ служили рядовыми въ гвардіи [9]). Но доступъ туда былъ очень труденъ; изъ всѣхъ желавшихъ туда попасть, вѣроятно, выбирались только самые высокіе и сильные люди, и не принимались такіе, которые не соотвѣтствовали опредѣленной мѣркѣ (5 римскихъ футовъ и 10 дюймовъ, т.-е. немного больше 5 прусскихъ футовъ и 6 дюймовъ). Лицъ, желающихъ служить въ гвардіи, но которымъ не хватало четырехъ дюймовъ,

---

[1]) Marquardt, ук. соч., 542, 6.—[2]) Marquardt, ук. соч., 560 слл.—[3]) Paul Meyer, «Hermes», XXXII (1897), стр. 484 слл. Намекъ на фокаріатъ встрѣчается и у Либанія, ed. R. I, 184, 20.—[4]) Филонъ, «прот. Флакка», I, стр. 518 M.—[5]) Квинтил., XI, 1, 86.—[6]) «Hist. Aug. Pescennius Niger», III, 6—[7]) Геродіанъ, II, 4, 1; К. Діонъ, LXXIII, 8, 1.—[8]) Апул., «Метам.», IX, стр. 205 слл.—[9]) Oskar Bohn, «Über die Heimat der Prätorianer» (1883), стр. 9 сл.

Адріанъ позволялъ принимать только въ городскія когорты [1]). Доступъ въ эти когорты былъ открытъ также сыновьямъ вольноотпущенниковъ; въ большомъ числѣ въ нихъ вообще встрѣчались граждане городскихъ трибъ, которые почти совсѣмъ отсутствовали въ легіонахъ и гвардіи и занимали среднее мѣсто между полноправными гражданами сельскихъ трибъ, съ одной стороны, и вольноотпущенниками—съ другой. Этимъ дѣтямъ города Августъ далъ, какъ трибуламъ второго разряда, право служить въ городскихъ когортахъ [2]). Весь римскій гарнизонъ первоначально составлялся только въ Римѣ и Италіи (главнымъ образомъ, изъ добровольцевъ) [3]), при Тиберіи, прежде всего въ Этруріи и Умбріи, въ латинскихъ городахъ, получившихъ право гражданства только въ 90 году до Р. Хр., и въ старыхъ гражданскихъ колоніяхъ въ Италіи [4]). Но уже до Клавдія допускались и транспаданцы. Наборъ тогда производился, по крайней мѣрѣ, въ такихъ провинціяхъ, населеніе которыхъ своимъ внѣшнимъ видомъ и нравомъ не очень отличалось отъ римлянъ, такъ напримѣръ, въ Македоніи, Норикѣ и Испаніи. На основаніи свидѣтельствъ о происхожденіи преторіанцевъ, до Севера для этихъ трехъ провинцій можно насчитать 28, 18 и 13 человѣкъ, на Паннонію приходятся 11, на Нарбоннскую Галлію 6, на Далматію 5. На службу въ этомъ отборномъ войскѣ совсѣмъ не допускались африканцы, люди съ семито-греческаго востока и варварскихъ частей придунайской области, далѣе обитатели Ретіи, Галліи (кромѣ Нарбонской) Германіи, и Британіи. Но эти исключенные, главнымъ образомъ, африканцы, служили въ мелкихъ военныхъ отрядахъ городского гарнизона, въ городскихъ когортахъ и въ пожарной стражѣ [5]). Еще во II вѣкѣ большинство преторіанцевъ было италиками,—объ этомъ свидѣтельствуютъ сохранившіеся отрывки изъ списковъ. Въ спискѣ преторіанцевъ за 119—120 г. на 102 италика приходятся 10 чужеземцевъ; за 141—142 г. на 36 приходятся четыре, за 143—144 г. на 260 едва 12, за 153—156 гг. на 47—двое, за 172—178 гг. на 60 приходится 15. То же самое приходится сказать и относительно городскихъ когортъ: въ спискѣ за 197—198 г. на 172 италика приходится только 16 неиталиковъ [6]). Только Северъ, который распустилъ войско преторіанцевъ и затѣмъ вновь организовалъ его, сталъ, къ большому недовольству римлянъ, принимать въ гвардію и ветерановъ изъ всѣхъ провинціальныхъ легіоновъ и наполнилъ такимъ образомъ городъ массою солдатъ изъ всѣхъ областей, съ дикимъ видомъ, грубыми нравами и съ ужасными для слуха нарѣчіями. Теперь большинство гвардейцевъ состояло изъ иллириковъ, африканцевъ, сирійцевъ [7]). Сохранившіеся надгробные памятники ихъ, отличающіеся дурнымъ письмомъ и множествомъ грамматическихъ ошибокъ, показываютъ, что большинство изъ нихъ не подверглось вліянію римской образованности, и что они оставались варварами, на которыхъ италики взирали съ презрѣніемъ и отвраще-

---

[1]) Dosith., «Adrian. sent.», § 2.—[2]) Bohn, стр. 5 и 10, 9. Mommsen, «Staatsr.», III, 1, 442 и 451.—[3]) Mommsen, «Konskriptionsordnung», «Hermes», XIX, 58, 2.—[4]) Тац., «Анн.», IV, 5; ср. «Ист.», I, 84.—[5]) Mommsen, «Edikt des Claudius», «Hermes», IV, 118.—[6]) Latercula militum praetor. C. I. L. VI, 2375—2403. Ср. «Eph. Epigr.», VI, № 887. «Bull. comm. di Roma», IV, 76. V, 77. Laterc. cohort. urb. C. I. L. VI, 2404 сл.; ср. 2384 и 3884. Bohn, стр. 7 сл.—[7]) Mommsen, ук. соч., стр. 53 сл.

ніемъ [1]). „Здѣсь покоится Лаудаторъ", гласитъ надгробная надпись одного гвардейскаго центуріона, „справедливаго и честнаго мужа, рожденнаго въ Сассинѣ, принятаго теперь Аквилеей, бывшаго вѣрнымъ представителемъ центуріи преторіанской когорты, а не варварскаго легіона" [2]). Молодое населеніе Италіи, которое, такимъ образомъ, было отстранено отъ прежде только ему доступной военной службы въ городѣ, въ большомъ количествѣ предалось теперь гладіаторскому дѣлу и разбою [3]).

Кто начиналъ свою службу „въ сапогахъ" [4]), т.-е. вступалъ на службу рядовымъ, тотъ обыкновенно заканчивалъ свою военную карьеру центуріонатомъ [5]), считавшимся видной должностью [6]). Примипилата, высшей должности среди центуріоновъ, добивались сравнительно немногіе; даже многіе изъ тѣхъ, которые, желая показаться воинственными, цѣлыми годами не мылись, не причесывались, скитались по всѣмъ странамъ свѣта и разрушали походныя палатки мавровъ и крѣпости бригантовъ (въ Британіи въ эпоху Адріана), получали эту должность только на 60-мъ году жизни [7]). Дослужившіеся до этого ветераны обыкновенно покидали военную службу. Въ качествѣ „примипиларовъ" (этимъ титуломъ они пользовались пожизненно) они составляли особый, всѣми уважаемый классъ, пользовались, должно-быть, значительными привилегіями и довольно большимъ богатствомъ, благодаря тѣмъ благопріятнымъ условіямъ, которыми сопровождалась отставка [8]). Нерѣдко они принимались въ сословіе всадниковъ [9]), къ которому, повидимому, всегда принадлежали ихъ сыновья [10]). Если въ италійскихъ и провинціальныхъ городахъ живущіе тамъ центуріоны уже являлись задающими тонъ лицами, пользовавшимися большимъ почетомъ и требовавшими его своею важностью и вызывающимъ поведеніемъ [11]), то примипилары являлись еще болѣе почетными личностями. Уже Августъ пожаловалъ всѣмъ съ почетомъ отставленнымъ центуріонамъ тогу съ красной каймой и чинъ декуріоновъ (членовъ городского совѣта) [12]). Примипилары занимали обыкновенно самыя важныя городскія должности и выбирались городскими общинами въ патроны [13]); императоры назначали ихъ замѣстителями городскихъ должностей и завѣдующими городскимъ управленіемъ въ качествѣ правительственныхъ комиссаровъ (курато-

---

[1]) Henzen, «Monumenti di pretoriani» (изъ второй половины III вѣка), «Ann. dell'Inst.» 1864, стр. 19 слл.; ср. особенно стр. 25.—[2]) Henzen, 6686=C. I. L. V, 1, 923. Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., II, 479, 1.—[3]) Діонъ, LXXIV, 2.—[4]) Militare in caliga C. I. L. VI, 2440. «Inscr. de l'Alg.», 544.—[5]) Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., II, 376.—[6]) P. Ann. Flori fr. y Jahn, ed. Flor. p. XLIX.—[7]) Ювен., 14, 194 (ср. Marquardt, 354, 1). Возстанія мавровъ и британцевъ въ эпоху Адріана: «Hadrian.», гл. 5 и 12. Относительно надписи «Bulla regia» (C. I. L. VIII, 10, 579) сравни примѣчаніе Моммзена.—[8]) J. Karbe, «De centurionibus Rom. quaestiones epigr.» (Halis, 1880) стр. 1—8. Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., II, 376 сл. C. I. L. XIV, 349 (Остія). По мнѣнію v. Domaszewski, «Die Rangordnung des römischen Heeres», «Bonner Jahrbücher», 117 (1908), стр. 118 и 140, praemia militiae въ 14 г. равнялись для primi ordines 300000 сест., въ эпоху Калигулы для primipili 600000 сест.; ихъ жалованье, по его мнѣнію, равнялось 60000 сест., въ эпоху Домитіана 80000, въ эпоху Коммода 100000 сест. Что касается ихъ привилегій, то мы знаемъ только (пожалованную Адріаномъ) vacatio a tutela (Karbe).—[9]) J. Schmidt, «Die Rangklasse der Primipilaren» («Hermes», XXI, 1886, стр. 90 слл.) тщетно пытается доказать, что это всегда было такъ, начиная со времени Августа.—[10]) Karbe, стр. 10—12.—[11]) Ср., напр., Горац., «Сат.», I, 6, 72. Перс., 5, 189, 3, 77.—[12]) Аппіанъ, «Гражд. в.», V, 128. Madvig, «Verf. и Verw.», II, 12.—[13]) Karbe, стр. 12—14.

рами). Кромѣ того, ими при случаѣ пользовались въ важныхъ дѣлахъ, которыя могли быть поручены только вполнѣ надежнымъ лицамъ, и когда надо было послать кого-нибудь по особому дѣлу [1]).

Центуріонатъ могъ быть также исходной точкой для дальнѣйшихъ повышеній, и это случалось двоякимъ образомъ. Молодые люди третьяго (а иногда и второго) сословія могли съ разрѣшенія императора поступать въ качествѣ центуріоновъ въ войско, не служа рядовыми; они проходили послѣдовательно три офицерскія должности, предоставленныя всадникамъ (префектуру конницы, трибунатъ легіона или когорты и префектуру вспомогательной когорты), а затѣмъ покидали службу (съ титуломъ a [tribus, quatuor] militiis) [2]) или же (въ качествѣ прокураторовъ) поступали на административную службу и здѣсь получали дальнѣйшія повышенія. Всадники, начинавшіе службу центуріонами, отказывались на время отъ своего званія, такъ какъ эта должность не принадлежала къ числу тѣхъ, которыя были совмѣстимы со званіемъ всадниковъ. Ихъ побуждала къ этому (не всегда сбывавшаяся) надежда дослужиться до почетныхъ и хорошо оплачиваемыхъ офицерскихъ должностей, особенно же до прокуратуры, связанной съ большимъ жалованьемъ [3]).

Но и поступленіе ветерановъ, начавшихъ рядовыми и постепенно дошедшихъ до примипилата, на офицерскую службу очень поощрялось [4]) даже въ эпоху ранней имперіи; имъ предоставлялась всадническая должность плацъ-коменданта (praefectus castrorum), причемъ они до этого часто занимали еще должность трибуна легіона. Они часто назначались также трибунами городскихъ когортъ въ Римѣ, рѣже префектами вспомогательныхъ когортъ [5]). Со временемъ они образовали отдѣльный классъ (начиная, по крайней мѣрѣ, со времени Коммода, они назывались militiae, т.-е. militiae equestris petitores). Къ этому классу принадлежали также молодые люди изъ сословія всадниковъ, впослѣдствіи же онъ состоялъ, главнымъ образомъ, изъ ветерановъ (въ большинствѣ случаевъ, преторіанскихъ когортъ, а можетъ быть, и исключительно изъ нихъ только) [6]). Въ томъ случаѣ, если они сравнительно рано достигали званія всадника, они могли дослужиться до высшихъ всадническихъ должностей, даже до сенаторскаго сословія, но это послѣднее встрѣчается только начиная съ конца II вѣка.

Мы знаемъ цѣлый рядъ лицъ, возвысившихся тѣмъ или другимъ образомъ. Клодій Квириналъ, который въ 57 году, будучи префектомъ флота въ Равеннѣ, покончилъ жизнь самоубійствомъ, чтобы избѣгнуть грозившаго ему за различныя насилія осужденія, началъ свою высшую служебную карьеру въ качествѣ примипила [7]). Катоній Юстъ, бывшій въ 14 году примипиломъ въ одномъ паннонскомъ легіонѣ, умеръ въ 43 г. префектомъ гвардіи [8]). Плотій Фирмъ, начавшій службу рядовымъ, былъ уже въ 69 году префектомъ пожарной стражи, а потомъ сами преторіанцы выбрали его своимъ на-

[1]) Karbe, стр. 15. «V. Did. Jul.», гл. 5.—[2]) Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., II, 378—380. Mommsen, «Staatsr.», III, 543 слл.—[3]) Marquardt, ук. соч., 379.—[4]) Mommsen, «Staatsr.» III, 547.—[5]) Тамъ же, стр. 547, 4. Marquardt, 458 сл.—[6]) Mommsen, 547, 5.—[7]) C. I. L. V, 1, 503. Тац., «Анн.», XIII, 30.—[8]) Тац., «Анн.», I, 29. Діонъ, LX, 18. Сенека, «Lud.», 13, 4.

чальникомъ [1]). На эту же самую должность Вителлій въ 70 г. назначилъ центуріона Юлія Приска [2]). Сульпицій Симплъ, бывшій центуріономъ еще при Траянѣ, уже въ 109 году управлялъ въ качествѣ префекта Египтомъ, а при Адріанѣ сталъ префектомъ преторія [3]). Гатерій Непотъ, ставшій въ 126 году вице-королемъ Египта, въ началѣ II вѣка не занималъ еще никакой высокой должности [4]). Риторъ Авидій Геліодоръ (ставшій не позже 140 г. префектомъ Египта), отецъ претендента Авидія Кассія, былъ нѣкогда тоже центуріономъ [5]). Будущій императоръ Пертинаксъ, получившій центуріонатъ черезъ консулара Лоллія Авита, отличился въ пароянской войнѣ и сталъ быстро повышаться, занимая всадническія должности въ войскѣ, флотѣ и администраціи, а черезъ нихъ добился сенаторскаго достоинства и консулата [6]). Соперникъ Севера, Песценній Нигръ, бывшій уже въ 193 г. намѣстникомъ (консуларлегатомъ) Сиріи [7]), также долгое время служилъ центуріономъ [8]). Бассей Руфъ, человѣкъ низкаго происхожденія, выросшій въ эпоху Антониновъ безъ всякаго образованія, началъ свою карьеру центуріономъ, сталъ затѣмъ трибуномъ римской пожарной стражи, трибуномъ гвардейской когорты, а потомъ послѣдовательно императорскимъ прокураторомъ въ Испаніи, Норикѣ, Бельгіи и обѣихъ Германіяхъ. Послѣ этого онъ занималъ еще должности начальника императорскаго финансоваго управленія, префекта анноны, вице-короля Египта, наконецъ, префекта гвардіи и удостоился консуларскихъ знаковъ отличія. Его служебная карьера записана на постаментахъ трехъ статуй, которыя были поставлены ему сенатомъ въ различныхъ частяхъ Рима [9]). До консулата дослужился въ 218 г. Оклатиній Адвентъ, начавшій службу простымъ солдатомъ [10]). До высшей сенаторской должности дослужился начавшій центуріономъ Т. Петроній Тавръ Волусіанъ, который послѣ занятія префектуры гвардіи сталъ въ 261 году ординарнымъ консуломъ, а въ 267—268 гг. городскимъ префектомъ [11]).

e) Кліенты.

Наконецъ, во всѣ времена въ Римѣ должно было быть очень велико число лицъ, жившихъ такъ называемой кліентской службой; нѣкоторые дѣлали изъ нея свою исключительную профессію, другіе занимались одновременно какимъ-нибудь другимъ дѣломъ. Рисуя настроеніе Рима послѣ смерти Нерона, Тацитъ изъ всей массы населенія упоминаетъ только два класса: чернь, привыкшую къ театру и цирку, и неиспорченную еще часть народа, отличающуюся приверженностью къ знатнымъ семьямъ, а именно: кліентовъ и вольноотпущенниковъ изгнанныхъ и осужденныхъ лицъ [12]). Хотя дѣленіе всего народа на эти два только класса и неправильно и недостаточно, но изъ него можно заключить о большой распространенности кліентелы; она является настолько характернымъ для тогдашняго Рима явленіемъ, что заслуживаетъ

---

[1]) Тац., «Ист.», I, 46: ср. Hirschfeld, «Verwaltungsbeamte», стр. 146 и 221 сл.— [2]) Тац., «Ист.», II, 92. IV, 11.—[3]) Діонъ, LXIX, 19. Borghesi, «Oeuvres», III, 127 сл. Hirschfeld, въ «Philologus», XXIX, 30, 9.—[4]) По его надписи, дополненной Borghesi.— [5]) «Vit. Avid. Cass.», гл. 1.—[6]) «Pertin.», гл. 1.—[7]) Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., II, 424, 4.—[8]) «Vit. Pescenn. N.», гл. I.—[9]) Orelli, 3574; ср. Henzen, стр. 372.—[10]) См. выше, стр. 110, 9.—[11]) Hirschfeld, «Verwaltungsb.», стр. 238. 91. Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., II, 377, 10.—[12]) Тац., «Ист.», I, 4.

особаго разсмотрѣнія. Съ первоначальной кліентелой у нея не осталось ничего общаго, кромѣ имени. Первая изъ нихъ, представлявшая собою священное и всѣми уважаемое учрежденіе, основывалось на піэтетѣ, вторая на договорѣ. Кліентъ времени ранней республики былъ вѣрнымъ приверженцемъ, даже—какъ это рисуется у Эннія—довѣреннымъ своего патрона, который помогалъ ему дѣломъ и совѣтомъ и выступалъ въ качествѣ его защитника и ходатая. Кліентъ императорской эпохи являлся однимъ изъ фигурантовъ въ свитѣ своего „господина" или „царя", которому очень мало платили и котораго презирали.

Въ послѣдніе годы республики кліентела не совсѣмъ еще утратила свои прежнія черты, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ описанное у Горація отношеніе между консуларомъ Л. Марціемъ Филиппомъ и Вольтеемъ Менатомъ. Консуларъ, которому бросилась въ глаза личность Вольтея, собираетъ о немъ свѣдѣнія и, узнавъ, что онъ, хотя и низкаго происхожденія, но безупречный во всѣхъ отношеніяхъ и жизнерадостный человѣкъ, старается привлечь его въ свой домъ, надѣясь, что общество его и бесѣды съ нимъ дадутъ ему возможность отдохнуть и разсѣяться отъ своихъ безчисленныхъ дѣлъ. Онъ дѣлаетъ его своимъ постояннымъ сотрапезникомъ и спутникомъ во время путешествій и съ помощью подарка и ссуды старается обезпечить его существованіе, хотя и въ довольно скромныхъ размѣрахъ [1]). Но подобныя близкія отношенія между патрономъ и кліентомъ и наоборотъ стали понемногу исчезать по мѣрѣ того, какъ стало возрастать число кліентовъ каждаго отдѣльнаго дома, а связь между ними и патрономъ принимать все болѣе и болѣе внѣшній характеръ. Еще изъ эпохи республики [2]) сохранился обычай, чтобы каждый болѣе или менѣе выдающійся человѣкъ окружалъ себя свитой, величина и значительность которой зависѣли отъ положенія и состоянія даннаго лица, о которыхъ, въ свою очередь, можно было по ней заключить. Свита эта наполняла каждое утро его атрій и всюду сопровождала его, когда онъ появлялся публично; назначеніе ея состояло въ томъ, чтобы какъ можно пышнѣе и внушительнѣе обставить его появленіе. Съ теченіемъ времени обычай этотъ сталъ настолько общимъ явленіемъ, что даже небогатые дѣловые люди должны были ради кредита держать при себѣ нѣкоторое число кліентовъ, которые окружали ихъ носилки [3]). Въ виду рѣшительнаго отвращенія римлянъ къ малому, но честному труду [4]), наплывъ желающихъ заняться этимъ дѣломъ сталъ возрастать, уже начиная со времени первой имперіи. Большое количество нуждающихся лицъ за маленькое вознагражденіе готово было составить и увеличить свиту и придворный штатъ богатыхъ и знатныхъ людей [5]). За рядъ опредѣленныхъ услугъ они получали опредѣленное вознагражденіе, состоявшее, главнымъ образомъ, изъ угощенія или денегъ на пропитаніе. Постоянно возраставшая конкурренція, безъ всякаго сомнѣнія, уменьшала и безъ того уже незначительную плату кліентамъ и вообще ухудшала ихъ положеніе. Въ эпоху Мартіала и Ювенала кліенты жаловались на то, что великіе міра сего стали суровыми и скупыми и плохо

---

[1]) Горац., «Посл.», I, 7, 46 слл.—[2]) Marquardt, «Privatleb.», 2 изд., I, 204 слл.—[3]) Ювен., 7, 144 слл. На надгробной надписи нѣкоей Манліи (C. I. L. VI, 3, 21975) говорится: clientes habui multos.—[4]) Marquardt, ук. соч.—[5]) Манил., V, 61 слл.

обращаются со своими смиренными „друзьями“, и восхваляли щедрость и снисходительность Мемміевъ и Пизоновъ, Котты [1]) и Сенеки „въ доброе старое время“ [2]). Любовь къ роскоши и щедрость знатныхъ аристократическихъ домовъ, дѣйствительно, перестали теперь быть тѣмъ, чѣмъ они были когда-то [3]). Но когда слышишь подобныя жалобы на ухудшеніе времени, всегда является вопросъ, не рисуется ли прошлое въ памяти людей въ слишкомъ ужъ яркихъ краскахъ. По крайней мѣрѣ, одному современнику этихъ столь знаменитыхъ людей и тогда уже положеніе кліентовъ казалось довольно жалкимъ [4]).

Кліенты, кромѣ постояннаго вознагражденія, независимо отъ того, состояло ли оно изъ денегъ или угощенія, при случаѣ пользовались еще и другими. Къ этимъ случайнымъ наградамъ относится, напримѣръ, приглашеніе къ столу господина, когда послѣдній, если одно мѣсто за столомъ оказывалось пустымъ, послѣ долгаго времени вспоминалъ о забытомъ имъ приверженцѣ. Такое вознагражденіе за долговременную службу очень высоко цѣнилось и той и другой стороной [5]). Отъ поры до времени кліенты получали также подарки: сношенный плащъ [6]), тогу, стиравшуюся не болѣе трехъ или четырехъ разъ, иногда и нѣсколько тысячъ сестерціевъ [7]) (во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда Мартіалъ говоритъ о скупости богатыхъ по отношенію къ бѣднымъ друзьямъ, онъ имѣетъ въ виду кліентелу) или нѣсколько моргеновъ земли [8]); этотъ послѣдній даръ жаловался, по всей вѣроятности, какъ окончательная награда за долголѣтнюю службу. Номентанское имѣньице Мартіала было, должно-быть, тоже подаркомъ патрона (можетъ быть, изъ наслѣдства Сенеки) [9]). Въ одномъ изъ позднѣйшихъ, написанныхъ въ Римѣ стихотвореній онъ изощряется въ смѣшныхъ преувеличеніяхъ минимальныхъ размѣровъ имѣньица, подареннаго ему его другомъ Лупомъ [10]). Оно меньше того куска земли, на которомъ онъ разводитъ цвѣты передъ своимъ окномъ; крыло цикады можетъ покрыть его; огурецъ не могъ бы умѣститься на немъ; урожай съ него едва наполняетъ раковину улитки, вино—скорлупу орѣха и т. д. [11]). Нѣкоторымъ лицамъ казалось болѣе цѣлесообразнымъ дѣлать старыхъ, отслужившихъ кліентовъ надсмотрщиками своихъ имѣній; одного изъ тѣхъ „платныхъ батраковъ“, какъ говоритъ Колумелла, „который больше не желаетъ нести своей ежедневной службы“ и ничего не смыслитъ въ томъ дѣлѣ, которое ему поручается [12]), Патронъ давалъ иногда своимъ кліентамъ и вольноотпущенникамъ даровую квартиру [13]). Всякія вспоможенія съ его стороны, вродѣ ссудъ, поручительства, судебной защиты и другого рода заступничества считались въ порядкѣ вещей и въ большинствѣ случаевъ и оказывались имъ [14]). Петея Трасею обвинитель его упрекалъ въ томъ, что онъ, пропуская важныя засѣданія сената, занимается частными дѣлами своихъ кліентовъ [15]). Но заработокъ кліентовъ былъ, несмотря на все это, очень скуденъ. Нѣкоторые должны были питаться исключительно обѣщаніями, и только двое или трое могли дѣйствительно прокормиться, по-

---

[1]) Аврелій Котта, Тац., «Анн.», XIII, 34.—[2]) Мартіалъ, XII, 36, 8. IV, 40, 1. Ювен., 5, 108—113.—[3]) Ср. гл. VIII, 3.—[4]) Колумелла, praef. lib., I, 9 и 12.—[5]) Сенека, «De tranquil. animi», 7, 2. Ювен., 5, 12—18.—[6]) Персій, I, 54.—[7]) Мартіалъ, X, 11 6.—[8]) Ювен., 9, 59.—[9]) Ср. гл. XI, 3.—[10]) Мартіалъ, V, 56. X, 48, 6.—[11]) Его же, XI, 18.—[12]) Колумелла, praef. lib., I, 12.—[13]) «Digg.», VII, 8, 2, § 1, 3. IX, 3, 5, § 1.—[14]) Мартіалъ, II, 32. X, 18.—[15]) Тац., «Анн.», XVI, 22.

сѣщая атріи; вся же остальная масса блѣднѣла отъ голода [1]). Но, несмотря на все это, постоянно можно было найти людей, готовыхъ на эту службу даже у такихъ лицъ, которыя не только не могли предоставить имъ какихъ-нибудь выгодъ, но и сами ничего не имѣли. „Сколько глупости скрывается въ Римѣ за тогой!“—восклицаетъ тотъ же поэтъ [2]).

Скудная поденная плата, въ эпоху Мартіала 6¼ сест. (сумма, которую давали на чай рабу [3]) и которой вмѣстѣ съ другими доходами кліентамъ едва хватало на пропитаніе) [4]), зарабатывалась цѣлымъ рядомъ тяжелыхъ услугъ, среди которыхъ самой трудной и самой необходимой было ежедневное посѣщеніе „господина“ или „царя“ рано утромъ, такъ какъ ежедневно наполняющійся атрій считался однимъ изъ главнѣйшихъ требованій въ знатномъ домѣ [5]). Утреннее посѣщеніе происходило въ первомъ и второмъ часу дня. Въ виду того, что кліенты должны были являться во-время и охотнѣе приходили до впуска, чѣмъ опаздывали, и такъ какъ многіе приходили издалека, то они въ большинствѣ случаевъ должны были пускаться въ путь еще до разсвѣта (чтобы, какъ говоритъ Мартіалъ, ночью посѣтить друзей, которые не отвѣчаютъ на визиты) [6]), не имѣя возможности ни выспаться, ни поѣсть [7]). „Когда блескъ свѣтилъ начинаетъ гаснуть,—говоритъ Ювеналъ,—или когда еще медленныя колесницы Боота двигаются на небѣ, бѣдный кліентъ уже долженъ оторваться отъ сна; второпяхъ онъ забываетъ завязать башмаки, опасаясь, какъ бы армія посѣтителей не закончила до него своего кругообращенія“ [8]). Особенно трогательно жалуется Мартіалъ: за свои маленькія стихотворенія онъ вѣдь ничего большаго не требуетъ, какъ позволенія выспаться [9]). Въ виду того, что это его желаніе не могло исполниться, и вообще всѣ безконечные труды и заботы, которые приносила ему жалко оплачиваемая служба, заставили его, наконецъ, покинуть Римъ; на своей родинѣ онъ вновь нашелъ отдыхъ и сонъ [10]).—Нѣкоторымъ неудобствомъ являлось также требованіе, чтобы кліентъ являлся къ своему патрону не иначе, какъ въ парадной и праздничной одеждѣ, въ тогѣ; этотъ жаркій и тяжелый шерстяной плащъ сталъ въ эпоху монархіи выходить вообще изъ употребленія и превратился, наконецъ, въ отличительную одежду кліентовъ. Для человѣка бѣднаго пріобрѣтеніе ея было сопряжено съ большими расходами (въ теченіе одного лѣта можно было износить четыре или больше такихъ тогъ) [11]). Въ этой столь проклинаемой ими тогѣ они, какъ было уже сказано, еще до разсвѣта съ первыми пѣтухами пускались въ путь; на улицахъ они въ такое раннее время почти никого не встрѣчали, кромѣ булочниковъ, выкрикивавшихъ свой товаръ, ихъ первыхъ покупателей, мальчиковъ съ фонарями въ рукахъ, отправлявшихся въ школу [12]), и порою ночныхъ гулякъ, возвращавшихся съ затянувшейся пирушки [13]). Никакая погода не могла удержать ихъ дома, ни свистящій сѣверный вѣтеръ, ни

---

[1]) Мартіалъ, III, 38, 11. — [2]) Его же, X, 18. — [3]) Мартіалъ, X, 75, 11. — [4]) Его же, III, 30. Ювен., 1, 119 сл.—[5]) Сенека, «Письм.», 22, 7.—[6]) Мартіалъ. X, 70, 5. Рядъ мѣстъ у Казауб. къ Светон., «Авг.», гл. 53.—[7]) Стат., «Сильв.», IV. 9, 48.—[8]) Ювен., 5, 19. — [9]) Март., X, 71.—[10]) Его же, III, 4. XII, 68. XIV, 125.—[11]) Его же, IX, 100. X, 96, 11. XII, 18, 5.—[12]) Мартіалъ, XII, 57, 4. Ср. Ювен., 7, 225. Мартіалъ, XIV, 223.—[13]) Плин., «Письм.», III, 12.

градъ, ни даже снѣжная мятель [1]), считавшаяся обыкновенно достаточнымъ поводомъ для отказа отъ приглашенія [2]). Сюда слѣдуетъ еще отнести уличную грязь [3]), дальнія разстоянія [4]) (многіе кліенты должны были поспѣть въ одно утро въ нѣсколько домовъ), а когда начиналась шумная уличная жизнь, то на каждомъ шагу препятствія и опасности, грозившія пѣшеходамъ въ узкихъ и извилистыхъ улицахъ отъ тяжело навьюченныхъ телѣгъ [5]). Ежедневнаго повторенія всѣхъ затрудненій было достаточно, чтобы сдѣлать подобный образъ жизни невыносимымъ; въ одномъ стихотвореніи Марціала, кліентъ, уставшій отъ утреннихъ посѣщеній, притворяется больнымъ подагрой [6]).

Утреннее посѣщеніе было самой важной обязанностью кліентовъ: ихъ поэтому и называли „утренними посѣтителями" (salutatores), а по одеждѣ—„носителями тоги" (togati). У многихъ служба отнимала большую часть дня и длилась порою до вечера, такъ какъ они должны были находиться въ свитѣ своего господина во время всѣхъ его публичныхъ появленій. Они должны были идти впереди или позади его носилокъ [7]), сопровождать его во время всѣхъ его визитовъ (порою къ десяти старухамъ) [8]) и сопутствовать ему, наконецъ (иногда это бывало въ десятомъ часу дня), до термъ Агриппы, въ то время, какъ сами они собирались отправиться въ термы Тита, до которыхъ было еще полчаса ходьбы [9]). Они обязаны были прокладывать для него дорогу черезъ толпу, порою бранью и толчками [10]). Если господинъ ихъ собирался въ деревню или намѣревался путешествовать, то они должны были быть наготовѣ, чтобы занять пустое мѣсто въ его экипажѣ [11]). Если онъ читалъ вслухъ свои стихотворенія, то они должны были подавать слушателямъ сигналъ къ выраженію своего одобренія вставаніемъ и восторженными жестами [12]). Если ему случалось говорить въ судѣ, то „толпа въ тогѣ" кричала ему „браво", что являлось, по словамъ Марціала, доказательствомъ доброкачественности кухни патрона, а не его рѣчи [13]). Они хвалили все, что онъ говорилъ или дѣлалъ и были всегда смиренны и подобострастны [14]). У вспыльчиваго оратора Целія Руфа обѣдалъ однажды кліентъ, отличавшійся своимъ терпѣніемъ, но и ему стоило большого труда воздержаться отъ ссоры. Его постоянные „да" наконецъ надоѣли Целію, и онъ крикнулъ: „Да возрази же хоть слово, а то незамѣтно, что здѣсь находятся двое!" [15]). Служба кліентовъ была не всегда безопасна. Ими порою пользовались какъ орудіемъ для выполненія разныхъ замысловъ и заговоровъ, неудача или обнаруженіе которыхъ могли погубить всѣхъ участниковъ. Юнія Силана воспользовалась въ 55 г. услугами своихъ кліентовъ, Итурія и Кальвисія, чтобы навлечь подозрѣніе Нерона на Агриппину, яко бы стремившуюся къ власти. Замыселъ не удался: Силана

---

[1]) Март., III, 36. X, 82. XII, 26. Ювен., 5, 76.—[2]) Сенека, «Beneff.», IV, 39, 3. (Kölle) «Rom im J. 1833», стр. 197: какъ только снѣгъ остается на землѣ, суды и школы закрываются. Во время сильнаго дождя не слышно криковъ продавцовъ и нищихъ.—[3]) Ювен., 3, 247.—[4]) Март., I, 108. V, 22.—[5]) Март., V, 22, 7. Ювен., 3, 243 слл.—[6]) Март., VII, 39.—[7]) Его же, II, 18, 5. III, 46. X, 10, 7.—[8]) Его же, IX, 100, 3.—[9]) Его же, III, 36.—[10]) Его же, III, 45. «C. in Pisonem», 122.—[11]) Гор., «Посл.», I, 7, 75.—[12]) Марціалъ, X, 10.—[13]) Марціалъ, VI, 48. Для этого нанимались, конечно, и не-кліенты. Квинтил., XI, 3, 131. Плин., «Письм.», II, 14, 4. Ювен., 13, 29—31.—[14]) Марціалъ, XI, 24.—[15]) Сенека, «De ira», III, 8, 6.

была сослана, оба ея кліента осуждены на изгнаніе [1]). Въ Помпеяхъ мы видимъ, какъ кліенты передъ выборами на городскія должности вели въ пользу своихъ патроновъ усиленную агитацію [2]). Кліенты знатнаго дома объединялись порою съ цѣлью почтить своего патрона сооруженіемъ его статуи въ его атріѣ [3]).

Кліенты должны были сносить обиды не только отъ своихъ господъ, но и отъ ихъ рабовъ. Колумелла называетъ ихъ профессію лживымъ разставленіемъ сѣтей „платнаго посѣтителя", который ходитъ у порога великаго міра сего и понаслышкѣ составляетъ себѣ предположительное мнѣніе относительно того, хорошо ли спалъ его царь. Вопросъ его о томъ, что происходитъ внутри, не удостаивается отвѣта со стороны рабовъ, и часто ему приходится, будучи отвергнутымъ прикованнымъ привратникомъ, ждать поздней ночью передъ негостепріимной дверью [4]). Если же у кліентовъ было дѣло, не терпящее отлагательства, и если имъ не хотѣлось быть отосланными подъ обычнымъ предлогомъ, что господина нѣтъ дома [5]) или, что онъ бреется, или что онъ торжественно прячетъ волосы впервые остриженнаго любимца-раба, то имъ приходилось подкупать прислугу, и сбереженія разодѣтыхъ рабовъ пополнялись деньгами болѣе бѣдныхъ кліентовъ, которые должны были зарабатывать ихъ въ потѣ лица [6]). Рабы, между прочимъ, поговаривали и о своихъ собственныхъ кліентахъ [7]). Улучивъ удобную минуту и проскользнувъ черезъ полуотворенную дверь [8]), кліенты внутри дома должны были вступать въ борьбу съ надменностью другихъ, болѣе важныхъ рабовъ („гордость докладчика и сморщенный лобъ камердинера") [9]), и снова напрягать всѣ свои силы, чтобы быть, наконецъ, допущенными. Господинъ дома принималъ обыкновенно только утреннее привѣтствіе „толпы" въ заранѣе опредѣленномъ порядкѣ, самъ же не открывалъ даже рта, чтобы отвѣтить на него [10]). „Какъ много такихъ,—говоритъ Сенека,—которые подъ вліяніемъ вчерашняго похмѣлья и еще полусонные, полуоткрывъ ротъ при имени, слышанномъ тысячи разъ, съ надменнымъ зѣвкомъ обращаются къ тѣмъ бѣднякамъ, которые, прервавъ свой сонъ, дожидались его пробужденія" [11]). Если господину случалось вспомнить имя смиреннаго посѣтителя, то это считалось уже большимъ снисхожденіемъ съ его стороны [12]). Кліентъ же не смѣлъ обращаться съ патрономъ иначе, какъ съ глубочайшей почтительностью и называя его „господиномъ" и „царемъ"; въ противномъ случаѣ онъ навлекалъ на себя его немилость и лишался ожидаемой награды [13]). „Дружба" патрона въ лучшемъ случаѣ выражалась въ томъ, что онъ совсѣмъ не стѣснялся въ присутствіи кліента [14]). Даже многолѣтняя служба не могла измѣнить этихъ отношеній [15]). „Счастливые друзья" умѣли только сердиться [16]), что было для нихъ очень выгодно, такъ какъ ненависть обходилась имъ дешевле, чѣмъ подарки [17]). Потеря кліента не имѣла для знатныхъ римлянъ никакого значенія [18]); своею слишкомъ большою услужливостью они порою становились

[1]) Тац., «Анн.», XIII, 19—21.—[2]) C. J. L. VI, 882, 933, 1011, 1016, 593.—[3]) Плин., «N. h.», XXXIV, 17.—[4]) Колумелла, praef. lib., I, 9.—[5]) Мартіалъ, V, 22.—[6]) Ювен., III, 184—189.—[7]) Петрон., гл. 30 сл.—[8]) Сенека, «Beneff.», VI, 34, 1.—[9]) Сенека, «ad Serenum», 14, 1.—[10]) Ювен., ук. м.—[11]) Сенека, «Brev. vit.», 14, 4.—[12]) Петрон., гл. 44.—[13]) Март., II, 68. Ср. I, 112. VI, 88. IX, 92.—[14]) Март., X, 14, 9.—[15]) Март., III, 36.—[16]) Март., III, 37.—[17]) Март., XII, 13.—[18]) Ювен., 3, 125.

въ тягость патрону [1]). Само собою разумѣется, что, требуя покорности, патронъ не могъ разсчитывать на любовь [2]).

Самыя большія униженія кліенты претерпѣвали за столомъ патрона, что очень пространно описывается у Ювенала въ его пятой сатирѣ; возможно, что въ частностяхъ онъ сгустилъ краски, но въ общемъ его описаніе вѣрно, за это говоритъ совпаденіе со свидѣтельствомъ Мартіала и другихъ писателей. Кліентовъ, какъ и другихъ мелкихъ сотрапезниковъ, вродѣ вольноотпущенниковъ, во многихъ домахъ угощали иначе, чѣмъ хозяина и равныхъ ему по званію гостей. Кушанья, напитки, посуда и прислуга были разныя, и кліентамъ всячески старались дать почувствовать, какая разница между ними и почетными гостями [3]). Плиній Младшій предостерегаетъ одного юнаго друга отъ подобнаго смѣшенія роскоши и скупости, видѣннаго имъ недавно во время одного пиршества, гдѣ, между прочимъ, подавались три различныхъ сорта вина: для хозяина и его гостей, для „неважныхъ друзей“ и для вольноотпущенниковъ. На замѣчаніе Плинія, что у него въ домѣ всѣмъ, даже вольноотпущенникамъ, подается за столомъ одно и то же вино, сосѣдъ его замѣтилъ, что это должно ему дорого обходиться. На это Плиній отвѣтилъ, что онъ ошибается, такъ какъ не вольноотпущенникамъ подается то вино, которое сталъ бы пить онъ, а онъ самъ пьетъ то же, что и они [4]). У Мартіала, патронъ угощается лукринскими устрицами, лучшими грибами, камбалой, жирной горлицей или дроздомъ, кліентъ же—водянистыми раковинами, подорѣшниками, плохой рыбкой и умершей въ клѣткѣ сорокой. Кліентъ пьетъ сабинское вино нынѣшняго года изъ стекляннаго кубка, патронъ—старое вино изъ кубка изъ мирры; „ему для того подается непрозрачный кубокъ,—замѣчаетъ Мартіалъ,—чтобы нельзя было замѣтить разницы въ качествѣ вина“ [5]). А богачи еще удивляются, что не существуетъ больше друзей, въ родѣ Ореста и Пилада! Но вѣдь Орестъ и Пиладъ ѣли и пили то же самое! Если они хотятъ добиться любви,—заканчиваетъ онъ тѣмъ же совѣтомъ (стоика Гекатона), который давалъ и Сенека,—они должны сами обнаруживать любовь [6]). Подобнымъ же образомъ рисуетъ угощеніе кліентовъ и Ювеналъ. Хозяинъ дома пилъ изъ роскошныхъ сосудовъ; если такой же довѣрялся и кліенту, то рядомъ съ нимъ стоялъ сторожъ, который считалъ драгоцѣнные камни на кубкѣ и слѣдилъ за движеніемъ пальцевъ гостя; иногда гостю подавали даже глиняной и разбитый горшокъ. Хозяину прислуживалъ цвѣтъ молодежи Малой Азіи, кліенту—скороходъ-африканецъ или мавръ съ костлявымъ кулакомъ, котораго жутко встрѣтить ночью на большой дорогѣ. Ему трудно дозваться рабовъ, которые сердятся на то, что они должны слушаться стараго кліента, который можетъ требовать и лежать въ то время, какъ они должны стоять. Они подаютъ ему черствый, заплѣсневѣлый хлѣбъ; нѣжный и бѣлый пшеничный хлѣбъ остается для господина. Если кліентъ осмѣлится притронуться къ нему, то раздается крикъ: наполняй себѣ желудокъ хлѣбомъ изъ твоей корзины! Господину подаютъ лангустъ съ крупной спаржей и лучшимъ масломъ, кліенту же простую рыбу изъ Тибра и масло, пахнущее лам-

[1]) Март., XII, praef. init.—[2]) Март., II, 55.—[3]) Ср. также Светон., «Цез.», гл. 48. Плин., «N. h.», XIV, 91. Мусоній у Stob., «Floril.», I, 298, 13 ed. Meineke; Петрон., гл. 31.—[4]) Плин., «Письм.», II, 6.—[5]) Март., I, 20. III, 60. IV, 85. VI, 11. X, 49.—[6]) Сенека, «Письм.», 9, 6.

пой. Онъ не смѣетъ пить за здоровье господина и, если осмѣлится самовольно открыть ротъ, то ему грозитъ опасность быть выгнаннымъ; въ то же время онъ долженъ терпѣливо переносить относящіяся къ нему унизительныя насмѣшки хозяина и его гостей [1]). Авторъ похвальной оды въ честь Пизона говоритъ тоже, что бѣднымъ кліентамъ очень часто приходилось этой цѣной зарабатывать себѣ скудное вознагражденіе, и восхваляетъ домъ своего благодѣтеля за то, что въ немъ не раздаются оскорбленія, вызывающія взрывы хохота [2]). Еще въ V вѣкѣ галльскій епископъ Валеріанъ выражаетъ свое возмущеніе по поводу того, что бѣднымъ гостямъ подаютъ за столомъ разбитую посуду, дергаютъ ихъ за бороды, вытаскиваютъ у нихъ стулья и натравляютъ ихъ другъ на друга, чтобы дракою развеселить хозяина дома [3]).

Случайныя упоминанія о жизни кліентовъ, которыя встрѣчаются у Эпиктета, вполнѣ соотвѣтствуютъ описаніямъ Ювенала и Марціала. Онъ указываетъ на „суетные и утреннія посѣщенія", какъ на характерное для Рима явленіе. Онъ совѣтуетъ хладнокровно относиться къ тому, если не позовутъ на пиръ, если обойдутъ за столомъ и во время посѣщеній или во время засѣданій. За каждое преимущество нужно отплачивать утренними посѣщеніями, сопровожденіемъ и лестью. Кто желаетъ получить доступъ въ домъ знатнаго лица, долженъ разсчитывать на то, что ему могутъ отказать, закрыть передъ нимъ дверь, и что хозяинъ дома не почтитъ его своимъ вниманіемъ. Эпиктетъ сообщаетъ также, что нѣкоторые знатные люди заставляютъ просителей цѣловать ихъ руки [4]).

Что касается свѣдѣній о жизни и службѣ кліентовъ во II вѣкѣ, то они только случайны и отрывочны; по всей вѣроятности, и то и другое въ общемъ не измѣнилось. Перемѣна, происшедшая въ положеніи аристократіи послѣ Нерона, паденіе и уменьшеніе числа старой знати, усиливающееся значеніе новыхъ фамилій, родомъ изъ муниципій и провинцій, едва ли были въ состояніи болѣе или менѣе значительно повліять на положеніе кліентовъ. У насъ нѣтъ основаній для предположенія, что число богатыхъ и знатныхъ семей во II и III вв. понизилось сравнительно съ I в., и нѣтъ никакого сомнѣнія, что люди сенаторскаго сословія, хотя бы и принадлежавшіе къ новой аристократіи, могли предоставлять кліентамъ въ силу своей власти, богатства и вліятельности такія же выгоды, какъ и представители старѣйшихъ и благороднѣйшихъ родовъ. Требованія, предъявляемыя къ кліентамъ, были все тѣ же самыя. Фронтонъ говоритъ, что сенаторъ Гавій Кларъ неусыпнымъ образомъ оказывалъ ему съ дѣтства услужливость, какую обнаруживаютъ по отношенію къ патрону кліенты или вѣрные и старательные вольноотпущенники [5]). Галенъ даетъ предписанія [6]) тѣмъ лицамъ, которыя не избрали себѣ спокойнаго образа жизни, а съ разсвѣтомъ должны отправляться къ дверямъ сильныхъ міра сего, которые не могутъ избѣгнуть того, чтобы потѣть и затѣмъ простужаться, которые должны присутствовать при купаніи другихъ и сопровождать ихъ до дому, а затѣмъ второпяхъ купаться самимъ и отправляться къ обѣду [7]). Тертулліанъ неоднократно говоритъ о позорной

[1]) Ювен., 5. — [2]) «C. in Pisonem», 104—115. — [3]) Valerian, «De parasitis» (Migne, «Patrol. lat.», LII). — [4]) Epictet, «Diss.», IV, 4, 37. «Man.», 25, 2. 33, 13. «Diss.», III, 24, 39.— [5]) Fronto, «Epp. ad. L. Ver. Aug.» (ed. Nieb.) 6, 2.— [6]) Galen. VI, 758.— [7]) Lucian., «Nigrin.», 21 слл.

терпѣливости, которую обнаруживаютъ рабы желудка, пользуясь постыднымъ покровительствомъ богатыхъ хозяевъ [1]). Судя по описаніямъ Лукіана въ „Нигринѣ“, можно даже заключить, что пропасть, раздѣлявшая кліента и патрона, еще болѣе расширилась, такъ что рабское смиреніе, съ одной стороны, и высокомѣрное презрѣніе—съ другой еще рѣзче бросались въ глаза. Но въ виду риторической окраски этого произведенія, на него нельзя вполнѣ положиться. Во всякомъ случаѣ, положеніе и образъ жизни кліентовъ въ общихъ чертахъ остались такими же, какъ и въ I в. Они встаютъ въ полночь, бѣгаютъ по всему городу, рабы прогоняютъ ихъ отъ дверей, и они должны сносить бранныя слова, въ родѣ собаки, льстеца и т. п. Богачи же блистаютъ въ пурпуровыхъ одеждахъ, протягиваютъ свои пальцы впередъ, чтобы видны были кольца, и вообще отличаются безвкусной и напыщенной роскошью. Приближающіеся должны удовольствоваться ихъ нѣмымъ взглядомъ и словами, обращенными къ нимъ кѣмъ-нибудь изъ свиты. Самые надменные допускаютъ даже колѣнопреклоненія совсѣмъ такъ, какъ этого требуетъ обычай въ Персіи: подходящіе къ нимъ должны нагибаться и издали уже унижать свою душу, выражая состояніе ея соотвѣтствующими тѣлодвиженіями. Они должны цѣловать имъ правую руку или грудь, и этимъ самымъ они вызываютъ уже зависть тѣхъ, кто не удостоился этой же чести. Наградой служило унизительное угощеніе, во время котораго гости порою бывали вынуждены пить до опьянѣнія, и въ этомъ состояніи они выдавали тайны, а затѣмъ отправлялись домой, проклиная и пиръ, и скупость, и презрительное къ нимъ отношеніе. Затѣмъ ихъ можно было увидѣть на углахъ улицъ, мучимыхъ рвотою или вступающихъ въ драку передъ дурными домами. На другой день большинство лежало въ постели и приглашало врача; но были и такіе, которые не успѣвали даже болѣть.

Большая часть лицъ, избиравшихъ себѣ это недостойное занятіе, дѣйствительно, принадлежала къ низшимъ классамъ общества, это были „люди въ дырявыхъ плащахъ“, какъ говоритъ Ювеналъ [2]). Вольноотпущенники, въ большинствѣ случаевъ, становились кліентами своего бывшаго господина. Среди нихъ находились и солдаты, это можно заключить изъ того, что Клавдій запретилъ солдатамъ являться въ качествѣ посѣтителей въ дома знатныхъ, имѣя, конечно, въ виду господствовавшіе въ то время обычаи, которые казались ему до нѣкоторой степени опасными для престола [3]). И Лукіанъ говоритъ о массѣ солдатъ, которые во время посѣщеній не дожидаются очереди на своемъ мѣстѣ, а проталкиваются впередъ [4]). Многія лица, жившія когда-то въ лучшихъ условіяхъ, а затѣмъ опустившіяся, коротали свой вѣкъ въ качествѣ кліентовъ. Объ обоихъ вышеупомянутыхъ кліентахъ Юніи Силаны, Итуріи и Кальвисіи, говорится, что они, проживъ все свое состояніе, согласились исполнить требованіе своей патронессы и принять участіе въ обвиненіи Агриппины [5]). Нужда заставляла и образованныхъ людей смѣшиваться съ толпою, исполнявшей обязанности кліентовъ въ знатныхъ домахъ, какъ напримѣръ, стоика П. Эгнатія Целера (сначала кліента, потомъ обвинителя

[1]) Tertullian, «Patient.», гл. 16. «Apolog.», гл. 38. Cyprian, «Ad. Donatum», гл. 11, говоритъ о томъ, какъ богачи злоупотребляютъ своимъ богатствомъ.—[2]) Ювен., 5, 130.—[3]) Светон., «Клавд.», гл. 25.—[4]) Лукіанъ, «Pro lapsu in salutando», 16.—[5]) Тац., «Анн.», XIII, 21.

Барен Сорана) [1]), Мартіала (принадлежавшаго къ сословію всадниковъ) и юнаго автора похвальной оды въ честь Пизона. Мы можемъ вѣрить ему, когда онъ говоритъ, что дома, выбиравшіе себѣ кліентовъ изъ людей образованныхъ, представляли собою исключеніе изъ общаго правила; таковымъ является домъ его благодѣтеля. Приверженцы этого дома были свѣдущи въ искусствѣ и наукахъ и вообще заботились о своемъ образованіи. Пизону не нравилась толпа грубыхъ и неуклюжихъ кліентовъ, которые въ состояніи предложить только жалкія услуги и ничего большаго не умѣютъ, какъ идти передъ господиномъ и прокладывать ему дорогу въ толпѣ. Домъ его не принадлежалъ поэтому къ числу тѣхъ, въ которыхъ съ презрѣніемъ относятся къ незнатному другу и надменно попираютъ ногою кліента.

Но и для патроновъ институтъ кліентовъ бывалъ порою въ тягость, особенно въ прежнее время, когда они представляли собою нѣчто большее, чѣмъ платныхъ приспѣшниковъ. Многіе патроны, „не имѣя ни одной свободной минуты отъ окружавшей ихъ толпы кліентовъ“ [2]), спасались, по совѣту Горація, черезъ заднюю дверь, въ то время, какъ всѣ ожидали ихъ въ атріи [3]); подобный поступокъ Сенека считалъ болѣе негуманнымъ, чѣмъ отказъ [4]). Они надоѣдали патрону своими дѣлами и попрошайничествомъ [5]); въ силу роковой словоохотливости они разбалтывали тайны его дома [6]). За столомъ его они вели себя непристойнымъ образомъ, вступали даже въ драку съ его вольноотпущенниками [7]). Во время сатурналій, въ Новый Годъ и въ день рожденія патрона [8]) они приносили маленькіе подарки, какъ напримѣръ, салфетки, ложки, восковыя свѣчи, бумагу, корзиночку съ дамасскими сливами, но все это были „удочки“, которыми они намѣревались выудить большіе подарки [9]). „Бѣднякъ,—говоритъ Мартіалъ,—великодушнѣе всего по отношенію къ своему богатому другу тогда, когда онъ ему ничего не даритъ“. Но отвѣтные подарки не всегда соотвѣтствовали лелѣемымъ надеждамъ; „патронъ очень рѣдко дарилъ золотою монетой“ [10]). Вмѣсто росписки въ уплатѣ его квартирныхъ денегъ за годъ, на что кліентъ сильно надѣялся, онъ получалъ, можетъ быть, бутылку вина, зайца или дичь [11]). Рабы утаивали иногда часть подарка или приносили его цѣлой гурьбой, и каждый требовалъ для себя вознагражденія [12]). „Восемь коренастыхъ носильщиковъ,—говоритъ Мартіалъ,—принесли ему въ домъ во время сатурналій массу вещей, общая стоимость которыхъ не равнялась даже тридцати сестерціямъ: насколько легче было бы одному парню принести пять фунтовъ серебра“ [13]). Помимо всего этого, бѣднякъ обязанъ былъ восхвалять подарокъ богача въ то время, какъ его собственный съ презрѣніемъ отбрасывался въ сторону. По случаю праздниковъ сатурналій, когда всѣхъ кліентовъ угощали за разъ, Лукіанъ дословно повторяетъ всѣ жалобы Ювенала на угощеніе и обращеніе съ кліентами [14]) за столомъ патрона, но сознается въ томъ, что и кліенты, со своей стороны, давали своимъ поведеніемъ достаточный поводъ къ жалобамъ.

---

1) Тамъ же, XVI, 32.—2) Сенека, «Brev. vit.», 2, 4.—3) Горац., «Посл.», I, 5, 31.—4) Сенека, «Brev. vit.», 14, 4.—5) Март., I, 49, 33 и IV, 88, 4.—6) Март., VII, 62, 4.—7) Ювен., 5, 25 слл.—8) Marquardt, «Privatleb.», 2 изд., I, 250, 6.—9) Март., V, 18.—10) Март., V, 19, 14.—11) Лукіанъ, «Cronosolon», 15 сл.—12) Лукіанъ, тамъ же.—13) Март., VII, 53.—14) Лукіанъ, «Cronosolon», 17 сл. «Epp. Saturn.», I, 22. 4, 38.

f) Вольноотпущенники.

Въ заключеніе необходимо еще разъ напомнить о томъ, что населеніе Рима представляло собою полное смѣшеніе всѣхъ національностей; это было вызвано, главнымъ образомъ, безпрестаннымъ массовымъ ввозомъ рабовъ изъ всѣхъ частей государства и изъ варварскихъ странъ, изъ которыхъ сотни, даже тысячи отпускались ежегодно на волю и вступали въ третье сословіе. Еще и теперь среди гробницъ, которыя тянутся по обѣимъ сторонамъ большихъ дорогъ передъ воротами Рима, преобладающее большинство принадлежитъ вольноотпущенникамъ. Тѣ 80000 гражданъ, которыхъ Цезарь, какъ сообщаютъ, переселилъ въ заморскія страны [1]), были большей частью вольноотпущенниками [2]); съ полной увѣренностью это можно сказать относительно колонистовъ, отправленныхъ въ Коринѳъ [3]). Мы можемъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о размѣрахъ отпуска на волю на основаніи того, что Августъ, всячески старавшійся ограничить его, опредѣлилъ максимальное число рабовъ, которыхъ можно было отпустить на волю по завѣщанію, все же въ 100 человѣкъ. Сюда надо отнести еще массовый наплывъ свободныхъ изо всѣхъ провинцій, главнымъ образомъ, изъ южныхъ и восточныхъ, которые наводняли собою Римъ и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе стали оспаривать почву Рима у его уроженцевъ. Уже Луканъ говоритъ, что Римъ населенъ не своими гражданами, а дрожжами всего земного шара [4]). Въ началѣ II в. римляне жаловались на то, что Римъ сталъ греческимъ городомъ, хотя среди лицъ, говорящихъ по-гречески, меньшинство было родомъ изъ Эллады; большинство ихъ являлось изъ Малой Азіи и съ Востока, „точно весь Оронтъ (главная рѣка Сиріи) влился въ Тибръ“ [5]). Аѳиней (въ концѣ II в.) говоритъ, что нѣтъ возможности сосчитать городовъ, которые заключаются въ Римѣ; въ него переселилось даже населеніе цѣлыхъ провинцій, какъ напримѣръ, жители Каппадокіи, Скиѳіи, Понта и многихъ другихъ странъ [6]). Нѣкоторыя данныя о жившихъ въ Римѣ евреяхъ даютъ возможность представить себѣ, какъ велика была численность его восточнаго населенія. Посольство еврейскаго царя Ирода явилось къ Августу, какъ сообщается, въ сопровожденіи 8000 своихъ единовѣрцевъ, осѣдло жившихъ въ Римѣ [7]). 4000 вольноотпущенниковъ, „зараженныхъ египетскимъ и еврейскимъ суевѣріемъ, способныхъ носить оружіе, были осуждены въ 19 г. на переселеніе въ Сардинію [8]). Въ то время, какъ продолжался наплывъ иностранцевъ, чистокровное и свободное населеніе Рима уменьшалось, главнымъ образомъ, вслѣдствіе постояннаго смѣшенія его съ чужою и несвободной кровью. Въ 24 году, когда опасались новаго рабскаго возстанія, въ Римѣ особенно великъ былъ страхъ передъ безмѣрно разростающимся числомъ рабовъ „въ то время, какъ число свободнорожденныхъ плебеевъ уменьшалось съ каждымъ днемъ“ [9]). Августъ, какъ уже говорилось, ограничилъ отпускъ на волю и совѣтовалъ своему преемнику и сенату слѣдовать его примѣру, „чтобы не наполнять го-

---

[1]) Светон., «Цез.», гл. 42.—[2]) Mommsen, «L. col. Genetivae», «Eph. ep.», II, 133.—[3]) Страбонъ, VIII, 6, 23.—[4]) Луканъ, VII, 405.—[5]) Ювен., 3, 58 слл.—[6]) Аѳин., I, 36.—[7]) Іосифъ, «Древн.», XVII, 11, 1.—[8]) Тац., «Анн.», II, 85. Исключительно евреевъ называетъ Светон. «Тибер.», гл. 36. Іосифъ, «Древн.», XVIII, 3, 5.—[9]) Тац., «Анн.», IV, 27.

родъ всякимъ сбродомъ" [1]). Несмотря на все это, число вольноотпущенниковъ продолжало возрастать, и населеніе Рима все болѣе и болѣе превращалось въ пеструю, хаотическую массу, состоявшую изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ и ихъ безчисленныхъ помѣсей.

Отпущенные на волю иностранцы очень часто обладали большими богатствами. Они пріобрѣтали себѣ эти богатства отчасти службою въ знатныхъ домахъ, гдѣ особенно греки и уроженцы Востока умѣли сдѣлаться необходимыми въ домѣ лицами, снискать себѣ любовь господина или внушить ему страхъ (въ качествѣ посвященныхъ въ его тяжелыя или позорныя тайны) [2]) или же добиться благосклонности госпожи [3]); отчасти же съ помощью торговыхъ и другихъ предпріятій, которыя почти цѣликомъ находились въ рукахъ этихъ дѣятельныхъ и предпріимчивыхъ сыновъ Востока. У Ювенала богатый вольноотпущенникъ, судя по дыркамъ въ ушахъ—уроженецъ Евфрата, требовалъ для себя преимуществъ передъ преторами и трибунами, такъ какъ пять его лавокъ давали ему ежегодный доходъ въ 400000 сестерціевъ [4]). Этотъ же поэтъ въ другомъ мѣстѣ намекаетъ на то, какимъ образомъ могло быть положено основаніе подобному богатству, сообщая, что нѣкій Гистеръ завѣщалъ все состояніе своему вольноотпущеннику [5]). Подробнѣе разсказываетъ самъ Тримальхіонъ у Петронія, какъ онъ мальчикомъ былъ привезенъ изъ Азіи въ Римъ и въ продолженіе четырнадцати лѣтъ былъ возлюбленнымъ своего господина, но одновременно находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ госпожею; онъ надѣется, что его поймутъ, онъ не хочетъ хвалиться, такъ какъ не принадлежитъ къ числу хвастуновъ. По волѣ боговъ онъ сталъ, такимъ образомъ, хозяиномъ въ домѣ; господинъ назначилъ его сонаслѣдникомъ императора и завѣщалъ ему сенаторское состояніе. Такъ какъ человѣкъ никогда ничѣмъ не можетъ удовольствоваться, то и онъ все-таки пустился въ разныя предпріятія; выстроилъ пять кораблей, нагрузилъ ихъ виномъ, которое цѣнилось тогда на вѣсъ золота, и отправилъ ихъ въ Римъ, но всѣ они потерпѣли крушеніе, и Нептунъ въ одинъ день поглотилъ 30 милліоновъ сестерціевъ. Но онъ не растерялся, а выстроилъ другіе, лучшіе корабли, нагрузилъ ихъ виномъ, саломъ, бобами, благовоніями и рабами и за одинъ транспортъ выручилъ десять милліоновъ, на которые купилъ всѣ помѣстья своего бывшаго господина и поселился на Неаполитанскомъ заливѣ, гдѣ онъ выстроилъ себѣ роскошный домъ. Когда онъ сталъ богаче всего своего родного города, онъ прекратилъ всѣ торговыя предпріятія и только черезъ своихъ вольноотпущенниковъ продолжаетъ еще вести денежныя дѣла. Онъ желаетъ, чтобы на его надгробной надписи было разсказано, что онъ началъ съ малаго, а кончилъ большимъ, оставилъ по себѣ 30 милліоновъ сестерціевъ и никогда не слышалъ ни одного философа [6]). Рабы, отпущенные на волю вмѣстѣ съ Тримальхіономъ, тоже являются людьми, „заслуживающими почета". Одинъ изъ нихъ началъ съ того, что таскалъ вязанки дровъ на спинѣ, а теперь владѣетъ 800000 сестерціями; другой, кредитъ котораго въ настоящее время сильно подорванъ, владѣлъ когда-то милліо-

[1]) Діонъ, LVI, 33.—[2]) Діонис. Галик., IV, 24.—[3]) Мартіалъ, VII, 64 (ср. стр. 154, 14 и 155, 1). Плин., «N. h.», XXXIV, 11 (стр. 154, 14).—[4]) Ювен., I, 104—106.—[5]) Ювен., 2, 58. Ср. выше, стр. 155, 1.—[6]) Петрон., гл. 76. Ср. 29 и 71.

номъ [1]). Все это, какъ и вообще у Петронія, списано съ жизни; менѣе всего онъ преувеличиваетъ богатства вольноотпущенниковъ. Уже Деметрій, вольноотпущенникъ Помпея, оставилъ послѣ себя 4000 талантовъ (9430500 руб.) [2]). Дидимъ и Филомелъ, бывшіе въ эпоху Домитіана или незадолго до этого самыми богатыми людьми Рима, несомнѣнно были прежде рабами [3]). Богатство вольноотпущенниковъ, безвкусіе и наглость, съ которыми они пользовались имъ, вошли въ поговорку уже въ началѣ имперіи. Сенека говоритъ про богатаго и необразованнаго Кальвисія Сабина (консула въ 26 г. по Р. Хр.), что своимъ богатствомъ и образомъ мыслей онъ похожъ на вольноотпущенника [4]). На столахъ вольноотпущенниковъ красовались сосуды, „на выдѣлку которыхъ шелъ весь доходъ съ серебряныхъ рудниковъ“ [5]). Въ ихъ баняхъ находилось множество статуй и колоннъ, которыя ничего не поддерживали и служили лишь для украшенія и увеличенія расходовъ; по рядамъ ступенекъ струились безчисленные водяные потоки [6]). Стоимость зеркала, передъ которымъ наряжались ихъ дочери, превышала ту сумму, которую въ прежнія времена получали дочери заслуженныхъ мужей въ приданое отъ государства [7]). Своею сибаритской роскошью они могли сравняться съ самыми высокопоставленными и знатными лицами; поэтому грубость ихъ нравовъ, низость помысловъ, невѣжество и наглость вызывали еще больше насмѣшекъ и презрѣнія. Тѣ люди, которые нѣкогда дрожали передъ кнутомъ, которые должны прятать слѣды прежнихъ клеймъ подъ мушками или удалять ихъ съ помощью умѣющихъ молчать врачей [8]) (для чего Скрибоній Ларгъ даетъ рецептъ) [9]), теперь появлялись въ бѣлоснѣжной тогѣ, настоящемъ пурпуровомъ плащѣ изъ Тира, ярко-красныхъ башмакахъ изъ тончайшей кожи, съ сверкающими кольцами на пальцахъ, съ благоухающими волосами и возсѣдали въ первыхъ рядахъ театра Марцелла [10]). Главнымъ ихъ наслажденіемъ было обнаруженіе своей грубой надменности передъ лучшими людьми. Богатый вольноотпущенникъ былъ въ то время настоящимъ типомъ низкаго, безстыднаго и хвастливаго выскочки. Зоилъ, который является у Мартіала представителемъ этого класса въ Римѣ, какъ и Трималхіонъ Петронія въ своей колоніи, носитъ на пальцахъ фунтовыя кольца, почти такія же тяжелыя, какъ тѣ, которыя онъ недавно носилъ на ногахъ. Его носятъ на носилкахъ необычайной величины; онъ притворяется больнымъ, чтобы показать своимъ гостямъ выписанныя изъ Египта подушки въ наволокахъ изъ настоящаго пурпура и ярко-красныя одѣяла. Въ продолженіе обѣда онъ переодѣвается одиннадцать разъ; онъ услаждаетъ себя чудеснѣйшими блюдами и винами, тогда какъ гостей его угощаютъ простой пищей и кислымъ виномъ, а когда онъ засыпаетъ за столомъ, то всѣ въ почтительномъ молчаніи должны слушать его храпъ и могутъ только нѣмыми кивками головы пить за здоровье другъ друга [11]). „Кого подобный пиръ можетъ осчастливить, — говоритъ поэтъ, — тотъ достоинъ нищенскаго хлѣба“ [12]). Самомнѣніе этихъ людей несомнѣнно

---

1) Петрон., гл. 38.—2) Плутархъ, «Помп.», гл. 2.—3) Мартіалъ, III, 31. Ср. III, 93, 22. IV, 5, 10.—4) Сенека, «Письм.», 27, 5. Мартіалъ, V, 13, 6.—5) Тертулл., «Апол.», гл. 6.—6) Сенека, «Письм.», 86, 7.—7) Его же, «Quaest. nat.», I, 17, 10.—8) Мартіалъ, VI, 64, 26. X, 56, 6.—9) Скриб. Ларгъ, 231.—10) Март., II, 29.—11) Март., II, 16, 19, 42, 58, 81. III, 29, 82. IV, 77. V, 79. VI, 91. XI, 12, 30, 37, 54, 85, 92. XII, 54.—12) Март., II, 19.

увеличивалось еще вслѣдствіе того могущества, которымъ пользовались при дворѣ нѣкоторые люди ихъ званія, такъ какъ часть окружающаго ихъ блеска падала отъ нихъ и на все сословіе. Сыновья ихъ и внуки, какъ говорилось [1]), добивались порою самыхъ высшихъ должностей двухъ первыхъ сословій, и уже въ эпоху Нерона родоначальниками многихъ всадническихъ и даже сенаторскихъ фамилій были вольноотпущенники [2]).

Рядомъ съ этой грубой горделивостью, которую обнаруживали разбогатѣвшіе бывшіе рабы, встрѣчалось также проявленіе болѣе благородной гордости, съ которой низкорожденные, но дѣльные и самоувѣренные свободные люди относились къ неспособной и испорченной аристократіи. Въ эпоху непоколебимаго владычества аристократіи Цицеронъ осмѣливался лишь очень робко замѣтить, что и среднее сословіе можетъ имѣть одно преимущество передъ аристократіей: „Аристократія,—говоритъ онъ,—и въ добрѣ и въ злѣ слишкомъ ужъ выходитъ за границы обычнаго, такъ что человѣкъ нашего круга въ этомъ отношеніи не можетъ тягаться съ ними“ [3]). Двѣсти лѣтъ спустя, когда аристократія была придавлена монархіей, Ювеналъ болѣе увѣренно подчеркивалъ цѣнность среднихъ и низшихъ классовъ. Что было блестящѣе родословной Катилины и Цетега, которые, точно потомки галловъ, держали наготовѣ горящіе факелы для домовъ и храмовъ Рима. Но консулъ Цицеронъ, этотъ „новый человѣкъ“ изъ Арпина, не знающій предковъ, разбилъ ихъ замыслы; того, кто недавно еще въ Римѣ былъ ничѣмъ инымъ, какъ всадникомъ изъ муниципія, свободный Римъ назвалъ отцомъ отечества. Еще другой мужъ изъ Арпина, уставъ отъ работы на чужихъ поляхъ, зарабатывалъ себѣ хлѣбъ, трудясь въ горахъ вольсковъ; будучи впослѣдствіи центуріономъ, онъ потрясалъ сучковатой палкой изъ виноградной лозы, когда солдатъ, работая надъ постройкою укрѣпленій, лѣниво взмахивалъ топоромъ. Но въ качествѣ консула онъ все-таки устоялъ передъ кимбрами и одинъ спасъ городъ въ минуту наивысшей опасности. Его коллега, принадлежавшій къ высшей аристократіи, удостоился поэтому только второго лавра, когда на мѣсто битвы съ кимбрами полетѣли вороны, еще не садившіеся на такіе огромные трупы. Много плебейскаго было въ душахъ Деціевъ, плебейскимъ было и ихъ имя, и все же подземные боги приняли ихъ, какъ искупительную жертву за все войско. Послѣдній хорошій царь Рима былъ сыномъ рабыни; сыновья консула Брута предательски открыли ворота изгнаннымъ тираннамъ, но рабъ открылъ измѣну. Какъ бы вы не превозносили ваше родовое древо, вашъ первый предокъ былъ все-таки пастухомъ или разбойникомъ, нашедшимъ себѣ убѣжище въ пріютѣ Ромула [4]). Непристойныя андалузскія пляски и пѣсни, — говоритъ тотъ же поэтъ, — недопустимыя въ скромномъ домѣ, находятъ себѣ мѣсто въ роскошныхъ дворцахъ богачей. Игра въ кости и прелюбодѣяніе, считающіяся позорными для низкихъ, для человѣка знатнаго являются только рѣзвостью и шалостью [5]), высшая аристо-

[1]) См. выше, стр. 111, 8.—[2]) Hirschfeld, «Verwaltungsb.», стр. 301, Если просмотрѣть фамиліи всаднической аристократіи, которыя мы находимъ въ спискѣ административныхъ чиновниковъ отъ Августа до Діоклетіана, мы найдемъ множество императорскихъ родовыхъ именъ, на основаніи чего можемъ заключить, что большинство этихъ семей происходило отъ императорскихъ вольноотпущенниковъ.—[3]) Цицер., «за Квинкт.». 8, 31.—[4]) Ювен., 8, 231—275.—[5]) Ювен., 11, 162—176.

кратія прощаетъ себѣ то, что опозорило бы башмачника" [1]). „Среди низшихъ классовъ народа,—говорится въ другомъ мѣстѣ,—ты найдешь краснорѣчивыхъ людей, которые ведутъ процессы невѣжественной знати; изъ народа выходятъ тѣ, которые распутываютъ узлы права и разгадываютъ загадки закона. Молодежь ихъ, свѣдущая въ военномъ дѣлѣ, отправляется за Евфратъ и къ орламъ, что сторожатъ укрощенныхъ батавовъ, въ то время, какъ лица, которымъ нечѣмъ похвалиться, какъ только безконечнымъ рядомъ предковъ, напоминаютъ собою безрукія гермы [2]); высокое положеніе въ жизни рѣдко совмѣщается со здравымъ умомъ" [3]).

Но изъ всѣхъ этихъ отрывочныхъ фактовъ и указаній, приведенныхъ въ этомъ очеркѣ, нельзя все-таки составить себѣ полнаго представленія о томъ, какъ и изъ низшихъ слоевъ общества постепенно все выше и выше подымались мощные элементы, тогда какъ безсильные падали сверху до самаго дна, и какъ всѣ три сословія, все время измѣняясь и безпрестанно переливаясь, обмѣнивались до нѣкоторой степени своимъ содержаніемъ.

---

[1]) Ювен., 8, 181 слл.—[2]) Ювен., 8, 39—55.—[3]) Ювен., 8, 73.

IV. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Было уже указано на то, что формы придворной жизни сложились подъ вліяніемъ общественной жизни Рима вообще, но впослѣдствіи онѣ, въ свою очередь, стали образцомъ и мѣриломъ для жизни общества. Но объ этомъ взаимоотношеніи мы не можемъ составить себѣ полнаго понятія; о немъ приходится больше догадываться. Вышеупомянутое отношеніе между кліентами и патрономъ представляетъ собою аналогію съ придворными обычаями, такъ какъ во многомъ соотвѣтствуетъ тѣмъ отношеніямъ, которыя существовали между придворными и императоромъ. Но если мы будемъ разсматривать только взаимоотношенія между знатными и простыми людьми, то получимъ очень одностороннее и неполное представленіе о формахъ общественной жизни того времени. Обязанности (officia), которыя налагала эта жизнь, были очень разнообразны, и ни одинъ римлянинъ, если только онъ не желалъ совершенно уйти отъ общества, не могъ безнаказанно уклониться отъ нихъ, менѣе всего высокопоставленныя лица [1]). Все болѣе и болѣе развивающійся придворный этикетъ повліялъ на расширеніе и на строгую регламентацію этихъ обязанностей.

При дворѣ, какъ и въ знатныхъ домахъ, два первыхъ часа дня считались временемъ пріема не только кліентовъ, но и всѣхъ другихъ посѣтителей. Этотъ обычай вполнѣ соотвѣтствовалъ распредѣленію дня въ Римѣ, гдѣ всѣ дѣла и занятія происходили днемъ и послѣ полудня заканчивались обѣдомъ; для большей части общественныхъ обязанностей, кромѣ разсвѣта, другого времени не оставалось. Пестрая толпа, подъ шагами которой гудѣла земля, раннимъ утромъ уже стекалась къ большимъ дворцамъ [2]). На площадкѣ передъ домомъ съ разсвѣта уже шумѣли и толпились кліенты дома, многіе въ грязныхъ тогахъ и заплатанныхъ башмакахъ [3]); порою число ихъ было такъ велико, что они запружали всю улицу и преграждали дорогу прохожимъ [4]). Носильщики въ красныхъ плащахъ, одѣтые на подобіе солдатъ, быстрымъ шагомъ несли богатаго человѣка, который за спущенными занавѣсками продолжалъ свой утренній сонъ, и за которымъ шествовала толпа его кліентовъ [5]). Раздавался знакомый возгласъ ликтора, возвѣщавшаго о приближеніи консула [6]), и передъ этими должностными лицами, которыя съ

---

[1]) Горац., «Сат.», I, 6, 93 слл.—[2]) Сенека, «Beneff.», VI, 34, 4.—[3]) Ювен., 3, 417 слл. 5, 137.—[4]) Сенека, «ad Marciam», 10, 1. «Epp.», 84, 12. «Beneff.», VI, 34, 4.—[5]) Сенека, «Beneff.», VI, 28, 5. Ср. Ювен., 3, 239. Март., IX, 22, 9. XIV, 129.—[6]) Плин., «Панег.», 61. Ср. Mommsen, «Staatsr.», 3 изд., I, 376, 1. Консулы и преторы въ качествѣ салютаторовъ Ювен. 3, 126. Март. X, 10. Ср. Стат., «Сильв.»., I, 2, 232.

пучками прутьевъ выступали впереди и ударяли въ двери, толпа разступалась и пропускала высокопоставленнаго сановника, въ его обшитой пурпуромъ тогѣ. Въ толпѣ можно было видѣть и бѣднаго учителя-грека, добивающагося мѣста преподавателя въ знатномъ домѣ, нарядившагося поэтому не по средствамъ и постаравшагося по возможности приспособить покрой и цвѣтъ своей одежды ко вкусу знатнаго человѣка [1]); затѣмъ (особенно, въ эпоху Марка Аврелія), философа-грека въ грубомъ плащѣ и съ длинной бородой, упрашивающаго раба достать ему приглашеніе ко столу [2]), сенатора, домогающагося консулата [3]), и всадника, соискателя должности трибуна легіона [4]),—здѣсь вообще находились всѣ тѣ, которые надѣялись чего-нибудь добиться, и которыхъ Плутархъ сравниваетъ съ мухами на кухнѣ [5]). Сенека говоритъ (очевидно, по собственному опыту), что многіе рѣдко появляются на пріемахъ у тѣхъ, кому они обязаны жизнью или почестью, изъ боязни прослыть за кліентовъ, но зато они заслуживаютъ себѣ названіе неблагодарныхъ [6]). Передъ дверью стоялъ вооруженный тростью привратникъ, милости котораго, въ большинствѣ случаевъ, можно было добиться только деньгами. „Разумные люди,—говоритъ Сенека,—смотрятъ на него какъ на откупщика мостовой пошлины, тѣ же, которые желаютъ насильно пройти, даютъ ему грубые отвѣты, разламываютъ его тростъ или жалуются на него господину, требуя, чтобы его высѣкли“ [7]). Простые люди получали обыкновенно грубый отказъ, и дверь передъ ними захлопывалась [8]).

Пріемъ происходилъ въ особомъ помѣщеніи, атріи, залѣ съ колоннами и большимъ отверстіемъ для свѣта въ потолкѣ; въ большихъ домахъ онъ могъ вмѣщать очень большое количество посѣтителей [9]). Для ожидающихъ были устроены скамьи; когда въ 31 г., въ день Новаго Года, почти весь Римъ наполнилъ дворецъ Сеяна, чтобы поздравить его съ полученіемъ консулата, одинъ изъ диврановъ сломился подъ слишкомъ большою тяжестью сидѣвшихъ на немъ лицъ: это было однимъ изъ дурныхъ предзнаменованій, предвѣщавшихъ его близкое паденіе [10]). Великолѣпіе и роскошь этихъ просторныхъ, высокихъ и выложенныхъ пестрымъ мраморомъ помѣщеній, безконечный рядъ изображеній предковъ [11]), многочисленность разодѣтыхъ слугъ,—все это вмѣстѣ взятое внушало робость и боязнь посѣтителю, не привыкшему къ подобному блеску. Здѣсь приходилось вести переговоры съ вліятельными рабами и вольноотпущенниками дома и подкупать ихъ, чтобы быть допущеннымъ къ ихъ господину [12]). Номенклатору, обязанность котораго состояла въ называніи именъ допущенныхъ лицъ, приходилось пользоваться длинными списками [13]), хотя должность эта поручалась только людямъ съ особенно хорошей памятью [14]). Посѣтители здѣсь, какъ и при дворѣ, дѣлились на двѣ очереди; внутри дворца было еще много дверей, которыя открывались для очень немногихъ [15]); только

---

[1]) Лукіанъ, «De mercede cond.», гл. 10.—[2]) Его же, «Нигринъ», 24. «Piscator», 34.—[3]) Март., XII, 26. Эпикт., «Diss.», IV, 10, 20.—[4]) Ювен., 7, 90 слл.—[5]) Плутархъ, «De amic. multitud.», 3. Ср. Марціала, IX, 92, 5.—[6]) Сенека, «Beneff.», II, 23, 1.—[7]) Seneca, «ad Seren.», 14, 2. Ср. также «De ira», III, 37, 2.—[8]) Epictet. «Man.», 33, 13.—[9]) Vitruv., VII, 5, 1.—[10]) Dio, LVIII, 5. Ср. Becker, «Handb. d. röm. Altert.», II, 2, 124, прим. 281.—[11]) Martial, I, 55, 5; II, 90, 5.—[12]) Seneca, «ad Seren», 14, 1. Epictet., «Diss.», I, 30, 7.—[13]) Сенека, «Beneff.», VI, 33, 4.—[14]) Плин., «N. h.», XXIX, 19.—[15]) Сенека, «Beneff.», VI, 33, 4, 34, 1.

лица, пользующіяся довѣріемъ или особыми преимуществами, допускались по одиночку или небольшой группой во внутреннія помѣщенія или даже въ спальню, приспособленную для пріемовъ [1]). Большинство посѣтителей принималось хозяиномъ дома въ атріи. „Когда Плавтіанъ,—такъ разсказываетъ Кассій Діонъ,—приглашалъ къ себѣ изъ числа посѣтителей своихъ друзей, то за ними отправлялся и Церанъ, желавшій показаться довѣреннымъ лицомъ этого могущественнаго человѣка. Онъ доходилъ съ ними до послѣдней двери и, хотя эта и оставалась закрытой для него, все же въ глазахъ толпы, дожидающейся въ атріи, онъ достигалъ своей цѣли“ [2]). Вообще пріемъ у высокопоставленныхъ лицъ былъ очень похожъ на пріемъ при дворѣ. Передъ дверью Сеяна толпились, какъ передъ императорскимъ дворцомъ, такъ какъ каждый боялся опоздать или остаться незамѣченнымъ [3]); сенаторы заискивали передъ его кліентами, придавали знакомству съ его привратниками и вольноотпущенниками большое значеніе [4]) и покорно сносили ихъ надменность и благосклонность [5]). Плутархъ говоритъ, что лица, встрѣчающія въ домахъ богачей и сановниковъ большую толпу и шумъ, производимый посѣтителями и поздравителями, называютъ ихъ счастливыми, въ виду такого количества гостей [6]). Сенека, желая отвлечь отъ себя подозрѣніе Нерона и вообще избѣгая въ 62 г. всю необходимо связанную съ его положеніемъ пышность, запретилъ эти утреннія посѣщенія у себя на дому [7]). Извѣстные судебные ораторы также получали нѣкоторое удовлетвореніе отъ той массы важныхъ лицъ, которыя наполняли ежедневно ихъ дома [8]). Когда время пріема приходило къ концу, большіе дворцы, какъ говоритъ Вергилій, извергали изъ своихъ гордыхъ воротъ огромныя волны утреннихъ посѣтителей [9]).

Обычай, чтобы кліенты посѣщали утромъ своего патрона и затѣмъ сопровождали его во время выходовъ, въ общихъ чертахъ сохранился до конца существованія древняго Рима. Тертулліанъ (200 г.) говоритъ, что соискатели какой-нибудь должности ночью еще до окончанія процесса пищеваренія обезпечивалис ебѣ мѣсто во всѣхъ атріяхъ. Астрологъ Фирмикъ (около 334—37 гг.) разсказываетъ про людей, которые обиваютъ всѣ пороги, совершая утреннія посѣщенія [10]). „Мнѣ стыдно,—говоритъ св. Іеронимъ въ своихъ (написанныхъ въ Римѣ между 382 и 385 г.) письмахъ,—говорить о числѣ визитовъ, которые мы ежедневно либо дѣлаемъ, либо принимаемъ у себя“ [11]). Симмахъ тоже говоритъ, приблизительно въ это же время, о безсонныхъ ночахъ, проведенныхъ передъ дверьми знатныхъ [12]). Св. Оріентій описываетъ (въ серединѣ V в.), какъ проситель встаетъ съ разсвѣтомъ и затѣмъ засыпаетъ передъ дверью богача, къ которому хочетъ обратиться, и какъ его оттуда прогоняетъ ударами ликторъ, если онъ не успѣетъ подкупить привратника [13]). Сидоній Аполлинарій хвалитъ двухъ знатныхъ консуловъ, которые на улицѣ всегда появлялись въ сопровожденіи огромной толпы кліентовъ, за то, что доступъ къ нимъ не представляетъ никакихъ затрудненій и не требуетъ за-

[1]) Плин., «N. h.», XV, 38.—[2]) Діонъ, LXXVI, 5.—[3]) Его же, LVIII, 5.—[4]) Тац., «Анн.», VI, 8.—[5]) Тамъ же, IV, 74.—[6]) Плут., «De amicor. multit.», 3.—[7]) Тац., «Анн.», XIV, 56.—[8]) Его же, «Діал. объ орат.», 6,—[9]) Верг., «Георг.», II, 461.—[10]) Tertullian, «De paenit.», гл. 11. Firmicus, «Mathes.», VIII, 216.—[11]) Hieronymus, «Epp.», 43, 2.—[12]) Symmachus, «Epp.», VIII, 41.—[13]) S. Orientius, «Commonitor», lib. II, «de ebrietate» (Gallandi. X, стр. 191).

тратъ [1]). Паулинъ изъ Перигё говоритъ въ своемъ написанномъ въ 460 г. стихотвореніи, что торжественное шествіе его украшалось толпою покорныхъ кліентовъ [2]).

Раннимъ утромъ происходили не только посѣщенія, вызванныя вѣжливостью, которыя въ то время производились гораздо чаще и регулярнѣе, чѣмъ у насъ, но и цѣлый рядъ другихъ торжествъ, которыя справлялись только въ присутствіи званыхъ гостей [3]). Къ такимъ торжествамъ относилось, главнымъ образомъ, облаченіе въ мужскую тогу, которое знаменовало собою вступленіе мальчика въ число взрослыхъ и давало ему право принимать съ этого времени участіе въ общественной жизни. Клавдій (будущій императоръ), котораго мальчикомъ всегда умышленно отодвигали на задній планъ, долженъ былъ отправиться для жертвоприношенія на Капитолій, которымъ заканчивалось это торжество, уже ночью и въ носилкахъ, безъ обычныхъ проводовъ, чтобы и этотъ актъ былъ лишенъ своего публичнаго характера [4]). Въ день свадьбы уже съ разсвѣтомъ дома нареченныхъ наполнялись гостями [5]); обрученія праздновались тоже въ первый и второй часъ дня [6]), и приглашенные, такимъ образомъ, иногда лишались ночного отдыха, столь важнаго для пищеваренія [7]). Особенно же обычаемъ требовалось, чтобы въ тотъ день, когда магистраты приступали къ исполненію своихъ обязанностей, являлись всѣ тѣ, которые имѣли къ нимъ нѣкоторое отношеніе, и тоже, конечно, раннимъ утромъ. Часто упоминается, главнымъ образомъ, торжественное шествіе друзей, знакомыхъ и кліентовъ, среди которыхъ новые консулы поднимались на Капитолій [8]); подобнымъ же образомъ сопровождались и другія должностныя лица [9]). Адріанъ присутствовалъ при вступленіи въ должность консуловъ и преторовъ [10]); и великій покровитель Плинія Младшаго, Вергиній Руфъ, трижды бывшій консуломъ и умершій въ 97 г., пріѣзжалъ изъ деревни въ городъ при каждомъ вступленіи своего друга въ новую должность, даже тогда, когда онъ уже удалился отъ всякихъ подобныхъ торжествъ [11]). Умершій приблизительно въ то же время Кореллій Руфъ также сопровождалъ Плинія Младшаго при всѣхъ его вступленіяхъ въ новую должность [12]). Въ одномъ письмѣ Плиній Младшій извиняется за свое отсутствіе при вступленіи въ должность Валерія Паулина, ссылаясь на то, что ему необходимо самому заняться отдачею своихъ помѣстій въ аренду. Письмо это указываетъ на то, что должностныя лица разсчитывали на появленіе въ этотъ день всѣхъ своихъ друзей и обижались, если отсутствіе ихъ не было вызвано достаточно вѣскими причинами [13]). Для многихъ исполненіе этой обязанности было своего рода удовольствіемъ; безъ этихъ лицъ не обходилось ни одно публичное выступленіе новаго консула или трибуна [14]). Еще Амміанъ Марцеллинъ говоритъ, что мелочные критики историческихъ трудовъ бываютъ недовольны, если въ нихъ не

---

[1]) Sidon. Apoll., «Epp.», I, 9.—[2]) Paulin. Petrocord., «Eucharistic.», 436.—[3]) Светон., «Авг.», гл. 77. Ср. Marquardt, «Privatleb.», 2-е изд., I, 125, 8. Casaub. ad Sueton., «Aug.», 53. Симмахъ, «Письма», I, 23.—[4]) Светон., «Клавд.», 2.—[5]) Стат., «Сильв.», I, 2, 229; ср. Ювен., 2, 132.—[6]) Фестъ, стр. 343 М.—[7]) Сенека, «Beneff.», IV, 39, 3. Ср. Стат., IV, 9, 48.—[8]) Becker, «Handbuch d. röm. Altertüm.», II, 2, 124. Ср. Mommsen, «Staatsr.», 3 изд., I, 616, 3.—[9]) Напр., Плин., «Письма», I, 5, 11.—[10]) «Hadrian.», гл. 9.—[11]) Плин., «Письма», II, 1, 8.—[12]) Плин., «Письма», IV, 17, 6.—[13]) Плин., «Письма», VIII, 37.—[14]) Марціалъ, IV, 78.

имѣется перечня именъ всѣхъ тѣхъ, кто сопровождалъ городского претора при первомъ его выступленіи [1]).

Другіе торжественные акты, совершавшіеся въ присутствіи многочисленныхъ участниковъ, происходили въ болѣе поздніе часы дня, какъ напримѣръ, похороны [2]). У лицъ съ большимъ кругомъ знакомыхъ исполненіе этихъ обязанностей отнимало иногда цѣлые дни, и все же они успѣвали сдѣлать все нужное. „Если имѣешь многочисленныхъ друзей,—говоритъ Плутархъ,—то въ одно и то же время одинъ проситъ защищать его въ процессѣ, другой—помочь ему въ судѣ въ качествѣ асессора, третій—содѣйствовать ему при покупкѣ или продажѣ, а другіе приглашаютъ на свадьбу или похороны. Извинить свое отсутствіе забывчивостью или незнаніемъ еще допустимо, но ни въ какомъ случаѣ не необходимостью послѣдовать приглашенію другого, напримѣръ, не посѣтить больного, потому что получилъ приглашеніе на обѣдъ“ [3]). Мартіалъ долженъ былъ вставать съ разсвѣтомъ, чтобы отправиться съ визитами и поздравленіями, на которые никто не отвѣчалъ. Затѣмъ онъ долженъ былъ то отправиться къ храму Діаны, чтобы приложить тамъ печать, то онъ сговаривался съ кѣмъ-нибудь встрѣтиться иногда въ первомъ, иногда въ пятомъ часу, то онъ долженъ былъ явиться къ консулу или претору, то слушать чтеніе одного изъ поэтовъ, которое продолжалось иногда цѣлый день. Нельзя было далѣе безнаказанно не явиться послушать рѣчи адвоката или лекціи грамматика или ритора. Въ десятомъ часу, наконецъ (во второмъ до захода солнца), онъ совсѣмъ усталымъ приходилъ въ бани и поэтому не успѣвалъ писать стихи [4]). „Удивительное дѣло!—говоритъ Плиній Младшій,—въ Римѣ можно еще отдать себѣ отчетъ въ каждомъ отдѣльномъ прожитомъ днѣ, въ общемъ же, если взять за разъ нѣсколько дней, это оказывается совершенно невозможно. Если спросить кого-нибудь: „Что ты дѣлалъ сегодня?“, то онъ отвѣтитъ: „Я присутствовалъ при облаченіи въ мужскую тогу, при обрученіи или на свадьбѣ; такой-то пригласилъ меня придти приложить печать къ его завѣщанію, а тотъ—содѣйствовать ему въ судѣ, третій—явиться на засѣданіе“. Дѣла кажутся необходимыми въ тотъ день, когда ихъ совершаешь; но если принять въ разсчетъ, что всѣ эти дѣла производились изо дня въ день, то они кажутся ничтожными, въ особенности, если при этомъ покинешь Римъ“ [5]). Засѣданія, которыя упоминаются Плиніемъ, надо понимать, какъ судебныя засѣданія, на которыя магистраты, префекты, преторы и эдилы приглашали своихъ друзей (что считалось знакомъ почета) въ качествѣ асессоровъ [6]). Кромѣ того, Плиній приводитъ, какъ примѣръ, нѣкоторыя другія общественныя обязанности, которыя могли бы заполнить собою весь день; но, кромѣ нихъ, существовалъ еще цѣлый рядъ другихъ, отчасти упоминаемыхъ Плутархомъ и Мартіаломъ, которыя часто бывали еще болѣе тягостны и отнимали еще больше времени. Слѣдуетъ также помнить, что въ большинствѣ случаевъ надо было являться въ торжественной одеждѣ, такъ напримѣръ, при составленіи документовъ и завѣщаній. Плиній разсказываетъ, что одна знатная женщина, по имени Аврелія, для приложенія печатей къ

---

[1]) Аммiанъ, XXVI, 1, 1.—[2]) Seneca, «Tranq. an.», 14, 4.—[3]) Plutarch., «De amicor. multit.», 6.—[4]) Мартіалъ, X, 70.—[5]) Плин., «Письма», I, 9.—[6]) Эпикт., «Руков.», 25, 1. Плин., «Письма», I, 20, 12. XI, 6, 1. Ср. Ювен., 3, 162.

своему завѣщанію, надѣла свои лучшія туники; приглашенный къ этому акту Регулъ былъ настолько безсовѣстенъ, что попросилъ ее завѣщать ихъ ему [1]). „Съ какой цѣлью,—спрашиваетъ Сенека,—приглашаются эти разукрашенные люди, и зачѣмъ прикладываютъ они свою печать? Для того только, чтобы онъ не могъ впослѣдствіи отречься отъ того, что въ дѣйствительности было имъ получено?“ [2]). Кромѣ завѣщаній (при вскрытіи которыхъ опять должны были присутствовать лица, приложившія къ нему печать) [3]), еще многіе другіе акты, напримѣръ, отпускъ на волю рабовъ [4]), должны были быть снабжены подписью и печатью свидѣтелей, чтобы имѣть законную силу. Порядокъ этихъ подписей и приложенныхъ печатей сообразовывался съ положеніемъ и степенью важности каждаго отдѣльнаго свидѣтеля [5]). Поддержанію своего достоинства вообще приписывалось очень большое значеніе; объ этомъ можно заключить хотя бы по тому строгому этикету, съ которымъ распредѣлялись мѣста за столомъ [6]). Сенека нѣсколько разъ говоритъ, что очень глупо сердиться въ томъ случаѣ, если во время пира получишь мѣсто менѣе почетное, чѣмъ ожидалъ [7]). Порядокъ распредѣленія мѣстъ на полукруглыхъ обѣденныхъ диванахъ сохранился до среднихъ вѣковъ [8]).

Однимъ изъ самыхъ частыхъ поводовъ для посѣщеній было поздравленіе съ днемъ рожденія [9]). Навѣщали также больныхъ [10]), и являлись съ тѣмъ, чтобы выразить свое соболѣзнованіе [11]); когда Регулъ потерялъ своего единственнаго сына, къ нему явился весь городъ, хотя его вообще ненавидѣли. Иногда надо было поздравить должностное лицо съ новымъ назначеніемъ [12]), или проводить уѣзжающаго въ провинцію [13]). Участіе въ судебномъ разбирательствѣ [14]) могло длиться нѣсколько дней, а помощь, оказываемая кандидату при соисканіи должности, продолжалась даже цѣлыя недѣли [15]). Чаще всего и больше всего времени отнимали чтенія авторовъ; въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы они происходили иногда ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, что Ювеналъ, вмѣстѣ съ постоянными обвалами и пожарами, причисляетъ къ самымъ тяжкимъ и опаснымъ бѣдствіямъ Рима [16]).

Обычай требовалъ, чтобы въ подобныхъ случаяхъ являлись не только друзья и кліенты, но и всѣ, имѣвшіе какое-нибудь отношеніе къ автору. Цицеронъ говоритъ, что до разсвѣта приходится совершать большіе концы, проводить на форумъ сыновей даже самыхъ простыхъ родителей, впервые облеченныхъ въ мужскую тогу [17]). Всѣ эти обязанности и подобныя имъ существовали еще въ эпоху имперіи, хотя и не въ такомъ объемѣ, какъ въ эпоху республики. Чтобы привлечь на свои торжества возможно большее число посѣтителей, и чтобы выразить имъ свою благодарность за оказанную ими честь и одновременно извиниться за причиненное имъ безпокойство, въ

---

[1]) Плин., «Письма», II, 20, 10.—[2]) Сенека, «Beneff.», III, 15, 3.—[3]) «Digg.», XXIX, 3, 4—7.—[4]) Март., IX, 87.—[5]) Ювен., 3, 82. Ср. Светон., «Тибер.», гл. 76. Надпись C. I. G. 1732 b. (рѣшеніе спора изъ-за границъ между давлійцами въ Фокидѣ 118 по Р. Хр.)—Ср. testamentum Porcelli (Petron. ed. Bücheler, стр. 232, 16–18). Bruns, «Die 7 Zeugen des Röm. Rechts», Comment. Mommsen., стр. 489 слл.—[6]) Marquardt, «Privatleb.», 2 изд., I, 303—308.—[7]) Seneca, «ad Seren.», 10, 2; «de ira», III, 37, 4.—[8]) Marquardt, «Privatleb.», 2 изд., I, 308.—[9]) Тамъ же, стр. 250, 5.—[10]) Горац., «Посл.», II, 2, 65—70. «Сат.», I, 9, 17.—[11]) Плин., «Письм.», IV, 2, 4.—[12]) Epictet., «Diss.», I, 19, 24.—[13]) Светон., «Цез.», 71.—[14]) Seneca, «Tranq. an.», 12, 4.—[15]) Его же, «Brev. vit.», 7, 7; ср. «Epp.», 8, 6.—[16]) Ювен., 3, 9.—[17]) Цицер., «за Мурену», 33, 69.

Римѣ сталъ развиваться обычай, существовавшій уже въ началѣ II в., а именно—раздавать всѣмъ участникамъ денежные подарки.

Въ водоворотѣ общественной жизни трудно было жить для себя, и болѣе глубокія натуры спасались изъ этихъ „бурь и потоковъ" Рима въ сельскую глушь и тишину; но не всѣ умѣли освободиться отъ узъ, давленіе которыхъ они болѣзненно ощущали. Въ произведеніяхъ Сенеки, напримѣръ, мы почти на каждой страницѣ встрѣчаемъ жалобы на безплодность и безсодержательность жизни въ Римѣ. „Никогда,—говоритъ Марціалъ,—не бываешь господиномъ своего времени, постоянно носишься по волнамъ городской жизни, и дни проходятъ въ безплодныхъ трудахъ" [1]). Но для тѣхъ, кто старается чѣмъ-нибудь заполнить свою праздную жизнь, это было насущной потребностью, здѣсь только могла процвѣтать ихъ лѣность, достигавшая порока необычайныхъ размѣровъ. Число лицъ, проводившихъ жизнь въ соблюденіи безполезныхъ формальностей и пустой вѣжливости, уже въ началѣ имперіи было несоразмѣрно велико. Они составляли особый бросающійся въ глаза классъ людей, носившій, должно-быть, въ то время только изобрѣтенное названіе „арделіоновъ". Въ астрологическомъ сочиненіи Манилія, написанномъ въ правленіе Тиберія, говорится, что люди, родившіеся подъ извѣстнымъ аспектомъ свѣтилъ, будутъ отличаться живымъ умомъ, ловкостью тѣла и неустаннымъ служебнымъ рвеніемъ, что они будутъ подобны цѣлому народу и будутъ жить во всемъ Римѣ, „обивая всѣ пороги, дружа со всѣми и всюду разнося раннимъ утромъ одни и тѣ же слова привѣтствія" [2]). Другой писатель эпохи Тиберія говоритъ, что въ Римѣ существуетъ нація арделіоновъ, которые торопливо повсюду бѣгаютъ, въ суетѣ и праздности проводятъ день, изъ-за пустяковъ волнуются, многимъ занимаются, но ничего не доводятъ до конца, бываютъ сами себѣ въ тягость, а другимъ въ высшей степени противны [3]). Сенека сравниваетъ этихъ занятыхъ и въ то же время праздношатающихся людей, бродящихъ по домамъ, театрамъ и форумамъ, съ муравьями, которые (какъ онъ думаетъ) безъ опредѣленнаго намѣренія и безъ цѣли поднимаются по деревьямъ до самой вершины, а затѣмъ опять сбѣгаютъ до корня. Это—люди, жизнь которыхъ представляетъ собою безпокойную праздность, у которыхъ никогда нѣтъ настоящаго дѣла, но которые дѣлаютъ видъ, что они заняты. Безъ всякой цѣли уходятъ они раннимъ утромъ изъ дому, чтобы увеличить собою толпу. Когда они выходятъ изъ дверей, то на вопросъ: „Куда ты идешь? что будешь дѣлать?"—отвѣчаютъ: „Я самъ еще, право, не знаю; я долженъ сдѣлать нѣсколько визитовъ и вообще кое-чѣмъ позаняться". Чувствуешь состраданіе къ нимъ, когда видишь ихъ бѣгущими, точно на пожаръ, наталкивающимися на знакомыхъ и сбивающими ихъ и себя съ ногъ. И зачѣмъ они бѣгутъ? Чтобы сдѣлать визитъ, на который не получатъ отвѣта, чтобы явиться на похороны незнакомаго или на засѣданіе суда, по поводу помѣшаннаго на процессахъ лица, или на обрученіе женщины, часто справляющей свадьбу. Обѣжавъ изъ-за пустяковъ весь городъ и вернувшись, наконецъ, домой, они увѣряютъ, что сами не знаютъ, чего ради они вышли изъ дому, гдѣ побывали, а на слѣдующій день вновь пускаются въ свои

[1]) Марціалъ, X, 58, 7.—[2]) Манил., V, 61.—[3]) Федръ, «Басни», II, 5.

странствованія [1]). Бывали даже старики, которые не пропускали ни одного дома: каждое утро ихъ можно было видѣть на улицахъ, совсѣмъ запыхавшихся и „влажныхъ отъ поцѣлуевъ всего Рима“ [2]). Люди, которымъ пошелъ уже седьмой десятокъ, ежедневно спѣшили по всему городу, раскланивались передъ носилками каждой женщины, появлялись при вступленіи во исполненіе служебныхъ обязанностей каждаго трибуна и консуловъ; по десять разъ въ день поднимались по улицѣ, ведущей къ императорскому дворцу, и все время на языкѣ у нихъ были имена самыхъ могущественныхъ царедворцевъ. „Пусть еще занимаются этимъ,—заканчиваетъ Мартіалъ,—молодые люди! Но нѣтъ ничего безобразнѣе стараго арделіона“ [3]).—Приблизительно сто лѣтъ спустя Галенъ такъ описываетъ самый обычный, по его словамъ, образъ жизни въ римѣ: „Раннимъ утромъ всѣ дѣлаютъ визиты, затѣмъ большая толпа отправляется на форумъ, гдѣ происходятъ судебныя разбирательства, еще бо́льшая—къ возницамъ и пантомимамъ; многіе проводятъ время въ любви, игрѣ въ кости, въ термахъ, за попойками и другими физическими наслажденіями. Вечеромъ всѣ опять собираются на пиры, гдѣ развлекаются не музыкой и серьезными разговорами, а безпутнымъ разгуломъ, зачастую продолжающимся до утра“ [4]).

Несмотря на то, что число арделіоновъ было очень велико, большинство посѣтителей, которые въ первые часы дня такъ неутомимо бѣгали по всему городу, дѣлали это не только въ силу неусидчивости и изъ желанія убить время, но и побужденные къ этому своей выгодой, какого бы она рода ни была. Это стремленіе къ выгодѣ и наживѣ было, въ дѣйствительности, главной причиной шумной и безпрестанной суеты, которая изо дня въ день наполняла собою улицы и дворцы; это была всеобщая погоня за богатствомъ, считавшимся высшимъ и единственнымъ благомъ, отъ котораго зависѣло все остальное: санъ и положеніе, почетъ и уваженіе. Въ то время всюду раздавались жалобы на то, что только богатство пользуется почетомъ и даетъ человѣку нѣкоторое положеніе [5]). Жизнь въ самомъ Римѣ, дѣйствительно, стала для бѣдняковъ съ теченіемъ времени совсѣмъ немыслимой (давно уже,—говоритъ Умбрицій у Ювенала,—должны были бы они выселиться изъ него) [6]). Кромѣ того, и сословное дѣленіе тоже основывалось на имущественномъ положеніи человѣка: высшія общественныя должности могли быть занимаемы только богачами, ввиду связанныхъ съ ними большихъ денежныхъ затратъ. Поэтому-то,—говоритъ Плиній Старшій,—и погибло все то, что придавало жизни настоящую цѣнность и значеніе, и униженіе стало главнымъ средствомъ къ повышенію; всѣ предаются униженію, каждый посвоему, но желанія и стремленія всѣхъ направлены на одну и ту же цѣль—на богатство. Даже лучшіе люди, и тѣ въ большинствѣ случаевъ оказываютъ больше почета чужимъ порокамъ, чѣмъ собственнымъ добродѣтелямъ [7]). „Хотя губительное золото,—говоритъ Ювеналъ,—и не почитается еще въ

---

[1]) Сенека, «Tranq. an.», 12.—[2]) Мартіалъ, VIII, 44.—[3]) Мартіалъ, IV, 78; см. выше, стр. 237, 14.—[4]) Галенъ, «Meth. med.», I, 1, ed. K. X, 3.—[5]) Горац., «Сат.», II, 5, 8; ср. I, 1, 62.—[6]) Ювен., 3, 162 сл.—[7]) Плин., «N. h.», XIV, 5.

качествѣ богини въ храмѣ, хотя звонкой монетѣ не сооружены еще алтари, но передъ величествомъ богатства все-таки преклоняются всѣ“ [1]). И Галенъ часто жалуется на то, что погоня за деньгами и почестью, властью и наслажденіемъ уничтожила всѣ идеальныя стремленія [2]).

Грубое себялюбіе и тяжеловѣсный матеріализмъ часто скрывались за самыми утонченными и изысканными формами, но все же они были очевидны всякому, кто не былъ слѣпъ или ослѣпленъ. Общеизвѣстной тайной въ Римѣ было то, что самые внимательные и старательные среди всѣхъ отличающихся своею вѣжливостью лицъ (officiosi), были ничѣмъ инымъ, какъ самыми заправскими искателями наслѣдствъ, которые съ напряженіемъ поджидали смерти тѣхъ, кого они осыпали изъявленіями дружбы и почтенія. Иногда они не довольствовались только тѣмъ, что обращались къ астрологамъ съ просьбой вычислить время наступленія желаннаго событія, но, по всей вѣроятности, подкупали и врачей съ тѣмъ, чтобы ускорить приближеніе его съ помощью яда, что, судя по инвективамъ Плинія Старшаго противъ медицины, происходило довольно часто [3]). Ничто не является болѣе характернымъ для тогдашняго Рима, ничто не обнаруживаетъ болѣе ярко лживости всѣхъ общественныхъ формъ, чѣмъ тѣ размѣры, въ которыхъ, на подобіе ремесла, практиковалось домогательство наслѣдствъ. Аналогіи этому явленію въ исторіи почти невозможно найти. Совсѣмъ безпримѣрное и противоестественное распространеніе безбрачія и бездѣтности среди высшихъ классовъ объясняетъ, почему этотъ путь выбирался многими, и не только искателями приключеній и спекулянтами, для достиженія желанныхъ цѣлей. Уже въ эпоху республики на бракъ смотрѣли какъ на тягостное учрежденіе, и граждане подвергались ему только потому, что считали это своею обязанностью по отношенію къ государству. Эпоха гражданскихъ войнъ надолго подорвала распущенныя уже нравственныя и соціальныя отношенія, и предпринятая Августомъ реставрація должна была остаться поверхностной, такъ какъ всѣ мѣры его были направлены только противъ симптомовъ зла, корней котораго онъ не былъ въ состояніи уничтожить. Тщетно пытался онъ поднять и поддерживать бракъ, раздавая награды, отличая женатыхъ и родителей и наказывая безбрачныхъ и бездѣтныхъ. Награды его не могли идти въ счетъ рядомъ съ выгодами, получаемыми тѣми, кто могъ завѣщать кому-нибудь наслѣдство [4]). Положеніе человѣка, не связаннаго семьею, считалось вообще самымъ удобнымъ и беззаботнымъ [5]), поэтому-то оно вызывало зависть и восхваленія другихъ.

Уже въ эпоху Августа [6]) погоня за наслѣдствами выработалась въ своего рода искусство, которымъ занимались систематично и съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ; оно имѣло свои техническія названія и среди лицъ, занимающихся имъ, отличали виртуозовъ и новичковъ. Сенека причисляетъ ораторовъ Л. Аррунтія и Кв. Гатерія (оба принадлежали къ сенаторскому сословію) къ числу тѣхъ, которые происками домогались завѣщаній и занимались этимъ какъ спеціальнымъ дѣломъ [7]). Взаимоотношенія между иска-

---

[1]) Ювен., 1, 112.—[2]) Галенъ, IX, 2 и 172.—[3]) Плин., «N. h.», XXIX, 20. Ср. Цицер., «за Клуент.», 14. Лукіанъ, «Діал. мертв.», 7. Выше, стр. 203, 1.—[4]) Тац., «Анн.», III, 25.—[5]) Ср. Marquardt, «Privatleb.», 2 изд., I, 73 сл.—[6]) Уже Циц. «de offic.» III, 18, 74. ср. «Parad.» 5, 2, 39.—[7]) Сенека, «Beneff.», VI, 38, 3.

телями наслѣдствъ и бездѣтными богачами уже въ то время были любимой темой сатиръ. Въ одномъ изъ самыхъ остроумныхъ стихотвореній Горація Одиссей спрашиваетъ тѣнь Тиресія, какъ бы ему поправить свои дѣла, сильно подорванныя хозяйничаньемъ жениховъ, и тотъ совѣтуетъ ему заняться охотой за наслѣдствами и прибавляетъ къ этому цѣлый рядъ нужныхъ указаній. Здѣсь мы уже находимъ почти всѣ черты, которыя постоянно повторяются у позднѣйшихъ писателей, также и описанія тѣхъ средствъ, съ помощью которыхъ искатели наслѣдствъ старались обезпечить за собою трудно уловимую добычу, не обнаруживъ при этомъ своей слабой стороны. Здѣсь же рисуется поведеніе богачей, возбуждавшихъ во многихъ надежды, которыя они не собирались осуществлять, хотя и старались извлечь изъ нихъ какъ можно больше выгодъ. Не было почти ничего такого, чего бы они не могли потребовать или ожидать, начиная со знаковъ вниманія и кончая самыми важными услугами, связанными съ личнымъ самопожертвованіемъ. Ихъ осыпали подарками [1]), имъ посылались всякія лакомства, лучшіе плоды, печенья, рыба, дичь, старыя вина [2]); искатели наслѣдствъ тратили, такимъ образомъ, изъ года въ годъ крупныя суммы. Марціалъ насмѣшливо совѣтуетъ какому-то Фабіану не жаловаться на то, что Виѳинникъ, на котораго онъ тратилъ ежегодно 6000 сестерціевъ, ничего ему не завѣщалъ: вѣдь онъ умерши оставилъ ему эту сумму, какъ ежегодный доходъ [3]). Здоровье богатыхъ людей было предметомъ самыхъ нѣжныхъ заботъ [4]). Въ случаѣ болѣзни ихъ окружали самымъ внимательнымъ и заботливымъ уходомъ, который простирался до того, что ухаживатели сами мыли ихъ и сморкали имъ носъ [5]). Молитвы и жертвоприношенія возносились къ небесамъ, стѣны храмовъ покрывались обѣтами: обращались за совѣтами къ предсказателямъ и забывались до того, что обѣщали въ случаѣ выздоровленія принести въ жерву слоновъ и людей [6]). Если богачу нравился домъ одного изъ друзей, то онъ предоставлялся ему безвозмездно [7]); если у него случался пожаръ, то съ помощью коллективныхъ пожертвованій потеря его возмѣщалась съ избыткомъ [8]). Если онъ былъ замѣшанъ въ процессѣ, то всѣ наперерывъ старались взять на себя его защиту [9]); и дѣло должно было быть совсѣмъ ужъ отчаяннымъ, если онъ его не выигрывалъ. Въ 58 г. Помпей Сильванъ былъ обвиненъ въ злоупотребленіи своею властью въ качествѣ проконсула Африки. Число обвинителей его было велико, но, благодаря своему богатству и бездѣтности въ такомъ преклонномъ возрастѣ, онъ добился оправданія и пережилъ еще тѣхъ, которые содѣйствовали этому, добиваясь его благосклонности и надѣясь стать его наслѣдниками [10]). Стихами богатыхъ стариковъ всѣ восхищались [11]); если они читали лекціи, то аудиторіи ихъ были переполнены. Бездѣтный философъ Анней Корнутъ, сосланный Нерономъ въ 68 г., всегда привлекалъ къ себѣ цѣлую толпу слушателей, кото-

---

[1]) Марціалъ, IV, 56.—[2]) Горац., «Сат.», II, 5, 12. «Послан.», I, 1, 78. Овид., «Ars amat.», II, 271. Марціалъ, II, 40. V, 39. VI, 27, 9. IX, 48. Ювен., 4, 18, 6, 38—40 и 97.—[3]) Марціалъ, IX, 9.—[4]) Горац., «Сат.», II, 5, 93.—[5]) Овид., «Ars am.», II, 319 слл. Epictet., «Diss.», IV, 1, 148.—[6]) Тамъ же. Март., XII, 90. Плин., «Письм.», II, 20. Ювен., 12, 98 слл.—[7]) Март., XI, 83.—[8]) Ювен., 3, 221.—[9]) Горац., «Сат.», II. 5, 27 слл.—[10]) Тац., «Анн.», XIII, 52.—[11]) Горац., «Сат.», II, 5, 74.

рыхъ привлекала надежда на его наслѣдство [1]). Какую бы ложь ни сказалъ одинъ изъ такихъ богачей, его выслушивали съ видомъ довѣрія; во время игры въ кости они всегда выигрывали; всѣ желанія ихъ предупреждались, а къ слабостямъ относились очень снисходительно [2]). Женщины охотно исполняли ихъ просьбы [3]). Атріи ихъ ежедневно наполнялись толпою знатныхъ посѣтителей. Среди услугъ, которыхъ патронъ требуетъ отъ своего кліента, Мартіалъ разъ называетъ и обязанность посѣщать вмѣстѣ съ нимъ около десяти старухъ ежедневно [4]). „Раннимъ утромъ,—говоритъ Ювеналъ,—можно увидѣть претора, который торопитъ идущаго передъ нимъ ликтора: куда это онъ такъ спѣшитъ?—Онъ боится, какъ бы его у госпожи Модіи или Альбины не опередилъ коллега“ [5]). Было очень нелегко превзойти всѣхъ соперниковъ и удовлетворить всѣ требованія избалованныхъ богачей, но еще труднѣе было придать своей неустанной услужливости видъ безкорыстной дружбы. Для этого дѣлали видъ, что заботятся о продленіи ихъ жизни; бездѣтнымъ желали кровныхъ наслѣдниковъ [6]), имъ завѣщались состоянія въ надеждѣ, что и они поступятъ такъ же. Подобныя „завѣщанія“, вызванныя корыстными надеждами, были, должно-быть, частымъ явленіемъ, такъ какъ закономъ они были нѣсколько разъ объявлены недѣйствительными [7]). Случалось, что искатели наслѣдствъ умирали раньше стариковъ, которымъ они завѣщали свое состояніе, и послѣдніе становились ихъ наслѣдниками [8]). Нѣкоторые прекращали вдругъ свои обычныя присылки послѣ того, какъ (ознакомившись съ завѣщаніемъ) узнавали, что цѣль ихъ уже достигнута; этимъ самымъ,—говоритъ Мартіалъ,—они подвергались опасности, что пойманный ими кабанъ вырвется опять изъ клѣтки, если его станутъ недостаточно кормить [9]).

Люди, посвящавшіе себя этому позорному и унизительному услуженію, никогда не могли быть увѣрены въ успѣхѣ, такъ какъ тѣ лица, на наслѣдство которыхъ они разсчитывали, еще чаще перехитряли ихъ, чѣмъ переживали. Они, какъ уже было сказано, старались поддерживать надежды этихъ претендентовъ, но не осуществляли ихъ; они рады были использовать ихъ готовность къ жертвамъ, но ничѣмъ ихъ за это не вознаграждали. Они постоянно ссылались на свои завѣщанія [10]), которыя они составляли разъ тридцать въ годъ, чтобы довести ихъ до крайняго напряженія [11]). Они притворялись больными и слабыми [12]), они покашливали [13]), и Плиній разсказываетъ, что Юлій Виндексъ, великодушно предпринявшій освобожденіе Рима отъ тираніи Нерона, не побрезгалъ придать себѣ искусственную блѣдность лица при помощи какого-то лекарства, чтобы привлечь къ себѣ лицъ, жаждущихъ наслѣдства [14]). „Тонгилій,—говоритъ Мартіалъ,—страдаетъ уже полуторадневной лихорадкой, но я знаю его хитрость: у него только голодъ и жажда: своей притворной болѣзнью онъ разставляетъ сѣти для жирныхъ дроздовъ,

---

1) Aelian. ed. Hercher, II, 227, fr. 83.—2) Март., XII, 40.—3) Горац., «Сат.», II, 5, 75. Петрон., гл. 140.—4) Март., IX, 100, 4.—5) Ювен., 3, 128 слл.—6) Мартіалъ, XI, 55.—7) «Digg.», XXX, 64 (66, V, 63 слл.). Gaius (libro XV ad edictum provinciale). Ср. Mühlenbruch, «Lehrb. d. Pandektenrechts», 4 изд., III, § 649. Bynkershoeck, «De captatoriis institutionibus» («Opp.», I, стр. 359 слл.)—8) Лукіанъ, «Діал. мертв.», 6, 4 и 8, ср. «Тимонъ», 22.—9) Мартіалъ, IX, 88.—10) Март., XI, 67. XII, 73.—11) Март., V, 39.—12) Сенека, «Brev. vit.», 7, 3.—13) Март., II, 26.—14) Плин., «N. h.», XX, 160, сравни примѣч. Sillig'a.

щукъ, краснорыбицъ и разсчитываетъ на присылку стараго благороднаго фалернскаго и цекубскаго вина" [1]). Мастеру въ этомъ дѣлѣ порою удавалось пользоваться всѣми преимуществами бездѣтныхъ богачей, не будучи богатымъ. Огромныя помѣстья въ Африкѣ, торговыя суда, находящіяся на обратномъ пути изъ Карѳагена, сонмъ рабовъ и все другое, чѣмъ онъ хвастался, было ничѣмъ инымъ, какъ обманомъ [2]). Многіе одобряли этотъ обманъ обманщиковъ [3]). Но, съ другой стороны, каждый, не желавшій навлечь на себя подозрѣнія въ домогательствѣ наслѣдствъ, обязанъ былъ соблюдать крайнюю сдержанность по отношенію къ бездѣтнымъ богачамъ: сдѣлать имъ подарокъ Плиній Младшій считалъ неприличнымъ [4]).

Что касается размѣровъ этого явленія, то отзывы писателей разныхъ періодовъ этого времени въ этомъ отношеніи совпадаютъ; они звучатъ порою совсѣмъ неправоподобно, но соотвѣтствіемъ своимъ вполнѣ подтверждаютъ другъ друга. Во всей литературѣ этого періода только разъ встрѣчается отрицательное отношеніе къ бездѣтности, а именно въ поздравительномъ стихотвореніи Статія, обращенномъ къ всаднику Вибію Максиму по поводу рожденія у него сына: „бездѣтность, которую враждебный наслѣдникъ осаждаетъ своими желаніями, которая безъ слезъ опускается въ могилу" и т. д. [5]). При чтеніи въ высшей степени многочисленныхъ описаній выгодъ бездѣтности, надо помнить, что и они, какъ вообще все то, что писалось въ то время, не лишены отчасти безсознательнаго риторическаго преувеличенія. „Въ этомъ городѣ,— писалъ въ эпоху Нерона Петроній (который переноситъ римскую жизнь и нравы въ Кротонъ),—не занимаются ни наукой, ни краснорѣчіемъ, въ немъ не процвѣтаютъ ни честность, ни чистота нравовъ;—всѣ люди, которыхъ вы увидите, кто бы они ни были, распадаются на двѣ партіи: либо они сами удятъ, либо позволяютъ другимъ выуживать себя. Въ этомъ городѣ никто не признаетъ дѣтей; у кого есть законные наслѣдники, того не приглашаютъ на пиры, не пускаютъ на празднества,—онъ лишенъ всѣхъ преимуществъ и ведетъ безвѣстную жизнь среди людей, покрытыхъ позоромъ. Тѣ же, кто никогда не вступалъ въ бракъ и у кого нѣтъ близкихъ родственниковъ, пользуются высшимъ почетомъ и считаются единственными превосходными людьми, за которыми нѣтъ ни одной вины. Вы увидите городъ, похожій на зачумленное мѣсто, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ труповъ и терзающихъ ихъ вороновъ" [6]). Разсказъ обрывается на томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о завѣщаніи, по которому наслѣдники получатъ свою часть только послѣ того, какъ они разрѣжутъ на куски трупъ завѣщателя и всенародно съѣдятъ ихъ. Сохранился также отрывокъ рѣчи, гдѣ подобное условіе выставляется не вполнѣ невыполнимымъ. Надо только закрыть глаза и представить себѣ, что глотаешь не человѣческое мясо, а 10 милліоновъ. Жителямъ осажденныхъ городовъ нерѣдко приходилось дѣлать это же самое, хотя ихъ и не ожидало впереди наслѣдство и т. д. [7]). Но не надо думать, что это описаніе Петронія, хотя оно и напоминаетъ собою каррикатуру, является только плодомъ воображенія: объ этомъ свидѣтельствуютъ раздававшіяся въ это же время (63 г.) въ сенатѣ жалобы на фиктивныя усыновленія, съ помощью которыхъ без-

[1]) Март., II, 40.—[2]) Петрон., гл. 117.—[3]) Плин., «Письм.», VIII, 18.—[4]) Тамъ же, V, 1.—[5]) Стат., «Сильв.», IV, 7, 33.—[6]) Петрон., гл. 116.—[7]) Петрон., гл. 141.

дѣтныя лица добивались преимуществъ отцовъ семействъ: „у бездѣтныхъ и безъ того много привилегій, такъ какъ при величайшей беззаботности ихъ жизни они пользуются еще общимъ почетомъ и благосклонностью“ [1]). Болѣе того, Сенека, который съ большой горечью отзывается о погонѣ за наслѣдствами [2]) (хотя враги упрекали его въ томъ же) [3]), могъ обратиться въ соболѣзнующемъ письмѣ со слѣдующими словами къ матери, потерявшей своего единственнаго, многообѣщающаго сына: „Очень невѣроятно звучащимъ, но зато правдивымъ утѣшеніемъ является то, что въ нашемъ городѣ осиротѣніе даетъ больше, чѣмъ было потеряно, а одиночество, хотя и лишаетъ старость ея опоры, но все же съ такой несомнѣнностью ведетъ ее къ могуществу, что многіе притворяются враждебно настроенными противъ своихъ сыновей и искусственнымъ путемъ достигаютъ осиротѣнія“ [4]). Плиній Старшій тоже называетъ погоню за наслѣдствами самымъ доходнымъ занятіемъ; судя и по его словамъ, бездѣтность пользовалась уваженіемъ и большимъ почетомъ [5]). По словамъ Тацита, она имѣла и въ хорошія и въ дурныя времена одинаковую силу [6]); чтобы доказать неиспорченность нравовъ въ Германіи, онъ не преминулъ упомянуть и то, что бездѣтность тамъ не влечетъ за собою преимуществъ [7]). Плиній Младшій приводитъ, какъ примѣръ истинной гражданственности, одного своего друга, у котораго было много дѣтей и который сталъ даже дѣдомъ, „въ то время, когда для большинства даже одинъ сынъ былъ въ тягость, въ виду тѣхъ преимуществъ, которыми пользовались бездѣтные“ [8]). Бездѣтные получали приглашенія отъ богачей, сильные міра сего льстили имъ, ораторы даромъ предоставляли имъ свои услуги; но если случалось, что у нихъ рождался сынъ, то они сразу теряли и друзей, и вліятельность (Плутархъ) [9]). Въ одномъ стихотвореніи, написанномъ въ эпоху Адріана, Ювеналъ высказываетъ свою большую радость по поводу спасенія друга отъ опасности на морѣ и заказываетъ благодарственную жертву: это,— прибавляетъ онъ,—можетъ показаться подозрительнымъ, онъ спѣшитъ поэтому прибавить, что у спасеннаго трое дѣтей, и что онъ, значитъ, является человѣкомъ, изъ-за котораго не каждый принесъ бы въ жертву даже курицу или ворону [10]). Въ эпоху Марка Аврелія погоня за наслѣдствами тоже была одной изъ темныхъ сторонъ нравственнаго быта Рима, которая иностранцамъ сразу бросалась въ глаза [11]). Въ эпоху Севера Тертулліанъ причисляетъ къ видамъ терпѣнія, которому дьяволъ научилъ язычниковъ (чтобы такимъ образомъ потягаться съ христіанскимъ терпѣніемъ), и тотъ случай, когда люди, желая „съ лживымъ видомъ дружбы вовлечь въ сѣти бездѣтныхъ, переносятъ всѣ тягости вынужденной услужливости“ [12]). И въ этихъ отношеніяхъ едва ли произошла какая-нибудь перемѣна до послѣдняго времени [13]).

Хотя подобное скопленіе тожественныхъ свидѣтельствъ и утомительно,

---

[1]) Тац., «Анн.», XV, 19.—[2]) Напр. «Письм.», 19, 4. 68, 4. 95, 44. «Beneff.», IV, 20, 3. VI, 38, 3.—[3]) Тац., «Анн.», XIII, 42.—[4]) Seneca, «ad Marc.», 19, 2.—[5]) Plin., «N. h.», XIV, 5.—[6]) Тац., «Анн.», I, 73.—[7]) Его же, «Герман.», гл. 20.—[8]) Plin., «Epp.», IV, 15.—[9]) Plutarch, «De amore prolis», гл. 4. Ср. Epictet., «Diss.», IV, 1, 148 (стр. 243, 5)—[10]) Juvenal, 12, 93 слл.—[11]) Lucian, «Nigrin.», 17. Ср. также «Adv. indoct.», 19; относительно распространенности погони за наслѣдствами въ Греціи, «Dial. mort.», 5—9.—[12]) Тертулл., «о терпѣн.», гл. 16.—[13]) Лактанг., «Instit.», V, 9. Амміанъ, XIV, 6. 22. XVIII, 4, 22. Амврос., «de offic.», III, 9.

но оно необходимо для выясненія того, до какой степени явленіе это бросалось въ глаза современникамъ, насколько оно характерно для общественныхъ нравовъ того времени и какой неожиданный свѣтъ бросаетъ оно на цѣнность и цѣли всѣхъ регламентированныхъ формъ вѣжливости.

Общественная жизнь того времени напоминаетъ собою современную итальянскую, въ виду царившаго тогда обычая собираться для бесѣдъ и даже для занятій въ публичныхъ мѣстахъ, такъ называемыхъ „станціяхъ“ [1]), площадяхъ и крытыхъ галлереяхъ [2]), въ баняхъ [3]), храмахъ [4]), библіотекахъ [5]), книжныхъ лавкахъ [6]); простой людъ собирался въ цырюльняхъ, аптекахъ [7]), и т. д. Разница только въ томъ, что въ древнемъ Римѣ обычай этотъ былъ развитъ въ гораздо большей степени, отчасти вслѣдствіе всего склада античной жизни, отчасти вслѣдствіе великолѣпія и большого количества общественныхъ учрежденій, входъ въ которыя никому не возбранялся. Въ поздніе часы дня, послѣ окончанія занятій, римляне встрѣчались въ публичныхъ мѣстахъ для совмѣстныхъ прогулокъ между живыми изгородями или въ тѣни лавровыхъ и платановыхъ аллей, или въ колоннадахъ, богато разукрашенныхъ статуями, картинами и дорогими коврами. Надписи указывали прогуливающимся на число сдѣланныхъ шаговъ, если колоннада была пройдена ими опредѣлённое число разъ взадъ и впередъ [8]). Безконечное количество людей занималось на зеленомъ лугу Марсова поля физическими упражненіями: бѣгали взапуски, ѣздили верхомъ, бросали мячъ и обручи, состязались въ борьбѣ и стрѣльбѣ, плавали въ желтыхъ волнахъ протекавшаго тутъ же Тибра, а зрители возгласами вознаграждали за ловкость и силу [9]). Обычай ежедневно купаться объединялъ передъ самымъ обѣдомъ тысячи людей въ высокихъ, просторныхъ, сіявшихъ царской роскошью залахъ и галлереяхъ термъ. Само собою разумѣется, что общіе разговоры велись и при встрѣчахъ на представленіяхъ. Въ вышеназванныхъ мѣстахъ бесѣды эти происходили въ кругу (circuli) знакомыхъ, въ большинствѣ случаевъ регулярно для этого собиравшихся. Марціалъ, напримѣръ, упоминаетъ мѣсто собраній поэтовъ (schola poetarum) [10]) и портикъ храма Квирина, гдѣ говорили о его стихотвореніяхъ, развѣ только тогда, когда уставали бесѣдовать и биться объ закладъ по поводу цирка. Болѣе празднаго общества, чѣмъ это, нельзя было найти даже въ колоннадахъ Помпея, Европы и Аргонавтовъ [11]). Въ такихъ кругахъ бесѣда шла о событіяхъ дня и о литературныхъ новостяхъ. Если Цезію Сабину нравились стихотворенія Марціала, то ему нечего было бояться за нихъ, такъ какъ это значило, что „они будутъ звучать на пирахъ, форумахъ, въ храмахъ, на площадяхъ, въ портикахъ, тавернахъ, и что присланная книга будетъ, навѣрно, всѣми прочитана“ [12]). Аоиней разсказываетъ, что

---

[1]) Плин., «Письм.», I, 13, 2. II, 9, 5. Ювен., 11, 4.—[2]) Март., VII, 97, 11.—[3]) Аѳин., I, стр. 1 E; ср. Геллій, III, 1, 1.—[4]) Плин., «Письм.», V, 1.—[5]) Марціалъ, XII prooem. Preller, «Reg. d. st. Rom.», стр. 219.—[6]) Геллій, V, 4, 1. XIII, 31, 1. XVIII, 4, 1, Аѳин., I, стр. 1 E.—[7]) Rein у Pauly, «Realenc.», VI, 2029 и Heindorf къ Горац., «Сат.», I, 7, 3. Клим. Алекс., «Paedag.», III, 11, 75, стр. 297 Pott. Іеронимъ, «Epp.», 50, 5. Марціалъ, V, 44. XI, 77.—[8]) De Rossi, «Not. de Scavi», 1888, стр. 712. Ср. также стр. 9, 2.—[9]) Becker, «Topogr.», стр. 631, и Страбонъ, V, стр. 236. Горац., «Од.», I, 8, 3. III, 12, 8. «Ars Poet.», 379. Ovid., «Ars am.», III, 383. «Carm. in Pison.», 165 слл. Марціалъ, II, 14, 4.—[10]) Март., III, 20. IV, 61.—[11]) Март., XI, 1. Ср. Becker, «Topogr.», стр. 572.—[12]) Март., VII, 97.

знаменитый юристъ Ульпіанъ получилъ за тѣ ученые вопросы, съ которыми онъ обращался ежечасно ко всѣмъ на улицахъ, въ мѣстахъ для прогулокъ, книжныхъ лавкахъ и термахъ, особую кличку, которая была болѣе извѣстна, чѣмъ его настоящее имя [1]). „Если бы возможно было наслаждаться жизнью по своему усмотрѣнію,—говоритъ Мартіалъ,—то мѣстомъ своего пребыванія онъ избралъ бы Марсово поле съ его портиками и тѣнью его рощъ, мѣстомъ купанія—прохладную aqua Virgo (водопроводъ, образующій теперь фонтанъ Trevi) и термы, а занятіемъ—прогулки, бесѣды и чтеніе“ [2]).

Кромѣ пировъ, другія собранія званыхъ гостей не упоминаются, къ тому же они могли происходить только въ исключительныхъ случаяхъ, такъ какъ пиры занимали уже всѣ поздніе, свободные отъ занятій часы дня и вечера и продолжались иногда до ночи [3]). Обычай требовалъ, чтобы гостямъ во время пира былъ предоставленъ возможно богатый выборъ развлеченій и увеселеній, которыя, въ зависимости отъ вкуса, наклонностей и степени образованности хозяина, носили очень разнообразный характеръ. Что касается грубыхъ увеселеній, которыми развлекались богатые вольноотпущенники, непристойностей и забавъ, дѣлавшихъ ихъ пиры посмѣшищемъ для болѣе тонкаго общества, то они описаны у Петронія и, должно-быть, безъ большихъ преувеличеній. Его пиръ Трималхіона происходитъ, правда, не въ Римѣ, но само собою очевидно, что въ этихъ кругахъ и здѣсь и тамъ господствовали одни и тѣ же нравы. У Плутарха мы, съ другой стороны, находимъ подробныя указанія на то, какія изъ обычныхъ разговорныхъ темъ являются самыми подходящими для гостей образованныхъ и отличающихся благороднымъ вкусомъ [4]). Діалогъ, въ которомъ на это указывается, происходитъ, правда, въ Херонеѣ, но въ виду того, что онъ посвященъ римскому другу, консуляру Соссію Сенеціону, можно предположить, что здѣсь имѣются въ виду римскіе или, по крайней мѣрѣ, общіе Риму и Греціи нравы. Плутархъ упоминаетъ еще нѣчто необычайное, а именно—появившіяся въ то время въ Римѣ, но еще мало распространенныя представленія платоновскихъ діалоговъ и „состязанія скульпторовъ“, которые, должно-быть, на глазахъ у гостей старались превзойти другъ друга въ моделлированіи фигуръ и фигурокъ (можетъ быть, подарковъ къ Сатурналіямъ) изъ мягкихъ массъ, какъ воскъ, глина, гипсъ и т. п. [5]). Развлеченія образованнаго общества были очень разнообразны. Во время распущенныхъ пиршествъ пышныя андалузянки танцовали свои знаменитыя пляски въ тактъ кастаньетамъ и флейтамъ, подъ звуки непристойныхъ пѣсенъ; фокусники и шуты сквернословили [6]); дѣти (выписанныя изъ Александріи и спеціально этому обученныя) развлекали гостей своими наивными и дерзкими замѣчаніями и отвѣтами [7]); мимы разыгрывали сцены, видѣть которыя было бы неприлично даже рабамъ почтенныхъ господъ. Въ домахъ, гдѣ болѣе соблюдались приличія, танцовали пантомимы и разыгрывались сцены изъ комедій и трагедій, особенно изъ новой комедіи.

---

1) Аѳин., I, стр. 1 E.—2) Март., V, 20, 8.—3) Плин., «Письм.», V, 6, 27. Квинтил., XII, 10, 74. Апул., «Метам.», II, стр. 120. Ювен., 11, 4, Март., VII, 97. Квинтил., VI, 3, 105. Ливій, XLIV, 22. Циц., «р. за Бальба», гл. 26. Циц., «Письм. къ Атт.», II, 18, 1. Тац., «Анн.», III, 54.—4) Плутархъ, «Quaest. conviv.», VII, 8, 4.—5) Плут., ук. соч. 1, 2, 4, 2.—6) Jahn, «Proll. ad Pers.», стр. LXXXIV слл. Плин., «Письм.», IX, 17. Аѳиней, XI, p. 464 E. XIV, 613 D.—7) Marquardt, «Privatleb.», 2 изд., I, 152 слл.

Плутархъ говоритъ, что если во время пира кинаредъ друга плохо поетъ или комикъ, купленный за дорогую цѣну, искажаетъ Менандра, не слѣдуетъ присоединяться къ похваламъ и аплодисментамъ остальныхъ гостей [1]). Самымъ обычнымъ явленіемъ были чтенія и музыкальныя развлеченія всѣхъ видовъ, хоры и сольныя пѣсни, игра на лирѣ и на флейтѣ: все это порою докучало гостямъ; лучшимъ пиромъ, по словамъ Мартіала, является тотъ, который не сопровождается шумной музыкой [2]). Но безъ музыки, декламаціи и чтенія рѣдко обходились даже простые и скромные обѣды [3]); чаще всего рецитировались поэмы Гомера и Вергилія. Спеціальнымъ занятіемъ нѣкоторыхъ людей была декламація во время обѣдовъ и развлеченія гостей шутками и анекдотами [4]). Нѣкій Тиберій Клавдій Тиберинъ, императорскій вольноотпущенникъ, хвалится въ составленной имъ самимъ надгробной надписи тѣмъ, что пиры, на которыхъ онъ присутствовалъ, отличались, благодаря ему, особой веселостью, что шутки его заставляли гостей забывать о снѣ, что онъ умѣлъ также декламировать произведенія поэтовъ, особенно эпиковъ, чѣмъ онъ занимался, главнымъ образомъ, на форумѣ Августа [5]). Относительно того, являлись ли во время пировъ драматическія представленія гомеровскихъ сценъ такъ называемыми „гомеристами“ [6]), которые говорили, конечно, стихами поэта, явленіемъ частымъ, мы ничего опредѣленнаго сказать не можемъ; очень возможно, что это было такъ [7]). Нерѣдко также случалось, что хозяинъ дома читалъ свои собственныя сочиненія и стихи [8]).

После обѣда развлекались азартными играми, главнымъ образомъ, въ кости, причемъ игры эти носили не всегда невинный характеръ [9]). Порочная страсть къ игрѣ со всѣми ея печальными послѣдствіями была явленіемъ нерѣдкимъ [10]). „Очень многіе,—говоритъ Галенъ,—посвящаютъ во время пировъ столько же времени игрѣ въ кости и въ шашки, какъ серьезные люди благородной наукѣ, и во время этихъ игръ они такъ выносливы, что переносятъ, не замѣчая, сильный холодъ и жару, они готовы снести и голодъ и жажду, не спать ночей и вслѣдствіе этого начинаютъ болѣть“ [11]). Въ одной христіанской проповѣди доска, на которой играли въ кости, называется несомнѣнною сѣтью дьявола, насыщенною смертельнымъ ядомъ змѣи [12]). Еще Амвросій описываетъ игорныя собранія (allatorum conventicula), гдѣ раздаются возгласы зрителей и вопли проигрывающихъ въ то время, какъ цѣлыя состоянія переходятъ изъ рукъ въ руки, и больше всего выигрываютъ ростовщики. Признанные въ этихъ кругахъ законы свято соблюдались; здѣсь господствовали свои особые честь и позоръ, и приговоръ, произнесенный совѣтомъ игроковъ (aleonum consilium) былъ страшнѣе судебнаго приговора [13]). Августъ очень любилъ игру въ кости и игралъ еще въ старости не только во время сатурналій, но и по другимъ праздникамъ и буднямъ. Светоній сообщаетъ намъ одну записку его, посланную имъ своей дочери Юліи вмѣстѣ

---

[1]) Плутархъ, «De vitioso pudore», гл. 6.—[2]) Март., IX, 77, 5.—[3]) Плин., «Письм.». I, 15. IX, 17, 40. Март., V, 78. Ср. Глав. X, 2.—[4]) Ювен., 11, 179.—[5]) Meyer, «Anthol.», 1361.=C.I.L. VI, 2, 10097.—[6]) Аөин., XIV, 620 B. Странствующій гомеристъ съ цѣлымъ ящикомъ костюмовъ, Ахиллъ Тат., III, 20, 4, 6.—[7]) Петрон., гл. 59.—[8]) Becker-Göll, III, 373.—[9]) Hist. Aug. «L. Verus», 5, 7. [10]) Ювен., 1, 88, 8, 10, 14, 4.—[11]) Галенъ, XVI, 310.—[12]) «Lib. de aleatoribus», ed. Hilgenfeld, гл. 5., стр. 17.—[13]) Ambrosius, «De Tobia», гл. 11, 38.

съ 250 денарами: это была сумма, которою онъ одѣлилъ во время одного изъ пировъ каждаго изъ гостей передъ игрой въ кости или въ „четныя и нечетныя“ [1]). Клавдій тоже страстно любилъ игру въ кости и даже написалъ о ней цѣлую книгу [2]).

Разговоры, происходившіе „во время пировъ и собраній“, были не безразличны императору: тамъ вѣдь создавалось общественное мнѣніе. „Я очень хорошо знаю,—сказалъ Тиберій въ одной рѣчи въ сенатѣ въ 22 г.,—что во время пировъ и въ общественныхъ кругахъ жалуются на чрезмѣрную распространенность роскоши и требуютъ ограничительныхъ мѣръ“ [3]). Разговоры общества въ тогдашнемъ Римѣ по очень многимъ причинамъ носили совсѣмъ другой характеръ и имѣли совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было городѣ современной Европы: они замѣняли собою несуществовавшую тогда публицистику и распространяли массу свѣдѣній и новостей, такъ какъ другихъ средствъ къ этому не было. Въ виду отсутствія печати, письменное распространеніе мнѣній и фактовъ имѣло только второстепенное значеніе рядомъ съ устнымъ, значеніе, вліяніе и степень важности котораго были несравненно больше, чѣмъ въ настоящее время. „Въ Римѣ существовалъ,—говоритъ одинъ французскій писатель,—особый видъ гласности, который намъ съ нашими сѣверными, осѣдлыми и домашними привычками, вовсе незнакомъ; гласность, которая, несомнѣнно, теряла свою силу на разстояніи, медленно доходила до провинцій, но внутри города зато имѣла совсѣмъ необычайное значеніе. Очень возможно, что Римъ былъ изо дня въ день, изъ часа въ часъ болѣе освѣдомленъ въ своихъ дѣлахъ и настроеніяхъ, чѣмъ теперешній Парижъ. Устная газета вѣчнаго города не подвергалась дѣйствію штемпеля цензуры, полиціи, предостереженій и конфискацій“ [4]). Въ Римѣ существовала и писанная газета, но она была только правительственнымъ органомъ, и эта оффиціальная хроника событій дня (acta diurna) не содержала ничего относительно общественныхъ дѣлъ, кромѣ того, что правительство желало огласить; многаго въ немъ, слѣдовательно, совсѣмъ не было, многое было искажено, а истина появлялась въ очень сокращенномъ видѣ. Кромѣ того, въ немъ помѣщались еще придворныя извѣстія, семейныя сообщенія изъ высшихъ классовъ общества, городскія происшествія и т. п. [5]). Подавленное общественное мнѣніе выражалось отъ времени до времени, какъ и въ современномъ Римѣ, посредствомъ объявленій на колоннахъ и статуяхъ [6]), далѣе, въ оживленномъ откликѣ на намеки смѣлыхъ актеровъ на сценѣ [7]), иногда также посредствомъ криковъ и демонстрацій собравшагося на представленіе народа, даже въ присутствіи императора, который сносилъ здѣсь недопустимую въ другихъ мѣстахъ вольность [8]). Но эти жалкія, рѣдкія и происходящія украдкой манифестаціи не удовлетворяли потребности, скорѣе только разжигали ее. Такъ какъ гласность не допускалась именно

---

[1]) Светон., «Авг.», гл. 71.—[2]) Светон., «Клавд.», гл. 33.—[3]) Тац., «Анн.», III, 54.—[4]) Champagny, «Les Antonins», II, 193 сл.—[5]) Ср. расположенное въ хронологическомъ порядкѣ собраніе фрагментовъ у Huebner, «De senat. pop. q. R. actis», стр. 41—58. C. I. L. VI, 8674, 8695. J. Schmidt, «Addit. ad C. I. L. VIII», «Ephem. epigr.», V, стр. 522, № 1175, съ примѣчаніемъ Моммзена.—[6]) Sueton., «Caes.», гл. 80. «Aug.», гл. 70. «Tiber.», гл. 52. «Nero», гл. 45. Tertullian, «ad nation.», I, 17. «Schol. Juv.», 1, 109 (Valla).—[7]) Гл. VIII, 3.—[8]) Гл. VIII.

въ томъ мѣстѣ, куда безпрестанно стекались вѣсти со всего свѣта, гдѣ рѣшалась судьба міра, въ этомъ „словоохотливомъ, все истолковывающемъ городѣ предположенія, толки, комбинаціи и вымыслы выходили за предѣлы вѣроятнаго, а любопытство и фантазія находились въ постоянномъ напряженіи. И Тацитъ считалъ городскіе разговоры настолько важными, что многократно упоминалъ о нихъ въ своей исторіи этого времени. Такъ, онъ разсказываетъ, что въ 54 г., когда Риму предстояла война съ пареянами, многіе были озабочены, въ виду неопытности и несамостоятельности юнаго (17-тилѣтняго) императора Нерона, тогда какъ другіе возлагали свои надежды на его друзей и совѣтниковъ, Сенеку и Бурра [1]), далѣе—въ 70 г., что вѣсти объ отпаденіи германскихъ легіоновъ отъ Гальбы стали учащаться, и что „городское населеніе, въ минуту печали вообще склонное все принять и всему повѣрить, принудило сенатъ отослать посольство къ этимъ легіонамъ“ [2]). Когда въ томъ же году Вителлій назначилъ свое вступленіе въ исполненіе обязанностей верховнаго понтифика на 18 іюля, день пораженія при Кремерѣ и Алліи, весь городъ, „въ которомъ все истолковывается“, счелъ это за дурное предзнаменованіе [3]). Запретъ Вителлія говорить о военныхъ событіяхъ вызвалъ только усиленіе этихъ разговоровъ и распространеніе тревожныхъ толковъ; при наличности свободы слова истина стала бы извѣстна [4]). Марціалъ слѣдующимъ образомъ описываетъ распространителя новостей: онъ знаетъ что постановилъ царь Пакоръ въ своемъ дворцѣ въ Арсазидахъ, точно освѣдомленъ относительно численности войскъ на Рейнѣ и на Дунаѣ, онъ въ состояніи сообщить содержаніе нераспечатанной еще депеши изъ дакійской арміи и видитъ побѣдные лавры еще до ихъ появленія. Онъ знаетъ, сколько разъ въ году шли дожди въ Верхнемъ Египтѣ, сколько кораблей вышло изъ африканскихъ гаваней, кто изъ поэтовъ будетъ увѣнчанъ вѣнкомъ во время предстоящаго распредѣленія наградъ на Капитоліи. „Прибереги свое искусство,—такъ заканчивается стихотвореніе,—ты можешь пообѣдать сегодня у меня, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы ты мнѣ ничего не разсказывалъ“ [5]). Встрѣчались также женщины, которыя знали обо всемъ, происходящемъ на свѣтѣ, подхватывали послѣднія новости у воротъ или сами сочиняли ихъ, которыя первыя видѣли комету, угрожавшую (въ ноябрѣ 115 г. по Р. Хр.) пареянскому царю, и которыя могли поразсказать обо всѣхъ наводненіяхъ и землетрясеніяхъ на дальнемъ Востокѣ [6]).

Распространеніе подобныхъ новостей не возбранялось, но зато каждый разговоръ, хотя бы слегка касавшійся внутренней или внѣшней политики правительства, могъ, въ виду безграничнаго деспотизма и непосредственной близости императорскаго двора, оставаться въ очень скромныхъ предѣлахъ. Марціалъ говоритъ въ одномъ стихотвореніи, въ которомъ онъ приглашаетъ шестерыхъ друзей на простой обѣдъ, что на этомъ пиру не должна проявляться откровенность, въ которой пришлось бы раскаяться на слѣдующій день: „мои гости могутъ бесѣдовать о партіи голубыхъ и зеленыхъ въ циркѣ, мои кубки никого не должны привести на скамью подсудимыхъ“ [7]). Это

---

[1]) Тац., «Анн.», XIII, 6. — [2]) Тац., «Ист.», I, 19. — [3]) Тац., «Ист.», II, 91. — [4]) Тац., «Ист.», III, 54. — [5]) Марціалъ, IX, 35. — [6]) Ювен., 6, 402 слл. Ср. мое изд. Ювенала, стр. 87 и выше стр. 15, 3. — [7]) Марціалъ, X, 48.

стихотвореніе помѣщено въ книгѣ, появившейся уже при Траянѣ, и служитъ, такимъ образомъ, доказательствомъ, что даже въ одно изъ лучшихъ правленій никто не могъ чувствовать себя вполнѣ свободнымъ. „Счастливая возможность думать, что хочешь, и говорить, что думаешь“ [1]), въ императорскомъ Римѣ, вѣроятно, никогда вполнѣ не осуществлялось. По всему этому можно представить себѣ, какое томительное уныніе царило въ Римѣ въ ужаснѣйшія эпохи императорскаго террора, когда не только слово, безпечно брошенное въ минуту дружеской бесѣды или нечаянно вырвавшееся во время веселой пирушки, служило уликой [2]), но когда обреченныхъ на погибель окружали шпіонами, которые отмѣчали каждый ихъ взглядъ, вздохъ и сказанное шепотомъ слово [3]), когда искуснымъ образомъ выпытывали ихъ образъ мыслей, чтобы заставить ихъ потомъ поплатиться смертью за неосторожную довѣрчивость. Встрѣчаясь другъ съ другомъ, люди боялись говорить, боялись слушать, такъ какъ всюду находились соглядатаи и подслушивающіе; „даже самую память,—это слова Тацита,—мы потеряли бы вмѣстѣ съ способностью рѣчи, если бы забвеніе было настолько же въ нашей власти, какъ и молчаніе“ [4]). Въ своемъ описаніи процессовъ по оскорбленію величества, которые красной нитью тянутся черезъ всю внутреннюю исторію того времени, Тацитъ клеймитъ только высокопоставленныхъ, дѣйствующихъ на виду у всѣхъ доносчиковъ, которые занимались своимъ позорнымъ дѣломъ въ надеждѣ на милость, повышеніе и другія выгоды; но онъ не унизился до описанія злополучной дѣятельности работающихъ во мракѣ сыщиковъ и соглядатаевъ, получающихъ за это вознагражденіе.

Что касается размѣровъ, въ какихъ была организована тайная полиція, то здѣсь мы должны удовольствоваться случайными намеками. Очень возможно, что это учрежденіе, какъ и нѣкоторыя другія въ эпоху имперіи, было устроено по образцу тайной полиціи персидскаго государства [5]). Меценатъ, у Діона, совѣтовалъ Августу въ томъ случаѣ, если бы оказалось необходимымъ имѣть сыщиковъ во всемъ государствѣ для того, чтобы знать, какія надо принять мѣры и гдѣ что исправить, все же не слишкомъ довѣрять доносамъ этихъ людей, которые часто дѣлаютъ ихъ безъ всякихъ основаній и по самымъ позорнымъ побужденіямъ [6]). Этотъ же историкъ приписываетъ подобное предостереженіе и Ливіи [7]). „Шпіоны,—говорится тамъ,—изъ ненависти доносятъ иногда на невинныхъ, будучи подкупленными ихъ врагами, или же вслѣдствіе того, что имъ не удалось получить вымогательствомъ денегъ отъ нихъ самихъ. Они доносятъ не только о тѣхъ проступкахъ, которые кто-нибудь совершилъ или собирался совершить, но и о томъ, кто что сказалъ, кто промолчалъ или заплакалъ, или засмѣялся“. Когда Клавдію, въ качествѣ цензора приходилось дѣлать выговоры, то онъ съ помощью своихъ сыщиковъ собиралъ точныя свѣдѣнія относительно личныхъ и семейныхъ обстоятельствъ (по всей вѣроятности, двухъ первыхъ сословій цѣликомъ); но доставляемыя ими свѣдѣнія не всегда бывали правильны. Случалось, что лица, которыхъ Клавдій упрекалъ въ безбрачіи, бездѣтности или бѣдности, дока-

---

[1]) Тац., «Ист.», I, 1.—[2]) Сенека, «Beneff.», III, 26.—[3]) Тац., «Анн.», VI, 24.—[4]) Тац., «Агрик.», 2.—[5]) Duncker, «Gesch. d. Altert.», 4 изд., IV, 542 (уши царя)—[6]) Діонъ, LII, 37.—[7]) Діонъ, LV, 18.

зывали, что они женаты, имѣютъ дѣтей и богаты. Кто-то, уличенный въ покушеніи на самоубійство, снялъ съ себя одежды и доказалъ, что онъ невредимъ [1]). Неронъ пользовался домами терпимости и ихъ обитательницами, чтобы вывѣдать о бывающихъ тамъ лицахъ, и этотъ родъ шпіонства, какъ говоритъ Плиній на своемъ высокопарномъ языкѣ, былъ еще губительнѣе, чѣмъ его заклинанія мертвыхъ, такъ какъ онъ самымъ жестокимъ образомъ наполнялъ городъ привидѣніями (казненныхъ вслѣдствіе доноса) [2]). Солдаты въ гражданскомъ платьѣ въ качествѣ тайной полиціи упоминаются впервые при Отонѣ въ 69 г., когда они должны были выслѣживать все, что происходило въ домахъ аристократіи и другихъ болѣе или менѣе выдающихся лицъ, наполняя ихъ боязнью и смятеніемъ [3]). „Вслѣдствіе своей необдуманной довѣрчивости,—говоритъ Эпиктетъ у Арріана,—люди неосторожные въ Римѣ попадаютъ въ сѣти солдатъ. Солдатъ въ гражданскомъ платьѣ усаживается рядомъ съ тобой и начинаетъ бранить императора; ты же, какъ-будто онъ, первый начавъ оскорбительныя рѣчи, далъ тебѣ этимъ ручательство въ своей надежности, тоже начинаешь высказывать свое мнѣніе: тогда на тебя надѣваютъ цѣпи и уводятъ въ тюрьму“ [4]). Это было написано, по всей вѣроятности, въ эпоху Адріана, который употреблялъ отдѣльный отрядъ войска, а именно фрументаріевъ, въ полицейскихъ цѣляхъ, особенно же пользовался ими въ самыхъ широкихъ размѣрахъ какъ тайной полиціей [5]); какъ таковою ими пользовались и впослѣдствіи [6]). Было уже сказано, что онъ держалъ шпіоновъ даже въ домахъ своихъ друзей [7]). Нигдѣ, конечно, тайная полиція не была такъ многочисленна и такъ дѣятельна, какъ въ столицѣ. Въ романѣ Филострата, Тигеллинъ велитъ слѣдить „всѣми глазами, которыми располагаетъ правительство, за Аполлоніемъ Тіанскимъ, за его рѣчью и молчаніемъ, за тѣмъ, какъ онъ стоитъ и сидитъ, что онъ ѣстъ, отъ кого получаетъ пищу и приноситъ ли жертвы или нѣтъ“ [8]). Самъ Аполлоній въ этомъ романѣ называетъ Римъ городомъ, состоящимъ только изъ глазъ и ушей для всего, что существуетъ и чего на дѣлѣ нѣтъ; только тотъ, кто стремится къ смерти, осмѣлится въ немъ подумать о нововведеніяхъ въ государствѣ; люди осторожные и разумные очень сдержанны даже относительно позволеннаго [9]). Лукіанъ говоритъ въ своемъ сочиненіи, направленномъ противъ необразованнаго богача, который надѣялся посредствомъ покупки большой библіотеки возвыситься въ глазахъ императора Марка Аврелія, что онъ тщетно надѣется обмануть его: неужели же ему неизвѣстно, что у императора много глазъ и ушей? [10]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что наблюденію со стороны полиціи подвергались, главнымъ образомъ, высшія сословія. Солдаты, которыхъ Каракалла употреблялъ съ этой цѣлью, были отвѣтственны только передъ нимъ, кромѣ него, никто не смѣлъ подвергать ихъ наказанію; результатомъ этого явилось то, что лица, сообщавшія ему все до мельчайшихъ подробностей, стали своего рода деспотами надъ сенаторами [11]). Въ одной рѣчи, написан-

---

1) Светон., «Клавд.», гл. 18.—2) Плин., «N. h.», XXX, 15.—3) Hirschfeld, «Die Sicherheitspolizei im röm. Kaiserreich» [«Sitz.-Ber. der Berliner Akad.», XXXIX, (1891)].—4) Epictet., «Diss.», IV, 13, 5.—5) Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., II, 493.—6) Кромѣ ссылокъ, приведенныхъ у Marquardt'a, еще Діонъ, LXXVII, 17.—7) Стр. 79, 8.—8) Philostrat., «Vit. Apollon. Tyan.», IV, 185, ed. Kayser, стр. 84, 7.—9) Тамъ же, VIII, 348, ed. K., стр. 162, 12.—10) Lucian., «Adv. ind.», 22.—11) Діонъ, LXXVII, 17.

ной при его преемникѣ, Опелліи Макринѣ (осенью или зимою 217—218 г.), и приписываемой Аристиду, говорится что все государство находилось въ подавленномъ настроеніи и въ вѣчномъ страхѣ, такъ какъ по всѣмъ городамъ расхаживали шпіоны и подслушивали все, что бы ни говорилось; не было возможности свободно мыслить и говорить, такъ какъ разумное и справедливое чистосердечіе было уничтожено, каждый дрожалъ передъ собственной тѣнью. Новый императоръ освободилъ души всѣхъ отъ этого страха и вполнѣ вернулъ имъ свободу [1]). Біографъ Александра Севера восхваляетъ его за то, что онъ поручалъ наводить обо всѣхъ справки людямъ надежнымъ, о которыхъ никто не зналъ, что они занимаются этимъ дѣломъ; онъ говорилъ, что надежда на добычу можетъ испортить всѣхъ [2]). Въ IV в., вслѣдствіе реорганизаціи тайной полиціи, разсѣянной по всему государству, агенты ея, имѣвшіе въ виду только свои корыстныя цѣли, стали, если можно вѣрить словамъ Либанія, систематическимъ образомъ и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ преслѣдовать и грабить невинныхъ и въ то же время умалчивать о дѣйствительныхъ преступленіяхъ (выдѣлкѣ фальшивой монеты). Его сравненіе шпіоновъ и доносчиковъ того времени съ собаками, подающими помощь волкамъ, какъ и вообще всѣ частыя и страстныя жалобы тогдашнихъ писателей, вполнѣ соотвѣтствуетъ положенію дѣлъ и въ предшествующіе вѣка. По существу своему это бѣдствіе, свирѣпствовавшее на подобіе чумы, во всѣ времена было однимъ и тѣмъ же, измѣнились только размѣры его, которые еще болѣе расширились [3]).

Въ эпоху болѣе мягкаго правленія, особенно во время правленія Антониновъ, дѣятельность и власть этихъ работающихъ подъ покровомъ тайны соглядатаевъ и шпіоновъ были ограничены, но само собою разумѣется, что свободные разговоры о дѣлахъ политики въ большихъ кругахъ, а тѣмъ болѣе въ публичныхъ мѣстахъ были въ императорскомъ Римѣ вообще немыслимы. Помимо страха передъ всюду сторожившими доносчиками, необходимо было быть крайне сдержаннымъ въ рѣчахъ; Тацитъ называетъ Римъ городомъ, въ которомъ все дѣлается извѣстнымъ и ничто не остается скрытымъ [4]). Опасныя тайны распространялись не всегда со злымъ умысломъ; навязчивость, любопытство и неосторожность были также причиной многихъ бѣдъ. Сенека объясняетъ, что причиной существующихъ въ Римѣ сплетенъ является потребность праздныхъ людей заполнить чѣмъ-нибудь свое время. „Отсюда-то,— говоритъ онъ,—и беретъ свое начало этотъ отвратительный порокъ—выслѣживаніе и подслушиваніе общественныхъ и негласныхъ дѣлъ и знаніе многихъ вещей, которыя неправильно воспринимаются и не точно передаются“ [5]). Чувствуется, что Сенека выражается очень осторожно, и въ его многочисленныхъ сочиненіяхъ это—единственное мѣсто, гдѣ онъ вообще касается этого предмета. Сплетнямъ этимъ содѣйствовали, главнымъ образомъ, широко распространенная кліентела и огромное количество прислуги въ богатыхъ домахъ. Кліентамъ приписывалась злосчастная болтливость [6]), а еще больше

---

[1]) Br. Keil, «Eine Kaiserrede» (Aristides, XXXV=IX, Dindorf.), «Nachrichten der Göttinger Gesellschaft der Wissenschaften», 1905 (28 Oktober), стр. 381—428.—[2]) «Alex. Sever.», гл. 23.—[3]) Ср. гл. обр. Liban. ed. R. I, стр. 567; сл. Ammian. XIV, 1, 6; Aurel. Victor, «Diocletian.», гл. 39. Gothofredus къ «C. Theod.», VI, 29, 1.—[4]) Тац., «Анн.», XI, 27.—[5]) Seneca, «De tranquill. an.», 12.—[6]) Martial, VII, 62, 4.

рабамъ, языкъ которыхъ былъ худшей ихъ частью. Разболтать тайну своего господина было для нихъ еще бо́льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ выпить краденное фалернское вино, и не было такого преступленія, въ которомъ они не обвиняли бы своего господина, чтобы отомстить ему за понесенное наказаніе. У богатаго человѣка не могло быть тайнъ. „Если молчать его рабы,— говоритъ Ювеналъ,—то говорятъ лошади и собаки, двери его дома и мраморъ его стѣнъ; пусть онъ запретъ окна, заткнетъ всѣ щели и погаситъ свѣтъ, пусть никто не будетъ спать въ его близости, и все-таки еще съ разсвѣта ближайшій кабатчикъ будетъ знать, что онъ дѣлалъ въ то время, когда пѣли вторые пѣтухи“ [1]). Марціалъ говоритъ, что одному кучеру платили 20000 сест. за то, что онъ былъ глухъ [2]).

Отсюда ясно, что вѣсти, касающіяся всевозможныхъ личныхъ дѣлъ, очень быстро распространялись въ ближайшихъ кругахъ и давали разговорамъ постоянно новое и интересное содержаніе. Страсть къ скандаламъ и злословію процвѣтала одновременно со сплетнями. Уже Цицеронъ говорилъ, что въ такомъ „злословящемъ городѣ“ почти невозможно избѣжать клеветы [3]), и это же самое повторяетъ почти 500 лѣтъ спустя святой Іеронимъ [4]). „Во время разговоровъ,—говоритъ онъ,—отсутствующихъ разрываютъ на куски, пересуживается образъ жизни другихъ, и въ то время, какъ мы злостно нападаемъ на нихъ, они въ свою очередь уничтожаютъ насъ“ [5]). Само собою разумѣется, что пересудамъ подвергались болѣе всего отношенія между мужчинами и женщинами, какого бы рода они ни были. Клевета, какъ говоритъ Проперцій, тяготѣетъ надъ красавицами, какъ бы въ искупленіе ихъ красоты [6]): онъ и другіе поэты того времени неоднократно жалуются на то злословіе, которымъ преслѣдовали влюбленныхъ. На улицахъ и площадяхъ разсказывалась ихъ исторія, за веселыми пирами они подвергались насмѣшкамъ гостей [7]). Въ стихотвореніи на бракъ Стеллы съ Віолентиллой Статій говоритъ, что городъ, наконецъ, увидѣлъ тѣ объятія, о которыхъ уже такъ много говорилось [8]). Женщины особенно усердно освѣдомлялись о мельчайшихъ подробностяхъ [9]). Но городскіе разговоры, конечно, не ограничивались этой областью. Сплетники знали, какому тайному пороку предается тотъ или этотъ, во сколько такому-то обходится его любовница, что такой-то продлилъ свой ужинъ до разсвѣта, что Титъ долженъ Лупу 700000 сест. [10]). Расточители со своей стороны ничего такъ страстно не желали, какъ того, чтобы говорилось объ ихъ роскоши [11]). Если случалось, что неожиданно умиралъ богачъ, не успѣвъ сдѣлать завѣщанія [12]), или что небогатый человѣкъ устраивалъ роскошный пиръ, то на всѣхъ пирахъ, въ термахъ, станціяхъ, театрахъ только и было рѣчи, что объ этомъ [13]). Плиній Младшій сообщаетъ одному другу о смерти и завѣщаніи богатаго Домитія Тулла, который, ко всеобщему удивленію, щедро одѣлилъ своихъ родственниковъ, а не тѣхъ, которые домогались его наслѣдства, и сообщаетъ о тѣхъ пересудахъ, которымъ подверглось его завѣщаніе; многіе говорили, что, обойдя тѣхъ, кто ждалъ его

---

[1]) Ювен., 9, 102—129. Ср. Март., II, 82.—[2]) Март., XI, 38.—[3])Циц., «Р. за Цел.», 16, 38.—[4]) Іерон., «Письм.», 127, 3.—[5]) Тамъ же, 43, 2.—[6]) Проп., II (III), 32, 26.—[7]) Проп., II, 20, 21, сл. III, 20, 28, 25, 1. Ovid., «Am.», III, 1, 17. Горац., Эпод.», II, 8.—[8]) Стат., «Сильв.», I, 2, 27—31.—[9]) Ювен., 6, 403, слл.—[10]) Март., VII, 10.—[11]) Сенека, «Письм.», 122, 4.—[12]) Ювен., 1, 145.—[13]) Ювен., 11, 1—5.

смерти, онъ обнаружилъ сообразную съ требованіями времени мудрость. Плиній заканчиваетъ слѣдующими словами: „Вотъ тебѣ весь городской разговоръ, такъ какъ городъ говоритъ только о Туллѣ“ [1]). Разговоръ велся также о дворцахъ и загородныхъ дачахъ, о чтеніи новой трагедіи, въ которой встрѣчались рискованныя мѣста [2]), или же критиковались танцы знаменитаго пантомима [3]). Главнымъ образомъ, представленія давали неисчерпаемый матеріалъ для разговоровъ. Общеизвѣстно, что императоры старались занять ими народъ и прилагали къ этому всѣ свои усилія, непомѣрные размѣры которыхъ были еще превзойдены размѣрами успѣха. Страсть къ сценѣ, аренѣ и цирку можно было сравнить съ эпидемическою болѣзнью, которая не пощадила и высшихъ классовъ. Одно написанное въ концѣ I в. сочиненіе заключаетъ въ себѣ жалобу на то, что страсть къ гладіаторамъ и скаковымъ лошадямъ до того наполняла всѣ умы, что для болѣе благороднаго образованія уже не оставалось мѣста [4]). Разговоры на эту тему, вмѣстѣ съ замѣчаніями относительно погоды (обычное вступленіе къ разговорамъ, къ „глупой болтовнѣ тѣхъ, кто нанизываетъ слова“) [5]), были общими мѣстами бесѣдъ даже образованнѣйшихъ людей [6]). Эпиктетъ совѣтуетъ вообще мало говорить, да и то только нужное: излишними онъ считаетъ разговоры объ играхъ гладіаторовъ, о бѣгахъ на колесницахъ, атлетахъ, кушаньяхъ и напиткахъ, которые служатъ общими разговорными темами; менѣе же всего говорить о личностяхъ, не хваля, не порицая и не сравнивая ихъ [7]). Перечень этотъ указываетъ намъ тѣ границы, въ предѣлахъ которыхъ, главнымъ образомъ, вращались всѣ тривіальные разговоры; нѣкоторые изъ нихъ упоминаются и у Марціала въ его извѣстномъ описаніи тогдашнихъ римскихъ щеголей. „Многіе говорятъ, что ты, Котилъ, свѣтскій человѣкъ; но что представляетъ собою свѣтскій человѣкъ? Это—человѣкъ, кудри котораго лежатъ въ искусномъ порядкѣ, который всегда надушенъ бальзамомъ и коричнымъ масломъ, напѣваетъ мелодіи александрійскихъ и испанскихъ танцевъ, двигаетъ своими гладкими руками на подобіе танцора, цѣлый день сидитъ между креслами женщинъ и постоянно шепчетъ кому-нибудь на ухо, пишетъ письмеца и читаетъ записки другихъ, остерегается толкнуть своего сосѣда локтемъ, знаетъ, въ какую дѣвушку кто влюбленъ, съ одного пира спѣшитъ на другой и знаетъ наизусть родословную благороднаго бѣгуна въ циркѣ. Что ты говоришь! Такъ вотъ что значитъ быть свѣтскимъ человѣкомъ? Если это такъ, Котилъ, то стать свѣтскимъ человѣкомъ—вещь очень сложная“ [8]).

Во время пира главной заботой хозяина было дать гостямъ возможность бесѣдовать о такихъ предметахъ, которые бы не только были имъ близки, но и пріятны. Плутархъ очень подробно распространяется объ искусствѣ давать съ помощью ловкихъ вопросовъ разговору желаемое направленіе, что онъ называетъ вообще основной частью науки объ обхожденіи [9]). Онъ приводитъ многочисленные примѣры соотвѣтствующихъ вопросовъ, напримѣръ: о похвально-занимаемой должности, объ аудіенціи у императора, объ успѣхахъ сыновей, занимающихся наукой, о радостныхъ событіяхъ въ

[1]) Плин., «Письм.», VIII, 18.—[2]) Тац., «Діал.», гл. 2.—[3]) Горац., «Сат.», 11, 6, 70.—[4]) Тац., «Діал. объ орат.», гл. 29.—[5]) Сенека, «Письма», 23, 1, 67, 1. Ср. Ювен., 4, 88 сл.—[6]) Горац., «Сат.», II, 6, 44; «Посл.», I, 18, 19.—[7]) Эпикт., «Man.», 33, 2. «Diss.», III, 16, 4.—[8]) Март., III, 63.—[9]) Плут., «Qu. conv.», II, 1, 1, 2.

жизни друзей, а еще лучше—о непріятностяхъ и униженіяхъ, которыя претерпѣлъ недругъ собесѣдника. Страстью разсказывать о своихъ приключеніяхъ страдали, по его словамъ, особенно люди, совершившіе дальнія морскія путешествія и бывшіе въ мало знакомыхъ странахъ. Эпиктетъ упоминаетъ о повторяющихся при всякомъ удобномъ случаѣ разсказахъ воина относительно его дѣяній въ Мэзіи: „я тебѣ уже разсказывалъ, братъ, какъ я поднялся на возвышеніе“ и т. д. [1]). Любитель охоты охотнѣе всего отвѣчалъ на вопросы, касавшіеся его собакъ, любитель гимнастики любилъ слушать про гимнастическія состязанія, человѣкъ набожный и соблюдающій всѣ обряды охотно разсказывалъ, какъ онъ съ помощью сновидѣній, жертвоприношеній и благодати боговъ благополучно совершилъ то или другое. Принимая все это во вниманіе, лучше всего можно доставить удовольствіе старымъ людямъ, давъ имъ возможность говорить каждому о своемъ [2]).

Умѣніе устроить веселый и оживленный пиръ высоко цѣнилось какъ въ древней Греціи, такъ и въ древнемъ Римѣ; извѣстные писатели сочли даже нужнымъ дать нѣсколько указаній въ этомъ отношеніи [3]). Въ противоположность роскошнымъ пирамъ богачей, происходившимъ въ залахъ, въ которыхъ помѣщалось 30 столовъ [4]) и могъ бы помѣститься цѣлый народъ [5]), гдѣ можно было среди 300 гостей остаться одинокимъ, не имѣя среди нихъ знакомыхъ [6]), Варронъ совѣтуетъ устраивать пиры, на которыхъ число гостей было бы не меньше числа грацій и не больше числа музъ [7]). При подборѣ гостей надо было руководствоваться тѣмъ, чтобы между ними былъ возможенъ общій разговоръ [8]). Нигдѣ задушевные разговоры не были такъ отрадны, какъ въ тѣсномъ кругу остроумныхъ и образованныхъ людей, собравшихся на пиръ. Цицеронъ находилъ, что римское слово „пиръ“—convivium (сожительство) болѣе удачно выбрано, чѣмъ греческое, которое обозначаетъ совмѣстную ѣду и питье, такъ какъ именно на пирахъ совмѣстная жизнь осуществляется особенно полно [9]). Наслажденіе, испытываемое на пиру, не давало сознавать того, что здѣсь получаешь свое общее образованіе [10]). На истинно-сердечную привязанность римляне рѣдко бывали способны. Фронтонъ говоритъ, что за всю свою жизнь въ Римѣ онъ совсѣмъ не нашелъ настоящей, близкой дружбы, для опредѣленія которой онъ долженъ употребить греческое слово philostorgia [11]), а ученикъ его, императоръ Маркъ Аврелій, причисляетъ къ тѣмъ истинамъ, которымъ онъ обязанъ ему, и ту, что знатные римляне одѣлены холодными сердцами (astergoteroi) [12]). Но, какъ современные итальянцы умѣютъ, при всей своей сдержанности, вступая въ болѣе близкія отношенія, невольно завоевывать себѣ сердца, что дѣлаетъ общество ихъ столь обаятельнымъ для иностранцевъ, такъ и древніе римляне отличались своей любезностью въ обхожденіи. Во время пировъ свободнѣе всего обнаруживалась своеобразная способность южанъ ловко и граціозно поддерживать разговоръ и разсказывать о чемъ бы то ни было съ

---

[1]) Epictet., «Diss.», I, 25, 15.—[2]) Plutarch., «Qu. conv.», II, 1, 3, 8.—[3]) Ср. Мартіала, IX, 77.—[4]) Plutarch., «Qu. conv.», V, 5, 2, 9.—[5]) Seneca, «Epp.», 115, 8.—[6]) Март., XI, 35.—[7]) Геллій, XIII, 11.—[8]) Plutarch., «Qu. conv.», I, 1, 5, 4.—[9]) Cic., «ad famil.», IX, 24, 3.—[10]) Март., XII prooem.—[11]) Fronto, «ad L. Ver. Aug.», 6, 11.—[12]) M. Antonin. «Comment.», I, 12. Fronto, «De fer. Als. in f.» ed. Naber, стр. 231.

удивительной легкостью и тонкостью [1]). Выше же всего цѣнились у нихъ находчивость и остроуміе, „соль котораго, созданная только внутри городскихъ стѣнъ“ [2]), была предметомъ гордости истинныхъ римлянъ. Его специфическую сущность, которой было дано названіе „urbanitas“, они приписывали исключительно только себѣ [3]). По мнѣнію Цицерона, въ древне-римскомъ остроуміи было даже больше соли, чѣмъ въ аттическомъ; особенно онъ цѣнилъ его потому, что въ подлинномъ видѣ оно существовало очень рѣдко, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Римъ воспринялъ въ себя такъ много латинскихъ, а затѣмъ и иностранныхъ элементовъ, даже отъ народовъ, носящихъ панталоны, и трансальпинцевъ, что повело къ исчезновенію послѣднихъ слѣдовъ прежняго изящества [4]).

Если человѣкъ владѣлъ даромъ собесѣдованія, то въ театрахъ и портикахъ „сильные міра сего“ наперерывъ искали его общества [5]). Нерѣдко случалось, что разговоръ слишкомъ часто прерывался декламаціей, музыкальными, театральными и другими развлеченіями, такъ какъ многіе превращали свою столовую въ нѣчто въ родѣ сцены или аудиторіи [6]); въ виду этого и становится понятнымъ, что гости уходили раньше или скучали, какъ на это жалуется Плиній Младшій [7]). Но когда развлеченія эти не переходили мѣры, то они бывали очень полезны, такъ какъ давали разговорамъ извѣстное направленіе: чтенія поэтическихъ произведеній вызывали, напримѣръ, тѣ эстетическіе застольные разговоры [8]), въ которыхъ такъ горячо принимали участіе и женщины [9]). Вообще, объ обычаѣ сопровождать пиры умственными и художественными наслажденіями не слѣдуетъ судить на основаніи преувеличеній и извращеній. Обычай этотъ, напротивъ, указываетъ на то, что въ то время, какъ ни въ какое другое, искали утонченности въ наслажденіи. Стремленіе придать застольной бесѣдѣ духовное содержаніе и болѣе высокій интересъ, было, должно-быть, очень распространено, такъ какъ даже Тримальхіоны по-своему подражали этому. Для образованнаго человѣка, имѣющаго вкусъ, самымъ пріятнымъ дессертомъ [10]) были соотвѣтствующіе мѣсту и времени разговоры по поводу разныхъ вопросовъ изъ области науки, литературы и искусства. „Даже грубые и необразованные люди,—говоритъ Плутархъ,—чувствовали послѣ обѣда потребность въ отвлеченныхъ бесѣдахъ и удовлетворяли ее загадываніемъ и отгадываніемъ загадокъ и другихъ подобныхъ проблемъ“ [11]). Тѣ застольные разговоры, которые сообщаетъ намъ Плутархъ, происходили отчасти за столомъ консулара Соссія Сенеціона въ Римѣ, отчасти въ тѣхъ кругахъ, въ которыхъ вращался Плутархъ въ Греціи [12]), и касались всевозможныхъ вопросовъ. Нѣкоторые изъ нихъ относятся къ самому пиру: что лучше, если самъ хозяинъ указываетъ гостямъ ихъ мѣста, или, если онъ предоставляетъ это ихъ собственному выбору; почему такъ называемое консульское мѣсто является самымъ почетнымъ; доставляетъ ли лучшую пищу море или земля; что переваривается лучше—сложная или про-

[1]) Seneca, «Epp.», 122, 15.—[2]) Juv., 9, 10.—[3]) Quintil., VI, 3, 17.—[4]) Cic., «ad fam.», IX, 15, 2.—[5]) Martial. VI, 44; VII, 76; IX, 97, 10. Seneca, «Epp.», 122, 13.—[6]) Plutarch., «Qu. conv.», I, 4, 3, 1. Horat., «C.», III, 11, 6.—[7]) Plin., «Epp.», IX, 17, 3.—[8]) Jahn, «ad Pers.», I, 30—40, стр. 85 сл.—[9]) Juv., 6, 433 сл.—[10]) Plutarch., «De sanit. praec.», 20, стр. 133 E. — [11]) Его же, «Qu. conv.», V, prooem. 5. — [12]) Тамъ же, I, prooem. 4.

стая пища [1]). Нѣкоторые другіе принадлежатъ къ числу тѣхъ задачъ, которыя пользовались особымъ успѣхомъ въ философскихъ кругахъ и которыя обнаруживали остроуміе и упражняли его [2]): почему А первая буква; что существовало раньше—курица или яйцо [3]). Нѣкоторые относятся къ области естественныхъ наукъ: почему старые люди читаютъ лучше на нѣкоторомъ разстояніи; почему снѣгъ сохраняется подъ соломой и платками; насколько возможно появленіе новыхъ болѣзней и по какимъ причинамъ [4]). Другія относятся къ области филологіи, главнымъ образомъ, гомеровской: почему Гомеръ называетъ соль божественной и только масло среди всѣхъ жидкостей—влажнымъ; въ какую руку ранилъ Діомедъ Венеру [5]). Затрогивались также и эстетическіе вопросы: почему мы съ удовольствіемъ слѣдимъ за изображеніемъ гнѣва и печали на сценѣ, въ дѣйствительности же очень неохотно воспринимаемъ проявленіе этихъ аффектовъ; о томъ, что прежде всего необходимо остерегаться развращающаго вліянія неблагородной музыки и какимъ именно путемъ [6]). Помимо всего этого, приводятся также достопримѣчательности изъ различнѣйшихъ областей: дни рожденія знаменитыхъ людей, запретъ Пиѳагора ѣсть рыбу, почему евреи воздерживаются отъ свинины, изъ благоговѣнія или отвращенія; кто является богомъ евреевъ; почему названные по планетамъ дни считаются въ обратномъ имъ порядкѣ; о людяхъ съ дурнымъ глазомъ [7]) и т. д. Если за столомъ присутствовали ученые, то они очень часто пускались въ обсужденіе какого-нибудь вопроса по своей спеціальности, при чемъ вдавались въ излишнія подробности. Греческій поэтъ Луцилій, жившій въ Римѣ въ эпоху Нерона, жалуется особенно на филологовъ и заклинаетъ хозяина дома не допустить того, чтобы онъ сталъ за его столомъ добычею этихъ педантовъ и мелочныхъ критиковъ, принадлежащихъ къ цеху Аристарха; онъ не хочетъ, чтобы его сегодня опять угощали словами „гнѣвъ, богиня, воспой...“ [8]). Философы также не всегда были въ состояніи удержаться отъ искушенія и не углубиться въ изслѣдованіе и обсужденіе запутанныхъ и отвлеченныхъ проблемъ, къ неудовольствію всѣхъ остальныхъ гостей, которые, не будучи въ состояніи слѣдить за ними, развлекались пѣснями, шутливыми разсказами и тривіальными разговорами [9]). Отъ такихъ застольныхъ разговоровъ предостерегалъ уже Варронъ [10]). Плутархъ говоритъ, что занятіе діалектическими изысканіями за столомъ—вещь вредная [11]). Нѣкоторыя лица заботились о томъ, чтобы запастись кой-какими философскими знаніями, которыми они могли бы какъ-нибудь блеснуть за императорскимъ столомъ [12]). Они изучали философскіе учебники и слушали лекціи съ той только цѣлью, чтобы, если судьба дастъ имъ въ сосѣди за столомъ сенатора, поразить его [13]), или для того, чтобы удивить гостей перечисленіемъ всѣхъ тѣхъ писателей, которые писали о какомъ-нибудь силлогизмѣ [14]).

---

[1]) Plutarch, «Qu. conv.», I, 2 и 3; IV, 4.—[2]) Глава XII.—[3]) Плут., тамъ же, II, 3 IX, 2.—[4]) Тамъ же, I, 8; VI, 6; VIII, 9.—[5]) Его же, «Qu. conv.», V, 8 и 10; VI, 9; IX, 4.—[6]) Тамъ же, V, 1; VII, 5.—[7]) Plutarch., «Qu. conv.», IV, 5, 6, 7 (De Rossi, «Inscr; christ.», стр. LXXI. Mommsen, «Röm. Chronol.», 2-е изд., 313 сл.); V, 2; VIII, 1 и 8.—[8]) Lucil., «Epigr.», 28 слл. въ Jacobs, «Anthol.», III, стр. 35.—[9]) Plutarch., «Qu. conv.», I, 1, 5, 4.—[10]) Gell., XIII, 11, 4.—[11]) Plutarch., «De sanit. praec.», 20.—[12]) «De profect. in philos.», гл. 8.—[13]) Epictet., «Diss.», I, 26, 9.—[14]) Тамъ же, II, 19, 8.

Надъ всѣмъ этимъ очень много издѣвались, но все же въ то время это не казалось столь неумѣстнымъ, какъ это было бы въ настоящее время. Дѣло въ томъ, что образованіе, поученіе и духовное поощреніе въ то время, какъ и вообще въ древности, въ противоположность нашему времени, достигалось, главнымъ образомъ, въ личныхъ отношеніяхъ, „въ живомъ обмѣнѣ мыслей, въ радостной общительности“ [1]), и это было поводомъ для частыхъ пировъ въ средѣ философовъ и ученыхъ, которые, дѣйствительно, были своего рода учеными засѣданіями, чѣмъ они и стремились быть [2]). Здѣсь, гдѣ рѣчь идетъ только о дружескихъ разговорахъ въ образованныхъ кругахъ, не мѣсто для подробнаго разсмотрѣнія этихъ ученыхъ засѣданій.

---

[1]) Goethe, «Unterhalt. m. d. Kanzler Müller», стр. 19.—[2]) Lehrs, «De Aristarchi stud. Hom.», изд. 3, стр. 208 сл.

V. ЖЕНЩИНЫ.

Если вообще характеристика описываемой здѣсь эпохи оказывается тѣмъ менѣе полной, чѣмъ больше она опирается на случайныя разбросанныя и зачастую одностороннія свидѣтельства, то особенно это сказывается относительно жизни женщинъ, гдѣ труднѣе всего составить себѣ цѣльное представленіе. Кромѣ того, дошедшія до насъ свѣдѣнія, въ большинствѣ случаевъ, относятся къ женщинамъ высшихъ классовъ.

Дѣвичья жизнь римлянокъ продолжалась недолго: не успѣвали онѣ вырасти, какъ ихъ уже обручали и выдавали замужъ. Дѣтскія того времени во многомъ походили на современныя: тѣ же желанія и заботы матерей, родственницъ и нянекъ; тѣ же внушенныя нѣжностью ласкательныя имена (птичка, голубка, маленькая ворона, матушка, барышня) [1]), шутливый языкъ, подражающій дѣтскому лепету [2]), и колыбельныя пѣсни кормилицъ (ля-ля, ля-ля, ля-ля, спи, дѣтка, или соси) [3]); тѣ же погремушки и дѣтскія успокоительныя средства (напримѣръ, ударить камень, о который ушибся ребенокъ) [4]), всевозможныя суевѣрія, связанныя со всѣми моментами развитія ребенка (лошадиныя и кабаньи клыки привязывали, напримѣръ, дѣтямъ, какъ средство, облегчающее прорѣзаніе зубовъ) [5]), боязнь дурного глаза и безчисленныя средства и амулеты противъ него [6]). Чтобы защитить дѣтей отъ ночныхъ чудовищъ, которыя высасываютъ кровь (стригъ), къ ихъ пеленкамъ привязывали чеснокъ [7]), а на окно клали вѣтки боярышника [8]). Если матери случалось пройти мимо храма Венеры, то уста ея шептали молитву, въ которой она просила богиню даровать ея дочери красоту, и присоединяла къ ней обѣтъ [9]). Кромѣ того, пользовались, конечно, всѣми средствами, которыя могли содѣйствовать развитію безукоризненной фигуры. Грудь дѣвочки накрѣпко зашнуровывали бинтами, чтобы рѣзче выступали бока, но вслѣдствіе небрежности или неопытности нянекъ, часто случались искривленія спины, и одно плечо дѣлалось выше другого. Шнурованіе и его дурныя послѣдствія едва ли были распространены только въ Пергамѣ, гдѣ Галену

---

[1]) Ср. Схол. къ Перс., 3, 16; Сальвіанъ, «Письм.» IV.—[2]) Лукрет., V, 226.—[3]) Схол. къ Перс., 3, 17. Lallà Lallà—припѣвъ къ колыбельнымъ пѣснямъ въ Калабріи. Trede, «Heidentum in d. röm. Kirche», IV, 252.—[4]) Epictet., «Diss.», III, 19, 4.—[5]) Plin., «N. h.», XXVIII, 78. Serenus Sammonicus, 1038—1043. Wuttke, «Der deutsche Volksaberglaube der Gegenwart», 2 изд., 369. Dioscorid. π. εὐπεριστῶν, I, 74. Julian., «orat.», 7, стр. 206D.—[6]) Обо всемъ этомъ ср. Jahn, «Über den Aberglauben des bösen Blicks bei den Alten» («Ber. d. Sächs. Ges.», 1855, особенно стр. 82 слл.), и Marquardt, «Privatleb.», 2 изд., I, 84.—[7]) Serenus Sammonicus, 1044—1048.—[8]) Preller, «Röm. Myth.», 3 изд., II, 238.—[9]) Ювен., 10, 289.

чаще всего приходилось наблюдать это явленіе [1]); обычай этотъ, по всей вѣроятности, существовалъ повсюду, особенно въ Римѣ, и съ давнихъ поръ. Уже Терентій жалуется (въ одномъ мѣстѣ, которое относится, вѣроятно, и къ Риму) на то, что матери стараются сдѣлать своихъ дочерей тонкими, со свисающими плечами и перетянутой грудью. Если какая-нибудь изъ дѣвочекъ покрѣпче сложена, то о ней говорятъ, что она похожа на кулачнаго бойца, и заставляютъ ее поститься; подобнымъ уходомъ они дѣлаютъ даже прекрасныя отъ природы фигуры похожими на тростинку [2]).

Многія матери совсѣмъ предоставляли своихъ дѣтей попеченіямъ кормилицъ или нянекъ [3]), которыя въ большинствѣ случаевъ были рабынями, а, слѣдовательно, очень часто „иностранками изъ какого-нибудь варварскаго народа" [4]). Ни въ Италіи, ни въ Греціи матери почти никогда сами не кормили своихъ дѣтей, хотя философы, вродѣ Фаворина и Плутарха, очень совѣтовали это; даже жена послѣдняго изъ вышеупомянутыхъ философовъ не кормила сама своей рано умершей дочери [5]). Врачи-писатели даютъ подробныя предписанія относительно выбора кормилицъ: между прочимъ, они требуютъ, чтобы были изслѣдованы цвѣтъ, вкусъ и запахъ ихъ молока [6]). Врачъ Соранъ изъ Эфеса, практиковавшій въ Римѣ въ эпоху Траяна и Адріана, совѣтуетъ выбирать кормилицъ изъ гречанокъ, и не только потому, что отъ нихъ дѣти научаются прекраснѣйшему языку, но и по той причинѣ, что онѣ съ особой любовью и заботливостью относятся къ младенцамъ; отсутствіе этого свойства у римлянокъ и является, по его мнѣнію, главной причиной часто встрѣчавшагося въ Римѣ искривленія ногъ у дѣтей [7]).

Игрушками маленькимъ дѣвочкамъ служили цвѣты, пестрые камешки, раковины (и янтарь) [8]), пестрые мячики, шары или орѣхи (съ которыми онѣ играли во всевозможныя и теперь еще употребительныя въ Италіи игры) [9]), кости (астрагалы) [10]), съ которыми художники часто изображали дѣвочекъ, главнымъ же образомъ—куклы [11]); изъ нихъ нѣсколько штукъ изъ терракотты и слоновой кости (нѣкоторыя съ подвижными членами) были найдены въ дѣтскихъ могилахъ [12]). Плутархъ въ своемъ письмѣ, гдѣ онъ утѣшаетъ жену послѣ смерти единственной дочери, Тимоксены, которая родилась послѣ четырехъ сыновей, между прочимъ, говоритъ, что ласковый характеръ ребенка сказывался и въ томъ, что она относила свои любимыя игрушки и посуду къ кормилицѣ съ просьбой дать и имъ груди [13]).

Вдоволь наигравшись, маленькія дѣвочки съ напряженнымъ ожиданіемъ усаживались у ногъ старой няньки, съ устъ которой раздавалось столь из-

---

[1]) Галенъ, VII, 28.—[2]) Терент., «Евнухъ», II, 3, 22 сл. Авсон., «Praef., Idyll.», 4.—[3]) Тац., «Діал.», гл. 29. «Герм.», гл. 20.—[4]) Фаворинъ у Геллія, XII, 1, 17; ср. Orelli 2677.—[5]) Plutarch., «Cons. ad ux.», гл. 2.—[6]) Soran. Ephes., «De mul. affect.», гл. 31. Galen., VI, 45—[7]) Soran., тамъ же, гл. 38.—[8]) Овид., «Метам.», X, 262. Hieronym., «Epp.», 128, 1. Lobeck, «Aglaoph.», 701 b.—[9]) Ср. рельефъ «Ann. dell'Inst.», 1857, Tav. d'Agg. B. C. съ моими примѣч., стр. 144 слл. и Ersilia Caetani-Lovatelli, Sopra una statua marmorea rappresentante un fanciullo che giuoca alle noci», «Bull. comm. di Roma», 1882, стр. 55—62, табл. XI (Саркофагъ изъ Остіи, на которомъ изображены мальчики и дѣвочки, играющіе въ игру delle castella: Gerhard, «Ant. Bildw.», LXV).—[10]) «Anthol. Gr.» ed. Jacobs, III, 57. (Glaucus, «Epigr.», 1.).—[11]) Jahn, «ad Pers. Sat.», 2, 70. Lactant., «Instit.», II, 4, 13 сл. Hieronym., ук. м.—[12]) Becq de Fouquières, «Jeux des anciens» (1869), стр. 28 сл.—[13]) Plutarch., ук. м.

вѣстное „жили-были царь съ царицей“. Римская сказка не только этимъ началомъ напоминаетъ намъ наши домашнія и народныя сказки; она увлекала дѣтскую фантазію въ то же пестрое и блестящее царство чудесъ. И среди ея героинь находилась удивительно красивая царевна, которая „была такъ прекрасна, что словами ее нельзя описать“. Она была младшею изъ трехъ сестеръ, причемъ остальныя были менѣе прекрасны, онѣ завидовали ей и преслѣдовали ее, но въ концѣ концовъ она все-таки выходила замужъ за прекраснѣйшаго царевича, въ то время какъ сестры ея, въ наказаніе за свою злобу, умирали ужасной смертью. Мы знаемъ это полное страха напряженіе, которое овладѣвало маленькими слушательницами, когда царевна должна была совершить три тяжелыя работы, и вздохъ облегченія, когда онѣ удавались ей съ ласковой помощью чудесныхъ существъ. Когда она по приказанію злой госпожи должна была разобрать до вечера огромную кучу различныхъ сѣмянъ, то являлись муравьи и исполняли за нее работу. Рѣчной тростникъ нашептывалъ ей, какъ достать хлопья шерсти дикихъ золоторунныхъ барановъ; орелъ приноситъ для нея чудотворную воду изъ источника, который охранялся дракономъ.

Затѣмъ наступали годы ученья. Дѣвочки обучались прежде всего женскимъ рукодѣліямъ. Вышиваніемъ, которое считалось мужскимъ ремесломъ [1]), занимались, повидимому, и женщины [2]), хотя опредѣленно объ этомъ нигдѣ не говорится. Варронъ требуетъ только того, чтобы дѣвочекъ обучали живописи, такъ какъ въ противномъ случаѣ онѣ не будутъ въ состояніи судить о вышивкахъ ковровъ и занавѣсей [3]). Особенно же ихъ учили прясть и ткать: дѣло въ томъ, что и въ то время еще въ домахъ, гдѣ придерживались добрыхъ старыхъ нравовъ, одежды на всю семью выдѣлывались при содѣйствіи или, по крайней мѣрѣ, подъ руководствомъ хозяйки. Какъ извѣстно, даже дочери и внучки Августа должны были прясть и ткать, и онъ носилъ, обыкновенно, только тѣ платья, которыя были сработаны ими или его женой и сестрой [4]). Кв. Лукретій Веспиллонъ (консулъ въ 19 г. до Р. Хр.) въ надгробной рѣчи своей женѣ Туріи восхваляетъ, помимо всѣхъ ея добродѣтелей, свойственныхъ какъ ей, такъ и всѣмъ другимъ честнымъ женщинамъ, и то прилежаніе, съ которымъ она занималась выдѣлкой шерсти [5]). Само собою разумѣется, что въ среднихъ и низшихъ классахъ это занятіе считалось обязанностью хозяйки еще болѣе, чѣмъ въ высшихъ; даже тѣ женщины, которыя не претендовали на названіе степенной матроны, не уклонялись отъ всеобщаго обычая; такъ, напримѣръ, Цинтія Пропертія [6]) и Делія Тибулла. Послѣдній изъ нихъ, страдая отъ разлуки съ возлюбленной, находитъ нѣкоторое утѣшеніе, когда представляетъ себѣ минуту свиданія: какъ Делія позднимъ вечеромъ при свѣтѣ лампы слушаетъ сказки старухи въ то время, какъ прядущія вокругъ нея дѣвушки уже начинаютъ засыпать; какъ она вскочитъ при его неожиданномъ появленіи и побѣжитъ ему навстрѣчу съ босыми ногами и распущенными волосами [7]). Если Колумелла жалуется на то, что женщины стали настолько важными и лѣнивыми, что не желаютъ

[1]) Marquardt, «Privatleben», изд. 2-ое, II, 541 сл. «Bull. comm. di Roma», III (1875), стр. 158.—[2]) Seneca, «Herc. Oet.», 665.—[3]) Marquardt, ук. соч. 542 примѣч.—[4]) Светон., «Авг.», гл. 64.—[5]) Mommsen, «Abhandl. d. Berliner Akad.», 1863; стр. 461.—[6]) Проперт., I, 3, 41. IV, 6, 15.—[7]) Тибуллъ, I, 3, 85.

даже позаботиться о пряжѣ и тканьѣ въ домѣ, то на основаніи его словъ можно заключить, что обычай все еще продолжалъ требовать отъ нихъ исполненія этой обязанности, хотя ей придавали уже меньше значенія, чѣмъ прежде [1]). Мусоній Руфъ тоже считаетъ пряжу и тканье самой существенной работой женщинъ [2]), и Тертулліанъ ставитъ выше всѣхъ другихъ обязанностей хозяйки надзоръ за приготовленіемъ шерстяныхъ тканей [3]). Надгробные камни, восхваляющіе женщинъ, какъ прилежныхъ пряхъ [4]), и изображенный на нихъ символъ ихъ прилежанія въ формѣ ткацкаго станка [5]), свидѣтельствуютъ о томъ, что обычай этотъ все еще сохранялся; объ этомъ же говорятъ и данныя изъ позднѣйшихъ временъ [6]). Авсоній въ некрологѣ своей матери и жены племянника не забылъ упомянуть „объ ихъ прилежныхъ рукахъ, изготовляющихъ шерсть“ [7]), и Симмахъ благодарилъ свою госпожу дочь за присланное ею изъ Баи платье, отличное доказательство ея умѣнья выдѣлывать шерсть, свидѣтельствующее одновременно объ ея дочерней любви и ея хозяйственномъ прилежаніи [8])

Дочери знатныхъ людей получали свое научное образованіе, несомнѣнно, дома, и только простые люди посылали своихъ дочерей раннимъ утромъ въ школу, которую учитель, „этотъ ненавистный мальчикамъ и дѣвочкамъ человѣкъ“, держалъ въ строгомъ повиновеніи [9]). По всей вѣроятности, мальчики и дѣвочки (до извѣстнаго возраста, можетъ быть, всегда) обучались совмѣстно. Марціалъ спрашиваетъ, желательно ли поэту, чтобы напыщенный учитель читалъ хриплымъ голосомъ его стихотворенія и дѣлалъ ихъ, такимъ образомъ, ненавистными подрастающимъ дѣвочкамъ и мальчикамъ [10]). Надгробный памятникъ одного учителя въ Капуѣ изображаетъ пожилого человѣка, сидящаго на высокомъ стулѣ; по правую руку его находится мальчикъ, по лѣвую—дѣвочка [11]). По мнѣнію Павла Эгинскаго, обученіе обоихъ половъ чтенію и письму должно было начинаться на шестомъ и седьмомъ году [12]). Ввиду того, что о дальнѣйшемъ образованіи дѣвочекъ говорится очень рѣдко, можно заключить, что оно состояло, какъ и у мальчиковъ, главнымъ образомъ, изъ чтенія и объясненія соотвѣтствующихъ авторовъ на обоихъ языкахъ. „Мальчики и дѣвочки,—говоритъ Овидій,—читаютъ пьесы Менандра, хотя въ каждой изъ нихъ встрѣчается любовная исторія“ [13]). Марціалъ перечисляетъ трагедіи и поэмы, которыя читались въ школахъ [14]) (посѣщаемыхъ обоими полами), и еще Клавдіанъ восхвалялъ невѣсту Гонорія, Марію, за то, что она не перестаетъ читать подъ руководствомъ своей матери греческихъ и латинскихъ поэтовъ, и называетъ изъ первыхъ Гомера,

---

1) Колумелла, XII, praef. 9. Garrucci, «Graffiti», табл. 20, № 11.—Ritschl, «Mon. Pr. Lat.», табл. XVI, 1. «Enarr.», стр. 20.—2) Muson. Ruf. (Stob. Floril. ed. Meineke, IV, 222).—3) Tertullian., «Exhort. ad. castit.», гл. 12.—4) Orelli, 4639. 4860. «Anthol. lat.» ed. Meyer, 1376=C. I. L. II, 1699.—5) Marquardt, «Privatleb.», изд. 2-ое, I, 58, 2.—6) P. E. Mueller, «Gen. aev. Theodos.», I, 79.—7) Auson., «Parental.», 2, 3. 16, 4.—8) Симмахъ, «Письм.», VI, 67 и 79. Ср. также «Digg.», XXIV, 1, 29. § 1, 30 и Cujac. Obss. IX, 30.—9) Марціалъ, IX, 68.—10) Марціалъ, VIII, 3, 15.—11) Nissen, «Hermes», I, 147. Авсон., «Идилл.», 4, 33. Ср. также Philostrat., «Jmagg.», I, 12.—Rohde, «D. griech. Roman», 2-ое изд., 156, 2, ср. еще 452, 1. G. Hirschfeld, «Hermes», IX, 1875, стр. 502.—Макроб., «Сат.» (II, 10), III, 14, 7 Eyssenhardt. Совмѣстное обученіе въ царствѣ Халифовъ. Kremer, «Kulturgesch. d. Orients», II, 133.—12) Paul. Aegin., 1 14.—13) Овид., «Трист.», II, 369.—14) Марціалъ, VIII, 3, 13.

Орфея и Сапфо [1]). Одинъ христіанскій поэтъ послѣднихъ временъ древняго міра говоритъ, что христіанскіе учителя сами виноваты въ томъ, что дѣвочки, вмѣсто писаній Павла и Саломона, читаютъ Вергилія, Овидія, Горація и Терентія [2]). Порою получались нежелательныя отношенія между учителями и ученицами. Кв. Цецилій Эпиротъ, вольноотпущенникъ друга Цицерона Аттика, извѣстный ученый, обучалъ дочь своего патрона послѣ ея брака съ М. Агриппой; его заподозрили въ любовной связи со своей ученицей и уволили [3]). Хотя ученица въ данномъ случаѣ и была замужемъ, но опасность соблазненія, о которой говоритъ Квинтиліанъ, имѣя въ виду только частное обученіе мальчиковъ [4]), была велика и для дѣвочекъ.

При воспитаніи дѣвочекъ особое вниманіе обращалось на изученіе музыки и танцевъ. Семпронія, подруга Катилины, изучившая греческую и римскую литературу, танцовала и играла лучше, „чѣмъ это требуется отъ порядочной женщины“ [5]) (Саллюстій). Знаменитые музыканты, вродѣ Деметрія и Тигеллія, проводили уже въ эпоху Горація большую половину дня рядомъ съ креслами своихъ ученицъ [6]). Въ одной любовной элегіи, въ который Овидій рисуетъ свою воспріимчивость по отношенію ко всѣмъ женскимъ чарамъ и преимуществамъ, онъ говоритъ также, что не въ состояніи устоять передъ сладкимъ пѣніемъ прошедшаго хорошую школу голоса, передъ искусствомъ ловкой руки пробѣгать по печальнымъ струнамъ и передъ прелестными движеніями умѣлой танцовщицы [7]). Возлюбленная Пропертія, нѣкая Гостія, отличалась своимъ умѣніемъ въ области этихъ обоихъ искусствъ [8]). Поэтъ Статій восхваляетъ свою падчерицу, какъ вполнѣ образованную дѣвушку. Онъ увѣряетъ свою жену, что дочь ея вскорѣ найдетъ себѣ мужа, по крайней мѣрѣ, она достойна этого, въ силу преимуществъ ума и тѣла. Съ одинаковымъ мастерствомъ играетъ она на лютнѣ, поетъ отцовскія пѣсни на собственный ладъ и движетъ бѣлыми руками во время пляски. Но что касается души и нравственности ея, то онѣ еще превосходятъ всѣ ея способности и искусства [9]). На надгробныхъ памятникахъ цитра въ рукахъ дѣвушки является признакомъ женскаго, свитокъ въ рукахъ юноши—мужского образованія [10]). Если Іеронимъ требуетъ отъ христіанскихъ дѣвушекъ, чтобы онѣ были глухи къ звукамъ органа, чтобы онѣ ничего не знали ни про флейту, ни про лиру, ни про цитру [11]), то изъ этого можно заключить, что музыка въ языческомъ мірѣ все еще считалась самой существенной частью женскаго образованія. Искусство танца состояло главнымъ образомъ изъ ритмическихъ движеній верхней частью тѣла и рукъ. Такъ же, какъ и современные національные танцы, сохранившіе въ общемъ этотъ свой характеръ, нѣкоторымъ образомъ содѣйствуютъ развитію граціи дви-

[1]) Claudian., «De nupt. Honor. et Mariae», 232 слл.—[2]) Cl. Marii Victor., «ep. ad Salmonem» (Wernsd. Poett. min., III, стр. 108), ст. 72 слл. Плиній, «Письм.», V, 16.—Обученіе дѣвочки чтенію, Jahn, «Columbarium der Villa Pamfili», табл. V, 15; «Antich. di Ercolan.», VII, 53, 58.—[3]) Светон., «Ill. gr.», 18.—[4]) Квинтил., I, 2, 4.—[5]) Саллюст., «Катил.», 25. Ср. главу X. 2.—[6]) Горац., «Сат.», I, 10, 98.—[7]) Овидій, «Amores», II, 4, 25 слл.; тамъ же, II, 11, 31. C. I. L. VI, 3, 18324.—[8]) Проперт., II, 3, 17—20.—[9]) Стат., «Сильв.», III, 5, 63.—[10]) Jahn, «Darstell. d. Handwerks» («Abhandl. d. Sächs. Ges.», 1868, 291, 107). Ср. надгробныя надписи Or. 4851, C. I. L. VI, 3, 17050, нѣкоей Петроніи Музы, Kaibel, «Epigr. Gr.», 551. I. G. XIV, № 793.—[11]) Іеронимъ, «Письм.», 107, 8.

женій и стана, которою такъ отличаются римлянки, и въ древности эти танцы производили, несомнѣнно, то же дѣйствіе. Благородная походка женщинъ особенно высоко цѣнилась. Не только Овидій говоритъ, что и въ походкѣ заключается извѣстная доля прелести [1]); даже на одномъ надгробномъ памятникѣ изъ времени республики объ умершей говорится, что она отличалась „милой рѣчью и благородной походкой“ [2]). Кромѣ пѣнія, дѣвочки обучались также игрѣ на струнныхъ инструментахъ, изъ которыхъ нѣкоторые строгими критиками исключались за слишкамъ большую изнѣженность и волнующее дѣйствіе [3]), также какъ и нѣкоторыя греческія пляски [4]). Ихъ умѣніе пѣть подвергалось, вѣроятно, публичному испытанію. Въ дни молитвъ и въ праздники въ честь боговъ передъ процессіей шествовали хоры изъ трижды девяти дѣвушекъ изъ благородныхъ семействъ, распѣвая гимны [5]); не одна женщина, какъ надѣется Горацій, вспомнитъ нѣкогда, какъ она дѣвушкой заучивала сочиненную имъ торжественную пѣснь [6]). На похоронахъ Августа дѣти обоего пола изъ знатнѣйшихъ семействъ пѣли плачъ по умершемъ [7]). Во время торжества на форумѣ, предшествовавшаго апоѳеозу императора, у одра его хоръ благородныхъ мальчиковъ и хоръ благородныхъ женщинъ пѣлъ хвалебныя пѣсни въ честь умершаго, напѣвы которыхъ были печальны и торжественны [8]). Дѣвушки и женщины, повидимому, очень часто научались пѣть тексты поэтовъ, подобравъ къ нимъ напѣвъ и сопровождая ихъ игрою на лютнѣ; Статій восхваляетъ за это свою падчерицу, а Плиній Младшій свою супругу [9]).

Среди подобныхъ занятій и развлеченій, подъ надзоромъ нянекъ и педагоговъ [10]), ребенокъ превращался постепенно въ дѣвушку. Плиній Младшій рисуетъ намъ образъ милой и благовоспитанной дѣвушки знатнаго происхожденія въ своей похвалѣ дочери Г. Минуція Фундана (консула въ 107 и 108 гг.) [11]), умершей незадолго до свадьбы. „Ей еще не исполнилось и 14 лѣтъ, но она уже соединяла въ себѣ умъ старости и важность женщины, которая сочеталась съ дѣвической прелестью и дѣвственной стыдливостью. Какъ обнимала она отца своего! Какъ ласково и въ то же время какъ скромно обнимала она насъ, друзей отца! Какъ любила она своихъ нянекъ, педагоговъ и учителей, каждаго соотвѣтственно его должности! Съ какимъ прилежаніемъ и умомъ предавалась она своимъ научнымъ занятіямъ! Какъ рѣдко и какъ разумно она играла! Съ какимъ спокойствіемъ, терпѣніемъ и мужествомъ переносила она свою послѣднюю болѣзнь“. Недавно на Monte Mario, сейчасъ за виллой Меллини, въ одной гробницѣ была найдена мраморная урна съ пепломъ этой молодой невѣсты. Судя по надписи, она умерла въ возрастѣ 12 лѣтъ 11 мѣсяцевъ и 7 дней; показаніе Плинія, значитъ, не совсѣмъ точно [12]).

Рано уже, какъ говорилось, старались родители обезпечить будущность

---

[1]) Овид., «Ars am.» III, 299.—[2]) Or. 4848.—[3]) Квинтил., I, 10, 31.—[4]) Горац., «Од.» III, 6, 22.—[5]) Marquardt, «Handb. d. R. A.» (I изд.) IV, 56 прим. 338.—Овид., «Trist.» II, 23.—[6]) Горац., «Од.» IV, 6, 41—44.—[7]) Светон., «Авг.» гл. 100.—[8]) Геродіанъ, IV, 2, 5. Руфъ (въ эпоху Траяна) у Oribas. III, стр. 85.—[9]) Плин., «Письм.» IV, 19.—[10]) Ср. также Цицер., «Письм. къ Атт.» XII, 33.—[11]) Mommsen, «Hermes» III, 46. Плин. «Письм.» V, 16—[12]) Dressel, «Bull. dell'Inst.», 1881 стр. 14.—Lanciani, «Bull. comm. di Roma» 1881 стр. 23—25.

своей дочери достойнымъ и счастливымъ бракомъ. Требуемое для брака совершеннолѣтіе наступало съ истекшимъ двѣнадцатымъ годомъ [1]); на надгробной надписи дѣвочки, умершей въ 12 лѣтъ, говорится, что возрастъ ея открывалъ ей возможность отпраздновать свадьбу и вступить въ брачную жизнь [2]). Случалось также, что дѣвушекъ уже до этого передавали ихъ нареченному супругу, но законныя права супруги онѣ получали только по истеченіи 12 года [3]). Въ случаѣ совершеннаго ими до этого прелюбодѣянія, онѣ могли (по рескрипту Севера) быть обвинены не какъ супруги, а какъ нареченныя невѣсты [4]). Можно предположить, что дѣвушки выходили замужъ въ большинствѣ случаевъ между 13-мъ и 16-мъ или 17-мъ годомъ жизни. Врачъ Руфъ (въ эпоху Траяна), который считаетъ нормальнымъ указанный уже Гесіодомъ 18-ый годъ, соглашается съ тѣмъ, что „по настоящимъ обстоятельствамъ" онъ является довольно позднимъ [5]). Женщина, достигшая 20-тилѣтняго возраста и не имѣвшая еще дѣтей, подвергалась уже наказанію, которое Августъ назначилъ за безбрачіе и бездѣтность [6]); изъ этого слѣдуетъ, что 18-ый и 19-ый годы считались крайнимъ предѣломъ для вступленія въ бракъ въ сообразномъ съ законами природы возрастѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что воля родителей была въ большинствѣ случаевъ единственнымъ закономъ для дочерей: это вполнѣ понятно, не только въ виду тяготѣвшей надъ ними отцовской власти, но и въ виду ихъ собственной неопытности и молодости. Согласіе дочери было, впрочемъ, необходимо для обрученія и брака, но оно подразумѣвалось само собою, если она не выражала протеста, который разрѣшался ей только въ тѣхъ случаяхъ, когда отецъ выбиралъ для нея недостойнаго по своему общественному положенію или характеру жениха [7]). Браки очень часто заключались по разсчету обоихъ семействъ. Что касается тѣхъ точекъ зрѣнія, которыми въ знатныхъ семьяхъ руководствовались при выборѣ зятя, то объ этомъ намъ даетъ нѣкоторое понятіе одно письмо Плинія Младшаго. Другъ его, Юній Маврицій, просилъ его найти подходящаго супруга для дочери его брата, Арулена Рустика. Плиній называетъ одного своего молодого друга, Минуція Ациліана, которому было за 30 лѣтъ, такъ какъ онъ занималъ уже претуру. Онъ былъ родомъ изъ Бриксіи, одного изъ городовъ сѣверной Италіи, въ которомъ придерживались еще добрыхъ старыхъ нравовъ. Отецъ его былъ однимъ изъ первыхъ среди сословія всадниковъ, бабушка его была женщина очень строгихъ нравственныхъ воззрѣній и дядя его былъ хорошимъ человѣкомъ: вообще въ семьѣ его не было ничего такого, что могло бы не понравиться Маврицію. Молодой человѣкъ этотъ отличался энергіей и дѣятельностью и притомъ большой скромностью. У него было благородное лицо, здоровый и свѣжій румянецъ щекъ, благородная и красивая фигура и знатная (сенаторская) осанка. „Этого не должно презирать, такъ какъ все это является какъ бы наградой дѣвушки за ея цѣломудріе. Не знаю, нужно ли еще добавлять, что отецъ его обладаетъ большимъ состояніемъ. Я могъ бы промолчать объ этомъ,

[1]) Rossbach, «Die röm. Ehe», стр. 417 слл.—[2]) Mommsen, «I. R. N.», 1609=C. I. L. IX, 1817.—[3]) Pomponius, «Digg.», XXIII, 2, 4.—[4]) Ulpian., кн. II, «de adulteriis, Digg.», XLVIII, 5, 13, § 8.—[5]) У Oribas. III, стр. 83. Daremberg.—[6]) Rossbach, «Die röm. Ehe», стр. 418. Joers, «Über das Verhältnis der lex Julia de marit. ordinib. zur lex Papia Poppaea» (Bonn, 1882), стр. 6 и стр. 10.—[7]) Ulpian., «Digg.», XXIII, 1, 12.

имѣя въ виду именно васъ и предлагая вамъ этого зятя, но если обратить вниманіе на наши нравы и на государственное устройство, которое придаетъ состоятельности человѣка очень большое значеніе, мнѣ кажется невозможнымъ обойти этотъ вопросъ молчаніемъ. Когда думаешь о потомствѣ, и притомъ о многочисленномъ потомствѣ, то приходится при выборѣ супруга подумать и объ этомъ обстоятельствѣ" [1]). Состояніе очень часто являлось рѣшающимъ въ подобныхъ случаяхъ; это настолько понятно, что можно не приводить опредѣленныхъ доказательствъ этому. Когда Горацій перечисляетъ тѣ блага, которыя достигаются всемогущими деньгами, то онъ упоминаетъ и жену съ богатымъ приданымъ [2]), а Ювеналъ спрашиваетъ, считался ли когда-нибудь пріемлемымъ такой зять, состояніе котораго было меньше приданаго дѣвушки [3]). Само собою разумѣется, что съ обѣихъ сторонъ обращалось также вниманіе на званіе и происхожденіе. Агрикола женился на дочери изъ аристократическаго семейства всадниковъ и, въ виду его стремленій къ высшимъ должностямъ, бракъ этотъ являлся для него своего рода рекомендаціей и поддержкой [4]).

Мужчины въ большинствѣ случаевъ вступали въ бракъ въ болѣе раннемъ возрастѣ, чѣмъ молодой другъ Плинія. Установленныя Августомъ за бездѣтность наказанія вступали въ силу послѣ 25 лѣтъ [5]). Уммидій Квадратъ могъ быть отцомъ ранѣе 24-хъ лѣтъ [6]); Агрикола сталъ имъ въ 23 года [7]); когда Тацитъ женился на его тринадцатилѣтней дочери, ему было не больше 24-хъ лѣтъ [8]), когда Луканъ женился на Поллѣ Аргентаріи, ему было около 25-ти лѣтъ [9]), а Овидій вступилъ въ свой первый бракъ, „будучи еще почти мальчикомъ" [10]). Въ романѣ Апулея невѣста только на 3 года моложе своего жениха, съ которымъ она была обручена въ раннемъ дѣтствѣ и вмѣстѣ съ которымъ она росла [11]). По извѣстнымъ до сихъ поръ не очень многочисленнымъ даннымъ можно заключить, что даже въ среднихъ и низшихъ классахъ браки мужчинъ моложе 18-ти лѣтъ (можетъ быть, даже моложе 20-ти) представляли собой исключеніе [12]), что вполнѣ согласуется съ опредѣленными Августомъ наказаніями за бездѣтность. У насъ нѣтъ никакихъ основаній для утвержденія, что браки „полувзрослыхъ мальчиковъ" [13]) были когда-либо правиломъ. Для молодыхъ людей сенаторскаго сословія занятіе первой должности, квестуры (которая въ большинствѣ случаевъ достигалась въ 25 лѣтъ), было предварительнымъ условіемъ для вступленія въ бракъ. Гельвидій Прискъ, „будучи еще квесторіемъ", былъ избранъ въ зятья Петомъ

[1]) Плин., «Письм.», I, 14.—[2]) Горац., «Посл.», I, 6, 36 сл.—[3]) Ювен., 3, 161.—[4]) Тац., «Агрик.», гл. 6.—[5]) Ulpian., XVI, 1, 2. Gai., II, 111, 286. Tertullian., «Adv. gent.», 4.—[6]) Плин., «Письм.», VII, 24.—[7]) «Въ концѣ 62 или началѣ 63 г.» (онъ родился въ 40 г.), Mommsen, «Hermes», III, 80, 4. Ср. Urlichs, «De vita et honoribus Agricolae», стр. 11.—[8]) Nipperdey, «Einl. zu Tac. A.», стр. 5; ср. напротивъ Urlichs, ук. соч., стр. 25.—[9]) Genthe, «De Lucani vita et scriptis», стр. 23.—[10]) Овид., «Трист.», IV, 69.—[11]) Апул., «Метам.», 4, 26.—[12]) Бракъ (гладіатора) въ возрастѣ 15 лѣтъ C. I. L. V, 2, 5933=Orelli 2572.—Hirschfeld u. Schneider, «Österreichische Mitt.», IX (1885), стр. 13.—17-и лѣтъ C. I. L. III, 1, 2868. C. I. L. VI, 3, 23115. 18—19 лѣтъ, C. I. L. V, 2, 7946, VI, 3, 21474. C. I. L. XI, 1258, 3943. Отъ 20—21 лѣтъ C. I. L. III, 1, 2272. V, 1, 1074. VI, 3860. VI, 3, 19172, 20116, 21714, «Ephem. epigr.», III, стр. 50. Paullin. Petrocord. «Eucharist.», 176—181. Отъ 22—23 лѣтъ C. I. L. V, 2, 7404. VI, 2160. Въ 26 лѣтъ C. I. L. VI, 2256.—[13]) Nissen, «Ital. Landesk.», I, 412.

Өрасеей [1]). Юній Авитъ, умершій тотчасъ послѣ того, какъ онъ былъ предназначенъ въ эдилы, женился за годъ до смерти и незадолго до нея сталъ отцомъ [2]).

Дочерей нерѣдко обручали, когда онѣ были еще дѣтьми, причемъ обыкновенно прибѣгали къ содѣйствію посредниковъ [3]); для понятія „сватовства" въ латинскомъ языкѣ нѣтъ слова. Въ Римѣ существовали, повидимому, маклера, которые въ своихъ бюро занимались посредничествомъ браковъ, какъ своего рода ремесломъ [4]). Сваты или сами молодые люди обращались, конечно, къ родителямъ или опекунамъ дѣвушекъ. Обрученіе происходило очень торжественно, въ присутствіи большого, празднично-наряднаго общества [5]). Плиній Старшій видѣлъ въ одномъ неособенно знатномъ домѣ, на пиршествѣ, устроенномъ по случаю помолвки, бывшую супругу Калигулы, Лоллію Пауллину, на которой при свѣтѣ лампъ сверкало украшеніе изъ изумрудовъ и жемчуговъ, цѣною въ 40 милліоновъ сестерціевъ (4350000 руб.), что обладательница была готова тотчасъ же доказать на основаніи счетовъ [6]). Само собою разумѣется, что при помолвкахъ вопросъ о приданомъ былъ однимъ изъ главныхъ, если не главнѣйшимъ. Увидѣть во снѣ дѣтей, согласно соннику Артемидора, всегда предвѣщаетъ горе и заботы, такъ какъ безъ этого ихъ не удается воспитать; но увидѣть во снѣ дочь—хуже, чѣмъ увидѣть сына; эта означаетъ потерю, такъ какъ для дочери необходимо приданое. Увидѣть во снѣ дочь или кредитора—это одно и то же. „Требованіе дочери вѣдь тоже неоспоримо; столькихъ заботъ стоитъ воспитать ее, а потомъ она уходитъ вмѣстѣ съ приданымъ, какъ кредиторъ съ полученной суммой" [7]).

Помолвка, длившаяся даже цѣлыми годами [8]), ничуть не измѣняла отношеній между будущими супругами. Они также мало знали другъ друга, какъ и прежде [9]), за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда невѣста еще до совершеннолѣтія передавалась мужу. „Каждое животное и каждый рабъ,—говоритъ Сенека,—платье и посуда разсматриваются и обсуждаются до покупки, только невѣсту не показываютъ жениху изъ опасенія, что она еще до свадьбы можетъ ему не понравиться". Если она вспыльчива, глупа или уродлива, если дыханіе ея зловонно или если у нея есть еще другіе недостатки, мы узнаемъ о нихъ только послѣ свадьбы. Между женихомъ и невѣстой никакихъ отношеній не было: ни у римлянъ, ни у грековъ [10]) нѣтъ выраженія, равносильнаго слову „невѣста", которое озаряетъ дѣвушку, переходящую отъ дѣвичьей жизни къ брачной, своего рода ореоломъ. Женихъ дарилъ своей будущей супругѣ, кромѣ другихъ подарковъ [11]), еще желѣзное кольцо безъ камня (такъ какъ встарину мужчины пользовались желѣзными кольцами, какъ перстнями) [12]),

---

[1]) Тац., «Ист.», IV, 5. Светон., «Тибер.», гл. 35.—[2]) Плин., «Письм.», VIII, 23, 8.—[3]) Ulpian., «D.», XXIII, 1, 18.—[4]) Ulpian., «D.», L, 14, 3. Ср. Cod. V, 1. Cujac., «Observ.», XI, 18. Мое изданіе «cena Trimalchionis», стр. 348 къ гл. 74.—[5]) Цицер., «Письм. къ Кв.», II, 6. Fest. ed. M. стр. 343. Сенека, «Beneff.», IV, 39, 3. Плин., «Письм.», I, 9. Светон., «Авг.», гл. 53. Тертулл., «de idolol.», 16. Sponsalia были запрещены въ Пизѣ въ день смерти Г. Цезаря: Or. 643 (I, 164, 5).—[6]) Плин., «N. h.», IX, 117.—[7]) Артемид., I, 15; III, 41. Мартіалъ, VII, 10, 14.—[8]) Gai., кн. I, ad l. Jul. et. Pap. (D. XXIII, 1, 17).—[9]) Сенека, «De matrimon.», у Hieronym. «ad Jovinian.», I, стр. 190 слл.—[10]) Lehrs, «Populäre Aufsätze», 2-ое изд., стр. 112 сл.—[11]) «Digg.», XVI, 3, 5. Ср. «Cod. Just.», V, 1—3. «Cod. Theod.», III, 5.—[12]) Mommsen., «Staatsr.», III, 1, 514, 3; 517, 3.

а потомъ и золотое кольцо, какъ залогъ вѣрности, но отъ невѣсты въ обмѣнъ ничего не получалъ [1]); ясно, что кольцо это имѣетъ очень мало общаго съ современными обручальными кольцами. Когда приближался день свадьбы, то всѣмъ домашнимъ приходилось хлопотать и заботиться о пріобрѣтеніи свадебныхъ нарядовъ и всей обстановки, о выборѣ, пополненіи количества и снаряженіи той прислуги, которая должна была послѣдовать за молодою женщиной въ новый домъ. Плиній Младшій посылаетъ нѣкоему (неизвѣстному намъ) Квинтиліану, человѣку небогатому, выдававшему свою дочь за человѣка, должностное положеніе котораго требовало нѣкотораго блеска, подарокъ въ 50000 сестерціевъ (5437 руб.) на снабженіе ея платьями и прислугой; онъ прибавляетъ, что дѣлаетъ это, считая себя вторымъ отцомъ невѣсты, и что вспоможеніе его потому только такъ невелико, что Квинтиліанъ, какъ онъ это знаетъ, по скромности своей не захотѣлъ бы принять большаго [2]). Само собою разумѣется, что среди приданаго невѣсты изъ знатнаго дома не должны были отсутствовать и богатыя украшенія, главнымъ образомъ, изъ жемчуговъ и драгоцѣнныхъ камней [3]). Драгоцѣнныя украшенія были отчасти и обычнымъ даромъ жениха [4]). Дѣвушка разставалась со своимъ дѣтствомъ, посвятивъ свои куклы и другія игрушки богамъ, осѣнявшимъ ея дѣтство [5]), и наконецъ, наступалъ день, когда мать украшала свою дочь на столь важный путь [6]). Основной частью свадебнаго убора былъ четырехугольный, огненнаго цвѣта, платокъ, который, свѣшиваясь позади и со сторонъ, оставлялъ лицо открытымъ [7]).

Съ разсвѣтомъ дома обоихъ нареченныхъ уже наполнялись друзьями, родственниками и кліентами [8]), которые являлись и свидѣтелями при подписаніи брачнаго договора [9]). Оба дома были празднично освѣщены, главнымъ образомъ, атріи, въ которыхъ были открыты шкафы съ изображеніями предковъ [10]), убраны развѣшенными коврами, вѣнками и зелеными вѣтвями [11]). Подруга подводила невѣсту къ жениху, и они вмѣстѣ подходили къ алтарю; чтобы принести жертву [12]). Въ храмахъ тоже приносились жертвы богамъ; на тѣхъ улицахъ, по которымъ должно было пройти свадебное шествіе, толпился народъ, жаждавшій увидѣть это зрѣлище. Съ этой цѣлью иногда даже

[1]) Объ обручальномъ кольцѣ ср. Плин., «N. h.», XXVIII, 12. Ювен., 6, 25. «Digg.» XXIV, 1, 36, 1. Ср. Marquardt, «Privatl.», изд. 2-ое, I, 41 сл.—Золотое кольцо называетъ Tertullian., «Apol.», 6 и Clem. Al., «Paed.», III, 11, § 57, стр. 287. P.—Ср. Reifferscheid, «De Hercule et Junone diis Italorum coniugalibus», «Ann. dell. Inst.», 1868, стр. 356, и табл. d'agg. H. Такое же золотое кольцо въ Мюнхенскомъ антикваріумѣ описано C. I. L. XIII, 10024, 56.—Buecheler, «Grammatica et epigraphica», VII, «Glotta» I. И въ Венеціи въ XVI в. женихъ давалъ невѣстѣ золотое кольцо, какъ залогъ вѣрности. Molmenti, «Vie privée à Venise», стр. 278.—[2]) Плин., «Письм.», VI, 32.—[3]) Тамъ же, V, 16, 7.—[4]) «Maximin. Jun.», гл. 1.—[5]) Персій, 2, 70 c. adn. Jahn, стр. 138, и Marquardt, «Privatleb.», изд. 2-ое, I, 43, 12.—[6]) Claud., «De VI cos. Honor.», 523, слл.—[7]) Rossbach, «Die röm. Ehe», стр. 278. Ювен., 2, 129.—[8]) Стат., «Сильв.», I, 2, 229 слл. Ювен., 2, 132. Ср. относительно этихъ officia Rossbach, ук. соч., примѣч. 920.—[9]) Десять свидѣтелей встрѣчаются и въ послѣдующее время. Marquardt, «Privatleb.», изд. 2-ое, I, 48, 3.—[10]) Сенека, «Controv.», VII, 21. [11]) Стат., тамъ же, 231. Ювен., 6, 239. Луканъ, «Фарс.», II, 354. Claudian., «Nupt. Honor. et Mariae», 206, слл. Ср. вообще. Апул., «Метам.», IV, 81, и Тац., «Анн.», XI, 27.—[12]) Marquardt, стр. 49 и 52. Ср. Karlowa, «Formen d. röm. Ehe und manus», стр. 10. Сидон. Аполл., «Письм.», II, 10; I, 5.

устраивались помосты [1]. Встарину невѣсту провожали въ домъ ея супруга только съ восходомъ вечерней звѣзды; потомъ обычай этотъ вышелъ изъ употребленія, но во время проводовъ невѣсты все еще зажигались факелы [2]; на улицахъ, по всей вѣроятности, также горѣли торжественные огни [3]. Звуки флейты сливались съ восторженными напѣвами необузданныхъ пѣсенъ [4]. Невѣсту переносили черезъ порогъ ея новаго дома [5] и, если свадебный пиръ не состоялся уже въ домѣ ея родителей [6], то торжество заканчивалось пиршествомъ въ домѣ жениха, во время котораго новобрачная возлежала рядомъ со своимъ молодымъ супругомъ [7]. Роскошь этихъ пиршествъ Августъ пытался ограничить закономъ: свадьба и послѣдующія торжества не должны были стоить больше 1000 сест. Ничтожность этой суммы заставляетъ думать, что законъ этотъ никогда не соблюдался [8]. Стоимость пиршества (не говоря уже о массовыхъ угощеніяхъ и раздачѣ денегъ кліентамъ) увеличивалась еще вслѣдствіе обычая раздавать гостямъ денежный подарокъ въ знакъ благодарности за оказанную ими дому честь. Люди, желавшіе избѣгнуть этихъ шумныхъ празднествъ и крупныхъ расходовъ, устраивали свою свадьбу въ сельской тиши; такимъ образомъ имъ также была дана возможность не принимать „многочисленныхъ и надоѣдливыхъ“ приглашеній на празднества, которыми осыпали новобрачныхъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, поступили Апулей и Пудентилла въ Эѣ (въ Африкѣ) [9]; и въ остальныхъ провинціяхъ и въ Римѣ несомнѣнно существовалъ тотъ же обычай.

Въ виду того, что женщины рано вступали въ бракъ, событіе это въ большинствѣ случаевъ должно было являться очень рѣзкимъ переходомъ отъ безусловной зависимости къ неограниченной свободѣ, неожиданнымъ и неизмѣримымъ расширеніемъ ихъ жизненнаго кругозора. Дѣло въ томъ, что въ домахъ, гдѣ придерживались строгихъ нравовъ, дѣвушки росли въ строгой замкнутости; объ этомъ мы можемъ заключить хотя бы по аналогіи съ современнымъ воспитаніемъ дѣвушекъ въ южныхъ странахъ. Овидій, правда, оправдываетъ непристойность своихъ стихотвореній тѣмъ, что они далеко не такъ развратны, какъ тѣ мимы, на представленіяхъ которыхъ, однако, присутствуютъ женщины и взрослыя дѣвушки [10]. Но приходится думать, что женщины и дѣвушки, о которыхъ онъ говоритъ, не принадлежали къ хорошимъ семьямъ; здѣсь дочери, какъ и встарину, не присутствовали даже на пиршествахъ, гдѣ онѣ могли услышать рѣчи, не подходящія для дѣвственныхъ ушей [11]. Дочери изъ знатныхъ семействъ, дѣйствительно, непосредственно изъ дѣтской переходили къ замужней жизни, подтвержденіемъ чему являются и вышеприведенныя слова Плинія Младшаго о дочери Минуція Фундана. Послѣ жизни въ самомъ тѣсномъ кругу онѣ вдругъ попадали въ огромный, блестящій, красочно-богатый міръ. Нравы и обычаи не возбраняли

---

[1]) Ювен., 6, 79. Ср. примѣч. Heinrich'а и Тац., «Анн.», XIV, 13.—[2]) Мартіалъ, XII, 42, 3.—[3]) Статій, ук. м., 231. Ср. «Epithal. Laurentii, Anthol. lat.», Riese, 742, ст. 59. [4]) Rossbach, стр. 340 слл. Marquardt, стр. 54. — [5]) Marquardt, стр. 55, 11.—[6]) Тамъ же, стр. 52 слл.—[7]) Діонъ, XLVIII, 44. Ювен., 2, 120. Тац., «Анн.», XI, 29.—[8]) Геллій, II, 24. Rossbach, стр. 326. —[9]) Апул., «Апол.», 539.—[10]) Овид., «Трист.», II, 501. Ср. также Choric., «Apologie des mimes», ed. Ch. Graux («Rev. de philol.», N. S. I [1877], стр. 222 сл.).—[11]) Varro, ap. Non., 247, 18 (Sat. Menipp. rell. ed. Bücheler, 11, чему не противорѣчатъ Мартіалъ, X, 98, 3 и Светоній, «Клавд.», гл. 32).

имъ пользоваться тѣми наслажденіями и развлеченіями, которыя предоставлялъ имъ этотъ новый міръ въ постоянномъ разнообразіи и изобиліи, но и не были въ состояніи оградить ихъ отъ его безчисленныхъ искушеній и опасностей.

Въ своемъ домѣ онѣ занимали въ высшей степени самостоятельное положеніе. Древне-римское семейное право, предоставлявшее хозяину дома самую неограниченную власть надъ всѣми домочадцами, съ теченіемъ вѣковъ было понемногу ослаблено и, наконецъ, совершенно уничтожено. Эманципація женщинъ была завершена, когда законъ предоставилъ имъ полное право собственности на то имущество, которое было внесено ими въ домъ, какъ приданое [1]). Въ такъ называемомъ свободномъ бракѣ, который былъ обычнымъ явленіемъ въ эпоху имперіи, только деньги изъ приданаго переходили къ мужу (но даже и это его право было ограничено), все же остальное имущество жены оставалось ея собственностью, и по закону мужъ даже не имѣлъ права пользоваться имъ. Дарственныя записи между мужемъ и женой допускались только въ строго опредѣленныхъ случаяхъ. Женщины, по всей вѣроятности, часто пользовались этимъ своимъ правомъ и съ помощью такого дара добывали для своихъ мужей званіе всадника или сенатора [2]). Мартіалъ восхваляетъ нѣкую Нигрину, которая подѣлила свое отцовское состояніе между собою и своимъ супругомъ (который умеръ впослѣдствіи въ Каппадокіи): она доказала любовь свою прекраснѣе, чѣмъ Эвадна и Алкеста [3]). Неприкосновенностью имущества жены пользовались иногда при злостныхъ банкротствахъ. Если человѣкъ прекращалъ платежи, успѣвъ записать все свое имущество на имя жены до объявленія его несостоятельнымъ, то кредиторы не имѣли на него никакого права. Апулей утверждаетъ, что отецъ его обвинителя, Гереннiй Руфинъ, совершилъ такой обманъ во время своего банкротства, послѣ котораго онъ остался бѣднымъ и нагимъ, покрытымъ только позоромъ, но зато оставилъ своему сыну состояніе въ 3 милліона [4]).

Домоправители богатыхъ женщинъ, которымъ онѣ поручали свои „драгоцѣнные камни, золотую утварь, вина и любимыхъ рабовъ“, были въ большинствѣ случаевъ испытанными вольноотпущенниками [5]). Но, кромѣ этихъ, у нихъ часто бывали еще собственные дѣлопроизводители, иногда свѣдущіе въ законахъ (прокураторы), которые были, конечно, до нѣкоторой степени въ то же время друзьями, совѣтчиками и повѣренными. Надгробный памятникъ какой-то Паулины (въ Сестинѣ въ Умбріи) былъ воздвигнутъ ей ея другомъ и прокураторомъ Петроніемъ Юстомъ [6]). Ученый вольноотпущенникъ М. Лепида (консула въ 6 г. по Р. Хр.), по имени Пудентъ, былъ прокураторомъ его дочери, Эмиліи Лепиды, жены Друса (который умеръ въ 33 г. по Р. Хр.), усыновленнаго внука Тиберія. Въ 36 г. она покончила жизнь самоубійствомъ, чтобы избѣгнуть осужденія за прелюбодѣяніе съ рабомъ. Пудентъ хвалится на одной надписи тѣмъ, что онъ охранялъ ея нравственность: пока онъ былъ живъ, она оставалась супругой принца императорскаго дома [7]). Цицеронъ въ

---

[1]) Rossbach, стр. 55.—[2]) Marquardt, «Handb. d. Röm. Alt.», 1-е изд., II, 3 пр. 885.—[3]) Март., IV, 75, IX, 30.—[4]) Апул., «Апол.», 523.—[5]) Мартіалъ, XII, 49. C. I. L. VIII, 8993.—[6]) «Bull. dell'Inst.», 1856, стр. 141, 4.—[7]) Orelli, 639=C. I. L. VI, 9449, ср. Borghesi, «Oeuvres», V, 296—298 и его замѣчаніе относительно Nipperdey, «Tac. Annal.», VI, 40. Mommsen, C. I. L. V, 2, стр. 57, № 592. Ср. также C. I. L. X, 3399.

своей рѣчи за Цецину посмѣивается надъ Эбутіемъ, который велъ дѣла и процессы вдовы Цезенніи и внушилъ ей такое мнѣніе о себѣ, что она была увѣрена, будто безъ него ничего путнаго не можетъ быть сдѣлано. Роль, которую онъ разыгрываетъ, извѣстна изъ обыденной жизни: покорный слуга женщинъ, заступникъ вдовъ, сварливый защитникъ, вздорный и глупый среди мужчинъ, лукавый и свѣдущій въ законахъ среди женщинъ [1]). Подобныя отношенія становились довольно сомнительными, когда избранникъ былъ красивъ, фатоватъ и молодъ и игралъ одновременно роль чичисбея. „Кто этотъ кудрявый человѣчекъ,—спрашиваетъ Мартіалъ одного снисходительнаго мужа,—который ни на шагъ не отстаетъ отъ твоей жены, постоянно что-то нашептываетъ ей на ухо и правой рукой обнимаетъ ея кресло? Онъ ведетъ дѣла твоей жены? Тогда это, конечно, надежный и строгій человѣкъ, уже по лицу котораго видно, что онъ прокураторъ. Проницательностью своею онъ, навѣрно, превосходитъ самого Авфидія Хія (извѣстнаго, какъ прелюбодѣя, юриста). Онъ ведетъ дѣла твоей жены? О, глупецъ! твои собственныя дѣла ведетъ онъ!" [2]). Въ вымышленныхъ уголовныхъ дѣлахъ, которыя предлагались ученикамъ риторовъ для упражненій въ обвиненіи и защитѣ, встрѣчался „красивый прокураторъ" и былъ, должно-быть, часто встрѣчающейся фигурой въ темахъ о прелюбодѣяніи. Въ эпоху Августа была предложена съ только-что названной цѣлью слѣдующая тема: „Одинъ человѣкъ женился послѣ смерти своей жены, отъ которой у него былъ сынъ, во второй разъ, и отъ этого брака тоже родился сынъ. Въ домѣ его находился красивый прокураторъ. Такъ какъ между мачехой и пасынкомъ постоянно происходили ссоры, то онъ приказалъ сыну покинуть его домъ. Послѣдній нанялъ квартиру въ сосѣднемъ домѣ. Молва поговаривала о преступныхъ отношеніяхъ между прокураторомъ и женой. Въ одно прекрасное утро мужа находятъ убитымъ въ спальнѣ, жену—раненой, стѣну, раздѣлявшую оба дома, проломанной. Родственники спрашиваютъ пятилѣтняго сына, спавшаго въ одной комнатѣ съ родителями, не знаетъ ли онъ, кто убійца. Ребенокъ показываетъ пальцемъ на прокуратора. Прокураторъ обвиняетъ въ убійствѣ сына, а этотъ, въ свою очередь,—прокуратора" [3]). Въ своемъ сочиненіи о бракѣ Сенека описываетъ свиту, въ сопровожденіи которой молодая жена является въ свой новый домъ. Въ этой свитѣ находится и прокураторъ „съ кудрявыми волосами, подъ именемъ котораго скрывается любовникъ" [4]). Астрологъ Фирмикъ Матернъ часто упоминаетъ прокураторовъ богатыхъ и знатныхъ женщинъ [5]), а Іеронимъ совѣтуетъ своимъ христіанкамъ не появляться въ обществѣ „кудряваго прокуратора" [6]).

Само собою разумѣется, что женщины, пользуясь своимъ независимымъ положеніемъ—въ особенности же, если онѣ могли похвастаться длиннымъ рядомъ предковъ [7])—зачастую захватывали въ свои руки бразды правленія и становились повелительницами своихъ мужей въ полномъ смыслѣ этого слова. Описывая первобытное состояніе скиѳовъ, Горацій указываетъ какъ

[1]) Циц., «рѣчь за Цецину», 5, 14.—[2]) Мартіалъ, V, 61. Относительно Авфидія Хія ср. Teuffel, «Röm. Litteraturgesch.», изд. 4-ое, 328, 1.—[3]) Сенека, «Controv.», VII, 5 (20).—[4]) Сенека, «De matrimon.» (ed. Haase III, 429).—[5]) Фирм. Мат., «De mathesi». III. 7. 9. 8. 7. IV, 6, 1 и т. д.—[6]) Іерон., «Письм.», 54; 13, 79, 9. Lebas, Waddington, II, 243a.—[7]) Мартіалъ, V, 37, 22. Ср. V, 17.

на характерное явленіе, что у нихъ „богатая жена не повелѣваетъ своимъ мужемъ“ [1]). „Почему я не хочу жениться на богатой женщинѣ?—спрашиваетъ Мартіалъ,—потому что не питаю ни малѣйшаго желанія стать женою моей жены“ [2]). Онъ находилъ, что легче переносить кокетство и заносчивость избалованныхъ красавцевъ-мальчиковъ, чѣмъ приданое въ одинъ милліонъ [3]).

По словамъ Ювенала, тоже нѣтъ „ничего болѣе невыносимаго, какъ богатая жена“ [4]). Уже у римлянъ, между прочимъ, какъ и у грековъ, башмакъ являлся символомъ власти жены надъ мужемъ [5]).

Мнимые браки, на которые за плату соглашались бѣдные мужчины, были также нерѣдкимъ явленіемъ. Съ помощью такого брака можно было обойти законъ противъ безбрачія, и въ то же время имѣть полную возможность наслаждаться неограниченной свободой. Сенека говоритъ объ этомъ въ своей книгѣ о бракѣ [6]), а Мартіалъ посмѣивается: „Твою Лелію, которая вышла за тебя замужъ по принужденію закона, ты, Квинтъ, дѣйствительно можешь назвать законной супругой“ [7]). Тертулліанъ говоритъ о терпимости купленныхъ мужей по отношенію къ своимъ соперникамъ [8]), равнымъ образомъ и Іеронимъ говоритъ о бѣдныхъ мужьяхъ, которые соглашаются носить одно только имя супруга и которыхъ за малѣйшее противорѣчіе прогоняютъ [9]).

Случалось также, что женщины сенаторскаго званія жили въ незаконномъ бракѣ съ мужчинами, за которыхъ онѣ по закону не могли выйти замужъ, не лишившись своего званія, главнымъ образомъ, съ вольноотпущенниками (по той же причинѣ въ такомъ же бракѣ жили и сенаторы, съ вольноотпущенницами); римскій епископъ Каллистъ (218—222 гг.) разрѣшалъ подобныя сожительства знатнымъ женщинамъ своего прихода, и притомъ самымъ опредѣленнымъ образомъ [10]). Въ другихъ классахъ общества чаще случалось, что бывшія рабыни становились законными супругами своего господина [11]), чѣмъ, что женщины выходили замужъ за своихъ вольноотпущенниковъ; въ началѣ III вѣка, по крайней мѣрѣ, законъ разрѣшалъ это только женщинамъ низшихъ классовъ [12]). Вольноотпущенникъ Тиб. Клавдій Гермесъ, женившійся на своей 25-тилѣтней госпожѣ и прожившій съ нею 22 года „благодаря добротѣ ея, безъ ссоръ“, говоритъ въ надгробной надписи, которую онъ воздвигъ „своей прекрасной благодѣтельницѣ и въ то же время самой вѣрной супругѣ“, что съ помощью ея благодѣянія онъ добился довѣрія и почета на всю свою жизнь [13]). Надгробная надпись одной рабыни, ставшей законной супругой своего господина, гласитъ такъ: „Я была Аниціей Гликерой, вольноотпущенницей П. Аниція. О жизни моей достаточно сказать, что честность моя была испытана, такъ какъ мною былъ доволенъ хорошій мужъ“ [14]).

—

[1]) Горац., «Од.», III, 24, 19.—[2]) Мартіалъ, XIII, 12.—[3]) Его же, XII, 75, 6.—[4]) Ювен., 6, 460; ср. 136 слл.—[5]) Jahn, ad Persium, 5, 169, стр. 207.—[6]) Сенека, изд. Haase, III, стр. 434.—[7]) Мартіалъ, V, 75.—[8]) Tertullian., «Patient.», гл. 16.—[9]) Hieronym., «Epp.», 16.—[10]) Hippolyt. «Refut. haeres.», IX, 12. Tertullian., «ad uxor.», II, 8. Ср. De Rossi, «Bull. di archeol. cristiana», 1866, стр. 26a.—[11]) Fabretti «Inscr. dom.», 290. Orelli, 3024—3031. C. I. L. X, 5920. «Bull. comm. di Roma», 1886, стр. 229, 1267.—[12]) Ulpian. l. XXXIV, «ad Sabin.», «Digg.», XXIII, 2, 13. Ср. Marquardt, «Privatleben», изд. 2-е, I, 77, 1. C. I. L. V, 2, 7768 (Генуя).—[13]) C. I. L. VI, 2, 15106.—[14]) Orelli, 4649=C. I. L. V, 1, 1071.

Одинъ изъ законовъ Августа запрещалъ вольноотпущенницамъ, вышедшимъ замужъ за своего патрона, добиваться развода безъ его согласія; кодексъ Юстиніана сохранилъ этотъ законъ [1]).

Римлянки были самостоятельны не только внутри дома, но и въ обществѣ. Даже въ первыя времена республики свобода ихъ ничѣмъ не ограничивалась, въ разрѣзъ съ жизнью гречанокъ, высшей славой которыхъ было, „если о нихъ среди мужчинъ говорилось какъ можно меньше, безразлично—будь то съ похвалой или съ порицаніемъ", для которыхъ границей являлся порогъ дома, который онѣ могли переступать только въ исключительныхъ случаяхъ, не навлекая на себя дурной славы. Хотя въ древнемъ Римѣ предпочтительно цѣнились только хозяйственныя добродѣтели матроны, но тѣмъ не менѣе обычай никогда не отстранялъ ея отъ свѣтской и вообще общественной жизни. Корнелій Непотъ сопоставляетъ въ предисловіи къ своимъ біографіямъ главныя различія греческаго и римскаго быта. „Какой римлянинъ,—спрашиваетъ онъ,—постыдился бы отправиться на пиръ вмѣстѣ съ женою, и чья жена не живетъ въ передней части дома и чуждается общества?" [2]). Римскимъ женщинамъ разрѣшалось также посѣщать представленія и вообще общественныя мѣста. По мѣрѣ того, какъ семейное право стало все болѣе и болѣе разлагаться, а старая строгость нравовъ исчезать, понемногу стала укрѣпляться тенденція освободиться также отъ всѣхъ внѣшнихъ принужденій, такъ что къ началу имперіи общественное положеніе римлянки ничѣмъ уже не было стѣснено.

Что касается сословнаго положенія и званія женщинъ съ присущими имъ титулами, привилегіями и знаками отличія, то все это было такъ же строго регулировано какъ и у мужчинъ [3]). Само собою разумѣется, что званіе и сословное положеніе женщины въ большинствѣ случаевъ опредѣлялось званіемъ и общественнымъ положеніемъ мужа, но императоры удостаивали иногда консуларскаго званія (и находящихся въ связи съ ними знаковъ отличія) такихъ женщинъ, главнымъ образомъ, своихъ родственницъ, мужья которыхъ не были консуларами [4]). Иногда же, но это случалось очень рѣдко, они оставляли за ними это званіе и въ томъ случаѣ, если онѣ выходили замужъ во второй разъ за менѣе знатнаго человѣка; такъ, напримѣръ, Антонинъ (Элагабалъ) позволилъ своей теткѣ Юліи Маммеѣ сохранить консуларское званіе при вступленіи въ бракъ (отъ котораго родился будущій императоръ Александръ) съ Гессіемъ Марціаномъ, который принадлежалъ къ сословію всадниковъ [5]). Онъ же возвелъ въ консуларское достоинство мать своего фаворита Іерокла, карійскую рабыню [6]). Почетъ, которымъ пользовались женщины, обладающія консуларскимъ званіемъ (къ которымъ Ульпіанъ причисляетъ только женъ и исключаетъ матерей консуларовъ), былъ, по всей вѣроятности, очень великъ, такъ какъ вопросъ о томъ, кому принадлежитъ

---

[1]) Ulpian., l. XLVII, ad edict. D. XXXVIII, 11, l. un. § 1. Joers, «Verhältnis der lex Julia» и т. д., стр. 19 сл.—[2]) Корнел. Неп., «praef.», 8.—[3]) Ср. Naudet, «De la nobesse», стр. 100 сл. Относительно титула femina clarissima—см. выше, стр. 139.—[4]) «Elagabal.», гл. 4.—[5]) Ulpian., l. II, «de censibus» («Digg.», I, 9, 12). Но Марціанъ былъ впослѣдствіи возведенъ въ сенаторское достоинство, такъ какъ былъ въ 213 г. арваломъ, Mommsen, «Staatsr.», III, 1, 468, 4.—[6]) Діонъ, LXXIX, 15.

преимущество—имъ ли или префекту—считался спорнымъ, и Ульпіанъ не могъ дать на него опредѣленнаго отвѣта [1]).

Въ случаяхъ вступленія какой-нибудь женщины въ первое сословіе происходило собраніе „корпораціи женщинъ“ (conventus matronarum) [2]). Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что первоначально эта корпорація была организована съ религіозными цѣлями и существовала, можетъ быть, въ глубокой древности [3]); въ I в. по Р. Хр. она упоминается нѣсколько разъ. Агриппина, мать Нерона, послѣ смерти своего супруга Домитія, стала всевозможными путями и на виду у всѣхъ преслѣдовать будущаго императора Гальбу, мужа нѣкой Лепиды; мать Лепиды въ женскомъ конвентѣ очень бурно потребовала отъ нея объясненій и даже ударила ее [4]). „Цѣлыми ночами,—говоритъ Сенека,—мужъ долженъ слушать жалобы своей жены: на такой-то въ обществѣ бываютъ болѣе роскошныя украшенія, такая-то пользуется всеобщимъ почетомъ, меня же бѣдную никто въ женскомъ конвентѣ не уважаетъ“ [5]). Но относительно состава, устава и правъ этой корпораціи мы ничего опредѣленнаго не знаемъ. У нея, какъ и у подобныхъ обществъ въ другихъ городахъ (напримѣръ, женская курія въ Ланувіи, удостаивавшаяся во время публичныхъ празднествъ двойной порціи обѣда, и женская корпорація въ Неаполѣ, во главѣ „святого дома“ которой находилась жрица) [6]), имѣлось свое помѣщеніе для собраній (curia) на Квириналѣ, второе, можетъ быть, на форумѣ Траяна, гдѣ были найдены надписи: „императрица Сабина женщинамъ“, „Юлія, мать императоровъ (Каракаллы и Геты) и войска, возстановила это для женщинъ“ [7]). Элагабалъ велѣлъ соорудить для нихъ новое зданіе на Квириналѣ и расширилъ кругъ дѣятельности этого „женскаго сената“, поручивъ ему своего рода законодательство противъ роскоши и упорядоченіе цѣлаго ряда вопросовъ этикета: какую одежду должна, соотвѣтственно своему званію, носить женщина; которыя изъ нихъ пользуются предпочтеніемъ; кто изъ нихъ долженъ пойти навстрѣчу другимъ для поцѣлуя; какой видъ колесницы и упряжи (лошади, ослы, мулы, волы) приличествуетъ каждой изъ нихъ; кто изъ нихъ имѣетъ право пользоваться носилками (и чѣмъ они тогда должны быть украшены, серебромъ или слоновой костью); чья обувь можетъ быть украшена золотомъ и драгоцѣнными камнями [8]). Біографъ Элагабала называетъ эти „сенатскія постановленія“ смѣшными. Біографъ Авреліана говоритъ, что этотъ императоръ вернулъ женщинамъ ихъ сенатъ и постановилъ, что первыми въ немъ должны быть тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ жреческое достоинство. Непосредственно за этимъ онъ сообщаетъ о данномъ женщинамъ разрѣшеніи носить красные, желтые, бѣлые и зеленые башмаки, что мужчинамъ было запрещено; очень возможно, что это разрѣшеніе было вы-

[1]) Ulpian. l. II, «de censibus» («Digg.», I, 9, 1). C. I. L. II, 1174. (Гиспали). C. I. L. VIII, 8993. C. I. L. IX, 6414 b. (Аскули). C. I. G. 3104, 3908, 4380b, 2, 4774). Mommsen, «Staatsr.», III, 1, 468, 3.—[2]) «Elagabal.», гл. 4.—[3]) Ливій, V, 25, XXVII, 37; ср. Becker, «Topogr.», Прим., 1247.—[4]) Светон., «Гальба», гл. 5.—[5]) Сенека, «De matrimonio», ed. Haase, III, стр. 428, 49.—[6]) Orelli, 3740, съ чѣмъ Henzen, «Bull. dell' Inst.», 1846, стр. 73, и Franz, C. I. G. III, стр. 748, сопоставили неаполитанскую надпись C. I. G. 5838.—[7]) Orelli, 805; ср. Henzen, III, стр. 82: Ср. Mommsen, «Epigraph. Anal.», 14 («Ber. d. Sächs. Ges.», 1850, стр. 298) и C. I. L. I, 1343 (фрагментъ изъ Косы, гдѣ встрѣчаются matronae и magistrae).—[8]) «Elagabal.» ук. м.—ср. Marquardt, «Privatleb.», изд. 2-ое, II, 735.

звано предложеніемъ или постановленіемъ „женскаго сената“ [1]). Матерямъ троихъ дѣтей позволялось носить особое почетное платье (по всей вѣроятности, уже въ эпоху Августа), представлявшее собою особый и отличающійся какимъ-нибудь украшеніемъ видъ столы, которая носилась всѣми безпорочными женщинами. Когда стола впослѣдствіи (въ эпоху первыхъ императоровъ) вышла изъ употребленія, то это почетное платье и титулъ носительницы его (stolata femina) продолжали существовать и, безъ всякаго сомнѣнія, не только для матерей, но и для тѣхъ женщинъ, которымъ императоры пожаловали права, связанныя съ материнствомъ [2]).

Дѣвушкамъ высшихъ классовъ, какъ уже говорилось, послѣ тихой и зависимой жизни въ родительскомъ домѣ, при вступленіи въ бракъ сразу же предоставлялась почти ничѣмъ неограниченная свобода. Цѣлый рядъ новыхъ впечатлѣній, упоительныхъ и ошеломляющихъ, со всѣхъ сторонъ окружали ее. Всѣ обращались къ молодой женщинѣ, даже самъ мужъ ея, съ почтительнымъ привѣтствіемъ „domina“, которое соотвѣтствуетъ французскому „madame“ (современное донна) [3]). Сотни рукъ были готовы исполнить малѣйшее ея приказаніе. Въ этомъ маленькомъ мірѣ, который представлялъ собою большой домъ съ его обширными помѣстьями, легіонами рабовъ, толпами кліентовъ и подчиненныхъ, отъ ея воли зависѣло счастье и несчастье, даже жизнь и смерть многихъ [4]). Юноши и сѣдовласые мужчины, ученые и герои, заслуженные и высокородные люди добивались ея благосклонности. Независимо отъ того, какія у нея были притязанія на восхищеніе, будь то красота, умъ, талантъ или образованіе,—она могла быть увѣрена въ блестящемъ успѣхѣ. Въ тѣхъ кругахъ, въ которые она входила, тщеславіе и желаніе нравиться находили себѣ полное удовлетвореніе, интрига—самую благодарную почву, страсть—сильное возбужденіе, кокетство—неисчерпаемое разнообразіе, такъ что болѣе слабыя натуры не могли не уступить этому множеству искушеній. „Опасность грозитъ тому,—говоритъ Сенека,—что вызываетъ тоску и безчисленныя желанія; однѣ прельщаютъ красой, другія—умомъ, третьи—остроуміемъ, четвертыя—щедростью: то, что подвергается нападенію со всѣхъ сторонъ, какъ-нибудь и когда-нибудь да сдастся“ [5]). Женскому честолюбію открывалась самая широкая перспектива. Многія женщины знатнаго происхожденія, вступивъ во второй бракъ, возсѣдали на императорскомъ тронѣ!

О нравственности женщинъ свидѣтельствуютъ факты и общія замѣчанія современниковъ изъ различныхъ періодовъ этого промежутка времени. Что касается этихъ отзывовъ, то всѣ они, почти безъ исключенія, очень нелестны, но, ввиду именно своей всеобщности, они вызываютъ нѣкоторое подозрѣніе, и ими приходится пользоваться съ большой осмотрительностью. Кромѣ того, жалобы на безнравственность женщинъ изстари уже раздавались въ Римѣ. Консулъ (133 г.) Л. Пизонъ Фруги, свидѣтельство котораго является боль-

[1]) «Aurelian.», гл. 49.—Hieronym., «Epp.», 43 (ad Marcellam).—[2]) Huebner, «Comment. in hon. Mommseni», стр. 104 слл., гдѣ собраны надписи всѣхъ stolatae feminae; ср. также. Lebas-Waddington, «Asie mineure», «Additions», 1606 (Афродизіада). Marquardt, «Privatleb.», изд. 2-ое, II, 575 слл.—[3]) Древнѣйшій примѣръ формы domna—граффито въ Помпеяхъ, De Rossi, «Bull. crist.», 3, serie II (1877), стр. 107.—[4]) Ювен., 6, 212 слл.—[5]) Seneca, «De matrimonio», ed. Haase, III, 429.

ной порукой, сообщаетъ въ своихъ анналахъ, что уже со времени цензорства М. Мессаллы и Г. Кассія (154 г. до Р. Хр.) цѣломудріе въ Римѣ перестало существовать [1]). Въ противоположность этому, до насъ дошло изъ эпохи послѣднихъ гражданскихъ войнъ, роковымъ послѣдствіемъ которыхъ было, конечно, полное паденіе нравовъ, свидѣтельство Веллея, не вызывающее никакого сомнѣнія и очень лестное для женщинъ Рима: въ то время, какъ сыновья лицъ, подвергшихся проскрипціямъ вторыхъ тріумвировъ, оказались всѣ безъ исключенія людьми вѣроломными, а вольноотпущенники ихъ только отчасти отличались преданностью, жены ихъ обнаружили величайшую вѣрность [2]). Изъ этого видно, что отзывамъ слѣдующаго поколѣнія, говорящимъ обратное, не слѣдуетъ очень довѣрять. Когда Августъ началъ борьбу съ безбрачіемъ, то въ сенатѣ въ 18 г. ссылались на безнравственность женщинъ [3]); патетическія восклицанія Горація, какъ и страдальческія жалобы Пропертія, согласуются съ грубыми шутками Овидія: въ Римѣ, по ихъ словамъ, нѣтъ цѣломудренныхъ женщинъ. „Многогрѣшные вѣка,—говоритъ Горацій въ одной изъ своихъ торжественныхъ политическихъ одъ,—запятнали сначала бракъ, родъ и семью. Проистекая изъ этого источника, несчастіе полилось на государство и народъ“ [4]). „Скорѣе можно было бы,—говорится у Пропертія,—осушить дно морское и сорвать человѣческой рукой звѣзды съ неба, чѣмъ помѣшать нашимъ женщинамъ грѣшить“. Женская вѣрность существуетъ только на дальнемъ востокѣ, гдѣ вдовы, бросаясь на костеръ супруга, стараются опередить въ этомъ одна другую. Наши же супруги вѣроломны, и среди нихъ нѣтъ ни одной Эвадны, ни одной Пенелопы [5]). „Цѣломудріемъ,—говоритъ Овидій,—отличаются только тѣ женщины, за которыми никто не сватался,—а мужъ, гнѣвающійся на невѣрную супругу, слишкомъ ужъ простоватъ и, должно-быть, незнакомъ съ римскими нравами“ [6]). Подобныя жалобы впослѣдствіи все снова и снова повторяются; не было также недостатка въ мѣрахъ, принятыхъ противъ все усиливающейся безнравственности женщинъ. Въ 19 г. по Р. Хр. нѣкая Вистилія, родомъ изъ преторской семьи, сама объявила себя проституткой. Ее сослали на скалистый островъ въ Архипелагѣ, а сенатъ послѣ этого постановилъ строго запретить заниматься проституціей тѣмъ женщинамъ, дѣдъ, отецъ или мужъ которыхъ были всадниками. Въ тѣхъ случаяхъ, когда женщины нарушали цѣломудріе, но не было публичнаго обвинителя, въ качествѣ такового, по старому обычаю, долженъ былъ выступить кто-нибудь изъ родственниковъ [7]). Сенека Старшій говоритъ, что упадокъ нравственности въ Римѣ дошелъ до такихъ размѣровъ, что никого не сочтутъ слишкомъ легковѣрнымъ, если онъ заподозритъ женщину въ невѣрности [8]).

Сенека Младшій восхваляетъ свою мать за то, что нецѣломудренность, самое великое зло этого вѣка, не коснулось ея и не пріобщило ее къ большинству женщинъ [9]). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что женщины пре-

---

[1]) Plin., «N. h.», XVII, 245.—[2]) Веллей, II, 67.—[3]) Діонъ, LIV, 16.—[4]) Горац., «Од.», III, 6, 17 слл.; ср. III, 24, 20.—[5]) Проперт., III, 32, 49 слл. 13, 15—24; ср. III, 6, 25. IV, 12, 17.—[6]) Овид., «Am.», I, 8, 43; III, 4, 37. III, 19.—[7]) Тац., «Ann.», II, 85. Светон., «Тибер.», гл. 35; ср. Marquardt, «Privatleb.», изд. 2-ое, I, 79, 2.—[8]) Сенека, «Controv.», II, 15, стр. 172.—[9]) Его же, «Consol. ad Helv.», 16, 3; ср. также «ad Marc.», 24, 3.

зираютъ того, кто не выдѣлился какой-нибудь любовной исторіей и не платитъ ежегодной пенсіи замужней женщинѣ [1]), и называютъ его возлюбленнымъ прислугъ [2]). Онъ утверждаетъ даже, что дѣло дошло до того, что мужья у нихъ существуютъ только для раздраженія любовниковъ. Цѣломудріе—признакъ безобразія. Гдѣ найти такую женщину, которою настолько пренебрегаютъ, что ей приходится довольствоваться только мужемъ и немногими любовниками? Онѣ распредѣляютъ день между любовниками, и его даже не хватаетъ на всѣхъ. Связь съ однимъ только любовникомъ онѣ называютъ бракомъ, и та, которая этого не знаетъ, является глупой и отсталой [3]). Когда вступилъ на престолъ Веспасіанъ, то, по словамъ Светонія, развратъ, вслѣдствіе отсутствія карательныхъ мѣръ, достигъ крайнихъ предѣловъ; по предложенію императора сенатъ постановилъ, что женщины, вступившія въ связь съ чужими рабами, будутъ считаться рабынями [4]). „Я давно уже спрашиваю по всему городу,—говоритъ Мартіалъ,—не скажетъ ли хоть одна женщина „нѣтъ". Ни одна не скажетъ—„нѣтъ"; точно это не дозволено или постыдно: ни одна не скажетъ „нѣтъ". Значитъ, ни одна изъ нихъ не цѣломудренна? Тысячи цѣломудренны. Что же дѣлаютъ эти? Онѣ не говорятъ „да", но не говорятъ и „нѣтъ" [5]). Тацитъ восхищается Германіей, гдѣ никто не смѣется надъ порокомъ, и гдѣ развратъ не называется духомъ времени [6]). Описанія въ шестой сатирѣ Ювенала, какъ бы они не были преувеличены, болѣе или менѣе должны были соотвѣтствовать дѣйствительности. Маркъ Аврелій былъ принужденъ противодѣйствовать развращенности женщинъ и знатныхъ юношей [7]). Кассій Діонъ нашелъ, въ качествѣ консула, запись 3000 процессовъ, вызванныхъ закономъ Севера, который былъ направленъ противъ прелюбодѣяній; но это были только тѣ случаи, которые подлежали разбору въ консуларо-сенаторскомъ судѣ, и обвиненные, значитъ, принадлежали главнымъ образомъ къ высшимъ классамъ [8]). Послѣ того, какъ Септимій Северъ заключилъ миръ съ каледонцами (211 г.), императрица Юлія въ разговорѣ съ женой одного ихъ вождей стала посмѣиваться надъ существующей у нихъ общностью женъ, на что эта отвѣтила: каледонянки лучше римлянокъ, тайно живущихъ съ худшими, тогда какъ онѣ открыто общаются съ лучшими [9]). Въ древности уже, къ слову сказать, рога являлись символомъ обманутаго супруга [10]).

Очень возможно, что приведенные здѣсь отзывы современниковъ были вызваны отчасти неправильными и односторонними наблюденіями, минутнымъ настроеніемъ и раздраженіемъ, отчасти же они получили свою окраску вслѣдствіе разсчета на риторическій эффектъ, но все же приведенные здѣсь факты не лишены нѣкоторой значительности, да и вообще нѣтъ недостатка въ симптомахъ, указывающихъ на широкое распространеніе испорченности. Сюда прежде всего относится то вредное легкомысліе, съ которымъ заключались и расторгались браки и которое порождалось и питалось тѣмъ произволомъ,

---

[1]) Ср. Marquardt, стр. 78, 8.—[2]) Сенека, «De Beneff.», I, 9, 3.—[3]) Сенека, «De Beneff.», III, 16, 3.—[4]) Светон., «Веспас.», гл. 13.—[5]) Мартіалъ, IV, 71.—[6]) Тац., «Герм.», гл. 19.—[7]) М. «Anton.», гл. 23.—[8]) Mommsen., «Staatsr.», изд. 3-е, II, 125, 1.—[9]) Діонъ, LXXVI, 16.—[10]) Salmas. ad Tertull. «De pall.», стр. 301 сл. Huschke, «Annall. crit.», стр. 168.

съ которымъ совершались разводы [1]). Человѣкъ преторскаго званія женился во время диктатуры Юлія Цезаря на женщинѣ, разведенной за два дня до этого: Цезарь расторгъ этотъ бракъ, хотя въ этомъ случаѣ и не было подозрѣнія, что браку предшествовало прелюбодѣяніе [2]). Тиберій отрѣшилъ отъ должности квестора, который женился за день до распредѣленія по жребію квесторскихъ должностей (чтобы воспользоваться преимуществами женатыхъ), а на другой день развелся съ женой [3]). У Мартіала, жена бросила своего мужа въ январѣ того года, въ которомъ онъ долженъ былъ стать преторомъ, такъ какъ должность эта была сопряжена со слишкомъ большими тратами: „это не разводъ,—говоритъ поэтъ,—а выигрышъ“ [4]). Сенека говоритъ даже, что существуютъ женщины, считающія года не по консуламъ, а по своимъ мужьямъ [5]), а Ювеналъ,—что нѣкоторыя изъ нихъ разводятся еще до того, какъ успѣютъ завянуть зеленыя вѣтви, украшавшія входную дверь въ день ихъ свадьбы,—и доходятъ до того, что за пять лѣтъ перемѣняютъ восьмерыхъ мужей [6]). Тертулліанъ утверждаетъ, что женщины выходятъ замужъ только для того, чтобы развестись [7]): все это, конечно, или горькія, или шутливыя преувеличенія. Но какъ плохо должна была быть обставлена дѣйствительность, подававшая поводъ къ подобнымъ преувеличеніямъ! Продолжительные браки были, по всей вѣроятности, очень рѣдки, хотя ввиду ранняго заключенія ихъ, они могли бы быть самымъ естественнымъ явленіемъ. Въ похвальномъ словѣ Кв. Лукреція Веспиллона (консула въ 19 г. до Р. Хр.) своей женѣ Туріи, скончавшейся между 8 и 2 годомъ до Р. Хр., говорится: „Такая долгая брачная жизнь, которой кладетъ конецъ смерть, а не разводъ—рѣдкое явленіе; намъ же было суждено продлить его безъ поводовъ къ жалобѣ до 41 года“. Но и въ этомъ бракѣ супруга предложила своему мужу развестись послѣ смерти единственной, очевидно, дочери, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ вступить въ другой бракъ и имѣть дѣтей (что было частымъ поводомъ къ разводу уже ввиду того, что бездѣтные пользовались при раздѣлѣ наслѣдства меньшими правами). Она сама хотѣла найти ему новую супругу, быть второй матерью его дѣтямъ, а ему сестрой или тещей; состояніе ихъ не должно было быть подѣлено. Но мужъ въ самомъ страстномъ волненіи отказался отъ этого предложенія [8]). Тримальхіонъ Петронія хвалится тѣмъ, что отказался отъ предложеннаго ему по той же причинѣ развода, потому что онъ слишкомъ добродушенъ и не хочетъ навлечь на себя упрека въ вѣтренности [9]). Но большинство мужей не задумывалось долго въ подобныхъ случаяхъ, и нерѣдко случалось, что у нѣкоторыхъ были три жены (какъ у Овидія и Плинія Младшаго) [10]) или четыре (у Цезаря и Антонія), или даже пять (у Суллы и Помпея) [11]). Одна надгробная надпись намекаетъ на седьмой бракъ [12]), такъ

---

[1]) Въ продолженіе трехъ лѣтъ послѣ появленія закона отъ 20 сентября 1798 г. во Франціи насчитывалось 27000 разводовъ, вызванныхъ несогласіемъ. Sybel, «Gesch. d. Revolutionsz.», IV, 12; ср. Taine, «Origines de la France contemp. révolut.», III, 108, 1.— [2]) Светон., «Цез.», гл. 43.—[3]) Светон., «Тибер.», гл. 35.—[4]) Мартіалъ, X, 41. Ср. выше, стр. 121, 4.—[5]) Сенека, «Beneff.», III, 16, 2.—[6]) Ювен., 6, 223.—[7]) Тертулл., «Апол.», 6; ср. Мартіалъ, VI, 7.—[8]) Mommsen, «Abhandl. d. Berl. Akad.», 1863, стр. 461 (I, 27 сл.). 462 сл. (II, 31—50), C. I. L. VI, 1527.—[9]) Петрон., гл. 74.—[10]) Ср. Овид., «Trist.» IV, 69 слл. и относительно Плинія, Mommsen, «Hermes», III, 35.— [11]) Marquardt, «Privatleb.», изд. 2-ое, I, 72. C. I. L. VI, 3, 18659. Ср. примѣч.— [12]) Сюда относится (по мнѣнію Henzen, «Bull. dell'Inst.» 1865, стр. 252. Klotz., «Neue

что слѣдующая эпиграмма Мартіала не должна казаться слишкомъ преувеличенной: „Ты хоронишь въ помѣстьи своемъ, Филеротъ, уже седьмую жену. Большихъ доходовъ никто не получалъ съ помѣстья“ [1]). Часто случалось, что и женщины выходили по нѣскольку разъ замужъ. Напримѣръ, дочь Цицерона, Туллія, была замужемъ три раза [2]); Неронъ былъ третьимъ [3]) мужемъ Поппеи и пятымъ Статиліи Мессалины [4]). Мартіалъ говоритъ объ одной женщинѣ, что она сдѣлала отъ шести до семи опытовъ въ замужествѣ, но что всѣ они были неудачны [5]); о другой, что она выходитъ замужъ послѣ того, какъ смерть похитила у нея уже семерыхъ мужей [6]), а о третьей, что на нее падаетъ подозрѣніе въ убійствѣ семерыхъ мужей [7]). Затѣмъ надо помнить, что въ Римѣ, какъ и всюду, рабство въ высшей степени губительно отзывалось на нравственной сторонѣ брака [8]). Издавна уже, и не только въ Римѣ, къ супружеской невѣрности мужа относились съ большой снисходительностью, причиной чего является, главнымъ образомъ, рабство [9]). Даже Плутархъ говоритъ въ своихъ супружескихъ предписаніяхъ, обращенныхъ къ интеллигентной новобрачной четѣ: „Супруга не должна гнѣваться на мужа, если онъ согрѣшитъ съ гетерой или рабыней, а должна понять, что онъ изъ уваженія къ ней сдѣлалъ другую соучастницей своей необузданности“; такъ, цари персовъ отсылаютъ своихъ царицъ съ пира и призываютъ наложницъ и музыкантшъ, когда имъ хочется напиться [10]). Когда стала усиливаться эмансипація и возрастать упадокъ нравовъ, женщины начали все болѣе и болѣе требовать и для себя той свободы, которая была предоставлена мужчинамъ, или, по крайней мѣрѣ, оправдывать свою невѣрность. Жена, которую мужъ застигъ въ объятіяхъ раба или всадника (у Ювенала), ни на минуту не теряетъ присутствія духа: „Уже давно было рѣшено между нами, что ты будешь жить, какъ тебѣ захочется, а я — поступать по моему собственному усмотрѣнію“ [11]). Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и женщины подвергались большому искушенію, зная, что среди своихъ рабовъ онѣ могутъ выбрать себѣ покорныхъ и скрытныхъ любовниковъ, и подобные случаи едва ли представляли собою исключеніе. „Твоя жена,—такъ гласитъ одна эпиграмма Мартіала,—называетъ тебя любовникомъ прислугъ, сама же она—возлюбленная носильщика; вы ни въ чемъ не можете упрекнуть другъ друга“ [12]). Въ другомъ мѣстѣ онъ перечисляетъ семерыхъ дѣтей нѣкой Маруллы, черты лицъ которыхъ слишкомъ явно говорятъ о томъ, кто изъ рабовъ дома были ихъ отцами: поваръ-мавръ, плосконосый атлетъ, слезливый пекарь, нѣжный любимецъ господина, остроголовый и длинноухій кретинъ, черный флейтистъ и рыжій смотритель дома [13]).

Jahrb.», 1866, стр. 366=C. I. L. XIV, 2553) двустишіе надгробной надписи нѣкой Секунды, жены какого-то Орбія Натала. Иначе Wilmanns, «Exempla Inscr.», 575.

1) Мартіалъ, X, 43. Мужъ, отравившій 4 женъ, IV, 69.—2) Marquardt, ук. соч.—3) Тац., «Анн.», XIII, 45.—4) Схол. Ювен., 6, 434.—5) Мартіалъ, VII, 58.—6) Мартіалъ, IX, 78.—7) Мартіалъ, IX, 15.—8) Marquardt, ук. соч., стр. 66 сл.—9) Ср., однако, рескриптъ Антонина (Каракаллы?) въ Cod. Gregorian., XIV, 2 (у Augustin. «De coni. adult.», II, 7).—10) Plutarch., «Praec. coniug.», 16.—11) Ювен., 6, 281 слл.—12) Мартіалъ, XII, 58.—13) Мартіалъ, VI, 39; ср. I, 81, XII, 49, 4. Ювен., 6, 331, 336 слл. Петрон., гл. 45 и 126. «Digg.», XLVIII, 5, 24 и 33. Philogel., 251. И въ неаполитанскомъ обществѣ XVI в. «чувственность женщинъ искала себѣ удовлетворенія

Но и въ другомъ еще отношеніи рабство зловредно отзывалось на женщинахъ, а именно, пріучая ихъ къ крутости и жестокости, которыя усиливались еще подъ вліяніемъ кровавыхъ представленій въ амфитеатрѣ. Въ своей сатирѣ, направленной противъ женщинъ, Ювеналъ не преминулъ описать, какъ раздраженная чѣмъ-то госпожа велитъ безчеловѣчнымъ образомъ сѣчь своихъ рабынь, не прерывая при этомъ своихъ занятій, до тѣхъ поръ, пока не устанутъ палачи, и не раздастся ужасное „вонъ!". Овидій увѣщеваетъ женщинъ не расцарапывать лица рабынямъ, которыя ихъ наряжаютъ, и не колоть ихъ иголками въ оголенныя руки [1]). Адріанъ сослалъ на 5 лѣтъ на одинъ островъ женщину, относившуюся съ отвратительной жестокостью къ своимъ рабынямъ [2]). До того времени, какъ этотъ императоръ запретилъ господамъ произвольно убивать своихъ рабовъ [3]), безчеловѣчныя женщины безнаказанно присуждали къ смерти на крестѣ рабовъ, „которыхъ, вѣдь, нельзя было назвать людьми", не приводя причинъ, побудившихъ ихъ къ этому [4]).

Женщины подвергались и другимъ развращающимъ вліяніямъ еще болѣе зловреднаго свойства. Нѣтъ никакихъ основаній обвинять въ этомъ особенно беллетристику: вѣрнѣе было бы утверждать, что произведенія, въ родѣ элегій Овидія и его „Искусства любви", которыя по безнравственности (въ высшемъ смыслѣ этого слова) едва ли превзойдены, являются уже симптомами ужасающей испорченности, которая, однако, могла быть и не особенно распространенной. Надо помнить и то, что по понятіямъ пристойности того времени, которыя были совсѣмъ другими, чѣмъ у насъ, степеннымъ женщинамъ могло казаться позволеннымъ многое, что сегодня возмутило бы чувство женской стыдливости. Если вспомнить, что Лейбницъ послалъ вдовствующей курфюрстинѣ Софіи Ганноверской (матери первой прусской королевы) одно изъ отвратительнѣйшихъ стихотвореній Гофмансвальдау, которое она велѣла списать для вдовствующей герцогини Орлеанской (Елизаветы Шарлотты), и что всѣ были „въ восторгѣ отъ этихъ любовныхъ стиховъ" [5]), то не рѣшишься такъ легко осудить даже тѣхъ римлянокъ, которыя читали Марціала и Петронія; по сравненію съ Гофмансвальдау ихъ обоихъ можно назвать цѣломудренными. Марціалъ, дѣйствительно, передалъ своей высокочтимой покровительницѣ Поллѣ Аргентаріи, вдовѣ Лукана (которой было 40—50 лѣтъ), свою десятую книгу (въ которой не было недостатка въ грубыхъ непристойностяхъ), съ просьбой—не слишкомъ хмурить лобъ при чтеніи его шутокъ [6]). Трудно также установить, насколько могли быть вредными сладострастныя произведенія изобразительныхъ искусствъ. Проперцій, правда, жалуется на стѣнныя картины, которыя развращали невинные взоры женщинъ и дѣвушекъ [7]); при случаѣ подобныя картины, дѣйствительно, упоминаются [8]). Но трудно повѣрить тому, чтобы взорамъ благонравныхъ римлянокъ часто пред-

---

большей частью среди рабовъ (главнымъ образомъ, мавровъ, но и христіанскихъ, болгаръ и черкесовъ), которыми пользовались, какъ вполнѣ безвольнымъ орудіемъ преступныхъ желаній». Gothein. «Kulturentwicklung Süditaliens», стр. 411—413.

[1]) Ювен., 6, 475—495. Овид., «Ars», III, 239—242; ср. «am.», I, 14, 16—19. Марціалъ, II, 66.—[2]) «Digg.», I, 6, 2.—[3]) «Hadrian.», гл. 18.—[4]) Ювен., 6, 219—223.—[5]) Cholevius, «Gesch. d. deutsch. Poesie», I, 391.—[6]) Марціалъ, X, 64.—[7]) Проп., II, 6, 27—34.—[8]) Seneca, «Controv.», X, 5, 34, 14, ed. K.; R. Rochette, «Peinture antique», стр. 263 слл. Marquardt, «Staatsverw.», изд. 2-ое, III, 71, 1.

ставлялись подобныя изображенія, такъ какъ у насъ нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы въ этомъ отношеніи въ Римѣ существовала бо́льшая вольность, чѣмъ въ Помпеяхъ, гдѣ среди сотенъ стѣнныхъ картинъ непристойныя изображенія едва ли были найдены въ другихъ мѣстахъ, кромѣ домовъ терпимости. Нѣтъ также никакихъ данныхъ думать, чтобы въ императорскомъ Римѣ безстыдство достигало такихъ размѣровъ, какъ въ Парижѣ въ серединѣ XVIII вѣка, гдѣ на каретахъ вмѣсто герба изображались непристойныя сцены, за которыя художникамъ платили большія деньги: эта мода, судя по Руссо, была введена женщинами, коляски которыхъ отличались отъ колясокъ мужчинъ большей разнузданностью изображеній [1]).

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ древнемъ Римѣ губительнѣе всего дѣйствовали „соблазнъ театральныхъ представленій и возбужденіе пировъ", которые, по мнѣнію Тацита, были опаснѣе всего для невинности и чистоты нравовъ [2]). Цѣломудріе женщинъ въ Германіи объясняется, по его мнѣнію, тѣмъ, что онѣ не подвергались этимъ двумъ искушеніямъ.

Страсть къ представленіямъ была одной изъ главныхъ слабостей, въ которыхъ упрекали римлянокъ того времени, и отъ которой равно страдали женщины всѣхъ сословій. Когда супруга одного сенатора была похищена гладіаторомъ, то Ювенала болѣе всего удивляло то, что она могла рѣшиться отказаться отъ представленій и разстаться съ пантомимомъ Парисомъ [3]). Также непонятно было Статію, почему женѣ его такъ трудно было покинуть Римъ, разъ она не была любительницей цирка и театра [4]). Эта ихъ страсть объяснялась не только любовью къ зрѣлищамъ, но и желаніемъ показаться, какъ въ извѣстномъ мѣстѣ объ этомъ говоритъ Овидій, а послѣ него и другіе [5]). Онъ сравниваетъ разукрашенныхъ женщинъ, стекающихся въ театръ, съ кишащими муравьями и роящимися пчелами [6]). Тщательнѣе и богаче всего онѣ украшались, отправляясь въ театръ; здѣсь, гдѣ блистательнѣе всего развертывалась пышность императорскаго Рима, ихъ ожидалъ самый большой и блестящій кругъ поклонниковъ. Если даже Тацитъ и Діонъ не преминули упомянуть о вытканномъ изъ золота плащѣ, въ которомъ императрица Агриппина явилась на морское сраженіе на Фуцинскомъ озерѣ (драгоцѣнность, о замѣчательности которой говоритъ и Плиній) [7]),—то можно себѣ представить, съ какимъ вниманіемъ женщины осматривали другъ друга и какъ онѣ старались превзойти одна другую своимъ блескомъ. Иногда этотъ ихъ блескъ былъ взятъ на прокатъ. Въ Римѣ, гдѣ глубоко врожденная итальянскому національному характеру страсть къ far figura находила себѣ самую богатую пищу, гдѣ тысячи желали казаться болѣе богатыми, чѣмъ они были въ дѣйствительности, все можно было занять, вплоть до колецъ, которыя надѣвали опытные адвокаты во время защиты, чтобы получить отъ кліентовъ большее вознагражденіе [8]). Среди предметовъ, занимаемыхъ для появленія въ театрѣ женщинами, средства которыхъ истощились, Ювеналъ называетъ платья, свиту, носилки (которыя послѣ удаленія палокъ служили сидѣніемъ), подушки, ста-

[1]) Rousseau, «Nouv. Héloise», P. V. l. 2.—[2]) Тац., «Герм.», гл. 19.—Марціалъ, VIII, 79.—[3]) Ювен., 6, 87.—[4]) Стат., «Сильв.», III, 5, 15.—[5]) Tertullian., «Spect.», гл. 25. Его же, «De cultu fem.», гл. 11. Clem. Alex., «Paedag.», III, 11, § 76, стр. 298 Pott.—[6]) Овид., «Ars am.», I, 93—100.—[7]) Тац., «Анн.», XII, 65. Діонъ, LX, 33. Плин., «N. h.», XXXIII, 3, 63.—[8]) Ювен., 7, 143. См. выше, стр. 179, 2.

рую няньку и бѣлокурую камеристку [1]). Въ сказкѣ Апулея Венера проситъ Психею принести отъ Прозерпины косметической воды, чтобы обрызгаться ею, отправляясь въ театръ боговъ [2]).

Благодаря присутствію столь большого числа женщинъ, театры получали большую притягательную силу и для мужской части молодежи. Проперцій радуется рѣшенію Цинтіи уѣхать въ деревню, такъ какъ тамъ ее не смогутъ испортить представленія [3]), и Овидій говоритъ про эти послѣднія, что они болѣе всего способствуютъ любовнымъ связямъ [4]). Въ театрѣ и амфитеатрѣ со времени Августа мужчины должны были довольствоваться только тѣмъ, что могли направлять свои взоры на верхніе ряды, которые были предоставлены исключительно женщинамъ; въ циркѣ же мѣста обоихъ половъ не были разобщены. „Пусть туда ходятъ молодые люди,—пишетъ Ювеналъ,—которымъ приличествуетъ кричать вмѣстѣ съ другими, биться объ закладъ на большія суммы и сидѣть рядомъ съ разукрашенной женщиной" [5]). Здѣсь очень легко можно было завести знакомство, благодаря общему интересу къ зрѣлищу и тѣмъ многочисленнымъ маленькимъ услугамъ, которыя можно было оказать своей сосѣдкѣ: положить поудобнѣе подушку, достать скамейку подъ ноги, опахивать ее вѣеромъ и защищать ее отъ навязчивости другихъ [6]). Овидій, дающій для всего этого очень подробныя предписанія, приводитъ также образцы происходящихъ тамъ разговоровъ. Возницу, интересующаго прекрасную сосѣдку, называли счастливцемъ и высказывали желаніе быть на его мѣстѣ. Сосѣдъ сомнѣвается, дѣйствительно ли такъ жарко или это надо объяснить внутреннимъ жаромъ и т. п. [7]). Для христіанскихъ ревнителей, осуждавшихъ посѣщеніе зрѣлищъ, совмѣстное присутствіе обоихъ половъ было лишнимъ поводомъ къ ихъ осужденію. „На представленіяхъ,—говоритъ Тертулліанъ,—нѣтъ большаго соблазна, чѣмъ видъ тщательно нарядившихся мужчинъ и женщинъ. Высказывая одно или другое мнѣніе по поводу происходящаго, легко завязываешь сношенія, которыя раздуваютъ искры вожделѣнія, однимъ словомъ—при посѣщеніи зрѣлищъ всѣ стремятся только къ тому, чтобы увидѣть и быть увидѣннымъ" [8]). Климентъ Александрійскій тоже находилъ, что подобныя собранія мужчинъ и женщинъ были одной изъ причинъ безнравственности [9]).

Но вопросъ этотъ содержитъ въ себѣ и въ высшей степени серьезную сторону. Мы почти не въ состояніи представить себѣ развращающаго вліянія зрѣлищъ, не въ состояніи представить себѣ всего ужаса его. Циркъ, гдѣ буйствованіе раздѣленной на партіи черни доходило порою до изступленія, представлялъ взору болѣе невинныя сцены, чѣмъ театръ и амфитеатръ. На сценѣ господствовала комедія полишинелей (ателлана) и фарсъ (мимъ) съ ихъ грубыми недвусмысленными непристойностями, восхищавшими большую массу, и пантомимическій танецъ, доставлявшій наслажденіе избранному обществу. Непристойность этихъ пантомимическихъ плясокъ была доведена до крайности: прибѣгали къ самому изощренному раздраженію чувственности, чтобы подѣйствовать и на разслабленные и пресыщенные нервы. Эти-то пантоми-

---

[1]) Ювен., 6, 350. Dittricus, «De cathedris feminarum Romanarum», стр. 14 слл.—[2]) Апул., «Метам.», VI, 16. Плутархъ, «Consol. ad uxor.», гл. 4, стр. 619.—[3]) Проп., II, 19, 9.—[4]) Овид., ук. м.—[5]) Ювен., 11, 201 слл.—[6]) Овид., ук. м., 135 слл.—[7]) Его же, «Am.», III, 5.—[8]) Tertullian., «De spectac.», гл. 25.—[9]) Clem. Alex., ук. м.

мическія представленія и были главной причиной, вызвавшей осужденіе театра христіанами; они имѣли полное право утверждать, что женщина, вошедшая цѣломудренной въ театръ, выходила изъ него уже испорченной [1]). Содрогаешься, равнымъ образомъ, при одной мысли, что убійства и сцены пытокъ на аренѣ дѣлали глазъ понемногу безчувственнымъ, разрушали душу и убивали въ ней всякое мягкое чувство.

Женщины интересовались не только самимъ представленіемъ, но и выступавшими въ немъ артистами. Успѣхомъ среди нихъ пользовались даже атлеты, цирковые возницы и гладіаторы [2]), а эти послѣдніе—даже среди женщинъ высшихъ классовъ: „желѣзо“ имѣло для нихъ непреодолимую прелесть. Знаменитые гладіаторы, даже некрасивые, представлялись имъ Гіацинтами. Если дѣло шло о бѣгствѣ съ гладіаторомъ, то, по словамъ Ювенала, знатныя дамы не страшились даже морской болѣзни, а что еще удивительнѣе (какъ уже говорилось), онѣ отказывались даже отъ зрѣлищъ [3]). Но и артисты, пѣвцы и музыканты пользовались любовью женщинъ, которыя, влекомыя своею страстью, доходили порою до безумія: напримѣръ, артисту Стефаніону (въ эпоху Августа) прислуживала замужняя женщина въ одеждѣ мальчика съ коротко-остриженными волосами [4]). Супруга императора Пертинака находилась въ открытой связи съ киѳарэдомъ [5]). Про этихъ виртуозовъ разсказывалось, что они дорого продавали свою благосклонность [6]). Инструменты знаменитыхъ игроковъ на цитрѣ покупались ихъ почитательницами за дорогую цѣну и цѣнились ими, какъ драгоцѣнность, которую онѣ нѣжно цѣловали. „Одна женщина, принадлежавшая къ одному изъ знатнѣйшихъ домовъ,—разсказываетъ Ювеналъ,—пыталась узнать при помощи торжественнаго жертвоприношенія, удостоится ли знаменитый въ то время игрокъ на цитрѣ награды во время слѣдующаго состязанія; большаго она не могла бы сдѣлать, даже если бы ея мужъ или сынъ были опасно больны“ [7]). Но самымъ общимъ и большимъ успѣхомъ пользовались пантомимы-танцовщики, благосклонности которыхъ добивались и мужчины, и женщины. „Много учениковъ и много учителей преданы искусству Пилада и Баѳилла,—пишетъ въ послѣдніе годы правленія Нерона Сенека.—По всему городу, во всѣхъ частныхъ домахъ устроены сцены, на которыхъ танцуютъ мужчины и женщины: мужья и жены спорятъ изъ-за того, кто изъ нихъ пойдетъ рядомъ съ танцовщикомъ“ [8]). Пантомимами были, большей частью, красивые молодые люди, которымъ искусство ихъ придавало наивысшую прелесть и ловкость, не лишенныя соблазна. Уже въ 22 или 23 г. по Р. Хр. ихъ пришлось выслать изъ Италіи, вслѣдствіе тѣхъ партійныхъ раздоровъ среди публики, причиною которыхъ они были, и за ихъ предосудительныя связи съ женщинами, несомнѣнно, изъ знатныхъ домовъ, такъ какъ иначе не было бы никакого повода къ принятію этой мѣры [9]).

Прекрасный Мнестеръ, самый прославленный пантомимъ въ эпоху Клавдія, пользовался, между прочимъ, благосклонностью старшей Поппеи, прекраснѣйшей женщины того времени; вынужденная связь съ Мессалиной была

---

[1]) Cyprian., «ad Donat.», стр. 5, ed. Oxon. Clem. Alex., «Paedag.», III, 11, § 77. P. E. Mueller, «Gen. aev. Theodos.», II, 64.—[2]) Tertullian., «De spect.», гл. 22.—[3]) Ювен., 6, 78—113.—[4]) Светон., «Авг.», гл. 45.—[5]) «Pertin.», гл. 13.—[6]) Ювен., 6, 73—77. Мартіалъ, XIV, 215.—[7]) Юв., 6, 379—397.—[8]) Сенека, «Qu. nat.», VII, 32, 3.—[9]) Діонъ, LVII, 21.

причиной его смерти [1]). Пантомимъ Парисъ, возбудившій ревность Домитіана, былъ убитъ на улицѣ по приказанію этого послѣдняго. Почитатели его осыпали цвѣтами мѣсто его паденія и поливали его благовоніями. Молва ставила даже послѣдовавшее убійство Домитіана въ связь со страстью, которую питала его супруга къ этому или другому пантомиму [2]). Маркъ Аврелій относился болѣе хладнокровно къ любовнымъ связямъ Фаустины, которая, судя по городскимъ сплетнямъ, тоже благоволила къ этимъ артистамъ [3]). Страсть супруги нѣкоего Юста къ пантомиму Пиладу была обнаружена Галеномъ тѣмъ же способомъ, какъ нѣкогда врачъ Эрасистратъ убѣдился въ любви Антіоха къ Стратоникѣ. Физическое состояніе больной не давало никакихъ объясненій относительно причинъ ея безсонницы; но когда было произнесено имя этого танцовщика, онъ замѣтилъ ея глубокое волненіе, и на основаніи того, что при этомъ измѣнились цвѣтъ ея лица, взглядъ и пульсъ, онъ пришелъ къ заключенію относительно причины ея болѣзни [4]).

Тацитъ называетъ рядомъ съ соблазнами зрѣлищъ развращающее вліяніе пировъ. Но даже въ самыя разнузданныя времена эти распущенные пиры, которые онъ имѣетъ въ виду, не могли быть настолько повсемѣстными, чтобы женщины не имѣли возможности избѣгнуть ихъ, и ихъ вліяніе поэтому не могло быть настолько общимъ и глубокимъ. Во время этихъ роскошныхъ пировъ участники ихъ подвергались подобнымъ же впечатлѣніямъ, какъ и въ театрѣ, такъ какъ музыка, пляски и театральныя сцены развлекали и здѣсь гостей. Непристойныя пѣсни [5]) и извѣстныя пляски сиріянокъ и андалузянокъ, которыя своей чувственной распущенностью и безнравственностью не отставали отъ самыхъ худшихъ пантомимическихъ представленій съ египетскими танцами [6]), оскорбляли и здѣсь цѣломудренные взоры и слухъ. „Очень многіе,—говоритъ Плутархъ,—позволяютъ (во время пировъ) представлять сцены и произносить рѣчи, которыя раздражаютъ умы гораздо больше всякаго вина, и это дѣлается въ присутствіи женщинъ и подрастающихъ дѣтей [7]).

Но и помимо этихъ возбужденій, пиры были небезопасными для женской нравственности, такъ какъ они давали мужчинамъ гораздо больше возможности приблизиться къ нимъ, чѣмъ въ театрѣ, чего они страстно желали и чему они тутъ находили удовлетвореніе [8]). „Во время пиршествъ,—говоритъ Плиній Старшій,—жадные взоры производятъ оцѣнку женщинамъ, тогда какъ сонные глаза (ихъ мужей) вполнѣ предоставляютъ ихъ имъ“ [9]). Въ одномъ изъ самыхъ фривольныхъ стихотвореній, дошедшихъ до насъ подъ именемъ Овидія, рисуется соблазненіе красивой жены простоватаго мужа; по названію это—исторія Париса и Елены, но этими именами вообще пользовались, чтобы обозначить невѣрную супругу и ея возлюбленнаго. Каждая черточка заимствована изъ дѣйствительности того времени, и это придаетъ описанію удивительную реальность. Поведеніе любовника во время общей трапезы

[1]) Діонъ, LX, 22, 28, 31. Тац., «Анн.», XI, 4, 36.—[2]) Светон., «Домит.», гл. 3, 10. Діонъ, LXVII, 3. Аврел. Викт., «Caes.», 11, 7. «Epit.», 11, 1—[3]) «M. Anton.», гл. 23.—[4]) Галенъ, «De prognosi ad Epig.», стр. 457 K. XIV, 631 (ср. 626).—[5]) Квинтил., «Inst. or.», I, 2, 8. Плин., «N. h.», XIV, 140. Марціалъ, XIV, 69. Baudrillart, «Hist. d. luxe», III, 462.—[6]) Ювен., 11, 162 слл. Ср. Jahn, «Ber. d. Sächs. Ges.», 1851, стр. 168. Hieronym., «adv. Helvid.», 20 (изд. Vallarsi II, 228).—[7]) Плутархъ, «Qu. conv.», VII, 8, 4, 4.—[8]) Овид., «Ars am.», I, 229 слл.—[9]) Плин., «N h.», XIV, 141.

вполнѣ соотвѣтствуетъ предписаніямъ, которыя даетъ самъ Овидій. Красавица чувствуетъ, что смѣлые и пристальные взоры почитателя устремлены на нее; онъ вздыхаетъ, онъ схватываетъ ея кубокъ и прикасается губами къ тому мѣсту, гдѣ она пила, онъ дѣлаетъ ей знаки глазами и пальцами, онъ пишетъ виномъ нѣжные знаки на столѣ, онъ разсказываетъ любовныя исторіи, въ которыхъ довольно прозрачно говоритъ о своей собственной страсти, онъ притворяется даже пьянымъ, чтобы смѣлость его могла показаться безвредной [1]). Старый обычай, требовавшій отъ женщинъ, чтобы онѣ за столомъ сидѣли, исчезъ уже въ эпоху Августа; онѣ возлежали теперь такъ же, какъ и мужчины [2]). Въ прежнія времена это считалось неприличнымъ [3]), въ эпоху имперіи старыхъ строгихъ нравовъ придерживались только на Капитоліи, гдѣ можно было увидѣть Юпитера возлежащимъ на пиру боговъ, а Минерву и Юнону сидящими на стульяхъ. Болѣе важно, конечно, насмѣхается Валерій Максимъ, чтобы добрые нравы соблюдались богами, чѣмъ женщинами [4]).

Мы ничего не знаемъ относительно того, существовали ли, кромѣ пировъ, и другія собранія, на которыхъ встрѣчались оба пола [5]). Мужчины имѣли еще возможность приближаться къ женщинамъ въ общественныхъ мѣстахъ, гдѣ эти послѣднія совершали свои прогулки, главнымъ образомъ, въ многочисленныхъ колоннадахъ, которыя окружали просторныя мѣста, засаженныя садами или паркомъ [6]). Здѣсь, навѣрно, вмѣсто пажа или евнуха [7]), который сопровождалъ иногда свою повелительницу въ качествѣ стражи [8]), ихъ роль исполняли почитатели и держали надъ ихъ головою зонтики [9]). Знатныя женщины, впрочемъ, рѣдко прикасались ногами къ черному базальту мостовой [10]). Чаще всего онѣ появлялись носимыя въ креслѣ или въ носилкахъ, которыя несли иноземцы-рабы огромнаго роста. Право пользоваться носилками, а именно крытыми, было предоставлено, какъ знакъ отличія, женамъ сенаторовъ; но обычаи во всѣ времена не были одинаковыми, соотвѣтствующія предписанія, кромѣ того, часто нарушались [11]). Цезарь далъ право пользоваться носилками женамъ и матерямъ въ возрастѣ старше 40 лѣтъ, и то только по опредѣленнымъ днямъ [12]); Домитіанъ лишилъ этого права женщинъ, ведущихъ постыдный образъ жизни [13]). Строгій обычай требовалъ, чтобы у носилокъ были плотно задергивающіяся занавѣси, ввиду того, что ихъ всюду, гдѣ бы онѣ не появлялись, сопровождали взоры любопытныхъ. „Мы не видимъ ничего предосудительнаго въ томъ,—говоритъ Плутархъ,—если устремляемъ наши взоры на носилки женщинъ или не отходимъ отъ ихъ оконъ“ [14]). Мужья, которые запрещали своимъ женамъ „показываться въ носилкахъ и подвергаться взорамъ, устремленнымъ на нихъ со всѣхъ сто-

---

[1]) Овид., «Посл.», 16, 241 слл.; 225 слл. 17, 75—90.—[2]) Marquardt, «Privatleb.», изд. 2-ое, I, 301. Ср. Овид., «Am.», I, 4, 16.—[3]) Marquardt, «Staatsverw.», изд. 2-ое, III, 46, 4.—[4]) Валер. Макс., II, 1, 2.—[5]) Тац., «Анн.», XVI, 34.—[6]) Овид., «Ars am.», I, 67 слл.; 491 слл., III, 387 слл. «Rem. Am.», 627. Проп., II, 23, 5; III, 32, 11. Ювен., 6, 60.—[7]) Мартіалъ, XI, 73, 6.—[8]) Овид., «Am.», II, 2.—[9]) Овид., «Ars am.», II, 209; ср. «Am.», III, 11, 17.—[10]) Горац., «Сат.», I, 2, 98. Ювен., 6, 359.—[11]) Діонъ, LVII, 15. Случаи, когда женщины не сенаторскаго званія пользовались носилками, приводитъ Lipsius, «Elect.», I, 19.—[12]) Reifferscheid, «Sueton. rell.», 357. Светон., «Цез.», гл. 43.—[13]) Светон., «Домит.», гл. 8.—[14]) Plutarch., «De curios.», гл. 13, стр. 522 A.

ронъ всѣми безъ исключенія зрителями“, пользовались у женщинъ, по словамъ Сенека, славой простоватаго и плохо воспитаннаго человѣка, а ихъ жены считались достойными сожалѣнія жертвами супружеской тиранніи [1]). Дѣло въ томъ, что женщины, какъ замѣчаетъ Климентъ Александрійскій, пользовались носилками вовсе не для того, чтобы укрыться въ нихъ отъ любопытныхъ взоровъ, а, напротивъ, для того, чтобы кокетливо показываться въ нихъ. Занавѣски ихъ носилокъ были обыкновенно откинуты, онѣ зорко поглядывали на тѣхъ, кто обращалъ на нихъ вниманіе, часто даже высовывались изъ окна и подобными проявленіями своего любопытства унижали принятый на себя видъ достоинства [2]). Экипажами въ Римѣ не пользовались [3]). При поѣздкахъ за городъ женщины, повидимому, нерѣдко сами правили лошадьми [4]).

Женщинъ того времени очень упрекали за безстыдную манеру одѣваться. Что касается относящихся сюда отзывовъ писателей, любящихъ преувеличивать и обобщать, главнымъ образомъ, обоихъ Сенекъ и Плинія Старшаго, то по нимъ нельзя заключить, до какихъ размѣровъ дошло это порицаемое ими зло, нельзя также и понять, поскольку извѣстныя косскія одежды изъ прозрачной ткани, которыя ничего не скрывали (и считались одеждой проститутокъ) [5]), были вообще распространены среди женщинъ. Изъ нихъ не явствуетъ и то, раздавались ли эти жалобы съ большимъ, или по крайней мѣрѣ, съ такимъ же правомъ, какъ и въ Германіи въ различные періоды средневѣковья и въ новое время, въ X, XIII, XIV, XV, XVII и XVIII вѣкахъ [6]). Что касается прозрачности женскихъ одеждъ въ эпоху Директоріи въ Парижѣ, гдѣ зачинщицей выступала г-жа Талльенъ [7]), и во время празднествъ Станислава Августа въ Гродно, гдѣ примѣръ былъ данъ маркизой де Люлли [8]), то она никогда и ничѣмъ не можетъ быть превзойдена. Въ то время вѣсъ одного женскаго платья, вызвавшаго восхищеніе всего Парижа, вмѣстѣ съ камнями и золотыми украшеніями равнялся одному только фунту. Съ этихъ поръ женщины стремились дѣлать свои одежды возможно легкими, и неустанно взвѣшивали ихъ [9]). Страсть женщинъ къ нарядамъ, на которую жалуются и писатели первыхъ вѣковъ (какъ на одну изъ главнѣйшихъ причинъ продажности) [10]), и ихъ расточительность, особенно при покупкѣ восточныхъ тканей и фабрикатовъ (шелка, бисса, драгоцѣнныхъ камней, жемчуговъ и благовоній), доходили до чудовищныхъ размѣровъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это бывало только въ исключительныхъ случаяхъ, но все же эта страсть къ роскошнымъ одѣяніямъ не ограничивалась маленькимъ кругомъ, хотя и не достигала тѣхъ размѣровъ, какъ въ новѣйшія времена [11]).

---

[1]) Seneca, «Beneff.», I, 9, 3. «De remed.», 16, 7.—[2]) Clem. Alex., «Paedag.», III, 4, § 27, стр. 269 P.—[3]) Ср. стр. 21, 5—[4]) Овид., «Am.», II, 16, 49. Проп., V, 8, 23.—[5]) Marquardt, «Privatleb.», изд. 2-ое, II, стр. 493. Горац., «Сат.», I, 2, 101.—[6]) Alw. Schultz, «Höf. Leben z. Z. d. Minnesinger», I, 190 (2-я половина XIII вѣка). Baudrillart, «Hist. d. luxe» (дворъ Isabeau de Bavière). Falke, «Deutsche Trachten- und Modenwelt», (1858) I, 67, 213 сл. 278. 284 сл.; ср. 297 сл. II, 200 (въ эпоху 30-лѣтней войны); 253 сл. (во второй половинѣ XVII вѣка). 311 (à la grecque и à la sauvage); ср. 322 слл.—[7]) Louandre, «Rev. d. d. mondes», 15 Mai 1876, стр. 313.—Lacroix, «Directoire, Consulat, Empire», стр. 33; ср. стр. 83.—[8]) E. v. d. Brüggen, «Polens Auflösung», стр. 320.—[9]) Lacroix, тамъ же, стр. 49 сл.—[10]) Проп., IV, 13, 1—14.—[11]) Ср. гл. IX, 2.

Самостоятельное и независимое положеніе вводило женщинъ въ сильное искушеніе сбросить съ себя узы, наложенныя на нихъ природой и обычаемъ, добиться недоступныхъ имъ преимуществъ и избрать себѣ несовмѣстимое съ настоящей женственностью занятіе. Отвратительныя уклоненія отъ нея, которыя съ такимъ удовольствіемъ рисуются особенно Ювеналомъ, не могли быть, впрочемъ, ни въ какое время частымъ явленіемъ: эти занимающіяся гимнастикой женщины, сражающіяся въ вооруженіи гладіаторовъ [1]), наперерывъ съ мужчинами проводящія ночи за попойками [2]) и изрыгающія слишкомъ обильно выпитое вино, или женщины—страстныя любительницы процессовъ, которыя сами составляли исковое прошеніе [3]). Самъ Ювеналъ опредѣленно называетъ такія попытки къ эманципаціи—исключеніями [4]). Больше было число женщинъ, ревностно занимавшихся міровыми событіями. Отъ нихъ можно было получить подробныя свѣдѣнія о самыхъ отдаленныхъ странахъ, онѣ собирали всѣ слухи, стоя у воротъ, или сами распускали ихъ, смѣло спорили съ высокопоставленными военными лицами и разсказывали на улицѣ каждому встрѣчному про послѣднія землетрясенія, наводненія и другія событія, происходившія по всему земному шару [5]). Честолюбивыя и болѣе образованныя женщины требовали для себя большаго. Посредственное или непосредственное и рѣшающее вмѣшательство высокопоставленныхъ женщинъ въ ходъ событій обусловливалось самой природой вещей; стремленіе къ власти и вліянію было, навѣрно, очень распространеннымъ среди нихъ явленіемъ. Извѣстно, что судьба римскаго міра нерѣдко опредѣлялась женщинами, что не одна императрица правила подъ именемъ своего мужа, и что довольно многія принимали участіе въ управленіи. Даже Августъ, одинъ изъ умнѣйшихъ государственныхъ людей всѣхъ временъ, часто поддавался вліянію своей умной супруги (этого „Улисса въ женскомъ платьѣ", какъ ее назвалъ Калигула) [6]); въ Римѣ ходили даже слухи, что онъ никогда не ведетъ съ Ливіей важнаго разговора, не подготовившись къ нему письменно (что онъ и вообще дѣлалъ) [7]). Ко всему тому добру, которое было совершено императрицей Евсевіей, супругой императора Константія, императоръ Юліанъ въ своей похвальной рѣчи причисляетъ и то, „что одинъ вернулъ себѣ, благодаря ей, свое отцовское достояніе, другой освободился отъ наказанія, возложеннаго на него закономъ, третій избѣгъ угрожавшей ему вслѣдствіе доноса опасности, и безчисленное количество людей добилось почестей и должностей" [8]). Вдова Траяна, Плотина, добилась того, что, по указу Адріана, глава эпикурейской школы въ Аѳинахъ могъ самъ назначать себѣ преемника и даже изъ не-гражданъ, что до тѣхъ поръ было недопустимо. Софистъ Филискъ получилъ каѳедру краснорѣчія въ Аѳинахъ, благодаря императрицѣ Юліи Домнѣ [9]). Но даже вліяніе знатныхъ женщинъ, находившихся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ императрицею и близкихъ ко двору, надо считать большимъ и широко распространеннымъ. Одно случайное

---

[1]) Ювен., 6, 246—267; ср. 421. Мартіалъ, VII, 67.—[2]) Ювен., 6, 429 сл. Сенека, «Письм.», 95, 20.—[3]) Ювен., 6, 242—245.—[4]) Ювен., 2, 53.—[5]) Ювен., 6, 398—412.—[6]) Светон., «Калиг.», гл. 23.—[7]) Светон., «Авг.», гл. 84.—[8]) Юліанъ, «рѣчь», 2, стр. 115 CD.—[9]) Diels, «Zwei Funde» («Archiv für Geschichte der Philosophie», IV, 1891).

замѣчаніе Ювенала указываетъ намъ, съ какимъ стараніемъ люди домогались ихъ благосклонности. Онъ порицаетъ мотовство любимца Домитіана, Кристина, который заплатилъ за краснорыбицу, вѣсившую шесть фунтовъ, 6000 сестерціевъ; если бы онъ купилъ ее для знатной подруги, которую носятъ въ огромныхъ носилкахъ, закрытыхъ громадными стеклами, то эта трата могла бы еще найти себѣ оправданіе [1]). Особенно сказывалось женское вліяніе, конечно, въ замѣщеніи большихъ и малыхъ должностей, какъ въ Римѣ, такъ и въ провинціяхъ. Сенека восхваляетъ свою тетку съ материнской стороны, за то, что она превозмогла свою обычную сдержанность и пустила въ ходъ свое вліяніе, чтобы добиться назначенія его квесторомъ [2]). Гессій Флоръ сталъ прокураторомъ Іудеи, благодаря своей супругѣ Клеопатрѣ, находившейся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ императрицей Поппеей [3]). Главной весталкѣ Кампіи Северинѣ, въ 240 г. была кѣмъ-то воздвигнута статуя въ благодарность за то, что при ея содѣйствіи это лицо было возведено во всадническое сословіе, получило трибунатъ когорты и при повышеніи перескочило черезъ одну военную степень; кто-то другой воздвигъ ей статую за то, что благодаря ея рекомендаціи ему было поручено главное управленіе императорскими библіотеками [4]). У Эпиктета, недобросовѣстный чиновникъ утѣшается надеждою на то, что ему удастся избѣгнуть наказанія, „такъ какъ онъ имѣетъ вліятельныхъ друзей и подругъ въ Римѣ“ [5]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда честолюбивымъ женщинамъ не хватало личныхъ связей, онѣ прибѣгали къ помощи своихъ сыновей и беззастѣнчиво пользовались ихъ краснорѣчіемъ и богатствомъ, чтобы добиться своей цѣли или помочь въ этомъ другимъ [6]). Среди предвыборныхъ рекомендацій на городскія должности, которыя написаны на стѣнахъ помпеянскихъ домовъ, встрѣчаются нѣкоторыя за подписью женщинъ [7]).

Въ провинціяхъ жены намѣстниковъ присутствовали при военныхъ упражненіяхъ, вмѣшивались въ толпу солдатъ и окружали себя центуріонами: такъ поступала, напримѣръ, гордая Планцина, дочь основателя Ліона, Мунатія Планка, и супруга Гн. Пизона, который въ 17 году былъ назначенъ намѣстникомъ Сиріи [8]), и Корнелія, супруга намѣстника Паннонiи, Кальвисія Сабина (умеръ въ 39 г.) [9]). Северъ Цецина внесъ въ 21 году въ сенатъ предложеніе, чтобы ни одинъ намѣстникъ не бралъ съ собою въ провинцію свою жену, и сослался при этомъ на поведеніе Планцины въ Сиріи. Онъ напомнилъ сенату, какъ часто въ случаяхъ обвиненія въ вымогательствѣ бóльшая часть вины падала на женщинъ. За нихъ тотчасъ цѣпляются всѣ подонки провинціальнаго общества; онѣ берутся за всякія дѣла и ведутъ ихъ. Провинціалы обязаны являться на поклонъ къ двумъ дворамъ. Женщины, когда даютъ приказанія, не знаютъ въ этомъ мѣры и бываютъ въ высшей степени заносчивы; освободившись отъ всѣхъ узъ, онѣ стали повелительницами не только домовъ и судовъ, но и войска [10]). Но на предложеніе это не было обращено никакого вниманія, и впослѣдствіи повторяются жалобы на

[1]) Ювен., 4, 20 сл.—[2]) Сенека, «ad Helv.», 19, 2.—[3]) Іосифъ, «Древн.», XX, 11, 1,—[4]) C. I. L. VI, 2131 и 2132; ср. Hirschfeld, стр. 443, 5.—[5]) Эпиктетъ, «Diss.», III, 7, 13.—[6]) Сенека, тамъ же, 14, 2.—[7]) Zangemeister, «Ephem. epigr.», I, стр. 51, 154.—[8]) Тац., «Анн.», II, 55.—[9]) Діонъ, LIX, 18.—[10]) Тац., «Анн.», III, 33.

вымогательства со стороны супругъ намѣстниковъ, „которыя съ цѣлью наживы свирѣпствуютъ, подобно гарпіямъ съ острыми когтями, въ городахъ и на областныхъ собраніяхъ“ [1]).

Женщины не могли оставаться чуждыми и литературному движенію, тѣмъ болѣе, что онѣ (по крайней мѣрѣ, среди высшаго сословія) въ молодости обыкновенно получали нѣкоторое литературное образованіе. Въ своемъ „Воспитаніи оратора“ Квинтиліанъ говоритъ о желательности возможно широкаго образованія родителей тѣхъ мальчиковъ, которыхъ приходится воспитывать, и говоритъ при этомъ не объ однихъ только отцахъ [2]). Одаренная всѣми достоинствами женщина является, по Марціалу, богатой, благороднаго происхожденія, образованной (erudita) и цѣломудренной [3]). Овидій, впрочемъ (который въ своемъ „Искусствѣ любить“, хотя и увѣряетъ, что говоритъ только о либертинахъ и подобныхъ имъ, но все-таки рисуетъ женщинъ вообще, какими онъ ихъ зналъ и какими онѣ представлялись ему), говоритъ, что „существуютъ и ученыя (т.-е. литературно-образованныя) женщины, но ихъ очень немного, и такія, которыя, не будучи учеными, желаютъ казаться ими“ [4]). Всѣмъ извѣстно, съ какой интенсивностью и въ какихъ размѣрахъ господствовали въ продолженіе двухъ первыхъ вѣковъ литературныя тенденціи, и какъ распространенъ былъ, особенно въ образованномъ обществѣ, поэтическій дилетантизмъ. Въ домѣ Августа, который ревностно поощрялъ подобныя стремленія и всячески способствовалъ имъ, женщины не могли не стать въ нѣкоторое отношеніе къ литературѣ. Сестра его, Октавія, приняла посвященный ей философскій трудъ [5]); Вергилій читалъ ей и ея брату шестую книгу Энеиды; когда онъ прочелъ тѣ строки, которыя относятся къ ея погибшему въ цвѣтѣ лѣтъ сыну Марцеллу, она упала въ обморокъ [6]). Особенно близокъ былъ ей и ея семьѣ поэтъ Кринагоръ изъ Митилены, который въ качествѣ посла своего родного города дважды (725 [29] г. и 728 [26] г.) вступалъ въ сношенія съ Августомъ. До насъ дошли его стихотворенія, обращенныя къ сыну Октавіи—Марцеллу и къ ея прекрасной и добродѣтельной дочери, Антоніи (сначала какъ къ дѣвушкѣ, потомъ какъ къ супругѣ Друса). Одно изъ этихъ стихотвореній было послано ей вмѣстѣ со сборникомъ лирическихъ стихотвореній, другое—молитва о легкомъ и благополучномъ разрѣшеніи Антоніи отъ бремени; нѣкоторыя относятся къ ея сыну Германику, родившемуся въ 739 (15) году [7]). Дочь Августа, Юлія, пользовалась всеобщей любовью, и между прочимъ вслѣдствіе своего интереса къ литературѣ и своего разносторонняго образованія [8]) (которое, какъ говоритъ Макробій, легко можно было получить въ томъ домѣ). Среди женщинъ того времени, несомнѣнно, было распространено занятіе литературой (не говоря уже о подражаніи подобнымъ примѣрамъ). Супруга трагическаго поэта Варія, „Θіестъ“ котораго былъ поставленъ по желанію Августа въ день празднованія его

[1]) Ювен., 8, 128 (ср. выше, стр. 125, 6). Марціалъ, II, 56. Тац., «Анн.», IV, 19. Ср. тамъ же, XVI, 32.—[2]) Квинтил., I, 1, 6.—[3]) Марціалъ, XII, 97.—[4]) Овид., «Ars am.», II, 281. «Anthol. Gr.», ed. Jacobs, IV, стр. 275 (Adesp. 721 сл., надгробная надпись какой-то Мессіи).—[5]) Плутархъ, «Поплик.», гл. 17 extr.—[6]) Ср. ed. Ribbeck (ed. min.) стр. XXVIII, 1.—[7]) Cichorius, «Rom und Mytilene», стр. 56 сл.—[8]) Макроб., «Сат.», II, 5, 2.

тріумфа и удостоился щедрой награды, была научно образована [1]); Перилла (вѣроятно, падчерица Овидія) писала стихи [2]); супруга Лукана, Полла Аргентарія, также отличалась (по словамъ Статія) умомъ и образованностью [3]). Что касается участія женщинъ изъ позднѣйшихъ императорскихъ домовъ въ литературѣ, то извѣстно, что Агриппина, мать Нерона, оставила по себѣ свои мемуары, которыми пользовались Тацитъ и Плиній Старшій [4]), и что Статилія Мессалина, третья супруга Нерона, послѣ его смерти блистала не только своей красотой и богатствомъ, но и умомъ и что съ помощью методическаго изученія она стремилась освоиться съ ораторскимъ искусствомъ [5]); о литературныхъ занятіяхъ супруги Севера, Юліи Домны, рѣчь еще впереди. Дочь ритора Назарія (въ эпоху Константина) не уступала своему отцу въ краснорѣчіи [6]).

Женщины, не принимавшія дѣятельнаго участія въ литературѣ, раздѣляли, по крайней мѣрѣ, интересы своихъ мужей и друзей и гордились ихъ успѣхомъ. Плиній Младшій восхваляетъ свою жену за то, что она изъ любви къ нему заинтересовалась литературой; по нѣскольку разъ читала она его книги и даже выучивала ихъ наизусть. Если онъ читалъ лекцію, она слушала его за занавѣской и жадно внимала восторженнымъ восклицаніямъ слушателей. Если онъ велъ защиту въ судѣ, то она съ нетерпѣніемъ ожидала благополучнаго окончанія ея; вѣстники были разставлены на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга между залой суда и ея квартирой и ежеминутно сообщали о настроеніи слушателей, объ одобрительномъ шопотѣ, о крикахъ „браво“. Она распѣвала его стихотворенія, сама придумывала къ нимъ мелодіи и сопровождала ихъ игрою на цитрѣ; „этому,—говоритъ Плиній,—ее обучилъ не какой-нибудь музыкантъ, а лучшая учительница—любовь“ [7]). Знатныя женщины умѣли, навѣрно, также легко и изящно излагать свои мысли. Овидій совѣтуетъ женщинамъ употреблять въ своихъ любовныхъ письмахъ изысканныя, но не необычныя выраженія: готовая погаснуть любовная страсть нерѣдко вспыхивала вновь послѣ подобнаго письма; съ другой же стороны, грамматическія ошибки могли повредить прекрасному лицу [8]). Если женщины и не рѣшались выступать публично со своими опытами на литературномъ поприщѣ, то съ друзьями онѣ все-таки дѣлились ими. Плиній разсказываетъ, что одинъ изъ его друзей, писатель, читалъ ему письма своей жены; можно было подумать, что слышимъ Плавта и Теренція въ прозѣ. Онъ даже сомнѣвался въ томъ, дѣйствительно ли они написаны ею; если это—правда, то образованность ея является заслугою мужа, за котораго она дѣвушкой вышла замужъ [9]). Вслѣдствіе раннихъ браковъ дѣвушекъ, ихъ духовное развитіе, дѣйствительно, заканчивалось, если не всегда, то очень часто только во время замужества [10]). Среди женщинъ также очень распространена была страсть говорить вмѣсто латинскаго языка на греческомъ, или вставлять, по крайней мѣрѣ, изящныя и нѣжныя греческія фразы (уже въ эпоху Лукре-

---

[1]) Servius, «ad Verg. Bucol.», 3, 20. Teuffel, «Röm. Litteraturg.», изд. 4-ое, 225, 2.—[2]) Овид., «Trist.», III, 7. Ср. стр. 293, 4.—[3]) Стат., «Сильв.», II, 7, 83.—[4]) Тац., «Анн.», IV, 53. Плин., «N. h.», VII, Ind., VII, 46.—[5]) Схол. къ Ювен., 6, 434.—[6]) Teuffel, «Röm. Litteraturgesch.», изд. 4-ое, 401, 7.—C. I. L. VI, 2, 15053.—[7]) Плин., «Письм.», IV, 19.—[8]) Овид., «Ars am.», III, 479.—[9]) Плин., «Письм.», I, 16, 6.—[10]) Ср. выше, стр. 265, 3.

тія греческій языкъ былъ излюбленнымъ языкомъ влюбленныхъ) [1]. Ювеналъ говоритъ, „что это можно простить имъ, пока онѣ молоды, но когда такъ говоритъ 86-лѣтняя старуха, то это становится невыносимымъ“ [2].

Въ эпоху разростающагося поэтическаго дилетантизма число поэтессъ было, конечно, велико; онѣ писали и греческія и латинскія стихотворенія, и рады были слышать, когда о нихъ говорилось, что ихъ превзошла только Сапфо, и то только въ незначительной степени [3]. Въ разговорахъ съ подобными дилетантками нельзя было не прибѣгать къ лести; ею пользовался уже Овидій, когда бесѣдовалъ съ Периллой, поэтическій талантъ которой онъ уже рано сталъ развивать; порою они читали другъ другу свои стихотворенія, порою онъ бывалъ ея учителемъ и критикомъ [4]. Поэтесса Сульпиція, поэтическія любовныя письма которой вошли въ сборникъ Тибулла, была, по всей вѣроятности, внучкой знаменитаго юриста Сервія Сульпиція Руфа и дочерью одного изъ друзей Горація [5]. Гостія, возлюбленная Пропертія, рѣшалась сравнивать себя съ Эринной и Кориной [6]. Персій издѣвается надъ мнимыми поэтессами своего времени, называя ихъ поэтическими „сороками“ [7]. Мартіалъ восторгается Ѳеофилой, невѣстой своего земляка, поэта Канія Руфа изъ Гадеса, которая была цѣломудреннѣе Сапфо и равной ей въ поэтическомъ дарованіи [8]; подобнымъ же сравненіемъ восхваляетъ онъ супругу Калена, Сульпицію, подъ именемъ которой сохранился очень слабый „разговоръ съ музой“ въ стихахъ. Въ тѣхъ своихъ стихотвореніяхъ, которыя читалъ Мартіалъ, она безъ излишней застѣнчивости воспѣвала радости счастливаго брака [9]. На колоссѣ Мемнона высѣчены греческіе стихи нѣкой Цециліи Требуллы и какой-то Юліи Бальбиллы [10]. Послѣдняя изъ нихъ хвалится своимъ происхожденіемъ отъ Клавдія Бальбилла (намѣстника Египта въ эпоху Нерона, извѣстнаго и какъ писателя) и сирійскаго князя Антіоха, которымъ она, очевидно, очень гордилась [11]. Она принадлежала къ сенаторскому сословію; надпись на статуѣ, воздвигнутой ей въ Римѣ совѣтомъ и гражданами города Тавроменія, называетъ ее „отличившейся своею скромностью и мудростью“ [12]. Колоссъ Мемнона она посѣтила въ 130 году, находясь въ свитѣ императора Адріана и „любезной императрицы“ Сабины, которымъ стихи ея, очевидно, очень нравились, если они были высѣчены на этомъ твердомъ камнѣ глубокими и красивыми буквами. Ихъ одобреніемъ они пользовались, кажется, потому, что содержали очень много лестнаго для императорской четы: Мемнонъ раньше солнца привѣтствовалъ императора, онъ боялся гнѣва его и т. д. При нѣкоторой ловкости, стихи Бальбиллы обнаруживаютъ въ высшей степени ученый педантизмъ, выражающійся въ строгомъ соблюденіи ею эолическаго діалекта, на которомъ писала Сапфо, стихи

---

[1]) Лукрет., IV, 1160 сл.—[2]) Ювен., 6, 185 сл. Март., X, 68.—[3]) Лукіанъ, «De mercede cond.», 36.—[4]) Овид., «Trist.», III, 7. См. выше, стр. 292, 3. Перилла относилась къ Овидію, какъ дочь къ отцу, что видно особенно въ V, 12 и 45; возможно и то, что она была упомянутой въ «Tr.» IV, 10, 75 дочерью его, дважды уже бывшей замужемъ; но болѣе вѣроятно, что она была дочерью его третьей жены отъ болѣе ранняго брака (ср. «Tr.», III, 7, 3).—[5]) Haupt, «Hermes», V, стр. 32—34. Ср. Teuffel, «Studien», 365 сл.—[6]) Проперт., II, 3, 19.—[7]) Перс., «Prolog.», 13.—[8]) Марг., VII, 69.—[9]) Мартіалъ, X, 35 и 38.—[10]) C. I. G. 4725, 29, 30; ср. 31, 4739—41.—[11]) Letronne, «Rec. des Inscr.», II, стр. 350—367.—[12]) C. I. G. 5901.

которой были, очевидно, старательно изученнымъ образцомъ и для этой ученой дилетантки.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда женщины сами не писали стиховъ, онѣ критиковали, и этихъ-то критикующихъ женщинъ Ювеналъ считаетъ еще болѣе непріятными, чѣмъ тѣ, которыя слишкомъ любили вино. Не успѣвали онѣ усѣсться за столъ, какъ уже начинали эстетическія разсужденія по поводу Вергилія и Гомера и взвѣшивали преимущества одного и другого. Рѣчи ихъ текли непрерывнымъ потокомъ, такъ что никто не могъ вставить своего слова: казалось, какъ-будто ударяли въ мѣдныя чаши или звонили въ колокольчики. Также непріятно было и выкладываніе ими всей своей остальной учености, когда онѣ приводили цитаты изъ забытыхъ книгъ, которыхъ не знали ихъ мужья, постоянно открывали грамматическій учебникъ, поправляли выраженія своихъ подругъ и не пропускали ни одной грамматической ошибки своихъ мужей. „Женщина,—говоритъ Ювеналъ,—не должна имѣть всей энциклопедіи въ своей головѣ, не должна понимать всего въ книгахъ“ [1]). Марціалъ цинично насмѣхается надъ педантичными пуристками; среди своихъ желаній въ жизни онъ называетъ не слишкомъ ученую жену [2]).

Болѣе же всего протеста встрѣчало занятіе женщинъ философіей. Среди тѣхъ лицъ, которыя по старо-римскому обычаю категорически осуждали ихъ за это, нѣкоторыя говорили, что онѣ занимаются ею только изъ хвастовства (по этой причинѣ Сенека Старшій, придерживавшійся старыхъ нравовъ, не позволилъ своей женѣ ознакомиться съ нею болѣе, чѣмъ поверхностно, о чемъ очень сожалѣлъ его сынъ) [3]); другіе говорили, что женщины становятся заносчивыми и дерзкими, если онѣ, вмѣсто того, чтобы ткать и прясть дома, проводятъ время среди мужчинъ, заучиваютъ рѣчи, ведутъ ученые разговоры и разбираются въ силлогизмахъ [4]). Къ представителямъ противоположнаго мнѣнія принадлежали, главнымъ образомъ, стоики. Зенонъ доказывалъ въ одномъ спеціальномъ трудѣ, что мальчиковъ и дѣвочекъ надо воспитывать одинаково [5]). Мусоній Руфъ разсуждаетъ въ особомъ сочиненіи по поводу того, „необходимо ли давать дочерямъ такое же научное образованіе, какъ и сыновьямъ“. Плутархъ также писалъ о томъ, что „и женщины должны получать научное образованіе“ [6]). Мусоній хотѣлъ, „чтобы женщины ограничивались этикой, которую онъ считалъ необходимой основой женской нравственности“ [7]). Плутархъ пошелъ еще дальше и совѣтовалъ связать по сократовскому методу изученіе философіи съ изученіемъ математики и астрономіи, такъ какъ духъ, исполненный высокими идеями и представленіями, недоступенъ тщеславію, суевѣрію и глупости; женщина, изучившая математику, постыдится танцовать и, поддавшись очарованію платоно-ксенофонтовскихъ діалоговъ, станетъ презирать заклинаніе и волшебство [8]).

На ряду съ философіей, женщины, дѣйствительно, нерѣдко занимались и

---

[1]) Ювен., 6, 434—456 (согласно схоліастамъ имѣется въ виду Статилія Мессалина, ср. стр. 292, 5).—[2]) Марціалъ, II, 90, 9. XI, 19. Phot., «Bibl.», cod. CLXXV. Геллій, XV, 17 и 23.—[3]) Сенека, «Cons. ad Helv.», 17, 4.—[4]) Muson. Ruf. въ «Exc. e ms. Flor. Joan. Damasc.», у Stob., «Florileg.» ed. Meineke, IV, 222, 38 слл.—[5]) Lactant., «Inst.», III, 25. Wendlard, «Quaest. Musonianae» (Berol., 1886), стр. 23, 3.—[6]) Stob. ed. M. IV, стр. 322.—[7]) Тамъ же, стр. 216.—[8]) Плутархъ, «Coniug. praec.», гл. 18, стр. 145. «Bull. comm. di Roma», 1888, стр. 212.

этими науками, чѣмъ онѣ порою, повидимому, умаляли свою миловидность и пріятность. Плутархъ восхваляетъ Корнелію, которая сначала была супругою Красса, потомъ Помпея, за то, что, кромѣ своей красоты, она обладала и другими чарами: большими познаніями въ области литературы, музыки, геометріи: она вынесла также большую пользу изъ слышанныхъ ею лекцій по философіи и, несмотря на все это, была лишена педантизма и непріятныхъ чертъ, „которыя легко пріобрѣтаютъ молодыя женщины, посвящающія себя этимъ занятіямъ“ [1]). Цереллія, подруга Цицерона, „воспылавъ, очевидно, страстью къ философіи“, достала себѣ копію съ его книгъ о „высшемъ благѣ“ до опубликованія ихъ [2]). Очень возможно, что болѣе глубокія натуры искали и находили себѣ въ ученіяхъ мудрецовъ утѣшеніе въ несчастіи. Разсказываютъ, что Ливія нашла себѣ утѣшеніе послѣ смерти сына своего, Друса, въ словахъ философа стоика Арея [3]). Стоику Аѳинодору изъ Каны, жившему при этомъ же дворѣ, было позволено посвятить одно изъ своихъ сочиненій сестрѣ Августа, Октавіи [4]). Императрица Юлія Домна тоже занялась философіей и научными работами послѣ того, какъ она разошлась со своимъ супругомъ Септиміемъ Северомъ, что было вызвано интригами фаворита Плавтіана [5]). Она окружила себя математиками и риторами [6]); по ея побужденію Филостратъ, принадлежавшій къ этому кругу, написалъ романъ объ Аполлоніи Тіанскомъ [7]). Прославленная Марціаломъ, поэтесса Ѳеофила обладала большими познаніями въ области какъ эпикурейской, такъ и стоической философіи [8]). Въ одномъ сочиненіи, приписываемомъ Галену, упоминается нѣкая Аррія, находившаяся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ авторомъ, которую императоры (Северъ и Каракалла) глубоко уважали за ея серьезныя научныя занятія (главнымъ образомъ, въ области платоновской философіи) [9]); можетъ быть, именно она была той почитательницей Платона, которой Діогенъ Лаэртскій посвятилъ свои жизнеописанія философовъ [10]).

Но для большинства и эти занятія оставались баловствомъ. Въ своей сатирѣ на влюбленную старуху Горацій говоритъ о стоическихъ книгахъ, которыя лежатъ среди шелковыхъ подушекъ [11]). Въ эпоху Эпиктета римлянки особенно охотно читали „Государство“ Платона, ввиду того, что упраздненіе брака и общность женщинъ является въ этомъ произведеніи, нѣкоторымъ образомъ, основнымъ требованіемъ для осуществленія идеальнаго государства. Здѣсь онѣ находили какъ бы извиненіе своимъ проступкамъ [12]), и Лукіанъ увѣряетъ, что встрѣчались философы, которые съ помощью соблазненныхъ ими и обращенныхъ къ философіи женщинъ осуществляли эти ученія Платона, не понимая, въ какомъ смыслѣ говорилъ этотъ святой человѣкъ объ общности женщинъ [13]). Когда, по примѣру Марка Аврелія, изученіе философіи и наукъ стало общераспространеннымъ явленіемъ, знатныя женщины

---

[1]) Плут., «Помпей», гл. 55. Ср. Drumann, «Röm. Gesch.», II, 50.—[2]) Drumann, «Röm. Gesch.», VI, 324, 51. Ср. Цицер., «Письм. къ Атт.», XIII, 21, 5.—[3]) Сенека, «ad Marc.», 4 и 5.—[4]) Плут., «Поплик.», гл. 17, кон.; ср. выше, стр. 291, 5.—[5]) Діонъ, LXXV, 15.—[6]) Philostrat., «Vitt. soph.», II, 30.—[7]) Его же, «Apoll. Tyan.», ed. K., стр. 3, 2.—[8]) Марціалъ, VII, 69, 4. Выше, стр. 293, 8.—[9]) «De theriac. ad Pison.», стр. 458 K. XIV, стр. 218. Ср. Pauly-Wissowa, «Realencycl.», I, 1762, 44.—[10]) Діог. Лаерт., III, 47.—[11]) Горац., «Эп.», 8, 5.—[12]) Epictet., «Fragment.», 53, изд. Duebner.—[13]) Lucian, «Fugitivi», 18.

стали держать въ своей свитѣ греческихъ мудрецовъ, риторовъ и филологовъ благообразнаго вида, съ длинными сѣдыми бородами, обязанностью которыхъ было сопровождать ихъ носилки вмѣстѣ съ остальной прислугой. Но для слушанія философскихъ лекцій у нихъ, кромѣ какъ за столомъ и во время одѣванія, свободнаго времени не было. Если въ серединѣ доклада о скромности горничная приносила записку возлюбленнаго, онѣ прерывали докладъ только для того, чтобы написать отвѣтъ, а затѣмъ продолжали внимательно слушать. Даже во время путешествій онѣ брали съ собою философовъ, причемъ послѣ порою продолжительнаго ожиданія подъ дождемъ ихъ усаживали вмѣстѣ съ танцовщикомъ, поваромъ или парикмахеромъ въ послѣдній экипажъ. Лукіанъ разсказываетъ, что одна богатая и знатная женщина передала находящемуся у нея на жалованіи стоику свою беременную мальтійскую любимицу-собачку для особаго надзора, и что послѣдняя во время путешествія ощенилась на плащѣ философа [1]).

Но если большая, даже наибольшая часть женщинъ только хвасталась блескомъ философскаго образованія, то все же, какъ уже говорилось, всегда существовали и такія, которыя съ полной серьезностью стремились найти въ философіи поддержку и руководство къ жизни. Египтянинъ Плотинъ, основатель неоплатонизма, этого послѣдняго великаго созданія античнаго духа, нашелъ во время своего пребыванія въ Римѣ (начиная съ 244 г. по Р. Хр.) многочисленныхъ преданныхъ и ревностныхъ учениць, и даже среди высшихъ классовъ, между прочимъ императрицу Салонину. Онъ хотѣлъ воспользоваться благосклонностью ея и ея супруга Галліена, чтобы основать вмѣстѣ со своими приверженцами платоновское философское государство, Платонополь, на мѣстѣ одного погибшаго города въ Кампаніи (должно-быть, Помпеи). Но противники его воспрепятствовали приведенію этого плана въ исполненіе, и античная Икарія не была осуществлена [2]). Ученикъ Плотина, Порфирій, женился на вдовѣ своего друга, Марцеллѣ, не только для того, чтобы помочь этой уже не молодой болѣзненной женщинѣ воспитывать пятерыхъ дѣтей, но и по причинѣ ея большихъ способностей къ истинной философіи, въ которую она уже была посвящена [3]).

Женщинъ особенно затрагивали и захватывали религіозныя движенія, которыя начались въ I вѣкѣ, во II вѣкѣ увеличились въ размѣрахъ и силѣ, а въ III и IV вв. достигли высшаго своего развитія. Это были послѣднія усилія язычества съ помощью перерожденія устоять передъ новымъ духомъ, дуновеніе котораго, идя съ Востока, все сильнѣе и сильнѣе наполняло собою міръ. Греко-римская религія, казавшаяся приведенной въ полный упадокъ, подверглась неожиданной реставраціи, которая обнаружила ея все еще не ослабленную жизненную силу. Но и всякая чужая форма почитанія боговъ жадно схватывалась, если въ ней только имѣлось положительное содержаніе, и очень многіе вѣрующіе искали спасенія не только въ одной единственной вѣрѣ, но и въ скопленіи и смѣшеніи различнѣйшихъ религій и культовъ.

Восточные культы были особенно распространены и пользовались наибольшимъ уваженіемъ. Ихъ пышность была разсчитана на чувственность, ихъ

---

[1]) Lucian., «De merc. cond.», 32 и 36.—[2]) Porphyr., «Vita Plotini», гл. 9 и 12.—
[3]) Porphyr., «ad Marcellam», гл. 1—9.

развитая обрядность дѣйствовала на простые умы, въ ихъ символахъ, чудесахъ и таинствахъ вѣрующіе чувствовали высшее откровеніе, мистическое влеченіе къ внутреннему соединенію съ божествомъ находило себѣ здѣсь полное удовлетвореніе. Съ одной стороны, культы эти болѣе всего отвѣчали потребностямъ женской души, съ другой—они дѣйствовали еще сильнѣе своими обѣщаніями повести съ помощью покаянія и искупленія къ очищенію, святости и высшему блаженству въ другомъ мірѣ. Склонность къ аскетизму была естественнымъ результатомъ нравственнаго разложенія и необузданности. Та же самая нравственная слабость, которая вела къ грѣху, надѣялась очиститься отъ него съ помощью внѣшняго покаянія.

Потребность достигнуть съ помощью отправленія религіозныхъ обрядовъ высшаго посвященія или утѣшенія, или очищенія отъ грѣховъ стала, такимъ образомъ, возрастать до своего рода страсти, главнымъ образомъ, среди женщинъ. Чуждая суевѣрія набожность, за которую одинъ мужъ восхваляетъ на надгробной надписи [1]) свою жену, не была среди нихъ особенно частымъ явленіемъ. Плутархъ въ своихъ „наставленіяхъ къ брачной жизни“ настоятельно совѣтуетъ женѣ молиться только тѣмъ богамъ, которыхъ почитаетъ ея мужъ, и оградить себя отъ всѣхъ другихъ культовъ и суевѣрій. Тайныя жертвоприношенія жены не могутъ быть пріятны ни одному богу [2]). Среди почитательницъ восточныхъ божествъ жрецы ихъ находили самыхъ довѣрчивыхъ, послушныхъ и щедрыхъ приверженницъ. Бродячая толпа нищенствующихъ жрецовъ Великой Матери могла убѣдить ихъ въ томъ, что нездоровый сентябрскій воздухъ принесетъ имъ лихорадку, если онѣ не откупятся даромъ изъ сотни яицъ; въ противномъ случаѣ грозящая имъ опасность заберется въ ихъ одежды. Исполняя предписаніе жрецовъ, онѣ раннимъ утромъ три раза окунались въ Тибръ во время ледохода или ползали на оголенныхъ колѣняхъ опредѣленное разстояніе, дрожа отъ страха и холода въ скудныхъ одеждахъ. Иногда онѣ отправлялись въ Египетъ, чтобы достать воды изъ Нила, когда Исида приказывала имъ во снѣ окропить ею свой храмъ [3]). Великая богиня Исида, у которой „было милліонъ именъ“, чаще и горячѣе всего призывалась женщинами всего римскаго государства въ качествѣ милосердной богини-цѣлительницы и заступницы. Къ ея уже въ серединѣ I вѣка многочисленнымъ въ Римѣ храмамъ шли на поклонъ толпы молельщицъ въ предписанныхъ полотняныхъ одеждахъ, пѣли съ распущенными волосами два раза въ день хоромъ хвалебную пѣснь богинѣ, давали себя окроплять нильской водой и соблюдали посты и другія требованія воздержности, которыя жрецы считали нужнымъ возлагать на нихъ. Если онѣ нарушали обѣтъ, то жрецы за хорошее вознагражденіе молили Озириса о заступничествѣ и, съ помощью принесеннаго въ жертву пирога или жирнаго гуся, можно было умилостивить разгнѣванныхъ боговъ [4]).

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что храмами Исиды, посѣщаемыми такимъ множествомъ женщинъ, часто злоупотребляли въ постыдныхъ цѣляхъ. Жрицы ихъ, жрецы и храмовые прислужники вообще обвинялись въ своднп-

---

[1]) Orelli, 4859. Ср. хвалу Туріи. — [2]) Plutarch., «Coniug. praec.», 19. — [3]) Ювен., 6, 511 слл.— [4]) Ювен., 6, 532 слл. Тибуллъ, I, 3, 23 сл. Ср. Marquardt, «Staatsverw.», изд. 2-ое, III, 77 слл. Boissier, «Relig. rom.», I, 402—406.

чествѣ, которымъ они занимались какъ ремесломъ; по этой причинѣ весь культъ пользовался дурной славой [1]). О томъ, что могло происходить внутри этихъ храмовъ, свидѣтельствуетъ одно событіе, совершившееся въ 19 г. по Р. Хр. въ Римѣ. Всадникъ Децій Мундъ долгое время тщетно преслѣдовалъ своими предложеніями одну благородную женщину непорочной чистоты, по имени Паулину. Она была предана культу Исиды; жрецы того храма, который она посѣщала, подкупленные суммой въ 5000 денаровъ, внушили ей, что богъ Анубисъ желаетъ ночного свиданія съ нею, и, конечно, Мундъ появился въ маскѣ бога. Это преступленіе дошло до Тиберія: онъ изгналъ главнаго виновника, велѣлъ распять жрецовъ, разрушить храмъ, а изображеніе богини бросить въ рѣку [2]). Но не одни храмы Исиды, а и всѣ другіе, которые посѣщались женщинами, пользовались славою мѣстъ разврата. „Нѣтъ такого храма,—говоритъ Ювеналъ,—въ которомъ бы женщины не отдавались“ [3]); а христіанскіе писатели, если и преувеличиваютъ, все же, несомнѣнно, на основаніи дѣйствительныхъ фактовъ, когда клеймятъ храмы, рощи и другія священныя мѣста, называя ихъ мѣстами, гдѣ плодятся не только прелюбодѣяніе и распутство, но и другія тяжкія преступленія. „Въ храмахъ,—говорится у Минуція Феликса и Тертулліана [4]),—сговариваются о прелюбодѣяніи, между алтарями занимаются сводничествомъ, а наполненныя запахомъ ладана кельи храмовыхъ служителей и жрецовъ напоминаютъ собою дома терпимости [5]). Идолопоклонство ведетъ у Тертулліана слѣдующую рѣчь: „Мои (наполненныя набожными людьми) рощи, горы, источники и храмы въ городахъ знаютъ, насколько я содѣйствую уничтоженію цѣломудрія, волшебники и изготовители ядовъ знаютъ, какъ часто я помогаю ревности въ дѣлѣ мести, сколько стражей, доносчиковъ и сообщниковъ я убираю съ дороги“ [6]). Пропертій тоже называетъ храмы, на ряду со зрѣлищами, главной причиной невѣрности его Цинтіи [7]), а Овидій рекомендуетъ посѣщать храмы, на ряду съ театрами и портиками, тѣмъ мужчинамъ, которые ищутъ любовныхъ приключеній, а среди торжествъ, которыя не должно пропускать, упоминаетъ и субботній праздникъ евреевъ [8]).

Іудейство, по свидѣтельству многихъ, достигло въ то время на Западѣ необычайныхъ и постоянно разростающихся размѣровъ; среди приверженцевъ его было больше прозелитокъ, чѣмъ прозелитовъ. Къ нимъ принадлежала, повидимому, и императрица Поппея. Іосифъ называетъ ее ревностной ходатайницей евреевъ, „такъ какъ она боялась Бога“ [9]). Можетъ быть, это было причиной того, что трупъ ея не былъ сожженъ, а, по примѣру иноземныхъ царей, набальзамированъ благовоніями и погребенъ въ склепѣ Юліевъ [10]). Первая суровая мѣра противъ іудеевъ была принята въ Римѣ въ 19 году, одновременно и въ связи съ дѣйствіями противъ культа Исиды: 4000 вольноотпущенниковъ, способныхъ къ военной службѣ, „зараженныхъ египетскимъ и іудейскимъ суевѣріемъ“, были отосланы на Сардинію для борьбы съ та-

[1]) Marquardt, «Staatsverw.», изд. 2-ое, III, 77 сл.—[2]) Іосифъ, «Древн.», XVIII, 3, 4.—[3]) Ювен., 9, 22—26.—[4]) Ср. Ebert, «Tertullians Verhältnis zu Minucius Felix» и Hartel, «Ztschr. f. österr. Gymn.», XX, 348- 368.—[5]) Минуц. Фел., «Октавій», стр. 67. Muralt, Тертулл., «Апол.», гл. 15.—[6]) Его же, «De pudic.», гл. 5.—[7]) Проп., II, 19 (III, 11), 10.—[8]) Овид., «Ars am.», I, 75 сл.—[9]) Іосифъ, «Древн.», XX, 8, 11; 11, 1. «Vit.» 3.—[10]) Тац., «Анн.», XVI, 6.

мощными разбойничьими шайками; остальнымъ было приказано покинуть Италію, если они до опредѣленнаго срока не отрекутся отъ своихъ нечестивыхъ обрядовъ [1]). Поводомъ къ преслѣдованію іудеевъ былъ, повидимому, обманъ, совершенный надъ одной знатной и преданной іудейству римлянкой, Фульвіей. Ея іудейскіе наставники уговорили ее послать въ Іерусалимъ пожертвованіе на храмъ, и утаили этотъ благочестивый даръ [2]). Въ эпоху Домитіана Мартіалъ издѣвался (въ 88 г.) надъ трезвымъ дыханіемъ справляющихъ субботу женщинъ [3]).

Ученія христіанства также разжигали особенно сердца женщинъ, и апостолы его, по всей вѣроятности, правильно оцѣнили значеніе ихъ воспріимчивости для распространенія новаго ученія, которое, какъ извѣстно, началось въ низшихъ классахъ. Язычники еще во II вѣкѣ смѣялись надъ тѣмъ, что новыя общины состоятъ главнымъ образомъ изъ мелкихъ людей, ремесленниковъ и старыхъ женщинъ [4]), что христіане въ силахъ обратить только простыхъ и самыхъ ничтожныхъ людей, вродѣ рабовъ, женщинъ и дѣтей [5]). Но очень возможно, что христіанство уже рано нашло себѣ въ Римѣ, какъ и на Востокѣ [6]), отдѣльныхъ приверженницъ и среди высшихъ сословій. Предположеніе, что къ нимъ принадлежала и Помпонія Грецина, супруга устроителя провинціи Британіи, консула Плавтія, столь слабо обосновано, что ему нельзя приписывать ни малѣйшей степени вѣроятности. Въ 58 году ее обвинили въ „иноземномъ суевѣріи“, по приговоръ надъ нею былъ предоставленъ ея супругу, который оправдалъ ее. Подъ „иноземнымъ суевѣріемъ“, вѣроятнѣе всего, подразумѣвалась одна изъ обѣихъ религій, которыя подверглись преслѣдованію со стороны Тиберія—египетская или іудейская. Что касается пожизненнаго, сорокалѣтняго траура Помпоніи Грецины по убитой родственницѣ, то усматривать въ немъ отреченіе христіанки отъ міра—недопустимо уже потому, что мы знаемъ о случаяхъ страстнаго и многолѣтняго траура такихъ женщинъ того времени, которыя были, несомнѣнно, язычницами. Древнехристіанская традиція также ничего не знаетъ объ этой обращенной, хотя легенда о личныхъ отношеніяхъ между Сенекой и апостоломъ Павломъ въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ сильно стремилось христіанство назвать замѣчательныя личности языческаго міра прозелитами своей вѣры. Болѣе вѣроятно предположеніе, что въ христіанство обратилась племянница Домитіана, Флавія Домитилла. Она и ея супругъ, Т. Флавій Клементъ, были обвинены въ атеизмѣ, за который въ то время многіе, перенявшіе обряды іудеевъ, присуждались либо къ смерти, либо къ конфискаціи имущества: Клементъ былъ казненъ, Домитилла сослана на островъ. Возможно, что лица, подвергшіяся этому преслѣдованію, были іудео-христіанами, какъ предполагаетъ Ренанъ [7]). Мученія святой Цециліи (почитаемой въ качествѣ покровительницы музыки), которыя написаны не ранѣе конца V вѣка и, судя по которымъ, она принадлежала къ благородной сенаторской фамиліи, совершенно недостовѣрны; а вопросъ о томъ, положены ли въ

---

[1]) Ср. выше, стр. 229, 8.—[2]) Іосифъ, «Древн.», XVIII, 3, 5. Ср. Тац., «Анн.», II, 85.—[3]) Мартіалъ, IV, 7.—[4]) Аѳинаг., «Апол.», 11.—[5]) Orig., «c. Cels.», III, 44.—[6]) «Дѣянія», 17, 4 (въ Ѳессалоникѣ), 12 (въ Береѣ), 34 (въ Дамаридѣ).—[7]) Renan, «Les évangiles», стр. 228—233.

основу ихъ дѣйствительныя событія и какого рода они были, все еще вызываетъ большія сомнѣнія [1]).

Эпоха, начиная со смерти Марка Аврелія и до великаго гоненія при Деціи, была для церкви въ общемъ временемъ спокойствія и поэтому очень благопріятнымъ для распространенія новой вѣры. Въ правленіе Коммода, возлюбленная котораго, Марція, была, какъ уже говорилось, христіанкой [2]), знатнѣйшія фамиліи въ Римѣ стали переходить въ христіанство [3]). Септимій Северъ защищалъ въ первые годы своего правленія мужчинъ и женщинъ сенаторскаго званія, явно исповѣдовавшихъ христіанство, отъ поднятаго противъ нихъ страстнаго гоненія [4]). О Маммеѣ, матери Александра Севера, разсказываютъ, что проповѣди Оригена внушили ей симпатіи къ христіанству [5]). Римская церковь была приведена въ затруднительное положеніе знатными прозелитками, за которыми даже ревностный Тертулліанъ призналъ право носить роскошныя одежды, чего требовало отъ нихъ происхожденіе и общественное положеніе [6]). Епископъ Каллистъ (218—223 гг.) позволялъ, какъ уже упоминалось [7]), вдовамъ и дѣвушкамъ сенаторскаго званія, не хотѣвшимъ, выйдя замужъ за незнатнаго, лишиться своего званія, вступать въ незаконные браки даже съ рабами; онъ предпочиталъ, очевидно, эти запрещаемыя закономъ и обычаемъ сношенія бракамъ съ невѣрующими [8]). Памятники въ катакомбахъ знакомятъ насъ и съ именами нѣкоторыхъ знатныхъ римлянокъ того времени, которыя были обращены въ христіанство. Въ криптахъ Луцины былъ найденъ саркофагъ нѣкой Катіи Клементины, супруги Яллія Басса, который при Маркѣ Авреліи занималъ важныя должности; дочь ея, Яллія Клементина, какъ и ея одноименная сестра или дочь, была похоронена тамъ же [9]). Въ этомъ же мѣстѣ были найдены надписи Анніи Фаустины, Лициніи Фаустины и Ациліи Веры, которыя принадлежали, по всей вѣроятности, къ фамиліи, находившейся въ родствѣ какъ съ Помпоніями Бассами, такъ и съ императорскимъ домомъ Антониновъ [10]).

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что во время борьбы между язычествомъ и христіанствомъ, которая длилась вѣками, постоянно разрывались самыя священныя узы родства и разбивались сердца, хотя вѣсть обо всѣхъ этихъ страданіяхъ и этой борьбы до насъ и не дошла. Но Оригенъ говоритъ, что апостолы христіанства не останавливались передъ тѣмъ, чтобы вторгнуться въ семью и стать между кровными родными; что рабы-христіане старались обратить въ свою вѣру женъ и дѣтей своихъ господъ, въ чемъ ихъ упрекали язычники; что самые ревностные изъ нихъ побуждали дѣтей отказаться отъ должнаго послушанія по отношенію къ отцамъ и учителямъ [11]).

---

[1]) K. J. Neumann, «Der röm. Staat u. d. allg. Kirche», I, 310 сл.—[2]) См. выше, стр. 64, 11—[3]) Евсев., «Ист. Церкви», V, 21.—[4]) Tertull., «ad Scapul.», гл. 4.—[5]) Tillemont, «Hist. des emp.» (изд. 1712 г.), III. 1, 290, 452. Gibbon, «Hist.», гл. XVI, 115.—[6]) Tertullian., «De cultu fem.», II, 4, Ср. Commodian., «Instr.» (238 p. C.), II, 17 сл.—[7]) Выше, стр. 274, 10.—[8]) Hippolyt., «De refutat. omn. haeres.», IX, 12. De Rossi, «Bull. di arch. crist.», 1866, стр. 23 сл.—«Bull. crist.», 1880, стр. 67—69. C. I. L. XI, 1, 4025. Hirschfeld приводитъ примѣръ брака знатной христіанки и незнатнаго христіанина («Beiträge z. Gesch. d. Narbonen. Provinz», «Westdeutsche Ztschr.», 1889, стр. 21, 57).—C. I. L. XII, 675 (Арелата, III вѣкъ).—[9]) De Rossi, «R. s.», I, стр. 309, II, стр. 366 сл.—[10]) Тамъ же, I, стр. 315 сл. Одна христіанская надпись, по мнѣнію Росси («Bull. crist.», 1880, стр. 31 сл. и 101 сл.), относится къ III вѣку.—[11]) Orig., «c. Cels.», III, 9 и 55, изд. Klotz.

Одинъ случай, который передаетъ намъ христіанскій писатель Юстинъ (въ эпоху Антонина Пія), повторялся въ главныхъ своихъ чертахъ, очевидно, тысячи разъ. Одна чета была предана позорной страсти; жена стала христіанкой: тщетно пыталась она исправить своего мужа, знакомя его съ новымъ ученіемъ и указывая на вѣчныя муки; наконецъ, она стала опасаться, что, оставаясь дольше его женой, она станетъ участницей его безбожія, и развелась съ нимъ [1]). Здѣсь къ религіознымъ соображеніямъ присоединялись еще нравственныя, но въ большинствѣ случаевъ достаточно было, навѣрно, разногласій въ вопросахъ вѣры и мученій совѣсти, чтобы расторгнуть союзъ, заключенный на всю жизнь. Бывали и такіе случаи, что мужъ-язычникъ насильно отнималъ у своей жены-христіанки ея приданое и за это обѣщалъ молчать [2]). Число такихъ женъ-христіанокъ, которыя могли превозмочь себя и быть „язычницами среди язычниковъ, вѣрующими среди вѣрующихъ“ (какъ говорится въ одной надписи) [3]), ни въ какое время не могло быть велико, и очень вѣроятно, что „любовь и вѣрность приходилось вырывать, какъ вредную сорную траву“. Въ случаяхъ подобныхъ раздоровъ и расколовъ христіанскіе писатели приписывали всю вину, какъ это и понятно, супругу-язычнику [4]). Но та суровость, съ которой Тертулліанъ въ свой монтанистическій періодъ обвиняетъ въ развратѣ лицъ, живущихъ въ смѣшанныхъ бракахъ, и требуетъ ихъ исключенія изъ общины [5]), заставляетъ думать, что въ подобныхъ случаяхъ разводы довольно часто бывали вызваны христіанской ревностью. Имъ очень часто противопоставлялся, правда, и сильнѣйшій языческій фанатизмъ. Порфирій сообщаетъ отвѣтъ оракула Аполлона на вопросъ одного мужа, какого бога онъ долженъ умилостивить, чтобы отвлечь свою жену отъ христіанства: „Скорѣе ты сможешь писать по водѣ или пролетѣть по воздуху, чѣмъ измѣнить душу твоей запятнанной, безбожной супруги. Пусть она по своему желанію останется окруженной этимъ пустымъ обманомъ и воспѣваетъ лживыми сѣтованіями своего бога, претерпѣвшаго ужасную смерть послѣ того, какъ онъ былъ осужденъ справедливыми судьями“ [6]).

Хотя женщины и являлись въ то время вождями на религіозной почвѣ [7]), но были, безъ всякаго сомнѣнія, не менѣе воспріимчивы и по отношенію къ каждому новому суевѣрію, какъ и беззавѣтно преданы каждому старому. Изъ всѣхъ безчисленныхъ формъ суевѣрія, которое такъ безконечно разнообразно и пышно процвѣтало въ тѣ вѣка, только одна признавалась до нѣкоторой степени и мужчинами, а именно — астрологія; предсказанія ея бывали поводомъ къ самымъ большимъ и опаснымъ предпріятіямъ, исходъ которыхъ отъ нея же зависѣлъ; кромѣ того, она вообще въ значительной степени вліяла на судьбы тогдашняго міра. Само собою разумѣется, что эта въ высшей степени характерная для того времени форма угадыванія будущаго [8]),

---

[1]) Justin., «Apolog.», II, 2. (Euseb., «H. eccl.», IV, 17).—[2]) K. J. Neumann, «Der röm. Staat u. d. allg. Kirche», I, 178, 3.—[3]) De Rossi, «Epigrafe mutila di strano senso», «Bull. crist.», 1877, стр. 118 слл.; ср. тамъ же, 1879, стр. 24, 1880, стр. 65.—[4]) Tertullian., «Apolog.», гл. 3.—[5]) Его же, «Ad uxorem», 2, 3; «De corona», гл. 13. Baur, «Das Christent. der drei ersten Jahrh.» (2-е изд.), стр. 479.—[6]) Porphyr., ἐκ λογίων φιλοσοφίας у Август., «C. D.», XIX, 23. Ср. также Кипріанъ, «Письм.», 24.—[7]) Страбонъ, I, 7, стр. 297.—[8]) См. выше, стр. 69 сл. 203 слл.

пользовавшаяся особымъ успѣхомъ среди высшихъ классовъ, была очень распространена и среди женщинъ. „Ни одинъ астрологъ,—говоритъ Ювеналъ,—не пользовался у нихъ славой геніальности, если онъ не былъ хотя бы разъ осужденъ; толкователи звѣздъ особенно почитались, если они бывали запутаны въ важный политическій процессъ, долгое время томились въ оковахъ и съ большимъ трудомъ добивались помилованія, выражавшагося въ ссылкѣ на пустынный островъ“. Нѣкоторыя женщины сами знали толкъ въ астрологіи и ничего не предпринимали, не посовѣтовавшись съ астрологическимъ календаремъ [1]). Передъ родами нѣкоторыя изъ нихъ распоряжались относительно того, чтобы халдеецъ на ближайшей обсерваторіи былъ наготовѣ приступить къ наблюденіямъ за ходомъ свѣтилъ; ударомъ въ металлическій дискъ ему сейчасъ же давали знать о рожденіи ребенка, чтобы онъ тотчасъ же могъ предсказать появившемуся на свѣтъ младенцу его будущее по расположенію звѣздъ [2]). Августинъ разсказываетъ про двухъ друзей, ревностно занимавшихся астрологіей, что они отмѣчали даже моменты рожденія своихъ домашнихъ животныхъ и тѣ констелляціи, подъ которыми они являлись на свѣтъ. Однажды случилось, что жена одного изъ нихъ и рабыня другого родили одновременно; точнѣйшее наблюденіе за днемъ, часами и малѣйшими частицами времени показало, что оба ребенка родились въ одно и то же мгновеніе, значитъ—подъ одной и той же констелляціей. Несмотря на это, одинъ изъ нихъ поднялся высоко, другой остался рабомъ: этотъ фактъ разрушилъ въ Августинѣ остатокъ его вѣры въ астрологію [3]).

Особеннымъ же успѣхомъ среди женщинъ пользовалась вся огромная область чародѣйства со всѣми ея мороченіями и обманами, съ ея безуміемъ, преступленіями и ужасами. Подъ постоянно возрастающимъ вліяніемъ восточной мистики суевѣріе это подверглось за этотъ промежутокъ времени полному превращенію, и чародѣи перваго времени имперіи въ значительной степени разнятся отъ волшебниковъ II вѣка. Первыми были колдуны, опороченныя и ненавистныя всѣмъ женщины, занимавшіяся двусмысленнымъ ремесломъ, главнымъ образомъ, сводничествомъ; онѣ умѣли варить мази, косметическія средства и другіе медикаменты, приготовленіе которыхъ близко соприкасалось съ составленіемъ ядовъ; въ большинствѣ случаевъ, онѣ очень любили вино [4]). Хотя занятіе это было слишкомъ незначительнымъ и нищенскимъ, чтобы найти себѣ приверженцевъ среди людей образованныхъ, но все-таки не было никакой возможности изгнать его изъ покоевъ женщинъ, среди которыхъ была особенно распространена вѣра въ силу любовныхъ чаръ. Этого не смогъ обойти молчаніемъ даже Плутархъ въ своемъ „наставленіи къ брачной жизни“, въ которомъ онъ обращается къ высоко-интеллигентной новобрачной четѣ [5]). Въ Италіи эта вѣра въ любовные чары нашла себѣ доступъ, впрочемъ, только въ послѣднемъ вѣкѣ до Р. Хр. [6]).

Но когда волшебство стало преобразовываться сообразно съ требованіями времени, значеніе его увеличилось, а число вѣрующихъ стало необы-

[1]) Ювен., 6, 553—591.—[2]) Секстъ Эмпир., 739, 29, списано Ипполитомъ, «Refutat.», IV, 4.—[3]) Август., «Испов.», VII, 6, 8.—[4]) Ср. Горац., «Эп.», 5. Овид., «Am.», I, 8. Проперт., IV, 5. Март., IX, 29. Лукіанъ, «Діал. гетеръ», 4.—[5]) Plutarch., «Coniug. praec.», 5 и 48.—[6]) O. Hirschfeld, «De incantamentis et devinctionibus amatoriis apud Graecos Romanosque» (Regimonti, 1863), стр. 17.

чайно разрастаться. Во второй половинѣ II вѣка, когда появились первые вѣстники неоплатонизма, какъ, напримѣръ, халдеецъ Юліанъ [1]), философія стала ближе соприкасаться съ теургіей и магіей. Уже Апулей разсказываетъ, что народъ подозрѣвалъ философовъ въ колдовствѣ [2]); волшебники, какъ и натурфилософы, все чаще и чаще стали черпать изъ тѣхъ праисточниковъ высшей мудрости, которые, какъ утверждалось, текли на Востокѣ: они обучались на Нилѣ, Евфратѣ и Гангѣ. Вмѣсто прежнихъ пьяныхъ вѣдьмъ-сводницъ въ Римѣ появляются набожные и святые чудотворцы, которые были родомъ съ Востока [3]), или проводили многіе годы въ египетскихъ катакомбахъ [4]), или даже удостоились сообщества браминовъ. Свободные отъ всѣхъ человѣческихъ страстей, презирающіе земную пищу и питье, въ бѣлыхъ полотняныхъ одѣяніяхъ [5]), благообразной внѣшности, они стали дорогими гостями въ большихъ дворцахъ. Однимъ словомъ, если прежнія колдуньи напоминаютъ собою вѣдьмъ германскаго средневѣковья, то эти волшебники имѣютъ самое разительное сходство съ Великими Кофтами XVIII вѣка. Приверженцы объясняли ихъ волшебную силу святостью жизни: тотъ, кто побѣдитъ человѣческую природу, станетъ равнымъ богамъ и съ ихъ помощью будетъ въ состояніи творить чудеса. Своимъ успѣхомъ они тоже были обязаны, главнымъ образомъ, женщинамъ, заручиться благосклонностью которыхъ было для нихъ первымъ дѣломъ. Самыя тщательныя заботы они посвящали своему внѣшнему виду. Александръ изъ Абунотейха былъ, по описанію Лукіана, красивымъ мужчиной, со стройной, видной фигурой, съ бѣлой кожей, холеной бородой, пылкими мечтательными глазами, въ высшей степени мягкимъ и одновременно звучнымъ голосомъ; кромѣ своихъ собственныхъ волосъ, онъ носилъ искусно поддѣланный парикъ, такъ что голова его казалась обрамленной пышной массой кудрей; онъ появлялся въ бѣломъ и пурпуровомъ нижнемъ платьѣ и бѣломъ плащѣ, въ рукахъ у него былъ серпъ, въ знакъ его происхожденія отъ Персея. Всюду онъ пользовался благосклонностью женщинъ, Лукіанъ даже увѣряетъ, что это случалось не только съ вѣдома, но даже по желанію мужей; нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что добиться расположенія женщинъ было для него не только цѣлью, но и средствомъ для укрѣпленія своего положенія [6]). То же мы узнали бы, можетъ быть, и про Аполлонія Тіанскаго, если бы Лукіанъ описалъ и его жизнь. Филостратъ упоминаетъ только вскользь, что, по слухамъ, онъ любилъ одну прекрасную женщину, вызывавшую всеобщее восхищеніе въ Селевкіи (въ Киликіи), и что она отвергла всѣхъ другихъ жениховъ и отдалась ему, влекомая только желаніемъ имѣть прекрасныхъ дѣтей, такъ какъ онъ былъ божественнаго происхожденія и превосходилъ всѣхъ остальныхъ людей. Отъ этой связи родился софистъ Александръ, прозванный Пелоплатономъ, человѣкъ удивительной красоты. Но Филостратъ, конечно, называетъ эту молву совсѣмъ невѣроятной [7]).

---

[1]) Zeller, «Philos. d. Gr.», III, 2, 611, 5. Suidas, см. Ἰουλιανός.—[2]) Апул., «Апол.», гл. 27.—[3]) Лукіанъ, «Philopseudes», 7, 13. Іосифъ, «Древн.», VIII, 2, 5.—[4]) Лукіанъ, «Philopseud.», 34.—[5]) Лукіанъ, «Philopseud.», 16. Ср. Апул., «Метам.», II, 39. Филостр., «Жизнь Аполл. Тіан.», I, 8.—[6]) Лукіанъ, «Александръ», 3, 11, 39, 42.—[7]) Филостр., «Vitt. soph.», II, 5.

Если здѣсь говорилось, главнымъ образомъ, о слабостяхъ и глупости, заблужденіяхъ и порокахъ женщинъ, то причиной этому является только то, что современники съ особой любовью касались именно этого вопроса и очень рѣдко затрагивали ихъ незамѣтныя добродѣтели, которыя сатирѣ о риторикѣ не давали никакого или, во всякомъ случаѣ, столь благодарнаго матеріала. Но нѣтъ недостатка въ описаніяхъ такихъ браковъ, гдѣ супруги „въ силу обоюдной любви взаимно подчинялись другъ другу и жили въ удивительномъ согласіи: заслуга хорошей жены бываетъ гораздо больше, чѣмъ (въ несчастливомъ бракѣ) вина дурной“ [1]); нѣтъ недостатка въ описаніи супругъ и матерей, которыя были „свѣточемъ дома“ (какъ названа Аннія Регилла, супруга Герода Аттика на базѣ одной изъ своихъ статуй въ Кефисіи) [2]). Главнымъ образомъ, сборникъ писемъ Плинія Младшаго знакомитъ насъ съ цѣлымъ рядомъ благородныхъ и прекрасныхъ женъ. Онъ же сообщаетъ о геройской смерти одной женщины въ его родномъ городѣ Комо, которую онъ справедливо сопоставляетъ со столь прославленной смертью Арріи Старшей. Во время переѣзда черезъ озеро Комо одинъ старшій другъ его показалъ ему виллу, а въ ней выступающій надъ водою покой, изъ котораго эта женщина вмѣстѣ съ мужемъ своимъ бросилась въ озеро. Мужъ ея страдалъ, вслѣдствіе продолжительной болѣзни, отъ разъѣдающихъ нарывовъ; онъ показалъ ихъ женѣ и спросилъ, считаетъ ли она болѣзнь его излѣчимой. Такъ какъ состояніе его показалось ей безнадежнымъ, она стала уговаривать его умереть и была въ этомъ дѣлѣ не только спутницей его, но и предводительницей и примѣромъ ему: они привязали себя другъ къ другу и бросились въ озеро [3]).

Исторія сохранила намъ тоже нѣсколько яркихъ примѣровъ женскаго великодушія и благородства именно изъ тѣхъ временъ, которыя, если разсматривать ихъ вообще, обнаруживали отталкивающую картину глубокаго униженія и жалкаго раболѣпства. Въ тѣ ужаснѣйшіе періоды императорскаго террора, когда женщинъ преслѣдовали даже за слезы, которыя онѣ проливали по казненнымъ родственникамъ [4]), онѣ нерѣдко являлись для мужчинъ примѣромъ мужества, вѣрности и самопожертвованія. Въ эпоху проскипцій жены осужденныхъ также обнаруживали величайшую вѣрность въ то время, какъ сыновья ихъ почти всѣ безъ исключенія оказывались вѣроломными [5]), и въ ужасныя эпохи правленія Юліевской династіи женщины умирали со своими, если ихъ просьбы не были въ силахъ спасти ихъ; матери вмѣстѣ съ сыновьями отправлялись въ ссылку, и жены съ мужьями [6]). Только въ исключительныхъ случаяхъ Тацитъ разсказывалъ про судьбы нѣкоторыхъ изъ этихъ женщинъ. Аннія Поллита присутствовала при смерти своего супруга Рубеллія Плавта (въ 62 году), который погибъ отъ рукъ убійцъ, посланныхъ Нерономъ. Она обняла его окровавленную шею, сохранила его забрызганную кровью одежду и жила вдовою въ глубокомъ траурѣ, не принимая большаго количества пищи, чѣмъ требовалось для поддержанія существованія. Когда въ 65 году и отецъ ея, Л. Ветъ, былъ приговоренъ къ смерти, она тщетно

[1]) Тац., «Агрик.», гл. 6.—[2]) C. I. G. 6411.—[3]) Плин., «Письм.», VI, 24.—[4]) Тац., «Анн.», VI, 10.—[5]) Веллей, II, 67. См. выше, стр. 278, 2.—[6]) Тац., «Ист.», I, 3, «Аннал.», XV, 71.

пыталась проникнуть къ Нерону, чтобы отвратить отъ него его судьбу, и рѣшила наконецъ раздѣлить ее съ нимъ. Теща Вета, Секстія, тоже не захотѣла пережить ихъ обоихъ. Ветъ раздарилъ все свое имущество рабамъ и оставилъ себѣ только три постели; на нихъ всѣ трое разрѣзаютъ себѣ жилы однимъ и тѣмъ же ножемъ и затѣмъ каждаго изъ нихъ, стыдливо завернутаго въ одежду, быстро уносятъ въ ванну. „Отецъ устремляетъ свои взоры на дочь, бабушка на внучку; эта смотритъ на обоихъ ихъ, и всѣ они наперерывъ молятъ боговъ о быстромъ исходѣ уходящей жизни“.—Судьба соблюдаетъ порядокъ природы, оба старшихъ умираютъ сначала, молодая женщина послѣдней [1]). Сервилія, супруга сосланнаго въ 65 году Аннія Поллiона, была въ слѣдующемъ году замѣшана въ дѣло по обвиненію ея отца Сорана, такъ какъ, мучимая боязнью, она пыталась вывѣдать исходъ процесса съ помощью запрещенныхъ волшебныхъ чаръ. Отецъ и дочь наперерывъ старались выгородить другъ друга и взять вину на себя, но оба должны были умереть; только выборъ вида смерти былъ имъ предоставленъ [2]). Супруга Сенеки, Павлина, настояла на томъ, чтобы умереть одновременно со своимъ мужемъ, приговореннымъ къ смерти послѣ Пизонова заговора; оба вскрыли себѣ вены, но ее успѣли спасти. „Она прожила еще нѣсколько лѣтъ, постоянно воспоминая своего супруга, но такая блѣдная и лицомъ и тѣломъ, что видно было—бо́льшая часть жизненной силы была уже отнята отъ нея“ [3]). Слѣдующую трогательную исторію сообщаетъ надпись одного надгробнаго памятника, высѣченнаго въ скалѣ въ Кальяри. Нѣкій Кассій Филиппъ былъ сосланъ въ Сардинію (обычное мѣсто ссылки); супруга его Атилія Помптилла послѣдовала за нимъ; мужъ заболѣлъ, можетъ быть, вслѣдствіе нездороваго климата, и она ради него обрекла себя на смерть и дѣйствительно умерла (послѣ 21 года супружеской жизни), тогда какъ онъ остался въ живыхъ [4]). Очень возможно, что случаи добровольной смерти женъ за мужей, вызванные вѣрою въ то, что подземныя силы принимаютъ одну жизнь вмѣсто другой [5]), были довольно частымъ явленіемъ. Одна греческая надпись называетъ новую Алкесту, по имени Калликратею, „которая умерла за своего превосходнаго мужа Зенона, единственнаго, котораго она когда-либо прижимала къ своему сердцу, котораго душа ея любила больше, чѣмъ солнце и милыхъ дѣтей“ [6]).

Среди тѣхъ многихъ женщинъ, мужество которыхъ заставляло иногда краснѣть мужчинъ, наибольшая слава принадлежитъ той Арріи, которая подала своему нерѣшительному мужу кинжалъ послѣ того, какъ она пронзила имъ себѣ грудь, съ безсмертными словами: „Петъ, это не больно!“ Плиній Младшій приводитъ другіе, не менѣе значительные случаи, которые даютъ нѣкоторое понятіе о величіи души этой рѣдкой женщины [7]). Мужъ и сынъ ея болѣли одновременно очень опасной болѣзнью. Сынъ, надежда родителей, умеръ, и Аррія похоронила его безъ вѣдома Пета. На его вопросы о сынѣ она отвѣчала съ притворнымъ спокойствіемъ, что ему лучше, что онъ спалъ,

[1]) Тац., «Анн.», XVI, 10 сл.—[2]) Тац., «Анн.», XVI, 30 слл.—[3]) Тамъ же, XV, 64.—[4]) C. I. G. III, 5757.—Vincent. Crespi, «De Atiliae Pomptillae monumento Calaritano» («Ephem. epigr.», IV, 1881, стр. 484—494, табл. I и II) стр. 488.—[5]) Ср. также Аристидъ, 27, стр. 351 сл. и гл. XII. Въ жертву можно было принести и животное. C. I. L. VIII, 4468.—[6]) «Anthol. Gr.», IV, стр. 256 «epigr. adesp.», 658.—[7]) Плин., «Письм.», III, 16.

что онъ принялъ пищи. А когда долго сдерживаемыя слезы насильно вырывались наружу, она покидала комнату больного и предавалась своему горю: выплакавшись, она возвращалась съ сухими глазами и спокойнымъ выраженіемъ лица. Разыгрывать роль матери послѣ потери—это больше, говоритъ Плиній, чѣмъ дать своему мужу примѣръ безстрашнаго отношенія къ смерти. Причиной осужденія Пета было его участіе въ заговорѣ легата Скрибоніана въ Иллиріи противъ императора Клавдія (42 г. по Р. Хр.). Скрибоніанъ былъ убитъ, а Петъ захваченъ и отправленъ въ Римъ. Тщетно просила Аррія позволить ей взойти вмѣстѣ съ нимъ на корабль; она хотѣла занять при немъ мѣсто рабыни, въ которой, по ея мнѣнію, не могли отказать человѣку его званія. Получивъ отказъ, она наняла корабельную лодку и въ ней отправилась за судномъ. Супругѣ Скрибоніана, которая была въ качествѣ свидѣтельницы допрошена Клавдіемъ, она сказала: „Ты хочешь, чтобы я слушала тебя, которая продолжаетъ жить послѣ того, какъ Скрибоніанъ былъ убитъ на рукахъ у тебя?“ Зять умолялъ ее сохранить свою жизнь и сказалъ между прочимъ: „Неужели же ты хочешь, чтобы дочь твоя умерла со мною, когда мнѣ придется умирать?“ Она отвѣтила: „Если она такъ долго и такъ дружно проживетъ съ тобою, какъ я съ Петомъ, то—да“. Этотъ отвѣтъ еще болѣе увеличилъ опасенія ея родныхъ. Ее стали еще бдительнѣе охранять, что она замѣтила и сказала: „Вы ничего этимъ не добьетесь; вы достигнете только того, что я умру болѣе тяжелой смертью; а умереть вы мнѣ не можете помѣшать“. Съ этими словами она вскочила съ кресла и съ такой силой ударилась лбомъ объ стѣну, что упала безъ памяти. Придя опять въ себя, она сказала: „Я сказала вамъ, что найду дорогу къ смерти, хотя бы тяжелую, если легкая будетъ невозможной. Слѣдующіе вѣка причисляютъ Аррію къ женщинамъ героическихъ сказаній, которыя прославились своей супружеской любовью. Въ надгробной надписи одной женщины въ Анагніи пережившій ее супругъ проситъ Аррію и Лаодамію принять душу усопшей и почтить ее пріемомъ въ священную среду римскихъ и греческихъ женщинъ [1].

Дочь Арріи, Цецинія Аррія, хотѣла раздѣлить, по примѣру матери, участь своего супруга Трасеи, который въ 66 г. былъ приговоренъ къ смерти; но онъ уговорилъ ее остаться въ живыхъ, чтобы не лишить своей дочери единственной поддержки [2]). Эта дочь, Фаннія, показала себя достойной матери и бабушки. Дважды отправлялась она со своимъ мужемъ Гельвидіемъ Прискомъ въ ссылку (въ правленіе Нерона въ 66 году и при Веспасіанѣ); послѣ казни его (въ 93 г.) она въ третій разъ подверглась изъ-за него тому же наказанію. Гереній Сенеціонъ, другъ Гельвидія, описалъ его жизнь и былъ за это обвиненъ; она смѣло призналась въ томъ, что просила его объ этомъ, что дала ему бумаги своего мужа и отрицала всякое участіе матери въ этомъ дѣлѣ; опасность и угрозы не могли исторгнуть у нея дальнѣйшихъ признаній. Гереній былъ казненъ, Фаннія послѣ конфискаціи ея имущества—сослана. Книгу, причину осужденія, которая по приговору сената была запрещена и подлежала уничтоженію, она сберегла и сохраняла, взяла ее съ собою въ изгнаніе, которое мать ея раздѣлила съ нею и изъ котораго онѣ обѣ вернулись въ 97 году [3]). Плиній говоритъ о ней, что она была столь же

[1]) C. I. L. X, 5920. V. 3.—[2]) Тац. «Анн.», XVI, 34.—[3]) Mommsen, «Ind. Plin.».

прелестной и любезной, какъ и достойной уваженія. „Какую женщину,—спрашиваетъ онъ,—станутъ мужья ставить въ примѣръ своимъ женамъ послѣ ея смерти?"

Сообщаемыя тутъ свѣдѣнія касаются, какъ уже было сказано, почти исключительно жизни тѣхъ женщинъ, которыя занимали видное положеніе, но ввиду своей односторонности, отрывочности и несвязности, они не даютъ намъ и о ней цѣльнаго представленія. Относительно того, какъ складывалась жизнь женщинъ въ среднихъ и низшихъ слояхъ общества, мы встрѣчаемъ въ литературѣ только случайные и поверхностные намеки. До насъ дошли только надгробные камни этихъ женщинъ, въ которыхъ пережившіе ихъ супруги восхваляютъ ихъ добродѣтели; въ одномъ случаѣ, однако, вдовецъ съ наивной откровенностью сознается въ надгробной надписи своей жены: „Въ день ея смерти я передъ богомъ и передъ людьми засвидѣтельствовалъ свою благодарность" [1]). Въ очень подробномъ похвальномъ словѣ одной умершей (Мурдіи, можетъ быть, изъ второй половины I вѣка), вовсе не принадлежавшей къ знатному роду, очень опредѣленно говорится, что надгробныя надписи женщинъ всѣхъ сословій должны походить другъ на друга [2]): „Всѣмъ хорошимъ женщинамъ воздается, обыкновенно, незатѣйливая и общая съ другими хвала. Добродѣтели, дарованныя природой и сохраненныя собственной осторожностью, не нуждаются въ многообразіи; вполнѣ достаточно того, чтобы всѣ оказались достойными одной и той же доброй славы: ввиду всего этого и того, что жизнь женщинъ не подвержена многочисленнымъ измѣненіямъ и ей поэтому труднѣе добиться особой славы, онѣ по необходимости должны стремиться къ общему, чтобы упущеніемъ какого-нибудь изъ справедливыхъ требованій не опозорить всего остального. Тѣмъ большей славы достойна моя дорогая мать, такъ какъ своею скромностью, правдивостью, цѣломудріемъ, послушаніемъ, домашними работами [3]), старательностью и вѣрностью она сравнялась со всѣми остальными честными женщинами, вполнѣ уподобившись имъ и не уступая въ этомъ ни одной изъ нихъ". Приблизительно то же говоритъ и консулъ Лукретій Веспиллонъ въ уже упомянутомъ похвальномъ словѣ своей умершей женѣ Туріи: „Къ чему мнѣ вообще упоминать о всѣхъ твоихъ хозяйственныхъ добродѣтеляхъ, цѣломудріи, покорности, ласковости, уступчивости, прилежаніи за пряжей шерсти, набожности безъ суевѣрія, отсутствіи всего бросающагося въ глаза и преувеличеннаго въ украшеніяхъ и одеждѣ—къ чему? Къ чему говорить о твоей любви къ твоимъ, твоей привязанности къ родственникамъ? вѣдь ты уважала мою мать, какъ твоихъ собственныхъ родителей, и заботилась о ней точно такъ же, какъ о нихъ, и вообще имѣла много общаго со всѣми женщинами, которыя считаются съ женской честью" [4]).

Такой же взглядъ на жизнь женщинъ господствовалъ, вѣроятно, всюду во всѣ времена и среди средняго сословія; поэтому до нѣкоторой степени допустимо сопоставить эти надгробныя надписи, несмотря на различіе или

[1]) Orelli, 4636 (Римъ). — [2]) Тамъ же, 4860=C. I. L. VI, 2, 10230. Rudorff, «Über die Laudation der Murdia», «Abhandl. d. Berliner Akad.», 1868, стр. 226—235.— [3]) Lanificio.— [4]) Mommsen, «Abhandl. d. Berl. Akad.», 1863, стр. 461. «Lob der Turia», I, 30—34. Fr. Vollmer, «Laudationum funebrium Romanorum historia et reliquiarum editio», Neue Jahrbb.» Supplementband XVIII (1892), стр. 445—528.

неопредѣленность мѣста и времени; послѣднее бываетъ порою столь же неопредѣлимо, какъ и званіе и условія жизни этихъ лицъ. Если надписи не даютъ, что и понятно, достовѣрныхъ свѣдѣній относительно лицъ, которымъ онѣ такъ щедро прилагаютъ эпитеты „рѣдчайшихъ, строго нравственныхъ и несравненныхъ“ супругъ и другіе подобные этимъ [1]), то все же онѣ указываютъ на то, за какія свойства женщины удостоились особенной похвалы. Въ одной надгробной надписи изъ эпохи республики камень самъ представленъ говорящимъ: „Мои слова кратки, о, странникъ, остановись и прочти ихъ. Эта простая каменная плита скрываетъ прекрасную женщину. Клавдіей назвали ее родители. Особенной любовью любила она своего мужа, двухъ сыновей родила она ему: одного она оставила на землѣ, другого схоронила въ ея нѣдрахъ. Скромна была рѣчь ея и благородна походка; она хозяйничала въ домѣ и пряла. Я кончилъ, иди“ [2]).

Особой славой пользовались тѣ женщины, которыя принадлежали только одному мужу (univirae), что ввиду раннихъ браковъ, легкомысленныхъ разводовъ и вторичныхъ замужествъ случалось сравнительно рѣдко [3]). Одинъ императорскій вольноотпущенникъ восхваляетъ свою жену за то, что цѣломудріемъ своимъ она являлась примѣромъ для другихъ и „собственной грудью вскормила своихъ сыновей“ [4]). Другой вдовецъ съ похвалой отзывается о своей женѣ, которая была „кормилицей сенаторовъ“ [5]). Въ этихъ надписяхъ часто просто и трогательно говорится о сердечныхъ отношеніяхъ между супругами. Одна изъ нихъ гласитъ такъ: „Здѣсь покоится прахъ Урбиліи, супруги Прима. Она была мнѣ дороже жизни. Двадцати трехъ лѣтъ умерла она, безконечно любимая всѣми своими“ [6]). Въ другой говорится: „Моей дорогой супругѣ, съ которой я прожилъ 18 лѣтъ безъ жалобы; изъ тоски по ней я поклялся никогда не жениться на другой“ [7]). Въ уста одной женщины, умершей въ 25 лѣтъ, надпись влагаетъ желанія, чтобы дочь ея взяла съ нея примѣръ и научилась любить своего мужа [8]). На памятникѣ, поставленномъ мужу пережившей его женой, находится надпись, обороты которой повторяются довольно часто: „То, что долженъ былъ воздвигнуть мнѣ супругъ мой послѣ смерти моей (такъ надѣялась я), то я, несчастная, должна была свершить надъ пепломъ его“ [9]). Общій памятникъ двухъ супруговъ былъ, судя по надписи, воздвигнутъ пережившей женой, „чтобы и въ

---

[1]) C. I. L. VI, 1398, 1404. VIII, 78. IX, 1913. VI, 3, 22657, 23282.—[2]) Orelli, 4848=C. I. L. VI, 3, 15346; Mommsen, «Röm. Gesch.», изд. 5-ое I, 58.—[3]) Or. 2742, 4530. Grut., 748, 4. 1141, 1. Reines., 742, Bull. dell'Inst. 1862, стр. 220. (Путеоли). (Виргин. C. I. L. III, 1, 2217, XIV, 1641). C. I. L. II, 738. XI, 1, 2538. Bull. dell'Inst., 1871, 71.—C. I. L. V, 2, 7763. Wilmanns, 224=C. I. L. XIV, 963. Inscr. de l'Algérie, 1987. Ephem. epigr., V, 531, 1205. C. I. L. VI, 2, 14404. XI, 1, 216, 1800. Марціалъ, X, 63, 7, 8. «Anthol. Gr.», IV, 252 adesp. 641, 5. Тамъ же, 649, 5. C. I. G. II, 2471. Garrucci, «Cimit. degli antichi Ebrei», стр. 68. Ср. Letronne, «Recherches», стр. 374.—Ср. Minuc. Fel., гл. 26, 5. Tertullian., «Exh. ad cast.», 13; «De monogam. extr. Adr. ux.», 1, 7, «Hist. Aug.-trig. tyr.», гл. 32. Hieron. «adv. Jovin.», I, 6. Ср. также Marquardt, «Privatleb.», изд. 2-ое, I, 42, 6.—[4]) C. I. L. VI, 3, 16592.—[5]) Orelli, 2677=C. I. L. VI, 3, 19128.—[6]) C. I. L. I. 1103=Marini, «Iscr. Alb.», стр. 100.—[7]) Orelli, 4623=C. I. L. XI, 1, 1491; ср. Wilmanns, «Expl. inscr. Lat.», 196 съ примѣч.—[8]) C. I. L. VIII, 8123.—[9]) Henzen, 7388. «Bull. dell'Inst.», 1862, стр. 62.

могилѣ не быть разлученной съ мужемъ, съ которымъ она счастливой подругой его прожила 35 лѣтъ въ невозмутимомъ согласіи" [1]. „Прощай, утѣшеніе мое!"—такъ заканчивается въ другой надгробной надписи прощальное слово мужа женѣ [2]. На памятникѣ четы вольноотпущенниковъ рядомъ съ именемъ раньше умершей жены находятся только слова: „Я жду моего мужа" [3]. Прекрасныя прощальныя слова: „Кромѣ боли, причиненной смертью ея, я другой отъ нея не испытывалъ" [4], или: „Ни разу не оскорбила она меня [5] и не сказала ни одного худого слова" [6]—употреблялись такъ часто, что стали формулой. Въ другихъ надписяхъ мужья восхваляютъ своихъ женъ за то, что онѣ прожили съ ними „безъ ссоръ и раздоровъ", „безъ непріятностей", „безъ гнѣва" [7]. Одинъ императорскій вольноотпущенникъ ставитъ своей женѣ въ заслугу то, что онъ ни разу не замѣтилъ въ ней алчности [8]. Одинъ вдовецъ объявляетъ, что, если бы похвала могла равняться заслугамъ его жены, то надпись должна была бы сверкать золотыми буквами [9]. Одинъ императорскій камердинеръ, пріѣхавшій (можетъ быть въ свитѣ Адріана) въ Карѳагенъ, воздвигъ своей женѣ, умершей здѣсь въ возрастѣ 17 лѣтъ, памятникъ, какъ это и подобало ей, „такъ какъ она послѣдовала за нимъ въ провинцію Африку" [10]; въ другой надгробной надписи въ Римѣ женѣ тоже ставится въ заслугу, что она изъ любви къ мужу послѣдовала за нимъ въ провинцію [11]. Одна римская надпись гласитъ дословно такъ: „Добродѣтельнѣйшей супругѣ и заботливой хозяйкѣ, потребности души моей, прожившей со мною 18 лѣтъ, 3 мѣсяца и 13 дней. Я жилъ съ нею безъ жалобъ; теперь же я, сѣтуя, обращаюсь къ ея манамъ и требую отъ бога подземнаго міра: верните меня моей супругѣ, съ которой я такъ дружно жилъ до рокового дня, или же ты, Мевія Софа, добейся того (если души усопшихъ существуютъ), чтобы недолго пришлось мнѣ переносить столь ужасную разлуку. Странникъ, пусть будетъ легка земля для тебя, если ты не нанесешь вреда этой могилѣ. Но да не будетъ милъ богамъ тотъ, кто испортитъ ее, да не приметъ его подземный міръ и да будетъ тяжела для него земля" [12]. Приводится не только число дней супружества и жизни, какъ въ этой надписи, но часто даже и число часовъ; это могло случаться только въ такія времена, когда тщательно слѣдили за часомъ рожденія и другихъ важныхъ событій, чтобы положить его въ основу астрологическихъ исчисленій. Многочисленность подобныхъ надписей является доказательствомъ необычайной распространенности этого суевѣрія. Это явствуетъ хотя бы изъ разсказа Плинія о томъ, что заболѣвшая Веранія (вдова усыновленнаго Гальбой Пизона) сразу же могла отвѣтить Регулу на вопросъ относительно часа ея рожденія, послѣ чего онъ сталъ вычислять продолжительность ея жизни [13].—Одинъ вдовецъ (въ Ліонѣ) совѣтуетъ тѣмъ, кто прочтетъ надгробную надпись жены, отправиться къ источникамъ Аполлона и выкупаться тамъ: онъ часто бывалъ тамъ вмѣстѣ съ нею и ему хотѣлось бы, чтобы это было

---

[1]) C. I. L. II, 3596.—[2]) Or., 4746=C. I. L. V, 1, 3496.—[3]) Orelli, 4662. C. I. L. VI, 2, 11252.—[4]) Orelli, 4628 сл.—[5]) Henzen, 7385.—[6]) Orelli, 4530.—[7]) C. I. L. V, 2, 7066. X, 8192. VI, 3, 15696, 22423, 18434, 18918.—[8]) C. I. L. VI, 3, 15317.—[9]) Henzen, 7386. Подобное же C. I. L. VI, 3, 19175.—[10]) J. Schmidt, «Add. ad C. I. L. VIII», «Ephemer.», V, стр. 303, 365.—[11]) C. I. L. VI, 3, 17690.—[12]) Orelli, 7382.—[13]) Плин., «Письм.», II, 20. Ср. выше, стр. 302.

возможно и теперь [1]), Одна вдова поручаетъ подземнымъ богамъ своего мужа и проситъ ихъ позволить душѣ его являться къ ней въ часы ночи [2]).

Среди памятниковъ, восхваляющихъ женщинъ за ихъ хозяйственныя добродѣтели, на многихъ говорится, что онѣ были хорошими совѣтчицами и хранительницами имущества и что онѣ удѣляли много времени изготовленію шерсти. Одинъ императорскій рабъ, бывшій диспенсаторомъ въ нижней Мэзіи, хвалитъ свою жену: „Она была геніемъ-хранителемъ моего дома, моей надеждой, моей единственной жизнью. Чего я желалъ, того желала и она и избѣгала, чего избѣгалъ я. Ни одна изъ сокровеннѣйшихъ мыслей ея не была для меня тайной; прилежно занималась она шерстяными работами, была бережлива, но и щедра изъ любви къ мужу. Ѣда и питье не казались ей вкусными безъ меня. Правильны были совѣты ея, она отличалась умомъ и славилась своимъ благородствомъ“ [3]). Огромный саркофагъ, въ которомъ находился другой, поменьше, былъ снабженъ слѣдующею надписью, написанной большими и очень красивыми буквами:

„Аммона, жена Марція, покоится здѣсь: она была добра и прекрасна. Прилежная пряха, гостепріимна, хозяйственна, скромна, цѣломудренна и набожна“ [4]).

Приходится сожалѣть, что эти надписи—по названной уже причинѣ—не содержатъ больше индивидуальнаго. Если бы это было такъ, то онѣ дали бы намъ совсѣмъ другое понятіе о жизни женщинъ, чѣмъ это дѣлаютъ исторія и описаніе нравовъ. Исторія, озирая міровыя судьбы съ вышки, сохраняетъ потомству образъ единицъ только въ томъ случаѣ, если обстоятельства или личныя достоинства возвысили ихъ надъ уровнемъ массы; что же касается описанія нравовъ, которое стремится слить множество отдѣльныхъ впечатлѣній въ одну большую картину, то оно даже при соблюденіи строжайшей правдивости въ пониманіи и изображеніи, все же не въ состояніи отрѣшиться отъ вліянія субъективности.

---

[1]) Orelli, 4803.—[2]) Orelli, 4575=C. I. L. VI, 3, 18817.—[3]) C. I. L. III, 2 стр. 992 ad 754 (Desjardins, «Ann. dell'Inst.», 1868, стр. 50.—[4]) Orelli, 4639=C. I. L. VI, 2, 11602. Ср. Buecheler, «Carm. Saturn.», Bonn. 1876, 4 стр. 15. C. I. L. V, 2, 7116. Нѣсколько христіанскихъ надписей: De Rossi, «Inscr. christ.», 62 (341 г. по Р. Хр.)—Тамъ же, 98 (318), 99 (348).

VI. УСТРОЙСТВО ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ.

1. Дороги, государственная почта, частныя средства передвиженія.

Одинъ изъ величайшихъ знатоковъ современнаго міроваго движенія, Генрихъ Стефанъ († 1897), указалъ на то, „что большая часть областей старинной Римской имперіи въ теченіе долгихъ столѣтій не вернулась къ тѣмъ средствамъ сообщенія и къ той культурѣ, которой она тогда обладала, и что она еще и теперь очень далека отъ этого". Въ нижеслѣдующемъ очеркѣ мы пытаемся показать, сколько старый свѣтъ также и въ области устройства сообщенія обязанъ этой „болѣе поносимой, чѣмъ извѣстной" Римской Имперіи, и какъ сильно отстали отъ нея въ этомъ отношеніи средніе вѣка и, большею частью, также и новѣйшія времена. Условія для легкости, безопасности и быстроты путешествій существовали въ большей части Римскаго государства въ такой степени, въ какой они установились во многихъ мѣстахъ Европы лишь съ начала 19 столѣтія; поводы для перемѣны мѣста были даже многочисленнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ въ наше время, и водныя и сухопутныя дороги (оставляя даже въ сторонѣ торговыя сообщенія) были постоянно и повсюду оживлены путешественниками. Глубоко врѣзавшіяся даже на твердомъ базальтѣ колеи римскихъ дорогъ, и также и въ странахъ далеко отстоящихъ отъ Рима, свидѣтельствуютъ еще и теперь объ этой живости передвиженія. Если на сѣверѣ и на западѣ Римскаго государства оно и уступало сильно передвиженію 19 вѣка, то, наоборотъ, на югѣ и на востокѣ сравненіе даетъ результаты въ пользу римской эпохи.

Прежде всего римская имперія дала истомленнымъ землямъ миръ, который продолжался (съ незначительными и притомъ ограниченными небольшими областями перерывами) два съ половиной столѣтія: никогда ни раньше ни послѣ этого наше полушаріе не наслаждалось такимъ продолжительнымъ миромъ на такомъ большомъ протяженіи. Что среди другихъ благословеній мира монархія принесла съ собой также прочность, порядокъ и правильность передвиженія—это часто и съ благодарностью отмѣчали современники. Одна галикарнасская надпись прославляетъ Августа какъ „спасителя человѣческаго рода, промыселъ котораго не только исполнилъ, но и превзошелъ всеобщія молитвы: ибо въ мирѣ земля и море, города процвѣтаютъ въ законности, единомысліи и благосостояніи, и всѣ блага находятся повсюду въ избыткѣ" [1]). Въ прославленіи мира объединяются голоса изъ всѣхъ провинцій.

[1]) Newton and Pullon, «Discoveries at Halicarnassus», I, 695.

изъ всѣхъ періодовъ этого времени. „Съ тѣхъ поръ, какъ домъ Цезарей овладѣлъ землею, демонъ зависти утратилъ силу вредить цѣлымъ странамъ и народамъ, вредные элементы были изгнаны на далекія окраины, цѣлительные же сошлись въ міровое государство съ границъ земли и моря“ [1]. „Подобно тому, какъ образованіе земного шара впервые положило предѣлъ всеобщему смятенію и столкновенію первобытныхъ тѣлъ, такъ и Римъ положилъ предѣлъ безконечной путаницѣ и измѣненіямъ, происходившимъ отъ безконечной борьбы государствъ и державъ: объединяя племена народовъ и силы князей, его могущество сомкнулось въ единое нераздѣльное кольцо и образовало порядокъ и миръ“ [2]. Въ теченіе обоихъ столѣтій со времени смерти перваго Цезаря чрезвычайно поднялись доходы государства, и благодаря долгому и прочному миру, все достигло благосостоянія [3]. Горы и долины были обработаны, моря полны кораблями, которые обмѣнивали произведенія странъ [4]. Нигдѣ не было войнъ и битвъ, большихъ шаекъ разбойниковъ и кораблей пиратовъ, во всякое время года можно было путешествовать по водѣ и сушѣ повсюду отъ востока до запада [5]. Такъ земной шаръ былъ объединенъ величіемъ римскаго господства [6]. Римъ былъ для человѣчества священнымъ очагомъ, вѣчнымъ жизненнымъ началомъ, якоремъ въ бурѣ [7]; онъ былъ подаренъ міру богами, какъ новая жизнь, и всѣ народы, надо полагать, сливали свои мольбы въ одну—чтобы этотъ даръ могъ бы быть вѣчнымъ [8].

Еще болѣе воодушевленно, чѣмъ эти случайныя выраженія александрійскаго еврея Филона, александрійскаго грека Аппіана, философовъ Плутарха изъ Херонеи, Эпиктета изъ Гіераполя во Фригіи и римскаго всадника Плинія,—звучитъ то, что написалъ Аристидъ изъ Смирны въ своей блестящей рѣчи о римскомъ міровомъ господствѣ. Земля сняла съ себя свою прежнюю одежду, желѣзо, и появляется теперь въ праздничномъ нарядѣ. Теперь эллины и варвары могутъ путешествовать повсюду за предѣлами своей страны и везти съ собой свое имущество, какъ-будто переходя изъ одной родины въ другую; теперь не страшны ни киликійскіе проходы, ни узкія и песчаныя дороги черезъ Аравію въ Египетъ, ни непроходимыя горныя цѣпи, ни безбрежные потоки, ни неизвѣстныя варварскія племена: для безопасности достаточно быть римляниномъ или, лучше сказать, вашимъ подданнымъ. Вы сдѣлали дѣйствительностью гомеровскія слова: „земля обща для всѣхъ“. „Вы измѣрили всю землю, черезъ рѣки повсюду перебросили мосты, прорубили въ горахъ проѣзжія дороги, пустыни заполнили народами и все облагородили порядкомъ и повиновеніемъ. Теперь не надо болѣе описанія міра, не надо перечислять обычаи и законы отдѣльныхъ народностей; вы стали проводниками для всѣхъ во всемъ мірѣ, раскрыли всѣ ворота и дали каждому свободу видѣть все своими глазами. Вы дали всѣмъ общіе законы, уничтожили прежнія—на словахъ интересныя, на дѣлѣ невыносимыя—установленія и, сочетавъ между собою народы, сдѣлали весь міръ подобнымъ одной семьѣ“. И эта рѣчь заканчивается молитвой: „чтобы этотъ городъ и это государство вѣчно процвѣ-

[1]) Philo, «Leg. ad G.», p. 566.—[2]) Plut., «de fort. Rom.», 2.—[3]) App. praef., 6.—[4]) Philo., l. l. p. 552.—[5]) Epict., «Diss.», III, 13, 9.—[6]) Plin., «N. h.», XIV, 2.—[7]) Plut., «fort. Rom.», 2.—[8]) Plin., ib., XXVII, 2.

тали и не умирали бы пока желѣзо не поплыветъ по морю и деревья не перестанутъ цвѣсти весною“ [1]). Не менѣе воодушевленно прославляется легкость и безопасность передвиженія во всемъ римскомъ государствѣ и доступность всего міра въ рѣчи на императора Опеллія Макрина (217/218): развѣ всѣ не могутъ, не заботясь ни о чемъ, идти, куда хотятъ? Развѣ не всѣ гавани повсюду полны движенія, развѣ горныя цѣпи не такъ же безопасны теперь для путниковъ, какъ города для ихъ жителей, развѣ красота не наполнила теперь всѣ земли, развѣ страхъ не исчезъ повсюду? какія рѣки преграждены для перехода, какіе морскіе пути закрыты? [2]).

Также и христіане не могли не считать произведеній тогдашней культуры, къ которой они относились отрицательно или враждебно, благами, данными римскимъ государствомъ. „Міръ,—такъ писалъ Тертулліанъ,—теперь лучше культивированъ и богаче обставленъ чѣмъ прежде. Теперь все доступно, все знакомо, все полно движенія. На мѣстѣ опасныхъ раньше пустынь появились привѣтливыя поля, нивы вытѣснили лѣса, стада—дикихъ животныхъ, пески засѣяны, скалы пробиты, болота осушены; теперь столько городовъ, сколько прежде не было хижинъ. Острова не коснѣютъ больше отъ неплодородія, подводныя скалы не страшны, повсюду земледѣліе, населенность, государственный порядокъ, жизнь“. Болѣе того, Тертулліанъ думалъ, что перенаселеніе начинаетъ уже затруднять жизнь, и что люди должны смотрѣть на голодъ, моръ и на разрушительныя вліянія природы какъ на средства противъ него [3]).

Какъ ни кажутся намъ черезмѣрными приведенныя здѣсь похвалы, все же болѣе всѣхъ твореній Рима заслуживаетъ высокаго удивленія его организація передвиженія. Великолѣпіе огромной системы дорогъ, охватывавшей все государство, на самомъ дѣлѣ превышаетъ всякія похвалы; и „ея величественные слѣды—говоритъ Стефанъ—возвѣщаютъ еще и теперь путешественнику—часто въ далеко заброшенныхъ пустыняхъ, среди остатковъ могилъ и терновыхъ зарослей, въ Сіеррѣ Моренѣ, въ Эйфелѣ, въ Шотландіи и Трансильваніи, на Евфратѣ и на Большомъ Сиртѣ—въ неизгладимыхъ монументальныхъ чертахъ силу римскаго имени“. Эта планомѣрно выполненная сѣть правильныхъ дорогъ помогала всеобщей безопасности, облегчала земледѣліе, гарантировала путешественникамъ безопасное и быстрое передвиженіе, доставляла торговому обращенію неисчислимыя выгоды, дѣлала возможнымъ правильный ходъ большой государственной машины, вызывала поселенія и сильнѣйшимъ образомъ вліяла на развитіе культуры. Многія распространенныя ошибки, происходящія отъ совершеннаго незнанія римской культуры,—напримѣръ, что даже и въ послѣдніе вѣка древности путешествія были рѣдкими—объясняются исключительно тѣмъ, что не только погибли эти исполинскія сооруженія, охватывавшія весь древній міръ, но и самое понятіе о такомъ совершенномъ и непрерывномъ сообщеніи было утрачено для новѣйшаго времени.

Конечно, не слѣдуетъ думать, чтобы всѣ римскія дороги или большая часть ихъ походили на старѣйшую и знаменитѣйшую дорогу—Via Appia, про-

---

[1]) Aristid., «Encom. Romae», p. 224, 18. J.—[2]) Aristid., or IX.—[3]) Tert., «de an.», 30.

ложенную Апп. Клавдіемъ въ 312 г. до Р. Х. вплоть до Капуи. Эта „царица дорогъ“ въ 6 столѣтіи послѣ Р. Хр. возбудила удивленіе византійскаго историка Прокопія, который называетъ ее въ высшей степени достойной вниманія. Она была достаточно широка для того, чтобы на ней могли разъѣхаться два экипажа, и выложена камнемъ, который употреблялся для мельничныхъ жерноновъ и не добывался въ странѣ. Гладко и остро отесанные камни были такъ хорошо пригнаны другъ къ другу безъ всякаго металла или цемента, что казалось, будто они срослись. И, несмотря на непрерывное движеніе по ней экипажей и животныхъ въ теченіе многихъ столѣтій, мостовая нигдѣ не имѣла трещины или какихъ-либо опасныхъ мѣстъ, даже политура нигдѣ не потеряла блеска [1]). Еще и теперь его тамъ и сямъ обнаруживающаяся мостовая изъ базальтовыхъ многогранниковъ показываетъ свое прочное строеніе. Впрочемъ, римская миля шоссе (между Беневентомъ и Экланомъ, при Адріанѣ) стоила около 100.000 сестерцій (10.000 р.).

Изъ описанія Прокопія слѣдуетъ, что ширина Аппіевой дороги, достаточная для проѣзда двухъ экипажей, во всякомъ случаѣ не была обыкновенной: ширина ея шоссе колеблется между 4,25 и 4,30 метра; у большой, если не у бо́льшей, части римскихъ дорогъ она была, слѣдовательно, меньше. Тогда много путешествовали верхомъ, и двухколесныя телѣжки, которыми тогда большей частью пользовались, могли имѣть незначительную ширину. Въ Италіи еще въ 15 и 16 вв. смотрѣли на устройство дорогъ „въ ширину кареты“ какъ на большой шагъ впередъ, и первыми государями, приказавшими ихъ прокладывать—были Филибертъ Эмануилъ Савойскій, Козимо де Медичи и Григорій XIII. Все же слѣдуетъ признать, какъ уже замѣчено, что оживленность движенія на узкихъ дорогахъ римскаго времени даже приблизительно не достигало той степени, которую мы наблюдаемъ на путяхъ современной средней Европы.

Еще болѣе, чѣмъ шириною, Аппіева дорога отличалась отъ огромнаго большинства другихъ римскихъ дорогъ своей превосходной и почти неразрушимо прочной мостовой. Большая часть дорогъ вообще не мостилась, а покрывалась только гравіемъ [2]).

Въ большой системѣ сообщенія римскаго государства намъ извѣстны пять главныхъ линій, которыя шли отъ Рима по различнымъ направленіямъ. Первая, соединявшая Римъ съ Югомъ, проходила по Via Appia до Капуи, оттуда, черезъ Forum Popilii и Өуріи до ad Columnam, откуда на переѣздъ до расположенной напротивъ Мессины (около одной мили) требовалось около часу. Отсюда дорога шла вдоль сѣвернаго берега Сициліи черезъ Палермо къ сильно оживленной гавани Лилибею, вблизи теперешней Марсалы (около 40 миль), откуда отправлялись на корабляхъ въ Карөагенъ; переѣздъ (немного болѣе 1100 стадій) требовалъ 24 часа и больше. Въ благопріятное время года предпочиталось морское путешествіе въ Карөагенъ отъ Portus Augusti у устья Тибра или отъ Puteoli (130—105 миль). Карөагенъ былъ соединенъ главною западною дорогою съ Tingi (Танжеромъ), откуда переѣздъ въ Baelo (Болонья) въ Испаніи продолжался около 4 часовъ; восточною дорогою онъ былъ соединенъ съ Александріей, откуда было сообщеніе съ Азіей

---

[1]) Proc., «b. Goth.», I, 14.—[2]) Plut., «Gracch.», 7; Cic., «ad Qu fr.», III, 1, 2, 4.

черезъ Суэзскій перешеекъ по большой дорогѣ, ведшей къ Антіохіи. Далѣе изъ Александріи можно было проникнуть до Hiera Sykaminos на границѣ Эѳіопіи, какъ по Нилу, такъ и по двумъ дорогамъ, проходившимъ по обѣимъ сторонамъ рѣки; на правомъ берегу Koptos образовалъ значительный узловой пунктъ, отъ котораго дороги развѣтвлялись по двумъ направленіямъ къ главнымъ гаванямъ арабско-индійской торговли на Красномъ Морѣ, Myoshormos и Berenike.

Для соединенія Рима съ Востокомъ служила, прежде всего, та же Аппіева дорога—до Капуи, откуда двумя путями можно было попасть въ Брундизій (Бриндизи). Переѣздъ отсюда въ Диррахій (Дураццо) или Авлону (Валону)—800 стадій—продолжался приблизительно 24 часа. Изъ Диррахія большая Via Egnatia вела, пересѣкая Македонію и Ѳракію, въ Константинополь (140 миль); отъ нея отдѣлялись двѣ дороги, прорѣзывающія сѣверную Грецію съ восточной и западной стороны и сходящіяся около Аѳинъ. Во Ѳракіи отъ Эгнатіевой дороги шла боковая дорога къ Галлиполи на Ѳракійскомъ Херсонесѣ. Переѣзды отсюда черезъ Геллеспонтъ къ Лампсаку (60 стадій) продолжался немного болѣе часа. Отъ Лампсака шла большая дорога въ Антіохію (отъ Константинополя около 165 миль), „прорѣзая эту по преимуществу торгово-промышленную область Азіи, подходя къ ея древнимъ культурнымъ городамъ“; отсюда тянулись дороги на востокъ къ Евфрату, на югъ черезъ Сирію и Палестину—„по цвѣтущей тогда странѣ черезъ обильно населенные и богатые города“—и далѣе, черезъ Суэзскій перешеекъ, въ Александрію, соединяясь тамъ съ большой восточной африканской дорогой.

Съ Сѣверомъ Римъ имѣлъ тройное соединеніе. Фламиніева дорога (соотвѣтствующая направленію римскаго Корсо и пересѣкающая Тибръ у Понте-Молле) шла черезъ Нарни и Сполето до Римини, откуда Via Aemilia вела черезъ Болонью, Модену, Парму и Пьяченцу въ Миланъ. Изъ Модены шла еще дорога къ сѣверу; въ Веронѣ она сходилась съ дорогой, ведшей изъ Милана въ Аквилею (черезъ Бергамо, Брешью, Верону и Виченцу). Обыкновенно быстрое сообщеніе между Римини и Аквилеей происходило такимъ путемъ: вдоль равеннскаго берега, затѣмъ по водѣ черезъ такъ называемыя семь морей (лагуны По) къ Альтину, главному складочному мѣсту италійскихъ товаровъ, направляющихся на сѣверъ—отъ этого нѣкогда цвѣтущаго города теперь видно только печальные остатки подъ водою лагунъ вблизи Венеціи; отъ Альтина дорога шла къ Аквилеѣ, центральному пункту сношеній Италіи съ областью Дуная. Изъ Аквилеи шли дороги въ Истрію до Полы, черезъ Далмацію до Дураццо, далѣе, на сѣверо-западъ черезъ Карнійскія Альпы до Випитена (Штерцингъ), гдѣ эта дорога соединялась съ дорогой, шедшей изъ Вероны къ Вельдиденѣ (Вильтенъ около Иннсбрука) и Аугсбургу; наконецъ, на сѣверо-востокъ—черезъ Эмону (Любляну), Петовіонъ (Петтау), Сабарію (Штейнъ-амъ-Ангеръ), Скарабанцію (Эденбургъ)—къ придунайскому городу Карнунту, лежащему противъ впаденія Марха недалеко отъ Гайнбурга. Отсюда вверхъ по Дунаю поднимались черезъ Виндобону (Вѣну) и Lauriacum (Лорхъ на Эннсѣ) до Regina castra (Регенсбургъ) и спускались внизъ по теченію до Aquincum (Старая-Буда). Большая дорога изъ Аквилеи къ Константинополю вела черезъ Siscia (Сисекъ), Sirmium (Митровицу), Serdika (Софію), Филиппополь и Адріанополь (226 миль). Изъ Константинополя

переправлялись черезъ Босфоръ въ Халкедонъ, откуда большая дорога со многими развѣтвленіями вела внутрь Малой Азіи черезъ Никомедію, Никею и Анкиру.

Вторая главная дорога Италіи, ведшая на сѣверъ, Авреліева, проходила вдоль западнаго берега черезъ Centumcellae (Civita Vecchia), Пизу, Луну (къ востоку отъ Специіи) къ Генуѣ и дальше (какъ Via Julia Augusta, черезъ перевалъ (гдѣ въ теперешнемъ имени Турбіи сохранилось имя памятника, воздвигнутаго въ 7 или 6 г. до Р. Хр. въ честь покоренія альпійскихъ племенъ (Tropaea Augusti), къ Ниццѣ и черезъ Марсель въ Арль. Отсюда попадали въ Нарбонну, и далѣе по двумъ дорогамъ, ведущимъ къ Таррагонѣ, именно черезъ пиренейскій проходъ Col de Pertus и черезъ Барселону, или по дорогѣ, названной именемъ Августа и частью имъ исправленной, частью заново проложенной—черезъ перевалъ Puigcerda и черезъ Илерду; эта дорога къ сѣверу отъ Таррагоны пересѣкала Эбро возлѣ Тортозы и проходила по восточному и южному берегу Испаніи до Гадеса.

Наконецъ, значительнымъ исходнымъ пунктомъ для сношеній съ западомъ и сѣверомъ былъ Миланъ, какъ уже упомянуто, связанный съ Римомъ Фламиніевой и Эмиліевой дорогами; оттуда брала начало большая часть альпійскихъ дорогъ, устройствомъ которыхъ усердно былъ занятъ Августъ съ 15 г. до Р. Хр., и которыя становились все болѣе и болѣе многочисленными при его преемникахъ. Три самыя важныя изъ нихъ проходили на Западъ черезъ Mont Genèvre, черезъ Большой и Малый Бернардъ (Mont Cenis, повидимому, не игралъ въ древности никакой роли). Неизвѣстно, проходила ли римская дорога черезъ Симплонъ; если таковая и была проложена во время поздней Имперіи, то она служила лишь для мѣстныхъ сношеній. Для того, чтобы использовать С.-Готтардъ „было еще непреодолимымъ препятствіемъ Шеллененское ущелье"; какъ доступный, онъ упоминается впервые въ 1236 году. Изъ Граубюнденскихъ переваловъ римляне использовали только Юліеръ и Сплюгенъ; дорога черезъ послѣдній (быть-можетъ, только тропинка, доступная для муловъ) проходила по солнечнымъ высотамъ лѣваго берега и не входила въ ущелье Via Mala. Въ Тироль вела древнѣйшая дорога, проложенная въ 15 в. до Р. Хр. къ сѣверу отъ Тріента и названная позднѣе Клавдіевой черезъ Reschenscheidegg; первое упоминаніе въ надписяхъ о прямой дорогѣ черезъ Бреннеръ относится къ 195 г. по Р. Хр.

Изъ римскихъ альпійскихъ дорогъ—не считая Приморскихъ Альпъ—(всего ихъ было 17) удобными для ѣзды были на западѣ дорога, проложенная Августомъ черезъ Mont Genèvre,—„снабженная монументальными мостами, туннелями и прочными субструкціями", — и дорога черезъ Малый С.-Бернардъ; въ центрѣ—по меньшей мѣрѣ дорога черезъ Юліеръ и Бреннеръ; на востокѣ — дорога черезъ Ocra (Birnbaumer Wald), черезъ самый низкій альпійскій перевалъ (520 м., черезъ который уже во времена Страбона шли товары на грузовыхъ повозкахъ изъ Аквилеи въ Nauportus—Верхнюю Люблянy—для того, чтобы оттуда быть сплавленными по водѣ до Дуная), и черезъ тоже низкій проходъ изъ Аквилеи въ Тарзатику у Fiume на кварнерскомъ заливѣ. Конечно, были и другія дороги черезъ Альпы, годныя для ѣзды: дорога, ведущая изъ Цульо (Julium Carnicum) черезъ Pleckenpass въ долину Дравы, сохранила глубокіе слѣды отъ колесъ. Черезъ Большой С.-Бернардъ,

недоступный еще во времена Страбона для экипажей, позднѣе, повидимому, прошла проѣзжая дорога, такъ какъ въ 69 г. по Р. Хр. черезъ него перешли легіоны даже въ зимнее время. Эта дорога, также какъ и Клавдіева, ведущая черезъ Тироль, была въ 47 году проведена въ надлежащій видъ и снабжена столбами съ обозначеніями миль. „Съ полнымъ правомъ можно сомнѣваться въ томъ, чтобы Альпы въ какое-нибудь другое время вплоть до конца 19 вѣка были бы настолько открытыми и доступными, какъ подъ властью римскихъ императоровъ". Въ проложеніи альпійскихъ дорогъ римскіе императоры проявили большую предусмотрительность. Отъ дороги, ведущей черезъ Юліеръ, хорошо сохранились отдѣльныя части; ширина шоссе достигаетъ 9—11 футовъ, по обѣимъ сторонамъ дорога окаймлена большими камнями, выложенными по шнурку. Подъемъ, выравненный по всѣмъ правиламъ искусства, нигдѣ не доходитъ до 15 процентовъ. Прекрасные и широкіе повороты не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что дорога пригодна для ѣзды.

Несмотря на все это, движеніе экипажей въ Альпахъ не могло не быть нѣсколько ограниченнымъ уже благодаря узости дорогъ; ширина ихъ убитаго камнями шоссе достигала 2—3,5 метр., иногда же бывала всего 1,5 м. „Крутыя стѣны скалъ,—говоритъ императоръ Юліанъ,—позволяютъ разойтись тамъ только одному экипажу и одной упряжи муловъ" [1]). Римскія альпійскія дороги не только были поразительно узкими, но и крутыми: такъ, напримѣръ, античная дорога поднималась на перевалъ Малою (1811 м.) въ 3 поворота; позднѣйшая прошла въ 9 поворотовъ, а современная въ 22. За исключеніемъ времени между маемъ и сентябремъ, въ теченіе котораго большинство переваловъ свободно отъ снѣга, ѣзда черезъ Альпы всегда была соединена съ большими или меньшими опасностями или затрудненіями. Амміанъ описываетъ, какъ весною скользятъ и падаютъ внизъ люди, животныя и экипажи на обрывистой, скользкой и залитой тающимъ снѣгомъ дорогѣ Mont Genèvre [2]); экипажи поддерживаются сзади съ помощью крѣпкихъ канатовъ людьми и волами, для того, чтобы помѣшать слишкомъ скорому спуску внизъ. Зимою, когда все было покрыто снѣгомъ и льдомъ, вбивали колья для того, чтобы обозначить ими дорогу и предостеречь отъ занесенныхъ снѣгомъ пропастей; если же и эти сигналы бывали погребены подъ снѣгомъ, путешественники посылали впередъ проводниковъ [3]). Еще большія опасности представляли (не говоря уже о лавинахъ, которыя часто погребали цѣлые караваны) узкія дороги для муловъ, которыя часто проходили такъ близко по краю пропасти, что одинъ неосторожный шагъ неизбѣжно велъ за собою паденіе; пѣшеходы и непривычныя вьючныя животныя испытывали головокруженіе, мѣстныя же животныя безопасно несли тяжести.

Очень оживленная дорога черезъ Сузу и Mont Genèvre была кратчайшей дорогой изъ Милана въ Арль (395 Mill.=79 миль); черезъ Аосту и малый С.-Бернардъ попадали въ Vienne (308 Mill.=62 мили); сначала на той же дорогѣ, затѣмъ черезъ Женеву и Безансонъ въ Страсбургъ (545 Mill.= 109 миль); изъ Аосты черезъ Большой С.-Бернардъ, Мартиньи, Вевей, Ба-

[1]) Julian., «orat.», 2, p. 72 A.—[2]) Ammian., XV, 10, 4 и 5.—[3]) Strabo, IV, стр. 204.

зель-Аугстъ въ Страсбургъ и оттуда черезъ Шпейеръ и Вормсъ—въ Майнцъ (408 Mill.=82 мили); черезъ Сплюгенъ въ Брегенцъ и оттуда какъ въ Базель, такъ и въ Аугсбургъ; наконецъ, изъ Вероны черезъ Бреннеръ, Вильтенъ и Партенкирхенъ въ Аугсбургъ (56 миль). Изъ Аугсбурга дороги вели дальше въ Регенсбургъ, на востокъ—въ Лорхъ на Эннсѣ, гдѣ съ ней сходилась дорога отъ Вѣны, и на западъ до Неккара; изъ Майнца въ Триръ и Кёльнъ и далѣе черезъ Нимвегенъ и Утрехтъ въ Лейденъ; далѣе на западъ въ Реймсъ; Реймсъ былъ соединенъ съ Лiономъ, центральнымъ узловымъ пунктомъ южныхъ, и Орлеаномъ—западныхъ путей Галлiи, далѣе съ Парижемъ и Руаномъ, также Лiонъ со Страсбургомъ и Бордо, куда сходились западныя Пиренейскiя дороги. Большая дорога въ Британнiю вела изъ Реймса черезъ Суассонъ и Амьенъ въ Булонь (Portus Gesoriacum), откуда переѣздъ въ Rutupiae (Richborough)—450 стадiй—требовалъ отъ 8 до 9 часовъ. И Британнiя, какъ римская провинцiя, обладала сѣтью дорогъ, которая соединяла между собою и съ гаванями главные пункты—Camulodunum (Colchester), Лондонъ и Eboracum (Iоркъ) и проходила черезъ валъ Адрiана къ валу Антонина Благочестиваго, сѣверной границѣ римскаго государства.

До сихъ поръ еще не существуетъ надежной оцѣнки общей длины всѣхъ римскихъ дорогъ, настолько она была бы возможна при имѣющихся средствахъ. Маршрутъ, составленный въ 333 г. по Р. Хр. для паломниковъ изъ Бордо, отправляющихся въ Святую Землю (черезъ Арль, Миланъ, Аквилею, Константинополь, Никомедiю, Анкиру, Тарсъ, Антiохiю, Тиръ, Кесарiю, Iерусалимъ и т. д.)—даетъ разстоянiе приблизительно въ 680 миль. Путешествiе на болѣе далекое разстоянiе—отъ вала Адрiана до границы Эѳiопiи (Hiera Sykaminos) было бы приблизительно 1000 миль длиною. Круговое путешествiе изъ Александрiи черезъ Лептисъ, Карѳагенъ, Кесарiю, Кадисъ, Кордову, Барселону, Лiонъ, Реймсъ, Булонь, Доверъ, Лондонъ, шотландскую границу,—и обратно черезъ Доверъ, Лейденъ, Кёльнъ, Майнцъ, Страсбургъ, Миланъ, Верону, Аквилею, Софiю, Константинополь, Никомедiю, Анкиру, Антiохiю и снова въ Александрiю растянулось бы приблизительно на 1824 мили.

Сравненiе путей сообщенiя въ земляхъ, окружающихъ Средиземное море, а также и въ земляхъ по нижнему Дунаю—во время поздней Имперiи съ тѣмъ, которое существовало тамъ въ началѣ 19 столѣтiя (за исключенiемъ, быть-можетъ, сѣверной и средней Италiи)—было бы не въ пользу новѣйшаго времени. Сильнѣе же всего регрессъ въ устройствѣ путей сообщенiя, какъ и во всей прочей культурѣ, замѣтенъ въ той громадной области, которая благодаря господству ислама совершенно впала въ варварство и которая до послѣдняго времени почти лишена искусственныхъ путей сообщенiя.

Въ Африкѣ (мы уже упоминали о проходившей здѣсь большой дорогѣ отъ Tingi [Tanger] черезъ Карѳагенъ въ Александрiю)—восточная Мавретанiя обладала густой сѣтью дорогъ съ узловымъ пунктомъ Sitibis (Setif); равнымъ образомъ Нумидiя (гдѣ узловыми пунктами на СВ была Цирта-Constantine, на ЮВ—Theveste-Tebessa) и Africa Proconsularis (гдѣ главныя линiи сходились у Карѳагена, Гадрумета-Суза и Thacnae-Tine). Въ обѣихъ послѣднихъ провинцiяхъ линiи дорогъ заходили далеко въ глубь страны. Въ Нумидiи Djebel Aurês былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ дорогами, которыя соединяли расно-

ложенный на его сѣверныхъ окраинахъ Lambaesis съ оазисами на краю пустыни [1]). Когда въ 1850 г. генералъ Saint Arnaud перешелъ черезъ проходъ Канга, который туземные жители считали непроходимымъ, онъ хвалился тѣмъ, что первый ступилъ въ него. Однако, надпись, вырубленная въ скалѣ въ серединѣ этого прохода, доказала ему, что въ 145 г. по Р. Хр. здѣсь проложилъ дорогу одинъ отрядъ третьяго легіона. По дорогѣ къ оазису Эль-Кантара еще и теперь переходятъ по римскому мосту черезъ Wad Bunis, который пѣнясь пробиваетъ себѣ путь черезъ скалистое ущелье. Дороги въ этихъ провинціяхъ были проложены большей частью императорами [2]) (такъ, дорога изъ Тевесте въ Кароагенъ 191,74 римск. мили=385 геогр. миль проложена Адріаномъ въ 123 г. [3]); чаще всего это происходило съ начала 3 столѣтія: постройки выполнялись солдатами. Но и дороги, проложенныя городскими общинами, очень многочисленны и находятся не только около крупныхъ центровъ. Для обезпеченія безопасности передвиженія на опредѣленныхъ мѣстахъ были устроены крѣпости и разставлены сторожевые посты. А между тѣмъ въ тунисскомъ регенствѣ до времени французскаго протектората, кромѣ 3 или 4 узкихъ дорогъ, были извѣстны только тропинки для муловъ; въ Марокко вообще нѣтъ никакихъ дорогъ.

О римскихъ дорогахъ въ Египтѣ, Передней Азіи и европейской Турціи отчасти уже была рѣчь. Къ наиболѣе значительнымъ дорогамъ римскаго государства принадлежала дорога, ведущая изъ Sirmium (Митровица) черезъ Singidunum (Бѣлградъ) и Serdica (Софія) въ Константинополь. Ихъ прочное строеніе отчетливо сохранялось въ необработанныхъ земляхъ, а вблизи большихъ городовъ и въ густо заселенныхъ мѣстностяхъ ихъ остатки были использованы какъ каменоломни и быстро подверглись разрушенію. „Латинской дорогой“ онѣ называются въ области Ниша (Naissus), „дорогой Траяна“—около Софіи. Жители Ихтимана разсказываютъ, что мостовую въ древнія времена устроили для императорской дочери, для того, чтобы она не ступала ногою на голую землю. На разстояніи между Филиппополемъ и Адріанополемъ въ концѣ 12-го и въ началѣ 13 в. по нимъ, повидимому, еще проходили крестоносцы. Также и отъ римской дороги, проходившей изъ Филиппополя черезъ средній Гемъ въ Novae (Свистовъ) до сихъ поръ еще хорошо сохранилась мостовая.

Греція, въ которой еще въ 1833 году не было ни одной удобной для ѣзды дороги, и въ древности пренебрегала ихъ устройствомъ [4]) (также какъ устройствомъ клоакъ и водопроводовъ), такъ какъ ѣзда по морю вокругъ береговъ могла нѣкоторымъ образомъ возмѣстить недостатокъ путей сообщенія на сушѣ. Она была обязана римлянамъ не только обѣими вышеупомянутыми большими дорогами на сѣверѣ: Адріанъ соединилъ этотъ сѣверъ также съ Пелопоннесомъ дорогою, пригодною для перевозки тяжестей, которую онъ создалъ тамъ, гдѣ проходила опасная тропинка для муловъ на Скироновыхъ утесахъ; ему пришлось преодолѣть для этого огромныя трудности, и возможность дороги на этомъ мѣстѣ до сихъ поръ едва можно понять. Впрочемъ, въ этой запущенной провинціи во время имперіи почти ничего не было сдѣлано по части проложенія дорогъ.

[1]) C. I. L., VIII, стр. 245 сля.—[2]) C. I. L., VIII, стр. 859.—[3]) C. I. L., VIII, 10, 114.—[4]) Strabo, V, стр. 235.

И въ Италіи по крайней мѣрѣ ея югъ долгое время не могъ получить такихъ хорошихъ путей сообщенія, какими онъ обладалъ въ древности. Въ прежнемъ неаполитанскомъ королевствѣ эти пути были еще въ 19 столѣтіи очень несовершенны; особенно недоставало мостовъ; въ Базиликатѣ въ 1846 году неаполитанскій король заблудился во время одной военной прогулки со многими тысячами своихъ вѣрноподданныхъ въ ея долинахъ, лѣсахъ и ущельяхъ такъ, что въ теченіе 14 дней въ столицѣ не получали отъ него извѣстій. Сицилія, гдѣ въ 1872 г. на одинъ квадратный километръ приходилось 0,090 километровъ дорогъ, гдѣ путешествіе внутрь страны еще недавно было соединено съ большими трудностями, и разрушительные зимніе потоки (неизвѣстные въ древности) заставляли дѣлать длинные обходы,—обладала во время римскаго владычества сѣтью дорогъ болѣе чѣмъ въ 1000 миль; не только всѣ береговые пункты были связаны между собою, но сверхъ того, Джирдженти былъ связанъ съ Палермо, Сиракузы съ Катаніей и эта послѣдняя черезъ Термини была также соединена съ Палермо. Дороги Сардиніи (тамъ, гдѣ теперь путешественникъ не можетъ обойтись безъ Viandante, который безопасно проводитъ его черезъ глушь отъ одного мѣстечка къ другому) имѣли протяженіе, въ общемъ, въ 1000 м.; дороги Корсики (гдѣ римское господство простиралось только на восточный берегъ)—около 100 миль.

Въ Испаніи отъ упомянутыхъ выше дорогъ на восточномъ и западномъ ея побережьяхъ, шедшихъ отъ Барселоны къ Кадису, отходили по всѣмъ направленіямъ боковыя дороги. Именно, на югѣ Севилья и Кордова, на сѣверѣ Сарагоса и Асторго и на западѣ Мерида—были узловыми пунктами густой сѣти дорогъ. Черезъ Мериду проходилъ (какъ еще и теперь), главный путь сообщенія съ Лузитаніей до Лиссабона черезъ Бадахосъ, затѣмъ въ Коимбру и Брагу. Великолѣпная римская дорога, начинающаяся при Кальсада де Оропеса (часть дороги изъ Толедо въ Мериду) въ 1806 году возбудила удивленіе И. Г. Риста: „она была рѣзкимъ контрастомъ къ пустынности всей страны, ея красота и долговѣчность указывали на болѣе счастливое время“. Наоборотъ, кто путешествовалъ по Испаніи въ 1830 году, находилъ тамъ доступными для четырехколесныхъ экипажей только большія дороги изъ Мадрида въ Байонну, Сарагосу, Барселону, Валенсію, Севилью и Лиссабонъ и немногія дороги въ провинціяхъ—отъ Валенсіи черезъ Барселону въ Перпиньянъ, изъ Бургоса въ Вальядолидъ. Между Мадридомъ и Толедо, единственными большими городами на протяженіи 25 миль, было какъ-разъ устроено сообщеніе, но экипажи должны были проходить почти все разстояніе черезъ поля, не находя ни малѣйшаго признака дороги.

При большой оживленности сообщенія въ римскомъ государствѣ должна была ощущаться потребность въ подорожныхъ картахъ, на которыхъ были бы даны изображенія направленія дорогъ, разстояній, остановокъ и мѣстъ съ ночлегомъ. На то, что такія карты существовали и были очень распространенными, указываетъ одно случайное открытіе, сдѣланное въ 1852 году. На томъ мѣстѣ, гдѣ были расположены купанія Викарелло на Лаго ди Браччьяно, нашли, между прочимъ, четыре серебряныхъ сосуда въ видѣ милевыхъ столбовъ, на которыхъ были выгравированы подробные маршруты отъ Кадиса въ Римъ съ обозначеніемъ всѣхъ станцій и разстояній. Очевидно, эти сосуды, сдѣланные въ различныя времена, принадлежали испанцамъ,

которые искали исцѣленія въ водахъ Викарелло и по античному обычаю хотѣли почтить цѣлебный источникъ благочестивымъ приношеніемъ. А то, что эти сосуды относились къ различнымъ временамъ, доказываетъ намъ постоянство ихъ фабрикаціи, и врядъ ли Испанія была единственной провинціей, гдѣ изготовлялись подобныя вещи. Врядъ ли промышленность, работающая для удовлетворенія роскоши, стала бы заниматься тѣмъ, чтобы заносить расписанія станцій на серебряные сосуды, если бы не была всеобщею потребность имѣть эти расписанія у себя. Быть-можетъ, эти указатели нерѣдко заключали въ себѣ свѣдѣнія о достопримѣчательностяхъ и особенностяхъ различныхъ мѣстностей, а также историческія и другія справки для употребленія путешественниковъ, въ родѣ современныхъ путеводителей, хотя и болѣе краткія. По крайней мѣрѣ, маршрутъ, составленный въ 333 г. по Р. Хр. для путешественниковъ въ Святую Землю отъ Бордо до Іерусалима, содержитъ въ себѣ не только многочисленныя данныя о событіяхъ изъ священной исторіи, пріуроченныя къ отдѣльнымъ мѣстностямъ, но также и историческія, естественно-историческія и другія свѣдѣнія: такъ, подъ Бордо значится, что приливъ и отливъ замѣтенъ въ Гароннѣ на протяженіи почти 100 леугъ (30 миль); подъ Виминаціемъ,—что Діоклетіанъ убилъ тамъ Карина; подъ Либиссой (Djebize близъ Никомедіи въ Виѳиніи),—что тамъ былъ погребенъ „африканскій царь Аннибаліанъ"; подъ станціей Андавилисъ (возлѣ Тіаны),—что оттуда можно получать скаковыхъ лошадей, подъ Тіаной,—что здѣсь родился волшебникъ Аполлоній (подобно тому, какъ Пелла обозначена мѣстомъ рожденія Александра Великаго); подъ станціей Еврипида,—что здѣсь находится могила поэта; подъ Кесареей Палестинской,—что въ трехъ миляхъ отъ нея находится гора Сина и на ней источникъ, который помогаетъ неплоднымъ женщинамъ. Нѣчто подобное въ меньшемъ видѣ содержитъ въ себѣ такъ называемый путеводитель Антонина (изъ времени Діоклетіана), гдѣ при перечисленіи греческихъ островов упоминаются относящіяся къ нимъ событія изъ сказаній о богахъ и герояхъ.

Созданная Августомъ государственная почта была учреждена имъ не для личнаго и письменнаго сообщенія частныхъ лицъ и для извлеченія отсюда соотвѣтственнаго дохода, но для доставленія государственныхъ депешъ и передвиженія чиновниковъ. Почтальонами были военные курьеры [1]); для путешествующихъ чиновниковъ были устроены станціи, которыя подраздѣлялись на mutationes (гдѣ перепрягали лошадей) и mansiones (почныя квартиры). Разстоянія обозначались также и по числу послѣднихъ, которыя среднимъ числомъ были расположены на разстояніи 25 миль (5 г. миль) другъ отъ друга; по одной надписи, найденной въ Азоло возлѣ Тревизо, одна вдова пришла туда на могилу своего мужа и прошла 50 мансіоновъ; такимъ образомъ, такъ какъ отъ Бордо до Аквилеи было около 40 мансіоновъ, она пришла изъ сѣверной или сѣверо-западной Галліи [2]). Со временемъ для по-

[1]) Aristid, «Or.», XXIV, стр. 304, Jebb.—[2]) C. I. L., V, 2108; Liban, ed. R. I, 530, 15, который говоритъ, что Юліанъ (въ Никомедіи) при смерти Галла (въ Полѣ) находился на разстояніи отъ него болѣе чѣмъ 300 станцій, врядъ ли стремился даже къ приблизительной точности.

требностей намѣстниковъ и императоровъ въ этихъ мансіонахъ были учреждены palatia или praetoria. Частнымъ лицамъ пользованіе государственной почтой въ провинціяхъ было разрѣшено только по особеннымъ полномочіямъ отъ намѣстника (diploma); позднѣе эти diplomata разрѣшались только самимъ императоромъ на основаніи точныхъ постановленій. Расходы по содержанію почты ложились сначала повсюду на мѣстности, гдѣ она проходила, безъ вознагражденія со стороны государства, пока Нерва не освободилъ отъ нихъ Италію; въ провинціяхъ же впервые Септимій Северъ перенесъ издержки на почту на фискъ, хотя уже Адріанъ сдѣлалъ ее государственнымъ институтомъ. Несмотря на это, она всегда оставалась большой обузой для провинціаловъ. Съ реформой Адріана было связано также назначеніе всадниковъ (вмѣсто вольноотпущенниковъ) на должность директоровъ почтамта въ Римѣ, съ окладомъ въ 100.000 сест.; должность почтовыхъ начальниковъ въ опредѣленныхъ округахъ, съ содержаніемъ въ 60.000 сест. была, повидимому, впервые учреждена Септиміемъ Северомъ: они завѣдывали почтовымъ сообщеніемъ въ нѣсколькихъ пограничныхъ провинціяхъ. Въ 4 и 5 столѣтіяхъ почтовая служба была тройной. Доставкой депешъ занимались курьеры, которые ѣхали верхомъ и вели за собою еще запасную лошадь съ чемоданомъ. Перевозка людей производилась на колясахъ (redae), которыя были запряжены лошадьми или мулами; транспортъ военныхъ матеріаловъ и товаровъ производился на повозкахъ, запряженныхъ волами. Кромѣ того, для пересылки писемъ и перевозки людей служили рѣчныя суда, а въ большихъ морскихъ гаваняхъ всегда стояли наготовѣ почтовые корабли. Изъ одной надписи мы знаемъ о вольноотпущенникѣ Адріана, прокураторѣ по отправкѣ писемъ на корабляхъ, стоявшихъ въ Остіи (naves vagae).

Эта государственная почта, образцомъ для которой, какъ и для многихъ другихъ учрежденій имперіи, послужилъ древне-персидскій институтъ, такимъ образомъ, почти не служила частному сообщенію. Все же, когда государству удалось установить правильное и постоянное движеніе почты, къ нему постепенно примкнули и частные предприниматели повсюду, гдѣ чувствовалась въ этомъ потребность, такъ что, по крайней мѣрѣ, въ болѣе крупныхъ городахъ и на главныхъ дорогахъ легко создавалась возможность и частнаго передвиженія. Слѣды организаціи частнаго передвиженія сохранились въ Италіи. Подрядчики четырехколесныхъ (redae) и двухколесныхъ (cisiarii) колясокъ и вьючныхъ животныхъ (jumentarii) образовали цехи во многихъ городахъ Италіи; эти цехи иногда соединялись между собою,—въ Тибурѣ цехъ jumentari'евъ принадлежалъ къ корпораціи cisiari'евъ (названной въ честь высокочтимаго тамъ Геркулеса). Въ Пренесте цехъ цизіаріевъ, повидимому, существовалъ еще со времени республики [1]). Путешественники, какъ уже замѣчено, обыкновенно пользовались двухколесными колясками (каковыми были и седіи, бывшія въ употребленіи въ Италіи все прошлое столѣтіе); съ четырехколесными, обладаніе которыми было признакомъ богатства, часто случались несчастія, какъ замѣчаетъ еще одинъ писатель 4 столѣтія [2]). Въ одной пародіи на катулловское стихотвореніе, сохранившейся подъ именемъ Вергилія, шутливо воспѣвается возчикъ Сабинъ—„знаменитѣйшій изъ погон-

---

[1]) C. I. L., I, 1129.—[2]) Eunap, «Aedes.», 61.

щиковъ муловъ“, который хвалится, „что ни одна мчащаяся коляска“ не могла его обогнать, „несся ли онъ въ Мантую или въ Бриксію“. Этого не могъ бы отрицать и извѣстный домъ его конкуррента Трифона [1]). Калигула во время своего пребыванія въ Галліи устроилъ распродажу императорской домашней утвари и, желая перевезти ее изъ Рима, приказалъ закабалить всѣ наемные экипажи. Очень многіе тяжущіеся были благодаря этому лишены возможности прибыть въ срокъ и проиграли свои процессы [2]). Такъ какъ намъ извѣстно о существованіи цеховъ юментаріевъ въ Медіоланіи, Бриксіи, Ариминѣ, Форумѣ Семпронія, въ Тудерѣ,—цизіаріевъ въ Пренесте, Калесѣ и въ Помпеяхъ, и общаго цеха обоихъ въ Тибурѣ,—то можно допустить, что они существовали повсюду въ Италіи, а, можетъ-быть, также и въ главныхъ центрахъ провинцій. Въ городахъ ѣзда почти не существовала; ихъ дѣломъ могло быть только удовлетвореніе потребностей путешественниковъ. Они стояли у воротъ; въ большихъ городахъ, вѣроятно, было много цеховъ, которые подѣлили между собой ворота и главныя дороги. Такъ, въ Медіоланіи былъ цехъ возчиковъ воротъ Верцелльскихъ и Юпитера, въ Форумѣ Семпронія—Галльскихъ воротъ (дорога въ Сену-Галлику), въ Калесѣ—воротъ Стелларскихъ. Они занимались или перемѣной лошадей и экипажей отъ станціи до станціи, или, какъ нынѣшніе веттурины—сопровождали путешественниковъ на болѣе далекія разстоянія въ тѣхъ же экипажахъ. Съ однимъ изъ этихъ веттуриновъ (mulio perpetuarius) сравнивается Геркулесъ въ пасквилѣ Сенеки на смерть Клавдія—по причинѣ его путешествія черезъ весь міръ.

2. Быстрота путешествія по сушѣ и по морю.

Съ государственной почтой можно было при далекихъ путешествіяхъ дѣлать 5 миль (1 геогр. м.) въ часъ, включая сюда остановки: изъ Антіохіи въ Константинополь доѣзжали менѣе, чѣмъ въ 6 дней (747 м.=150 геогр. м.). При путешествіяхъ въ наемныхъ экипажахъ эта скорость считалась очень большой, и вполнѣ справедливо, такъ какъ здѣсь наемъ новыхъ лошадей и людей требовалъ болѣе долгихъ остановокъ. Цезарь, путешествія котораго вызывали всеобщее удивленіе своей быстротой, совершалъ путь отъ Рима до Роны менѣе, чѣмъ въ 8 дней [3]). Судя по расписанію станцій, разстояніе отъ Рима до Арля, по дорогѣ черезъ Тоскану и приморскіе Альпы, равнялось 796 милямъ; Светоній, говоря, что Цезарь проѣзжалъ величайшія разстоянія съ невѣроятной быстротой и что онъ безъ багажа въ наемномъ экипажѣ проѣхалъ разстояніе въ 100 м. (20 геогр. м.), — повидимому, имѣетъ въ виду это путешествіе [4]). Путь въ Обулько (въ Бэтикѣ) Цезарь совершилъ въ 27 дней [5]), между тѣмъ какъ извѣстіе о сраженіи при Мундѣ (тоже въ Бэтикѣ) дошло въ Римъ только черезъ 35 дней. Еще быстрѣе, чѣмъ Цезарь, ѣхалъ вѣстникъ, привезшій вѣсть объ убійствѣ С. Росція въ

[1]) Vergil., «Catalecta», 8.—[2]) Sueton., «Caligula», 39.—[3]) Plutarch., «Caes.». 17.—[4]) Suet., «Caes.», c. 57.—[5]) Appian., II, 103. Strabo, III, 4, 9 стр. 160 слл. Suet., «Caes.», 56, даетъ только 24 дня.

Амерію—56 миль въ 10 ч.—на двухколесномъ экипажѣ, ночью; но это было небольшое разстояніе, которое требовало не больше двухъ перепряжекъ [1]). Также и путешествіе Ицела, привезшаго извѣстіе о смерти Нерона Гальбѣ въ Испанію, считалось исключительно быстрымъ: онъ проѣхалъ въ іюнѣ 68 г. изъ Рима въ Клунію меньше чѣмъ въ семь дней [2]). Морское путешествіе отъ Остіи до Тарракона требовало въ лучшемъ случаѣ не менѣе пяти дней, такъ какъ Плиній Старшій считаетъ очень быстрымъ четырехдневное путешествіе изъ ближней Испаніи—вѣроятно изъ Тарракона въ Остію [3]); сюда надо прибавить еще разстояніе отъ Остіи до Рима. Такъ какъ Ицелъ прибылъ на седьмой день еще до заката солнца, то онъ не употребилъ на путешествіе отъ Тарракона до Клуніи даже и 36 часовъ—это было 332 мили. Сервантесъ называлъ уже двѣнадцатидневное путешествіе изъ Неаполя въ Барселону счастливымъ. Дорога оттуда въ Толедо совершалась на почтовыхъ въ 6 дней. Еще быстрѣе, чѣмъ Ицелъ, ѣхалъ курьеръ, привезшій изъ Аквилеи въ Римъ извѣстіе объ убійствѣ Максимина: онъ прибылъ туда „на перекладныхъ" на четвертый день [4]); онъ долженъ былъ (если онъ все время ѣхалъ сушею—черезъ Болонью) проѣзжать 130—140 м. въ день. Вителлій получилъ въ Кёльнѣ въ ночь съ 1 на 2 января 69 г. извѣстіе о возстаніи 4 и 22-го легіоновъ противъ Гальбы, происшедшемъ въ Майнцѣ въ первый изъ этихъ дней [5]); такимъ образомъ, посланецъ проѣхалъ 21,6 геогр. миль (108 римскихъ) самое большое въ 24 часа, т.-е. одну географическую милю въ 35—38 минутъ (?). Отчетъ прокуратора Бельгики объ этомъ возстаніи пришелъ въ Римъ еще до 10 января [6]); курьеры, принесшіе его, употребили на дорогу изъ Майнца въ Римъ (черезъ Реймсъ, резиденцію намѣстника), всего 1440 м.—менѣе 9 дней, т.-е. ѣхали со скоростью болѣе 160 м. въ 24 часа. Быть-можетъ (не принимая во вниманіе особенно трудныхъ для путешествія мѣстностей), нормальной быстротою движенія государственной службы было тогда $^1/_2$ часа для 5 римск.=1 геогр. мили. Самое быстрое изъ извѣстныхъ путешествій—путешествіе Тиберія къ заболѣвшему Друзу изъ Тицина (Павіи) въ Германію, „черезъ только-что покоренную варварскую страну" (страну хаттовъ), при чемъ онъ въ 24 часа, часто мѣняя лошадей и имѣя только одного проводника, проѣхалъ 200 миль ($39^1/_2$ геогр. м.). Также, если Стацій говоритъ, что по дорогѣ, проведенной Домиціаномъ въ 95 г. черезъ Синуессу, можно было въ одинъ день пріѣхать изъ Рима въ Баи, то подъ этимъ надо подразумѣвать курьерскую ѣзду, ибо только при таковой можно проѣхать 141 м. въ 14 часовъ [7]). Обыкновенные путешественники, которые, конечно, не ѣхали ночью, употребляли на ѣзду въ экипажѣ вчетверо больше времени. Передатчикъ одного письма къ Цицерону былъ въ дорогѣ изъ Диррахія въ Римъ 10 дней, слѣдовательно отъ Брундизія (360 м.) 8—9 дней [8]). При покойной ѣздѣ обыкновенно прибывали изъ этого послѣдняго мѣста менѣе, чѣмъ въ 10 дней [9]); изъ Тарракона въ Бильбилисъ (224 м.)—всегда на пятый день [10]). Другъ Цицерона, Рутилій Лупъ, пріѣхалъ изъ Мутины въ

---

[1]) Cic., «pro Rosc. Amer.», c. 7, 19.—[2]) Plutarch., «Galba», c. 7.—[3]) Plin., «N. h.», XIX, 4. Испанскіе корабли приставали также въ Пиргахъ, гавани Цере (Martial., XII, 2, 1.—[4]) Hist. Aug., «Maximin», II, c. 25.—[5]) Tac., H., I, 56.—[6]) Tac., H., I, 12, 18, 55, ср. IV, 59.—[7]) Stat., S., IV, 3, 11 слл.—[8]) Cic., «ad Brut.», II, 4, 1.—[9]) Ovid., «Epp. ex Pont.», IV, 53.—[10]) Martial., X, 104.

Римъ на шестой день. Разстояніе—317 м. [1]). Извѣстіе о битвѣ при Forum Gallorum (между Мутиной и Бононіей), рѣшившейся вечеромъ 15 апр. 43 г. до Р. Хр., пришло въ Римъ 21-го. Отсюда можно заключить, что ѣздившіе съ возчиками дѣлали ежедневно 40—50 м. (8—10 геогр. м.) или немного болѣе. Пѣшеходъ, по Прокопію, проходилъ въ день 210 стадій (26—27 р. м.=$5^1/_2$ геогр. м.)—столько времени требовала, напр., дорога изъ Аѳинъ въ Мегару [2]); на основаніи этого такимъ образомъ можно высчитать длину многихъ разстояній, пользуясь данными Прокопія о числѣ дней, употребленныхъ на нихъ пѣшеходами [3]). Такъ, напр., онъ считаетъ разстояніе отъ Рима до Капуи пятидневнымъ (124 или 135 м.) [4]). Конечно, случалось, что и бо́льшія разстоянія проходились въ меньшее количество времени: такъ, у Филострата, Дамидъ идетъ изъ Рима въ Путеолы (141 м.) всего 3 дня [5]). Цицеронъ въ своемъ имѣніи возлѣ Помпей получалъ письма изъ Рима чаще на четвертый, на пятый день, изрѣдка на третій; повидимому, письмоносцы ходили туда пѣшкомъ. Для тѣхъ, которые должны были явиться къ сроку въ судъ, для пріема опеки и т. д.,—были назначены небольшіе дневные переходы 20 м. [6]). Вѣроятно, путешествія пѣшкомъ были такими же частыми, какъ и верхомъ. Еще въ 16 в. въ Италіи мало путешествовали въ экипажахъ, несмотря на многочисленныя новыя дороги „въ ширину одной упряжи“, проложенныя Григоріемъ XIII, Козимо и Эммануиломъ Филибертомъ; лишь въ самомъ концѣ этого столѣтія этотъ родъ передвиженія распространился повсюду. Нѣкоторыя разстоянія въ древней Италіи можно было проѣзжать по водѣ. Изъ Пьяченцы ѣхали на кораблѣ до Равенны 48 часовъ [7]).

Морскія путешествія, разумѣется, совершались лишь весной, лѣтомъ и ранней осенью. Съ наступленіемъ поздней осени корабли возвращались со всѣхъ сторонъ въ родныя гавани [8]), если они не оставались въ чужихъ странахъ на зиму [9]). Навигація не дѣйствовала отъ 11 ноября до 5 марта: въ этотъ день по позднѣйшему календарю праздновался „корабль Исиды“ (какъ покровительницы судоходства), повидимому, на всѣхъ берегахъ Средиземнаго моря, при чемъ къ морю отправлялись процессіи, торжественно освящали одинъ корабль и дожидались его выхода въ открытое море [10]). Теперь-то „машины влекли высохшіе корабли въ море“ [11]). Безъ настоятельной необходимости никто не подвергалъ себя опасностямъ зимняго путешествія; все же, какъ говоритъ Плиній, ярость штормовъ не совсѣмъ закрывала море: ибо теперь алчность побѣждаетъ опасности зимней ѣзды по морю, на которую рѣшались раньше только изъ боязни пиратовъ [12]). Но включая даже движенія торговыхъ судовъ, число кораблей, отвозившихъ депеши и чиновниковъ, или транспортировавшихъ плѣнныхъ и изгнанниковъ, даже и въ зимніе мѣсяцы не было малымъ. Овидій былъ принужденъ въ началѣ декабря отправиться въ ссылку въ Томы и перенесъ штормъ [13]). Префектъ Египта, Авилій Флаккъ былъ въ началѣ зимы 37 г. привезенъ плѣнникомъ изъ Але-

---

[1]) Cic., «ad. Fam.», XI, 6, 1.—[2]) Procop., «Bell. Vand.», I, 1 слл.—[3]) Id., «B. Goth.», 1, 15; II, 1 слл.—[4]) Pr., «B. Goth.», I, 14.—[5]) Philostrat., «Apollon.», VII, 41.—[6]) Digg., II, 11, 1 (Gaius l. I, ad edictum provinciale), Ib., XXII, 9, 13, § 2.—[7]) Strabo, V, 217.—[8]) Philo, «Leg. ad. Gaj.», 544 м.—[9]) Act. Apost. 28, 11.—[10]) C. I. L., I, стр. 387 в.—[11]) Hor., «Carm.», I, 4, 2. Trahuntque siccas machinae carinas; III, 7.—[12]) Plin., «N. h.», II, 125.—[13]) Ovid., «Trist.», I, 11, 3 . 7.

ксандріи въ Римъ; путешествіе его было чрезвычайно затруднительнымъ [1]). Но также и Цицеронъ ѣздилъ въ 50 г. между 9 и 25 ноября изъ Анція въ Брундизій; онъ оставался изъ-за шторма до 23-го въ Коркирѣ; многіе, которые выѣхали раньше, потерпѣли кораблекрушеніе [2]).

Береговые жители часто практиковали по отношенію къ потерпѣвшимъ кораблекрушеніе „береговое право", несмотря на всѣ противодѣйствія императоровъ—Адріана, Антонина Благочестиваго и Марка Аврелія (особенно дурной славой пользовались въ этомъ отношеніи жители Цикладъ) [3]). Они даже продавали въ рабство несчастныхъ, попавшихся имъ въ руки; такъ, одинъ счетоводъ (dispensator) Кальвинія Сабина (конс. 26 г., ум. 39 г.), потерпѣвшій кораблекрушеніе, былъ проданъ въ рабскія казармы и тамъ заклеймленъ [4]). Манилій упоминаетъ о водолазахъ, которые жадно обыскивали морское дно и приносили все цѣнное съ потонувшихъ кораблей [5]). Повидимому, также нерѣдко случалось, что рыбаки, зажигая огни, вызывали этимъ кораблекрушенія [6]). Особенно въ этомъ подозрѣвали жителей опасныхъ береговъ—какъ, напр., у такъ наз. лощинъ Евбеи, на ея восточномъ берегу, на предгорьяхъ Кафярея [7]). Потерпѣвшіе кораблекрушеніе поставляли постоянный контингентъ въ число нищихъ, особенно въ Римѣ. Они также образовали классъ, постоянно покровительствуемый христіанскими общинами [8]).

Со времени возстановленія мира пираты не были опасными въ Средиземномъ морѣ [9]), и только въ видѣ исключенія случалось, особенно какъ послѣдствіе войнъ, что безопасность мореплаванія нарушалась; такъ, во время іудейской войны бѣглые и изгнанные евреи въ большомъ количествѣ укрѣпились въ Іоппѣ и, занимаясь грабежомъ и разбоемъ на морѣ, долгое время препятствовали спокойному движенію судовъ между Сиріей, Финикіей и Египтомъ [10]). Разумѣется, на отдаленныхъ моряхъ римское могущество было безсильно противъ пиратовъ, какъ, напр., въ Индійскомъ океанѣ [11]) и въ сѣверо-восточной части Чернаго моря. Въ третьемъ столѣтіи господство надъ моремъ было окончательно утрачено.

Морскія путешествія совершались большею частью звѣздными ночами. Рулевой опредѣлялъ направленіе движенія по положенію созвѣздій [12]), которымъ и путешественники поклонялись передъ отъѣздомъ [13]). Ночныя путешествія упоминаются часто [14]). Филостратъ говоритъ, что корабли, отправлявшіеся изъ Путеолъ въ Остію, всегда снимались съ якоря вечеромъ [15]); они достигали устья Тибра на третій день [16]); вѣроятно, въ ближайшее утро они останавливались въ Каіетѣ, во второе—въ Анціи (во время Цицерона эта гавань была загромождена кораблями) [17]). Въ Стабіи пріѣзжали изъ Рима по морю на четвертый день [18]). Изъ Брундизія въ Коркиру или Диррахій переправлялись въ хорошую погоду и при попутномъ вѣтрѣ въ одинъ день [19]),

[1]) Philo, «in Flacc.», 535.—[2]) Cic., «ad Fam.», XVI, 9.—[3]) Petron., c. 114.—[4]) Scribon. Largus, 90, 231.—[5]) Manil., «Astr.», V, 402, 435.—[6]) Ulpian., lib. I, Opinionum (Digg. XLVII, 9, 10).—[7]) Dio Chrys., Or., 7, 105 M; ср. стр. 109 M.—[8]) Tertullian., «Apolog.», c. 30.—[9]) Strabo, III, 2, стр. 145; ср. Plin., «N. h.», II, 117.—[10]) Joseph., B. J., III, 9, 2.—[11]) Zenob., «Proverb.», V, 32.—[12]) Petron., c. 102.—[13]) Id., c. 99.—[14]) Gell., II, 21. Philostrat., «Apoll. Tyan.», VII, 10, стр. 133, изд. K.—[15]) Phil., «Apoll.», VII, 16, стр. 137, изд. K.—[16]) Id., VII, 17, стр. 138.—[17]) Cic., «Prol. Manil.», c. 12.—[18]) Galen., «Meth. med.», V, 92 (K., X. 393).—[19]) Aem. Paull. у Аппіана, «Rom. hist.», IX, 17. Cic., ad Att., IV, 1, 4.

въ бурю путешествіе продолжалось дольше [1]). Столько же времени требовалъ переѣздъ изъ Брундизія или Гидрунта (Otranto) въ Авлону (Valona) въ южной Илдиріи. Въ ноябрѣ 56 года Цицеронъ отправился изъ гавани Кассіопеи на Коркирѣ въ Гидрунтъ [2]). Апостолъ Павелъ въ одинъ день переѣхалъ изъ Регія въ Путеолы при южномъ вѣтрѣ [3]); но у Филострата Аполлоній и Дамидъ, выѣхавъ тоже изъ Путеолъ, достигли при попутномъ вѣтрѣ Тавроменія лишь на третій день [4]). Постоянный рейсъ кораблей совершался изъ Сициліи по открытому морю въ гавань Киллену въ Элидѣ [5]); изъ Сиракузъ туда пріѣзжали на шестой день [6]); при особенно благопріятномъ вѣтрѣ переправлялись изъ Коринѳа въ Путеолы даже на шестой день [7]).

При поѣздкахъ изъ Италіи въ Эгейское море, Аттику и Малую Азію обыкновенно приставали въ Лехеѣ, переходили Истмъ пѣшкомъ или переѣзжали въ экипажѣ и въ Кенхреяхъ снова садились на корабль. Часто перевозили также черезъ Истмъ и корабли (вѣроятно, по дощатымъ досткамъ). Предпринятое Нерономъ прорытіе Истма (при чемъ была выбрана лучшая линія, использованная и теперь) было прервано до завершенія, хотя и успѣло подвинуться довольно далеко. Позднѣе этотъ же планъ былъ у Герода Аттическаго.

О сухопутной переправѣ черезъ Истмъ мечтаетъ и Проперцій [8]); также путешествовалъ и Овидій, купившій или нанявшій въ Кенхреяхъ новый корабль „Минерву“ на пути въ Томы [9]). По этой же дорогѣ отправили также Авилія Флакка на островъ Андросъ, назначенный ему мѣстомъ изгнанія [10]). Галенъ возвращался со своимъ другомъ изъ Рима въ Малую Азію черезъ Коринѳъ; онъ отправилъ свой багажъ и своихъ лучшихъ рабовъ на кораблѣ въ Аѳины; самъ же нанялъ экипажъ для того, чтобы въ сопровожденіи нѣсколькихъ рабовъ проѣхать туда сухимъ путемъ черезъ Мегару [11]). Въ сентябрѣ 145 г. Аристидъ возвращался изъ Рима по морю. Послѣ того какъ корабль съ самаго начала принужденъ былъ бороться со штормомъ, былъ пригнанъ къ Пелору на сѣверо-восточномъ берегу Сициліи и долго метался по Мессинскому проливу, послѣдовалъ переѣздъ черезъ Іонійское море, продолжавшійся двѣ ночи и одинъ день при тихой погодѣ; все же пристать къ Кефалоніи было трудно. Затѣмъ моряки, несмотря на настоятельные совѣты Аристида, выѣхали изъ Патръ, ѣхали тоже двѣ ночи и день, и поѣздка была тоже такой же трудной. Послѣ того какъ Истмъ былъ перейденъ по сушѣ, поѣздка въ Милетъ потребовала еще 4 дня, такъ что все морское путешествіе продолжалось четырнадцать дней [12]). Часто случалось, что объѣзжали на кораблѣ вокругъ Пелопоннеса: въ этомъ насъ убѣждаетъ надпись одного купца или фабриканта Флавія Зевксида изъ Гіераполя во Фригіи, который 72 раза переѣхалъ мимо Малеи (вошедшей въ поговорку своей опасностью) въ Италію [13]). Тотъ же самый путь въ обратномъ направленіи счастливо совершилъ Плиній Младшій (ок. 111 г.) вмѣстѣ со своей свитой, какъ онъ сообщаетъ объ этомъ изъ Эфеса Траяну. Оттуда онъ хотѣлъ ѣхать

[1]) Gell., XIX, 1.—[2]) Cicero, «ad Fam.», XVI, 9, 1.—[3]) «Дѣян. Апост.», 28, 13.—[4]) Philostrat., «Apoll. T.», VIII, 14, стр. 167, ed. K.—[5]) Pausan., II, 26, 3.—[6]) Philostr., l. cl.—[7]) Id., ib., VIII, стр. 133, ed. K.—[8]) Propert., III, (IV) 21, 19.—[9]) Ovid., «Trist.», I, 10 и 11.—[10]) Philo in Flacc., стр. 839.—[11]) Galen., V, 48.—[12]) Arist., «Orat.», 24, стр. 305 слл.—[13]) C. I. G. 3920.

въ Виѳинію, отчасти моремъ вдоль берега во избѣжаніе жары, отчасти въ повозкѣ изъ боязни дувшихъ тогда пассатовъ [1]).

Кто, направляясь изъ Италіи въ Азію, хотѣлъ возможно болѣе сократить морское путешествіе, могъ ѣхать сушею черезъ Македонію и Ѳракію (по Эгнатіевой дорогѣ, шедшей изъ Аполлоніи въ греческой Илпріи до рѣки Гебра во Ѳракіи), и это, повидимому, случалось не рѣдко. Когда Галенъ во второй разъ отправился въ Римъ, онъ и туда и обратно ѣхалъ по этому пути. Онъ хотѣлъ посѣтить островъ Лемносъ и воспользовался для этого кораблемъ, который шелъ изъ Александріи Троадской въ Ѳессалонику; но такъ какъ онъ думалъ, что на Лемносѣ, какъ на другихъ островахъ Эгейскаго моря, всего одинъ городъ,—онъ причалилъ къ Миринѣ на западномъ берегу вмѣсто Гефестіады на восточномъ, гдѣ онъ хотѣлъ изучить приготовленіе печатной глины. Такъ какъ корабельщикъ не хотѣлъ его дожидаться, онъ отложилъ исполненіе своего намѣренія на обратный путь; тогда онъ отправился изъ Филиппъ въ Македоніи на морской берегъ, отстоявшій на разстояніе 120 стадій, переправился въ Ѳасосъ, оттуда въ Лемносъ (700 ст.), наконецъ снова въ Александрію въ Троадѣ (тоже 700 стад.) [2]). Аристидъ началъ свое путешествіе въ Римъ по Эгнатіевой дорогѣ въ серединѣ зимы 144 года. Проливные дожди, изморози, морозы и бури смѣняли другъ друга. Гебръ былъ весь покрытъ льдомъ, и его пробивали для того, чтобы проложить путь лодкамъ; поля были затоплены, насколько можно было охватить глазомъ; въ гостиницахъ былъ недостатокъ, и въ нихъ съ крышъ домовъ и потолковъ текло больше воды, чѣмъ съ неба. При этомъ Аристидъ ѣхалъ такъ быстро, что его не обгоняли курьеры императорской почты. Большей части рабовъ онъ велѣлъ слѣдовать за собой болѣе медленнымъ ходомъ. Тамъ, гдѣ было необходимо, онъ самъ разыскивалъ проводниковъ, и это было не легко; ибо варвары повсюду обращались въ бѣгство и съ ними надо было вести долгіе переговоры или даже захватывать ихъ силою. Въ Эдессѣ Аристидъ довольно долго пролежалъ больной и пріѣхалъ въ Римъ на сотый день послѣ выѣзда. Часть его вьючныхъ животныхъ погибла въ пути, остальныхъ онъ продалъ [3]). Разсказы о мученичествѣ св. Игнатія повѣствуютъ, что онъ позднею осенью или зимою отправился изъ Селевкіи по морю черезъ Смирну въ Троаду, затѣмъ сушею черезъ Македонію до Эпидамна, снова моремъ до Остіи; если въ его житіи и есть преувеличенія, то все же такой путь вполнѣ возможенъ. Овидій ѣхалъ изъ Коринѳа черезъ Имбросъ въ Самоѳракію, откуда, какъ онъ говоритъ въ написанной тамъ элегіи, былъ лишь небольшой прыжокъ въ Темпиру (вблизи Траянополя). Отсюда онъ хотѣлъ ѣхать сушею черезъ Ѳракію и Мэзію въ Томы, между тѣмъ какъ его „Минерва" должна была ѣхать черезъ Геллеспонтъ вдоль берега Чернаго моря [4]). Продолжительность его путешествія неизвѣстна: если онъ и говоритъ въ одномъ изъ своихъ посланій съ Понта, что отвѣтъ на письмо, посланное изъ Томъ въ Римъ, приходитъ черезъ годъ [5]), то это, конечно, не даетъ масштаба. Извѣстіе о смерти Г. Цезаря въ Лимирѣ, въ Ликіи, 21 февр. 4 г. по Р. Хр. пришло въ Пизу 2 апрѣля.

[1]) Plin., «Epp. ad. Trajan.», 26.—[2]) Galen., XII, 171 слл.—[3]) Aristid., «Or.», 24, стр. 305 J.—[4]) Ovid., «Trist», I, 10.—[5]) Ovid., «Epp. ex», P. IV, 11, 15.

Съ Мэотійскаго (Азовскаго) моря грузовые корабли часто приходили въ Родосъ при попутномъ вѣтрѣ на десятый день, оттуда на четвертый день въ Александрію, оттуда по Нилу на десятый день въ Эѳіопію; такъ что, какъ замѣчаетъ Діодоръ, путешествіе изъ холоднаго пояса земли въ самыя ея жаркія страны могло быть совершено въ 24 дня [1]. Префектъ Галерій прибылъ изъ Сицилійскаго пролива въ Александрію на седьмой день, префектъ Бальбиллъ на шестой, Валерій Максимъ, сенаторъ преторскаго ранга, даже изъ Путеолъ прибылъ туда на девятый день при очень слабомъ вѣтрѣ [2]. Во время монсуновъ охотнѣе ѣздили изъ Италіи въ Сирію черезъ Александрію, чѣмъ прямо изъ Брундизія (что было долгимъ и труднымъ путешествіемъ) особенно потому, что александрійскіе корабли считались самыми быстроходными и имѣющими лучшихъ рулевыхъ (такъ ѣхалъ іудейскій царь Агриппа по совѣту Калигулы [3]). Наоборотъ, тотъ, кто хотѣлъ по возможности избѣжать путешествія по морю,—могъ достигнуть Александріи круговой дорогой черезъ Грецію, Малую Азію и Сирію (такъ, повидимому, ѣхалъ самъ Калигула) [4]. Впрочемъ, если для путешествія изъ Берита въ Брундизій и обратно брали деньги въ долгъ на 200 дней [5], то само собою понятно, что при этомъ принимались въ разсчетъ всѣ возможныя и предполагаемыя задержки такого дѣлового путешествія, и при томъ очень щедро. Письмо, отправленное Кассіемъ изъ мѣстности вблизи Апамеи къ Цицерону въ Римъ, шло немного долѣе пятидесяти дней; наоборотъ, письмо Антистія Ветера изъ Сиріи шло къ Бальбу въ Римъ болѣе 100 дней [6]. Письмо, отправленное въ Тиръ изъ одной Тирской факторіи въ Путеолахъ въ іюлѣ 174 г. пришло туда 8 декабря, т.-е. черезъ 107 дней. Цицеронъ Младшій получилъ въ Аѳинахъ письмо своего отца черезъ 46 дней послѣ отправленія, другое было передано на 21 день, что считалось очень быстрой доставкой. Письмо Тирона къ Цицерону пришло изъ Патръ въ Брундизій на 15 день, письма изъ Британніи приходили въ Римъ на 23, 27 и 29 день, письмо изъ Африки на 22-ой, хотя извѣстно, что еще Катонъ Старшій показывалъ въ сенатѣ смокву, сорванную въ Карѳагенѣ три дня назадъ [7]. Извѣстіе о сраженіи при Мундѣ (къ сѣв.-востоку отъ Малаги), происшедшемъ 17 марта 45 г. до Р. Хр., пришло въ Римъ только 20 апрѣля. Плиній даетъ также нѣкоторыя свѣдѣнія относительно быстрѣйшихъ путешествій къ нѣкоторымъ западнымъ гаванямъ Средиземнаго моря. Судя по нимъ, изъ Остіи прибывали въ Гадесъ на седьмой день, въ ближнюю Испанію (вѣроятно Тарраконъ) на четвертый, въ Нарбонскую Галлію (можетъ-быть, Forum Julii) на третій, въ Африку на второй—послѣднее даже при очень слабомъ вѣтрѣ. Тридцатидневное путешествіе отъ Александріи до Массиліи на торговомъ кораблѣ считалось счастливымъ [8]. Также считалось быстрымъ, если изъ Нарбонны пріѣзжали на пятый день въ Африку (вѣроятно, въ Утику), а оттуда на седьмой въ Александрію.

Изъ сопоставленія всѣхъ относящихся сюда извѣстій можно довольно точно опредѣлить среднюю быстроту тогдашнихъ кораблей (они, впрочемъ, иногда были снабжены приборами для измѣренія пройденныхъ разстояній, которые описываетъ Витрувій) [9]. Правда, географъ Марціанъ изъ Гераклеи

---

[1]) Diodor., III, 34.—[2]) Plin., «N. h.», XIX, 1.—[3]) Philo in Flacc., стр. 521 M.—[4]) Philo, 583 м.—[5]) Digg., XXV, 1, 122, § 1.—[6]) Cic., «ad Att.», XIV, 9.—[7]) Plin., «N. h.», XV, 74.—[8]) Sulp. Sever., «Dial.», I. 1.—[9]) Vitruv., X, 9, 7.

замѣчаетъ, что данныя о разстояніяхъ (въ греч. стадіяхъ) на морѣ очень уклоняются одно отъ другого, поэтому онъ сопоставляетъ наибольшія и наименьшія [1]). Онъ говоритъ, что извѣстно, что корабль при попутномъ вѣтрѣ можетъ пройти въ день 700 стадій, хорошо построенное быстроходное судно даже 900; плохо же построенный корабль едва проходитъ 500 стадій [2]). У Скилака изъ Каріанды принята за среднюю дневную скорость при долгихъ путешествіяхъ всего 500 стадій [3]). Что въ обоихъ случаяхъ ночи не принимаются въ разсчетъ, видно изъ другихъ данныхъ: между прочимъ Геродотъ говоритъ, что корабль (во время самыхъ долгихъ дней) можетъ пройти днемъ самое большее 70.000 саженъ (700 стадій) и ночью 60.000 (600 стадій). Отъ устья Фазиса до западнаго берега Чернаго моря путешествіе по прямой линіи продолжалось 9 дней и 8 ночей, такимъ образомъ разстояніе было 11.000 стадій [4]). По Аристиду, корабль при сильномъ попутномъ вѣтрѣ могъ пройти въ цѣлый день (въ 24 часа) 1200 стадій; онъ самъ часто замѣчалъ это при благопріятныхъ путешествіяхъ, раздѣляя потомъ число пройденныхъ стадій на число дней, проведенныхъ въ пути [5]). Слѣдовательно, средняя быстрота движенія судовъ оставалась въ древности все время одной и той же. Она колебалась между 1000 и 1500 стад. (26—$37^1/_2$ геогр. миль или 100—150 морск. миль) въ 24 часа, т.-е. $1^1/_{24}$—$1^{13}/_{24}$ геогр. миль или $4^1/_6$—$6^1/_4$ морскихъ миль въ часъ. Съ этимъ согласны всѣ данныя о быстротѣ морскихъ путешествій какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ древняго міра. По Діодору, путешествіе отъ Питіусскихъ острововъ до Гибралтарскаго пролива продолжалось 3 дня и 3 ночи, до африканскаго берега 24 часа, до испанскаго одинъ день; также и Маіорка была на разстояніи одного дня пути отъ Испаніи [6]). Страбонъ опредѣляетъ разстояніе отъ критскаго мыса Кріу Метопонъ по Эратосѳену въ 2000 стадій, на него употребляли 2 дня и 2 ночи. Поѣздка съ сѣверо-восточнаго мыса Крита Самонія въ Египетъ продолжалась 3 или 4 дня и ночи: разстояніе—80 м. (Страбонъ даетъ 5000 стадій) [7]). Поѣздка отъ Калетійцевъ на устьѣ Сены въ Британнію, по его мнѣнію, требовала одинъ день [8]). То, что при путешествіяхъ вдоль восточнаго берега Африки къ югу отъ мыса Гвардафуи проходили въ 24 часа всего 400—500 стадій [9]), зависѣло отъ частой перемѣны вѣтровъ въ области экватора. На основаніи всего этого вполнѣ вѣроятно, что Арріанъ проѣхалъ вдоль южнаго берега Чернаго моря съ разсвѣта до полдня болѣе 500 стадій ($12^1/_2$ геогр. м.=50 морск. м.), т.-е. около 7—8 морск. миль въ часъ [10]). Въ упомянутыхъ Плиніемъ быстрѣйшихъ путешествіяхъ приходится на 24 часа одинъ разъ 140, два раза 160, чаще же всего 175—185 морск. миль. „Такимъ образомъ, наименьшая быстрота 6—7 морск. миль въ часъ, наибольшая немного больше 8; и средняя 7 миль была бы вполнѣ приличной и для морехода нашего времени. „Новара“ на своемъ пути отъ Вальпарайзо до атлантическаго экватора про-

[1]) Marcian., «Peripl. mar. exter.», II, 5. Geographi minor. ed. Mueller, I, 543.— [2]) Marcian., «Epitome peripl. Menipp.» ib., стр. 568.—[3]) Scylax, «Peripl.», 69, ib., стр. 8.— [4]) Herodot., IV, 86; ср. II, 149.—[5]) Aristides, «Or.», XLVIII, стр. 360.—[6]) Diodor., V, 16 и 17. — [7]) Strab., X, 4, 5. — [8]) Id., IV, 1, 14.—[9]) Ptolem., «Geogr.», I, 17.— [10]) Arrian., «Peripl. Pont. Eux»., 7.

ходила среднимъ числомъ $6^1/_2$ морск. миль въ часъ". „Наши быстрѣйшіе почтовые пароходы проходятъ теперь среднимъ числомъ 14 морскихъ миль въ часъ, при болѣе долгихъ путешествіяхъ отъ 10—12 м. м." (Стефанъ).

— —

3. Способы путешествія по сушѣ. Гостинницы, мытари, разбойники.

Способы путешествій по сушѣ описываются тамъ и сямъ различными авторами. Простые люди путешествовали высокоопоясанные пѣшкомъ, или съ небольшимъ багажомъ на скромномъ мулѣ или на лошади, накинувъ дождевой плащъ [1]); но рѣдкій обходился безъ одного или нѣсколькихъ рабовъ [2]). Если путешествіе совершалось въ экипажѣ, то они тоже слѣдовали за господиномъ, по крайней мѣрѣ при болѣе далекомъ пути, въ одномъ или нѣсколькихъ экипажахъ. Сенека однажды надумалъ совершить путешествіе съ очень скромнымъ бюджетомъ. Въ одномъ экипажѣ ѣхалъ онъ самъ со своимъ другомъ Цэзоніемъ Максимомъ, безъ всякаго багажа, кромѣ того, что было на нихъ надѣто, съ такимъ незначительнымъ количествомъ слугъ, что они умѣщались тоже въ одномъ экипажѣ. Если наставало время отдыха, ему клали матрацъ на голую землю, изъ двухъ дождевыхъ плащей одинъ служилъ ему простыней, другой одѣяломъ. Столъ не могъ бы быть болѣе простымъ, все приготовлялось не дольше какъ въ часъ; при этомъ никогда не обходились безъ сухихъ смоквъ и безъ дощечекъ для записыванія замѣчаній и мыслей. Экипажемъ ему служила крестьянская телѣга, быстрота муловъ была достаточна, чтобы сойти за признакъ жизни, кучеръ былъ босоногій, — не только потому, что это было лѣтомъ. Такъ онъ провелъ два счастливѣйшихъ дня; это путешествіе научило его, какъ много лишняго у насъ, отсутствія чего мы даже не замѣчаемъ. Все же онъ не могъ уберечься отъ непріятнаго чувства, когда увидѣлъ роскошную упряжь; онъ не могъ избавиться отъ ложнаго стыда и примириться съ перспективой, что его экипажъ будетъ сочтенъ его собственностью. Такое чувство было очень понятнымъ при столь удивительномъ способѣ путешествія для престарѣлаго несмѣтно богатаго консулара, ибо лица высшихъ сословій не ѣздили безъ многочисленной свиты слугъ и огромнаго багажа. Это было принято еще во времена республики [3]), и роскошь, и пышность обстановки путешествій уже тогда не была рѣдкостью. Милонъ, отправляясь вмѣстѣ съ женою въ Ланувій, везъ съ собою среди прочей свиты рабовъ и рабынь еще весь домашній хоръ [4]); Цезарь въ своихъ походахъ возилъ съ собою мозаичный полъ [5]); путешествія Марка Антонія съ ихъ огромнымъ обозомъ, съ экипажами, запряженными львами, съ множествомъ золотыхъ сосудовъ, которые несли передъ нимъ, какъ въ процессіи [6]), напоминаютъ уже восточные обычаи [7]).

Эта роскошь была еще превзойдена во времена имперіи. Неронъ никогда не путешествовалъ иначе какъ съ тысячью повозокъ, съ серебряными под-

---

[1]) Apulej. «Florid.», IV, 12; ср. Horat, «Sat.», I, 6, 105.—[2]) Lucian., «Luc.», 1.—[3]) Plutarch., «Cato Minor»., гл. 20, 1.—[4]) Cic., «pro Mil.», гл. 10.—[5]) Sueton., «Caes.», c. 46.—[6]) Plutarch., «Anton.», c. 9, 4. Cic., «Philipp.», 2, 24.—[7]) Plutarch., «Crass.», c. 21.

ковами на мулахъ; погонщикъ былъ одѣтъ въ красный костюмъ, форейторъ и гонецъ тоже богато наряжены [1]). Поппея приказала подковать золотомъ своихъ вьючныхъ животныхъ и вела съ собою 500 ослицъ, чтобы каждый день купаться въ ихъ молокѣ [2]); въ шествіи невѣсты императора Констанція Евсевіи (353 г.) находились колесницы всѣхъ родовъ—изъ золота, серебра, желтой мѣди,—всѣ художественной работы [3]). Высшія сословія, повидимому, старались насколько возможно подражать примѣру императоровъ; по крайней мѣрѣ, роскошь путешествій была очень большой и, по увѣренію Сенеки, всеобщей; ибо большая часть думали, что они должны подражать модѣ, причемъ случалось, что многіе, ѣздившіе такъ роскошно, были „богатыми только въ дорогѣ“ и уже думали, не объявить ли себя банкротами, не наняться ли въ циркъ въ борцы со звѣрями или въ гладіаторы [4]). Пестро одѣтые негры, нумидійцы, форейторы и скороходы [5]) открывали подобное шествіе для того, чтобы устранить всѣ препятствія, которыя могли бы вызвать остановку или задержку. Откормленные мулы, по возможности одной масти, или маленькія, толстыя, но быстрыя галльскія лошади влекли колесницу; для верховой ѣзды брали съ собой иноходцевъ. Животныя были покрыты пурпуровыми или вышитыми тканями, носили золоченые пояса и узды; колесницы были облицованы драгоцѣнными украшеніями, даже золотыми и серебряными фигурами, такъ что иногда ихъ стоимость равнялась стоимости цѣлаго имѣнія [6]); занавѣси были изъ шелка или другихъ дорогихъ матерій [7]); столовая посуда изъ самыхъ цѣнныхъ матеріаловъ—какъ золото, кристаллъ, мурра—находилась среди багажа, въ томъ числѣ даже сосуды, имѣвшіе высокую художественную цѣнность; они не могли бы перенести толчковъ экипажа, и ихъ несли на рукахъ. Большая свита и многочисленные слуги неизбѣжны при такомъ путешествіи; любимцы-пажи носили маски изъ тѣста передъ лицомъ, чтобы предохранить его отъ мороза или загара [8]). Такъ же путешествовали и богатые провинціалы. Софисту Полемону изъ Смирны сопутствовали въ его поѣздкахъ многочисленныя вьючныя животныя, лошади, рабы, своры собакъ для различныхъ родовъ охоты; самъ онъ ѣхалъ во фригійской или галльской колесницѣ съ серебряной упряжью [9]).

Удобное устройство экипажей и утонченность, съ которой ихъ постоянно старались снабдить все новыми удобствами, повидимому, были въ большомъ ходу въ то время. Въ нихъ можно было читать; для дорожнаго чтенія служили,—вмѣсто обыкновенныхъ свитковъ папируса, исписанныхъ только на одной сторонѣ, которые надо было держать обѣими руками,—особенныя книжки изъ пергамента, вмѣщавшія въ одномъ томѣ даже большія литературныя произведенія. Марціалъ совѣтуетъ читателю, желающему имѣть его книги всегда при себѣ и своими спутниками въ далекихъ путешествіяхъ, покупать эти миніатюрныя изданія на пергаментѣ. „Кто путешествуетъ съ пергаментнымъ изданіемъ Цицерона,—говоритъ онъ,—тотъ можетъ вообразить себѣ, что

---

[1]) Sueton., «Nero», c. 30; ср. «Elagabal.», c. 31.—[2]) Plin., «N. h.», XI, 238. XXVIII, 183; XXXIII, 140.—[3]) Julian, «Or.», 3, стр. 110 D.—[4]) Seneca, «Epp.», 87, 9.—[5]) Id, ib., 123, 6. Juvenal. 5, 52 (cursor Gaetulus). Martial. X, 6, 7; 13, 1; XII, 24. Galen., «Quom. morb. simul. ed. K.», XIX, 4.—[6]) Plin., «N. h.», XXXIV, 163. Martial. III, 72.—[7]) Propert, IV (V), 8.—[8]) Seneca, «Epp.», 87, 10.—[9]) Philostrat., «Vitt. soph», ed. K., стр. 228.

имѣетъ своимъ попутчикомъ этого великаго человѣка" [1]). Въ экипажѣ также можно было и писать; Плиній Старшій всегда во время путешествій имѣлъ съ собою стенографа съ книгою и доской для письма, руки котораго зимою защищались отъ холода длинными рукавами [2]). Были также и экипажи, приспособленные для спанья. Въ Пандектахъ упоминается духовное завѣщаніе мужа женѣ, при которомъ возникъ вопросъ, надо ли отнести къ наслѣдству и спальную коляску (carruca dormitoria) съ мулами [3]). Клавдій, который очень любилъ игру въ кости, имѣлъ экипажъ съ досками для игры, на которыхъ можно было играть во время ѣзды [4]). Коммодъ имѣлъ экипажъ съ приспособленіями для поворачиванія сидѣнья для того, чтобы избѣгать солнечныхъ лучей или дышать прохладнымъ вѣтромъ, и другіе, снабженные аппаратами для измѣренія пройденнаго разстоянія и для указыванія часовъ [5]).

Состоятельныя женщины путешествовали обыкновенно на носилкахъ. Судя по одному письму Цицерона отъ 49 г., Антоній везъ съ собою свою любовницу Киѳериду на открытыхъ носилкахъ, и семь любовницъ его друзей слѣдовали на другихъ носилкахъ [6]). Когда Юлія, дочь Августа и супруга Агриппы, однажды ночью направлялась въ Иліонъ, ей грозила опасность утонуть во внезапно разлившемся Скамандрѣ вмѣстѣ съ ея носильщиками. Агриппа, разгнѣванный тѣмъ, что жители города не оказали ей никакой помощи (хотя они и не знали объ ея прибытіи), наложилъ на нихъ штрафъ въ 100.000 денаріевъ, уплата котораго была отмѣнена благодаря ходатайству царя Ирода черезъ посредство Николая Дамаскина [7]).

Богатство и пышность въ устройствѣ путешествій объясняются отчасти существованіемъ рабовладѣнія, отчасти недостаточностью и бѣдностью гостинницъ. Богачамъ, владѣвшимъ сотнями рабовъ, было возможно создать себѣ и въ путешествіи удобства и наслажденія своихъ дворцовъ; къ тому же благодаря привычкѣ массовое услуженіе было для нихъ почти неизбѣжностью. Хозяева гостинницъ рѣдко были въ состояніи угодить избалованнымъ путешественникамъ, особенно потому, что южный климатъ давалъ возможность ночевать въ привезенныхъ палаткахъ [8]), и чѣмъ менѣе требованій имъ предъявлялось, тѣмъ менѣе они могли ихъ удовлетворять. Впрочемъ, встрѣчались нерѣдко хорошія и даже пышно устроенныя гостинницы, въ которыхъ можно было пожелать остаться долѣе чѣмъ нужно. Эпиктетъ сравниваетъ людей, которые, вмѣсто того, чтобы добиваться истинной цѣли—философіи,—останавливаются слишкомъ долго на побочномъ изученіи краснорѣчія, съ путникомъ, который, возвращаясь на родину, останавливается на долгое время въ роскошно устроенной гостинницѣ... „Ты забываешь,—взываетъ онъ къ нему,—о цѣли твоего путешествія, для котораго гостинница лишь средство. Сколько есть еще прекрасныхъ гостинницъ! Но онѣ должны служить только для мимолетныхъ остановокъ" [9]). На сильно посѣщаемыхъ мѣстахъ, особенно же въ торговыхъ пунктахъ, онѣ были, конечно, многочисленны, какъ и говоритъ, напр., Страбонъ о Береникѣ въ Верхнемъ Египтѣ на Красномъ морѣ, которая служила складочнымъ мѣстомъ для арабско-

---

[1]) Martial., I, 2; XIV, 188.—[2]) Plin., «Epp.», III, 5.—[3]) «Digg.», XXXIV, 2, 13 [14]—[4]) Sueton, «Claudius», c. 33.—[5]) Pertin., c. 8.—[6]) Cic., «ad Atticum», X, 10, 5.—[7]) Nicol. Damasc., «De vita sua» (Mueller, «Hist. Graec. fr.», III, стр. 350). [8]) Plutarch., «Cato minor», c. 38, 2.—[9]) Epictet, «Diss.», II, 23, 36.

индійской торговли [1]); также бывало и въ мѣстностяхъ съ купаньями. Страбонъ называетъ гостинницы, находящіяся въ Канобѣ у канала, вполнѣ подходящими для тамошней пышности и роскоши, и попутно упоминаетъ о гостинницахъ мѣстечка Каруры на границѣ Фригіи и Каріи, въ которомъ были горячіе источники [2]). Все же вѣроятно, что гостинницы, по крайней мѣрѣ, по большей части, были скудны; но не потому, чтобы онѣ служили пристанищемъ для низшихъ классовъ народа. Онѣ таковы до сихъ поръ повсюду на югѣ, куда еще не проникло вліяніе сѣверно-европейскихъ обычаевъ и культуры, а древніе, быть-можетъ, еще болѣе были привычны къ тѣснымъ и мало обставленнымъ жилищамъ, чѣмъ ихъ потомки. Тѣмъ легче можно было удовлетворить путешественниковъ, которые искали только ночлега, ужина или убѣжища отъ непогоды; поэтому гостинницы чаще бывали скромными и бѣдными, хотя въ нихъ и останавливалось большинство путешественниковъ; ибо, конечно, число тѣхъ, которые возили съ собою палатки и все необходимое, или находили кровъ у гостепріимцевъ, было сравнительно очень малымъ.

Давать квартиру путешествующимъ должностнымъ лицамъ, судьямъ съ ихъ свитой, проходящимъ солдатамъ—было имущественной повинностью домохозяевъ, которымъ постояльцы назначались сообразно со временемъ, сословіемъ и состояніемъ. Впрочемъ, философы, грамматики, риторы и врачи были освобождены отъ этого еще Веспасіаномъ и Адріаномъ. Эта повинность, повидимому, была еще болѣе тяжелой, благодаря несоотвѣтствующему поведенію постояльцевъ. Плиній разсказываетъ, что жители Гиппона-Діаррита въ Африкѣ убили рѣдкаго ручного дельфина для того, чтобы избавиться отъ обидъ должностныхъ лицъ, которые пріѣзжали туда, чтобы посмотрѣть на него [3]). Когда Катонъ Утическій передъ принятіемъ должности путешествовалъ по Азіи, онъ посылалъ всегда впередъ своего пекаря и повара еще утромъ къ опредѣленному мѣсту ночлега. Они входили въ городъ спокойно и скромно и, если не находили тамъ стариннаго гостепріимца или друга Катона, приготовляли ему остановку въ гостинницѣ, чтобы не быть никому въ тягость; если не было гостинницы, они обращались къ властямъ и довольствовались квартирой, которую тѣ указывали; но именно потому, что они не шумѣли и не угрожали, они пользовались часто малымъ почетомъ [4]). Многіе изъ высокопоставленныхъ имѣли собственныя временныя пристанища, большей частью для недалекихъ путешествій по Италіи; Цицеронъ имѣлъ таковыя, которыми онъ пользовался, отправляясь въ свои виллы, въ Анагніи, Атинѣ, Фрузинонѣ, Ланувіи и Синуессѣ; въ Таррацинѣ онъ искалъ таковое [5]).

Такъ какъ упомянутые здѣсь классы путешественниковъ были лишь незначительной частью ихъ общаго количества, то нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что существовали гостинницы на всѣхъ дорогахъ съ оживленнымъ движеніемъ, какъ въ Италіи, такъ и въ провинціяхъ. Къ расходамъ, которые могъ поставить въ счетъ членъ торговаго предпріятія, принадлежали, наравнѣ съ издержками на ѣзду, издержки на гостинницы [6]). Риторъ Аристидъ опи-

---

[1]) Strabo, XVII, 1, 17, стр. 801.—[2]) Strabo, XII, 17, стр. 578.—[3]) Plin., «N. h.», IX, 26.—[4]) Plutarch, «Cato minor», c. 12.—[5]) Cic., «ad fam», VII, 23.—[6]) Ulpian. XXXI, «ad Edictum», Digg., XVII, 2, 52, § 15.

сываетъ путешествіе изъ Смирны въ Пергамъ; онъ самъ, несмотря на то, что у него не было недостатка въ знакомыхъ, останавливался всегда въ гостинницахъ. Онъ выѣхалъ лѣтомъ послѣ полдня, отправивъ свои повозки съ багажомъ впередъ, и на закатѣ пріѣхалъ къ гостинницѣ на рѣкѣ Гермѣ; но жара комнатъ показалась ему невыносимой, и онъ отправился дальше. Поздно вечеромъ онъ прибылъ въ Лариссу, гдѣ пристанище было не лучше, а въ полночь въ Киму, гдѣ все было закрыто. Онъ опять поѣхалъ дальше и при пѣніи пѣтуха прибылъ въ Мирину; здѣсь онъ нашелъ своихъ людей: онъ встрѣтилъ ихъ около одной изъ гостинницъ уже готовыми къ отправленію, такъ какъ все было закрыто; онъ попытался отдохнуть на своей походной постели въ одномъ изъ портиковъ, но, наконецъ, нашелъ пріемъ въ домѣ одного знакомаго; все же съ наступленіемъ дня онъ поѣхалъ дальше, въ Гриней, затѣмъ отдохнулъ въ Элеѣ, повидимому, снова въ гостинницѣ и на слѣдующій день прибылъ въ Пергамъ [1]). То, что его путешествіе черезъ Ѳракію зимою было затруднительнымъ, кромѣ всего другого, еще благодаря недостатку въ гостинницахъ, вполнѣ понятно, такъ какъ эта страна была не вполнѣ цивилизованной и по ней мало путешествовали [2]).

Но все же даже и въ такихъ странахъ не было совершеннаго недостатка въ гостинницахъ. „Какъ высоко,—говоритъ Сенека,—люди цѣнятъ убѣжище въ пустынѣ, кровлю во время проливного дождя, ванну или очагъ въ морозъ, и все же всякій знаетъ, за какую цѣну онъ получитъ все это, если заѣдетъ въ гостинницу" [3]). Юлій Цезарь проѣзжалъ однажды со своимъ другомъ Г. Оппіемъ черезъ лѣсъ, тотъ внезапно заболѣлъ, и Цезарь уступилъ ему единственную маленькую гостинницу, которая тамъ была, самъ же спалъ на землѣ на открытомъ воздухѣ [4]). Также и милосердный самарянинъ могъ отвезти въ гостинницу человѣка, ограбленнаго и израненнаго разбойниками, найденнаго имъ на дорогѣ изъ Іерусалима въ Іерихонъ [5]). Что въ городахъ, обыкновенно, бывали гостинницы, понятно само собой (даже въ такомъ мѣстечкѣ, какъ Виѳлеемъ, былъ постоялый дворъ) [6]). Иногда, можетъ быть нерѣдко, о пріемѣ чужестранцевъ заботились городскія общины. При часто посѣщаемомъ источникѣ Клитумнѣ стоялъ городъ Гиспеллъ (Спелло), которому Августъ подарилъ этотъ клочекъ земли; онъ устроилъ на свои средства бани и гостинницу [7]). Къ постройкамъ, которыя предпринимали состоятельные муниципалы на общую пользу, принадлежали также и гостинницы: одну изъ нихъ (ospitium adventorium) напр., приказалъ построить нѣкто Г. Аррунцей Котта въ одной неизвѣстной колоніи вмѣстѣ съ банею для рабовъ. Въ началѣ V вѣка чиновникъ, завѣдывавшій городскимъ управленіемъ (curator) сѣверо-африканскаго города Каламы, приказалъ на свой счетъ привести въ лучшій видъ и въ лучшее состояніе пустое и покрытое мусоромъ мѣсто „на пользу гражданамъ и для гостепріимной встрѣчи чужестранцевъ" [8]).

Конечно, въ населенныхъ мѣстностяхъ былъ выборъ между многими гостинницами. Плутархъ остерегаетъ останавливаться изъ ложнаго стыда въ плохихъ гостинницахъ ради того, что тамъ болѣе привѣтливы хозяева: это

[1]) Aristid, «Or.», XXVII, стр. 347—350 Jebb.—[2]) Id., l. c., стр. 301.—[3]) Seneca, «De benef.», VI, 15, 7.—[4]) Suet, «Caes.», c. 72.—[5]) Ев. отъ Луки, 10, 34 слл.—[6]) Ib., 2, 7.—[7]) Plin., «Epp.», VIII, 8, 6.—[8]) C. I. L., VIII, 5, 341.

не должно препятствовать выбору лучшаго пристанища [1]). Также и землевладѣльцы часто строили въ своихъ имѣніяхъ, граничащихъ съ большими дорогами, корчмы и гостинницы, которыми управляли за ихъ счетъ ихъ вольноотпущенники и рабы; и это было очень выгодной эксплуатаціей земли. Иногда же такіе дома устраивались на дорогахъ фискомъ, особенно въ слабо засѣленныхъ и мало цивилизованныхъ провинціяхъ. Въ 61 году Неронъ приказалъ черезъ прокуратора Ѳракіи выстроить на ея большихъ дорогахъ таверны и господскіе дома (praetoria—для высшихъ сановниковъ) [2]); Адріанъ велѣлъ въ 136 г. снабдить въ изобиліи колодцами, станціями и укрѣпленіями дорогу, проложенную имъ вдоль Краснаго моря. На станціяхъ часто, если не всегда, бывали таверны, по имени которыхъ многія изъ нихъ и назывались; изъ апостольской исторіи извѣстна станція „трехъ тавернъ", на Аппіевой дорогѣ, недалеко отъ Понтійскихъ болотъ [3]). То же названіе носила станція на дорогѣ изъ Диррахія въ Византію; на Латинской дорогѣ третья станція отъ Рима называлась „У пестрыхъ" (тавернъ), и Страбонъ опредѣленно называетъ ихъ гостинницами. Еще многія другія станціи носили подобныя имена, или потому что только находившіяся тамъ гостинницы давали пристанище, или же потому, что они присосѣдились къ мансіонамъ, построеннымъ и содержимымъ на государственный счетъ; можетъ быть, и эти послѣдніе, если въ нихъ находилось мѣсто, тоже были открыты для путешественниковъ за плату.

Вывѣски гостинницъ, повидимому, часто снабжались изображеніями звѣрей. Артемидоръ упоминаетъ объ одной гостинницѣ „Верблюдъ", на вывѣскѣ которой было изображено это животное [4]). Въ Помпеяхъ раскопана гостинница, кажется, нѣкоего Ситтія, на наружной стѣнѣ которой нарисованъ пигмей, ведущій слона. Въ Нарбоннѣ сохранилась вывѣска отпущенника-содержателя харчевни „Пѣтухъ", изъ Таррагоны. „Пѣтухъ" называется также станція между Утикой и Карѳагеномъ; и подобно ей, по имени гостинницъ, названы также многія другія станціи, расположенныя на различныхъ дорогахъ: „Большой Орелъ", „Малый Орелъ", „Змѣи", „Большой журавль", „Мечъ", „Колесо", „Оливковый сарай". Надписи на вывѣскахъ обѣщали ласковый уходъ, купанье и всѣ удобства, въ Италіи часто „по столичному образцу"; надпись на одной изъ особенно посѣщаемыхъ торговцами гостинницъ Ліона (на вывѣскѣ, которой, повидимому, были изображенія Меркурія и Аполлона)—гласитъ: „Здѣсь Меркурій обѣщаетъ выгоду, Аполлонъ—здоровье, Септуманъ (хозяинъ)—пріемъ и угощеніе. Кто сюда завернетъ, тому будетъ лучше. Чужестранецъ, посмотри, гдѣ тебѣ остановиться". На вывѣскѣ постоялаго двора въ Антибѣ, значится: „Словечко, милый путникъ! Здѣсь тебѣ все сообщитъ мѣдная доска" (вѣроятно, тарифъ) [5]). Сверхъ того, хозяинъ и хозяйка привѣтствовали сами гостя и восхваляли ему преимущества и достоинства своего дома; въ одномъ стихотвореніи, дошедшемъ до насъ подъ именемъ Вергилія, сирійская трактирщица (Сора), обвязавшая голову греческой повязкой, хмѣльная, танцуетъ съ кастаньетами въ дымной тавернѣ, и приглашаетъ зайти къ ней путника, усталый оселъ котораго истекаетъ по-

---

[1]) Plutarch., «De vitioso pudore», c. 8, стр. 532.—[2]) C. I. L., III, 6123.—[3]) «Дѣян. Ап.», 28, 15.—[4]) Artemidor, «Onirocr.», I, 4, стр. 12.—[5]) C. I. L., XI, 1, 721.

томъ. Она обѣщаетъ ему въ ту пору, когда деревья оглашаются пѣніемъ цикадъ и ящерицы прячутся отъ зноя — прохладу и покой въ тѣнистой зелени ея сада у журчащаго ручья, обѣдъ изъ желтыхъ сливъ, шелковицы, винограду, огурцовъ, каштановъ и яблокъ, молодое вино и вѣнки изъ розъ, фіалокъ и лилій и деревенскую музыку; но гость найдетъ у нея не только Цереру и Вакха, но и Амура[1]).

Обыкновенные постоялые дворы (которые почти исключительно и упоминаются), какъ уже было сказано, не годились для продолжительныхъ остановокъ: они были наполнены конюхами и погонщиками муловъ; съ ними „на перекресткахъ и въ постоялыхъ дворахъ“ любилъ проводить время императоръ Вителлій, который до своего восшествія на престолъ охотно пускалъ въ ходъ самый низменный тонъ привѣтливости[2]). Плутархъ, совѣтующій въ своихъ предписаніяхъ для сохраненія здоровья постоянно упражняться въ громкомъ произнесеніи рѣчей, говоритъ, что не надо избѣгать этого и при остановкѣ на постояломъ дворѣ и обращать вниманіе на то, что будешь потомъ осмѣянъ лодочниками, погонщиками муловъ и трактирщиками[3]). Описаніе внутренности „засаленной таверны“, которое даетъ Аполлинарисъ Сидоній, подходило къ большинству постоялыхъ дворовъ прежняго времени. Она была вся наполнена кухоннымъ чадомъ, который заставлялъ входившихъ затыкать носъ; въ чашкахъ, обвитыхъ тиміаномъ, лежали горячія красныя колбасы, подымался паръ отъ горшковъ, стучали тарелки, и гости оглашали ее немелодичнымъ пѣніемъ[4]). Тюфяки, набитые вмѣсто перьевъ цвѣтомъ тростника, кишѣли лѣтомъ блохами и „круглыми клопами“[5]); съ потолковъ комнатъ часто падали разныя животныя—ящерицы и ядовитые пауки[6]). Конечно, и цѣны не были высокими. Во время Полибія постоялые дворы благословенныхъ низинъ Ломбардіи были настолько дешевыми, что безъ всякаго счета платили за столъ и помѣщеніе полъ асса (въ то время 1—1$^{1}/_{2}$ коп.). На одномъ рельефѣ временъ имперіи изъ Эзерніи въ Самніи (Изернія), человѣкъ въ одеждѣ путешественника, ведущій подъ уздцы мула, разсчитывается съ хозяйкой; наверху изображенія увѣковѣченъ самый разговоръ, судя по которому,—не считая вина, которое, вѣроятно, давалось даромъ,—надо было уплатить за хлѣбъ 1 ассъ (тогда 3$^{1}/_{4}$ коп.), за закуску 2 асса, за дѣвушку 8 ассовъ, за сѣно 2 асса[7]). Два денарія (86$^{1}/_{2}$ коп.), которые милосердный самарянинъ оставляетъ хозяину въ уплату за дневное пребываніе у него раненаго, очевидно болѣе чѣмъ достаточная плата, такъ какъ она предназначалась еще и на уходъ за больнымъ[8]). Возможно, что тогда, какъ и въ болѣе раннія времена[9]), путешественники приносили съ собой свою пищу и давали хозяину ее готовить.

Сверхъ того, постоялые дворы очень часто бывали мѣстомъ проституціи, а хозяева сводниками. У писателей-юристовъ часто упоминается, что женская прислуга тавернъ, какъ въ городахъ, такъ и на проселочныхъ дорогахъ, состояла изъ публичныхъ женщинъ, и содержаніе гостиницы лишь

---

[1]) Vergil. «Copa».—[2]) Sueton., «Vitell», c. 7.—[3]) Plutarch., «De sanitate praec.», c. 16, стр. 130.—[4]) Apoll. Sidon., «Epp.», VIII, 11.—[5]) Plin., «N. h.», XVI, 58.—[6]) Dioscorid., «De venenis», II praef. ed Sprengel, II, стр. 5.—[7]) Marquardt, «Prl.», II, 472,—[8]) Ев. отъ Луки, 10, 34.—[9]) Plutarch., «Apophth. Lacon. var.», 44.

покрывало собою сводничество [1]). По указу императора Александра Севера, рабыня, проданная подъ условіемъ, чтобы не торговали ея тѣломъ, не должна была быть проданной хозяину гостиницы, гдѣ услуга женщинъ была лишь предлогомъ, чтобы обойти законъ [2]). Изъ опредѣленія закона, что съ женскимъ персоналомъ тавернъ нельзя совершить прелюбодѣянія, Константинъ впервые въ 326 году исключилъ самихъ хозяекъ, но лишь въ томъ случаѣ, если онѣ не прислуживали гостямъ сами [3]).

Отчасти за сводничество, отчасти по другимъ причинамъ, хозяева гостинницъ пользовались дурной славой, и ихъ дѣло считалось позорнымъ. На листахъ у полицейскихъ солдатъ они были записаны рядомъ съ ворами и игроками въ азартныя игры [4]). Они обманывали и лгали, фальсифицировали вино [5]) (по мнѣнію Петроніева Тримальхіона, они родились подъ знакомъ Водолея) [6]), воровали у погонщиковъ муловъ овесъ, который тѣ запасали для своихъ животныхъ [7]). По соннику Артемидора, который много путешествовалъ, увидѣнные во снѣ мѣдные и желѣзные лбы трактирщикамъ и мытарямъ „и всѣмъ, кто живетъ безъ стыда", предвѣщаютъ хорошее [8]); видѣть во снѣ терніи особенно благопріятно для трактирщиковъ, мытарей, разбойниковъ и для тѣхъ, кто обвѣшиваетъ другихъ и пишетъ невѣрные счета—„потому, что и они вырываютъ силою и противъ воли у другихъ то, что имъ принадлежитъ" [9]). Галенъ говоритъ, что человѣческое мясо похоже вкусомъ на свиное и иногда подается безстыдными трактирщиками вмѣсто него. Люди, заслуживающіе довѣрія, разсказывали ему, что въ одномъ трактирѣ они съѣли супъ съ очень вкуснымъ мясомъ, а потомъ нашли въ немъ суставъ пальца. Въ ужасѣ они покинули трактиръ, извергли съѣденное и продолжали путь; а позднѣе въ этомъ трактирѣ накрыли человѣческую бойню [10]). Трактирщицы часто пользовались славою колдуній; подобная упоминается у Апулея. Еще Августинъ слышалъ въ Италіи, что трактирщицы подаютъ гостямъ въ сырѣ волшебное снадобье, благодаря которому тѣ превращаются во вьючныхъ животныхъ, не теряя, впрочемъ, человѣческаго сознанія. Если они исполняли возложенныя на нихъ работы, они вновь получали человѣческій образъ [11]). Впрочемъ, трактирщики отвѣчали передъ судомъ за вредъ, причиненный гостямъ въ ихъ домѣ [12]).

Дурная слава всякаго рода мытарей вошла въ поговорку и, конечно, не безъ основанія. Разумѣется, таможенные обманы случались постоянно [13]), и чиновники возбуждали досаду путешественниковъ даже тогда, когда поступали по закону. „Мы сердимся на таможенныхъ чиновниковъ,—говоритъ Плутархъ,—не тогда, когда они осматриваютъ открыто лежащіе товары, но тогда, когда они, разыскивая спрятанное, роются въ чужомъ багажѣ; однако, законъ разрѣшаетъ имъ это и, если они этого не дѣлаютъ, они терпятъ убытокъ" [14]). Законоположенія въ выдуманныхъ судебныхъ дѣлахъ, которыя давались

[1]) Ulpian, «Dig.», III, 2, 4, § 2, XXIII, 2, 43, 1, ib., § 9.—[2]) «Cod.», IV, 56, 3.—[3]) Marquardt, ibid., стр. 471, 5.—[4]) Tertullian. «De fuga in persecut»., c. 13.—[5]) Martial. I, 57.—[6]) Petron., c. 39.—[7]) Martial., XIII, 11.—[8]) Artemidor. «Onirocr.», I, 23.—[9]) Id., ib., IV, 57.—[10]) Galen., VI, 663; XII, 254.—[11]) Augustin, «C. D.», XVIII, 18.—[12]) Instit., IV, 6, 3, Digg., IV, 9, ср. Digg., XLVII, 2, 14, § 17 и XLVII, 5, § 6.—[13]) Quintilian, «Declam», 349.—[14]) Plutarch., «De curiositate», c. 1, стр. 518.

для упражненія въ реторическихъ школахъ, плохо согласуются съ дѣйствительностью. Все же въ одной изъ этихъ темъ предполагались слѣдующіе законы: „Со всѣхъ предметовъ, кромѣ тѣхъ, которые необходимы при путешествіи, взимается пошлина въ размѣрѣ $2^1/_2{}^0/_0$ стоимости. Мытарь имѣетъ право обыскивать багажъ. Предметы, подлежащіе пошлинѣ, которые не предъявлены, должны быть конфискованы. Ощупывать женщинъ не разрѣшается. Одна женщина, имѣвшая 400 большихъ жемчужинъ, скрывала ихъ у себя на груди. Чиновникъ спросилъ о жемчугѣ. Женщина предложила ему обыскать ее, отъ чего онъ отказался. Когда они переѣхали границу, онъ наложилъ на нее руку и сказалъ, что жемчужины принадлежатъ ему“ [1]). Имущество солдатъ было свободно отъ пошлинъ и, повидимому, вообще свобода отъ пошлинъ давалась съ разрѣшенія императора. Траянъ пожаловалъ ее софисту Полемону изъ Смирны для всѣхъ его путешествій по сушѣ и по морю, Адріанъ далъ ее и его потомкамъ [2]).

Еще большимъ зломъ, чѣмъ притѣсненія мытарей и мошенничества хозяевъ гостинницъ, была для путешественниковъ небезопасность ѣзды по оживленнымъ дорогамъ. Забота о полиціи на нихъ частью была возложена на городскія общины. Въ западной половинѣ Имперіи, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ (Ніонѣ, у Бингена) встрѣчается специальная военная власть (praefectus arcendis latronibus), какъ младшая муниципальная должность; въ восточной, особенно въ Малой Азіи, постоянно и съ одинаковыми полномочіями существовала должность иринарховъ, которымъ было подвластно мѣстное войско діогмитовъ. Все же сверхъ того во всѣхъ провинціяхъ, по распоряженію центральной власти, стояли военные посты подъ начальствомъ офицеровъ до центуріона, и намѣстники были обязаны предпринимать выступленія противъ нарушителей общественной тишины; но пока природа человѣка останется такой же,—полагаетъ Кассій Діонъ,—разбойничество не прекратится [3]).

Упорнѣе всего оно утвердилось въ окраинныхъ провинціяхъ. Надпись, найденная въ нижней Панноніи, сообщаетъ, что въ 185 г. императоръ Коммодъ построилъ крѣпости и разставилъ гарнизоны по всему побережью Дуная и этимъ обезопасилъ его отъ нападенія разбойниковъ [4]). Среди могильныхъ надписей Дакіи три сообщаютъ о смерти отъ разбойниковъ двухъ мужчинъ и одной женщины; двое изъ убитыхъ были отомщены родственниками [5]). Памятники лицъ, павшихъ отъ рукъ разбойниковъ, найдены также и въ Ораховцѣ (въ верхней Мэзіи), возлѣ Дармштадта и въ Трирѣ. Какъ опасно бывало иногда движеніе по дорогамъ африканскихъ провинцій (несмотря на крѣпости, стоявшія въ опредѣленныхъ мѣстахъ) [6]), доказываютъ слова епископа Кипріана карѳагенскаго, что если гостинница на большой дорогѣ занята разбойниками, путешественники, услышавши объ этомъ, ищутъ другихъ постоялыхъ дворовъ [7]). Инженеръ третьяго легіона, стоявшаго въ Ламбессѣ, отозванный въ 152 г. въ Сальды для постройки туннеля, разсказываетъ, что на дорогѣ онъ повстрѣчался съ разбойниками и, обнаженный и израненный, едва спасся отъ нихъ вмѣстѣ со своими спутниками. Лукіанъ

---

[1]) Quintilian. «Declam.», 349 и 359.—[2]) Philostr., Vitt. soph., стр 228 К.—[3]) Cass. Dio, XXXVI, 3.—[4]) C. I. L, III, 1, 3385.—[5]) Ib., III, 1, 1559, 1579, 1585.—[6]) C. I. L, VIII, 2494, 2495.—[7]) Cyprian. «Epp.», 68, 3.

упоминаетъ, что во время пророка Александра изъ Абонутихоса въ Египтѣ было много разбойниковъ [1]). Нильскія болота въ окрестностяхъ Дамьетты давали убѣжище цѣлому народу разбойниковъ, ужасно дикихъ, извѣстныхъ еще Эратосѳену—такъ называемыхъ буколовъ; ихъ жизнь, полную приключеній, очень наглядно описываетъ романъ Геліодора (приблизительно времени Авреліана). При Маркѣ Авреліи они угрожали даже Александріи, и Авидій Кассій едва могъ покорить ихъ [2]). Они причиняли затрудненія позднѣе и халифамъ.

Послѣ окраинныхъ провинцій, больше всего разбойниковъ было въ провинціяхъ горныхъ, особенно въ тѣхъ, которыя были еще мало цивилизованными. Среди могильныхъ надписей изъ Салоны въ Далмаціи одна сообщаетъ объ убійствѣ десятилѣтней дѣвочки изъ-за ея украшеній; другая—о похищеніи мужчины разбойниками [3]). Среди могильныхъ надписей Испаніи двѣ относятся къ людямъ, убитымъ разбойниками [4]). И въ Іудеѣ, по Евангелію, путешественники нерѣдко бывали въ опасности встрѣтиться съ разбойниками [5]). Насколько удавалось династіи Ирода и позднѣе римлянамъ освободить населеніе земель къ востоку отъ Іордана, именно Гауранъ и Трахонитиду, отъ разбойниковъ, для которыхъ служили убѣжищами находившіяся тамъ многочисленныя пещеры — до насъ не дошло свѣдѣній. Неискоренимость разбоя въ гористой, мѣстами пустынной Малой Азіи объясняется также очень незначительнымъ количествомъ войска въ этой странѣ (не считая легіоновъ, охранявшихъ границы). „Жители Памфиліи,—говоритъ Страбонъ,—еще не совсѣмъ оставили разбой и не даютъ покоя сосѣдямъ; Мисійскій Олимпъ изобилуетъ громадными дубовыми лѣсами и недоступными мѣстами, въ которыхъ долго могутъ держаться шайки разбойниковъ, какъ въ мое время разбойничій атаманъ Клеонъ“ [6]). Галенъ разсказываетъ объ одномъ разбойникѣ, который незадолго до того жилъ недалеко отъ Коракесія [7]) въ Памфиліи и обрубалъ ноги своимъ жертвамъ. Врядъ ли и Исаврія сдѣлалась разбойничьей страной, каковой она оставалась до Византійскаго времени, лишь въ 3 вѣкѣ, когда ея населеніе стало бичомъ для всего юга Малой Азіи. Надпись упоминаетъ объ истребленіи шаекъ разбойниковъ на Геллеспонтѣ нѣкіимъ Т. Валеріемъ Прокломъ, служившимъ у Цезаря Друза, сына Германика. При Адріанѣ разбойникъ Тиллоборъ поселился на возвышенностяхъ Иды, недалеко отъ Трои, и оттуда совершалъ нападенія на окрестныя страны [8]). Несмотря на старанія Адріана и его преемниковъ, дороги провинціи Ахаи и сосѣднихъ съ нею земель тоже были угрожаемы разбойниками, и счастливый атаманъ разбойничьей шайки постоянно встрѣчается у Лукіана въ разговорахъ изъ обыденной жизни. Также и многочисленныя исторіи о разбойникахъ, встрѣчающіяся въ современномъ ему романѣ Апулея изъ греческой жизни, повидимому, взяты частью изъ дѣйствительности. Въ Сардинію (гдѣ во времена Варрона земли съ прекрасной почвой не обрабатывались, благодаря разбоямъ сосѣдей [9]) и гдѣ, начиная съ 6 г. по Р. Хр., въ теченіе нѣскольких

---

[1]) Lucian., «Alexander», 44.—[2]) Dio, LXXI, 4.—[3]) C. I. L, III, 1, 2399, 2544.—[4]) Ib., II, 2968 (Tarraconensis); 3479 (Carthago nova).—[5]) Ев. отъ Луки, 10, 30.—[6]) Strabo, XII, 7, стр. 570; 8, 8, стр. 574—[7]) Galen, II, 183.—[8]) Lucian, «Alexander», 1.—[9]) Varro, «R. r.», I, 16, 2.

кихъ лѣтъ велась настоящая война противъ разбойниковъ) [1]), Тиберій послалъ въ 19 г. по Р. Хр. 4000 отпущенниковъ, „зараженныхъ египетскимъ и іудейскимъ суевѣріемъ“ для того, чтобы сражаться съ тамошними шайками разбойниковъ [2]). Обитатели горъ Корсики жили, по словамъ Страбона, грабежами и были болѣе дикими, чѣмъ звѣри [3]). Осторожные путешественники охотно присоединялись на большихъ дорогахъ къ свитамъ высшихъ должностныхъ лицъ—легатовъ, квесторовъ и проконсуловъ [4]); многіе шли въ сопровожденіи отряда вооруженныхъ. Такъ, Лукіанъ на своемъ путешествіи черезъ Каппадокію получилъ отъ дружески расположеннаго къ нему намѣстника двухъ копьеносцевъ, которые должны были сопровождать его до моря [5]).

Но даже и самыя культурныя и мирныя части римскаго государства, временами подвергались нападеніямъ разбойничьихъ шаекъ. Въ 187 году дезертировавшій солдатъ Матернъ собралъ отрядъ, съ которымъ онъ навелъ ужасъ на всю Галлію и Испанію; онъ нападалъ сначала на деревни и поселки, а затѣмъ и на большіе города, освобождалъ находившихся тамъ въ тюрьмахъ преступниковъ, жегъ и грабилъ все кругомъ. Когда Коммодъ послалъ противъ него войска, ему удалось вмѣстѣ со своей шайкой бѣжать въ Италію; его планъ убить императора былъ выданъ, и самъ онъ былъ казненъ своими приближенными [6]).

Въ Италіи опасность передвиженія была особенно сильною непосредственно послѣ гражданскихъ войнъ, когда вооруженные разбойники совершенно открыто и въ большомъ количествѣ показывались повсюду, и было опаснымъ предпріятіемъ отправиться ночью изъ Рима въ Тибуръ [7]), пока Августъ не укротилъ ихъ, разставивъ на опредѣленныхъ мѣстахъ военные посты [8]). Но все же Тиберій, который особенно заботился объ общественной безопасности, приказалъ разставить противъ нихъ новые многочисленные посты [9]). Пойманныхъ ожидала особенно жестокая казнь—растерзаніе дикими звѣрями—и трупы ихъ ради устрашающаго примѣра и „для утѣшенія родственниковъ убитыхъ ими“ были повѣшены на крестахъ [10]) и висѣлицахъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они раньше безчинствовали (какъ въ папской области еще въ 1819 г.), или же бросались на съѣденіе птицамъ (особенно въ горахъ) на дорогахъ, гдѣ они иногда доставляли проѣзжавшимъ врачамъ желанную возможность изучать внутренности человѣческаго тѣла [11]). Такъ, Галенъ видѣлъ лежащимъ на дорогѣ скелетъ одного разбойника, убитаго путешественникомъ, на котораго онъ напалъ; такъ какъ окрестные жители не погребли его, изъ ненависти къ мертвому, птицы въ два дня такъ расклевали его тѣло, что скелетъ представлялъ изъ себя поучительное зрѣлище [12]). Но все же даже и въ Италіи нельзя было окончательно вывести разбойничество. Ночью, когда, впрочемъ, обыкновенно путешествовали съ факелами (которые утромъ часто бросались еще зажженными и иногда поджигали заборы) [13]),—всякій, кто имѣлъ при себѣ болѣе или менѣе цѣнныя

---

[1]) Dio, LV, 28.—[2]) Tac., «Ann.», II, 85.—[3]) Strabo, V, 5, стр. 224 слл.—[4]) Epictet, «Diss.», IV, 1, 91.—[5]) Lucian, «Alexand.», 55.—[6]) Herodian, I, 10. Boissieu, «Inscr. de Lyon», 478, IV; a latronibu (s. in) terfecto.—[7]) Propert., III (IV), 16.—[8]) Suet., «Aug.», c. 32.—[9]) Suet., «Tiber.», c. 47.—[10]) «Digg.», XLVIII, 19, 28, § 15. Petron., c. 111.—[11]) Galen, II, стр. 385.—[12]) Id., II, стр. 221.—[13]) Ov., «Fast.», IV, 177. «Metam.», I, 493.

вещи, опасался „мечей и копій“ и пугался тѣни тростника, качавшагося при лунномъ свѣтѣ [1]). Грабители врывались также и въ дома: Плиній Старшій разсказываетъ, какъ больной сенаторъ Цэлій подвергся въ Пьяченцѣ нападенію разбойниковъ и какъ онъ былъ спасенъ своей собакой [2]). Плиній Младшій получилъ въ 106/7 году предписаніе произвести разслѣдованіе объ одномъ всадникѣ сенаторскаго ранга, который безслѣдно исчезъ во время путешествія недалеко отъ Отриколи; онъ боялся, что съ нимъ случилось то же, что съ однимъ изъ его земляковъ, который отправился со значительной суммой денегъ для того, чтобы экипировать себя какъ центуріона; ни о немъ, ни объ его рабахъ никто больше ничего не слышалъ. Оставалось подъ сомнѣніемъ, былъ ли онъ убитъ вмѣстѣ съ ними или ими самими [3]). Не только имущество, но и личность путешественниковъ была цѣнной добычей для разбойниковъ, и похищеніе людей, какъ въ Италіи, такъ и въ провинціяхъ было дѣломъ обыкновеннымъ; многіе беззащитные путники исчезали навсегда въ отвратительныхъ подземельяхъ, въ которыхъ содержались рабы крупныхъ землевладѣльцевъ. Даже днемъ конные отряды уводили пасущіяся стада [4]). Маркъ Аврелій, будучи еще наслѣдникомъ престола, разсказываетъ въ одномъ письмѣ къ Фронтону, какъ однажды пастухи, увидѣвши его со свитой, сочли ихъ за разбойниковъ, послѣ чего онъ ради шутки поскакалъ по направленію къ стаду, и одинъ пастухъ метнулъ въ него вилой [5]). Самой дурной славой пользовались все время Понтинскія болота и Галлинарскія заросли, тянувшіяся на разстояніи цѣлыхъ миль (со времени среднихъ вѣковъ называемыя pineta), гдѣ капитаны С. Помпея во время войны съ тріумвирами организовали шайки разбойниковъ [6]). Отправленія войскъ противъ жившихъ тамъ бандитовъ, совершавшіяся отъ времени до времени, приводили лишь къ тому, что они на мгновеніе исчезали оттуда и переходили въ другія мѣста, особенно часто въ самый Римъ [7]).

Кромѣ внутреннихъ войнъ и волненій, еще и другія причины усиливали разбойничество. Когда Северъ пересталъ набирать гвардію преторіанцевъ въ Италіи (что до тѣхъ поръ всегда соблюдалось), молодежь, способная къ ношенію оружія, массами стала поступать въ гладіаторы и разбойники [8]). Въ концѣ правленія Севера одинъ атаманъ, Феликсъ Булла, командовавшій шестьюстами разбойниковъ, грабилъ всю Италію и держался два года, несмотря на всѣ посылаемыя противъ него войска. Хитростью и подкупами онъ добился того, что, несмотря на высокую цѣну, обѣщанную Северомъ за его отысканіе,—„онъ оказывался невидѣннымъ, если его видѣли, ненайденнымъ, если его находили, непойманнымъ, если его захватывали“. Онъ узнавалъ ото всѣхъ, которые выѣзжали изъ Рима или пріѣзжали моремъ въ Брундизій, кто они и что везутъ съ собою; всѣхъ остальныхъ онъ отпускалъ тотчасъ же, взявъ у нихъ часть ихъ имущества, только ремесленниковъ задерживалъ на время, заставлялъ ихъ работать на себя, платилъ имъ и отпускалъ на свободу. Когда двое его товарищей были пойманы и приговорены къ сраженію со звѣрями, онъ отправился къ тюремщику, выдалъ

---

[1]) Juv., 10, 39 слл.—[2]) Plin., «N. h.», VIII, 144.—[3]) Plin., «Epp.», VI, 25.—[4]) Varro, «R. r.», II, 10, 3. «Digg.», XIX, 5, 20, § 1.—[5]) Fronto, «Epp. ad. M. C.», II, 13.—[6]) Strabo, V, 4, 4 стр., 243 с.—[7]) Juv., 3, 305 слл.—[8]) Dio, LXXIV, 2.

себя за высшаго сановника округа, нуждающагося для своего амфитеатра въ такихъ людяхъ, и сыгралъ свою роль такъ хорошо, что ихъ ему выдали. Центуріону, посланному противъ него, онъ предложилъ себя въ проводники и заманилъ его въ засаду. Здѣсь онъ далъ себя узнать, приказалъ остричь центуріону голову и поручилъ ему передать его господамъ совѣтъ лучше содержать своихъ рабовъ, чтобы тѣ не становились разбойниками. На самомъ дѣлѣ, въ его отрядахъ находилось много императорскихъ рабовъ, частью получавшихъ плохое жалованье, частью совсѣмъ не получавшихъ его. Наконецъ, Северъ, разсерженный до послѣдней степени, выслалъ противъ него трибуна императорской лейбъ-гвардіи съ большимъ коннымъ отрядомъ, который долженъ былъ, чего бы это не стоило, взять его живымъ въ плѣнъ. Трибуну удалось захватить его спящимъ въ пещерѣ, благодаря измѣнѣ его любовницы. Префекту Папиніану, къ которому онъ былъ приведенъ, онъ на вопросъ „почему ты разбойникъ?“ отвѣтилъ вопросомъ „почему ты префектъ?“. Онъ былъ растерзанъ дикими звѣрями, о чемъ было возвѣщено герольдомъ, и его шайки благодаря этому были разсѣяны съ меньшимъ трудомъ. Настолько,—говоритъ Діонъ,—сила шестисотъ была сосредоточена въ немъ одномъ [1]. — Прокулъ, который въ 280 г. выступилъ претендентомъ на престолъ, происходилъ изъ знатнаго и богатаго разбойничьяго рода въ области Альбенги въ генуэзской Ривьерѣ; онъ повелѣвалъ 2000 вооруженныхъ рабовъ [2]). Исторіи о разбойникахъ, наравнѣ съ исторіями о привидѣніяхъ и о любви, были любимымъ предметомъ тогдашней беллетристики, и разбойники играли большую роль въ античныхъ романахъ, и особенно у Апулея ясно выражается „удивленіе передъ смѣлостью, постоянствомъ, вѣрностью разбойниковъ высокаго стиля“. Какъ сильно возбуждали всеобщій интересъ крупные бандиты, видно изъ того, что такой писатель какъ Арріанъ написалъ біографію вышеупомянутаго разбойника Тиллобора.

Если, такимъ образомъ, разбойники существовали во всѣ времена и во всѣхъ частяхъ римскаго государства и часто въ большомъ количествѣ, то не слѣдуетъ забывать, что сообщенныя данныя собраны за промежутокъ многихъ столѣтій. Если бы собрать соотвѣтствующія данныя европейской литературы за три послѣднія столѣтія, то результатъ получился бы тѣмъ обширнѣе, что источники здѣсь многочисленнѣе и богаче. Прошло немного больше столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ существовали англійскіе „highwaymen“ (которые еще въ 1816 году встрѣчались на дорогѣ изъ Лондона въ Доверъ), большія шайки грабителей въ западной Германіи, и когда разбойничьи романы занимали не малое мѣсто въ нашей литературѣ. Можно даже спросить, не была ли опасность дорогъ въ странахъ по Средиземному морю и по нижнему Дунаю еще въ девятнадцатомъ столѣтіи, а частью даже и теперь, такою же какъ во времена римской имперіи; даже если не принимать во вниманіе область распространенія ислама и Грецію. Въ современной Венгріи болѣе всего занимаетъ фантазію народа и его саги „бродячій бѣднякъ“ и „грабитель-бетьяръ“. Въ 1852 г. не дали Бисмарку ѣхать безъ вооруженнаго отряда изъ Сольнока въ Кечкеметъ: въ этой мѣстности находились опаснѣйшія

[1]) Dio, LXXVI, 10.—C. I. L, VI, 234, 2.—[2]) H. A., «Procul.», c. 12.

разбойничьи гнѣзда; на Тиссѣ, гдѣ болота и пустыни дѣлали почти невозможнымъ ихъ истребленіе, прекрасно вооруженные конные отряды отъ 15 до 20 человѣкъ нападали на путешественниковъ и на жилища. Въ Сегединѣ, въ 1873 году, сидѣли въ плѣну 800 разбойниковъ и 1500 человѣкъ, названныхъ ихъ соучастниками. Но все же врядъ ли была поймана и открыта бо́льшая часть. Въ Далмаціи почти каждый мѣсяцъ слышно о томъ, что „malviventi“ спустились съ горъ, и никто ихъ не удерживаетъ. Въ округѣ Зара было 157000 жителей: здѣсь въ промежутокъ 1851—1863 гг. „было совершено 2659 нарушеній общественной безопасности, 1919 человѣкъ получили отъ злоумышленниковъ тяжелыя тѣлесныя поврежденія, 507 были убиты. Въ Верликкѣ на 21 человѣка приходился одинъ убійца. Исторія бандитства въ Италіи съ 1799 года, каморры и мафіи — одна наполнила бы цѣлые тома. Здѣсь можно напомнить только о нѣкоторыхъ, особенно характерныхъ случаяхъ. Въ папской области возстанія противъ господства французовъ были отчасти подняты грабителями и, благодаря имъ, грабители распространились. Усиленные этимъ, отряды разбойниковъ облагали десятиной землю даже послѣ возвращенія Пія VII, уводили семьи и нападали на монастыри. Когда было разорено разбойничье гнѣздо Соннино, они пошли дальше на сѣверъ, осадили Фрозиноне и Алатри, угрожали Субіако, Палестринѣ, Тиволи и даже римскимъ вилламъ огнемъ и грабежомъ. Еще хуже было въ въ Неаполитанскомъ королевствѣ послѣ возвращенія Фердинанда, который то велъ переговоры съ атаманами разбойничьихъ отрядовъ, какъ сила съ силой, то пытался избавиться отъ нихъ съ помощью измѣны. Широко распространенныя враждебныя правительству общества заключали союзы съ разбойниками, и особенно въ провинціи Отранто мирно настроенное населеніе было обложено податью въ пользу подонковъ общества и до 1818 г. безнаказанно и массами совершались величайшія преступленія. Когда въ 1861 году контръ-революція была организована въ формѣ разбойничества, отряды, сражавшіеся подъ этимъ знаменемъ, не менѣе творили ужасовъ, чѣмъ отряды кардинала Руффо, и потребовалось три года кровопролитной войны для того, чтобы ихъ совсѣмъ истребить. Всѣмъ извѣстно, какъ далеко еще до установленія полной безопасности въ нижней и въ большей части средней Италіи (особенно тамъ, гдѣ грабительство коренится въ нищетѣ массъ). Также всѣмъ извѣстно и состояніе Сициліи,—это насмѣшка надъ современной цивилизаціей. Въ 1838 году число завѣдомо признанныхъ преступниковъ, лишенныхъ защиты закона, дошло, по докладу министра полиціи маркезе-дель-Каррето, до 6000 человѣкъ. Маленькіе города внутри острова были ими съ явнымъ насиліемъ разграблены. Въ 1860 году весь общественный порядокъ Сициліи покоился на могуществѣ отдѣльныхъ личностей, и оно съ незапамятныхъ временъ проявлялось въ насиліи. Въ большей, западной части острова, разбойничество представляетъ изъ себя до нѣкоторой степени постоянный и признанный институтъ, и разбойники вмѣстѣ съ членами Мафіи—единственный авторитетъ, пользующійся всеобщимъ признаніемъ. Всѣ попытки правительства, начиная съ 1860 года, направленныя къ тому, чтобы искоренить это зло, остались безплодными и останутся таковыми, пока не удастся уничтожить его корни. Въ сентябрѣ 1866 года Палермо былъ взятъ разбойниками, которые держались въ немъ въ теченіе пяти дней. Но даже и въ успокоенной

теперь восточной части острова предводитель разбойниковъ Ньяціо Кучинотта до 1875 года пользовался тираннической властью, „въ сравненіи съ которой были благодѣтельными и справедливыми Бурбоны въ ихъ худшія времена“. Въ Сардиніи вплоть до предпринятаго въ 1899 году Пеллу подавленія разбойничества безопасность была меньшей, чѣмъ въ Турціи. Разбойничество велось въ большихъ размѣрахъ, — нападенія на дилижансы и на цѣлыя мѣстности, занятіе желѣзнодорожныхъ станцій и казармъ карабинеровъ вооруженными шайками не было рѣдкостью; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приглашали къ участію въ такихъ походахъ, и такія приглашенія считались честью. Въ Корсикѣ число бандитовъ въ 1851 году считалось равнымъ 200 человѣкъ и столько же, вѣроятно, жили бѣглецами въ Сардиніи. Въ Испаніи въ 1830 году наблюдалось невѣроятное отсутствіе безопасности. Всѣ главныя почты, за исключеніемъ почты отъ Барселоны до Перпиньяна, покупали за деньги защиту бандитовъ. По большой и оживленной дорогѣ изъ Севильи въ Кадисъ, между Санъ-Лукаромъ и Пуэрто-Санта-Марія, нельзя было путешествовать безъ сопровожденія вооруженнаго отряда. Дорога изъ Кадиса къ Гибралтару пользовалась такой дурной славой, что ѣхать по ней рѣшались лишь въ случаѣ крайней необходимости; несмотря на это, лѣтомъ 1830 года въ теченіе восьми недѣль было ограблено не менѣе 35 человѣкъ. Даже въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ никому не были обезпечены жизнь и собственность. Въ Севильѣ рѣдкая ночь обходилась безъ убійства. Также и въ Малагѣ разбойники пользовались почти совершенной безопасностью. Черезъ сорокъ лѣтъ положеніе страны не измѣнилось къ лучшему. Зимою 1869 года на маленькое мѣстечко съ цѣлебными водами въ южныхъ горахъ напалъ отрядъ разбойниковъ, разграбилъ его и разстрѣлялъ 18 человѣкъ, пользующихся водами. Въ 1842 г., т.-е. черезъ семь лѣтъ по окончаніи въ Португаліи гражданской войны, въ королевствѣ Альгарвіи около сотни герилльясовъ, такъ называемые Мигуэлисты, на самомъ же дѣлѣ обыкновенные разбойники, задержали въ ущельяхъ Серра-Мончике три тысячи солдатъ регулярныхъ войскъ. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, среди народовъ южной Европы до сихъ поръ остается въ силѣ пророчество Кассія Діона, что разбойничество не прекратится, пока человѣческая природа останется тою же.

4. Передвиженіе.

а) Передвиженіе, обусловленное природою, величиною и управленіемъ Римскаго государства.

При попыткѣ составить себѣ представленіе объ устройствѣ сообщенія въ Римскомъ государствѣ, надо прежде всего принять въ соображеніе, что уже огромное количество соединенныхъ въ немъ областей необходимо обусловливало существованіе обширной системы такового. Централизація управленія и суда имѣла послѣдствіемъ непрерывное сообщеніе всѣхъ частей государства съ Римомъ и всѣхъ частей провинцій съ резиденціями намѣстниковъ. Эти послѣдніе поддерживали постоянный обмѣнъ депешъ съ императорами, какъ это доказываетъ переписка съ Траяномъ Плинія

111—113 гг., бывшаго тогда легатомъ Виоинiи, хотя, конечно, не всѣ намѣстники обращались съ запросами въ Римъ по такимъ незначительнымъ поводамъ; равнымъ образомъ, прокураторы и управляющiе императорскимъ имуществомъ въ провинцiяхъ состояли въ постоянномъ сообщенiи со своимъ начальствомъ въ Римѣ или съ самимъ императоромъ. Должностныя лица, которыя отправлялись на свои посты или ѣхали по чрезвычайнымъ порученiямъ, постоянно бывали въ пути, и эти путешествiя, которыя часто совершались изъ болотъ Шотландiи къ Атласу, изъ городовъ Сирiи въ станы Германiи, предпринимались всегда съ большей или меньшей свитой. „Высокопоставленныя лица,—говоритъ Эпиктетъ,—сенаторы, не могутъ прирости корнями къ землѣ, не могутъ заниматься домашнимъ хозяйствомъ; они должны много ѣздить, повелѣвая или повинуясь, по важнымъ порученiямъ, по надобностямъ войны или судопроизводства“ [1]). Высшiе сановники рѣдко достигали конечной цѣли своего служебнаго поприща, не побывавъ прежде въ различныхъ земляхъ. Число провинцiаловъ, которые вели лично въ Римѣ свои дѣла, процессы (апелляцiи къ императору), или ходатайства, во всѣ времена было велико. Марцiалъ упоминаетъ одно путешествiе, предпринятое туда для прiобрѣтенiя „права трехъ дѣтей“ [2]); Эпиктетъ говоритъ, что нѣкто совершилъ морское путешествiе изъ Крита для того, чтобы быть начальникомъ города Кносса [3]). Лица, обвиненныя въ уголовныхъ преступленiяхъ и не подлежащiе суду намѣстника—(сенаторы, высшiе военные чины, декурiоны муниципiй)—были отправляемы въ Римъ; и на дорогахъ, ведущихъ туда, можно было часто встрѣтить подобныхъ людей.

Кромѣ того, въ Римѣ постоянно можно было встрѣтить посольства отъ провинцiальныхъ городовъ и окружныхъ сеймовъ; одновременно съ посольствомъ александрiйскихъ iудеевъ къ Калигулѣ, въ которомъ находился Филонъ, ожидали аудiенцiи и рѣшенiя императора послы „почти со всего мiра“ [4]). Въ греческихъ и латинскихъ надписяхъ добровольное принятiе на себя посольства къ императору упоминается чаще всего какъ услуга, которую оказываютъ состоятельные граждане своей страны; а какихъ расходовъ это требовало, можно видѣть изъ того, что по отчету Плинiя Младшаго изъ Византiи ежегодно отправлялся одинъ посолъ для привѣтствiя Траяна въ Римъ съ прогонами въ 12.000 сестерцiй (1300 р.), а другой съ привѣтствiемъ къ намѣстнику Мэзiи съ прогонами въ 3000 сестр. (320 р.). Траянъ согласился на предложенiе Плинiя, чтобы вмѣсто отправленiя посольствъ посылать привѣтственныя письма [5]); еще раньше Веспасiанъ ограничилъ число посланниковъ отъ городовъ тремя лицами [6]). Также и временныя остановки императоровъ во время путешествiй и походовъ становились средоточiями такого же оживленнаго движенiя. Мы можемъ допустить, что Августъ во время своей болѣе чѣмъ двухлѣтней остановки въ Тарраконѣ, 26—25 до Р. Хр. (какъ въ 21—20 г. на Самосѣ) принималъ въ большомъ количествѣ пословъ изъ близкихъ и далекихъ земель и со всѣхъ странъ мiра, хотя знаемъ точно только о лесбосскомъ и индiйскомъ посольствахъ. Землетрясенiе, которое

---

[1]) Epictet., «Diss.», III, 24, 36; ср. IV, 1, 91.—[2]) Martial., VIII, 31.—[3]) Epictet., «Diss.», III, 9, 6.—[4]) Philo, Leg. ad Gai. 512. M.—Ср. Tac. A. XVI, 5.—[5]) Plin. «Epist. ad Trajan.», ed. K., 44 слл.—[6]) Digg., L, 7, 4, § 6.

произошло въ Антіохіи въ 115 г., когда Траянъ проводилъ тамъ зиму, было, какъ говоритъ Діонъ, несчастіемъ для многихъ городовъ, ибо туда собирались со всѣхъ сторонъ многочисленные солдаты и частные люди для рѣшенія процессовъ или въ качествѣ пословъ, по торговымъ дѣламъ или изъ любопытства—такимъ образомъ, ни одинъ городъ и ни одна провинція не обошлись безъ потерь, и въ Антіохіи пострадало все Римское государство [1]).

Ничѣмъ не стѣсненная свобода передвиженія при прекрасномъ устройствѣ и сравнительной безопасности всегда оживленныхъ дорогъ имѣла послѣдствіемъ непрерывное движеніе впередъ и назадъ значительной части населенія: и чѣмъ дольше существовало міровое государство, охватывающее область болѣе 100.000 кв. миль, тѣмъ сложнѣе становились отношенія между различными землями, а, слѣдовательно, и мотивы, побуждавшіе жителей отлучаться на болѣе или менѣе продолжительное время. Предпріятія, дѣла, промысла, которыя не удавались въ одной провинціи, можно было начать снова въ другой или перемѣнить ихъ на болѣе выгодныя. Отецъ императора Веспасіана, Флавій Сабинъ, родомъ изъ Реате, держалъ на откупѣ $2^1/_2$%-ныя ввозныя пошлины провинціи Азіи; позднѣе онъ имѣлъ денежныя дѣла въ Гельвеціи, гдѣ и умеръ [2]). Разумѣется, сильнѣе всего было движеніе изъ провинцій въ Римъ и обратно; также было постоянно очень оживленнымъ сообщеніе провинцій между собою. Греки и малоазійцы жили во всѣхъ западныхъ провинціяхъ въ качествѣ школьныхъ учителей (какъ Асклепіадъ изъ Мирлеи въ Турдетаніи), риторовъ (какъ Лукіанъ въ Галліи) [3]), врачей (какъ фригіецъ Александръ, упомянутый Евсевіемъ среди мучениковъ въ Лугдунѣ) [4]), художниковъ и скульпторовъ (какъ литейщикъ Зенодоръ у Арверновъ, т.-е. въ Клермонѣ, во времена Нерона) [5]). Царь Иродъ іудейскій имѣлъ тѣлохранителями галловъ и германцевъ [6]). Евреи были осѣдлыми во всѣхъ частяхъ государства и безъ сомнѣнія поддерживали живыя сношенія и между собой, и со своею родиной. Изъ всѣхъ ихъ общинъ уважаемые люди отвозили въ Іерусалимъ подать во храмъ [7]); къ празднику Пасхи тысячи іудеевъ-паломниковъ отправлялись въ священный городъ. Насколько живымъ было постоянное сообщеніе христіанъ римскаго государства въ первыя столѣтія, показываютъ намъ путешествія не только миссіонеровъ, но также и другихъ выдающихся христіанъ; также былъ очень оживленнымъ обмѣнъ между ними писемъ и литературы. Само собой понятно, что во всѣхъ крупныхъ пунктахъ жили также и иностранцы; о сообщеніи, существовавшемъ между ними въ торговыхъ городахъ, будетъ рѣчь ниже. Впрочемъ, не было ни одного города, въ которомъ бы не жило много чужеземцевъ; даже на такомъ суровомъ, лишенномъ всякой культуры, ужасномъ скалистомъ островѣ, какъ Корсика, ихъ число, по свидѣтельству Сенеки, было больше числа туземцевъ [8]). Затѣмъ военная служба гнала постоянно тысячи съ ихъ родины на временное пребываніе, а подъ конецъ и на постоянныя жительства вдаль. Это продолжалось и послѣ введенія Адріаномъ рекрутскихъ наборовъ на мѣстѣ, что значительно уменьшило дальнія и дорого стоившія передвиженія

[1]) Dio, LXVIII, 24.—[2]) Sueton., «Vespasian.», c. 1.—[3]) Lucian., «Apol.», 15; cp. C. I. L. II, 1738.—[4]) Eusebius, «H. e.», V, 1, 49.—[5]) Plin., «N. h.», XXXIV, 45.—[6]) Joseph., A. J. XIII, 8, 3.—[7]) Philo, «De monarchia», II, 3.—[8]) Seneca, «Cons. ad Helv.», c. 6.

войскъ. Ибо только часть провинцій, какъ Африка и Египетъ, были въ состояніи поставлять достаточное количество людей для своихъ гарнизоновъ. Поэтому, при существованіи 300-тысячнаго войска, требовавшаго при 25 годахъ службы ежегодно 20.000 рекрутовъ, тѣ земли, которыя не нуждались совсѣмъ въ военной защитѣ, или ограничивались очень малой, или обладали избыткомъ военныхъ силъ, должны были помогать другимъ провинціямъ своими рекрутами. Такъ, Тацитъ упоминаетъ, что въ 65 году былъ произведенъ наборъ въ Нарбоннской Галліи, въ Африкѣ и въ Азіи для пополненія легіоновъ Панноніи, Мэзіи и Далмаціи [1]). Все же между западомъ и востокомъ было проведено строгое раздѣленіе. Легіоны, стоящіе на западныхъ границахъ, набирались только здѣсь, на восточной—только тамъ, хотя бывали и исключенія; и западная, и восточная армія почти никогда не мѣнялись мѣстами, что часто происходило въ другихъ случаяхъ. Впрочемъ, это не относилось къ офицерамъ: ихъ вообще много перемѣщали. Не только высшіе военные чины изъ сенаторскаго и всадническаго сословія, но также и центуріоны, которые еще во 2-мъ столѣтіи почти исключительно были родомъ изъ Италіи или изъ римскихъ военныхъ колоній, очень часто переводились изъ одного легіона въ другой,—слѣдовательно, изъ одной провинціи въ другую,—для того, чтобы сохранить въ легіонахъ однородный составъ офицеровъ римской крови. Были такіе центуріоны, которые служили послѣдовательно въ 5, 6, 7, даже въ 10 легіонахъ, или, кромѣ того, несли другой родъ военной службы. При назначеніи военнымъ трибуномъ Веттія Криспина, Стацій спрашиваетъ, будетъ ли онъ посланъ на Рейнъ или въ Африку, въ Паннонію или на Дунай, въ Іудею или въ Арменію [2]). Вообще, наборъ легіоновъ производился въ провинціяхъ съ городской цивилизаціей (въ сенатскихъ провинціяхъ). Большая часть данныхъ о родинѣ солдатъ рейнскихъ, далматскихъ, африканскихъ легіоновъ приводитъ насъ въ Нарбоннскую Галлію, Африку и Македонію; со времени Адріана люди изъ этихъ странъ, не требовавшихъ гарнизоновъ, служили въ гвардіи. Наоборотъ, вспомогательныя войска (auxilia), набирались въ императорскихъ провинціяхъ и были до нѣкоторой степени опорой императоровъ. Также наборъ экипажей во флотъ тоже производился, главнымъ образомъ, въ этихъ провинціяхъ:—именно въ Египтѣ, Сиріи, Киликіи, Каппадокіи, Виѳиніи, Понтѣ и Ѳракіи въ восточной половинѣ государства, въ Далмаціи, Сардиніи и Корсикѣ—въ западной.

Хотя экономическія и санитарныя основанія требовали использованія солдатъ на ихъ родинѣ, но отъ этого приходилось отступать по многимъ причинамъ. Провинціи, не требовавшія гарнизоновъ, поставляли свои войска въ другія, и многіе отряды отправлялись съ востока на западъ благодаря тому, что восточныя провинціи давали своихъ стрѣлковъ всей арміи;—но гораздо большую роль играли политическіе разсчеты. Области, которыя были недавно покорены или вообще почему-нибудь ненадежны, не охранялись мѣстными войсками. Въ Британніи изъ многочисленныхъ [формировавшихся тамъ отрядовъ конницы и инфантеріи стоялъ только одинъ; въ Реціи изъ 8 когортъ стояли двѣ; въ Панноніи списокъ уволенныхъ солдатъ 60 года называетъ, правда, всего 7 когортъ (слѣдовательно, далеко не всѣ тамошнія

[1]) Tac., «Ann.», XVI, 13.—[2]) Stat., «Silv.», V. 2, 132.

вспомогательныя силы); изъ нихъ, однако, ни одной съ придунайскихъ земель, но 5 изъ Испаніи и 2 съ Альпъ. Въ Дакіи въ 110 году подъ начальствомъ одного лица были собраны войска изъ Итуреи (на сѣверо-востокѣ Палестины), Испаніи, Ѳракіи, Галліи, Реціи и Британніи; въ Реціи въ 107 г. испанцы и лузитанцы, италійцы, ѳракійцы, мезійцы, галлы, батавы, бритты. Такъ-то на кладбищахъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ стояли большіе гарнизоны, лежали другъ возлѣ друга люди изъ различныхъ и далекихъ странъ государства: напр., въ Майнцѣ были найдены многочисленные могильные камни съ надписями солдатъ и офицеровъ, изъ которыхъ видно, что они происходили изъ Рейнскихъ земель, Голландіи и Брабанта, изъ Венгріи, Каринтіи, Штиріи, Тироля, Далмаціи, Румеліи, Сиріи, Испаніи, Франціи и изъ всѣхъ частей Италіи—отъ Фріуля и Пьемонта до Неаполя.

Солдаты, которые прослужили, по меньшей мѣрѣ, 16 лѣтъ въ гвардіи, 20 въ легіонахъ, 25 л. во вспомогательныхъ войскахъ и 26 во флотѣ, возвращались послѣ увольненія на родину, особенно если она находилась близко отъ мѣста ихъ послѣдней стоянки; обыкновенно же ветераны, происходившіе изъ провинцій, оставались на жительство тамъ, гдѣ они служили послѣдніе годы и гдѣ они обыкновенно заключали браки [1]). Обезпеченіе ветерановъ землею производилось въ большомъ объемѣ уже Августомъ, который послѣ Актійскаго сраженія основалъ 28 военныхъ колоній въ Италіи, а въ 14 г. до Р. Хр. заложилъ большое количество другихъ въ провинціяхъ, а именно—въ Испаніи и въ Нарбоннской Галліи, въ Африканскихъ провинціяхъ (изъ которыхъ извѣстны 11 въ обѣихъ Мавретаніяхъ), въ Сициліи, Македоніи, Ахаѣ, Азіи, Писидіи и Сиріи [2]). Позднѣйшіе императоры продолжали также награждать солдатъ, надѣясь путемъ военныхъ поселеній дать защиту и безопасность провинціямъ. Такъ, Клавдій поселилъ ветерановъ въ Кумахъ, Кёльнѣ, Сикѣ въ Далмаціи, въ Камолудунѣ въ Британіи и въ обѣихъ Мавретаніяхъ; Неронъ въ Капуѣ, Тарентѣ, Нуцеріи и Анціи; Веспасіанъ въ Авентикѣ и Деультѣ во Ѳракіи, въ Паннопіи и Палестинѣ. Гвардейцы получали обыкновенно земли въ Италіи, прочіе солдаты—въ провинціяхъ; такъ, ветераны пятаго и десятаго легіона были поселены въ Кордовѣ и въ Августѣ-Эмеритѣ въ Испаніи, второго—въ Картеннѣ (Мавретанія), двадцать второго въ Патрахъ (Ахая), пятаго и восьмого—въ Беритѣ и Геліополѣ (Сирія).

Первымъ императоромъ, учредившимъ колоніи для бѣдныхъ гражданъ, былъ Нерва, который приказалъ съ этой цѣлью купить на 60 милл. сестерцій (болѣе $6^1/_2$ милл. р.) земель и раздѣлить ихъ [3]). Нѣчто особенное представляла изъ себя колонизація завоеванной въ 106 г. провинціи Дакіи, въ которую Траянъ „отправилъ неизмѣримыя массы людей со всего римскаго государства", для того, чтобы они снова заселили и обработали эту страну, совершенно опустошенную и обезлюдѣвшую послѣ войны [4]). Среди этихъ невоенныхъ колонистовъ Дакіи мы знаемъ пирустовъ изъ Далмаціи, свѣдущихъ въ горномъ дѣлѣ, пришедшихъ для разработки золотыхъ рудниковъ возлѣ теперешней Абрудбаньи; большую часть обыкновенныхъ рудокоповъ

[1]) Mommsen, C. I. L., III. 2, стр. 916.—[2]) «Res gestae divi Augusti», стр. 119.—[3]) Dio, LVIII, 2.—[4]) Eutrop., III, 3.

поставляла, конечно, сосѣдняя Паннонія; все же главный составъ поселенцевъ происходилъ изъ Сиріи и Малой Азіи (изъ Азіи, Виѳиніи, Каріи, Галатіи), такъ что тамъ, какъ въ нынѣшней Трансильваніи, сошлись вмѣстѣ и смѣшались различнѣйшія народности. Впрочемъ, несмотря на такой составъ населенія городовъ Дакіи, „она всегда оставалась военной границей, заселенной активными и отставными солдатами, и городскія общины, которыя постепенно возникали здѣсь въ сознаніи все увеличивающейся безопасности, не отрицаютъ своего происхожденія изъ поселеній ветерановъ, маркитантовъ и другихъ лицъ, имѣвшихъ отношеніе къ войску“ (Гиршфельдъ).

Ясно, какъ сильно содѣйствовали эти колоніи, заложенныя во всѣхъ частяхъ государства, ассимиляціи покореннаго туземнаго населенія и романизаціи провинцій; также ясно, что постоянныя переселенія многочисленныхъ колонистовъ изъ ихъ родныхъ земель въ другія страны вели за собой усиленіе и разнообразіе движенія.

Что и письменное сообщеніе въ Римскомъ государствѣ было болѣе оживленнымъ, чѣмъ можно было бы ожидать, зная объ отсутствіи тамъ почты для частныхъ писемъ,—можно заключить изъ того, что такой знаменитый врачъ, какъ Галенъ, могъ переписываться съ лицами, жившими въ различнѣйшихъ провинціяхъ. Къ нему обращались письменно за совѣтомъ (вѣроятно во время его пребыванія въ Римѣ) страдающіе глазами изъ Азіи, Галліи, Испаніи и Ѳракіи; онъ просилъ ихъ тогда отвѣтить ему на нѣкоторые вопросы, касающіеся болѣзни, затѣмъ посылалъ лекарство и такимъ образомъ вылѣчивалъ своихъ паціентовъ и другихъ больныхъ тамъ же на мѣстѣ ихъ жительства, не видя ихъ. Кромѣ того, онъ получалъ ежегодно посылки съ разными необходимыми для медицины матеріалами частью отъ друзей, частью черезъ посредство императорскихъ и сенатскихъ намѣстниковъ изъ Сиріи, Палестины, Египта, Каппадокіи, Понта, Македоніи, Галліи, Испаніи и Мавретаніи. Во время Августа римскіе книготорговцы посылали книги въ заморскія провинціи—въ Африку и въ Испанію, но также и болѣе тяжелые транспорты и посылки шли постоянно во всѣхъ направленіяхъ. Посылка минеральной воды (изъ цѣлебнаго источника, возлѣ Сантандера), засвидѣтельствованная однажды, безъ сомнѣнія, происходила чаще. На существованіе оживленнаго обмѣна продуктами сельскаго хозяйства между различными провинціями указываетъ сообщеніе Плинія, что стаи живыхъ гусей перегонялись изъ Булони за Альпы [1]). Распространеніе фруктовыхъ деревьевъ изъ Италіи по провинціямъ совершалось временами съ поразительной быстротой: уже черезъ четыре года послѣ завоеванія Британніи тамъ было посажено вишневое дерево. О массовыхъ транспортахъ животныхъ, часто крупныхъ и дикихъ, изъ дальнихъ странъ ради травли на аренѣ въ Римъ и въ главные центры провинцій—рѣчь будетъ ниже. Если въ концѣ IV-го столѣтія для игръ въ Антіохіи въ Сиріи были приведены лошади изъ Испаніи, то можно принять, что происходила постоянно въ большихъ размѣрахъ пересылка лучшихъ и благороднѣйшихъ лошадей—каппадокійскихъ и африканскихъ—для разведенія и для бѣговъ.

---

[1]) Plin., «N. h.», X, 52.

б) Торговое движеніе.

α. Торговыя путешествія.

Если все устройство сообщенія въ римскомъ государствѣ такъ сильно выросло со времени основанія монархіи, какъ въ объемѣ, такъ и въ оживленности, то безъ сомнѣнія сильнѣе всего былъ подъемъ торговаго движенія, на ростъ котораго сильно вліяли, кромѣ безопасности и удобства системы дорогъ, еще многія существенныя условія. Римское государство заключало въ себѣ часть богатѣйшихъ и благословеннѣйшихъ странъ земли, изъ которыхъ многія въ теченіе этихъ столѣтій наслаждались такой культурой и благосостояніемъ, какихъ они, какъ уже было сказано, потомъ никогда не достигли. Оно было одновременно величайшей изъ когда-либо существовавшихъ областей свободной торговли и обладало на всемъ своемъ протяженіи всѣми выгодами единства монеты, мѣръ и вѣсовъ. „Весьма вѣроятно, что римскій денарій еще во время республики былъ единственной всюду принимаемой монетой, такъ что имъ можно было расплачиваться повсюду, въ Италіи также, какъ и въ Испаніи и въ Сиріи. Нововведеніе Августа состояло очевидно въ томъ, что онъ предписалъ выражать въ денаріяхъ всѣ государственные счета и смѣты“ (Моммзенъ). Только Египетъ, въ которомъ даже и во время имперіи считали на драхмы, удержалъ также и въ этомъ свое исключительное положеніе. Въ той половинѣ государства, которая позднѣе стала западной римской имперіей, денарій былъ единственной серебряной монетой, въ восточной на ряду съ нимъ существовали и старинныя серебряныя деньги, какъ провинціальная монета. Государственныя мѣдныя деньги были безъ сомнѣнія въ ходу во всей имперіи, но, повидимому, менѣе употреблялись на востокѣ въ сравненіи съ мѣстной мелкой монетой. Золотая имперская монета была единою.

Римская монета цѣнилась и была въ ходу также и далеко за предѣлами государства. Въ правленіе императора Клавдія пришло въ Римъ посольство съ острова Цейлона, приведенное отпущенникомъ Аннея Плокама, откупщика пошлинъ на Красномъ морѣ. Этотъ послѣдній, объѣзжая моремъ Аравію, былъ занесенъ на Цейлонъ и побудилъ мѣстнаго князя искать дружбы императора; тотъ уже раньше много удивлялся римлянамъ, глядя на ихъ денаріи: они были всѣ одного вѣса, несмотря на то, что ихъ изображенія указывали на чеканку ихъ различными императорами [1]. „Со времени Нерона (при которомъ начали сильно портить серебряную монету) больше не было уже повода для такого удивленія“ [2]. Свободные германцы, которые предпочитали золоту серебро, болѣе удобное для ихъ торговли, съ тѣхъ поръ охотнѣе всего принимали плату въ старыхъ зазубренныхъ денаріяхъ республиканскаго времени съ печатью колесницы; позднѣйшія находки монетъ подтверждаютъ, „что даже потертый республиканскій денарій лучше шелъ къ сѣверу отъ Альпъ, чѣмъ столь же хорошій ранняго императорскаго времени, повидимому потому, что только его можно было сразу отличить отъ Нероновскаго“ [3].

---

[1]) Plin., «N. h.», VI, 84, t. I, 4.—[2]) Mommsen, «Gesch. d. röm. Münzwesens», стр. 775.—[3]) Mommsen, ibid., стр. 741 сл. Tac. Germ. 5.

Для торговыхъ предпріятій за границею могущество и обаяніе мірового государства доставляло повсюду значительную защиту его представителямъ. Уже Цицеронъ могъ сказать, что благородное и знаменитое среди всѣхъ имя римскаго гражданина оказывало услугу даже неизвѣстному у варваровъ, у окраинныхъ и далекихъ народовъ, у индійцевъ и персовъ, и поэтому весь міръ съ давнихъ временъ былъ открытъ для римлянъ [1]). Въ гораздо большей степени это можно отнести ко времени монархіи. Тогдашній купеческій міръ, нашедшій уже готовыми главные пути торговли въ трехъ частяхъ свѣта, благодаря безпримѣрно благопріятному стеченію всѣхъ обстоятельствъ, чувствовалъ себя въ состояніи расширять и увеличивать число этихъ путей, и направляться по нимъ съ новыми и лучшими надеждами. Ему достались въ невиданномъ до тѣхъ поръ объемѣ огромныя выгоды міровой торговли, доходность которой для европейскихъ націй покоится на томъ, что она ведется съ менѣе культурными народами и увеличивается съ ростомъ культурнаго различія. Доходы тогдашней римской міровой торговли должны были быть также велики или больше чѣмъ доходы современной великобританской, французской, бельгійской и нидерландской торговли, которые внутри Европы считаются среднимъ числомъ въ 10 процентовъ, во внѣевропейскомъ обращеніи въ 29%, для Британской Индіи 35, Явы $33^1/_2$, Китая 58, Японіи 66. Расширеніе міровой торговли (на ряду съ продолжительнымъ миромъ, съ эксплуатаціей столь многихъ новыхъ провинцій и съ вѣроятно усиленной быстротой денежнаго обращенія) было, конечно, главной причиной того, что во времена имперіи богатство страны было много больше, чѣмъ даже въ послѣднее время республики, которое уже Плинію Старшему казалось въ сравненіи съ настоящимъ временемъ бѣдностью. Хотя мы обладаемъ лишь скудными и разбросанными свѣдѣніями о римской морской и сухопутной торговлѣ этого времени, все же они достаточны для того, чтобы дать намъ полное представленіе объ ея ширинѣ, оживленности и многообразіи.

Тогда гораздо болѣе, чѣмъ теперь, купецъ былъ принужденъ проводить значительную часть своего времени въ путешествіяхъ. Именно въ торговлѣ во многихъ случаяхъ, если не въ большинствѣ ихъ, надо было вступать въ личное общеніе тамъ, гдѣ теперь довольствуются письменнымъ. Прежде чѣмъ вступить въ торговыя сношенія, надо было познакомиться лично, лично освѣдомиться о состояніи чужеземныхъ рынковъ—„совсѣмъ такъ же, какъ въ средніе вѣка до установленія регулярной почты, нѣмецкіе купцы съ этой же цѣлью ѣздили лично въ Антверпенъ, Брюссель, Амстердамъ, Аугсбургъ и т. д.“ [1]).

„Берегись,—обращается Горацій къ купцу,—чтобы другой не занялъ прежде тебя гавани, и ты не потерялъ виѳинскихъ и кибиратскихъ товаровъ [2]) (желѣзныхъ издѣлій и куреній)“. „Спѣши,—зоветъ его Алчность (у Персія),—привози соленую рыбу, паклю, черное дерево, ладанъ, косскія ткани съ Чернаго моря, первый снимай мѣшки съ перцемъ съ жаждущихъ верблюдовъ“ [3]). Ювеналъ говоритъ о морскихъ поѣздкахъ въ Киликію и въ Критъ для закупки шафрана и вина изъ изюма [4]). Такъ, по Горацію, „блуждающій тор-

[1]) Stephan, «Das Verkehrsleben in Altertum», 28.—[2]) Horat., «Epist.», I, 6, 32.—[3]) Persius, 5, 132 слл.—[4]) Juvenal. 14, 267 слл. и 293.

говецъ" ѣздилъ съ востока на западъ, отъ холодныхъ поясовъ къ горячимъ и подвергался даже опасностямъ зимняго путешествія по морю [1]). Онъ провозилъ черезъ города (по одному нѣсколько болѣе позднему поэту) свое состояніе, превращенное въ заграничные товары, узнавалъ о потеряхъ въ зернѣ, причиненныхъ пожарами, и довѣрялъ тогда свои сокровища вѣтрамъ. Онъ продавалъ всему міру блага всего міра, заключалъ торговыя сношенія въ незнакомыхъ странахъ и подъ новымъ солнцемъ пріобрѣталъ новыя богатства [2]). „Неизмѣримое множество,—говоритъ Плиній,—плаваетъ ради выгоды по всѣмъ сколько-нибудь доступнымъ морямъ" [3]). Случайно сохранившаяся, уже упомянутая могильная надпись одного торговца изъ Гіераполя во Фригіи, Флавія Зевксида, который хвалится, что онъ 72 раза проѣхалъ изъ Италіи мимо Малеи, позволяетъ допустить, что многіе торговцы и негоціанты изъ года въ годъ предпринимали опасныя морскія путешествія. Трактаты Талмуда упоминаютъ о торговыхъ поѣздкахъ палестинскихъ евреевъ въ Римъ и въ Испанію. Горацій, говоря, что купецъ посѣщаетъ три или четыре раза въ годъ Атлантическій океанъ, вѣроятно имѣетъ въ виду Гады, торговыя сношенія которыхъ съ Италіей были самыми оживленными [4]). Нѣкій Октавій Агаѳонъ говоритъ въ своей могильной надписи, найденной въ Путеолахъ, что онъ здѣсь отдыхаетъ отъ утомительныхъ путешествій съ востока на западъ [5]).

Не только Средиземное и Черное моря, но и Атлантическій океанъ былъ оживленъ римскими кораблями [6]). „Посмотри,—говоритъ Ювеналъ,—на гавани и на море, наполненное большими кораблями; тамъ почти больше людей, чѣмъ на сушѣ; куда влечетъ постоянно надежда на выгоду, туда устремляются цѣлыя толпы; онѣ переѣзжаютъ не только Архипелагъ и африканскія воды, но оставляютъ также далеко за собой Калпу (Гибралтаръ) и слышатъ, какъ шипитъ солнце, погружаясь въ море" [7]). „День за днемъ, безъ перерыва,—говоритъ Аристидъ,—ѣдутъ грузовые корабли и торговцы черезъ оба моря (Средиземное и Атлантическій океанъ), и въ Британнію переправляются не только должностныя лица и войска, но и „безчисленные частные люди" (безъ сомнѣнія по дѣламъ торговли)" [8]). Уже въ правленіе Августа, которому присягнули на вѣрность многіе правители острова, римляне путешествовали тамъ какъ по своей землѣ [9]), и уже при Домиціанѣ также и гавани Ирландіи были извѣстны благодаря торговымъ сношеніямъ [10]).

Новая эра римской торговли наступила съ завоеваніемъ Египта, которое открыло ей путь въ Индію. „Купцы, — говоритъ Плиній,—нашли кратчайшую дорогу, и такимъ образомъ Индія благодаря стремленію къ наживѣ приблизилась къ намъ. Гиппаломъ звали моряка (греко-египтянина), который (въ I в. до Р. Хр.) впервые использовалъ для переѣзда открытымъ моремъ въ Индію юго-западный муссонъ, позднѣе названный его именемъ" [11]). Путешествіе начиналось обыкновенно въ серединѣ лѣта; выѣзжали изъ Александріи и ѣхали Ниломъ вверхъ по теченію до Копта, что при благо-

[1]) Hor., «Ars. poet.», 117.—Carm., III, 24, 35, Sat., I, 4, 29. 1, 6, Ep., II, 16, 71; ср. Carm, I, 1, 15. Seneca, «Brev. Vit.», 2, 1.—[2]) Manil., «Astr.», IV, 162 слл.—[3]) Plin. «N. h.», II, 118.—[4]) Hor., «Carm.», I, 31, 13—15.—[5]) C. I. L., VIII, 5, 749.—[6]) Seneca, Qu. nat., 2, 24.—[7]) Juv., 14, 287 слл;—[8]) Aristid, «Or.», XLVIII, стр. 355.—[9]) Strabo, IV, стр. 200.—[10]) Tac., «Agric.», c. 24.—[11]) Plin., «N. h.», VI, 101, 104.

пріятномъ вѣтрѣ требовало 12 дней. Здѣсь тюки съ товарами нагружались на верблюдовъ и караваны шли частью на сѣверо-востокъ до Myos-Hormos, частью на юго-востокъ до Вереники, очень оживленнаго приморскаго города съ большими магазинами и караванъ-сараями; путешествіе требовало 12 дней [1]). Сообщеніе перешло постепенно съ первой дороги, болѣе извѣстной во время Страбона, ко второй, которая во время Плинія была почти единственной; черезъ нее шла вся торговля съ Аравіей, Индіей и Эѳіопіей и поэтому она охранялась римскими гарнизонами. Путешествія каравановъ черезъ верхнеегипетскую пустыню происходили лѣтомъ вслѣдствіе жары по ночамъ. „Глядя на звѣзды,—говоритъ Страбонъ,—они шли отъ одного водоема до другого и отдыхали днемъ". Уже во время Августа были устроены на извѣстныхъ мѣстахъ дорогъ, ведущихъ къ Міосъ-Гормосъ и къ Вереникѣ, колодцы и цистерны. Изъ перваго уже во время Страбона отплывало 120 кораблей черезъ Аравійскій заливъ въ Индію [2]); какъ сообщаетъ Плиній, они были снабжены стрѣлками для защиты отъ пиратовъ, среди которыхъ аскиты южной Аравіи, плававшіе на связанныхъ бычьихъ мѣхахъ, пользовались отравленными стрѣлами. Во время Плинія пріѣзжали изъ Вереники въ Окелиду въ Аравіи на южномъ концѣ Чермнаго моря или въ Кану на южномъ берегу Аравіи на 30-ый день, оттуда въ 40 дней въ гавань Музирасъ на Малабарскомъ берегу (вѣроятно Мангалуру), въ которой, впрочемъ, не останавливались изъ-за близости пиратовъ и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ, но продолжали путешествіе до гавани Бараки (Баригаза), лежащей нѣсколько южнѣе. Спѣшили разгрузиться и нагрузиться, чтобы еще въ декабрѣ отправиться съ сѣверо-восточнымъ муссономъ къ Чермному морю, а тамъ пользовались южными вѣтрами, которые господствовали тамъ до Вереники. Такимъ образомъ, дорогу изъ Александріи въ Индію, которая теперь требуетъ 18 дней, совершали въ 94 дня; все же путешествіе туда и обратно могло продолжаться отъ шести до семи мѣсяцевъ (отъ лѣтняго солнцеповорота до февраля слѣдующаго года).

Совершенно немыслимо, чтобы купцы Италіи и западныхъ провинцій предоставили долгое время пользоваться колоссальными выгодами этой торговли однимъ грекамъ и египтянамъ. Безъ сомнѣнія, надо буквально понимать слова Горація, что купецъ бодро ѣздитъ къ далекимъ индійцамъ [3]); также и Сенека, говоря въ своемъ разсужденіи о маломъ объемѣ земли, что между самымъ дальнимъ берегомъ Испаніи и Индіи при благопріятномъ вѣтрѣ лежитъ разстояніе лишь немногихъ дней — врядъ ли могъ бы употребить эту гиперболу, если бы въ то время, на самомъ дѣлѣ, уже не былъ извѣстенъ этотъ путь [4]). Уже знакомство Плинія Старшаго съ произведеніями природы передней Индіи указываетъ на то, что къ его времени тамъ перебывало уже безчисленное множество греческихъ и римскихъ купцовъ, на основаніи устныхъ и письменныхъ сообщеній которыхъ онъ давалъ свои свѣдѣнія. Дошедшій до насъ „Periplus maris Erythraei", лоцманская книга для александрійскихъ купцовъ, которые ѣздили къ восточному берегу Африки до предгорья Рапта (Кильва?) по ту сторону острова Занзибара и

[1]) По Діодору, III, 34, многіе пріѣзжали въ Эѳіопію на 10 день.—[2]) Strabo, II, 4, стр. 118.—[3]) Hor., «Epp.», I, 1, 45.—[4]) Seneca, «Qu. nat.», I, prol. 13.

къ Малабарскому берегу,—составлена во время Веспасіана. Діонисій, авторъ поэтическаго описанія міра, жившій въ правленіе Адріана, говоритъ, что онъ не купецъ и не мореплаватель и не ѣздитъ черезъ Индійскій океанъ къ Гангу, „какъ столь многіе, ставящіе на карту жизнь для того, чтобы заработать неизмѣримое богатство“ [1]).

Значительное развитіе и расширеніе торговыхъ сношеній между римскимъ государствомъ и Индіей видно изъ составленной около середины второго вѣка географіи Птолемея, „имѣвшаго уже въ своемъ распоряженіи отчеты о путешествіяхъ, въ которыхъ были даны въ стадіяхъ разстоянія мѣстъ не только отъ мыса Кори, до устьевъ Ганга, но также и оттуда къ Золотому полуострову, или Малаккѣ, и оттуда въ Каттигару“. Также и многочисленные греческіе переводы названій индійскихъ городовъ въ сочиненіи Птолемея указываютъ на оживленныя сношенія съ этими мѣстами греческихъ и египетскихъ купцовъ, которые, повидимому, оставались тамъ надолго, какъ въ Южной Аравіи или на островѣ Сокоторѣ. Птолемей имѣлъ свѣдѣнія о положеніи индійской гавани Симиллы въ бухтѣ Баригаза, „отъ тѣхъ, которые ѣздили туда и очень долгое время постоянно посѣщали эти страны, также и отъ тѣхъ, которые пріѣхали къ намъ оттуда“. Въ Пенджабѣ и вообще въ передней Индіи нерѣдко встрѣчаются римскія монеты, а именно золотыя монеты императорскаго времени, денаріи послѣдняго времени республики и начала Имперіи и александрійскіе тетрадрахмы. „Замѣчательнымъ образомъ здѣсь былъ особенно распространенъ денарій времени Августа съ изображеніями его пріемныхъ сыновей Гая и Луція; очень возможно, что этотъ сортъ предназначался спеціально для торговли съ Индіей, гдѣ, конечно, не такъ легко какъ на родинѣ различали хорошіе денаріи отъ плохихъ“ (Моммзенъ). Въ руинахъ стараго города возлѣ Мантотте на Цейлонѣ найдено много монетъ императорскаго времени отъ Августа до Антониновъ. Дальше Цейлона и мыса Коморина римскія монеты встрѣчаются очень рѣдко.

Земля серовъ, въ представленіи Плинія и Страбона, лежала тамъ, гдѣ караваны, везущіе шелкъ, вступали на почву извѣстнаго міра,—въ Тохаристанѣ, который еще принадлежалъ ко греко-бактрійской области. „Послы съ Цейлона къ императору Клавдію сообщили,—говоритъ Плиній,—такъ же, какъ и наши купцы, что товары для серовъ они клали съ цѣлью обмѣна на берегу рѣки возлѣ шелка, и серы уносили ихъ, если были довольны мѣною“ [2]). Но географъ Маринъ Тирскій (самое позднее въ первой половинѣ II-го вѣка) имѣлъ уже описаніе караваннаго пути въ Китай, составленное македонскимъ купцомъ Маесомъ, по прозвищу Тиціаномъ, который снарядилъ экспедицію въ серскій городъ Исседонъ. Его караванъ отправился изъ Балха въ сѣверо-восточномъ направленіи приблизительно до Гиссара, оттуда прошелъ черезъ начинающуюся на востокѣ горную область до Сурхаба, гдѣ начинается ущелье Комедовъ (Каратегинъ). Непосредственно по ту сторону тѣснины, гдѣ горы отступаютъ, находилась часто искомая „каменная башня“, теперь „руины крѣпости“ Дараутъ Курганъ; на той же широтѣ (43°), прямо на востокъ, находилось мѣсто, изъ котораго отправлялись караваны, идущіе въ землю серовъ,—Кашгаръ. Оттуда „шелковая дорога“ вела въ далекую

[1]) Dionys., «Perieges.», 109 сл.—[2]) Plin., «N. h.», IV, 88.

„столицу серовъ“, вѣроятно Син-ган-фу. Въ провинціи Шанси найдено 16 римскихъ монетъ изъ времени отъ Тиберія до Авреліана. По китайскимъ отчетамъ, предметами ввоза изъ Рима были ковры, стеклянныя издѣлія, металлы, краски, драгоцѣнные камни, геммы, янтарь, кораллы, аптекарскіе товары и др. Впрочемъ (судя по одному китайскому сочиненію о растеніяхъ, привезенныхъ по морю, написанному въ 300 г.), Кантонъ былъ уже тогда открытъ для чужеземцевъ.

Оффиціальныя исторіи китайскихъ династій содержатъ въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о сношеніяхъ Китая съ Ан-си (Пароіей) и съ Та-Тзиномъ (Большой Тзинъ), — подъ которымъ подразумѣвается восточная часть римскаго государства (особенно Сирія). Въ 120 году по Р. Хр. пароянскій царь послалъ шутовъ и музыкантовъ къ китайскому двору, гдѣ они дали представленіе императору Ан-ти на новый годъ 121. Въ октябрѣ 166 года пришло моремъ посольство отъ Ан-туна (Марка Антонина), царя Та-Тзина, къ императору Хуанъ-ти. По китайскому отчету, цари Та-Тзина съ давнихъ поръ имѣли желаніе отправлять посольства въ Китай, но прямому сношенію между обоими государствами препятствовали Ан-си, которые хотѣли удержать за собой посредничество въ торговлѣ китайскимъ шелкомъ. Возможно, что этими „послами“ были купцы, присвоивавшіе себѣ оффиціальный характеръ; за это говорятъ также и привезенные ими, ни въ коемъ случаѣ не царскіе подарки (зубы слоновъ, рога носороговъ, щиты черепахъ). Также и мнимое посольство изъ Та-Тзина, привезшее въ 284 году въ подарокъ императору 30 000 свертковъ бумаги, слѣдуетъ считать посольствомъ сирійскихъ или александрійскихъ купцовъ. Съ другой стороны, исторіографы сообщаютъ о двухъ посольствахъ изъ Китая въ Та-Тзинъ, изъ которыхъ, впрочемъ, ни одно не достигло цѣли. Посланный въ 97 году Канъ-Іингъ, прибылъ лишь на берегъ Персидскаго залива. Въ 226 году къ китайскому императору былъ приведенъ сирійскій купецъ, котораго китайскій чиновникъ долженъ былъ проводить обратно въ Та-Тзинъ. По совѣту сирійца, этотъ послѣдній долженъ былъ передать подарокъ царю этой страны, состоящій изъ десяти карликовъ и десяти карлицъ, но онъ умеръ на пути. Все-таки и въ Китаѣ могли собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о Та-Тзинѣ: объ употребленіи тамъ кристалла (стекла) для архитектурныхъ декорацій, о большихъ дорогахъ и о почтовыхъ учрежденіяхъ (подобныхъ китайскимъ); о львахъ и тиграхъ, которые дѣлали опасными дороги (въ Месопотаміи), также и объ амазонкахъ и о пигмеяхъ (живущихъ на югѣ Та-Тзина). О главномъ городѣ Та-Тзина, Ан-Ту (Антіохіи), знали, что онъ состоялъ изъ четырехъ обнесенныхъ стѣнами городовъ и сверхъ того былъ окруженъ высокою каменною стѣною; также и то, что тамъ было искусственное приспособленіе объявленія 12 часовъ дня черезъ паденіе золотого ядра.

Знакомство съ сѣверомъ Европы было открыто римлянамъ лишь отчасти благодаря торговлѣ янтаремъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, берегъ Балтійскаго моря былъ извѣстенъ и посѣщаемъ еще задолго до римскаго періода, и мы знаемъ также отъ Плинія объ одномъ путешествіи, предпринятомъ туда въ первомъ столѣтіи. Въ правленіе Веспасіана жилъ еще одинъ римскій всадникъ, который былъ туда посланъ для того, чтобы закупить въ массахъ янтарь для гладіаторскихъ игръ императора Нерона. Отправившись изъ Карнунта (Петро-

нелль возлѣ Вѣны), онъ объѣхалъ главные торговые пункты и берега Балтійскаго моря, относительно которыхъ отъ него впервые узнали въ Римѣ нѣчто опредѣленное, а именно, что разстояніе ихъ отъ Карнунта равно 600 римскимъ (120 геогр.) милямъ. Вѣроятно, это посѣщеніе страны янтаря римляниномъ осталось единственнымъ; большой частью янтарь попадалъ на югъ косвеннымъ путемъ. Возможно, что онъ былъ лишь частью и притомъ не большой всей торговли съ сѣверомъ. Ибо римскія монеты и фабрикаты (особенно бронзовыя издѣлія) распространены по всему сѣверу Германіи (отъ Западной Пруссіи вплоть до Ганновера), также какъ и въ Даніи, южной Швеціи и Норвегіи. Нахожденія монетъ въ этихъ странахъ свидѣтельствуютъ о продолжительныхъ оживленныхъ сношеніяхъ съ римскимъ міромъ, а распредѣленіе ихъ по мѣстностямъ показываетъ направленіе торговыхъ путей вдоль большихъ рѣкъ и черезъ нихъ въ высокія и сухія земли, лежащія между ними. Изъ Силезіи (въ южной части которой найдены древнѣйшія римскія монеты изъ времени республики), повидимому, шли дороги на югъ черезъ Моравію и Богемію, а оттуда въ Римское государство и къ Адріатическому морю.

Римскія монеты, найденныя въ восточной Пруссіи отчасти спорадически, отчасти большими количествами (изъ чего прежде заключали о прямой торговлѣ янтаремъ съ римлянами)—могли проникнуть туда самое раннее съ конца II-го вѣка, вѣроятно, вслѣдствіе передвиженій народовъ, которыя сказались впервые въ маркоманской войнѣ. Ибо къ этому времени, не раньше, слѣдуетъ отнести могилы, въ которыхъ исключительно и попадаются монеты и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно новыя формы украшеній.

Между тѣмъ, какъ торговля римлянъ съ сѣверомъ доказана безчисленными находками монетъ и фабрикатовъ въ такой большой области и такъ богато, что мы не только можемъ считать вѣроятными частыя путешествія купцовъ и агентовъ, выходящія далеко за предѣлы римскаго государства, но также и временное поселеніе ихъ на жительство въ варварскихъ земляхъ, — въ литературѣ лишь одинъ разъ упоминается о подобномъ предпріятіи у Тацита. Уже въ 19 году по Р. Хр., римляне, ворвавшіеся въ крѣпость маркоманскаго князя Марбода, нашли тамъ купцовъ и маркитантовъ изъ римскихъ провинцій, „которыхъ перенесли съ родныхъ мѣстъ въ непріятельскую землю сначала свобода торговли (вслѣдствіе одного договора), затѣмъ—страсть къ выгодѣ и, наконецъ, забвеніе отечества“ [1]).

Если уже въ первыя два столѣтія совершались такія большія торговыя путешествія и притомъ отчасти регулярно, то можно допустить, что гораздо чаще римскіе, греческіе и египетскіе купцы посѣщали менѣе отдаленные пункты внѣ границъ государства. Уже во время Страбона цѣлые флоты отправлялись изъ Александріи въ дальнюю Эѳіопію [2]) и въ землю троглодитовъ. Коптъ въ верхнемъ Египтѣ былъ полонъ купцами, которые ѣхали въ Эѳіопію и Индію [3]). Діодоръ даетъ описанія ихтіофаговъ южной Аравіи, основываясь на свидѣтельствахъ египетскихъ купцовъ, которые приставали къ ихъ берегамъ [4]). Отъ Птолемея-Ѳерона (на эѳіопскомъ берегу Чермнаго

[1]) Tac., «A.», II, 62.—[2]) Strabo, XVII, 1, 13.—[3]) Xenophon, «Ephes.», IV, 1, 31.—[4]) Diod., III, 18.

моря) до Адулы, главной гавани земли троглодитовъ и Эѳіопіи (въ бухтѣ къ югу отъ Массауа) поѣздка, по Плинію, продолжалась пять дней; въ Адулу привозили изъ глубины страны очень много слоновой кости, зубовъ посороговъ, шкуръ гиппопотамовъ, черепахъ, обезьянъ и рабовъ. Но купцы заѣзжали и много далѣе на югъ: въ гавань Исиды, находящуюся на десятидневномъ разстояніи отъ Адулы (къ югу отъ Бабельмандебскаго пролива), откуда троглодиты привозили мирру, и въ гавань моссиловъ (противъ южнаго берега Аравіи)—главное мѣсто для торговли корицей и александрійскимъ листомъ [1]). Въ самую южную станцію на восточно-африканскомъ берегу, извѣстную египетскимъ купцамъ (Раптъ близъ Занзибара), плыли во время Веспасіана, по крайней мѣрѣ, торговые корабли изъ Музы въ южной Аравіи. О разстояніи города Харакса Спасину (вблизи устья Тигра) отъ берега Персидскаго залива было извѣстно впервые достовѣрнымъ образомъ со словъ ѣздившихъ туда римскихъ купцовъ [2]); можетъ быть, они ѣздили съ караванами (συνοδίαι) изъ Пальмиры: эти путешествія къ Персидскому заливу засвидѣтельствованы многократно для II и III столѣтій. Въ Петрѣ въ Аравіи, другъ Страбона, философъ Аѳинодоръ, нашелъ также и многихъ римлянъ среди другихъ чужестранцевъ, которые жили тамъ ради торговли [3]). Обитатели острова Діоскорида (Сокоторы у мыса Гвардафуи) были, по лоцманской книгѣ Ериѳрейскаго моря,—смѣсью арабовъ, индійцевъ и (египетскихъ) грековъ, которые предпринимали торговыя поѣздки въ эти моря [4]).

Еще до завоеванія „длинноволосой“ Галліи Цезаремъ, римскіе купцы, повидимому, ѣздили туда, частью изъ римской провинціи Нарбонской Галліи, частью изъ Италіи черезъ Большой Бернардъ (гдѣ переходъ покупался съ большими опасностями и уплатою даровъ у жившихъ кругомъ племенъ) [5]) и доходили иногда до дикихъ белговъ [6]). Особенно выгоднымъ предпріятіемъ для италійскихъ купцовъ въ Галліи была торговля виномъ, которое они отчасти сплавляли туда по рѣкамъ, отчасти же перевозили по сушѣ: за бочку вина кельты давали раба [7]). Вѣроятно, уже во время походовъ Цезаря были во всѣхъ большихъ городахъ страны поселенія римскихъ купцовъ—въ Ценабѣ (Орлеанѣ), Кабиллонѣ (Шалонѣ), Новіодунѣ (Неверѣ) [8]); вѣроятно, они селились тамъ раньше, подобно тому, какъ еще въ послѣднія времена республики ихъ было много во всѣхъ крупныхъ пунктахъ внѣшней торговли: на Делосѣ, въ Александріи, въ нумидійской Цциртѣ [9]). Походъ Марка Виниція въ 25 г. до Р. Хр. противъ кельтскихъ племенъ былъ вызванъ тѣмъ, что римскіе купцы были убиты этими варварами [10]). На восточномъ берегу Чернаго моря Траянъ приказалъ поставить цѣпь военныхъ постовъ [11]). Арріанъ нашелъ тамъ одно укрѣпленіе возлѣ устья Фазиса, съ 900 отборныхъ солдатъ, лежащее на очень выгодномъ мѣстѣ для защиты судоходства; для защиты жившихъ внѣ его ветерановъ и купцовъ, а также и гавани, онъ приказалъ вырыть ровъ отъ крѣпости до рѣки [12]). Въ Діоскуріадѣ (Севастополѣ Кавказскомъ), почти опустѣвшей во время Плинія, нѣкогда бывшей главнымъ рынкомъ кавказ-

---

[1]) Plin., «N. h.», VI, 173 слл.—[2]) Plin., «N. h.», VI, 140.—[3]) Strabo, XVI, 4, 15, стр. 779.—[4]) Periplus Mar. Erythr., 30.—[5]) Caes., «B. g.», III, 1.—[6]) Id., ib., I, 1.—[7]) Diodor., V, 26.—[8]) Caes., «B. Gall.», VII, 3, 42, 55.—[9]) Sallust., «B. Jugurth.», c. 21, 26.—[10]) Dio, LIII, 26.—[11]) Procop., «B. Goth.», IV, 2, стр. 466.—[12]) Arrian., «Peripl. Pont. Eux.», 12, стр. 220.

скихъ народовъ, гдѣ, по однимъ свидѣтельствамъ, говорили на 70, по другимъ на 300 языкахъ, гдѣ купцы для веденія дѣлъ нуждались въ 130 толмачахъ [1])—при Адріанѣ тоже стоялъ римскій гарнизонъ [2]). Также и въ гаваняхъ Азовскаго моря все время происходилъ оживленный обмѣнъ фабрикатовъ культурныхъ странъ на сырые продукты южно-русскихъ степей [3]).

Такимъ образомъ, купцы и торговцы всѣхъ родовъ изъ Италіи и изъ провинцій были первыми поселенцами, слѣдовавшими за римскими войсками въ каждую вновь завоеванную страну; на ряду съ солдатами они были повсюду піонерами римской культуры. Изъ рядовъ ихъ лавокъ и бараковъ (cannabae), которые быстро строились возлѣ лагерей, возникло не мало городовъ. Въ 43 г. въ Майнцѣ „римскіе граждане, торгующіе плащами“, учредили памятникъ императору Клавдію; если тамъ италійцы (въ провинціяхъ право римскаго гражданства было тогда рѣдкостью) занимались этимъ промысломъ, то навѣрное были и другіе промыслы, соотвѣтствующіе потребностямъ солдатъ и обоза. Такимъ образомъ, и геній торговли много способствовалъ романизаціи провинцій. „Изъ всѣхъ частей Галліи,—замѣчаетъ Амміанъ Марцеллинъ,—Аквитанія оказывала наименьшее сопротивленіе римской культурѣ потому, что она прежде другихъ была открыта для торговли“ [4]). Многочисленные примѣры показываютъ, какъ быстро и энергично купцы овладѣвали торговлей въ провинціяхъ и какъ они монополизировали ее. Нарбонская Галлія черезъ 50 лѣтъ послѣ завоеванія была полна купцами и римскими гражданами; ни одинъ провинціалъ не обходился безъ ихъ помощи при веденіи дѣлъ; каждый уплаченный тамъ денарій проходилъ черезъ ихъ книги [5]). Съ убійства римскихъ купцовъ, которымъ началось возстаніе въ Паннонiи въ 6 г. по Р. Хр. [6]) (черезъ 15 лѣтъ послѣ завоеванія), началось также и возстаніе треверовъ въ 26 г. по Р. Хр. [7]). Когда въ 88 г. до Р. Хр., по приказанію царя Митридата, въ римской провинціи Азіи были убиты всѣ италійцы, пострадало по однимъ свѣдѣніямъ 80.000, по другимъ 150.000 человѣкъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ. Безъ сомнѣнія, и туда большая если не бо́льшая часть италійцевъ была занесена торговлей; двадцать два года спустя Цицеронъ говоритъ, что дѣятельные и трудолюбивые люди изъ всѣхъ сословій занимаются въ этой провинціи торговлей или ростовщичествомъ [8]). Въ Утикѣ въ 46 г. до Р. Хр. было 300 римскихъ банкировъ и крупныхъ торговцевъ [9]), и въ сосѣднихъ городахъ, Ѳапсѣ и Гадруметѣ, были римскія торговыя предпріятія [10]). Лондиній (Лондонъ) уже въ 61 году (черезъ 18 лѣтъ послѣ завоеванія Британіи) былъ необычайно населеннымъ, благодаря множеству купцовъ и оживленной торговлѣ; безъ сомнѣнія, большая часть изъ 70.000 гражданъ и союзниковъ, которые были тогда убиты въ этой провинціи, принадлежала къ торговому сословію [11]). Корпораціи римскихъ гражданъ (conventus), состоящія исключительно или преимущественно изъ купцовъ въ теченіе обоихъ первыхъ столѣтій были постояннымъ институтомъ въ восточной половинѣ государства и занимали привилегированное положеніе въ мѣстныхъ городскихъ общинахъ.

[1]) Plin., «N. h.», VI, 15.—[2]) Arrian., id. ib., 14.—[3]) Ael. fr., LXXXI, 24.—[4]) Ammian., XV, 11.—[5]) Cicero, «Fontej.», 1.—[6]) Vellej., II, 110.—[7]) Tacit., «Ann.», III, 72.—[8]) Cic., pro leg. Manil., 7, 18.—[9]) Plutarch. «Cato», c. 59 и 61.—[10]) Caes., «B. Afr.», c. 97.—[11]) Tac., «A.», XIV, 31—33.

Наравнѣ съ италійцами, конечно, не было нигдѣ недостатка и въ провинціалахъ, которыхъ веденіе ихъ дѣлъ заставило перемѣнить родину на новое мѣсто жительства. Надпись въ Целеѣ (Cilli), составлена „поселившимися въ Реціи римскими гражданами изъ Италіи и другихъп ровинцій“ [1]). Надписи въ Аугсбургѣ называютъ купцовъ изъ Ліона, Трира и Буржа. Въ Аквилеѣ найдена могильная плита жителя Кёльна, который оттуда велъ торговлю съ Дакіей и обратно [2]); въ Гнѳіи, въ Лаконикѣ — судовщика изъ Никомедіи, который жилъ въ Кизикѣ; въ Полѣ — торговца платьями изъ Галліи, въ Целеѣ — африканскаго торговца [3]). Въ городахъ подобныхъ Аквилеѣ, бывшей большимъ складочнымъ мѣстомъ транзитной торговли изъ сѣверо-восточныхъ провинцій въ Италію [4]), на Востокъ [5]), въ Африку [6]) и обратно, чужеземное купеческое населеніе [7]), несомнѣнно, состояло изъ различныхъ національностей.

Но многочисленнѣе всѣхъ были, по всей видимости, восточные купцы. Беритъ, вѣроятно также Дамаскъ и многіе другіе финикійскіе и сирійскіе города, имѣли факторіи въ Путеолахъ [8]), Тиръ, еще въ IV столѣтіи величайшій центръ восточной торговли [9]), имѣлъ одну факторію въ Римѣ, другую въ Путеолахъ; послѣдней въ 174 году тирскій сенатъ приказалъ уплачивать первой ежегодно 10.000 денаріевъ за наемъ амбаровъ и магазиновъ. Одна статуя въ Перинѳѣ была поставлена александрійцами, занимавшимися тамъ торговлей [10]). Какъ тамъ и въ Томахъ на Черномъ морѣ (гдѣ они учредили алтарь Серапису и императорамъ Марку Аврелію и Луцію Веру) — товарищества александрійскихъ купцовъ находились во всѣхъ большихъ торговыхъ пунктахъ и ихъ корабли во всѣхъ гаваняхъ. Центуріонъ, сопровождавшій апостола Павла въ Италію, нашелъ направляющійся туда александрійскій корабль на Мирскомъ рейдѣ въ Ликіи [11]). Далѣе, чаще всего упоминаются сирійцы. Наоборотъ, почти нѣтъ основаній заключить, что изъ многихъ поселеній евреевъ хоть одно было слѣдствіемъ торговли, что врядъ ли случайно. Сирійскіе же купцы и сирійскія факторіи были распространены повсюду въ гаваняхъ Италіи, какъ Портъ [12]), Неаполь [13]), Равенна [14]) и многочисленнѣе всего въ Путеолахъ. Одна испанская надпись называетъ представителя союза сирійцевъ въ Малагѣ [15]). Сирійскій торговецъ Аврелій Флавій, судя по надписи на надгробномъ памятникѣ, поставленномъ его отцомъ въ Салонѣ, умеръ въ Сирміи; другой, гражданинъ и членъ совѣта въ Канаѳѣ въ Сиріи, который велъ дѣла въ Аквитаніи и въ Лугдунѣ (Ліонѣ), умеръ въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ; въ Апулѣ въ Дакіи найденъ камень, посвященный Юпитеру двумя сирійскими купцами. Купцами же слѣдуетъ считать, по крайней мѣрѣ, большей частью и другихъ сирійцевъ, упоминаемыхъ въ западныхъ надписяхъ. Иноземцы, погребенные на кладбищѣ маленькаго сѣверно-итальянскаго городка Конкордіи, всѣ сирійцы, большей частью изъ Апамеи [16]); также и всѣ греческія надписи, найденныя въ Трирѣ, принадлежатъ сирійцамъ [17]). До се-

[1]) C. I. L., III, 5212.—[2]) C. I. L., III, 2086. — [3]) C. I. L., III, 5230. — [4]) Julian. Orat., 2, стр. 71, D.—[5]) Hieronym. Rufin. III, 10 ed. Vall, II. 540.—[6]) Digg., XIX, 3, 61 (64).—[7]) Herodian., VIII, 2.—[8]) C. I. L., X, 1634, 1576.—[9]) Tot. orb. descr., c. 24.—[10]) C. I. G., 2024, 6.—[11]) Дѣян. ап., 27, 6.—[12]) C. I. G., 5892.—[13]) Proc., B. G., I, 8.—[14]) Apoll. Sid., I, 8.—[15]) C. I. L., II, стр. 251.—[16]) C. I. L., III, стр. 1060.—[17]) C. I. G., 9181—83.

годняшняго дня,—пишетъ Іеронимъ около конца IV вѣка,—живетъ у сирійцевъ врожденная страсть къ торговлѣ. Изъ алчности они ѣздятъ по всему свѣту, и безумное стремленіе къ торговымъ сдѣлкамъ такъ сильно въ нихъ, что они теперь даже тамъ, гдѣ римское государство уже захвачено (варварами), среди звона мечей и убійствъ ищутъ богатства" [1]. На языкѣ V вѣка (по крайней мѣрѣ въ Галліи), слово „сиріецъ" означало банкира, такъ же какъ въ средніе вѣка „ломбардецъ". Сальвіанъ говоритъ о массѣ купцовъ и сирійцевъ, которые владѣютъ большею частью зданій почти во всѣхъ городахъ [2], и Аполлинарій Сидоній въ одномъ описаніи равеннской жизни, которую онъ представляетъ свѣтомъ на изнанку, говоритъ, что тамъ духовныя лица занимаются ростовщичествомъ, а сирійцы поютъ псалмы [3]. Въ жизнеописаніи св. Геновевы (около середины V вѣка) упоминается о купцахъ, которые путешествовали изъ Галліи въ Антіохію и обратно. Еще въ VI столѣтіи сирійскіе купцы въ большомъ количествѣ были осѣдлыми въ Галліи. Григорій Турскій говоритъ о таковыхъ, жившихъ въ Бордо и въ Парижѣ, и различаетъ ихъ отъ евреевъ, по его частымъ упоминаніямъ тоже очень многочисленныхъ въ Галліи. Когда 1 іюля 585 г. король Гунтрамъ вступилъ въ Орлеанъ, въ хвалебныхъ пѣсняхъ встрѣчавшей его толпы слышался языкъ латинянъ, сирійцевъ и евреевъ. Въ 589 году Нарбоннскій соборъ постановилъ, что готы, римляне, сирійцы, греки и евреи не должны работать по воскресеньямъ. Сирійскія вина, именно изъ Газы, Сарепты и Аскалона, въ V-мъ и VI-мъ вѣкахъ были въ большомъ употребленіи въ Галліи. Еще Карлъ Великій могъ исправлять Евангелія съ помощью грековъ и сирійцевъ.

β) Сбытъ и распространеніе товаровъ.

О распространеніи предметовъ торговли въ римскомъ государствѣ мы имѣемъ скудныя и отрывочныя извѣстія; но даже и опираясь на нихъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что всѣ товары и продукты привозились во всѣ мѣста, гдѣ они находили сбытъ. Болѣе всего были наполнены магазины и склады въ Римѣ; здѣсь можно было видѣть вблизи блага всего міра (Плиній); сюда стекалось со всѣхъ земель и морей все, что производили всѣ времена года и всѣ пояса земли, что рождалось въ рѣкахъ и моряхъ и что создавала работа эллиновъ и варваровъ. Продукты и товары всѣхъ народовъ были здѣсь всегда на-лицо (Аристидъ) [4]. Подобнымъ же образомъ прославляетъ Аристидъ богатство Коринѳа благами всѣхъ земель и морей. „Въ Александріи,—говоритъ онъ,—можно было найти все, кромѣ снѣга" [5]. Въ Антіохію грузовые корабли привозили со всѣхъ сторонъ блага и произведенія трехъ частей свѣта, суши и острововъ; изъ лучшаго, что было въ каждой странѣ, сюда приходило самое лучшее, такъ какъ быстрота сбыта привлекала сюда купцовъ; такимъ образомъ, и здѣсь пользовались всѣмъ, что давала вся земля (Ливаній) [6]. Также и остальные большіе приморскіе и торговые города были богато снабжены тѣмъ, что нужно было имъ и окрестнымъ землямъ. Въ одномъ источникѣ 418 г. говорится про Арелатъ, что тамъ во множествѣ на-

---

[1]) Hieronym, на Ezech., 27, V, стр. 513, Vallarsi.—[2]) Salvian. De gubern. dei, IV, 14 (стр. 82, Baluze).—[3]) Apollin. Sidon. l. l.—[4]) Aristid., «Or.», III, стр. 22 J. in f.—[5]) Id., «Or.», XLVIII, стр. 335 сл.—[6]) Liban., ed R. I, 362.

ходились продукты Востока, Испаніи, Галліи и Африки, такъ какъ ихъ можно было доставлять сюда на корабляхъ и повозкахъ, моремъ, рѣкою и сушею [1]).

Также и предметы, производимые лишь въ отдѣльныхъ мѣстахъ, частью внѣ государства, можно было получить всюду, гдѣ только была въ нихъ потребность. Въ описаніи міра, составленномъ въ IV столѣтіи на Востокѣ, восхваляется Александрія за то, что этотъ городъ одинъ посылаетъ папирусную бумагу по всему свѣту,—каковой дешевый, но чрезвычайно полезный и необходимый товаръ не производился больше ни въ одной провинціи [2]); еще въ VI столѣтіи александрійскіе корабли привозили (вмѣстѣ съ другими александрійскими товарами, какъ травы и коренья) бумагу въ Массилію, какъ, безъ сомнѣнія, и въ остальныя гавани Средиземнаго моря [3]). Между драгоцѣнными товарами, которые шли изъ Александріи во всѣ земли, описаніе міра выдѣляетъ специи, подъ которыми, конечно, надо подразумѣвать производимый тамъ ладанъ, употребленіе котораго во всемъ государствѣ было огромнымъ [4]). Къ предметамъ торговли, распространеннымъ болѣе всего, принадлежало также и олово, необходимое для литья бронзы, но находившееся лишь въ немногихъ мѣстахъ (тогда—въ испанской Галисіи, западной Галліи, на Сорлингскихъ островахъ и въ Корнуэльсѣ). Еще въ началѣ VII столѣтія александрійскіе корабли направлялись прямо въ Британнію, чтобы вымѣнять зерно, которымъ они были нагружены, на требуемый металлъ; имъ запасались также и александрійскіе купцы, ѣздившіе въ Индію, такъ какъ онъ выгодно сбывался въ индійскихъ гаваняхъ [5]). Дешевизна янтаря очевидна изъ того, что во времена Плинія ломбардскія крестьянки носили янтарныя ожерелья, между прочимъ, какъ средство противъ опухолей шеи [6]). Произведенія изъ привезеннаго съ Эльбы желѣза, приготовляемыя въ Путеоланскихъ мастерскихъ,—уже во времена Діодора были такъ распространены, что, по его словамъ, многія части населенной земли извлекали выгоду изъ этой промышленности [7]). Такимъ образомъ возможно, что среди римскихъ оружія и утвари, найденныхъ въ такомъ большомъ количествѣ въ могилахъ сѣверныхъ земель, отъ Силезіи до Ютландіи и Скандинавіи,—много вышло изъ Путеоланскихъ мастерскихъ; все же большая часть ихъ происходитъ изъ пограничныхъ римскихъ провинцій, гдѣ, благодаря ассимиляціи варварскихъ элементовъ, образовался родъ римской культуры, и откуда съ начала I столѣтія фабрикаты провинціальной промышленности, соотвѣтствующіе вкусамъ мѣстнаго населенія, распространились по сѣвернымъ землямъ, въ которыхъ они часто служили образцами. Между бронзовыми издѣліями, найденными на сѣверѣ, многіе носятъ штемпели италійскихъ фабрикъ. Кастрюли съ именемъ нѣкоего П. Ципія Полибія (или Полиба) одинаковой формы, какъ въ Помпеяхъ и въ Геркуланѣ, найдены также въ Помераніи, Даніи, Швейцаріи, въ Ганноверѣ, Англіи и Шотландіи; другія, изъ мастерской нѣкоего Нигелла,—на Фіоніи и въ Савоѣ. Къ гончарнымъ мастерскимъ, которыя далеко распространяли свои товары на греческихъ островахъ (Книдосъ, Родосъ и Ѳа-

---

[1]) Рескриптъ Гонорія. Ср. C. I. L. XII, стр. 83.—[2]) «Tot. orb. descr.», § 36.—[3]) Gregor. Tur., «Hist. Franc.», V, 5, VI, 6.—[4]) «Tot. orbis descr.», § 35.—[5]) «Peripl. maris Erythr.», 7, 40, 56.—[6]) Plin., «N. h.», XXXVII, 44.—[7]) Diodor., V, 13.

сосъ)—въ римское время прибавились еще и другія—въ Пергамѣ, въ Сагунтѣ (въ Испаніи), Арреціи и Мутинѣ (Моденѣ) въ Италіи, произведенія которыхъ со штемпелями знаменитыхъ мастерскихъ шли черезъ земли и моря [1]). Также и ліонская посуда была предметомъ оживленнаго вывоза; ее находятъ во всей Галліи, въ Англіи, верхней Италіи, въ альпійской области до Тироля и въ Венгріи, повсюду съ одинаковымъ фабричнымъ клеймомъ.

Въ александрійскихъ стеклянныхъ заводахъ приготовлялись издѣлія всѣхъ формъ глиняной посуды, которая ввозилась туда изъ всѣхъ земель. Въ описаніи міра, составленномъ въ IV столѣтіи, говорится также и о полотнѣ знаменитыхъ фабрикъ Скиѳополя, Лаодикеи, Библоса, Тира, Берита—что оно разсылалось по всему свѣту [2]); то же самое говоритъ Прокопій о шелковыхъ товарахъ Берита и Тира [3]). Изданный въ 301 г. для востока максимальный тарифъ Діоклетіана называетъ, правда, главнымъ образомъ восточные товары и фабрикаты, но все же многіе и изъ западныхъ, которые, такимъ образомъ, были въ ходу въ восточной половинѣ государства: италійскія вина (7 сортовъ), окорока и колбасы, африканскіе ковры и плащи, нервійскіе плащи изъ донынѣ знаменитыхъ мастерскихъ Турнэ во Фландріи и норійскіе изъ Сирмія и другихъ фабричныхъ мѣстностей на Дунаѣ; въ утраченныхъ частяхъ тарифа могли быть приведены еще и многіе другіе. Въ Лаодикеѣ изготовлялись плащи по образцу нервійскихъ. Настоящее якобы фалернское вино, по Галену, разсылалось по всему государству; иными словами, такъ какъ оно, какъ теперь шампанское, росло лишь въ одной небольшой области (Кампаніи), торговцы старались удовлетворить спросъ другими винами, которымъ они умѣли придавать подобный вкусъ [4]). Наконецъ, можно допустить, что очень было распространено приготовленіе на сбытъ лакомствъ. Изъ рыбныхъ соусовъ знаменитый garum sociorum происходилъ изъ Картагены, muria изъ Антиба и изъ Византіи; изъ Испаніи приходила въ Римъ также свѣжая пастила изъ айвы [5]); торговецъ виномъ и гастрономическими товарами въ Реатѣ называетъ себя „продавцомъ всѣхъ родовъ заморскихъ товаровъ“.

γ) Другіе роды передвиженій.

Не говоря уже о передвиженіяхъ, вызванныхъ перемѣною мѣстъ жительства и путешествіями, о передвиженіи должностныхъ и оффиціальныхъ лицъ, военныхъ и купцовъ—въ римскомъ государствѣ не было незначительнымъ число занятій и профессій, которыя требовали постоянныхъ или частыхъ путешествій. Недостаточность почты и прессы, также какъ и многія другія учрежденія и обычаи, свойственныя древнему міру, имѣли своимъ послѣдствіемъ увеличеніе предлоговъ къ путешествіямъ.

Въ древности всегда было много такихъ, которыхъ влекло въ чужія земли стремленіе къ изслѣдованіямъ и желаніе расширить свои познанія. Потребность учиться путемъ непосредственнаго наблюденія была тогда гораздо болѣе распространена, чѣмъ въ новѣйшее время: не только потому, что античная наука гораздо болѣе стремилась къ наглядности, чѣмъ современная, но также и потому, что ученіе по книгамъ было несвязнымъ и скуднымъ;

[1]) Plin., «N. h.», XXXV, 161.—[2]) «Tot. orb. descr.», § 31.—[3]) Procop., «Hist. arc.», 25.—[4]) Galen., XIV, стр. 77.—[5]) ib., VI, 603.

недостовѣрнымъ и менѣе доступнымъ. Но не только ученые специалисты, которые нуждались въ наблюденіи, какъ историки и географы, изслѣдователи искусства и древностей, естествоиспытатели и врачи совершали большія путешествія (достаточно вспомнить Посидонія, Діодора, Страбона, Апіона, Павсанія, Діоскорида, Апулея и Галена; этотъ послѣдній особенно подчеркиваетъ необходимость путешествій для врачей); также и внѣ этихъ непосредственныхъ цѣлей стремленіе къ широкому и разностороннему образованію побуждало людей науки часто къ далекимъ и опаснымъ странствованіямъ. „Знаменитѣйшіе философы,—говоритъ Цицеронъ,—провели всю жизнь въ продолжительныхъ путешествіяхъ; „нѣтъ числа“ тѣмъ изъ нихъ, которые, покинувъ свою родину, никогда ужъ не возвращались въ нее“ [1]). Другъ Плутарха, Клеомбротъ изъ Спарты, состоятельный и свободно располагавшій своимъ временемъ человѣкъ, путешествовалъ не ради торговли, но изъ любознательности и жажды новыхъ впечатлѣній до земли троглодитовъ, посѣтилъ оракулъ Аммона и заѣхалъ далеко въ Красное море. Безсовѣстные вымыслы, которые разсказывалъ этотъ „святой“, и стремящійся къ высокимъ цѣлямъ человѣкъ о пророкѣ на Красномъ морѣ, говорящемъ на дорійскомъ нарѣчіи, который лишь однажды въ годъ позволялъ людямъ слышать себя, служатъ примѣромъ достовѣрности отчетовъ о путешествіяхъ по мало извѣстнымъ странамъ [2]). Путешествія совершались часто также съ цѣлью получить личныя сообщенія: Галенъ говоритъ, что онъ не боялся далекихъ разъѣздовъ по морю и сушѣ для того, чтобы познакомиться со всѣми учениками врача Квинта [3]). Толкователь сновъ Артемидоръ изъ Дальдиса, человѣкъ полный святого усердія къ усовершенствованію въ своей „наукѣ“, былъ въ Греціи, Италіи, Малой Азіи и на островахъ, чтобы познакомиться съ возможно большимъ количествомъ товарищей по спеціальности и обогатить свои познанія ихъ опытомъ [4]).

Но больше всего приличествовало молодежи путешествовать и „подниматься за предѣлы родины“ [5]). Повсюду было въ обычаѣ, чтобы юноши на продолжительное время покидали родительскій домъ для того, чтобы въ другомъ мѣстѣ получить лучшее образованіе. „Для того ли должны молодые люди покидать отечество, родителей, друзей, родственниковъ и свое имущество,—спрашиваетъ Эпиктетъ одного лжефилософа,—чтобы слушать твои толкованія словечекъ и при заключеніи твоихъ рѣчей восклицать: о!“ [6]). Въ каждой провинціи и въ каждой мѣстности въ обладавшихъ болѣе высокой культурой частяхъ римскаго государства находились университеты, посѣщаемые, прежде всего, молодежью ближнихъ и дальнихъ окрестностей, но также и живущими очень далеко. Извѣстнаго софиста Скопеліана очень просили устроить школу въ его родномъ городѣ Клазоменахъ, такъ какъ клазоменцы были убѣждены, что благодаря этому городъ сильно подымется [7]). Сильно посѣщаемыми мѣстами съ высшими школами были: Кремона [8]) и Ме-

---

[1]) Cic., «Tusc.», V, 37, 107. — [2]) Plutarch., «De def. orac.», гл. 2, стр. 410.— [3]) Galen., «De anatom. adm.», IV, 40, изд. K. II, 470.— [4]) Artemidor., «Onirocr.», I, prooem., стр. 3.— [5]) Philostr., «Apoll. Tyan.», XVIII, изд. K.— [6]) Epict., «Diss.», III, 21, 8. 23, 32.— [7]) Philostr., «vitt. soph.», I, 21, 3.— [8]) Vita Vergili y Reifferscheid, Suetoni rell., стр. 399 слл.

діоланій въ цизальпійской Галліи [1]) и Августодунъ въ области эдуевъ [2]); Карѳагенъ въ Африкѣ [3]) Аполлонія въ Эпирѣ [4]) и Массилія [5]) имѣли значеніе далеко за предѣлами ихъ провинцій; въ послѣдней учились даже римляне [6]). Тиберій во время своего пребыванія на Родосѣ (6 г. до Р. Хр.—2 г. по Р. Хр.) усердно посѣщалъ школы и аудиторіи тамошнихъ учителей [7]), которые, повидимому, и въ позднѣйшія времена привлекали туда многихъ чужеземцевъ. Въ азіатскихъ провинціяхъ Тарсъ въ Киликіи имѣлъ наибольшее число студентовъ (хотя во время Страбона почти всѣ они были мѣстнаго происхожденія) [8]); Филостратъ говоритъ, что Аполлоній тіанскій здѣсь получилъ свое образованіе. Крупнымъ образовательнымъ центромъ была, вѣроятно, также и Антіохія въ Сиріи [которая уже во время Цицерона была наполнена ученѣйшими мужами [9])] и болѣе другихъ Смирна, знаменитые учителя которой привлекали сюда молодежь не только со всей Малой Азіи, но и съ греческаго материка, Ассиріи, Финикіи и Египта. „Изъ всѣхъ музъ, посѣщающихъ жительства людей,—говоритъ Аристидъ,—ни одна не отсутствуетъ; велико здѣсь число мѣстныхъ жителей, велико число пришедшихъ съ чужбины; можно назвать этотъ городъ очагомъ образованія для всего материка“ [10]). Но всѣ остальные университетскіе города затемняли Римъ, Аѳины и Александрія, куда стремились ищущіе образованія со всего свѣта [11]); Аѳины были обязаны своей извѣстностью не только притягательной силѣ своихъ реторскихъ и философскихъ школъ, но также и особому учрежденію для воспитанія мужской молодежи (институту эфебовъ), которое очень нравилось жителямъ полугреческихъ земель сѣвера и востока, гдѣ, повидимому, считалось важнымъ пройти эту наиболѣе признанную школу эллинизаціи. Въ III столѣтіи многіе находили, что чистота языка аѳинянъ сильно пострадала отъ общенія съ молодыми людьми изъ Ѳракіи, Понта и другихъ варварскихъ странъ [12]). Количество чужеземныхъ эфебовъ иногда превышало количество мѣстныхъ; въ 55 году число первыхъ было равно 114. Въ правленіе Марка Аврелія они собирались здѣсь со всего Востока, изъ Аравіи и Месопотаміи, изъ Ливіи и Египта. Аѳины и Римъ, какъ позднѣе Константинополь, благодаря своимъ каѳедрамъ, основаннымъ и оплачиваемымъ государствомъ, приближались болѣе всего къ университетскимъ городамъ современной Европы.

Съ другой стороны, также ученые и учителя всѣхъ спеціальностей вели странническую жизнь, въ буквальномъ смыслѣ слова. Особенно реторы и софисты путешествовали непрестанно изъ одного города въ другой, чтобы преподавать и читать лекціи, и такимъ путемъ вѣрнѣе всего пожинали одобреніе, славу и большія богатства. Лукіанъ былъ опредѣленъ въ ученики къ скульптору, но выбралъ краснорѣчіе; въ своемъ „Снѣ“ онъ говоритъ, что оба искусства состязались изъ-за него; скульптура говоритъ ему, что если онъ посвятитъ себя ей, ему не придется идти на чужбину и покидать

[1]) Plin., «Epp.», IV, 13.—[2]) Tac., «A.», III, 43.—[3]) Apulej., «Florid.», IV, 20.—[4]) Suet., «Aug.», 8, 89, 94 и слл.—[5]) Tac., «A.», IV, 49.—[6]) Strabo, IV, 1, 5, стр. 181; ср. C. I. L. XII, стр. 56.—[7]) Suet., «Tiber.», гл. 11.—[8]) Strabo, IV, 4, 13, стр. 673.—[9]) Cic., «Pro. Arch.», 3, 4.—[10]) Philostr., «Vitt. soph.», II, 1, стр. 238, 14 к.—[11]) Strabo, l. l., Philostr., «Apoll., Tyan.», VIII, 359, стр. 167, к. Quintilian, «Decl.», 333, Lucian, Alexand., 44.—[12]) Philostr. «Vitt. soph.», II, 1, стр. 238, 14 k.

своихъ близкихъ [1]). Въ другомъ его сочиненіи Краснорѣчіе говоритъ, что оно обручилось съ нимъ и сопровождало его во всѣхъ его путешествіяхъ, чтобы создать ему честь и благосостояніе — въ Грецію и Іонію, черезъ море въ Италію и даже Галлію [2]). Знаменитые учителя того времени вели, судя по ихъ біографіямъ у Филострата, въ высшей степени непостоянную жизнь; также какъ и учителя времени Возрожденія, которое такъ во многомъ напоминаетъ древность, они переѣзжали съ мѣста на мѣсто. Объ Аристидѣ Филостратъ говоритъ, что онъ немного путешествовалъ, ибо онъ побывалъ только въ Греціи, Италіи и Египтѣ [3]). Эти ораторы открывали свои доклады хвалебною рѣчью городу, въ который они вступали [4]); было обычаемъ, чтобы наиболѣе знаменитымъ изъ нихъ воздвигались статуи правленіемъ города или благодарными слушателями за то, что они почтили ихъ своимъ пребываніемъ; Апулей хвалится, что эта почесть была воздана ему даже незначительными городами [5]).

Но не только среди реторовъ и софистовъ, но также и среди грамматиковъ и врачей отличали разъѣзжающихъ (Periodeutai, circulatores) отъ осѣдлыхъ [6]). Одинъ отпущенникъ, врачъ П. Скрибоній Примигеній, говоритъ въ своей могильной надписи, что онъ, родомъ изъ Игувія, посѣтилъ многія мѣстности и повсюду былъ извѣстенъ своимъ искусствомъ и еще болѣе своей вѣрностью [7]). Само собой разумѣется, что кромѣ врачей разъѣзжали съ мѣста на мѣсто также и шарлатаны. Такъ какъ въ то время, при недостаточности почты и прессы, путешествія были лучшимъ средствомъ, чтобы стать знаменитымъ, то этимъ, конечно, пользовались кудесники и шарлатаны, вродѣ Аполлонія тіанскаго и Александра изъ Абонутихоса; этотъ послѣдній сверхъ того посылалъ во всѣ стороны гонцовъ, съ цѣлью распространенія славы своего оракула по всему государству [8]).

Также и большая часть художниковъ и ремесленниковъ искусства проводила значительную часть своего времени въ странствованіяхъ. Насколько сильно во всемъ римскомъ мірѣ была развита потребность облагородить жизнь произведеніями искусства, видно изъ ихъ многочисленныхъ остатковъ, найденныхъ почти во всѣхъ провинціяхъ; такая огромная потребность въ искусствѣ могла быть удовлетворена лишь въ томъ случаѣ, если „цѣлыя колоніи, шествія, толпы, тучи—называйте это какъ угодно—художниковъ и ремесленниковъ можно было привлечь туда, гдѣ въ нихъ была надобность". Еще существуетъ надпись такого странствующаго художника-скульптора, Зенона изъ Афродисіады, которая гласитъ, что онъ, довѣрившись своему искусству, прошелъ черезъ многіе города; статуи съ его именемъ найдены въ Римѣ и въ Сиракузахъ [9]).

Но еще болѣе непостоянной должна была быть жизнь всѣхъ художниковъ сцены, музыкантовъ и атлетовъ, которые разъѣзжали то по одиночкѣ, то труппами; особенно въ Греціи и Малой Азіи, гдѣ даже маленькія мѣстечки имѣли періодически повторяющіеся сезоны трагедій и агоновъ; этому болѣе и болѣе подражали въ восточныхъ провинціяхъ. Любовь грековъ къ

[1]) Lucian., Somn., 1, 7.—[2]) Id. Bis accus., 21.—[3]) Philostr., «Vitt. Soph.», II, 9, 1.—[4]) Dio Chrys., «Or.», XXXIII, стр. 395 M.—[5]) Florid., III, 16.—[6]) Digg., XXVII, 1, 6 § 1.—[7]) «Anthol. lat.» ed. Meyer, 1430.—[8]) Lucian., Alexand., 24 и 36.—[9]) C. I. G., 5384, 6151.

театру рано привела къ образованію труппъ странствующихъ актеровъ, число которыхъ, повидимому, было большимъ уже во время Демосѳена. „Діонисическіе“, т.-е. драматическіе артисты съ теченіемъ времени образовали союзы, посвященные культу Діониса (синоды), которые частью выступали въ опредѣленныхъ мѣстахъ, частью разъѣзжали изъ города въ городъ; одинъ такой союзъ упоминается въ декретѣ амфиктіоновъ, изданномъ въ IV столѣтіи до Р. Хр. Въ эллинистическій періодъ искусство Діониса процвѣтало особенно въ Іоніи. Самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ тамошнихъ обществъ художниковъ было общество артистовъ Теоса, „города Діониса“, имѣвшее во время Страбона своимъ мѣстопребываніемъ Лебедосъ и справлявшее тамъ ежегодно свои праздники, собираясь на которыхъ члены союза, разъѣзжавшіе по Греціи и Малой Азіи, соединялись для принесенія жертвъ и участія въ состязаніяхъ. Во время имперіи (по крайней мѣрѣ, начиная съ правленія Траяна) одно изъ этихъ обществъ (а можетъ быть и многія) избрало своимъ покровителемъ наравнѣ съ Діонисомъ или даже безъ Діониса правящаго императора (какъ „новаго Діониса“). Театральный синодъ въ Нимѣ, называвшійся по имени Траяна,—вѣроятно тотъ самый, который по другой найденной тамъ надписи назывался позднѣе „священный Адріановъ союзъ поклонниковъ Адріана, новаго Діониса“ [1]); его декреты были найдены въ Анкирѣ въ Галатіи и въ Афродисіадѣ въ Каріи (127 г.), въ которыхъ онъ, впрочемъ, называетъ себя союзомъ артистовъ всего государства (ἀπ' οἰκουμένης). Этотъ же союзъ въ правленіе Антонина Благочестиваго называлъ себя „священнымъ Антониновымъ обществомъ странствующихъ артистовъ, почитающихъ Діониса и императора Антонина Благочестиваго какъ новаго Діониса“. Онъ могъ имѣть многочисленныя подраздѣленія, имѣвшія мѣстопребыванія иногда въ тѣхъ же самыхъ городахъ (особенно въ Римѣ). Частью какъ члены этихъ союзовъ, частью самостоятельно, знаменитые драматическіе артисты и музыканты, а также и выдающіеся атлеты, (которые тоже иногда образовали союзы) — совершали регулярно круговыя путешествія по крайней мѣрѣ черезъ Грецію, Малую Азію и Италію, какъ это показываютъ ихъ многочисленные памятники. Нѣкій М. Семпроній Никократъ говоритъ въ своей могильной надписи, составленной имъ самимъ, что онъ былъ музыкантомъ, поэтомъ и игрокомъ на киѳарѣ, болѣе же всего членомъ одного союза; онъ испыталъ много трудностей въ путешествіяхъ по морю и по сушѣ. Артисты и атлеты часто получали отъ городовъ, въ которыхъ они вызвали восхищеніе, право почетнаго гражданства. Нѣкій Аврелій Хармъ, знаменитый пѣвецъ, гражданинъ Филадельфіи, Никомедіи и Аѳинъ, получалъ вѣнки на всѣхъ священныхъ состязаніяхъ отъ капитолійскаго до антіохійскаго въ Сиріи. Атлетъ М. Аврелій Асклепіадъ, гражданинъ Александріи, Гермополя, Путеолъ, Неаполя и Элиды, сенаторъ Аѳинъ, гражданинъ и сенаторъ многихъ другихъ городовъ, хвалится, что онъ выступалъ въ трехъ земляхъ — Италіи, Греціи и Малой Азіи; то же говоритъ поэтъ начала имперіи о пергамскомъ панкратіастѣ Гликонѣ. Въ росписаніи построекъ, которыя возвелъ одинъ жрецъ въ Коринѳѣ, П. Лициній Прискъ Ювенціанъ (можетъ быть въ концѣ II-го столѣтія), названы также гостин-

[1]) C. I. G., 6786.

ницы для атлетовъ, которые съѣзжаются со всего свѣта на истмійскія игры [1]). Устроители праздниковъ приглашали артистовъ для своихъ представленій изъ тѣхъ мѣстъ, которыя славились ими: такъ, въ IV столѣтіи (по крайней мѣрѣ, въ восточной половинѣ государства) приглашали ѣздоковъ на колесницѣ изъ Лаодикеи, мимическихъ актеровъ изъ Тира и Берита, пантомимовъ изъ Кесаріи, игроковъ на флейтѣ изъ Геліополя, атлетовъ изъ Аскалона [2]). Что устроители гладіаторскихъ игръ со своими труппами тоже постоянно переходили съ мѣста на мѣсто, можно допустить и безъ особенныхъ свидѣтельствъ [3]). О перевозѣ дикихъ звѣрей для травли (venationes), иногда на очень большія разстоянія, рѣчь будетъ ниже.

Праздники и игры, такъ часто устраиваемыя во всѣхъ провинціяхъ, въ свою очередь, всегда привлекали много зрителей и участниковъ. Къ большимъ представленіямъ въ Римѣ съѣзжались чужестранцы со всего міра. На олимпійскія [4]) и пиѳійскія игры стремилась вся Греція не только въ концѣ II столѣтія [5]), но еще и во времена Юліана Отступника [6]); и когда въ концѣ праздника всѣ отправлялись домой, не легко было достать экипажъ [7]). Перегринъ Протей совершилъ свое самосожженіе во время Олимпійскихъ игръ 167 г., самаго многолюднаго праздника Греціи, какъ говоритъ Лукіанъ (самъ четыре раза посѣтившій игры)—желая произвести этимъ актомъ возможно большій эффектъ.

Само собой понятно, что ко времени этихъ праздниковъ сходились туда многочисленные торговцы и ремесленники, разсчитывавшіе найти тамъ хорошій заработокъ [8]). Діонъ изъ Прусы говоритъ, что содержатели публичныхъ домовъ ѣздили со своими дѣвушками къ осеннимъ собраніямъ амфиктіоновъ въ Пилахъ и къ другимъ праздничнымъ собраніямъ [9]). Вообще они, повидимому, много путешествовали; „нечестивцы,—говоритъ Климентъ Александрійскій,—ѣдутъ по морю со своимъ товаромъ, какъ съ пшеницею или съ виномъ“). Страбонъ разсказываетъ, что въ Карурѣ (на границѣ Фригіи и Каріи), много посѣщаемой благодаря своимъ цѣлебнымъ водамъ, въ одной гостинницѣ во время землетрясенія былъ поглощенъ землей содержатель публичнаго дома со множествомъ дѣвушекъ [10]). Упомянутый выше Семпроній Никократъ, оставившій свое артистическое поприще съ цѣлью торговать, по его словамъ, красивыми женщинами, и въ этомъ новомъ промыслѣ могъ продолжать свою прежнюю скитальческую жизнь.

Даже изгнанникамъ, жившимъ на островахъ Эгейскаго моря, было разрѣшено принимать участіе въ большихъ праздникахъ и въ религіозныхъ торжествахъ. „Такимъ образомъ, они могутъ оставаться въ Элевсинѣ во время мистерій, справлять въ Аргосѣ праздникъ Діониса, на время пиѳійскихъ игръ отправляться въ Дельфы, на время истмійскихъ—въ Коринѳъ“ [11]). Среди религіозныхъ праздниковъ наибольшей притягательной силой, также для римлянъ, обладали элевсинскія мистеріи; ко времени ихъ Аѳины были переполнены

[1]) C. I. G., 1104.—[2]) Expos. tot. mundi, 32.—[3]) Acta S. Demetrii, N. 4.—[4]) Lucian. «Peregrin.», 1. — [5]) Gell., «N. A.», XII, 5. — [6]) Julian., «Epist. ad Themistium», стр. 263 A.—[7]) Lucian., «Peregr.», 35.—[8]) Philo, «De animal.», § 56.—[9]) Dio Chrys., «Or.», LXXVII, стр. 651 M.—[10]) Strabo, XII, 8. 17 стр. 578.—[11]) Plut., «De exil.», гл. 12, стр. 604.

чужестранцами [1]). На ряду съ ними большимъ почетомъ пользовались мистеріи на Самоѳракіи [2]), съ тѣхъ поръ какъ распространилась увѣренность въ томъ, что оттуда была основана Троя; многіе римскіе полководцы и должностныя лица отправлялись туда для посвященія и богато одаряли мѣстныя святыни; такимъ образомъ этотъ далекій и трудно доступный для мореплавателей островъ привлекалъ къ себѣ на праздники, устраиваемые въ серединѣ лѣта, какъ теперь Аѳонъ, цѣлыя массы паломниковъ изъ ближнихъ и далекихъ странъ. Недавно найденныя надписи изъ Самоѳракіи называютъ таковыхъ, отправлявшихся туда то въ качествѣ посланниковъ, то по собственному побужденію изъ городовъ Македоніи, Малой Азіи и Ѳракіи, изъ Крита, Элиды и Рима, при чемъ послѣдніе сами называли себя „mystae pii“ [3]). Съ тѣмъ же самымъ благоговѣніемъ, съ которымъ греческій пловецъ или странникъ теперь смотритъ на вершину Аѳона, глазъ древнихъ искалъ высокую гору Самоѳракіи. „Теперь только голоса пастуховъ нарушаютъ молчаливое одиночество острова, нѣкогда оживленнаго толпами богомольцевъ“ (Conze, стр. 73).

На ряду съ этими главными центрами благочестивыхъ странствованій было еще великое множество посѣщаемыхъ мѣстъ паломничества. Однимъ изъ нихъ было, повидимому, урочище возлѣ Эреса на о. Лесбосѣ, гдѣ найденныя каменныя плиты съ вырѣзанными на нихъ ступенями ногъ, какъ и на другихъ мѣстахъ, были, вѣроятно, дарами пилигримовъ; къ нимъ же, должнобыть, относятся также надписи „вспоминайте братьевъ“ и т. п. Значительнымъ мѣстомъ паломничества была Комана въ Понтѣ, куда во время такъ называемаго выхода почитаемой тамъ богини (по Страбону) стекались отовсюду мужчины и женщины; между ними постоянно встрѣчались такіе, которые шли туда, исполняя обѣтъ, и приносили богинѣ жертвы. Городъ, бывшій одновременно главнымъ рынкомъ армянской торговли, былъ сверхъ того переполненъ гетерами, принадлежавшими большею частью храму и такимъ образомъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ маленькимъ Коринѳомъ [4]). Конечно, было не мало вѣрующихъ, которые, подобно Апулею, ходили отъ одной святыни къ другой, были посвящены во всѣ тайныя служенія, не желая упустить ни одного благословенія боговъ [5]). Также и оракулы Греціи, Малой Азіи, Египта и Италіи, быть-можетъ, ни въ одинъ періодъ жизни древняго міра не были такъ посѣщаемы, какъ въ оба первыя столѣтія нашей эры.

Наконецъ, очень частыми были путешествія съ цѣлью возстановленія здоровья. „Справедливо,—говоритъ Эпиктетъ,—что врачи посылаютъ страдающихъ продолжительными болѣзнями въ другую землю и въ другой климатъ“ [6]). При многихъ заболѣваніяхъ—при постоянной головной боли, душевныхъ болѣзняхъ, при параличѣ, водянкѣ и болѣзняхъ мочевого пузыря [7]), особенно же при начинающихся болѣзняхъ легкихъ и кровоизліяніяхъ [8]), врачи рекомендовали морскія путешествія и перемѣну климата; изъ Италіи чахоточныхъ посылали обыкновенно въ Египетъ [9]) или въ Африку (при чемъ считалось

---

[1]) Philostr.», «Apoll. Tyan.», IV, стр. 42 ed. K.—[2]) Galen., ed. K. IV, 361.—[3]) C. I. L., III, 1, 713—721.—[4]) Strabo, XII, стр. 559.—[5]) Apulej, «Apol.», стр. 494.—[6]) Epict., «Diss.», III, 16, 12. —[7]) Cael. Aurelian, «Morb. chron., I, 1, стр. 23; I, 5, стр. 86; II, 5, стр. 118; II, 6, стр. 246.—[8]) Id., ib. I, 14.—[9]) Cels., III, 22. Plin., «Epp.», V, 19, 6. «N. h.», XXXI, 63.

полезнымъ для нихъ самое путешествіе по морю); Галенъ говоритъ, что многіе, отправившіеся изъ Рима въ Африку вслѣдствіе легочныхъ нарывовъ, возвращались оттуда, повидимому, совсѣмъ выздоровѣвшими и нѣсколько лѣтъ оставались здоровыми, но при нецѣлесообразномъ образѣ жизни болѣзнь возвращалась [1]). Иногда имъ совѣтовали пребываніе въ хвойныхъ лѣсахъ или молочное леченіе въ горахъ или на высокомъ мѣстѣ вблизи моря [2]); Галенъ особенно рекомендуетъ въ этомъ отношеніи Стабіи (Castellammare, которая, слѣдовательно, уже тогда имѣла свою Quisisana)—благодаря ея положенію, воздуху, растительности и скотоводству. Еще въ VI столѣтіи „молочная гора“ возлѣ Стабій (mons Lactarius) была курортомъ для чахоточныхъ [3]), гдѣ, какъ говоритъ Кассіодоръ, „здоровый воздухъ вмѣстѣ съ плодородіемъ тучной земли произращаетъ травы сладчайшаго свойства; коровы, вскормленныя на этомъ пастбищѣ, даютъ молоко такой цѣлебной силы, что тѣмъ, кому не помогаютъ совѣты врачей, повидимому, помогаетъ одинъ этотъ напитокъ“ [4]). Среди мѣстъ, гдѣ производились или приготовлялись особенно дѣйствительныя средства, знаменитѣйшимъ была Антикира на Крисскомъ заливѣ, куда ѣздило больше больныхъ, чѣмъ въ одноименный городъ у подножья Эты, хотя здѣсь росла лучшая чемерица; но тамъ она лучше приготовлялась [5]). Всѣмъ извѣстно, насколько великъ былъ наплывъ къ храмамъ Эскулапа, Исиды и Сераписа, при которыхъ часто находились лѣчебницы и оракулы сновъ.

Употребленіе купаній врядъ ли было меньшимъ въ древности, чѣмъ въ наше время, и большая часть извѣстныхъ теперь источниковъ была открыта уже тогда; такимъ образомъ Баденъ возлѣ Цюриха уже во второй половинѣ перваго столѣтія былъ очень оживленнымъ благодаря своимъ источникамъ [6]); также несомнѣнно, что и теплыя ванны Теплица, Эмса, Пирмонта и Аахена уже были извѣстны римлянамъ, судя по найденнымъ тамъ предметамъ римской утвари. Горячіе источники Бэса (Aquae Sulis) „повидимому, съ начала римской оккупаціи много посѣщались ради лѣченія“ (Hübner, „Ber. über eine epigr. Reise nach England etc.“) и „были такимъ образомъ снабжены богато всѣми удобствами для употребленія смертныхъ“,—какъ говоритъ одинъ древній писатель. Тамъ же и теперь находятся прекрасныя руины храма почитаемой тамъ богини Сулисъ (названной римлянами Минервой), такъ же какъ и храмовъ другихъ божествъ и значительные остатки термъ, нѣкоторыя произведенія искусства лучшей работы (среди нихъ бюстъ женщины времени Домиціана). Почти всѣ найденныя тамъ надписи (особенно посвященія) принадлежатъ концу I или началу II столѣтій, изъ чего еще нельзя заключать о сокращеніи числа посѣщеній купаній въ позднѣйшее время, такъ какъ при постройкахъ обыкновенно употреблялись памятники болѣе древняго времени. Остатки римскихъ бань, обнаруживающихъ большую роскошь, находятся во всѣхъ земляхъ на Средиземномъ морѣ и далѣе, на Африканскомъ берегу—Hamam Rirra (Алжиръ), въ Пиренеяхъ, въ Карпатахъ (Mehadia), въ Альпахъ, въ Оверни. О мѣстахъ съ купаньями, бывшими одновременно или даже

---

[1]) Galen., XII, 191.—[2]) Plin., «N. h.», XXIV, 28.—[3]) Procop., «B. Goth.», II, 4 сля.—[4]) Cassiodor., «Var.», XI, 10.—[5]) Plin., «N. h.», XXV, 52. Strabo, VIII, 418, c. Hor. «Sat.», II, 3, 166. Sueton., «Calig.», гл. 23.—[6]) Tac., «Hist.», X, 67.

предпочтительно мѣстами увеселенія, какъ Баи, Эдепсъ и Канобъ, рѣчь будетъ ниже. Также, повидимому, часто предпринимались путешествія для развлеченія и отдыха [1]).

Уже изъ этого обозрѣнія главныхъ причинъ, побуждавшихъ къ путешествіямъ во время римской имперіи, можно вывести заключеніе, что тогда путешествовали по сушѣ, по крайней мѣрѣ, не меньше, а можетъ-быть, и больше, чѣмъ въ Новой Европѣ до начала 19 столѣтія. Это впечатлѣніе усиливается, если обратить вниманіе на путешествія, о которыхъ до сихъ поръ не было рѣчи—предпринимавшіяся ради удовольствія или образованія; ихъ описаніе неизбѣжно въ цѣляхъ пониманія тогдашней культуры.

---

[1]) Seneca, «ad Polyb.», 6, 4. Epp. 28. Prop. III, 21. Ovid., «Remed. amor.» 213 слл.

VII. ПУТЕШЕСТВІЯ ТУРИСТОВЪ.

1. Рѣдкость и ограниченность путешествій въ незнакомыя страны. Границы географическаго познанія. Область и цѣли путешествій туристовъ.

Легкость путешествія, хорошее устройство и изобиліе средствъ передвиженія, явствующія изъ вышесказаннаго, должны были возбуждать охоту къ странствованіямъ и распространять въ широкихъ кругахъ потребность воспринимать новыя впечатлѣнія и расширять ими свой кругозоръ. На самомъ дѣлѣ, путешествія съ этими цѣлями въ древности предпринимались врядъ ли рѣже, чѣмъ въ новое время. Плиній называетъ человѣческую природу „любящей странствія и жадной до всего новаго“ [1]. „Многіе,—говоритъ Сенека,—совершаютъ поѣздки по морю и терпятъ трудности долгихъ одинокихъ путешествій ради того, чтобы узнать что-нибудь скрытое или далекое. Природа въ сознаніи своего искусства и красоты создала насъ созерцателями своихъ достопримѣчательностей; если бы она показывала ихъ пустынѣ, она утратила бы смыслъ своего бытія“ [2]. Велико было число тѣхъ, которые „охотно проѣзжали черезъ незнакомые города, изслѣдовали новыя моря и были гостями во всѣхъ земляхъ міра [3]). Сильно была распространена эта склонность къ странствованіямъ, которая влекла Адріана черезъ всѣ провинціи его государства и которая была въ немъ настолько могущественной, „что онъ хотѣлъ убѣдиться своими глазами во всемъ, что онъ читалъ о каждой странѣ свѣта) [4]. „Несмотря на ненадежность человѣческой жизни,—говоритъ эпикуреецъ Филодемъ,—многіе, и даже философы, достаточно неразумны для того, чтобы отводить въ своихъ планахъ будущаго столь многіе годы на пребываніе въ Аѳинахъ ради ученія, столь многіе на объѣздъ Греціи и варварскихъ странъ“.

Все же было бы ошибочнымъ заключать на основаніи этого, что путешествія древнихъ, совершаемыя ими благодаря ихъ любви къ странствованіямъ, имѣли хотя отдаленное сходство съ поѣздками новыхъ временъ съ цѣлью открытія новыхъ земель. Стремленіе проникнуть въ неизвѣстныя

---

[1]) Plin., «N. h.», XVII, 66.—[2]) Seneca, «De otio», 4, 2 и 3.—[3]) Manil., «Astron.», IV, 513.—[4]) Hadrian, гл. 17.

страны міра было въ древности очень незначительнымъ, и такимъ образомъ для римлянъ, какъ и для грековъ, земля оставалась заключенною въ сравнительно тѣсныхъ границахъ, выйти за которыя врядъ ли побуждала и фантазія. Во время своего высшаго расцвѣта знаніе древнихъ простиралось лишь на двѣ трети нашего материка, на юго-западную четверть Азіи и на сѣверную треть Африки; и даже на многократно посѣщаемыхъ окраинахъ извѣстнаго міра знанія истиннаго никогда не могли вытѣснить сказокъ и чудесныхъ исторій прежнихъ временъ, которыя постоянно всплывали наружу и не были чужды даже и образованнымъ людямъ.

Еще ни одинъ смѣлый пловецъ не осмѣливался выйти въ неизмѣримое Западное море, о которомъ думали, что оно, подобно Сѣверному океану, на извѣстномъ отдаленіи (быть-можетъ, вслѣдствіе разсказовъ о Саргассовомъ морѣ) недоступно для кораблей, хотя считалось возможнымъ (не только Страбономъ, но и Аристидомъ) [1] существованіе материка между Западной Европой и Азіей. Также и Сенека думалъ, что въ теченіе позднѣйшихъ столѣтій океанъ перестанетъ быть предѣломъ; тогда новый Тифисъ откроетъ новые міры и Ѳула не будетъ больше окраиной земли [2]).

„Но дальше чаяній римляне не пошли". Именно исторія ихъ мореплаванія показываетъ намъ, насколько далека отъ нихъ была природа, какъ предметъ разумнаго изслѣдованія. „Объемъ и границы большого государства давали достаточно повода для того, чтобы увлечь въ открытое море. Властители міра обладали иберійскими, лузитанскими и мавретанскими побережьями"; но острова Атлантическаго океана оставались имъ почти совершенно неизвѣстными. Андалузскіе моряки, открывшіе группу Мадейра (приблизительно въ 10.000 стадій отъ Африки), описывали Г. Серторію ея мягкій, въ высшей степени здоровый климатъ, освѣжаемый влажными морскими вѣтрами и въ теченіе всего года подвергающійся лишь незначительнымъ перемѣнамъ, и ея необыкновенное плодородіе: думали, что нашли тамъ Элисій Гомера и назвали ее Островами Блаженныхъ [3]). Серторіемъ овладѣло желаніе вырваться изъ бурь войны въ волшебное уединеніе этихъ райскихъ островов; но его приближенные помѣшали ему выполнить это намѣреніе, и, насколько мы знаемъ, позднѣе ни одинъ римлянинъ не ступилъ на Острова Блаженныхъ. Все же Канарскіе острова были описаны не только мавретанскимъ царемъ Юбою (обрученнымъ съ дочерью М. Антонія и Клеопатры), величайшимъ въ древности знатокомъ Африки, но также римляниномъ Стаціемъ Себозомъ (время неизвѣстно). Павсаній разспрашивалъ о сатирахъ одного карійскаго моряка Евфема, который во время поѣздки въ Италію былъ занесенъ въ крайнее море (Атлантическій океанъ), „въ которое они больше не ѣздятъ". Тамъ корабль Евфема былъ пригнанъ къ острову, населенному сатирами; это—хвостатыя созданія красноватаго цвѣта; не издавая ни звука, они произвели нападеніе на женщинъ, находившихся на кораблѣ, одна изъ которыхъ была отдана имъ [4]).

На атлантическомъ берегу Африки, карѳагенянинъ Ганнонъ, во время своей экспедиціи (совершенной между 480—450 гг.) заѣхалъ послѣ шест-

---

[1]) Aristid., «Orat.», XVI, стр. 242, изд. «Jebb.».—[2]) Seneca, «Medea», 374 слл.—[3]) Plutarch., «Sertorius», гл. 8.—[4]) Pausanias, I, 23, 7.

надцатидневнаго пути за Зеленый мысъ; но добытое имъ географическое знаніе частью было совсѣмъ утрачено въ послѣднее время, частью сильно затемнено. Страбонъ, напримѣръ, отвергаетъ существованіе открытаго Ганнономъ острова Керны (Агадиръ?) [1]). На гвинейскомъ берегу Ганнонъ былъ два раза испуганъ ночнымъ запахомъ лугового и лѣсного пожара, особенно на берегу Сіерралеоне, гора которой была названа имъ Колесницей боговъ. Онъ высадился на островѣ Гарангѣ въ группѣ Биссао, гдѣ днемъ онъ видѣлъ только лѣса, а ночью былъ испуганъ множествомъ огней, звуками флейтъ, кимваловъ и бубновъ и безчисленными голосами, что заставило его покинуть островъ. Его данныя совершенно согласуются съ отчетами новѣйшихъ путешественниковъ, судя по которымъ днемъ невыносимая жара заставляетъ негровъ отдыхать, ночью же, при наступленіи прохлады, они начинаютъ свои шумныя празднества и танцы. Оба доклада были связаны между собой и дополнены сказочными подробностями однимъ авторомъ, которому слѣдуютъ какъ Помпоній Мела, такъ и Плиній Старшій (можетъ-быть, это былъ Корнелій Непотъ). Все же первый называетъ мѣсто на берегу къ югу отъ горы боговъ [2]), второй — отроги Атласа на западномъ берегу, носящемъ его имя. Этотъ-де въ высшей степени сказочный горный хребетъ со стороны океана былъ пустыннымъ, со стороны Африки изобиловалъ тѣнистыми и плодородными лѣсами и источниками. Днемъ не видѣли здѣсь никого, все молчало въ созерцаніи одиночества, благоговѣніе и страхъ охватывали всѣхъ приближавшихся къ этимъ вершинамъ, поднимавшимся выше облаковъ до сферы луны. Ночью горы свѣтились множествомъ огней и оглашались шумомъ сатировъ и Пана, звономъ флейтъ и бубновъ [3]). Плиній, смѣшивающій мавретанскій Атласъ съ горнымъ хребтомъ у бухты Биссао, извиняетъ запутанность и противорѣчія его данныхъ равнодушіемъ римскихъ сановниковъ къ провинціи Мавретаніи (присоединенной въ 40 году), гдѣ было пять римскихъ колоній, при чемъ для ея намѣстниковъ считалось честью дойти до Атласа. Будучи слишкомъ вялы, чтобы изслѣдовать дѣйствительность, они все же стыдились своего невѣжества, и поэтому позволяли себѣ лгать, и извѣстія, даваемыя такими высокопоставленными людьми, встрѣчали довѣріе [4]). Походъ Светонія Павлина въ 41 г., быть-можетъ, единственнаго римлянина, перешедшаго черезъ высокій Атласъ, повидимому остался безъ послѣдствій. Онъ нашелъ, что нижніе склоны хребта заросли высокими густыми лѣсами неизвѣстныхъ деревьевъ, похожихъ на кипарисъ (можетъ-быть, тѣхъ, которыя теперь называются ar'ar), а вершины покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. По ту сторону Атласа онъ прошелъ черезъ пустыни чернаго песку, въ которомъ возвышались, какъ-будто обгорѣлыя, скалы и которыя благодаря зною были необитаемыми даже зимою, вплоть до рѣки Ger (Gir на языкѣ берберовъ означаетъ текущую воду: быть-можетъ, Wed Sues, изливающійся въ Океанъ къ югу отъ мыса Ighir на 30° 31′ сѣв. шир.). Онъ получилъ извѣстія о питающихся мясомъ собакъ обитателяхъ южной лѣсной области, кишѣвшей дикими звѣрями, особенно же слонами и змѣями, но, повидимому, не попытался проникнуть туда [5]).

---

[1]) Strabo, I, стр. 47.—[2]) Pomponius Mela, III, 9, 94.—[3]) Plin., «N. hist.», V, I, 6—8.—[4]) Plin, «N. h.», V, 1, 11 слл.—[5]) Plin., «N. h.», V, 14, 15.

Гораздо далѣе на югъ доходили походы римлянъ, а также ихъ военныя и торговыя поселенія, въ средней части материка. Уже въ 19 г. до Р. Хр. Л. Корнелій Бальбъ проникъ изъ Оеа (Триполи) черезъ область народа, живущаго въ домахъ изъ каменной соли и черезъ далеко тянущуюся цѣпь черныхъ скалъ (нынѣ Harudjel-aswad) въ землю Фазанію (Fezzan); во время этого похода онъ взялъ множество городовъ и покорилъ много племенъ, изображенія которыхъ красовались въ его тріумфальномъ шествіи; среди нихъ Кидамъ (Ghadames) и столицу царя гарамантовъ (племенъ Тедда) Гараму (на мѣстѣ теперь давно покинутаго города Djerma Kadim, т. е. Старая Джерма) [1]. Съ этихъ поръ Кидамъ оставался дружественнымъ римлянамъ, а потомъ византійцамъ вплоть до нападенія арабовъ. Обитатели страны въ правленіе Юстиніана приняли христіанство; сюда былъ принятъ, безъ сомнѣнія на продолжительное время, римскій гарнизонъ, отъ котораго сохранилась надпись времени Александра Севера [2]. Такъ далеко проходили и римскія дороги съ милевыми камнями, самый южный изъ которыхъ былъ найденъ Бартомъ на 31° 30′ сѣв. шир. На сѣверномъ краю Гаммады этотъ путешественникъ нашелъ римскіе надгробные памятники, изъ которыхъ два, прекрасно сохранившіеся, около 48 и 25 футовъ, вѣроятно, были поставлены на могилахъ начальниковъ находившихся тамъ постовъ третьяго легіона [3]. Самый южный изъ этихъ монументовъ, возлѣ Старой Джермы (26° 22′) показываетъ, что и здѣсь поселенія римлянъ не были случайными. Плиній сообщаетъ, что дорогу къ гарамантамъ прежде нельзя было найти, такъ какъ „разбойники изъ этого народа“ засыпали колодцы (которые знакомые съ мѣстностью люди могутъ открывать на незначительной глубинѣ); но послѣ войны, которую они вели съ Эей (скоро послѣ 70 г.), открыли туда путь на четыре дня ближе перваго, который былъ названъ „мимо вершины скалы“ [4]; весьма вѣроятно, потому что эта прямая и наиболѣе западная дорога проходила черезъ склонъ хребта Гуріана въ самомъ отвѣсномъ мѣстѣ. О гарамантахъ и троглодитахъ Эѳіопіи Плиній повторяетъ сообщенія Геродота [5], что у первыхъ рогатый скотъ пасется ходя задомъ напередъ [6] и что послѣдніе питаются змѣями и ихъ языкъ одно шипѣніе [7]. Главнымъ предметомъ торговли съ гарамантами и троглодитами были драгоцѣнные камни, особенно, уже во время кароагенскаго владычества,—рубины и гранаты [8]; Бальбъ выставилъ на своемъ тріумфѣ изображеніе горы Гири, на которой, какъ гласила надпись, росли драгоцѣнные камни [9]. Гарама была исходнымъ пунктомъ для двухъ римскихъ путешествій съ цѣлью открытія земель въ глубинѣ Африки, о которыхъ сообщаетъ Птолемей [10]. Септимій Флаккъ прибылъ оттуда, послѣ трехмѣсячнаго путешествія на югъ, въ Эѳіопію; Юлій Матернъ изъ Большого Лептиса, тоже отправляясь изъ Гарамы, а именно какъ и нынѣ путешествующіе европейцы, подъ защитою одного князя гарамантовъ, вышедшаго на добычу въ Эѳіопію,—прибылъ въ четыре мѣсяца въ Агисимбу, „гдѣ сходятся носороги“, въ страну, которую

---

[1]) Plin., «N. h.», XV, 36, сл.—[2]) C. I. L., VIII, 1.—[3]) C. I. L., VIII, 6.—[4]) Plin., «N. h.», V, 38.—[5]) Herodot., IV, 183.—[6]) Plin., «N. h.», VIII, 178,—[7]) Id. ib., V, 45; ср. Seneca, «Qu. nat.», IV, 2, 17.—[8]) Plin, «N. h.», V, 34, XXXVII, 92. Strabo, XIIV, 835.—[9]) Plin., V, 37.—[10]) Ptolem., «Geogr.», I, 8, 5; ср. I, 10, 2.

ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ искать сѣвернѣе богатой влагой низменности у Тсадскаго озера.

Еще Неронъ намѣревался изслѣдовать „величайшую природную загадку Африки“, верховья Нила, намѣтивъ среди другихъ войнъ также походъ въ Эѳіопію [1]). Снаряженная имъ экспедиція прибыла по Бѣлому Нилу къ большимъ заросшимъ тростникомъ болотамъ у впаденія Килака и рѣки Газелей, гдѣ, какъ узнали, главный потокъ называется у туземцевъ Киромъ. Между нубійскими негритянскими племенами, которыя стали извѣстны благодаря Нероновой экспедиціи, сирботы или жители Сира (Kir) — теперешніе Ширъ; медимны — Медины; олобы — Эліабъ; симбарри и полугти путешественника по Нилу Аристокреонта (у Плинія)—негры Барри и полуджи г-на Бренъ-Ролле.

Неудивительно, что нероновы изслѣдователи привезли также и сказки о безобразныхъ людяхъ, карликахъ безъ ушей съ почти сросшимся ртомъ. Хотя сказочный міръ во всѣ времена находился за предѣлами извѣстнаго, все же Бѣлый Нилъ и до нашихъ дней оставался мѣстопребываніемъ человѣкоподобныхъ привидѣній, которыми еще недавно туземцы думали запугать одного смѣлаго охотника на слоновъ.

Легче всего объяснить то, что во всѣ времена фантазія стремилась украсить все новыми чудесами страны востока, больше же всего Индію. Лукрецій говоритъ, что многія тысячи слоновъ „съ руками въ видѣ змѣй, такъ плотно окружаютъ Индію заборомъ изъ слоновой кости, что нѣтъ возможности проникнуть внутрь страны“ [2]), Вергилій—что деревья индійскихъ лѣсовъ такъ высоки, что нельзя пустить стрѣлу надъ ихъ вершинами [3]). Еще Діонъ изъ Прусы описываетъ Индію раемъ—по разсказамъ купцовъ, посѣщавшихъ ея гавани, но врядъ ли проникавшихъ вглубь страны. Тамъ текутъ рѣки молока, меду, масла и вина, земля добровольно даетъ людямъ пищу, луга изобилуютъ прекраснѣйшими цвѣтами, деревья даютъ богатую тѣнь и плоды, пѣніе птицъ лучше музыкальныхъ инструментовъ, нѣжная теплота, какъ въ началѣ лѣта, царствуетъ круглый годъ, созвѣздія ярче и многочисленнѣе, чѣмъ въ греческихъ земляхъ, люди живутъ болѣе четырехсотъ лѣтъ, не зная болѣзней, старости и бѣдности. Между тѣмъ, какъ народъ проводитъ тамъ каждый день какъ праздникъ, брахманы предаются созерцанію и воздержанію и добровольно подвергаютъ себя неслыханнымъ мученіямъ; они пьютъ изъ источника истины; всякій, кто разъ его попробовалъ, всю жизнь мучится жаждой по немъ [4]).

Также и о крайнемъ сѣверѣ упорно держались сказки и чудесныя представленія. Плиній не могъ отказаться вполнѣ отъ вѣры въ разсказы о блаженной землѣ гиперборейцевъ, съ вѣчной весной, гдѣ солнце восходитъ и заходитъ лишь однажды въ году и день продолжается полгода [5]). Тацитъ говоритъ, что на сѣверѣ суровое неподвижное море замыкаетъ земной кругъ; туда по справедливости помѣщаютъ предѣлъ природы, ибо солнце заходитъ тамъ такъ близко, что его блескъ освѣщаетъ ночь и затмеваетъ звѣзды, и при восходѣ его изъ моря можно слышать шумъ [6]). Сказочныя сообщенія

[1]) Plin., «N. h.», VI, 181.—[2]) Lucret., II, 537 сл.—[3]) Vergil., «Georg», II, 122.—[4]) Dio Chrysost., «Or.», XXXV, стр. 434 сл.—[5]) Plin., «N. h.», IV, 87 сл.—[6]) Tac., «Germ.», гл. 45.

о народахъ крайняго сѣвера, у которыхъ не человѣческій, а звѣриный образъ, онъ считаетъ недоказанными [1]). Ученый другъ Плутарха, Деметрій изъ Тарса, совершилъ по порученію императора или на его средства путешествіе, съ цѣлью точно разузнать все о необитаемыхъ островахъ за Британіей, изъ которыхъ нѣкоторые назывались островами демоновъ и героевъ. Для этого онъ посѣтилъ ближайшій къ Британіи населенный островъ, немногочисленные обитатели котораго считались у британцевъ святыми и неприкосновенными. Когда внезапно тамъ поднялась сильная непогода, онъ узналъ отъ островитянъ, что причина ея—отлетъ души одного изъ „сильныхъ". На одномъ изъ тѣхъ пустынныхъ острововъ, спящій Кроносъ былъ въ плѣну у Бріарея, и многіе духи были тамъ его слугами и свитой [2]). Представленіе о томъ, что эти берега и острова—часть царства мертвыхъ, мѣстопребываніе отошедшихъ душъ, возвращается въ различныхъ формахъ и въ позднѣйшія времена.

Но и въ предѣлахъ извѣстной земли, путешествія ограничивались сравнительно небольшой областью. За границы римскаго государства, за исключеніемъ купцовъ, рѣшались выѣзжать, повидимому, лишь немногіе. Страбонъ думалъ, что врядъ ли другой географъ путешествовалъ дальше его: въ направленіи съ востока на западъ онъ проѣхалъ отъ Арменіи до западнаго берега Италіи, съ сѣвера на югъ—отъ Чернаго моря до границъ Эѳіопіи [3]). Павсаній, въ своихъ долгихъ и далекихъ путешествіяхъ (Ливія, Египетъ, Аравія, Палестина, Малая Азія, Греція, Италія, Сицилія) не встрѣтилъ никого, кто бывалъ въ Вавилонѣ или въ Сусѣ [4]). Въ придунайскихъ земляхъ во время Траяна рѣдко встрѣчались чужестранцы кромѣ купцовъ и маркитантовъ [5]). Въ римскомъ государствѣ почти никогда не предпринимались путешествія на сѣверъ ради удовольствія или самообразованія (безъ спеціально научной цѣли). О нихъ, безъ сомнѣнія, всегда можно было сказать то, что Тацитъ говоритъ по поводу переселеній о Германіи: немыслимо, чтобы кто-нибудь покинулъ Италію въ поискахъ за этими землями [6]).

Наоборотъ, въ западныя провинціи, повидимому, нерѣдко совершались путешествія изъ одного любопытства — такъ особенно Галлія и Испанія, въ которыхъ въ сильной степени были распространены римскіе обычаи и культура, имѣли много привлекательнаго, при чемъ первая стала совсѣмъ другой страной, чѣмъ была во время Цицерона, когда она не могла удержать чужестранцевъ ни красотою природы, ни образованностью и цивилизаціей своихъ племенъ [7]). Африканскій поэтъ П. Анній Флоръ, потерпѣвъ пораженіе на капитолійскомъ агонѣ въ Римѣ (90 или 94 г.), желая разсѣяться, предпринялъ далекія путешествія; сначала, разумѣется, въ Сицилію, Критъ, Циклады, Родосъ и Египетъ; затѣмъ же черезъ Италію отправился сушей въ галльскія Альпы и къ блѣднымъ народамъ сѣвера, отсюда на западъ, къ Пиренеямъ, напоминающихъ Альпы своей красотой, высотой и вѣчнымъ снѣгомъ. Въ концѣ концовъ онъ поселился въ Тарраконѣ [8]). Въ

---

[1]) Tac., «Germ.», гл. 46.—[2]) Plutarch, «De def. orac.», гл. 18, стр. 419, F., «De facie in orbe lunae», гл. 26.—[3]) Strabo, II, стр. 117 C.—[4]) Pausan., IV, 31, 5.—[5]) Dio Chrysost., «Or.», XII, стр. 198 M.—[6]) Tac., «Germ.», гл. 2.—[7]) Cic., «De prov. cons.», гл. 12.—[8]) Flori, «Epit.», ed. Jahn, стр. XLII.

Испаніи часто посѣщаемымъ мѣстомъ былъ особенно Гадесъ, гдѣ также оставался долгое время Посидоній. Уже Цицеронъ говоритъ: многаго достигли по своему мнѣнію люди, видѣвшіе предѣлы Чернаго моря и проливъ, который переплыла Арго, или тотъ проливъ океана, „гдѣ стремительный потокъ отдѣляетъ Европу отъ Африки" [1]). И Аристидъ тоже хотѣлъ проѣхать между Геркулесовыми столбами, но ему помѣшала его болѣзнь [2]). Впрочемъ, возможно, что поводомъ для поѣздокъ въ Гадесъ былъ всемірно-извѣстный, древній храмъ Геркулеса, т.-е. Мелькарта, по финикійскому обычаю построенный изъ кедра и внутри облицованный листовымъ золотомъ.

Путешествія провинціаловъ, вѣроятно, имѣли главной цѣлью Римъ. Упомянутый уже Флоръ встрѣтился въ Тарраконѣ съ нѣсколькими жителями Бэтики, которые „возвращались съ осмотра города" [3]). Наоборотъ, большинство римлянъ, поскольку они не удовлетворялись путешествіями по Италіи и Сициліи, выбирали направленіе на югъ и на востокъ. Что Греція, Малая Азія и (со времени Августа) Египетъ—были тогда исключительными землями, посѣщаемыми туристами, ясно для всякаго, кто хотя поверхностно знакомъ съ тогдашней литературой. Плиній Младшій опредѣленно называетъ эти земли наиболѣе интересными для всякаго образованнаго человѣка [4]). Овидій (род. въ 43 г. до Р. Хр.) былъ только въ Сициліи, Аѳинахъ и Малой Азіи. Вѣроятно, тогда еще не вошло въ обычай путешественниковъ посѣщать Египетъ, лишь въ 30 г. до Р. Хр. ставшій римской провинціей. Все же въ одномъ стихотвореніи, написанномъ имъ на пути въ Томы въ 8 г. по Р. Хр., онъ называетъ Египетъ въ числѣ обыкновенныхъ цѣлей путешествій; онъ теперь не на пути въ Аѳины, или въ города Малой Азіи, какъ прежде, ни въ прекрасный городъ Александра, ни къ блеску радостнаго Нила [5]). „Многихъ достопримѣчательныхъ вещей въ Римѣ и его окрестностяхъ,—говоритъ Плиній,—мы никогда не видѣли и не знаемъ о нихъ даже понаслышкѣ, а между тѣмъ, если бы ихъ произвела Греція, Малая Азія или Египетъ, или какая-нибудь другая страна, богатая рѣдкостями и умѣющая ихъ прославлять, то мы знали бы о нихъ изъ книгъ, разсказовъ и по личному посѣщенію". Такимъ образомъ, послѣ путешествій по Италіи, эти земли и посѣщаемыя въ нихъ мѣстности были главнымъ предметомъ вниманія.

---

2. Италія. Дачи на морскомъ берегу и въ горахъ. Баи.

Въ Италіи было много привлекательныхъ мѣстъ для близкихъ путешествій. Сенека описываетъ, какъ его современники пытались развлечься отъ скуки и дурного настроенія небольшими поѣздками по морю и по сушѣ и постоянной перемѣной обстановки. Часто ѣздили въ Кампанію; когда надоѣдала эта прелестная страна и хотѣлось видѣть болѣе дикія мѣста,—отправлялись въ лѣсистыя ущелія Луканіи и Бруттія. Но посѣтившимъ эти пустыни снова хотѣлось видѣть болѣе радостныя мѣста, на которыхъ избалованный глазъ могъ бы отдохнуть отъ суровости этихъ странъ: тогда ѣхали

---

[1]) Cic., «Tusc», I, 20, 45. — [2]) Aristid, «Orat.», XLVIII, стр. 355.—[3]) P. Ann. Flor. l. l., стр. XLI, 5.—[4]) Plin., «Epp.», VIII, 20.—[5]) Ovid., «Epp. ex Ponto», II, 10 21. Trist., I, 2, 77.

въ Тарентъ и, наконецъ, возвращались въ Римъ, чтобы не лишать себя надолго рукоплесканій и шума цирка и амфитеатра [1]).

Но такія поѣздки отъ скуки, конечно, совершались лишь немногими. Наоборотъ, лѣтомъ и ранней осенью всѣ дороги были полны путниками, бѣжавшими отъ вреднаго воздуха и угнетающаго зноя, свирѣпствовавшихъ тогда въ городѣ, и улицы Рима пустѣли все болѣе и болѣе [2]). Для лѣтняго пребыванія избирались удобно расположенныя мѣста въ ближнихъ горахъ и на морскомъ берегу [3]), въ Лаціи, Кампаніи и Этруріи. Уже вельможи республики часто владѣли многочисленными виллами въ этихъ странахъ; такъ Цицеронъ (кромѣ виллъ въ Арпинѣ и въ особенно любимомъ имъ Тускулѣ) имѣлъ виллы въ Анціи, Астурѣ, Форміяхъ, Кумахъ, Путеолахъ и Помпеяхъ, Помпей—въ Альбѣ, Тускулѣ, въ Форміяхъ, въ Фалернской области, возлѣ Кумъ, Бай, Тарента, Альзія и т. д. Также вельможи имперіи имѣли не менѣе богатый выборъ для своихъ дачъ. Авреліи Симмахи въ IV столѣтіи владѣли 15 дачами, частью вблизи города, частью на излюбленнѣйшихъ мѣстахъ латинскаго берега и горъ, частью на неаполитанскомъ заливѣ. Марціалъ и Стацій перечисляютъ любимыя мѣста лѣтняго отдыха [4]); конечно, въ каждомъ изъ нихъ находились и императорскія виллы. Августъ посѣщалъ чаще всего свои дачи, расположенныя на берегу моря и на островахъ Кампаніи (Капри) или вблизи городовъ—Ланувія, Тибура, Пренесте [5]). Когда Марціалъ посылалъ свою пятую книгу Домиціану, онъ не былъ увѣренъ, наслаждается ли императоръ видомъ съ Альбанскихъ высотъ на озеро Неми, съ одной стороны, и на море—съ другой, или онъ находится въ Анціи, „гдѣ такъ близко къ Риму дремлетъ такая ровная гладь моря“, или въ Каіетѣ, Цирцеяхъ, или на бѣлыхъ скалахъ Террацины съ ея цѣлительными источниками [6]). Въ Тускулѣ было, по меньшей мѣрѣ, 4 императорскихъ виллы, которыя управлялись спеціальнымъ прокураторомъ, стоящимъ во главѣ многочисленнаго персонала; изъ виллъ, находившихся въ частномъ владѣніи, намъ извѣстно около 40.

Такимъ образомъ, не только можно было вдоволь наслаждаться природой, мѣняя постоянно мѣста, но также и выбирать себѣ дачу съ климатомъ, наиболѣе подходящимъ для каждаго времени года и каждаго организма [7]). „Въ Неаполѣ,—пишетъ Маркъ Аврелій въ 143 г. Фронтону,—климатъ очень пріятенъ, но перемѣнчивъ. Ночь сначала теплая, какъ въ Лаврентѣ; ко времени крика пѣтуха прохладная, какъ въ Ланувіи, передъ восходомъ солнца холодная, какъ на Алгидѣ, утро солнечное, какъ въ Тускулѣ, полдень знойный, какъ въ Путеолахъ, конецъ дня и вечеръ умѣренные, какъ въ Тибурѣ“ [8]). Для Бай главнымъ сезономъ были мартъ и апрѣль; Неронъ пригласилъ туда свою мать на праздникъ квинкватръ (19—23 марта) [9]). Въ серединѣ лѣта отправлялись въ Пренесте, Арицію, Тибуръ, Тускулъ, на Аніенъ или въ лѣса Алгида, идущіе отъ Тускула и Велитръ къ Пренесте [10]). Многія мѣста (какъ, напримѣръ, Лаврентская вилла Плинія) были приспособлены какъ для лѣтняго, такъ и для

---

[1]) Seneca, «Tranqu. an.», 2, 13.—[2]) Stat., «Silv.», IV, 4.—[3]) M. Antonin., IV, 3.—[4]) Martial, X, 30; X, 30, 1—10. Stat., «Silv.», I, 3, 83 слл.; IV, 4, 14 слл.—[5]) Sueton., «Aug.», гл. 72.—[6]) Mart., V, 1.—[7]) Julian, «Orat.», I, стр. 13 D.—[8]) Fronto, «Epp. ad M. Caes. et invicem», II, 6.—[9]) Sueton., «Nero», гл. 34.)—[10]) Stat., «Silv.», IV, 4, 14 слл

зимняго пребыванія: Анцій былъ посѣщаемъ не только въ жаркую пору, но и въ краткое дождливое время зимняго солнцеповорота [1]); точно также зима была мягкой на берегу возлѣ Луны (нынѣ Специія), защищенномъ кругомъ горами, и въ Мареммахъ, и лѣто не было здѣсь слишкомъ жаркимъ [2]). Предпочтительно же для зимняго пребыванія выбирались мѣста въ южной Италіи, какъ Велія и Салернъ [3]); но привлекательнѣе другихъ мѣстъ былъ Тарентъ, особенно своей уединенностью, гдѣ была теплая зима, долгая весна и природа такъ богато расточала свои дары, какъ развѣ въ счастливой Кампаніи (ver ubi longum, tepidasque praebet Juppiter brumas) [4]).

Кромѣ остатковъ римскихъ построекъ во многихъ изъ этихъ мѣстъ, также и случайныя сообщенія римскихъ авторовъ воскрешаютъ передъ нами пышность тамошнихъ дачъ. Въ Центумцеллахъ (Civita Vecchia), по описанію Плинія, стояла прелестная вилла Траяна [5]), среди зеленыхъ полей, возлѣ морского берега, гдѣ какъ-разъ тогда (106/9) была построена гавань съ искусственнымъ островомъ изъ большихъ камней, который долженъ былъ удерживать натискъ моря и давать свободный входъ кораблямъ съ обѣихъ сторонъ. Его каменный хребетъ поднимался уже изъ водъ и волны разбивались объ него, а кругомъ пѣнилось и бушевало море. Позднѣе предполагалось провести къ острову молы [6]).

Въ Анціи (вблизи теперешняго Пало), гдѣ уже Помпей, а позднѣе Вергиній Руфъ (+ 97 г.) имѣли свои виллы (послѣдній называлъ свою „гнѣздышкомъ своей старости“) [7]), огромныя руины тянутся вдоль моря на 450 м. въ длину и болѣе чѣмъ на 200 вглубь суши, съ обломками мозаичнаго пола, благородныхъ породъ мрамора, антефиксами, остатками свинцовыхъ трубъ водопровода, осколками слюды: вѣроятно, остатки тамошняго императорскаго дворца, управленіемъ котораго завѣдывалъ прокураторъ. Въ этомъ „роскошномъ морскомъ жилищѣ“ Маркъ Аврелій провелъ въ 161 г. 4 дня, и Фронтонъ въ своемъ письмѣ къ нему, направленномъ туда, ласково упрекаетъ его за то, что онъ и тамъ занимается дѣлами, вмѣсто того, чтобы въ полдень лежать на солнцѣ и спать, блуждать по одинокому берегу, въ тихую погоду садиться въ лодку и, выѣзжая въ открытое море, прислушиваться къ сигналамъ начальника гребцовъ и къ мѣрнымъ ударамъ веселъ, послѣ купанья наслаждаться царской трапезой съ устрицами, рыбами и frutta di mare всѣхъ родовъ, а также и другими драгоцѣнными вещами [8]).

На красивомъ берегу цвѣтущей и многолюдной во II столѣтіи Остіи, гдѣ уже Варронъ упоминаетъ виллу Сея [9]), лѣтнимъ вечеромъ Геллій бродилъ съ Фаворииомъ и другими философами, разсуждая о цѣнности добродѣтели для блаженства [10]); и можетъ быть лишь немногими годами позднѣе туда отправился на время сбора винограда христіанинъ Минуцій Феликсъ съ двумя друзьями, язычникомъ и христіаниномъ. Они прохаживались по краю слегка извилистаго берега, гдѣ на твердомъ пескѣ волны омывали ихъ ступни, смотрѣли на мѣсто, гдѣ стояли вытащенные на сушу челноки, прикрѣпленные къ стволамъ деревьевъ, и мальчики состязались въ бросаніи надъ водой

[1]) Gell., XVII, 10,—1.—[2]) Stat., «Silv.», IV, 4, 23 сл. Pers., «Satt.», 6, 6 слл.—[3]) Hor., «Epp.», I, 15.—[4]) Hor., «Carm.», II, 6. Seneca, «Tranq., an»., 2, 13. «Epp.», 68, 5.—[5]) C. I. L, XI, стр. 524.—[6]) Plin., «Epp.», VI, 13, 15.—[7]) Plin., ib., VI, 10, 2.—[8]) Fronto, «De fer. Alsiens.», 3.—[9]) Varro, «R. r.», III, 2.—[10]) Gell., XVIII, 1.

гладкихъ камней, такъ что они, многократно подпрыгивая, прорѣзали гребни волнъ, и присѣли, наконецъ, на каменной стѣнѣ, выведенной далеко въ море для защиты купающихся, для того, чтобы взвѣсить цѣнность старой и новой вѣры [1]).

На опустѣломъ нынѣ берегу между Остіей и Лавиніемъ (Prattica) [2]) тянулся то вплотную, то съ перерывами рядъ дачъ такъ, что казалось будто здѣсь стоитъ много городовъ [3]). На послѣднемъ мѣстѣ извѣстны, кромѣ прекрасно описанной виллы Плинія Младшаго, еще и императорская вилла, въ прохладныя лавровыя рощи которой въ 188 г. отправился Коммодъ, желая избѣжать чумы, свирѣпствовавшей тогда въ Римѣ [4]).

Возлѣ Астуры на островѣ, образованномъ рѣкой этого имени, лежала одна изъ виллъ Цицерона; она была окружена густымъ лѣсомъ, земля и море дарили ей радость уединенія, въ которомъ можно было безпрепятственно предаваться грусти. Оттуда былъ видъ на Анцій и на часто посѣщаемый мысъ Цирцеи „сфинксъ изъ голубыхъ скалъ, видный отовсюду, охраняющій входъ въ настоящій рай юга". И здѣсь находилась императорская вилла [5]).

Но всѣ эти мѣста затмевалъ Анцій, расположенный на далеко выдающейся въ море скалистой косѣ, славившійся своими храмами еще въ послѣднее время республики, но еще болѣе во время имперіи; постройки его частью вдавались въ море; онъ былъ любимымъ мѣстопребываніемъ императоровъ Калигулы и Нерона, которые оба тамъ и родились. Изъ тамошнихъ дворцовъ происходятъ многія знаменитыя произведенія искусства (Аполлонъ Бельведерскій и боргезскій боецъ); на три мили въ длину тянутся его руины, даже изъ моря выступаютъ остатки этой погибшей красоты или просвѣчиваютъ сквозь прозрачныя волны; далеко вдоль берега и на большомъ разстояніи вглубь все полно, какъ пескомъ, остатками драгоцѣнныхъ породъ мрамора, отшлифованными моремъ.

Также и бухта, открывающаяся у Террацины, была тогда окружена рядомъ прекрасно расположенныхъ морскихъ городовъ, среди которыхъ повсюду возвышались дачи и виллы. Марціалъ однажды наслаждался началомъ весны въ виллѣ своего друга Фаустина возлѣ Анксура (Террацины), когда земля и деревья одѣвались зеленью и заливались соловьи. Какъ хорошо было тамъ въ одной туникѣ отдыхать на солнцѣ, какъ прекрасна была роща, источники, песокъ на влажномъ берегу, какъ прекрасно ложе въ каждой комнатѣ, изъ которой одновременно видно море и рѣки (каналъ, текущій по направленію къ Риму, возлѣ Аппіевой дороги)! [6]). Еще и понынѣ тамъ на горѣ С. Анджело (collis Neptunius) сохранился нижній этажъ римскаго дворца съ чуднымъ видомъ. Вблизи Террацины среди другихъ „огромныхъ пещеръ, заключающихъ въ себѣ большія и роскошныя жилища" (Страбонъ) [7]), находилась villa Spelunca (теперь Сперлонга) между заросшими виноградниками высотами Фундъ и моремъ, гдѣ нѣкогда Сеянъ, обѣдая съ Тиберіемъ въ природномъ гротѣ, спасъ ему жизнь съ опасностью для своей собственной, когда на него обрушилась часть скалы [8]).

---

[1]) Minuc. Fel. «Octav.», гл. 2—4.—[2]) C. I. L., XIV, стр. 186.—[3]) Plin., «Epp.», II, 17.—[4]) Herodian., I, 12.—[5]) Martial, XI, 7, 4.—[6]) Martial., X, 51, 58.—[7]) Strabo, V, 233.—[8]) Tac., «A.», IV, 59.

Затѣмъ слѣдуетъ Каіета, „милый берегъ тихихъ Формій“, гдѣ другъ Марціала Аполлинарисъ имѣлъ свою виллу, которую онъ, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣдко могъ посѣщать и прелестью которой больше наслаждались счастливые управляющіе и привратники, чѣмъ господинъ. Тамъ легкій вѣтерокъ волновалъ поверхность тихаго, но не безжизненнаго моря и ускорялъ ходъ пестроокрашеннаго челнока; удочку можно было забрасывать въ море изъ окна, лежа на подушкахъ; сверхъ того и прудъ былъ наполненъ драгоцѣннѣйшими морскими рыбами [1]). Также и С. Юлій Фронтинъ имѣлъ въ Форміяхъ свою виллу [2]). Минтурны на Лирисѣ съ рощею и храмомъ нимфы Марики [3]) называютъ мѣстопребываніемъ извѣстнаго гастронома Апиція [4]); также и почитатель Плотина, Кастрицій Фирмъ, имѣлъ тамъ дачу [5]). На берегу между Кумами и Мизеномъ лежала описанная Сенекою вилла Сервилія Ваціи, руины которой сохранились до сихъ поръ, съ двумя большими искусственными гротами, въ одинъ изъ которыхъ солнце не заглядываетъ никогда, а въ другомъ сіяетъ весь день, съ каналомъ проведеннымъ отъ моря черезъ рощу чинаръ къ Ахерусійскому озеру (Lago Fusaro), въ которомъ ловятъ рыбу, когда море слишкомъ бурно. Здѣсь наслаждались прелестями сосѣднихъ Бай, не испытывая неудобствъ курортной жизни [6]).

Но главною цѣлью для всѣхъ ищущихъ отдыха и развлеченія былъ Неаполитанскій заливъ, „тотъ восхитительный кратеръ“, и „страна, созданная для утѣшенія души“, уже въ послѣднія времена республики избранное мѣсто высшаго свѣта [7]). Отъ Мизена до „милаго Соррента“ [8]) его окаймлялъ длинный рядъ ярко сверкающихъ пятенъ, городовъ и виллъ, подобно жемчужной нити, такъ что казалось, будто это одинъ сплошной городъ [9]), и здѣсь былъ богатый выборъ мѣстъ отдыха. Часть ихъ называетъ Стацій въ одномъ изъ стихотвореній къ своей женѣ, въ которомъ онъ приглашаетъ ее проводить его изъ Рима туда, на ея родину [10]), гдѣ зима мягкая, а лѣто прохладное; спокойное море омываетъ ее дремлющими волнами, здѣсь господствуютъ миръ и беззаботность и ненарушимый покой, и жизнь проходитъ какъ сонъ. Тамъ лежитъ роскошный богато украшенный Неаполь со своими храмами съ площадями богато уставленными статуями, съ покрытыми и непокрытыми театрами, гдѣ справляются періодическія игры, подобныя Капитолійскимъ [11]). Тамъ царствуетъ веселье и свобода, какъ ее проповѣдывалъ Менандръ,—въ которой римское достоинство соединяется съ греческой игривостью. Окрестности даютъ самыя разнообразныя развлеченія, захочешь ли посѣтить милый берегъ возлѣ Бай, или гротъ Сивиллы въ Кумахъ, или Мизенъ, или пышные виноградники Гавра, или Капри, съ маяка котораго сіяетъ морякамъ свѣтъ, соперничающій со свѣтомъ луны, или возлюбленныя Вакхомъ и другими богами высоты Соррента, или цѣлебныя воды Искіи.

Мѣстности, названныя здѣсь, и другія упоминаются вообще чаще, какъ мѣста для отдыха. Безъ сомнѣнія, во всѣ времена многіе подобно Вергилію бѣжали навсегда изъ безпокойной суеты Рима въ мирную, богатую наслажде-

---

[1]) Martial, X, 30.—[2]) Aelian. Tact. «praef.», Dig., I, 8, 4.—[3]) Martial, X, 30, 9.—[4]) Athen. I, 7 a.—[5]) Porphyr, «Vita Plotini», 7.—[6]) Seneca, «Epp.», 55, 6.—[7]) Cic., «ad. Attic.», II, 8, 2; 5, 17. «Pro Planc.», 26, 65.—[8]) Hor., «Epp.», I, 17, 52,—[9]) Strabo, V, 247.—[10]) Stat., «Silv.», III, 5, 81—104.—[11]) Porph., «vita Plot» ,7.

ніями тишину Неаполя [1]), „города, созданнаго для беззаботнаго покоя“ [2]), города, „который греческіе праздники, греческія игры, вся греческая наука и искусство дѣлали культурнымъ островомъ эллинства вплоть до паденія италійскаго благосостоянія и италійской образованности“ (Моммзенъ). Другіе стремились сюда уже подъ старость, послѣ проведенной въ дѣлахъ жизни, подобно Силію Италику, который владѣлъ возлѣ Неаполя многими дачами, богато убранными статуями и бюстами [3]). До сихъ поръ еще живо имя одной тамошней римской виллы: какъ извѣстно, именемъ Позилипа (Pausilypon, „кинь-грусть“), которое носила вилла Ведія Полліона, кормившаго рабами своихъ муренъ, названъ горный хребетъ между Неаполемъ и Путеолами. Агриппа приказалъ Кокцею прорыть въ немъ туннель [4]). Сенекѣ пришлось пострадать въ пыли этой crypta Neapolitana, освѣщенной слабо мерцающими факелами, когда, отправляясь изъ Бай въ Неаполь, онъ, опасаясь морской болѣзни, выбралъ сухопутную дорогу [5]). Въ приморскомъ городѣ Путеолахъ, гдѣ охотно строились уже во времена Цицерона, Геллій провелъ однажды лѣтнія вакаціи въ обществѣ ретора Антонія Юліана [6]), и великій греческій грамматикъ [7]) Геродіанъ написалъ тамъ свой „Пиръ“; о Баяхъ будетъ сказано подробнѣе ниже. Въ Мизенѣ извѣстна высоко расположенная вилла, построенная Лукулломъ, позднѣе принадлежавшая императорамъ, съ далекимъ видомъ на Неаполитанской заливъ и на Тосканское море, въ которой часто жилъ и умеръ Тиберій [8]).

Противоположный берегъ до 79 года, когда первое извѣстное изверженіе Везувія такъ ужасно опустошило его окрестности, имѣлъ совсѣмъ другой видъ, чѣмъ позднѣе. За исключеніемъ кратера, который считали потухшимъ, вся гора была покрыта полями и виноградниками [9]); „видъ на этотъ берегъ (съ Капри) былъ восхитительнымъ,—говоритъ Тацитъ,—до тѣхъ поръ, пока изверженіе Везувія не измѣнило всей страны“ [10]); „тамъ, гдѣ теперь все погребено подъ золою,—говоритъ въ 88 г. Марціалъ,—прежде точила давили благороднѣйшій виноградъ; на этихъ высотахъ, которыя больше всего любилъ Вакхъ, рой сатировъ кружился въ хороводахъ, здѣсь стояли городъ Венеры (Помпеи) и городъ Геркулеса“ [11]). Окрестность Стабій, засыпанныхъ золою одновременно съ Помпеями и Геркуланомъ, служила, какъ уже упомянуто, вплоть до VI вѣка мѣстомъ сельскаго отдыха для больныхъ, пользующихся молочнымъ леченіемъ. Повидимому, болѣе всего виллъ было на высотахъ Соррента; на его юго-восточной косѣ стоялъ храмъ Минервы, имя которой мысъ носитъ еще и теперь. Описаніе Стаціемъ [12]) тамошней виллы путеоланца Поллія Феликса, между Соррентскимъ мысомъ и Массою, даетъ представленіе о роскоши и прелести построекъ и садовъ всего этого берега. И онъ также, несмотря на то, что о производимомъ здѣсь винѣ существовали различныя мнѣнія, могъ похвалиться особеннымъ расположеніемъ Вакха; къ богамъ, охранявшимъ его, кромѣ этого послѣдняго, принадлежала также на ряду съ Ми-

---

[1]) Strabo, V, 246. Vergil., изд. Ribbeck., стр. XXV.—[2]) Ovid., M. XV, 711.—[3]) Plin., «Epp.», III, 7.—[4]) Strabo, V, 245.—[5]) Seneca, «Epp.», 57, 1.—[6]) Gell, XVIII, 5, 1.—[7]) Stephan. Byzant., 230, 19, M.—[8]) Phaedr, «Fabb.», 5. Sueton., «Tiber.», гл. 72.—[9]) Strabo, V, 244.—[10]) Tac., «A.», IV, 67.—[11]) Martial, IV, 44.—[12]) Stat., «Silv.», II, 3, 149; 2, 82.

нервою (и Нептуномъ) [1]) Венера; ее тамъ призывалъ Вергилій даровать ему помощь для окончанія поэмы, которая должна была прославлять ея сына [2]).

Наконецъ, Капри уже Августъ украсилъ дворцами, склонивъ неаполитанцевъ уступить ему островъ въ обмѣнъ на Искію [3]). Всѣмъ извѣстно одиннадцатилѣтнее пребываніе тамъ Тиберія (26—37). Отъ нѣсколькихъ изъ двѣнадцати выстроенныхъ имъ тамъ виллъ [4]), названныхъ по имени главныхъ боговъ, сохранились жалкіе остатки, болѣе же замѣтные отъ виллы Юпитера, въ которой онъ болѣе всего жилъ, на высшей сѣверо-восточной вершинѣ острова, недалеко отъ фундамента упомянутаго Стаціемъ маяка. „Можно представить себѣ, какой видъ имѣли всѣ эти вершины, украшенныя мраморными дворцами, и весь прелестный островъ, покрытый храмами, аркадами, статуями, театрами, рощами и дорогами“ (Gregorovius, Figuren 346—365). Съ тѣмъ видомъ, которымъ можно любоваться изъ виллы Юпитера на весь заливъ съ его берегами и островами, а также и на Салернскій заливъ и на открытое море, во всемъ мірѣ можно сравнить лишь немногіе.

„Такъ по всему морскому берегу, отъ Тосканы до Террацины, отъ Террацины до Неаполя, вокругъ залива и дальше за Салерно тянулся рядъ мраморныхъ дворцовъ, термъ, гимназій и храмовъ, непрерывный вѣнокъ римскаго величія. Кто тогда проѣзжалъ вдоль этого берега и смотрѣлъ на множество садовъ и дачъ, состязающихся съ городами, тотъ долженъ былъ радоваться волшебной красотѣ человѣческой культуры. Теперь на этихъ райскихъ берегахъ стоятъ мрачныя, одинокія и одряхлѣвшія средневѣковыя башни, выстроенныя для защиты отъ морскихъ разбойниковъ“ (Gregorovius).

Само собой понятно, что болѣе отдаленные отъ Рима и труднѣе достижимые берега Италіи, а также и весь восточный берегъ, посѣщались рѣже и рѣже избирались для отдыха; но, конечно, красивыя мѣстности и тамъ не оставались непосѣщенными [5]). Одну изъ нихъ описалъ Кассіодоръ, Скиллакій, лежащій на юго-восточномъ берегу Калабріи (нынѣ Squillace на заливѣ, названномъ его именемъ). Городъ былъ расположенъ въ видѣ гроздьевъ винограда на склонахъ холма надъ бухтою и давалъ прелестный видъ на зеленыя нивы и на голубую поверхность моря. Онъ былъ обращенъ къ восходу солнца, такъ что его свѣтъ съ ранняго утра заливалъ его лучами; тамъ была ясная зима, прохладное лѣто и большое богатство въ произведеніяхъ моря; самъ Кассіодоръ имѣлъ тамъ садки для рыбы. Оставаясь въ городѣ, отовсюду можно было любоваться виноградниками, полями ржи и оливковыми рощами, такъ что тамъ не ощущалось потребности наслаждаться красотами сельской природы. Восхитительное положеніе города имѣло слѣдствіемъ то, что многіе, нуждающіеся въ отдыхѣ, посѣщали его и своими требованіями причиняли издержки общинѣ [6]).

Что на восточномъ берегу тоже не было недостатка въ роскошныхъ мѣстахъ отдыха и виллахъ, видно изъ случайныхъ упоминаній авторовъ. Тетка Нерона, Домиція, имѣла земли около Бай и около Равенны, которыя такъ сильно ему понравились, что онъ отравилъ ее изъ-за нихъ. На

[1]) Stat., «Silv.», II, 2, 2, 21—24.—[2]) Vergil., «Catal.», 6.—[3]) Strabo, V, 248, Sueton., «Aug.», гл. 98. - [4]) Tac., «Ann.», IV, 67.—[5]) Cassiodor., «Var.», IV, 48. Eutrop. IX, 25, 10, 3.—[6]) Cassiodor., «Var.», XII, 15.

обоихъ мѣстахъ онъ выстроилъ замки, которые хорошо сохранились еще ко времени Кассія Діона [1]). Одно рѣшеніе юриста Цельза (въ правленіе Траяна и Адріана) относилось къ постройкамъ зала для игры въ мячъ и сооруженіямъ для отопленія, проложеннымъ подъ землей въ паркѣ нѣкоего Аврелія Квіета возлѣ Равенны, гдѣ послѣдній всегда проводилъ лѣто [2]). Приморская гавань Альтинъ между Патавіемъ и Аквилеей во время Марціала была занята пышными виллами, подобными баянскимъ, какъ теперь каналы Terra Ferma въ Венеціи, и весь морской берегъ былъ такъ красивъ, что Марціалъ мечталъ окончить свою жизнь здѣсь [3]), какъ Горацій въ Тибурѣ (Hehn, Italien 18). Берега Адріатическаго моря, повидимому, все больше и больше посѣщались и застраивались, особенно же съ тѣхъ поръ какъ Равенна стала резиденціей. Кассіодоръ прославляетъ Истрію, мѣстность одинаково богатую виномъ, оливками и зерномъ, какъ Кампанію Равенны, „въ которой были также свои Баи, нѣсколько Аверновъ, рыбные садки и бассейны для устрицъ. Далеко блистающіе замки, какъ жемчужины, нанизаны другъ на друга“. Прелестная цѣпь острововъ тянется къ берегу [4]).

Изъ горъ Италіи, конечно, чаще всего выбирались для дачъ какъ во время республики, такъ и во время имперіи, расположенныя ближе другихъ къ Риму Албанскія и Сабинскія горы, какъ видно уже изъ прежнихъ упоминаній. Въ стѣнахъ римскихъ виллъ позднѣе пріютились замки средневѣковыхъ бароновъ и города, какъ Фраскати и Альбанъ; этотъ послѣдній (еще до Константина возникшій изъ лагеря второго пароянскаго легіона) [5]) выстроенъ на остаткахъ тамошнихъ виллъ и изъ ихъ матеріала (вилла Домиціана находилась, повидимому, въ мѣстности теперешней Villa Barberina между Альбано и Кастель Гандольфо) [6]). Также и берега Аніо съ ихъ дикой красотой были застроены дачами [7]), среди которыхъ извѣстенъ замокъ Нерона возлѣ Субіако [8]). Самымъ прелестнымъ изъ этихъ мѣстъ и наиболѣе богатымъ природою былъ Тиволи; но всѣ его виллы, о блескѣ которыхъ даетъ представленіе описанная Стаціемъ вилла Манилія Вописка (о ней рѣчь будетъ ниже), далеко превосходила колоссальная вилла Адріана, которая, между прочимъ, содержала архитектурныя и ландшафтныя воспроизведенія знаменитѣйшихъ и интереснѣйшихъ мѣстъ Греціи и Египта; ея неисчерпаемыя руины, уже начиная съ Александра VI въ теченіе трехъ столѣтій наполняли твореніями пластики музеи и дворцы Рима и можетъ быть еще и теперь скрываютъ въ себѣ богатыя сокровища искусства.

Значительная часть путешественниковъ направлялась по Аппіевой дорогѣ, которая шла отъ Рима въ прямомъ направленіи къ Албанскимъ горамъ, оттуда въ Кампанію и къ обѣимъ главнымъ гаванямъ Италіи, Путеоламъ и Брундизію; эта прекрасная и оживленная дорога служила также часто и для болѣе короткихъ прогулокъ. По ней ѣхалъ богачъ, которому надоѣдалъ городъ, въ свою виллу, лежащую въ Албанскихъ горахъ,—съ такой поспѣшностью, какъ-будто ему надо тушить горящій домъ,—для того, чтобы тамъ

[1]) Dio, LXI, 17.—[2]) Digg., XVII, 1, 16.—[3]) Martial., IV, 25.—[4]) Cassiodor. «Var.», XII, 22.—[5]) C. I. L., XIV, стр. 217.—[6]) C. I. L., XIV, стр. 216.—[7]) Plin., «Epp.», VIII, 17.—[8]) Tac., «A.», XIV, 22. Plin., «N. h,», III, 109.

скучать и зѣвать или скоро снова вернуться въ Римъ [1]). Тамъ показывалъ своихъ дорого купленныхъ пони вышедшій въ люди отпущенникъ [2]). Тамъ появлялись пышныя дамы со своей свитой поклонниковъ [3]). Также и Цинтія ѣздила туда, какъ сообщаетъ Проперцій, какъ-будто для того, чтобы поклониться Юнонѣ въ Ланувіи, сама—представлявшая изъ себя прекрасное зрѣлище, управляя своими конями (чѣмъ, повидимому, нерѣдко занимались женщины) [4]); и къ печали поэта ее сопровождалъ соперникъ въ богато убранной колесницѣ съ шелковыми занавѣсями, и возлѣ него прыгали двѣ молосскихъ собаки съ большими ошейниками [5]). По ней же паломничали многочисленныя женщины въ исполненіе обѣта богинѣ съ вѣнками на головѣ и съ факелами въ рукахъ ко храму Діаны на опоясанномъ лѣсами озерѣ Неми,—„зеркалѣ Діаны“,—гдѣ среди лѣта справлялся большой праздникъ, при которомъ озеро и лѣсъ ночью горѣли огнями; не было недостатка и въ молодыхъ людяхъ, которые, слѣдуя совѣту Овидія, стремились воспользоваться этимъ случаемъ для того, чтобы завязать нѣжныя сношенія. Насколько посѣщаемо было это мѣсто, видно уже изъ того, что въ этой странѣ (самое позднее въ концѣ I столѣтія) основалось нѣчто вродѣ колоніи нищихъ.

Теперь на „царицѣ дорогъ“ вмѣсто пестро сверкающей жизни, которая тогда бушевала здѣсь, господствуетъ глубокое запустѣніе. Безконечно далеко тянутся съ обѣихъ сторонъ холмистыя равнины Кампаньи, изъ зелени которыхъ выдаются полуразрушенныя своды водопроводовъ; то тамъ, то здѣсь попадается на дорогѣ сѣрый домикъ. Изрѣдка по античной мостовой прокатывается двухколесная повозка съ высоко нагроможденными бочками вина, пастухи верхомъ на лошади гонятъ передъ собой овецъ и коровъ, и унылая пѣсня крестьянина доносится издали.

Но также и за Альбою и за Ланувіемъ Аппіева дорога продолжала быть оживленной, ибо главный потокъ путниковъ направлялся въ Кампанію для того, чтобы найти покой или наслажденіе, или предаться роскоши и кутежамъ въ этомъ раю, предназначенномъ природою для радости, больше всего на чудномъ неаполитанскомъ заливѣ. Жемчужиной среди этихъ многочисленныхъ дачъ считались Баи, первое мѣсто купаній древняго міра, „золотой берегъ блаженной богини любви, милый подарокъ гордой природы“ [6]), на ровномъ морскомъ берегу, окруженномъ вѣнцомъ зелени горъ. Здѣсь жили также нереиды и нимфы родниковъ [7]). Здѣсь были цѣлебные источники всевозможныхъ родовъ, больше же всего пользовались здѣсь горячими сѣрными парами, во многихъ мѣстахъ выходящими изъ земли для паровыхъ бань. Кромѣ того, Баи были богато обставлены роскошными учрежденіями для леченія больныхъ и блестящими постройками для жизни и удовольствія здоровыхъ [8]); здѣсь было много императорскихъ дворцовъ, роскошью которыхъ каждый монархъ стремился превзойти своего предшественника [9]). Наиболѣе извѣстныя постройки и сады на берегу Бай очень грубо изображены на трехъ стеклянныхъ сосудахъ времени упадка и снабжены надписями „маякъ, прудъ Нерона, садокъ для устрицъ, другой прудъ, лѣсъ (или паркъ)“. Подобные

[1]) Lucret., III, 1063.—[2]) Horat., «Epod.», 4, 14.—[3]) Cic., «pro Cael.», 14, 34 гл.—[4]) Ovid., «Am.», II, 16, 49.—[5]) Propert., IV, 8, 15—26.—[6]) Martial., XI, 80.—[7]) Martial., IV, 57, 8.—[8]) Dio, XLVIII, 51.—[9]) Ioseph., «A. I.», XVIII, 7, 2.

сосуды вѣроятно фабриковались по заказу для посѣтителей купаній и другихъ иностранцевъ и продавались или дарились имъ на память. Виллы въ Баяхъ и возлѣ нихъ поднимались частью на вершинахъ, частью на берегу моря [1]) или вдавались въ море [2]). Само собой разумѣется, что онѣ обыкновенно были окружены садами; сады, повидимому, устраивались съ большимъ искусствомъ и занимали большія пространства своими рощами миртъ и чинаръ и дорожками, усаженными подстриженными буксами. Конечно, не было недостатка и въ тѣнистыхъ деревьяхъ. Одинъ поэтъ находитъ это мѣсто особенно удобнымъ для свиданія Марса и Венеры, ибо Вулканъ не можетъ проникнуть сюда благодаря водамъ, всевидящій богъ солнца—благодаря тѣни [3]). Чисто сельскія виллы, подобно описанной Марціаломъ виллѣ его друга Фаустина, съ ея полными хлѣбными амбарами и съ богатымъ сборомъ винограда, со стадами скота, большимъ птичьимъ дворомъ, охотою и рыболовствомъ,—повидимому, были тамъ исключеніемъ [4]). Роскошныя виллы Бай сами по себѣ образовали городъ не меньшій, чѣмъ Путеолы [5]), и постоянно разраставшійся. По крайней мѣрѣ, уже съ начала II столѣтія различали старыя и новыя Баи, выстроившіяся на государственной землѣ въ направленіи къ Путеоламъ (въ Старыхъ Баяхъ умеръ Адріанъ 17 іюля 117 г.). Но и въ позднѣйшія столѣтія мѣсто сильно разросталось, такъ какъ Александръ Северъ возвелъ здѣсь роскошные дворцы и другія постройки и пруды съ морской водой [6]); по крайней мѣрѣ, въ теченіе пяти столѣтій Баи оставались самымъ знаменитымъ и наиболѣе посѣщаемымъ мѣстомъ развлеченія въ древнемъ мірѣ. Во время Цицерона воздухъ тамъ не считался здоровымъ [7]) (въ лѣтніе мѣсяцы); отъ позднѣйшаго времени до насъ не дошло жалобъ по этому поводу. Можетъ быть, расширеніе и заселеніе ихъ устранило вредныя вліянія; еще въ VI вѣкѣ цѣлебность тамошняго воздуха восхваляется Кассіодоромъ [8]). Хотя съ наступленіемъ запустѣнія росла опасность маляріи, все же и въ средніе вѣка это мѣсто много посѣщалось. Въ 1191 году лейбъмедикъ императора Генриха VI, Алкадинъ, описалъ 31 купальное учрежденіе Путеолъ и Бай. Петрарка называетъ берега этой бухты очень пріятными въ зимніе мѣсяцы, но опасными въ лѣтніе. Боккачіо часто говоритъ о тамошней курортной жизни, очень оживленной, но опасной для цѣломудрія женщинъ. Купанья посѣщались въ XV стол., даже въ началѣ XVII столѣтія, хотя Баи, повидимому, были разрушены землетрясеніемъ 1538 года.

Въ древности природа и искусство соперничали въ томъ, чтобы сдѣлать это мѣсто единственнымъ въ своемъ родѣ. Несравненная красота положенія, пышность и величина дворцовъ и садовъ, избытокъ всевозможныхъ наслажденій, чудная ясность и нѣжность воздуха, глубокая синева неба и моря—все манило къ наслажденію минутой, къ блаженному забвенію всего міра, и роскошные праздники, вдвойнѣ волшебные въ этой обстановкѣ, безпрерывно слѣдовали одинъ за другимъ. На волнахъ тихаго моря мелькали безчисленныя легкія лодки и гондолы [9]), среди которыхъ то тамъ, то здѣсь появлялась богатая галера [10]); иногда лодки состязались въ быстротѣ хода [11]), веселыя

[1]) Plin., «Epp.», IX, 7.—[2]) Horat., «Carm.», II, 16, 20.—[3]) Regianus, «Anthol, Lat.», ed. Riese, 272.—[4]) Martial., III, 58, 1—5.—[5]) Strabo, V, 47, стр. 246.—[6]) Alex. Sever., гл. 66.—[7]) Cic., «ad. Fam.», IX, 12, 1.—[8]) Cassiodor., «Var.» IX, 6.—[9]) Juvenal., 12, 80.—[10]) Tacit., A., XIV, 5.—[11]) Auson., «Mosell.», 201.

общества въ вѣнкахъ изъ розъ собирались для праздничныхъ пирушекъ на лодкахъ или на берегу; нерѣдко встрѣчались подгулявшіе. Берегъ и море съ утра до вечера оглашались пѣснями и громкой музыкой [1]). Нѣжныя парочки шептались на берегу или катались въ челнокахъ по Лукринскому и Авернскому озерамъ [2]), или искали уединенія въ миртовыхъ рощахъ, выше Бай [3]). Прохлада вечера и сверкающей звѣздами ночи манила къ новымъ празднествамъ и прогулкамъ [4]), и сонъ курортныхъ гостей прерывался пѣніемъ серенадъ или ссорой двухъ случайно встрѣтившихся соперниковъ. Роскошь и разнузданность курортной жизни въ Баяхъ, вошла въ поговорку. Варронъ, повидимому, описалъ это въ одной спеціальной сатирѣ. Цицеронъ опасался, что его станутъ осуждать за то, что онъ въ пору общественныхъ несчастій отправился въ Баи [5]). Сенека называетъ ихъ пріютомъ порока. Моты, которыхъ безденежье гнало изъ Рима, растрачивали здѣсь деньги своихъ кредиторовъ на пиры съ устрицами [6]). Особенно много здѣсь собиралось женщинъ, и Овидій думаетъ, что нерѣдкій гость вмѣсто ожидаемаго выздоровленія уносилъ отсюд арану въ сердцѣ [7]). „Нѣкогда,—говоритъ другой поэтъ,—вода въ Баяхъ была холодна; Венера приказала Амуру поплыть по ней, искра съ его факела упала въ нее и зажгла ее; съ тѣхъ поръ всякій, кто въ ней купается, погибаетъ отъ любви“ [8]). Для женской добродѣтели Баи считались опаснымъ мѣстомъ. „Много разъ уже здѣсь погибала нѣжная любовь“,—жалуется Проперцій.—Марціалъ разсказываетъ, какъ одна очень строгая женщина, пріѣхавшая въ Баи Пепелопой, уѣхала отсюда Еленой (т.-е. позволила себя увезти) [9]); повидимому, это случалось здѣсь нерѣдко. Тѣ, которые, подобно Геллію, искали развлеченія въ цѣломудренныхъ удовольствіяхъ, предпочитали другія мѣста, вродѣ Путеолъ [10]). Конечно, какъ говоритъ Симмахъ, сами Баи не были виноваты въ этой распущенности, и самъ онъ жилъ тамъ „безъ пѣнія въ лодкахъ, безъ излишествъ на пирахъ“ [11]).

3. Сицилія.

На ряду съ Италіей, больше всего своей близостью [12]) привлекала къ себѣ Сицилія, благодаря чудесамъ своей природы, особенно благодаря Этнѣ [13]), мягкой зимѣ, красотѣ и славѣ своихъ городовъ, массѣ историческихъ воспоминаній, восходящихъ ко времени сагъ. Къ нимъ принадлежала особенно легенда о похищеніи Прозерпины на лугу близъ Энны, на которой было такъ много фіалокъ и другихъ душистыхъ цвѣтовъ, что, какъ говорили, сила аромата мѣшала собакамъ выслѣживать слѣды дичи; это было мѣсто, „которое стоило видѣть“; рядомъ—пропасть, изъ которой нѣкогда вышелъ Плутонъ, и въ самомъ городѣ знаменитый издавна чтимый храмъ Цереры [14]). Уже во время республики римляне часто посѣщали Сицилію; Цицеронъ говоритъ, что тамъ не было ни одного дня безъ солнца [15]). „Большая часть изъ васъ,—

---

[1]) Seneca, «Epp.», 81. Cic., «pro Cael.», 15 и 20; in Clod. 4.—[2]) Propert., «Eleg.», I, 11, 9—14. Martial., III, 20, 20.—[3]) Cels., II, 17.—[4]) Tac., l. l.—[5]) Cic., «ad Fam.», IX, 3.—[6]) Juven., 11, 49.—[7]) Ovid., «A. a.», I, 283.—[8]) Regianus, «Anthol. Lat.», 270-272.—[9]) Mart., I, 63.—[10]) Gell., XVIII, 5, 1.—[11]) Symmach., «Epp.», VIII, 23.—[12]) Cic., «Verr.», II, 2, 31.—[13]) Lucret., I, 727.—[14]) Diodor., V, 3; Cic., «Verr.», II, 4, 48.—[15]) Cic., «Verr.», V, 10, 26.

обращается онъ къ судьямъ Верреса,—видѣли каменоломни близъ Сиракузъ". Овидій долгое время жилъ въ Сициліи въ обществѣ своего друга Макра. Главными достопримѣчательностями здѣсь онъ считаетъ Этну, озера Эннскія, Анапъ и источники Кіаны и Аретузу близъ Сиракузъ, наконецъ, озера Паликовъ: два маленькихъ глубокихъ озера молочнаго цвѣта, изъ которыхъ при сильномъ запахѣ сѣры и громкомъ шумѣ постоянно била кверху вода; здѣсь произносились клятвы, ибо полагали, что ложныя клятвы немедленно будутъ застигнуты божьимъ наказаніемъ. Вблизи находился большой и богато украшенный храмъ, служившій убѣжищемъ для бѣглыхъ рабовъ [1]). Калигула, желая разсѣяться послѣ смерти Друзиллы, долго путешествовалъ вдоль береговъ Кампаньи и Сициліи до Сиракузъ [2]), смѣялся надъ достопримѣчательностями, которыя ему повсюду показывали, но однажды ночью онъ внезапно бѣжалъ изъ Мессаны, испуганный дымомъ, поднимавшимся изъ Этны, и ея шумомъ [3]). О томъ, какъ поднимались на Этну, рѣчь будетъ ниже. Сенека перечисляетъ удовольствія поѣздки въ Сиракузы [4]). Путешественникъ видитъ лицомъ къ лицу сказочную Харибду, которая спокойна, когда нѣтъ восточнаго вѣтра; съ наступленіемъ же его она открывается огромной и глубокой пропастью и увлекаетъ внизъ корабли. Онъ видитъ такъ прославленный поэтами источникъ Аретузу съ ея ослѣпительно зеркальной поверхностью, прозрачную до дна и съ ледяной водой. Дальше—гавань, самую спокойную изъ всѣхъ естественныхъ и искусственныхъ гаваней, защищающую отъ ярости вѣтра и бурь. Затѣмъ мѣста, гдѣ была сломлена сила аѳинянъ, гдѣ каменоломни, вырубленныя на неизмѣримую глубину, какъ созданная природой тюрьма, заключили въ себѣ многія тысячи; и, наконецъ, онъ самъ, могучій городъ съ его округомъ, большимъ, чѣмъ области многихъ другихъ городовъ; зимой онъ наслаждается самымъ мягкимъ климатомъ, въ которомъ нѣтъ ни одного дня безъ солнца. Астрологъ Фирмикъ Матернъ, написавшій въ IV вѣкѣ свое сочиненіе о Сициліи, въ посвященіи своему знатному другу Маворцію Лолліану упоминаетъ, что этотъ послѣдній, посѣтивъ островъ, черезъ него узналъ всѣ его достопримѣчательности: Скиллу и Харибду, изверженія Этны, озера Паликовъ и все прочее, о чемъ онъ читалъ въ ранней юности въ греческихъ и латинскихъ книгахъ, какъ о самомъ удивительномъ въ этой провинціи [5]).

4. Греція.

Ближайшей цѣлью всѣхъ дальнихъ путешествій была Греція. Въ Греціи римляне уже рано начали почитать землю, изъ которой вышла вся культура; они почитали ее за ея высокую славу, за ея древность; ея прошлое съ великими дѣлами и происшествіями, даже съ ея сагами было для нихъ достойнымъ почета [6]). „Слава,—гласитъ одна римская эпиграмма,—остается, величіе погибаетъ; но люди ищутъ прахъ павшаго, и въ могилѣ онъ священенъ" [7]). Страна, въ которой почти каждая пядь земли имѣла великое

[1]) Ovid., «Epp. ex Ponto», II, 10, 21 слл. Diodor., XI, 89.—[2]) Seneca, «Consol. ad Polybium», 17, 36. Sueton., «Caligula», 21.—[3]) Id. ib., 51.—[4]) Seneca, ad Marc., гл. 17, 2.—[5]) Firmic. Matern. Mathes. I praef.—[6]) Plin., «Epp.», VIII, 24.—[7]) Anthol. Lat., III, 876, ed. Meyer.

воспоминаніе, въ которой путникъ на каждомъ шагу наталкивался на безчисленные памятники, гдѣ его очаровываютъ знаменитѣйшія творенія всѣхъ искусствъ, города и храмы которой частью еще и тогда были настолько же прекрасны, пышны и богаты, насколько древни и знамениты—уже со времени пуническихъ войнъ больше и чаще, чѣмъ какая-либо другая была посѣщаема римлянами. „Большая часть изъ васъ, — говорятъ у Ливія послы родосцевъ въ 191 г. до Р. Хр. въ римскомъ сенатѣ,—видѣли города Греціи и Малой Азіи“ [1]). Эмилій Павелъ въ 167 г. объѣхалъ города Греціи, желая изучить тѣ вещи „которыя украшены молвой и считаются болѣе великими, чѣмъ онѣ суть на самомъ дѣлѣ, когда ихъ увидишь“. Описаніе Ливіемъ этого путешествія заимствовано у Полибія, который описывалъ видѣнное имъ самимъ [2]). Римскій полководецъ посѣтилъ знаменитѣйшіе храмы (въ Дельфахъ, Лебадеѣ, Оропѣ, Эпидаврѣ, Олимпіи) и города (Аѳины, Коринѳъ, Сикіонъ, Аргосъ, Спарту, Паллантій, Мегалополь) и мѣстности, которыя были достопримѣчательны историческими воспоминаніями, какъ Авлида, или чѣмъ нибудь другимъ — какъ Халкида съ плотиною черезъ Еврипъ; наибольшее впечатлѣніе произвела на него Олимпія, гдѣ его глубоко поразилъ видъ Зевса Фидія, какъ живого бога.

Греція никогда не могла уже окончательно оправиться отъ опустошеній, которыя она перенесла за время римскихъ войнъ 88—33 гг. до Р. Хр. Правда, подъ римскимъ владычествомъ страна отдохнула. Во время Антониновъ на материкѣ провинціи Ахаи было на ряду съ многочисленными деревнями и маленькими городками еще сто большихъ городовъ, въ которыхъ продолжалась гражданская жизнь. Все же нѣкоторыя области, какъ, напримѣръ, Этолія, оставались совершенно запустѣлыми, и даже въ болѣе счастливыхъ населеніе никогда снова не вернулось къ благосостоянію времени до Митридатовыхъ войнъ. Хотя въ это время Греція была лишь тѣнью своего прежняго величія, ея притягательная сила для римлянъ, благодаря этому, скорѣе увеличивалась, чѣмъ уменьшалась. Въ тишинѣ и уединеніи, картина великаго прошлаго тѣмъ живѣе вставала передъ глазами путника. Среди городовъ многіе едва лишь заслуживали это имя, какъ нѣкогда большой и красивый Паноцей въ Фокидѣ, состоявшій во время Павсанія изъ бѣдныхъ хижинъ: тамъ не было ни дворца, ни театра, ни рынка, ни гимназій, не было даже колодца [3]). Въ Ѳивахъ только крѣпость Кадмея была еще заселена, и она-то и называлась именемъ Ѳивъ; въ нижнемъ городѣ стояли лишь древнія знаменитыя ворота и различныя святыни. Въ другихъ мѣстахъ передъ зданіемъ совѣта овцы паслись на травѣ и гимназія была превращена въ ниву, и изъ ея волнующихся колосьевъ едва выглядывали головы мраморныхъ статуй [4]); достаточно часто можно было видѣть пустые базисы, надписи которыхъ возвѣщали о томъ, какая на нихъ была статуя. Отъ многихъ городовъ оставались лишь руины, и при запустѣніи страны въ ея безлюдныхъ пустыняхъ путешественникъ, любившій, подобно Діону изъ Прусы, общество пастуховъ и охотниковъ [5]), легко могъ натолкнуться на разбросанныя тамъ и сямъ хижины, обитатели которыхъ врядъ ли видѣли когда-нибудь городъ

[1]) Liv., XXXVIII, 54.—[2]) Id., XLV, 27 сл.; ср. Polyb., XXX, 15.—[3]) Pausan., IX, 4, 1.—[4]) Dio Chrys., «Orat.», VII, стр. 106 M.—[5]) Dio Chrys, «Or.», I, стр. 11 M.

и, далекіе отъ утонченности и испорченности цивилизаціи, сохранили неприкосновенными первобытную невинность и простоту [1]).

Но большая часть путешественниковъ, безъ сомнѣнія, посѣщала только города, изъ которыхъ даже самые маленькіе и наполовину лежащіе въ развалинахъ были богаты памятниками и остатками прошлаго; большіе же частью сохранили свою древнюю пышность, частью даже выросли и украсились подъ римскимъ владычествомъ. Больше всѣхъ другихъ это касается Аѳинъ; даже послѣ опустошенія ихъ Суллою, онѣ въ тишинѣ и запустѣніи были поразительно красивы. Овидій, видѣвшій Аѳины во время ихъ глубочайшаго паденія, могъ представить себѣ, каковъ былъ городъ, когда онъ былъ полонъ жизни, богатства и праздничнаго мира; „демонъ зависти,—говоритъ онъ,—заплакалъ отъ ярости, когда ему пришлось увидѣть безупречную красоту этого города“ [2]). Даже невоспріимчивый къ красотамъ искусства римскій посѣтитель не могъ не поддаться обаянію удивительныхъ твореній, которыми вѣкъ Перикла украсилъ Аѳины [3]); простоявъ уже полтысячелѣтія, они казались новыми и только-что созданными, время не коснулось ихъ, ароматъ свѣжести носился надъ ними, какъ-будто имъ была дана вѣчно цвѣтущая жизнь и нестарящаяся душа (слова Плутарха) [4]). Во второмъ столѣтіи городъ, еще при Траянѣ переживавшій время глубокаго упадка [5]), — снова пережилъ нѣчто вродѣ расцвѣта и возрожденія, благодаря Адріану и Антонинамъ. Первый своими постройками создалъ въ юго-восточной части его „новый городъ Адріана“, центромъ котораго былъ колоссальный храмъ Юпитера Олимпійскаго, окруженный 120 колоннами; среди другихъ построекъ были замѣчательны зданіе библіотеки со 120 колоннами изъ пестраго и гимназія со 100 колоннами изъ желтаго мрамора. Водопроводъ, начатый Адріаномъ, приводившій воду въ новый городъ изъ Кефисіи, былъ законченъ Антониномъ Піемъ въ 140 г. Другія роскошныя зданія прибавилъ сюда софистъ Геродъ Аттическій — огромный Одеонъ у подножія Акрополя. Учрежденіе Маркомъ Авреліемъ каѳедръ для четырехъ главныхъ философскихъ школъ, а также каѳедры краснорѣчія привело, благодаря вызванному этимъ наплыву сюда учащейся молодежи—къ поднятію благосостоянія города. Позднѣйшій императоръ Северъ посѣтилъ Аѳины въ качествѣ легата легіона, „ради науки, святынь (элевсинскихъ мистерій), построекъ и древностей“ [6]).

Въ правленіе Марка Аврелія, Аристидъ прославилъ Аѳины и всю Аттику въ одной изъ своихъ обширныхъ хвалебныхъ рѣчей. Онъ называетъ городъ бо́льшимъ по объему среди городовъ Греціи, прекраснѣйшимъ изъ всѣхъ существующихъ въ мірѣ: природа и искусство состязались въ томъ, чтобы украсить городъ и страну. Природѣ онъ обязанъ своими гаванями, положеніемъ Акрополя и „прелестью, которая легкимъ дыханіемъ вѣетъ отовсюду“; далѣе, прекраснымъ воздухомъ, который въ видѣ исключенія, въ городѣ лучше чѣмъ въ полѣ, хотя и вся остальная Аттика отличается необыкновенной чистотой воздуха, такъ что ее можно узнать по свѣтящемуся блеску ея атмосферы. Не менѣе сдѣлало для Аѳинъ искусство: они обладаютъ вели-

---

[1]) Id., «Or.», VII.—[2]) Ovid., «Metam.», II, 795.—[3]) Cic., «ad Attic.», V, 10, 5, 11, 4. Prop., III (IV), 21, 29 сл.—[4]) Plutarch., «Pericles», гл. 13, 3.—[5]) Dio Chrys., «Orat.», XXXI, стр. 384, 27 M.—[6]) Sever., гл. 3.

чайшими и прекраснѣйшими храмами, образцовыми произведеніями древней и новой пластики, и, какъ особеннымъ украшеніемъ, — сокровищами книгъ, какихъ нѣтъ больше нигдѣ; сверхъ того прекрасныя, роскошно устроенныя бани, ипподромы, гимназіи, такъ что Аѳины даже внѣшней красотой превосходятъ тѣ города, которые всѣмъ этимъ гордятся [1]). Къ тому же городъ, расположенный подобно острову на землѣ, омываемой отовсюду моремъ, лежитъ посреди острововъ, которые хоромъ окружаютъ его. Какое наслажденіе доставляетъ поѣздка въ Аттику, можно спросить тѣхъ, которые постоянно туда ѣздятъ или по дѣламъ торговли или для изученія страны: оно таково, что душа, для того, чтобы воспринять картину Аѳинъ, должна быть прежде очищена и возвышена. Также и свѣтъ тамъ полнѣе и сильнѣе, какъ-будто Аѳина, какъ у Гомера, снимаетъ съ глазъ у приближающихся туманъ, и они окружены со всѣхъ сторонъ множествомъ разнообразныхъ красотъ, какъ чуднымъ хороводомъ, и вся поѣздка подобна прелестному сну [2]). И кто могъ бы не восхищаться красотой и ласкою полей, которыя простираются сразу за Акрополемъ и врѣзываются въ городъ—частью доходятъ до морского берега, частью сами, какъ морскіе заливы, окружены сосѣдними горами! Кто не будетъ дивиться блеску и нѣжности самихъ горъ, которыя содержатъ въ себѣ матеріалъ для приношенія благодарности богамъ (мраморъ)! Разнообразіемъ своей почвы Аттика до нѣкоторой степени—отпечатокъ всей земли, и нигдѣ больше нѣтъ этого гармоническаго сочетанія земли и моря, прелестнаго соединенія горъ и долинъ и ихъ чередованія. (Аристидъ).

Если Аѳины привлекали друзей искусства, древности и науки, то Коринѳъ обладалъ совсѣмъ другой, но не меньшей притягательной силой. Во многихъ отношеніяхъ разница между обоими городами была подобна разницѣ между нынѣшнимъ Римомъ и Неаполемъ: тамъ серьезность, тишина и повсюду памятники и воспоминанія великаго прошлаго, здѣсь все современно и повсюду кипитъ пышная, пестрая шумная жизнь, всецѣло посвященная наслажденію настоящимъ. Коринѳъ еще превосходилъ Аѳины красотою своего положенія. Чудный видъ съ Акрокоринѳа, который простирается къ сѣверу надъ крисейской бухтой и окружающей ее землей вплоть до снѣжныхъ вершинъ Парнаса и Геликона, описалъ уже Страбонъ [3]). Черезъ 100 лѣтъ послѣ разрушенія Мумміемъ, въ 46 году, Коринѳъ снова выросъ изъ праха, благодаря основаной здѣсь Юліемъ Цезаремъ колоніи. Отнынѣ резиденція римскихъ намѣстниковъ провинціи Ахаи блистала, не говоря ужъ о другихъ новыхъ постройкахъ (Стацій описываетъ колоннаду, проведенную отъ гавани Лехея на Акрокоринѳъ) [4]), — храмомъ Юпитера Капитолійскаго [5]); Адріанъ провелъ туда изъ верхней долины Стимфала, посредствомъ огромнаго водопровода, массу свѣжей горной воды и украсилъ городъ роскошными термами. Благодаря своему несравненному положенію на берегу двухъ морей, дѣлавшему при одномъ и томъ же вѣтрѣ возможнымъ выѣздъ и въѣздъ въ обѣихъ гаваняхъ—Лехеѣ и Кенхреяхъ—и самый городъ мѣстомъ прохода для всѣхъ людей, онъ снова сталъ тѣмъ, чѣмъ былъ нѣкогда, „богатымъ Коринѳомъ“,

---

[1]) Aristid., XIII.—[2]) Aristid., ib.—[3]) Strabo, VIII, 22, стр. 397.—[4]) Stat., «Silv.», II, 2, 34.—[5]) Pausan., II, 4, 5.

рынкомъ, весь годъ посѣщаемымъ всѣми эллинами, и мѣстомъ праздничныхъ собраній, общимъ имъ всѣмъ городомъ и поистинѣ метрополіей Эллады [1]). Еще больше, чѣмъ постройками, самымъ своимъ населеніемъ Коринѳъ производитъ впечатлѣніе негреческаго города. Римскій элементъ былъ въ немъ хотя и не преобладающимъ, но достаточно сильнымъ для того, чтобы рѣшительно вліять на весь складъ жизни: отсюда распространились по всей Греціи гладіаторскія игры и травля звѣрей. Впрочемъ, сюда стекались подонки общества съ востока и запада. Также и Коринѳъ описалъ Аристидъ въ одной торжественной рѣчи (произнесенной на истмійскихъ играхъ въ честь Посидона) [2]). Онъ все еще былъ, какъ и прежде, городомъ Афродиты и, подобно гомеровскому поясу богини, скрывалъ въ себѣ такъ много красоты, граціи, блеска, любовнаго шепота и соблазна, что неотразимо привлекалъ къ себѣ всѣхъ и обольщалъ разумъ даже у наиболѣе самонадѣянныхъ; къ тому же это былъ—городъ Наядъ, источники которыхъ струились повсюду, и Горъ; больше же всего — дворъ и дворецъ Посидона, который доставлялъ ему въ такомъ изобиліи блага и богатства всѣхъ странъ, что онъ плавалъ въ нихъ, какъ въ морѣ. Но онъ былъ богатъ также и книгами. Куда ни взглянешь, всюду были видны книги—на улицахъ и въ залахъ; видны были гимназіи и школы (учителя которыхъ привлекали даже иностранцевъ; напримѣръ, Галенъ пришелъ сюда съ цѣлью послушать врача Нумизіона) [3]). Наконецъ, онъ могъ потягаться съ любымъ городомъ обиліемъ своихъ легендъ и воспоминаніями о славномъ прошломъ.

На ряду съ Коринѳомъ, наиболѣе посѣщаемымъ римлянами мѣстомъ было святилище Эскулапа въ Эпидаврѣ въ Пелопоннесѣ, снова поднявшееся въ императорское время. Естественное огражденіе священнаго курорта горами было еще довершено стѣнами. Внутри границы храмовой области „простиралась густая роща, въ тѣни которой собирались посѣтители курорта и располагались участники празднества. По рощѣ были разсѣяны различныя постройки, посвященныя служенію богу и уходу за больными; множество руинъ указываетъ на изобиліе строеній". Щедрость императора Антонина сильно расширила эти учрежденія; къ его сооруженіямъ относятся дома для умирающихъ и для разрѣшающихся отъ бремени на внѣшней границѣ храмовой области, такъ какъ въ этой послѣдней никто не могъ ни родиться, ни умереть. „Эта замкнутая отовсюду долина была, повидимому, однимъ изъ самыхъ прелестныхъ мѣстъ Греціи, пока она стояла въ полной красѣ своихъ храмовъ, между лѣсистыми вершинами, занятыми священными рощами; прекрасный садъ и богатый музей искусства, наполненный безчисленными памятниками цѣлаго ряда столѣтій, въ теченіе которыхъ слава эпидаврскаго бога созывала сюда ищущихъ помощи со всѣхъ частей свѣта" (Curtius, Peloponnes).

Перечисленіе однихъ только знаменитѣйшихъ городовъ, храмовъ съ массою ихъ произведеній искусства, пунктовъ, замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи, руинъ прежнихъ временъ, посѣщаемыхъ путешественниками въ Греціи,—заняло бы цѣлую книгу; также будетъ позднѣе рѣчь о мѣстахъ

---

[1]) Aristid., «Orat.», III, стр. 21 сл.—[2]) Arist., «Orat.», III, 23, 5.—[3]) Galen., ed. K., II, 127.

и достопримѣчательностяхъ, которыя преимущественно посѣщались любителями искусства, древности и исторіи. Самымъ знаменитымъ изъ увеселительныхъ мѣстъ былъ Эдепсъ на Евбеѣ на самомъ берегу моря, съ теплыми сѣрными источниками, еще и теперь посѣщаемыми больными—это было мѣсто, куда собиралась вся Греція; но, конечно, не было недостатка и въ посѣтителяхъ изъ Рима; здѣсь довольно долго жилъ Сулла [1]). Оживленнѣе всего Эдепсъ бывалъ весною. Для пріема гостей здѣсь были устроены прекрасныя квартиры съ залами и бассейны для купанья; земля и моря доставляли въ изобиліи драгоцѣннѣйшія лакомства для пиршествъ, которыя чаще всего устраивались на берегу. Впрочемъ, мотовство и роскошь, повидимому, не были здѣсь неизбѣжными, какъ въ Баяхъ; здѣсь находили пріятное общество и много благородныхъ наслажденій [2]). Теперь древній Эдепсъ со всѣми своими постройками погребенъ подъ массою желтоватой извести, которую выдѣляютъ эти удивительно богатые источники; она образовала здѣсь холмъ, тянущійся на протяженіи десяти минутъ и въ вышину доходящій до 100 футовъ.

---

5. Греческіе острова и Малая Азія.

Большая часть римлянъ, ѣздившихъ въ Грецію, посѣщала, конечно, и Малую Азію. Острова Эгейскаго моря, нѣкогда цвѣтущіе и густо населенные, теперь опустѣлые и частью обитаемые лишь изгнанниками, представляли проѣзжающимъ богатый матеріалъ для разсужденій о преходящести всего земного, останавливаться здѣсь не любили [3]). Изгнаніе на печальные скалистые острова; населенные лишь бѣдными рыбаками, какъ Серифъ, Фолегандръ, Гіаросъ,—считалось однимъ изъ наиболѣе тяжелыхъ наказаній; болѣе мягкой считалась ссылка на одинъ изъ большихъ или болѣе привѣтливыхъ острововъ, какъ Андросъ или Наксосъ. Лишь для того, чтобы посѣтить друзей или великихъ людей, жившихъ здѣсь въ изгнаніи, или чтобы взглянуть на мѣсто ихъ страданій, приставали путники къ этимъ скалистымъ островамъ. Когда Музоній Руфъ былъ изгнанъ на Гіаросъ, многіе греки ѣздили туда для того, чтобы познакомиться съ знаменитымъ философомъ, позднѣе же, чтобы посмотрѣть на источникъ, который онъ открылъ на этомъ прежде безводномъ островѣ [4]). Въ одной пещерѣ на Фолегандрѣ среди записанныхъ тамъ именъ встрѣчаются также и римскія [5]).

Даже нѣкогда столь многолюдный Делосъ, объявленный римлянами портофранко, какъ главная станція торговаго сообщенія Запада съ Востокомъ, переживішій въ періодѣ 168—88 г. новый и высокій расцвѣтъ, все же никогда не могъ оправиться отъ полнаго разрушенія полководцемъ Митридата Менофаномъ въ 88 г. Римляне возвратили островъ аѳинянамъ, во владѣніи которыхъ онъ и оставался вплоть до времени поздней имперіи; Павсаній нашелъ его почти безлюднымъ [6]), если не считать стоявшаго тамъ для охраны храма аѳинскаго гарнизона. Все же римляне, ѣздившіе въ Азію, могли часто приставать къ нему, какъ это сдѣлалъ Цицеронъ въ 51 году [7]). Также

[1]) Plutarch., «Sulla», гл. 26, 5.—[2]) Id., «Quaestion. conviv.», IV, 4, 1—4 и 8. «De fraterno amore», гл. 17.—[3]) Antipater Thessalonic., 35—37.—[4]) Philostrat., «Vit. Apoll. Tyan». p. 138, 22.—[5]) C. I. L., III, 1, 489.—[6]) Pausan., VIII, 33, 1.—[7]) Cic., «ad Att.», V, 11.

и здѣсь искали мѣстъ знаменитыхъ изъ исторіи или изъ легендъ. Все еще показывали пальму, у которой Латона родила Аполлона [1]); Овидій называетъ даже двѣ, можетъ быть по собственному наблюденію [2]). Конечно, тамъ осматривали также храмъ съ его колоннадами и посвятительными подарками царей, знаменитый алтарь, выстроенный изъ роговъ (по легендѣ младенцемъ Аполлономъ), любовались множествомъ стоящихъ повсюду статуй и другими достопримѣчательностями.

Изъ большихъ острововъ много посѣщались, вѣроятно, Хіосъ и Самосъ, больше же всѣхъ послѣ Родоса—Лесбосъ [3]), прославленную столицу котораго, Митилену, уже Цицеронъ называетъ городомъ, знаменитымъ природою и положеніемъ, правильностью плана и красотою построекъ, окрестности котораго красивы и плодородны [4]). Сюда уѣхалъ Агриппа, желая избѣжать подозрѣнія въ томъ, что онъ стоитъ на дорогѣ намѣченному наслѣднику престола Марцеллу [5]); изгнанному въ 33 году изъ Италіи Юнію Галліону не была разрѣшена жизнь „на знаменитомъ и красивомъ островѣ", какъ слишкомъ легкій родъ ссылки [6]). До сихъ поръ сохранились руины одной, повидимому, римской виллы на Лесбосѣ въ прелестной мѣстности. „Благодаря богатой растительности, освѣжающей близости моря, и восхитительному виду на проливъ и высоты азіатскаго берега, эта мѣстность, необыкновенно здоровый климатъ которой прославляется ея обитателями, была настолько привлекательна, что еще теперь можно понять, почему столица острова казалась римской аристократіи желаннымъ мѣстомъ остановки" (Conze, Reise auf d. Insel Lesbos).

Но главной цѣлью римскихъ путешественниковъ по этимъ морямъ, безъ сомнѣнія, былъ Родосъ, столица котораго за все это время оставалась самымъ значительнымъ городомъ Греціи. „Знаменитому Родосу", какъ его называетъ Горацій [7]), по словамъ Страбона,—не было города равнаго во всей Греціи [8]); во время Веспасіана онъ былъ самымъ богатымъ и цвѣтущимъ городомъ Греціи [9]) и оставался такимъ до середины II столѣтія, пока ужасное землетрясеніе не превратило большую часть его въ рядъ развалинъ. Въ одной рѣчи, произнесенной подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этой катастрофы, Аристидъ говоритъ: „величайшій греческій городъ застигнутъ тяжелѣйшимъ ударомъ" [10]). Но и непосредственно послѣ нея, по его описанію, городъ оставался такимъ же сильнымъ, какъ во время своего морского могущества, новымъ, какъ только-что выстроенный [11]) и настолько прекраснымъ, что его можно было справедливо назвать городомъ бога-Солнца [12]). Молы его гаваней, постоянно полныхъ кораблями изъ Іоніи, Каріи, Египта, Кипра и Финикіи, заходили далеко въ море, его огромныя корабельныя верфи сверху казались висящими полями; тріеры, трофеи съ носами кораблей и другія воспоминанія о древнихъ побѣдахъ напоминали о временахъ прежняго могущества. Надъ ними поднимался амфитеатромъ городъ, заложенный знаменитымъ архитекторомъ Гипподамомъ изъ Милета въ 404 г. до Р. Хр. [13]). Его акрополь зеленѣлъ полями и рощами, улицы были прямыя и широкія, всѣ по-

---

[1]) Plin., «N. h.», XVI, 240.—[2]) Ovid., «Heroid.», 21, 95—104.—[3]) Horat., «Carm.», I, 7, 1.—[4]) Cic., «Contra Rull.», II, 16, 40.—[5]) Sueton., Tiber., гл. 10,—[6]) Tac., «A.», VI, 3.—[7]) Horat., «Carm.», I, 7, 1.—[8]) Strabo, XIV, стр. 652.—[9]) Dio Chrys., «Or.», XXXI.—[10]) Aristid., «Orat.», XLIII.—[11]) Id., стр. 541, [12]) Lucian., «Amores.», гл. 8.—[13]) Diodor., XIX, 45.

стройки такъ похожи одна на другую, что весь городъ казался однимъ домомъ. Больше всего возбуждали удивленiе сильныя стѣны, высокiя прелестныя башни которыхъ служили вѣхами для пловцовъ; и образованный стѣнами кругъ былъ весь заполненъ, такъ что онъ окружалъ городъ, какъ вѣнокъ голову (по Аристиду). Его храмы и святыни изобиловали статуями и картинами: одного Родоса не коснулись грабежи Нерона [1]). По словамъ Лицинiя Муцiана, въ городѣ было 3000 статуй (какъ въ Аѳинахъ, Дельфахъ и Олимпiи) [2]). „Даже послѣ землетрясенiя,—говоритъ (преувеличивая) Аристидъ,—осталось еще такъ много картинъ и издѣлiй изъ бронзы, что другiе города удовольствовались бы лишь частью ихъ“ [3]). Сверхъ того, весь островъ отличался красотою природы и здоровымъ климатомъ, и римляне поэтому часто избирали его мѣстомъ жительства. Извѣстно семилѣтнее пребыванiе тамъ Тиберiя, въ теченiе котораго онъ ревностно занимался астрологiей [4]). Его домъ (какъ вилла Юпитера на Капри) стоялъ на скалѣ надъ моремъ, въ которое онъ приказывалъ бросать заподозрѣнныхъ имъ помощниковъ въ его работѣ [5]). Также и Неронъ намѣтилъ своимъ мѣстопребыванiемъ Родосъ, когда онъ, желая избавиться отъ опеки Агриппины, объявилъ, что отказывается отъ власти [6]).

Не совсѣмъ обычный путь для своего путешествiя (въ 18 г.) избралъ [7]) Германикъ, ѣхавшiй изъ Аѳинъ черезъ Евбею и Лесбосъ къ берегамъ Малой Азiи; затѣмъ онъ посѣтилъ Перинѳъ и Византiю и въѣхалъ въ Черное море, „охваченный желанiемъ изучить древнiя мѣстности, прославленныя молвою“; на обратномъ пути неблагопрiятные вѣтры не дали ему посѣтить Самоѳракiю. Если эти сѣверные берега и острова не посѣщались большинствомъ путешественниковъ, то, конечно, лишь немногiе не пользовались случаемъ „посмотрѣть на Илiонъ и на то, что тамъ замѣчательно благодаря перемѣнамъ судьбы и происхожденiю Рима“.

Небольшой городъ, населенный эолiйскими греками, не очень древнiй Илiонъ (нынѣ Гиссарлыкъ—т.-е. дворцы), до занятiя Азiи римлянами былъ мѣстечкомъ вродѣ деревни безъ стѣнъ, даже безъ черепичныхъ крышъ [8]), все же уже и тогда онъ, не вызывая ничьихъ возраженiй, славился тѣмъ, что стоитъ на мѣстѣ священнаго Илiона Гомера, который, по утвержденiямъ обитателей, никогда не прекращалъ своего существованiя, но послѣ возвращенiя грековъ домой вновь былъ отстроенъ бѣжавшими троянцами. Паллада Аѳина, которой молились Гекуба и Андромаха, оставалась защитницей и новаго города; Ксерксъ и Александръ Великiй здѣсь приносили ей жертвы; послѣднему въ ея храмѣ уже показывали лиру Париса и оружiе гомеровскихъ героевъ [9]). Также мало сомнѣвались въ тожествѣ Илiона и древней Трои и римляне. Этотъ городъ, отъ котораго они вели свое происхожденiе, они сдѣлали господиномъ всего берега, и вслѣдствiе дарованной ему свободы отъ пошлинъ и другихъ преимуществъ, онъ скоро поднялся до степени значительнаго города средней руки. Въ 85 году Марiанецъ Фимбрiя взялъ посредствомъ измѣны этотъ преданный Суллѣ городъ, разрушилъ его стѣны

[1]) Dio, «Or.», XXXI, стр. 355.—[2]) Plin., «N. h.», XXXIV, 30.—[3]) Aristid., ib.—[4]) Sueton., «Tiber.», гл. 11.—[5]) Tacit., «Ann.», VI, 20.—[6]) Sueton., «Nero», гл. 34.—[7]) Tac., «A.», II, 53.—[8]) Strabo, XIII, стр. 524.—[9]) Herodot., VII, 43. Arrian., I, 11. Plutarch., «Alex.», гл. 15.

и сжегъ дома и даже храмъ Аѳины. „Даже при взятіи Агамемнономъ,—говоритъ Аппіанъ,—городъ не перенесъ такъ много; не осталось ни одного храма, ни одного дома, ни одной статуи; только изображеніе Аѳины, какъ утверждали нѣкоторые, осталось неповрежденнымъ подъ руинами храма“ [1]). Сулла далъ жителямъ Иліона много привилегій; особенно же дѣятельно доказалъ имъ свое расположеніе Юлій Цезарь, который считалъ своимъ родоначальникомъ сына Энея, Іула. Онъ увеличилъ количество принадлежавшей имъ земли и подтвердилъ ихъ самостоятельность и свободу отъ пошлинъ [2]). Когда въ 26 г. по Р. Хр. они вмѣстѣ съ другими десятью городами провинціи Азіи домогались чести построить храмъ Тиберію, они защищали свое требованіе тѣмъ, что городъ—мать Рима; имъ было отказано потому, что они только и имѣли славу древности [3]),—въ которой, значитъ, никто не сомнѣвался. Въ 53 г. Клавдій далъ имъ свободу отъ всѣхъ повинностей и отъ постоя [4]). Ихъ адвокатомъ въ сенатѣ выступилъ шестнадцатилѣтній Неронъ, который краснорѣчиво развивалъ, что римскій народъ произошелъ изъ Трои, Эней былъ родоначальникомъ дома Юліевъ, и „другія легендарныя преданія старины“ [5]). Также и рескриптъ Антонина Пія, подтверждавшій ихъ свободы (именно освобожденіе отъ опеки надъ неиліонскими дѣтьми) приводилъ мотивомъ этого знаменитость города и родство его съ Римомъ [6]). Такимъ образомъ, вѣра въ тожественность Иліона и Трои была у римлянъ оффиціально признанной и, безъ сомнѣнія, общей.

Все же была сдѣлана одна попытка уничтожить оружіемъ исторической критики ту славу, которой Иліонъ былъ обязанъ своимъ новымъ расцвѣтомъ. Знаменитый филологъ Деметрій и извѣстная толковательница Гомера Гестіея оспаривали учеными аргументами тожественность Иліона и Трои и утверждали, что послѣдняя стояла на разстояніи 30 стадій ($^3/_4$ мили) отъ него (т.-е. недалеко отъ нынѣшняго Бунарбаши). Оба они происходили изъ сосѣднихъ городовъ—Скепсиса и Александріи Троадской и, можетъ-быть, ревность побудила ихъ произвести это нападеніе, которое было тѣмъ опаснѣе, что исходило изъ Александріи, центра греческой филологіи и изученія древности. Въ ученомъ мірѣ этотъ новый взглядъ, повидимому, встрѣтилъ сочувствіе, по крайней мѣрѣ Страбону онъ казался авторитетнымъ; въ болѣе широкіе круги образованныхъ въ Греціи онъ не проникъ, и еще менѣе поддавались вліянію такихъ критическихъ соображеній римскіе путешественники, съ юныхъ лѣтъ привыкшіе почитать Иліонъ, какъ мать Рима и любившіе отыскивать на классической почвѣ каждое отдѣльное мѣсто, упомянутое въ исторіи Трои.

Жители Иліона, впрочемъ, старались удовлетворить даже самой страстной любознательности посѣтителей. Добросовѣстные путешественники, „желавшіе наполниться всей тамошней наукой о древности“ [7]) безъ сомнѣнія, кромѣ города и окрестностей обходили съ проводниками также и всю равнину, для того, чтобы основательно изучить мѣсто троянской войны. Имъ показывали мѣста стоянокъ обоихъ войскъ, мѣсто, гдѣ стояли греческіе корабли

[1]) Appian., «Mithridat.», 53.—[2]) Strabo, стр. 594, сл.—[3]) Tac., «A.», IV, 55.—[4]) Sueton., «Claud.», гл. 25.—[5]) Tac. «A.», XII, 58.—[6]) Digg., XXVII, 1, 17, § 1.—[7]) Philostr., «Apoll. Tyan.», IV, 11, 148, стр. 168

и все прочее, упомянутое въ Иліадѣ, какъ смоковницу (по словамъ Страбона, это было неровное мѣсто, поросшее дикими фиговыми деревьями), букъ, памятникъ Ила и т. д. [1]), также пещеру, въ которой Парисъ произнесъ свой роковой приговоръ и которую Діодоръ называетъ „достойною боговъ". Гробницы павшихъ и умершихъ героевъ находились тамъ въ большомъ количествѣ; въ доказательство того, что Анхисъ погребенъ въ Мантинеѣ въ Аркадіи, Павсаній приводитъ тотъ аргументъ, что иліонцы не показываютъ его могилы [2]). На могилахъ Аянта возлѣ Рэтея, Ахилла, Патрокла и Антилоха, возлѣ Сигея, иліонцы приносили жертвы; повидимому, приносили жертвы и многіе путешественники, какъ, напримѣръ, на могилѣ Ахилла—Каракалла и, по словамъ Филострата, Аполлоній Тіанскій [3]). На могилѣ Протесилая стояли деревья, которыя всегда засыхали, когда ихъ верхушки становились достаточно высокими для того, чтобы видѣть Иліонъ, и тогда снова начинали расти [4]). Упавшаго съ неба изваянія Паллады, увезеннаго Діомедомъ, иліонцы, конечно, не могли показать римлянамъ, такъ какъ эта реликвія находилась въ Римѣ въ подтвержденіе его происхожденія отъ Трои; но Овидій просилъ показать ему въ храмѣ богини мѣсто, гдѣ оно стояло [5]). Изъ реликвій, находившихся на мѣстѣ, кромѣ названныхъ выше, иліонцы показывали еще наковальни, которыя Зевсъ привѣсилъ въ наказаніе къ ногамъ Геры.

Въ стихотвореніи Лукана, Цезарь посѣщаетъ страну послѣ сраженія при Фарсалѣ; безъ сомнѣнія, поэтъ въ описаніи передаетъ свои собственныя путевыя впечатлѣнія: во время пребыванія въ Аѳинахъ онъ могъ съѣздить и туда [6]). „Безплодные лѣса и сгнившіе пни,—говоритъ онъ,—отягчали древніе царскіе дворцы и росли въ храмахъ боговъ; весь Пергамъ покрытъ зарослью и даже руины его исчезли. Онъ видитъ скалу, къ которой была привязана Гесіона, и покой Анхиса, скрытый въ кустарникахъ, пещеру, въ которой сидѣлъ судья богинь, мѣсто, съ котораго Ганимедъ былъ похищенъ на небо, скалу, на которой играла нимфа Энона; нѣтъ здѣсь ни одного камня безъ имени. Онъ перешагнулъ неосторожно черезъ ручей, медленно текущій въ сухой пыли: это былъ Ксанѳъ; невзначай онъ ступилъ на высокую траву: туземецъ остерегаетъ его не ступать на прахъ Гектора. Лежали разбросанные камни, и не было никакого слѣда, что они когда-то образовали святилище. „Развѣ ты не видишь,—говоритъ проводникъ,—алтарей, у которыхъ палъ Пріамъ"?

Но и вообще этотъ берегъ Малой Азіи изобиловалъ привлекательными пунктами; съ Іоніей не могла сравниться даже Греція, которую она превосходила своимъ климатомъ [7]). Здѣсь были знаменитѣйшіе и величайшіе и древнѣйшіе храмы (напримѣръ въ Колофонѣ [8]), который въ 19 г. посѣтилъ Германикъ для того, чтобы вопросить мѣстнаго оракула, въ Эфесѣ и въ Милетѣ) и прекрасные города, богато обставленные роскошью новѣйшаго времени, особенно банями [9]). Среди нихъ самыми значительными были Эфесъ и Смирна; оба, на ряду съ Тарсомъ и Антіохіей, Діонъ изъ Прузы называетъ

[1]) Strabo, XIII; Pompon. Mela, I, 18. Artemidor. Onirocr., IV, 47, стр. 228.—[2]) Pausan, VIII, 12, 4.—[3]) Strabo, l. l. Philostr., l. l. LXXVII, 16. Herodian., IV, 8.—[4]) Plin, «N. h.», XVI, 238. Philipp., «Epigr.», 75. Anthol., Gr., II.—[5]) Ovid., «Fast.», VI, 421.—[6]) Lucan., «Pharsal.», IX, 901 слл.—[7]) Pausan., VII, 5.—[8]) Tac., «A », II, 54.—[9]) Aristid., «Or.», XIII, стр. 189 J.

праобразами, которымъ долженъ былъ бы подражать его родной городъ [1]); и вѣроятно оба были наиболѣе посѣщаемы путешественниками. Первый, какъ богатый торговый пунктъ Передней Азіи [2]) и сокровищница страны подъ римскимъ владычествомъ [3]) былъ главнымъ городомъ провинціи и считался однимъ изъ самыхъ населенныхъ и красиво отстроенныхъ городовъ въ мірѣ [4]).

Все же слава самаго прекраснаго города уже во время Страбона утвердилась за Смирной, хотя ея улицы благодаря недостатку отводныхъ каналовъ все еще были очень грязными [5]). Это зло, повидимому, позднѣе преодолѣли, и вообще въ теченіе обоихъ первыхъ столѣтій городъ все росъ и украшался, такъ что его справедливо можно было назвать „первымъ городомъ Азіи по величинѣ и красотѣ, блестящей метрополіей Азіи“. Лукіанъ называетъ ее прекраснѣйшимъ изъ всѣхъ іонійскихъ городовъ, Филостратъ—прекраснѣйшимъ изъ всѣхъ существующихъ подъ солнцемъ, и имя „прекраснѣйшая“, которое она носитъ на надписяхъ (III столѣтія), повидимому, было признаннымъ повсюду: ибо у Аристида говорится, что она „названа по своей красотѣ“ [6]). Послѣдній по своему обыкновенію описалъ ее, какой она была до опустошившаго ее землетрясенія (178 г.) [7]). Прелестно расположенная, поднимаясь отъ моря и гаваней къ высотамъ, она повсюду представляла одинаково красивый видъ—смотрѣть ли сверху внизъ на море, городъ и пригороды, или снизу—со входа въ гавань. Но красивѣе вида издали былъ самъ городъ. Онъ лежалъ такимъ прекраснымъ и цвѣтущимъ, какъ-будто не былъ выстроенъ, а выросъ сразу изъ земли. Весь онъ блисталъ гимназіями, площадями, театрами, храмами и ихъ садами. Бань было такъ много, что затруднялись выборомъ; галлереи крытыя и некрытыя, одна прекраснѣе другой; источники и колодцы, домъ за домомъ, безъ конца; улицы, какъ площади, пересѣкающія одна другую подъ прямыми углами, вымощенныя мраморомъ, оправленныя въ одноэтажныя и двухэтажныя аркады. Учебныя заведенія, способы образованія всѣхъ родовъ, туземные и иностранные, избытокъ состязаній, зрѣлищъ и другихъ удовольствій, соперничество между произведеніями человѣческаго труда и искусства и произведеніями земли и моря; наконецъ, прекраснѣйшій климатъ, такъ какъ западные вѣтры, дующіе съ моря лѣтомъ и весной, дѣлали городъ поистинѣ благодатнымъ мѣстомъ. Короче, это былъ городъ, наиболѣе соотвѣтствующій интересамъ обѣихъ націй (грековъ и римлянъ), одинаково удовлетворявшій какъ ищущихъ постояннаго отдыха, такъ и ищущихъ образованія [8]). Школы Смирны посѣщались студентами со всѣхъ трехъ частей свѣта. Знаменитый софистъ Скопеліанъ (въ концѣ I столѣтія), по словамъ Филострата, выбралъ его себѣ, какъ достойное его мѣсто: ибо, если вся Іонія была большимъ жилищемъ музъ, то Смирна занимала въ ней главное мѣсто, какъ въ лирѣ перекладинка, черезъ которую натянуты струны [9]). Конечно, тамъ никогда не было недостатка въ извѣстныхъ учителяхъ для всѣхъ наукъ: на 21 году своей жизни (150 г.), Галенъ отправился въ Смирну, чтобы слушать тамъ Пелопа, ученика Нумизіана, и платоника Албина.

---

[1]) Dio Chrys., стр. 489, 20 M.—[2]) Strabo, XIV, 641 сл.—[3]) Aristid., «Or.», XLII, стр. 522.—[4]) Seneca, «Epp.», 102, 21.—[5]) Strabo., XIV, 646.—[6]) Lucian., «Imagg.», 2. Aristid., «Or.», XLI, стр. 613. Philostr, «Apoll. Tyan.», IV, 7; C. I. G., 3202, 3304—6.—[7]) Dio, LXXI, 32.—[8]) Aristid., «Orat.», XV, XX, XLII.—[9]) Philostr., «V. Soph.», стр. 219.

6. Египетъ.

За предѣлы такъ легко достижимой провинціи Азіи очень рѣдко простирались—даже и сухимъ путемъ—на востокъ и югъ путешествія, не преслѣдовавшія спеціально научной цѣли и совершавшіяся лишь ради образованія и удовольствія. Кипръ обыкновенно не былъ цѣлью путешествія, но посѣщался на пути въ Сирію или въ Египетъ. Такъ, тамъ останавливался Титъ, отправившійся въ 70 г. изъ Коринѳа въ Іудею: ему захотѣлось посмотрѣть прославленный мѣстными жителями и чужестранцами храмъ Венеры въ Пафосѣ. Онъ увидѣлъ здѣсь обелискъ, стоявшій тамъ вмѣсто изображенія богини, храмовыя сокровища и посвятительные дары царей и то „что греки, любившіе древности, приписывали неизвѣстной старинѣ", и вопросилъ оракулъ [1]). Путешествія въ Сирію, Финикію и Палестину, не вызванныя дѣлами или службой, повидимому, были очень рѣдкими въ теченіе первыхъ столѣтій. Конечно, и въ этихъ земляхъ было много замѣчательнаго и интереснаго, но далекое и трудное путешествіе по морю удерживало большинство туристовъ отъ посѣщенія ихъ, и до III столѣтія въ Іерусалимъ (который Плиній, можетъ быть, со словъ Агриппы, называетъ самымъ знаменитымъ городомъ Востока) [2]) римскіе путешественники, а также и греческіе заѣзжали лишь въ видѣ исключенія (какъ Павсаній, бывшій на Іорданѣ и на Мертвомъ морѣ). Пышная столица Сиріи, Антіохія, упоминается въ литературѣ обоихъ первыхъ столѣтій также рѣдко, какъ часто тамъ называютъ Александрію; напримѣръ, Плиній Старшій лишь два раза упоминаетъ ее среди географическихъ данныхъ и одинъ разъ, какъ мѣсто нахожденія извѣстныхъ видовъ растеній, очевидно изъ греческихъ источниковъ.

Наоборотъ, очень велико было число тѣхъ, которые изъ года въ годъ отправлялись въ Египетъ, какъ изъ Греціи, такъ и изъ Италіи, съ которой онъ находился въ непрерывномъ сообщеніи все время навигаціи. Линія, по которой ходили суда, шла отъ Александріи къ Путеоламъ. Со времени обмеленія гавани въ Остіи и до сооруженія тамъ новой Клавдіемъ и Траяномъ, она была спеціально гаванью для Рима. Одинъ греческій поэтъ времени Августа и Тиберія, Антифилъ, спрашиваетъ, „почему Путеолы нуждаются въ такихъ огромныхъ молахъ, далеко входящихъ въ море?" Отвѣтъ гласитъ: „гавань должна вмѣщать въ себѣ флотъ, состоящій изъ кораблей всего міра; взгляни на Римъ,—и она покажется тебѣ маленькой". Совершенно такъ же выразился про эту бухту Стацій, говоря, что она „даетъ пріютъ всему міру". Изъ сосудовъ съ изображеніями Путеолъ, которые посѣтители его купаній увозили на память къ себѣ на родину, сохранились два (въ одемирскихъ рудникахъ въ португальской провинціи Алентежо и въ Піомбино); на нихъ изображены молы Путеолъ, 16 каменныхъ быковъ которыхъ существуютъ до сихъ поръ (такъ называемый мостъ Калигулы); ихъ было, по свидѣтельствамъ, 25, и они образовали 24 пролета. Съ суши входили туда въ особыя ворота. Сенека описываетъ, какъ всѣ Путеолы устремляются на молы, когда возвѣщали о прибытіи александрійскихъ кораблей съ зерномъ. Появленіе идущихъ впереди

[1]) Tac., «Hist.», II, 1—4.—[2]) Plin., «N. h.», V, 20.

такъ называемыхъ „почтовыхъ кораблей“ „tabellariae“ было радостью для всей Кампаніи. Ихъ сразу узнавали среди всѣхъ другихъ судовъ, сколько бы ихъ ни было на морѣ; они одни, проѣхавъ между Капри и мысомъ, „гдѣ съ обвѣваемой бурями вершины Минерва смотритъ на море“ (мысъ Кампанелла), оставляли топсель, который спускали всѣ другіе корабли. Въ столь спокойномъ нынѣ бассейнѣ гавани Pozzuoli тогда тѣснились корабли со всѣхъ гаваней средиземнаго моря. Могильная надпись одного севира августаловъ въ Ліонѣ, бывшаго одновременно судовладѣльцемъ въ Путеолахъ, позволяетъ заключить о существованіи прямого сообщенія между обоими мѣстами. Объ объемѣ испанской экспортной торговли, по Страбону, можно было судить по величинѣ и множеству торговыхъ кораблей, шедшихъ изъ Испаніи въ Путеолы и въ Остію и нагруженныхъ зерномъ, виномъ, масломъ, воскомъ, медомъ смолой, багрецомъ и сурикомъ. Числомъ ихъ было не меньше, чѣмъ африканскихъ [1]). У Филострата говорится, что изъ многихъ кораблей, стоявшихъ въ гавани Путеолъ, одни идутъ въ Африку, другіе въ Египетъ, Финикію и на Кипръ, въ Сардинію и за Сардинію [2]). Отдача въ наемъ складовъ и магазиновъ считалась тамъ очень выгодной уже въ послѣдее время республики [3]). Наряду съ хлѣбомъ изъ Африки и Египта, масломъ и виномъ изъ Испаніи, желѣзомъ съ Эльбы (которое закупалось оптовыми торговцами здѣсь и въ другихъ гаваняхъ западнаго берега, обрабатывалось въ различныя издѣлія и снова расходилось по всему міру) [4]) и съ другими сырыми продуктами западныхъ земель, сюда стекались также фабрикаты Александріи—полотно, пестрые ковры, стеклянныя издѣлія, бумага, ладанъ и пр. и драгоцѣнныя издѣлія и товары дальнаго Юга и Востока, которыя доставлялись сюда александрійской транзитной торговлей. Одна надпись, относящаяся самое позднее къ началу имперіи, составлена купцами, имѣвшими дѣла въ Александріи, Азіи и Сиріи [5]). Когда Августъ незадолго до смерти проѣзжалъ по этой гавани, онъ былъ обрадованъ ликующими возгласами съ одного изъ александрійскихъ кораблей; каждому изъ своей свиты онъ подарилъ по 40 золотыхъ монетъ подъ условіемъ истратить ихъ только на александрійскіе товары [6]). Вѣроятно, о многихъ жителяхъ Путеолъ можно было сказать то, что говоритъ про себя Г. Октавій Агаѳонъ,—что онъ здѣсь отдыхаетъ послѣ утомительныхъ путешествій съ Востока на Западъ. Населеніе изобиловало восточными элементами. Греки и іудеи, египтяне и сирійцы постоянно селились здѣсь на долгое время, большіе торговые города Востока какъ Іераполь, Беритъ и Тиръ и, безъ сомнѣнія, многіе другіе имѣли въ Путеолахъ свои агентства и богослуженія [7]). На найденномъ тамъ постаментѣ одной колоссальной статуи Тиберія изображены 14 городовъ провинціи Азіи, которые Тиберій отстроилъ послѣ землетрясенія 17 г., среди нихъ Эфесъ, Сарды, Кибира и др.; августалы Путеолъ, заказавшіе эту статую, частью происходили изъ этихъ, городовъ, частью состояли съ ними въ торговыхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, пристававшій къ этой гавани путешественникъ имѣлъ передъ глазами уголокъ Востока: въ кишѣвшей здѣсь толпѣ виднѣлись всѣ наряды восточныхъ народовъ, слышался ихъ говоръ, продавались ихъ товары и продукты.

---

[1]) Strabo, III, 13.—[2]) «Apoll. Tyan.», VII, 12.—[3]) Cic., «Defin.», II, 84.—[4]) Diodor, V, p, 145 C.—[5]) C. I. L., X, 1797.—[6]) Sueton, «Aug.», 98.—[7]) C. J. G., III, 5833.

Въ этой гавани во время навигаціи, конечно, всегда стояли на якорѣ александрійскіе корабли всѣхъ величинъ и родовъ, начиная съ маленькой легкой шкуны [1]) и кончая громаднымъ грузовымъ кораблемъ. Эти корабли кромѣ Египта строились еще въ Никомидіи [2]). Лукіанъ описалъ одинъ такой корабль, который, занесенный бурей въ Пирей, привлекъ туда массу любопытныхъ, сошедшихся посмотрѣть на это рѣдкое зрѣлище [3]). Трехмачтовое судно „Исида" въ длину было 180 футовъ, наибольшая ширина больше четверти длины, наибольшая глубина свыше 40 ф., слѣдовательно, водоизмѣщеніе было приблизительно 1575 тоннъ; такимъ образомъ, оно было подобно большому кораблю (которые обыкновенно измѣряются 800—1500 тоннами, хотя бываютъ и большіе); оно приносило своему владѣльцу ежегодно 12 аттическихъ талантовъ (28000 р.) и больше. Оно было окрашено, съ каждой стороны своей передней части имѣло по изображенію богини, имя которой оно носило, и много другихъ украшеній; посѣтители гавани, не видѣвшіе еще ничего подобнаго, пользовались случаемъ и просили водить себя по всему кораблю, осматривали съ удовольствіемъ мачты и паруса, снасти, канаты, якорь и подъемныя машины, каюты на палубѣ и дивились загорѣлымъ матросамъ, говорящимъ на чужомъ языкѣ и безстрашно лазящимъ по канатамъ. Египетскіе рулевые считались хорошо знающими море и на нихъ повсюду былъ спросъ [4]). Наибольшимъ количествомъ народу, которое могъ вмѣстить египетскій корабль, по словамъ Аристида, было 1000 чел. Корабль, на которомъ въѣхалъ въ гавань Адрію императоръ Клавдій по возвращеніи изъ покоренной Британіи, былъ скорѣе огромнымъ дворцомъ, чѣмъ кораблемъ [5]).

Впрочемъ, даже самые огромные корабли, назначенные для перевозки хлѣба, уступали кораблямъ выстроеннымъ для транспорта мрамора и мраморныхъ колоннъ, [6]) и особенно исполинскимъ кораблямъ для перевозки обелисковъ. Къ нимъ принадлежалъ первый александрійскій корабль, вошедшій въ правленіе Августа въ Остію, „Акатъ"; онъ привезъ большой обелискъ, поставленный потомъ въ Большомъ циркѣ (теперь на Piazza del Popolo). Ради его достопримѣчательности Августъ приказалъ его выставитъ на верфяхъ Путеолъ; но онъ уже успѣлъ сгорѣть къ тому времени, когда писалъ Плиній [7]). Кромѣ 1200 пассажировъ и обелиска онъ вмѣщалъ въ себѣ грузъ папируса, селитры, перцу, полотна и 400000 римскихъ мѣръ пшеницы. Но самымъ большимъ чудомъ когда-либо видѣннымъ на морѣ, Плиній считаетъ корабль, который по приказанію Калигулы привезъ обелискъ, предназначавшійся для ватиканскаго цирка (стоящій теперь на площади св. Петра), вмѣстѣ съ четырьмя глыбами того же камня, которые должны были образовать его постаментъ. Онъ везъ въ видѣ балласта около 120000 римскихъ мѣръ чечевицы, его главную мачту едва могли обхватить четыре человѣка, своею длиной онъ занялъ почти всю лѣвую сторону гавани Остіи; ибо тамъ Клавдій позднѣе приказалъ его погрузить, отягчивъ его тремя башнями изъ путеоланскаго цемента [8]). Также и о кораблѣ, привезшемъ обелискъ, поставленный Констанціемъ въ 375 г. въ Большомъ циркѣ (теперь онъ находится на пло-

[1]) Philo, «in Flacc», p. 523, M.—[2]) Suidas, «naus».—[3]) Lukian, «Navig.», 1—6.—[4]) Philo, «in Flacc.», 5. Plutarch, «Def. orac.», 17.—[5]) Plin., «N. h.» III, 120.—[6]) Plin., «N. h.», XXXVI, 2.—[7]) Id. ib, 70.—[8]) Plin., «N. h.», XVI, 201 сл. XXXVI, 70.

щади Латерана), Амміанъ говоритъ, что онъ былъ невиданной до тѣхъ поръ величины [1]) и что экипажъ его состоялъ изъ 300 (?) гребцовъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, лишь въ новѣйшее время стали строить суда, превосходящія своей величиной транспортные корабли древности. Еще въ сороковыхъ годахъ всѣ удивлялись судамъ, вмѣщающимъ 1500—2000 тоннъ. Все же „Персія“ (1856 г.) имѣла 390 футовъ въ длину, 45 въ ширину и вмѣщала 5400 тоннъ; „Great-Eastern“—680 ф. дл., 83 шир., 27000 тоннъ; послѣдній могъ вмѣстить кромѣ экипажа 4000 пассажировъ, и все еще оставалось 5000 тоннъ пространства для груза.

Средняя продолжительность благопріятнаго путешествія изъ Путеолъ въ Александрію была въ двѣнадцать дней и больше, если, по словамъ Плинія Старшаго, самое быстрое изъ извѣстныхъ путешествій продолжалось 9 дней [2]) Одинъ папирусный документъ, выставленный 11 января 193 г. въ Арсиноѣ, помѣченъ текущимъ годомъ правленія императора Коммода; слѣдовательно, тогда еще не знали объ убійствѣ его въ Римѣ 31 декабря 192 г. Такимъ образомъ, для римлянъ Египетъ не былъ ближе чѣмъ для насъ Америка. Путь проходилъ черезъ Сицилію [3]) и Мальту. Послѣдній островъ, по словамъ Діодора, былъ богатъ и имѣлъ хорошія гавани; разстояніе его отъ Сиракузъ было 800 стадій (менѣе дня пути [4]). Апостолъ Павелъ совершилъ путешествіе изъ Мальты въ Путеолы на александрійскомъ кораблѣ „Діоскуры“, который передъ тѣмъ зимовалъ въ Мальтѣ; приставали къ Сиракузамъ и къ Регію [5]).

Близость опаснаго египетскаго берега возвѣщалась маякомъ, стоявшимъ на Фаросѣ; его свѣтъ былъ виденъ за 300 стадій (7—8 геогр. миль). Какъ звѣзда сіялъ онъ во мракѣ ночи [6]) и благодаря своему постоянному свѣту легко могъ быть принятъ за звѣзду; днемъ его высокая мраморная башня, сверкая бѣлизной, поднималась изъ синихъ волнъ [7]); наконецъ показывались пальмы Фароса [8]). Маякъ, управленіемъ котораго во время римскаго владычества завѣдывалъ императорскій отпущенникъ, сохранился до глубины среднихъ вѣковъ и игралъ большую роль во всѣхъ арабскихъ сказаніяхъ объ Александріи. По словамъ Веніамина изъ Туделы († 1173), наверху его находилось волшебное зеркало, въ которомъ на разстояніи пятидесятидневнаго пути были видны корабли, приближавшіеся съ враждебными намѣреніями; оно было разбито хитростью одного грека. По описанію историка Макризи (ум. 1450) первоначально онъ достигалъ въ вышину 400 локтей; его нижняя часть до половины высоты была четыреугольной, выстроенной изъ бѣлыхъ квадръ; далѣе онъ былъ восьмиугольнымъ и эта часть соприкасалась съ нижней такимъ образомъ, что на остающемся краю четыреугольника было достаточно мѣста для обхода маяка снаружи однимъ человѣкомъ; верхняя часть была круглою. Послѣдній извѣстный въ исторіи ремонтъ маяка производился въ 1303—4 г. Съ тѣхъ поръ турецкое варварство уничтожило всѣ слѣды этого памятника, вызывавшаго столько удивленія, и теперь ничто не даетъ тамъ издали сигнала, кромѣ арабской башни на западѣ и, подъѣзжая къ Александріи, группы финиковыхъ пальмъ и колонна Помпея.

---

[1]) Ammian, XVII, 4,13.—[2]) Plin., «N. h.», XIX, 1.—[3]) Cicer, «Verr.», II, 5,56,145.—[4]) Diodor., V, 12.—[5]) Дѣян. ап., 28, 11; 13.—[6]) Pl., «N. h.», XXXVI, 83.—[7]) Strabo, XVII, 1.—[8]) Ovid., «Amor., II, 13.8

И грекъ и римлянинъ, ступавшій на почву Египта, чувствовалъ себя тамъ какъ въ другомъ мірѣ. Если область Нила съ давнихъ поръ казалась чѣмъ то необыкновеннымъ, совершенно отличнымъ отъ всего остальнаго [1]), то въ это время ей удивлялись еще въ большей степени. Ибо, чѣмъ дольше продолжалось римское владычество, тѣмъ однообразнѣе становился міръ. Римская культура на Западѣ и греко-римская на Востокѣ все болѣе и болѣе сглаживали національныя и природныя особенности странъ. Въ одномъ Египтѣ сохранились, какъ муміи, остатки культуры, въ сравненіи съ глубокой древностью которой греческая и римская казались сегодняшней и вчерашней; такъ то эта страна прошлаго со всѣми своими чудесами и тайнами казалась какой то окаменѣлостью среди жизни настоящаго. Ея природа возбуждала любознательность какъ никакая другая. Съ благоговѣніемъ смотрѣлъ чужестранецъ на священную рѣку, почитаемую какъ божество, самую знаменитую въ мірѣ, на бѣгъ ея могучихъ жизнетворныхъ волнъ, [2]) благодаря которымъ морская вода становилась годной для питья на большее (будто бы) разстояніе, чѣмъ съ какого былъ виденъ берегъ [3]). Ея верховья, скрытыя во мракѣ, возбуждали страсть къ изслѣдованіямъ во всемъ древнемъ мірѣ. У Лукана Цезарь говорилъ въ Александріи, что ему болѣе всего хотѣлось бы открыть эту тайну; если бы ему дали возможность увидѣть настоящіе источники Нила, онъ бросилъ бы гражданскую войну. [4]) Въ „Кораблѣ“ Лукіана Тимолай желаетъ себѣ волшебнаго кольца, которое могло бы въ быстромъ полетѣ отнести его въ дальнія страны; тогда онъ проникъ бы во всѣ неизвѣстныя части земли и одинъ изъ всѣхъ узналъ бы источники Нила [5])

Наводненіе Нила въ серединѣ лѣта превращало весь Нижній Египетъ въ обширную водную поверхность, изъ которой подобно островамъ выдавались наружу города, мѣстечки и дома, выстроенные на естественныхъ или искусственныхъ возвышенностяхъ [6]); безчисленныя суда, многія—изъ выдолбленныхъ деревьевъ [7]) или даже изъ связанной вмѣстѣ посуды [8]), носились по ней [9]). Въ одномъ мѣстѣ своихъ „Георгикъ“, написанныхъ во время присоединенія Египта, Вергилій говоритъ о счастливомъ народѣ, который живетъ на берегахъ разливающагося подобно морю Нила и объѣзжаетъ въ пестрыхъ челнокахъ [10]) свою землю. Какъ живо занимали фантазію римлянъ впечатлѣнія отъ своеобразныхъ растеній и животныхъ Египта, свидѣтельствуютъ многочисленные египетскіе ландшафты въ мозаикахъ и стѣнной живописи, которыми украшали комнаты. На водахъ, густо заросшихъ бѣлыми цвѣтами лотоса, плаваютъ птицы; между высокимъ тростникомъ и папирусомъ прячется гиппопотамъ, подстерегаетъ добычу крокодилъ, на берегу ползетъ ихневмонъ, разверзаетъ пасть змѣя, чистится своимъ кривымъ клювомъ ибисъ; высоко надъ кустарниками пальмы качаютъ на стройныхъ стволахъ свои оперенныя верхушки. Также и императора Севера путешествіе черезъ Египетъ особенно привлекало благодаря новизнѣ животныхъ и мѣстностей. Интересъ къ животному міру этой страны особенно обнаруживается въ палестринской мозаикѣ, верхняя половина которой представляетъ пустынный горный пей-

[1]) Herodot., II, 35.—[2]) Athen., V, 203.—[3]) Aristid., «Or.», XLVIII.—[4]) Lucan. «Pharsal.» X 189—192.—[5]) Lucian. «Navig.» 44.—[6]) Seneca «Quest. nat.» IV. 2 11.—[7]) Heliodor. «Aethiop.» I 31.—[8]) Strabo XVII. «Iuv.» 15, 126.—[9]) Strabo. ib.—[10]) Vergil, G. IV 287.

зажъ, служащій пристанищемъ для различныхъ дѣйствительныхъ и сказочныхъ животныхъ; на нижней, гдѣ можно узнать обработанныя земли Нила и ихъ населеніе, нарисованы фигуры ибисовъ, водяныхъ птицъ, крокодиловъ и гиппопотамовъ; за послѣдними гонятся охотники, сидящіе въ лодкѣ. Такъ какъ тамъ изображена также и голубятня, можно предположить, что онѣ уже тогда часто встрѣчались въ Египтѣ; теперь онѣ въ видѣ конусообразныхъ надстроекъ образуютъ нѣчто въ родѣ второго этажа деревенскихъ хижинъ (въ Верхнемъ Египтѣ). Дома, подобные изображеннымъ на римскихъ стѣнныхъ пейзажахъ, встрѣчаются теперь, говорятъ, въ Донголѣ. Что чудеса Египта соприкасались съ областью сказочнаго, можно видѣть изъ легенды о фениксѣ: Тацитъ не сомнѣвался въ томъ, что эту птицу временами видѣли въ Египтѣ [1]). Плиній сообщаетъ объ одной пальмѣ въ Харѣ возлѣ Александріи, которая умирала одновременно съ фениксомъ, а потомъ снова выростала сама; онъ добавляетъ еще, что на ней были плоды, когда онъ писалъ о ней [2]). Также вѣрили въ существованіе пигмеевъ, которыхъ охотно изображали на египетскихъ пейзажахъ; и не безъ основанія, какъ это доказали новѣйшія изслѣдованія. Эпикуреецъ Филодемъ говоритъ, что таковые живутъ въ Акарисѣ (въ Среднемъ Египтѣ) на восточномъ берегу Нила. Иногда подражали египетскимъ архитектурамъ и ландшафтамъ и въ большихъ размѣрахъ. Адріанъ въ своей виллѣ въ Тибурѣ воспроизвелъ Канобъ [3]), Северъ, повидимому, лабиринтъ и Мемфисъ.

Такъ то природа Египта представляла вѣчно тѣ же удивительныя зрѣлища; то же касается и его памятниковъ, самыхъ древнихъ, исполинскихъ и изумительныхъ изъ тѣхъ, которые знала древность. Казалось, что время безсильно передъ этими искусственными горами изъ камня, огромными храмами и дворцами, неизмѣримыми ходами и пещерами, прорытыми въ скалахъ, лѣсами колоссовъ и сфинксовъ, стѣнами, покрытыми безчисленными таинственными письменами и яркими изображеніями. Все это оставалось вѣчно тѣмъ же, въ теченіе долгихъ столѣтій вызывая у тысячи людей все то же удивленіе. Ни одинъ современный домъ или памятникъ не нарушали одиночества этихъ сверхчеловѣческихъ твореній, такъ какъ и новые храмы и скульптуры создавались по образцу древнихъ и іероглифы употреблялись попрежнему [4]).

Наконецъ, тамъ сохранились многіе странные и неслыханные во всемъ мірѣ обычаи напр., тамъ искусственно выводили цыплятъ (въ древности теплотой навоза), что еще въ средніе вѣка вызывало интересъ паломниковъ въ святую землю, и понынѣ практикуется тамъ (особенно въ Каирѣ); далѣе—тоже практикующееся еще и теперь—взлѣзаніе на пальмы, при чемъ человѣкъ обвиваетъ канатъ вокругъ своего тѣла и ствола и поднимается внутри этой петли отъ одного узла къ другому [5]). Но самымъ страннымъ и замѣчательнымъ казалось посѣтителямъ Египта его богослуженіе, въ которомъ, разумѣется, всего болѣе возбуждало всеобщее любопытство и удивленіе—почитаніе звѣрей.

Такимъ образомъ, интересъ къ Египту не только оставался всегда

---

[1]) Tac. A. V I28.—[2]) Plin. «N. h.» XIII 42.—[3]) Hadrian. гл. 26.—[4]) Plin. «N. h.» X 153. Hadrian. въ vit. Saturnini, c. 8.—[5]) Plin. «N. h.» XIII 29.

одинаково живымъ, но и имѣлъ всегда одно содержаніе; еще въ концѣ 3 столѣтія (по словамъ автора „эѳіопскихъ исторій“, Геліодора) разсказы объ Египтѣ были самыми привлекательными для греческихъ (и, конечно, тоже для римскихъ) ушей и слушающіе не уставали разспрашивать о пирамидахъ, о могилахъ царей и о всѣхъ другихъ чудесахъ сказочной страны. [1]) Позднѣе будетъ рѣчь о путешествіяхъ, предпринятыхъ исключительно изъ интереса къ Египту императорами, императрицами и наслѣдниками престола, каковыми были въ 19 г. путешествіе Германика, въ 130 Адріана, въ 202 г. Септимія Севера въ сопровожденіи Каракаллы и Юліи Домны—до границы Эѳіопіи; Титъ, возвращаясь въ 70 г. изъ Іудеи, проѣхалъ изъ Александріи въ Мемфисъ [2]); намѣреніе Калигулы и Нерона отправиться въ Египетъ осталось невыполненнымъ; [3]) но Маркъ Аврелій былъ тамъ, [4]) вѣроятно, также и Л. Веръ.

Столица Египта, Александрія, производила на чужестранца совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ вся остальная страна. Сравнительно новый, не египетскій, но греко-восточный городъ, по постройкамъ и расположенію она ни въ чемъ существенно не отличалась отъ другихъ городовъ, возникшихъ въ македонское время, какъ это и подтверждается руинами подобныхъ городовъ въ Малой Азіи, Сиріи, Киренаикѣ. На расположеніе Александріи пролили новый свѣтъ раскопки, начатыя по иниціативѣ Наполеона III придворнымъ астрономомъ вице-короля Египта Махмудъ-Беемъ и законченныя въ 1867 г. Достовѣрность ихъ данныхъ въ главныхъ чертахъ подтверждена новыми изысканіями, произведенными въ 1898/99 г. Если установленныя Махмудомъ улицы изъ четвертаго періода строенія города принадлежали даже времени послѣ Адріана, то все же онѣ шли почти по тѣмъ же направленіямъ, какъ и первоначальныя. По даннымъ Махмуда, объемъ города внутри стѣнъ былъ 15,800 метровъ или приблизительно 86 стадій, такъ что древніе, при своихъ болѣе значительныхъ опредѣленіяхъ (самое крупное—16,375 римскихъ миль), включали сюда, вѣроятно, и пригороды. „Судя по раскопкамъ, сѣть улицъ Александріи образовала вполнѣ правильный прямоугольникъ изъ 7 главныхъ продольныхъ (съ *ЗЮЗ* на *ВСВ*) и 12 главныхъ поперечныхъ (съ *ССЗ* на *ЮЮВ*). Центральная изъ продольныхъ улицъ, пересѣкающая городъ посерединѣ въ направленіи съ востока на западъ и далѣе ведущая въ Канобъ (можетъ быть, она и называлась Канобской, и во всякомъ случаѣ Корсо, „Dromos“), во все время оставалась главной улицей. Ширина ея, по Страбону, 36 метровъ, на самомъ же дѣлѣ менѣе 20. По обѣимъ сторонамъ, отдѣляя тротуары отъ мостовой, тянулись колоннады, отъ которыхъ сохранились многочисленные слѣды. Въ другихъ улицахъ, идущихъ параллельно этой, ширина мостовой доходила лишь до 6,65 метровъ. Главная поперечная улица, тоже съ колоннадами (ведшая, вѣроятно, отъ воротъ Солнца къ воротамъ Мѣсяца), была такой же ширины какъ и улица, ведущая въ Канобъ. Мостовая состояла изъ глыбъ самыхъ твердыхъ каменныхъ породъ (базальта и твердаго известняка) и съ обѣихъ сторонъ была охвачена непрерывными рядами продолговатыхъ квадръ. 12 улицъ, шедшихъ по направленію къ морю, были снабжены скрытыми каналами. Красивые дома, построенные изъ

---

[1]) Lucian «De dea Syria» 29.—[2]) Sueton. «Titus» c. 5.—[3]) Philo «Ad Gaj.»; Sueton «Nero» 19, 20.—[4]) Dio LXXXI, 2.

массивнаго камня, были всѣ снабжены текучей водой и имѣли плоскія крыши. По Страбону, кварталъ царскихъ дворцовъ съ принадлежащими къ нимъ садами, музеемъ и усыпальницей царей, въ которой находился прахъ Александра Великаго въ стекляномъ гробу (съ тѣхъ поръ какъ золотой гробъ былъ расплавленъ Птолемеемъ Александромъ I)—занималъ четвертую часть (греческаго) города. Среди роскошныхъ строеній, которыми онъ былъ полонъ, особенно выдѣляется имъ гимназія съ колоннадами, тянущимися больше чѣмъ на 1 стадію и Паней—искусственный холмъ, на вершину котораго поднимались по витой дорожкѣ; съ него открывалась панорама на весь городъ. Бѣгло упомянутый Страбономъ Caesareum или Augusteum (начатый Клеопатрою какъ храмъ Антонія) должно быть былъ законченъ лишь позднѣе. Филонъ описываетъ его какъ большую храмовую ограду съ портиками, залами, библіотеками, рощами, пропилеями, полную посвятительныхъ даровъ, статуй и картинъ, изобилующую золотомъ и серебромъ [1]). Также лишь вскользь упомянутый Страбономъ Серапей сильно расширенъ и украшенъ, можетъ быть Адріаномъ, который много строилъ также и въ Александріи [2]). Онъ состоялъ изъ двора, обнесеннаго колоннадой, въ серединѣ котораго стояла колонна Помпея и передъ ней два обелиска; дальше находились помѣщенія для культа и библіотека, сожженная позднѣе арабами, передъ ними пропилеи съ куполомъ. Аммiанъ говоритъ, что онъ со своими величественными колоннадами, полными жизни статуями и массою прочихъ произведеній искусства, казался такимъ богатымъ, что уступалъ только римскому Капитолію [3]); въ описаніи міра, написанномъ въ правленіе Константина, говорится, что онъ представлялъ видъ единственный во всемъ мірѣ [4]).

Уже во время Діодора въ Александріи было по оффиціальнымъ даннымъ болѣе 300 съ третью тысячъ свободнаго населенія. Но такъ какъ со времени Актійской битвы населеніе города чрезвычайно возрасло и сверхъ того благодаря легкости тамъ наживы и обилію заманчивыхъ развлеченій онъ постоянно привлекалъ къ себѣ массы изъ другихъ городовъ и деревень, то возможно, что въ теченіе первыхъ столѣтій оно больше чѣмъ удвоилось и со включеніемъ чужестранцевъ и рабовъ превышало милліонъ. Послѣдствіемъ роста населенія было расширеніе города: островъ Фаросъ (опустѣвшій ко времени Страбона) [5]) былъ заново заселенъ, и вновь основанная часть города получила имя Неаполь (встрѣчающееся въ двухъ надписяхъ II столѣтія [6]). Населеніе состояло частью изъ египтянъ, грековъ и евреевъ, частью изъ помѣси, главнымъ образомъ, но не исключительно происшедшей отъ двухъ первыхъ націй. Евреи во время Филона жили массами въ двухъ изъ пяти [7]) кварталовъ города (обозначенныхъ буквами) [8]), а единицами во всѣхъ, вслѣдствіе чего ихъ многочисленныя синагоги, обсаженныя деревьями, виднѣлись во всѣхъ частяхъ города [9]); главная изъ нихъ, по еврейскимъ источникамъ очень роскошная, была, полагаютъ, разрушена въ правленіе Траяна. При Неронѣ александрійскіе евреи были ограничены однимъ кварталомъ (дельтою). Римляне и другіе европейцы, жили здѣсь временно или по-

---

[1]) Philo., «Leg., ad Gaj.», 567.—[2]) Euseb., «Chron.», ad a, 119.—[3]) Ammian., XXII, 16, 19. [4]) «Expos., t. mundi.», 35. [5]) Strabo., XVII, стр. 792.—[6]) C. I. L. VII. 8394.—[7]) Philo., «in Flacc.»—[8]) Ibid.—[9]) Id., «Leg. ad. Gaj.», 565.

стоянно не въ маломъ количествѣ, не говоря ужъ о сильномъ гарнизонѣ (набираемомъ большей частью изъ гражданъ и изъ лагеря Александріи и заключающемъ въ себѣ мало западнаго элемента), а также о чиновникахъ. Міровая торговля привлекала сюда африканскія и азіатскія народности въ такомъ множествѣ и изъ такихъ далекихъ странъ, какъ ни въ одинъ другой городъ: здѣсь можно было встрѣтить эѳіоповъ, ливійцевъ и арабовъ на ряду со скиѳами, персами, бактрянами и индійцами [1].

Александрійская гавань была единственною безопасною и удобною на всемъ далекомъ протяженіи (5000 стадій—125 г. геогр. м.), азіатскаго и африканскаго берега между Іоппою и Паретоніемъ [2]. Расположенная у устья единственнаго воднаго пути неизмѣримо богатой страны, въ серединѣ трехъ частей свѣта, „на границѣ между Востокомъ и Западомъ, на пути въ Индію", (Stephan, „Das heutige Aegypten"), Александрія, по словамъ Діона изъ Прусы, была центромъ всей земли, собиравшимъ отдаленнѣйшіе народы и знакомившимъ ихъ между собою, какъ рынокъ—жителей одного города [3]. Это безпримѣрно выгодное положеніе сдѣлало Александрію первымъ торговымъ пунктомъ и, даже, до временъ имперіи въ глазахъ многихъ—первымъ городомъ древняго міра [4]. Позднѣе за ней утвердилась слава второго города послѣ Рима [5], которую и въ III столѣтіи могли оспаривать у нея только Карѳагенъ и Антіохія [6]. Но только съ тѣхъ поръ, какъ Египетъ сдѣлался членомъ этой огромной области свободной торговли, могли вполнѣ проявиться всѣ преимущества положенія Александріи. Торговля тотчасъ возрасла до огромныхъ размѣровъ и александрійцы съ благодарностью признали выгоду присоединенія ихъ земли Августомъ. Въ упомянутомъ уже храмѣ они почтили его какъ покровителя судоходства, чествовали его какъ господина моря и суши, какъ Юпитера-Освободителя, какъ звѣзду Эллады, взошедшую по мановенію Юпитера; и когда, на закатѣ своей жизни, онъ проѣзжалъ мимо Путеолъ, экипажъ одного стоявшаго тамъ александрійскаго корабля въ вѣнкахъ и въ бѣлыхъ одеждахъ принесъ ему куренія, какъ богу; они прославляли его какъ человѣка, которому они обязаны жизнью, судоходствомъ, свободой и другими благами счастья [7]. Ввозъ изъ Аравіи и Индіи уже черезъ 6 лѣтъ послѣ актійскаго сраженія увеличился болѣе чѣмъ въ 6 разъ противъ того [8], какимъ онъ былъ при послѣднихъ Птолемеяхъ (тогда ежегодно отправлялось въ Индію около 20 кораблей, въ 25 г. до Р. Х. только изъ Міосъ-Горма — 120) [9], не менѣе поднялся ввозъ изъ внутренней Африки; съ ростомъ роскоши и прогрессомъ культуры въ провинціяхъ въ теченіе первыхъ столѣтій долженъ былъ сильно подняться и сбытъ въ Италію и на Западъ товаровъ, составлявшихъ предметъ этой александрійской транзитной торговли. Караваны и торговые флоты изъ года въ годъ привозили сюда сокровища Юга и Востока, даже самыхъ далекихъ сказочныхъ и чудесныхъ странъ. Здѣсь находилось въ массахъ самое драгоцѣнное и рѣдкое, что только зналъ міръ. Золотой песокъ, слоновая кость и черепахи изъ земли

[1]) Dio Chrys., «Or.», XXXII, стр. 373.—[2]) Diodor., I, 31.—[3]) Dio Chrys., «Or.», XXII, стр. 372.—[4]) Diodor., XVII, 52.—[5]) Ioseph., B. I. III, 2, 4. Dio Chrys., II. Aristid. «Or.», XIV, стр. 20).—[6]) Herodian., VII, 6, 1. IV, 3, 7.—[7]) Sueton., «Aug.», стр. 98.—[8]) Strabo., II, 4, 10, стр. 118, XVII, 1, 13, стр. 798.—[9]) Strabo., XVII, 1, 13.

троглодитовъ, коренья и благоуханія изъ Аравіи, жемчугъ съ Персидскаго залива, драгоцѣнные камни и виссонъ изъ Индіи, шелкъ изъ Китая—все это и безчисленные другіе товары, большей частью весьма драгоцѣнные, нагружались здѣсь снова на корабли для того, чтобы быть проданными въ Римѣ или въ другихъ мѣстахъ въ сто разъ дороже противъ цѣны, за которую были куплены. Уже во время Страбона вывозъ далеко превышалъ ввозъ [1]).

Наряду съ этой торговлей, дававшей тысячамъ средства къ жизни, благосостояніе и богатство—начиная съ оптоваго торговца, корабли котораго ходили къ Малабарскому берегу и къ Путеоламъ, и кончая носильщикомъ груза въ гавани [2])—Александрія обладала огромной промышленностью. Тамошніе ткацкіе станки вырабатывали знаменитое полотно различныхъ степеней тонкости изъ мѣстнаго льна, которое разсылалось по всему міру, даже въ Британію; для вывоза въ Аравію и въ Индію изготовлялись національные костюмы для всѣхъ жившихъ тамъ народовъ. Не менѣе знаменитыми и распространенными были шерстяныя матеріи съ пестрыми рисунками, которыя славились еще въ средніе вѣка, среди нихъ драгоцѣнные сорта съ фигурами людей и животныхъ, даже съ цѣлыми сценами для подушекъ, ковровъ и костюмовъ. Изъ стеклянныхъ заводовъ выходила посуда самая пестрая, замысловатая и драгоцѣнная, всѣхъ видовъ и цвѣтовъ; съ папирусныхъ фабрикъ всѣ сорта писчаго матеріала, отъ тончайшихъ листовъ до грубой упаковочной бумаги. Доходъ отъ папирусныхъ фабрикъ Фирма, выступившаго въ правленіе Авреліана претендентомъ на престолъ, былъ такъ великъ, что онъ хвалился, будто можетъ папирусомъ и клеемъ кормить цѣлое войско [3]). Также пользовались большой славой александрійскія благовонныя масла и эссенціи. Въ мастерскихъ, въ которыхъ выдѣлывался ладанъ, рабочіе, во избѣжаніе кражъ, должны были работать въ особенныхъ передникахъ и маскахъ или съ густыми сѣтками передъ лицомъ и уходить нагими [4]).

Безпокойная жизнь такого трудолюбиваго, производящаго и творящаго населенія тѣмъ болѣе поражала, если ее сравнивали съ непроизводительной и праздной суетой и толкотней Рима. Эта жизнь и смѣшеніе и сплетеніе религій и культовъ, вполнѣ естественное въ міровой гавани, вызвали больше всего удивленіе Адріана при его повторномъ путешествіи въ Александрію. Здѣсь нѣтъ незанятыхъ, писалъ онъ въ 134 г. своему зятю Северіану, каждый занятъ своимъ промысломъ. Есть дѣло у подагриковъ, у слѣпыхъ, даже больной хирагрой не остается празднымъ. Деньги—ихъ богъ, которому поклоняются евреи, христіане и всѣ прочіе.

Естественно, что населеніе этого богатаго фабричнаго и торговаго города было въ высшей степени заносчивымъ. Къ купеческой гордости „этой хвастливой и нахальной націи" присоединялось сознаніе необходимости Египта для Рима, существованіе котораго сильно зависѣло отъ тамошнихъ урожаевъ и ввоза хлѣба [5]). „Если кто-нибудь хвалитъ Нилъ", говоритъ Діонъ изъ Прусы александрійцамъ, вы такъ гордитесь, какъ будто вы сами притекли изъ Эѳіопіи" [6]). Тамъ, гдѣ наживались несмѣтныя богатства, гдѣ въ обращеніи были милліоны, и гдѣ даже пролетарій безъ особеннаго труда зарабатывалъ себѣ

---

[1]) Strabo., стр. 193.—[2]) Lucian., «Toxaris.», 31.—[3]) H. A. Firm., гл. 3.—[4]) Plinius., «N. h.», XII, 59.—[5]) Plin., «Panegyr.», гл. 31.—[6]) Dio., «Or.», XXXII.

на обѣдъ изъ свѣжей или копченой рыбы [1]) съ чеснокомъ, слизнями, кисселемъ или чечевичной похлебкой или изъ порціи потроховъ въ харчевнѣ и могъ напиваться своимъ любимымъ ячменнымъ пивомъ—тамъ, конечно, велики были роскошь и распущенность. Свойственныя египтянамъ остроуміе и любовь къ насмѣшкамъ здѣсь были не стѣснены и доходили до необузданной дерзости; даже самые сильные, даже императоры, даже ихъ благодѣтели не были ими пощажены, никакая опасность не могла сдержать этой наклонности. Діонъ изъ Прусы считалъ доказательствомъ мужества то, что онъ рѣшался выступать передъ александрійцами, не боясь ихъ шума, смѣха, гнѣва, свистковъ и насмѣшекъ, которыми они запугивали всѣхъ [2]). Сенека могъ приписать славѣ своей тетки со стороны матери то, что она, будучи супругою намѣстника въ теченіе шестнадцати лѣтъ, оставалась нетронутой дурной молвою въ городѣ, „гдѣ такъ изобрѣтательны и быстры на слова всегда, когда идетъ дѣло о поношеніи правительства“ [3]). Кроткій Веспасіанъ былъ такъ возмущенъ насмѣшками, которыми засыпали его александрійцы за повышеніе пошлины (они назвали его между прочимъ „торговцемъ соленой рыбой“), что рѣшилъ ихъ серьезно наказать; когда Титъ просилъ за нихъ, они кричали ему: „Мы прощаемъ его: онъ еще не умѣетъ вести себя какъ императоръ“ [4]). „Я далъ все этому городу, пишетъ Адріанъ Северіану, возвратилъ ему прежнія привилегіи, прибавилъ къ нимъ новыя, такъ что они меня благодарили во время моего присутствія; но едва я уѣхалъ, они стали насмѣхаться надъ моимъ пріемнымъ сыномъ Веромъ (?) и Антиноемъ“ [5]). Въ 215 г. Каракалла отомстилъ александрійцамъ за насмѣшки, которыя дошли до него, ужаснымъ кровопролитіемъ [6]).

Такимъ образомъ тамъ, какъ съ возмущеніемъ пишетъ и Діонъ, можно было встрѣтить повсюду шутки, смѣхъ и веселье и нигдѣ серьезности и сосредоточенности, направленныхъ на болѣе высокіе интересы [7]). И здѣсь всѣ требовали хлѣба и зрѣлищъ [8]). Хотя въ Александріи (уже во время Страбона) [9]) былъ амфитеатръ, но наиболѣе посѣщались ипподромъ и театръ и на ряду съ шутками и представленіями шутовъ и борцовъ со звѣрями, народъ страстно увлекался музыкой и танцами [10]). Населеніе Александріи такъ понимало музыку, какъ никто другой; даже люди, которые не умѣли читать и писать, слышали каждую фальшивую ноту виртуоза на цитрѣ [11]). Александрійскіе артисты одинаково умѣли играть и на струнныхъ и на духовыхъ инструментахъ [12]). Тамошняя музыка, вѣроятно возникшая въ эллинистическую эпоху изъ соединенія греческой и древнеегипетской, очень быстро распространилась и въ Римѣ и, повидимому, долгое время оказывала большое вліяніе на греко-римскую музыку. Въ Александріи, по Діону, пѣніе и игра на струнныхъ инструментахъ были вѣрнымъ средствомъ для успокоенія шумѣвшей толпы, панацеей отъ всѣхъ золь, и пѣвцы, пѣвицы и киѳаристы восхищали народъ до безумія. Также и страстное увлеченіе состязаніемъ колесницъ приводило часто къ шумнымъ и даже кровавымъ сценамъ [12]).

---

[1]) Galen., XVII.—[2]) Dio., «Or.», XXXII.—[3]) Seneca., «Consol. ad Helv.», 19, 6.—[4]) Sueton., «Vespas.», 19, Dio., LXVI. 8.—[5]) Vita Saturnini., гл. 8.—[6]) Athen., IV.—[7]) Dio., LXXVII, 22.—[8]) Ib., 370.—[9]) Strabo., XVII, стр. 795.—[10]) Dio.II., 361.—[11]) Athen., IV, стр. 795.—[12]) Id., ib. 183.—[13]) Dio., LXXVII.

Вообще александрійская чернь была особенно опасна, не только потому, что она была чернью большого приморскаго города, но и потому, что она состояла изъ подонковъ различныхъ націй и происшедшаго отъ нихъ смѣшаннаго населенія. Достаточно было одной искры для того, чтобы зажечь этотъ вѣчно готовый горючій матеріалъ: пустякъ могъ превратить въ дикій хаосъ этотъ любящій роскошь и развлеченія городъ. Подстрекатели и демагоги для возбужденія безпорядковъ пользовались главнымъ образомъ многочисленными обществами (θίασοι), въ которыхъ, по словамъ Филона, царствовали пьянство, распущенность и наглость. Они говорили и поступали единодушно, сообразно съ лозунгомъ сообщеннымъ вожаками [1]). По незначительнымъ поводамъ, какъ упущенное привѣтствіе, наложеніе запрещенія на съѣстные припасы, неугодное толпѣ наказаніе раба, отклоненіе незначительной просьбы,—собирались массы, блистало оружіе, летали камни; и если иногда эти возстанія растворялись въ пѣніи уличныхъ пѣвцовъ [2]), то все же не разъ призывались значительныя войска для ихъ усмиренія [3]). Еще въ описаніи римскаго государства, относящимся къ IV столѣтію, говорится, что намѣстники Александріи входятъ въ нее съ дрожью и робостью; ибо за каждымъ ихъ проступкомъ слѣдуетъ сейчасъ же поджогъ или бросаніе камней [4]).

Также и религіозный фанатизмъ египтянъ, повидимому, не рѣдко вызывалъ волненія. Діодоръ разсказываетъ, какъ очевидецъ, что, когда въ царствованіе Птолемея Авлета одинъ римлянинъ по неосмотрительности убилъ священную кошку, ни сильная боязнь народа передъ Римомъ, ни заступничество царя не могли спасти его отъ смерти [5]). Въ правленіе Адріана въ Александріи произошло возстаніе благодаря тому, что нѣсколько общинъ одновременно заявили притязаніе на найденнаго послѣ многихъ лѣтъ быка Аписа [6]). И если Адріанъ (см. выше) находилъ здѣсь вполнѣ понятное для міровой гавани смѣшеніе іудейской, христіанской и языческой религій [7]), то всѣ онѣ стояли въ рѣзкомъ противорѣчіи одна къ другой, и эти противорѣчія, осложненныя расовой ненавистью, нерѣдко приводили ко взрывамъ, какъ описанное Филономъ большое гоненіе на евреевъ при Калигулѣ и сраженія евреевъ съ греками въ 66 г. Во время этихъ послѣднихъ префектъ Тиберій Александръ, еврейскій ренегатъ, желая сломить сопротивленіе своихъ прежнихъ единовѣрцевъ, выставилъ противъ нихъ кромѣ двухъ легіоновъ, бывшихъ въ Александріи, еще 5000 солдатъ, находившихся тамъ временно; 50 000 іудеевъ, говорятъ, поплатилось тогда жизнью [8]).

Среди безъ сомнѣнія очень различныхъ классовъ путешественниковъ, которыхъ привлекалъ большой, пышный и во многихъ отношеніяхъ своеобразный городъ, заслуживаютъ особеннаго упоминанія искавшіе тамъ здоровья и искавшіе научнаго образованія. Морское путешествіе въ Египетъ (какъ уже упомянуто) рекомендовалось врачами какъ средство противъ начинающагося истощенія [9]). Подъ ласковымъ небомъ въ странѣ, гдѣ никогда не падалъ снѣгъ [10]), даже зимою цвѣли розы [11]) и ни одного дня не проходило безъ солнца [12]), а лѣтняя жара смягчалась монсунами [13]), надѣялись излѣ-

---

[1]) Philo., «in Flacc.»—[2]) Dio., l. l., 383.—[3]) Dio., LXXVIII, 35,—[4]) «Expos. tot. mundi.», 37.—[5]) Diodor., I, 83.—[6]) Hadrian., гл. 12.—[7]) Vita Saturnini., гл. 8,—[8]) Joseph., B. J. II, 18, 7.—[9]) Cels., III, 22. [10]) Seneca., «Qu. n.», IV, 2, 20.—[11]) Martial., VI, 80.—[12]) Ammian Marcell., XXII, 16, 8.—[13]) Diodor., XVII, 52.

читься отъ кровохарканья многіе больные, которымъ казался слишкомъ суровымъ климатъ Италіи [1]). Также славились и врачи Александріи, и въ тамошнихъ медицинскихъ школахъ лучше всего можно было научиться искусству врачеванія. Галенъ, который самъ учился въ Александріи, говоритъ, что тамъ врачи доставляли своимъ ученикамъ возможность изучать кости на основаніи непосредственнаго наблюденія, и что уже поэтому слѣдуетъ стремиться туда [2]). Одинъ врачъ приблизительно того же времени говоритъ, что онъ часто видѣлъ тамъ быструю и безболѣзненную казнь преступниковъ черезъ ужаленіе ехидны. Во всѣ времена многочисленные юноши учились здѣсь; и для молодого врача считалось хорошей рекомендаціей, если онъ учился въ Александріи [3]); такимъ образомъ, изъ этого города здоровье распространялось по всему міру [4]).

Но также и для другихъ наукъ тамъ были лучшіе учителя и учебныя заведенія, привлекавшія постоянно многочисленныхъ иностранцевъ, конечно, преимущественно изъ земель, гдѣ говорили по-гречески [5]). Александрія до послѣднихъ временъ древняго міра, а частью и позже, оставалась высшей школою для философіи, музыки, празовой науки, филологіи и литературы, математики и астрономіи; къ нимъ присоединялись еще астрологія, алхимія, магія и другія таинственныя науки, которыми особенно славились египтяне. Центромъ же высшаго образованія была еще и теперь основанная Птолемеями академія (Музей) и библіотека, которая безъ сомнѣнія постоянно давала занятіе множеству писцовъ, такъ что, повидимому, было очень распространеннымъ искусство красиво и быстро писать [6]).

Наконецъ и религіозныя цѣли вызывали многочисленныя путешествія въ Александрію. Нигдѣ, говорится въ описаніи міра, составленномъ въ правленіе Константина, не обходятся такъ хорошо мистеріи боговъ ни нынѣ и ни когда-либо [7]). Величайшей же притягательной силой для вѣрующихъ всѣхъ земель былъ культъ Сераписа, особенно почитаемаго здѣсь, помощника отъ столь многихъ опасностей. Императоръ Северъ особенно цѣнилъ свое путешествіе въ Египетъ потому, что оно дало ему возможность доказать свое благоговѣніе къ Серапису [8]), и Каракалла избралъ это предлогомъ для своего появленія въ Александрію въ 215 г. [9]). Также не было недостатка и въ паломницахъ къ храмамъ Исиды, такъ широко почитаемой женщинами всего Римскаго государства, которыя стремились заодно запастись здѣсь нильской водой, необходимой для культа этой богини [10]).

Особенно привлекательнымъ для александрійцевъ и для останавливавшихся тамъ иностранцевъ былъ восточный берегъ моря съ его знаменитыми увеселительными мѣстами и купаньями, болѣе всего Канобъ, немного западнѣе Абукира;—они были постоянно полны посѣтителями [11]). Берега канала, соединявшаго Канобъ съ Александріей, тянущагося на разстояніи почти 3 миль, были застроены роскошно устроенными гостиницами [12]). Частью сохранилась греческая надпись, написанная въ элегическомъ размѣрѣ, изъ одной подобной гостиницы (или мѣста собранія какого-нибудь товарищества). Въ

[1]) Plin., «Epp.», V, 19, 6.—[2]) Galen., III, 220.—[3]) Id., ib., I, p. CLVI.—[4]) «Expos. tot. mundi.», 37.—[5]) Strabo., XIV, 4, 13. Lucian., «Alexandr.», 41.—[6]) Euseb., «Hist. eccl.», VI, 23.—[7]) «Expos., t. mundi.», 31.—[8]) Sever., гл. 16.—[9]) Herodian., V, 8, 6.—[10]) Juv., 6, 525.—[11]) Strabo., XVII, стр. 799.—[12]) Ib., стр. 801.

ней говорится: эти стѣны постоянно оживляются пирушками, толпами молодыхъ людей; здѣсь слышатся звуки не трубы, а флейты, кровь быковъ, а не людей обагряетъ землю, не оружіе, а наряды украшаютъ насъ и увѣнчанные хороводы; съ чашею въ рукѣ въ ночныхъ пѣсняхъ мы прославляемъ великаго бога Армахиса [1]). И въ расположенномъ здѣсь Элевсинѣ, „началѣ канобской роскоши“ [2]), было много гостинницъ, частью снабженныхъ вышками и вообще обставленныхъ со всею роскошью; но еще болѣе въ самомъ Канобѣ, мѣстѣ созданномъ для наслажденія, гдѣ при свѣжемъ дыханіи легкихъ морскихъ вѣтерковъ, при тихомъ говорѣ волнъ и подъ самымъ солнечнымъ небомъ можно было считать себя оторваннымъ отъ міра [3]). Александрійскій ученый Апіонъ нашелъ тамъ Гомеровы Елисейскія поля. Больные прежде всего посѣщали знаменитый и наиболѣе святой изъ всѣхъ храмъ Сераписа съ тѣмъ, чтобы тамъ во снѣ получить отъ бога оракулъ съ указаніями относительно леченія [4]). Большая же часть посѣтителей стремилась въ Канобъ для того, чтобы предаваться тамъ самымъ разнузданнымъ кутежамъ, которыми Канобъ славился, какъ ни одно другое мѣсто древняго міра, такъ что онъ благодаря имъ даже вошелъ въ поговорку [5]). Во время Страбона каналъ былъ днемъ и ночью полонъ судами, отвозившими туда цѣлыя компаніи мужчинъ и женщинъ. Многія изъ этихъ судовъ, снабженныя комнатами (съ рѣшетчатыми окнами), останавливались въ тѣни высоко поднимавшагося изъ воды кустарника египетскаго боба (Nymphaea Nelumbo, позднѣе погибшаго, также какъ и папирусъ) и здѣсь посреди благоуханія и цвѣтовъ устраивались пиры; на другихъ же подъ звуки флейты исполнялись въ высшей степени распущенные танцы [6]). Многія изображенія такихъ сценъ сохранились въ Помпеяхъ; также и палестринская мозаика изображаетъ пирушку, гдѣ играетъ флейтистка подъ виноградною зеленью, протянутою съ одного берега на другой надъ водой, полною цвѣтами египетскаго боба.

Но какъ ни много было въ Александріи и въ ея окрестностяхъ развлеченій и приманокъ, все же она не могла надолго задержать тѣхъ путешественниковъ, которые подобно Германику посѣщали Египетъ для того, чтобы познакомиться съ его стариной. Ибо этотъ городъ со всей его кипучей жизнью принадлежалъ совершенно и исключительно настоящему. Но уже послѣ короткаго пути по полю на верблюдахъ [7]) или вверхъ по теченію Нила на лодкѣ, путникъ изъ шума и толкотни, блеска и роскоши попадалъ въ молчаніе и уединеніе и чувствовалъ себя обвѣяннымъ отовсюду дыханіемъ безконечно далекаго прошлаго. Безъ сомнѣнія было много путешественниковъ, которые (подобно Аполлонію Тіанскому у Филистрата) добросовѣстно переѣзжали съ мѣста на мѣсто, желая осмотрѣть всѣ достопримѣчательности, и поэтому постоянно переправлялись съ одного берега на другой, чтобы не пропустить ни одного города и ни одного храма.

Все же ближайшей цѣлью для большинства былъ, повидимому, Мемфисъ, не потому что онъ и тогда по величинѣ и населенности былъ вторымъ городомъ Египта, но благодаря тому, что въ немъ, какъ въ древней резиденціи

---

[1]) C. I. G. III, 4961. [2]) Strabo., p. 800.—[3]) Ammian., II. 14.—[4]) Strabo., стр. 801.—[5]) Juv., 6, 84 и 15, 44.—[6]) Strabo., XII, 15—18.—[7]) Philostr., «Apoll. Tyan.», V, 43.

царей, было много знаменитыхъ памятниковъ [1]). Правда, дворцы древнѣйшихъ фараоновъ были руинами, ряды сфинксовъ, ведшихъ къ храму Сераписа—на половину или совершенно погребены подъ сыпучимъ пескомъ; но противъ пирамидъ столѣтія были безсильны. Еще на очень далекомъ разстояніи онѣ виднѣлись на пустынной скалистой равнинѣ на западъ отъ города; среди трудно проходимыхъ холмовъ песку онѣ возвышались подобно горамъ [2]). Ихъ видъ тогда былъ другой, чѣмъ теперь; углы между ступенями были заполнены, внѣшнія стороны состояли изъ четырехъ наклонныхъ гладкихъ поверхностей, покрытыхъ іероглифами и сходящимися наверху. Арабскій писатель Абдаллатифъ (въ началѣ XIII столѣтія) говоритъ, что копіи письменъ на двухъ большихъ пирамидахъ заняли бы болѣе 10 000 страницъ [3]). Ломка покрова произошла не раньше первой половины XIV столѣтія; у большой пирамиды она уже въ 1395 г. (по свидѣтельству одного французскаго паломника) зашла довольно далеко; Киріакъ изъ Анконы въ 1440 г. могъ уже подняться до ея вершины. Покровъ второй существовалъ большею частью еще въ 1638 г. по свидѣтельству англійскаго путешественника Greaves, покровъ третьей (названной арабами красною)—еще въ концѣ XIV или въ началѣ XV. Туземцы, изъ ближняго мѣстечка Бусирисъ, уже въ древности умѣли забираться по наклоннымъ поверхностямъ до вершинъ [4])—искусство, которое они, конечно, показывали иностранцамъ за деньги, какъ въ средніе вѣка арабы. Египетскіе жрецы увѣряли, что пирамиды также глубоко вдаются въ землю, какъ и выступаютъ изъ нея [5]),—сказаніе, которое встрѣчается также и въ преданіи о Маріенбургѣ и, вѣроятно, нерѣдко о другихъ большихъ вызывавшихъ много удивленія постройкахъ. Греческіе и римскіе путешественники и здѣсь увѣковѣчивали память о своемъ пребываніи надписями, которыя исчезли вмѣстѣ съ покровомъ пирамидъ. Одну изъ нихъ еще прочли и записали паломники въ святую землю въ XIV и XV столѣтіяхъ. Ее посвятила памяти своего „дорогого брата" сестра нѣкоего Г. Теренція Генціана, который въ правленіе Траяна и Адріана занималъ высшія должности (между прочимъ и консулатъ): она видѣла пирамиды безъ него, оплакала его, и въ воспоминаніе объ этой скорби приказала записать здѣсь свою жалобу. Нѣкоторое количество другихъ надписей найдено на когтѣ колоссальнаго льва съ человѣческой головой, находящагося возлѣ пирамиды Хефрена, который въ недавнее время снова вырытъ изъ песка [6]).

Слѣдующей цѣлью для римскихъ и греческихъ путешественниковъ въ Египтѣ были руины Ѳивъ, тянувшіяся по обѣимъ сторонамъ Нила съ сѣвера на югъ на разстояніи двухъ миль. Также и Германикъ посѣтилъ ихъ въ 19 году; и, можетъ быть, юный наслѣдникъ престола понялъ внушительную науку, заключавшуюся въ этой великой трагедіи прошедшаго величія также и для его народа; ибо то, что ему прочелъ по его просьбѣ старый жрецъ изъ сохранившихся еще іероглифическихъ письменъ, научило его, что древнее царство Ѳивъ было такимъ большимъ и могущественнымъ, какъ въ его время лишь римское и пароянское. Съ войскомъ изъ 700 тысячъ человѣкъ,

---

[1]) Strabo., XVII, 1, 32, стр. 807 слл.—[2]) Tac., l. l.—[3]) Ср. Horodot., II, 125, 5. Diodor., I, 64.—[4]) Plin., «N. h.», XXXV, 76.—[5]) Aristid., «Orat.», XLVIII, стр. 36.—[6]) «CIG», III. App. 4700, b—l.

значилось тамъ, царь Рамсесъ (II-й, въ XIV стол. до Р. Хр.) прошелъ черезъ Ливію, Эѳіопію и большую часть Азіи и покорилъ ихъ; также тамъ были указаны подати, наложенныя на завоеванные народы — золото и серебро, кони и оружіе, слоновая кость и благоуханія, рожь и произведенія всякаго рода [1]). Еще и теперь въ руинахъ Ѳивъ находятъ пространныя описанія войнъ и побѣдъ Рамсеса въ картинахъ и въ письменахъ, а въ могилахъ его должностныхъ лицъ списки налоговъ на покоренные народы, во главѣ которыхъ стоитъ „взиманіе серебра, золота, слоновой кости и чернаго дерева для сокровищницы царя": въ одной могилѣ дана сумма, взятая съ полей отъ Куша до Нахарайна, въ 33 333 330 (чего?).

Германикъ осматривалъ также пѣвучую каменную статую Мемнона; и, повидимому, она привлекала вниманіе большинства путешественниковъ сильнѣе, чѣмъ всѣ остальные пережитки Ѳивъ, можетъ быть даже чѣмъ всѣ чудеса Египта. На западномъ берегу Нила было большое поле развалинъ, которое Филостратъ въ „жизни Аполлонія Тіанскаго" (можетъ-быть, по разсказамъ императрицы Юліи Домны) описываетъ какъ рынокъ покинутаго города, на которомъ виднѣются остатки колоннъ и стѣнъ, мостовыхъ и статуй, разрушенныхъ частью рукой человѣка, частью временемъ [2]). Изъ этихъ разбросанныхъ и нагроможденныхъ другъ на друга обломковъ возвышались два сидящихъ колосса, которые были видны еще на разстояніи четырехчасового пути. Каждый изъ нихъ былъ вырубленъ изъ цѣльнаго камня, въ 60′ вышины, нагой, за исключеніемъ фартука, съ юношескимъ лицомъ, сидѣлъ прямо съ опущенными руками, тѣсно прижатыми къ тѣлу, и съ кистями, покоющимися на колѣняхъ. Съ тѣхъ поръ какъ землетрясеніе (м. б. 27 г. до Р. Хр.) сломило верхнюю часть одного изъ нихъ, такъ что остались на тронѣ только ноги съ лежащими на нихъ руками, посѣтители развалинъ Ѳивъ наблюдали рѣдкое явленіе. Когда при восходѣ солнца оба колосса бросали свои огромныя тѣни на молчаливую пустыню, изъ разрушеннаго раздавался тихій, но ясный звукъ. Страбонъ, впервые возвѣстившій объ этомъ явленіи, говоритъ, что этотъ звукъ подобенъ тому, который происходитъ отъ легкаго удара. Другіе сравнивали его со звукомъ лопнувшей струны, иные — со звукомъ отъ удара въ мѣдный сосудъ. Многіе думали найти въ немъ сходство съ человѣческимъ голосомъ. Такимъ образомъ, возникло представленіе, что это—изображеніе Мемнона, выстроившаго по мнѣнію грековъ также и тамошніе дворцы, и что этимъ звукомъ сынъ утренней Зари привѣтствуетъ свою мать. Нельзя точно опредѣлить, когда этотъ колоссъ получилъ имя Мемнона и когда это имя стало общепринятымъ; но уже извѣстный ученый шарлатанъ изъ Александріи Апіонъ (между прочимъ авторъ враждебнаго къ евреямъ сочиненія, противъ котораго писалъ Іосифъ), жившій въ правленіе Тиберія и Калигулы, увѣковѣчилъ на немъ свое имя съ приписью, что онъ трижды слышалъ Мемнона. Первымъ писателемъ, упомянувшимъ колоссъ подъ именемъ Мемнона, былъ Плиній Старшій, назвавшій его въ своей Естественной Исторіи, законченной въ 77 году. Какъ говорящее изображеніе сына Зари колоссъ пріобрѣлъ особенную притягательню силу для греческихъ и римскихъ путешественниковъ. Многіе изъ нихъ, паломничавшіе ради него въ

---

[1]) Tac. «A.» II, 60. Strabo, XVII, 1, 46. [2]) Philostr. «Apoll. Tyan.» VIII 4.

Өивы, вырѣзали на его ногахъ свои имена, иногда дату своего пребыванія и болѣе или менѣе короткія замѣчанія, даже стихотворенія; такимъ образомъ, ноги колосса почти до колѣнъ покрыты надписями. Изъ 72-хъ 35 датированы, первая дата относится ко времени Нерона, слѣдующія три ко времени Домиціана, одна—Траяна, большая часть ко времени Адріана, въ томъ числѣ его собственное имя и имена его жены и различныхъ лицъ изъ его свиты; они были вырѣзаны на память о посѣщеніи императоромъ колосса въ ноябрѣ 130 года. Кромѣ того, здѣсь читаютъ имена 8 намѣстниковъ Египта, 2 ихъ женъ, 3 комендантовъ Өиваиды, различныхъ офицеровъ, 2 верховныхъ судей, одного александрійскаго жреца Сераписа, одного „гомерическаго поэта“ изъ тамошняго Музея и т. д. Послѣднія датированныя надписи относятся ко времени Септимія Севера. Онъ приказалъ, вѣроятно во время своего присутствія въ Египтѣ въ 202 г., реставрировать колоссъ, и эта реставрація сохранилась понынѣ; но давленіе огромныхъ массъ камня на обломокъ помѣшало вибраціи воздуха при сильной перемѣнѣ температуры, сопровождающей восходъ солнца, которая раньше производила этотъ звукъ. Съ этихъ поръ статуя Мемнона стала нѣмою и скоро всѣ ее позабыли.

Во многихъ изъ упомянутыхъ надписей путешественники выражали Мемнону свое почитаніе, какъ божеству, и ввѣряли себя его милости. Чаще они дѣлали это отъ имени далекихъ друзей, которыхъ они желали бы видѣть здѣсь или о которыхъ они вспоминали какъ нибудь иначе. Вообще, это самая употребительная форма надписей путешественниковъ въ Египтѣ и въ другихъ мѣстахъ. Большей частью онѣ заключаютъ въ себѣ прославленіе мѣстнаго божества, въ храмѣ котораго находился путешественникъ или защитѣ котораго онъ ввѣрялъ себя и своихъ здѣсь, вдали отъ родины.

Наряду съ колоссомъ Мемнона, греки и римляне восхищались здѣсь главнымъ образомъ могилами царей, расположенными во второй ливійской цѣпи на западъ отъ Өивъ. Видъ долины Бабъ-эль-Молука безъ сомнѣнія былъ тогда такимъ же, какъ теперь; печальная пустынность дѣлаетъ его настоящимъ жилищемъ мертвыхъ: „ни кустъ, ни былинка не могутъ пустить корня въ этихъ голыхъ крутыхъ стѣнахъ; скалы желто-бураго цвѣта засыпаны свѣтлымъ пескомъ и пронизаны черными ходами; въ ихъ мрачныхъ ущельяхъ живутъ только шакалы и гіены, и голодные коршуны вьются около вершинъ“. Могилы царей—это комнаты и своды, проходы и залы, вырубленные глубоко въ скалахъ; греки называли ихъ сирингами. Также и здѣсь найдены многочисленныя (болѣе 100) надписи путешественниковъ, наскоро нацарапанныхъ при свѣтѣ факела, или намалеванныхъ красной краской, большею частью изъ римскаго времени; датированныя простираются отъ времени Траяна до Константина, ни одной нѣтъ древнѣе времени Птолемеевъ. Имена Аврелія Антонина и Луція Аврелія, повидимому, суть имена двухъ императоровъ Марка Аврелія и Луція Вера. Большая часть надписей содержитъ въ себѣ лишь имена и даты или краткія выраженія удивленія. Тотъ, кто не видалъ этого, не видалъ ничего, гласитъ греческая надпись въ гробницѣ Рамсеса IX; счастливъ тотъ, кто взглянулъ на это. Одинъ крупный финансовый чиновникъ (около IV столѣтія) замѣчаетъ, что онъ долгое время жилъ въ Римѣ, резиденціи императоровъ и видѣлъ какъ его достопримѣчательности, такъ и то, что находится здѣсь.

Подобныя надписи путешественниковъ находятся въ большинствѣ мѣстъ, расположенныхъ по обоимъ берегамъ Нила, на храмахъ, обелискахъ, пилонахъ и т. д. и не только въ предѣлахъ Египта (до Филъ и Сіены), но до Hiera-Sykaminos, границы Эѳіопіи и самаго южнаго пункта римской имперіи. Очень немногія изъ нихъ интересны. Въ руинахъ Большого Аполлинополя (Эдфу) въ Верхнемъ Египтѣ есть надпись: Прославляетъ Бога Птолемей, сынъ Діонисія, еврей. Славь Бога. Ѳеодотъ, сынъ Доріана, еврей, спасенный изъ—слѣдующаго за тѣмъ имени мѣстности недостаетъ. Эти путешественники были вѣроятно египетскіе евреи, возвращавшіеся изъ далекаго и опаснаго торговаго путешествія; они заявляли здѣсь о своемъ почитаніи Бога, можетъ быть, нарочно—изъ вниманія къ религіознымъ чувствамъ путешественниковъ-язычниковъ—въ такихъ выраженіяхъ, что въ крайнемъ случаѣ ихъ можно было отнести и къ какому нибудь языческому богу. Въ Филахъ вырублено имя Г. Нумонія Валы, съ которымъ Горацій нѣкогда, въ пріятномъ досугѣ, переписывался о климатическихъ и прочихъ преимуществахъ Веліи и Салерна; онъ былъ здѣсь въ 13 консулатъ Августа (2 г. до Р. Хр.), 25 марта; черезъ 11 лѣтъ онъ погибъ, спасаясь бѣгствомъ изъ битвы въ Тевтобургскомъ лѣсу къ Рейну.

Изъ остальныхъ достопримѣчательностей различнаго рода, которыми Египетъ былъ такъ богатъ, здѣсь можно назвать лишь нѣкоторыя, которыя особенно привлекали вниманіе чужестранцевъ. Во всѣхъ святилищахъ и храмахъ жрецы были проводниками и толкователями [1]). Аристидъ говоритъ, что въ своихъ четырехъ путешествіяхъ по Египту онъ не оставилъ неосмотрѣнной ни одной постройки, и если не находилъ данныхъ объ размѣрахъ той или другой въ книгахъ, измѣрялъ ее самъ съ помощью жрецовъ и пророковъ. Жрецы же показывали также и священныхъ животныхъ, напр., въ Гермополѣ упомянутаго Апіономъ безсмертнаго ибиса. Діодоръ говоритъ, что многое можно было бы разсказать о быкѣ Аписѣ въ Мемфисѣ, о быкѣ Мневисѣ въ Геліополѣ, о козлѣ въ Мендесѣ, о крокодилѣ въ озерѣ Мэриса, о львѣ въ Леонтополѣ; но кто ихъ не видѣлъ, не повѣритъ. Онъ описываетъ подробно какъ за этими животными ухаживаютъ почтеннѣйшіе люди, кормятъ ихъ лучшей пищей, купаютъ ихъ въ теплой водѣ и умащаютъ благовоніями, устраиваютъ имъ роскошныя жилища, держатъ для нихъ самокъ и употребляютъ на ихъ похороны большія суммы; въ его время такія погребенія стоили сто талантовъ [2]). Быка Аписа, котораго жрецы показывали въ спеціально устроенномъ для этого дворѣ [3]), посѣтилъ также и Германикъ [4]); Титъ присутствовалъ при посвященіи одного Аписа [5]). Крокодилы узнавали жрецовъ по голосу, позволяли имъ до себя дотрагиваться и открывали пасть — для того чтобы имъ чистили зубы и обтирали ихъ льняными платками [6]); одного ручного крокодила Сухоса въ Арсиноѣ сами путешественники кормили хлѣбомъ, мясомъ и виномъ [7]).

Среди большихъ построекъ, повидимому, наиболѣе удивлялись, кромѣ названныхъ, лабиринту [8]), среди искусственныхъ бассейновъ—озеру Мэриса [9]).

---

[1]) Strabo, XVII, во многихъ мѣстахъ.—[2]) Diodor, I, 84.—[3]) Strabo, XVII, 31.—[4]) Plin, «N. h.», VIII, 185.—[5]) Sueton., «Titus», c. 5.—[6]) Plutarch. «De solert. animal.», 23, 8.—[7]) Strabo, ib. 811.—[8]) Sever., c. 17.—[9]) Tac., «A.», II, 61.

Къ самымъ знаменитымъ зрѣлищамъ принадлежалъ видъ находящихся подъ тропикомъ Элефантины и Сіены, во время лѣтняго солнцеповорота. Въ полдень тамъ совершенно не было тѣни и все стоящее сіяло въ полномъ солнечномъ свѣтѣ,—храмы, обелиски, люди; въ Сіенѣ же былъ одинъ (теперь исчезнувшій) священный колодецъ, на днѣ котораго ежегодно въ тотъ же день и часъ видно было отраженіе солнца, наполнявшее собою всю поверхность воды до краевъ [1]). Также часто посѣщался и (малый) катарактъ Нила выше Сіены. Здѣсь рѣка въ половодье шумитъ по цѣлой группѣ подводныхъ скалистыхъ островов въ серединѣ ея русла, продолжая течь спокойно съ обѣихъ сторонъ. Если сюда пріѣзжали римскіе намѣстники и другія важныя лица съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть катарактъ, то лодочники плыли, чтобы доставить имъ зрѣлище, по западному берегу вверхъ по теченію до самыхъ скалистыхъ островов и оттуда внизъ по порогамъ, не причиняя этимъ себѣ вреда [2]). Аристидъ по своей просьбѣ получилъ военный конвой изъ римскаго гарнизона въ Сіенѣ, чтобы въ случаѣ надобности заставить лодочниковъ совершить эту поѣздку, и самъ принялъ въ ней участіе. До большого катаракта Нила въ Эѳіопіи путешественники доходили, повидимому, рѣдко. Точно также почти не посѣщались пункты, отстоящіе далеко на западъ или на востокъ отъ береговъ Нила, такъ какъ достиженіе ихъ было связано со слишкомъ большими трудностями. Аристидъ четыре раза проѣхалъ по Египту на всемъ его протяженіи, но не видѣлъ „знаменитыхъ ломокъ порфира на Красномъ морѣ“, которыя производились со времени Клавдія (mons Claudianus, нынѣ Djebel-Dôchnan), гдѣ сотни преступниковъ, подъ палящимъ зноемъ солнца, въ безводной пустынѣ, обрабатывали этотъ въ высшей степени твердый камень для колоннъ и другихъ украшеній римскихъ дворцовъ [3]).

---

7. Интересы римскихъ путешественниковъ.

Для указанія земель и мѣстъ особенно посѣщаемыхъ въ это время можно было одинаково пользоваться какъ греческими, такъ и римскими источниками. Для описанія предметовъ, которые преимущественно привлекали вниманіе путешественниковъ и о которыхъ отчасти уже говорилось, нельзя уже приводить безъ разбора свидѣтельства обѣихъ націй, такъ какъ ихъ интересы и цѣли или, лучше сказать, интересы людей съ греческимъ и съ римскимъ образованіемъ совершенно не совпадали также и въ это время.

Приходится даже за недостаткомъ свѣдѣній оставить въ сторонѣ вопросъ о томъ, были ли цѣлью путешествій мѣста, въ которыхъ находились всѣми признанныя семь чудесъ міра. Сопоставленіе этихъ семи чудесъ, вѣроятно, произошло во время діадоховъ, между 284—220 г. до Р. Хр., въ Александріи, до того какъ причисляемый къ нимъ колоссъ Родосскій былъ разрушенъ землетрясеніемъ (возможно, что авторомъ его былъ Каллимахъ). Мѣста, въ которыхъ они находились, лежали не только внутри области, завоеванной Александромъ Великимъ, но даже и на одной периферіи, отъ

---

[1]) Aristides, ll.—[2]) Strabo, l. l., стр. 817.—[3]) Aristides, l, l., p. 344 сл.— Id., l. l., стр. 349.

центра которой не далеко отстоитъ Александрія: Олимпія (съ Зевсомъ Фидія), Родосъ (съ колоссомъ), Галикарнасъ (съ Мавзолеемъ), Эфесъ (съ храмомъ Артемиды), Вавилонъ (со стѣнами и висячими садами) и Мемфисъ (съ пирамидами). Если даже сохранить число семь, замѣщая Родосскій колоссъ другою достопримѣчательностью (у Плутарха и Марціала—алтарь Аполлона на Делосѣ) [1]), то все же, повидимому, желаніе увидѣть всѣ семь чудесъ міра, повидимому, никогда не руководило путешественниками. Много путешествовавшій Павсаній не встрѣтилъ ни одного человѣка, бывшаго въ Вавилонѣ [2]), отъ котораго, впрочемъ, тогда оставались однѣ стѣны [3]).

Интересъ къ національнымъ особенностямъ чужихъ народовъ, къ ихъ учрежденіямъ, нравамъ и обычаямъ [4]) всего менѣе замѣтенъ у тогдашнихъ римскихъ путешественниковъ, и это понятно по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, національныя особенности наиболѣе посѣщаемыхъ земель уже были до извѣстной степени сглажены греческо-римской культурой, а при поверхностномъ наблюденіи ихъ замѣчали рѣдко. Несравненно больше во всѣхъ этихъ земляхъ интересовало путешественниковъ ихъ прошлое, чѣмъ настоящее. Здѣсь выступало на первый планъ стремленіе прослѣдить шагъ за шагомъ прошлое по всѣмъ его памятникамъ, пережиткамъ и воспоминаніямъ. На ряду съ этимъ чисто-историческимъ интересомъ, замѣтно также стремленіе познакомиться со всевозможными достопримѣчательностями и часто не изъ непосредственнаго интереса къ этимъ предметамъ, а ради ихъ извѣстности, особенно если они были прославлены много читаемыми сочиненіями; затѣмъ путешественниковъ интересовала ихъ рѣдкость и необычайность. Позднѣе будетъ рѣчь о томъ, насколько интересъ къ искусству и природѣ обусловливается (первый—преимущественно, второй—отчасти) этой точкой зрѣнія.

a. Историческій интересъ.

Самую лучшую возможность удовлетворить любопытство и научный интересъ представляли повсюду храмы; обыкновенно къ нимъ направлялись первые шаги путешественниковъ и не только изъ религіозныхъ основаній. Даже въ маленькихъ мѣстечкахъ были замѣчательные храмы, и не только въ греческихъ земляхъ, но и въ Италіи. Такъ, Маркъ Аврелій пишетъ Фронтону объ Анагніи, что это старинный городъ и что хотя онъ очень малъ, но въ немъ много древностей, храмовъ и очень священныхъ церемоній [5]). Храмы были самыми большими, прекрасными, частью самыми древними постройками, часто расположенными на красивыхъ мѣстахъ. Какой разнообразный интересъ они могли возбудить, можетъ показать уже упомянутое описаніе, которое даетъ Филонъ большому роскошному храму Августа въ Александріи. Замѣтный далеко издали, онъ поднимался на возвышеніи напротивъ гавани; онъ былъ полонъ посвятительными дарами, изобиловалъ картинами и статуями, кругомъ былъ украшенъ золотомъ и серебромъ; на большомъ участкѣ земли, принадлежавшемъ ему, находились колоннады, библіотеки, залы, парки, пропилеи, площади, короче—все, что служитъ для самаго богатаго украшенія мѣстности [6]).

[1]) Martial., «Lib. spectaculor.» 1, 4.—[2]) Pausan., IV, 31, 5.—[3]) Id., VIII, 33, 3.—[4]) Plutarch., «Cato minor», c. 12.—[5]) Fronto, «Epp. ad. M. Caes. et inv.», IV, 4.—[6]) Philo, «Leg. ad. Gaj.», стр. 568 M.

Вообще, храмовые округа часто заключали въ себѣ, кромѣ многочисленныхъ построекъ, парки и сады, даже рощи для священныхъ животныхъ и птицъ; тамъ находили свѣжесть благодаря множеству и красотѣ деревьевъ, прохладѣ, дышащей изъ каналовъ, и чистотѣ воздуха. Знаменитый храмъ Афродиты на Книдосѣ, по описанію Лукіяна, былъ окруженъ прелестнымъ паркомъ изъ деревьевъ плодовыхъ или отличающихся красотой; они давали богатую тѣнь—особенно мирты и лавры, высокіе кипарисы и чинары. Всѣ стволы были обвиты плющемъ; на безчисленныхъ лозахъ висѣли обильныя гроздья винограда. Подъ густой зеленью, оглашаемой пѣніемъ цикадъ, находились сидѣнья для пиршествъ приносящихъ здѣсь жертвы [1]). При храмѣ Аполлона въ Гринеѣ, въ Малой Азіи, былъ „чудный паркъ изъ фруктовыхъ и другихъ деревьевъ, дававшихъ благоуханіе или наслажденіе для глазъ" (Павсаній) [2]). На островѣ Теносѣ былъ замѣчательный храмъ Посидона, расположенный въ рощѣ за городомъ, въ которой находились многочисленныя приспособленія для жертвенныхъ пиршествъ [3]). Вблизи храма сирійской богини въ Гіераполѣ (недалеко отъ Евфрата и границы Месопотаміи) находился большой паркъ для посвященныхъ животныхъ — быковъ, лошадей, орловъ, медвѣдей и львовъ. Часто при храмахъ содержались стаи священныхъ гусей.

Далѣе, храмы были богаты посвятительными дарами, драгоцѣнностями и рѣдкостями всѣхъ родовъ, особенно картинами, скульптурами и другими сокровищами искусства, которыя находились здѣсь частью изъ благочестивыхъ цѣлей, частью потому, что храмы были самыми надежными мѣстами для сохраненія и часто посѣщались всѣми. Посвятительные дары, которые принесъ Августъ въ пять римскихъ храмовъ на средства изъ военной добычи (въ храмъ Юпитера Капитолійскаго, Юлія Цезаря, Аполлона, Весты и Марса-Мстителя), по его даннымъ, стоили въ общемъ 100 милл. сестерцій (10 милл. р.) [4]). Плиній Старшій говоритъ, что посвященіемъ своего сочиненія Титу онъ хочетъ придать ему высшій блескъ, подобно тому, какъ многія произведенія искусства кажутся драгоцѣнными только потому, что они посвящены въ храмы [5]). Съ храмами были часто соединены и библіотеки, и нѣкоторымъ образомъ онѣ замѣняли собой музеи, такъ какъ, кромѣ твореній искусства, онѣ заключали въ себѣ также естественно-научныя, этнографическія и историческія достопримѣчательности; впрочемъ, эти послѣднія—разрозненно и случайно, произведенія же искусства въ такомъ множествѣ какъ современныя галлереи и кабинеты. Храму Аполлона въ Регіи (Reggio на Мессинскомъ проливѣ) нѣкто завѣщалъ книгу, написанную на пергаментѣ и переплетенную въ слоновую кость, ящикъ изъ слоновой кости и 18 картинъ. Въ храмахъ Аѳинъ, Дельфовъ, Олимпіи и Рима — не говоря о болѣе мелкихъ — находилось множество знаменитѣйшихъ картинъ и статуй, въ Римѣ также коллекціи граненыхъ камней. Коллекція рѣзныхъ камней царя Митридата была выставлена Помпеемъ на Капитоліи, шесть подобныхъ коллекцій Цезарь выставилъ въ храмѣ Венеры-родительницы, одну—племянникъ Августа Марцеллъ въ храмѣ Аполлона Палатинскаго [6]). Извѣстно, что и въ христіанскихъ

---

[1]) Lucian., Amor., 12 и 18.—[2]) Pausan., I, 21, 9.—[3]) Strabo, X, 5, 11.—[4]) Res Gestae divi Augusti, 2, гл. 21.—[5]) Plin., «N. h.», praef. 19.—[6]) Plin., «N. h.», XXXVII, 11.

храмахъ сохранялись часто произведенія свѣтскаго искусства: въ соборѣ Джирдженти—саркофагъ съ исторіей Ипполита, въ Сіенскомъ—группа трехъ Грацій.

Также и рѣдкости природы (которыя тоже встрѣчались иногда въ христіанскихъ церквахъ, какъ, напр., одинъ кайманъ въ церкви Божіей Матери въ Cimicz), повидимому, чаще всего сохранялись тоже въ храмахъ. Въ нихъ, по словамъ Плинія, можно было познакомиться съ величиной клыковъ слона [1]). Невѣроятно большіе клыки находились во время Цицерона въ древнемъ храмѣ Юноны на мысѣ Мальты; по одной стоявшей на нихъ надписи они были похищены для царя Масиниссы, безъ его вѣдѣнія, но снова были возвращены имъ; кромѣ того, тамъ было много слоновой кости и издѣлій изъ нея, именно — богини Побѣды старинной и высоко-художественной работы; все это было похищено Верресомъ [2]). Въ храмѣ сирійской богини въ Гіераполѣ находились варварскіе наряды, индійскіе драгоцѣнные камни и клыки слоновъ; по преданію, все изъ индійской добычи Діониса, которому приписывалось построеніе храма [3]). Павсаній ссылается въ пользу своего мнѣнія, что клыки слоновъ суть рога согнутые внизъ, на знаменитый храмъ Діаны возлѣ Капуи, гдѣ показывали черепъ слона. Чешуя и челюсти огромной змѣи, длиною въ 120 футовъ, которая по приказанію Регула была убита баллистами во время первой пунической войны возлѣ рѣки Баграда, — сохранялись до нумантинской войны въ Римѣ въ одномъ храмѣ [4]). Адріанъ приказалъ сохранить одну индійскую змѣю въ построенномъ имъ въ Аѳинахъ храмѣ Олимпійскаго Зевса [5]), а въ храмъ Эрота въ Ѳеспіяхъ онъ посвятилъ шкуру убитой имъ медвѣдицы. Во времена Плинія, въ храмѣ Исиды въ Кесареѣ въ Мавретаніи находился крокодилъ изъ тамошняго озера, котораго велѣлъ выставить тамъ царь Юба, въ доказательство того, что изъ этого озера вытекаетъ Нилъ [6]). Карѳагенянинъ Ганнонъ нашелъ и убилъ „трехъ волосатыхъ дикихъ женщинъ“, которыхъ толмачи называли гориллами. Ихъ шкуры показывались въ храмѣ Юноны-Астарты въ Карѳагенѣ вплоть до его разрушенія [7]). Солдаты Марія, во время Югуртинской войны въ Африкѣ, натолкнулись на животныхъ, которыя, будто бы, были подобны дикимъ овцамъ, убивали своимъ взглядомъ и назывались горгонами. Послѣ того, какъ нѣсколько изъ нихъ было убито нумидійскими всадниками посредствомъ метательныхъ копій, Марій послалъ ихъ шкуры въ Римъ, гдѣ онѣ сохранялись въ храмѣ Геркулеса, возлѣ Ara maxima на Forum boarium [8]). Павсаній видѣлъ ребро кита въ храмѣ Эскулапа въ Сикіонѣ [9]). Въ Эриѳрахъ въ храмѣ Геркулеса находились рога индійскихъ муравьевъ [10]) (т. е. здѣсь это имя не обозначаетъ, какъ обыкновенно, сурковъ). По словамъ Филострата, въ греческихъ храмахъ часто показывали индійскіе орѣхи (вѣроятно, кокосовые) [11]) и индійскій тростникъ въ толщину дерева [12]). Корни коричнаго дерева Плиній видѣлъ въ Палаціи въ храмѣ, построенномъ Ливіей въ честь Августа, на золотомъ блюдѣ [13]); въ одномъ храмѣ Эскулапа въ Пантикапеѣ

---

[1]) Id. ib., VIII, 31.—[2]) Cic., «Verr.», IV, 46, 103.—[3]) Lucian., «De dea Syria», 16.—[4]) Plin., «N. h.», VIII, 37.—[5]) Dio, LIX, 16.—[6]) Pl., «N. h.», V, 51. [7]) Hanno Peripl., 18. Plin., «N. h.», VI, 200.—[8]) Athen, V, 21.—[9]) Pausan., II, 10, 2.—[10]) Plin., «N. h.», XI, 111.—[11]) Philostr., «Vit. Apoll.», III, 5.—[12]) Plin., «N. h.», XVI, 162.—[13]) Id. ib. XII, 94.

сохранился сосудъ, который лопнулъ отъ замерзанія налитой въ него воды [1]). Также и величайшій кристаллъ, видѣнный Плиніемъ, вѣсомъ въ 150 римскихъ фунтовъ, былъ завѣщанъ Ливіей Капитолію; какъ образчикъ чернаго гладкаго обсидіана, Августъ выставилъ въ храмѣ Конкордіи четырехъ сдѣланныхъ изъ него слоновъ [2]); панцырь, изготовленный изъ британскихъ жемчужинъ, Цезарь выставилъ въ храмѣ Венеры родоначальницы [3]).

Въ храмахъ находились также замѣчательные сосуды, инструменты и художественныя работы, какъ, напр., свинцовые щипцы для вырыванія зубовъ—въ храмѣ Аполлона въ Дельфахъ (по мнѣнію врача Эрасистрата, эти щипцы должны были показывать, что слѣдуетъ вырывать только тѣ зубы, удаленіе которыхъ можно произвести легко и безъ примѣненія сильныхъ инструментовъ) [4]). Въ одномъ храмѣ въ Смирнѣ показывали зеркало, которое давало искаженныя изображенія [5]). Въ одномъ храмѣ въ Ериѳрахъ показывали двѣ амфоры, выставленныя здѣсь за тонкость ихъ стѣнокъ; учитель и ученикъ состязались въ томъ, кто изъ нихъ сдѣлаетъ болѣе тонкій сосудъ [6]). Варронъ видѣлъ въ одномъ храмѣ Марсія флейту съ четырьмя отверстіями, подобную тѣмъ, которыя употреблялись въ древнее время [7]). Бл. Іеронимъ упоминаетъ о большомъ желѣзномъ ядрѣ, находящемся на аѳинскомъ акрополѣ возлѣ статуи Минервы, которое служило для испытанія силы атлетовъ передъ допущеніемъ ихъ къ агонамъ; при своей слабости, самъ онъ едва могъ сдвинуть его [8]). Иногда въ храмахъ сохранялись также иностранныя оружія и сосуды; Павсаній въ храмѣ Эскулапа въ Аѳинахъ видѣлъ сарматскій панцырь, изготовленный изъ конскихъ копытъ, и льняные полотняные панцыри въ храмѣ Аполлона въ Гринеѣ и въ другихъ мѣстахъ [9]). Окованный золотомъ рогъ зубра, доставшійся въ гетской военной добычѣ, Траянъ завѣщалъ Зевсу Касію возлѣ Антіохіи.

Наконецъ, въ храмахъ нерѣдко показывались и мнимыя чудеса природы. Пергамцы за высокую сумму купили шкуру василиска для того, чтобы охранить храмъ, украшенный живописью Апеллеса, отъ паутины и отъ залетанія птицъ. Горацій смѣется надъ тѣмъ, что во время его путешествія въ Брундизій его въ Гнаціи хотѣли увѣрить, будто тамъ ладанъ плавится на алтарѣ безъ огня: такъ позволилъ бы морочить себя развѣ только суевѣрный еврей [10]). Августинъ разсказываетъ, что передъ однимъ храмомъ Венеры, подъ открытымъ небомъ, стоялъ канделябръ и на немъ лампа, пламя которой не угасало ни отъ вѣтра, ни отъ дождя; онъ объясняетъ это или употребленіемъ азбеста или магіей, которой можно было заниматься съ помощью демона, живущаго въ храмѣ [11]).

Все же еще чаще въ храмахъ сохранялись предметы, имѣющіе историческій интересъ, особенно тѣ изъ нихъ, которые прежде принадлежали знаменитымъ лицамъ, изъ всѣхъ періодовъ исторіи отъ недавняго прошлаго до начала человѣческаго рода. Поднесенный Вителлію мечъ Юлія Цезаря былъ взятъ изъ одного храма Марса [12]). Кинжалъ, которымъ Отонъ совер-

---

[1]) Anthol. Gr., IV, 201, ed. Jacobs.—[2]) Pl., «N. h.», XXXVI, 196.—[3]) Id. ib., IX, 156.—[4]) Cael. Aur., «Morb. chron»., II, 4.—[5]) Pl., «N. h.», XXX, 129.—[6]) Id. ib., XXXV, 161.—[7]) Acro ad Horat., A. P., 203.—[8]) Hieronym. in Lachar., 12.—[9]) Pausan., I, 21, 7—9.—[10]) Horat. Sat., I. 5, 97 слл.—[11]) Augustin., «C. D.», XXI, 26.—[12]) Sueton., «Vitell.», c. 8.

шилъ самоубійство, Вителлій завѣщалъ въ храмъ того же бога въ Кёльнъ [1]); кинжалъ, которымъ Сцевинъ, одинъ изъ заговорщиковъ 65 года противъ Нерона, хотѣлъ убить императора, былъ взятъ имъ изъ храма Salus или Фортуны; позднѣе, Неронъ завѣщалъ его Капитолію съ посвященіемъ Юпитеру-Мстителю [2]). Веретено и прялку Танаквили Варронъ видѣлъ въ храмѣ Санка, а сотканное ею царское облаченіе, которое носилъ Сервій Туллій — въ храмѣ богини Счастья въ Римѣ [3]) Въ обветшаломъ храмѣ Юпитера Феретрія еще Августъ видѣлъ холщевый панцырь, который былъ снятъ А. Корнеліемъ Коссомъ съ убитаго имъ въ единоборствѣ царя вейентовъ Толумнія и принесенъ въ даръ богу [4]). Такъ называемый Поликратовъ перстень (камнемъ котораго былъ сардониксъ) показывали въ Римѣ въ храмѣ Конкордіи, въ золотомъ рогѣ, пожертвованномъ Августомъ [5]). Еще Муціанъ, другъ императора Веспасіана, видѣлъ незначительные остатки отъ холщеваго панцыря, завѣщаннаго египетскимъ царемъ Амасисомъ въ храмъ Минервы въ Линдосѣ на Родосѣ, каждая петля котораго состояла изъ 360 нитей [6]); большая же часть панцыря къ этому времени износилась благодаря постоянному ощупыванію [7]). Въ Дельфахъ находился желѣзный стулъ Пиндара [8]). Панцырь Масистія, предводителя персидской конницы при Платеяхъ, находился въ одномъ аѳинскомъ храмѣ вмѣстѣ съ саблей Мардонія, въ подлинности которой Павсаній, впрочемъ, сомнѣвается [9]). Копье Агесилая показывали въ Спартѣ [10]), латы и копье Александра Великаго въ Гортисѣ въ Аркадіи [11]), доспѣхи Митридата—въ Немеѣ и въ Дельфахъ [12]); канделябръ въ видѣ фруктоваго дерева, взятый въ добычу Александромъ Великимъ и посвященный имъ Аполлону въ Кумахъ—въ храмѣ Аполлона Палатинскаго въ Римѣ [13]); изъ четырехъ статуй, носившихъ нѣкогда шатеръ Александра,— двѣ передъ храмомъ Марса-Мстителя, двѣ передъ Регіей (дворцомъ верховнаго понтифика) [14]).

Реликвіи героическаго времени, съ которымъ большинство образованныхъ, благодаря чтенію великихъ поэтическихъ произведеній и школьному обученію, было знакомо лучше, чѣмъ съ исторіей болѣе новаго времени, возбуждали, вѣроятно, наибольшій интересъ, а ихъ подлинность, вообще, не подлежала бо̀льшимъ сомнѣніямъ, чѣмъ подлинность историческихъ предметовъ: вѣдь и сага считалась историческимъ преданіемъ, хотя и переплетеннымъ съ баснями и сказками. Среди же реликвій героическаго времени, наиболѣе цѣнными и распространенными были воспоминанія о троянской войнѣ и о соединенныхъ съ нею событіяхъ. Онѣ находились повсюду, въ самыхъ различныхъ мѣстахъ, начиная съ яйца Леды, которое свѣшивалось съ кровли одного храма въ Спартѣ (вѣроятно, страусовое яйцо) [15]) и бокала Елены изъ электра, завѣщаннаго ею въ храмъ Минервы въ Линдосѣ (какъ говорили, мѣры ея груди) [16]), до корабля Энея, еще во время Юстиніана стоявшаго въ Римѣ; кромѣ того, тогда показывали въ Герестѣ на Евбеѣ корабль, посвященный Агамемнономъ Артемидѣ, и въ Кассіопеѣ на Коркирѣ окаменѣлый

[1]) Id. ib., c. 10.—[2]) Tac., A., XV, 53 и 72.—[3]) Pl. «N. h.», VIII, 194.—[4]) Liv., IV, 20.—[5]) Plin., «N. h.», XXXVII, 4.—[6]) Herodot., III, 47.—[7]) Pl., «N. h.», XIX, 12.—[8]) Pausan., X, 24, 4.—[9]) Id., I, 27.—[10]) Plutarch., «Agesil.», c. 19, 8.—[11]) Pausan., VIII, 28, 1.—[12]) Appian., XII, 112.—[13]) Pl., «N. h.», XXXIV, 14.—[14]) Plin., «N. h.», XXXIV, 48.—[15]) Pausan., III, 16, 2.—[16]) Plin., «N. h.», XXXIII, 84.

корабль феаковъ, который привезъ Одиссея въ Иѳаку [1]). Скипетръ Агамемнона, сначала изготовленный Гефестомъ для Зевса, находился въ Херонеѣ [2]), его щитъ и мечъ—въ храмѣ Аполлона на Сикіонскомъ рынкѣ; тамъ же показывали плащъ и панцырь Одиссея, лукъ и стрѣлы Тевкра, пряжу Пенелопы, одежду одного изъ ея жениховъ, весла и руль аргонавтовъ, котелъ, въ которомъ варились члены стараго Пелія, кусочекъ кожи Марсія и т. п. [3]). Муміи Сивиллы, съежившіяся, благодаря большой старости, до баснословно малыхъ размѣровъ, показывались въ нѣсколькихъ мѣстахъ [4]). Въ одномъ ликійскомъ храмѣ было письмо Сарпедона, написанное на бумагѣ; это вызвало удивленіе Плинія только потому, что Египетъ, родина папируса, тогда еще не былъ доступенъ для иностранцевъ [5]). Но были реликвіи и изъ гораздо болѣе отдаленныхъ временъ. Въ Панопеѣ въ Фокидѣ—остатокъ глины, изъ которой Прометей создалъ человѣка, передъ часовней этого полубога; она издавала запахъ, подобный запаху человѣческой кожи [6]); въ Олимпіи—сдѣланный изъ слоновой кости рогъ козы Амалѳеи, вскормившей Зевса [7]); въ храмѣ на Самоѳракіи—чаши, посвященныя аргонавтами [8]). Вѣроятно, нерѣдко показывали одинъ и тотъ же предметъ въ различныхъ мѣстахъ—какъ, напр., волосы Исиды, которыя она вырвала съ горя о смерти Осириса—въ Коптѣ и въ Мемфисѣ. Въ двухъ близлежащихъ городахъ Каппадокіи, изъ которыхъ каждый назывался Команою, показывали тѣ же самые предметы, имѣвшіе отношеніе къ таврической Артемидѣ—между прочимъ и тамъ и здѣсь подлинный мечъ Ифигеніи [9]). Даже въ мѣстахъ, лежащихъ на западѣ, показывали подобныя диковинки, занесенныя сюда странствованіями героевъ или какимъ-нибудь инымъ путемъ. Въ Гадесѣ находился золотой поясъ Тевкра [10]), въ Цирцеяхъ—кубокъ Одиссея [11]), въ Капуѣ—двойной кубокъ Нестора [12]). Въ Беневентѣ еще Прокопій видѣлъ клыки калидонскаго вепря, длиною въ 3 пяди; по преданію, онъ былъ убитъ основателемъ города Діомедомъ [13]). Даже въ варварскихъ земляхъ можно было натолкнуться на реликвіи греческихъ сагъ, занесенныхъ туда впервые греческими путешественниками, но сохраняемыхъ повсюду туземцами. Такъ, на островѣ Менинксѣ (Gerbi), кромѣ другихъ воспоминаній объ Одиссеѣ, показывали поставленный имъ алтарь [14]). Такъ, у устья Фазиса Арріанъ видѣлъ желѣзный якорь корабля Арго, который, несмотря на его величину и древность, показался ему слишкомъ современнымъ. Онъ готовъ былъ скорѣе считать подлинными остатки другого каменнаго якоря [15]). На Кавказѣ ему показали гору, къ которой былъ прикованъ Прометей [16]). Отъ города Апсара въ Колхидѣ во время Прокопія оставались лишь руины; но еще и тогда туземцы показывали тамъ могилу брата Медеи, Абсирта [17]). Іоппа въ Палестинѣ считалась мѣстомъ освобожденія Андромеды Персеемъ; кости большого морского животнаго, вызвавшія это представленіе (благодаря которымъ евреи локализировали здѣсь исторію пророка Іоны), еще Скавромъ были привезены въ Римъ, но еще во время Іосифа тамъ показывали остатки

---

[1]) Procop., «B. Goth.», IV, 22.—[2]) Pausan., IX, 40, 4. —[3]) Ampelius, «Lib. mem.», c. 8.—[4]) Petron., c. 48.—[5]) Plin., «N. h.», XIII, 88.—[6]) Pausan., X, 413.—[7]) Pausan., VI, 19, 3.—[8]) Diod., VII, 4, 49.—[9]) Dio, XXXV, 11.—[10]) Philostr. «Apoll. Tyan.», V, 5.—[11]) Strabo, V, 3, 6.—[12]) Athen., XI, 4893.—[13]) Procop., «B. Goth.» I, 15.—[14]) Strabo, XVII, 834.—[15]) Arrian. «Peripl. Ponti Euxini», 11.—[16]) Id. ib., 16.—[17]) Procop., «B. Goth.», IV, 2.

оковъ Андромеды [1]), еще во время Павсанія—воду кровяного цвѣта, въ которой омывался Персей послѣ битвы съ морскимъ чудовищемъ [2]).

Обыкновенно въ храмахъ путешественники находили также и платныхъ проводниковъ (періегетовъ) и объяснителей (экзегетовъ) мѣстныхъ достопримѣчательностей, въ томъ случаѣ, если услужливый гостепріимецъ не знакомилъ ихъ съ ними самъ [3]). Въ Греціи даже въ маленькихъ городахъ не было въ нихъ недостатка. Насколько можно было разсчитывать найти ихъ въ каждомъ новомъ мѣстѣ, видно изъ того, что въ „Правдивой Исторіи“ Лукіана они даже посѣтителямъ преисподней разсказываютъ основанія для наказанія осужденныхъ [4]). Обыкновенно этимъ занимались жрецы и служители храмовъ, спеціальныхъ же проводниковъ имѣли только крупные и часто посѣщаемые пункты. Среди нихъ встрѣчались иногда знающіе люди, которые даже писали о древностяхъ своего города, какъ, напр., въ Герміонѣ періегетомъ былъ старшій врачъ [5]); большинство же, какъ и слѣдовало ожидать, относилось къ своему дѣлу поремесленному, и хотя ихъ сопровожденіе часто было желательнымъ, все же иногда они были настоящимъ мученіемъ для образованныхъ людей, особенно въ такихъ мѣстахъ, какъ Аѳины и Олимпія, разсказывая свои, выученныя наизусть, объясненія и исторіи, составленныя сообразно со вкусами толпы, или указывая, какъ надо разсматривать произведенія искусства. Плиній упоминаетъ о статуѣ Гекаты въ храмѣ ефесской Діаны, изваянной изъ ослѣпительно бѣлаго мрамора: проводники совѣтовали посѣтителямъ не смотрѣть на нее слишкомъ долго, чтобы не испортить себѣ глазъ [6]). „Если бы можно было изгнать изъ Греціи саги и легенды, говоритъ Лукіанъ, проводники умерли бы съ голоду, ибо иностранцы не хотятъ слушать истины даже и даромъ“ [7]). Въ одномъ изъ небольшихъ сочиненій Плутарха разсказывается о посѣщеніи однимъ обществомъ Дельфійскаго храма [8]). Здѣсь никакими просьбами нельзя склонить проводниковъ сокращать ихъ объясненія предметовъ, которые извѣстны всѣмъ; они заставляютъ всѣхъ слушать чтеніе надписей; если же задать имъ вопросъ, выходящій изъ ряда обычныхъ, они теряются и не могутъ дать отвѣта.

Въ Греціи и Малой Азіи проводники занимали путешественниковъ преимущественно воспоминаніями героическихъ временъ, интересъ къ которымъ былъ здѣсь гораздо болѣе живымъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и которыя (какъ уже сказано) были гораздо ближе большинству образованныхъ, чѣмъ историческія. Это замѣтно также повсюду и въ римскихъ описаніяхъ земель. Въ описаніи земли Помпонія Мелы миѳологическія воспоминанія несравненно многочисленнѣе, чѣмъ историческія. Въ утраченной хорографіи, которой пользовался Солинъ, кромѣ описанія достопримѣчательностей природы, сообщались преимущественно миѳологическія свѣдѣнія [9]). Въ описаніи островов, приложенномъ къ путеводителямъ, только о Паросѣ говорится, что на немъ добываютъ бѣлый мраморъ; свѣдѣнія же о всѣхъ остальныхъ островахъ чисто миѳологическаго характера, вродѣ того, что на Самосѣ родились Юнона, на Делосѣ—Аполлонъ и Діана, на Наксосѣ—Аріадна была покинута

---

[1]) Joseph., «B. J.», III, 9, 3.—[2]) Pausan., IV, 35, 6.—[3]) Seneca, «Consol. ad Marc.», 25, 2. Epictet., «Diss.», 7, 1.—[4]) Lucian., «Ver. histor.», II, 31.—[5]) CIG., 1227.—[6]) Plin., «N. h.», XXXVI, 32.—[7]) Lucian., «Philopseud.», 4. [8]) Plutarch., «De Pythiae oraculis».—[9]) Solin., ed. Mommsen, стр. XVIII.

Ѳесеемъ и найдена Вакхомъ, и т. д. [1]). Также и на Востокѣ, куда бы ни проникли греческія саги, всюду онѣ держались съ рѣдкимъ упорствомъ; сказаніе о Мемнонѣ въ Ѳивахъ, о Прометеѣ на Кавказѣ, объ аргонавтахъ въ Колхидѣ, о Персеѣ въ Палестинѣ. Тацитъ даже въ своемъ очень краткомъ отчетѣ о путешествіи Германика въ Египетъ не преминулъ произвести названіе Канобъ отъ имени рулевого Менелая [2]). Аристидъ, впрочемъ, слышалъ отъ одного египетскаго жреца, что мѣсто называлось такъ еще за 10 тысячъ лѣтъ до остановки здѣсь Менелая, и что египетское слово, эллинизированная форма котораго звучитъ Канобъ, означаетъ „золотая земля" [3]). Но это сказаніе сохранялось и греками и римлянами, и его повторяетъ также и Амміанъ Марцеллинъ.

Въ Греціи, повидимому, и для римскихъ путешественниковъ считалось высшимъ наслажденіемъ слушать на мѣстѣ ихъ дѣйствія саги, „которыя этотъ народъ, такъ сильно любящій древнія времена, приписывалъ отдаленному прошлому" [4]). Даже и тамъ, гдѣ не было ни построекъ, ни руинъ, ни памятниковъ, иностранцамъ все-таки показывали слѣды прошлаго. Почти повсюду, говоритъ Аристидъ, разсказывали о томъ, что было нѣкогда; все, что здѣсь видѣли, было остаткомъ трофея, памятникомъ, источникомъ, или же проводникъ указывалъ на едва замѣтные слѣды: это былъ покой Елены, или Гармоніи, или Леды, или что-нибудь въ этомъ родѣ [5]). Съ этого храма богини любви въ Трезенѣ смотрѣла внизъ Федра, когда Ипполитъ состязался на стадіи въ бѣгѣ; здѣсь стояла мирта съ отверстіями въ листьяхъ: несчастная въ своемъ любовномъ безуміи проколола ихъ шпилькой [6]). На этомъ камнѣ Саламинской гавани сидѣлъ нѣкогда старый Теламонъ и смотрѣлъ вслѣдъ кораблю, уносящему въ Авлиду его сына [7]). Въ Авлидѣ показывали источникъ; возлѣ него стояла чинара, передъ которой на глазахъ у цѣлаго греческаго войска змѣя пожрала воробья съ девятью птенцами; часть ея дерева сохранилась [8]). Недалеко отъ Спарты на дорогѣ въ Аркадію стояла статуя Стыдливости: здѣсь Икарій нагналъ колесницу, на которой Одиссей увозилъ его дочь Пенелопу; Икарій пожалѣлъ о данномъ имъ согласіи на бракъ и умолялъ дочь не покидать его; Одиссей предложилъ ей выбирать между мужемъ и отцомъ; вмѣсто отвѣта она закрылась покрываломъ. Икарій возвратился домой одинъ; мѣсто, на которомъ молодая супруга такъ заявила свое рѣшеніе, было украшено этой статуей [9]). Такимъ образомъ, въ этой обильной сказаніями странѣ путникъ едва могъ пройти шагъ, не ступивъ на мѣсто какого-нибудь замѣчательнаго событія, и здѣсь тоже „не было камня безъ названія".

Конечно, не было недостатка и въ воспоминаніяхъ изъ болѣе позднихъ временъ. Посѣщали жилища и гробницы знаменитыхъ людей и другія мѣста, напоминающія о нихъ. Также и римскіе путешественники оказывали свое уваженіе къ ихъ памяти, принося жертвы ихъ Манамъ. Такъ уже въ 191 г. до Р. Хр. Ман. Ацилій Глабріонъ взошелъ на Эту и принесъ жертву на такъ называемой Пирѣ (гдѣ Геркулесъ сжегъ себя) [10]), Каракалла принесъ жертву

[1]) Itineraria, стр. 523.—[2]) Tac., «A.», II, 60.—[3]) Aristid., «Or.», XLVIII, стр. 360.—[4]) Tac., «Hist.», II, 4.—[5]) Aristid., «Or.», XLIII, стр. 539. — [6]) Pausan., II, 32.—[7]) Id., I, 35.—[8]) Id., IX, 1915.—[9]) Pausan., III, 20, 10.—[10]) Liv., XXXVI, 30.

на могилѣ Ахиллеса, возлѣ Иліона [1]) (и въ этомъ подражая Александру Великому) [2]), Траянъ принесъ жертву Манамъ Александра Великаго въ Вавилонѣ, въ домѣ, гдѣ онъ умеръ [3]). Адріанъ реставрировалъ разрушенную моремъ могилу Аянта возлѣ Трои [4]), поставилъ камень съ составленною имъ самимъ надписью на могилѣ Эпаминонда, возлѣ Мантинеи [5]), принесъ заупокойную жертву на могилѣ Помпея и достойнымъ образомъ возстановилъ его памятникъ. Германикъ приносилъ жертвы на могилахъ всѣхъ великихъ людей, вблизи которыхъ онъ находился; эпиграмма, составленная имъ въ честь Манъ Гектора, дошла до насъ [5]). Изъ памятниковъ, которые показывались путешественникамъ въ Греціи, Павсаній упоминаетъ памятникъ царю Кодру на Илиссѣ, мессенскому герою Аристомену, Демосѳену на Калавріи и др. Каждый городъ берегъ съ любовью память о своихъ великихъ людяхъ и заботливо сохранялъ всѣ относящіяся къ нимъ реликвіи: такъ, въ Ѳивахъ кромѣ могилы Пиндара хранили также остатки его дома возлѣ источника Дирцеи [7]). Цицеронъ, пріѣхавъ въ Метапонтъ, не зайдя еще къ своему тамошнему гостепріимцу, искалъ тамъ домъ, гдѣ жилъ и умеръ Пиѳагоръ [8]). Но ни одинъ городъ не изобиловалъ такъ великими людьми, какъ Аѳины, и, конечно, ни одинъ не старался такъ ревностно хранить о нихъ воспоминанія; на каждомъ шагу указывали ихъ слѣды [9]).

Наибольшій интересъ въ Греціи возбуждали, повидимому, мѣста битвъ и стоянокъ лагерей изъ персидскихъ войнъ [10]). На Мараѳонской равнинѣ находились гробницы и памятники павшихъ героевъ, памятникъ Мильтіада и мраморный трофей аѳинянъ; тихою ночью здѣсь слышалось ржаніе коней и звонъ оружія. Руины нѣкоторыхъ храмовъ, сожженныхъ персами, стояли еще во время Павсанія. Конечно, посѣщались также и пункты, ознаменованные событіями позднѣйшихъ временъ. „Мы съ радостью смотрѣли на Черное море, пишетъ Арріанъ императору Адріану, съ той стороны, съ которой на него смотрѣли Ксенофонтъ и ты“. Онъ нашелъ тамъ алтари изъ неотесаннаго камня съ плохими и безграмотными надписями и поставилъ тамъ новые мраморные алтари съ правильными надписями [11]).

Съ особенной любовью хранили, повидимому, и въ Греціи и на Востокѣ воспоминанія объ Александрѣ Великомъ, его подвигахъ и походахъ. Еще во время Плутарха показывали на Кефиссѣ старый дубъ, подъ которымъ во время Херонейской битвы стояла его палатка; недалеко оттуда—общую могилу македонянъ [12]). Когда царь Митридатъ въѣхалъ во Фригію, ради хорошаго предзнаменованія онъ переночевалъ въ той гостинницѣ, въ которой нѣкогда останавливался Александръ [13]). Возлѣ Тира показывали источникъ, лежа у котораго Александръ видѣлъ во снѣ сатира, что толкователи сновъ объяснили какъ предсказаніе о завоеваніи Тира [14]). Возлѣ Миннагары (города, лежащаго на нижнемъ Индѣ), египетскій купецъ, остановившійся здѣсь на пути въ Индію, посѣтилъ мѣсто, гдѣ показывались часовни, алтари, фун-

---

1) Dio, LXVII, 16. Herodian., IV, 8.—2) Sidon. Apollinar. «Epp.», III, 12.—3) Dio., LXVIII, 30.—4) Philostr., «Her.», стр. 288.—5) Pausan., VIII, 11, 5.—6) Sueton., «Calig.», гл. 3.—7) Pausan., IX, 23, 2; 25, 3.—8) Cic, «Fin.», V, 2, 4.—9) Cic., «Fin.», V, 2, 4.—10) Artemidor., «Onirocr.», IV, 47, стр. 288.—11) Arrian. «Per pl. ad Hadrian.», I, 1.—12) Plutarch., «Alex.», c. 9, 2.—13) Appian., «Bell. Mithrid.», c. 26.—14) Plut., «Alex.», c. 25.

даменты лагерей и глубокіе колодцы, какъ воспоминанія о пребываніи здѣсь македонскаго войска [1]). Могила въ Александріи, въ которой, въ стеклянномъ гробу, лежало тѣло Александра (сохраняемое въ меду) [2]), недоступная, вѣроятно, для большинства путешественниковъ, конечно, никогда не оставалась непосѣщенною римскими императорами, пріѣзжавшими туда. Упоминается посѣщеніе склепа Цезаремъ [3]), Августомъ [4]), Северомъ [5]), который приказалъ его закрыть; тѣмъ не менѣе его посѣтилъ также и Каракалла [6]). Калигула приказалъ вынуть изъ склепа панцырь Александра [7]). Еще магометане почитали такъ называемую могилу Александра въ Александріи. „Какъ тебѣ“ говоритъ Плиній, описывая военные подвиги Траяна въ далекихъ странахъ,—„какъ тебѣ показывали тамъ священные слѣды великихъ полководцевъ, такъ нѣкогда настанетъ время, когда потомки захотятъ посмотрѣть сами и показать своимъ дѣтямъ то поле, на которомъ ты истекалъ потомъ, деревья, подъ которыми ты отдыхалъ, скалы, охранявшія твой сонъ, дома, принимавшіе тебя гостемъ“ [8]). Что это пророчество, дѣйствительно, сбылось, доказываетъ Амміанъ Марцеллинъ, который въ своемъ отчетѣ о походѣ Юліана черезъ равнину Евфрата упоминаетъ, что тамъ въ городѣ Озогарданѣ показываютъ трибуну, съ которой Траянъ говорилъ своему войску [9]).

Воспоминанія изъ римской исторіи были всѣмъ, что могли дать Италія и западныя провинціи, такъ какъ тамъ легендарный періодъ почти отсутствовалъ; безъ сомнѣнія, и ихъ искали ревностно. Около Лаврента показывали мѣсто, гдѣ находился лагерь Энея: оно называлось Троей [10]); возлѣ Литерна показывали масличныя деревья, посаженныя Сципіономъ Старшимъ и исполинскую мирту и гротъ подъ нею, въ которомъ, по преданію, змѣя охраняла его прахъ [11]); въ Баяхъ—украшенія и плащъ, который Тиберій въ дѣтствѣ получилъ въ подарокъ отъ сестры Секста Помпея [12]), на днѣ источника Апона, возлѣ Падуи—кости, которыя онъ туда бросалъ [13]), на Капри—мѣсто, съ котораго онъ приказывалъ бросать въ море свои жертвы послѣ долгихъ мученій [14]); домъ Горація вблизи Тибура [15]) и вообще дома рожденія великихъ людей, особенно императоровъ. Хотя Августъ родился въ Римѣ на Палатинѣ „у бычачьихъ головъ“, и большая часть этого дома была обращена въ часовню, все же во всей окрестности Веллетри считалось мѣстомъ его рожденія небольшое помѣщеніе, подобное кладовой, находящееся въ одномъ изъ тамошнихъ имѣній, гдѣ еще во время Светонія разсказывалось, будто всякій вошедшій туда безъ нужды и съ нечистыми мыслями бывалъ напуганъ до смерти привидѣніемъ [16]). Титъ родился въ маленькой темной комнатѣ плохенькаго дома на Септизоніи, который сохранился и показывался еще во время Светонія [17]). „Достойный почитанія домъ, осчастливленный тѣмъ, что услышалъ первый крикъ Домиціана и увидѣлъ его первыя попытки ползанія“ (Марціалъ), былъ превращенъ имъ въ святилище рода Флавіевъ и, широко раскрытый, весь сіялъ золотомъ и мраморомъ [18]). Домъ Песценнія Нигра на полѣ Юпи-

---

[1]) Peripl. mar. Erythr. 41.—[2]) Stat., «Silv.», III, 2, 117.—[3]) Lucan., X, 19.—[4]) Dio, LX, 16. Sueton., «Aug.», c. 18.—[5]) LXXVII, 13.—[6]) Herodian., IV, 8.—[7]) Sueton., «Calig.», c. 52.—[8]) Plin., «Paneg.», c. 15.—[9]) Ammian. Marc., XXIV, 2, 3.—[10]) Appian., «Rom. hist.», fr. 1, 1.—[11]) Plin., «N. h.», XVI, 234.—[12]) Sueton., «Tiber.», c. 6.—[13]) Id., ib., c. 14.—[14]) Id., ib., c. 62.—[15]) Id., «Vit. Horat.».—[16]) Id., «Aug.», c. 16.—[17]) Id., «Titus», c. 2.—[18]) Martial, IX, 20. Becker «Röm. Topogr.», стр. 586.

тера въ Римѣ посѣщался еще во время Діоклетіана и носилъ имя своего прежняго владѣльца [1]). Сенека посѣтилъ виллу Сципіона Африканскаго возлѣ Литерна; воздавъ должное почитаніе манамъ великаго человѣка и его предполагаемой гробницѣ, онъ сравниваетъ прежнія и нынѣшнія условія жизни. Онъ видѣлъ „виллу, построенную изъ квадръ, паркъ, обнесенный стѣною, башни, поставленныя съ двухъ сторонъ для защиты дома, большую цистерну, вблизи—постройки и питомники, а также и маленькую тѣсную и темную, по древнему обычаю, баню“. „Въ этомъ уголкѣ мужъ, бывшій ужасомъ Карѳагена, омывалъ свое тѣло, утомленное полевыми работами; ибо онъ самъ обрабатывалъ свою землю. Подъ этой небольшой кровлей онъ стоялъ. Этотъ плохой глиняный полъ носилъ его“ и т. д. [2]).

Само собой понятно, что особенно историки стремились увидѣть мѣста описываемыхъ ими событій; это наиболѣе замѣтно въ сочиненіяхъ Светонія. Аппіанъ посѣтилъ мѣстность возлѣ Кайеты, гдѣ былъ убитъ Цицеронъ [3]), Плутархъ видѣлъ поле битвы возлѣ Бедріака и монументъ Отона въ Брикселлѣ [4]).

Равнымъ образомъ іудеи и христіане въ Палестинѣ и повсюду стремились найти воспоминанія изъ библейской исторіи. Въ качествѣ таковыхъ Іосифъ называетъ остатки Ноева ковчега на одной горѣ въ Арменіи [5]) (другіе показывались въ одной мѣстности Адіабены); соляной столпъ, въ который была превращена жена Лота [6]) (онъ видѣлъ его самъ); въ Хевронѣ—могилы внуковъ Авраама и исполинское скипидарное дерево, стоявшее здѣсь отъ сотворенія міра [7]). Также понятно, что не оставалось непосѣщеннымъ ни одно изъ мѣстъ, съ которымъ были связаны воспоминанія изъ Ветхаго и Новаго Завѣта; постоянно совершались паломничества въ Святую землю (въ началѣ IV столѣтія, вѣроятно, уже часто). Кромѣ маршрута для паломниковъ изъ Бордо въ Іерусалимъ, составленнаго въ 333 г., соотвѣтствующими свѣдѣніями полонъ также отчетъ одной знатной галльской паломницы ко святымъ мѣстамъ (383—385 гг.) относительно ея путешествія. Терновый кустъ, изъ котораго Богъ говорилъ Моисею, находился тогда въ роскошномъ саду одной церкви, окруженной монастырями: тамъ показывали также мѣсто, на которомъ стоялъ Моисей. Возлѣ Карръ въ Месопотаміи, показывали колодецъ, изъ котораго Ревекка поила верблюдовъ Авраама, и другой, изъ котораго св. Іаковъ поилъ животныхъ св. Рахили; вблизи его находился огромный камень, который былъ снятъ съ колодца святымъ, и т. д. Только соляного столпа, въ который была превращена жена Лота, не видѣла паломница, а лишь мѣсто, на которомъ онъ долженъ былъ стоять; (по ея словамъ, она не хотѣла этимъ обманывать своихъ почтенныхъ сестеръ) [8]). Наоборотъ, въ одномъ описаніи паломничества, совершенномъ въ послѣднюю четверть VI столѣтія, говорится: жена Лота стоитъ еще такъ, какъ она стояла нѣкогда и неправда то, что она стала меньше оттого, что ее лизали звѣри [9]).

---

[1]) Pescenn. «Niger.», c. 12.—[2]) Seneca, «Epp.», 86.—[3]) Appian., «B. civ.», IV, 19.—[4]) Plutarch., «Otho», c. 14 и 18.—[5]) Ioseph., «Ant. Jud.», I, 3, 5.—[6]) Id., ib., XX, 2, 3.—[7]) Id., ib., I, 11, 4.—[8]) S. Silviae peregrinatio, c. 34, 35, 51, 53.—[9]) Antonini Placentini Itinerariim.

в. Интересъ къ искусству.

Историческій интересъ, какъ онъ описанъ выше, далеко превышалъ у римскихъ путешественниковъ всѣ другіе интересы; онъ же выступаетъ на первый планъ и въ слѣдующемъ разсужденіи одного римскаго поэта времени Нерона въ концѣ стихотворенія о чудесахъ Этны. Мы проѣзжаемъ черезъ земли и моря и переносимъ много опасностей для того, чтобы увидѣть роскошные храмы, знаменитые своими сокровищами и священными остатками древности; мы ревностно изучаемъ старинныя сказки древнихъ легендъ и странствуемъ отъ одного народа къ другому. То мы радуемся тому, что видимъ Огигіевы стѣны Ѳивъ и охотно переносимся въ эти далекія времена; то восхищаемся камнями, сложенными подъ звуки пѣсни и лиры, то алтаремъ, съ котораго раздѣльно поднимался дымъ двойного жертвоприношенія, то подвигами семи героевъ и тѣмъ, какъ Амфіарай былъ поглощенъ пропастью. Здѣсь насъ приковываетъ Евротъ и городъ Ликурга и священный отрядъ, слѣдующій за своимъ вождемъ на смерть. Здѣсь мы посѣщаемъ Аѳины, славныя своими пѣвцами и своею Минервою. Здѣсь нѣкогда невѣрный Ѳесей позабылъ возвращаясь надѣть бѣлые паруса на свои корабли для отца; Аѳины виноваты и въ судьбѣ Эригоны, нынѣ извѣстнаго созвѣздія; оттуда происходитъ Филомела, которая теперь гнѣздится въ лѣсахъ оглашаемыхъ пѣніемъ, Прокна, живущая подъ крышами, дикій Терей, летающій по одинокимъ полямъ. Мы восхищаемся золою Трои и Пергамомъ, павшимъ вмѣстѣ съ Гекторомъ, мы смотримъ на небольшой курганъ великаго Гектора; здѣсь покоятся также быстрый Ахиллъ и мститель великаго Гектора.

Но тотъ же самый поэтъ наряду съ историческимъ интересомъ, вызывающимъ путешествія и опредѣляющимъ ихъ направленіе, называетъ также и интересъ къ искусству, тоже иногда руководящій путешественниками. Онъ продолжаетъ: да, но и греческія статуи и картины привлекаютъ многихъ; то Анадіомена съ влажными волосами, то ужасная колхидянка, у ногъ которой играютъ ея младенцы, то приношеніе Ифигеніи закрывшимся покрываломъ отцомъ, то твореніе Мирона: это множество произведеній искусства и ихъ достоинство привлекаютъ многихъ, и люди считаютъ долгомъ ѣздить по сушѣ и морю для того только, чтобы увидать ихъ [1]).

Нечего и говорить, что любознательные и стремящіеся къ образованію римляне не пренебрегали во время своихъ путешествій осмотрѣть произведенія искусства, которыми такъ изобиловала Греція и Малая Азія. Цицеронъ хвалитъ Помпея за то, что онъ въ Греціи не останавливался нигдѣ, ни разу не потратилъ времени на то, чтобы хоть взглянуть на греческія картины и статуи, которыя такъ усердно грабили другіе [2]). Онъ же называетъ множество художественныхъ произведеній Сициліи, похищенныхъ Верресомъ, прежде же находившихся частью въ частномъ владѣніи, частью въ храмахъ: каждаго иностранца приглашали туда посмотрѣть на нихъ. Въ часовнѣ Гея въ Мессанѣ находился Амуръ Праксителя, Геркулесъ Мирона, двѣ канефоры Поликлета. Каждый римлянинъ, пріѣзжавшій въ Мес-

---

[1]) «Aetna», 565—598.—[2]) Cic., «De imp. Pomp.», 14, 40.

сану, отправлялся туда, чтобы на нихъ взглянуть; ихъ можно было видѣть ежедневно, такъ что домъ служилъ украшеніемъ не только владѣльцу, но и всему городу [1]). Всѣ иностранцы, пріѣзжавшіе въ Сегесту, осматривали тамъ статую Діаны; когда Цицеронъ былъ квесторомъ, ее показали ему первую [2]). Въ Сиракузахъ самымъ замѣчательнымъ изъ всего считалась картина конной битвы Агаѳокла въ храмѣ Минервы [3]) и т. д. Наряду съ изученіемъ Платона, Демосѳена и Менандра Проперцій хотѣлъ заняться въ Аѳинахъ также и ознакомленіемъ съ ихъ картинами и твореніями изъ бронзы и слоновой кости [4]). Апулей говоритъ, что на щитѣ Минервы Фидія на Акрополѣ онъ видѣлъ портретъ самого художника [5]).

Особенно же всѣ стремились увидѣть тѣ произведенія искусства, о которыхъ много говорилось и которыя были извѣстны всѣмъ образованнымъ по имени; они находились во всѣхъ значительныхъ городахъ Греціи еще во время имперіи, хотя тѣ изъ нихъ, которыя Цицеронъ называетъ главными украшеніями городовъ Греціи и Малой Азіи, тогда уже отчасти находились въ Римѣ [6]). Ради нихъ также предпринимались путешествія. Во время Цицерона посѣщали Ѳеспіи, въ которыхъ не было ничего, кромѣ Амура Праксителя [7]), и ради его же Венеры, которую многіе считали первымъ въ мірѣ произведеніемъ искусства—Книдосъ [8]). Вы ѣздите въ Олимпію, говоритъ Эпиктетъ, для того, чтобы увидѣть Зевса Фидія, и каждый изъ васъ считаетъ несчастіемъ умереть, не взглянувъ на него [9]). Если эти слова и относятся только къ грекамъ, то, безъ сомнѣнія, и римляне не рѣдко предпринимали это путешествіе съ тою же цѣлью.

До какой степени, однако, историческій интересъ у путешествующихъ римлянъ перевѣшивалъ интересъ къ искусству, видно уже изъ того, что первый всегда былъ руководящимъ, второй же упоминается всюду лишь случайно. И на дѣлѣ онъ былъ большей частью поверхностнымъ, обусловленнымъ, обыкновенно, лишь именемъ художника и извѣстностью творенія. Кто разъ увидѣлъ статую или картину,—говоритъ Тацитъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій [10]),—идетъ удовлетворенный дальше и никогда больше не возвращается къ нимъ; безъ сомнѣнія, это можно было сказать о большинствѣ римскихъ путешественниковъ. Смотрѣли для того, чтобы увидѣть, и въ этомъ отношеніи путешествія тогдашнихъ римлянъ также походили на путешествія современныхъ англичанъ, какъ и въ ревностномъ и сознательномъ ознакомленіи съ историческими воспоминаніями. Какъ Аттикъ у Цицерона выражается относительно Аѳинъ, такъ, повидимому, думало большинство образованныхъ римлянъ всѣхъ временъ. Мѣста, говоритъ онъ, на которыхъ сохранились слѣды тѣхъ, кого мы любимъ и кѣмъ восхищаемся, производятъ на насъ извѣстное впечатлѣніе. Даже мой любимый городъ, Аѳины, радуетъ меня не столько своими греческими постройками, сколько воспоминаніями о великихъ людяхъ, о мѣстахъ, на которыхъ они сидѣли, гдѣ они гуляли, бесѣдуя другъ съ другомъ; также съ интересомъ я смотрю на ихъ могилы [11]).

---

[1]) Cic., «in Verr. , II, 4, c. 2 sq.—[2]) Id., ib., 33, 74.—[3]) Id., ib., 55, 122.—[4]) Propert., III (IV), 21, 29 sq.—[5]) Apulej, «De mundo», p. 746.—[6]) Cic., l. l., c. 60, 135.—[7]) Id., ib. и c. 2, 4. Strabo, IX, 25, стр. 410. Pl., «N. h.» XXXVI, 22.—[8]) Plin., ib., 20.—[9]) Epict., «Diss.», I, 7, 23.—[10]) Tac., «Dial. de oratt.», c. 10.—[11]) Cic.; «de legibus», II, 2, 4.

с. Интересъ къ природѣ и чувство природы вообще.

Несравненно больше, чѣмъ интересъ къ искусству, въ путешествіяхъ римлянъ выступаетъ интересъ къ природѣ; среди всего, что имѣетъ отношеніе къ отдыху души или къ наслажденію,—говоритъ Аттикъ,—природа занимаетъ первое мѣсто [1]). Но и этотъ интересъ сильно отличался отъ современнаго интереса къ природѣ. И онъ часто не бывалъ непосредственнымъ; обыкновенно онъ обусловливался извѣстностью, рѣдкостью и странностью, наконецъ, святостью данныхъ предметовъ и явленій.

Античное чувство природы отличается отъ современнаго больше всего своимъ религіознымъ характеромъ. Могущественныя явленія природы захватывали древнихъ сильнѣе, чѣмъ людей новаго времени; здѣсь они чувствовали себя поставленными лицомъ къ лицу съ силою боговъ или демоновъ, и къ удивленію и восхищенію часто присоединялось религіозное почитаніе. Но между тѣмъ какъ фантазія грековъ воплотила явленія и силы природы въ лица боговъ, для италиковъ божество оставалось всегда, хотя и вездѣсущимъ, но тайнымъ и чуждымъ. Они понимали его, какъ наполняющее всю природу „волненіе и движеніе безличнаго духа", не имѣющее опредѣленныхъ образовъ. Религіозное чувство, видѣвшее вездѣ и въ каждомъ моментѣ дѣйствіе охраняющей силы, сильнѣе всего возбуждалось впечатлѣніями свободной природы; и гдѣ только таинственное мѣсто пробуждало милыя воспоминанія, красивый или возвышенный видъ окрылялъ душу, плодородное пастбище или хорошо воздѣланное поле возбуждало представленіе о божьемъ благословеніи,—тамъ, поставивъ простой алтарь или изображеніе змѣи, любили вспоминать о высшей причинѣ всего этого и о скрытой душѣ мѣста („genius loci") (Preller). Какъ сильно ни измѣнялась съ теченіемъ столѣтій древняя вѣра въ боговъ, религіозное чувство природы никогда не было утрачено римлянами этого времени, также какъ и греками: явленія, вызывавшія ихъ, оставались вѣчно тѣми же и снова дѣйствовали съ прежней силой на человѣческую душу. „Если ты видишь, говоритъ Сенека, густую рощу деревьевъ выше обыкновеннаго размѣра, гдѣ множество сплетающихся вѣтвей закрываетъ отъ человѣка небо, то эта исполинская растительность, тайна мѣстности и восхищеніе передъ густой тѣнью деревьевъ посреди открытаго поля подсказываютъ тебѣ чувство присутствія божества. Если далеко вглубь скалы вдается гротъ не искусственный, но созданный такъ совершенно самой природой,—онъ наполнитъ твою душу мыслью о высшемъ существѣ. Мы почитаемъ начала большихъ рѣкъ; тамъ, гдѣ могущественный потокъ внезапно вырывается изъ пропасти, стоятъ алтари, у горячихъ источниковъ совершается богослуженіе, и многія озера за свою темную и неизмѣримо глубокую воду считаются святыми" [2]). Въ уединеніи и тишинѣ природы, гдѣ человѣкъ чувствовалъ себя ближе къ божеству, затронутымъ его силою и нуждающимся въ его защитѣ, религіозныя мысли возбуждались чаще и сильнѣе, чѣмъ въ шумѣ и суетѣ города, и нерѣдко путникъ останавливался въ невольномъ раздумьи передъ старыми деревьями, мрачными

---

1) Cic., «de legg.», II, 1, 2.—2) Seneca, «Epp.», 41.

гротами и огороженными холмами [1]). Такимъ образомъ, мѣста, отличавшіяся величественной или красивой природой, посѣщались не только съ цѣлью насладиться ихъ видомъ, но и съ тѣмъ, чтобы почтить божество, которому они были посвящены.

Совершенно особенное почитаніе „пережившее даже языческія времена, находила живая вода тамъ, гдѣ она появлялась безъ воли человѣка и, какъ говорятъ юристы, какъ caput aquae заключаетъ въ себѣ perpetua causa“. (Rudorff). Это почитаніе доказывали бросаніемъ въ воду благочестивыхъ приношеній, особенно монетъ, которыя еще и теперь часто находятъ въ руслахъ рѣкъ и источниковъ, и постройкою часовенъ и святилищъ. Такъ въ верховьяхъ Сены стоялъ храмъ, построенный, повидимому, въ концѣ I столѣтія, часто посѣщаемый паломниками (именно, больными, искавшими здѣсь излѣченія). Такъ надъ кристально чистымъ, обильно льющимся источникомъ Djebel Zaghuan, питавшимъ водопроводъ римскаго Карѳагена (считавшійся арабами однимъ изъ чудесъ міра, построенный, вѣроятно, Северомъ и Каракаллою),—стоялъ храмъ, который, прислонясь большой полукруглой нишей къ отвѣсной скалѣ, смотрѣлъ на „прелестнѣйшую изъ странъ“; его величественныя руины сохранились понынѣ. Такъ источникъ Клитумна въ Умбріи привлекалъ посѣтителей настолько же своей святостью, какъ и своей красотой [2]). Онъ выбивался изъ подъ холма, заросшаго кипарисами, холодный какъ ледъ, съ прозрачной зеленью, въ которой отражались ясени, стоявшіе на обоихъ берегахъ, и вскорѣ становился судоходной рѣкой, окаймленной дачами. Старый храмъ и многія часовни (изъ которыхъ одна можетъ-быть во время Ѳеодосія, посвященная для христіанскаго богослуженія, существуетъ еще и теперь), стояли у верховьевъ. Стѣны и колонны ихъ были сплошь исписаны посѣтителями, которыхъ здѣсь, повидимому, бывало очень много; Калигула тоже однажды отправился въ Меванію для того, чтобы посмотрѣть на рощу и потокъ Клитумна [3]). Но, безъ сомнѣнія, много посѣщались также и другіе замѣчательные рѣки и источники. Относительно По Плиній говоритъ, что онъ вытекаетъ изъ заслуживающаго вниманія источника [4]).

Самыми знаменитыми изъ гротовъ и пещеръ были—корикійская въ Парнасѣ, которую Павсаній называетъ самою замѣчательною изъ тѣхъ, которыя онъ видѣлъ [5]), и носящая то же имя возлѣ города Корика въ Киликіи; послѣдняя собственно не пещера, но ущелье скалы, поднимающееся сводомъ, подобное тѣмъ, какія въ южной Германіи называются именемъ „Klamm“ [6]); три другія большія и замѣчательныя пещеры, находящіяся въ Малой Азіи и посвященныя различнымъ богамъ, описываетъ Павсаній [7]). Понятно, что чувство природы, свойственное древнимъ, стремилось признать въ этихъ прохладныхъ сводахъ съ ихъ удивительными сталактитами и другими рѣдкостными каменными образованіями жилища боговъ (особенно нимфъ), а въ шумѣ воды, капающей сверху или струящейся глубоко внизу—демоническую музыку; что въ ихъ таинственномъ сумракѣ или въ темнотѣ, едва освѣщенной факелами, человѣкъ чувствовалъ себя охваченнымъ неопредѣленнымъ страхомъ. Внутренность корикійскаго грота въ Киликіи, по словамъ Помпонія

---

[1]) Apulej. «Florid.», I, 1.—[2]) Plin., «Epp.», VIII, 8.—[3]) Sueton., «Calig.», c. 43.—[4]) Plin., «N. h.», III, 117.—[5]) Pausan., X, 32, 2.—[6]) Strabo, XIV, 5.—[7]) Pausan., l. l.

Мелы, была слишкомъ ужасной для того, чтобы можно было въ нее проникнуть, и осталась поэтому неизвѣстной [1]). Конечно, всѣ большіе гроты были посвящены опредѣленнымъ божествамъ, изображенія которыхъ находились въ нихъ [2]).

Также естественно почитаніе рощъ и деревьевъ, отличающихся древностью и исполинскимъ ростомъ. „Нѣкогда,—говоритъ Плиній,—деревья были храмами боговъ, и теперь, по древнему обычаю, простые сельскіе жители посвящаютъ высокое дерево богу, и мы почитаемъ изображенія боговъ, блещущія золотомъ и слоновою костью, не больше, чѣмъ рощи и царствующее въ нихъ молчаніе" [3]). Въ глубинѣ рощъ и лѣсовъ скорѣе всего возбуждался тотъ таинственный страхъ, который возвѣщалъ древнимъ близость бога. Павсаній перечисляетъ древнѣйшія деревья Греціи, извѣстныя со временъ сѣдой старины—иву на Самосѣ, дубъ въ Додонѣ, оливковое дерево на аѳинскомъ акрополѣ [4]). Также и пальма на Делосѣ, которой восхищался еще Одиссей, стояла во время Плинія. На самомъ же дѣлѣ продолжительность жизни даже финиковыхъ пальмъ не такъ велика, и со временъ Одиссея тамъ могло вырости много новыхъ экземпляровъ взамѣнъ прежняго [5]). Плиній называетъ также древнѣйшія деревья въ Римѣ—каркасъ на Волканалѣ, болѣе древній чѣмъ самъ городъ; тамъ же—кипарисъ, сломившійся въ послѣдніе годы правленія Нерона, каркасъ во дворѣ стариннаго храма Луцины, выстроеннаго 450 лѣтъ назадъ, стоявшій тамъ еще до построенія храма, и другія [6]); между прочимъ, огромныя, въ дуплахъ которыхъ иногда могло помѣститься нѣсколько человѣкъ [7]). Такія деревья, какъ такъ называемая прекрасная пинія на Идѣ, вышиною около 220 футовъ, которую описалъ уже Атталъ I Пергамскій, — повидимому бывали часто посѣщаемы; болѣе же всего могучія чинары. „Что могло быть болѣе желаннымъ въ сухихъ скалистыхъ лабиринтахъ южныхъ солнечныхъ земель и болѣе вызывать благоговѣніе и восхищеніе, чѣмъ это дерево съ прелестной яркой зеленью на зеленовато-сѣромъ стволѣ, которое своими парящими широкими, глубоко разрѣзанными листьями осѣняетъ журчащіе источники и ручьи и еще и нынѣ манитъ къ себѣ пришельцевъ такъ же, какъ сотни лѣтъ назадъ принимало у себя прародителей и освѣжало ихъ своей прохладой". Среди старинныхъ чинаръ Павсаній упоминаетъ ту, которая была посажена возлѣ Кафіи въ Аркадіи Менелаемъ,—по другимъ источникамъ, Агамемнономъ. Греція переняла и это дерево и любовь къ нему изъ Азіи, гдѣ чинары и кипарисы съ незапамятныхъ временъ пользуются религіознымъ почитаніемъ у любящихъ деревья иранцевъ и передне-иранскихъ племенъ Малой Азіи. Въ Авлокренѣ во Фригіи еще во время Плинія показывали чинару, которую, ради ея величины, Аполлонъ избралъ для того, чтобы повѣсить на ней Марсія. Одна изъ величайшихъ чинаръ стояла въ Ликіи, тоже освященная миомъ,—какъ всегда, около родника; ширина ея дупла была 81 футъ, хотя вершина была такою густою, что образовала широкую непроницаемую крышу тѣни; консулъ Лициній Муціанъ, „пообѣдавъ въ ней вмѣстѣ съ восемнадцатью

---

[1]) Pompon., Mela l. l. [2]) Pausan., l. l.—[3]) Plin., «N. h.», XII, 3.—[4]) Pausan., VIII, 23, 4.—[5]) Plin., «N. h.», XVI, 238.—[6]) Plin., «N. h», XVI, 240.—[7]) Plin., ib., XVI, 234 сл.

гостями, затѣмъ отдохнулъ въ ней и утверждалъ, что она дала ему лучшую обстановку, чѣмъ украшенныя золотомъ и картинами мраморныя залы Рима“. Возлѣ Гортина на Критѣ стояла такъ называемая вѣчно зеленая чинара, подъ которой, по преданію, Зевсъ обнялъ Европу; она прославлялась въ латинскихъ и греческихъ стихотвореніяхъ (вѣроятно, вырѣзанныхъ на ея стволѣ). (Hehn).

Вторымъ моментомъ, оказывающимъ значительное вліяніе на славу мѣстности, была его знаменитость, которой оно бывало обязано поэзіи и литературѣ. Направленіе римскихъ путешествій часто опредѣлялось вліяніями подобными тому, которое до 4 десятилѣтія XIX вѣка имѣлъ „Титанъ“ Jean Paul'я на посѣщеніе Борромейскихъ островов и острова Искіи и еще болѣе сочиненія Вальтера Скотта—на посѣщеніе шотландскихъ горъ. Описаніе какой-нибудь мѣстности становилось любимою темою поэтовъ и писателей, а эти описанія увеличивали число ея посѣтителей; это случалось съ большей частью названныхъ мѣстъ и достопримѣчательностей. Описаніе, которое Помпоній Мела даетъ Корикійской пещерѣ, полно отзвуками поэтическихъ разсказовъ о ней; также и описаніе Плиніемъ Темпейской долины [1]), „съ обѣихъ сторонъ которой отлогія стѣны поднимаются на неизмѣримую высоту; Пеней проложилъ свое узкое русло среди зеленыхъ береговъ и прелестной рощи, пѣніе птицъ раздается съ вершинъ деревьевъ“. Долина Темпы была также въ числѣ тѣхъ мѣстностей, воспроизведеніями которыхъ Адріанъ украсилъ свою виллу возлѣ Тибура [2]). Сенека спрашивалъ своего друга Луцилія, объѣздившаго всю Сицилію, о природѣ теченія Харибды, прославленнаго поэзіей; что Скилла — неопасная скала, было ему уже извѣстно [3]). Еще Іеронимъ въ своемъ краткомъ отчетѣ о путешествіи изъ Италіи на Востокъ говоритъ, что въ Регіи, на скиллійскомъ берегу, онъ велѣлъ разсказывать себѣ старинныя преданія объ опасномъ путешествіи Одиссея, о пѣніи сиренъ и о ненасытной пропасти Харибды [4]). „Путешествіе,— говоритъ Сенека въ другомъ мѣстѣ своихъ писемъ,—создастъ тебѣ знакомство съ народами, покажетъ тебѣ новые виды горъ, незнакомыя равнины, долины, по которымъ протекаютъ непобѣдимыя воды, или удивительную природу какой-нибудь рѣки,—разрастается ли она, подобно Нилу, въ лѣтнемъ половодьѣ, или, подобно Тигру, пропадаетъ изъ виду и, послѣ незримо совершаемаго подземнаго теченія, снова появляется въ прежней ширинѣ; или какъ Меандръ, предметъ для игры и упражненій всѣхъ поэтовъ, извиваясь въ частыхъ изгибахъ и вновь подходя къ своему собственному руслу, снова удаляется отъ него; но это не сдѣлаетъ тебя ни лучше, ни разумнѣе“ [5]). Видно, что эти рѣки названы не благодаря красотѣ ихъ береговъ, а за ихъ величину, знаменитость и за ихъ замѣчательные феномены. Сидоній Аполлинарій описываетъ свое путешествіе въ Римъ своему другу, который справлялся у него, какіе знаменитые города, поля битвъ, святыя горы или „потоки, украшенные пѣснями поэтовъ“, онъ видѣлъ на пути [6]). „Такъ какъ мы рождены для великаго,—говоритъ авторъ сочиненія „о возвышен-

[1]) Plin., «N. h.», XII, 30.—[2]) Hadrian., c. 26.—[3]) Seneca., «Epp», 79.—[4]) Hieronym., «c. Rufin.», III, 22.—[5]) Seneca., «Epp.», 104, 15.—[6]) Sidonius Apollinar., «Epp.», I, 5.

номъ",—мы не удивляемся маленькимъ рѣкамъ даже если онѣ прозрачны, ясны и полезны, но Нилу, Дунаю, Рейну, и еще гораздо болѣе Океану" [3]). Исчезновеніе Тигра „глубоко въ зіяющей пропасти" и его „теченіе подъ землей", также какъ подобные (дѣйствительные или вымышленные) феномены другихъ рѣкъ—много занимало фантазію поэтовъ. Приведенныя слова заимствованы изъ стихотвореній Нерона; сверхъ того, мы имѣемъ подобное описаніе у Лукана [4]) и у автора написаннаго по гречески поэтическаго описанія земли, Діонисія, жившаго въ правленіе Адріана [1]).

Это приводитъ насъ къ третьему пункту, который будетъ теперь описанъ, повышавшему и при наличности первыхъ достопримѣчательность мѣстности или явленія: притягательной силѣ, которой обладали всѣ ненормальныя, рѣдкія, уклоняющіяся отъ общаго правила явленія природы. О плавающихъ островахъ въ Вадимонійскомъ озерѣ возлѣ Амеріи Плиній Младшій говоритъ, что многіе совершаютъ долгія путешествія по землѣ и морю для того, чтобы посмотрѣть на подобные и не болѣе замѣчательные феномены, оставляя безъ вниманія такое рѣдкое явленіе природы въ самой Италіи [2]). Римляне и греки, жившіе въ западныхъ провинціяхъ, ѣздили въ Гадесъ или на западный берегъ Галліи для того, чтобы посмотрѣть на приливъ и отливъ океана; въ Галлію съ этимъ намѣреніемъ ѣздилъ другъ Лукіана Сабинъ [3]). Также и Филостратъ любовался здѣсь этимъ зрѣлищемъ; ради этого онъ отправляетъ въ Гадесъ и своего Аполлонія и передаетъ донынѣ сохранившееся въ приморскихъ странахъ повѣрье, что опасно больной не можетъ умереть во время прилива и что лишь съ отливомъ душа оставляетъ его тѣло [4]). Страбонъ, Апулей и Кассій Діонъ описываютъ пропасть вблизи Гіераполя во Фригіи, изъ которой выходили сѣрнокислые пары, убивавшіе людей и животныхъ; они производили тамъ опыты надъ птицами и другими животными. Насколько часто посѣщалось это мѣсто, видно изъ того, что тамъ поставили спеціальное приспособленіе для желающихъ познакомиться съ этимъ феноменомъ [1]); этотъ театръ, какъ его называетъ Діонъ, повидимому, былъ выстроенъ послѣ времени Страбона; во время Амміана Марцеллина явленіе уже не наблюдалось [2]). Понятно само собой, что подобнымъ вниманіемъ пользовались и всѣ мѣста, изъ которыхъ поднимались опасные для жизни пары, и которыя народною вѣрою считались мѣстомъ входа въ подземный міръ (averni, χαρώνεια [3]): къ нимъ принадлежало еще и понынѣ называющееся „Lago d'Averno" озеро возлѣ Кумъ, гдѣ въ древнія времена наблюдались подобныя явленія, какъ теперь на тамошней Сольфатарѣ [4]); благодаря Вергилію, заставившему Энея сойти тамъ въ подземный міръ, оно стало извѣстнымъ всему міру. Но было бы невозможно перечислить всѣ дѣйствительныя, или выдуманныя, или украшенныя фантазіей явленія природы, которыя привлекали къ себѣ путешественниковъ; было бы лишнимъ нагромождать примѣры, тѣмъ болѣе, что о многомъ въ этомъ родѣ уже упоминалось.

Непосредственный интересъ къ природѣ замѣтенъ больше всего въ любой

[3]) Longin., «De sublimi», 35.—[4]) Lucan., III, 261.—[1]) Dionys., «Perieges.», 987.—[2]) Plin., «Epp.», VIII, 20.—[3]) Lucian., «Apologia», 15.—[4]) Philostrat., «Apoll. Tyan.», IV, f. V, in.—[1]) Plin., «N. h.», II, 208. Strabo, XIII, 3, 14, стр. 269; Apulej. «De mundo», стр. 729; Galen., IV, 58; Dio, LXVIII, 27.—[2]) Ammian. Marcellin., XXIII, 6, 18.—[3]) Galen., XVI, 358.—[4]) Plin., «N. h.», XXXI, 21.

сельской жизни, такой живой и распространенной среди римлянъ. Если она и обусловливалась нездоровымъ климатомъ Рима въ лѣтніе мѣсяцы, то она находила себѣ основаніе также и въ потребности вырваться изъ дыма и пыли, шума и суеты, бурь и гула большого города въ уединеніе, тишину и свѣжесть сельской природы, и, какъ говоритъ одинъ греческій писатель, освѣжиться видомъ на нивы и поля [1]; и какъ часто при сравненіи города и деревни возбуждалось чувство, что передъ этимъ вѣчно равнымъ изобиліемъ, роскошью и прелестью все созданное человѣкомъ бѣдно и незначительно. Разумѣется, многія изъ подобныхъ сужденій возникли подъ вліяніемъ эллинистической поэзіи; кромѣ того, сравненіе города и деревни и, въ связи съ этимъ, искусства и природы, излишествъ культуры и первобытной простоты—принадлежало къ общимъ мѣстамъ риторическихъ школъ. Но все же у большинства выдающихся римскихъ писателей и поэтовъ неоспорима наличность истиннаго и глубокаго чувства природы. Землю, говоритъ Варронъ, дала намъ божественная природа, города созданы человѣческой культурой [2]: онъ хотѣлъ бы лучше любоваться на фруктовыя кладовыя въ виллѣ Скрофы, чѣмъ на картинныя галлереи въ виллѣ Лукулла [3]. И Лукрецій любилъ лежать на мягкой травѣ вблизи ручья подъ вѣтвями высокаго дерева, когда время года смѣялось и засыпало зеленые луга цвѣтами, въ то время какъ другіе пировали въ роскошныхъ залахъ, свѣтящихся золотомъ и огнями, и наслаждались звуками цитры [4]. Аттикъ у Цицерона говоритъ, что онъ не можетъ вдоволь насмотрѣться видомъ на острова въ Фибренѣ и презираетъ пышныя виллы съ ихъ мраморными полами и кассеттированными потолками; кто не будетъ смѣяться надъ вырытыми каналами (въ садахъ), если взглянетъ на эту рѣку! [5] Совершенно также говоритъ и Сенека: „Мнѣ трудно повѣрить, чтобы кто-нибудь изъ подражающихъ въ своихъ домахъ лѣсамъ, морямъ и рѣкамъ видѣлъ на самомъ дѣлѣ настоящіе лѣса или обширныя зеленыя нивы, по которымъ несется стремительный потокъ, или черезъ которыя онъ спокойно льетъ свои воды по равнинѣ; что они когда-нибудь смотрѣли съ вышины на море, какъ оно лежитъ спокойно или бушуетъ, взволнованное бурей. Ибо кто, знающій это въ дѣйствительности, захочетъ услаждать свой духъ такими мелочами?“ [6].

Всѣмъ извѣстно, какъ восхваляетъ Вергилій счастье сельскихъ жителей, котораго они не сознаютъ; его стремленіе къ мирнымъ мѣстамъ, чистотѣ и беззаботности сельской жизни; его любовь къ долинамъ, освѣжаемымъ холодными ручьями, лѣсамъ, нивамъ, гротамъ и озерамъ, мычанію коровъ, шуму деревьевъ; его страсть къ полямъ Сперхея, къ прохладнымъ ущельямъ Таигета и Гэма, прославленнымъ греческой поэзіей [7]. Больше же всѣхъ другихъ прославляетъ природу въ противовѣсъ городской жизни—Горацій. Тамъ въ лѣсу, на берегу ручья, подъ скалами, заросшими мхомъ, только тамъ ему хорошо. Тамъ—мягкая зима, лѣтняя жара освѣжается прохладнымъ дыханіемъ вѣтра, сонъ безмятеженъ; насколько прекраснѣе зелень душистой травы, чѣмъ пестрая мозаика пола, насколько

---

[1] Pseudolucian. «Charidem.», 1.—[2] Varro, «R. r.» III, 1, 2.—[3] Id., ib., I, 2.—[4] Lucret., II, 29.—[5] Cic., «De legib.», II, 1.—[6] Seneca, «Controv.», II, 9, стр. 122, B.—[7] Vergil., «G.», II, 458 слл.

чище журчащій ручей, чѣмъ вода городскихъ водопроводовъ, текущая по свинцовымъ трубамъ! [1]). Въ томъ же смыслѣ и Проперцій прославляетъ пышность природы, предоставленной ей самой, въ противоположность къ украшенной искусственно; богатыя краски полевыхъ цвѣтовъ, сильный ростъ плюща и дерева въ уединенномъ скалистомъ ущельи, ручей, текущій по избранному имъ самимъ направленію, берегъ, усѣянный пестрыми камушками [2]). Также и Марціалъ, большой любитель деревни, высказалъ слово симпатіи къ „истинной и нетронутой культурою сельской жизни" [3]). Точно также, Ювеналъ сожалѣетъ объ искусственномъ украшеніи грота нимфъ въ рощѣ Эгеріи: насколько непосредственнѣе человѣкъ чувствовалъ бы близость божества, если бы вокругъ грота былъ зеленый лугъ и мраморныя плиты не закрывали бы природнаго туфа [4]). Не только римскіе поэты съ любовью воспѣвали прелесть природы въ противоположность ко всему созданному человѣкомъ, но и прозаики охотно вспоминали о томъ, какъ освѣжается душа, если взглядъ покоится на „молчаливой" зелени [5]), или на струящейся рѣкѣ, или уносится въ безпредѣльную даль, если прислушиваешься къ пѣнію птицъ, ропоту и вою волнъ [6]), вдыхаешь укрѣпляющее дыханіе воздуха, часами мечтаешь въ уединеніи и тишинѣ; и вообще для римлянъ природа была истинной родиной поэзіи и мысли [7]).

Эта любовь къ природѣ выражалась также и въ устройствѣ жилищъ богатыхъ и знатныхъ римлянъ, главными преимуществами которыхъ считались сады и красивый видъ вдаль. По Плинію устройство садовъ у городскихъ квартиръ было впервые введено Эпикуромъ [8]). Если это извѣстіе и не совсѣмъ достовѣрно, то все же можно принять, что этотъ обычай сложился въ періодъ діадоховъ, въ теченіе котораго развилась любовь къ природѣ, до нѣкоторой степени родственная современной. И при устройствѣ квартиръ эта эпоха всегда считалась съ потребностью наслажденія природой. Вѣроятно, ей принадлежитъ изобрѣтеніе кизикійскихъ комнатъ и залъ для пиршествъ. „Эти помѣщенія были обращены къ сѣверу, снабжены дверью посерединѣ и большими окнами по бокамъ и давали видъ вдаль всѣмъ сидящимъ за обоими триклиніями. Ясно видно отсюда, что они были разсчитаны на наслажденіе природой въ лѣтнее время. Витрувій называетъ эти помѣщенія частью греческихъ жилищъ, но сейчасъ же добавляетъ, что они встрѣчались, хотя и рѣдко, также и въ италійскихъ домахъ. Съ усиленіемъ эллинистическаго вліянія кизикійскія залы въ Италіи стали строиться все чаще и чаще. Помѣщенія этого рода находились въ двухъ садахъ Плинія Младшаго" (Helbig) [9]). Городскія квартиры Рима имѣли при себѣ сады и парки, по меньшей мѣрѣ уже ко времени Суллы. Шесть каркасовъ въ саду ритора Красса на Палатинѣ въ 22 г. до Р. Хр. были оцѣнены такъ же дорого, какъ и дворецъ, которому они принадлежали—въ 3 милліона сестерцій. Другъ Цицерона, Аттикъ, имѣлъ домъ на Квириналѣ, принадлежавшій раньше нѣкоему Тамфилу и унаслѣдованный отъ дяди со стороны матери; главною прелестью его былъ паркъ. По гиперболѣ Саллюстія, что „дворцы строились

---

[1]) Horat., «Epp.», I, 10.—[2]) Prop., I, 2, 9.—[3]) Mart., III, 88, 5.—[4]) Juv., 3, 18—20.—[5]) Plin., «N. h.», XXXVII, 62.—[6]) Quintilian., X, 3, 24. Seneca, «Epp.», 90, 43.—[7]) Plin., «Epp.», I, 6; обратное мнѣніе Quintilian., X, 3, 22—24.—[8]) Plin., «N.h.», XIX, 51.—[9]) Vitruv., VI, 6, 1. 10, 3. Plin., «Epp.», II, 17, 5, V, 6, 29.

на подобіе цѣлыхъ городовъ“ [1]), можно догадываться, что устройство большихъ садовъ не было рѣдкостью въ Римѣ. И Горацій часто говоритъ о лѣсахъ и рощахъ между пестрыми колоннами перистилей (nemus inter pulchra satum tecta...); хвалили домъ, изъ котораго былъ видъ вдаль на поля. Чѣмъ далѣе, тѣмъ больше богатые и сильные стремились и своимъ городскимъ домамъ придавать прелести виллъ. Марціалъ описываетъ дворецъ Петиліана, расположенный на одномъ изъ самыхъ высшихъ пунктовъ Рима: тамъ можно было, оставаясь въ городѣ, наслаждаться дачною жизнью; сборъ винограда былъ больше, чѣмъ на одномъ изъ Фалернскихъ холмовъ; было достаточно мѣста для прогулки въ легкомъ экипажѣ, не выходя за порогъ дома; ни уличный шумъ, ни слишкомъ рано врывающійся дневной свѣтъ не нарушалъ тамъ сна. У Филострата владѣлецъ роскошнаго дома на Родосѣ, постройка котораго стоила 24 таланта, говоритъ, что ему мало приходится выходить, потому что у него есть при домѣ крытыя мѣста для прогулки и рощи [2]). Въ этихъ крытыхъ аллеяхъ, какъ и въ общественныхъ, навѣрное, тоже были записаны данныя относительно ихъ длины и сколько разъ ихъ надо пройти взадъ и впередъ, чтобы вышло 1000 шаговъ или большее разстояніе [3]). Даже ванныя комнаты устраивались съ видомъ вдаль; Сенека говоритъ, что избалованные богачи называли банями для ночныхъ бабочекъ тѣ, въ которыхъ не было большого окна съ видомъ на поля и море [4]). Золотой домъ Нерона, который долженъ былъ совмѣщать въ себѣ всю роскошь и всѣ прелести, вызывалъ удивленіе гораздо меньше золотомъ и драгоцѣнными камнями—„обыкновеннымъ родомъ роскоши“, чѣмъ „нивами и прудами, подражаніемъ уединенію лѣсовъ и свободной природѣ и видами вдаль“ [5]). Въ описаніи сервитутовъ у юриста II в. говорится, что они состоятъ не въ повинностяхъ, а въ допущеніяхъ и въ непрепятствованіяхъ—напр., не въ томъ, чтобы кто-нибудь въ своемъ домѣ устроилъ роспись, или садъ или красивый видъ [6]).

Если такъ высоко цѣнились уже виды изъ городскихъ домовъ, то виллы, тѣмъ болѣе, всегда располагались на высокихъ пунктахъ [7]), такъ, чтобы изъ нихъ были виды на большое разстояніе, веселые и разнообразные. Марціалъ восхваляетъ виллу своего друга Юлія Марціала, расположенную на Яникулѣ, больше всего за роскошный видъ изъ нея. Оттуда можно любоваться на весь Римъ и Кампанію до Албанскихъ горъ съ разбросанными по нимъ мѣстечками, дорогами, оживленными многочисленными экипажами, Тибромъ до Ponte Molle съ лодками, скользящими по теченію и влекомыми противъ теченія [8]). Положеніе Тосканской виллы Плинія Младшаго можетъ служить примѣромъ совершенно прекраснаго въ римскомъ смыслѣ ландшафта. Отсюда былъ видъ на широкую равнину, которая, подобно огромному амфитеатру, окаймляла предгорья Апеннинъ; съ высокихъ вершинъ спускались многолѣтніе, густые лѣса, на склонахъ—тучныя нивы, между ними—виноградники, поля и луга съ чудной зеленью и съ пестрымъ ковровъ цвѣтовъ, ибо черезъ всю долину протекалъ Тибръ и кромѣ него множество ручьевъ. Было большимъ наслажденіемъ любоваться на все это съ высоты; казалось, что

[1]) Sallust., «B. C.», c. 12.—[2]) Philostr., «Apoll. Tyan.», V, 22.—[3]) CIL, VI, 24581.—[4]) Seneca, «Epp.», 86, 8.—[5]) Tac., «A.», XV, 42.—[6]) Digg., VIII, 1, 15, § 1.—[7]) Seneca, «Epp.», 89, 21.—[8]) Martial., IV, 64.

это—не мѣстность, а прелестная картина; повсюду глазъ наслаждался разнообразіемъ, которое давали линіи и контуры [1]).

Врядъ ли въ античной литературѣ восхвалялся когда-нибудь ландшафтъ, въ которомъ нѣтъ воды, что такъ обычно на югѣ. Искали не только освѣжающаго вида на безграничную лазурную поверхность моря, на голубыя и зеленыя зеркала озеръ, на отливающіе серебромъ изгибы ручьевъ и рѣкъ, на бѣлые отъ пѣны водопады; хотѣли наслаждаться также оживляющей прохладой, которой вѣяло отъ воды. Болѣе того, вода на югѣ—элементъ жизни; тамъ, гдѣ ея нѣтъ, засуха и пустыня. На ея берегахъ свѣжѣе зелень, пышнѣе листва деревьевъ, вершины ихъ даютъ болѣе густую тѣнь [2]). Что можетъ быть прекраснѣе водъ? спрашиваетъ Петроній [3]). Берега озеръ, узкія долины и ущелья, орошаемыя ручьями, широкія смѣющіяся долины, прорѣзанныя рѣками—вотъ что болѣе всего привлекало любителей природы.

Темпейская долина, идеалъ красиваго ландшафта у древнихъ, „соединяетъ въ себѣ рѣдкимъ образомъ прелесть рѣчной долины съ дикостью и величіемъ глубокаго ущелья". Здѣсь Пеней вступаетъ въ тянущееся на полуторачасовомъ разстояніи ущелье, образованное склонами Оссы и Олимпа, почти непосредственно прилегающими къ его руслу; съ обѣихъ сторонъ его поднимаются почти отвѣсныя, растрескавшіяся скалистыя стѣны, живописно заросшія зеленью. Склоны Олимпа почти сплошь крутые; наоборотъ, по правому берегу тянется узкая полоса плодородной земли, мѣстами расширяющаяся въ небольшія равнины, оживляемыя множествомъ родниковъ, покрытыя густой травой, осѣненныя лаврами, чинарами и дубами. Теченіе рѣки непрерывно и спокойно; то здѣсь, то тамъ она образуетъ небольшой островокъ; то течетъ шире, то, стѣсненная узкимъ русломъ, стремится подъ зеленой кровлей могучихъ чинаръ, черезъ которую не проникаютъ лучи солнца (Bursian).

Такимъ образомъ, во всѣхъ описаніяхъ природы у древнихъ главнымъ требованіемъ красоты является сочетаніе растительности и воды. Тѣнистая долина Горація въ Сабинскихъ горахъ, его „сладкое убѣжище", обязана своей прелестью ключу Бандузіи, говорливыя волны котораго вырываются изъ отверстія въ скалѣ, на верху которой стоялъ каменный дубъ; онъ чище стекла и даже въ жаркое время Сиріуса дышитъ прохладою [4]). Катуллъ любилъ какъ свои очи „больше всѣхъ островорвъ и полуострововъ, охраняемыхъ въ озерахъ и моряхъ Нептуномъ", прелестное мѣстечко Сирміонъ, лежащее на полуостровѣ голубого озера Гарда, полное садами, гдѣ теперь находятся руины римскихъ построекъ (какъ полагаютъ—термъ изъ времени Константина) [5]). На большомъ протяженіи, говоритъ Сенека, не было ни одного озера, надъ которымъ не возвышались бы крыши домовъ знатныхъ римлянъ, ни одной рѣки, которую не обнимали бы ихъ постройки [6]). Плиній прославляетъ Траяна за то, что онъ не прогонялъ подобно своему предшественнику, землевладѣльцевъ съ ихъ имѣній, не объединялъ, подобно ему, въ одно громадное владѣніе всѣ пруды, озера, лѣса, такъ что рѣки, родники

---

[1]) Plin., «Epp,», V, 6.—[2]) Corpus Glossar. Latin., II, стр. 16b. Pompon. Mela, III, 16.—[3]) Petron., c. 100.—[4]) Horat., «Epp.», I, 76, 15. Carm., III, 13.—[5]) Catull., c. 31.—[6]) Seneca, «Epp.», 89, 21.

и моря теперь уже не служатъ для услажденія взоровъ одного человѣка [1]). Руины одного Позилипа изъ времени Тиберія (принадлежавшаго Metia Hedonium) нашли возлѣ озера Bracciano. Плиній Младшій говоритъ, что прелестные, богатые зеленью берега озера Комо были застроены виллами [2]). Виллы стояли тамъ еще и во время Кассіодора, описаніе котораго, несмотря на всю высокопарность, обнаруживаетъ глубокое пониманіе природы. Онъ называетъ положеніе города Кома настолько прекраснымъ, что казалось, будто онъ созданъ только для наслажденія. Озеро имѣетъ форму раковины, край которой обрисованъ контуромъ бѣлаго отъ пѣны берега; подобно вѣнку, его окружаютъ вершины высокихъ горъ; его берега, красиво убранные блестящими дворцами, какъ поясомъ были охвачены вѣчно зелеными оливковыми рощами. Надъ ними по склонамъ горъ тянулись виноградники. Хребты отъ природы украшены, какъ кудрями, каштановымъ лѣсомъ. Бѣлые какъ снѣгъ водопады устремляются съ высоты на поверхность озера [3]). Еще во время Каролинговъ одинъ поэтъ прославлялъ его красоту: зелень травы на берегу, свѣжую какъ будто бы здѣсь была вѣчная весна, оливковыя рощи, обрамляющія его съ обѣихъ сторонъ, лавры и мирты, гранаты, персики и лимоны его садовъ. Но и въ мѣстностяхъ, гораздо болѣе скромныхъ по своей красотѣ, зеркала водъ, окруженныя зеленью, оказывали свое дѣйствіе. Сидоній Аполлинарій въ одномъ мѣстѣ, звучащемъ немного по современному, описываетъ рѣки Ломбардіи: „богатый ситникомъ Ламбро, зеленую Адду, стремительный Адидже, лѣнивый Минчьо"; ихъ берега окаймлены частью дубовыми, частью кленовыми лѣсами, оглашаемыми пѣніемъ птицъ, частью зарослями камыша и тростника, въ которыхъ птицы вьютъ гнѣзда [4]).

Теченіе Аніо, „самой восхитительной изъ всѣхъ рѣкъ", было осѣнено лѣсами и охвачено непрерывнымъ рядомъ виллъ, выстроенныхъ вдоль его берега [5]), среди которыхъ славилась вилла Нерона возлѣ Субіако [6])—Тибуръ, „съ жилищемъ звонкой Альбунеи, потокомъ Аніо, рощею Тибурна" [7]), привлекалъ всѣхъ болѣе всего этимъ знаменитымъ водопадомъ [8]). Въ находившихся тамъ владѣніяхъ Манилія Вописка, описанныхъ Стаціемъ, стояли два дворца, другъ противъ друга на обоихъ берегахъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка текла спокойно; и выше и ниже она съ сильнымъ шумомъ неслась пѣнясь черезъ скалы. Густой и высокій лѣсъ доходилъ до края воды, поверхность которой отражала его листву, и далеко волны текли по тѣни. И здѣсь было прохладно даже въ дни сіянія Сиріуса, и зной іюльскаго солнца не могъ проникнуть въ глубь комнатъ [9]). Берега Тибра, по словамъ Плинія Старшаго, были „можетъ-быть" болѣе заняты виллами, чѣмъ берега всѣхъ остальныхъ рѣкъ во всемъ мірѣ [10]). Геродъ Аттикъ имѣлъ одну изъ своихъ виллъ въ Кефисіи, которая еще и теперь своей прохладою, богатствомъ родниковъ, пышными садами и рощами маслинъ, кипарисовъ, чинаръ и серебристыхъ тополей можетъ назваться „радостнымъ оазисомъ пустынной Аттики" (Hertzberg). Тамъ, по описанію Геллія, даже во время сильнѣйшихъ жаровъ ран-

---

[1]) Plin., «Paneg.», c. 50.—[2]) Id., «Epp.», IX, 7; «N. h.», X, 77.—[3]) Cassiodor., «Var.», XI, 14.—[4]) Apoll. Sidon., «Epp.», I, 5.—[5]) Plin., «Epp.», VIII, 57.—[6]) Tac., «A.», XIV, 22.—[7]) Horat. Carm., I, 7, 12.—[8]) Dionys. Halic., V, 37.—[9]) Stat., «Silv.», I, 3.—[10]) Plin., «N. h.», III, 54.

ней осени огромныя рощи давали тѣнь и прохладу, и со всѣхъ сторонъ слышалось мелодическое журчаніе воды и пѣніе птицъ [1]).

Въ духѣ тогдашняго греко-римскаго пониманія природы и по образцу греческихъ софистовъ, Іосифъ Флавій описываетъ тянущуюся вдоль Геннисаретскаго озера мѣстность того же имени, „какъ ландшафтъ удивительной красоты"; своимъ почти невѣроятнымъ плодородіемъ и рѣдкою красотой она была обязана источнику Капернаумъ [2]). Повидимому, и Галилея въ 4 вѣкѣ считалась идеаломъ красивой мѣстности. О Дафнѣ въ Антіохіи Либаній не находитъ сказать ничего болѣе ее прославляющаго какъ то, что римляне, увидѣвъ ее, переставали считать красоту Галилеи непревзойденной [3]). Въ томъ же духѣ и знатная галльская паломница конца 4 вѣка думаетъ, что никогда не видѣла земли красивѣе Іессена (т.-е. Гесемъ); ибо дорога шла все время между виноградниками, бальзамовыми и фруктовыми садами и прекрасно обработанными полями [4]). Волшебные сады римлянъ возлѣ Карѳагена, богатые прелестными фруктовыми деревьями и водой, въ которыхъ вандалы предавались роскоши и кутежамъ, описываютъ Прокопій и Луксорій: послѣдній прославляетъ рощи, наполненныя пѣніемъ птицъ, чистые источники, текущіе по русламъ, устланнымъ мохомъ, душистые цвѣты, павильоны и башни съ видами вдаль, выстроенные въ зелени [5]).

Но на первомъ планѣ среди всѣхъ земель, привлекавшихъ древнихъ своей красотой, стояли морскіе берега; насколько искали именно здѣсь наслажденія природой видно изъ того, что названія красивой страны и морского берега были почти синонимами [6]). Античная поэзія и сага представляютъ множество краснорѣчивыхъ свидѣтельствъ глубокаго и проникновеннаго пониманія красоты моря. Лучше всего привести для этого то мѣсто изъ Катулла, въ которомъ онъ пишетъ [7]):

Словно Зефиръ, всколыхнувши спокойное море дыханьемъ
Поутру рано, высоко вздымаетъ прозрачныя волны,
Только Аврора успѣетъ подняться изъ свѣтлыхъ чертоговъ
Солнца. Вначалѣ, лишь нѣжнымъ повѣетъ на нихъ дуновеньемъ,
Съ плескомъ чуть слышнымъ онѣ разойдутся по синей равнинѣ;
Если же вѣтеръ растетъ, наростаютъ и волны сильнѣе,
Блескомъ лучатся пурпурнымъ онѣ отъ пурпурнаго свѣта.

Также и античное искусство заимствовало у этой стихіи мотивы для многихъ своихъ прелестныхъ и роскошныхъ изображеній. Видъ моря для грековъ и для римлянъ былъ самымъ возвышеннымъ и прекраснымъ въ природѣ. Какъ велика красота моря, восклицаетъ Цицеронъ въ своемъ описаніи чудесъ творенія, какое зрѣлище представляетъ оно въ цѣломъ, какое множество и разнообразіе острововъ, какъ прелестны его берега [8]). Наслажденіемъ этой красоты никогда не пресыщались, всегда возвращались къ ней. Другъ Цицерона М. Марій приказалъ прорыть гору или сломить постройку въ своемъ имѣніи возлѣ Стабій для того, чтобы наслаждаться изъ

[1]) Gell., I, 2, 2.—[2]) Joseph., «B. I.», III, 10, 7, 8.—[3]) Liban., ed. R., I, 352, 10.—[4]) S. Silviae Aquitanae «peregr. ad loca Sancta», IV, c. 40.—[5]) Procop., «B. Vandal», II, 6. Luxor., 304, 332.—[6]) Corp. Gloss., Latin., II, стр. 106. Tac., «Hist.», III, 76.—[7]) Catull., 64. 271 сл.—[8]) Cic., «N. D.», II, 39, 100.

своей виллы видомъ на заливъ, освѣщенный утреннимъ солнцемъ [1]). Самъ Цицеронъ пишетъ Аттику изъ Путеолъ: Ты спрашиваешь, что мнѣ доставляетъ больше удовольствія—видъ съ высотъ или прогулка по самому берегу моря, и думаешь, что я самъ не знаю этого. На самомъ дѣлѣ и то и другое такъ прекрасно, что можно сомнѣваться въ томъ, что заслуживаетъ предпочтенія [2]) Подобныя выраженія встрѣчаются еще чаще въ письмахъ Цицерона [3]) и въ письмахъ Плинія Младшаго [4]). И Апулей тоже говоритъ, что его любимый видъ—видъ на море [5]). Плутархъ приводитъ, какъ нѣчто общепризнанное, сужденіе, что какъ морская ѣзда вдоль берега, такъ и прогулка вдоль моря доставляютъ наибольшее удовольствіе [6]). Ливаній въ своей хвалебной рѣчи въ честь Антіохіи говоритъ, что ея жители за лишеніе вида на море вознаграждены тѣмъ, что не подвержены темнымъ сторонамъ жизни приморскихъ городовъ [7]). Но, быть-можетъ, нѣтъ ничего болѣе характерно опредѣляющаго цѣнность, которую придавали этому виду, какъ постановленіе Юстиніана, чтобы никто въ Константинополѣ не загораживалъ постройками, отстоящими менѣе чѣмъ на 100 футовъ отъ берега, вида на море, этой „величайшей прелести" [6]). Также и Прокопій, по справедливости прославляющій положеніе города [7]), описывая дворцы императора, прилегающіе къ берегу, отмѣчаетъ красоту сочетанія архитектуры съ зеркаломъ моря, омывающаго ихъ фундаменты.

Но гораздо больше чѣмъ въ литературѣ любовь римлянъ къ морю выразилась въ расположеніи ихъ виллъ, которыя, какъ уже подробно описано выше, тѣснымъ рядомъ усѣивали берегъ Италіи отъ залива Специи до Салерно и дальше. Какъ много при этомъ заботились о томъ, чтобы наслаждаться моремъ всѣми возможными способами (для чего служили постройки, возведенныя въ морѣ, приводимыя такъ часто для доказательства роскоши), и чтобы сдѣлать это наслажденіе возможно болѣе разнообразнымъ, доказывается сверхъ многихъ уже приведенныхъ данныхъ, подробнымъ описаніемъ, которое даетъ Плиній Младшій своей виллѣ около Лаврента. Здѣсь столовая такъ далеко заходила въ море, что при юго-восточномъ вѣтрѣ ее орошали высокія волны прибоя. Черезъ двустворчатыя двери и окна, доходящія до пола, съ трехъ сторонъ было видно море. Окно одной большой комнаты давало видъ на его далекую спокойную поверхность. Оно было передъ глазами и у плавающихъ въ бассейнѣ съ теплой водой, и изъ столовой, устроенной въ верхнемъ этажѣ, видна была далеко его поверхность и берегъ съ роскошными виллами. Изъ трехъ оконъ спальни можно было наслаждаться видами на море, виллы и лѣсъ то сразу, то по отдѣльности [8]). Также и вилла Поллія Феликса, построенная вблизи Соррента, изъ каждаго окна давала различные виды — на Искію, Капри, Прочиду, и изъ всѣхъ — видъ на море; тамъ останавливливалось опускающееся въ море солнце, когда смеркалось, тѣнь отъ увѣнчанныхъ зеленью горъ падала въ море и казалось, что дворцы плаваютъ въ кристальныхъ волнахъ [9]). Объ увеселительныхъ мѣстахъ и купаньяхъ на западномъ берегу Италіи и въ сѣверномъ Египтѣ уже го-

[1]) Cic., «Epp. ad. fam.», VII, 1, 1.—[2]) Cic., «ad Attic.», XIV, 13.—[3]) Apul., «Apol.», стр. 579.—[4]) Plutarch., «Qu. conv.», I, 4, 5.—[5]) Liban., ed. R., I, стр. 285.—[6]) Nov., constit. Justiniani, 63.—[7]) Procop., «De aedif.», I, 5.—[8]) Plin., «Epp.», II, 17.—[9]) Stat., «Silv.», II, 2, 16—20.

ворилось выше. На мѣстѣ древняго Канопа видны (или были видны раньше) фундаменты постройки вродѣ римской виллы, цѣликомъ стоявшей въ морѣ. Обломки статуй были разсѣяны повсюду. Также и въ Греціи наталкиваются на остатки римскихъ виллъ преимущественно на берегу моря [1]).

Такого рода были картины природы, которыхъ наиболѣе искали античные любители ея красоты, и врядъ ли въ античной литературѣ найдется хоть одинъ слѣдъ того, чтобы считались прекрасными ландшафты иного или противоположнаго характера. Суровость и дикость, грозное величіе, пышная, но мрачная однотонность природы по античному пониманію исключали похвалу красоты; она ограничивалась морскимъ берегомъ, долинами и холмами. Горы считались красивыми лишь по стольку, по скольку онѣ давали ограниченіе горизонта, желанное завершеніе и окаймленіе ландшафта [2]); прелесть же ихъ самихъ и высокихъ хребтовъ это время понимало также мало, какъ и унылую красоту пустыни; оно было невоспріимчиво для того очарованія, которое намъ даетъ римская Кампанья въ ея современномъ видѣ. Катуллъ, котораго такъ восхищалъ полуостровъ Сирміонъ на ровномъ берегу Дезенцано, врядъ ли нашелъ бы хоть слово похвалы для Ривы, заключенной между крутыми скалами.

Пониманіе природы у древнихъ было не менѣе живымъ, задушевнымъ и глубокимъ, чѣмъ у насъ, но было болѣе ограниченнымъ. Въ высшей степени характерно для его существа то, что у римлянъ слово amoenitas—высшая похвала для красивой природы, то слово, которое стоитъ ближе всего къ нашему понятію „красота природы". Квинтиліанъ говоритъ, что похвала красоты (species) принадлежитъ странамъ „ровнымъ, пріятнымъ, расположеннымъ у моря" [3]). Къ этимъ тремъ родамъ принадлежатъ также и земли, названныя самыми желанными въ „Кораблѣ" Лукіана (гдѣ перечисляются всѣ прелести міра, которыми можно было бы овладѣть при огромномъ богатствѣ): окрестности Аѳинъ, приморская область Элевсина, сикіонскія поля, и „вообще все въ Греціи, что обладаетъ тѣнью, водой и плодородно" [4]). Риторъ Гермогенъ въ числѣ примѣровъ вещей, одинаково радующихъ своимъ видомъ и своимъ описаніемъ, называетъ „красоту страны, различныя растенія и разнообразіе текучихъ водъ и т. п."; при чемъ вспоминается всѣмъ извѣстное описаніе чинары у ручья въ Федрѣ Платона [5]). Ливаній хвалитъ Юліана Отступника за то, что онъ, будучи наслѣдникомъ престола, выбралъ своей резиденціей не Іонію, а Аѳины, представлявшія самыя желанныя преимущества—сады и поля на морскомъ берегу [6]).

Нѣтъ также недостатка и въ опредѣленныхъ выраженіяхъ, въ которыхъ предполагается само понятнымъ то, что горная страна вообще не можетъ быть красивой. Цицеронъ, для доказательства силы привычки, говоритъ, что намъ нравятся мѣста, въ которыхъ мы долго прожили, „даже горныя и лѣсистыя" [7]). Аттику, удивленному красотой острова на Фибренѣ, онъ влагаетъ въ уста слова, будто онъ предполагалъ увидѣть въ окрестностяхъ Арпина только скалы и высокія горы и очень удивлялся тому, что его другу

[1]) Pausan., VII, 21, 4.—[2]) Plin., «Epp.», 2, 17, 6.—[3]) Quintil., III, 7, 27.—[4]) Lucian., «Navig.«, 20.—[5]) Rhetores Gr., ed. Spengel, II, 358.—[6]) Liban., ed. R., I, стр. 531, 11—16.—[7]) Cic. «De amicitia», 19, 68.

такъ нравилась подобная мѣстность [1]). Для отрицанія древними героическаго въ природѣ можно видѣть доказательство и въ томъ, что ни Цицеронъ, ни кто другой не упоминаютъ о двухъ водопадахъ рукавовъ Лириса, огибающихъ Изолу, изъ которыхъ одинъ падаетъ отвѣсно, другой несется по наклонности съ вышины почти 25 метровъ. Восхищеніе, которое выражаетъ Вергилій по поводу „Отца Апеннина", въ колеблющихся дубахъ котораго идетъ шумъ, который, радуясь своей снѣговой вершинѣ, величественно поднимается къ небу,—относится только къ виду горъ издали [2]). Въ своемъ воодушевленномъ восхваленіи красоты Италіи, Вергилій прославляетъ ея богатство хлѣбомъ, масломъ и виномъ, различными стадами, ея прелестный климатъ, ея города и народы, ея озера и моря, ея богатство металлами; объ ея горахъ онъ не говоритъ ни слова [3]). Если Сенека называетъ Корсику голымъ скалистымъ островомъ, ужасно дикимъ, то его описаніе, конечно, подсказано ему страстнымъ отвращеніемъ къ этому вынужденному мѣстопребыванію; но оно доказываетъ также, что его время совершенно не понимало восхитительной красоты тамошняго ландшафта, такого богатаго красками и формами. Ливаній прославляетъ часть Антіохіи, расположенную у подножія горы Касія, потому что ея жителямъ не угрожаетъ ужасъ горъ, между тѣмъ какъ она въ изобиліи даетъ все, что можетъ возбудить радость и удовольствіе: родники, деревья, сады, цвѣты и плоды, голоса птицъ и то, что, тамъ раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, можно было наслаждаться весной [4]).

Тѣмъ болѣе не понимала тогдашняя интеллигенція очарованія Альпъ; чувства, съ которыми римляне на нихъ смотрѣли, выразились въ словахъ Ливія „мерзость Альпъ" (Alpium foeditas). Эти чувства нѣсколько похожи на тѣ, которыя возбуждаются у современныхъ путешественниковъ ледяными пустынями полярныхъ странъ, но безъ теперяшняго удивленія передъ возвышенностью подобныхъ картинъ. Въ то время, когда изъ года въ годъ сотни и тысячи римлянъ проходили по многочисленнымъ альпійскимъ дорогамъ и Швейцарія была страною, населенною римлянами, альпійскіе путешественники видѣли лишь трудности, опасности и ужасъ, угрожающіе имъ; крутизну подъемовъ и узость тропинокъ для муловъ, негостепріимную пустынность колоссальныхъ снѣжныхъ и ледяныхъ равнинъ, опасность обрушивающихся лавинъ [4]). Этотъ недостатокъ въ пониманіи ужаснаго и возвышеннаго въ природѣ, и онъ одинъ, объясняетъ намъ, почему „изъ древности до насъ не дошло ни одного описанія вѣчнаго снѣга Альпъ, когда они рдѣютъ на закатѣ или на восходѣ солнца, красоты голубого льда глетчеровъ, величественной природы швейцарскаго ландшафта; почему Силій Италикъ описываетъ Альпы, какъ пустыню, лишенную растительности и возбуждающую ужасъ, воспѣвая съ любовью всѣ ущелья Италіи и заросшіе кустарникомъ берега Лириса" (Humboldt, Kosmos).

Путешествія по горамъ и подъемы на высокія горы за весь античный періодъ упоминаются крайне рѣдко, и чѣмъ рѣже они совершались, чѣмъ меньше заботились объ ихъ облегченіи, тѣмъ болѣе трудными и отчасти опасными они оставались все время. Насколько подъемъ на горы считался

---

[1]) Id., «De legibus», II, 1, 2.—[2]) Verg., «Aen.», XII, 701.—[3]) Id., «Georg.», II, 136—176.—[4]) Strabo, IV, 6 стр. 204.

тогда только тягостью, показываетъ похвала Плинія Старшаго естествоиспытателямъ за ихъ неутомимость въ поискахъ цѣлебныхъ травъ, ради чего они „изслѣдовали лишенныя дорогъ горныя вершины и далекія уединенныя пустыни“ [1]); а впрочемъ, ни одинъ изъ античныхъ писателей-ботаниковъ не знаетъ альпійскихъ растеній. Полибій, сравнивая греческія горы съ Альпами, говоритъ, что ихъ вершинъ едва можно достигнуть въ пять дней, между тѣмъ, какъ на первыя, почти всѣ, здоровый человѣкъ можетъ взойти въ одинъ день—Тайгетъ, Парнасъ, Олимпъ, Пеліонъ, Оссу, Гэмъ и Родопу [2]). Если на основаніи этого можно заключить, что на греческія горы часто поднимались, то спрашивается, происходило ли это ради наслажденія видомъ съ нихъ. Во всякомъ случаѣ возможно, что греки послѣ завоеваній Александра Великаго въ Азіи и въ этомъ „приняли наслѣдство персовъ“ (Helbig), любившихъ, повидимому, виды вдаль. Страбонъ упоминаетъ объ одномъ выстроенномъ ими мраморномъ бельведерѣ на Тмолѣ около Сардъ, откуда былъ широкій видъ на страну, именно на долину Каистра [3]). Очень бѣглое и скудное описаніе вида съ Олимпа у Аполлонія Родосскаго могло основываться и на собственномъ наблюденіи: „внизу показалась кормилица земля, города людей и священные потоки, тамъ снова высоты и кругомъ море“ [4]), Измѣреніе высоты Олимпа, произведенное нѣкіимъ Ксенагоромъ съ помощью инструментовъ „по катету“—дало 4814,3 фута [5]). Царь Филиппъ Македонскій въ 183 году до Р. Хр. предпринялъ подъемъ на Гэмъ, ни въ какомъ случаѣ не ради наслажденія природою, но надѣясь, что оттуда видно Адріатическое море и желая найти къ нему кратчайшую дорогу. Онъ отправилъ обратно своего сына Деметрія, объяснивъ это опасностью предпріятія. Вершины достигли съ величайшимъ трудомъ на третій день, и поставили на ней алтари Зевсу и богу солнца. Увѣренность въ томъ, что оттуда можно видѣть Адріатическое и Черное моря, держалась долго. Страбонъ отклоняетъ это предположеніе [6]), высказанное также и Полибіемъ, но еще Помпоній Мела повторяетъ его [7]). Плиній даетъ вышину Гэма въ 6 миль (1,198 геогр. м.!) [8]). Тѣ, которые восходили на вершину Аргея (возлѣ Мазаки въ Каппадокіи), покрытую вѣчнымъ снѣгомъ, говоритъ Страбонъ, утверждаютъ, что оттуда видны два моря—Исское и Понтійское, но таковыхъ очень немного [9]); поэтому, говоритъ Солинъ, народы вѣрятъ, что на ней живетъ богъ [10]). Наоборотъ, повидимому, часто поднимались на нептуническую гору на сѣверномъ мысу Сициліи, съ которой былъ видъ на Тосканское и Адріатическое (?) моря [11]).

Единственная гора, относительно которой несомнѣнно установлено то, что на нее часто поднимались, есть Этна. Страбонъ говоритъ, что для восхожденія на нее выходили изъ небольшого городка Этны и снова туда возвращались. Незадолго до его записи одно общество изъ многихъ лицъ взошло на гору; ихъ данныя о главномъ кратерѣ онъ сообщаетъ [12]). Если вспомнить, что Везувій еще не былъ тогда извѣстенъ какъ дѣйствующій вулканъ, то можно найти вѣроятнымъ, что и эти восхожденія совершались не изъ по-

---

[1]) Plin., «N. h.», XXV, 3.—[2]) Strabo, VI, стр. 208 сл.—[3]) Id., XIII, 5, 625.—[4]) Apoll., Argonaut., III, 164, слл.—[5]) Plutarch., «Aem. Paul.», c. 15.—[6]) Strabo, VII, 5, 1, стр. 313.—[7]) Pompon. «Mela», II, 2.—[8]) Plin., «N. h.», VI, 41.—[9]) Strabo, XII, 2, 8, стр. 538.—[10]) Solin, 45. 4.—[11]) Id., 5, 12.—[12]) Strabo, VI, 2, 8, стр. 274.

требности наслажденія рѣдко величественной природой, но изъ любознательности и изъ научнаго интереса. Сенека, уговаривая своего друга Луцилія, императорскаго прокуратора Сициліи, подняться въ честь его на Этну — что тотъ, впрочемъ, сдѣлалъ бы и по своему желанію, — надѣется узнать отъ него, насколько далеко отъ огнедышащаго кратера лежитъ вѣчный снѣгъ [1]). Дошедшее до насъ стихотвореніе объ Этнѣ, написанное, вѣроятно, Луциліемъ, естественно-научнаго содержанія и въ немъ нѣтъ ни слова о видѣ съ вершины: между тѣмъ, какъ теперь даже и въ отчетахъ о восхожденіяхъ на нее съ чисто научными цѣлями всегда встрѣчаются подобныя описанія. Адріанъ поднялся на Этну для того, чтобы наблюдать оттуда своеобразное явленіе выходящаго изъ моря солнца: съ вершины оно кажется длинной изогнутой полосой [2]). Такъ называемая башня философовъ, нѣкогда большой домъ со многими комнатами, въ которой Фацелло въ 1541 г. нашелъ хорошо сохранившійся кирпичный сводъ, безъ сомнѣнія, римскаго происхожденія, — по мнѣнію Gemellaго построена для того, чтобы служить ночнымъ помѣщеніемъ для Адріана при его восхожденіи. На гору Касій онъ, а послѣ него Юліанъ, поднимались потому, что оттуда можно было видѣть солнце уже во время второго крика пѣтуховъ [3]). Вѣроятно и съ Иды его было видно еще до разсвѣта [4]).

Судя по всему приведенному, слѣдуетъ отрицать у древнихъ пониманіе красоты высокихъ горъ даже и въ позднее время. Если и возможно допустить, что отдѣльныя личности обладали этимъ пониманіемъ, то все же и для этого нѣтъ опредѣленныхъ свидѣтельствъ. Если Сенека говоритъ, что пресытившійся наслажденіями человѣкъ, которому надоѣлъ рай Кампаньи, ищетъ пустынь и дикихъ мѣстъ Луканіи и Бруція [5]), то въ этомъ слѣдуетъ видѣть подтвержденіе высказаннаго раньше; ибо, по мнѣнію Сенеки, страстность желанія перемѣнъ доходитъ до того, что человѣкъ стремится перемѣнить прекрасное на некрасивое. Если далѣе, Цицеронъ въ описаніи красоты творенія, кромѣ безконечнаго разнообразія растеній, прохладныхъ неизсякающихъ родниковъ, ясныхъ потоковъ, зеленыхъ береговъ, приводитъ еще „гроты съ высокими сводами, зубчатыя скалы, высокія и нависшія горы и неизмѣримыя равнины“, то это разсужденіе, хотя и исходитъ изъ понятія красоты природы, но охватываетъ также и ея явленія, выдающіяся своей величиной, многообразіемъ и рѣдкостью. Это видно уже изъ того, что Цицеронъ пополняетъ свое перечисленіе еще упоминаніемъ о „скрытыхъ жилахъ золота и серебра и неизмѣримыхъ массахъ мрамора“. Затѣмъ уже раньше говорилось о томъ, что римляне любили высокія горы, какъ составную часть красиваго ландшафта и были невоспріимчивы только къ ихъ дикости и пустынности также, какъ и къ ихъ ужасному величію.

---

[1]) Seneca, «Epp.», 79.—[2]) Hadrian., c. 13.—[3]) Hadrian., c. 14.—[4]) Diodor. XVII, 7.—[5]) Seneca, «Tranq, an.», 2, 13.

8. Развитіе романтическаго пониманія природы въ противоположность къ античному.

Восхищеніе спеціально горнымъ пейзажемъ и вообще всѣмъ романтическимъ въ природѣ настолько распространено и кажется такимъ естественнымъ и даже необходимымъ, что нѣкоторые рѣшались вопреки всему предполагать его и у древнихъ безъ доказательствъ и даже безъ опредѣленныхъ указаній на это. Для защиты этого мнѣнія приводятъ слѣдующее: „вещи часто называются непривѣтными, дикими, грубыми, ужасными до тѣхъ поръ, пока рефлексія не докажетъ, насколько сильно онѣ завладѣваютъ чувствомъ и возвышаютъ его; часто языкъ и чувство долгое время идутъ по различнымъ путямъ“ (Motz „Ueber die Empfindung d. Naturschönhet bei den Alten“). Если это даже и возможно (хотя врядъ ли на долгое время), то все-таки это противорѣчіе между языкомъ и чувствомъ можно принять лишь исходя изъ прочныхъ основаній, которыхъ въ данномъ случаѣ нѣтъ.

Въ общемъ, все же, этотъ недостатокъ воспріимчивости древнихъ къ упомянутымъ явленіямъ природы не оспаривается и признается отличительнымъ свойствомъ античнаго пониманія природы въ противовѣсъ къ современному. „Грекамъ и римлянамъ, говоритъ Гумбольдтъ, казались привлекательными въ ландшафтахъ почти исключительно обитаемыя и привѣтливыя мѣста, а не то, что мы называемъ дикимъ и романтическимъ“. И это теперешнее направленіе пониманія природы было или совершенно чуждымъ средневѣковью и большей части новаго времени, или проявлялось до середины XVIII столѣтія лишь въ отдѣльныхъ и случайныхъ выраженіяхъ; оно стало распространеннымъ, во всякомъ случаѣ, не больше какъ 100 лѣтъ назадъ. Въ нѣмецкой средневѣковой поэзіи чувство природы вообще мало замѣтно. Въ придворныхъ эпопеяхъ и въ лирическихъ стихотвореніяхъ одинаково повторяются лишь немногія условныя черты, относящіяся къ ландшафту: нѣжный майскій воздухъ, пѣніе птицъ и т. д.,—дающія лишь декорацію въ совершенно абстрактномъ стилѣ, „но это лишь передній планъ, безъ дали.“ Изъ пѣсней миннезингеровъ никто не могъ бы узнать, что эти поэты-аристократы всѣхъ странъ посѣщали и знали тысячи высоко расположенныхъ замковъ, съ обширнымъ видомъ вдаль, или даже жили въ нихъ. Также и въ латинскихъ стихотвореніяхъ странствующихъ клириковъ нѣтъ взгляда вдаль, настоящаго ландшафта. „Ихъ своеобразныя формы, ихъ величіе и ихъ привлекательность, роскошь ихъ красокъ, когда вечернее небо пылаетъ надъ ихъ окрестностями, или красота ихъ линій—не находили себѣ почитателей. Обрывистыя скалы, снѣжныя горы и ледники, говорящіе потоки и шумящіе водопады—мимо всего этого и рыцарь и поэтъ проходили безгласно“.

Въ древне-англійской поэзіи нѣтъ недостатка въ недвусмысленныхъ выраженіяхъ отрицанія по отношенію къ горнымъ странамъ. Въ одномъ идеальномъ ландшафтѣ, описанномъ Киневульфомъ въ VIII столѣтіи, встрѣчаются только зеленыя, усѣянныя цвѣтами, душистыя поля, цвѣтущія и плодоносныя деревья, свѣтлые прохладные ручьи и родники; „нѣтъ горъ, крутыхъ высотъ или утесовъ, пещеръ или ущелій, холмовъ или возвышеній, ничего шероховатаго и неровнаго“. Также и въ одномъ эпосѣ

XIII или XIV столѣтія (сэръ Орфео) красивая страна, „сіяющая какъ солнце въ лѣтній день“, „ровна и зелена, на ней не видно горъ и долинъ“. Если у Чоусера (Chaucer) говорится, что „обрывистый скалистый берегъ — ужасный хаосъ, а не прекрасное твореніе премудраго Бога“, то это выраженіе хотя и обусловливается опасностью описанныхъ утесовъ для мореплавателей, но, конечно, не єю одной, и слѣдующее за этимъ описаніе прелестнаго сада, изобилующаго зеленью и цвѣтами, „заботливо украшеннаго руками человѣка“, достаточно показываетъ, къ какимъ картинамъ природы обращена симпатія поэта. Также и у Шекспира нѣтъ нигдѣ рѣчи о впечатлѣніи, производимомъ горною мѣстностью, и въ „Симбелинѣ“ (Cymbeline) нѣтъ ни слова о вліяніи ея на характеръ жителей. Также и Данте отдаетъ широкой плодородной равнинѣ предпочтеніе передъ горными и скалистыми странами, онъ даже находилъ ихъ совершенно безобразными. Монотонную Ломбардскую равнину онъ называетъ „милою плоскостью“ (lo dolce piano), „которая отъ Верчелли склоняется до Марабо“, обѣ Ривьеры онъ приводитъ въ примѣръ непроходимости—„пустынныя, обрывистыя, скалистыя страны отъ Турбіи до Леричи“. Но для болѣе живого чувства природы Петрарки прелесть этихъ несравненныхъ странъ была доступной, несмотря на крутизну и дикость ихъ скалъ, пугающихъ Данте. Онъ прославляетъ горную цѣпь восточной Ривьеры, какъ высоты „прелестной крутизны съ рѣдкой пышностью растительности“, и берегъ генуэзской бухты, потому что онъ, „извиваясь подобно Мэандру, доставляетъ разнообразный видъ на свои драгоцѣнные контуры и освѣжаетъ перемѣною восхитительнѣйшихъ картинъ чувство, открытое для прекраснаго“. Но если здѣсь и обнаруживается возбужденіе болѣе широкаго чувства природы, то оно стоитъ совершенно одиноко, и другія описанія природы того же Петрарки нигдѣ не отклоняются отъ античнаго пониманія красоты. Когда въ 1350 г. онъ съ зеленаго выступа смотрѣлъ на колеблющееся подобно морю озеро Гарда (воспоминаніе Вергилія), его взглядъ надолго съ радостью остановился на широкой плодородной равнинѣ налѣво. Въ своемъ описаніи Римской Кампаньи онъ отмѣчаетъ оживленіе ея холмовъ дичью и стадами, богатство родниками ея почвы, доказательства человѣческаго труда кругомъ на поляхъ, дары Вакха и Цереры, красоту близъ лежащихъ озеръ и рѣкъ и моря; совершенно также, когда онъ описываетъ долину Vaucluse, кажется, что слышишь прославленіе сельской жизни Вергиліемъ или Гораціемъ. Онъ постоянно восхваляетъ ея уединеніе и тишину, нарушаемую только мычаніемъ стадъ, пѣніемъ птицъ и рокотомъ воды, кристальную чистоту и изумрудную зелень протекающей здѣсь Sorgue, богатство страны масломъ, виномъ и всѣми драгоцѣнностями, которыя земля производитъ. Также и въ воодушевленныхъ описаніяхъ красоты итальянскаго ландшафта Энеемъ Сильвіемъ Пикколомини (папа Пій II) нѣтъ ничего, чего, напр., не могъ бы написать Плиній Младшій.

Но если литература средневѣковья не обнаруживаетъ никакихъ слѣдовъ чувства романтическаго въ природѣ, то тѣмъ не менѣе возможно, что отдѣльныя личности тогда относились къ ней точно также, какъ теперь преобладающее большинство образованныхъ людей въ средней и сѣверной Европѣ. „Скорѣе всего можно ожидать этого отъ художниковъ. На границѣ среднихъ вѣковъ и новаго времени представленіе ландшафта въ

живописи пріобрѣло совершенно новую сущность. Въ живописи средневѣковья оно имѣло лишь описательное значеніе для изображенія мѣстности, въ которой разыгрывались человѣческія дѣянія; въ живописи новаго времени оно стремится непосредственно вліять на чувство, сначала какъ обстановка и задній планъ дѣйствія, подъ конецъ какъ объектъ само по себѣ. Все же слѣдуетъ всегда помнить, что исторія пейзажной живописи не всегда служитъ масштабомъ развитія пониманія природы. Одинъ взглядъ на настоящее наводитъ на эту мысль. Ни одно время не относилось съ такимъ энтузіазмомъ къ высокимъ горамъ, какъ наше, и все же искусство послѣдняго поколѣнія совершенно чуждо этого энтузіазма: оно ищетъ совершенно другихъ типовъ природы. Такимъ образомъ, можно считать допустимымъ даже обратное отношеніе. То, что нравится въ воображаемомъ мірѣ искусства, не всегда нравится въ дѣйствительности. И далѣе: чувство художественнаго въ природѣ не идентично съ чувствомъ природы вообще,—оно только отдѣльное его проявленіе. Понятно, что художники, какъ аристократія эстетически продуктивныхъ людей, могутъ далеко опередить среднее пониманіе природы даже и у образованныхъ; но врядъ ли они будутъ дѣйствовать въ томъ направленіи, въ которомъ хотя бы черезъ большой промежутокъ времени за ними не послѣдуютъ массы. На рубежѣ XV и XVI вѣка встрѣчаются художники, въ ландшафтахъ которыхъ современное романтическое чувство встрѣчаетъ нѣчто совершенно родственное себѣ. При этомъ замѣчательно, что нѣмцы и итальянцы живутъ подъ совершенно разными впечатлѣніями. Только что приведенное выраженіе „романтическое“ примѣнимо только къ первымъ: Дюреръ, Альтдорферъ, Грюневальдъ, Патиниръ. Среди итальянцевъ, наряду съ ними можно поставить лишь одного Леонардо да Винчи съ его грандіозными ландшафтами Альпъ на заднемъ планѣ. Но универсальный духъ этого удивительнаго человѣка выходитъ повсюду за границы времени и національности. Спеціальный типъ итальянско-французской пейзажной живописи XVII столѣтія (Carracci, оба Poussin, Claude)—„классическій“. Тамъ, гдѣ въ то же время встрѣчается чисто германское искусство, какъ у Рейсдаля, оно представляетъ изъ себя чистую и углубленную романтику. Но сильная волна Возрожденія надолго оттѣснила ихъ назадъ; Рейсдаль впалъ въ высшихъ кругахъ въ такое же презрѣніе, какъ и Рембрандтъ, и Рубенсъ только въ рѣдкіе тихіе часы изливалъ сильно романтическія струи своего пониманія природы. Въ общемъ, мы должны принять, что всѣ эти художники для этой стороны своей дѣятельности нашли лишь очень небольшую публику“. (G. Dehio).

До XVIII столѣтія горныя страны посѣщались путешественниками лишь очень рѣдко ради ихъ красоты; но даже и въ описаніяхъ тѣхъ, которые были вынуждены проѣхать черезъ нихъ, врядъ-ли гдѣ либо до этого времени найдутся слѣды восхищенія горной природой. Если магистръ Титмаръ, паломничавшій въ 1217 г. въ Святую Землю, называетъ Кармель прекраснымъ для вида (visu delectabilis), то, повидимому, потому, что онъ „богатъ пастбищами и травами и великолѣпно приспособленъ для скотоводства“; благодаря тѣмъ же свойствамъ и Ливанъ получаетъ названіе „веселаго“ отъ четырехъ путешественниковъ въ Іерусалимъ 1556 года, а также и отъ аугсбургскаго врача и ботаника Леонарда Раувольфа 1573—1576. Эней Сильвій посѣтилъ Шотландію и много говоритъ объ ея обычаяхъ, но ничего

объ ея природѣ. Напротивъ, Леонардо Бруни изъ Ареццо описываетъ впечатлѣніе, которое на него произвели Альпы, когда онъ отправился на Констанцскій соборъ (черезъ Тироль и черезъ Арльбергъ, mons Aquilae). „Такъ огромны, говоритъ онъ, горы и скалы, такъ разнообразны и длинны хребты, такъ величественны вершины, поднимающіяся повсюду, что съ удивленіемъ спрашиваешь, что собственно имѣла въ виду мать и создательница міра, природа, создавая ихъ. Когда я смотрѣлъ на эти вѣчныя непрерывныя цѣпи, меня часто охватывалъ ужасъ (horror quidam) и благоговѣйный страхъ (religio), и теперь я не могу подумать о нихъ безъ боязни". Тріентъ онъ называетъ городомъ, довольно пріятнымъ „для природы этой страны"; ибо выше и ниже его открывается равнина; также недурно его расположеніе у рѣки. Траминъ очень красивое и богатое мѣстечко, но ужасно (terribiliter) окруженъ угрожающими скалами. Боденское озеро онъ находитъ въ высшей степени привлекательнымъ.

Германцы, отправлявшіеся въ Святую землю (главная цѣль крупныхъ путешествій въ Средніе вѣка), обыкновенно проѣзжали черезъ Тироль; особенно съ тѣхъ поръ, какъ герцогъ Сигизмундъ Австрійскій вскорѣ послѣ 1480 г. превратилъ въ удобную дорогу очень опасный путь Кунтера (и нынѣ еще носящій это названіе по имени одного боценскаго гражданина, строившаго его въ XIV столѣтіи) между Бриксеномъ и Боценомъ. Монахъ-проповѣдникъ изъ Ульма, Феликсъ Фабри, проѣхавшій по этой дорогѣ во время своихъ двухъ паломничествъ въ Святую Землю въ 1480 и 1483 г, до и послѣ проложенія новаго пути, говоритъ объ Альпахъ слѣдующее: „Хотя сами горы ужасны (horribiles), цѣпенѣютъ отъ холода и снѣга или отъ зноя солнца и простираются вершинами до облаковъ, но долины подъ ними пріятны (amoenae), плодородны и изобилуютъ всѣми прелестями міра (deliciae), какъ рай. Тамъ живетъ множество людей и животныхъ и почти всѣ металлы добываются въ Альпахъ, особенно серебро".

Также и въ описаніяхъ путешествій и странъ XVI и XVII столѣтій чувство страха передъ грознымъ величіемъ высокихъ горъ является единственнымъ или преобладающимъ. Георгъ Сабинъ, зять Меланхтона и первый ректоръ Кенигсбергскаго университета (1544), въ своемъ описаніи путешествія въ Тріентъ говоритъ только о трудностяхъ, опасностяхъ и ужасахъ Альпъ: о крутыхъ отвѣсныхъ пропастяхъ, огромныхъ массахъ снѣга, ужасномъ холодѣ, о лавинахъ, буряхъ и горныхъ потокахъ, бросающихъ на дорогу обломки деревьевъ и камней. Себастіанъ Мюнстеръ чувствовалъ, „какъ его охватила дрожь до костей и затрепетало сердце", когда онъ стоялъ на перевалѣ Гемми; въ своемъ описаніи Швейцаріи онъ называетъ долины и обработанныя равнины „милыми" и „веселыми", высокія горы и скалы „ужасными" и „пугающими"; и о Рейнскомъ водопадѣ онъ говоритъ: „страшно смотрѣть на него". То же самое направленіе чувства природы проявляется въ описаніяхъ гражданина Ульма Самуэля Кихеля, который во время своихъ большихъ путешествій 1585—1589, (главной цѣлью которыхъ была Святая Земля), между прочимъ проѣхалъ черезъ Пруссію, Швецію и Польшу, но миновалъ Швейцарію; обратный путь съ Востока онъ совершилъ черезъ Венецію и Тироль. Также и для него горная страна съ ея „бездорожьемъ" и „непривѣтливостью" была противоположностью красивой мѣстности. Ему

всегда было особенно хорошо въ широкихъ равнинахъ, обработанныхъ на подобіе садовъ; такъ онъ хвалитъ и прекрасный ландшафтъ около Гаги до Дельфта; мѣстность около Вероны и Мантуи тоже какъ „очень красивый, въ высшей степени плодородный и хорошій ландшафтъ“. Вообще для этого времени Ломбардская равнина была идеаломъ красивой мѣстности. Кихель говоритъ о Пилѣ, что онъ съ обѣихъ сторонъ настолько красивъ, что, если бы былъ населенъ христіанами, онъ могъ бы быть пріятнымъ и веселымъ, какъ мѣстность между Падуей и Луцой или отъ Фузины къ Венеціи.

Архитекторъ Гейнрихъ Шикхартъ (сопровождавшій въ 1599 году герцога Фридриха изъ Вюртемберга въ Италію) „съ радостью“ покидаетъ на обратномъ пути у Нессельванга (между Фюссеномъ и Кемптеномъ) „ужасныя и скучныя горы, въ которыхъ мы провели цѣлыхъ десять дней“. Менѣе удивительно то, что I. Фруттенбахъ въ своемъ новомъ путеводителѣ по Италіи 1627 г. называетъ опасный Сплюгенъ „страшной, ужасной пустынею“. Опицъ много путешествовалъ, бывалъ даже и въ Трансильваніи, но ни въ своемъ стихотвореніи, посвященномъ похвалѣ сельской жизни, „Златна“, ни гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, онъ не говоритъ о пейзажныхъ прелестяхъ посѣщенныхъ странъ. Также мало рѣчи и въ стихотвореніяхъ Павла Флеминга о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ во время путешествія въ Персію. Ландграфъ Гессенъ-Рейнфельсскій Эрнстъ, который въ своемъ отчетѣ о путешествіяхъ 1630—1642 не находитъ ни слова восхищенія ни для моря, ни для Альпъ, ни для Италіи, прославляетъ Ломбардскую равнину, „красивую, ровную и хорошую землю, по которой ѣдешь какъ по саду, съ обѣихъ сторонъ не видя ничего, кромѣ хорошихъ нивъ, полей и деревьевъ, посаженныхъ рядами“.

Но если чувство природы обитателей плоскихъ мѣстностей, воспитанное на созерцаніи равнинъ, пугалось дикости и ужасовъ горъ, и привыкать къ новымъ впечатлѣніямъ было для нихъ тѣмъ труднѣе, что на ихъ воспріятіе вліяли опасности и трудности путешествія по высокимъ горамъ,—то есть все же одно замѣчательное свидѣтельство XVI вѣка, указывающее на то, что жители горныхъ странъ уже тогда могли развить въ себѣ пониманіе и въ этой области красоты природы, съ которой они освоились благодаря долгой привычкѣ. Между тѣмъ какъ еще въ 1481 году швейцарецъ аббатъ Альбертъ Бонштеттенскій даетъ картину Готарда совершенно подобную описаніямъ Силія Италика, — великій цюрихецъ Конрадъ Геснеръ (1516 — 1565) знаменитый одновременно какъ врачъ, естествоиспытатель и знатокъ всѣхъ литературъ, Линней XVI столѣтія, уже полонъ такого энтузіазма передъ величіемъ и красотою высокихъ горъ, который врядъ-ли можетъ быть превзойденнымъ и въ наше время. „Пока Богъ будетъ дарить мнѣ жизнь, пишетъ онъ гларусскому другу въ письмѣ о восхищеніи передъ горами,—я рѣшилъ ежегодно подниматься на нѣсколько горъ или хоть на одну, частью для того, чтобы изучить горную флору, частью для того, чтобы укрѣплять тѣло и освѣжать духъ. Какое наслажденіе смотрѣть на огромныя масы горъ и поднимать голову въ облака! Какъ возбуждается благоговѣніе, когда стоишь, окруженный снѣжными храмами, которые великій Архитекторъ создалъ въ одинъ изъ долгихъ дней творенія. Какъ пуста жизнь и низменны стремленія тѣхъ, которые ползаютъ по землѣ только для того, чтобы зарабатывать или насла-

ждаться по-мѣщански! Для нихъ земной рай остается закрытымъ". Изъ горъ особенно привлекалъ Геснера Фракмонтъ (mons fractus) или, какъ ее уже тогда называли, „Пилатъ", болѣе знаменитый въ тѣ времена, чѣмъ Риги. Восхожденіе на нее, прежде запрещенное (благодаря опасностямъ, угрожающимъ путешественникамъ отъ злого духа Пилата) и еще въ 1769 году обставленное различными условіями, было совершено впервые въ 1518 г. четырьмя швейцарцами (среди нихъ Вадіаномъ и Миконіемъ); Геснеръ съ разрѣшенія люцернскихъ властей совершилъ его въ 1555 г. въ сопровожденіи трехъ молодыхъ людей; счастливо возвратившихся путешественниковъ почтили завѣтнымъ виномъ. Въ своемъ описаніи этого восхожденія Геснеръ говоритъ, что при путешествіяхъ по горамъ наслаждаются одновременно всѣ чувства, больше же всего глаза. Нигдѣ разнообразіе игры природы не доходитъ до такихъ размѣровъ, какъ въ горахъ: видны сразу луга и лѣса, скалы и пещеры, долины, ущелья и высоты и картины всѣхъ четырехъ временъ года. Для тѣхъ, кто здоровъ тѣломъ и духомъ, нѣтъ нигдѣ въ природѣ болѣе благороднаго, высокаго, совершеннаго наслажденія.

Также и изъ слѣдующаго времени выраженія восхищенія Альпами исходятъ только отъ швейцарцевъ. Базелецъ Іаковъ Грассеръ въ описаніи своего путешествія, появившемся въ 1624 г. (написанномъ по-латыни)—изъ Франкфурта на-Майнѣ въ Италію, черезъ Швейцарію—пишетъ объ Альпахъ: „Здѣсь живописецъ находитъ наслажденіе для глаза, и все же природа превосходитъ все искусство художника. Даже ущелья скалъ, извитыя тропинки, измѣняющаяся ярость или скудость ручьевъ, согнутыя дуги мостовъ, волны озеръ, пестрая одежда луговъ, сильный ростъ деревьевъ, короче все, что создаетъ для созерцанія новаго земля и небо—все даетъ удивленіе и радость взорамъ путешественника".

Цюрихскій городской врачъ Іакобъ Шейхцеръ (1672—1738) предпринявшій въ 1702—1711 г. въ сопровожденіи своихъ учениковъ много путешествій по Альпамъ и описавшій ихъ, „могъ сказать о себѣ, что при видѣ подобныхъ нѣкогда дикихъ и уединенныхъ мѣстъ онъ испытывалъ больше радости и страсти къ изслѣдованію, чѣмъ передъ стопами великаго Аристотеля, Эпикура и Картесія. Etiam hic dei sunt говоритъ этотъ языческій мудрецъ. Здѣсь почти передъ нашими руками находится неизмѣримое всемогущество, благость и мудрость Бога; на альпійскихъ горахъ можно изучать чудеса природы, какъ въ арсеналѣ или въ цейгхаусѣ". Альпы казались ему „рѣдкостнымъ строеніемъ, созданнымъ самимъ Богомъ", далеко оставляющимъ за собою прелестнѣйшія созданія архитектуры. И онъ прославляетъ неизмѣримое богатство и тысячи перемѣнъ видовъ—веселыя долины, заключенныя между высокими горами, пріятные лѣса, усѣянные цвѣтами горные луга, скалы всѣхъ образовъ, ледники, отливающіе синевой, фирны и вѣчные снѣга и т. д. Но внутренность высокихъ Альпъ все еще оставалась очень мало извѣстною, Шейхцеръ (сочиненія котораго Шиллеръ использовалъ для пейзажной сценировки своего Телля) вѣрилъ еще, что въ ихъ глубокихъ пропастяхъ живутъ драконы, цѣлый рядъ которыхъ онъ изобразилъ въ своей „Естественной исторіи Швейцаріи". Еще въ 1751 г. вѣрили, что въ Швейцаріи находится ледяное море, простирающееся отъ Глaруса черезъ Готтардъ и Гримзель до Лаутербрунна, и что ледники были

его стоками. Гражданинъ Берна Г. С. Груперъ въ своемъ основательномъ трехтомномъ сочиненіи „Ледяныя горы Швейцаріи“ (1760) не находитъ достаточно словъ, чтобы описать ужасы высокихъ горъ, въ которыхъ все „страшитъ, пугаетъ, безпокоитъ,“ и даже привѣтливый Гуттаннень онъ характеризуетъ такими словами: „кажется, что въ этой маленькой долинѣ природа собрала все страшное и отвратительное“.

Когда въ XVI столѣтіи возникли путешествія туристовъ, цѣлью ихъ было гораздо болѣе пріобрѣтеніе полезныхъ знаній, чѣмъ наслажденіе природой: казалось, что только это могло оправдать предпріятія, бывшія тогда много труднѣе, дороже и опаснѣе, чѣмъ теперь. Путешествія, думаетъ Muret (1526—1585), полезны и пріятны, но самое лучшее оставаться дома и здѣсь хвалить чужія страны, согласно съ совѣтомъ Горація. Все же изъ писемъ Юста Липсія (1547—1606) ясно, что во второй половинѣ XVI столѣтія путешествія были признаны существеннымъ средствомъ для образованія юношества, особенно среди дворянства; въ 1578 г. онъ пишетъ изъ Антверпена Филиппу Ланоа въ Дуэ, одобряя его намѣреніе ѣхать въ Италію: „какъ въ древности, такъ и въ наше время великіе люди много путешествовали“. Но слѣдуетъ это дѣлать не только для удовольствія, но и для пользы. Польза-же, которую можетъ принести всякое путешествіе, предпринятое съ разумомъ, состоитъ въ пріобрѣтеніяхъ познаній для ума и нравовъ; знакомясь съ учрежденіями, нравами и обычаями и государственнымъ устройствомъ чужихъ странъ, человѣкъ образуетъ въ себѣ сужденіе и духъ. Въ подробномъ наставленіи къ путешествію по Италіи, которое онъ тогда даетъ, много говорится объ ея исторически интересныхъ пунктахъ, о пережиткахъ древности, о нравахъ и ея духовномъ состояніи, но почти нѣтъ рѣчи объ ея мѣстностяхъ, „которыя во всей Италіи прекрасны и разнообразны“.

Подобнымъ же образомъ высказывается кенигсбергскій врачъ Каспаръ Штейнъ (1592—1652), который въ своемъ большомъ (ненапечатанномъ) описаніи всѣхъ земель (подъ титуломъ peregrinus sive peregrinator terrestris et coelestis) изложилъ результаты своихъ продолжительныхъ путешествій по большей части Европы, совершенныхъ имъ между 1612 и 1621 гг. Такое же пониманіе цѣлей путешествія замѣтно у Мартина Цейллера, Бедекера XVII столѣтія, который сверхъ цѣлаго ряда спеціальныхъ руководствъ (для Германіи, Англіи, Франціи, Италіи, Испаніи и Венгріи) издалъ общее наставленіе для туристовъ—„Fidus Achates или вѣрный спутникъ“ (Ульмъ 1653 г., 16°, содержащій въ себѣ 160 путешествій по Европѣ). Онъ ограничивается приведеніемъ достопримѣчательностей (подраздѣленныхъ на три класса—духовныя, мірскія и частныя строенія) и описываетъ почти исключительно города, а не ландшафты. Тоже и въ „Меркуріи Гельвеціи“, составленномъ жителемъ Цюриха, докторомъ І. Вагнеромъ (1701), обѣщающемъ въ своемъ заглавіи „подробное описаніе всѣхъ городовъ, монастырей, мѣстечекъ и замковъ по алфавиту“, нѣтъ рѣчи о горахъ. Не потому, чтобы при путешествіяхъ презирали наслажденіе природой, но эта цѣль наряду съ другими казалась недостаточно важной, чтобы давать для нея спеціальныя наставленія.

До XVIII столѣтія горный міръ во всемъ своемъ объемѣ почти не былъ знакомъ образованнымъ людямъ всей Европы, прежде всего благодаря своей недоступности и негостепріимности, далѣе потому, что чувство природы немно-

гихъ вступавшихъ въ него людей скорѣе бывало имъ напугано, чѣмъ привлечено; сами по себѣ горныя страны не могли имѣть никакой притягательной силы для путешественника. Такимъ образомъ не было возможности расширенія чувства природы расширеніемъ понятія ея красоты и даже распространенія этого новаго чувства природы въ широкихъ кругахъ.

Этому нисколько не противорѣчитъ то, что уже въ раннія столѣтія встрѣчаются выраженія, указывающія на любовь къ видамъ вдаль. Такъ, напримѣръ, Конрадъ Цельтисъ (1459—1508) не только хвалитъ высоко расположенную крѣпость Гейдельберга и „милые берега“ Неккара, но и восхищается панорамою Альпъ, открывающуюся на вершинѣ возлѣ Фрейзинга надъ шумящей Изарой. Также и Леонгардъ Раувольфъ (1573—76) охотно сидитъ на плоской крышѣ монастыря маронитовъ на Ливанѣ, „какъ на прекраснѣйшемъ мѣстѣ“, „потому что весело смотрѣть на высокія снѣжныя горы, особенно утромъ, и ниже на другія горы, на которыхъ они пасутъ свои стада, и глубокія и мрачныя долины“. Ни тамъ, ни здѣсь нельзя еще признать начала новаго времени. Какъ уже сказано, еще античное чувство природы признавало высокія горы, заключающія красивый ландшафтъ. Новое чувство природы, какъ замѣтилъ I. Буркхардтъ, проявляется впервые въ письмахъ m-me de Sévigné, „испытавшей полное очарованіе отъ того, что находилось вблизи и вдали“. Во многихъ письмахъ, которыя она пишетъ изъ деревни, замѣтно ея восхищеніе красивыми деревьями и растеніями, золотой листвой осени, пылающимъ, вечернимъ небомъ и видами его облаковъ, наконецъ, лунными ночами. Но во время путешествій ея кругозоръ расширяется, и она наслаждается—какъ никто въ ея время—видомъ мѣстностей по южной Сенѣ и Луарѣ и восхищается гигантскимъ очертаніемъ горы С. Мишель. Находясь въ Гриньянѣ, расположенномъ на высотѣ, гдѣ надъ Лангдокомъ и Провансомъ царитъ Mont Ventoux, она пишетъ (3 іюля 1689): j'aime fort tous ces amphithéatres; даже зимой, когда Гриньянъ былъ полонъ снѣга (3 февраля 1695): nos montagnes sont charmantes dans leur excès d'horreur. Она хочетъ, чтобы тамъ былъ художникъ pour bien représenter l'étendue de toutes ces épouvantables beautés. Также думаютъ, что это новое чувство природы наблюдается еще въ началѣ своего пробужденія въ описаніи путешествія по Швейцаріи и Италіи, совершеннаго Аддисономъ между 1701—1703 гг. Окрестности Женевскаго озера, которое онъ объѣхалъ въ теченіе пяти дней, наполнили его живымъ восхищеніемъ. Онъ описываетъ виды изъ сада Картезіанскаго монастыря въ Ripaille,—оттуда видны непосредственно передъ глазами Альпы, „раздѣленные многими склонами и обрывами, наполняющіе душу пріятнымъ родомъ ужаса и образующими одну изъ неправильнѣйшихъ и уродливѣйшихъ картинъ міра“. Это выраженіе, повидимому, обнаруживаетъ его удивленіе передъ тѣмъ, что „даже ужасное можетъ быть прекраснымъ“. Также и авторъ „Земного удовольствія въ Богѣ“, Б. Г. Броккесъ (1680—1747) чувствовалъ при видѣ Альпъ въ 1703 г. „страхъ смѣшанный съ радостью“ и называетъ „ледяной потокъ“ ужасно-красивымъ; много лѣтъ спустя онъ снова позналъ въ Гарцѣ, что „суровыя высоты горъ могутъ въ насъ пробуждать одновременно радость и ужасъ“.

Также и лэди Mary Wartley Montague (1690—1762), повидимому, обладала полнымъ пониманіемъ и даже особенной любовью къ мѣстностямъ

съ дикой красотой. Это могло бы показаться сомнительнымъ, судя по выраженію „ужасныя пропасти, отдѣляющія Богемію отъ Саксоніи“, или „ужасныя Альпы, о которыхъ такъ много говорилось“ О переходѣ черезъ Mont Cenis она пишетъ (25 сентября 1718 г.): удивительный (prodigious) видъ горъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, облаковъ, висѣвшихъ глубоко подъ моими ногами, и могучихъ водопадовъ, съ шумомъ срывающихся со скалъ, былъ бы для меня занимательнымъ (entertaining), если бы я меньше страдала отъ чрезвычайнаго холода, который здѣсь господствуетъ“. Въ одномъ письмѣ отъ 11 декабря 1758 г. изъ Венеціи, она выражаетъ намѣреніе совершить поѣздку въ еще неизвѣстный ей Тироль, о которомъ она слышала, что онъ необыкновенно красивъ; во всѣхъ своихъ путешествіяхъ она постоянно находила самымъ красивымъ долины, окруженныя высокими горами. Свое любимое мѣстопребываніе, Lovere на озерѣ Iseo, „заключенномъ отовсюду неприступными горами“ (дѣйствительно очаровательномъ, волшебномъ благодаря своему отдѣленію отъ всего міра)—она называетъ самой прекрасной, самой романтической страной изъ всѣхъ, которыя она когда-либо видѣла. Проѣзжая по Дунаю отъ Регенсбурга, она радовалась смѣнѣ населенныхъ мѣстностей „въ высшей степени романтическими пустынями, которыя, казалось, далеки отъ всякаго человѣческаго движенія, тогда какъ берега представляютъ изъ себя восхитительное разнообразіе лѣсовъ, скалъ и горъ, покрытыхъ виноградниками, нивами, большими городами и руинами старинныхъ замковъ“.

Совершенно современнымъ кажется чувство природы у Грэя (1716—1771) въ его описаніяхъ впечатлѣнія, произведеннаго на него Grande Chartreuse возлѣ Гренобля. Скала, заросшая свѣшивающимися деревьями съ одной стороны, отвѣсная стѣна — съ другой, гремящій горный потокъ въ глубинѣ огромной пропасти—все здѣсь соединялось „въ самую торжественную, романтическую и удивительную картину, какую я когда-либо видѣлъ“. Каждый обрывъ, каждая скала были для него „полны религіи и поэзіи“; подобный видъ могъ привести къ вѣрѣ атеистовъ; не надо обладать особенно живой фантазіей для того, чтобы среди дня видѣть тамъ призраки. „Это впечатлѣніе было такимъ сильнымъ и продолжительнымъ, что Грэй еще разъ предпринялъ путешествіе туда, несмотря на всѣ соединенныя съ нимъ трудности. Также и въ своихъ позднѣйшихъ путешествіяхъ по англійскимъ озерамъ, онъ обнаруживаетъ то же глубокое пониманіе живописной красоты горъ и озеръ“ (Мёнро).

Все же лишь отдѣльныя лица переживали подобныя чувства; такъ продолжалось все время, пока горы, именно Альпы, еще не были цѣлью туристовъ, но обыкновенно посѣщались болѣе или менѣе поспѣшно на пути въ другія земли, при чемъ различныя невыгодныя условія уменьшали впечатлѣніе отъ ихъ картинъ, а иногда и уничтожали его. Въ Грандисонѣ Ричардсона (1753) переѣздъ изъ Франціи въ Савою (переходъ изъ цвѣтущей весны въ неподвижную зиму) сильно затрудненъ для путешественниковъ благодаря снѣгу и сильнѣйшимъ вѣтрамъ, охватывающимъ лица ужаснымъ холодомъ: „все, что встрѣчается здѣсь, безгранично скудно“ (excessively miserable) — Савоя одна изъ худшихъ (of the worst) странъ подъ небомъ“. Но даже и впечатлѣнія, полученныя при менѣе трудномъ подъемѣ на Альпы, все-таки были слишкомъ бѣглыми для того, чтобы оказать болѣе

продолжительное дѣйствіе. Въ общемъ, безъ сомнѣнія, чувство природы было ограничено прежними рамками, и изъ большинства описаній путешествій этого времени можно заключить, что у многихъ, если не у большей части, видъ Альпъ не вызывалъ еще пониманія красоты горной природы. Также и президентъ De Brosses (1709—1777) въ своихъ письмахъ объ Италіи (1739/40) видитъ въ горахъ, „также какъ и Миссонъ" (авторъ очень распространеннаго тогда четырехтомнаго путешествія по Италіи)—лишь плохія каменистыя дороги; наоборотъ, ему нравятся плодородныя равнины; но онъ вообще обнаруживаетъ мало пониманія природы и рѣдко говоритъ о пейзажахъ Италіи. Французскіе сады онъ цѣнитъ больше итальянскихъ, изъ которыхъ ни одинъ не могъ сравниться съ садами St. Cloud и Marly; водопадъ въ Тиволи считаетъ лучше водопада въ Терни, такъ какъ дѣятельность второго не такъ пріятна и не такъ удобна для наблюденія, какъ дѣятельность перваго.

Такіе же взгляды встрѣчаются и въ знаменитомъ и много читавшемся въ XVIII столѣтіи описаніи путешествій по Швейцаріи и Италіи, составленномъ І. Г. Кейслеромъ и въ 1776 году вышедшемъ третьимъ изданіемъ. Въ немъ часто говорится о красотахъ природы — прославляется водопадъ у Терни, видъ Генуи съ моря. Автору болѣе всего нравятся широкіе и веселые виды; и онъ тоже не знаетъ лучшей похвалы для мѣстности, какъ названіе „пріятной"; плодородную, обработанную какъ садъ равнину, если она даже и совершенно однообразна, онъ предпочитаетъ самой величественной изъ горныхъ странъ; повидимому, онъ не можетъ даже понять, какъ можно назвать прекрасной неплодородную землю. Такъ онъ прославляетъ ровныя и монотонныя окрестности Мантуи. „Нельзя довольно надивиться плодородію полей и луговъ, усаженныхъ рядами деревьевъ, обвитыхъ виноградомъ. Множество соловьевъ придаютъ этой мѣстности особенную прелесть раннею весною. Въ Италіи почти привыкли къ красивымъ мѣстамъ, такъ что съ теченіемъ времени ихъ почитаютъ меньше, чѣмъ сначала. Но я увѣренъ, что тотъ, кто выросъ въ гористомъ Тиролѣ, Зальцбургѣ, въ Гарцѣ, въ саксонскихъ горныхъ городахъ или въ лѣсахъ Тюрингіи и Помераніи, въ песчаныхъ мѣстностяхъ Шлезвига, маркграфства Бранденбургскаго и Мекленбургскаго или въ хвойныхъ лѣсахъ Люнебурга или Вестфаліи,—перенесенный сразу въ лучшія мѣста Италіи, испытаетъ совершенно необыкновенныя ощущенія и удовольствія". Такимъ образомъ, здѣсь Альпы Зальцбурга и Тироля ставятся на ряду съ рощами Люнебурга и сосновыми лѣсами Маркграфства, какъ одинаково некрасивыя мѣстности; вѣроятно потому, что всѣ онѣ одинаково неплодородны и дики, а слѣдовательно и не „пріятны".

Одновременно съ этою книгой появилась другая (1729)—„Альпы" Галлера, побочный результатъ большого путешествія на Альпы, предпринятаго въ 1798 г. съ естественно научными цѣлями; подобныя путешествія были тогда еще рѣдкостью. Это стихотвореніе, много прославляемое въ то время, выдержавшее до 1777 г. 30 изданій, „привлекло вниманіе Европы на Швейцарію и вызвало то восхищеніе передъ страной и народомъ, которое больше чѣмъ на полстолѣтіе окружило Швейцарію удивительной славой. Такимъ образомъ, началось (конечно спустя нѣкоторое время) то непрерывное движеніе путниковъ въ Швейцарію, которые восхищались не только ея единственной въ своемъ родѣ природой, но также хотѣли познакомиться и съ ея

государственнымъ устройствомъ, образомъ жизни и нравами и превосходнымъ народомъ, живущимъ въ этихъ горахъ".

Дѣйствительно, вниманіе путешественниковъ, съ этихъ поръ все болѣе и болѣе посѣщавшихъ Швейцарію, въ теченіе первыхъ десятилѣтій было обращено преимущественно на народъ, условія его жизни, нравы и конституцію, на что ихъ склоняла ода Галлера: ибо предметомъ его картины были почти исключительно простота, невинность и блаженство пастушеской жизни, природа же Альпъ, скорѣе набросанная лишь въ общихъ чертахъ, чѣмъ описанная на самомъ дѣлѣ, служила лишь фономъ для этого. Какъ далекъ былъ поэтъ отъ восхищенія красотами ея природы, мы теперь знаемъ изъ дневниковъ его путешествій въ Германію, Англію и Голландію (1723 и 1727). Его чувство природы нашло полнѣйшее удовлетвореніе въ Голландіи, „въ высшей степени пріятной" странѣ, гдѣ повсюду можно наслаждаться видомъ садовъ, полей и пастбищъ. Онъ хвалитъ ее за то, что „въ этой странѣ ни одно дерево не растетъ безъ веревки, ни одинъ футъ земли не остается неиспользованнымъ". Для него нѣтъ ничего болѣе трогательнаго, чѣмъ при лунномъ сіяніи смотрѣть на длинную улицу Лейдена, орошенную каналомъ воды и усаженную двумя рядами деревьевъ На дорогѣ изъ Амстердама въ Утрехтъ „человѣкъ все время находится въ совершенно заколдованной странѣ. Всѣ деревни сплошные сады и роскошныя виллы; течетъ рѣка, полная лебедей, земля прекрасно обработана, и все здѣсь кажется скорѣе картиною, чѣмъ дѣйствительностью". Галлеръ вмѣстѣ съ Самуэлемъ Джонсономъ считалъ „болѣзненными наростами и неестественными припухлостями земной поверхности" не только горы, но и холмы; ибо положеніе Гейдельберга онъ находитъ непріятнымъ въ долинѣ Неккара между двумя высокими холмами.

На дѣлѣ, альпійскія путешествія поколѣнія не-швейцарцевъ, послѣдовавшаго за „Альпами" Галлера, повидимому, случались не чаще, чѣмъ прежде. Но даже и въ имѣніяхъ швейцарскихъ патриціевъ „отверстія садовыхъ павильоновъ были направлены на главное зданіе, стѣны же ихъ должны были скрывать этотъ иначе неизбѣжный видъ на Альпы; также и въ Коппе́ сады заботливо скрывали отъ глазъ панораму Женевскаго озера. Рабочая комната Вольтера въ Ферне не имѣла вида на Монбланъ; возможно, что онъ хотѣлъ избѣжать ослѣпительнаго блеска снѣга. Но онъ ни разу не предпринялъ путешествія въ Альпы, которые онъ столько лѣтъ видѣлъ передъ глазами. Также и Клопштокъ, прожившій въ Цюрихѣ съ 23 іюля 1750 до середины февраля 1751 г., къ удивленію Бодмера не выказалъ „никакого любопытства посмотрѣть на Альпы издали или вблизи, и лишь спустя долгое время послѣ своего прибытія туда пожелалъ совершить альпійское путешествіе, но не выполнилъ его, благодаря рано выпавшему снѣгу. Если такой энтузіастъ-любитель природы не воспользовался случаемъ для путешествія по горамъ, можно смѣло допустить, что всѣ посѣтители Швейцаріи довольствовались видомъ на Альпы издали. Очень выразительно это доказываетъ Гиббонъ, который послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Лозаннѣ совершилъ путешествіе по Швейцаріи съ 21 сент. до 20 окт. 1745 г. „У путешественниковъ-иностранцевъ, искавшихъ возвышенныхъ красотъ природы, еще не вошло въ моду подниматься на горы и изслѣдовать ледники". Также и его интересъ болѣе былъ привлеченъ разнообразіемъ конституцій различныхъ республикъ; онъ посѣ-

щаетъ главнѣйшіе города и въ нихъ „церкви, арсеналы, библіотеки и уважаемыхъ гражданъ“—главной цѣлью путешествія было изучить людей и нравы. Такимъ образомъ, ода Галлера повліяла на расширеніе чувства природы не непосредственно, а черезъ повышеніе интереса къ Швейцаріи.

Если въ приведенныхъ мнѣніяхъ объ Альпахъ не видно ни слѣда того одушевленія, которымъ былъ полонъ Конрадъ Геснеръ, то можно указать на такое же различіе во взглядахъ и на Шотландскія горы—между воспитаннымъ съ юности чувствомъ туземцевъ къ роднымъ горамъ и первыми впечатлѣніями, которыя получали здѣсь иностранцы. Теплое чувство Томсона къ „романтической“ красотѣ Каледоніи, какъ онъ описываетъ ее въ своихъ „Временахъ года“ (Autumn 789) (1729), не много отличается отъ того чувства, съ которымъ спустя полстолѣтія Робертъ Бёрнсъ въ своей извѣстной поэмѣ такъ захватывающе изобразилъ страстную привязанность (горцевъ) къ ихъ роднымъ горамъ. Наоборотъ, одинъ образованный англичанинъ, капитанъ Бёртъ, путешествовавшій въ это самое время по шотландскимъ нагорьямъ, объявилъ ихъ такими некрасивыми, что въ сравненіи съ ними показалась бы милою даже песчаная степь. Поэтъ „Векфильскаго викарія“, рѣшившійся въ 1733 г. посѣтить эти горы, отзывался съ отвращеніемъ объ ихъ мерзкой дикости; между тѣмъ, подобно Галлеру, онъ называлъ несравненно красивыми окрестности Лейдена съ ихъ широкими, зелеными лугами, дачами, статуями, гротами, цвѣтниками и прямолинейными аллеями. Самуэль Джонсонъ, посѣтившій въ 1773 г. самыя величественныя и по теперешнему представленію самыя прекрасныя мѣста шотландскихъ горъ, на вопросъ, какъ онѣ ему понравились, отвѣтилъ: „Кому могутъ понравиться горы?“ По его описанію лишь тамъ и здѣсь срывающіеся съ крутизны потоки вносили нѣкоторое разнообразіе въ печальную монотонность холмовъ, лишенныхъ деревьевъ, заросшихъ верескомъ (да и то скудно), или совсѣмъ голыхъ: „Глазъ, привыкшій къ цвѣтущимъ пастбищамъ и колышущимся нивамъ, будетъ испуганъ видомъ этого обширнаго царства безнадежнаго неплодородія“. Это—впечатлѣніе о матеріи, неспособной къ образованію и безполезной, которой сама природа отказала въ заботѣ и въ расположеніи и оставила ее почти въ первобытномъ состояніи. Такое однообразіе пустыни можетъ доставить путешественнику лишь очень мало удовольствія; скалы, рощи и водопады онъ отлично можетъ представить себѣ и оставаясь дома. Безполезная трата силъ предпринимать эти путешествія, которыя не могутъ ни оплодотворить познанія, ни расширить духъ. О самомъ прославленномъ мѣстѣ Шотландіи, озерѣ Loch Lomond, Джонсонъ говоритъ: „въ болѣе счастливомъ климатѣ было бы гордостью богатства и тщеславія украсить всѣми искусствами ея острова (онъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду Борромейскіе острова): въ ихъ теперешнемъ состояніи они кажутся лишь издали привлекательными для наблюдателя, вблизи же отталкиваютъ его, такъ какъ вмѣсто нѣжной травы и тѣнистыхъ зарослей онъ не находитъ ничего, кромѣ необлагороженной дикости (ruggedness)“.

Маколей, сообщивъ взгляды Burt'a и Goldsmith'a, думаетъ, что основанія для такой невоспріимчивости къ красотѣ Шотландіи можно искать въ ея опасности и ненадежности для путешественниковъ. Пусть даже это значительно содѣйствовало тому ужасающему впечатлѣнію, которое испытывали

англійскіе путешественники; но уже воодушевленное описаніе Томсона доказываетъ, что Маколей былъ не правъ, стремясь только въ этомъ найти причину такъ рѣшительно выраженнаго отвращенія. Были въ Германіи горы совсѣмъ безопасныя и даже удобныя для путешествій, которыя, несмотря на это, Кейслеръ цѣнилъ такъ низко; съ другой стороны, въ наше время путешественникъ, несмотря на самыя очевидныя опасности, не можетъ удержаться, чтобы не хвалить красоту Ливана или Кордильеръ или (какъ Стэнли) горы внутренней Африки. „Вопреки мнѣнію доктора Джонсона", восклицаетъ смѣлая англичанка миссъ Изабелла Бэрдъ въ американскихъ Скалистыхъ горахъ, „эти чудовищныя горы воспламеняютъ фантазію и возвышаютъ духъ": протестъ современнаго чувства природы противъ прежняго.

На самомъ дѣлѣ, въ началѣ XVIII столѣтія также и въ Англіи или не существовало совсѣмъ, или было лишь въ зародышѣ чувство, которое могло бы найти источникъ эстетическаго наслажденія въ созерцаніи возвышенностей. Англійскіе офицеры въ Fort Augustus сильно порывались оттуда, потому что заболѣвали душой и тѣломъ отъ дождя и вѣтра, свирѣпствовавшихъ тамъ въ іюлѣ; „ибо вмѣсто солнца, пишетъ одинъ изъ нихъ, видно лишь черное небо и мрачные склоны скалъ, покрытые затуманивающимъ дождемъ, бичуемые рѣзкими вѣтрами, съ шумящими водами, которыя послѣ ливней несутся со всѣхъ сторонъ". Въ книгѣ De Foe „A tour through the whole island of Great Britain" (3 voll. 1724) врядъ ли можно гдѣ либо найти выраженіе радости по поводу красоты природы.

Рѣшительное вліяніе на развитіе пониманія особеннаго очарованія возвышенностей оказали такъ называемыя Оссіановы стихотворенія Макферсона (1760), которыя будили и питали въ чувствительныхъ душахъ стремленіе отдаться унылой прелести дикаго, пустыннаго и мрачнаго въ природѣ. Вертеръ, въ сердцѣ котораго Оссіанъ оттѣснилъ Гомера, восклицаетъ: „Что это за міръ, въ который меня влечетъ этотъ чародѣй! Бродить по рощѣ, обвѣянной порывами вѣтра, приносящаго въ дымящихся туманахъ и въ невѣрномъ свѣтѣ луны духи отцовъ; стоя на высокой горѣ, прислушиваться оттуда въ шумѣ лѣсного потока къ полуразвѣянному стону духовъ изъ ихъ пещеръ и къ жалобамъ смертельно тоскующей дѣвушки, оплакивающей около четырехъ камней, покрытыхъ мхомъ и заросшихъ травой, своего доблестно павшаго возлюбленнаго!" Подобному настроенію никакая природа не могла такъ соотвѣтствовать, какъ горная.

Но только постепенно и въ борьбѣ съ прежнимъ чувствомъ природы это новое пришло ко всеобщему признанію. Насколько далеки были даже въ Шотландіи еще сто лѣтъ назадъ отъ того, чтобы считать понятнымъ безусловное восхищеніе гористыми мѣстами, можетъ показать слѣдующее описаніе д-ра Beattie (1735—1803). Горы живописны, но въ общемъ это—печальная страна. Большія пространства дикихъ горъ, покрытыхъ темнымъ верескомъ и часто окутанныхъ туманомъ; узкія слабо населенныя долины, ограниченныя круто падающими скалами, оглашаемыя шумомъ водопадовъ; почва такая неровная и климатъ такой печальный, что во многихъ мѣстахъ не возможно ни скотоводство, ни земледѣліе; унылый плескъ волнъ вдоль береговъ заливовъ и озеръ, прорѣзывающихъ землю; ужасный шумъ, который производитъ каждый порывъ вѣтра, каждый подъемъ и каждое паденіе воды

въ этой одинокой мѣстности, полной эхо, скалъ и пещеръ; фантастическій и призрачный видъ ея при лунномъ свѣтѣ—все это окружало фантазію мрачностью, которую можно было переносить въ минуты веселья, но въ часы молчанія и одиночества она должна была придавать свою окраску мыслямъ.

Хотя пониманіе дико-романтическаго и ужасно-возвышеннаго въ природѣ проявлялось многократно уже въ началѣ XVIII столѣтія, все же Руссо былъ первымъ, обезпечившимъ ему своимъ увлекательнымъ выраженіемъ общее признаніе и проложившимъ путь къ дальнѣйшему распространенію.

Берега Женевскаго озера, на которомъ онъ выросъ, были какъ, вѣроятно, ни одна другая мѣстность Европы, приспособлены для того, чтобы быть мѣстомъ рожденія новаго пониманія природы. Въ прелестныхъ ландшафтахъ сѣвернаго берега любовь къ природѣ издавна находила богатѣйшее удовлетвореніе: „Женевское озеро, говоритъ Себастіанъ Мюнстеръ, со стороны Гельвеціи окружено восхитительнымъ ландшафтомъ—Vivis очень веселое мѣсто. Глазъ, прикованный несравненной красоой этого чрезвычайно богато убраннаго склона, невольно привыкалъ смотрѣть на величественно строгіе горные пейзажи противоположнаго берега, какъ на необходимое дополненіе и неизбѣжную составную часть цѣлой удивительной картины“. Haller въ 1728 г. вмѣстѣ со своимъ другомъ Ioh. Gesner смотрѣлъ на Женевское озеро съ одной терассы близъ Лозанны: ce mélange d'affreux et d'agréable, de cultivé et de sauvage a un charme qu'ignorent ceux qui sont indifférents pour la nature. Руссо еще юношей, во время своего пребыванія въ Веве, чувствовалъ къ этому мѣсту склонность, которая его сопровождала позднѣе во всѣхъ его путешествіяхъ, и сдѣлалъ его мѣстомъ дѣйствія своей „Новой Элоизы“. Герой этого романа, возвращаясь на родину, говоритъ, что „эта богатая и плодородная страна“—самая прекрасная изъ всѣхъ, которыя когда-либо видѣлъ человѣческій глазъ, волшебная мѣстность, подобной которой онъ нигдѣ не нашелъ въ своихъ путешествіяхъ по свѣту.

Извѣстно, какъ задушевна, глубока и сильна была любовь Руссо къ природѣ и какъ она дошла до крайности, благодаря его бѣгству отъ міра и его ненависти къ излишествамъ культуры. Природа была для него совершенной повсюду, куда только не заходитъ человѣкъ со своимъ мученіемъ. „Кажется, говоритъ его Юлія, что она хочетъ скрыть свои настоящія прелести отъ взоровъ людей, которые ее мало понимаютъ и обезображиваютъ ее, врываясь въ ея царство. Она убѣгаетъ отъ населенныхъ мѣстъ: на вершинахъ горъ, въ глубинѣ лѣсовъ, на необитаемыхъ островахъ распространяетъ она свои самыя захватывающія чары“. Никогда онъ не былъ такъ счастливъ, какъ въ наслажденіи своимъ одиночествомъ, когда онъ нашелъ уединенный лѣсъ, гдѣ ничто ему не указывало на руку человѣка, и не было третьяго между нимъ и природой. Только на свободѣ онъ могъ молиться, и его молитва состояла въ искреннемъ вознесеніи сердца къ создателю этой прелестной природы, красоты которой лежали передъ его глазами. Въ уединеніи луговъ и лѣсовъ онъ забывалъ „преслѣдованія людей, ихъ ненависть, ихъ презрѣніе, ихъ брань и все зло, которымъ они отплатили ему за его нѣжную и честную привязанность“.

Но хотя любовь Руссо простиралась на всю предоставленную себѣ самой природу, все же непреодолимѣе всего его привлекали ея дикія и мрачныя картины. „Уже всѣ знаютъ, говоритъ онъ, что я называю красивой мѣстностью. Никогда ландшафтъ равнины, если онъ даже и не дуренъ, не является такимъ въ моихъ глазахъ. Мнѣ нужны потоки, скалы, чащи, темные лѣса, горы, неровныя и крутыя тропинки и страшныя пропасти подъ ногами". Чѣмъ сильнѣе съ теченіемъ времени увеличивалась болѣзнь его души, тѣмъ лучше онъ чувствовалъ себя именно въ самыхъ уединенныхъ и дикихъ окрестностяхъ. Нигдѣ, говоритъ онъ, я не чувствовалъ себя такимъ счастливымъ какъ на одинокомъ островѣ Петра на Бильскомъ озерѣ. „Его берега болѣе дикіе, и романтическіе чѣмъ берега Женевскаго озера, потому что скалы и лѣса непосредственно прилегаютъ къ нему, но видъ ихъ не менѣе радостенъ. Если тамъ меньше нивъ и виноградниковъ, меньше городовъ и домовъ, зато больше естественной зелени, луговъ, убѣжищъ осѣненныхъ лѣсами,—частыхъ контрастовъ и неправильностей. Такъ какъ на этихъ счастливыхъ берегахъ нѣтъ проѣзжихъ дорогъ, то мѣстность мало посѣщается путешественниками; но она привлекательна для созерцающихъ отшельниковъ, которые любятъ спокойно опьяняться прелестями природы и пребывать въ тишинѣ, которую не нарушаетъ никакой шумъ, кромѣ крика орловъ, прерывающагося щебетанія нѣсколькихъ птицъ и шума потоковъ, срывающихся съ горъ".

„Новая Элоиза" (1761) открыла для всего образованнаго міра новый источникъ богатѣйшаго наслажденія природой въ неизвѣстной до тѣхъ поръ природѣ Альпъ. Въ первый разъ благодаря ея чарующему описанію возникло пониманіе прелести этихъ мѣстностей, гдѣ, какъ пишетъ St. Preux своей возлюбленной, то огромныя скалы поднимаются надъ головой путника, то высокіе шумящіе водопады скрываютъ его въ облакѣ своей густой пыли, то бурный потокъ открываетъ передъ нимъ пропасть головокружительной глубины, гдѣ онъ то теряется во мракѣ заросли, то, выходя изъ ущелья, внезапно бываетъ восхищенъ видомъ прелестной лужайки. Что болѣе всего привлекало путника во время его переходовъ по Валлису—это было не только удивительное смѣшеніе дикости и культуры, но еще болѣе рѣдкостные контрасты картинъ природы. Этому соединенію всѣхъ временъ года, климатовъ и родовъ почвы путникъ приписывалъ покой, возвращавшійся въ его душу; но когда онъ поднимался выше облаковъ и достигалъ ясной высоты, на которой громъ и бури были подъ его ногами, онъ думалъ, что чистота воздуха возвращаетъ ему давно утраченный миръ.

„Новая Элоиза" сдѣлала эпоху и въ другомъ отношеніи, поскольку она учила всѣ нѣжно организованныя, неудовлетворенныя, больныя и раненыя души искать убѣжища отъ толкотни, грязи и мелочности человѣческаго существованія въ величіи, тишинѣ и чистотѣ природы. Въ ней впервые было возвѣщено, что даже пустыни и дикія мѣстности могутъ быть полны прелестей, которыя нравятся лишь чувствительнымъ душамъ, а другимъ кажутся ужасными (horrible)! Таковымъ былъ пріютъ на Meillerie, гдѣ St. Preux, разлученный съ возлюбленной, прожилъ въ глубокомъ уединеніи столь-же печальные, сколь драгоцѣнные дни. „Потокъ, образованный тающимъ снѣгомъ, падалъ на разстояніи двадцати шаговъ въ мутную воду и съ шумомъ увлекалъ съ собой тину, песокъ и камни. Позади насъ цѣпь недоступныхъ скалъ от-

дѣляла площадь, на которой мы находились, отъ той части Альпъ, которая называется ледниками, потому что огромныя все растущія ледяныя вершины покрываютъ ее съ самаго сотворенія міра. Черные еловые лѣса бросали свою мрачную тѣнь справа, большой дубовый лѣсъ былъ слѣва, по ту сторону ручья и у нашихъ ногъ неизмѣримая поверхность воды, которую озеро образуетъ въ нѣдрахъ Альпъ, отдѣляла насъ отъ богатыхъ береговъ Pays de Vaud, картина которыхъ увѣнчивалась царственной Юрою".

Такимъ образомъ, Руссо не только вызвалъ расширеніе чувства природы открытіемъ горнаго ландшафта: онъ совершенно преобразовалъ его. Затронутые имъ тона отозвались во всѣхъ чувствительныхъ сердцахъ. „Новая Элоиза" много содѣйствовала тому, чтобы придать „глубокую задушевность" „духовной жизни слѣдующаго поколѣнія" и особенно его отношенію къ природѣ. Она постепенно расширила господство совершенно субъективнаго пониманія природы. Это-то послѣднее придаетъ природѣ душу, при чемъ человѣческая душа является лишь ея частью, родственной ей; оно думаетъ, что можно подслушивать и понимать языкъ природы; оно замѣчаетъ въ ея безконечно измѣняющихся состояніяхъ и явленіяхъ, въ возвышающихся горахъ и въ тихомъ уединеніи долинъ и лѣсовъ нѣмыя отраженія своей собственной внутренней жизни. Точно также и проложенное Руссо признаніе почти безграничныхъ правъ индивидуальности вопреки существовавшимъ въ искусствѣ и въ жизни окостенѣвшимъ порядкамъ и правиламъ; признаніе, вызвавшее въ Германіи періодъ „бури и натиска",—все это направило чувство природы на такія сцены и явленія, которыя прежде отталкивали. Къ задумчивому унынію, непонятному стремленію, наслажденію горемъ, сомнѣніемъ и раздвоенностью подходило въ природѣ только дикое и романтическое, которому была чужда классическая древность и зависимая отъ нея культура новаго времени. Это описанное Руссо отшельничество на Meillerie было прототипомъ ландшафта, отнынѣ съ любовью выбираемаго и мастерски изображаемаго.

„Новая Элоиза" и другія сочиненія Руссо вскорѣ сдѣлали берега Женевскаго озера и всю западную Швейцарію цѣлью туристовъ всей Европы. Уже въ 1763 г. Юстусъ Мэзеръ по прочтеніи „Новой Элоизы" писалъ Абту, чтобы онъ привезъ ему часть знаменитыхъ Альпъ, изъ за которыхъ теперь такъ много шуму. Гете въ Веве 1779 „не могъ удержаться отъ слезъ, глядя на Meillerie, dent du Chamant (sic) и на всѣ мѣста, которыя вѣчно-одинокій Руссо населилъ чувствующими живыми существами". Въ 1788 году Мейнерсъ посѣтилъ „святыя мѣста Элоизы Руссо, куда теперь паломничаютъ изъ Лозанны всѣ иностранцы, и гдѣ особенно англичане проводятъ недѣли съ Элоизою въ рукахъ". Также и „Travels in Switzerland and in the country of the Grisons" (1776, 79, 85, 86) Кокса, бывшіе въ это время главнымъ путеводителемъ англичанъ, идутъ по слѣдамъ Руссо въ Motiers и на островъ Петра.

Книга Кокса была издана въ значительно расширенномъ по содержанію и объему французскомъ переводѣ Ramond de Carbonnières (родился въ Страсбургѣ отъ матери нѣмки въ 1755, и 1827), глубокаго и ученаго знатока горъ и мастера описаній природы. Путешествія Кокса совершались все еще болѣе по равнинѣ и въ низкихъ долинахъ, они касались преимущественно городовъ, знакомства съ людьми и порядками. Рамонъ прежде всего описалъ вершины,

которыя онъ самъ исходилъ какъ неутомимый пѣшеходъ. Sainte Beuve считаетъ его описаніе Альпъ самымъ совершеннымъ изъ всего, что было сдѣлано до него въ этой области. Бюффонъ сказалъ ему: вы пишете какъ Руссо. Рамонъ, попытавшійся также въ своихъ „Приключеніяхъ молодого д'Ольбана", посвященныхъ Ленцу (1777), пересадить во Францію Вертера, позднѣе сдѣлался „художникомъ Пиренеевъ"; его Observations sur les Pyrénées (1789) и Voyage au mont Perdu (1801)—классическія произведенія. Здѣсь (по Sainte Beuve) „Saussure Пиренеевъ" показывается въ совершенно новыхъ картинахъ, на которыя еще никто до сихъ поръ не посягалъ. „Онъ хотѣлъ, чтобы человѣкъ имѣлъ мужество смотрѣть и чувствовать, дозволилъ бы себѣ всѣ великія и естественныя чувства и не стѣснялся бы ихъ высказывать". Онъ не отступаетъ также и передъ страхомъ, охватывающимъ всѣхъ въ горныхъ пустыняхъ.

Но дѣйствіе сочиненій Рамона было сильно ослаблено неблагопріятнымъ временемъ ихъ появленія; они были сравнительно мало извѣстны и почти позабыты повсюду, кромѣ Франціи. То же самое можно сказать и о сочиненіяхъ Etienne de Sénancour (род. 1770); описанія Альпійской природы въ его Oberman (1804), возбуждавшемъ тѣ же настроенія, какъ Оссіанъ и Вертеръ, указываютъ на „оригинальный и серьезный даръ изображенія, стоящій посерединѣ между Рейсдалемъ и Сальваторомъ Розою". Тотъ, кому послѣ открытія красоты горъ вообще, сдѣланнымъ Руссо, образованный міръ былъ обязанъ сильнымъ расширеніемъ чувства природы благодаря открытію высокихъ горъ, былъ тоже женевецъ, Соссюръ.

Третій женевецъ, Тэпферъ (1799—1846) очень правильно раздѣлилъ Альпы на три пояса. Нижній обнимаетъ холмы и кончается у границы орѣха; имъ и ограничился Руссо и только въ своемъ описаніи отшельничества на Meillerie рѣшился выйти за его предѣлы, но все же далъ о второмъ, высшемъ поясѣ лишь общую и неопредѣленную картину. Этотъ второй поясъ суровъ, труденъ и часто лишенъ растительности; флора нижняго пояса здѣсь погибаетъ, ели и лиственницы одѣваютъ его склоны, окаймляютъ ущелья и потоки, здѣсь уже не царствуетъ очарованіе восхитительнаго пейзажа, это—область дико-прекраснаго. Высшій поясъ—область вершинъ, глетчеровъ, ледяныхъ пустынь, гдѣ растутъ только альпійскія розы и подобные имъ твердые кустарники, на границахъ вѣчнаго снѣга или въ его просвѣтахъ. Эти высшія области „открытіе и завоеваніе Сосюра". Такимъ образомъ, во всѣ времена естествоиспытатели, также и въ древности бывшіе первыми путешественниками по горамъ, много содѣйствовали пробужденію пониманія красоты природы, болѣе же всѣхъ ботаники.

Правда, уже въ 1741 г. два англійскихъ путешественника, Пококъ и Уиндгэмъ, открыли долину Шамуни; но еще 20—25 лѣтъ спустя, путешествія туда совершались рѣдко и почти исключительно англичанами. Также и въ прекрасно изданномъ Гоманномъ Atlas novus reipublicae Helvetiae 1769 нѣтъ имени Монблана, какъ нѣтъ и болѣе стариннаго его имени „montagne maudite", но среди glaciéres de Faucigny находится только надпись: „здѣсь отвратительныя ледяныя горы, глетчеры, называемыя glaciers, montagnes glaciales".

Соссюръ, со страстнымъ увлеченіемъ посвятившій себя изслѣдованію

альпійскихъ высотъ, началъ свои странствованія по Шамуни въ 1760 г. и въ 1787 поднялся на Монбланъ. Великій естествоиспытатель, неутомимо и безстрашно поднимавшійся на горы, подобно Рамону, былъ одновременно мастеромъ описаній природы; онъ умѣлъ простымъ и тѣмъ сильнѣе дѣйствовавшимъ языкомъ передавать огромныя впечатлѣнія отъ этихъ картинъ, еще не видѣнныхъ человѣческимъ глазомъ, „которыя не имѣютъ ничего общаго со всѣмъ тѣмъ, что видно въ остальномъ мірѣ“; онъ могъ передать читателямъ то чувство „страха, смѣшаннаго съ восхищеніемъ“, которое наполнило его при ихъ видѣ. Дѣйствительно, онъ испыталъ то, чего не испытывалъ до него еще никто, стоя на этихъ вершинахъ, тогда еще впервые достигнутыхъ (до него въ 1786 г. Пакаромъ), подъ звѣзднымъ небомъ, сіяніе котораго слегка освѣщало только массы и разстоянія. Глубокое молчаніе въ этомъ огромномъ царствѣ, расширенномъ еще фантазіей, навѣяло на него родъ ужаса: „Мнѣ казалось, что я одинъ пережилъ вселенную и смотрѣлъ на ея трупъ, распростертый у моихъ ногъ“. Его простое, безпритязательное описаніе опасностей, „дѣлающихъ жизнь изслѣдователя Альпъ подобной жизни охотника за сернами“, имѣло въ себѣ нѣчто возбуждающее и обѣщало богатую награду смѣльчакамъ, рѣшающимся выйти въ этотъ вновь открытый міръ.

Наряду съ сочиненіями Соссюра, отчеты не менѣе страстнаго любителя вершинъ Bourrit, котораго Фридрихъ Великій назвалъ l'historien des Alpes, привлекли всеобщее вниманіе къ высокимъ Альпамъ и особенно къ Шамуни. Бурри, тоже женевецъ, бывшій прежде художникомъ, посвятилъ всю свою жизнь (1739—1819) изслѣдованію Монблана. Соссюръ въ 1773 г. съ благодарностью призналъ, что онъ приготовилъ публику къ чтенію его научныхъ монографій, Гете, уже въ 1775 г. (въ числѣ первыхъ нешвейцарцевъ) поднявшійся на Риги, во время путешествія, предпринятаго имъ въ 1779 г. въ обществѣ Карла Августа Веймарскаго, слышалъ такъ много „о достопримѣчательностяхъ Савойскихъ ледяныхъ горъ“ и о томъ, „что все болѣе и болѣе входило въ моду ихъ посѣщать», что по совѣту Соссюра еще въ ноябрѣ отправился въ Шамуни. Въ 1784 г. Гиббонъ уже жаловался, что въ Лозаннѣ нельзя наслаждаться прежнимъ покоемъ; благодаря положенію и красотѣ Pays de Vaud и „модѣ посѣщать горы и глетчеры (glaciers)“ она со всѣхъ сторонъ подвержена наплыву чужеземцевъ. Онъ самъ, проѣзжая во время своего путешествія по Швейцаріи изъ города въ городъ по равнинѣ, въ 1791 г. отправился вмѣстѣ съ лордомъ Шеффильдомъ черезъ Женеву въ Шамуни, Col de Balme (на который особенно часто поднимались ради вида), Мартиньи, С. Морисъ, вокругъ Женевскаго озера въ Веве и въ Лозанну. Въ 1790 г. Швейцарія, еще за 60 л. очень мало извѣстная германцамъ, считалась уже самой посѣщаемой иностранцами страной Европы и особенно въ Шамуни наплывъ ихъ до того развилъ корыстную услужливость туземцевъ, что „она стала очень обременительною“.

Но сочиненія Соссюра распространяли представленіе о величіи альпійской природы далеко за круги тѣхъ, которые изучали Швейцарію путемъ непосредственнаго наблюденія. И Кантъ принадлежалъ къ его ревностнымъ читателямъ и живо восторгался его описаніями. Никогда не выходя за границы восточной Пруссіи, онъ зналъ изъ „скрытыхъ глубокою тѣнью наводя-

щихъ на унылыя мысли пустынь" своей родины, „интересную печаль, которую навѣваетъ видъ пустыни" (Соссюръ); и представленія „стремящихся къ небу горъ, глубокихъ пропастей и несущихся въ нихъ водъ" занимали его фантазію, когда онъ абстрагировалъ понятіе возвышеннаго изъ природы. Здѣсь (въ „Критикѣ силы сужденія") онъ высказалъ великую основную истину, „что возвышенное заключается не въ твореніяхъ природы, а въ нашей душѣ, поскольку мы сознаемъ, что мы возвышаемся надъ природой въ насъ и черезъ нее надъ природой внѣ насъ, въ предѣлахъ ея вліянія на насъ". Затѣмъ, онъ ясно доказалъ, что единогласія въ сужденіяхъ гораздо менѣе можно ожидать для возвышеннаго, чѣмъ для обыкновенной красоты природы. И если бы онъ зналъ, что ощущеніе того савойскаго крестьянина, о которомъ Соссюръ разсказываетъ, будто онъ называлъ дураками всѣхъ любителей ледяныхъ вершинъ,—не сильно отличалось отъ ощущенія образованнѣйшихъ людей до начала 18 вѣка, то онъ призналъ бы сужденіе о возвышенномъ зависимымъ не только отъ степени, но и отъ направленія культуры. Если бы основаніе „серьезнаго и даже возвышеннаго настроенія", которое вызываетъ въ насъ видъ цѣпи горъ, можно было вмѣстѣ съ Шопенгауэромъ искать въ томъ, что ея очертанія остаются единственной постоянной линіей ландшафта, то этотъ видъ не могъ бы производить въ разные вѣка такъ сильно различныя впечатлѣнія.

Дальнѣйшая исторія путешествія по Швейцаріи до нашихъ дней (когда всѣми признано, „путешествіе на Альпы, какъ средство для воспитанія духа")—не относится сюда.

Постоянно разростающаяся литература, вызванная къ жизни этими путешествіями, создала почву, на которой съ особенной любовью подвизалось искусство описанія природы. Эта „наука пониманія природы, говоритъ житель Винтертура Ульрихъ Гегнеръ (1822), не будучи ни наукой о природѣ, ни природовѣдѣніемъ, ни описаніемъ земли, ни ея измѣреніемъ, и о которой полстолѣтія тому назадъ мало упоминалось въ книгахъ и совсѣмъ не упоминалось въ описаніяхъ путешествій и въ любовныхъ исторіяхъ, выросла теперь въ Швейцаріи новою отраслью учености и стала уже большимъ деревомъ, плоды котораго теперь срываетъ всякій, потому что ихъ не трудно достать и легко переварить". Наконецъ и землевѣдѣніе, сильно двинувшееся впередъ по путямъ, проложеннымъ Александромъ Гумбольдтомъ и Карломъ Риттеромъ, повело къ болѣе глубоко проникающему пониманію альпійской природы.

Лишь много позднѣе, чѣмъ появились описанія природы, ландшафтная живопись рѣшилась изображать высокіе Альпы. Одинъ художникъ изъ Нейшателя, Meuron, былъ первымъ, осмѣлившимся (въ 1820) „передать на полотнѣ захватывающую суровость альпійской вершины, когда она, умывшись росою и едва еще оживая отъ ночной прохлады, получаетъ первые утренніе лучи. Но Calame, Diday и другіе, пошедшіе по ихъ слѣдамъ, еще не появились. Тогдашніе классики усердно доказывали всякими техническими основаніями и разсужденіями, что высокіе Альпы совершенно не приспособлены для передачи на полотно и не могутъ быть матерьяломъ для картинъ. „Невозможно"—было ихъ постояннымъ словомъ.

Такимъ образомъ, проложенное Руссо измѣненіе пониманія природы благодаря открытію высокихъ Альпъ совершилось въ то же время, когда въ

Германіи начался періодъ „бури и натиска". Интересно взглянуть на разстояніе новаго чувства природы отъ прежняго, если сопоставить слова Кейслера, находившаго Альпы Зальцбурга и Тироля такими же некрасивыми, какъ Люнебургскіе лѣса и сосновые боры Маркграфства, со словами путешественниковъ послѣднихъ десятилѣтій 18 столѣтія, когда считалось почти понятнымъ самой (какъ напр. въ письмахъ Мейнерса о Швейцаріи 1790 г.), что Швейцарія, какъ горная страна Европы, обладаетъ наибольшими красотами природы. „Эти пустыни, пишетъ около 1780 К. В. фонъ Бонштеттенъ, скалы, эти ледяныя долины, эти высокіе черные лѣса понравятся вамъ больше, чѣмъ бездушныя красоты равнины". Даже такой человѣкъ какъ Николаи кажется охваченнымъ общимъ энтузіазмомъ. На пути изъ Вѣны въ Мюнхенъ онъ пишетъ: „Великія картины природы производятъ такое впечатлѣніе, которое не возбуждается ни однимъ человѣческимъ зрѣлищемъ: но нигдѣ нѣтъ болѣе величественныхъ картинъ, чѣмъ въ горныхъ странахъ, и нигдѣ онѣ не могутъ быть болѣе поучительными для естествознанія, чѣмъ тамъ, ибо ихъ вліянія такъ велики и различны. Но лишь у немногихъ сердце открыто для чувства и у немногихъ глазъ и духъ подготовлены для наблюденія". Настолько очевидной стала красота горнаго ландшафта даже для самаго трезваго ума, красота, которую полстолѣтія назадъ могли признать лишь избранные.

Въ 19 столѣтіи сталъ повсюду распространеннымъ взглядъ, что горы прекрасны сами по себѣ. Горы, говоритъ Дж. Рёскинъ (въ главѣ „The mountain glory"), кажется, созданы для того, чтобы показать намъ завершеніе красоты, всѣ элементы которой (формы, краски, разнообразіе картинъ) онѣ объединяютъ въ себѣ въ несравненно большей степени, чѣмъ равнина, такъ что онѣ превосходятъ ее такъ же далеко, какъ разрисованное окно превосходитъ бѣлое. Онъ думалъ, что онѣ созданы для того, чтобы дѣйствовать на человѣчество облагораживающе и возвышающе, чтобы быть и ихъ школою и ихъ храмомъ. До старости онъ оставался вѣрнымъ привычкѣ, восходя на гору становиться на колѣни и молиться: его созерцаніе природы было религіей. Тоже и сэръ Джонъ Леббокъ „раздѣляетъ его мнѣніе, что горы—начало и конецъ всѣхъ картинъ природы".

Совершенно понятно, что люди старшаго поколѣнія, оставшіеся нетронутыми новымъ духомъ, твердо стояли на прежнемъ пониманіи природы. Еще въ концѣ 18 столѣтія житель Цюриха І. С. Фюссли, авторъ „Описанія государственной жизни и земли швейцарской", не понималъ, какимъ образомъ могли находить красивой Энгельбергскую долину: тамъ нѣтъ ничего, кромѣ „отвратительныхъ горъ", „нѣтъ садовъ, фруктовыхъ деревьевъ, нѣтъ полей, веселящихъ душу". Тѣмъ понятнѣе, если нешвейцарцы чувствовали совершенно также. Отецъ Гете былъ недоволенъ, что его сынъ на вершинѣ С. Готарда повернулъ обратно и не спустился въ Италію. „Менѣе всего онъ можетъ сочувствовать созерцанію этихъ дикихъ скалъ, туманныхъ озеръ и гнѣздъ драконовъ". Не ради противоположенія, но при случаѣ онъ все же замѣчаетъ, что ему нравится: „кто не видѣлъ Неаполя, тотъ не жилъ". Самъ Гете въ болѣе позднемъ возрастѣ, повидимому, снова приблизился къ пониманію природы прежняго времени. Въ 1823 г. въ одномъ письмѣ къ Nees von Esenbeck онъ пишетъ „о своихъ безполезныхъ путешествіяхъ по Швей-

царіи", „такъ тогда думали, что человѣкъ сдѣлалъ нѣчто великое, если подпимался на горы и полюбовался на нихъ". Онъ придалъ этому взгляду шуточное выраженіе, какъ „веселой парадоксіи достойнаго человѣка". „Когда путешественники находятъ большое наслажденіе въ своихъ восхожденіяхъ на горы, говоритъ этотъ послѣдній, то для меня въ этой страсти проявляется нѣчто варварское и даже безбожное. Горы, конечно, даютъ намъ понятіе о силѣ природы, но не о благости Провидѣнія", „И эти зигзагообразные хребты, эти непріятныя скалистыя стѣны, эти безобразныя гранитныя пирамиды, покрывающія лучшіе пояса земли ужасами сѣвернаго полюса, какъ онѣ могутъ нравиться доброжелательному человѣку и какъ ихъ можетъ прославлять другъ людей!"

Но отдѣльные голоса, которые раздавались изъ среды молодого поколѣнія противъ энтузіазма передъ горной природой, поднимались въ сознаніи своего противорѣчія съ господствующими взглядами. Къ противникамъ новаго пониманія природы принадлежалъ Гегель (род. 1770), проѣзжавшій въ 1796 г. по Бернскимъ возвышенностямъ. На дорогѣ изъ Интерлакена въ Лаутербронненъ „узость долинъ, въ которыхъ горы загораживали для него видъ вдаль, становилась для него чѣмъ то мучительнымъ, стѣснительнымъ. Онъ все время искалъ дали и ширины, а его взглядъ повсюду наталкивался на скалы; вѣчный шумъ двухъ Litschenen наводилъ на него тоску". На Шейдегѣ полный видъ Юнгфрау и двухъ Айгеровъ, рѣшительно не производилъ впечатлѣнія, не возбуждалъ чувства величія, котораго мы ожидали. Далѣе, посѣщеніе Гриндельвальдскихъ ледниковъ не доставило ему другого удовольствія, кромѣ того, что онъ видѣлъ вблизи ледникъ. О мѣстности возлѣ Grimselhospiz онъ говоритъ: „Ни глазъ, ни чувство не находятъ въ этихъ безформенныхъ массахъ ни одного пункта, на которомъ они могли бы съ удовольствіемъ отдохнуть, или гдѣ бы они могли найти забаву или занятіе. Видъ этихъ вѣчно мертвыхъ массъ ничего мнѣ не далъ, кромѣ однообразнаго и, благодаря продолжительности, скучнаго представленія, что это именно такъ". Вообще на всемъ его путешествіи ничто не возбудило его интереса и восхищенія, кромѣ водопадовъ и онъ, повидимому, былъ очень доволенъ, когда кончилъ это столь бѣдное наслажденіями путешествіе и „возлѣ Люцерна въ первый разъ снова увидѣлъ за прелестною зеркальною поверхностью озера низкіе холмы, которые нѣжили нашъ взглядъ, до сихъ поръ не имѣвшій передъ собой ничего кромѣ высокихъ, сѣрыхъ и печальныхъ горъ и почти никогда не наслаждавшійся видомъ вдаль".

Но это противорѣчіе съ господствующимъ мнѣніемъ этого своеобразнаго духа, энергично и съ нѣкоторымъ упорствомъ возстающаго противъ подражательности чувства, осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ дневникъ Гегеля не предназначался для изданія. Громкій протестъ противъ восхищенія горной природой выразилъ въ 1805 г. Шатобріанъ въ своемъ „Voyage au Mont Blanc". Онъ видѣлъ, такъ начинаетъ онъ, многія горныя цѣпи въ Америкѣ и въ Европѣ, и ему казалось, что въ ихъ описаніяхъ всегда выходятъ за предѣлы истины; посѣщеніе Шамуни только подтвердило это убѣжденіе. Его взглядъ таковъ: подобно тому, какъ ландшафтъ не можетъ быть красивымъ, если на фонѣ его нѣтъ горъ, также онъ не можетъ удовлетворять глазъ и сердце, если онъ лишенъ простора и свободнаго вида вдаль; таковымъ же

онъ бываетъ всегда въ горахъ. Человѣкъ стоитъ тамъ такъ близко ко всѣмъ предметамъ, что величина разстояній не воспринимается взглядомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, горы такъ огромны, что онѣ уничтожаютъ все, что могло бы служить имъ для украшенія. Далѣе, снѣжныя равнины Альпъ нехороши тѣмъ, что затемняютъ всю окрестность и даже синеву неба. Въ горахъ слишкомъ мало видно неба; а между тѣмъ, оно подобно полотну, на которомъ природа рисуетъ ландшафтъ; и тамъ, гдѣ его нѣтъ, картина бываетъ безуспѣшной и запутанной: художники хорошо поняли это и показываютъ горы только издали, на первомъ же планѣ изображаютъ лѣса и равнины. Только въ лунномъ сіяніи проявляется величіе горнаго ландшафта. Но если, поэтому, внутри горной цѣпи пропадаетъ величественное (le grandiose) и покоящееся на немъ возвышенное, то и прелестнаго (le gracieux) здѣсь тоже нѣтъ. Долины Швейцаріи только сравнительно можно назвать пріятными. Чувство, которое человѣкъ испытываетъ въ горахъ, очень тяжелое, происходящее отъ ихъ дикости и неплодородія. Долины, въ которыя стремится Вергилій, для того, чтобы раздѣлить общество Музъ [1])—долины пріятныя, смѣющіяся, прелестныя, лѣса—красивые изъ дубовъ, вязовъ и буковъ, а не печальные еловые боры, и его долина должна находиться въ странѣ, гдѣ есть прекрасныя поэтическія и историческія воспоминанія и гармоническія имена; врядъ ли бы ему понравилась долина Шамуни съ ея ледниками и иглами и скалы Tête noire. Древность, къ которой всегда можно обращаться, когда дѣло идетъ объ истинномъ чувствѣ, думала о горахъ не такъ, какъ Руссо: наоборотъ, она представляла ихъ себѣ обителью горя и отчаянія, съ чѣмъ согласуется также и св. Писаніе.

Въ заключеніе Шатобріанъ замѣчаетъ еще разъ, что горы неизбѣжны какъ фонъ красиваго ландшафта: ихъ увѣнчанныя снѣгомъ главы, ихъ обнаженные склоны, ихъ исполинскіе члены, отвратительные (hideux) вблизи, восхитительны, когда на фонѣ туманнаго горизонта окрашиваются золотымъ свѣтомъ. — „Не требуй только отъ меня, чтобы я восхищался длинными скалистыми хребтами, ущельями, лощинами, отверстіями и изгибами альпійскихъ долинъ“.

Съ полнымъ правомъ Шатобріанъ ссылается на древнихъ. Ибо въ его такъ одностороннe и рѣзко высказанномъ нежеланіи признать красоту Альпъ, его пониманіе природы вполнѣ согласуется съ античнымъ. А на чемъ основывается противорѣчіе классическаго и романтическаго отношенія къ горамъ, видно изъ предыдущаго описанія: оно показываетъ, что чувство природы опредѣляется, главнымъ образомъ, природою, среди которой оно образуется. Если восхищеніе горами проявляется гораздо раньше въ горныхъ странахъ—въ Швейцаріи и въ Шотландіи,—чѣмъ въ равнинахъ, и если ясно, что жителей этихъ послѣднихъ совершенно не привлекаютъ новыя впечатлѣнія горнаго ландшафта и что они только постепенно начинаютъ понимать ихъ: то тѣмъ понятнѣе, что жителей юга во всѣ времена должна была отталкивать природа Альпъ.

Такимъ образомъ, разница пониманія природы нами и древними происходитъ отъ этой причины, не изъ противоположности между антич-

[1]) Vergil., G., II, 485.

нымъ и современнымъ, а изъ противоположности южной и сѣверной природы: и если это правильно, то чувство природы нынѣшнихъ обитателей Италіи и вообще юга должно совпадать съ пониманіемъ римлянъ. На самомъ дѣлѣ, ихъ глазу, избалованному настолько болѣе богатой, привѣтливой и гармонической природой, величіе высокихъ горъ кажется неизмѣримымъ и давящимъ, ихъ строгость — мрачной и безотрадной, дикость — страшной и ужасающей. „Тамъ природа царствуетъ одиноко, говоритъ Ugo Foscolo; съ мрачною угрозою она прогоняетъ изъ своихъ владѣній всѣ живыя существа". Подобныя выраженія можно слышать отъ образованныхъ итальянцевъ, путешествующихъ по Альпамъ, очень часто, если не всегда.

Даже сѣверяне, испытавшіе полное очарованіе южной природы, нерѣдко смотрятъ на высокія горы взглядомъ южанъ. „Вы удовлетворяете свою фантазію, пишетъ графиня Альбани (1816 г. Фосколо, который удалился въ Швейцарію), но скорѣе застудите ее видомъ снѣга, покрывающаго землю, въ которой вы живете. Для того, чтобы жить въ такой землѣ, надо имѣть прочныя основанія, если человѣкъ рожденъ на Занте". Въ описаніи озера Комо у Beyle-Stendhal говорится, что видъ на покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ вершины Альпъ, возвышающіяся за его береговыми холмами, своею суровою строгостью напоминаетъ наблюдателю о несчастіи бытія настолько, насколько это необходимо для того, чтобы повысить наслажденіе настоящимъ. Также и въ прелестной книгѣ Виктора Гена (V. Hehn) объ Италіи, гдѣ впечатлѣніе отъ итальянскаго ландшафта схвачено съ глубокимъ пониманіемъ и передано съ совершеннѣйшимъ мастерствомъ, это погруженіе въ южную природу имѣло послѣдствіемъ своего рода отрицаніе Швейцаріи. „Въ этой странѣ сурово и величественно нагромождены высокія горы, на вершинахъ пустынныя и болотистыя, поросшія низкою травою, иногда наклонныя, иногда носящія въ себѣ глубокія впадины, подобныя котловинамъ. Съ ихъ верхнихъ граней скатываются въ долину печальные обвалы, длинныя полосы сѣрыхъ галекъ; туманъ и облака висятъ на склонахъ и на выступахъ, какъ шерсть на брюхѣ барана, спускаются до черныхъ хвойныхъ поясовъ и снова поднимаются, то скрываясь, то снова появляясь, и доходятъ до снѣжныхъ вершинъ. Это — картина безформенныхъ и безпредѣльныхъ силъ, пугающія напоминанія о первобытной борьбѣ элементовъ и революцій природы". Наоборотъ, въ горныхъ образованіяхъ Италіи „смягчено жестокое своеправіе, ярость громоздящихъ циклоповъ; въ образахъ и профиляхъ горъ господствуетъ зрѣлая кротость, пластическій полетъ, болѣе мягкое теченіе волнъ, не исключающее все же строгости, опредѣленности и энергіи". На южномъ склонѣ Альпъ „выступаютъ тѣ законченныя картины горъ, расположеніе и контуры которыхъ доставляютъ глазу богатое наслажденіе; въ текущей линіи, пріятно и весело, то съ острыми краями, четко выступающими на фонѣ неба, то подобно неподвижно парящему, напоенному свѣтомъ легкому пару, ихъ главная цѣпь располагается вдали, и на лентахъ узкихъ низменныхъ косъ посылаетъ въ море голубые, живописные, плывущіе мысы". Кто видѣлъ Италію, хорошо понимаетъ, что воспоминаніе „объ этихъ линіяхъ горъ, о богатыхъ формахъ почвы и коричневой земли, объ окрашенныхъ воздухомъ скалистыхъ берегахъ, о звенящемъ морѣ, метеорахъ неба, о всей гармоніи и тихомъ самодовольствѣ классическихъ странъ — не покидаетъ тѣхъ, кто

ими насладился и понялъ ихъ, и часто дѣлаетъ его невоспріимчивымъ къ сравнительнымъ прелестямъ сѣверной природы".

Нѣтъ недостатка въ примѣрахъ того, что привычка къ южной природѣ можетъ превратить въ антипатію уже существовавшую склонность къ горной природѣ. На Винкельмана произвели сильнѣйшее впечатлѣніе тирольскіе Альпы, когда онъ увидѣлъ ихъ впервые. „Человѣкъ не видѣлъ ничего удивительнаго и поразительнаго, пишетъ отъ 7 декабря 1755 г., если ему не пришлось взглянуть на эту страну тѣми глазами, съ какими я ее осматривалъ". Онъ называетъ горы „ужасно красивыми" (20 дек. 1755 г.). Въ Тиролѣ „мать природа является въ своемъ поразительномъ величіи, и избытокъ царствуетъ среди огромныхъ скалъ. Это — страна красивыхъ людей и особенно Боценъ. Если мнѣ когда-нибудь придется вернуться, я, конечно, прерву въ этой землѣ мое путешествіе, для того, чтобы насладиться восхитительными мгновеніями" (1 іюля 1756 г.). Но очарованіе южной природы охватило его. Въ своихъ письмахъ онъ не переставая восхваляетъ роскошь растительности въ „райскихъ виллахъ Рима, неописуемую красоту" ближайшихъ мѣстъ въ Албанскихъ горахъ и на побережьѣ Лація, болѣе же всего дивную область Порто д'Анцо. Двѣнадцать лѣтъ его глазъ воспринималъ картины итальянскаго ландшафта и, когда весною 1768 г. онъ снова увидѣлъ Тироль, онъ не могъ признать въ альпійскомъ ландшафтѣ даже „относительной прелести". Когда онъ вмѣстѣ съ Кавачении проѣхалъ часъ по тирольскимъ горамъ, тотъ внезапно замѣтилъ, что черты Винкельмана внезапно приняли совсѣмъ другое выраженіе. Онъ воскликнулъ: „Взгляните, другъ, какой унылый, страшный ландшафтъ! Эти безмѣрно поднимающіяся горы!" То, что ему казалось раньше „ужасно красивымъ", теперь стало только ужаснымъ. Какія бы причины ни способствовали все болѣе и болѣе его унынію, охватившему его, едва онъ вступилъ на землю Германіи: но не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что сюда относилось и измѣненіе его чувства природы.

Та же самая перемѣна произошла и съ Нибуромъ. Когда въ 1823 г., послѣ семилѣтняго пребыванія въ Римѣ, онъ въѣхалъ въ Швейцарію, горы показались ему имѣющими „суровый, мучительный и совсѣмъ безобразный видъ въ своихъ зубчатыхъ, совершенно дисгармоническихъ формахъ", и онъ думалъ, что горы Тироля красивѣе. Но онъ находился въ очень поучительномъ самообманѣ. Онъ видѣлъ ихъ въ 1816 г. до Италіи и видъ ихъ восхищалъ его также, какъ Винкельмана; на самомъ же дѣлѣ, онѣ еще болѣе разорванныя, чѣмъ швейцарскія. Также и Грегоровіусъ послѣ восьмилѣтняго пребыванія въ Италіи (1860 г.) былъ въ Швейцаріи охваченъ уныніемъ и охотнѣе всего вернулся бы обратно: эта природа стала для него чужою. Въ 1862 г. въ Энгадинѣ онъ называетъ Альпы холоднымъ и нѣмымъ чудомъ и (1863 г.) горы на Фирвальдштеттенскомъ озерѣ пустынными и безформенными. Также и Рудольфъ Дельбрюкъ при своемъ первомъ знакомствѣ со Швейцаріей испыталъ то, что повторилось и при позднѣйшихъ путешествіяхъ: его глазъ былъ настолько избалованъ формами и красками юга, что швейцарскій ландшафтъ ему совершенно не понравился. „Я не могъ отрѣшиться отъ голубого неба, свѣтящагося моря и линій Корфу, Палермо и Неаполя".

Насколько характеръ природы южной Европы въ существенныхъ чер-

тахъ одинъ и тотъ же, и чувство природы у южанъ представляется схожимъ. Ферпанъ Кабальеро говоритъ о видѣ Кармоны въ Андалузіи: „Роскошь и необыкновенность этого вида во всѣхъ другихъ странахъ пріобрѣли бы всеобщую извѣстность и широко распространенную славу и тысячу разъ были бы описаны въ новеллахъ и въ поэмахъ. Только въ Испаніи мало распространены вкусъ и любовь къ красотамъ природы; ими восхищаются, но въ этомъ восхищеніи нѣтъ ни сердца, ни энтузіазма. Видъ, какъ бы прекрасенъ онъ ни былъ, оцѣниваютъ съ классической, а не съ романтической точки зрѣнія". Изъ этихъ словъ можно понять, что названный здѣсь недостатокъ чувства природы, на самомъ дѣлѣ, есть недостатокъ ея романтическаго пониманія. И если „испанскій языкъ не знаетъ слова для обозначенія ледниковъ и не заимствовалъ для этого понятія даже иностраннаго слова", хотя „Анды лежатъ сплошь въ испанской области",—врядъ ли можно объяснить это иначе, какъ недостаткомъ интереса къ явленіямъ высокихъ горъ.

Что касается до чувства природы восточныхъ народовъ, то оно должно тѣмъ болѣе приближаться къ пониманію южанъ, чѣмъ болѣе ихъ природа родственна съ южной, а не съ сѣверной. Арабское садоводство было подобно античному. „Все должно было быть искусственнымъ, и природа была скована строгими формами восточнаго этикета". Любили прямыя, прямоугольныя, вымощенныя камнемъ галлереи, продолговатыя четырехугольныя клумбы, выложенныя кругомъ камнями, съ коротко остриженнымъ, сильно пахнущимъ кустарникомъ на краю, угловатыя прямолинейныя деревья: все устроенное неподвижно и церемонно, а посерединѣ воду въ искусственныхъ водопадахъ, изливающихся въ мраморные бассейны. Въ саду владыки Фатимида Хорамавайка въ Каирѣ стволы пальмъ были одѣты металлическими пластинками, и проведенная кругомъ по трубамъ вода, казалось, вытекала изъ нихъ. На большихъ площадяхъ цвѣтами изображались рисунки и цѣлыя надписи. Миндаль былъ привитъ къ абрикосовому дереву. Въ одномъ павильонѣ каскады стекали съ пилястровъ, пѣвчія птицы вили тамъ гнѣзда. Павлины, цесарки и другія рѣдкія птицы бродили по садамъ. Также и знаменитый садъ шаха Іегана (1628—1658 гг.) въ Лагорѣ, по имени Шалимаръ, „повидимому, проектированъ арабскими художниками. Въ четырехугольникахъ между дорожками мангровы, индійскія фиговыя и апельсинныя деревья образуютъ непроницаемую заросль. Мраморныя балюстрады окружаютъ большой прудъ. Мраморные мосты ведутъ къ мраморному кіоску, находящемуся посерединѣ его. И какой мраморъ — бѣлый и искрящійся, какъ только что выпавшій снѣгъ! Кругомъ вода, прохлада, тѣнь. Въ прудѣ отраженіе зелени и камня. Надъ нами запыленный золотомъ сводъ индійскаго неба".

Любовь къ природѣ древнихъ персовъ проявлялась въ устройствѣ большихъ увеселительныхъ и дикихъ парковъ, встрѣчающихся повсюду въ резиденціяхъ сатраповъ и царей; они заключали въ себѣ воду и луга, ихъ имя pairidaeza, какъ обозначеніе райскаго сада, перешло во всѣ современные языки западной Европы. Въ такомъ же родѣ были и описанные Маркомъ Поло увеселительные парки монгольскаго царя Кублай Хана (1214—1294 гг.). Упомянутый Ливаніемъ царскій дворецъ, „обставленный со всею персидскою прелестью", лежалъ на рѣкѣ и его сады изобиловали прекрасными деревьями и душистыми цвѣтами. Также и чувство природы обитателей Персіи,

повидимому, осталось тѣмъ же самымъ на протяженіи тысячелѣтій. Гулять по усѣянному цвѣтами саду и по аллеямъ, наслаждаться видомъ водныхъ зеркалъ и ручьевъ: въ этомъ и современные персы находятъ лучшее удовольствіе. Вулканъ, горная цѣпь, покрытая снѣгомъ, своеобразная форма горъ и долинъ едва ли возбудитъ ихъ вниманіе; глядя на это, они придерживаются девиза „nil admirari". Описаніе рая въ Коранѣ имѣетъ большое сходство съ описаніями Элисія у древнихъ, особенно же съ тѣмъ, которое приписывается Виргилію: тамъ упоминаются только тѣнистыя рощи, жилища на берегахъ рѣкъ и луга, освѣжаемые ручьями. Четыре сада Ислама, предназначенные для блаженныхъ, украшены деревьями, широкія вѣтви которыхъ, одѣтыя темной листвою, даютъ густую тѣнь; въ нихъ всегда струятся потоки, и плоды всѣхъ родовъ спускаются съ деревьевъ такъ низко, что блаженные, покоясь на роскошныхъ подушкахъ, легко могутъ срывать ихъ.

Наоборотъ, чувство природы восточно-азіатовъ гораздо болѣе родственно современному европейскому. Въ Китаѣ и Японіи любовь къ красивой природѣ также жива и задушевна, какъ и обща всѣмъ. Уже Марко Поло описываетъ увеселительныя прогулки жителей Квинъ-сая (Хангче-фу) по пограничному озеру ради того, чтобы услаждать взоръ перемѣною и красотою картинъ, проходящихъ передъ ними. Въ настоящее время китайскія семьи приглашаютъ другъ друга въ гости для того, чтобы вмѣстѣ наслаждаться лунною ночью, красивымъ видомъ, посмотрѣть на рѣдкостный цвѣтокъ. Въ хорошее время года гости совершаютъ прогулки къ буддійскимъ монастырямъ (обыкновенно открывающимъ великолѣпные виды на горы). У прекрасно расположенныхъ храмовъ находятся постройки, предназначенныя спеціально для наслажденія видомъ. Не отступаютъ также и передъ путешествіями въ далекія страны, славящіяся красивыми мѣстами, и горы Sutschen посѣщаются также часто, какъ и долины Интерлакена. Описанія природы китайскихъ поэтовъ изъ среднихъ вѣковъ и новаго времени сильнѣйшимъ образомъ напоминаютъ Маттисона и Ламартина; описанія китайскихъ садовъ архитекторомъ Chambers (1757) проложили дорогу для введенія англійскихъ садовъ (архитекторомъ Кентомъ † 1748) и въ то же время оказали значительное вліяніе на ихъ устройство. Стиль садовъ, основанный династіей Минга и понынѣ существующій въ Китаѣ, далекъ отъ архитектурной косности и правильности. Группы скалъ и деревьевъ расположены прелестными картинами, заимствованными изъ природы, тѣнистые павильоны построены на мѣстахъ съ видомъ вдаль, все соединено извивающимися дорожками и изящными мостиками. Уже имена „волшебные", „ужасные" и „увеселительные" сады указываютъ на то, что китайское садоводство поставило себѣ задачу создавать сложные ландшафты опредѣленнаго характера. „Въ увеселительномъ саду, говоритъ китайскій писатель, ищутъ вознагражденія за печальное лишеніе всегда милаго, прелестнаго и новаго вида полей, естественнаго пребыванія человѣка. Такимъ образомъ, садъ долженъ быть живымъ и одушевленнымъ подражаніемъ тому, что люди находятъ въ природѣ, для того, чтобы воспитывать въ ихъ душѣ тѣ же чувства и услаждать ихъ взглядъ тою же прелестью".

Какъ въ Китаѣ, такъ и въ Японіи, мѣста съ красивымъ видомъ посѣщаются многими путешественниками изъ всѣхъ городовъ. Пониманіе природы и искусства распространено даже и въ низшихъ слояхъ; самый скромный

домъ указываетъ на слѣды врожденнаго чувства красоты. Кто слишкомъ бѣденъ для того, чтобы украсить свою хижину изображеніемъ покрытой снѣгомъ Фужіямы съ обязательнымъ грушевымъ деревомъ на переднемъ планѣ, тотъ радуется цвѣтущему абрикосовому дереву, маленькому кедру, искусственно устроенному каскаду. Тамъ существуютъ праздники цвѣтовъ и выставки цвѣтовъ, и пейзажное садоводство стоитъ на очень высокой ступени.

Также и въ старой Мексикѣ чувство природы, повидимому, было очень развитымъ. Многочисленные дворцы Монтезумы были большею частью соединены большими садами, въ которыхъ, наряду съ красивыми группами деревьевъ, находились во множествѣ нарядные цвѣты. Многіе сады были украшены искусственными прогулками по скаламъ и устроены какъ парки для охоты, въ другихъ были большія галлереи и пруды съ водяными птицами. При этомъ изъ листьевъ и цвѣтовъ изображались человѣческія фигуры и другія украшенія, частью безвкусныя.

Въ общемъ, послѣ долгаго изученія главныхъ основаній разницы чувства природы, можно установить, что у каждаго народа развито преимущественно пониманіе красотъ своей страны. Дикій пограничный ландшафтъ, видный съ высотъ Абботсфорда, который Вашингтонъ Ирвингъ находилъ совсѣмъ некрасивымъ, Вальтеръ Скоттъ находилъ прекраснымъ, несмотря на его наготу; онъ любилъ его честные сѣрые холмы и всегда стремился къ нимъ; онъ думалъ, что умретъ, если ему нельзя будетъ хоть разъ въ годъ смотрѣть на ихъ покрытые верескомъ склоны. Ни у одного народа не отсутствуетъ воспріимчивость къ красотѣ природы его страны, она проявляется во всѣхъ поясахъ, на всѣхъ ступеняхъ цивилизаціи. Вокругъ индѣйскихъ хижинъ Мексики находятся красивые цвѣты, которые они особенно любятъ, часто въ большомъ множествѣ; полинезійцамъ „цвѣты необходимы какъ воздухъ, которымъ они дышатъ". Индѣйцы въ Никарагуа, говоритъ Фребель, въ украшеніи своихъ жилищъ деревьями и кустами обнаруживаютъ тонкое пониманіе и вкусъ, котораго напрасно было бы искать у крестьянъ европейскихъ народовъ. То, что земля производитъ по части красивыхъ цвѣтовъ, кустовъ и деревьевъ, не рѣдко можно встрѣтить около ихъ хижинъ. Литвинъ любитъ березы и ивы своей родины, которыя почти до 18 столѣтія были для него предметами религіознаго культа; онъ садитъ ихъ около каждой новой постройки, срубить ихъ его можетъ заставить лишь крайняя нужда. Горный житель чувствуетъ себя хорошо только въ своихъ горахъ и изъ равнинъ всегда снова стремится къ нимъ; также у приморскихъ жителей встрѣчается нелюбовь ко внутреннимъ землямъ. Многіе изъ итальянцевъ, съ которыми Гете встрѣтился въ Торре дель'Аннунціата, думали, что нельзя жить безъ вида на море. У крестьянина низменныхъ странъ „каждая мысль о не совсѣмъ ровной землѣ вызываетъ неудовольствіе" и „среди кустовъ и деревьевъ и въ раю ему будетъ тѣсно и душа его будетъ угнетена тоскою по полямъ родины", непреодолимою тоскою по зеленымъ нивамъ и пастбищамъ, перемежающимся съ золотымъ свѣтомъ полей, засѣянныхъ брюквой, съ широкимъ неограниченнымъ горизонтомъ. Не менѣе сильно и живо и у южанъ чувство, возбуждаемое роскошью ихъ родной природы, и также оно и тамъ распространено до низшихъ слоевъ народа. Глубокое счастье, писалъ въ 1860 г. въ Соррентѣ Фр. Преллеръ, и любовь его къ райской родинѣ жива среди народа и теперь,

также какъ и въ древности. Неаполитанскій мальчикъ испугалъ Гете, любовавшагося видомъ Неаполя со всей прелестью его береговъ, острововъ и моря, своимъ „Lustgeschrei и Freudegeheul“ и въ извиненіе сказалъ: „Signor, perdonate! questa è la mia patria!“ и этимъ „вызвалъ нѣчто вродѣ слезъ на глазахъ бѣднаго сѣверянина“. Нансенъ нашелъ живое пониманіе сѣверной природы у гренландцевъ. Когда онъ со своимъ другомъ Іоэлемъ (впрочемъ почти нетронутымъ культурой) проѣзжалъ въ каякѣ мимо вершины одной горы и они внезапно увидѣли скалы на концѣ фіорда, освѣщенныя солнцемъ, выглянувшимъ изъ облаковъ, и снѣжныя массы, сверкающія его свѣтомъ—видъ поразительной красоты,—Іоель пересталъ грести и воскликнулъ: binne kack (какъ красиво)!

Все вышеприведенное не только доказало намъ, что античное чувство природы было болѣе ограниченнымъ, чѣмъ наше, но также и то, что ея субъективное пониманіе было чуждо древности и распространилось лишь въ 18 столѣтіи благодаря Руссо, какъ пониманіе, одушевляющее природу и видящее въ ней отраженіе души созерцающаго. Но также чуждымъ для древности было и эстетическое пониманіе природы, видящее въ ландшафтѣ нѣчто цѣлое, созданное природою съ художественною цѣлью. Это тоже очень новый взглядъ. Правда, покоящаяся на немъ пейзажная живопись развилась еще въ 16 столѣтіи, какъ самостоятельное изобразительное искусство. Но въ литературѣ его можно указать лишь много позднѣе, такъ какъ изображенія ландшафта лишь постепенно могли передать взгляды художниковъ широкимъ кругамъ. Вполнѣ сложившимся онъ находится уже у Дидро (въ его сужденіяхъ о парижскихъ выставкахъ картинъ съ 1765 по 1767 гг.), который, между прочимъ, описывая ландшафты Верне, дѣлаетъ видъ, будто онъ говоритъ о настоящихъ картинахъ природы, но хвалитъ ихъ словами, подходящими лишь къ картинѣ. Больше всего онъ любилъ историческій ландшафтъ и среди его мастеровъ восхищался Пуссэномъ; его энтузіазмъ передъ природой былъ очень живымъ, близкимъ къ энтузіазму римскихъ поэтовъ, но (какъ онъ думалъ) раздѣляемымъ лишь очень немногими.

Какъ ни недостаточны наши свѣдѣнія объ античной пейзажной живописи, все же мы можемъ смѣло утверждать, что несмотря на свою способность стильно изображать характеръ мѣстности, она все таки не была достаточно богатою и разностороннею для того, чтобы вызвать къ жизни эстетическое описаніе природы, какъ это произошло въ 18 столѣтіи. Въ многочисленныхъ прекрасныхъ описаніяхъ природы, которыя дошли къ намъ отъ древности, мы совершенно не замѣчаемъ пониманія пейзажа, „которое всегда является результатомъ долгаго, сложнаго культурнаго процесса“. Вниманіе повсюду направлено болѣе на отдѣльныя явленія, чѣмъ на ихъ соединеніе въ цѣлое. Но прежде всего совершенно отсутствуетъ — и въ этомъ главная разница современныхъ и античныхъ описаній природы—упоминаніе о дѣйствіяхъ свѣта и ихъ измѣненіяхъ въ воздухѣ. Въ описаніи Темпейской долины (вѣроятно заимствованномъ Эліаномъ у Дикеарха), только одинъ разъ говорится о краскѣ, о свѣжей зелени, которая повсюду ласкаетъ глазъ, но нигдѣ о вліяніи атмосферы на видъ предметовъ: оно имѣетъ въ высшей степени топографическій и пластическій характеръ. То-же мы наблюдаемъ и въ описаніяхъ ландшафтовъ у Аполлонія Родосскаго. Также и

Плиній младшій, говоря въ вышеприведенномъ описаніи своей тосканской виллы о „прелестной формѣ страны“ (regionis forma pulcherrima), которую скорѣе можно назвать картиною, чѣмъ дѣйствительностью, — повидимому, имѣетъ въ виду лишь формы и очертанія ландшафта, хотя у него и не отсутствуетъ пониманіе, что ихъ дѣйствіе усиливается разнообразіемъ красокъ. „Всѣ эти описанія производятъ такое впечатлѣніе, будто для всѣхъ предполагается ясный воздухъ и полное освѣщеніе, которое вездѣ доводитъ пластику предметовъ до наивысшей дѣйствительности“ (Helbig).

Конечно, мѣстами упоминаются и другія освѣщенія, и въ античной поэзіи попадаются прекрасныя выраженія глубокаго пониманія роскоши свѣтовыхъ явленій: чистаго мѣсяца, улыбающагося въ ночномъ морѣ, подъ дрожащимъ свѣтомъ котораго переливаются волны, который при прохладномъ дыханіи вечера освѣжаетъ росистыя лѣса; моря, зардѣвшагося отъ лучей солнца, волнъ, текущихъ вдаль и сверкающихъ пурпурнымъ блескомъ; росы, блестящей подобно алмазамъ на травѣ въ желто-красномъ утреннемъ свѣтѣ, когда озера и потоки выдыхаютъ туманъ и съ земли поднимается паръ. Правда, эти картины природы, нарисованныя немногими вѣрными штрихами, приближаются къ современнымъ описаніямъ: но взглядъ всегда сосредоточенъ на одномъ явленіи. Объ особенномъ характерѣ, который получаетъ ландшафтъ и его части благодаря освѣщенію, нигдѣ нѣтъ рѣчи, нигдѣ не говорится о разныхъ дѣйствіяхъ ближняго и дальняго, нигдѣ объ оттѣнкахъ, проходящихъ отъ холоднаго луннаго свѣта до пылающей вечерней зари, нигдѣ объ удивительныхъ краскахъ, въ которыя на югѣ утромъ и вечеромъ погружаются горизонтъ и далекія горы, начиная отъ блѣдно-розовой, кончая темно-синей. Во всей античной литературѣ будутъ напрасно искать выраженія вродѣ „голубыя горы“, „свѣтящіяся дали“, во всей античной поэзіи не найти мѣста, гдѣ хотя въ немногихъ чертахъ характерная картина ландшафта стала бы передъ душой съ опредѣленнымъ освѣщеніемъ и настроеніемъ, какъ, напр., въ Фаустѣ.

Ни на одной изъ надписей на колоссѣ Мемнона ни однимъ словомъ не упоминается о живописномъ дѣйствіи утренней зари и восхода солнца. Овидій въ послѣдній разъ видѣлъ Римъ при лунномъ сіяніи; и какъ бы остановился на этой картинѣ всякій современный поэтъ, обладающій сотой долей его таланта! онъ же, вообще любившій рисовать побочныя вещи, находитъ для этого лишь бѣглое слово, довольно многосложно описывая грустное прощаніе. Тацитъ разсказываетъ, что во время одной ночной схватки между флавіанцами и вителліанцами, мѣсяцъ взошелъ позади первыхъ; но только для того, чтобы упомянуть о невыгодахъ, какое это освѣщеніе для нихъ имѣло, не думая объ его художественномъ воздѣйствіи на окружающее, въ чемъ себѣ конечно не отказалъ бы современный историкъ, даже такой строгій какъ Тацитъ. Вергилій сравниваетъ хожденіе Энея по царству тѣней со скитаніемъ по темному лѣсу при обманчивомъ свѣтѣ скрывшагося мѣсяца, не указывая ни здѣсь, ни въ другомъ мѣстѣ на дѣйствіе печальнаго свѣта на ночной ландшафтъ. Наоборотъ, пенаты являются Энею въ истомъ полномъ лунномъ сіяніи, такъ что онъ ясно узнаетъ ихъ; — и поэтъ не находитъ въ этомъ освѣщеніи ничего „призрачнаго“; впрочемъ, современный поэтъ выбралъ бы для этого „исполненный предчувствія“ свѣтъ сумерекъ.

Ту же разницу, какъ между античнымъ и современнымъ пониманіемъ природы, мы можемъ предполагать и между античной и современной пейзажной живописью, судя по описаніямъ у Филострата и по нѣкоторымъ картинамъ дошедшимъ до насъ. „Античность обращала главное вниманіе на топографическій и пластическій элементы и стремилась къ тому, чтобы отчетливо развить до органическаго цѣлаго красивыя и полныя значенія формы; наоборотъ, дѣйствующія потенціи воздуха и свѣта мало интересовали ихъ, и, повидимому, они никогда не удѣляли изображенію атмосферическихъ явленій того мѣста, которое оно занимаетъ въ современной и особенно въ новѣйшей живописи". Все неясное, призрачное, исполненное предчувствій, составляющее особенность этой живописи благодаря ея трактовкѣ атмосферы—было совершенно противно ясности классическаго духа. Художественное осуществленіе такихъ впечатлѣній предполагаетъ сентиментальное углубленіе въ природу, чуждое древности и лишь недавно развившееся окончательно. Кромѣ того, надо принять во вниманіе, что южное небо, вдохновлявшее античную живопись, въ сравненіи съ сѣвернымъ представляетъ несравненно меньше картинъ, которыя могутъ вызвать это мечтательное или даже унылое настроеніе. Наконецъ, античной пейзажной живописи было трудно достижимымъ колоритное настроеніе, которое стремятся передать изображеніемъ атмосферическихъ явленій, тѣмъ болѣе, что трудно соединить художественную прелесть съ пластически совершеннымъ образованіемъ формъ.

Ограниченность путешествій древнихъ сравнительно небольшою областью земель больше всего была обусловлена отсутствіемъ побужденія къ странствованіямъ, особенно свойственнаго германцамъ; но отчасти она, повидимому, совпадаетъ съ ограниченіемъ чувства природы тѣснымъ кругомъ ея проявленія. Путешествія внутрь Африки оставались единичными, острова на ея Западномъ берегу—непосѣщенными; даже сказочная страна, Индія, повидимому не возбудила охоты римлянъ къ путешествіямъ. Хотя изъ года въ годъ изъ Александріи отправлялись къ Малабарскому берегу большіе торговые флоты, и такимъ образомъ всегда была открыта возможность увидѣть Индію,—путешествія, которыя не имѣли бы цѣлью торговлю, въ теченіе обоихъ первыхъ столѣтій совершались чрезвычайно рѣдко. Діонъ изъ Прусы въ своихъ отчетахъ объ Индіи ссылается на данныя тѣхъ, которые тамъ были; эти же послѣдніе, говоритъ онъ, совершили путешествіе туда ради торговли, число ихъ не было велико и познакомились они только съ обитателями берега. Временами отдѣльныя лица изъ любви къ приключеніямъ совершали эту поѣздку вмѣстѣ съ купцами; такъ Лукіанъ разсказываетъ объ одномъ молодомъ пафлагонцѣ, который учился въ Александріи и позволилъ себя уговорить поѣхать въ Индію, такъ какъ корабль шелъ къ южному краю Краснаго моря. Единственнымъ мотивомъ этихъ путешествій, о которомъ говорится, было не желаніе увидѣть тропическія страны, но познакомиться съ жизнью и ученіями брахмановъ, которымъ приписывали рѣдкую мудрость, какъ и вообще философамъ варварскихъ странъ; этотъ взглядъ былъ распространеннымъ еще во времена Александра Великаго и позднѣе подтвержденъ учеными перипатетиками. На этомъ же основаніи у Филострата Аполлоній Тіанскій совершаетъ паломничество въ Индію. Авторъ его мнимаго источ-

ника, приписываемаго Дамиду дневника, могъ почерпнуть свои свѣдѣнія изъ письменныхъ или устныхъ сообщеній, которыя въ Александріи легко можно было получить отъ ѣздившихъ въ Индію. Быть можетъ, со II столѣтія греческіе философы не совсѣмъ рѣдко ѣздили въ Индію, для того, чтобы посѣщать школы прославленныхъ индійскихъ мудрецовъ. Лукіанъ разсказываетъ объ аттическомъ киникѣ Деметріи, отправившемся туда изъ Александріи. Плотинъ, желая изучить персидскую и индійскую философію, присоединился въ 242 г. къ свитѣ императора Гордіана, отправлявшагося въ Персію; но послѣ убіенія императора онъ былъ вынужденъ бѣжать въ Антіохію. Также и для путешествія философа Метродора (перса родомъ) въ Индію въ первой половинѣ IV вѣка посѣщеніе брахмановъ было цѣлью или предлогомъ, и ему повидимому удалось, путемъ воздержанія и ознакомленія ихъ съ еще неизвѣстными имъ открытіями, заслужить ихъ полное довѣріе. Іеронимъ уже зналъ, что по словамъ индійскихъ гимнософистовъ, основатель ихъ ученія, Будда, былъ рожденъ дѣвою. Если подобныя путешествія и совершались чаще, чѣмъ это извѣстно намъ благодаря скудости извѣстій, то, безъ сомнѣнія, они оставались единичными и ихъ цѣлью никогда не было желаніе познакомиться съ тропическими странами.

Эта рѣдкость путешествій въ дальнія и особенно въ тропическія земли и недостатокъ побужденій къ подобнымъ путешествіямъ находились во взаимодѣйствіи. Гумбольдтъ называетъ три цѣли посѣщенія тропиковъ: поэтическое описаніе ихъ, пейзажная живопись и культура тропическихъ растеній. Для возникшаго у него самого непреодолимаго стремленія къ тропикамъ, первый толчокъ былъ данъ описаніемъ острововъ Южнаго океана Георгомъ Форстеромъ, картины береговъ Ганга въ домѣ Уоррена Гастингса въ Лондонѣ и колоссальное драконовое дерево въ одной старинной башнѣ ботаническаго сада близъ Берлина.

Насколько античность была лишена подобныхъ побужденій, видно уже изъ предыдущаго изложенія. Описаніе природы, стремящееся къ тому, чтобы воспроизвести впечатлѣніе описанныхъ сценъ, очаровать душу читателя изображенной природой, однимъ словомъ, то, которое послѣ Форстера призвалъ къ жизни Гумбольдтъ—принадлежитъ къ новымъ отраслямъ литературы и для своего возникновенія, кромѣ другихъ условій, требуетъ еще связи искусства изображенія съ естественной наукой. Пейзажи, которые могли бы возбудить стремленіе въ далекія страны, въ римское время существовали только для Египта. Культура экзотическихъ растеній была очень ограничена. Въ своихъ оранжереяхъ римляне выращивали зимою только ранніе плоды и цвѣты. Изъ „чужеземныхъ деревьевъ, хорошо растущихъ только на родинѣ“ [1]), пальма въ Италіи встрѣчалась въ древности и въ Средніе Вѣка чаще, чѣмъ теперь (за исключеніемъ пальмовой рощи въ Бордигерѣ). Уже въ 291 г. до Р. Х. упоминается пальма въ Анціи; возможно, что она находилась также и въ греческихъ городахъ западнаго берега, какъ спутница святилищъ Аполлона. Во время Плинія она была въ Италіи повсюду; житель Болоньи Петрусъ де Кресцентіисъ (род. 1230) въ своемъ сочиненіи о земледѣліи совѣтуетъ сажать пальмы не только въ садахъ князей и благородныхъ,

[1]) Plin., «N. h.», XIV, 1.

но и у лицъ средняго сословія (пальмы впервые были вновь ввезены въ Калабрію и Сицилію сарацинами). Фруктовыя деревья, ввезенныя изъ Азіи въ началѣ имперіи—абрикосы, персики и фисташковыя—благодаря акклиматизаціи скоро утратили характеръ иноземныхъ; все же лимоны цвѣли на свободѣ не раньше IV столѣтія, а апельсины, какъ извѣстно, совершенно не росли тамъ въ древности, какъ и многія другія деревья и растенія, такъ характерные теперь для итальянской природы. Впрочемъ, въ садахъ кромѣ цѣлебныхъ растеній встрѣчались и другія иноземныя, какъ, напримѣръ, перечное дерево и кустъ ладана, многолиственная кассія, мирра и крокусъ [1]), но, конечно, это не были группы экзотическихъ растеній, которыя давали бы въ миніатюрѣ картину тропической растительности.

Особенно замѣтно выразилась разница нашего и римскаго чувства природы въ садоводствѣ. Если тамъ и было достаточно друзей и заступниковъ свободной и предоставленной самой себѣ природы—и во время Августа и позднѣе—то, несмотря на это, по крайней мѣрѣ до середины IV столѣтія, характеръ италійскихъ садовъ опредѣлялся стремленіемъ художественно исправлять природу. Такъ въ обоихъ садахъ тосканской и лаврентинской виллъ Плинія младшаго [1]), такъ подробно описанныхъ имъ, замѣтна архитектурная правильность расположенія, повидимому, очень любимая въ то время, и въ видѣ контрастовъ съ ней, мѣстами, картины сельской природы. Весь садъ былъ разгороженъ террасами, площадями въ видѣ цирка (гипподромами), частью прямыми или изогнутыми аллеями и крытыми галлереями, при чемъ послѣднія окаймлены стриженною изгородью изъ букса и розмарина, иногда поднимающеюся лѣстницей [2]). Заодно съ растительностью дѣйствовала и архитектура, тѣнь которой освѣжала близъ лежащія мѣста, а равно и болѣе дальнія окрестности; ибо очень заботились о красивыхъ и разнообразныхъ видахъ вдаль. Сюда надо присоединить еще богатое убранство статуями [3]), среди которыхъ были также и фигуры животныхъ [4]). Озера и каналы, колодцы и фонтаны всѣхъ родовъ оживляли эти сады; въ саду тосканской виллы Плинія вода текла по трубамъ изъ полукруглой мраморной скамьи, какъ будто ее извлекала оттуда тяжесть покоящихся на скамьѣ. Также и въ другихъ мѣстахъ предназначенныхъ для отдыха и въ гипподромѣ шумѣли обильныя струи воды [5]). Въ болѣе обширныхъ садахъ, особенно внѣ Рима, находились также птичники, пруды для рыбы и парки, наполненные дичью; особенно часто держали въ садахъ павлиновъ и другихъ рѣдкихъ и красивыхъ птицъ. Вѣроятно были нерѣдкими также и подражанія знаменитымъ ландшафтамъ и постройкамъ, какъ въ тибуртинской виллѣ Адріана. Башни съ видами вдаль, которыхъ, было много даже въ волшебныхъ садахъ вандаловъ въ Карѳагенѣ, конечно, всегда почти устраивались въ римскихъ садахъ [6]). Въ садахъ сажались кромѣ фруктовыхъ деревьевъ и чинаръ, излюбленнаго дерева древнихъ—вѣчно зеленыя деревья—мирты, лавры, дубы, кипарисы и пиніи. Ихъ сажали или аллеями [7]), или въ формѣ креста [8]), частью большими группами, состоящими изъ деревьевъ одного вида, или небольшими парками [9]). Флорентинъ (начало

[1]) Pl., «N. h.», XXV, 9.—[1]) Plin., «Epp.», II, 17, V, 6. — [2]) Id. ib., V, 6, 17.— [3]) Cic., «ad. Att.», I, 20. Plin., «Epp.», VIII, 18.—[4]) Martial., III, 19, 2.—[5]) Plin., «Epp.», V, 6, 36, 40.—[6]) Martial., III, 58, 46.—[7]) Plin., «N. h.», XVI, 140.—[8]) Quintilian., VIII, 3, 9. Varro., «R. r.», I, 7, 2. Cic., «Senect.», 17.—[9]) Mart., XII, 50, 1.

III столѣтія) совѣтуетъ не сажать деревья въ безпорядкѣ (съ цѣлью произвести этимъ пріятное впечатлѣніе), но группировать ихъ по видамъ [1]). Часто путемъ подрѣзыванія или вытягиванія имъ придавали искусственныя, иногда причудливыя формы; мода, введеніе которой приписывается всаднику Г. Мацію [2]), другу Августа. Буксы, кипарисы и другія деревья подстригались не только въ видѣ вензелей, конусовъ, пирамидъ, но иногда они изображали фигуры дикихъ звѣрей, даже цѣлыя охоты и флоты. Также была распространена культура карликовыхъ деревьевъ (платановъ [3]) и кипарисовъ [4]), вѣроятно также и другихъ деревьевъ), а также и затѣйливыя прививки: иногда къ одному дичку прививали черенки различныхъ фруктовыхъ деревьевъ [5]). Цвѣточныя клумбы состояли равнымъ образомъ преимущественно изъ цвѣтовъ одного вида, особенно же розъ и лилій; наряду съ ними упоминаются макъ, левкои, гіацинты, анемоны и др. Флорентинъ совѣтуетъ засаживать цвѣтами пространства между деревьями (повидимому, расположенными по прямой линіи)—розами, лиліями, левкоями и крокусами [6]). Землю засѣвали акаѳомъ, стѣны, колонны и стволы деревьевъ обвивали плющомъ и зеленью винограда; изъ нея были протянуты своды отъ дерева къ дереву и она же образовала тѣнистыя кровли галлерей и бесѣдокъ.

Описанный стиль садовъ былъ хотя господствующимъ, но не единственнымъ; многіе предпочитали природу, предоставленную самой себѣ, и устраивали парки; это видно изъ открытой въ 1863 г. картины, занимающей четыре стѣны одной залы виллы, находящейся въ Прима Порта близъ Рима, которая съ большимъ натурализмомъ изображаетъ увеселительный садъ. На переднемъ планѣ—полоса луга, окруженнаго изгородью изъ тростника и каменнымъ или кирпичнымъ заборомъ. За этимъ лугомъ, линія котораго часто идетъ изгибами, изъ богатаго кустарника, усыпаннаго цвѣтами, поднимается прелестный лѣсъ изъ сгруппированныхъ различнымъ образомъ деревьевъ впереди, среди которыхъ можно узнать пальмы, лавры и различныя фруктовыя деревья (гранаты, яблони, айвы, вишни). Въ изгибахъ задней ограды стоятъ (не считая деревьевъ, которыя трудно узнать) — темныя хвойныя деревья, вѣтви которыхъ доходятъ до земли. Дальше на заднемъ планѣ возвышаются кипарисы. Весь садъ оживленъ богатымъ и разнообразнымъ населеніемъ птицъ; на травѣ, на изгороди, среди цвѣтовъ—большія, на деревьяхъ—меньшія различнѣйшихъ родовъ. „Весь этотъ цвѣтуще-пестрый, радостный, но не дикій паркъ производитъ пріятное впечатлѣніе, поэтически увлекающее фантазію“.

Если парки, подобные описанному здѣсь, встрѣчались и не совсѣмъ рѣдко, все же садоводство времени имперіи, повидимому, въ общемъ опредѣлялось стремленіемъ придать природѣ искусственныя формы, правильность и архитектурность; этотъ вкусъ перешелъ изъ древности въ средніе вѣка. Его продолжительность доказываютъ совѣты упомянутаго выше Петруса де Кресценціисъ, хорошо знакомаго съ сочиненіями древнихъ. Въ садахъ лицъ средняго состоянія отъ трехъ до четырехъ югеровъ онъ рекомендуетъ прямо-

---

[1]) Florentin., «Geopon.», X, 1.—[2]) Plin., «N. h.», XII, 13.—[3]) Plin., «N. h.», XII, 13. — [4]) Id., ib., XVI, 140. — [5]) Id. ib., XVII, 1, 20. Fronto, «ad. M. Caes.», II, 13.—[6]) Florentin., «Geopon.», X, 1.

линейные ряды благородныхъ фруктовыхъ деревьевъ, въ жаркихъ странахъ—изъ кедровъ и пальмъ (каждый рядъ непремѣнно изъ деревьевъ одного вида), между ними виноградники; кромѣ того, въ саду должны быть лужайки и декоративныя постройки. О цвѣтахъ здѣсь не упоминается, также какъ и въ указаніяхъ для „садовъ королей и другихъ знатныхъ и богатыхъ господъ“, величину которыхъ онъ считаетъ въ 20 и болѣе югеровъ съ источникомъ воды. Въ нихъ въ сѣверной части долженъ быть устроенъ паркъ для ручной дичи разнаго рода, на югѣ казино (palatium speciosum), который долженъ давать глубокую тѣнь, и окна котораго даже въ жару должны давать притокъ свѣжаго воздуха и открывать видъ на садъ и находящихся въ немъ звѣрей. Здѣсь долженъ находиться также садокъ для рыбы и большой рѣшетчатый птичникъ, выше кустовъ и деревьевъ, наполненный фазанами, куропатками, щеглами, скворцами, соловьями, дроздами и другими пѣвчими птицами. Дальше, въ томъ же саду должна находиться дача съ залами и комнатами, устроенными только изъ деревьевъ, въ которой могли бы останавливаться въ хорошую погоду король и королева съ ихъ баронами и дамами. Стѣны должны образоваться изъ рядовъ быстро растущихъ фруктовыхъ деревьевъ, или еще лучше изъ ивъ и вязовъ, ростъ которыхъ можно регулировать соотвѣтствующимъ образомъ, подрѣзая ихъ или связывая съ помощью планокъ и жердей. Можно выстроить подобный домъ и изъ кольевъ, одѣвъ ихъ виноградной зеленью. Далѣе, доставляютъ большое наслажденіе удивительныя и разнообразныя прививки различныхъ вѣтвей къ одному и тому же дереву; особеннымъ украшеніемъ для такого сада служатъ вѣчно зеленыя деревья, какъ пиніи и кипарисы, или кедры и пальмы, гдѣ они могутъ приняться. Каждый видъ деревьевъ и травъ долженъ быть посаженъ отдѣльно отъ другихъ и въ порядкѣ. Наконецъ, дается еще одинъ совѣтъ—путемъ долгихъ связываній, подстриганій, сгибаній и новыхъ посадокъу страивать густыя живыя стѣны садовъ и дворовъ съ зубцами и башнями и дома съ зелеными колоннами и крышами. Также и Леонъ Баттиста Альберти (1450), установившій нѣкоторыя черты садоводства, ставшія потомъ характерными для итальянскихъ садовъ, совершенно зависимъ отъ традицій древности, именно отъ Плинія.

Эти традиціи оказали также опредѣляющее вліяніе и на устройство садовъ въ 16 вѣкѣ. Новѣйшее итальянское садоводство „не хочетъ подражать свободной природѣ со всѣми ея случайностями, а хочетъ заставить природу служить интересамъ искусства. Самое главное здѣсь—отчетливое симметричное раздѣленіе на пространства съ опредѣленнымъ характеромъ. Находящійся въ непосредственной связи съ самой постройкой виллы роскошный садъ и окружающія его террасы съ балюстрадами и лѣстницами, благодаря своему полукруглому заключенію, уступамъ, гротамъ и фонтанамъ, получалъ богатое ахитектурное развитіе. Долины и низменности стилизовались площадками, и вода, всегда текущая по прямой линіи, расширялась въ бассейны и, гдѣ возможно, собиралась въ каскады, при чемъ ея умѣренное теченіе по каналамъ объяснялось архитектурными и миѳологическими мотивами. Иногда низменности придавали видъ цирка; иногда цѣлую долину, цѣлый участокъ занимали опредѣленными растеніями, но не доводили этого до полнаго выраженія сельскаго пейзажа (какъ, напр., роща пиній

виллы Памфили). Далѣе галлереи (всѣ прямолинейныя), обращенныя по возможности къ красивымъ видамъ, къ фонтанамъ и скульптурамъ, или были просто съ обѣихъ сторонъ усажены деревьями, или вѣчно зеленыя деревья образовали надъ ними сводъ; въ первомъ случаѣ живой изгородью служили густые кипарисы и лавры, во второмъ—преимущественно дубы. Контрастъ свободной природы или архитектуры, заглядывающей снаружи въ итальянскiй садъ, горныхъ далей, сельскихъ и городскихъ видовъ, моря и его береговъ—могъ бы одинъ производить впечатлѣнiе. Стиль садоводства, сложившийся въ 15 и 16 столѣтiи въ Италiи, перешедшiй потомъ во Францiю, Англiю, Германiю и Голландiю и развившiйся дальше, господствовалъ не только въ теченiе всего 17 столѣтiя, но несмотря на сильную оппозицiю, все громче раздававшуюся со времени Руссо, почти до конца 18 вѣка, да и въ 19 имѣлъ еще любителей. Гегель отдаетъ предпочтенiе архитектурному устройству сада передъ живописнымъ расположенiемъ въ видѣ парка, такъ какъ находитъ нелѣпымъ „умышленность неумышленнаго" и „принужденiе непринужденнаго"; Vischer хвалитъ такъ называемый французскiй садъ за то, что здѣсь человѣкъ наслаждается „преимуществами природы, очищенной и выхоженной руками человѣка". Также и Гете хвалилъ его, по крайней мѣрѣ для большихъ замковъ. „Просторныя зеленыя кровли, гамаки, клумбы позволяютъ собираться здѣсь многочисленному обществу, между тѣмъ какъ въ нашихъ англiйскихъ садахъ, которые я назвалъ бы насмѣшкой надъ природой, люди наталкиваются другъ на друга, мѣшаютъ другъ другу и теряютъ другъ друга".

Такъ-то стремленiе заставить природу служить искусству опредѣляло характеръ итальянскаго садоводства въ средние вѣка и въ новое время, также какъ и въ древности; это тѣмъ болѣе замѣчательно, что съ 16 столѣтiя флора и растительность Италiи сильно измѣнилась благодаря ввозу сюда множества растенiй, особенно декоративныхъ, съ Востока и изъ Америки. Если принять еще во вниманiе, что при безпримѣрно богатомъ развитiи изобразительныхъ искусствъ, свойственномъ античности и времени послѣ Возрожденiя, пейзажная живопись на югѣ никогда не имѣла даже приблизительно такого значенiя какъ на сѣверѣ:,—то тѣмъ болѣе слѣдуетъ признать, что чувство природы подъ тѣмъ же небомъ и въ той же обстановкѣ мало измѣнилось въ теченiе двухъ тысячелѣтiй, если не считать того, что внесено въ него заальпiйской культурой.

VIII. ЗРѢЛИЩА.

Общія замѣчанія.

При каждой попыткѣ дать картину римской культуры въ императорскій періодъ необходимъ возможно полный обзоръ зрѣлищъ, не только потому, что они даютъ наилучшій масштабъ для сужденія о грандіозности Рима той эпохи, но потому, что во многихъ отношеніяхъ они въ высшей степени характерны для умственной и нравственной культуры мірового города.

Зрѣлища, введенныя первоначально большею частью ради большей пышности религіозныхъ празднествъ, давно уже почти совершенно утратили свое религіозное значеніе. Уже въ поздній періодъ республики они были самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для снисканія народнаго расположенія, такимъ же образомъ пользовались ими и императоры, чтобы поддерживать благопріятное для себя настроеніе въ народѣ. Разсказываютъ, что однажды Августъ упрекалъ пантомима Пилада за его соперничество съ товарищемъ по искусству, и Пиладъ осмѣлился отвѣтить ему: „Это тебѣ выгодно, Цезарь, что народъ занятъ нами“ [1]). Не одна эта цѣль—дать мыслямъ толпы именно это направленіе—вполнѣ достигалась такимъ образомъ: роскошныя зрѣлища были важнѣйшимъ средствомъ склонить сердца народа въ пользу императоровъ. Они, подобно Людовику XIV, прекрасно понимали, до какой степени удивленіе народовъ способствуетъ полной преданности волѣ монарховъ; подобно Наполену, они знали, что необходимо постоянно дѣйствовать на народную фантазію; великолѣпіе и роскошь празднествъ, зрѣлищъ и построекъ и для нихъ были необходимымъ средствомъ для власти, которое вполнѣ достигало своей цѣли [2]). Даже Калигула, по глупости народной, какъ говоритъ Іосифъ, былъ чтимъ и любимъ [3]). Особенно женщинамъ и молодежи смерть его не была желанной, такъ какъ они были завоеваны тѣмъ, что такъ любитъ чернь,—раздачами мяса, зрѣлищами и гладіаторскими играми. Это все дѣлалось, будто бы, для народа, но послѣднее, по крайней мѣрѣ, имѣло цѣлью насытить его безумную жажду крови. Воспоминаніе о Неронѣ долго жило въ народѣ, народъ не вѣрилъ его смерти, желалъ его возвращенія и надѣялся на него еще спустя тридцать лѣтъ послѣ его смерти, появлялся не одинъ Лженеронъ [4]) —все это Діонъ изъ Прусы объясняетъ

---

[1]) Діонъ, LIV, 17. Макроб., «Saturn.», II, 7.—[2]) Döllinger, «Akad. Vorträge», I (1888), 279; Hirschfeld, стр. 287 слл.—[3]) Іосифъ, «Древн.», XIX, 1, 15 сл.—[4]) Светон., «Неронъ», гл. 57 съ прим. Казаубана и Hausrath, «Neutestam. Zeitgesch.,» III, 200, 2.

его расточительной щедростью, которая обнаруживалась, главнымъ образомъ, именно въ устраиваемыхъ имъ зрѣлищахъ [1]). Тацитъ, рисуя настроеніе Рима послѣ смерти Нерона, говоритъ, что народная толпа, привыкшая къ цирку и театру, была очень удручена и жадно ловила всевозможные слухи [2]). Народъ въ театрѣ привѣтствовалъ Отона именемъ Нерона и тотъ, желая сохранить за собою народное расположеніе, не отклонилъ отъ себя этого имени [3]). Но вскорѣ театральныя представленія перестали зависѣть отъ воли всемогущихъ властителей.

Вскорѣ они стали неизбѣжной необходимостью въ императорскомъ Римѣ. Преобладающую массу населенія столицы составлялъ пролетаріатъ, и эта чернь была болѣе дикая, грубая и испорченная, чѣмъ въ современныхъ большихъ городахъ, такъ какъ сюда, болѣе чѣмъ куда либо, стекались отбросы всѣхъ націй [4]). Чернь эта, остававшаяся большею частью праздной, представляла и двойную опасность. Чтобы пропитать ее, правительство производило періодически большія хлѣбныя раздачи, слѣдствіемъ чего явилась необходимость заботиться и о ея развлеченіи. Въ посланіи, написанномъ Цезарю отъ имени Саллюстія относительно новаго устройства государства (школьномъ сочиненіи, написанномъ въ концѣ I-го или въ началѣ II-го столѣтія), говорится, что правитель долженъ заботиться о томъ, чтобы чернь, подкупленная подарками и государственнымъ хлѣбомъ, имѣла занятіе, которое мѣшало бы ей наносить ущербъ общественному благу [5]). Это занятіе давали ей зрѣлища. Извѣстныя слова, которыми Ювеналъ опредѣляетъ желанія народа, который отказался отъ верховной власти, магистратуръ, легіоновъ и вообще всего,—panem et circenses [6]) — были лишь повтореніемъ стараго, мѣткаго и потому ставшаго, повидимому, избитымъ выраженія. Прежде всего, повидимому, оно было сказано относительно Александріи [7]): населенію города ставили въ упрекъ потребленіе большого количества хлѣба и пристрастіе къ коннымъ состязаніямъ [8]), обо всемъ прочемъ тамъ никто не заботился. Къ Риму его примѣнилъ, впервые можетъ быть, Траянъ [9]). Очень скоро въ Римѣ на хлѣбъ и игры стали смотрѣть уже не какъ на милость правительства, но какъ на право народа. Каждое новое правительство вынуждено было принимать наслѣдство своихъ предшественниковъ, и наилучшіе императоры соперничали съ самыми худшими въ пышности и великолѣпіи этихъ празднествъ.

Августъ „превзошелъ всѣхъ количествомъ, разнообразіемъ и великолѣпіемъ своихъ зрѣлищъ“, и обстоятельность, съ которою онъ сообщаетъ о нихъ въ своей надписи [10]), а также многочисленныя и подробныя, относящіяся къ нимъ, распоряженія показываютъ, какую важность придавалъ этому предмету основатель монархіи [11]). Скупой Веспасіанъ выстроилъ величайшій въ мірѣ амфитеатръ. Цѣнность имѣвшагося въ Колоссеѣ еще въ 1756 году травертина оцѣнивается знатоками, по тогдашнимъ цѣнамъ, въ 2218065 скуди=

[1]) Діонъ Хрис., «or.», XXI. p. 271, M.—[2]) Тац., «Ист.», I, 4.—[3]) Плутархъ, «Отонъ», гл. 3.—[4]) Луканъ, VII, 405.—[5]) Саллюст., «Epist. ad Caes. sen. de rep.», I, 7, 2.—[6]) Ювен., 10, 81. Rostowzew, «Röm. Bleitesserae», стр, 47, 1.—[7]) Lumbroso, «L'Egitto», стр. 103. 2.—[8]) Діонъ Хрис., «Or.», XXXII, p. 370, 18. Cp. Lumbroso, «Festschr. f. Hirschfeld», стр. 109.—[9]) Фронтонъ, «Princ. hist.», 5, 11.—[10]) Mommsen, «Res gestae d. Aug.», 2 изд., стр. 90 слл.—[11]) Светон., «Авг.», гл. 43—45.

=16894851 франкъ [1]), а стоимость всѣхъ стѣнъ одинъ итальянскій архитекторъ недавно оцѣнилъ въ пять милліоновъ [2]). Впрочемъ, большая часть строительнаго матеріала была добыта изъ разрушеннаго золотого дворца. Все же Веспасіанъ тратилъ на устройство зрѣлищъ огромныя суммы [3]), которыя Титъ, вѣроятно, еще превзошелъ [4]). Траянъ, можетъ быть, болѣе всѣхъ заботился объ удовлетвореніи у римлянъ страсти къ зрѣлищамъ. Одинъ изъ позднѣйшихъ писателей говоритъ, что величайшей государственной мудрости этого государя надо приписать то, что онъ не оставлялъ безъ вниманія даже танцоровъ и прочихъ артистовъ сцены, цирка и арены, ибо онъ прекрасно зналъ, что римскій народъ наибольшую цѣну придавалъ двумъ вещамъ, хлѣбу и зрѣлищамъ; что искусство правителя обнаруживается столько же въ устройствѣ развлеченій, сколько и въ серьезныхъ дѣлахъ; что нерадивость въ серьезныхъ дѣлахъ ведетъ за собою большіе убытки, но меньшее неудовольствіе; что даже денежныхъ раздачъ народъ жаждетъ меньше, чѣмъ зрѣлищъ; что денежныя и хлѣбныя раздачи удовлетворяютъ только часть народа, а именно каждаго въ отдѣльности, зрѣлища же—весь народъ въ цѣломъ [5]). Даже стоикъ Маркъ Аврелій заставлялъ себя давать пышныя празднества и отдавалъ распоряженіе, чтобы на время его отсутствія наиболѣе богатые сенаторы брали на себя заботу объ ихъ устройствѣ [6]). Даже Северъ (по словамъ Геродіана, самый корыстолюбивый изъ императоровъ) тратилъ на этотъ предметъ колоссальныя суммы, и его страсть къ деньгамъ не могла его отъ этого удержать [7]). Единственное исключеніе и здѣсь представляетъ Тиберій. Его глубокое презрѣніе къ черни самымъ яркимъ образомъ обнаружилось въ томъ, что онъ вообще не устраивалъ никакихъ зрѣлищъ [8]). Другіе довольствовались тѣмъ (это дѣлалъ и Тиберій), что, сокращая жалованье актерамъ и устанавливая предѣльное число паръ борцовъ во время гладіаторскихъ игръ [9]), старались сокращать чрезмѣрныя траты, напримѣръ, Августъ [10]), Нерва [11]) (уничтожившій многія цирковыя и другія представленія), Антонинъ Пій [12]) и Маркъ Аврелій [13]), которые сократили гладіаторскія игры (послѣдній уменьшилъ также подарки актерамъ). Частыя повторенія этихъ распоряженій показываютъ уже сами по себѣ, что они были почти безрезультатны.

Зрѣлища въ императорскую эпоху пріобрѣли еще другое новое значеніе. Они давали народу возможность собираться вмѣстѣ и въ присутствіи императора громко заявлять о своихъ настроеніяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ, своихъ желаніяхъ, просьбахъ и жалобахъ; подобныя выраженія чувствъ терпѣлись здѣсь со снисходительностью, не допускавшеюся ни въ какомъ другомъ мѣстѣ (по словамъ Тацита, въ циркѣ и театрѣ распущенность народа была очень велика) [14]). Въ виду полнаго отсутствія возможности выразить свое мнѣніе какимъ-нибудь другимъ образомъ, подобныя выраженія чувствъ получили тѣмъ большее значеніе.

---

[1]) Barthélemy, «Voyage en Italie», 1801, стр. 385.—[2]) Ef. L. Tocco, «Del velario e delle vele negli amfiteatri», стр. 20.—[3]) Діонъ, LXVI, 10.—[4]) Діонъ, LXVI, 25. Светон., «Титъ», гл, 7.—[5]) Fronto, «Princ. hist.», 5, 11.—[6]) «M. Antonin.», гл. 23; ср. гл. 7 и 17.—[7]) Геродіанъ, III, 8, 6—10.—[8]) Светон., «Тибер.», гл. 47.—[9]) Тамъ же, гл. 34.—[10]) Діонъ, LIV, 2 и 17.—[11]) Діонъ, LXVIII, 2.—[12]) «Anton. P.», гл. 12.—[13]) «M. Anton.», гл. 11, 27.—[14]) Тац., «Ист.», I, 72.

Прежде всего сюда относились привѣтствія при появленіи императоровъ и другихъ высокихъ особъ. Извѣстно, какое большое значеніе еще во времена республики государственные люди придавали пріему, оказываемому имъ въ театрѣ; какъ радовался Цицеронъ, когда во время представленій и гладіаторскихъ боевъ „онъ дѣлался предметомъ удивительныхъ манифестацій безъ всякой примѣси пастушескаго рожка“ [1]). Въ исключительныхъ случаяхъ и поэтамъ выпадала на долю подобная честь: когда въ театрѣ однажды декламировались стихи Вергилія, то весь народъ поднялся и привѣтствовалъ присутствовавшаго поэта такъ-же почтительно, какъ и самого Августа [2]). При императорахъ подобныя привѣтствія ограничиваются обыкновенно членами императорской семьи, самыми высокопоставленными и стоящими очень близко къ императорскому дому лицами [3]), хотя изрѣдка они могли относиться и къ частнымъ лицамъ [4]), особенно къ самому устроителю празднества [5]). Собравшійся народъ встрѣчалъ высокихъ и высочайшихъ особъ общимъ вставаніемъ со скамей и рукоплесканіями (уже Августъ выражалъ свое неудовольствіе по поводу того, что такимъ же образомъ были привѣтствуемы его внуки, будучи еще въ дѣтскомъ возрастѣ) [6]); маханіемъ платками (Авреліанъ для этой цѣли дарилъ ихъ народу) [7]); выкрикиваньемъ почетныхъ именъ [8]) и привѣтствій; все это произносилось стоя, повторялось по нѣсколько разъ и по тогдашнему обычаю слагалось въ опредѣленныя мелодіи и пѣлось въ тактъ [9]).

Сами императоры охотно пользовались представленіями, какъ наилучшимъ случаемъ для личнаго общенія съ народомъ и для пріобрѣтенія его расположенія милостивымъ обхожденіемъ. Чѣмъ болѣе хотѣли они проявить свою любовь къ народу, тѣмъ чаще появлялись они во время игръ, устраиваемыхъ ими самими или кѣмъ-нибудь другимъ. Самъ Тиберій въ началѣ своего правленія [10]) часто дѣлалъ это, несмотря на свое отвращеніе къ подобнаго рода удовольствіямъ. По словамъ Діона, онъ дѣлалъ это, частью, чтобы почтить устроителя празднества, частью, чтобы удерживать толпу въ предѣлахъ порядка и показать свое участье въ ея удовольствіяхъ. Августъ пріучилъ народъ ожидать этого отъ него. При посѣщеніи театра онъ не занимался уже ничѣмъ другимъ, потому-ли, говоритъ Светоній, чтобы избѣжать упрека, дѣлаемаго Цезарю, который въ театрѣ получалъ депеши и донесенія и отвѣчалъ на нихъ, или, можетъ быть, и изъ любви къ зрѣлищамъ, отъ чего онъ не былъ свободенъ и часто самъ въ этомъ признавался [11]). Подобно Цезарю, и Маркъ Аврелій имѣлъ привычку читать во время представленій, давать аудіенціи и подписывать бумаги, за что народъ часто надъ нимъ смѣялся [12]). Неронъ сперва смотрѣлъ представленія лежа черезъ окно совершенно закрытой ложи, позднѣе съ открытаго балкона [13]), при чемъ

---

[1]) Цицер., «ad Att.», I, 16, 11; II, 19, 3; XIV, 2; «pro Sest.», гл. 54 сл. Проперт., III, 18, 18. Lipsius, «Electa», II, 10.—[2]) Тац., «Діал.», гл. 13.—[3]) Горац.,—«Од.», I, 20, 3.—[4]) Сенека, «Письм.», 29, 12.—[5]) Ср. Плин., «Письм.», VI, 5; Wilmanns, «E. I.», 2605.—[6]) Светон., «Авг.», гл. 56.—[7]) Aurelian., гл. 48.—[8]) Напр. Плутархъ, «Отонъ», гл. 3. Ср. Тац., «Ист.», I, 72.—[9]) Тац., «Анн.», XVI, 4; Діонъ, LXXIII, 2.—[10]) Діонъ, LVII, 11, Тац., «Анн.», I, 54.—[11]) Свет., «Авг.», гл. 45. Тац., указ. мѣсто.—[12]) «М. Антонинъ», гл. 15.—[13]) Светон., «Неронъ», гл. 11.

вслѣдствіе близорукости онъ пользовался отшлифованнымъ смарагдомъ [1]). При Домитіанѣ, повидимому, императорская ложа была опять возстановлена; Плиній хвалитъ Траяна за то, что при перестройкѣ большого цирка онъ велѣлъ ее уничтожить: „твои граждане такимъ образомъ будутъ видѣть тебя, какъ и ты ихъ; теперь будетъ возможно видѣть не только ложу императора, но и его самого, открыто сидящимъ среди своего народа“ [2]).

Историки и біографы часто указываютъ на снисходительность, доброту и даже предупредительность императоровъ къ народу во время представленій; объ очень немногихъ говорится противоположное. Грубое удовольствіе, которое находилъ Клавдій въ бойняхъ, устраиваемыхъ на аренѣ, порицалось даже въ Римѣ; но его очень хвалили за то, что во время представленій онъ былъ очень ласковъ, исполнялъ всѣ желанія и для обнародованія своей воли и для отвѣтовъ возможно рѣже пользовался герольдами, но писалъ ихъ на дощечкахъ, которыя приказывалъ носить вокругъ всего театра [3]). Когда однажды рабъ Андроклъ, бѣжавшій отъ своего господина и присужденный за это къ растерзанію львами, на аренѣ былъ узнанъ и пощаженъ львомъ, которому нѣкогда въ Африкѣ онъ вытащилъ занозу изъ ноги, то вся эта исторія, о которой александріецъ Апіонъ свидѣтельствуетъ какъ очевидецъ, была тотчасъ-же записана на дощечкѣ и ее приказано было носить по всему цирку, чтобы о ней узналъ весь народъ [4]). Деньги, которыя должны были получить побѣдители, Клавдій отсчитывалъ по пальцамъ тутъ же вмѣстѣ со зрителями, часто смѣшилъ ихъ, называя ихъ „господами“ и отпускалъ при этомъ плоскія шуточки [5]). Титъ также шелъ навстрѣчу всѣмъ желаніямъ народа, держалъ сторону одной изъ партій гладіаторовъ и, подобно прочимъ, поддразнивалъ противную сторону словами и жестами, впрочемъ такъ, что достоинство его и справедливое отношеніе (къ борющимся) не страдали отъ этого [6]). Домитіанъ, напротивъ, держалъ себя во время представленій часто повелительно и рѣзко; никто не смѣлъ держать сторону противъ его бойцовъ [7]). Траянъ возстановилъ прежнюю свободу и вообще былъ милостивъ во всѣхъ отношеніяхъ [8]). Адріанъ былъ болѣе строгъ. Однажды, когда народъ съ шумомъ чего-то требовалъ, онъ, подобно Домитіану, черезъ герольда приказалъ ему молчать, не удостоивъ его никакого отвѣта [9]). Галліенъ велѣлъ передать вѣнокъ бойцу съ быкомъ, который нанесъ ему десять ударовъ и все-таки не убилъ его; когда народъ сталъ роптать, то онъ велѣлъ черезъ герольда объявить, что десять разъ промахнуться по быку не такъ легко [10]).

Желанія, выражаемыя народомъ и исполняемыя императоромъ, относились прежде всего и главнымъ образомъ къ самимъ представленіямъ. Зрители требовали какого-нибудь опредѣленнаго представленія или рода состязанія [11]), выступленія знаменитыхъ гладіаторовъ [12]), отпущенія на волю храбраго борца [13]), актера или возницы (они были большею частью рабами), помилованія какого-нибудь преступника, осужденнаго на борьбу со звѣрями. Такъ

---

[1]) Плиній, «N. h.», XXXVII, 64.—[2]) Плин., «Панег.», гл. 51.—[3]) Діонъ, LX, 13.—[4]) Геллій, V, 14, 29.—[5]) Светон. «Клавд.», гл. 11.—[6]) Светон., «Титъ». гл. 11.—[7]) Светон., «Домит.», гл. 10 и 13; Плин., «Панег.», гл. 33.—[8]) Тамъ же.—[9]) Діонъ, LXIX, 6.—[10]) «Gallieni duo», гл. 12.—[11]) Тац. «Ист.», I, 32.—[12]) Напр, Светон., «Калиг.», гл. 30.—[13]) Напр., Марціалъ, «Spectac.», 29, 3

по общему требованію послѣдовало помилованіе и отпущеніе на волю упомянутаго Андрокла, который затѣмъ на веревкѣ водилъ своего льва изъ таверны въ таверну; его повсюду дарили деньгами, а льва осыпали цвѣтами [1]). Преступники, проявившіе храбрость въ борьбѣ со звѣрями и убившіе ихъ, также получали помилованіе и подарки по просьбѣ народа [2]). Маркъ Аврелій объявилъ недѣйствительнымъ отпущеніе на волю рабовъ, къ которому владѣлецъ ихъ былъ вынужденъ бурными криками народа [3]). Иногда самихъ императоровъ просили отпускать на волю рабовъ, принадлежавшихъ другимъ. Тиберій исполнилъ подобную просьбу за одного актера лишь по согласіи его господина [4]), Адріанъ отклонилъ просьбу объ отпущеніи на волю не принадлежащаго ему возницы, велѣлъ написать отказъ на дощечкѣ и обнести его по всему цирку [5]). Съ тѣхъ поръ, какъ Тиберій вынужденъ былъ отпустить на волю комическаго актера Актія, онъ избѣгалъ представленій, чтобы ему не надоѣдали просьбами [6]).

Здѣсь къ императорамъ обращались и съ другими разнообразными просьбами, такъ какъ отказъ получался рѣдко и въ видѣ исключенія. Увѣренность получить просимое Іосифъ считаетъ главной причиной, почему римляне придавали такое большое значеніе цирковымъ представленіямъ [7]). Однако, въ 9 году по Р. Х. во время тріумфальныхъ игръ всадники напрасно просили Августа объ отмѣнѣ только что изданнаго строгаго брачнаго закона [8]). Во время дороговизны въ 32 году въ теченіе нѣсколькихъ дней подрядъ народъ въ театрѣ громко высказывалъ свои требованія и настойчивѣе, чѣмъ онъ обыкновенно себѣ позволялъ въ присутствіи императоровъ [9]). Когда Тиберій велѣлъ отнести въ свой дворецъ Лисиппову статую атлета со скребницей, поставленную Агриппой передъ его термами, народъ въ театрѣ сталъ требовать ее обратно и Тиберій отдалъ ее, хотя она чрезвычайно ему нравилась [10]). Народъ просилъ въ циркѣ Калигулу, незадолго до его умерщвленія, объ уменьшеніи тяжелыхъ налоговъ; это привело императора въ такую ярость, что онъ велѣлъ схватить и умертвить наиболѣе дерзкихъ крикуновъ [11]). Когда Пальфурій Сура, удаленный Домитіаномъ изъ сената, на капитолійскомъ агонѣ получилъ ораторскій призъ, все собраніе единогласно просило императора о возстановленіи его въ прежнемъ достоинствѣ, но напрасно [12]). Крики толпы, собравшейся на представленіе, до такой степени считались выраженіемъ желаній народа, что Титъ, будучи военнымъ префектомъ, желая оправдать казнь подозрительныхъ ему лицъ, разсадилъ въ театрѣ людей, которые этого требовали [13]). При Гальбѣ народъ въ циркѣ и въ театрѣ безпрестанно требовалъ казни Тигеллина, пока императоръ эдиктомъ не заставилъ его молчать [14]). Извѣстно также, что взрывы вражды къ христіанамъ въ болѣе позднее время происходили также, главнымъ образомъ, въ циркѣ и амфитеатрѣ.

Во время представленій народъ имѣлъ право громко заявлять не объ однѣхъ только просьбахъ и тяготахъ; въ театрѣ народъ вообще давалъ волю

---

[1]) Геллій, указ. м.—[2]) Фронтонъ, «ad M. Caes.», II, 4, 4,—[3]) Paulus, «Digg.», LX, 9, 17.—[4]) Діонъ, LVII, 11.—[5]) Діонъ, LXIX, 16.—[6]) Светон., «Тибер.», 47.—[7]) Іосифъ, «Древн.», XIX, 1, 4.—[8]) Діонъ, LVI, 1.—[9]) Тац. «Анн.», VI, 13.—[10]) Плиній, «N. h.», XXXIV, 62.—[11]) Іосифъ, «Древн.», XIX, 1, 4.—[12]) Светон., «Домит.», гл. 13.—[13]) Светон., «Титъ», гл. 6.—[14]) Плутархъ, «Гальба», гл. 17.

своему языку и позволялъ себѣ шутки не только относительно частныхъ лицъ, но и самихъ императоровъ. Въ циркѣ нерѣдко раздавались ругательства и проклятія противъ властителя міра, такъ какъ отдѣльныя лица забывали здѣсь объ угрожавшей имъ за ихъ дерзость опасности, вслѣдствіе трудности ихъ открыть, масса-же — вслѣдствіе своего количества. Тертулліанъ, который не разъ упоминаетъ о подобныхъ случаяхъ, спрашиваетъ: „что можетъ быть хуже цирка, гдѣ они не щадятъ даже императора и своихъ согражданъ?“ [1]) Народъ ненавидѣлъ императора Макрина за его жестокость; подобно старому этрусскому царю Мецентію, онъ приказалъ осужденныхъ связывать съ трупами, и такимъ образомъ они умирали. Когда однажды народъ въ циркѣ громко привѣтствовалъ сына его Діадумена, мальчика, любимаго всѣми за его красоту, кто-то крикнулъ ему стихъ Вергилія: „о прекрасный юноша, достойный имѣть лучшаго отца чѣмъ Мецентій!“ [2]) 20-го ноября 303 года Діоклетіанъ праздновалъ въ Римѣ двадцатипятилѣтіе своего правленія; по словамъ христіанскаго автора, онъ не могъ вынести откровенности римскаго народа (поскольку, безъ сомнѣнія, она проявлялась во время представленій) и уже въ декабрѣ покинулъ Римъ [3]). Констанцій II, напротивъ, посѣтивъ Римъ въ 357 году, во время устроенныхъ имъ цирковыхъ представленій находилъ большое удовольствіе въ остротахъ народа, „который не былъ дерзокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не утратилъ врожденной ему любви къ свободѣ и притомъ самъ почтительно слѣдилъ за соблюденіемъ должной мѣры“ [4]). Еще въ 509 году Кассіодоръ писалъ: „что бы веселый народъ ни позволялъ себѣ говорить въ циркѣ, не считается оскорбленіемъ. Мѣсто извиняетъ эксцессы. Если его болтовня выслушивается терпѣливо, то и онъ добродушно относится къ императорамъ“ [5]). Насмѣшки толпы направлялись, естественно, и противъ частныхъ лицъ, всѣмъ извѣстныхъ и нелюбимыхъ; впрочемъ, оскорбленія, нанесенныя имъ въ театрѣ, наказывались особенно строго [6]). Когда при Августѣ на всадническихъ скамьяхъ появился недавній рабъ Сарментъ, то народъ встрѣтилъ его насмѣшливой пѣсенкой, сохраненной намъ до сихъ поръ [7]). Императоръ Клавдій въ 47 году посредствомъ эдикта сдѣлалъ народу строгій выговоръ за то, что онъ позволилъ себѣ въ театрѣ оскорблять консулара П. Помпонія и знатныхъ женщинъ [8]).

Представленіями пользовались и для чисто политическихъ демонстрацій. Въ 59 году до Р. Х. противники Цезаря были привѣтствуемы въ театрѣ и во время гладіаторскихъ игръ бурными выраженіями сочувствія, тогда какъ онъ самъ и его приверженцы были встрѣчены молчаніемъ или свистками; народъ криками заставилъ актера Дифила „тысячу разъ“ повторить стихотвореніе, заключающее враждебные Помпею намеки [9]). Въ разгаръ гражданской войны слова Лаберія: „кого многіе боятся, тотъ самъ боится многихъ“, такъ понравились собравшемуся въ театрѣ народу, что были сочтены за выраженіе господствующаго въ то время настроенія [10]). Въ 45 году до Р. Х. Цицеронъ радовался отличному поведенію народа во время цирковыхъ игръ,

---

[1]) Тертулліанъ, «Spect.», 16. Ср. «Ad nat.», 1, 17.—[2]) «Macrin.», гл. 12.—[3]) «De mortib. persecut.», гл. 17.—[4]) Амміанъ, XVI, 10, 13.—[5]) Кассіодоръ, «Var.», I, 27.—[6]) «Digg.», XLVII, 10, 7, § 8; ср. 9 § 1.—[7]) «Схол. Ювен.», 5, 3.—[8]) Тац., «Анн.», XI, 13.—[9]) Cic., «ad Att.», II, 19, 3.—[10]) Сенека, «de ira», II, 11, 3.

когда въ процессіи рядомъ съ изображеніемъ боговъ носили изображеніе Цезаря; изъ-за дурного сосѣдства не было привѣтствуемо рукоплесканіями и изображеніе богини побѣды [1]). Когда въ 40 году до Р. Х. въ Римѣ страстно желали окончанія войны, которую тріумвиры вели съ Секстомъ Помпеемъ, народъ громко привѣтствовалъ въ циркѣ изображеніе бога Нептуна, котораго храбрый морякъ считалъ своимъ богомъ покровителемъ, и когда на слѣдующій день Нептуна, вслѣдствіе этого, не оказалось въ процессіи, произошли безпорядки [2]). Паденіе всемогущаго при дворѣ Коммода управителя Клеандра [3]) началось заранѣе подготовленной демонстраціей въ циркѣ. Толпа мальчиковъ, предводительствуемая высокой и страшной на видъ дѣвушкой, въ антрактѣ бросилась на сцену, и циркъ огласился страшными проклятіями по адресу ненавистнаго человѣка; народъ поддержалъ ихъ, возбужденіе все росло, и наконецъ, толпа бросилась изъ цирка къ виллѣ императора и потребовала выдачи любимца [4]). Когда въ правленіе того-же императора позднѣйшій императоръ Пертинаксъ обратилъ уже на себя всеобщее вниманіе, лошадь покровительствуемой императоромъ партіи зеленыхъ, носившая то-же имя, взяла верхъ, зеленые воскликнули: „это Пертинаксъ", синіе-же отвѣчали: „о, если-бы это былъ онъ!" [5]). Подобныя проявленія народныхъ настроеній въ циркѣ происходили отчасти, лишь повидимому, безъ всякихъ приготовленій, отчасти-же дѣйствительно были слѣдствіемъ того непонятнаго импульса, подъ вліяніемъ котораго большія массы внезапно и непреодолимо влекутся къ однимъ и тѣмъ-же выраженіямъ своей воли или дѣйствіямъ [6]). Кассій Діонъ свидѣтельствуетъ, какъ очевидецъ, что въ 196 году, во время гражданской войны между Северомъ и претендентомъ Альбиномъ, безчисленная толпа въ циркѣ съ удивительнымъ единодушіемъ повторяла жалобы на войну и пожеланія мира; историку это показалось какъ-бы божественнымъ наитіемъ: „ибо безъ этого столько десятковъ тысячъ людей не могли-бы начать кричать одно и то-же, какъ хорошо обученный хоръ, и произнести безъ запинки все до конца, будто что-либо выученное наизусть" [7]). Всемогущему любимцу Севера, Плавтіану, незадолго до его паденія (205 г.), народъ въ циркѣ закричалъ, что онъ богаче трехъ остальныхъ (Севера и его двухъ сыновей) [8]). Въ 212 году въ циркѣ народъ, намекая на истощеніе всего римскаго государства Каракаллой, между прочимъ сказалъ: мы убьемъ живыхъ, чтобы похоронить мертвыхъ [9]). Діонъ разсказываетъ о цѣломъ рядѣ демонстрацій, бывшихъ въ его время; это доказываетъ, что онѣ были очень часты. Ниже будетъ рѣчь о демонстраціяхъ, происходившихъ въ театрѣ по поводу разныхъ мѣстъ въ представляемыхъ пьесахъ, которыя зрители относили къ современности.

Присутствіе во время представленій императора и другихъ высокопоставленныхъ лицъ принуждало зрителей терпѣть нѣкоторыя иногда очень тягостныя стѣсненія. Однажды Августъ приказалъ сказать всаднику, который въ театрѣ пилъ, что, когда онъ хочетъ завтракать, то идетъ для этого домой; тотъ отвѣтилъ: тебѣ нечего бояться, что кто-нибудь займетъ твое

[1]) Cic., «ad Att.», XIII, 44, 1. Ср. Drumann, «Röm. Gesch.», VI, 298.—[2]) Діонъ, XLVIII, 31, правильнѣе, чѣмъ Светон. «Авг.», гл. 16.—[3]) Ср. т. I, стр. 58, 13.—[4]) Діонъ, LXXII, 13, Геродіанъ, I, 12.—[5]) Діонъ, LXXIII, 4.—[6]) Ср. Grote, «History of Greece», V, стр. 260 слл.—[7]) Діонъ, LXXV, 4.—[8]) Діонъ, LXXVI, 2.—[9]) Діонъ, LXXVII, 10.

мѣсто [1]). Уже въ первые годы монархіи изданъ былъ относительно зрителей цѣлый рядъ предписаній; при разныхъ императорахъ они были различны. Римскіе граждане должны были, напримѣръ, въ театрѣ быть въ своемъ гражданскомъ праздничномъ платьѣ, тогѣ, которая была настолько неудобна, особенно въ лѣтнюю жару, что это могло отбить всякую охоту посѣщать представленія. Когда весь Римъ находится въ циркѣ, пишетъ Ювеналъ (шестидесятилѣтнимъ старикомъ), моя сморщенная кожа наслаждается лучами апрѣльскаго солнца: тога не мучитъ ея [2]). Уже Августъ, очень заботившійся о возстановленіи старыхъ нравовъ также и въ одеждѣ, отдалъ эдиламъ повелѣніе допускать въ циркъ лишь одѣтыхъ въ тогу зрителей [3]). Два высшіе класса должны были надѣвать одежду, требуемую ихъ общественнымъ положеніемъ, должностныя лица должны были носить соотвѣтствующую ихъ должности одежду; это нарушалось лишь въ случаѣ общественнаго траура или смерти императора [4]). Когда Коммодъ незадолго до своей смерти повелѣлъ, чтобы зрители во время гладіаторскихъ игръ были одѣты въ темные застегнутые дождевые плащи (эту одежду носили также во время траура), то позднѣе это было сочтено за дурное предзнаменованіе [5]). Августъ разрѣшалъ лѣтомъ приходить въ театръ босыми, Тиберій запретилъ это, а Калигула ввелъ опять, и въ 37 году въ первый разъ разрѣшилъ и сенаторамъ въ защиту отъ солнца надѣвать ѳессалійскія шляпы; слѣдовательно, до этого времени они должны были оставаться съ непокрытыми головами [6]). Въ случаѣ дурной погоды разрѣшалось сверхъ тоги надѣвать плащи, которые, однако, при появленіи высокопоставленныхъ лицъ должны были сниматься [7]). Когда при Домиціанѣ во время одного представленія разразился сильный ливень, то никому не было позволено уйти или переодѣться, тогда какъ самъ императоръ нѣсколько разъ перемѣнялъ плащъ; въ результатѣ многіе зрители заболѣли и умерли [8]). Домиціанъ вообще съ особенною строгостью требовалъ соблюденія театральныхъ правилъ и возобновилъ многія уже забытыя. Данное его предшественникомъ разрѣшеніе носить цвѣтныя одежды было имъ вновь уничтожено [9]), но, кромѣ бѣлыхъ, разрѣшено носить ярко красныя и пурпурныя [10]). Кромѣ шляпъ для защиты отъ солнца разрѣшены были зонтики [11]). Соблюденіе законныхъ постановленій и вообще порядка и спокойствія во время представленій лежало на префектѣ города, который, въ случаѣ надобности, могъ прибѣгать къ содѣйствію спеціально для этой цѣли назначенныхъ военныхъ отрядовъ, и нарушителей порядка лишать права посѣщать представленія [12]).

Суммы, ассигнуемыя на устройство народныхъ развлеченій уже въ раннія времена республики, по нашимъ понятіямъ были довольно значительны. На устройство главнаго четырехдневнаго праздника въ сентябрѣ, въ три первые дня котораго съ 364 года до Р. Х. происходили театральныя представленія, а въ послѣдній конные бѣга (римскія игры), изъ государственной казны выбрасывалось 200000 ассовъ (21450 рублей); сумма эта до второй пунической

---

[1]) Квинтил., VI, 3, 63.—[2]) Ювен., 11, 203.—[3]) Свет. «Авг.», 40.—[4]) Діонъ, LXXII, 21, ср. «Commod.», гл. 16, Becker, «Handb. d. Röm. Altert.», II, 1, 279.—[5]) «Commod.», гл. 16.—[6]) Діонъ, LIX, 7.—[7]) Свет. «Клавд.», гл. 6.—[8]) Діонъ, LXVII, 8.—[9]) Мартіалъ, V, 23.—[10]) Мартіалъ, V, 8; XIV, 131; XIV, 137; IV, 2.—[11]) Мартіалъ, XIV, 28 сл.—[12]) «Digg.», I, 12, 1§ 13.

войны не была увеличена [1]). Остальныя государственныя игры отнесены были также на счетъ государственной казны. Но мало-по-малу требованія увеличивались, и устроители празднествъ принуждены были тратить суммы, значительно превышавшія ассигнованныя, такъ что эдилы дѣлали большіе расходы изъ собственныхъ средствъ, или прибѣгали къ помощи друзей; очень многіе при этомъ совершенно разорялись, хотя большинство выколачивало деньги изъ союзниковъ или провинцій [2]). Въ срединѣ второго вѣка до Р. Х. блестящія гладіаторскія игры стоили 30 талантовъ (свыше 70500 рубл. [3]). Но эта сумма кажется незначительной въ сравненіи съ колоссальной расточительностью, съ какою давались представленія въ послѣдніе годы республики; и позже только императоры были въ состояніи превзойти роскошью игры Скавра (58 г.), Помпея (55 г.), Цезаря; Милонъ, добиваясь консулата въ 53 г., истратилъ „три наслѣдства, чтобы съ помощью игръ склонить народъ на свою сторону“ [4]); это были однѣ изъ самыхъ дорогихъ игръ, которыя вообще бывали въ то время, какъ пишетъ Цицеронъ брату своему Квинту [5]); сумма, истраченная на ихъ устройство, была такъ огромна, что онъ называетъ Милона безумнымъ [6]). Однако, въ позднѣйшее время о нихъ, какъ и о прочихъ выше названныхъ, уже болѣе не упоминаютъ. Въ императорскую эпоху суммы, выдаваемыя изъ государственной казны на устройство государственныхъ игръ, были значительно увеличены (правда, игры были значительно продолжены). По одному документу, относящемуся къ 51 году по Р. Х., для римскихъ игръ онѣ равнялись 760000 сестерціямъ (около 82500 рублей), для плебейскихъ—600000 сест. (около 60250 рублей), для игръ въ честь Аполлона—380000 сест. (около 41250 рублей), для вновь учрежденныхъ игръ въ честь Августа 10000 сест. (1080 рублей) [7]). Эти суммы не даютъ, однако, никакого мѣрила для сужденія объ общей суммѣ расходовъ, такъ какъ тутъ не приняты въ разсчетъ добавочныя суммы, вносимыя должностными лицами. Объ этихъ послѣднихъ, какъ вообще о колоссальныхъ расходахъ на игры изъ частныхъ средствъ, у насъ есть лишь разрозненныя свѣдѣнія изъ различныхъ эпохъ. Когда іудейскій царь Иродъ основалъ въ честь Августа игры, которыя должны были повторяться черезъ каждые четыре года, то онъ получилъ отъ Августа и Ливіи въ подарокъ все нужное для ихъ устройства: общая стоимость подарка была оцѣнена въ 500 талантовъ (1179000 рублей) [8]). Въ началѣ имперіи въ одномъ изъ городовъ Кампаніи можно было на 400000 сест. (43500 рублей) устроить хорошія трехдневныя гладіаторскія игры [9]). Но обыкновенно расходъ на устройство муниципальныхъ игръ бывалъ, вѣроятно, меньше [10]). Городъ Пизавръ (Пезаро) получилъ капиталъ въ 600000 сест., на проценты съ котораго черезъ каждые пять лѣтъ должны были устраиваться гладіаторскія игры. При доходѣ въ 5% каждый разъ на нихъ тратилось, слѣдовательно, 120000—130000 сест. (около 13—14000 рублей [11]). Ясно, однако, что сенатское постановленіе 27 года по Р. Х. о томъ, чтобы

---

[1]) Mommsen, «Röm. Gesch.» 5 изд. I, 462, ср. Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд. III, 488, 1.—[2]) Marquardt, ук. соч.—[3]) Полиб., XXXII, 4, 5.—[4]) Циц., «pro Mil.», гл. 35.—[5]) Циц., «ad Qu. fr.», III, 8, 6.—[6]) Тамъ же, III, 9, 2. Ср. Drumann, «Röm. Gesch.», I, 46, и 49. Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд. II, 85 сл.—[7]) Mommsen, C. I. L., I, стр. 377 b.—[8]) Іосифъ, «Древн.» XVI, 5, 1.—[9]) Петроній, гл. 45.—[10]) Mommsen, «Res gestae d. Aug.», 2 изд. стр. 67, 1.—[11]) Orelli, 81.

никто, обладающій средствами менѣе, чѣмъ въ 400000 сест. не имѣлъ права устраивать гладіаторскія игры [1]), имѣло цѣлью устранить неимущихъ спекулянтовъ, которые занимались этимъ дѣломъ ради наживы. Дѣйствительно, устроители другихъ празднествъ, даже въ муниципіяхъ, должны были обладать большимъ состояніемъ. При Домитіанѣ преторъ могъ устроить въ Римѣ праздникъ въ честь Великой Матери (4—10 апрѣля) съ придачей изъ собственныхъ средствъ 100000 сест. (10870 рублей) только если онъ очень скупо вознаграждалъ участниковъ, особенно возницъ. Обыкновенно этой суммы было недостаточно, и случалось, что состязанія колесницъ стоили ему 400000 сест. [2]). Адріанъ, будучи преторомъ, на устройство представленій въ 107 г. получилъ отъ Траяна 2 милліона сест. (217710 рублей) [3]). Семидневныя игры, устроенныя Симмахомъ въ претуру его сына, стоили 2000 фунтовъ золота (913500 рублей); между тѣмъ Симмахъ не принадлежалъ къ числу наиболѣе богатыхъ сенаторовъ своего времени; одинъ изъ нихъ, нѣкто Максимъ, будто бы истратилъ на то же самое двойную сумму [4]). Расходы консула изъ-за игръ, которыя онъ долженъ былъ устраивать, равнялись въ то время болѣе, чѣмъ 2000 фунтовъ золота; императоры обыкновенно оказывали имъ помощь [5]). Юстиніанъ, въ свое консульство въ 521 году, превзошелъ великолѣпіемъ всѣ бывшія до него восточныя консульства: онъ истратилъ на подарки и игры въ общемъ 288000 солиди (около 1815000 рублей) [6]). Общіе расходы по устройству только гладіаторскихъ игръ во всей римской имперіи, исключая Римъ, въ правленіе Марка Аврелія ежегодно равнялись 10 милліонамъ рублей. Постановленія, сдѣланныя сенатомъ по волѣ императора для сокращенія этихъ расходовъ (176—7 г.), удержали, какъ говорится по этому случаю въ одной рѣчи, городскія общины отъ разоренія и спасли имущество знатныхъ людей, т.-е. избранныхъ изъ провинціальной аристократіи провинціальныхъ жрецовъ и должностныхъ лицъ города; первые обязаны были устраивать игры въ силу закона, послѣдніе— въ силу обычая и въ виду ожиданій согражданъ [7]).

Тяжелая обязанность доставлять народу эти чрезвычайно дорого стоющія удовольствія почти всецѣло тяготѣла на сенаторскомъ сословіи, и суммы, отпускавшіяся для этой цѣли изъ государственной казны, являлись, какъ уже было сказано, лишь незначительнымъ облегченіемъ [8]). Цѣлыя столѣтія продолжалось такое крайнее напряженіе платежныхъ силъ аристократіи въ пользу пролетаріата. Члены аристократическихъ родовъ постоянно покупали положеніе, титулъ и внѣшній блескъ почетныхъ должностей посредствомъ денежныхъ затратъ, которыя вели къ гибели древніе знатные роды [9]), или могли быть выплачены лишь при вспомоществованіи [10]) со стороны императора или коллегъ. Въ первые вѣка для большинства блескъ сенаторскаго достоинства и государственныхъ должностей казался все еще достаточнымъ

---

[1]) Тац., «Анн.», IV, 63.—[2]) Марціалъ, X, 41; IV, 67; V, 25.—[3]) «Hadrian.», гл, 3. Mommson, «Staatsr.», 3 изд. II, 1, 138 прим.—[4]) Олимпіодоръ у Фотія, I, стр., 63 Бекк.. ср. Marquardt, «Handb. d. röm. Altert.», II, 3, 264.—[5]) Procop., «Hist. arc.», гл. 26; Marquardt, ук. соч., стр. 245.—[6]) Marcellin., «Com. chron.».—[7]) «Eph. ep.», VII (1892). Keil u. v. Premerstein, «Bericht über eine Reise in Lydien und der südlichen Aiolis» (Denkschr., d. phil.-hist. Kl. d. Wiener Ak., т. LIII, 11; 1908), стр. 16—18.—[8]) Ср. т. I, стр. 120—[9]) Ambros., «de offic.», II, 21.—[10]) т. I, стр. 127 слл.

вознагражденiемъ за столь тяжелое бремя, и число сенаторовъ и лицъ, имѣющихъ право засѣдать въ сенатѣ, старавшихся избѣжать тягостныхъ почестей, связанныхъ съ ихъ достоинствомъ, было, повидимому, сравнительно не велико. Это число несомнѣнно возрастало по мѣрѣ того, какъ государственныя должности теряли свое дѣйствительное значенiе, и оно ограничивалось лишь обязанностью давать игры, и настало время, когда явился недостатокъ въ лицахъ, готовыхъ такъ дорого платить за почетъ и титулъ. Уже Константинъ вынужденъ былъ принуждать къ занятiю претуры кандидатовъ, пытавшихся избѣжать ея посредствомъ бѣгства [1]), и возможно, что онъ былъ не первымъ императоромъ, вынужденнымъ прибѣгать къ мѣрамъ насилiя. Рядъ императорскихъ декретовъ регулировалъ въ IV вѣкѣ порядокъ избранiя на должность претора и квестора: въ Римѣ и Константинополѣ они должны были избираться на ближайшiе десять лѣтъ изъ числа всѣхъ членовъ сената, достигшихъ двадцатипятилѣтняго возраста, при чемъ были перечислены всѣ законныя причины, могущiя освободить отъ занятiя этихъ должностей. Для различныхъ претуръ установлены были предѣльныя суммы на устройство игръ, ниже которыхъ онѣ уже не могли спускаться. Лица, пытавшiяся безъ законныхъ основанiй уклониться отъ исполненiя своихъ обязанностей, должны были не только нести всѣ расходы по устройству игръ, которыя фискъ устраивалъ отъ ихъ имени, но сверхъ того, въ видѣ штрафа, обязаны были доставить въ главные магазины столицы значительное количество хлѣба. Въ случаѣ смерти уже избраннаго претора, даже до вступленiя его въ должность, обязанность устроить игры падала на его наслѣдника.

Нельзя ни для какой эпохи точно опредѣлить количества дней въ году, занятыхъ играми, такъ какъ даже для ежегодно праздновавшихся государственныхъ игръ количество это до нѣкоторой степени мѣнялось, чрезвычайные же праздники не поддаются рѣшительно никакому подсчету. Сохранившiеся отъ императорской эпохи праздничные календари даютъ лишь для ближайшаго времени, и то приблизительно, правильное представленiе [2]). Во времена республики было семь ежегодныхъ игръ, которыя въ эпоху Августа длились въ совокупности 66 дней: римскiя игры 15, со смерти Цезаря—16 (4—19 сентября), плебейскiя 14, (4—17 ноября), игры въ честь Цереры 8 (12—19 апрѣля), въ честь Аполлона 8 (6—13 iюля), въ честь Великой Матери 8 (3—10 апрѣля), въ честь Флоры 6 (съ 28 апрѣля по 3 мая), побѣдный праздникъ, установленный Суллой, 7 (съ 26 октября по 1 ноября). Изъ этихъ 66 дней, 14 заняты были бѣгами, 2—испытанiемъ бѣговыхъ коней, 2—жертвенными пиршествами, остальные 48—сценическими представленiями; во времена республики гладiаторы обыкновенно не выступали на оффицiальныхъ играхъ. Всѣ названные праздники, за исключенiемъ послѣдняго, хотя отчасти и въ сокращенномъ видѣ, существовали еще и въ IV вѣкѣ.

Увеличенiе количества игръ послѣ паденiя республики сперва происходило въ скромныхъ размѣрахъ. До 4-го года по Р. Х. прибавился только одиннадцатидневный праздникъ Венеры-родительницы (20—30 iюля, изъ которыхъ 4 дня посвящены были цирковымъ играмъ) и однодневный праздникъ

---

[1]) Zosim., II, 38.—[2]) Mommsen, C. I. L., I, стр. 377 сл.

Марса (12 мая), посвященный также цирковымъ играмъ. При Августѣ былъ установленъ еще второй однодневный цирковый праздникъ Марса (1 августа), при Тиберіи былъ введенъ восьмидневный, позднѣе десятидневный праздникъ въ честь Августа (3—12 октября). Число праздничныхъ дней, посвященныхъ играмъ, достигшее, такимъ образомъ, при Тиберіи 87 дней, позднѣе значительно возрастало по различнымъ поводамъ; сюда относятся: празднованія побѣдъ, освященія храмовъ, дни рожденія императоровъ и т. д., и хотя Нерва (а по его примѣру Северъ и Макринъ) сократилъ ихъ, въ общемъ количество ихъ, все-таки, постоянно увеличивалось. Маркъ Аврелій увеличилъ число дней, въ которые могъ совершаться судъ, до 230, такъ что въ его время число дней, предназначенныхъ для игръ, не могло быть больше 135 [1]). Въ срединѣ IV вѣка ихъ было 175, изъ которыхъ 10 дней полагалось для гладіаторскихъ игръ, 64—для цирковыхъ и 101—для театра. Гладіаторскія игры и травля звѣрей, о которыхъ въ старыхъ календаряхъ не упоминается вовсе, въ этомъ, болѣе новомъ, были ограничены десятью днями (въ декабрѣ); однако, въ виду многочисленныхъ упоминаній о нихъ въ литературѣ и памятникахъ Рима, въ періоды императорской эпохи онѣ должны были быть очень часты. Александръ Северъ имѣлъ намѣреніе распредѣлить гладіаторскія игры на весь годъ такъ, чтобы онѣ происходили ежемѣсячно; по неизвѣстнымъ причинамъ, однако, онъ не осуществилъ это [2]). Число чрезвычайныхъ праздниковъ было всегда сравнительно велико, и они иногда длились недѣли и мѣсяцы. Такъ Титъ въ 80 году, по случаю посвященія Флавіева амфитеатра, далъ семидневный праздникъ, Траянъ въ 106 году, по случаю второго дакійскаго тріумфа, устроилъ 135-ти дневный праздникъ. Всѣ большія представленія начинались съ восходомъ солнца, вслѣдствіе чего мѣста для зрителей заполнялись еще до разсвѣта, и продолжались (по крайней мѣрѣ большею частью) до заката [3]). Уже Цельзъ (при Тиберіи) говоритъ о представленіяхъ, длившихся цѣлый день [4]). Августинъ говоритъ, что театральныя представленія и цирковыя игры давались иногда въ одинъ и тотъ же день [5]).

Сначала цирковыя игры считались самыми важными изъ всѣхъ, и ими заканчивалось каждое народное празднество. Въ послѣдніе годы республики народъ болѣе всего любилъ гладіаторскія игры, дававшіяся уже тогда съ большою роскошью и стоившія очень дорого. Въ трехъ мѣстахъ, говоритъ Цицеронъ въ 56 году, проявляются взгляды и желанія римскаго народа: во время народныхъ собраній, комицій, игръ и гладіаторскихъ боевъ; во время послѣднихъ количество зрителей изъ всѣхъ трехъ классовъ наибольшее, ибо эти представленія наиболѣе нравятся народу [6]). Но когда, самое позднее въ началѣ императорской эпохи, организованы были цирковыя партіи, интересъ къ цирку отодвинулъ на задній планъ всѣ остальные. Театральныя представленія, имѣвшія въ императорскую эпоху большую притягательную силу, стояли, однако, только на третьемъ мѣстѣ. Императоры, очевидно, такъ же какъ и народъ, придавали, повидимому, наибольшее значеніе двумъ первымъ родамъ представленій, во время которыхъ для развлеченія народа

[1]) «M. Antonin.», гл. 10.—[2]) «Alex. Sever.», гл. 43.—[3]) Ср. Friedlaender y Marquardt, «Statsverw.» 2 изд., III, 494, 11. – [4]) Cels., «De re med.», I, 3.—[5]) Август., «о градѣ Бож.», VIII, 10, 24.—[6]) Цицер., «pro Sext.», 50, 106, 59, 58, 124.

тратились такія огромныя средства. Доказательствомъ служатъ монеты, которыя, въ качествѣ оффиціальныхъ документовъ, при отсутствіи другого рода событій очень часто увѣковѣчиваютъ проявленія щедрости императоровъ. На монетахъ часто находятся изображенія построекъ и представленій въ циркѣ или амфитеатрѣ, но ни разу не упоминается о постройкѣ театра или о театральныхъ представленіяхъ, и нѣтъ такого рода изображеній. Во время секулярныхъ игръ на Марсовомъ полѣ въ теченіе трехъ дней и ночей давались сценическія представленія; однако, на монетахъ, выбитыхъ при императорѣ Филиппѣ въ память тысячелѣтняго юбилея Рима, нѣтъ подобныхъ изображеній, между тѣмъ, какъ изображенія льва, крокодила и другихъ дикихъ звѣрей служатъ напоминаніемъ о бывшихъ тогда бояхъ звѣрей [1]).

Кромѣ этихъ трехъ родовъ зрѣлищъ, еще во времена республики изъ Греціи занесена была въ Римъ борьба атлетовъ и музыкальныя состязанія. Эти представленія давались частью во время особыхъ періодическихъ праздниковъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, частью же были соединены съ другими представленіями. Во время большихъ, особенно блестящихъ праздниковъ, обычныя представленія разнообразились еще фейерверками, канатными плясунами, фокусниками, эквилибристами и т. п. [2]). Еще Варронъ въ своей книгѣ о театрѣ говоритъ о мальчикахъ, мечущихъ во время игръ диски [3]). Плиній видѣлъ силача, по имени Аѳаната, который ходилъ по сценѣ въ свинцовыхъ доспѣхахъ вѣсомъ въ 500 пудовъ (римскихъ — 327 прусскихъ) и въ такихъ же тяжелыхъ башмакахъ [4]). Одно празднество, бывшее при Каринѣ и Нумеріанѣ, разнообразіемъ невиданныхъ до тѣхъ поръ представленій привлекло всеобщее вниманіе; позже оно было изображено на колоннадѣ одной изъ конюшенъ на Палатинѣ и даетъ представленіе о разнообразіи этихъ, такъ сказать, добавочныхъ развлеченій. Канатный плясунъ танцовалъ въ котурнахъ на совершенно тонкихъ веревкахъ, „точно по воздуху“, другой, раздразнивъ медвѣдя, убѣгалъ отъ него вверхъ по стѣнѣ, медвѣди разыгрывали пьесу, игралъ оркестръ изъ ста трубачей и флейтистовъ на различнаго рода флейтахъ, выступала тысяча пантомимовъ и атлетовъ. Сцена съ помощью искусныхъ приспособленій производила всевозможныя превращенія и фейерверки; были даны еще и другія разнообразныя представленія [5]). Во время празднества, устроеннаго консуломъ Флавіемъ Малліемъ Ѳеодоромъ и воспѣтаго Клавдіаномъ, кромѣ состязанія колесницъ, борьбы атлетовъ, травли звѣрей, театральныхъ представленій, музыкальныхъ состязаній, были еще разнообразные фокусники, которые „летали по воздуху, подобно птицамъ“, устраивали пирамиды, на вершинѣ которыхъ качался мальчикъ, затѣмъ искусныя превращенія, искусственный огонь, который ничего не жегъ, и гонки лодокъ [6]). Очень часто давались во время празднествъ и представленія эквилибристовъ, о которыхъ много разъ упоминаетъ Манилій. Кромѣ канатныхъ плясуновъ, онъ говоритъ еще о фокусникахъ, которые бросались съ подмостковъ попеременно, именно такъ, что, когда одинъ падалъ, другой подымался на воздухъ, прыгали черезъ огненные круги, двигались, подобно дель-

---

[1]) Eckhel, «D. N.», VII, 323—327.—[2]) Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., III, 494, 9.—[3]) Serv., «Aen.», X, 894.—[4]) Плиній, «N. h.», VII, 83.—[5]) «Carin.», гл. 18.—[6]) Claudian., «De Fl. Mall. Theod. cons.», 279 слл.

финамъ, въ пустомъ пространствѣ, летали безъ крыльевъ и продѣлывали въ воздухѣ разныя штуки [1]).

Великолѣпное освѣщеніе входило часто въ программу празднествъ, какъ и вообще въ древности во время жертвоприношеній и въ торжественныхъ случаяхъ было не рѣдкостью употребленіе свѣтильниковъ, лампъ и факеловъ [2]). Уже въ древнее время во время представленій форумъ и комитій, кромѣ естественнаго освѣщенія (днемъ), освѣщенъ былъ еще лампами [3]). Обычай заканчивать представленія уже поздно ночью, при искусственномъ освѣщеніи, явился, вѣроятно, въ болѣе позднее время; вѣроятно, впервые это произошло во время праздника Флоры, къ которому, вслѣдствіе его распущенности, болѣе всего подходила ночь [4]). Преторъ Л. Сеянъ въ 32 году по Р. Хр. во время Флоралій заставилъ 5000 рабовъ освѣщать зрителямъ путь домой [5]). Вновь введенныя Августомъ въ 17 году до Р. Хр. секулярныя игры продолжались по древнему обычаю также и по ночамъ. Августъ запретилъ молодымъ людямъ обоего пола присутствовать при этихъ ночныхъ представленіяхъ иначе, какъ въ сопровожденіи старшихъ [6]). Во время тысячелѣтняго юбилейнаго праздника Рима въ 248 году, по свидѣтельству хронистовъ, народъ не ложился спать въ теченіе трехъ ночей [7]). Во время праздника сатурналій, когда обычай зажигать свѣтильники былъ общимъ (онъ происходилъ въ самые короткіе дни, какъ и наше Рождество, и означалъ возрожденіе свѣта) [8]), освѣщеніе было обычнымъ. Во время праздника 1-го декабря, установленнаго Домитіаномъ (въ 88 году?) въ качествѣ предвѣстника сатурналій, при наступленіи ночи на средину амфитеатра сверху былъ спущенъ огненный кругъ, который превратилъ ночь въ день, и представленіе продолжалось [9]). Праздникъ, введенный Нерономъ въ 60 году и повторявшійся каждые пять лѣтъ, съ самаго начала затягивался до глубокой ночи; на замѣчаніе, что это можетъ повести къ безчинствамъ, возразили, что при такомъ яркомъ освѣщеніи ничто недозволенное не можетъ остаться скрытымъ [10]). Впрочемъ, ночныя празднества во время игръ вообще не были рѣдки въ Римѣ въ императорскую эпоху; даже въ другихъ городахъ Италіи „игры и иллюминаціи“ [11]) часто упоминаются вмѣстѣ: въ одномъ духовномъ завѣщаніи, найденномъ на островѣ Эбузѣ, дѣлается распоряженіе, чтобы въ опредѣленный день давались игры съ освѣтительными сосудами (плошками) [12]). Калигула далъ однажды въ театрѣ ночное представленіе, при чемъ освѣщенъ былъ весь городъ [13]). Бѣга колесницъ въ садахъ Нерона, во время которыхъ въ видѣ факеловъ сожжены были христіане, обмотанные просмоленной паклей, были, повидимому, также ночнымъ зрѣлищемъ [14]). Домитіанъ устраивалъ ночью, при освѣщеніи, также бои звѣрей и гладіаторскія игры [15]); представленіе

---

[1]) Манилій, «Астрон.», 439 слл., 651 слл. «C. I. L.», VI, 10, 157.—[2]) Preller, «Röm. Myth.», 3 изд., II, 17, 5. Marini, «Atti», стр. 290.—[3]) Луцилій, «Сат.», I. 23. Ср. Циц., «Верр.», II, 1, 22. 58, 54, 141. «De nat. deor.», I, 9.—[4]) Овид., «Фаст.», V, 361 слл. Ср. Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., III, 495, 1.—[5]) Діонъ, LVIII, 19.—[6]) Свет., «Авг.», гл. 31.—[7]) Hieronym., «Chron.».—[8]) Preller, ук. соч.—[9]) Стат., «Сильвы», I, 6, 85 сл.—[10]) Тац., «Анн.», XIV, 20 сл., XVI, 5.—[11]) Напр., «C. I. L.», XIV, 2121.—[12]) «C. J. L.», II, 3664.—[13]) Светон., «Калиг.», гл. 18.—[14]) Тац., «Анн.», XV, 44.—[15]) Светон., «Домит.», гл. 4. Діонъ, LXVII, 8.

исторіи Геро и Леандра дано было, повидимому, ночью, такъ какъ Марціалъ говоритъ о ночной волнѣ, которой послѣдній избѣгъ [1]).

Наконецъ, какъ уже и во время республики [2]), угощенія и подарки зрителямъ, устраиваемые въ большомъ масштабѣ, нерѣдко связаны были съ играми. Когда игры стали продолжаться цѣлый день, то, въ обѣденное время, вѣроятно, всегда дѣлался перерывъ, во время котораго зрители или уходили для обѣда домой [3]), или ихъ угощали въ самомъ театрѣ или циркѣ, при чемъ рабы обносили всѣхъ огромными корзинами съ съѣстными припасами и блюдами, подъ тяжестью которыхъ они шатались [4]); заготовлены бывали также марки, съ указаніемъ кушаній и напитковъ [5]); въ публикѣ въ такихъ случаяхъ нерѣдко слышались жалобы на неправильное распредѣленіе угощенія и на невѣжливость [6]). Во время большихъ многодневныхъ праздниковъ, цѣлые дни посвящались исключительно общимъ угощеніямъ [7]). Угощенія народа, происходившія обыкновенно во время игръ, даваемыхъ обоими городскими преторами, прекратились въ 217 году по Р. Хр. [8]), за исключеніемъ, впрочемъ, праздника Флоры. Во время этого послѣдняго, чтобы удовлетворить народъ, достаточно было обильнаго угощенія изъ бобовъ и гороховой каши [9]); во время императорскихъ праздниковъ угощеніе было, конечно, роскошнѣе. Во время упомянутаго уже декабрьскаго праздника Домитіана въ 88 году, по описанію Статія, количество услуживающихъ въ амфитеатрѣ и распредѣленныхъ по рядамъ молодыхъ, красивыхъ и богато одѣтыхъ императорскихъ слугъ было столь же велико, какъ и самихъ зрителей. Одни въ корзинахъ приносили дорогое угощеніе и бѣлыя скатерти, другіе — старыя вина. Дѣти, женщины, народъ, всадники и сенатъ—всѣ ѣли какъ бы за однимъ столомъ, самому императору угодно было принять участіе въ пирѣ, и самый бѣдный былъ счастливъ сознаніемъ быть его гостемъ [10]). Калигула во время подобнаго пиршества милостиво послалъ одному римскому всаднику, который ѣлъ съ особеннымъ удовольствіемъ, собственную порцію, одному сенатору на томъ же основаніи—собственноручное письмо, въ которомъ возводилъ его въ званіе претора внѣ очереди [11]).

Во время игръ зрителямъ бросали въ большомъ количествѣ подарки, особенно плоды и другія съѣдобныя вещи [12]). Такъ, во время того же декабрьскаго праздника Домитіана, утромъ забрасывали зрителей винными ягодами, финиками, орѣхами, сливами, печеньемъ, вечеромъ бросали птицъ — фазановъ и нумидійскихъ куръ [13]). Очень часто зрителямъ бросали также марки, служащія билетами въ лоттереѣ самыхъ разнообразныхъ и иногда цѣнныхъ выигрышей; сохранилось нѣсколько подобныхъ марокъ [14]). Во время одного устроеннаго Домитіаномъ праздника, въ первый день большая часть

---

[1]) Марціалъ, XV, 25. Rucca, «Sull'uso de sotterranei» и т. д., стр. 18.— [2]) Цицер., «Off.», II, 16, 55. Ср. Jahn., «Къ Перс.», стр. 224.—[3]) Marquardt, «Staatsv.», 2 изд., III, 495, 5.—[4]) Тамъ же, 496, 2.—[5]) Тамъ же, прим. 7.—[6]). Марціалъ, I, 11, 26, V, 49.—[7]) Marquardt, ук. соч., прим. 3.—[8]) Діонъ, LXXVIII, 22. Mommsen, «Sraatsr.», 3 изд., II, 1, 237, 6.—[9]) Перс., 5, 180. Ср. Горац., «Сат.», II. 3, 182.—[10]) Стат., «Сильв.», I, 6, 28 слл. Ср. Светон., «Домит.», гл. 4.—[11]) Светон., «Калиг.», гл. 18.—[12]) Marquardt, «Staatsv.», 2 изд., III, 496, 4.—[13]) Стат., «Сильв.», I, 6, 9 слл., 65 слл.—[14]) Henzen, «Ann. dell' Instit. di corr. arch.». XX, стр. 293 слл. «Mon. dell'Inst.», IV, табл. LII сл.

выигрышей упала на мѣста, занятыя третьимъ сословіемъ; онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы на слѣдующій день по пятидесяти марокъ были брошены спеціально въ ряды сенаторовъ и всадниковъ [1]. Во время одного грандіознаго многодневнаго праздника, устроеннаго Нерономъ ради вѣчнаго существованія римскаго государства, каждый день бросали по тысячѣ птицъ разныхъ породъ, затѣмъ выигрышные билеты съ выигрышами различной цѣнности, напримѣръ, разнообразною домашнею утварью, марками для полученія хлѣба, одеждою, золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями, жемчугомъ, картинами, рабочимъ скотомъ, ручными дикими звѣрями, наконецъ, съ кораблями, домами и помѣстьями [2]. Подобные же выигрышные билеты Титъ приказалъ бросать въ народъ при посвященіи амфитеатра Флавіевъ [3]. Во время одного праздника, даннаго Элагабаломъ, былъ билетъ съ выигрышемъ десяти медвѣдей, другой—съ выигрышемъ десяти ящуровъ, десяти головокъ салата, десяти фунтовъ золота и т. д. [4]; въ числѣ выигрышей не было только свиней, т. к. вѣра императора запрещала ихъ ѣсть. [5] Само собою разумѣется, что въ подобныхъ случаяхъ была ужасная давка, что не обходилось безъ дракъ и другихъ насильственныхъ дѣйствій, и нерѣдко, конечно, дѣло доходило до смертныхъ случаевъ. [6] Болѣе осторожные люди уходили до начала этого отдѣленія празднества: они знали, что небольшія вещи тамъ дорого обходились. [7] Были и спекулянты, покупавшіе у смѣльчаковъ, рѣшившихся итти въ эту давку, на счастье напередъ все, что выпадаетъ на ихъ долю [8]. Въ болѣе позднюю пору императорской эпохи нѣсколько разъ народу раздавались сотни дикихъ, часто иноземныхъ звѣрей. Подобный случай впервые упоминается относительно празднества, даннаго Гордіаномъ I еще въ бытность его эдиломъ; то-же повторилось въ большомъ масштабѣ во время тріумфальнаго празднества императора Проба по случаю побѣды надъ германцами и блеммійцами. Циркъ съ помощью насаженныхъ въ землю и укрѣпленныхъ деревьевъ былъ превращенъ въ лѣсъ; въ него пустили тысячу страусовъ, тысячу оленей, тысячу кабановъ, тысячу дикихъ овецъ, антилопъ и другихъ рогатыхъ звѣрей и „столько всякой дичи, сколько только можно было разыскать и выкормить"; затѣмъ впустили народъ, и каждый могъ себѣ наловить, сколько только хотѣлъ и могъ [9].

Само собою разумѣется, что на время особенно пышныхъ празднествъ въ Римъ стекался къ зрительнымъ мѣстамъ не только весь городъ, но многіе изъ окрестностей и издалека. Уже во времена республики на игры, какъ и на комиціи или рецензированіе, въ столицу собиралась большая часть населенія Италіи [10], а съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ центромъ міра—всѣ ищущіе развлеченій изо всѣхъ странъ. Во время тріумфальныхъ празднествъ Цезаря притокъ чужеземцевъ былъ такъ великъ, что большинство принуждено было жить въ шалашахъ и палаткахъ, раскинутыхъ посреди улицъ, и во время давки погибла масса народа, въ томъ числѣ два сенатора [11]. Во время своихъ самыхъ большихъ игръ Августъ разставлялъ въ различныхъ мѣстахъ

[1]) Светон., «Домит.» гл. 4.—[2]) Светон., «Неронъ», гл. 11.—[3]) Діонъ, LXVI, 25.—[4]) «Vit. Elag.», гл. 22.—[5]) Геродіанъ, V, 6.—[6]) Геродіанъ, V, 6.—[7]) Сенека, «Письм.», 74, 8. C. I. L. VIII, 895.—[8]) «Digg.», XVIII, 1, 8 § I.—[9]) «Gordiani tres», гл. 3. «Prob.», гл. 19.—[10]) Цицер., «Верр.», I, 18, 51.—[11]) Светон., «Цез.», гл. 39.

города стражу, чтобы предохранить опустѣвшія улицы отъ грабежа; [1]) по словамъ Овидія, во время устроеннаго имъ представленія морского сраженія съѣхались съ востока и запада, и весь міръ собрался въ Римѣ. [2]). По описанію Мартіала, во время празднествъ по случаю посвященія амфитеатра Флавіевъ не было такого чужестраннаго или варварскаго племени, изъ котораго не пришли бы зрители. Здѣсь былъ и земледѣлецъ съ подножья Балканъ, и сарматъ, вскормленный лошадинымъ молокомъ, обитатель истоковъ Нила, и гость съ береговъ океана, рядомъ съ сабеями и арабами—сигамбры со связанными на затылкѣ въ узелъ волосами и курчавый негръ; всю эту разноязычную толпу объединялъ общій крикъ, которымъ она привѣтствовала императора, какъ отца отечества. [3]) Діонъ разсказываетъ, что въ день волканалій (23 Августа) въ 217 году въ амфитеатръ ударила молнія и онъ сгорѣлъ. Это несчастье поразило не только Римъ, но и весь міръ, обитатели котораго всегда его наполняли [4]).

Изъ сообщеннаго выше уже явствуетъ, какія колоссальныя суммы расходовались на увеселенія населенія Рима. Правда, ни въ какомъ другомъ городѣ народъ не былъ такъ избалованъ. Жившія въ то время поколѣнія помнили, что именно черезъ этотъ циркъ проходили въ теченіе долгихъ столѣтій одно за другимъ тріумфальныя шествія, приведшія въ Римъ, въ качествѣ его подданныхъ, царей отдаленнѣйшихъ странъ и привлекшія въ него сокровища всего міра. На ихъ долю выпало быть наслѣдниками великаго прошлаго, имъ все еще былъ подчиненъ весь міръ, они привыкли къ грандіозному, невѣроятное было для нихъ повседневнымъ, и передъ глазами у нихъ постоянно было величайшее чудо новаго и древняго міра—вѣчный Римъ. Впечатлѣніе, производимое играми, не ограничивалось, конечно, массой, для которой онѣ были главнымъ образомъ предназначены. Кто въ состояніи былъ не поддаться дѣйствію этихъ волнующихъ, одуряющихъ, сводящихъ съ ума, разнуздывающихъ страсти впечатлѣній? Онѣ наполняли духовную атмосферу Рима воспламеняющейся матеріей, дѣйствія которой не могли укротить ни высокая образованность, ни выдающееся общественное положеніе; ему въ высшей степени поддавался и другой полъ. До какой степени мысли всѣхъ заняты были играми и всѣмъ съ ними связаннымъ, доказываютъ многочисленныя, ставшія поговорками выраженія. [5]) Атмосферой страстнаго интереса къ цирку, театру, аренѣ дышали вмѣстѣ съ воздухомъ и это было характернымъ зломъ города, которое воспринималось еще въ утробѣ матери [6]). Несомнѣнно, что въ общемъ игры оказывали самое пагубное дѣйствіе на нравы даже высшихъ классовъ; но трудно, почти невозможно, выяснить, въ чемъ оно состояло въ частностяхъ.

Здѣсь необходимо упомянуть объ одномъ явленіи, котораго, впрочемъ, достаточно, чтобы самымъ яркимъ образомъ выяснить значеніе этого развращающаго вліянія: открытое выступленіе на сценѣ, аренѣ и на бѣгахъ мужчинъ и даже женщинъ знатныхъ родовъ и нѣкоторыхъ императоровъ. Одновременно тутъ дѣйствовали, конечно, различные мотивы, чтобы сдѣлать возможнымъ такое безпримѣрное отступленіе отъ требованій обычая и закона,

[1]) Светон. «Авг.», гл. 43.—[2]) Овид., «Ars am.», I, 173.—[3]) Мартіалъ, XV, 2.—[4]) Діонъ, LXXVIII, 26.—[5]) Otto, «Sprichwörter», стр. 396.—[6]) Тац., «Dial. de orat.» гл. 29.

а именно паденіе и обѣднѣніе части высшаго сословія и принужденіе со стороны императоровъ; но этихъ факторовъ недостаточно, чтобы вполнѣ объяснить это явленіе, и личнаго участія императоровъ въ представленіяхъ достаточно, чтобы доказать, что даже въ высшихъ сферахъ общества распространилась эта выродившаяся въ манію страсть къ нимъ, которую не могли уже удержать границы, устанавливаемыя обычаемъ и закономъ. Если нѣкоторые императоры не только ревностно занимались драматическимъ искусствомъ, танцами, музыкой, искусствомъ управлять колесницей, гладіатурой, но стремились вызвать одобреніе своему искусству въ малыхъ и даже большихъ кругахъ, если Неронъ путешествовалъ по Греціи, какъ артистъ по ремеслу, Коммодъ изъ дворца переселился въ гладіаторскую школу, Каракалла совершенно открыто въ голубой ливреѣ управлялъ своей колесницей на аренѣ, становится несомнѣннымъ, что даже лица знатнаго происхожденія рѣшались на это униженіе часто просто подъ вліяніемъ неудержимой страсти.

Впрочемъ, уже при Августѣ гладіатура была довольно обычнымъ послѣднимъ прибѣжищемъ для разорившихся кутилъ обоихъ высшихъ сословій [1]; но эта степень паденія была все-же единичнымъ явленіемъ и встрѣчалась въ первомъ сословіи значительно рѣже, чѣмъ во второмъ. Прямое или косвенное принужденіе всадниковъ или сенаторовъ къ участію въ представленіяхъ со стороны императоровъ было также довольно рѣдкимъ. Не говоря о желаніи нѣкоторыхъ императоровъ уменьшить неприличіе собственнаго выступленія по возможности общимъ подражаніемъ, при ненависти цезаризма къ аристократіи, его системѣ нивеллированія и дружбѣ съ простымъ народомъ, подобное униженіе высшихъ сословій могло быть ему, конечно, пріятно; а что могло льстить черни болѣе, чѣмъ видѣть, какъ потомки знатнѣйшихъ родовъ для ея увеселенія выставляютъ себя напоказъ наряду съ преступниками, рабами и простыми наемниками?

Большинство императоровъ было, однако, далеко отъ подобныхъ намѣреній; многихъ удерживало уваженіе къ традиціи и закону и связи съ лицами высшихъ сословій. Впрочемъ, первый Цезарь и въ этомъ отношеніи явно показывалъ свое полное неуваженіе къ сословной чести. Во время данныхъ имъ цирковыхъ игръ молодые люди изъ знати управляли колесницами, [2]) принужденіе и награды побуждали всадника Лаберія выступить на сценѣ, [3]) другихъ на аренѣ [4]). Вскорѣ послѣ его смерти, однако (38 г. до Р. Х.), выступленіе сенаторовъ на аренѣ было запрещено [5]); кромѣ этого, позже (именно въ 16 г. до Р. Х.) послѣдовало очевидно еще сенатское постановленіе, запрещавшее сенаторамъ и всадникамъ участіе въ сценическихъ представленіяхъ и выступленіе на аренѣ. Светоній говоритъ объ Августѣ, что для тѣхъ и другихъ представленій онъ неоднакратно пользовался лицами обоихъ высшихъ сословій, но лишь до того, какъ это было запрещено сенатомъ [6]). Въ играхъ, данныхъ Августомъ въ 29 году до Р. Х. по случаю посвященія храма Цезаря, не только скакали и правили колесницами па-

---

[1]) Горац., «Посл.», I, 8, 36. Проперт., IV, 8. 25; Сенека, «Письм.», 87, 9, 99, 13. Тац., «Анн.», XIV, 14, Ср. Ювен., 8, 183.—[2]) Светон., «Цез.», гл. 39.—[3]) Ср. особенно Ювен., 8, 183 слл.—[4]) Діонъ, XLIII, 23; Свет., «Цез.», гл. 39. Ср. Dirksen, «Tab. Heracl.», стр. 97 сл.—[5]) Діонъ, XLVIII, 43.—[6]) Светон., «Авг.», гл. 43.

триціи, но въ качествѣ гладіатора выступилъ сенаторъ Квинтъ Винтелій [1]), и дѣдъ Нерона, Луцій Домитій Агенобарбъ во время своей претуры и консульства (въ 16 г. до Р. Х.) устроилъ мимическое представленіе, въ которомъ участвовали всадники и замужнія женщины [2]). Въ 10 году по Р. Х. всадникамъ было опредѣленно разрѣшено выступать въ качествѣ гладіаторовъ [3]). Тиберій, аристократъ до мозга костей, презиралъ чернь еще глубже, чѣмъ ненавидѣлъ аристократію и былъ далекъ отъ того, чтобы какимъ-бы то ни было образомъ въ угоду ей унижать высшія сословія; онъ строго придерживался сенатскаго постановленія и наказывалъ изгнаніемъ разорившихся юношей обоихъ сословій, которые, чтобы обойти законъ, объявляли себя принадлежащими къ низшему сословію [4]). Въ 15 году послѣ Р. Х., во время данныхъ Друзомъ игръ, боролись, впрочемъ, два всадника. Тиберій не смотрѣлъ на это зрѣлище и, когда одинъ изъ нихъ палъ, онъ запретилъ второму продолжать борьбу [5]). Во время игръ Калигулы лица сенаторскаго сословія правили колесницами [6]), и въ наказаніе за дѣйствительное или мнимое выступленіе на сценѣ онъ приказывалъ казнить многихъ всадниковъ [7]) и даже сенаторовъ [8]), или заставлялъ ихъ бороться въ качествѣ гладіаторовъ. Клавдій, кажется, не только имѣлъ серьезное желаніе положить конецъ этому злу [9]), но, повидимому, это ему и удалось.

При Неронѣ, первомъ императорѣ, который самъ выступалъ публично, страсть къ зрѣлищамъ достигла высшей степени: положеніе, полъ, богатство, безупречное имя, были безсильны противъ воли императора, и не могли защитить отъ позора сцены и арены [10]). Вителлій издалъ новый строгій эдиктъ противъ такого уничтоженія всадническаго сословія [11]). Домитіанъ также, по крайней мѣрѣ наружно, дѣлалъ видъ, что заботится о поддержаніи сословной чести; онъ удалилъ изъ сената квесторія Цецилія Руфина за его излишнюю любовь къ танцамъ [12]). Ацилій Глабріонъ въ 91 году въ албанской виллѣ вынужденъ былъ бороться со львомъ [13]), по другимъ извѣстіямъ онъ выступалъ тамъ добровольно борцомъ (противъ медвѣдя) [14]); одной изъ причинъ его казни въ 95 году выставлено было его участье въ борьбѣ со звѣрями [15]). Относительно слѣдующихъ императоровъ до Коммода, ни въ какомъ случаѣ нельзя предполагать, чтобы они принуждали два высшіе класса выступать предъ публикой. Тѣмъ не менѣе, одинъ пользующійся дурною славою сенаторъ могъ сказать Марку Аврелію, что онъ видитъ занимающими должность преторовъ многихъ, которые сражались съ нимъ на аренѣ [16]), а Северъ, оправдывая передъ сенатомъ выступленіе Коммода въ амфитеатрѣ, могъ спросить: развѣ никто изъ сенаторовъ не боролся въ качествѣ гладіатора, или для чего же иначе нѣкоторые изъ нихъ покупали золотые шлемы и щиты Коммода? [17]). А арена, все-же, считалась еще болѣе постыдной, чѣмъ циркъ, или театръ. Сенека говоритъ, что, когда маска достаточно натретъ

---

[1]) Діонъ, LI, 22.—[2]) Светон., «Неронъ» гл. 4.—[3]) Діонъ, LVI, 25.—[4]) Светон., «Тибер.», гл. 35.—[5]) Діонъ, LVII, 14.—[6]) Светон., «Калиг.», гл. 18.—[7]) Светон., «Калиг.», гл. 30. Діонъ, LIX, 10.—[8]) Діонъ, LIX. 13.—[9]) Діонъ, LX, 7.—[10]) Светон. «Нер.», гл. 12; Тац., «Анн.», XIV, 14. XV, 32. Діонъ, LXI, 17.—[11]) Тац., «Ист.», II, 62.—[12]) Свет., «Домит.», гл. 8. Діонъ, LXVII, 13.—[13]) Діонъ, LXVII, 14.—[14]) Ювен., 4, 99 сл.—[15]) Діонъ, ук. м.—[16]) «M. Antonin.», гл. 12.—[17]) Діонъ, LXXV, 8.

лобъ, то человѣкъ принимается за шлемъ [1]), и Ювеналъ: „при императорѣ, выступающемъ въ качествѣ киѳареда, клоунъ изъ высшаго класса на сценѣ не можетъ показаться удивительнымъ; дальше гладіаторской школы куда же еще итти?“ [2]).

Послѣ всего этого, какъ сказано выше, очевидно, что главная причина этого унизительнаго участія высшихъ классовъ въ представленіяхъ (исключая время Нерона) лежала не въ императорахъ: это обстоятельство является вмѣстѣ съ тѣмъ симптомомъ той непреоборимо влекущей, развращающей силы, съ какою охватывали и покоряли сердца людей эти чудесныя, точно руками волшебника устроенныя празднества.

1. Циркъ.

Равнина, въ 600 метровъ длиною и едва 150 шириною, простирающаяся между спускающимися почти параллельно склонами Авентина и Палатина, кажется какъ-бы нарочно созданной для состязаній, особенно въ бѣгѣ колесницъ. Еще въ древнѣйшія времена на травѣ, покрывающей эти склоны, располагались граждане молодого города съ женами и дѣтьми, когда въ рѣдкіе праздники устраивались состязанія или кулачная борьба; къ этому мѣсту пріурочило сказаніе и тѣ игры, во время которыхъ римляне похитили себѣ невѣстъ. Вмѣстѣ съ ростущимъ могуществомъ и величиной города росла также и пышность культа. Все чаще становились постоянные праздники мѣстныхъ и признанныхъ государствомъ чужихъ боговъ, которые заканчивались обыкновенно увеселеніями въ циркѣ; а наряду съ этими регулярно повторяющимися праздниками росло также число особыхъ поводовъ, которые собирали народъ въ циркѣ. Мѣста для зрителей начали устраиваться здѣсь еще въ эпоху царей [3]). Деревянные помосты смѣнились со временемъ каменными постройками, затѣмъ песчаникъ былъ замѣненъ мраморомъ, пестрая раскраска—позолотой. Послѣ предпринятыхъ Юліемъ Цезаремъ и оконченныхъ Августомъ сооруженій, большой циркъ сталъ однимъ изъ роскошнѣйшихъ зданій Рима [4]). Мѣста для зрителей, отдѣленныя отъ гипподрома рвомъ въ десять футовъ, подымались вверхъ амфитеатромъ и раздѣлены были на три этажа. Только нижній этажъ былъ каменнымъ, остальные—деревянные; такими они и остались, по крайней мѣрѣ большая часть ихъ, такъ какъ и въ болѣе позднее время упоминается о ихъ крушеніи; при Антонинѣ Піѣ подобное несчастье стоило жизни 1112 человѣкамъ [5]); крушеніе произошло также при Діоклетіанѣ и Максиминѣ. При Августѣ сооруженіе было не особенно высоко; можно было смотрѣть изъ верхнихъ этажей сосѣднихъ домовъ, что нравилось самому Августу. Первую капитальную перестройку предпринялъ, повидимому, Неронъ, такъ какъ большой пожаръ 64 года, начавшійся въ циркѣ, разрушилъ во всякомъ случаѣ большую его часть; онъ приказалъ также засыпать каналъ, окружавшій гипподромъ, чтобы такимъ образомъ

---

[1]) Сенека, «Quaest. nat.», VIII, 32.—[2]) Ювен., VIII, 197. Ср. Fronto, ed. Naber, «Ep. ad. M. Caes. et invic.», V, 22 сл, Діонъ, LXXVIII, 21. Philogelos ed. Eberhardt, 87.—[3]) Ср. Becker, «Topogr.», 664 слл.; Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., III, 504 слл.—[4]) Діонис. Галик., III. 68.—[5]) «Catal. imp.», ed. Mommsen, «Abhandl. d. Sächs. Ges.», II, 647.

увеличить число мѣстъ для зрителей [1]). Вторая перестройка цирка (также послѣ пожара) начата была Домитіаномъ, продолжена и закончена Траяномъ [2]). Циркъ былъ значительно увеличенъ и украшенъ; Траянъ въ своей посвятительной надписи хвалится, что сдѣлалъ его достаточно обширнымъ для римскаго народа [3]). Огромная длина зданія соперничала, по выраженію Плинія Младшаго (въ 100 году), съ великолѣпіемъ храмовъ. Это было помѣщеніе, достойное побѣдоносной націи и интересное не менѣе самихъ представленій, которыя въ немъ давались [4]). О позднѣйшихъ реставраціяхъ и расширеніи говорятъ лишь немногіе и то вскользъ. Число зрителей, которое могъ вмѣстить циркъ послѣ всѣхъ расширеній было въ 180, 190 тысячъ [5]). Самыя нижнія мѣста, лежащія ближе всего къ гипподрому [6]), были предназначены для сенаторовъ, ближайшія повыше для всадниковъ, остальныя—для третьяго сословія. Женщины не имѣли здѣсь отдѣльныхъ мѣстъ, какъ во время прочихъ представленій, и сидѣли вмѣстѣ съ мужчинами. Мѣсто императора и его семейства находилось ниже сенаторскихъ; тамъ находились также ложи, которыя приказали для себя выстроить нѣкоторые императоры. Циркъ былъ обставленъ во всѣхъ отношеніяхъ великолѣпно. Въ одномъ описаніи, относящемся къ IV вѣку, особенно восхваляются, напримѣръ, дорогія бронзовыя украшенія мѣстъ для зрителей [7]). Главнымъ его украшеніемъ былъ поставленный Августомъ посрединѣ его обелискъ (теперь находящійся на Piazza del Popolo), рядомъ съ которымъ Констанцій поставилъ второй, бо́льшій (онъ находится теперь на Латеранской площади) [8]). Съ внѣшней стороны циркъ былъ окруженъ одноэтажной галлереей съ входами и лѣстницами, посредствомъ которыхъ многія тысячи народа съ легкостью и безъ давки могли въ него войти и выйти. Кромѣ того, въ этой галлереѣ, подъ ея сводами, находились лавки и разныя другія помѣщенія, предназначенныя для сообщенія, надъ которыми помѣщались квартиры владѣтелей; двѣ арки служили, какъ кажется, мѣстомъ для отдыха и заключали торговыя помѣщенія, третья служила для входа. Здѣсь кипѣла постоянно шумная, пестрая и довольно темная жизнь. Уже со времени Эннія циркъ былъ постояннымъ пристанищемъ для плутоватыхъ астрологовъ [9]). Горацій называетъ его мѣстомъ обмана; онъ любилъ во время своихъ вечернихъ прогулокъ останавливаться тамъ около гадателей [10]); и во времена Ювенала подобные пророки давали маленькимъ людямъ совѣты и указанія и съ помощью камешковъ вычисляли на дощечкахъ ихъ будущее [11]). Далѣе, уже во времена Цицерона въ циркѣ находились харчевни [12]). Августъ не стыдился приглашать для развлеченія своихъ гостей фокусниковъ, которые потѣшали здѣсь самыя подонки общества [13]). Пожаръ при Неронѣ (въ 64 г.) вспыхнулъ въ части цирка, прилегающей къ Палатину и Целію, и именно въ лавкахъ, наполненныхъ легко воспламеняю-

---

[1]) Плиній, «n. h.», VIII, 7, 21.—[2]) Becker, «Topogr.» 667; Павсан., V, 12, 4.—[3]) Richter, «Topogr. v. Rom», стр. 842.—[4]) Плин., «Панег.», гл. 51; C. I. L. VI, 955; Mommsen, «Staatsr.», III, 1, 446, 3.—[5]) Hülsen, «Circus», у Pauly Wissowa «Realcencycl.»; и Jordan, «Topogr.», I, 3 (1907), стр. 112—148.—[6]) Marquardt, «Staatsverw.» 2 изд., III, 506.—[7]) «Expos. tot. mundi», Riese, «Geogr. lat. min.», I, 120, 10,—[8]) Preller, «Die Regionen Roms», стр. 221.—[9]) Цицер., «Div.», I, 58, 132.—[10]) Горац., «Сат.», I, 6, 141.—[11]) Ювен., 6, 588.—[12]) Цицер., «pro Milone», гл. 24.—[13]) Светон., «Авг.», гл. 74.

щимися матеріалами [1]. На одной надписи упоминается торговецъ фруктами въ большомъ циркѣ [2]. Галлереи, окружавшія циркъ (такъ-же, какъ и галлереи театра и стадія), служили мѣстопребываніемъ продажнымъ женщинамъ [3], и поэтому въ одномъ христіанскомъ сочиненіи говорится, что входъ въ циркъ ведетъ черезъ вертепъ [4]. Среди этихъ падшихъ женщинъ было много сиріянокъ и другихъ восточныхъ женщинъ [5]; онѣ въ чужестранныхъ одеждахъ, при звукахъ тамбуриновъ, кимваловъ и кастаньетовъ танцовали свои непристойные танцы [6].

Цирковыя представленія [7], какъ и всѣ прочія, становились съ теченіемъ столѣтій все продолжительнѣе, разнообразнѣе и пышнѣе. Самыми главными во всѣ времена были бѣга колесницъ. Рядомъ съ ними стояли состязанія наѣздниковъ, которые, подражая древне-римской строевой ѣздѣ, на всемъ скаку перепрыгивали съ одной лошади на другую [8]. Манилій описываетъ, какъ они садились и становились на спину то одной, то другой лошади, перепрыгивали черезъ нихъ, при чемъ выдѣлывали разные фокусы на скаку, то играли оружіемъ, то подымали съ земли призы [9]. Другіе фокусы верховой ѣзды, о которыхъ часто упоминается, напримѣръ, лежанье на бѣгущихъ лошадяхъ, прыганье черезъ четверку лошадей, вѣроятно, также можно было видѣть во время цирковыхъ игръ. Кулачные бойцы, бѣгуны, борцы давали здѣсь свои представленія въ болѣе раннее, а иногда и въ болѣе позднее время, когда подобныя состязанія происходили обыкновенно въ особомъ для этого построенномъ стадіи; такъ въ 44 г. послѣ Р. Х. въ циркѣ происходило представленіе атлетовъ. Найденная недалеко отъ Арвальской рощи надгробная надпись молодого двадцатичетырехлѣтняго бѣгуна Зеленыхъ, Фуска, гласитъ, что онъ побѣдилъ въ состязаніяхъ 53 раза въ Римѣ, 2 раза въ Арвальскомъ циркѣ, разъ въ Бовиллѣ (одну изъ этихъ побѣдъ онъ одержалъ при повторномъ бѣгѣ), что онъ былъ первымъ среди всѣхъ борцовъ, который побѣдилъ при первомъ же своемъ выходѣ (въ 35 году) [10]. Плиній говоритъ о длительномъ бѣгѣ, бывшемъ при немъ въ циркѣ. То, что онъ говоритъ, кажется совсѣмъ невѣроятнымъ: въ 50 году, будто-бы, восьмилѣтній мальчикъ отъ полудня до вечера пробѣжалъ 75 миль (около 15 географическихъ миль), другіе пробѣгали по 160 миль (почти 32 географ. мили) [11], тогда какъ надгробная надпись одного императорскаго бѣгуна о разстояніи въ 94 мили (= 18,76 геогр. миль), пройденномъ въ одинъ день, говоритъ, какъ о чемъ-то необыкновенномъ [12]. Англійскій скороходъ Флетчеръ прошелъ 60 англ. миль въ 14 часовъ, Барклэй—90 ($19^2/_7$ мили) въ $21^1/_2$ часа; скороходы инкасы въ Перу могутъ пройти въ 24 часа 50 льё (= $37^1/_2$ геогр. миль) [13].

Во время республики въ циркѣ устраивались примѣрныя сраженія между молодыми гражданами въ полномъ вооруженіи и другія военныя игры;

---

1) Тац. «Анн.», XV, 38.—2) C. I. L., VI, 9822.—3) Ювен. 3, 65, «Anthol. Lat.» ed. Riese, I, 190. «Elagab.», гл. 26.—4) Кипріанъ, «Spectac.», 5.—5) Ювен., 3, 65.—6) «Priap.», 25 («Anthol. Lat.» ed. Meyer, 1642—7) Ср. Marquardt, 2 изд., III, 511 сл.—8) Pollack, «Realenc.», 2 изд., desultores.—9) Манил., «Астр.», V, 85 сл.—10) Надпись эта еще не опубликована. О циркѣ въ Арвальской рощѣ см. Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., III, 458, о циркѣ въ Бовильѣ, тамъ же, 528, 6.—11) Плиній, «N. h.», VII, 84.—12) C. I. L., III, 2, 2007.—13) Waitz, «Anthrop. d. Naturvölker,», IV, 411.

въ императорскую эпоху сражались такимъ образомъ цѣлые отряды пѣхоты и конницы. Другого рода представленія въ циркѣ давали всадники, которые въ такихъ случаяхъ появлялись раздѣленными на шесть отрядовъ (турмы) подъ начальствомъ столькихъ-же предводителей, а во главѣ всѣхъ стоялъ „Первый изъ молодежи“ (обыкновенно наслѣдникъ престола), конечно, въ богатой праздничной одеждѣ. Мальчики знатныхъ родовъ также появлялись въ циркѣ передъ народомъ во время такъ называемыхъ Троянскихъ игръ, которыя вмѣстѣ съ другими старинными обычаями были возстановлены Августомъ. При императорахъ изъ дома Юліевъ, которые вели свое происхожденіе отъ Энея, игры эти повторялись нѣсколько разъ. Мальчики, преимущественно сенаторскихъ фамилій (въ нихъ принимали участіе и принцы императорскаго дома), раздѣленные на старшихъ (до 17 лѣтъ) и младшихъ (до одиннадцати лѣтъ), въ блестящемъ вооруженіи продѣлывали конныя упражненія. Бои звѣрей и гладіаторскія игры, происходившія обыкновенно на аренѣ въ амфитеатрѣ, устраивались иногда въ циркѣ, особенно, если они затѣвались въ особенно большомъ масштабѣ. Такъ дѣлалось обыкновенно до постройки Колоссея; напримѣръ, травля звѣрей, во время которой произошла исторія Андрокла и его льва, имѣла мѣсто также въ циркѣ [1]).

Какъ великолѣпно ни были обставлены собственно цирковыя игры, о которыхъ сейчасъ было говорено, отчасти также въ виду высокаго общественнаго положенія участвующихъ въ нихъ лицъ, ни однѣ изъ нихъ, однако, не могли даже и отдаленнымъ образомъ сравниться по важности и значенію съ бѣгомъ колесницъ. Интересъ къ этого рода представленіямъ, поглащавшимъ такимъ безпримѣрнымъ образомъ всѣ склонности и страсти толпы, основывался ближайшимъ образомъ не на участіи къ судьбѣ участвующихъ въ состязаніи лицъ, какъ это было во время священныхъ игръ грековъ, а также не на интересѣ къ бѣгущимъ лошадямъ, какъ въ новѣйшее время; его вызывала исключительно принадлежность къ той или другой изъ такъ называемыхъ партій, къ которымъ принадлежали лошади и возницы. Но съ распространеніемъ и усиленіемъ страсти къ бѣгамъ увеличился интересъ и къ возницамъ и, будучи первоначально только посредственнымъ, мало по малу онъ сталъ дѣлаться все болѣе интенсивнымъ.

Въ древнее время граждане со своими лошадьми и рабами принимали участіе въ бѣгѣ колесницъ, и добытый на этихъ состязаніяхъ вѣнокъ считался столь почетнымъ, что и его, наравнѣ съ вѣнкомъ воина-побѣдителя, возлагали на гробъ обладателя побѣдоносныхъ коней [2]). Однако, личное выступленіе для увеселенія народа считалось постыднымъ, хотя возница никогда, подобно актеру и бойцу, не считался лишеннымъ чести; такимъ образомъ, это тяжелое и опасное ремесло было предоставлено людямъ низкаго общественнаго положенія, отпущенникамъ и рабамъ, изъ которыхъ послѣдніе въ награду за побѣду часто получали свободу [3]); обычной наградой были пальмовыя вѣтви, вѣнки или деньги, позднѣе цѣнныя и роскошныя одежды. Они пріобрѣтали иногда значительныя состоянія, и не столько благодаря щедрости устроителей празднествъ, сколько вслѣдствіе соперничества

[1]) Геллій, V, 14.—[2]) Плиній, «N. h.», XXI, 7. Mommsen, «Röm. Gesch.», 5 изд., I, 232.—[3]) Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., III, 522, 4.

между партіями, изъ которыхъ каждая старалась привлечь на свою сторону наиболѣе полезныхъ людей. Изъ возницъ, извѣстныхъ намъ изъ своихъ памятниковъ, одинъ только (Скиртъ) все время (13 лѣтъ) служилъ одной и той-же (бѣлой) партіи [1]). Другой (Діоклъ) отдался исключительно красной партіи, лишь попытавши счастья въ трехъ другихъ; изъ надгробныхъ надписей другихъ возницъ видно, что они одерживали побѣды для всѣхъ четырехъ партій [2]), за что получали или большое вознагражденіе, или значительную долю выиграннаго приза. Жившій при Домитіанѣ знаменитый возница Скорпъ, по словамъ Мартіала, въ одинъ часъ получилъ какъ побѣдитель пятнадцать мѣшковъ золота [3]), а заработокъ другого (служившаго красной партіи) Ювеналъ считаетъ равнымъ доходу ста адвокатовъ [4]). Иногда они оказывались въ состояніи принимать участіе въ управленіи партіей [5]). Позднѣе доходы ихъ еще возросли, хотя врядъ-ли они достигали доходовъ знаменитѣйшихъ жокеевъ нашего времени [6]). Вопискъ разсказываетъ, что консульство Фурія Плацида (343 послѣ Р. Х.) было отпраздновано съ такимъ великолѣпіемъ, что возницы получили „не вознагражденія, а цѣлыя состоянія; они получили полушелковыя туники, полотняныя одежды съ каймами и коней, о чемъ вздыхали добрые люди“. О богатствѣ возницъ на востокѣ того-же приблизительно времени упоминаетъ Либаній [7]).

Какъ уже было сказано, герои гипподрома привлекали вниманіе и вызывали участіе въ высокой степени также и къ своей личности. Ихъ встрѣчали и провожали привѣтствіями и пожеланіями побѣды. Правда, иногда эти знаки сочувствія покупались за деньги. Іеронимъ прямо говоритъ о пріобрѣтеніи народнаго расположенія за деньги на подобіе возницъ [8]). У болѣе знаменитыхъ изъ нихъ, однако, всегда было большое количество дѣйствительно преданныхъ приверженцевъ и друзей, которые сопровождали ихъ повсюду въ видѣ свиты [9]). Мартіалъ послѣ ранней смерти Скорпа, всего двадцати семи лѣтъ отъ роду, воспѣлъ его въ двухъ стихотвореніяхъ, называя „славой шумнаго цирка, радостью Рима и предметомъ его постояннаго восхищенія“. Онъ призываетъ оплакать его божества побѣды, благосклонности, чести и славы. Завистливая парка, считая его пальмы, сочла его за старика [10]). Праздные посѣтители портика Квирина, по признанію самого поэта, стали интересоваться его новыми эпиграммами, лишь утомившись отъ разговоровъ и споровъ на пари о возницѣ Скорпѣ и скакунѣ Инцитатѣ [11]). Уже въ 89 году въ Римѣ можно было видѣть не мало золоченыхъ бронзовыхъ бюстовъ и статуй въ честь Скорпа [12]), и безъ сомнѣнія почетные памятники за побѣды на гипподромѣ чѣмъ дальше, тѣмъ были чаще. Чужестранцевъ, посѣщавшихъ Римъ въ срединѣ 2-го вѣка, поражала масса статуй, изображавшихъ цирковыхъ возницъ въ ихъ оригинальномъ костюмѣ [13]), и еще теперь многочисленные и разнообразные памятники свидѣтельствуютъ

---

[1]) Henzen, 7419 d β.—[2]) C. I. L., VI, 2, 10047—49; ср. Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., III, 522, 2.—[3]) Мартіалъ, X, 74.—[4]) Ювен., 7, 112.—[5]) Marquardt, ук. соч. стр. 520, 6.—[6]) Ср. ниже стр. 509—[7]) Liban., ed. Reiske, II, 190, 12.—[8]) Hieron., «Ep.», 83. Ср. Symmach., «Epp.», VI, 42.—[9]) Плиній, «N. h.», XXIX, 5.—[10]) Мартіалъ, X, 50 и 53. Ср. Haupt, «Hermes», 1872, стр. 387.—[11]) Мартіалъ, XI, 1.—[12]) Его же, V, 25.—[13]) Лукіанъ, «Нигр.», 29. Галенъ, «De praenot. ad Postum.», стр. 451, ed. K. XIV, 604; Jordan, «Topogr. Roms», I, 3, стр. 662.

о томъ, что всѣ искусства заняты были увѣковѣченіемъ ихъ побѣды и славы [1]).

Сверхъ того, „самые выдающіеся" возницы, которымъ даже упоминаніе въ оффиціальной газетѣ города Рима не казалось слишкомъ большою честью [2]), нерѣдко (частью сами, частью ихъ почитатели) описывали подробно свои подвиги на каменныхъ плитахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ сохранились. На нихъ упоминаются имена побѣдившихъ лошадей, по разрядамъ перечисляются полученные призы и знаки отличія (insignia) побѣдителя, которые, гдѣ только можно, называются никогда до тѣхъ поръ невиданными. Изъ этихъ надписей мы убѣждаемся также въ необыкновенномъ ростѣ бѣговъ колесницъ въ теченіе 1-го вѣка. Возница Скиртъ, принадлежащій къ партіи бѣлыхъ, согласно своей надписи, въ 13 лѣтъ, отъ 13—25 года послѣ Р. Х. (въ періодъ, впрочемъ, наиболѣе бѣдный играми), со своей четверкой побѣдилъ всего-на-всего 7 разъ и четыре раза во время повторнаго бѣга (revocatus), 29 разъ получилъ второй призъ, 60 разъ—третій [3]). Сто лѣтъ спустя среди возницъ существовалъ уже цѣлый классъ, такъ называемыхъ „тысячниковъ" (miliarii), т.-е. побѣдившихъ тысячу или болѣе разъ. Возница Кресцентъ, мавръ, принадлежащій къ голубой партіи, уже въ тринадцать лѣтъ правилъ четверкой [4]), въ десять лѣтъ отъ 115—124 г. участвовалъ въ состязаніяхъ 686 разъ изъ которыхъ 47 разъ побѣдилъ, 130 разъ получилъ второй призъ, 111 третій, а всего выигралъ 1558346 сестерціевъ (около 169500 руб.), изъ которыхъ, вѣроятно, значительная доля досталась ему [5]). На памятникѣ, поставленномъ при Антонинѣ Піѣ (послѣ 146 года) испанскому возницѣ Гаю Апулею Діоклу, принадлежавшему къ красной партіи, упоминается также Флавій Скорпъ (безъ сомнѣнія воспѣтый Марціаломъ) и Помпей Мусклозъ, изъ которыхъ первый одержалъ 2048, второй 3559 побѣдъ. Памятникъ Діоклу сооруженъ былъ его почитателями и членами одной съ нимъ партіи послѣ того, какъ сорока двухъ лѣтъ отъ роду онъ оставилъ свое ремесло возницы. 18 лѣтъ онъ началъ править четверкой, 4257 разъ участвовалъ въ состязаніяхъ и побѣдилъ 1462 (изъ нихъ 1361 разъ въ пользу красныхъ). Въ состязаніяхъ, состоящихъ изъ четырехъ колесницъ (по одной отъ каждой партіи), онъ участвовалъ 1064 раза, въ состязаніяхъ восьми колесницъ — 347 разъ, шестнадцати — 51 разъ. Изъ 1064 бѣговъ четырехъ колесницъ нѣкоторыя были запряжены въ шесть или семь лошадей, и 92 раза онъ участвовалъ въ состязаніяхъ на призъ отъ 30000 до 60000 сестерціевъ). Общая сумма его выигрыша равняется 35863120 сестерціямъ (свыше $3^3/_4$ милліоновъ марокъ). 9 лошадей онъ сдѣлалъ „сотенниками", т.-е. побѣдилъ съ каждой изъ нихъ по 100, разъ одну „двухсотенникомъ". Своими „знаками отличія" онъ превзошелъ всѣхъ знаменитѣйшихъ своихъ предшественниковъ. Въ одинъ годъ онъ одержалъ 134 побѣды, при чемъ 118 въ состязаніяхъ четырехъ колесницъ (такія цѣнились выше всѣхъ), такимъ образомъ, больше Ѳалла, побѣ-

---

[1]) Hübner, «Mosaico di Barcellona»; «Ann. dell' Inst. di corr. arch.», 1863, стр. 137 сл. Ср. его же въ «Monatsber. d. Berl. Akad.», 1868, 3, февр. Ср. C. I. L. VII, 1273 сл. Марціалъ, III, 95, 14, Marquardt, ук. соч., 504, 5.—[2]) C. I. L., VI, 2, 10048.—[3]) C. I. L., VI, 2, 10051.—[4]) Статьи Ersilia Caetani-Lovatelli въ «Antichi Monumenti illustrati», 1889.—[5]) Ersilia Lovatelli, «La inscrizione di Crescente», «Bull. commun. di Roma», 1878, стр. 164—176.

дившаго въ этого рода состязаніяхъ до него сравнительно наибольшее число разъ. Онъ былъ первый со времени основанія города, побѣдившій 8 разъ на призъ въ 50000 сест. съ однѣми и тѣми-же тремя лошадьми; всего онъ одержалъ 29 такихъ побѣдъ, т.-е. на одну больше, чѣмъ три знаменитѣйшіе его предшественники вмѣстѣ. Въ одинъ день онъ два раза на шестеркѣ лошадей состязался на призъ въ 40000 сестерціевъ и оба раза побѣдилъ, чего не случалось до тѣхъ поръ; онъ побѣдилъ въ состязаніи на призъ въ 50000 сестерціевъ, правя семью лошадьми, запряженными безъ ярма (нѣчто до тѣхъ поръ невиданное), въ другомъ — на призъ въ 30000 сестерціевъ, правя безъ бича; благодаря этимъ нововведеніямъ, онъ вдвойнѣ прославился и т. д.

Съ этими героями римскихъ бѣговъ можно сравнить наиболѣе выдающихся жокеевъ современности также въ томъ отношеніи, что они въ кругу спортсменовъ для всей Европы имѣютъ то же значеніе, какое первые имѣли для партій Рима. И они выигрываютъ огромныя суммы и приносятъ участвующимъ лицамъ и спекулянтамъ огромные прибыли и убытки. Статья въ одномъ спеціальномъ журналѣ о Фредѣ Арчерѣ, „знаменитѣйшемъ и въ то же время счастливѣйшемъ жокеѣ нашего времени", во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ надписи Діокла и Кресцента. Согласно ей, Арчеръ 570 разъ ѣздилъ въ сѣдлѣ и 99 разъ побѣдилъ, изъ нихъ одинъ разъ послѣ мертвыхъ скачекъ, пять разъ прошелъ гипподромъ побѣдителемъ, 126 разъ пришелъ вторымъ, 80 разъ третьимъ и 165 разъ безъ мѣста. Чистый выигрышъ, считая по 3 и 5 фунт. стерл. составилъ-бы крупную сумму въ 2108 фунт. стерл. Утверждаютъ однако, что жокей получаетъ отъ 8 до 10 тысячъ въ годъ постояннаго гонорара и единовременныхъ подарковъ отъ владѣльцевъ лошадей.—Толпа играющихъ на лошадей систематически слѣдитъ за его ходомъ.— Этотъ непревзойденный никѣмъ жокей въ теченіе 6 лѣтъ занятія своею профессіей отпраздновалъ 1172 побѣды и участвовалъ во всѣхъ крупныхъ бѣгахъ въ Англіи. За Арчеромъ слѣдуетъ Чарльзъ Удъ, скакавшій 458 разъ, изъ которыхъ онъ побѣдилъ 89 разъ и т. д. 6 первыхъ жокеевъ Франціи вмѣстѣ одержали столько побѣдъ, сколько Фредъ Арчеръ одинъ [1]). Онъ умеръ 8-го ноября 1886 года 29 лѣтъ отъ роду; число его побѣдъ достигало уже 2749, и онъ оставилъ большое состояніе [2]).

Интересъ къ героямъ гипподрома и въ древнемъ Римѣ былъ очень распространенъ даже въ высшихъ кругахъ; причиною этого была не только принадлежность къ той или другой партіи, но и преимущественно въ этихъ кругахъ распространенное страшное любительство къ искусству возницы, любительство, которое менѣе строгіе люди склонны были извинять людямъ молодымъ; но въ людяхъ зрѣлаго возраста и высокаго положенія, особенно въ императорахъ, страсть эта и ими строго порицалась. Молодые люди изъ знатнѣйшихъ семей не только сами правили своими лошадьми во время путешествій, но сами подковывали ихъ, насыпали въ ясли ячмень, клялись, подобно кучерамъ или погонщикамъ муловъ, богинею покровительницей лошадей Эпоной [3]). Отецъ Нерона, Домитій Агенобарбъ, въ молодости „славился искусствомъ пра-

---

[1]) «Der Sporn», 1879, № 48, стр. 369.—[2]) «Leipz. Illustr. Ztg.», 20, ноябрь, 1886.— [3]) Ювен., 8, 146 слл. Тац., «Анн.», XIV, 14.

вить лошадьми" [1]). Вителлій, котораго въ молодости часто видѣли въ конюшняхъ голубой партіи чистившимъ лошадей [2]), пріобрѣлъ расположеніе Калигулы и Нерона, благодаря своему пристрастію къ искусству возницы [3]), въ которомъ первый изъ нихъ былъ дилеттантомъ, послѣдній—стремился блистать, какъ виртуозъ [4]). Въ числѣ любимцевъ Калигулы находился возница Эвтихъ, принадлежавшій къ партіи зеленыхъ; послѣ одного пира императоръ подарилъ ему 2 милл. сест. [5]), а преторіанцы должны были строить конюшни для его лошадей [6]). Люцій Веръ [7]), Коммодъ [8]), Каракалла, Гета [9]) и Элагабалъ [10]) въ большей или меньшей степени раздѣляли пристрастіе къ этому искусству и его виртуозамъ. Элагабалъ въ особенности среди нихъ выбиралъ своихъ любимцевъ, и мать главнаго своего любимца Іерокла изъ рабскаго сословія возвелъ въ сенаторское званіе, возницу Гордія онъ сдѣлалъ префектомъ городской стражи.

Само собою разумѣется, что цирковые кучера, съ которыми повсюду обращались, какъ съ лицами, имѣющими значеніе, отличались чрезвычайною наглостью и дерзостью. Уже въ началѣ императорскаго періода выработался скверный обычай, что (вѣроятно, въ опредѣленные дни) они шатались по городу и подъ видомъ шутки позволяли себѣ всевозможные обманы и воровства; обычай этотъ былъ запрещенъ при Неронѣ [11]). Однако отдѣльныя мѣропріятія не могли, конечно, обуздать распущенность, которая, помимо покровительства императора, усиливалась еще, благодаря сознанію этими людьми своей необходимости [12]).

Лучшія бѣговыя лошади приводились изъ провинціи, хотя и въ самой Италіи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, именно на широкихъ равнинахъ Апуліи и Калабріи, коннозаводство велось въ большихъ размѣрахъ. Въ своемъ тамошнемъ имѣніи Тигеллинъ съ большимъ рвеніемъ занимался разведеніемъ цирковыхъ лошадей; онъ, какъ говорили, и поощрялъ въ Неронѣ его страсть къ бѣгамъ [13]). Болѣе всего цѣнились гирпинскія лошади; въ запряжкѣ тройками италійскія лошади вообще, по словамъ Плинія, не уступали никакимъ другимъ. Огромными табунами славилась Сицилія, гдѣ, по мѣрѣ ея запустѣнія, уже въ началѣ императорской эпохи, хлѣбныя поля мало-по-малу стали уступать мѣсто пастбищамъ [14]). Еще когда Григорій Великій пожелалъ продать всѣхъ находящихся въ Сициліи и принадлежащихъ римской церкви лошадей, то число четыреста, которыя должны были быть оставлены, въ сравненіи съ общею суммою лошадей было такъ ничтожно, что его нечего было и принимать во вниманіе [15]). Сицилійскія бѣговыя лошади также считались лучшими. Въ Греціи, гдѣ также, вслѣдствіе запустѣнія, обширныя, нѣкогда прекрасно обработанныя поля превращены были въ пастбища, кромѣ Өессаліи, отличныхъ коней доставляла особенно Этолія, Акарнанія, Аркадія и Эпи-

---

[1]) Свет., «Неронъ», гл. 4.—[2]) Діонъ, LXV, 5.—[3]) Свет., «Вителл.», гл. 4.—[4]) Діонъ, LIX, 5. LXI, 17.—[5]) Светон., «Калиг.», гл. 55; Bücheler, «Coniectanca», «Rhein. Mus.», XXXVII, стр. 334.—[6]) Іосифъ, «Древн.», XIX, 4, 4.—[7]) «L. Ver.», гл. 6.—[8]) «Commod.», гл. 2.—[9]) Геродіанъ, III, 10.—[10]) «Elagab.», гл. 6 и 12.—[11]) Светон., «Неронъ», гл. 16.—[12]) Marquardt, «Staatsverw.», III, 523, 1.—[13]) Схол. Ювен., 1, 155. Ср. Варронъ, «R. r.», II, 7, 1.—[14]) Страбонъ, VI, 2, 6, стр. 273. Ср. Цицер., «Верр.», II, 1, 10, 28.—[15]) Ср. Gregorovius, «Gesch. d. Stadt Rom im Mittelalter», II, 64.

давръ [1]); въ числѣ лучшихъ назывались и лаконскія. Изъ остальныхъ провинцій чаще всего упоминаются африканскія, между которыми различаются мавританскія и киренскія [2]); въ особенности славились своею быстротою лошади испанской крови, воспитанныя въ Африкѣ [3]); въ III и IV вѣкахъ первое мѣсто занимали каппадокійскія [4]) и испанскія бѣговыя лошади. Въ это время Антіохія, богатая столица Сиріи, болѣе всѣхъ другихъ городовъ славившаяся своими цирковыми играми [5]), не останавливалась передъ трудностями и расходами, связанными съ огромнымъ разстояніемъ, чтобы видѣть на своемъ гипподромѣ благородныхъ животныхъ, выросшихъ среди луговъ Тахо и Гвалдалквивира [6]).

Для бѣговъ, по мнѣнію одныхъ, требовался трехлѣтній возрастъ лошади [7]) по мнѣнію другихъ, пятилѣтній [8]). Судя по спискамъ и другимъ дошедшимъ до насъ именамъ цирковыхъ лошадей, огромное большинство ихъ—мужескаго пола [9]). Знаменитыя бѣговыя лошади отличались также поразительною выносливостью. Если Тускъ, коренной конь Фортуната, принадлежавшаго къ партіи зеленыхъ, побѣдилъ 386 разъ [10]), Викторъ, конь Гутты Кальпурніана—429 разъ [11]), то, судя по дошедшимъ до насъ соотношеніямъ чиселъ, они участвовали въ бѣгахъ, по крайней мѣрѣ, въ четыре раза больше, такимъ образомъ, около 1600, 1700 разъ, что составляетъ въ большомъ циркѣ значительно большее число миль. А между тѣмъ, какъ уже было замѣчено, 100 побѣдъ для бѣговой лошади считается уже хорошей службой. Такой конь назывался „centenarius“ и, вѣроятно, носилъ какія-нибудь особенныя украшенія [12]). Само собою разумѣется, что и цѣна такихъ животныхъ часто была очень высока и что они стоили дороже рабовъ [13]), что къ сохраненію породы относились съ большою заботливостью и для этого отыскивали побѣдоносныхъ скакуновъ [14]). Любители и знатоки хорошо были освѣдомлены относительно имени, происхожденія, породы, возраста, времени службы и числа уже одержанныхъ знаменитѣйшими цирковыми лошадьми побѣдъ, знали наизусть ихъ родословную и могли разсказать много анекдотовъ объ ихъ умѣ и дрессировкѣ. Плиній разсказываетъ, напримѣръ, что во время секулярныхъ игръ императора Клавдія возница бѣлыхъ упалъ при самомъ выѣздѣ, тѣмъ не менѣе лошади его продолжали путь первыми, и, несмотря на стараніе всѣхъ остальныхъ возницъ помѣшать имъ, сами дѣлали все, что должны были-бы дѣлать подъ управленіемъ самаго опытнаго возницы, одержали побѣду и остановились у цѣли [15]). Другой писатель разсказываетъ, что во время цирковыхъ игръ лошадей подгоняли при помощи игры на флейтѣ танцевъ (?),

---

[1]) Hertzberg, «Gesch. Griechenlands unter d. Römern», I, 487 сл. и 514.—[2]) C. I. L., VI, 10053 и 10056 и Roehl, «Ind. C. I. G.», IV, 3, стр. 136.—[3]) Vegetius Veter., IV, 6.—[4]) Solin., 45, 5, стр. 192, изд. Mommsen. Ср. Ad. Schlieben, «Die Pferde des Altertums», стр. 97 слл.—[5]) «Expos. tot. mundi», изд. Riese, стр. 111, 7.—[6]) Симмахъ, «Письм.», VI, 62.—[7]) Колум., VI, 29, 4.—[8]) Плиній, «n. h.», VIII, 42, 162. —[9]) Zangemeister, «Rilievo di Foligno», «Ann. dell' Inst. di corr. arch.», 1870, стр. 257, прим. Friedlaender, «De nominibus equorum circensium», «Acad. Alb. Regim.», 1875, III, C. I. L., VIII, 10889—91.—[10]) Wilmanns, «E. I., 2601, 1. 51.—[11]) Тамъ же, 2600, 2, 1., 9.—[12]) G(ustav) (Freytag), «Sportbericht eines römischen Jockeis», «Grenzboten», 1869, II, стр. 447.—[13]) Veget., «R. vet.», praef. 10.—[14]) Colum., III, 9, 5.—[15]) Плиній, «N. h.», VIII, 160. Ср. Philo, «de animal.», § 58.

пестрыхъ цвѣтовъ и горящихъ факеловъ[1]. Во время бѣговъ четверокъ, самой обыкновенной изъ всѣхъ упряжекъ, лучшая лошадь запрягалась всегда въ лѣвую пристяжку, т. к. отъ ея быстроты и дрессировки при поворотахъ главнымъ образомъ зависѣлъ успѣхъ: отъ нея зависѣлъ выигрышъ, на нее обращено было почти исключительно вниманіе зрителей[2]. Имена такихъ лошадей были у всѣхъ на языкѣ, ихъ выходъ на гипподромъ громко привѣтствовался[3], и толпа отлично знала, бѣжалъ-ли Пассеринъ или Тигръ; и Мартіалъ, несмотря на всю свою популярность, былъ извѣстенъ въ Римѣ не болѣе, чѣмъ конь Андремонъ. До нашего времени сохранились памятники, на которыхъ изображены тѣ или другіе извѣстные скакуны[4]. Очень часто страсть къ благороднымъ конямъ обращалась въ манію. Калигула намѣревался возвести въ консульское званіе жеребца Инцитата; за день до того, какъ онъ долженъ былъ бѣжать, солдаты по сосѣдству отъ его конюшни требовали соблюденія полной тишины, чтобы не нарушался его покой. Эпиктетъ разсказываетъ, что одинъ зритель, видя, что его любимая лошадь остается позади, завернулся въ плащъ и лишился чувствъ; когда-же онъ противъ ожиданія взялъ верхъ, то, чтобы привести въ чувство, пришлось обрызгать его водой[5]. Лошадямъ, ставшимъ по старости негодными, Неронъ давалъ содержаніе. То же разсказывается о Верѣ и Коммодѣ.

Такъ какъ устроители празднествъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могли обойтись собственными людьми и лошадьми, то компаніи капиталистовъ и собственники большого количества рабовъ и конскихъ заводовъ брали на себя подряды и устройство всего[6]. Такъ какъ обыкновенно въ состязаніяхъ участвовали четыре колесницы, то существовало четыре общества, которыя для каждыхъ бѣговъ доставляли по одной колесницѣ, и, съ тѣхъ поръ, какъ колесницы и одежды возницъ въ знакъ отличія окрашивались четырьмя разными цвѣтами, каждое изъ нихъ дѣлало все одного опредѣленнаго цвѣта; отсюда они стали называться партіями. Во главѣ партій стояли директора (domini factionum), одинъ или нѣсколько, принадлежащіе, какъ обыкновенно всѣ собственники большихъ предпріятій, къ всадническому сословію; случалось, однако, что и возницы иногда возвышались до такого положенія[7]. Устроители игръ должны были сговариваться съ этими обществами относительно доставки лошадей, колесницъ и людей; требованія ихъ, конечно, измѣнялись, смотря по обстоятельствамъ. Когда Неронъ въ самомъ началѣ своего правленія такъ расширилъ цирковыя игры, что онѣ стали продолжаться цѣлый день, директора обществъ перестали соглашаться давать для игръ свой персоналъ на менѣе продолжительное время и вообще стали съ величайшимъ высокомѣріемъ относиться къ предложеніямъ консуловъ и преторовъ. Въ 54 году преторъ Авлъ Фабрицій, не пожелавшій принять ихъ высокихъ требованій, выпустилъ на гипподромъ колесницы, запряженныя дрессированными собаками вмѣсто лошадей; эта демонстрація заставила красную и бѣлую партію уступить, но голубые и зеленые упорствовали и уступили лишь послѣ того, какъ Неронъ самъ установилъ цѣну. О Коммодѣ

[1] Solin., 45, 11, p. 194 M.—[2] «Digg.», XXXI, 65, 1.—[3] Діонъ, LXXIII, 4.—[4] Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., III, 524, 1. C. I. G., 6311. E. Hübner, «Ann. dell' Inst. di corr. arch.», 1863, стр. 135 слл.—[5] Эпикт., «Diss.», I, 11, 27.—[6] Ср. Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., III, 520 сл.—[7] Ср. C. I. L., VI, 10077.

разсказываютъ, что онъ увеличилъ количество цирковыхъ игръ съ намѣреніемъ обогатить директоровъ партій. Послѣдніе, вѣроятно, нерѣдко получали вспомоществованія и подарки; такъ Гордіанъ I, еще будучи частнымъ человѣкомъ, раздѣлилъ между ними сто каппадокійскихъ и сицилійскихъ лошадей (они могли ихъ принять лишь послѣ того, какъ послѣдовало разрѣшеніе со стороны императора), а Симмахъ, по случаю квесторскихъ игръ своего сына, подарилъ имъ по пяти рабовъ каждому. Одинъ только разъ (въ 6 году послѣ Р. Х.) упоминается о томъ, что представители партій устроили игры на собственный счетъ и, какъ кажется, вмѣстѣ съ пантомимами; но возможно, что это случалось и чаще, такъ какъ объ играхъ, данныхъ послѣдними, позднѣе упоминается еще нѣсколько разъ [1]).

Многочисленный персоналъ партій состоялъ частью изъ рабовъ, частью же изъ свободныхъ людей, получавшихъ жалованье; къ нему принадлежали не только люди, нужные для ухода за лошадьми, чистки конюшенъ и ипподрома, но еще не малое количество ремесленниковъ, художниковъ и разнаго рода служащихъ. Каретные мастера, сапожники, портные, вышивальщики жемчугомъ, врачи, учителя (ѣзды), посыльные, курьеры [2]), экономы [3]), ключники, управляющіе—всѣ они упоминаются въ спискахъ и документахъ, какъ служащіе партій и часто со службы одной партіи переходили къ другой. Конюшни всѣхъ четырехъ партій находились всѣ вмѣстѣ въ девятомъ районѣ), по всей вѣроятности у подножія Капитолія близъ Фламиніева цирка [4]). Часть ихъ, по крайней мѣрѣ, была выстроена императорами (особенно Вителлій въ свое короткое правленіе потратилъ на эти постройки огромныя суммы) и, очевидно, онѣ были устроены съ царской роскошью, такъ какъ Калигула подолгу оставался въ конюшняхъ зеленыхъ и обыкновенно даже обѣдалъ тамъ. Отношеніе партій къ фиску и къ городскому управленію Рима остается совершенно невыясненнымъ [5]).

Цвѣта [6]), служившіе отличительными знаками партій, были бѣлый, красный, зеленый и голубой. Первоначально употреблялись только два первыхъ цвѣта, съ какого времени—неизвѣстно; современное упоминаніе объ этомъ устройствѣ относится лишь къ I вѣку до Р. Х. Возможно, что голубой и зеленый появились лишь въ началѣ императорской эпохи. Домитіанъ прибавилъ еще два цвѣта: золото и пурпуръ, которые имѣли, вѣроятно, значеніе исключительно императорскихъ цвѣтовъ, но вскорѣ, повидимому, были уничтожены, по крайней мѣрѣ, позднѣе они никогда болѣе не упоминаются [7]). Зеленые и голубые уже въ началѣ императорской эпохи оттѣснили старыя партіи на задній планъ; подъ конецъ онѣ съ ними соединились (бѣлые съ зелеными и красные съ голубыми), хотя онѣ, все-таки, не прекращали вполнѣ своего существованія [8]). Четыре цвѣта существовали въ Константинополѣ еще въ IX вѣкѣ; одинъ писатель XII вѣка говоритъ о партіяхъ, какъ о вещи уже исчезнувшей.

Раздѣленіе всего населенія Рима и Константинополя на партіи, груп-

---

[1]) Діонъ, LVI, 27. Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., III, 490. — [2]) «Bull. comm. di Roma», 1886, XIV, стр. 312, 1341. Выше, стр. 505, 10, «Bull. comm. di Roma», 1887, XV, стр. 263.—[3]) Тамъ же, 1342.—[4]) Hülsen-Jordan, «Topographie Roms», I, 3, стр. 595.—[5]) Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., III, 521, 3.—[6]) Тамъ же. стр. 517 слл.—[7]) C. I. L., VI, 10062.—[8]) «Anthol. Lat.» ed. Riese, 191, 5.

пировавшіяся вокругъ цвѣтовъ цирковыхъ партій, было однимъ изъ знаменательныхъ и удивительныхъ явленій императорскаго періода. Онѣ раздѣляли все огромное населеніе, начиная съ властителя міра и кончая пролетаріатомъ и рабами [1]), на четыре, а позднѣе на два лагеря. Для неестественности политическихъ условій ничто такъ не характерно, какъ это сосредоточеніе общаго интереса на этомъ предметѣ, и ничто другое не показываетъ съ такою ясностью все увеличивающагося умственнаго и нравственнаго одичанія Рима. Это раздѣленіе на партіи было, безъ сомнѣнія, пріятно правительству; даже лучшіе императоры дѣйствовали въ томъ направленіи, чтобы отклонить страсти массъ въ сторону, гдѣ онѣ могли проявляться, повидимому, безъ всякой опасности для престола, и мы не знаемъ, чтобы кто-нибудь попытался бороться съ этимъ зломъ. Напротивъ, многіе императоры сами принимали открытое участье въ борьбѣ партій; такъ Вителлій [2]) и Каракалла [3]) стояли за голубыхъ, Калигула [4]), Неронъ [5]), Домитіанъ [6]), Люцій Веръ [7]), Коммодъ [8]), Элагабалъ [9])—за зеленыхъ, которые въ раннiй періодъ императорской эпохи большею частью занимали первое мѣсто [10]). Императоры, однако, не довольствовались тѣмъ, что своимъ участьемъ усиливали борьбу партій; иногда они съ помощью самой грубой силы тѣснили и терроризовали безоружную противную партію. Широкія развѣтвленія имѣли партіи и въ народѣ уже потому, что онѣ имѣли систематическую организацію, располагали значительными суммами, содержали массу народа и давали ей работу и, конечно, не щадили никакихъ средствъ для того, чтобы увеличиться и усилиться. Но безконечно большее значеніе организація цвѣтовъ имѣла сама по себѣ, будучи какъ бы создана для потребности толпы при всякомъ состязаніи, происходящемъ передъ ея глазами, держать сторону за или противъ извѣстной партіи. Ей необходимъ какой-нибудь боевой крикъ, а о содержаніи его она и не спрашиваетъ. Лошадьми и возницами могло интересоваться сравнительно небольшое число знатоковъ и приверженцевъ, цвѣтами—каждый. Лошади и возницы мѣнялись, краски оставались все тѣ-же [11]). Въ теченіе тысячелѣтія боевой крикъ цвѣтовъ передавался отъ поколѣнія къ поколѣнію, все въ болѣе и болѣе дичавшемъ населеніи, и если и во время другихъ представленій эксцессы и безпорядки были дѣломъ обыкновеннымъ, то циркъ преимущественно былъ мѣстомъ дикихъ, даже кровавыхъ сценъ [12]). Правилъ-ли міромъ Неронъ или Маркъ Аврелій, спокойно ли было государство или его потрясали мятежи и гражданскія войны, угрожали-ли варвары римскимъ границамъ, или-же они были оттѣснены римскими войсками—въ Римѣ для знатныхъ и низкихъ, свободныхъ и рабовъ [13]), мужчинъ и женщинъ одинаково важенъ оставался вопросъ, побѣдятъ-ли зеленые или голубые, и онъ являлся предметомъ безчисленныхъ надеждъ и опасеній. Когда христіанство

[1]) Петрон., гл. 70. Friedlaender, «Cena Trim.», стр. 338.—[2]) Светон., «Вителл.», гл. 7. Діонъ, LXV, 5.—[3]) Діонъ, LXXVII, 10; ср. LXXVIII, 8.—[4]) Свет., «Калиг.», гл. 55. Діонъ, LIX, 14.—[5]) Свет., «Неронъ», гл. 23; Діонъ, LXIII, 6; Плин., «N. h.», XXXIII, 90.—[6]) Марті алъ, XI, 33, изд. Friedlaender, I, стр. 63.—[7]) «L. Ver.», гл. 4 и 6.—[8]) Діонъ, LXXII, 17.—[9]) Діонъ, LXXIX, 14.—[10]) Ср. Маpтіалъ, VI, 46 и XI, 33. Ювен., 11, 97.—[11]) Ср. Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., III, 517 слл.—[12]) Friedlaender, «Die Zirkusparteien in der Kaiserzeit», въ «N. Jahrb. f. Philol.», LXXIII, 745 слл.—[13]) Marquardt, ук. соч. 491, 4. C. I. L., VI, 9719. Партіи въ провинціяхъ: C. I. L. II, 4315, «Pass. Perp. et Felic.», гл. 13.

низвергло древнихъ боговъ, въ честь которыхъ учреждены были цирковыя игры, въ циркѣ партіи все съ тою-же страстностью боролись за первенство. Даже христіанъ не могли удержать увѣщанія ихъ проповѣдниковъ отъ посѣщеній игръ. Они возражали, что не слѣдуетъ пренебрегать радостями, которыя даетъ Господь по своей добротѣ. Они даже ссылались на священное писаніе и увѣряли, что, такъ какъ Илья на колесницѣ вознесся на небо, то искусство управлять колесницей не можетъ быть грѣховныхъ [1]). Еще Левъ X, епископъ римскій съ 442—460 г., горько жаловался передъ своей общиной, что постыдныя игры собираютъ больше народа, чѣмъ мѣста, освященныя мучениками, которые не допустили столицу погибнуть самымъ ужаснымъ образомъ отъ ордъ Аттилы [2]). Когда варвары стояли подъ стѣнами Карѳагена (439 г.), пишетъ священникъ Сальвіанъ Массильскій, населеніе Карѳагена безумствовало на гипподромѣ. Послѣ того, какъ Триръ трижды былъ взятъ и разрушенъ, среди знати, переживавшей его гибель, нашлись люди, требовавшіе отъ императора цирковыхъ игръ, которыя, такимъ образомъ, должны были происходить на развалинахъ и пеплѣ, на крови и прахѣ погибшихъ сограждапъ [3]).

Развитіе партій достигло самой высокой степени, однако, не на западѣ, не въ Римѣ, но въ Константинополѣ, гдѣ уже въ половинѣ IV вѣка страстное отношеніе зрителей къ представленіямъ, повидимому, вызвало волненія [4]). Въ эпоху, относительно которой мы болѣе освѣдомлены, несмотря на то, что двѣ слабѣйшія партіи продолжали существовать, борьба происходила собственно только между зелеными и голубыми. Здѣсь, гдѣ борьба, по крайней мѣрѣ по временамъ, принимала религіозную и политическую окраску, она свирѣпствовала съ удвоенною яростью и наполняла государство волненіями. Ради интересовъ партіи люди растрачивали состоянія, терпѣли мученія и смерть, совершали преступленія: партійные интересы стояли выше родственныхъ и дружескихъ связей, дома и отечества, религіи и закона; даже женщины, которыя въ то время не посѣщали никакихъ зрѣлищъ, были увлечены въ этотъ круговоротъ: его можно было назвать всеобщею душевною болѣзнью. Конскіе бѣга, по словамъ Хорицція (при Юстиніанѣ), приводили жителей скорѣе въ состояніе безумія, чѣмъ увеселяли ихъ, и привели уже къ гибели многіе большіе города [5]). Такъ называемый мятежъ Ники, вспыхнувшій въ константинопольскомъ циркѣ въ 532 году, едва не стоилъ Юстиніану престола и жизни, если-бы его не спасло присутствіе духа супруги его Ѳеодоры и вѣрность Велизара; при этомъ погибло тридцать тысячъ человѣкъ.— Весьма вѣроятно, что приверженцы партій носили соотвѣтствующіе цвѣта, по крайней мѣрѣ, въ циркѣ; на это есть, однако, только одно указаніе въ эпиграммѣ Мартіала, въ которой говорится, что пурпуровый плащъ не идетъ приверженцу зеленыхъ или голубыхъ; если-бы кто-нибудь изъ нихъ выигралъ его въ лоттереѣ, то это легко могло-бы повлечь за собою измѣну съ его стороны [6]).

[1]) P. E. Müller, «De gen. aev. Theodos.», II, стр. 59, прим.—[2]) Gregorovius, «Gesch. d. Stadt. Rom im Mittel.», 2 изд., I, 190.—[3]) Salvian., «de gubern. Dei», VI. Ср. стихотворенія Луксорія (жившаго въ началѣ VI в. въ Карѳагенѣ), «Anthol. Lat.» ed. Riese, 324—328.—[4]) «Expos. tot. mundi», 50 («Geogr. min. lat.» изд. Riese, 118, 6).—[5]) Choric. ὑπὲρ τῶν ἐν Διονύσου τὸν βίον εἰκονιζόντων, изд. Graux, «Revue de philol.» N. S. I. (1877) стр. 247, гл. 14, 4.—[6]) Мартіалъ, XVI, 131.

Современники такъ рѣдко упоминаютъ о римскомъ циркѣ и его партіяхъ, что нельзя прослѣдить, какъ это зло, сперва едва замѣтное, достигло гигантскихъ размѣровъ. О степени и распространеніи болѣзни намъ приходится судить по отдѣльнымъ симптомамъ. Еще въ послѣдній вѣкъ республики случилось, что при похоронахъ одного возницы партіи красныхъ, по имени Феликса, одинъ изъ его приверженцевъ бросился на его костеръ. Объ этомъ говоритъ Плиній Старшій по оффиціальной газетѣ, источнику въ данномъ случаѣ вполнѣ заслуживающему довѣрія [1]). Можно было бы подумать, что онъ былъ сумасшедшимъ, но Плиній прибавляетъ, что противная партія, желая уменьшить славу артиста, стала утверждать, будто самоубійца былъ приведенъ въ состояніе одуренія отъ сожигавшихся благовоній; конечно, она охотнѣе всего приписала бы самоубійство безумію, если бы это можно было сдѣлать съ какой нибудь степенью вѣроятности. Однако, несмотря на отдѣльные случаи, въ то время, и даже во время Августа, образованіе партій далеко еще не было закончено и не достигло такого развитія, какъ 50 лѣтъ спустя. Овидій избралъ циркъ мѣстомъ дѣйствія одной изъ своихъ элегій: сидя рядомъ со своею возлюбленной, онъ смотритъ на бѣга; онъ говоритъ о несущейся со старта [2]) разноцвѣтной толпѣ, но интересъ его и его дѣвушки сосредоточенъ не на какомъ-нибудь цвѣтѣ, но на личности одного возницы [3]). Горацій, который часто упоминаетъ объ интересѣ къ театру и гладіаторамъ, рѣдко говоритъ о циркѣ и никогда о партіяхъ. Партіи образовались лишь въ теченіе перваго вѣка и, отчасти, вслѣдствіе увлеченія циркомъ Калигулы, Нерона и Вителлія. О приверженности Калигулы къ партіи зеленыхъ уже была рѣчь; Діонъ разсказываетъ, что онъ приказывалъ отравлять лошадей и возницъ противной партіи [4]). Неронъ, будучи еще мальчикомъ школьнаго возраста, навлекалъ на себя порицанія со стороны своего учителя изъ-за нескончаемыхъ разговоровъ о цирковыхъ играхъ; когда однажды, несмотря на запрещеніе, онъ передъ своими товарищами высказывалъ сожалѣніе объ упавшемъ возницѣ зеленыхъ, котораго потащили лошади, и учитель сталъ его бранить, этотъ подававшій большія надежды ученикъ возразилъ, что онъ говорилъ о томъ, какъ Ахиллъ влекъ Гектора [5]). Будучи императоромъ, онъ не ограничивался тѣмъ, что всячески покровительствовалъ зеленымъ; онъ самъ выступалъ какъ представитель этой партіи, при чемъ циркъ, вмѣсто песку, былъ посыпанъ мѣдной зеленью (Chrysocolla); это произошло во время игръ, данныхъ имъ персидскому царю Тиридату [6]). Вителлій, не пренебрегавшій, какъ было уже говорено, обязанностью конюшеннаго слуги у партіи голубыхъ, своимъ положеніемъ правителя нижней Германіи обязанъ былъ могущественному при дворѣ Гальбы Титу Винію, съ которымъ его соединяла принадлежность къ одной партіи [7]). Достигнувъ престола, онъ въ циркѣ самымъ недостойнымъ образомъ искалъ популярности среди черни [8]) своею принадлежностью къ партіи; однако, онъ приказалъ также умертвить нѣсколько человѣкъ изъ народа, позволившихъ себѣ громко порицать голубыхъ, полагая, что они дѣлали это изъ презрѣнія къ нему самому и въ на-

---

[1]) Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд. III, 517, 5. Huebner, «De actis», стр. 42.— [2]) Овидій, «Amor.», III, 2, 78.—[3]) Тамъ же, 67 слл. «Ars am.» I, 145.—[4]) Діонъ, LIX, 14.—[5]) Светоній, «Неронъ», гл. 22.—[6]) См. выше, стр. 510, 4. Ср. Плин., «n. h.», XXXVI, 162.—[7]) Ср. стр. 510, 2, 3.—[8]) Тац., «Ист.», II, 91.

деждѣ на государственный переворотъ [1]). Несмотря на то, что послѣдующіе императоры не принимали непосредственнаго участія въ цирковой борьбѣ, благодаря все увеличивающейся и распространяющейся въ римскомъ обществѣ страсти къ играмъ, ростъ партій все продолжался; эта страсть, къ концу I вѣка до такой степени овладѣвшая умами, что уже не оставалось времени для благороднаго образованія, людямъ болѣе дальновиднымъ внушала серьезныя опасенія. Молодежь дома и въ обществѣ не говорила ни о чемъ другомъ, и сами учителя считали нужнымъ повсюду поддерживать эти разговоры [2]). Въ образованныхъ кругахъ разговоръ о голубыхъ и зеленыхъ сталъ излюбленнымъ уже всѣдствіе его политической безопасности [3]). Это былъ самый блестящій періодъ римской имперіи, когда интересы римскаго народа всецѣло сосредоточивались на знаменитомъ panem et circenses [4]). Въ правленіе Траяна вызывало удивленіе посторонняго наблюдателя то обстоятельство, какимъ образомъ вниманіе столькихъ тысячъ народа въ циркѣ могла приковывать не быстрота лошадей и не искусство возницъ, но кусокъ такъ или иначе окрашенной матеріи; если-бы среди бѣговъ они измѣнились, то измѣнились-бы и симпатіи и участіе: люди, узнававшіе и встрѣчавшіе издали лошадей и возницъ восторженными криками, немедленно оставили-бы ихъ. И если-бы только чернь такъ интересовалась жалкой туникой! Даже серьезные люди были ненасытны въ подобнаго рода разговорахъ; и Плиній Младшій, сдѣлавшій эти наблюденія, долженъ былъ чувствовать нѣкоторое удовлетвореніе отъ сознанія, что онъ выше подобныхъ интересовъ [5]). Если-бы зеленые побѣдили, пишетъ Ювеналъ въ правленіе Адріана, Римъ былъ-бы также убитъ и потрясенъ, какъ послѣ пораженія при Каннахъ [6]). Маркъ Аврелій, выросшій при дворѣ Адріана, чувствовалъ особенную благодарность къ своему воспитателю за то, что онъ уберегъ его отъ приверженности къ зеленымъ или къ голубымъ [7]). По всей вѣроятности онъ писалъ это, имѣя въ виду своего соправителя Люція Вера, который не только былъ вообще страстнымъ любителемъ цирковыхъ игръ и велъ по поводу ихъ обширную корреспонденцію съ провинціалами, но былъ также страстнымъ приверженцемъ зеленыхъ и самымъ неприличнымъ образомъ держалъ всегда ихъ сторону, вслѣдствіе чего даже въ присутствіи Марка ему часто приходилось терпѣть оскорбленія отъ голубыхъ [8]). Даже наставникъ обоихъ императоровъ Фронтонъ, при всемъ своемъ ученомъ педантизмѣ, не могъ уберечься отъ этой эпидемической страсти; какъ и слѣдовало ожидать, онъ держался той-же партіи, что его царственный ученикъ [9]), и даже страшные припадки подагры не могли удержать его отъ посѣщенія цирка [10]). Въ описаніи Рима того времени, написанномъ однимъ греческимъ путешественникомъ, характернымъ для него выставляется жизнь цирка, статуи возницъ, разговоры о циркѣ на улицахъ и площадяхъ и широкое распространеніе настоящей гиппоманіи, которая овладѣла даже многими съ виду порядочными людьми [11]); вполнѣ понятно, что отъ наблюдателя-иностранца ускользнуло значеніе партій, о которыхъ онъ совсѣмъ не упоминаетъ. Однако, Галенъ, жившій

---

[1]) Светон., «Вителл.», гл. 14.—[2]) Тац., «Діал.», гл. 29. Либан. изд. R. I, стр. 200, 3.—[3]) Мартіалъ, X, 48.—[4]) Ср. объ этомъ выраженіи стр. 484, 6, 7.—[5]) Плиній, «Письм.», IX, 6.—[6]) Ювен., 11, 197 сл.—[7]) М. Антон., «Comm.», I, 5.—[8]) «L. Ver.», гл. 6.—[9]) «Ad amicos», I, 6.—[10]) Тамъ же, II. 3.—[11]) Лукіанъ, «Нигринъ», 29.

въ Римѣ съ 163 по 65 и съ 169 года, увлеченія различными цвѣтами приводитъ какъ примѣръ неразумной страсти [1]) и упоминаетъ попутно о томъ, что сторонники голубыхъ и зеленыхъ нюхали навозъ бѣговыхъ лошадей, чтобы убѣдится въ удобоваримости и пригодности ихъ корма [2]).

При общей скудости извѣстій, относящихся къ III вѣку, мы и о циркѣ и его партіяхъ имѣемъ лишь рѣдкія и случайныя извѣстія; болѣе обстоятельны они лишь относительно правленія Каракаллы, который безъ всякаго стыда, на глазахъ у всѣхъ, самъ управлялъ колесницей на гипподромѣ [3]) и, когда однажды раздались ругательства по адресу одного возницы его (голубой) партіи, онъ отдалъ приказъ стражѣ умертвить крикуновъ и наполнилъ циркъ дикимъ смятеніемъ, насиліемъ и убійствомъ [4]).

Полтора столѣтія спустя Амміанъ Марцеллинъ рисовалъ нравы Рима уже въ ту эпоху, когда внутреннее разложеніе государства достигло самой высокой степени, и опасность съ востока и запада становилась все ближе и страшнѣе; страсть римлянъ къ цирку наполняла его изумленіемъ и презрѣніемъ, и удивительно, что онъ совсѣмъ не говоритъ о партіяхъ [5]). Для толпы циркъ былъ храмомъ, домомъ, мѣстомъ собраній и конечною цѣлью всѣхъ желаній. Повсюду можно было видѣть группы людей въ горячей бесѣдѣ о бѣгахъ, старики ссылались на свою многолѣтнюю опытность и клялись своими морщинами и сѣдинами, что государство погибнетъ, если случится не такъ, какъ они предсказываютъ. Въ дни цирковыхъ празднествъ народъ уже съ восходомъ солнца толпами устремлялся къ гипподрому. Многіе отъ страха и ожиданія проводили ночи безъ сна. Это было удивительное зрѣлище смотрѣть на эту безчисленную толпу, со страстнымъ волненіемъ слѣдящую за ходомъ бѣговъ. Не менѣе живо было также участіе гордой знати, которая герольдовъ извѣщавшихъ о выходѣ новыхъ возницъ и лошадей принимала такъ же, какъ нѣкогда были приняты Діоскуры, принесшіе въ Римъ извѣстіе о побѣдѣ надъ Тарквиніями [6]). И еще полтора столѣтія спустя, когда государство давно уже лежало въ развалинахъ, разбитое волнами варварскаго нашествія, и Римомъ правилъ царь готовъ Теодерихъ, въ циркѣ кипѣли все тѣ же страсти. Теодерихъ часто доставлялъ римлянамъ ихъ любимое зрѣлище, и за это толпа привѣтствовала его именемъ Траяна и Валентиніана, правленіе которыхъ онъ взялъ себѣ за образецъ [7]). Въ 509 году въ циркѣ произошла битва. Два сенатора, Импортунъ и Теодорикъ, сторонники голубыхъ, напали на партію зеленыхъ и одинъ человѣкъ былъ убитъ въ свалкѣ. Теодерихъ взялъ болѣе слабую партію подъ свою защиту [8]). Въ одномъ рескриптѣ (составленномъ ученымъ тайнымъ секретаремъ короля Кассіодоромъ), относящемся къ цирку, говорится, что достойно удивленія, почему въ циркѣ толпа приходитъ въ гораздо боль-

---

[1]) Galen., «de ord. libror. suor.» ed. Bas., стр. 369, ed. K. XIV, стр. 53.—[2]) Его же, «Method. therapeut.», IV, 6, изд. K. X, 478.—[3]) Діонъ, LXXVII, 10.—[4]) Геродіанъ, IV, 6.—[5]) Его пребываніе въ Римѣ относится къ его старости. Ср. E. Moeller, «De Ammiano Mercellino», Кенигсб. 1863, стр. 13—21.—[6]) Амміанъ, XIV, 6, 26; XXVIII, 4, 11 и 29. Ср. Симмахъ, X, 29 и 25.—[7]) «Exc. Valesii», 60. (Ammian. ed. Wagner et Erfurdt, I, стр. 620). Cassidor. «Chron.», 519. Ср. Gregorovius, «Gesch. Roms im Mittelalter», 2 изд. I, 288—292.—[8]) Cassiodor., «Var.», I, 20 и 27, ср. 30—33.

шее волненіе, чѣмъ во время какихъ-либо другихъ зрѣлищъ [1]). Зеленый беретъ верхъ, часть народа огорчена; побѣждаетъ голубой—печалится другая часть народа; не получая никакой прибыли, они страстно торжествуютъ; не терпя никакого убытка, они испытываютъ глубокую печаль; къ самому ничтожному спору они относятся съ такою горячностью, какъ будто дѣло идетъ объ отечествѣ, находящемся въ опасности. Цирковыя игры все еще вытѣсняли все серьезное, являлись причиной самой безполезной борьбы, уничтожали справедливость и являлись оплодотворяющимъ источникомъ для вражды и раздора. Онъ заканчиваетъ разсужденіемъ, что справедливо можно сказать, что эти зрѣлища, столь далекія отъ благопристойности, посвящены идолопоклонству. Король поощряетъ ихъ лишь изъ угожденія народу, который привыкъ искать въ циркѣ отдыха, а иногда приходится быть глупымъ и удовлетворять его желанія. Впрочемъ, при Теодерихѣ уже не весь циркъ занятъ былъ состязаніями колесницъ. Въ одномъ изъ его рескриптовъ говорится, что одна башня цирка (а также одно мѣсто въ амфитеатрѣ) принадлежало сенатору Волусіану, но послѣ его смерти несправедливо было отнято у его дѣтей [2]).

Такимъ образомъ, борьба цвѣтовъ пережила западную римскую имперію и окончилась въ Римѣ лишь вмѣстѣ съ цирковыми играми. Послѣдніе бѣга колесницъ устроилъ въ уже опустѣвшемъ и обѣднѣвшемъ городѣ готскій король Тотила [3]).

Чтобы получить представленіе о великолѣпіи, съ какимъ высшіе сановники Рима давали игры въ ранній періодъ имперіи, намъ приходится пользоваться очень позднимъ источникомъ, сохранившеюся перепиской Симмаха, относящеюся къ IV вѣку, о приготовленіяхъ къ преторскимъ играмъ его сына. Дѣйствительно, врядъ ли римскіе сенаторы первыхъ вѣковъ уступали своимъ потомкамъ времени Ѳеодосія въ богатствѣ и любви къ царственному великолѣпію, и приготовленія тѣхъ и другихъ къ даваемымъ ими играмъ едва-ли различались между собою чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ способа доставки необходимаго аппарата, людей и лошадей. Въ началѣ имперіи, повидимому, партіи брали на себя доставку всего нужнаго, тогда какъ Симмахъ, по крайней мѣрѣ, судя по его письмамъ, покупалъ лошадей и нанималъ людей безъ ихъ содѣйствія. Хотя Симмахъ (какъ уже сказано) и не принадлежалъ къ самымъ богатымъ сенаторамъ своего времени, и игры его сына могли значительно уступать играмъ другихъ лицъ [4]), все-таки, онѣ несомнѣнно произвели большое впечатлѣніе и могутъ служить мѣриломъ лишь для игръ, выдающихся по великолѣпію.

Квинтъ Аврелій Симмахъ [5]), владѣвшій въ Римѣ тремя дворцами [6]), занималъ высшія государственныя должности и во всѣхъ отношеніяхъ былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся людей своего времени. Съ кружкомъ родственныхъ ему по духу людей онъ съ чрезвычайной энергіей старался спасти

[1]) Тамъ же, III, 51.—[2]) Cassiodor., «Var.», IV, 42.—[3]) Gregorovius, ук. соч. I, 436.—[4]) Ср. выше, стр. 493, 4.—[5]) Ср. о немъ De Rossi, «Ann dell'Inst. di corr. arch.», XXI, стр. 283 сл.; Jahn, «Berichte der Sächs. Ges.» 1851, 14 янв. и Seeck, «De Symmachi vita», и т. д. въ изд. Симмаха, 1883.—[6]) Ср. Seeck., ук. соч.

передъ побѣдоносньмъ христіанствомъ уже потерянное дѣло язычества. Старанія его и его друзей направлены были къ тому, чтобы оживить классическую литературу и религію, съ которою игры находились въ самой тѣсной связи. Христiане презирали ихъ, какъ безбожную мерзость, а Симмахъ, по всей вѣроятности, по этой же причинѣ считалъ своимъ священнымъ долгомъ по мѣрѣ силъ поддерживать столь важный для его находящейся въ опасности религіи институтъ, тѣмъ болѣе, что онъ занималъ двѣ высшія жреческія должности. Другія еще причины свѣтскаго характера увеличивали его рвеніе: высокое представленіе о томъ, что приличествуетъ величію римскаго народа, достоинство его дома и желаніе не отставать отъ своихъ товарищей по положенію [1]). Итакъ, онъ употреблялъ всѣ средства, какими онъ могъ располагать благодаря своему большому вліянію, своему все же значительному состоянію и обширнымъ связямъ, чтобы игры во время претуры его сына (въ 401 году) [2]) по возможности еще превзошли ожиданія особенно напряженныя, вслѣдствіе блеска его прежнихъ игръ [3]). Необходимыхъ для цирковыхъ игръ лошадей онъ выписалъ почти исключительно изъ Испаніи. Человѣку въ его положеніи было не трудно пользоваться для своей надобности услугами императорской почты [4]). Такимъ образомъ, въ Испанію отправлены были многочисленные агенты, снабженные большими денежными суммами [5]), указаніями и письмами къ владѣльцамъ лучшихъ конскихъ заводовъ [6]) и къ знатокамъ лошадей, которые должны были помочь при выборѣ [7]), и сверхъ того, онъ просилъ для нихъ содѣйствія вліятельныхъ и должностныхъ лицъ Испаніи [8]). Симмахъ считалъ нужнымъ удовлетворить любовь публики къ разнообразію; поэтому онъ проситъ владѣльца лошадьми Евпраксія пріобрѣсти ему четыре четверки изъ конюшенъ нѣкоего Лавдакія [9]), хотя знаетъ, что собственныя его лошади благородствомъ крови превосходятъ всѣ прочія испанскія породы. Вообще его агентамъ поручено было выбрать наилучшихъ скакуновъ изъ всѣхъ расъ [10]). Такъ какъ приходилось производить столь тщательный выборъ, а дѣло и безъ того было трудное, то оно затянулось, такъ что наступленіе зимы грозило прекратить сообщеніе и помѣшать перевозкѣ въ Италію. Симмахъ на всякій случай написалъ своему другу во Францію, чтобы на три, четыре зимнихъ мѣсяца онъ пріютилъ и прокормилъ лошадей у себя въ конюшняхъ, и если случайно въ округѣ Арля есть хорошіе скакуны, то прикупилъ-бы и ихъ [11]). При такомъ продолжительномъ переѣздѣ неизбѣжны были болѣзни и другія несчастья, уменьшавшія количество лошадей; изъ четырехъ четверокъ, подаренныхъ нѣкоимъ Саллюстіемъ, живыми прибыло только одиннадцать лошадей, изъ которыхъ вскорѣ пало еще нѣсколько [12]). Поэтому приняты были предложенія одного коннозаводчика въ Италіи, Гельпидія, отобрать для него лучшія изъ своихъ четверокъ, но Симмахъ проситъ его обращать при этомъ больше вниманія на ихъ качество, чѣмъ на количество: бо́льшее число лошадей онъ надѣется получить изъ Испаніи, а потому выборъ лошадей, находящихся поблизости, можетъ быть произведенъ съ тѣмъ большею тщательностью [13]).

[1]) Симмахъ, «Письм.», IV, 60; IX, 132.—[2]) Seeck, стр. LXXII.—[3]) Симмахъ, «Письм.», IV, 58—60, V, 82.—[4]) Тамъ же, IV, 6. Ср. VII, 48, 105 сл. IX, 22.—[5]) Тамъ же, IX, 20.—[6]) Тамъ же, IV, 60; IX, 18 сл.—[7]) IX, 12.—[8]) IV, 6; V, 83; VII, 82; 105 сл. IX, 23.—[9]) IV, 63.—[10]) VII, 48.—[11]) IX, 20 и 24.—[12]) V, 36.—[13]) V, 82.

Вслѣдствіе несовершенства и неправильности сообщенія по морю, наемъ возницъ доставилъ также много хлопотъ Симмаху, хотя онъ выписывалъ ихъ только изъ Сициліи. Какъ только сицилійскій агентъ извѣстилъ его объ ихъ отплытіи, онъ поручилъ своему зятю, жившему въ Неаполѣ, послать вдоль берега до Салерно надежныхъ людей, которые при высадкѣ должны были ихъ принять. Затѣмъ, одинъ общій другъ долженъ былъ снабдить ихъ всѣмъ нужнымъ и на кораблѣ отправить ихъ далѣе въ Римъ. Но время проходило, а ничего не было слышно объ ихъ прибытіи, такъ что Симмахъ счелъ нужнымъ потребовать отъ одного изъ чиновниковъ, чтобы онъ велѣлъ изслѣдовать весь берегъ. Прибылъ-ли корабль во время, мы не знаемъ [1].

Приближеніе празднествъ, къ которымъ дѣлались такія колоссальныя приготовленія, наполняло весь Римъ волненіемъ и оживленіемъ. Не было конца разговорамъ, спорамъ и пари объ исходѣ ожидаемыхъ бѣговъ [2]. Спрашивали астрологовъ [3]. Фирмикъ Матернъ совѣтуетъ астрологамъ держаться вдали отъ соблазновъ, представляемыхъ играми, чтобы никто не могъ считать ихъ приверженцами какой-нибудь партіи [4]. Прибѣгали и къ колдовству съ цѣлью ускорить или замедлить бѣгъ лошадей [5]. На могилы клались свинцовыя дощечки, на которыхъ живущіе въ могилахъ демоны заклинались повредить названнымъ поименно лошадямъ и возницамъ и замедлить ихъ бѣгъ; значительное количество подобнаго рода дощечекъ найдено на Аппіевой дорогѣ и близъ Кароагена. На одной изъ нихъ мы читаемъ: пусть демонъ отниметъ у лошадей силу, такъ, чтобы онѣ не были въ состояніи ни бѣжать, ни итти, ни сойти съ мѣста, ни бѣжать впередъ по гипподрому, ни обогнуть мету, но пусть онѣ упадутъ вмѣстѣ со своими возницами; демонъ пусть отниметъ у возницъ зрѣніе или лучше пусть выхватитъ ихъ съ колесницъ и броситъ на землю такъ, чтобы ихъ поволокли лошади, ударили-бы о мету, разбили-бы ихъ и разбились бы сами. Согласно другому заклинанію, возница „завтра въ циркѣ долженъ быть связанъ, какъ связанъ этотъ пѣтухъ по рукамъ, ногамъ и головѣ“ [6]. Амміанъ разсказываетъ между прочемъ объ одномъ возницѣ, который въ 364 году былъ приговоренъ къ смерти за то, что отдалъ своего сына, мальчика, волшебнику для обученія запрещенной магіи [7]. Другой обратился къ святому Иларіону съ просьбой защитить его отъ волшебника, который съ помощью заклинаній духовъ связываетъ бѣгъ его лошадей [8]. Кассіодоръ упоминаетъ о пріѣхавшемъ съ востока возницѣ Ѳомѣ, котораго изъ-за частыхъ побѣдъ на бѣгахъ считали волшебникомъ [9]. Среди людей, работавшихъ въ циркѣ, суевѣріе которыхъ несомнѣнно усиливалось вслѣдствіе опасности ихъ ремесла, употребленіе амулетовъ было сильно распространено. Къ нимъ, до нѣкоторой степени,

---

1) IV, 42 и 33.—2) Ювен., 9, 201. Мартіалъ, X, 1, 14. Тертулл., «de spect.», гл. 16. — 3) Tzetzes, «Chil.», XIII, «hist.», 479, 497.—4) Firmic. Matern., «Mathes.», II, 33 сл.—5) Арноб., I, 53; Veget. «de arte veterin.», V (III), 73 (74). Ср. Gothofred., «ad Cod. Theodos.», IX, 16, 11. P. E. Mueller, «De gen. aev. Theodos.», II, стр. 70; Lobeck, «Aglaoph.», стр. 223.—6) Delattre, «Inscriptions imprecatoires trouvées à Carthage» (Bull. de corr, hell. 1888, стр. 204 слл.). Bücheler, «Rhein. Mus.», XLV (1890), стр. 330 R. Wünsch, «Die Sethianischen Verfluchungstafeln aus Rom» (1898) и «Neue Fluchtafeln», «Rhein. Mus.», LV, 1900, стр. 248, № 15.—7) Амміанъ Марц., XXVI, 3, 3; Ср. XXVIII, 1, 27; 4, 25.—8) Hieronym. «Vita Hilarion.», гл. 8.—9) Cassiodor., «Var.», III, 51.

какъ видно, относились выбитыя спеціально для возницъ, атлетовъ и другихъ актеровъ монеты съ высокимъ краемъ и изображеніемъ Александра Великаго, которому очень распространенное вѣрованіе приписывало особенную спасительную силу [1]). Чтобы защитить лошадей отъ колдовства, ихъ обвѣшивали колокольчиками [2]).

Когда наступалъ, наконецъ, желанный день цирковыхъ игръ, то еще задолго до восхода солнца улицы наполнялись народомъ, спѣшившимъ въ циркъ. Однажды ночью Калигула былъ разбуженъ шумомъ толпы, стремившейся въ циркъ; онъ приказалъ палками разогнать народъ, и во время возникшей вслѣдствіе этого свалки погибло двадцать человѣкъ изъ сословія всадниковъ, столько же замужнихъ женщинъ и безчисленное множество простого народа [3]). Однажды Элагабалъ велѣлъ выпустить въ многочисленную толпу, уже собравшуюся, какъ обыкновенно, до восхода солнца, массу змѣй, укусы которыхъ въ темнотѣ вызывали двойной ужасъ и общее бѣгство, при чемъ погибло много народа [4]). При Клавдіи и Неронѣ всадники и сенаторы получили особыя мѣста, доступъ къ которымъ былъ, конечно, удобенъ, тогда какъ многія тысячи изъ третьяго сословія, несмотря на большое число ходовъ, лишь съ большимъ трудомъ могли добраться до своихъ мѣстъ, такъ какъ при огромномъ населеніи и любви къ зрѣлищамъ въ циркѣ, по крайней мѣрѣ въ ранній періодъ имперіи, не хватало мѣста. Обладаніе двумя сильными рабами мэзійцами, подъ защитою которыхъ можно было бы безопасно достигнуть хорошаго мѣста, во времена Адріана было завѣтнымъ желаніемъ каждаго бѣдняка [5]). Въ продажѣ были подушки для сидѣнья, набитыя грубой мочалой (такъ-наз., цирковыя подушки) [6]). Такъ какъ вообще мѣста для зрителей находились подъ открытымъ небомъ, единственной защитой отъ солнца были шляпы и зонтики, отъ вѣтра и дождя—только плащи. Несмотря на все это, циркъ усиленно посѣщали женщины, которыя, не взирая на давку, жару и пыль, являлись сюда въ своихъ лучшихъ нарядахъ; ихъ присутствіе дѣлало игры еще болѣе привлекательными для мужчинъ, такъ какъ, какъ уже сказано, женщины сидѣли среди нихъ [7]).

Цирковымъ играмъ предшествовала религіозная церемонія. Съ Капитолія спускалась большая процессія съ многочисленными изображеніями боговъ и шла черезъ разукрашенный форумъ, далѣе направо, мимо лавокъ тосканскаго квартала, черезъ velabrum и воловій рынокъ, она двигалась къ среднимъ главнымъ воротамъ цирка и вдоль гипподрома, мимо метъ. Во главѣ ея на высокой колесницѣ ѣхалъ магистратъ, устраивавшій игры, консулъ или преторъ, въ одеждѣ полководца-тріумфатора въ широкой, ниспадающей складками пурпурной вышитой золотомъ тогѣ, въ туникѣ съ узоромъ изъ пальмовыхъ вѣтвей, со скипетромъ изъ слоновой кости, украшеннымъ орломъ; государственный рабъ держалъ надъ его головой большой вѣнокъ изъ золотыхъ дубовыхъ листьевъ, украшенный драгоцѣнными камнями. Въ колесницѣ или на лошадяхъ, какъ и во время тріумфа, ѣхали, повидимому, его дѣти. Впереди шли музыканты и другіе участники процессіи, толпа кліентовъ въ

[1]) De Rossi, «Bull. di corr. arch.», 1869 (VII), стр. 60 сл. Lobeck, «Aglaoph.», стр. 1171.—[2]) Jahn, «Columb. d. Villa Pamfili», стр. 48. Ср. Bruzza, «Bull. di corr. arch.», 1877, стр. 84.—[3]) Светон., «Калиг.», гл. 26.—[4]) »Elagab.», гл. 23.—[5]) Ювен., 9, 142.—[6]) Мартіалъ, XIV, 160. Сенека, «De vit. b.», 25, 2.—[7]) Ср. т. I, стр. 284.

бѣлыхъ тогахъ окружала колесницу. Больной Августъ однажды приказалъ себя нести на носилкахъ, чтобы не лишиться такого почета. Процессія двигалась при звукахъ флейтъ и трубъ, на носилкахъ и тронахъ несли изображенія боговъ, нѣкоторыя везли на красиво украшенныхъ драгоцѣнныхъ колесницахъ, въ которыя были запряжены лошади, мулы и слоны; они были украшены своими атрибутами, многочисленные жрецы и религіозныя корпораціи сопровождали ихъ. Церемоніалъ этой процессіи былъ опредѣленъ до малѣйшихъ подробностей съ педантической точностью, свойственной римскому культу, и малѣйшее уклоненіе могло сдѣлать недѣйствительнымъ все торжество, и игры должны были начинаться съизнова. Такъ какъ люди, въ интересахъ которыхъ было такое повтореніе, могли, погрѣшая противъ церемоніала, произвольно вызывать его, то Клавдій издалъ указъ, по которому цирковыя игры могли быть возобновлены только на одинъ день, такъ что злоупотребленія такимъ образомъ почти устранялись. Это шествіе и ѣхавшаго во главѣ его магистрата [1]) собраніе привѣтствовало вставаніемъ, рукоплесканіями и криками одобренія, и подобно тому, какъ еще теперь въ Италіи во время процессій съ иконами многіе призываютъ своихъ патроновъ и отдаютъ себя подъ ихъ защиту, такъ и тогда поселяне рукоплескали Церерѣ, солдаты Марсу, любовники Венерѣ и думали, какъ говоритъ Овидій, что изображеніе киваетъ имъ головой въ знакъ согласія, если оно качалось на своей колесницѣ. Здѣсь высказывались при случаѣ, какъ уже было сказано [2]), и политическія симпатіи и желанія, тѣмъ болѣе, что въ шествіи, кромѣ изображеній боговъ, везли также изображенія императоровъ и особъ императорской фамиліи, въ особенности тѣхъ, которымъ въ то время такъ щедро раздавались божескія почести. Передъ серьезнымъ наблюдателемъ времени Тита или Траяна должны были вставать великія и мрачныя картины прошлаго, когда передъ нимъ проходили изображенія красивыхъ мужчинъ и женщинъ изъ фамиліи цезарей, когда онъ вглядывался въ геніальныя черты перваго Цезаря, въ загадочное и глубокое лицо Августа, въ безупрѣчную красоту той женщины, которая владѣла Августомъ, когда смотрѣлъ на прекраснаго Германика, на благородную Агриппину и на всѣхъ остальныхъ, вплоть до трогательнаго образа отрока Британника, нѣжной, подающей такія большія надежды юной жизни котораго былъ опредѣленъ судьбой такой ужасный конецъ. Большинству, однако, много разъ видѣнное шествіе, двигавшееся съ торжественной медленностью, казалось безконечнымъ: его сравнивали со скучнымъ предисловіемъ.

Чтобы опредѣлить направленіе бѣга [3]), въ началѣ и концѣ отмѣреннаго для этого пространства поставлены были три конусообразныя колонны, и между этими двумя конечными точками во всю длину гипподрома была поставлена низкая стѣна (или стѣны, окруженныя бассейнами воды) [4]), на которой стояли оба упомянутые выше обелиска, колонны, изображенія боговъ и маленькіе храмы. Первоначально въ большомъ циркѣ по обѣ стороны отъ главныхъ среднихъ воротъ находилось по четверо воротъ, всего, слѣдова-

[1]) Светон., «Клавд.», гл. 12. Mommsen, «Staatsr.», 3 изд. I, 394, 4.—[2]) Стр. 488, сл.—[3]) Zangemeister, «Rilievo di Foligno», «Ann. dell'Inst. di corr. arch.», 1870, стр. 232, слл. Ср. также Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд. III, 504, 6.—[4]) Zangemeister, ук. соч., стр. 248.

тельно, ихъ было восемь; число это, вѣроятно, при Домитіанѣ было увеличено до двѣнадцати, какъ и число партій съ четырехъ до шести. Когда стало опять только четыре партіи, стали возможны бѣга съ тремя колесницами отъ каждой партіи, но это бывало рѣдко; гораздо чаще происходили бѣга при двухъ колесницахъ отъ каждой партіи, а самыми обыкновенными были бѣга четырехъ колесницъ, по одной отъ каждой партіи [1]). Упомянутый выше Діоклъ въ состязаніяхъ перваго рода побѣдилъ 51 разъ, второго—347, третьяго—1064 раза. Обыкновенно четыре участвующія въ бѣгахъ колесницы вылетали изъ четырехъ правыхъ, ближайшихъ отъ главныхъ воротъ. Чтобы сравнять разницу въ длинѣ путей, которые должны были пройти колесницы, ворота расположены были не по прямой, а по кривой линіи, такъ что ворота, лежащія ближе всего къ срединѣ, находились далѣе всѣхъ, остальныя расположены были ближе; кромѣ того, мѣста, какъ кажется, выбирались по жребію. Колесницы пробѣгали пространство по правую сторону стѣны, считая отъ выхода, до лежащихъ напротивъ предѣльныхъ колоннъ, огибали ихъ и бѣжали назадъ по лѣвую сторону стѣны до мѣста отправленія. Этотъ двойной бѣгъ повторялся семь разъ; для того, чтобы зрители въ каждую минуту могли знать, сколько туровъ изъ семи было уже сдѣлано, на стѣнѣ, между предѣльными колоннами на достаточной высотѣ помѣщались семь дельфиновъ и столько же яйцеобразныхъ оваловъ, и послѣ каждаго круга одинъ изъ этихъ знаковъ убирался. Побѣдителемъ считался тотъ, кто во время послѣдняго 7-го круга первымъ переѣзжалъ черезъ начерченную мѣломъ на землѣ, по правую сторону, вблизи входа, линію [2]). Кромѣ приза побѣдителя, выдавался еще второй и третій призъ [3]). Число состоящихъ изъ семи круговъ бѣговъ [4]) не всегда было одинаково. Въ началѣ имперіи обыкновенно ихъ было десять или двѣнадцать [5]) въ одинъ день. Въ 37 году во время праздника посвященія храма Августу устроеннаго Калигулой, въ первый день было 20 бѣговъ, во второй—24. Число это, при которомъ представленіе продолжалось цѣлый день съ утра до вечера, вскорѣ стало обычнымъ [6]), а со времени Нерона постояннымъ, т. ч. меньшее число бѣговъ бывало лишь во время второстепенныхъ праздниковъ [7]). Болѣе 24-хъ бѣговъ бывало или во время чрезвычайныхъ игръ [8]), или, если въ одинъ день совпадали два праздника, какъ напримѣръ въ IV вѣкѣ 8-го сентября приходился день рожденія Траяна и побѣда Константина надъ Лициніемъ, 8-го ноября день рожденія Нервы и Констанція II-го; въ оба эти двойные праздника бывало двойное число бѣговъ—48 [9]). Во время трехъ другихъ особенно высоко чтимыхъ праздниковъ бывало по 30 или 36 бѣговъ [10]). Однако, если число бѣговъ бывало значительно больше 24-хъ, то продолжительность отдѣльныхъ бѣговъ, смотря по надобности, могла сокращаться.

---

[1]) Бѣга семи колесницъ въ Александріи: Philo, «de animal.», § 58.—[2]) Лукрец., VI, 92. Varro, «Satt. Menipp.», 288, (Bücheler).—[3]) Ср. C. I, L., VI, 10048, 10055.—[4]) Ср. C. I. L, VIII, 9052 строк. 10 и 15.—[5]) Marquardt, «Staatsverw», 2 изд. III, 514 сл.—[6]) См. фасты Филокала, C. I. L., I стр. 334, слл.—[7]) Въ фастахъ Филокала только для праздниковъ Карны и Лорія (?) указываются 12 бѣговъ.—[8]) Marquardt, ук. соч. 515, 2.—[9]) Mommsen, «C. I. L.». I, 387 сл.—[10]) Согласно фастамъ Филокала 30 бѣговъ происходило 13 ноября (Iovis epulum), 25 дек. (natalis invicti Solis); 36—22 окт. (ludorum Solis dies extremus).

Въ обыкновенныхъ бѣгахъ участвовали колесницы, запряженныя парой, четверкой, изрѣдка тройкой [1]). На парахъ пробовали свои силы новички. Гробница одного возницы, принадлежащаго къ сословію рабовъ и умершаго на 22-мъ году въ Тарраконѣ, гласитъ: „въ этой могилѣ покоится прахъ новичка въ искусствѣ бѣговъ, который, однако, не былъ несвѣдущимъ въ управленіи лошадьми. Я осмѣливался уже всходить на колесницу, запряженную четверкой, но оставался, все-таки, при парѣ" [2]). Но упомянутый выше Кресцентъ уже тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ управлялъ четверкой, а возжи лошадей, запряженныхъ парой, часто можно было видѣть въ рукахъ еще болѣе молодыхъ мальчиковъ [3]). Виртуозы искусства (которые вообще показывали разные необыкновенные фокусы) на пари правили шестью, семью, восемью и девятью лошадьми [4]). На колесницѣ, запряженной десятью лошадьми, выступалъ Неронъ въ Олимпіи, хотя въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ порицаетъ за это царя Митридата (который по другимъ извѣстіямъ правилъ даже 16-ю лошадьми) [5]), и получилъ призъ, хотя бѣга были очень несчастливы [6]). Двухколесныя колесницы, форма которыхъ всѣмъ извѣстна по многочисленнымъ античнымъ изображеніямъ, были очень малы и легки. При самыхъ излюбленныхъ бѣгахъ четверками, всѣ четыре лошади запрягались рядомъ, при чемъ самая лучшая шла, какъ уже было сказано, на лѣвой пристяжкѣ, среднія запрягались въ дышло, иногда даже всѣ три правыя. На болѣе подробныхъ рисункахъ видно, что хвосты обѣихъ пристяжекъ подвязаны или даже подрѣзаны, очевидно съ тою цѣлью, чтобы они не спутались съ другими лошадьми [7]). Возница стоялъ на колесницѣ, одѣтый въ короткую, на верхней части тѣла туго зашнурованную тунику, безъ рукавовъ, на головѣ—шлемообразная шапка, закрывающая также лобъ и щеки—при паденіи она представляла нѣкоторую защиту, въ рукѣ—бичъ, за поясомъ—ножъ, чтобы въ случаѣ несчастья разрѣзать поводья: эта предосторожность была необходима тѣмъ болѣе, что возжи обыкновенно привязывались у кушака [8]). Цѣлебнымъ средствомъ въ случаѣ, безъ сомнѣнія, очень частыхъ пораненій, особенно, когда лошади волокли возницу или переѣзжали его, былъ кабаній навозъ, употребляемый какъ наружное средство и какъ питье. Сообщаютъ, что и Неронъ пилъ размѣшанную въ водѣ его золу [9]). Туники (также, конечно, сбруя и колесницы) были четырехъ цвѣтовъ [10]).

Передъ началомъ зрѣлища [11]) во взволнованной толпѣ начиналось глухое броженье, подобное шуму волнующагося моря. Глаза всѣхъ были устремлены на сводчатыя ворота, пока прегражденныя веревкой, въ которыхъ, ударяя копытами и фыркая, стояли готовыя къ бѣгамъ лошади. Предсѣдатель праздника, стоявшій на балконѣ, который находился надъ главнымъ входомъ,

---

[1]) Marquardt, ук. соч., стр. 524.—[2]) «Anthol. Lat.», изд. Meyer, 1428, C. I. L., II, 4314. «Bull. commun. di Roma», 1886, 312, 1343.—[3]) Ср. C. I. L., VI, 10078.—[4]) Marquardt, ук. соч. 52!, 4. C. I. L., VI. 10049, 10051.—[5]) Аппіанъ, XII, 112.—[6]) Светон., «Неронъ», гл. 24.—[7]) Zangemeister, стр. 259, сл.—[8]) Ср. Gurlitt, «Antike Denkmäler», «Epigr. arch. Mitteil.», I, 20. «Bull. comm. di Roma», IV (1876), стр. 718, 9 табл. 21, 2.—[9]) Плин., «N. h.», XXVIII, 237.—[10]) Brizio, «Musaici di Barcano», «Bull. di corr. arch.», 1873, стр. 133 сл. Marquardt, «Staatsverw.», 519, 4.—[11]) Ср. Отцовъ церкви, напр. Лактан., «Inst. div.», VI, 20, Григ. Нисск. «De vita Mos.», нач. и особенно Сил. Итал, XVI, 315, слл.

давалъ знакъ начинать, бросая на гипподромъ бѣлый платокъ. Совершенно такъ же, какъ нѣкогда Энній видѣлъ и описывалъ народъ въ циркѣ, съ нетерпѣніемъ ожидавшій знака консула [1]), четыреста лѣтъ спустя рисуетъ его христіанскій писатель Тертулліанъ, для котораго языческія игры были грѣховными и ведущими къ погибели, а падающій на гипподромъ платокъ казался низвергающимся съ высоты Люциферомъ [2]). Наконецъ, веревка, преграждающая ворота, падаетъ [3]), благодаря неизвѣстному намъ механизму, ворота одновременно съ этимъ открываются, колесницы несутся на гипподромъ, и страшный крикъ со всѣхъ сторонъ потрясаетъ воздухъ. Вскорѣ густое облако пыли скрываетъ изъ глазъ колесницы [4]) (хотя въ промежуткахъ гипподромъ, вѣроятно, поливался водою), на которомъ возницы, наклонившись впередъ, криками подгоняютъ лошадей. Пространство, которое имъ необходимо было пройти, равнялось приблизительно $8^1/_4$ километрамъ; такимъ образомъ, каждые бѣга продолжались не болѣе четверти часа. Для того, чтобы выиграть, ловкіе и опытные возницы прибѣгали къ разнаго рода хитростямъ. Если они шли впереди, то начинали вдругъ бѣжать вкось, преграждая, такимъ образомъ, путь идущимъ сзади колесницамъ; если они находились посрединѣ бѣгущихъ колесницъ, то, „довѣряя свободному пути", они описывали широкія круги съ правой стороны; то они направлялись прямо къ цѣли; особенно часто они старались оттянуть рѣшающій моментъ до конца бѣговъ [5]), берегли силы лошадей до послѣдняго пробѣга и тогда легко опережали новичковъ, которые сначала спѣшили впередъ, а теперь напрасно погоняли бичемъ своихъ усталыхъ лошадей. Каждый поворотъ въ бѣгахъ, каждый новый моментъ въ ихъ ходѣ для возницъ и для знатоковъ изъ зрителей былъ очень важенъ и имѣлъ вліяніе на оцѣнку выигранной побѣды. Побѣда такихъ возницъ, которые сначала находились среди послѣднихъ, кажется, цѣнились выше, чѣмъ если кто сразу шелъ впереди или вторымъ. Возницы часто падали съ колесницъ, и лошади волокли ихъ; но наибольшая трудность и опасность заключалась въ томъ, что надо было семь разъ обогнуть мету. Стремясь сдѣлать наиболѣе крутой поворотъ, возницы сталкивались другъ съ другомъ, и колесницы разбивались или одна объ другую, или о каменную мету, слѣдующія наѣзжали на нихъ, возницы налетали другъ на друга [6]), и люди, животныя и обломки колесницъ образовывали какой-то дикій кровавый клубокъ.

Самымъ интереснымъ зрѣлищемъ, какъ справедливо говоритъ одинъ христіанскій писатель, были сами зрители [7]). Мѣста для зрителей, занимавшія очень значительное пространство и расположенныя рядами, одинъ надъ другимъ, были полны волнующимся моремъ людей, и вся эта огромная масса была охвачена одною страстью, которая граничила съ безуміемъ. Напряженное состояніе усиливалось по мѣрѣ того, какъ бѣга близились къ концу: это былъ страхъ, ярость, ликованіе и полная распущенность. Не спуская глазъ съ колесницъ, они рукоплескали и кричали изо всѣхъ силъ, вскаки-

[1]) Цицер., «De div.», I, 48.—[2]) Тертулл., «de spect.», гл. 16.—[3]) Ср. Huebner, «Mus. di Barcellona», «Ann. dell'Inst. di corr. arch.», стр. 150—152.—[4]) Frontin., «De aquis», стр. 97.—[5]) Манилій, «Астрон.», V, 71—84. Ср. Philo, «de animal.», гл. 58.—[6]) Choric., ук. соч. (см. выше, стр. 515, 5), гл. 19, 8, стр. 245.—[7]) Лактант., «Inst. div.», VI, 20, 32.

вали съ мѣстъ, наклонялись впередъ, махали платками и одеждами, криками подгоняли лошадей своей партіи, протягивали руки, какъ будто могли достать ими гипподромъ, скрежетали зубами, грозили гримасами и жестами, ссорились, бранились, ликовали и торжествовали. Наконецъ, первая колесница достигала цѣли, и громовой крикъ торжества выигравшихъ смѣшивался съ проклятіями проигравшихъ, широко гремѣлъ надъ опустѣвшимъ Римомъ, тѣмъ, кто оставался дома, возвѣщалъ конецъ состязанія [1] и достигалъ даже ушей путешественниковъ, оставившихъ городъ уже далеко за собою [2]. Хотя бѣга очень часто съ небольшими лишь перерывами (въ обѣденное время) [3] длились съ ранняго утра и до поздняго вечера, народъ, несмотря на палящее солнце или потоки дождя, терпѣливо ждалъ конца и съ неутомимымъ, страстнымъ вниманіемъ слѣдилъ за любимымъ зрѣлищемъ.

Нѣкогда великолѣпно украшенная, полная шумною жизнью долина между Авентиномъ и Палатиномъ теперь принадлежитъ къ самымъ пустыннымъ, тихимъ и уединеннымъ мѣстамъ древняго Рима. На Палатинѣ возвышаются огромныя развалины императорскихъ дворцовъ, на Авентинѣ между виноградниками и садами разбросаны церкви и монастыри. Большія кучи мусора отъ развалинъ высившихся здѣсь прежде храмовъ и дворцовъ сползли на склоны Авентина и въ долину. Среди этой печальной пустыни лежитъ бѣдное, жалкое, даже неогороженное еврейское кладбище. У подошвы холма въ долинѣ шумитъ ручей Маррана, по обоимъ берегамъ котораго растетъ, значительно превосходящій человѣческій ростъ, непроходимый лѣсъ римскаго тростника, который шепчется и шумитъ. (Написано въ 1864 году).

---

2. Амфитеатръ [4].

Народъ, охваченный партійными интересами, принималъ живѣйшее, почти непосредственное участіе въ цирковыхъ играхъ, и поэтому требовалось сравнительно немного средствъ, чтобы поддержать въ немъ не ослабѣвающій интересъ. Гораздо труднѣе было занять и удовлетворить его во время остальныхъ игръ, когда онъ лишь праздно смотрѣлъ. Величайшія усилія прилагались для этой цѣли въ амфитеатрѣ, гдѣ наряду со зрѣлищами самаго возбуждающаго характера, была феерическая роскошь обстановки, постоянно мѣняющіяся неожиданныя картины слѣдовали одна за другою, и въ распоряженіи зрителей постоянно была вся прелесть „неисчислимаго, рѣдкостнаго и огромнаго“, чтобы удовлетворить и превзойти ожиданія и требованія въ высшей степени избалованной и высокомѣрной столицы.

---

[1]) Сенека, «Письм.», 83, 7. Ювен., 11, 197. — [2]) Рутил. Намат., «Ит.», 201 сл.— [3]) Ср. Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., III, 516 прим.— [4]) Статья «Über die Gladiatorenspiele und Tierhetzen zu Rom in des Kaiserzeit» («Rh. Mus.», X (1885), стр. 544—590), въ переработанномъ и расширенномъ видѣ цѣликомъ вошла въ это описаніе. G. Spaeth, «Commentatio de gladiatoribus» (Progr. d. Ludwiggymn. zu München, 1863) является компиляціей безъ всякаго значенія. Статья M. Planck'a, «Ursprung der Gladiatoreuspiele» (Ulmer Gymnasialprogr., 1866) осталась автору неизвѣстна, также какъ Goguel, «Les gladiateurs Romains» (Strasbourg et Paris, 1870). Новѣйшія работы: P. J. Meier, «De gladiatura Romana» (Bonn, 1881) и др. будутъ приведены ниже.

а. Гладіаторскія игры.

Гладіаторскіе бои, родиной которыхъ была Кампанія [1]) (гдѣ они устраивались для увеселенія гостей, во время роскошныхъ пиршествъ) и Этрурія [2]), первоначально не были извѣстны въ Лаціи. Въ Римѣ впервые ихъ увидѣли лишь почти пятьсотъ лѣтъ спустя послѣ основанія города, и въ первые четыре вѣка республики они давались только во время торжественныхъ похоронъ, а не во время государственныхъ праздниковъ, какъ состязанія или театральныя представленія. Вначалѣ рѣдкое зрѣлище съ теченіемъ времени стало все болѣе частымъ и чѣмъ чаще оно повторялось, тѣмъ роскошнѣе была внѣшняя обстановка, тѣмъ менѣе щадилась человѣческая жизнь. Въ 490=264 году, при погребеніи Брута Перы, сыновья его Маркъ и Децій впервые выпустили на бычачьемъ рынкѣ три пары гладіаторовъ [3]). Во время погребальныхъ игръ Марка Эмилія Лепида (538=216 г.) сражались на Форумѣ уже 22 пары, на похоронахъ Марка Валерія Левина (554=200 г.) — 25 паръ, Публія Лицинія (571=183 г.) — 60 паръ. Въ 580=174 году было много небольшихъ гладіаторскихъ игръ, изъ которыхъ выдѣлялись игры, устроенныя Титомъ Фламининомъ на погребеніи его отца; здѣсь 74 человѣка боролись три дня [4]). Гай Теренцій Луканъ, устроившій на погребальномъ торжествѣ своего дѣда трехдневныя гладіаторскія игры изъ 30 паръ и приказавшій поставить его изображеніе въ храмѣ Діаны въ Ариціи, принадлежитъ, вѣроятно, къ началу VII вѣка отъ основанія города [5]). Въ 649=105 году консулы Публій Рутилій Руфъ и Гай Манлій дали гладіаторскія игры въ первый разъ какъ представители магистратуры; это было нововведеніе, вызванное частью военными цѣлями (систематическое обученіе солдатъ фехтовальному искусству), а, быть можетъ, также антагонизмомъ противъ греческой культуры. Затѣмъ послѣдовали постановленія закона относительно устройства гладіаторскихъ игръ магистратами въ Римѣ, а затѣмъ также въ муниципіяхъ и колоніяхъ [6]).

Въ послѣдніе годы республики стремленіе пріобрѣсти расположеніе народа и демагогическія замашки побуждали устроителей празднествъ все къ большимъ тратамъ. Юлій Цезарь накупилъ такое множество гладіаторовъ для игръ, устраиваемыхъ имъ, когда онъ былъ эдиломъ (689=65 г.), что возбудилъ подозрѣніе своихъ противниковъ, и по ихъ предложенію сенатскимъ постановленіемъ установлено было предѣльное число гладіаторовъ, какимъ могъ владѣть частный человѣкъ. Хотя Цезарь въ виду этого выну-

---

[1]) Страбонъ, V, 4, стр. 250 С.—[2]) Henzen, «Explicatio musivi Borghesiani», въ «Dissertazioni della pontif. Accad. Rom. di archeol.», XII (1852), стр. 74. О продолженіи существованія гладіаторскихъ игръ въ Этруріи: Val. Max., II, 4. Nicol. Damasc. у Аѳинея, IV, стр. 155 J. Тертулл., «de spect.», 5; слово lanista (палачъ на этр. яз. Isidor. «Orig.» X, стр. 247; маска Харона въ амфитеатрѣ Тертулл., «Апол.», гл. 15; картина на одной гробницѣ въ Тарквиніяхъ (Canina, «Etruria maritima», табл. 85; Micali, «Storia dell'Italia» и т. д., стр. 53); урны: P. J. Meier, «De glad.», стр. 36, 1.—[3]) Вал. Макс., II, 4, 7. Лив., «Epit.», 16.—[4]) Лив., XXIII, 30; XXXI, 50; XXXIX, 46; XLI, 28.—[5]) Плин., «N. h.», XXXV, 52. Ср. Mommsen, «Gesch. d. röm. Münzw.», стр. 554.—[6]) Bücheler, «Die staatl. Anerkennung des Gladiatorenspiels», «Rh. M.» XXXVIII, (1883), стр. 476—479; Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., III, 555.

жденъ былъ выставить гораздо меньшее число гладіаторовъ, чѣмъ предполагалъ, все-таки, боролось не менѣе 320 паръ [1]). Августъ постановилъ (732=22 г.), чтобы преторы давали гладіаторскія игры только два раза въ году и выставляли не болѣе 60 паръ [2]). Частныя лица и въ то время (какъ и позже) выставляли нерѣдко 100 паръ. Горацій въ одномъ стихотвореніи, написанномъ, вѣроятно, за много лѣтъ до вышеприведеннаго постановленія, упоминаетъ о нѣкоемъ Стаберіи, который завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ употребить оставленную имъ сумму денегъ на надгробный памятникъ; если же это не будетъ исполнено, то они должны выставить 100 паръ гладіаторовъ и устроить угощеніе народу [3]). У Персія одинъ богатый человѣкъ высказываетъ намѣреніе, по случаю мнимой побѣды Калигулы надъ германцами, выставить въ честь боговъ и генія императора 100 паръ [4]). Постановленіе Тиберія относительно предѣльнаго числа гладіаторовъ можетъ относиться только къ устроителямъ частныхъ гладіаторскихъ игръ, такъ какъ относительно должностныхъ лицъ оно уже было сдѣлано Августомъ [5]). Въ теченіе своего правленія Августъ восемь разъ устраивалъ игры и, по его собственнымъ словамъ, выставилъ всего 10000 гладіаторовъ [6]). Но только во время устроенныхъ Траяномъ, въ 107 году, въ Римѣ празднествъ по случаю покоренія Дакіи, продолжавшихся четыре мѣсяца, сражалось 10000 человѣкъ [7]). Игры, устраиваемыя магистратами, иногда были сравнительно не менѣе великолѣпны. Въ 70 году консулы Цецина и Валентъ праздновали день рожденія императора Вителлія (7 или 24 сентября) во всѣхъ районахъ города Рима (въ то время ихъ было 265) [8]) гладіаторскими играми „съ небывалой до тѣхъ поръ роскошью“ [9]). Гордіанъ I, будучи эдиломъ, ежемѣсячно устраивалъ гладіаторскія игры, всегда не менѣе 150 паръ, иногда 500 [10]), такъ что въ теченіе года выступало, вѣроятно, 4—5000 человѣкъ.

Вмѣстѣ съ количествомъ бойцовъ вся обстановка игръ становилась все роскошнѣе. Уже во II вѣкѣ до Р. Х. стоимость блестящихъ гладіаторскихъ игръ, какъ уже было упомянуто, исчисляли въ 30 талантовъ (70730 руб.) [11]); во время игръ, устроенныхъ Цезаремъ въ бытность его эдиломъ, весь требуемый аппаратъ былъ изъ серебра [12]), во время Нероновыхъ игръ—изъ янтаря [13]) или выложенъ янтаремъ. По мѣрѣ того, какъ государство росло и покорялись все новыя земли, въ Римъ привозили людей изъ далекихъ странъ для того, чтобы они умирали на аренѣ. Во время республики на аренѣ видѣли галловъ, самнитовъ, ѳракійцевъ изъ пограничныхъ областей и съ ближайшихъ береговъ; въ эпоху имперіи—видѣли татуированныхъ дикарей Британніи, бѣлокурыхъ германцевъ съ Рейна и Дуная, смуглыхъ мавровъ съ Атласа, негровъ изъ глубины Африки и кочевниковъ изъ русскихъ степей [14]). Предъ тріумфальной колесницей Авреліана въ 274 году шли плѣнные готы, аланы, роксоланы, сарматы, франки, свевы, вандалы и германцы

[1]) Светон., «Цез.», гл. 10. Плутархъ, «Цез.», гл. V.—[2]) Діонъ, LIV, 2.—[3]) Горац., «Сат.», II, 3, 84.—[4]) Персій, 6, 48.—[5]) Светон., «Тиб.», гл. 34.—[6]) Mommsen, «Res gestae d. Aug.», 2 изд., стр. 90.—[7]) Діонъ, LXVIII, 15.—[8]) Плиній, «n. h.», III, 66. Preller, «Regionen», стр. 85.—[9]) Тац., «Ист.», II, 95.—[10]) «Gordiani tres», гл. 3.—[11]) Полиб., XXXII, 4, 5. Ср. выше, стр. 492, 3.—[12]) Плиній, «n. h.», XXXIII, 3, 14.—[13]) Тамъ же, XXXVII, 3, 45.—[14]) Ср. Діонъ, LI, 22, LX, 30.

со связанными руками; далѣе пальмирцы и египетскіе мятежники, и десять женщинъ, сражавшихся въ мужской одеждѣ и вмѣстѣ съ готами взятыя въ плѣнъ; часть этихъ плѣнныхъ, если не всѣ, должна была участвовать въ слѣдующихъ за тріумфомъ играхъ [1]). Вслѣдъ за тріумфомъ Проба по случаю его побѣды надъ германцами и блеммійцами (эѳіопскимъ народомъ), 300 паръ изъ участвовавшихъ въ немъ должны были биться между собою; среди нихъ, кромѣ германцевъ и блеммійцевъ, были также сарматы и исаврійскіе разбойники [2]). Въ концѣ IV-го вѣка, если не раньше, въ римскомъ амфитеатрѣ бились также саксы [3]).

Вмѣстѣ съ бойцами изъ чужихъ странъ привозилось также и ихъ вооруженіе, одежда, вводился ихъ способъ борьбы: привезены были небольшіе круглые щиты ѳракійцевъ, большіе четыреугольные самнитовъ, чешуйчатые панцыри парѳянъ [4]) и боевыя колесницы британцевъ. Наряду съ этимъ національнымъ вооруженіемъ и способами борьбы, для большаго разнообразія придумывались еще новые, фантастическіе. Такъ, гладіаторы выступали въ самомъ разнообразномъ вооруженіи и разныхъ построеніяхъ: то они боролись одинъ на одинъ, то цѣлыми группами, происходили и настоящія сраженія съ тысячами участвующихъ, послѣ которыхъ арена бывала покрыта трупами, а также съ полнымъ реализмомъ представлялись знаменитыя въ исторіи морскія сраженія, иногда на болѣе обширной водной поверхности, а иногда на наполненной водою аренѣ амфитеатра.

Въ концѣ концовъ, ни волненіе кровавыхъ битвъ, ни сказочная роскошь обстановки уже были не въ состояніи удовлетворить притупившіеся нервы знатной и низкой черни; приходилось придумывать самое рѣдкостное, самое безсмысленное и противоестественное, чтобы придать новую прелесть этимъ каннибалистическимъ зрѣлищамъ. Домитіанъ устраивалъ бои звѣрей и гладіаторскія игры ночью, такъ что мечи сверкали при свѣтѣ лампъ и канделябровъ [5]). Во время декабрьскаго праздника въ 88 году онъ заставилъ бороться карликовъ и женщинъ [6]). Во время игръ, устроенныхъ Нерономъ въ Путеоли парѳянскому царю Тиридату, въ первый день выступали только мавры обоего пола и всѣхъ возрастовъ [7]). Женщины нерѣдко сражались на аренѣ, а при Неронѣ въ 64 году даже знатныя [8]), и только въ 200 году послѣдовало запрещеніе ихъ выступленій [9]).

Такимъ-то образомъ, съ теченіемъ столѣтій гладіаторскія игры, первоначально скромныя, возросли до огромныхъ размѣровъ. Соотвѣтственно увеличивались и украшались и сооруженія для зрителей. Еще въ послѣдніе годы республики народъ тѣснился на деревянныхъ подмосткахъ, наскоро выстроенныхъ на тѣсномъ рынкѣ [10]), тогда какъ въ Кампаньи существовало уже выстроенное спеціально для этого рода зрѣлищъ каменное зданіе, полу-

---

[1]) «Aurelian.», гл. 33.—[2]) «Probus», гл. 19.—[3]) Симмахъ, «Письм.», II, 46.—[4]) Henzen, «Expl. mus Borgh.», стр. 107; ср. «Ann. dell'Inst. di corr. arch.», 1842, стр. 18. Амміанъ, XXIV, 4, 15, 6, 8. XXV, 1, 12.—[5]) Светон., «Домит.», гл. 4. Діонъ, LXVII, 8.—[6]) Діонъ, тамъ же; Статій, «Сильвы», I, 6, 51 сл. Согласно Мартіалу, I, 43, 10 и XIV, 213, карлики выступали, повидимому, уже и раньше.—[7]) Діонъ, LXIII, 3.—[8]) Діонъ, LXI, 17; Тац., «Анн.», XV, 32. Діонъ, LXVI, 5; LXXVII, 8, 4. Март. «spect.», 6b,—[9]) Діонъ, LXXV, 16. Ср. также Никол. Дам. у Аѳинея, IV, стр. 154а.—[10]) Витрув., X, praef. 3.

кругъ театра былъ превращенъ здѣсь въ кругъ и мѣста для зрителей возвышались вокругъ элиптической арены; самое названіе „амфитеатръ“ появилось уже при Августѣ [1]). По словамъ Плинія Старшаго, въ 53 году Г. Скрибоній Куріонъ приказалъ выстроить два деревянныхъ театра, которые соприкасались между собою задними стѣнами и могли вращаться. До полудня въ нихъ обоихъ происходили театральныя представленія, а затѣмъ они вмѣстѣ со всѣми зрителями поворачивались на шипахъ, и полукруглые подмостки замыкались въ кругѣ, обѣ сцены исчезали, и въ образовавшемся такимъ образомъ амфитеатрѣ въ послѣобѣденное время того-же дня давались гладіаторскія игры [2]). Первый настоящій амфитеатръ изъ дерева выстроилъ, вѣроятно, Юлій Цезарь въ 44 году; выстроеный въ 29 году до Р. Х. Статиліемъ Тавромъ каменный амфитеатръ, вѣроятно, сгорѣлъ во время пожара при Неронѣ, и еще Неронъ приказалъ выстроить на Марсовомъ полѣ деревянный. Только послѣднее десятилѣтіе перваго вѣка увидѣло законченнымъ колоссальный амфитеатръ Флавіевъ, развалины котораго въ наше время являются самымъ грандіознымъ остаткомъ этого исчезнувшаго міра.

Гладіаторами были осужденные преступники, военноплѣнные, рабы и добровольцы. Присужденіе къ мечу гладіатора или къ борьбѣ со звѣрями было утонченнымъ смертнымъ приговоромъ [3]); послѣднее практиковалось только въ отношеніи не гражданъ [4]), а въ позднѣйшіе годы имперіи—въ отношеніи лицъ низшаго сословія [5]). При Маркѣ Авреліи намѣстникъ Лугдунской Галліи съ разрѣшенія императора приказалъ обезглавить осужденныхъ христіанъ, бывшихъ римскими гражданами, остальныхъ-же бросить дикимъ звѣрямъ [6]). Присужденіе къ гладіаторской школѣ не было безусловнымъ смертнымъ приговоромъ. Обученные борьбѣ преступники поступали частью въ императорскія, частью въ частныя учрежденія подобнаго рода; если они не оставались на мѣстѣ борьбы, то могли надѣяться на помилованіе. Наказаніе это по тяжести равнялось присужденію къ работамъ въ рудникахъ и, подобно ему, было связано съ потерей свободы. Осужденные могли, однако, заработать себѣ свободу и черезъ три года получить рапиру (какъ знакъ освобожденія отъ борьбы и арены), а черезъ пять лѣтъ—шляпу (знакъ полнаго освобожденія) [7]). Плиній Младшій доносилъ Траяну, что во многихъ городахъ Виоиніи, особенно въ Никомедіи и Никеѣ, преступники, много лѣтъ тому назадъ приговоренные къ гладіаторской школѣ и къ подобнаго рода наказаніямъ, вмѣстѣ съ городскими рабами употребляются для общественныхъ работъ, несмотря на то, что помилованье ихъ не было утверждено проконсуломъ или легатомъ. На это послѣдовало распоряженіе Траяна, что осужденные за послѣдніе десять лѣтъ должны быть возвращены въ гладіаторскую школу, осужденныхъ-же раньше и уже состарившихся отдать по

---

[1]) Bekker, «Topogr», 680 слл.—[2]) Stieglitz «Archäol. der Baukunst», т. II, стр. 301.—[3]) Walter, «Gesch. d. röm. Rechts», 2 изд. II, стр. 419, § 783.—[4]) Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд. III, 559, 2.—[5]) Paul., «Sent. rec.», V, 23, § 1, 15, 16, 17 fr. 3, § 5. Ulpian. l. IX «de off. proc.», («Digg.» XLVIII, 8, § 12). Marcian., l. II, reg. (тамъ же, XLIX, 19, 3).—[6]) Mommsen, «Strafrecht», 925—928; 953—955.—[7]) Ulpian., «Coll.», ук. м.

крайней мѣрѣ въ тяжелыя работы, напримѣръ, заставить ихъ чистить клоаки или строить дороги [1]). Къ этимъ работамъ присуждались только самые тяжелые преступники: разбойники [2]), убійцы, поджигатели, святотатцы, [3]) бунтовщики въ войскѣ [4]); но если не хватало людей для арены, то произволъ императора становился выше постановленій закона.

Во времена республики подобныя вещи, вѣроятно, достаточно часто позволяли себѣ намѣстники провинцій, и притомъ въ большихъ размѣрахъ. Такъ Цицеронъ утверждаетъ, что Люцій Пизонъ Цезонинъ, будучи проконсуломъ Македоніи, прислалъ Публію Клодію для его эдильскихъ игръ большое количество ни въ чемъ не провинившихся людей, которые должны были бороться со звѣрями [5]). Младшій Л. Бальбъ, будучи квесторомъ въ Испаніи (въ 44/43 годахъ до Р. Х.), принудилъ римскаго гражданина и солдата-помпеянца, Фадія, въ Гадесѣ два раза бороться въ качествѣ гладіатора, а такъ какъ онъ сопротивлялся и народъ защищалъ его, то онъ послалъ противъ него галльскую конницу, схватилъ его и живымъ сжегъ въ гладіаторской школѣ. Римскихъ гражданъ онъ приказывалъ бросать дикимъ звѣрямъ и въ ихъ числѣ одного человѣка изъ Гиспала за его уродливость [6]).

Подобныя насилія, по крайней мѣрѣ въ правленіе Калигулы и Клавдія, въ самомъ Римѣ были не рѣдкостью. Первый заставилъ большое количество гражданъ биться на аренѣ [7]). Во время игръ онъ приказалъ вытащить на арену и заставилъ биться по очереди съ двумя тяжело вооруженными гладіаторами нѣкоего Эзія Прокула, сына примипилара, котораго за его ростъ и красоту называли Колоссеромъ; когда тотъ побѣдилъ ихъ обоихъ, императоръ приказалъ его обезглавить [8]). Клавдій, испытывавшій во время боя звѣрей какую-то дикую радость, нарушая законъ, присуждалъ къ этому наказанію даже людей, совершившихъ болѣе или менѣе крупный обманъ [9]); онъ бросалъ дикимъ звѣрямъ людей за самую незначительную вину, напримѣръ, плотниковъ и машинистовъ, если имъ не удалось удачно перемѣнить декорацію [10]). Уже самое поразительно большое количество будто-бы преступниковъ, присужденныхъ къ аренѣ, заставило-бы сомнѣваться въ справедливости приговора. Въ морскомъ сраженіи, устроенномъ Клавдіемъ на Фуцинскомъ озерѣ, на обоихъ сражающихся флотахъ находилось 19000 вооруженныхъ людей, которые, по словамъ Тацита, всѣ были преступниками [11]); число это огромно, если даже допустить, что они были привезены въ Италію изъ всѣхъ провинцій. Доказательствомъ того, что въ Римѣ постоянно находилось большое число преступниковъ, присужденныхъ къ гладіаторскимъ играмъ, служитъ тотъ фактъ, что императоръ Адріанъ, желая показать свое презрѣніе къ подаркамъ, присланнымъ иберійскимъ царемъ Паразманомъ, приказалъ выпустить на арену 300 преступниковъ въ золоченыхъ плащахъ, которые были въ числѣ подарковъ [12]). Впрочемъ, царь іудейскій Иродъ Агриппа I (ум. въ 44 г.) въ амфитеатрѣ, выстроенномъ имъ въ Беритѣ, вы-

---

[1]) Плиній, «Письм. къ Тр.», 31 сл. — [2]) Callistratus, lib. VI «de cognit.», (Digg. XLVIII, 28, § 15).—[3]) Квинтил., «Decl.», 9, 21. Ср. Март., XV, 7, 7—10.—[4]) «H. A. Claud. Goth.», гл. 11.—[5]) Цицер., «in Pison.», 36, 89. Ср. Drumann, II, 69 сл.—[6]) Циц., «ad fam.», X, 32. Drumann, II, 610, 44.—[7]) Діонъ, LXIX, 10.—[8]) Светон., «Калиг.», гл. 35.—[9]) Светон., «Клавд.», гл. 14.—[10]) Тамъ же, гл. 34.—[11]) Тац. «Анн.», XII, 56.—[12]) «Hadrian.», гл. 17.

пустилъ на арену преступниковъ изъ всѣхъ своихъ владѣній числомъ не менѣе 1400 [1]).—Уже было говорено о томъ, что иногда давалось помилованье преступникамъ, если за ихъ храбрость или по другимъ причинамъ народъ просилъ за нихъ [2]). Во время игръ, данныхъ Нерономъ въ выстроенномъ имъ на Марсовомъ полѣ амфитеатрѣ, онъ самъ приказалъ пощадить жизнь всѣмъ преступникамъ [3]).

Послѣ счастливыхъ походовъ военноплѣнные цѣлыми сотнями помѣщались въ императорскія гладіаторскія школы, и игры въ амфитеатрѣ представляли удобный случай освободиться отъ нихъ. Такъ случилось съ плѣнными британцами во время празднованія британскаго тріумфа при Клавдіи въ 44 году [4]). Послѣ покоренія Іерусалима Титъ послалъ часть іудейскихъ плѣнныхъ, бывшихъ старше 17 лѣтъ, въ египетскія каменоломни, большую-же часть онъ раздарилъ въ провинціи, гдѣ они должны были погибнуть въ гладіаторскихъ бояхъ или въ борьбѣ со звѣрями; большое количество ихъ онъ приказалъ немедленно умертвить, такимъ образомъ въ Цезареѣ Филиппа и въ Беритѣ [5]). Еще Константинъ Великій поступалъ такъ. Побѣжденные бруктеры, „вѣроломство которыхъ дѣлало ихъ негодными къ службѣ въ войскѣ, дикость-же—къ службѣ рабовъ", своимъ множествомъ утомляли (вѣроятно въ амфитеатрѣ въ Трирѣ) дикихъ звѣрей, которымъ ихъ бросали, а императора панегиристы восхваляли за то, что онъ „воспользовался для увеселенія народа массовымъ истребленіемъ враговъ; какой тріумфъ можетъ быть прекраснѣе?" [6]).

Въ толпахъ рабовъ знатныхъ вельможъ уже въ послѣдніе годы республики отряды гладіаторовъ были довольно обыкновенны; они служили своимъ господамъ отчасти тѣлохранителями [7]), частью-же они ими пользовались для собственныхъ игръ, или давали ихъ взаймы или въ наемъ другимъ. Уже въ ателланѣ одного поэта временъ Суллы, озаглавленной „Наемникъ", приводятся слова (вѣроятно, гладіатора): я не принадлежу ни Меммію, ни Кассію, ни Мунатію Эбріи [8]). Цицеронъ при случаѣ освѣдомляется объ отрядѣ гладіаторовъ, купленномъ въ 56 году его другомъ Аттикомъ; онъ слышалъ, что они бьются прекрасно; если Аттикъ захочетъ отдать ихъ въ наемъ, то послѣ двухъ боевъ онъ выручитъ затраченныя деньги [9]). Многіе изъ вельможъ имѣли свои гладіаторскія школы, особенно въ Капуѣ, гдѣ обучались сотни гладіаторовъ. Первая изъ извѣстныхъ намъ принадлежала Аврелію Скавру (консулу 108 года), и упоминается въ 105 году [10]). Въ 73 году до Р. Х. двѣсти гладіаторовъ рѣшили бѣжать изъ школы Гнея Лентула Батіата, но дѣйствительно удалось бѣжать подъ предводительствомъ Спартака лишь 70-ти [11]). У Цезаря также были свои гладіаторы въ Капуѣ, которыхъ онъ рекомендовалъ Цицерону въ 49 году; консулъ Лентулъ призвалъ ихъ къ оружію, обѣщая имъ свободу, и снабдилъ ихъ лошадьми; но въ виду того, что всѣ порицали эту мѣру, Помпей велѣлъ ихъ раздѣлить и

---

[1]) Іосифъ, «Древн.», XIX, 7, 5.—[2]) Ср. выше, стр. 487, 13, 488, 1.—[3]) Светон., «Нер.», гл. 12.—[4]) Діонъ, LX, 30.—[5]) Іосифъ, «Іуд. в.», VI, 9, 2; VII, 2, 1; VII, 3, 1.—[6]) «Панег.«, VIII, 23, 3, VI, 12, 3,—[7]) Діонъ, XXXIX, 7 сл. Циц., «pro Sulla», 19, 54; «Sext.», 39, 85.—[8]) Pompon., «Auctorat.», фр. I (Ribbeck).—[9]) Цицер., «ad Att.», IV, 46 и 8a.—[10]) Valer. Max., II, 3, 2.—[11]) Drumann, «Röm. Gesch.», IV, 74·

назначилъ ихъ служить охраной гражданамъ по два на человѣка [1]). Въ Равеннѣ, непосредственно передъ переходомъ черезъ Рубиконъ, Цезарь приказалъ представить ему планъ новой гладіаторской школы [2]). Во время войны съ катилинаріями предполагали выслать изъ Рима гладіаторовъ въ Капую и другія муниципіи. Катилина на нихъ расчитывалъ, „хотя они оказались надежнѣе многихъ патриціевъ" [3]). Одинъ изъ приверженцевъ Катилины, Гай Марцеллъ, обратившійся въ бѣгство передъ посланнымъ Цицерономъ въ Капую Публіемъ Секстіемъ съ многочисленными отрядами гладіаторовъ, упражнялся тамъ въ искусствѣ владѣть оружіемъ для того, чтобы подъ этимъ предлогомъ сблизиться съ ними и потомъ склонить ихъ на свою сторону [4]). Въ 65 году, какъ уже было сказано, сенатскимъ постановленіемъ было опредѣлено предѣльное число гладіаторовъ, какимъ могло владѣть частное лицо, такъ какъ огромное количество гладіаторовъ, закупленныхъ Цезаремъ, возбуждало опасенія его противниковъ [5]). Калигула разрѣшилъ нарушить этотъ максимумъ [6]). Возможно, что при Домитіанѣ, вмѣстѣ съ переходомъ завѣдыванія гладіаторскимъ дѣломъ изъ частныхъ рукъ въ правительственныя, послѣдовало запрещеніе частнымъ лицамъ держать гладіаторовъ въ столицѣ [7]).

Обычай окружать себя такого рода свитой (Неронъ во время своихъ ночныхъ буйствъ на улицахъ Рима, конечно, приказывалъ ей сопровождать себя) [8]), безъ сомнѣнія, прекратился въ Римѣ уже значительно раньше. Въ провинціяхъ, (гдѣ относительно права частныхъ лицъ владѣть гладіаторами во время имперіи не произошло, повидимому, никакого измѣненія), отряды гладіаторовъ часто употреблялись ихъ господами для личныхъ услугъ; во время возстанія трехъ паннонскихъ легіоновъ въ 14 году послѣ Р. Х. бунтовщики утверждали, что командовавшій ими легатъ Юній Блезъ приказывалъ своимъ гладіаторамъ, которыхъ онъ для гибели войскъ держалъ въ лагерѣ, умерщвлять неугодныхъ ему солдатъ [9]). И въ это время, какъ и раньше, въ богатыхъ домахъ среди рабовъ находятся въ большомъ числѣ гладіаторы. Гладіаторовъ имѣли и женщины, какъ напр., нѣкая Гекатея на островѣ Ѳасосѣ [10]). Очень часто обладателями бандъ гладіаторовъ являлись нѣсколько лицъ [11]). Нѣкій Примъ и Памфилъ на рынкѣ рабовъ называются рабами одного (общеизвѣстнаго) товарищества [12]). Въ Помпеяхъ изъ объявленій о гладіаторскихъ играхъ мы знаемъ нѣсколько отрядовъ гладіаторовъ, принадлежавшихъ очень выдающимся лицамъ въ городѣ; только одинъ изъ упомянутыхъ тамъ владѣльцевъ, нѣкій Н. Фестій Ампліатъ былъ, быть можетъ, кочующимъ учителемъ гладіаторовъ [13]). Легіоны, на мѣстахъ стоянокъ или поселеній которыхъ, вѣроятно, находились амфитеатры, нерѣдко

---

[1]) Цез., «Гражд. в.», I, 14. Ср. Цицер., «ad Att.», VII, 14, 2, Drumann, III, 427 сл.—[2]) Светон., «Цез.», гл. 31—[3]) Саллюст., «Катил.», гл. 30, 7. Циц., «Катил.», II, 12, «pro Sext.», 4, 9. Drumann, V, 453.—[4]) Цицер., «pro Sext.», 4, 9. Drumann, V, 563, 18.—[5]) Светон., «Цез.», гл. 10. См. выше стр. 529, 1.—[6]) Діонъ, LIX, 11.—[7]) Mommsen, «Die Gladiatorentesseren», «Hermes», XXI, 1886, стр. 274, 3. Ср. «Staatsr.», 3 изд. II, 1071.—[8]) Тац., «Анн.», XIII, 25.—[9]) Тац., «Анн.» 1, 22.—[10]) C. I. G., 2164.—[11]) C. I. G., 2511 и Add. II, стр. 1028.—[12]) C. I. L., I, 755. Ср. Henzen, «Bull. di corr. arch.», 1865, стр. 105 сл. Плиній, «N. h.», XXXIII, 120.—[13]) «Bull. Nap.», 1853, стр. 115. C. I. L., IV, стр. 70 сл. Kiessling, «N. Jahrbb.», 1872, стр. 69.

держали собственныхъ гладіаторовъ [1]. Наряду съ прочимъ имуществомъ ихъ покупали, перепродавали, иногда съ аукціона, изъ однѣхъ рукъ въ другія. Калигула, заставлявшій консуловъ и преторовъ покупать за огромныя деньги оставшихся отъ его игръ борцовъ [2], замѣтилъ на одномъ изъ устроенныхъ для этой цѣли аукціоновъ, что бывшій преторъ, Апоній Сатурнинъ, заснулъ. Онъ обратилъ вниманіе производившаго аукціонъ на то, что тотъ кивками головы выражаетъ согласіе, и заставилъ его купить 13 гладіаторовъ за 9 милліоновъ сестерціевъ [3].

Въ первомъ вѣкѣ право господъ продавать своихъ рабовъ для арены было неограничено; такъ Вителлій продалъ кочующему учителю гладіаторовъ своего любимаго раба Азіатика, разсердившаго его своимъ упорствомъ [4]. Адріанъ первый запретилъ безъ указанія причины продавать дѣвушку сводннку и раба въ гладіаторскую школу [5]; Маркъ Аврелій издалъ подобное-же запрещеніе относительно продажи рабовъ для боевъ звѣрей [6]. Еще въ началѣ имперіи, должно быть, при Августѣ, законъ Петронія поставилъ подобную продажу въ зависимость отъ судебныхъ приговоровъ (въ Римѣ—городского префекта, въ провинціяхъ—намѣстника) [7]. Тотъ рабъ Андроклъ, который (должно быть, при Клавдіи) былъ узнанъ въ циркѣ львомъ, жившимъ долго вмѣстѣ съ нимъ, бѣжалъ отъ своего господина въ бытность его проконсуломъ Африки. Будучи пойманъ и привезенъ обратно въ Римъ, онъ, по просьбѣ своего господина, былъ приговоренъ (городскимъ префектомъ) къ борьбѣ со звѣрями [8]. Точно неизвѣстно, въ какой степени, помимо упомянутаго выше ограниченія права наказанія собственниками, вообще было стѣснено право обращать рабовъ въ гладіаторовъ и продавать ихъ для этой цѣли. Юристы во второмъ вѣкѣ, по поводу контракта, по которому за выходъ гладіатора, если онъ останется невредимымъ, должно быть уплачено, напримѣръ, 20 денаріевъ, а въ случаѣ, если онъ будетъ раненъ или изувѣченъ—1000 денаріевъ, выясняли вопросъ, слѣдуетъ-ли это считать продажей или-же отдачей въ наемъ [9]. Согласно постановленію Антонина Пія, рабы, пытавшіеся избѣжать наказанія за утайку или какое-нибудь другое преступленіе посредствомъ добровольнаго выступленія на аренѣ, безразлично, до или послѣ борьбы со звѣрями, должны были быть возвращены своему господину [10]. Какъ доказательство жестокости Макрина приводится то, что онъ, въ случаѣ поимки бѣглыхъ рабовъ, приказывалъ безъ дальнѣйшихъ разслѣдованій отдавать ихъ въ гладіаторскую школу [11].

Отпущеніе на волю освобождало раба, если онъ служилъ гладіаторомъ, отъ дальнѣйшихъ выступленій, тогда какъ другіе вольноотпущенники до нѣкоторой степени были обязаны службой прежнимъ господамъ [12]. Нерѣдко, однако, и отпущенники по волѣ своихъ патроновъ боролись на аренѣ; въ глазахъ публики (среди которой число людей одинаковаго съ ними обще-

---

[1] Hübner, «Monatsber. d. Berl. Ak.», 1868, стр. 89.—[2] Діонъ, LIX, 14.—[3] Светон., «Калиг.», гл. 38.—[4] Светон., «Вителл.», гл. 12. Ср. Петрон., гл. 45.—[5] «Hadrian.», гл. 18.—[6] «Digg.», XLVIII, 8, 11. Ср. Wallon, «Hist. de l'esclavage», III, стр. 61.—[7] Marquardt, «Privatleben», 2 изд. I, 190, 5 и 6.—[8] Геллій, V, 13, изъ Апіона, «Aegyptiac.», V.—[9] Gai, «Instit.», III, § 146.—[10] «Digg.», XI, 41, 5. Wallon, III, стр. 245.—[11] «Macrin.», гл. 12.—[12] Callistrat., «lib. III, edict. monitor.», «Digg.», XXXVIII, 1, 38.

ственнаго положенія было всегда велико) они были интереснѣе рабовъ, и дѣйствительно, отъ добровольнаго борца можно было ожидать большаго, чѣмъ отъ подневольнаго. Одинъ изъ гостей Трималхіона выражаетъ удовольствіе по поводу того, что въ скоромъ времени будутъ даны великолѣпныя трехдневныя гладіаторскія игры, при чемъ гладіаторы будутъ не изъ банды какого-нибудь учителя, но выступитъ много вольноотпущенниковъ [1]). Вообще, вполнѣ достовѣрно, что и свободныхъ людей насильно принуждали заниматься этимъ кровавымъ ремесломъ (какъ напримѣръ, упомянутаго выше Фадія въ Гадесѣ квесторъ Люцій Корнелій Бальбъ) [2]); уже въ началѣ имперіи слышались жалобы на то, что богатые злоупотребляли неопытностью молодыхъ людей, чтобы безсовѣстно обманывать ихъ, и засаживать въ гладіаторскія школы самыхъ красивыхъ и наиболѣе пригодныхъ къ военной службѣ [3]).

Въ эпоху имперіи все чаще повторялись случаи поступленія въ гладіаторскія школы свободныхъ людей; уже въ концѣ республики они были очевидно не рѣдки. Въ одномъ документѣ въ Сассинѣ, относящемся къ этому періоду, одинъ тамошній гражданинъ подарилъ мѣсто для погребенія своимъ согражданамъ, за исключеніемъ служившихъ гладіаторами, висѣльниковъ и людей, занимавшихся какимъ-нибудь нечистымъ ремесломъ [4]). И въ комедіи типовъ (ателланѣ) постоянно идетъ рѣчь о вербовкѣ для гладіаторской школы [5]). Быть можетъ, это только случай, что изъ сохранившихся гладіаторскихъ марокъ, относящихся къ періоду времени отъ Суллы до Клавдія, самая старая съ именемъ свободнаго человѣка относится къ 14 году до Р. Х. [6]); всего изъ 60 такихъ марокъ на 5 имѣются имена свободныхъ людей [7]). Въ спискѣ гладіаторовъ, нацарапанномъ на помпеянской стѣнѣ, встрѣчаются такія имена какъ М. Арторій, Л. Семпроній [8]). Возможенъ, можетъ быть, и такой случай, что и благородное побужденіе заставляло какого-нибудь несчастнаго, не имѣющаго другого средства къ существованію, идти въ гладіаторскую школу [9]). Но тому, что подобные случаи являются темами въ риторскихъ школахъ (къ таковымъ относится, напримѣръ, рѣчь благороднаго юноши, поступившаго въ гладіаторскую школу, чтобы заработать денегъ для погребенія своего отца [10]), не слѣдуетъ придавать большого значенія, такъ какъ для этого особенно охотно выбирались романтическія ситуаціи. Романомъ отзываетъ и разсказъ Лукіана о скиѳѣ Сизиннѣ, который, чтобы выручить друга изъ большой нужды, въ Амастрисѣ вступаетъ за 10000 драхмъ въ бой съ гладіаторомъ [11]).

Большое, если не преобладающее число тѣхъ, которые произносили клятву добровольно вступающихъ въ ряды гладіаторовъ, что они позволятъ „бить себя розгами, жечь на огнѣ и убить мечемъ“ [12]), были отчаянные или отверженные люди, которымъ не было мѣста въ порядочномъ обществѣ. Впрочемъ, число людей, которыхъ влекла къ искусству гладіатора только

---

[1]) Петрон., «Сат.», 45. Діонъ, LX, 30. P. J. Meier, «De glad. Rom.», (Bonn, 1881) стр. 48, 2.—[2]) Ср. выше стр. 532, 5—[3]) Сенека, «Controv.», V, 33.—[4]) Mommsen, C. I. L, I, 1418=Orelli, 4404.—[5]) «Auctoratus», Помпонія и «Bucco auctoratus».—[6]) Borghesi, т. I, 1842, стр. 32.—[7]) C. I. L., I, 745, 747, 749, 756, 776, Ritschl, «Die Tesserae gladiatoriae», стр. 14 [304].—[8]) Garrucci, «Graffiti», стр. 60.—[9]) Tatian., «or. adv. Graecos», 23.—[10]) Quintil., «Decl.», 9 и 302.—[11]) Лукіанъ, «Toxaris», 58.—[12]) Lips., «Saturn.», II, 5. Ср. Ювен., 11, 8.

любовь къ этому дѣлу, также было довольно велико, и, конечно, это не были самые худшіе люди изъ народа. О любителяхъ борьбы одинъ поэтъ временъ Тиберія говоритъ, что они продаютъ себя, чтобы умереть на аренѣ, и, если нѣтъ войнъ, то сами создаютъ себѣ врага [1]). А Тертулліанъ восклицаетъ: сколькихъ досужихъ людей любовь къ оружію приводитъ къ тому, что они нанимаются въ гладіаторы [2])! Когда Северъ сформировалъ изъ легіонеровъ свою преторіанскую гвардію, служить въ которой до тѣхъ поръ было привилегіей италиковъ, то способное носить оружіе населеніе Италіи массами обратилось къ ремеслу гладіаторовъ или занялось разбоями [3]).

И въ самомъ дѣлѣ, гладіатура для смѣльчаковъ имѣла большую притягательную силу, такъ какъ и она имѣла свои преимущества, свою выгоду и славу. Побѣдители получали хорошее вознагражденіе; устроитель празднествъ посылалъ имъ на арену чаши съ золотыми монетами [4]), число которыхъ зрители громко выкрикивали или-же, вытянувъ впередъ лѣвую руку, показывали на пальцахъ [5]), чаши (часто драгоцѣнныя) были также частью вознагражденія [6]). Испытанные борцы могли требовать очень высокую цѣну; такъ Тиберій выслужившимъ гладіаторамъ за одинъ выходъ во время его игръ платилъ 100000 сестерціевъ [7]). Неронъ подарилъ мирмиллону Спикулу дворецъ и владѣнія полководцевъ, праздновавшихъ тріумфы [8]). Великолѣпное вооруженіе и одежды гладіаторовъ производили также большое впечатлѣніе. Въ Помпеяхъ и другихъ мѣстахъ сохранились части ихъ богатаго и искусно разукрашеннаго вооруженія, напримѣръ, шлемы (среди нихъ одно забрало красивой, высокохудожественной работы), поножи, наплечники, поясъ, мечъ, панцырь и проч. [9]). Шлемы украшались развѣвающимися султанами изъ павлиньихъ или страусовыхъ перьевъ [10]). На картинахъ и мозаичныхъ изображеніяхъ борцы представлены въ пестрыхъ, расшитыхъ золотомъ одеждахъ [11]); къ числу украшеній гладіаторовъ принадлежали и шейныя цѣпи (онѣ, какъ и пальмовыя вѣтви, служили, можетъ быть, наградой побѣдителямъ). Пертинакъ приказалъ продать оставшееся ему отъ Коммода богато вызолоченное и украшенное драгоцѣнными камнями гладіаторское вооруженіе, „мечи Геракла“ и гладіаторскія цѣпи [12]). Герои арены въ Римѣ были не менѣе популярны, чѣмъ герои гипподрома; тѣ и другіе были не только на устахъ у народа, и въ высшихъ кругахъ имѣли они учениковъ, поклонниковъ и подражателей.

Еще въ эпоху республики диллетантизмъ въ гладіаторскомъ искусствѣ былъ довольно заурядным явленіемъ. Уже Луцилій упоминаетъ о Квинтѣ Велоціи, который отлично зналъ фехтовальное искусство самнитовъ и прекрасно отражалъ ращпрой удары противника [13]). Выше уже говорилось о приверженцѣ Катилины Гаѣ Марцеллѣ, который, подъ предлогомъ совершенствованія въ искусствѣ владѣть оружіемъ, завелъ сношенія съ гладіаторскими

---

[1]) Манил., «Астрон.», IV, 225.—[2]) Тертулл., «ad mart.», гл. 5.—[3]) Діонъ, LXXIV, 2.—[4]) Марціалъ, XV, 29, 6.—[5]) Светон., «Клавд.», гл. 21.—[6]) «Digg.», XII, 1, 11,—XXX, 51; XVI, 3, 26, § 2. Ювен., 6, 204.—[7]) Светон., «Тибер.», гл. 7.—[8]) Светон., «Неронъ», гл. 30.—[9]) «Mus. Borb.», III, табл. LX, IV, табл. XIV и XXIX, V, табл. XXIX, VII, табл. XIV, X, табл. 31. Коллекція Despuig, Hübner, «Antiken, von Madrid», стр. 307.—[10]) Gell, «Pompeiana», I табл. 18; «Rev. arch.», XVI, таб. 371, 2.—[11]) «Схол. Ювен.», 8, 207.—[12]) «Pertinax», гл. 8.—[13]) Цицер., «De or.», III, 23, 86

отрядами въ Капуѣ [1]). Юлій Цезарь заставлялъ хорошихъ борцовъ изъ сословія всадниковъ и даже сенаторовъ учить фехтовальному искусству своихъ молодыхъ гладіаторовъ; при жизни Светонія существовали еще письма, въ которыхъ онъ проситъ взять на себя это дѣло [2]). Многіе императоры также старались пріобрѣсти навыкъ въ искусствѣ гладіатора. Калигула боролся острымъ ѳракійскимъ оружіемъ [3]). Титъ, будучи молодымъ человѣкомъ, во время одного празднества въ Реате, въ гладіаторскомъ вооруженіи выступилъ въ примѣрномъ сраженіи противъ Алліена (быть можетъ, А. Цецины Алліена, консула 69 года) [4]). И Адріанъ упражнялся въ гладіаторскомъ искусствѣ [5]), Люцій Веръ выступалъ въ качествѣ гладіатора въ Антіохіи, въ то время, какъ его легаты вели войну съ парѳянами [6]). Дидія Юліана осуждали за то, что онъ уже въ старческомъ возрастѣ занимался подобными упражненіями, тогда какъ въ юности его за это не упрекали [7]). Каракалла и Гета пользовались обществомъ гладіаторовъ и цирковыхъ кучеровъ, которыхъ они посѣщали, будучи цезарями, для того, чтобы упражняться въ искусствѣ тѣхъ и другихъ [8]).

Больше всѣхъ предавался страсти къ гладіаторскому искусству Коммодъ. Онъ приказывалъ помѣщать въ оффиціальной газетѣ извѣстія о посѣщеніи имъ гладіаторской школы; такимъ образомъ, это всегда становилось извѣстно всѣмъ; согласно Діону Кассію, у него была тамъ отдѣльная зала, и 1-го января 193 года онъ намѣревался въ вооруженіи секутора принять званіе консула, но за день до этого былъ убитъ. Онъ очень радовался почетнымъ титуламъ, которые давались ему какъ гладіатору; всего онъ боролся 1000 разъ (изъ нихъ 365 разъ въ правленіе своего отца и, конечно, всегда побѣдоносно) [9]); между прочимъ, онъ участвовалъ въ играхъ, которыя давалъ въ званіи претора Клавдій Альбинъ на форумѣ и въ театрѣ. По Діону, публично онъ боролся всегда тупымъ оружіемъ (всегда лѣвой рукой, чѣмъ онъ особенно гордился) какъ секуторъ съ учителями фехтованія и гладіаторами, а въ двухнедѣльномъ празднествѣ, устроенномъ имъ незадолго до своей смерти, онъ выступалъ противъ префекта преторія Эмилія Лета и камердинера Эклекта, которые въ то время уже задумали его убійство. За каждый выходъ онъ заставлялъ себѣ платить изъ гладіаторской кассы по милліону сестерціевъ. Діонъ разсказываетъ также о привѣтствіяхъ и поздравленіяхъ, которыми сенаторы (и онъ самъ въ ихъ числѣ) должны были привѣтствовать его какъ побѣдителя [10]).

Были и женщины, которыя мужественно переносили тяжесть забрала и вооруженія и со стономъ направляли фехтовальные толчки и удары, по указанію учителя, во вбитый въ землю на предписанномъ мѣстѣ столбъ [11]). Гладіаторы имѣли успѣхъ у женщинъ всѣхъ сословій. Среди многочисленныхъ относящихся къ гладіаторамъ надписей, нацарапанныхъ на колоннахъ перистиля одного дома, откопаннаго въ Помпеяхъ въ 1889 году, есть нѣсколько, въ

[1]) См. выше стр. 534, 4.—[2]) Светон., «Цез.», гл. 26.—[3]) Светон., «Калиг.», гл. 54; Діонъ, LIX, 5.—[4]) Діонъ, LXVI, 15.—[5]) «Hadrian.», гл. 14.—[6]) «M. Antonin.», гл. 8.—[7]) «Did. Julian.», гл. 9.—[8]) Діонъ, LXXVI, 7.—[9]) Діонъ, LXXII, 22, Геродіанъ, I, 15, «Vita M. Anton.», 19, «Commodi», гл. 12. Ср. Meier, «De glad.», стр. 55, 1.—[10]) «Commod.», гл. 8 и 11: «Clod. Albin.», гл. 6. Діонъ, LXXII, 17 слл.—[11]) Ювен., 6, 246 слл.

которыхъ ѳракіецъ Келадъ называется „предметомъ желаній и гордости женщинъ и дѣвушекъ“ (suspirium и decus puellarum), рецiарій Кресцентъ— „господиномъ и врачемъ дѣвушекъ“ (puparum) [1]. Даже для женщинъ высшаго круга „желѣзо“ имѣло неотразимую притягательную силу, и, благодаря ему, бойцы на аренѣ казались имъ Гіацинтами [2]. Безъ сомнѣнія, среди нихъ герои не были рѣдки. Антоній, напоминавшій Цицерону гладіатора, другими сравнивался съ его предкомъ Геракломъ [3]. Нимфидій Сабинъ, префектъ преторія при Неронѣ, считался сыномъ гладіатора Мартіана, въ котораго мать его, вольноотпущенница, влюбилась за его знаменитость [4]. О супругѣ Марка Аврелія Фаустинѣ также ходили слухи, что въ Кайетѣ она вступала въ сношенія съ матросами и гладіаторами, и что Коммодъ былъ плодомъ ея любви къ одному изъ послѣднихъ [5]. Гладіаторовъ воспѣвали поэты [6], они видѣли свои портреты на горшкахъ и блюдахъ, лампахъ, стаканахъ и перстняхъ, выставленными во всѣхъ лавкахъ, дѣла ихъ досужими руками нацарапывались углемъ и ногтями на всѣхъ стѣнахъ. Въ Римѣ и во всѣхъ провинціяхъ художники постоянно были заняты украшеніемъ театровъ, надгробныхъ памятниковъ, дворцовъ и храмовъ скульптурой, мозаикой и картинами, которыя должны были повѣдать и дѣйствительно повѣдали міру о ихъ славѣ.

Отсюда становится вполнѣ понятной не только склонность къ этому кровавому ремеслу, но и то, что она могла переходить въ страсть. Опасность, сопряженная съ нимъ, только привлекала смѣлыхъ, и у нихъ была надежда послѣ ряда боевъ выйти свободнымъ и обезпеченнымъ [7]. Если нѣкоторые должны были довольствоваться тѣмъ, что, получивъ отпускную, становились жрецами Беллоны и вели бродячую жизнь [8], то другіе вѣшали свое оружіе въ храмѣ Геркулеса и кончали жизнь въ какомъ-нибудь имѣніи (подобно воспѣтому Гораціемъ Веянію) [9], а сыновья ихъ сидѣли въ театрѣ на всадническихъ мѣстахъ [10]. То, что Калигула назначилъ нѣсколькихъ ѳракійцевъ начальниками своихъ германскихъ тѣлохранителей (нѣкто Сабинъ, отличавшійся большой физической силой былъ трибуномъ) [11], было, конечно, экстравагантностью; но гладіаторы вообще безъ особыхъ трудностей могли переходить къ болѣе почетнымъ профессіямъ: ходили даже слухи, что императоръ Макринъ былъ когда-то гладіаторомъ [12]. Такимъ образомъ, тяготѣвшее надъ ними въ силу закона безчестіе до извѣстной степени теряло свое значеніе; причастность къ этому дѣлу лицъ высшаго сословія способствовала притупленію чувства къ постыдному въ ремеслѣ гладіатора, и все болѣе и болѣе падала стѣна, отдѣлявшая этихъ призрѣнныхъ и отверженныхъ людей отъ остального общества.

Ремесло тореадора въ настоящее время въ Испаніи обладаетъ такою-же притягательной силой, какъ въ древности гладіаторское искусство, и по тѣмъ-же причинамъ; правда, оно не связано съ инфаміей и менѣе опасно

---

1) Mau, «Pompeji», стр. 209.—2) Ювен., 6, 78—113. Петрон., гл. 126.—3) Цицер., «Фил.», 2, 25, 63. Drumann, «Röm. Gesch.», I, 504.—4) Плутархъ, «Гальба», гл. 9, 1.—5) «M. Antonin.», гл. 19.—6) Мартіалъ, V, 24.—7) Ср. Henzen, «Bull. di corr. arch.», 1879 стр. 46 слл. C. I. L., V, 4511.—8) «Schol. Juv.», 6, 105.—9) Горац., «Посл.», I, 1, 5.—10) Ювен., 3, 158.—11) Іосифъ, «Древн.», XIX, 1, 15. Свет., «Калиг.», гл. 55.—12) «Macrin.», гл. 4.

но, все-таки, достаточно опасно. Въ 1883 году было установлено, что ежегодно во всей Испаніи въ циркѣ гибнетъ около двухъ—трехъ тореадоровъ, многіе, вслѣдствіе ранъ, бываютъ рано вынуждены отказаться отъ своего ремесла и немногіе достигаютъ болѣе или менѣе преклоннаго возраста. Это ремесло было привлекательно не высокимъ вознагражденіемъ, а скорѣе славой и страстнымъ вниманіемъ публики (которая, впрочемъ, была такъ-же мало снисходительна, какъ и древне-римская и малѣйшее проявленіе страха наказывала свистками и шиканьемъ). Спустя поколѣніе, нѣмецкому наблюдателю Т. фонъ-Бернгарди бои быковъ казались „единственнымъ, что властно захватывало умъ и мысли испанскаго народа", тогда какъ интересъ къ театру былъ поразительно малъ. Далѣе онъ-же говоритъ: „ни одинъ побѣдоносный полководецъ, ни одинъ государственный человѣкъ не можетъ надѣяться на популярность, равную популярности знаменитаго борца съ быками". Вся Испанія знаетъ имена, подъ которыми выступаютъ любимые тореадоры, которыя не являются ихъ гражданскими именами; слава ихъ простирается далеко за предѣлы европейской Испаніи, часто они выступаютъ и по ту сторону океана (напр., въ Перу). Тяжелое пораненіе знаменитаго тореодора повергло въ такое сильное волненіе весь Мадридъ, подобнаго которому не могло вызвать никакое политическое событіе; всѣ знатныя дамы неоднократно ѣздили къ нему, чтобы лично освѣдомиться о его здоровьи, и передъ его домомъ въ теченіе дня часто стояли цѣлые ряды экипажей, и вначалѣ ежечасно, а затѣмъ два раза въ день выходили бюллетени о состояніи его здоровья. Въ Испаніи во всѣ времена нерѣдко любители знатнаго происхожденія дѣлили славу и опасности простого тореадора (подобные факты происходили и во времена Сервантеса); Мериме видѣлъ въ Севильѣ въ качествѣ тореадоровъ маркиза и графа. Графъ Шакъ зналъ молодого князя [1]), который выстроилъ въ своемъ саду циркъ и упражнялся въ немъ со своими знакомыми въ искусствѣ тавромахіи, борясь съ молодыми быками, у которыхъ на рогахъ были навинчены деревянные шары. Зимою 1869 года въ Мадридѣ для дилетантовъ были устроены бои съ пятилѣтними быками, которые подобнымъ же образомъ сдѣланы были менѣе опасными, а въ маленькомъ закрытомъ циркѣ съ двухлѣтними быками боролись женщины и дѣвушки (многія изъ которыхъ были вовсе не молоды и не красивы) [2]).

— — —

При томъ огромномъ количествѣ бойцовъ, которое изъ года въ годъ требовалось для игръ въ Италіи и провинціяхъ, обученіе гладіаторовъ и торговля ими были дѣломъ очень прибыльнымъ [3]). Послѣ постановленія сената 176—7 года, изданнаго съ цѣлью сократить расходы устроителей игръ, во всей имперіи, кромѣ Рима, объявленія о гладіаторскихъ играхъ всегда заключали въ себѣ указаніе израсходованной суммы, которая опредѣлялась всегда заранѣе по условію съ предпринимателями (lanistae), которые поставляли обыкновенно борцовъ. На основаніи этихъ суммъ зрѣлища дѣлились

[1]) Graf Schack, «Ein halbes Jahrhundert», 2 изд. II, 331.—[2]) Merimée, «Lettres sur l'Espagne», 1833. Bernhardi, «Reiseerinnerungen aus Spanien» (1867—1871), 1886, стр. 35, 46, 247 сл.—[3]) C. I. L., VI, 2, 10200; C. I. L., X, 1733. Herzog, «Gall. Narb.» № 352=C. I. L., XII, 727.

на 5 классовъ: самый низшій въ 30, слѣдующія отъ 30 до 60; отъ 60 до 100, отъ 100 до 150, отъ 150 до 200 тысячъ сестерціевъ и выше. Постановленіе сената опредѣляло только максимальную цѣну за гладіаторовъ, выступающихъ въ каждомъ изъ этихъ классовъ. Различались обыкновенные (gregarii), за которыхъ платили отъ 1000 до 2000 сест. и лучшіе отъ 3000 до 15000 сест. (эта послѣдняя цифра должна была быть предѣльной). Но при всякихъ играхъ четырехъ высшихъ классовъ половина борцовъ каждаго дня должна была состоять изъ gregarii; если предприниматели заявляли, что они не могутъ поставить требуемаго числа, имъ платили за поставленныхъ ими вмѣсто этого лучшихъ борцовъ, какъ за gregarii. Но эта расцѣнка имѣла значеніе только для большихъ городовъ, гдѣ до тѣхъ поръ платились бо̀льшія цѣны; для меньшихъ городовъ должны были считаться руководящими среднія цѣны, которыя можно было найти на счетахъ за игры въ послѣдніе 10 лѣтъ. Если, кромѣ платы за борцовъ, между устроителями игръ и предпринимателями заключалось условіе относительно наградъ побѣдителямъ, то добровольцы (auctorati) должны были получать четвертую часть, а рабы пятую. Добровольно нанимающіеся (которые должны были заявить объ этомъ народному трибуну [1]), очевидно, только въ томъ случаѣ, если они были римскими гражданами) получали 2000 сестерціевъ; освобожденные отъ обязанности бороться (liberati) не должны были при послѣдующихъ выступленіяхъ оцѣниваться выше 12000 сестерціевъ. Нерѣдко знатные люди являлись обладателями цѣлыхъ отрядовъ гладіаторовъ; иногда они отдавали въ наемъ своихъ бойцовъ или продавали ихъ, и это не ложилось позорнымъ клеймомъ на ихъ честь; однако, если торговля гладіаторами обращалась уже въ ремесло, то это считалось позорнымъ [2]). Мартіалъ удивлялся, что человѣкъ, готовый на всякое постыдное дѣло, не имѣетъ денегъ: „онъ, вѣдь, былъ доносчикомъ, клеветникомъ, обманщикомъ, продавцомъ гладіаторовъ“ [3]). Люди эти, большею частью, сами гладіаторы, то жили на одномъ мѣстѣ, то переѣзжали съ мѣста на мѣсто [4]), продавали и покупали гладіаторовъ; они то отдавали въ наемъ свои гладіаторскіе отряды устроителямъ игръ, то за деньги устраивали игры на свой счетъ, что также считалось нечистымъ способомъ наживы [5]). Доказательствомъ того, что при Августѣ въ Римѣ были многочисленные отряды гладіаторовъ, можетъ служить то обстоятельство, что во время дороговизны въ 6—8 годахъ, когда изъ столицы изгнаны были работорговцы съ ихъ рабами и чужестранцы, то вмѣстѣ съ ними опредѣленно упомянуто было и о нихъ [6]).

Въ Римѣ гладіаторская школа существовала еще съ 63 года до Р. X. [7]). Калигула, содержавшій значительное число гладіаторовъ [8]), повидимому, также имѣлъ въ Римѣ свою гладіаторскую школу [9]); Плиній Старшій разсказываетъ, что тамъ въ числѣ гладіаторовъ былъ ѳракіецъ Студіозъ, у котораго правая рука была длиннѣе лѣвой, и что изъ двадцати находящихся тамъ паръ было только два гладіатора, которые не зажмуривали глазъ при блескѣ оружія.

---

[1]) Ювен., 11, 8.—[2]) «L. Julia munic.», гл. VIII, строк. 49.—[3]) Мартіалъ, XI, 66.—[4]) Светон., «Вителл.», гл. 12.—[5]) Тац., «Анн.», IV, 62.—[6]) Светон., «Авг.», гл. 42. Діонъ, LV, 26.—[7]) Цицер., «Катил.», 2, 5, 9. Jordan, «Hermes», IX, 416 слл.—[8]) Іосифъ, «Древн.», XIX, 4, 3.—[9]) Плин., «N. h.», XI, 144, 245.

Четыре упоминаемыя съ этихъ поръ императорскія школы [1]) (большая, галльская, дакійская, школа борьбы со звѣрями), окружавшія амфитеатръ Флавіевъ, Домитіанъ не построилъ заново, какъ сообщаетъ городская хроника, а лишь перестроилъ ихъ [2]). Это были обширныя строенія (есть упоминаніе объ оружейной палатѣ, оружейномъ заводѣ и покойницкой [3]), которыми завѣдывалъ многочисленный персоналъ служащихъ (фехтмейстеры, врачи, счетоводы, управляющіе различными зданіями и учрежденіями [4]); во главѣ большой школы и менѣе значительной школы борьбы со звѣрями со времени Домитіана стояли прокураторы изъ всадническаго сословія [5]). На эти мѣста назначались частью бывшіе офицеры, именно военные трибуны [6]), частью административныя лица [7]), и притомъ даже тѣ, въ рукахъ которыхъ уже сосредоточивалось высшее управленіе фискальной частью цѣлой провинціи [8]); это была ступень, ведущая къ занятію болѣе высокихъ финансовыхъ должностей [9]), напримѣръ, завѣдыванія налогами, взимаемыми съ наслѣдствъ; даже положеніе помощника прокуратора императорской школы считалось уже важнымъ [10]).

Гладіаторскія школы существовали и внѣ Рима; изъ нихъ извѣстны три: школа въ Капуѣ [11]), Пренесте [12]) и Александріи (послѣдняя существовала уже при Августѣ) [13]), которая (а можетъ быть, также и другія) имѣли собственную администрацію. Вообще, однако, число императорскихъ школъ въ провинціи было не такъ велико, чтобы каждая провинція нуждалась въ своемъ отдѣльномъ прокураторѣ; высшее управленіе всѣми гладіаторами въ Галліи, Испаніи, Германіи, Британніи и Ретіи находилось въ рукахъ одного лица, равно какъ и управленіе гладіаторами малоазіатскихъ провинцій и Кипра [14]). Эти чиновники объѣзжали, безъ сомнѣнія, отъ времени до времени свои округа, дѣлая нужныя распоряженія, между прочимъ, и относительно выбора людей для игръ въ Римѣ, и вели, конечно, постоянную переписку съ римскими прокураторами. Въ отдѣльныхъ провинціяхъ текущія дѣла вели, вѣроятно, подпрокураторы. Правители правинцій могли набирать гладіаторовъ и бойцовъ со звѣрями только въ своей провинціи [15]); для перевоза ихъ изъ одной провинціи въ другую необходимо было (по рескрипту Севера и Каракаллы) разрѣшеніе императора [16]).

Правители не имѣли права освобождать присужденныхъ къ борьбѣ со звѣрями, но, если они по силѣ и ловкости находили ихъ „достойными" быть показанными римскому народу, то они просили для этого разрѣшенія императора [17]). Неизвѣстно, какъ долго оставался въ силѣ изданный Нерономъ въ 57 году эдиктъ, запрещавшій намѣстникамъ провинцій давать гладіаторскія игры или устраивать бои звѣрей (въ виду того, что часто они пользо-

---

[1]) «Catal. imp.».—[2]) Hirschfeld, 289 сл. Mommsen, «Staatsr.», 3 изд, II, 1070—1072.—[3]) «Catal. imp.». Ср также Hülsen-Jordan, «Topographie Roms», I, 3, стр. 298 слл.—[4]) Preller, «Regionen d. St. Rom», стр. 121 слл. C. I. L. VI, 10, 165.—[5]) Hirschfeld, ук. соч.—[6]) Henzen, 6520=C. I. L. XIV, 160, X, 1685.—[7]) C. I. L., XIV, 2922, VIII, 7039.—[8]) Henzen, 6947.—[9]) C. I. L. VIII, стр. 968 къ № 8328.—[10]) C. I. L. II, 1085.—[11]) «Did. Julian», гл. 8.—[12]) Тац., «Анн.», XV, 46.—[13]) См. выше, прим. 6.—[14]) Mommsen, ук. соч. 1071, 2. Hirschfeld, ук. соч. 181, 4. Mommsen, «Add. ad C. I. L., III», («Eph. ep.», V, стр. 44).—[15]) Діонъ, LXXVI, 10.—[16]) «Digg.», XLVIII, 19, 31.—[17]) «Digg.», тамъ же.

вались этимъ средствомъ для пріобрѣтенія расположенія массъ или, чтобы отклонить жалобы на притѣсненія) [1].

Число императорскихъ гладіаторовъ въ самомъ Римѣ всегда было очень значительно. Іосифъ, говоря въ разсказѣ объ убійствѣ Каракаллы, что количество гладіаторовъ, устремившихся въ лагерь преторіанцевъ, было велико [2], имѣетъ въ виду, очевидно, только императорскихъ гладіаторовъ. Послѣ смерти Нерона число ихъ доходило до 2000, которыми Отонъ и усилилъ свое войско [3], и 200 лѣтъ спустя при Гордіанѣ III ихъ было столько же; императоръ Филиппъ выставилъ всѣхъ ихъ во время игръ по случаю празднованія тысячелѣтія существованія города [4]; въ праздничномъ шествіи императора Галліена участвовало 1200 гладіаторовъ [5], въ тріумфальномъ шествіи Авреліана—1600 [6]. Императорскіе гладіаторы, находящіеся въ Италіи и провинціяхъ, въ короткое время въ любомъ количествѣ могли быть привлечены въ Римъ, и въ исключительныхъ случаяхъ безъ труда выступало сразу по нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Мы имѣемъ представленіе объ устройствѣ гладіаторскихъ школъ благодаря плану большой школы на кускѣ высѣченнаго изъ мрамора плана города Рима ихъ эпохи Северовъ [7]; еще болѣе ясное представленіе о немъ мы имѣемъ съ тѣхъ поръ, какъ обнаружилось, что остатки зданія въ Помпеяхъ, которыя раньше считали принадлежащими казармамъ солдатъ или рынку, являются перестроенной изъ болѣе стараго зданія казармой гладіаторовъ; назначеніе этого зданія обнаружилось, благодаря найденному здѣсь забралу, которыя носили только гладіаторы [8]. Четыреугольникъ (173-хъ футовъ въ длину и 139 въ ширину) окруженъ галлереей, крышу которой поддерживали 70 дорическихъ колоннъ. Кромѣ другихъ помѣщеній, назначенія которыхъ нельзя опредѣлить съ точностью, въ этомъ зданіи находилась обширная кухня, тюрьма и расположенная въ двухъ этажахъ другъ надъ другомъ 71 жилая камера (каждая для двухъ человѣкъ) по 10—12 футовъ въ квадратѣ; въ нихъ не было оконъ, и онѣ примыкали къ колоннадѣ [9]. Стѣны и колонны исцарапаны разными надписями и картинками изъ гладіаторской жизни; на внѣшней стѣнѣ найдено было объявленіе о гладіаторскихъ играхъ; еще и теперь сохранились двѣ картины, изображающія трофеи изъ гладіаторскаго оружія [10].

Для обузданія этихъ бандъ, состоящихъ цѣликомъ или отчасти изъ преступниковъ и военноплѣнныхъ, людей отчаянныхъ, отъ которыхъ можно было ожидать всякихъ выходокъ, приходилось прибѣгать къ самымъ дѣйствительнымъ мѣрамъ. Гладіаторы были совершенно обезоружены, содержались въ болѣе или менѣе строгомъ заключеніи, въ императорскихъ школахъ ихъ охраняли солдаты. Спартакъ и его товарищи бѣжали изъ школы въ Капуѣ, гдѣ они содержались, перебивъ свою стражу; они вооружились

[1]) Тац., «Анн.», XIII, 31.—[2]) Іосифъ, «Древн.», XIX, 4, 3.—[3]) Тац., «Ист.», II, 11.—[4]) «Gordian, tert.», гл. 33.—[5]) «Gallien.», гл. 8.—[6]) «Aurelian.», гл. 33.—[7]) Jordan, «Forma urbis», табл. 1, 4, XV, 102.—[8]) Bechi, «Mus. Borb.», V, табл. XI (1829); Ср. Garrucci, «Bull. Nap.», N. S. I, стр. 99 слл. Minervini, тамъ же, 1859 стр. 116—120 и 175.—[9]) Goro von Agyafalva «Wanderungen durch Pompeji», стр. 120 сл. Overbeck-Mau, «Pompeji», 4 изд. стр. 193—198.—[10]) «Bull. Nap.», N. S. I табл. VII, 13 и 14, тамъ же 1859 табл. X. Ср. «Bull. Ital.», 1860, апрѣль.

награбленными въ Капуѣ мечами, кольями, кинжалами, отнятыми у проѣзжающихъ, и оружіемъ, выкованнымъ ими самими [1]). Случаи самоубійства гладіаторовъ (о нихъ разсказываютъ Сенека и Симмахъ) происходили безъ помощи оружія послѣ того, какъ удавалось усыпить бдительность стражи [2]). Попытка возстанія, сдѣланная въ Пренесте въ 63 году императорскими гладіаторами, была подавлена мѣстнымъ гарнизономъ [3]). Порядокъ поддерживался посредствомъ ужасающей жестокости, о чемъ свидѣтельствовала уже при наборѣ упомянутая клятва. Кромѣ бичеванія и обжиганья раскаленнымъ желѣзомъ, особенно часто прибѣгали къ заковыванью въ цѣпи. Въ тюрьмѣ помпеянской гладіаторской школы, гдѣ можно было только сидѣть или лежать, найдены были ножныя кандалы, приспособленныя для заковыванья сразу десяти узниковъ, и тутъ же скелеты четырехъ изъ нихъ [4]).

Обращеніе съ гладіаторами только въ одномъ отношеніи отличалось отъ обращенія съ преступниками: это замѣчательная забота о ихъ физическомъ здоровьѣ. Школы основывались преимущественно въ мѣстностяхъ, отличающихся здоровымъ воздухомъ, какъ Капуя съ ея райскимъ климатомъ, Пренесте съ его чистымъ горнымъ воздухомъ; Равенна и Александрія, гдѣ лѣтнія жары умѣрялись морскими вѣтрами. Пища ихъ состояла изъ питательныхъ веществъ, способствующихъ чрезмѣрному развитію мускуловъ [5]), именно, изъ разныхъ кушаній, приготовленныхъ изъ ячменя, въ виду чего ихъ шутя называли поѣдателями ячменя (hordearii) [6]). Галенъ разсказываетъ, что гладіаторы въ Пергамѣ (которымъ онъ оказывалъ медицинскую помощь) изо дня въ день ѣли кашу изъ бобовъ съ ячменной крупой, благодаря чему тѣло ихъ было не крѣпкимъ и выносливымъ, а нѣжнымъ [7]). Упоминаемая Ювеналомъ „бурда фехтовальныхъ школъ“, ѣсть которую долженъ былъ рѣшиться лакомка, промотавшій свое состояніе [8]), показываетъ, что въ общемъ столъ гладіаторовъ считался дурнымъ. Кушанья имъ готовились и давались по рецепту [9]); такъ „они ѣли и пили то, что кровью своею они вновь должны были возвратить“ [10]). Опытные хирурги залѣчивали ихъ пораненія; многіе изъ ихъ рецептовъ для ранъ гладіаторовъ сохранилъ Скрибоній Ларгъ [11]); врачи слѣдили за тѣмъ, чтобы вся точно установленная діэта строго соблюдалась [12]), особые рабы (unctores) производили натиранія, считавшіяся въ древности столь важными [13]).

Ради почитанія сообща боговъ-защитниковъ, а, можетъ быть, также и для другихъ цѣлей, гладіаторамъ, равно какъ и другимъ императорскимъ рабамъ, разрѣшалось образовывать союзы [14]). Такъ нѣкоторое количество гладіаторовъ Коммода, согласно надписи, относящейся къ 177 году, образовало

---

[1]) Аппіанъ, «Bell. civ.», I, 68; Веллей, II, 30, 5. Флоръ, II, 8 (III, 20).—[2]) Сенека, «Письм.», 70, 17; Симмахъ, «Письм.», 2, 46.—[3]) Тац., «Анн.», XV, 46. Ср. Zosim. I, 66.—[4]) Overbeck-Mau, «Pompeji», 4 изд. стр. 196.—[5]) «Lips. Saturn.», II, гл. XVI. Кипріянъ, «Письм.», 2.—[6]) Плин., «N. h.», XVIII, 72; ср. Светон. «Cl. rhet.», гл. 2.—[7]) Галенъ, VI, 529.—[8]) Ювен., 11, 20.—[9]) Тац., «Ист.», II, 88.—[10]) Сенека, «Письм.», 37, 2.—[11]) Скриб. Ларгъ, «De comp. medic.», 102, 203, 207, 208 и Плиній, «N. h.», XXVI, 135.—[12]) Preller, ук. соч. стр. 122. C. I. G., 1106=Kaibel, «Epigr. Gr.», 885.—[13]) C. I. L. VI, 631.—[14]) Mommsen, «De collegiis», стр. 102, 108; 78, 25 Ср. Mommsen, «I. R. N.», 4615=C. I. L. X, 4856.

сообщество для почитанія Сильвана [1]). Въ Деѣ „охотники, служившіе на аренѣ“ (т. е. выступавшіе въ амфитеатрѣ во время звѣриныхъ боевъ), составляли цехъ [2]); подобные же были и въ другихъ мѣстахъ [3]). Отдѣльные роды оружія, повидимому, также составляли товарищества. Такъ, напримѣръ, какому-то ѳракійцу сооруженъ былъ надгробный памятникъ отъ „всего отряда (armatura) ѳракійцевъ“ [4]), какому-то секутору отъ товарища по оружію (coarmio) [5]). Но въ этихъ школахъ возникали дружественныя связи также и между борцами разнаго рода оружія: какому-то ретіарію большой школы въ Римѣ поставилъ памятникъ мирмиллонъ той-же школы, бывшій его сотрапезникомъ (convictor) [6]).

Для каждаго рода оружія были, разумѣется, свои учителя [7]). Новички упражнялись сначала на соломенныхъ чучелахъ или чурбанахъ деревянными рапирами [8]); оружіе, служившее затѣмъ для упражненія, было тяжелѣе того, которое употреблялось въ дѣйствительномъ бою; найденное въ Помпеяхъ, особенно тяжелое, принадлежало, вѣроятно, къ оружію перваго рода [9]). Фехтовальное искусство гладіаторовъ развивалось, очевидно, систематически; техническія названія его были въ обращеніи и въ публикѣ. Квинтиліанъ сравниваетъ возраженія судебныхъ ораторовъ своимъ противникамъ съ фехтовальными пріемами гладіаторовъ, „у которыхъ секунды становятся тіерсами послѣ перваго удара, чтобы заставить противника сдѣлать штоссъ, и квартами, если былъ двойной финтъ, такъ что нужно было два раза парировать ударъ и сдѣлать два штосса“ [10]). Во время боя изъ публики по направленію къ аренѣ раздавались слова команды (dictata) [11]), которыя употреблялись учителями во время упражненій [12]), и эти возгласы иногда оказывались полезными даже отлично обученнымъ гладіаторамъ [13]). Консулъ П. Рутилій (105 г.) заставилъ учителей фехтовальной школы обучить солдатъ легіонеровъ „тонкому искусству парированья и удара“ [14]). Особенно цѣнилось, кажется, искусство фехтовать лѣвой рукой, чѣмъ прославился также Коммодъ [15]).

Школы имѣли своего рода военную организацію. Гладіаторамъ охотно давались благозвучныя и лестныя имена, а также имена знаменитыхъ въ свое время борцовъ. Счастливые бои доставляли гладіаторамъ болѣе высокое положеніе въ ихъ ремеслѣ, съ чѣмъ, вѣроятно, связано было командованіе надъ низшими гладіаторами, и возводили ихъ въ званіе ветерановъ.

Въ товариществѣ гладіаторовъ Коммода, объединенномъ общимъ почитаніемъ Сильвана, первая декурія, напримѣръ, состояла изъ ветерановъ шести различныхъ родовъ оружія, во главѣ второй стоялъ одинъ ветеранъ, осталь-

---

[1]) Orelli, 2566=C. I. L., VI, 631 сл. съ прим. Henzen'a.—[2]) Henzen, 7209=C. I. L. XII, 1590.—[3]) Henzen, 7210.—C. I. L., XI, 1, 862=Orelli, 4063. C, I. L., I, 1234.—[4]) Borghesi, «Bull. Nap.», I, стр. 95. C. I. L., VI, 10197.—[5]) Orelli, 2571=C. I. L., X, 7297.—[6]) Garrucci, «Bull. di corr. arch.». 1865, стр. 80.—[7]) C. I. L., VI, 10192.—Henzen, 6171.—Mommsen, C. I. L., V, 2, 5121. VI, 10174. V. 1. 1907. Цицер., «de orat.», III, 23.—[8]) Henzen, «Expl. mus. Borgh.», табл. VII, 1 и «Bull. di corr. arch.», 1843, стр. 93.—[9]) Goro, ук., соч., стр. 122. Ср. Lips., «Sat.», I, гл. XV.—[10]) Квинтил., V, 13, 54.—[11]) Светон., «Цез.», гл. 26 Петрон., «Сат.», гл. 45. Ювен., 11, 8.—[12]) Іерон., «Письм.», 48, 113. Его же, «Praef. in comm. Ezechiel.», 13.—[13]) Тертулл., «ad martyr.», гл. 1.—[14]) Валер. Макс., II, 3, 2.—[15]) Buecheler, «Ind. Bonn. aestiv.», 1877, стр. 12.

ныя состояли, главнымъ образомъ, изъ новобранцевъ [1]). Наконецъ, въ знакъ отпущенія на волю они получали деревянную рапиру; но часто выслужившіе срокъ гладіаторы за хорошее вознагражденіе вновь поступали на службу [2]) или служили учителями.

Много было, конечно, такихъ, которые не желали мѣнять своего положенія. Среди императорскихъ гладіаторовъ есть, по словамъ Эпиктета, много такихъ, которые бываютъ недовольны, если имъ не даютъ бороться. Они умоляютъ боговъ и одолѣваютъ прокураторовъ просьбами разрѣшить имъ биться [3]). Сенека разсказываетъ, что одинъ мирмиллонъ въ правленіе Тиберія, когда игры давались рѣдко, жаловался: „какіе прекрасные годы пропадаютъ даромъ“ [4]). Они часто гордились своимъ ремесломъ; биться съ болѣе слабымъ считали они постыднымъ [5]). Ихъ охватывала дикая храбрость и крайнее презрѣніе къ смерти, а вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренность, что любовь къ жизни встрѣтила-бы въ зрителяхъ менѣе всего сочувствія [6]). Самыя тяжелыя раны получали они, не издавъ стона [7]), и, изнемогая отъ потери крови, посылали спросить своего господина, должны-ли они перестать или умереть [8]); умирать умѣли даже самые робкіе [9]).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда гладіаторами пользовались во время гражданскихъ войнъ, что случалось нерѣдко и въ императорскую эпоху, они часто храбро сражались и въ открытомъ полѣ; людямъ, которые готовили ихъ для арены, показывали они самоотверженную преданность. Когда послѣ битвы при Актіѣ цари и народы отвернулись отъ проигравшаго дѣло Марка Антонія, гладіаторы, которыхъ онъ въ Кизикѣ готовилъ для ожидаемыхъ побѣдныхъ торжествъ, оставались ему вѣрны. На собственный рискъ они двинулись въ путь, стараясь пробраться къ нему въ Египетъ; никакія убѣжденія и препятствія не могли удержать ихъ, и, не будучи въ состояніи пробиться, они послали къ Антонію пословъ, прося его переправиться къ нимъ въ Сирію. Они оставили его лишь послѣ того, какъ онъ не только не пришелъ къ нимъ, но даже ничего не отвѣтилъ [10]). Луцій Антоній [11]) и Д. Брутъ [12]) также усиливали свои отряды гладіаторами. Двѣ тысячи гладіаторовъ, принятыя Отономъ въ ряды его войска, „дурная помощь, которою, однако, во время гражданскихъ войнъ пользовались даже строгіе полководцы“ (Тацитъ), не выказывали въ бояхъ такой стойкости, какъ солдаты [13]); среди гладіаторовъ Вителлія, павшихъ подъ Террациной, лишь немногіе оказывали сопротивленіе и падали, мстя за себя [14]). Маркъ Аврелій, вынужденный во время войны съ маркоманнами вооружить даже рабовъ, сформировалъ отрядъ гладіаторовъ, которыхъ онъ называлъ „послушными“ (obsequentes“) [15]). Дидій Юліанъ при приближеніи Севера также приказалъ вооружить въ Капуѣ гладіаторовъ [16]).

Среди этихъ бандъ отверженныхъ и униженныхъ, грубыхъ и безчув-

[1]) C. I. L., VI, 631.—[2]) Светон., «Цезарь», гл. 26.—[3]) Эпиктетъ, «Dissert.», I, 29, 37—[4]) Сенека, «de provid.», 4, 4.—[5]) Тамъ же, 3, 4.—[6]) Сенека, «Dial.», II, гл. 16, 2.—[7]) Цицер., «Туск.», II, 20, 46.—[8]) Тамъ же, II, 17, 41.—[9]) Тамъ же и Сенека, «Письм.», 30, 8.—[10]) Діонъ, LI, 7. Ср. Іосифъ, «Древн.», XV, 6, 7. «Іуд. в.», I, 20, 2.—[11]) Аппіанъ, «Bell. civ.», V, 30, 33. Светон., «Авг.», гл. 14.—[12]) Веллей, II, 58, 2; Аппіанъ, тамъ же, III, 49.—[13]) Тац., «Ист.», II, 12, 23 сл. 34 сл. 43.—[14]) Тамъ же, III, 57, 76 сл.—[15]) «M. Antonin.», гл., 21 и 23.—[16]) «Did. Julian.», гл. 8.

ственныхъ людей, судьба людей, видѣвшихъ лучшіе дни, была вдвойнѣ безотрадна. Въ той школьной рѣчи юноши, который сталъ гладіаторомъ, чтобы получить возможность похоронить своего отца, изображается, какъ ему, когда онъ ожидаетъ, въ одеждѣ раба, позорной смерти, рисуются картины счастливаго прошлаго; онъ вспоминаетъ о томъ, чего ему не суждено уже больше увидѣть: о своемъ домѣ, семьѣ, друзьяхъ и о томъ, что когда-то по своему происхожденію, средствамъ и образованію онъ стоялъ выше устроителя игръ [1]). Горе тому, кого среди низости, порока и нищеты посѣщали подобныя воспоминанія! Жизнь становилась для него невыносимымъ мученіемъ, онъ искалъ и желалъ смерти, какъ единственнаго счастья. Тщетнымъ становился тогда самый строгій надзоръ, напрасно отнимали у нихъ всѣ средства къ самоубійству; съ тѣмъ большимъ героизмомъ приводили они въ исполненіе свое рѣшеніе. По самой природѣ вещей о подобныхъ случаяхъ сохранились лишь единичныя сообщенія; это еще не значитъ, чтобы они были рѣдки. Примѣръ того, какіе ужасы, о которыхъ никто не узнавалъ, могли происходить въ глубинѣ этихъ отвратительныхъ норъ, даетъ злодѣяніе Л. Бальба по отношенію къ Фадію [2]). Сенека разсказываетъ (въ послѣдніе годы правленія Нерона) о двухъ случаяхъ геройскаго самоубійства бойцовъ со звѣрями, происшедшихъ незадолго до того времени. Одинъ изъ нихъ рано утромъ, окруженный стражей, ѣхалъ на повозкѣ къ мѣсту зрѣлища. Онъ притворился спящимъ и наклонилъ голову такъ низко, что она попала, наконецъ, между спицами колесъ, и остался въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока колесо, вращаясь, не сломило ему черепа [3]). Заговоры, бунты, возстанія случались въ гладіаторскихъ школахъ, вѣроятно, также нерѣдко, хотя второго Спартака не оказалось. Бывшая въ Пренесте попытка гладіаторовъ освободиться вызвала въ Римѣ въ 64 году серьезныя опасенія; она была, однако, подавлена на мѣстѣ приставленною къ нимъ стражею [4]). Въ правленіе императора Проба въ самомъ Римѣ возмутились 80 гладіаторовъ; они были усмирены лишь послѣ смѣлаго сопротивленія [5]). Симмахъ въ одномъ изъ писемъ попутно упоминаетъ объ одномъ случаѣ, который еще ужаснѣе всѣхъ упомянутыхъ. Часть тѣхъ смѣлыхъ саксовъ, которые на маленькихъ судахъ осмѣливались въ то время изъ Сѣвернаго моря пускаться въ открытый Океанъ и своими разбойничьими набѣгами держали въ страхѣ берега Галліи, попала въ руки римлянъ. Часть ихъ должна была выступить на играхъ, устраиваемыхъ Симмахомъ. Изъ нихъ двадцать девять человѣкъ въ первый-же день голыми руками передушили другъ друга [6]).

Народъ узнавалъ о гладіаторскихъ играхъ черезъ объявленія [7]), которыя устроители игръ приказывали особымъ писцамъ краской начертывать на стѣнахъ домовъ и публичныхъ зданій, а также на надгробныхъ памятникахъ, которые отъ воротъ города тянулись по обѣ стороны дорогъ; вслѣдствіе этого, нѣкоторыя надгробныя надписи содержатъ въ себѣ обращеніе къ подобнымъ писцамъ, съ просьбой пощадить данную гробницу [8]). На двухъ

---

[1]) Квинтил., «Decl.», IX, 7.—[2]) См. выше, стр. 532, 6.—[3]) Сенека, «Письм.», 70, 20.—[4]) Тац., «Анн.», XV, 46.—[5]) Zosim, I, 71.—[6]) Симмахъ, «Письм.», II, 46.—[7]) Ср. Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., III, 561.—[8]) Henzen, въ «Gerhards Archäol. Ztg.», 1816, стр. 295, и «Coll. Inscr. lat.», 5663, 6566, 6975—6977.—Zangemeister, C. I. L., IV, стр. 10.

надгробныхъ памятникахъ, стоявшихъ въ Помпеяхъ у Нуцерійскихъ воротъ, находились объявленія о цирковыхъ играхъ въ Полѣ и Нуцеріи. Объявленія объ играхъ, имѣющихъ быть въ самихъ Помпеяхъ, сохранились въ разныхъ мѣстахъ въ большомъ количествѣ, напримѣръ: „тридцать паръ гладіаторовъ квинквеннала Гн. Аллейя Нигидія Майя и ихъ замѣстители (которые должны были замѣнять убитыхъ) будутъ биться въ Помпеяхъ съ 24 по 26 ноября. Будетъ также бой звѣрей. Да здравствуетъ квинквенналъ Май!“ [1]) „Гладіаторы эдила А. Светтія Церія будутъ биться въ Помпеяхъ 31 мая. Будетъ бой звѣрей и будетъ устроенъ навѣсъ“ [2]). Въ другихъ объявленіяхъ сверхъ этого обѣщаютъ поливку водой для уменьшенія пыли и жары. Вмѣсто даты въ одномъ объявленіи говорится: „когда дозволитъ погода“, а въ другомъ: „безотлагательно“. Въ этихъ объявленіяхъ часто содержались имена главныхъ борцовъ, расположенныя попарно, соотвѣтственно тому, какъ они должны были биться, при чемъ устроители игръ, для того, чтобы поддержать интересъ въ народѣ, назначали на каждый день игръ новыя, еще невиданныя пары; росписанія эти переписывались, продавались на улицахъ и разсылались въ другіе города [3]).

Въ послѣдній день, наканунѣ игръ, гладіаторамъ и борцамъ со звѣрями предлагался т. наз. „свободный обѣдъ“, при чемъ ихъ щедро угощали дорогими кушаньями и напитками; на эти обѣды допускались и любопытные. Тогда какъ болѣе грубые и наполовину озвѣрѣвшіе изъ этихъ несчастныхъ, не думая о завтрашнемъ днѣ, предавались непомѣрному объѣденію, другіе прощались со своими, поручали своихъ женъ друзьямъ, даровали своимъ рабамъ свободу, а христіане, которымъ предстояло на аренѣ страдать за вѣру, праздновали послѣднюю вечерю любви.

Зрѣлище начиналось торжественнымъ шествіемъ по аренѣ гладіаторовъ въ праздничныхъ платьяхъ [4]); при этомъ, можетъ быть, они обыкновенно произносили упоминаемое Светоніемъ въ одномъ мѣстѣ привѣтствіе императору: „да здравствуетъ императоръ, тебя привѣтствуютъ идущіе на смерть“. Вновь купленные гладіаторы при первомъ выходѣ, повидимому, должны были пройти какъ бы сквозь строй [5]), что въ амфитеатрѣ вообще часто имѣло мѣсто и упоминается въ числѣ мученій христіанъ [6]). Распорядителю игръ приносили оружіе для испытанія. Одинъ родъ чрезвычайно острыхъ мечей получилъ имя Друза, сына Тиберія, который по природной свирѣпости держалъ себя во время такихъ изслѣдованій особенно жестоко [7]). И Домитіанъ, кажется, старался сдѣлать гладіаторскія игры болѣе жестокими. Мартіалъ разсыпается въ похвалахъ (въ 93 году) по поводу того, что нынѣ возобновлены на римской аренѣ старые обычаи и храбрость борется болѣе простыми способами [8]). Маркъ Аврелій, наоборотъ, приказывалъ биться только тупыми мечами [9]).

Прежде всего происходила примѣрная борьба, во время которой даже

---

[1]) Mau, «Pompeji», стр. 204 слл.—[2]) «Mus. Borb.», I, «rel. dei scavi». Garrucci, «Bull. Nap.», 1853, стр. 115.—[3]) «Hist. Aug.», «Claud.», 5.—[4]) «Bull. Nap.», IV, табл. I; Плин., «N. h.», XXXV, 49.—[5]) Сенека, «Apocol.», 9, 3.—[6]) Евсев., «Ист. ц.», V, I, Тертулл. «ad mart.», гл. 5. «Passio S. Felicit. et Perpet.», гл. 18, 33.—[7]) Діонъ, LVII, 13 Ср. Lips., «Exc. ad. Tac»., III, 37.—[8]) Мартіалъ, VIII, 80, ср. XV, 29.—[9]) «M. Antonin.», гл. 11. Діонъ, LXXI, 29.

метали копья и иногда, какъ кажется, боролись въ тактъ подъ музыку. Мрачные звуки трубы давали сигналъ для начала борьбы острымъ оружіемъ, и она начиналась подъ гулъ трубъ и рожковъ и рѣзкіе звуки свистковъ и флейтъ [1]). Тутъ одна за другой развертывались самыя разнообразныя сцены. По одиночкѣ и группами выступали ретіаріи, полунагія подвижныя фигуры, почти безъ вооруженія, лишь съ сѣтью, кинжаломъ и трезубцемъ. То преслѣдуемые секуторами, вооруженными шлемами, покрывающими все лицо, мечами и щитами, то окружая мирмиллоновъ, которые поджидали ихъ, почти присѣвъ накорточки, они старались накинуть сѣть на своего противника, чтобы затѣмъ нанести ему мечемъ или трезубцемъ смертельный ударъ. Самниты, прикрытые четыреугольными, величиною почти въ человѣческій ростъ, щитами, скрещивали свои короткіе прямые мечи съ кривыми мечами тяжеловооруженныхъ ѳракійцевъ, защищенныхъ только небольшими круглыми щитами. Всадники съ длинными копьями наскакивали другъ на друга, эссedаріи сражались на британскихъ боевыхъ колесницахъ, управляемыхъ стоящими рядомъ съ бойцами возницами. Упоминается еще о нѣкоторыхъ другихъ родахъ гладіаторовъ, но слишкомъ рѣдко и вскользь, чтобы дать намъ ясное представленіе о способѣ ихъ борьбы и вооруженіи.

Когда въ единоборствѣ одинъ изъ борцовъ падалъ, то изъ рядовъ зрителей раздавался крикъ: „онъ уже получилъ“ [2]). Когда одинъ изъ борцовъ былъ побѣжденъ, но оставался еще живъ, и находился во власти противника, то обыкновенно устроитель игръ предоставлялъ зрителямъ рѣшить (хотя это было, конечно, его правомъ), слѣдуетъ-ли его пощадить или-же добить. Раненные, просящіе сохранить имъ жизнь, борцы клали на землю свой щитъ и подымали (обычай этотъ существовалъ и въ Греціи) [3]) вверхъ одинъ изъ пальцевъ лѣвой руки [4]). Зрители, въ случаѣ помилованія, махали, какъ кажется, платками или-же подымали вверхъ большой палецъ [5]). Въ случаѣ-же отказа, большой палецъ опускали внизъ. Храбрые борцы отклоняли вмѣшательство народа и показывали знаками, что раны неопасны; эти вызывали, конечно, наибольшее сочувствіе, трусливые-же, наоборотъ, — неудовольствіе: народъ считалъ для себя оскорбленіемъ, если гладіаторъ умиралъ неохотно [6]). Медлительныхъ и боязливыхъ заставляли биться плетями и раскаленнымъ желѣзомъ. Изъ рядовъ пришедшихъ въ ярость зрителей раздавались крики: „убей, сѣки, жги его! Почему онъ такъ робко бросается на мечъ? Почему тотъ безъ воодушевленія наноситъ смертельный ударъ? Почему этотъ умираетъ съ такимъ неудовольствіемъ?“—Августъ запретилъ игры, при которыхъ заранѣе была исключена возможность освобожденія раненнаго борца (missio), и борьба продолжалась до тѣхъ поръ, пока не оставался на мѣстѣ одинъ изъ противниковъ [7]). Онъ издалъ эдиктъ, въ ко-

[1]) Ювен., 3, 35.—C. I. G., 3675. C. I. L., X, 4915. Overbeck-Mau, «Pompeji». 4 изд., стр. 182.—[2]) Донатъ, къ Тер. «Андр.», I, 1, 56. Прудент., «Psychom.», 49 сл.; ср. Gronov., «Obss.», II, 25. Turneb., «Advers., XVII, 10.—[3]) Плутархъ, «Ликургъ», гл. 19, 8. Krause, «Agonistik», стр. 522, 4.—[4]) Схол. Перс., 5, 119, Сидон. Аполл., «ст.» 23, 129. Garrucci, «Graffiti», стр. XI. «Mus. Borb.», XV, табл. 27 слл.—[5]) «Bull. di corr. arch.», 1853, стр. 130. Meier, «de glad.», стр. 49 сл.—[6]) Сенека, «de ira», I, 2, 5. Лактант., «Inst. div.», VI, 20.—[7]) Свет., «Авг.», гл. 15. Ср. Mommson, «I. R. N.», № 4063=C. I. L. X, 6012.

торомъ оффиціально порицалъ жестокость гладіаторскихъ игръ, устроенныхъ отцомъ Нерона Гн. Домитіемъ, послѣ того, какъ сдѣланное ему частнымъ образомъ предостереженіе осталось безрезультатнымъ [1]). Повидимому, часто случалось, что побѣдитель принужденъ былъ тотчасъ-же сражаться съ новымъ противникомъ, который выбирался по жребію [2]). Въ промежутки между боями мальчики сгребали пропитанный кровью песокъ [3]) и рабы-мавры насыпали свѣжій [4]). Побѣдители махали передъ зрителями своими пальмовыми вѣтвями [5]). Павшихъ убирали люди въ маскѣ подземнаго бога Меркурія, а другіе, въ маскѣ этрусскаго демона Харона, испытывали при помощи раскаленнаго желѣза, не притворяются-ли они только мертвыми. Носилки для труповъ стояли тутъ-же, и черезъ ворота „богини Смерти“ умершихъ выносили въ особую комнату для мертвецовъ [6]). Здѣсь окончательно добивались тѣ, въ которыхъ еще тлѣла искра жизни.

Зрители въ амфитеатрѣ также раздѣлялись на партіи, но никогда онѣ не имѣли и приблизительно того значенія, какъ цирковыя партіи. Это происходило отчасти потому, что партійные интересы уже совершенно поглощались циркомъ, частью-же потому, что не было сформировано тѣсныхъ корпорацій, а слѣдовательно не было и организаціи. Кромѣ единичныхъ приверженцевъ знаменитыхъ и храбрыхъ гладіаторовъ, въ амфитеатрѣ были партіи, сочувствующія опредѣленному роду оружія: по крайней мѣрѣ, „приверженцы большихъ щитовъ“ (мирмиллоновъ и самнитовъ) и „приверженцы малыхъ щитовъ“ (ѳракійцевъ) были враждебны другъ другу [7]). И эти партіи были распространены во всѣхъ слояхъ общества [8]), и въ нихъ принимали участіе и императоры. Калигула [9]) и Титъ [10]) покровительствовали малому щиту, Домитіанъ—большому; поэтому-то Марціалъ презрительно отзывается о маломъ щитѣ, который побѣждалъ рѣдко, а обыкновенно оказывался побѣжденнымъ [11]), а также о „толпѣ“ его приверженцевъ [13]). Зрителя, который при гибели одного ѳракійца высказалъ мнѣніе, что онъ палъ не вслѣдствіе превосходства своего противника, а вслѣдствіе произвола устроителя игръ, Домитіанъ приказалъ стащить съ его мѣста на арену и бросить собакамъ, привязавъ ему на шею дощечку съ надписью: приверженецъ малаго щита, который дерзко (impie) выражался [16]). Этотъ случай и другіе ему подобные подали Плинію Младшему поводъ говорить, что во времена Траяна зрители амфитеатра могли свободно и безопасно выражать свое одобреніе. „Никого, какъ раньше, не обвиняютъ въ дерзости (impietas) за то, что онъ ненавидитъ какого-нибудь гладіатора, никто изъ зрителей не становится предметомъ зрѣлища и не вынужденъ искупать свое плачевное удовольствіе мученическою смертью. Безуменъ и не имѣетъ понятія о настоящей чести тотъ, кто на аренѣ собираетъ матерьялъ для обвиненія въ оскорбленіи величества и считаетъ себя оскорбленнымъ, если мы не чтимъ его борцовъ, кто въ нихъ

---

1) Светон., «Неронъ», гл. 4.—2) Марціалъ, V, 24, 8. C. I. L., IV, 1179. Ср. Плин., «Письм.», VIII, 14, 21.—Lactant., «Inst. div.», VI, 20.—Meier, ук. соч., стр 50 сл.—3) Марціалъ, II, 75, 5.—4) Петрон., гл. 34.—5) Светон, «Калиг.», гл. 33. Meier, ук. соч., стр. 46, 2.—6) Схол., Ювен., 8, 175. Heräus, «Archiv für Lexicographie», VI, 554.—7) Cic., «ad Att.», VII, 14, 2.—3) Квинтил., II, 11, 1.—9) Светон., «Калиг.», гл. 32, 54, ср. 55.—10) Светон., «Титъ», гл. 8.—11) Марціалъ, XIV, 213.—12) Марціалъ, IX, 68.—13) Светон., «Домит.», гл. 10.

считаютъ оскорбленнымъ свое божество, приравнивая себя къ богамъ, а своихъ борцовъ къ себѣ самимъ“ [1]). Маркъ Аврелій чувствовалъ внутреннее удовлетвореніе отъ того, что стоялъ вдали какъ отъ партій амфитеатра [2]), такъ и отъ цирковыхъ синихъ и зеленыхъ. Какое значеніе вообще придавалось партіямъ, видно изъ надгробной надписи нѣкоего Кресцента, торговца оливковымъ масломъ, принадлежавшаго къ рабскому сословію, въ которой говорится, что въ циркѣ онъ принадлежалъ къ партіи голубыхъ, а въ амфитеатрѣ къ партіи сторонниковъ малыхъ щитовъ [3]).

Большія массовыя битвы, для которыхъ на аренѣ амфитеатра не было достаточно мѣста, устраивались въ другихъ мѣстахъ и, конечно, лишь изрѣдка. Юлій Цезарь во время своихъ тріумфальныхъ игръ велѣлъ представить въ циркѣ битву, для чего были убраны колонны, служащія цѣлью, и устроены были два лагеря: съ каждой стороны сражалось 500 человѣкъ пѣхоты, 300 всадниковъ и 20 слоновъ, у которыхъ на спинахъ помѣщались башни съ людьми [4]). Въ 7 году до Р. Х. въ честь Агриппы (умершаго въ 12 году) въ построенныхъ имъ сентахъ представлена была массовая битва [5]). Послѣ покоренія Британніи въ 44 году на Марсовомъ полѣ, по приказанію Клавдія, представлено было съ полнымъ реализмомъ завоеваніе и разграбленіе одного изъ британскихъ городовъ и сдача предводителей [6]), при чемъ предсѣдательствовалъ онъ самъ, одѣтый въ плащъ военноначальника. Битву въ меньшихъ размѣрахъ—двухъ равныхъ пѣхотныхъ отрядовъ—устроилъ Неронъ въ амфитеатрѣ въ 57 году [7]), большія сраженія пѣхоты и конницы даны были Домитіаномъ въ циркѣ во время его тріумфальныхъ игръ [8]).

б. Бои звѣрей.

Первый извѣстный бой звѣрей устроенъ былъ въ Римѣ М. Фульвіемъ Нобиліоромъ, покорителемъ Этоліи въ 568 — 186 году, приблизительно 80 лѣтъ спустя послѣ введенія гладіаторскихъ игръ [9]) (растерзаніе зрѣрями въ качествѣ смертной казни встрѣчалось и раньше) [10]). Съ этихъ поръ этотъ родъ зрѣлищъ устраивался часто и все съ большимъ великолѣпіемъ. Во времена республики, а иногда и позднѣе, они происходили, большею частью, въ большомъ циркѣ. Звѣрей то показывали, то травили и убивали, заставляя ихъ драться то другъ съ другомъ, то съ людьми. Борцы со звѣрями были также не только приговоренные къ смерти преступники и военноплѣнные [11]), но и наемные; у Сенеки разорившійся въ конецъ мотъ разсуждаетъ, сдѣлаться-ли ему гладіаторомъ, или наняться въ борцы со звѣрями [12]). И это ремесло, хотя столь-же позорное, какъ и гладіатура [13]), имѣло, однако, свою притягательную силу. Они стремятся къ нему, говоритъ Тертулліанъ, и думаютъ, что станутъ красивѣе отъ рубцовъ и укусовъ дикихъ звѣрей [14]);

[1]) Плиній, «Панег.», гл. 33.—[2]) M. Antonin., «Comment.», I, 5.—[3]) Fabretti, «Inscr. antiq.», стр. 222, 592=C. I. L., VI, 9719, строк. 10.—[4]) Ср. Аппіанъ, «bell. civ.», II, 102. Діонъ, XLIII, 23. Светон., «Цез.», гл. 39. Плин., «N. h.», VIII, 22.—[5]) Діонъ, LV, 8.—[6]) Светон., «Клавд.», гл. 21.—[7]) Діонъ, LXI, 9. Ср. Іосифъ, «Древн.», XIX, 7, 5.—[8]) Діонъ, LXVII, 8.—[9]) Ливій, XXXIX, 22.—[10]) Вал. Макс., II, 7, 13 сл.; Лив., «Epit.», 51. Его-же, XXVI, 2.—[11]) Ср. выше, стр. 531, 3; 533.—[12]) Сенека, «Письм.», 87, 9. Ср. Апул., «Метам.», IV, 72.—Симмахъ, «Письм.», V, 59; Клавдіанъ, «Cons. Mall.», 293.—[13]) Ульпіанъ, кн. IV, «ad edict.» (Digg, III, 1, § 6).—[14]) Тертулл., «ad Mart.», гл. 5.

Ульпіанъ также разсказываетъ, что находились охотники, которые, чтобы показать свою храбрость, рѣшались бороться съ дикими звѣрями даже безъ всякаго вознагражденія [1]). Есть люди, пишетъ Кипріянъ, епископъ Карѳагенскій, которые выходятъ противъ дикихъ звѣрей, не будучи къ этому никѣмъ приговорены, находясь въ лучшемъ возрастѣ, будучи красивыми, одѣтые въ богатую одежду. Еще будучи живы, они заставляютъ украшать себя для добровольно избранной могилы, и, несчастные, еще хвалятся своимъ несчастьемъ. Они борятся съ дикими звѣрями не за какое-нибудь преступленіе, а изъ безумія страсти [2]). Были цѣлыя семьи борцовъ со звѣрями, какъ гладіаторовъ [3]), которые обучались въ особыхъ школахъ [4]) (подобнымъ же образомъ въ 1830 году въ Севильѣ Фердинандомъ VII была основана очень дорого стоившая „Королевская школа для боевъ быковъ“) [5]). Одна изъ четырехъ выстроенныхъ Домитіаномъ императорскихъ школъ была всецѣло или преимущественно предназначена для борцовъ со звѣрями [6]). Когда бои звѣрей назначались вмѣстѣ съ другими играми, то они обыкновенно шли вначалѣ, и начинались раннимъ утромъ [7]). Клавдій, по словамъ Светонія, находилъ такое удовольствіе въ борьбѣ осужденныхъ преступниковъ съ дикими звѣрями, что самъ съ разсвѣтомъ отправлялся въ циркъ [8]).

Съ ростомъ римской имперіи и звѣриныя травли стали принимать все большіе размѣры, т. к. каждая покоренная страна присылала въ Римъ рѣдчайшихъ и самыхъ дикихъ звѣрей. Этого рода зрѣлища были впервые введены послѣ того, какъ африканская область Карѳагена подпала подъ власть римлянъ; 40 лѣтъ спустя она стала римской провинціей. Дикіе звѣри этой области были первыми и болѣе столѣтія оставались единственными внѣевропейскими звѣрями цирка. Уже во время этой первой звѣриной травли было такое множество и разнообразіе львовъ и пантеръ, что Ливій сравниваетъ ее съ охотами позднѣйшихъ августовскихъ временъ. 17 лѣтъ спустя (585—189 г.), „при все растущемъ великолѣпіи“, во время цирковыхъ игръ курульныхъ эдиловъ Сципіона Назики и П. Лентула, участвовало 63 африканскихъ звѣря (пантеры, а, можетъ быть, и гіены), 40 медвѣдей и много слоновъ. Уже Плавтъ видѣлъ страусовъ, „летающихъ по цирку“. Кромѣ этихъ чужеземныхъ звѣрей въ цирковыхъ травляхъ участвовали серны, зайцы, олени, кабаны, медвѣди, быки изъ лѣсовъ Апуліи и Луканіи, Понтійскихъ болотъ и Апеннинъ; часто, конечно, въ травляхъ участвовали исключительно мѣстные италійскіе звѣри; во время игръ въ честь Флоры (праздникъ, установленный съ 571—183 г.) травили только безвредныхъ звѣрей.

Зрѣлища послѣдняго столѣтія существованія республики показывали, что власть Рима въ эту эпоху достигала почти крайнихъ предѣловъ земли. Въ теченіе 13 лѣтъ, отъ 58—46 до Р. Х., одно за другимъ устроено было три празднества, отличавшіяся безпримѣрною роскошью, во время которыхъ народу показаны были звѣри, названія которыхъ до тѣхъ поръ въ Римѣ почти не были извѣстны, и поимка которыхъ сопряжена была съ величай-

[1]) Ульпіанъ, ук. м. ср. Тертулл., «ad nat.», I, 18.—[2]) Кипріанъ, «ad Donat.», гл. 6.—[3]) Henzen, 6178=C. I. L., V, I, 2541 ср. 7209=C. I. L., XII, 1590.—[4]) «Сенека «Письм.», 70, 20.—[5]) Baumgarten, «Gesch. Spaniens», III, 207.—[6]) Preller, Regionen, «d. St. R.», стр. 121.—[7]) C. I. L., IV, 1200. X, 7295.—[8]) Светон., «Клавд.», гл. 34, ср. Мартіалъ, VIII, 67; Лукіанъ, «Toxaris», гл. 58.

ными трудностями: чудовища Нила, крокодилъ и гиппопотамъ, показаны были народу во время празднествъ Скавра въ 58 году; во время пятидневной охоты, устроенной Помпеемъ во время празднествъ по случаю открытія его театра, выпущенъ былъ носорогъ и родъ африканской обезьяны, невиданный въ Римѣ ни до того, ни послѣ, а также привезенная изъ Галліи рысь; народъ увидѣлъ и жираффу во время также пятидневной охоты, составлявшей часть тріумфальныхъ празднествъ Цезаря въ 46 году. И эти рѣдчайшіе и очень дорогіе звѣри позднѣе неоднократно показывались въ Римѣ и въ большемъ количествѣ и даже убивались: Коммодъ, по словамъ очевидца Діона Кассія, въ одинъ день собственноручно убилъ пять гиппопотамовъ, а въ другіе дни двухъ слоновъ, жираффу и нѣсколькихъ носороговъ. Даже тигра, ловлю котораго еще Варронъ считалъ невозможной, въ Римѣ видѣли уже въ 11 году до Р. Х. и нерѣдко позднѣе, и въ дикомъ видѣ, и дрессированнаго.

Въ средніе вѣка и въ новое время отдѣльные экземпляры звѣрей, сравнительно очень часто видѣнныхъ въ Римѣ, а также нѣкоторыя и менѣе рѣдкія породы, изрѣдка появлявшіяся въ Европѣ, постоянно вызывали къ себѣ большой интересъ. Монахъ Санъ-Галльскаго монастыря, описавшій жизнь Карла Великаго, и Эйнгардтъ въ своихъ анналахъ пишутъ, что Карлъ Великій въ 801 году получилъ отъ Гарунъ-аль-Рашида черезъ своего посла (еврея Исаака) въ числѣ другихъ подарковъ слона и обезьяну. Эйнгардтъ разсказываетъ также о путешествіи слона и упоминаетъ о его внезапной смерти, послѣдовавшей въ 817 году въ Мюнстерѣ [1]). У Генриха I англійскаго въ Вудстокѣ были львы, леопарды, рыси и верблюды. Наиболѣе легкой была доставка звѣрей въ Италію [2]) черезъ южныя и восточныя гавани Средиземнаго моря, а климатъ позволялъ закупать звѣрей или получать въ подарокъ отъ султановъ. Въ садахъ у Фридриха II были верблюды, львы, тигры, леопарды и жираффа, подарокъ египетскаго султана, которую видѣлъ и описалъ Альбертъ Магнусъ. Фридрихъ во время путешествій и военныхъ походовъ обыкновенно возилъ звѣрей съ собою; при его вступленіи въ Кремону въ 1237 году слонъ везъ повозку со знаменами [3]). Въ торжественныхъ случахъ борьба звѣрей между собою и травля ихъ собаками продолжали служить увеселенію народа. Города и князья, предпочтительно передъ другими звѣрями, держали львовъ, которыми иногда пользовались для приведенія въ исполненіе смертныхъ приговоровъ надъ политическими преступниками; флорентинцы, кромѣ того, очень рано (съ 1291 года) стали держать леопардовъ.

Въ концѣ XV вѣка, однако, при многихъ княжескихъ дворахъ Италіи въ качествѣ обычнаго предмета роскоши были настоящіе звѣринцы (Serragli). Неаполитанскій дворъ при Ферранте имѣлъ жираффу и зебру. Во Флоренціи видѣли жираффу въ 1459 году; вторую жираффу, вмѣстѣ съ другими рѣдкими звѣрями, Каитбей, султанъ мамелуковъ, подарилъ Лаврентію Великолѣпному; Антоніо Констанціо описалъ ее въ 1487 году, и это обстоятельство

---

[1]) G. Freytag, «Bilder aus der deutschen Vergangenheit», 5 изд. I, 344. Monach. Gall. «Gesta Karoli», II, 8 сл. (Pertz, «Monum.», II, 752). Einhardi, «Annales», 801. (тамъ же, I, 190).—[2]) Burckhardt, «Kultur der Renaissance», стр. 288—290.—[3]) Kaufmann, «Der Gartenbau im Mittelalter», стр. 67 сл. и 73.

подало Полиціану поводъ сопоставить имѣющіяся у древнихъ писателей извѣстія объ этомъ замѣчательномъ звѣрѣ [1]). Съ тѣхъ поръ до XIX вѣка нигдѣ въ Европѣ (исключая Турцію) этого животнаго не было видно. Іоаннъ Шильтбергеръ изъ Мюнхена, называющій жираффу—Сурназа, видѣлъ ее въ началѣ XV вѣка въ Дили (Delhi) [2]), ульмскій монахъ-проповѣдникъ Феликсъ Фабри—въ Каирѣ [3]). Бюффонъ въ своемъ описаніи жираффы вынужденъ былъ ограничиться тѣмъ, что слышалъ отъ путешественниковъ, и не рѣшился приложить рисунка. Въ 1826 году привезли изъ Александріи первую жираффу во Францію [4]). По свидѣтельству француза Тибо, поймавшаго въ степяхъ Кордофана первыхъ живыхъ жираффъ, молодыхъ животныхъ можно поймать лишь послѣ того, какъ удастся убить мать, и самая ловля сопряжена съ невѣроятными трудностями. Приходится цѣлыя недѣли жить въ степяхъ, имѣя при себѣ отличныхъ лошадей, верблюдовъ и коровъ, а также постараться добыть проводниковъ арабовъ; безъ этого весь трудъ окажется напраснымъ; коровы необходимы для того, чтобы имѣть возможность тотчасъ-же предоставить пойманнымъ молодымъ жираффамъ привычную для нихъ пищу. Изъ глубины Африки ихъ въ сопровожденіи коровъ небольшими дневными переѣздами доставляютъ на берегъ моря, гдѣ для перевозки по морю для нихъ должны быть приготовлены особые ящики [5]).

Себастіанъ Мюнстеръ счелъ нужнымъ отмѣтить въ своей „Космографіи“, что въ 1513 году, въ первыхъ числахъ мая, португальскому королю Эмануэлю въ Лиссабонъ изъ Индіи приведенъ былъ живой носорогъ [6]). Альбрехтъ Дюреръ по очень дурному рисунку воспроизвелъ этого носорога, и изображеніе это, очень несовершенное, распространилось въ многочисленныхъ копіяхъ; только Хардинъ (ум. въ 1713 году), видѣвшій носорога въ Испаганѣ, сдѣлалъ въ началѣ XVIII вѣка значительно лучшее изображеніе [7]), хотя уже въ 1664 [8]) и 1689 г.г. экземпляры носороговъ были привезены въ Лондонъ, что съ этихъ поръ случалось нерѣдко, напримѣръ, въ 1739 и 1741 годахъ. Этотъ послѣдній попалъ и въ Германію и упоминается Геллертомъ въ извѣстномъ разсказѣ и Лессингомъ въ „Молодомъ ученомъ“ [9]); изъ подписи на одной хорошей гравюрѣ видно, что его считали за бегемота (Іовъ 40, 10). Въ 1793 г. одинъ носорогъ привезенъ былъ въ Парижъ, въ 1816—опять въ Германію [10]).

Первый гиппопотамъ, видѣнный въ Европѣ со временъ древности, привезенъ былъ въ 1850 году для лондонскаго зоологическаго сада. Потребовалось все вліяніе англійскаго консула въ Каирѣ для того, чтобы склонить пашу пообѣщать этотъ столь трудно добываемый подарокъ. Для его ловли понадобился цѣлый отрядъ солдатъ, и перевозка его съ Бѣлаго Нила въ Каиръ длилась отъ пяти до шести мѣсяцевъ; въ Каиръ его привезли только

---

[1]) «Politiani Miscell.», гл. 3; Reumont, «Lorenso de'Medici», II, 466 слл.—[2]) «Reisen des J. Schiltberger» (1394—1427), изд. K. F. Neumann, стр. 103.—[3]) F. Fabri, «Evagator.», III, 30.—[4]) Mongez, «Mémoire sur les animaux promenés ou tués dans les cirques»; «Mém. de l'Institut», т. X, стр, 417 слл. Oken, «Allgem. Naturgesch.», VII, 2, стр. 1321—1329.—[5]) Brehm, «Illustr. Tierleben», II, 493.—[6]) «Seb. Münsters Cosmographei», Базель, 1578, стр. MCCCL, Burckhardt, ук. соч., стр. 290, 4.—[7]) Brehm, ук. соч., II, 756.—[8]) «London Gazette», 1664. Ср. «Quaterly review», 1855, іюнь.—[9]) 3-й актъ, 13-е явленіе.—[10]) Oken, ук. соч., стр. 1193.

14-го ноября 1849 года, и здѣсь онъ перезимовалъ. Изъ Александріи его везли на специально для этой этой цѣли построенномъ суднѣ, на которомъ находился бассейнъ, вмѣщавшій 400 галлоновъ воды; вода въ бассейнѣ мѣнялась ежедневно. Для требуемой животнымъ ежедневно порціи молока недостаточно было двухъ коровъ и десяти козъ [1]). На основаніи подобныхъ данныхъ можно попытаться представить себѣ, какихъ колоссальныхъ трудовъ и расходовъ требовала постоянно ловля и перевозка звѣрей для арены въ эпоху римской имперіи.

Болѣе всего поражаетъ, однако, какъ количество звѣрей одной породы, такъ и общее количество звѣрей, которое требовалось въ Римѣ для большихъ игръ. Если цифры эти звучатъ невѣроятно, то не слѣдуетъ забывать, что въ теченіе двухъ тысячелѣтій породы именно крупныхъ звѣрей понесли громадный, съ трудомъ поддающійся подсчету уронъ. Хотя замѣчаніе Діона, что всѣ подобныя цифры сильно преувеличены [2]), безъ сомнѣнія, правильно, но, если ихъ значительно сократить, даже наполовину, то и то онѣ остаются огромными. Въ этомъ отношеніи позднѣе не только не удалось превзойти игръ Помпея и Цезаря, но даже и сравняться съ ними. Въ играхъ Помпея участвовало будто-бы 17 или 18 слоновъ, 500 или 600 львовъ и 410 другихъ африканскимъ звѣрей; въ играхъ Цезаря—400 львовъ и 40 слоновъ. Однако, цифры 100, 200, 300 львовъ, 300, 400, 500 медвѣдей и столько же африканскихъ звѣрей, а относительно болѣе обыкновенныхъ породъ и еще большія, будто бы показанныхъ или затравленныхъ во время однѣхъ игръ, у историковъ императорской эпохи встрѣчаются далеко нерѣдко. По собственному свидѣтельству Августа, который находилъ особенное удовольствіе „въ неисчислимомъ количествѣ звѣрей самыхъ рѣдкихъ породъ“ [3]), во время устроенныхъ имъ за все время 26 игръ убито было около 3500 однихъ африканскихъ звѣрей [4]). Во время стодневныхъ празднествъ, устроенныхъ Титомъ по случаю торжества открытія Флавіева амфитеатра, въ одинъ день показано было 5000 звѣрей различныхъ породъ [5]), и вмѣстѣ дикихъ и домашнихъ звѣрей убито было 9000 [6]); во время четырехмѣсячныхъ празднествъ, которыя Траянъ устроилъ въ 107 году по поводу второго дакійскаго тріумфа, было убито даже 11000 [7]).

Такимъ образомъ, звѣрями, которые въ тѣ времена доставлялись въ Римъ къ одному только большому празднеству, теперь можно было бы богато снабдить всѣ зоологическіе сады Европы. Однако, и тогда они приносили нѣкоторую пользу наукѣ. Галенъ говоритъ, что при вскрытіи большого слона присутствовало много врачей; сердце вынули императорскіе повара [8]). Часто тѣла дикихъ звѣрей употреблялись также для приготовленія нѣкоторыхъ лѣкарствъ [9]). Художники, конечно, также не пропускали случая воспользоваться ими для своихъ студій. Знаменитый скульпторъ Паситель (современникъ Помпея) подвергся однажды большой опасности: въ то время,

---

[1]) Dickens, «Householdwords», (1850) I, стр. 445 сля. (The Hippoptamus).—[2]) Діонъ, XLIII, 22.—[3]) Аврел. Викт., «Epit.», 1, 25.—[4]) Mommsen, «Res gestae d. Aug.», 2 изд. стр. 94.—[5]) Светон., «Титъ», гл. 7.—Евтроп., VII, 21.—[6]) Діонъ, LXVI, 25.—[7]) Его-же, LXVIII, 15.—[8]) Галенъ, περὶ ἀνατομ. ἐγχειρήσ., VII, 10 ed. K. II, 619; ср. IV, стр. 349.—[9]) Выше стр. 198 слл.

какъ онъ дѣлалъ модель льва, изъ сосѣдней клѣтки вырвалась пантера и бросилась на него [1]).

Въ виду того, что въ императорскую эпоху не только въ Римѣ, но и во всѣхъ большихъ и многихъ меньшихъ городахъ устраивались травли звѣрей, то, для того, чтобы былъ требуемый запасъ звѣрей, на нихъ постоянно велась охота въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. На нихъ охотились не только въ провинціяхъ имперіи, но и далеко за предѣлами ея, какъ для императора, такъ и для частныхъ лицъ [2]), и доставлялись они не только самимъ устроителямъ празднествъ, но и торговцамъ звѣрями [3]). Охоты эти велись въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій, и, такъ какъ для поимки молодыхъ звѣрей обыкновенно приходилось убивать старыхъ, то съ теченіемъ времени характеръ фауны на большихъ пространствахъ совершенно измѣнился; дикіе звѣри были частью совсѣмъ уничтожены, частью загнаны глубже въ дикія мѣста и пустыни, и такимъ образомъ пріобрѣталась новая территорія для земледѣлія и цивилизаціи.

Уже во времена Страбона бродячія племена благословенной прибрежной полосы между Карѳагеномъ и Геркулесовыми столбами могли обратиться къ земледѣлію, что раньше было совершенно невозможно, вслѣдствіе множества звѣрей; теперь населеніе вполнѣ могло защититься отъ нихъ, отчасти потому, что всѣ они были отличные охотники, частью же благодаря поддержкѣ римлямъ, охваченныхъ страстью къ травлѣ звѣрей [4]). Ваши далекія земли ливійцевъ, говоритъ одинъ греческій поэтъ, ваши сухія равнины теперь не посѣщаются больше стаями дикихъ звѣрей, вы не дрожите больше отъ рева львовъ въ пустынѣ, такъ какъ Цезарь безчисленное количество ихъ поймалъ въ сѣти и употребилъ для одного только празднества, а холмы, бывшіе раньше становищемъ дикихъ звѣрей, стали теперь пастбищемъ для домашнихъ животныхъ [5]).

Охоты, устраиваемыя ради римскихъ игръ въ поляхъ Египта, освободили и эти мѣста отъ опустошеній, причиняемыхъ пасущимися здѣсь по ночамъ стадами гиппопотамовъ, которые еще во времена Плинія очень часто встрѣчались выше префектуры Саида [6]), въ четвертомъ же вѣкѣ они всѣ ушли въ Нубію [7]). Мы жалѣемъ, говоритъ одинъ писатель второй половины IV-го вѣка, что исчезли слоны изъ Ливіи, львы изъ Ѳессаліи, гиппопотамы изъ болотъ Нила [8]). Въ наше время послѣдніе уже почти совсѣмъ не встрѣчаются и въ Нубіи, и только въ рѣкахъ и лѣсахъ восточнаго Судана и вообще во внутренней Африкѣ они еще и теперь обычное явленіе [9]).

Если уже въ древности охоты въ Африкѣ стали давать меньшую добычу, то богатство дикими звѣрями азіатскихъ земель оставалось неисчерпаемымъ. Ими снабжали свои зоологическіе сады [10]) персидскіе цари и сатрапы, а иногда и римскіе императоры IV-го вѣка [11]), которые у себя

[1]) Плиній, «N. h.», XXXVI, 40.—Ср. «Macrin.», гл. 4.—[2]) Firmic. «De math.», IV, 7, 3 сл.—[3]) Симмахъ, «Письм.», V, 22.—[4]) Страбонъ, II, 5, 34 стр. 131 С.—[5]) «Anthol.», изд. Jacobs, IV, 202. «Epigr. adesp.», 398.—[6]) Плиній, «N. h.», XXVIII, 121.—[7]) Аммiанъ Марц., XXII, 15, 25.—[8]) Ѳемистій, «Or.», X, стр. 140a.—[9]) Brehm, ук. соч., II, 768.—[10]) Филостр., «Аполл. Тіанск.», I, 28, изд. К. стр. 20. Аммiанъ, XXIV, 5, 1. Либан. изд. R., I, 603, 19.—[11]) Аммiанъ, XXXI, 10, 19. Юліанъ, «de Constantii imp. reb. gest. or. II», изд. Spanheim, стр. 53B.

устраивали зоологическіе сады по образцу персидскихъ [1]). Еще во время Амміана въ тростникахъ и камышахъ Мессопотаміи водилось „безчисленное множество львовъ“ [2]), а Гирканія кишѣла тиграми и другими дикими звѣрями [3]). На границѣ римской имперіи взималась пошлина, какъ на всѣ вообще азіатскіе товары, такъ и на звѣрей, предназначенныхъ для игръ, особенно на „индійскихъ (т.-е. азіатскихъ) львовъ, львицъ, пардовъ, леопардовъ, пантеръ“ [4]). Симмахъ упоминаетъ о торговой пошлинѣ въ $2^1/_2\%$ на медвѣдей, отъ которой, однако, были освобождены устроители празднествъ, принадлежащіе къ сенаторскому сословію [5]).

Особаго права охоты земельныхъ собственниковъ римляне не знали и для защиты своихъ интересовъ они пользовались просто правомъ собственности, въ силу котораго они могли воспрепятствовать вступать на свою территорію; по международному праву, напротивъ, звѣрь, убитый на собственной или на чужой землѣ, принадлежалъ охотнику [6]). Слоны, однако, принадлежали исключительно императорамъ. Первымъ частнымъ человѣкомъ, который послѣ паденія республики владѣлъ этимъ „императорскимъ животнымъ, не предназначеннымъ быть собственностью подданнаго“ [7]), былъ позднѣйшій императоръ Авреліанъ; онъ получилъ слона въ даръ отъ персидскаго царя, и это считалось предзнаменованіемъ его будущей власти [8]). И охота на слоновъ велась только по повелѣнію императора или съ его разрѣшенія [9]). Право охоты на львовъ, по крайней мѣрѣ, въ позднѣйшее время, императоры также присвоили исключительно себѣ. Въ одномъ изъ декретовъ императоровъ Гонорія и Ѳеодосія отъ 414 года говорится: никто, убившіи льва, не долженъ бояться изъ-за этого отвѣтственности, такъ какъ благо нашихъ подданныхъ должно быть важнѣе нашего удовольствія, и онъ не будетъ наказанъ, такъ какъ мы даемъ разрѣшеніе убивать этихъ звѣрей, но не охотиться на нихъ или продавать ихъ [10]).

Такимъ образомъ, именно, слоновъ и львовъ нужно понимать подъ „императорскими звѣрями“, которыхъ Авреліанъ въ 271 году при нападеніи маркоманновъ на Италію обѣщалъ выдать сенату, въ случаѣ, если-бы для отвращенія опасности сивиллины книги этого потребовали [11]). Кассой, назначенной для содержанія слоновъ, завѣдывалъ особый прокураторъ [12]).

Насколько богато были снабжены самыми рѣдкими и очень драгоцѣнными звѣрями императорскіе звѣринцы въ Римѣ, видно изъ слѣдующаго перечисленія звѣрей, находящихся въ Римѣ при Гордіанѣ III: 32 слона, 10 лосей, 10 тигровъ, 60 дрессированныхъ львовъ, 30 дрессированныхъ леопардовъ, 10 гіенъ, 1 носорогъ, 1 гиппопотамъ, 10 „лохматыхъ львовъ“ (?), 10 жираффъ, 20 дикихъ ословъ, 40 дикихъ лошадей и „безчисленное множество“ другихъ звѣрей, которыхъ императоръ Филиппъ всѣхъ употребилъ для секулярныхъ игръ въ праздникъ тысячелѣтія Рима въ 248 году [13]). Со-

[1]) Панег., I, 10, XII, 22. Марцелл., «Com. Chron.», 496 г.—[2]) Амміанъ, XVIII, 7, 4.—[3]) Амміанъ, XXIII, 6, 50.—[4]) «Дигг»., XXXIX, 4, 16, § 7. Ср. Dirksen, «Abhandl. d. Berl. Akad.», 1834, стр. 104.—[5]) Симмахъ, «Письм.», V, 60 и 62.—[6]) «Institt.», II, 1, § 12. Ср. Schirmer, «Kennen die Römer ein Jagdrecht des Grundeigentümers», «Zeitschr. f. Rechtsgesch.», XI, 311 сл.—[7]) Ювен., 12, 106.—[8]) «Aurelian»., гл. 5.—[9]) Эліанъ, «Nat. anim.», 10, 1.—[10]) «Cod. Theod.», кн. XV, тит. XL, стр. 1. Ср. Симмахъ, «Письм.», VII, 122.—[11]) «Aurelian.», гл. 20.—[12]) Orelli, 2951.—[13]) «Gord. tert.», гл. 33.

держаніе этихъ звѣринцевъ и наблюденіе за ними требовало многочисленной администраціи [1]) и поглощало ежегодно значительныя суммы. Когда однажды, мясо было дорого, Калигула кормилъ своихъ звѣрей преступниками [2]); Авреліанъ раздарилъ доставленныхъ къ его тріумфу звѣрей, чтобы не обременять казну расходами на ихъ пропитаніе [3]). Кромѣ императорскихъ звѣринцевъ, которыми, по всей вѣроятности, были заняты обширныя подземныя помѣщенія подъ церковью S.-Giovanni e Paolo [4]), въ Римѣ существовали и другіе. Въ III вѣкѣ преторіанская и городская когорты имѣли свой звѣринецъ [5]); это и былъ, вѣроятно, виварій, о которомъ упоминаетъ Прокопій. Онъ находился близъ пренестинскихъ воротъ (porta maggiore) и былъ пристроенъ къ стѣнѣ снаружи, недалеко отъ принадлежавшаго тѣмъ-же когортамъ амфитеатра (amphitheatrum castrense) [6]). Возможно, что звѣри помѣщались и въ императорскихъ садахъ; извѣстенъ, напримѣръ, звѣринецъ въ паркѣ принадлежавшаго Нерону золотого дома [7]).

Императоры, вѣроятно, нерѣдко дарили звѣрей для игръ въ амфитеатрѣ своимъ друзьямъ и другимъ отличаемымъ ими сенаторамъ. Симмахъ, по ходатайству Стилихона, получилъ отъ Гонорія въ подарокъ для преторскихъ игръ своего сына нѣсколькихъ леопардовъ [8]). Впрочемъ, римскимъ вельможамъ было не такъ ужъ трудно доставать дикихъ звѣрей, въ виду того, что въ Азіи и Африкѣ они владѣли большими помѣстьями [9]), а кромѣ того, они обыкновенно прибѣгали къ содѣйствію провинціальныхъ намѣстниковъ, хотя уже не было существовавшаго въ республиканскую эпоху обычая [10]), чтобы провинціалы снабжали деньгами и дикими звѣрями собиравшихся давать игры друзей намѣстника. Насколько высшіе римскіе магистраты привыкли смотрѣть на доставку дикихъ звѣрей какъ на ничтожную любезность, которую они могли съ увѣренностью ожидать со стороны намѣстниковъ соотвѣтствующихъ провинцій, показываетъ переписка по этому поводу между М. Целіемъ, эдиломъ 51 г., съ Цицерономъ, бывшимъ въ то время проконсуломъ Киликіи. Если Патискъ прислалъ Куріону 10 пантеръ, пишетъ первый, то Цицерону должно быть стыдно не прислать ему гораздо больше; къ тому же Цицерону остается только сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе, такъ какъ о перевозкѣ и прокормленіи ожидаемымъ звѣрей онъ уже заранѣе позаботился [11]). Подобныя просьбы рѣдко встрѣчали отказъ, такъ какъ легко могло случиться, что тому, къ кому она была обращена, придется самому просить о такомъ же одолженіи [12]).

Такимъ образомъ, тысячи смѣлыхъ охотниковъ во всѣхъ поясахъ земного шара ежегодно подвергались тысячамъ опасностей для того, чтобы доставлять требуемое число звѣрей для игръ, которыхъ всюду жаждали. Для того, чтобы были пышно отпразднованы однѣ какія-нибудь игры, что въ Римѣ было привычнымъ зрѣлищемъ, индусы пріучали своихъ ручныхъ

---

[1]) C. I. L, VI, 2. 10208, 10209.—[2]) Светон., «Калиг.», гл. 27.—[3]) «Aurelian.», гл. 33.—[4]) Bunsen, «Beschreibung Roms», III, 473. — [5]) Or. 22=C. I. L., VI, 130.—[6]) Прокоп., «Гот. в.», I, 22. Ср. Jahn, «Ann. d. Inst.», X, 208. Becker, «Topogr.», 207. Иначе Hülsen-Jordan, «Topographie Roms», I, 3 стр. 365.—[7]) Светон., «Неронъ», гл. 31.—[8]) Симмахъ, «Письм.», IV, 12; VII, 59.—[9]) Выше, стр. 116.—[10]) Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд. III, 488, 5.—[11]) Цицер., «ad Fam.», II, 11, 2; VIII, 9, 3. Ср. Плутархъ, «Цицер.», гл. 36.—[12]) Симмахъ, «Письм.», IX, 125.

слоновъ къ охотѣ за дикими [1]), обитатели береговъ Рейна разставляли сѣти въ густыхъ тростниковыхъ заросляхъ, гдѣ водились кабаны [2]), мавры на своихъ выносливыхъ коняхъ загоняли страусовъ все въ болѣе тѣсный кругъ [3]) и въ страшныхъ пустыняхъ Атласа у рвовъ подкарауливали львовъ [4]). Если эти опасныя охоты оказывались счастливыми, то забота о томъ, какъ перевезти добытыхъ звѣрей, побуждала къ новой дѣятельности. Стучалъ топоръ, скрипѣла пила плотника, дымилась труба кузнеца, и вскорѣ страшные плѣнники изливали свою ярость на рѣшетки клѣтокъ.

Въ своемъ стихотвореніи, посвященномъ Стилихону, Клавдіанъ воспѣваетъ устроенную имъ травлю звѣрей. Желая почтить своего покровителя, поэтъ заставляетъ саму Діану съ нимфами охотиться по лѣсамъ, пустынямъ и горамъ всего міра, а при такихъ условіяхъ, конечно, не хватаетъ плотниковъ для того, чтобы заготовить хотя-бы достаточное количество бревенъ для клѣтокъ; онѣ сколочены изъ неотесанныхъ стволовъ бука и вяза и еще совершенно зелены отъ оставшихся на нихъ листьевъ [5]).

Перевозка звѣрей производилась, главнымъ образомъ, моремъ [6]), при чемъ назначенныя для этой цѣли суда нерѣдко задерживались неблагопріятными вѣтрами, пока становилось уже поздно [7]), или, нагруженные драгоцѣннымъ грузомъ, они терпѣли кораблекрушеніе [8]). Въ послѣдніе годы республики на Марсовомъ полѣ помѣщались клѣтки, въ которыя временно сажали привезенныхъ моремъ звѣрей [9]). Но и сухимъ путемъ приходили длинные караваны тяжелыхъ повозокъ, запряженныхъ волами, которыя были сплошь нагружены клѣтками [10]). Въ виду огромныхъ пространствъ, которыя подобные караваны должны были большею частью проходить, они оставались въ пути цѣлые мѣсяцы, при чемъ могло случиться, что звѣри гибли массами [11]) или доставлялись на мѣсто назначенія въ совершенно негодномъ видѣ [12]). Изъ одного распоряженія императоровъ Гонорія и Ѳеодосія отъ 417 года видно, что транспорты императорскихъ звѣрей должны были кормиться на счетъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ они останавливались; возможно, что такой порядокъ существовалъ и раньше. Къ какимъ злоупотребленіямъ приводило это распоряженіе, показываетъ упомянутый выше декретъ, по которому одинъ такой караванъ пробылъ въ Гіераполѣ вмѣсто 7—8 дней 3—4 мѣсяца, а проводники, вопреки существовавшей до тѣхъ поръ практикѣ, сверхъ того потребовали еще клѣтки. Слѣдствіемъ этого явилось распоряженіе, чтобы караваны не останавливались въ одномъ городѣ долѣе 7 дней [13]).

Во время игръ въ амфитеатрѣ происходила, какъ было сказано, не только травля звѣрей и борьба ихъ между собою и съ людьми; самые рѣдкіе

---

[1]) Страбонъ, XV, I, 42.—Плин., «N. h.», VIII, 24. Арріанъ, «hist. Ind.», гл. 13.—[2]) Клавдіанъ, «laud. Stilich.», 3, 305. Стат., «Сильв.», II, 5, 28.—[3]) Aelian., «Hist. an.», XIV, 7.—[4]) Клавдіанъ, тамъ же, 3, 341. Плин., «N. h.», VIII, 54. Ср. Ксенофонтъ, «de venat.», гл. 11.—[5]) Клавдіанъ, тамъ же, 3, 322.—[6]) Ср. Сил. Итал., III, 460. Aelian., «Hist. an.», X, 17.—[7]) Плин., «Письм.», VI, 31.—[8]) Симмахъ, «Письм.», IX, 117.—[9]) Плин., «N. h.», XXXVI, 40.—[10]) Клавдіанъ, ук. м.—[11]) Апул., «Метам.», IV, 72.—[12]) Симмахъ, «Письм.» II, 76.—[13]) «Cod. Theod.», XV, тит. XI. стр. 2.

и безвредные выставлялись просто на показъ. При этомъ ихъ обыкновенно, согласно тогдашнему вкусу, украшали, какъ это дѣлали во время жертвоприношеній и процессій. Во время праздника деценналій въ 263 году впереди большого шествія, сопровождавшаго Галліена на Капитолій, среди другихъ ручныхъ звѣрей шли дикіе, разукрашенные всевозможнымъ образомъ, и 200 бѣлыхъ жертвенныхъ животныхъ съ вызолоченными рогами, покрытыя широкими, пестрыми шелковыми тканями [1]). Изображенія не только жертвенныхъ животныхъ, но и предназначенныхъ для травли [2]), чаще всего показываютъ намъ звѣрей, украшенныхъ подобнымъ образомъ. Иногда ихъ обвѣшивали золотыми бляшками. Сенека предпочитаетъ льва, единственнымъ украшеніемъ котораго является его ужасный видъ, льву съ раззолоченной гривой и украшеннаго золотыми бляшками [3]). Лукрецій и Ювеналъ упоминаютъ о быкахъ, окрашенныхъ въ бѣлый цвѣтъ; ихъ вели на Капитолій [4]). Плиній пишетъ объ овцахъ, шерсть которыхъ была окрашена въ пурпуръ [5]). Во время шестого изъ тѣхъ двѣнадцати празднествъ, которыя Гордіанъ далъ въ Римѣ въ качествѣ эдила, народу, въ числѣ другихъ звѣрей, показано было 300 страусовъ, окрашенныхъ киноварью [6]).

Огромно было число показываемыхъ въ амфитеатрѣ дрессированныхъ и прирученныхъ звѣрей [7]) и достоинъ удивленія трудъ укротителей. Плутархъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, относящемся къ эпохѣ Веспасіана, говоритъ, что зрѣлища, устраиваемыя императорами въ Римѣ, представляютъ множество примѣровъ ума звѣрей и ихъ способностей [8]). Еще при Августѣ искусство дрессировать звѣрей (оно было развито, главнымъ образомъ, въ Александріи) [9]) было настолько распространено, что Манилій называетъ его въ числѣ профессій, къ которымъ особенно способны бываютъ люди, родившіеся подъ извѣстными созвѣздіями [10]). Съ тѣхъ поръ, какъ Юлій Цезарь, возвращаясь ночью домой, заставлялъ слоновъ факелами освѣщать себѣ путь [11]), а Маркъ Антоній съ танцовщицей Киѳеридой разъѣзжалъ въ колесницѣ, запряженной львами [12]), дикіе и ручные львы, пантеры, медвѣди, кабаны, волки, повидимому, очень часто содержались при дворцахъ императоровъ и знати [13]). Дрессированныя обезьяны, умѣющія показывать разные фокусы, ѣздить на повозкахъ, кататься верхомъ на собакахъ и т. д., служили, конечно, развлеченіемъ только уличной толпѣ [14]). Древніе укротители ставили себѣ обыкновенно задачей пріучать звѣрей какъ разъ къ тому, что особенно противно ихъ природѣ. Дикіе быки позволяли дѣтямъ танцевать у себя на спинѣ [15]), стояли на заднихъ ногахъ [16]), вмѣстѣ съ лошадьми показывали всевозможные

---

[1]) «Gallieni», гл. 8.—[2]) «Mon. dell'Inst.», III. табл. 38. Ср. Henzen, «Ann. dell'Inst.», 1840, 20.—[3]) Сенека, «Письм.», 41, 6.—[4]) Ювен., 10, 65. ср. схол.—[5]) Плин., «N. h.», VIII, 197.—[6]) «Gordiani», гл. 3.—[7]) Ср. выше, стр. 555.—[8]) Плутархъ, «de sollert. anim.», гл. 5, 5 стр. 963 C. Ср. Jahn, «Columb. d. Villa Pamfili», стр. 34 слл.—[9]) Lumbroso, «L'Egitto», стр. 105. Ср. Филонъ, «de animal.», § 23 слл.—[10]) Манил., IV, 234 слл. V, 700. Фирмикъ, «Mathes.», VIII, 17.—[11]) Діонъ, XXXIX, 22. Светон., «Цез.», гл. 37.—[12]) Циц., «Филипп.», 2, 24. Плут., «Антон.», гл. 9. Плин., «N. h.», VIII, 55.—[13]) «Диг.», XXI, 1, 40—42. ср. Сенека, «de ira», III, 23; Ювен., 7, 76. Плут., «de cohib. ira», гл. 14 сл., p. 462F. Павсан., VIII, 17, 3.—[14]) Jahn, «Archeol. Beitr.», стр. 435. O. Keller, «Tiere d. Klass. Altertums in kulturgesch. Beziehung», (1887), стр. 3—5. Цип., Письм., къ Атт.», VI, 1, 25.—[15]) Мартіалъ, V, 31.—[16]) Эліанъ, «nat. anim.», VII, 4.

фокусы въ водѣ [1]), стояли неподвижно въ качествѣ „возницъ“ въ повозкѣ, которую везла пара быстро бѣгущихъ лошадей [2]). Оленей они пріучали слушаться узды [3]), леопарды ходили подъ ярмомъ [4]). Журавли въ бѣгѣ должны были описывать круги [5]) и бороться другъ съ другомъ [6]). Мирныя антилопы бодали другъ друга, пока одна изъ нихъ, а то и обѣ падали мертвыя [7]). Тюленей пріучали привѣтствовать народъ взглядами и особыми звуками, а если ихъ звали по имени, то они отвѣчали своимъ негармоничнымъ ревомъ [8]). Львовъ старались довести до самой высшей ступени собачьей покорности: во время Домитіановыхъ игръ ихъ заставляли на аренѣ ловить зайцевъ, осторожно держать ихъ въ зубахъ, выпускать и опять ловить [9]). Слоны по мановенію своего чернаго учителя [10]) опускались на колѣни, позволяли мальчикамъ и женщинамъ [11]) исполнять на себѣ танцы, при чемъ одинъ изъ нихъ ударялъ въ кимвалы [12]), возлежали за столомъ, четыре слона несли на носилкахъ пятаго, точно роженицу, ходили по канату [13]) и писали по-латыни и по-гречески [14]). Плиній увѣряетъ, что бывали случаи, когда слонъ, отстающій въ наукѣ отъ своихъ товарищей и подвергающійся за это часто побоямъ, ночью повторялъ заданный урокъ [15]). Вообще римляне питали особенную нѣжность къ слонамъ: въ ихъ кротости и способности къ обученію они видѣли что-то человѣческое. Во время игръ Помпея было перебито довольно значительное количество слоновъ. Это обстоятельство возбудило въ народѣ такую жалость къ погибшимъ животнымъ, что едва не получилось впечатлѣніе противуположное желаемому [16]).

Представленія съ дрессированными звѣрями смѣнялись борьбою дикихъ звѣрей между собою, напр., носорога со слономъ [17]), съ медвѣдемъ, съ быкомъ, слона съ быкомъ [18]) и т. д. Ихъ природную дикость еще возбуждали искусственно. Ихъ били плетками [19]), ранили острыми орудіями [20]) и раскаленными головнями [21]), бросали передъ ними обвѣшанныя лоскутьями соломенныя куклы [22]), которыхъ тѣ въ ярости подбрасывали высоко въ воздухъ [23]), связывали ихъ по двое длинными веревками, и народъ ликовалъ, когда они яростно растерзывали другъ друга. Подобныя, а иногда и болѣе жестокія зрѣлища, и въ новѣйшее время вызываютъ иногда живѣйшій интересъ толпы. Вспомнимъ, какую роль въ этомъ отношеніи игралъ „домъ травли“ (Hetzhaus) въ Вѣнѣ, и еще въ 1850 году въ Мадридѣ въ циркѣ происходила борьба быка Сеннорито съ тигромъ, при чемъ первый остался побѣдителемъ.

---

[1]) Діонъ, LXVI, 25. Эліанъ, ук. м. Плин., VIII, 181.—[2]) Плин., тамъ же, Keller, стр. 55, 26 и 27.—[3]) Март., I, 104, 3. Калпурн., «Экл.», 6, 33 сл. «Institt.», II, 1, 15.—[4]) Март., тамъ же; Луксор. «Anthol. lat.», изд. Riese, 360.—[5]) Плин., «N. h.», X, 59.—[6]) Діонъ, XLVI, 25.—[7]) Март., IV, 35, 74.—[8]) Плин., «N. h.», IX, 41.—[9]) Март., I, 6, 14, 22, 48, 51, 104.—[10]) Март., I, 104, VIII, 74. Сенека, «Письм.», 85, 41. Caylus, «Rec. d'antiq.», VI, табл. L.—[11]) Сенека, «de ira», II, 31, 6.—[12]) Aelian, «Hist. Ind.», гл. 14, 5. Ср. Март., I, 104. Плин., «N. h.», VIII, 4 сл.—[13]) Плин., тамъ же; Светон., «Гальба», гл. 6; иначе Діонъ, LXI, 17.—[14]) Aelian., «Hist. an.», II, 11. Плин., «N. h.», VIII, 6. Филонъ, ук. соч. § 24 сл.—[15]) Плин., ук. м. Плут., «de sollert. an.», гл. 12, 3.—[16]) Цицер., «ad Fam.», VII, 1. Плин., «N. h.», VIII, 21. Діонъ, XXXIX, 38.—[17]) Діонъ, LV, 27.—[18]) Март., XV, 9, 17, 19, 22.—[19]) Созоменъ, «Ист. церкви», VII, 29.—[20]) I. R. N, 237=C. I. L. X, 1074.—[21]) Март., XV, 19. Ruinart, «Acta mart.», стр. 171.—[22]) Циц., «pro C. Corn. de mai or», 1. fr. Ср. «Ann. dell'Inst.», XXV, 118. Март., II, 43, 6.—[23]) Март, XV, 9, 19, 27.

Въ римскомъ амфитеатрѣ выступали также опытные и хорошо вооруженные охотники; они съ хорошими собаками вступали въ борьбу съ дикими звѣрями въ одиночку или по нѣсколько заразъ [1]). Собакъ для этой цѣли выписывали изъ самыхъ отдаленныхъ странъ; еще во времена Страбона славились британскія охотничьи собаки. Галлы употребляли ихъ вмѣстѣ съ мѣстными также въ военныхъ цѣляхъ [2]). Симмахъ для квесторскихъ игръ своего сына получилъ отъ Флавіана семь шотландскихъ собакъ, которыя возбуждали въ Римѣ всеобщее удивленіе; говорили, что ихъ привезли въ желѣзныхъ клѣткахъ [3]). Собакъ дрессировали спеціально для травли звѣрей: объ охотничьей собакѣ нѣкоего Декстера, Лидіи, Мартіалъ говоритъ, что она была обучена мастерами въ амфитеатрѣ [4]). Даже львовъ, пантеръ, медвѣдей изубровъ [5]), утомленныхъ борьбою съ собаками, съ легкостью одолѣвали съ помощью лука, охотничьихъ дротиковъ и копья; въ метаньи копья особенно искусны были мавры и парояне [6]). Иногда на аренѣ можно было видѣть, какъ отъ ловкаго удара кулака въ голову замертво падалъ медвѣдь [7]), или какъ на голову льва набрасывали плащъ, ослѣпляли его такимъ образомъ и затѣмъ безъ труда убивали [8]). Воспѣтый Мартіаломъ охотникъ Карпофоръ во время одной звѣриной травли положилъ 20 дикихъ звѣрей. Живи онъ въ давнія времена, говоритъ поэтъ, онъ съ легкостью одинъ освободилъ бы землю отъ всѣхъ чудовищъ, для чего понадобились подвиги Геракла и всѣхъ прочихъ героевъ [9]). Бои быковъ [10]) обычны были въ Греціи, особенно въ Өессаліи; въ императорскую эпоху они были любимымъ развлеченіемъ въ Элевсинѣ и Эфесѣ [11]), упоминаются также въ Аѳинахъ [12]), Пергамѣ [13]), Милетѣ [14]), Смирнѣ [15]), Афродисіадѣ и на Лесбосѣ [16]); въ Римѣ они впервые введены были Цезаремъ [17]), и позднѣе устраивались довольно часто. Бойцы, пѣшіе [18]) и на коняхъ, выступали противъ дикихъ, приведенныхъ въ ярость красными платками животныхъ [19]); конные бойцы, по өессалійскому обычаю, доводили быковъ до изнеможенія и, наконецъ, схвативъ за рога, валили ихъ на землю [20]). Клавдій приказалъ отряду конныхъ преторіанцевъ, подъ начальствомъ офицеровъ, сражаться съ африканскими пантерами, Неронъ—съ 400 медвѣдями и 300 львами [21]).

Къ зрѣлищамъ амфитеатра принадлежало также исполненіе ужаснаго смертнаго приговора, въ силу котораго люди, привязанные къ столбамъ и совсѣмъ безоружные [22]), а иногда и вооруженные для продленія ихъ мученій, бросались дикимъ звѣрямъ, которые для этого иногда спеціально пріучались къ человѣческому мясу [23]). Какое ужасное зрѣлище, когда эти несчастные, съ

---

[1]) Fernan Caballero, «Ausgew. Werke», V, 177, прим.—[2]) Страбонъ, IV, 5, 2, стр. 199. Grat. Falisc. «Cyneg.», 174 слл. Немезіанъ, «Cyneg.», 124 слл.—[3]) Симмахъ, «Письм.», II, 77.—[4]) Март., XI, 69.—[5]) Март., XV, 27.—[6]) Геродіанъ, I, 15.—[7]) Плин., «N. h.», VIII, 34.—[8]) Тамъ же, VIII, 54.—[9]) Март., XV, 27.—[10]) Артем., «Онирокр.», I, 8, стр. 15.—[11]) C. I. A, III, 1, 114.—[12]) Арист., p. XXV, изд. Jebb., стр. 324.—[13]) C. I. G., 2858.—[14]) C. I G., 3212. Діонъ, Хрис., p. 66, стр. 606 M.—[15]) «Ann. dell'Inst.», 1842, стр. 148 сл.—[16]) Böttiger, «Kl. Schr.», т. 3, стр. 325. Ср. Anthol., «Pal.», изд. Jacobs, II, 192. (IX, 543) Heliog. «Aethiop.», X, 28 слл.—[17]) Плин., «N. h.», VIII, 182. Аппіанъ, «гр. в.», II, 102. Веллей, II, 56.—[18]) «Gallieni duo», гл. 12.—[19]) Овид., «Mét.», XII, 103.—[20]) Свет., «Клавд.», гл. 21. Діонъ, LXI, 9.—[21]) Светон., тамъ же; Діонъ, тамъ же.—[22]) «Aurel.», гл. 37. Ruinart, «acta mart.», стр. 171.—[23]) Діонъ, LX, 13, LXXI, 29. Амміанъ, XXIX, 3, 9.

растерзанными членами, покрытые кровью, просили не о милости, а только о томъ, чтобы ихъ мученическую смерть отложили до слѣдующаго дня! [1]). Ихъ ужасныя раны были такъ огромны, что любознательные врачи имѣли возможность видѣть и изучать внутреннія части тѣла [2]). Объ этомъ говорятъ Цельсъ и Галенъ. И эта ужасная дѣйствительность служила театральнымъ развлеченіемъ! Быть можетъ, такимъ образомъ это нечеловѣческое зрѣлище хотѣли сдѣлать менѣе ужаснымъ, для нашего-же сознанія кажется вдвойнѣ возмутительнымъ, что для продленія агоніи преступника прибѣгали къ содѣйствію машиниста и декоратора и окружали ее блескомъ сценическихъ подмостковъ.

Уже Страбонъ описываетъ подобный случай казни, обращенной въ зрѣлище. Разбойникъ Селуръ, котораго называли сыномъ Этны, такъ какъ онъ жилъ въ ея окрестностяхъ, былъ присужденъ къ смертной казни черезъ растерзаніе дикими звѣрями; на форумѣ былъ воздвигнутъ помостъ, на которомъ стоялъ осужденный; помостъ распался, и онъ упалъ въ клѣтки дикихъ звѣрей, которые его растерзали [3]). Въ амфитеатрѣ Флавіевъ съ помощью машинъ и пышныхъ декорацій казнь осужденныхъ обращалась въ настоящее театральное зрѣлище. Всѣ декораціи и приспособленія для этого амфитеатра, и вообще для императорскихъ игръ, сохранялись въ зданіи, помѣщавшемся, повидимому, рядомъ съ Колоссеемъ и построенномъ, вѣроятно, Домитіаномъ; называлось оно summum choragium. Всѣмъ этимъ аппаратомъ завѣдывалъ особый прокураторъ; должность эта была введена, можетъ быть, также Домитіаномъ, и, хотя назначался на нее обыкновенно вольноотпущенникъ, но онъ имѣлъ не меньшее значеніе, чѣмъ прокураторы небольшихъ провинцій [4]). Въ Колоссеѣ, какъ и въ амфитеатрахъ въ Путеоли и Капуѣ (въ обоихъ этихъ амфитеатрахъ, вѣроятно, часто устраивались императорскія игры), арена была устроена на колоссальныхъ подпоркахъ [5]), которыя лежатъ на 21 футъ ниже теперешняго уровня почвы [6]). Въ образовавшееся такимъ образомъ подъ землею пространство при посредствѣ ходовъ, устроенныхъ внѣ самаго зданія, вводились невидимо для зрителей люди, звѣри и машины. Въ Капуанскомъ амфитеатрѣ, который по величинѣ, кажется, не уступалъ Флавіеву, въ этомъ подземномъ пространствѣ будто-бы могло помѣститься около 1000 человѣкъ [7]). Архитекторъ Аполлодоръ предложилъ императору Адріану соединить подземелье построеннаго имъ храма Венеры и Ромы съ подземельемъ амфитеатра, чтобы такимъ образомъ имѣть больше мѣста для машинъ и другихъ сценическихъ приспособленій [8]). Съ помощью такихъ подземелій являлось возможнымъ выдвигать изъ глубины всѣ декораціи съ дѣйствующими лицами и звѣрями и заставлять ихъ туда-же исчезать, а также устраивать разныя неожиданныя превращенія. Римскіе машинисты довели свое искусство до высокой степени совершенства. Они съ легкостью поднимали и опускали совершенно беззвучно подмостки и кулисы, составляли ихъ вмѣстѣ и разъединяли [9]). Во время игръ Севера въ 202 г. аренѣ была придана форма ко-

---

[1]) M. Antonin., «Comment.», X, 8. Іосифъ, «Іуд. в.», VII, 8, 7.—[2]) Галенъ, «de anatom. administr.», III, 5. изд. К., II, стр. 385. Цельсъ, введ. кн. I (стр. 10, изд. Targ.). [3]) Страбонъ, VI, 2, 6.—[4]) Hirschfeld, стр. 293 сл.; «Verwaltungsb.», 182–184. [5]) Promis, «Aosta», стр. 169.—[6]) Parker, «Archeol. of Rome», ч. VII, 1876, табл. III, ср. табл. IV—VIII, XVI, XVII, и XXVII.—[7]) Rucca, «Sull'ipogeo dell'anfiteatro Puteolano», стр. 11 сл.—[8]) Діонъ, LXIX, 4.—[9]) Сенека, «Письм.», 88, 22.

рабля, который внезапно распался и изъ его внутренности вышло множество разнообразнѣйшихъ звѣрей. Тутъ тѣснились медвѣди, львы, пантеры, страусы, зубры; такимъ образомъ, въ теченіе семидневныхъ празднествъ было показано и перебито до 700 звѣрей [1]). Во время игръ Нерона, описанныхъ поэтомъ Кальпурніемъ, нѣсколько разъ разверзалась почва, и изъ подземелья поднимался сказочный садъ со сверкающими золотомъ кустами, съ ароматными фонтанами, который вдругъ наполнился вышедшими изъ земли чудовищами чужихъ странъ [2]). Клавдій заставлялъ машинистовъ, которымъ что либо не удавалось, сражаться въ качествѣ гладіаторовъ [3]).

На аренѣ давались и собственно театральныя, въ особенности пантомимическія представленія, но въ качествѣ актеровъ выступали приговоренные къ смерти преступники, которые предварительно обучались актерскому искусству; разница съ обыкновенными театральными представленіями заключалась въ томъ, что мученіе и смерть они не изображали, но терпѣли ихъ въ дѣйствительности. Они выходили на сцену въ драгоцѣнныхъ, затканныхъ золотомъ туникахъ и пурпурныхъ плащахъ, съ золотыми вѣнками на головѣ; но, подобно смертоносной одеждѣ, подаренной Медеей, изъ этихъ роскошныхъ одеждъ внезапно вырывалось пламя и несчастные погибали въ страшныхъ мученіяхъ [4]). Въ подобныя, сотканныя изъ легко воспламеняющагося матерьяла и намазанныя имъ сверху платья—ужасное народное остроуміе называло ихъ „неудобными туниками“ (tunica molesta)—одѣты были христіане, обвиненные въ поджигательствѣ во время пожара въ Римѣ въ 64 г. и приговоренные къ сожженію; нѣкоторые были обмотаны паклей и облиты смолою и ночью зажжены въ качествѣ факеловъ, другіе одѣты въ звѣриныя шкуры и растерзаны собаками [5]). Тертулліанъ увѣряетъ, что находились люди, которые брались пройти въ горящей туникѣ нѣкоторое разстояніе [6]).

Едва ли существовала какая нибудь извѣстная въ литературѣ и въ исторіи пытка или ужасная смерть, которую не показывали бы народу въ амфитеатрѣ. „Мы тамъ видѣли“, говоритъ Тертулліанъ [7]), „оскопленіе Атиса; затѣмъ появился человѣкъ въ одеждѣ Геркулеса“, изображая его смерть на кострѣ на Этѣ, и былъ сожженъ заживо; греческая эпиграмма упоминаетъ о сожженіи вора во время такого зрѣлища [8]). Марціалъ видѣлъ преступника, который, изображая Муція Сцеволу, держалъ надъ жаровней съ углями руку, пока она не сгорѣла [9]); далѣе—разбойника Лавреола въ главной роли извѣстнаго фарса, который, вися на крестѣ, былъ растерзанъ звѣрями. Онъ описываетъ, какъ члены его падали одинъ за другимъ, какъ тѣла его уже не стало; какъ бы для своего успокоенія, онъ прибавляетъ, что казненный такимъ образомъ былъ, вѣроятно, отцеубійцей, святотатцемъ или поджигателемъ [10]). На этомъ же зрѣлищѣ другой осужденный поднялся изъ углубленія въ роли Орфея, выходящаго изъ преисподней. Природа, казалось, была

---

[1]) Діонъ, LXXVI, 1. Eckhel, D. N, VII, 182. Тац. «Анн.», XIV, 5 сл.—[2]) Кальпурн. «Экл.» 7, 69 слл. Ср. Haupt, «Ind. lect. Berol.», 1854, 2, стр. 31. [3])—Светон., «Клавд.», гл. 34.—[4]) Плут., «de sera num. vind.», гл. 9. Сенека, «Письм.», 14, 5.—[5]) Тац. «Анн.», XV, 44, съ примѣч. Nipperdey.—[6]) Тертулл., «ad mart.», гл. 5; «ad nation.», I, 18.—[7]) Tertullian., «Apol.», гл. 15.—[8]) «Anthol. Pal.», изд. Jacobs, II, 374.—[9]) Martial. VIII, 30; X, 25. И эти казни приводились въ исполненіе рано утромъ. Также въ Александріи Philo «in Flacc.», стр. 529, M.—[10]) Martial., «Spect.», 7.

очарована его игрой, скалы и деревья подвигались къ нему, птицы порхали надъ нимъ и многочисленныя животныя окружали его; подъ конецъ представленія онъ былъ растерзанъ медвѣдемъ [1]).

Съ этими ужасными миѳологическими сценами чередовались и веселыя, даже соблазнительныя, вродѣ изображенія Европы [3]) или Пасифаи съ быкомъ [2]). Мальчики, изображая, вѣроятно, боговъ любви, поднимались подъ самый верхъ шатра, растянутаго надъ мѣстами для зрителей [4]). Происходили необычайныя перемѣны въ представленіи извѣстныхъ миѳовъ; упоминается, напримѣръ, Дедалъ, растерзанный медвѣдемъ [5]), Геркулесъ, котораго быкъ несетъ на небо [6]). Затѣмъ арена внезапно превращалась въ водное пространство, Леандръ плылъ къ Геро, пестрыя стаи переидъ составляли чередующіяся группы и надъ головами Діоскуровъ свѣтили звѣзды [7]).

в) Навмахіи [8]).

На аренѣ амфитеатра, покрытой водой, устраивались также сраженія кораблей. Уже въ 57 или 58 году во время представленія арена амфитеатра, выстроеннаго Нерономъ на Марсовомъ полѣ, была наводнена; рыбы и большія морскія животныя плавали въ водѣ, затѣмъ было изображено морское сраженіе между аѳинянами и персами; наконецъ, воду спустили, и на осушенной аренѣ произошла борьба гладіаторовъ и сухопутное сраженіе [9]). Также на одномъ празднествѣ въ 64 году сухопутная битва послѣдовала за морской на той же аренѣ, послѣ чего она снова была затоплена, и на водѣ устроили роскошное пиршество [10]). Большіе водоемы и водопроводы, благодаря которымъ арену амфитеатра Флавіевъ превращали въ озеро [11]), были готовы уже въ 80 году, такъ какъ Титъ на празднествѣ освященія устроилъ здѣсь, въ числѣ другихъ представленій на водѣ, битву между кораблями коркирцевъ и коринѳянъ [12]). При Домитіанѣ также было дано морское сраженіе въ амфитеатрѣ [13]).

Первую битву кораблей [14]) въ большихъ размѣрахъ устроилъ Юлій Цезарь при своихъ тріумфальныхъ играхъ въ 708=46 году. На Марсовомъ полѣ приблизительно въ той части, гдѣ находится дворецъ Фарнезе, онъ велѣлъ выкопать озеро [15]), на которомъ сражались тирскій и египетскій флоты; каждый изъ нихъ былъ снабженъ 1000 матросовъ и 2000 гребцовъ и состоялъ

---

[1]) Тамъ же, 21; 21 b.—[2]) Такое представленіе имѣетъ, очевидно, въ виду Эліанъ «Nat. anim.», VII, 4, гдѣ онъ говоритъ, что быковъ пріучали носить женщинъ.—[3]) Светон., «Неронъ», гл. 12. О подобномъ же зрѣлищѣ говоритъ Март., XV, 5.—[4]) Ювен., 4, 122.—[5]) Март., XV, 8.—[6]) Тамъ же, 16 сл.—[7]) Тамъ же, 25—26.—[8]) Слово это встрѣчается уже у Луцилія («Fragm. satt.», ed. Gerlach, 14, 4).—[9]) Діонъ, LXI, 9. Амфитеатръ былъ выстроенъ въ 57 году, Тац. «Анн.», XIII, 31; можетъ быть, представленіе было дано при освященіи. Ср. примѣч. у Reimarus.—[10]) Діонъ, LXII, 15. Тац., «Анн.», XV, 37 говоритъ только о знаменитомъ празднествѣ, устроенномъ Тигеллиномъ на stagnum Agrippae, не упоминая о навмахіи и другихъ зрѣлищахъ. Можетъ быть, Діонъ соединилъ въ одно извѣстія о нихъ и о празднествѣ Тигеллина.—[11]) Rucca, «Dell uso de sotteranei anfiteatrali», (Napoli, 1851) стр. 15; Ср. Parker, «Archaeology of Rome», ч. VII, 1876, табл. X и XV. Существуетъ еще водопроводъ въ амфитеатрѣ въ Капуѣ.—[12]) Діонъ, LXVI, 25.—[13]) Светон., «Домит.», гл. 4.—[14]) О мѣстѣ навмахій: Richter, «Topographie Roms», стр. 879 и 881. Hülsen-Jordan, «Topographie Roms», I, 3 стр. 641, 652—56.—[15]) Светон., «Цез.», гл. 39.

изъ двухъ-трехъ и четырехвесельныхъ судовъ [1]). Въ 711=43 году озеро было снова засыпано [2]), такъ какъ думали, что благодаря его испаренiямъ возникла распространившаяся въ то время эпидемiя. Слѣдующую большую навмахiю устроилъ Августъ въ 752—2 году при освященiи храма Марса Ультора, на озерѣ, вырытомъ въ садахъ Цезаря на другомъ берегу Тибра [3]), которое, по его собственнымъ даннымъ, имѣло 1800 футовъ длины и 1200 футовъ ширины; 30 двухъ-и трехвесельныхъ кораблей съ таранами и еще большее число мелкихъ судовъ, снабженныхъ, вѣроятно, 6000 солдатами, не считая гребцовъ, представили здѣсь сраженiе между аѳинянами и персами [4]).

Обѣ эти навмахiи, какъ и послѣдующiя, были превзойдены колоссальнымъ морскимъ сраженiемъ, которымъ императоръ Клавдiй въ 52 году ознаменовалъ окончанiе многолѣтнихъ работъ по проведенiю водопровода изъ Фуцинскаго озера (Lago di Celano) черезъ горы въ Лирисъ (Garigliano) [5]). Сицилiйскiй и радосскiй флоты изъ трехъ и четырехвесельныхъ судовъ стояли другъ противъ друга, снабженные, въ общемъ, 19000 вооруженныхъ людей [6]). Серебреный тритонъ всплылъ изъ подъ воды и протрубилъ сигналъ къ началу [7]). Озеро, какъ передаетъ Тацитъ, было окружено по краямъ плотами во избѣжанiе чьего либо бѣгства; тѣмъ не менѣе, мѣста вполнѣ хватало для работы гребцовъ, для обнаруженiя ловкости и искусства въ управленiи рулемъ, для нападенiя кораблей и настоящей морской битвы. На плотахъ стояли части преторскихъ когортъ, пѣшихъ и конныхъ; были возведены брустверы, съ которыхъ можно было обстрѣливать озеро метательнымъ оружiемъ. Остальную часть озера занимали матросы въ покрытыхъ палубами корабляхъ. Берега, холмы и склоны горъ были покрыты, какъ въ театрѣ, многочисленными массами народа, привлеченными изъ Рима и ближайшихъ окрестныхъ городовъ страстью къ зрѣлищамъ или почтенiемъ къ императору. Самъ онъ въ великолѣпной мантiи полководца и возлѣ него Агриппина въ одеждѣ, сотканной изъ золота, сидѣли на главномъ мѣстѣ. Участники битвы, хотя были преступниками, сражались съ храбростью мужественныхъ людей и послѣ многихъ ранъ были избавлены отъ смерти. Но когда представленiе было окончено и надо было спустить воду, оказалось, что произведенныя работы недостаточны и каналы должны быть углублены. По окончанiи этихъ новыхъ работъ (въ 52 году) снова собрались массы народа, на этотъ разъ на игры гладiаторовъ, при чемъ для пѣшаго боя были наведены мосты черезъ воду. Слишкомъ сильный потокъ прервалъ пиршество, устроенное на мѣстѣ стока воды, снесъ часть деревянныхъ сооруженiй и вызвалъ всеобщую панику.

Неронъ употребилъ навмахiю Августа для пиршества [8]), а Титъ для блестящихъ зрѣлищъ при своихъ стодневныхъ празднествахъ въ 80 году [9]).

---

[1]) Аппiанъ, «Гр. в.», II, 102.—[2]) Дiонъ, XLV, 17.—[3]) Becker, «Topographie», 657, прим. 1416 и Preller, «Die Regionen d. St. R.», стр. 206, примѣч. Черезъ этотъ бассейнъ велъ pons naumachiarius, сгорѣвшiй при Тиберiи и выстроенный снова. Плин., «N. h.», XVI, 190 и 206. Дiонъ (XL, 10) еще видѣлъ слѣды этой навмахiи.—[4]) «Res gestae divi Aug.», 2-е изд., гл. 23, изд. Mommsen, стр. 94.—[5]) Тац., «Анн.», XII. 56 съ примѣч. Nipperdey.—[6]) Светон., «Клавд.», гл. 21 говоритъ о 12 триремахъ въ каждомъ. Дiонъ, LXVI, 39 до 50.—[7]) Светон., тамъ же. Ср. «Aetna», изд. Munro, 293 слл.—[8]) Becker, «Topogr.», прим. 1418. Дiонъ, LXI, 20. Тац., «Анн.», XIV, 15.—[9]) Дiонъ, LXVI, 25. Светон., «Титъ», гл. 7.

Въ первый день былъ устроенъ бой гладіаторовъ и травля звѣрей на покрытой бревнами поверхности воды; на второй — бѣгъ колесницъ, на третій — морское сраженіе между аѳинянами и сиракузянами, при чемъ первые побѣдили, высадились въ заключеніе на островокъ и взяли штурмомъ выстроенное тамъ укрѣпленіе. Послѣ этого празднества, говоритъ одинъ придворный поэтъ, можно было забыть прежнія, даже то, которое происходило на Фуцинскомъ озерѣ [1]. Домитіанъ, чтобы превзойти Тита во всѣхъ отношеніяхъ, не только устроилъ морское сраженіе на аренѣ амфитеатра, но велѣлъ вырыть новое, большое озеро [2], на которомъ произошла битва съ участіемъ столькихъ кораблей, что число ихъ почти равнялось размѣрамъ настоящаго регулярнаго флота [3]. Несмотря на разразившійся во время представленія ливень, не было позволено прервать зрѣлище и зрителямъ не было дано возможности удалиться или хотя бы перемѣнить платье, что повлекло за собою для многихъ болѣзнь и смерть [4]. Наконецъ, императоръ Филиппъ Арабъ на празднествахъ 1000-лѣтія существованія города Рима устроилъ, повидимому, навмахію [5], для которой было возстановлено одно изъ озеръ, вырытыхъ при Августѣ и при Домитіанѣ [6]. Описаніе города перечисляетъ, быть можетъ, ошибочно, 5 навмахій. Въ средніе вѣка мѣсто между соборомъ св. Петра и крѣпостью Ангела называлось Regio Naumachiae, чѣмъ приблизительно опредѣляется мѣсто одной или нѣсколькихъ навмахій.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Ничто такъ ясно не доказываетъ огромной разницы между образомъ мыслей и чувствъ древняго Рима и современной Европы, какъ сужденія о зрѣлищахъ амфитеатра, высказываемыя образованными людьми въ то время и теперь. Во всей римской литературѣ мы едва ли встрѣтимъ выраженіе такого отвращенія, съ какимъ современный міръ относится къ этимъ безчеловѣчнымъ забавамъ. Обыкновенно объ играхъ бойцовъ упоминается съ полнымъ равнодушіемъ. Дѣти играли въ гладіаторовъ [7], какъ теперь въ Андалузіи играютъ въ быка и матадора, или въ Римѣ въ разбойниковъ и сбирровъ [8]. Взрослая молодежь страстно ими увлекалась [9]; замѣчанія о герояхъ арены были общимъ мѣстомъ въ бесѣдахъ самыхъ образованныхъ людей, и многочисленныя поговорки свидѣтельствуютъ, какъ близки были каждому мысли о разыгрывавшихся тамъ сценахъ. Горацій говоритъ, что неблагоразумно горячиться въ спорѣ о томъ, кто изъ бойцовъ лучше — Касторъ или Долихъ [10]; въ другомъ мѣстѣ онъ разсказываетъ, что Меценатъ, довѣреннымъ лицомъ котораго онъ считался, удостаиваетъ его иногда замѣчанія о томъ, что по утрамъ уже холодно для людей слишкомъ легко одѣтыхъ, или вопроса о времени, или о томъ, равенъ ли Сиру ѳракіецъ Галина [11]. Эпи-

---

[1]) Март., «Lib. spect.», 28, ср. 24—26.—[2]) Preller, «Regionen d. St. R.», стр. 207.—[3]) Светон., «Домит.», гл. 4. Март., I, 5.—[4]) Свет., ук. м. Діонъ, LXVII, 8. Ср. стр. 491, 8.—[5]) Becker, ук. соч. Aurel. Vict., «Caes.», 28.—[6]) Preller, ук. соч.—[7]) Эпикт., «Manuale», 29, 3.—[8]) Ср. Huber, «Skizzen aus Spanien», I, 217 сл. K. P. Moritz, «Reisen eines Deutschen in Italien» (1786—88), т. II, стр. 203.—[9]) «Dial. de orat.», гл. 29.—[10]) Горац., «Посл.», I, 18, 19.—[11]) Горац., «Сат.», II, 6, 44.

ктетъ причисляетъ борьбу гладіаторовъ къ тривіальнымъ предметамъ разговора, которыхъ слѣдуетъ избѣгать [1]). Овидій не считаетъ предосудительнымъ особенно рекомендовать зрѣлища, на которомъ наслаждались видомъ убійства, для поощренія любовныхъ отношеній. Тотъ, говоритъ онъ, кто въ разговорѣ съ сосѣдкой касается ея руки, спрашиваетъ програму, держитъ пари объ исходѣ борьбы, тотъ самъ часто чувствуетъ рану [2]).

Если эти зрѣлища и осуждаются, то не на томъ основаніи, на какомъ это дѣлаемъ мы; ихъ даже защищаютъ и хвалятъ. Неудивительно, если этимъ занимались поэты, воспѣвавшіе все, что исходило отъ правительства. У Статія и Мартіала, злоупотреблявшихъ своимъ талантомъ для восторженныхъ восхваленій правленія Домитіана, нѣтъ недостатка въ стихотвореніяхъ на его зрѣлища. Мартіалъ находилъ, что труды бойцовъ со звѣрями превосходятъ дѣянія Геркулеса [3]). Статій сравниваетъ съ амазонками женщинъ, выступавшихъ въ качествѣ борящихся; посмотрѣть, какъ несчастные карлики терзаютъ другъ друга, для него—хорошая шутка, надъ которой смѣются отецъ Марсъ и кровавая богиня храбрости. Односторонніе и ограниченные защитники Рима также принимали подъ свою защиту эти игры, отчасти, можетъ быть, изъ антагонизма къ греческой культурѣ; иногда становится на ихъ сторону и Цицеронъ, которому, въ сущности, была противна грубая рѣзня. Игры бойцовъ, говоритъ онъ, кажутся нѣкоторымъ жестокими и безчеловѣчными и, можетъ быть, теперь онѣ, дѣйствительно, таковы; но когда еще преступники съ острымъ оружіемъ въ рукахъ боролись не на жизнь, а на смерть, то не могло быть ужаснаго зрѣлища, которое болѣе закалило бы человѣческое зрѣніе, если не слухъ, противъ страданія и смерти [4]). Плиній Младшій одобряетъ одного друга, который хотѣлъ устроить въ Веронѣ блестящія игры бойцовъ съ множествомъ пантеръ [5]), и хвалитъ Траяна, доставившаго народу и это зрѣлище, „не безсильное, легкое, разслабляющее души людей, а способное возбудить стремленіе къ славнымъ ранамъ и презрѣніе къ смерти, такъ какъ даже у рабовъ и преступниковъ замѣчалась любовь къ славѣ и жажда побѣды“ [6]). Англійскій историкъ Рима временъ упадка справедливо называетъ это пустымъ и жестокимъ предразсудкомъ, такъ прекрасно опровергнутымъ мужествомъ древней Греціи и современной Европы [7]).

Еще хуже этой защиты то, что Цицеронъ высказываетъ противъ охоты на сценѣ: „что за удовольствіе для образованнаго человѣка видѣть, какъ громадной силы звѣрь терзаетъ слабаго человѣка или какъ охотничье копье пронзаетъ прекрасное животное“ [8]). Правда, цитируются слова сатиры Варрона: „развѣ вы не варвары, что бросаете преступниковъ дикимъ звѣрямъ?“—но изъ этого вырваннаго изъ контекста вопроса нельзя рѣшить, высказываетъ ли здѣсь Варронъ свое собственное мнѣніе [9]). Маркъ Аврелій, ограничивавшій кровопролитіе по мѣрѣ возможности, говоритъ въ своихъ „Размышленіяхъ“ объ амфитеатрѣ только, что тамъ видятъ всегда одно и то же, и что подобное однообразіе надоѣдаетъ [10]). Тацитъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ

[1]) Эпикт., «Manuale», 33, 2.—[2]) Овид., «Ars am.», I, 164 сл.—[3]) Мартіалъ, V, 65.—[4]) Цицер., «Туск.», II, 20, 46.—[5]) Плин., «Письм.», VI, 34.—[6]) Его-же, «Панег.», гл. 33.—[7]) Gibbon, «History etc.», XXX, (Basil., 1787, т. V, стр. 171). «Hist. Aug.» «Maxim. et Balbin.», гл. 8.—[8]) Cic., «ad fam.», VII, 1, 3.—[9]) Varro, «Sat. Menipp.», fr. 24. Petron., 3 изд. Buecheler, стр. 165.—[10]) M. Antonin., «Comment.», VI, 46.

порицаетъ жестокость Друза, сына Тиберія съ которой тотъ наслаждался убійствами, говоритъ, что онъ выражалъ чрезмѣрное удовольствіе при видѣ крови, „хотя бы и дешевой“ [1]). Отъ одного изъ послѣднихъ представителей Рима, Симмаха, сохранилось мнѣніе, въ высшей степени характерное для пониманія этого вопроса римляниномъ; онъ говоритъ о самоубійствѣ плѣнныхъ саксовъ въ школѣ гладіаторовъ [2]): „видно, даже особый надзоръ не могъ удержать отчаянныхъ рукъ этого безбожнаго народа“. Онъ считаетъ этихъ самоубійцъ ничтожнѣе Спартака и его товарищей и рѣшаетъ перенести несчастье съ такимъ же философскимъ хладнокровіемъ, какое поддерживало Сократа, если его желанія не осуществлялись [3]).

Изъ числа римскихъ писателей, извѣстныхъ намъ [4]), одинъ только философъ Сенека возвысился до обще-человѣческой точки зрѣнія и то, быть-можетъ, лишь случайно или въ свои послѣдніе годы; по крайней мѣрѣ, въ одномъ сочиненіи, написанномъ въ зрѣломъ возрастѣ, онъ упоминаетъ игры гладіаторовъ въ числѣ легкихъ развлеченій, неспособныхъ разогнать тоску [5]). Въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ, напротивъ, онъ не разъ съ негодованіемъ высказывается противъ убійства человѣка для забавы, между тѣмъ, какъ жизнь каждаго должна быть священна для другого; онъ горячо выражаетъ свое возмущеніе по поводу одного представленія, дѣйствительно, необыкновенно безчеловѣчнаго [6]); несмотря на реторическій оттѣнокъ его рѣчи, искренность ея не подлежитъ сомнѣнію. Онъ разсказываетъ, что случайно попалъ въ полдень въ амфитеатръ. Какъ разъ, когда бо̀льшая часть зрителей удалилась, для развлеченія остальныхъ должны были сражаться преступники, непривычные къ этому и не снабженные оборонительнымъ оружіемъ; для всей публики ихъ борьба не могла представить интереса. Въ сравненіи съ этимъ, говоритъ Сенека, прежнія сраженія являются полными милосердія. Объ игрѣ здѣсь не могло быть и рѣчи; это просто убійство. Имъ нечѣмъ защищаться; все тѣло ихъ предоставлено ранамъ, и каждый ударъ попадаетъ въ цѣль. Большинство предпочитаетъ это правильнымъ поединкамъ, которые устраиваютъ по желанію. И почему бы не дѣлать этого? Здѣсь шлемъ и щитъ не защищаютъ отъ желѣза. Къ чему оборонительное оружіе, къ чему искусство бойцовъ? Все это лишь средства, задерживающія смерть. Утромъ людей бросаютъ львамъ и медвѣдямъ, въ полдень—ихъ зрителямъ. Ихъ погоняютъ ударами, и они съ открытой грудью наносятъ другъ другу раны. Это—перерывъ въ зрѣлищѣ. „Чтобы онъ не прошелъ даромъ, въ это время убиваютъ людей“.

Выраженіе столь понятныхъ для насъ чувствъ стоитъ одиноко въ римской литературѣ; это даетъ возможность утверждать, что даже самымъ луч-

[1]) Тац., «Анн.», I, 76.—[2]) Ср. стр. 547, 6.—[3]) Симмахъ, «Письм.», II, 46.—[4]) Въ декламаціяхъ, касающихся гладіаторовъ, не встрѣчается отзывовъ о безчеловѣчности этихъ зрѣлищъ. Варронъ у Нонія, см. сл. lusus; Plin., «N. h.», XXXVI, 203. Въ надписи изъ Кордубы, Huebner, «Ephem. epigr.», III, стр. 37. Ср. Garrucci, «Sull' epoca e sui frammenti dell'iscrizione dell'anfiteatro Puteolano», Napoli 1851, стр. 5—8 и Ritschl, «Die Tesserae gladiatoriae», стр. 61, пр., 1.—[5]) Seneca, «Cons. ad. Helv. matr.», гл. 17; ср. Jonas, «De ord. libror. L. Ann. Senecae», стр. 30.—[6]) «Письм.», 7, 2, 95, 33. Онъ высказывается съ негодованіемъ и въ «Письм.», 90, 45. О сочиненіи «De tranq. animi», ср. Jonas, ук. соч., стр. 41 слл.

шимъ и образованнымъ людямъ подобныя зрѣлища казались гораздо невиннѣе, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ. Причины такой неизмѣримой разницы въ нравственныхъ понятіяхъ древняго и новаго міра, главнымъ образомъ, три слѣдующія: раздѣленіе всего человѣчества на правоспособную и безправную половину, сила привычки и опьяняющее дѣйствіе роскоши и великолѣпія зрѣлищъ. Древнему Риму было чуждо понятіе о человѣческомъ правѣ, а съ нимъ и уваженіе къ святости человѣческой жизни вообще, и нѣжныя заботы о ея сохраненіи. Малое развитіе международнаго права, а, главное, институтъ рабства утверждали существованіе непроходимой пропасти между правоспособной и безправной частью человѣчества и поддерживали у первой привычку разсматривать существованіе второй съ особой точки зрѣнія, не ставить ее ни во что, а къ ея страданіямъ и гибели относиться безучастно. Бойцы арены были враги, варвары, преступники, рабы или погибшіе люди; для общества ихъ существованіе было безразлично или вредно. Въ грубую, воинственную эпоху Римъ ввелъ у себя эти этрусскія зрѣлища; сначала они происходили рѣдко, понемногу участились и лишь столѣтіе спустя вошли въ обычай. Мало-по-малу привычка, переходившая отъ поколѣнія къ поколѣнію и укоренявшаяся все глубже, пріобрѣла неотразимую силу. Нѣтъ ничего сильнѣе ея; она одна можетъ превратить первоначальное отвращеніе къ жестокости въ наслажденіе; никто не въ состояніи избѣжать вліянія духа своей эпохи. Къ тому же, во всѣ времена жестокія казни являлись любимымъ зрѣлищемъ; стóитъ лишь вспоминать, что при сожженіи вѣдьмъ въ Палермо въ 1787 году (по словамъ Тишбейна) знатныхъ зрительницъ угощали шербетомъ и мороженымъ [1]).

Наконецъ, нельзя забывать, что помимо борьбы на аренѣ, амфитеатръ могъ представлять значительную притягательную силу, такъ какъ представлялъ собою такое величественное зрѣлище, какого міръ не видалъ ни раньше, ни впослѣдствіи. Если въ императорскую эпоху что-нибудь могло воскресить память о прежнемъ величіи Рима, то это былъ видъ народа, собравшагося въ амфитеатрѣ Флавіевъ. Сознаніе принадлежности къ націи, которая даже въ паденіи своемъ казалась такой могущественной, могло во многихъ возбудить чувство гордости [2]). Постройку Флавіевъ современники справедливо причисляли къ всемірнымъ чудесамъ [3]). Опираясь на 80 мощныхъ арокъ, четырехэтажная, она достигала высоты 150 футовъ и могла вмѣстить 40—45000 зрителей [4]). Нижній рядъ непосредственно надъ ареной предназначался для сенаторовъ; здѣсь сидѣли представители старинныхъ знатныхъ родовъ, сановники монархіи въ одѣяніи свойственномъ ихъ сану [5]), коллегіи жрецовъ въ ихъ облаченіи и весталки; среди этого блестящаго круга на открытомъ сидѣньи или въ роскошной ложѣ сидѣлъ императоръ со своей семьей и свитой. Здѣсь привлекалъ къ себѣ вниманіе какой-нибудь

[1]) Tischbein, «Aus meinem Leben» (изд. Schiller 1861), т. II, стр. 102 сл.— [2]) Въ 58 году, когда амфитеатръ еще не существовалъ, германскихъ пословъ повели въ театръ Помпея, чтобы они видѣли многочисленность народа, Тац., «Ann.», XIII, 54.— [3]) Март., «Spect.», 1.—[4]) Hülsen-Jordan, «Bull. comm. di Roma», 1894, стр. 312 сллл. и «Top. Roms», I, 3, стр. 297.—[5]) Какъ настоящіе, такъ и бывшіе курульные магистраты носили на народныхъ празднествахъ praetexta; Mommsen, «Staatsrecht», 3-е изд., I, 437, 1.

восточный князь въ высокой шапкѣ и въ широкихъ пестрыхъ одеждахъ, покрытыхъ драгоцѣнными камнями [1]), или германскій вождь въ плотно прилегающей одеждѣ возбуждалъ удивленіе своимъ громаднымъ ростомъ и зависть римлянокъ своими свѣтлыми волосами. Здѣсь было мѣсто иностранныхъ царей и пословъ [2]); показывали при этомъ случаѣ народу и знатныхъ плѣнныхъ [3]). Остальныя сословія многотысячной толпой покрывали мраморныя сидѣнья, возвышавшіяся надъ первымъ рядомъ все шире и шире расходившимися кругами. Здѣсь смѣшивались черты, краски и одежды всѣхъ расъ и народовъ. Всѣ римскіе граждане были одѣты въ бѣлыя тоги, съ вѣнками на головахъ изъ уваженія къ присутствію императора и въ честь праздника [4]). Мѣста для женщинъ находились въ верхнихъ рядахъ амфитеатра; только весталки и женщины императорской семьи пользовались преимуществомъ смотрѣть на кровавыя сцены въ непосредственной близости. На самыхъ высокихъ мѣстахъ тѣснилась толпа тѣхъ, чье низкое происхожденіе и грязныя лохмотья исключали ихъ изъ нижнихъ рядовъ [5]).

Эти громадныя массы народа представлялись взору, обнимавшему все обширное пространство амфитеатра, въ стройномъ и внушительномъ видѣ. Архитектурныя линіи выдѣлялись, благодаря богатымъ художественнымъ украшеніямъ [6]); величавая картина была вставлена въ достойную раму. Надъ всѣмъ мѣстомъ для зрителей можно было растянуть огромный шатеръ, пестрая поверхность котораго наполняла внутри все зданіе цвѣтнымъ свѣтомъ [7]); на одномъ представленіи при Неронѣ этотъ шатеръ изображалъ усѣянное звѣздами небо [8]). Фонтаны бросали съ арены струи душистой воды на изумительную высоту, охлаждая воздухъ и наполняя его ароматами [9]). Громкая музыка заглушала шумъ борьбы.

Все, такимъ образомъ, соединялось для того, чтобы опьянить чувства, заставить душу воспринимать самыя удивительныя и чудовищныя впечатлѣнія и усыпить нравственныя побужденія. Въ большой, страшно возбужденной массѣ народа на время прекращалась до извѣстной степени духовная самостоятельность отдѣльнаго лица, и даже того, кто сопротивлялся, увлекалъ общій водоворотъ. Замѣчательнымъ доказательствомъ этого можетъ служить исторія, которую разсказываетъ Августинъ; она тѣмъ болѣе поучительна, что была, вѣроятно, исторіей тысячи людей [10]). Одинъ изъ его друзей, по имени Алипій, молодой человѣкъ добрыхъ нравовъ, жилъ въ Римѣ для изученія права. Однажды онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ знакомыхъ, которые по дружески завлекли его силой въ амфитеатръ; онъ, какъ христіанинъ, утверждалъ, что они могутъ повести туда лишь его тѣло, но не душу, такъ какъ онъ будетъ сидѣть съ закрытыми глазами и, такимъ образомъ, въ дѣйствительности, отсутствовать. Онъ слѣдовалъ своему рѣшенію, пока страшный крикъ, поднявшійся по поводу какого то эпизода борьбы, не заставилъ его

---

[1]) Светон., «Калиг.», гл. 35.—[2]) Іосифъ, «Древн.», XIV, 10, 6.—[3]) Светон., «Авг.», гл. 43. Діонъ, LXVIII, 15.—[4]) Светон., «Авг.», гл. 58. Объ увѣнчаніи сенаторовъ лаврами упоминаетъ Діонъ, LXXII, 21. По крайней мѣрѣ, при торжественныхъ случаяхъ это было, вѣроятно, обычно.—[2]) Кальпурн., «Экл.», 7, 26 и 79. Ср. Marquardt, «Staatsverw.», 2-е изд., III, 557, 7.—[2]) Кальпурн., 7, 47.—[3]) Лукрет., IV, 75 слл.—[4]) Плин., «N. h.», XIX, 25.—[5]) Ср. Marquardt, ук. соч., 558, 4.—[1]) Август. «Испов.», VI, 8.

дать волю любопытству и открыть глаза; „душѣ его, говоритъ Августинъ, была нанесена рана тяжелѣе, чѣмъ тѣлу того человѣка, котораго ему захотѣлось видѣть, и онъ палъ ниже, чѣмъ тотъ, при чьемъ паденіи поднялся крикъ, такъ какъ видъ крови возбудилъ въ немъ безчеловѣчность, онъ не отвернулся, взоръ его былъ прикованъ, и кровавое наслажденіе опьяняло его. Что мнѣ еще говорить? Онъ смотрѣлъ, кричалъ, онъ увлекся и унесъ съ собою безуміе, побуждавшее его вернуться снова".

Понятіе о впечатлѣніяхъ отъ зрѣлищъ амфитеатра можетъ намъ дать, до извѣстной степени, испанскій бой быковъ, хотя онъ уступаетъ имъ значительно въ роскоши и великолѣпіи, а также въ возбуждающемъ дѣйствіи. Поразителенъ уже одинъ видъ Corrida de toros, расположенной амфитеатромъ и наполненной народомъ, хотя она вмѣщаетъ всего 9500 зрителей и плохо выстроена [1]). І. Г. Ристъ (1804 г.) не могъ отрѣшиться отъ непривычной привлекательности и великолѣпія боя быковъ. Его подкупала красота и крайнее напряженіе силъ благородныхъ животныхъ, разъяренныхъ и необузданныхъ, но при этомъ инстинктивно проявляющихъ хитрость въ большей или меньшей степени; къ этому надо прибавить безконечную прелесть дѣйствительно народнаго зрѣлища, равнаго которому Европа не знаетъ [2]). Просперъ Меримэ считаетъ притягательную силу боя быковъ просто неотразимой. Онъ ссылается на приведенный только что разсказъ Августина и признается, что ни одна трагедія въ мірѣ его такъ не интересовала, что во время своего пребыванія въ Испаніи онъ не пропускалъ ни одного боя быковъ и предпочитаетъ кровавыя битвы тѣмъ, которыя благодаря шарамъ, надѣтымъ на рога быковъ, почти не представляютъ опасности [3]).

Лишь очень медленно и постепенно удалось христіанству отучить древній міръ отъ кровавыхъ зрѣлищъ на аренѣ [4]). Они находили многихъ приверженцевъ среди самихъ христіанъ. Насколько игры занимали ихъ воображеніе, видно на примѣрѣ святого Иларіона, которому въ пустынѣ являлись видѣнія, стремящіяся вернуть его въ міръ. Кромѣ наѣздника, вскакивавшаго ему на спину и ѣхавшаго на немъ, какъ на лошади, онъ видѣлъ борьбу гладіаторовъ. Одинъ изъ нихъ упалъ умирающій къ его ногамъ съ мольбой о погребеніи [5]). Указъ Константина, данный въ Беритѣ 1 октября 326 г., нельзя разсматривать, какъ настоящее запрещеніе игръ. Онъ только не одобряетъ „кровавыхъ зрѣлищъ" въ мирное время и приказываетъ замѣнять работами въ рудникахъ [6]) приговоры, обрекающіе на участіе въ гладіаторскихъ играхъ [7]). Въ позднѣе данномъ предписаніи онъ удовлетворяетъ

[1]) Stephan, «Das Verkehrsleben der Alten»; Raumer, «Hist. Taschenb.», V, 9, стр. 22 прим. — [2]) J. G. Rists «Lebenserinnerungen», I, стр. 285.—[3]) P. Mérimée, «Lettres sur l'Espagne», 1830 («Mosaique», Bruxelles, 1833, стр. 302). Будущій императоръ мексиканскій Максимиліанъ («Aus meinem Leben», II, 67) восторженно отзывается о боѣ быковъ. Съ этимъ можно сравнить выраженіе отвращенія у Brehm, «Illustr. Tierleben», II, 676—683.—[4]) Относительно постепеннаго прекращенія игръ въ амфитеатрѣ см. P. E. Mueller, «De gen. aev. Theodos.», II, стр. 80 слл.; лучше и полнѣе Wallon, «Hist. de l'esclavage», III, 421 слл.—[5]) Hieronym., «Vita Hilar.», гл. 3. De Ross. «Bull. crist.», V, стр. 77 слл.—[6]) «Cod. Theodos.», XV, 12, 1, (съ комментаріемъ Гофреда).— [7]) Mommsen, въ «Ber. d. Sächs. Ges.», 1850, стр. 213.

просьбу жителей города Гиспелла (Spello), разрѣшая жрецамъ Умбріи впредь устраивать тамъ сценическія представленія и гладіаторскія игры; въ Вольсиніяхъ ихъ по-прежнему должны были устраивать жрецы Этруріи [1]. Астрологъ Фирмикъ Матернъ, писавшій между 334 и 337 г., называетъ созвѣздія, подъ которыми рождаются гладіаторы и атлеты, и говоритъ о такихъ гладіаторахъ, которымъ самое рожденіе опредѣлило ужасную смерть на глазахъ у толпы [2].

Законъ Валентиніана отъ 365 г. запрещаетъ только присуждать христіанъ къ отдачѣ въ школы гладіаторовъ [3]. Пруденцій напрасно умолялъ Гонорія запретить, чтобы казнь преступниковъ служила развлеченіемъ народа [4], и устраивать на аренѣ только бои животныхъ. Гоноpій принужденъ былъ сдѣлать это только въ 404 г., послѣ того, какъ азіатскій монахъ Телемахъ бросился на арену, чтобы разнять борющихся гладіаторовъ, и былъ разорванъ на куски народомъ, пришедшимъ въ ярость изъ-за такого нарушенія зрѣлища [5]. Школы (императорскія) гладіаторовъ были закрыты уже въ 399 г. [6]. Но въ западныхъ провинціяхъ состязанія гладіаторовъ держались еще нѣсколько времени. Изъ словъ Августина можно заключить, что въ 410 г. гладіаторы еще боролись [7]. На востокѣ состязанія прекратились уже въ концѣ IV в. Іоаннъ Златоустъ въ своихъ проповѣдяхъ неоднократно запрещаетъ посѣщеніе театра и цирка, какъ дѣло грѣховное и влекущее къ погибели. Однако, онъ ни разу не упоминаетъ о состязаніяхъ гладіаторовъ, противъ которыхъ онъ могъ бы возстать еще съ большимъ основаніемъ. Между тѣмъ, онъ и другіе христіанскіе проповѣдники ратуютъ противъ травли звѣрей, порождающей безчувственность и жестокость [8]. Равнымъ образомъ, пресвитеръ Сальвіанъ изъ Массиліи жалуется на такія представленія, въ которыхъ высшимъ наслажденіемъ зрителей было видѣть, какъ дикіе звѣри насыщаются мясомъ растерзанныхъ людей; для этого люди отправляются въ пустыни, дремучіе лѣса, поднимаются на альпійскія горы и проникаютъ въ покрытыя снѣгами долины [9]. Травля звѣрей держалась на востокѣ, какъ и на западѣ, по крайней мѣрѣ, до VI в. включительно. Въ 469 г. императоры Левъ и Анѳемій запретили устраивать по воскресеньямъ эти „обильныя слезами представленія“ охоты [10]. Турцій Руфій Апроніанъ Астерій (консулъ 494 г.) хвалится на страницахъ своей рукописи Вергилія (находящейся въ Медичейской библіотекѣ во Флоренціи) тѣмъ, что онъ устраивалъ въ римскомъ циркѣ сценическія представленія, бѣгъ колесницъ и охоты [11]. Еще въ 536 г. Юстиніанъ прямо приказываетъ консуламъ среди другихъ представленій устраивать травли дикихъ звѣрей. 1-ое января было назначено для торжественнаго вступленія въ должность; 2-ое (т. н. mappa)

---

[1]) Henzen, 5580.—[2]) Firmic. Matern., «De math.», III, 5, 8. VII, 22.—[3]) «Cod. Theodos.», X, 40, 8. Mommsen, «Strafrecht», стр. 364, 1 и 925 сл. — [4]) Prudent., «in Symmach.», II, 1122 сл.; ср. Obbarius, «Proleg.», XI, 39.—[5]) Theodoret., «Hist. eccl.», V, 26.—[6]) Usener, «Aufhebung der Gladiatorenschulen», «Rh. M.», 1882, стр. 479 сл. Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., III, 565, 2. P. J. Meier, «Gladiatorenrelief des Museums zu Triest», стр. 165.—[7]) Augustin., «Civ. Dei», III, 14, 2. Ср. IV, 14, 22.—[8]) Mueller, ук. соч., стр. 87. Wallon, стр. 427.—[9]) Salvian., «De gubern. Dei», VI (172), изд. Rittershus.—[10]) «Cod. Iust.», III, 10, 11 (10, 9).—[11]) Gregorovius, «Gesch. d. St. Rom.», 2 изд., I, 290, 1.

для игръ въ циркѣ; 3-ье для травли звѣрей; 4-го устраивали одну изъ разновидностей травли, въ которой народъ особенно тѣшился мужествомъ борющихся съ дикими звѣрями (μονημέριον); 5-го происходили театральныя представленія, полныя необузданности (πόρναι), впрочемъ, иногда ставились трагедіи и хоры; 6-го вторичная mappa заключала рядъ представленій; 7-го происходило торжественное сложеніе должности [1]. За два года передъ тѣмъ Юстиніанъ принужденъ былъ жаловаться Константинопольскому архіепископу на то, что духовныя лица посѣщаютъ даже эти зрѣлища [2]. Въ то же самое время въ Римѣ Кассіодоръ удивляется быстротѣ и ловкости, съ какой борцы умѣли увертываться отъ когтей дикихъ звѣрей, равно какъ и многочисленнымъ искусственнымъ приспособленіямъ, которыя устраивались для ихъ защиты. Объ этихъ приспособленіямъ мы можемъ отчасти судить по изображеніямъ, вырѣзаннымъ на крышкахъ изъ слоновой кости для тѣхъ приглашеній, которыя разсылали консулы. Отсюда можно заключить, что въ Римѣ въ то время старались, если не совсѣмъ уничтожить кровавыя зрѣлища, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ихъ менѣе кровопролитными [3].

Вмѣстѣ съ римской культурой распространились по всему древнему міру представленія въ амфитеатрахъ; отъ Іерусалима до Севильи, отъ Шотландіи до границъ Сахары не было, конечно, ни одного сколько-нибудь значительнаго города, на аренѣ котораго изъ года въ годъ не приносились бы обильныя кровавыя жертвы [4]. Постановленія закона часто принуждали магистратовъ въ муниципіяхъ и колоніяхъ заботиться объ устройствѣ состязаній гладіаторовъ и другихъ игръ. Объ этомъ мы можемъ судить на основаніи (изданнаго до или непосредственно послѣ 15 марта 44 г.) законодательства города Урсо въ Испаніи, согласно которому вступающіе въ исполненіе своей обязанности дуумвиры должны были устроить сценическое представленіе или состязаніе гладіаторовъ въ честь капитолійскихъ и другихъ боговъ, которое длилось бы 4 дня, заполняя собой большую часть каждаго изъ нихъ. Въ честь тѣхъ же божествъ эдилы обязывались устраивать трехдневныя представленія того или другого рода. Каждый дуумвиръ для этой цѣли могъ употребить изъ городской кассы 2000 сестерціевъ, а эдилъ — 1000, кромѣ того, каждый изъ нихъ прибавлялъ не менѣе 2000 сестерціевъ изъ собственныхъ средствъ [5]. Во многихъ городахъ, напримѣръ, въ Пренесте, ежегодно выбирались комиссары (кураторы) для устройства празднествъ, дававшихся какъ на общественныя [6], такъ и на исходящія изъ какого-либо другого

---

[1]) Just., «nov.», CV, гл. 1.—[2]) «Cod. Just.», I, 4, 34. Ср. также Anthol. «Pal.» IX, 581 (изд. Jacobs, II, 207).—[3]) Cassiodor., «Var. epp.», V, 42. Можетъ быть, нѣкоторыя изъ упомянутыхъ тамъ приспособленій, «Rev. archéol.», VII, табл. 153. (Mérimée, «Plaque de marbre gravée du musée de Narbonne»). Ср. кромѣ диптиховъ у Gori, «Thes. dipt.», новый подобный диптихъ въ «Mon. ined. dell'Inst.», V, табл. 51, съ объясненіями Генцена; «Ann. dell'Inst.», XXV, стр. 115 — 118. Ср. также эпиграмму въ Anthol. «Pal.», 538 (изд. Jacobs, II, 190) и Sabatier, «Descr. gén. d. méd. cont.», табл. VIII, 11, IX, 4 и 6.—[4]) O. Toller, «De spectaculis cenis distributionibus in municipiis Romanis Occidentis, imperatorum aetate exhibitis», (1889), стр. 102 сл. — [5]) «Lex col. Genetivae», «Eph. ep.», III, стр. 93 сл. и стр. 102 слл.; относительно времени написанія II, 119 сл. III, 97. C. I. L., IX, 2350.—[6]) «Curator muneris publici», C. I. L., XIV, 2972, 3011, 3014.

источника [1]) средства. Съ другой стороны, они подвергались законному ограниченію, уничтоженіе котораго отдѣльныя общины могли получить только отъ императора или отъ сената [2]). Кромѣ случайныхъ упоминаній древнихъ писателей, и другіе памятники разнаго рода, въ особенности, сохранившіяся во многихъ римскихъ провинціяхъ развалины амфитеатровъ, даютъ возможность прослѣдить распространеніе театральныхъ зрѣлищъ.

Чаще всего они происходили, конечно, въ Италіи, гдѣ и теперь сохранилось очень большое число амфитеатровъ. Едва ли какой-нибудь городишка былъ такъ малъ и бѣденъ, чтобы въ немъ время отъ времени не происходили состязанія борцовъ, травля кабановъ и медвѣдей. Въ большихъ городахъ расточительность на такого рода зрѣлища доходила до совсѣмъ невѣроятныхъ съ нашей точки зрѣнія суммъ. Если законъ опредѣлялъ умѣренныя ежегодныя издержки на зрѣлища, какъ напримѣръ, для города Урсо 14000 сестерціевъ (=1522 рубл.), то обычай и общественное мнѣніе требовали отъ должностныхъ лицъ гораздо большихъ тратъ. Въ Урсо весь циклъ представленій долженъ былъ длиться 3—4 дня, въ то время, какъ у насъ есть много указаній, что въ итальянскихъ городахъ одни только состязанія гладіаторовъ и охоты на аренѣ занимали по 2 [3]), по 3 [4]) и по 4 [5]) дня [6]). Травили не только быковъ, оленей, зайцевъ, кабановъ и медвѣдей, которые часто встрѣчались въ Аппенинахъ, но также леопардовъ, пантеръ [7]) и страусовъ [8]); послѣднихъ народъ называлъ „заморскими воробьями". Плиній говоритъ, что въ муниципіяхъ можно было часто видѣть борцовъ въ серебреномъ вооруженіи, а сто лѣтъ назадъ это привело въ изумленіе весь Римъ, на играхъ данныхъ Цезаремъ [9]). Въ маленькихъ и бѣдныхъ городахъ выступали двѣ или четыре [10]) пары борцовъ, въ болѣе значительныхъ десять [11]), двадцать [12]), тридцать [13]) и болѣе. Въ Помпеяхъ А. Клодій Флаккъ по случаю своего вторичнаго назначенія дуумвиромъ (высшая городская должность) устроилъ одни игры, въ которыхъ выступили, между прочимъ, 30 паръ атлетовъ, 5 паръ гладіаторовъ, и другія вмѣстѣ со своимъ коллегой, гдѣ сражались 55 паръ борцовъ, происходилъ бой быковъ, травля кабановъ, медвѣдей, и другихъ звѣрей [14]). На основаніи объявленій, сохранившихся въ Помпеяхъ, мы знаемъ, что пять сановниковъ этого города были устроителями игръ борцовъ. Нѣкій Н. Фестъ Ампліатъ, труппа котораго тамъ также выступала, на-

---

[1]) C. I. L., XII, 1529.—[2]) Mommsen, «Staatsr.», 3 изд., II, 887, 8.—[3]) Mommsen, I. R. N., 1051=C. I. L., IX, 1663 (Беневентъ). C. I. L., XIV, 2991 (Пренесте).—[4]) Cic., «Ad Attic.», II, 8, 2 (Антій), I. R. N., 6036=C. I. L., IX, 3437 (Пелтуинъ). Петрон., гл. 45.—[5]) I. R. N., 4063=C. I. L., X, 6012 (Минтурны). I. R. N., 2518=C. I. L., X, 1785 (Путеоли). Garrucci, «Graff. di Pompei», табл. X, стр. 66.—[6]) Пятидневныя игры въ Пренесте C. I. L., XIV, 3015 и Cic., «ad Attic.», XII, 2 (708); шестидневныя въ Forum Clodii, C. I. L., XI, 1, 3303. Dessau, C. I. L., XIV, стр. 290, b и «Mitt. d. Archäol. Institut», II, 1887, стр. 194 смѣшиваются ludi и munera.—[7]) I. R. N., 4768=C. I. L., IX, 2350 (Аллифы); 4877=C. I. L., IX, 2237 (Телесіа). I. R. N., 112=C. I. L. X, 539 (Салернъ). Плин., «Письм.», VI, 34 (Верона).—[8]) I. R. N., 2569=C. I. L., X, 3704 (Кумы). 5789=C. I. L., IX, 4208 (Амитернъ).—[9]) Plin., «N. h., XXXIII, 49.—[10]) C, I. L., X, 3704 (Кумы). I. R. N., 5789=C. I. L., IX, 4208 (Амитернъ).—[11]) C. I. L., XIV, 3015 (Пренесте).—[12]) C. I. L., IX, 2350 (Аллифы). XIV, 3663 (Тибуръ, 184 г. по Р. Х. Murat., 617, 5 (Auксимъ).—[13]) Orelli, 2545, ср. стр. 576, 5, C. I. L., IX, 2350.—[14]) I. R. N., 2378=C. I. L., X, 1074 d.

зывается въ одномъ объявленіи „предметомъ желанія всего міра“; онъ былъ, по всей вѣроятности, бродячимъ предпринимателемъ [1]). Очевидно, было въ обычаѣ, чтобы богатые муниципалы давали своимъ согражданамъ такія представленія. Гости Тримальхіона бесѣдуютъ о представленіи, недавно происшедшемъ въ ихъ городѣ, и о предстоящихъ трехдневныхъ играхъ [2]). Въ Поллентіи во времена Тиберія толпа не позволила похоронить тѣла одного примипиляра, пока его родственники не выдали значительной суммы денегъ на устройство представленія [3]). Мартіалъ шутливо спрашиваетъ, въ какомъ мѣстѣ эти деньги заплатитъ шинкарь, если въ Бононіи ихъ платилъ сапожникъ, а въ Мутинѣ валяльщикъ суконъ [4]). Одинъ изъ городовъ Италіи почтилъ статуей на парной колесницѣ сановника, занимавшаго высшія городскія должности, за то, что, кромѣ другихъ доказательствъ его щедрости, онъ съ разрѣшенія императора восемь разъ устраивалъ состязанія гладіаторовъ и, кромѣ того, игры во время праздника Флоры. Во время торжественнаго открытія памятника сынъ его, въ присутствіи своего отца, устроилъ состязаніе 30 паръ борцовъ и травлю звѣрей [5]). Въ Аллифахъ, нѣкій „очень щедрый гражданинъ“, по случаю своего назначенія дуумвиромъ, устроилъ состязаніе 30 паръ гладіаторовъ и травлю африканскихъ звѣрей. Во время своего дуумвирата, получивъ отъ города 13000 сестерціевъ, онъ устроилъ травлю звѣрей въ большихъ размѣрахъ и состязаніе 21 пары гладіаторовъ, кромѣ того, черезъ годъ, театральное представленіе на свои средства [6]). Подобныя указанія сохранились въ большомъ числѣ. Они вырѣзались на постаментахъ статуй и другихъ почетныхъ памятниковъ, а также на надгробіяхъ, чтобы сохранить потомкамъ память о великолѣпіи и щедрости устроителей празднествъ. Эти надписи свидѣтельствуютъ, какъ были озабочены общины и отдѣльные граждане тѣмъ, чтобы явить въ такихъ случаяхъ свой родной городъ въ возможно большемъ блескѣ [7]). Празднества считались тѣмъ великолѣпнѣе, чѣмъ большаго числа человѣческихъ жизней они стоили. На постаментѣ статуи, воздвигнутой въ 249 г. одному гражданину, который занималъ всѣ должности и устраивалъ блестящія игры, было написано, что по его приказанію въ Минтурнахъ четыре дня сражались 11 паръ гладіаторовъ до тѣхъ поръ, пока 11 лучшихъ гладіаторовъ Кампаньи не остались на мѣстѣ. Было затравлено также 10 свирѣпыхъ медвѣдей, „что вамъ, благородные граждане, хорошо извѣстно“ [8]). Надпись надгробія одного высшаго должностного лица въ Пельтуинѣ возвѣщаетъ, что онъ устроилъ трехдневныя игры гладіаторовъ и казнь 4 преступниковъ; послѣднее явилось желанной для народа прибавкой къ играмъ [9]).

По числу амфитеатровъ, рядомъ съ Италіей стоятъ Галлія и сѣверная Африка—въ этихъ провинціяхъ и въ Испаніи игры гладіаторовъ были особенно распространены. Древнѣйшее указаніе на существованіе города Арелаты (Арль) представляетъ собой тессера 63 г. до Р. Хр., признанная гла-

[1]) C. I. L., IV, 1177 слл. Ср. Kiessling., «N. Jahrbb. f. Philol.», 1872, стр. 68.—[2]) Петрон., гл. 45.—[3]) Светон., «Тибер.», гл. 37.—[4]) Мартіалъ, III, 59; ср. его-же, 16, 99. C. I. L., XI, 1, 862 (Мутина).—[5]) Orelli, 2545. Генценъ считаетъ, что эта надпись изъ Феррары, но о ней впервые упоминаетъ (Ferraria) Павелъ Діаконъ.—[6]) C. I. L., IX, 2350.—[7]) I. R. N., 4040=C. I. L., X, 4760 (Суесса). Ср. C. I. L., IX, 4208.—[8]) C. I. L., X, 6012.—[9]) C. I. L., IX, 3437.

діаторской маркой. Итакъ, мы знаемъ о существованіи въ немъ гладіаторскихъ игръ гораздо раньше, чѣмъ этотъ городъ былъ въ первый разъ упомянутъ въ римской литературѣ (Цезаремъ). Изъ надписи въ Хересъ де ла Фронтера видно, что одинъ изъ магистратовъ тамошняго муниципія, на благо и побѣду императора, устроилъ состязаніе 20 паръ борцовъ [1]). Въ сѣверныхъ странахъ, гдѣ теперь почти нельзя встрѣтить развалинъ амфитеатра, игры были, конечно, рѣже, потому что бѣдность и грубость нравовъ рѣдкаго населенія и разбросанность римскихъ городовъ мѣшали распространенію римской культуры.

Въ Греціи цивилизація и народные нравы сильно противодѣйствовали введенію гладіаторскихъ состязаній, и они не распространились тамъ настолько, какъ въ западныхъ провинціяхъ. Но обычай, вѣроятно, и здѣсь оказалъ свое непреоборимое вліяніе. Это обнаружилось, когда царь Антіохъ Эпифанъ впервые ввелъ въ Сиріи, и, вѣроятно, также въ Греціи игры гладіаторовъ. Первоначально онѣ вызывали больше отвращенія, чѣмъ удовольствія, но при частомъ повтореніи и при томъ, что сначала все кончалось пораненіемъ и лишь потомъ смертью бойцовъ, онѣ стали вызывать одобреніе, и являлись добровольцы, которые за небольшое вознагражденіе нанимались бойцами [2]). Понятно, что игры гладіаторовъ окончательно проникли въ Грецію съ тѣхъ поръ, какъ эта страна, покоренная Римомъ, вступала съ нимъ во все болѣе и болѣе тѣсныя и разнообразныя отношенія, и римскіе обычаи тамъ все болѣе и болѣе прививались. Очагомъ этого чуждаго вліянія былъ Коринѳъ, вновь отстроенный Цезаремъ, какъ римская колонія. Даже помимо не-греческаго характера этой колоніи и ея населенія, понятно, что именно здѣсь, въ пышномъ и богатомъ торговомъ и приморскомъ городѣ, при несомнѣнной наличности огромной испорченной черни, прочнѣе всего привились состязанія гладіаторовъ. Коринѳъ былъ единственнымъ мѣстомъ въ Греціи, гдѣ упоминается амфитеатръ (правда, не раньше II в.). Развалины его сохранились и понынѣ. Скоро игры были введены и въ Аѳинахъ, повидимому, изъ желанія не отстать отъ Коринѳа. Хотя къ концу I в. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, на Родосѣ, игры еще не были введены [3]), все же онѣ перестали быть въ Греціи рѣдкостью. Плутархъ совѣтуетъ лицамъ, желающимъ вести дѣла своей общины, уничтожить совершенно состязанія гладіаторовъ. Если это окажется невозможнымъ, то противодѣйствовать толпѣ, жаждущей этого зрѣлища и, по крайней мѣрѣ, ограничить ихъ [4]). Но его жалобы на богатыхъ необразованныхъ людей, которые, среди другихъ недостойныхъ средствъ, не стыдятся пользоваться и этимъ, столь пагубнымъ для народа, лишь бы пріобрѣсти почетное мѣсто въ своемъ городѣ, показываютъ, что и самъ онъ сомнѣвался въ исполнимости своихъ совѣтовъ [5]). Травля звѣрей проникала легче, такъ какъ уже раньше устраивались бои быковъ. Кто хочетъ снискать расположеніе народа, говоритъ Діонъ изъ Прусы, долженъ доставить не только скомороховъ, игроковъ и атлетовъ, но также дикаго льва и сотню быковъ; тотъ, кто хочетъ понравиться толпѣ, долженъ стремиться и къ другому, чего нельзя даже назвать (очевидно, имѣются въ виду

---

[1]) C. I. L., II, 1305.—[2]) Ливій, XLI, 20.—[3]) Діонъ, рѣчь XXXI, 1, 1.—[4]) Плутархъ, «Praec. ger. rep.», гл. 30, 4.—[5]) Тамъ-же, гл. 5, 14 и 29, 1. «De cupid. divitiar.», гл. 5.

состязанія гладіаторовъ) [1]). По волѣ Адріана, на аѳинскомъ стадіумѣ во время однѣхъ игръ была затравлена тысяча звѣрей [2]). Однако, въ Греціи только народная масса находила наслажденіе въ этой жестокой забавѣ. Образованные классы общества, повидимому, единодушно ее осуждали. Подобно Плутарху [3]), и Діонъ изъ Прусы и Лукіанъ [4]) высказываются съ отвращеніемъ объ играхъ гладіаторовъ, называя ихъ дикими, звѣрскими, кровопролитными и тѣмъ болѣе вредными, что онѣ отнимаютъ у страны самыхъ храбрыхъ людей [5]). Одинъ новопиѳагореецъ, возстающій противъ употребленія мясной пищи, утверждаетъ, что извращеніе чувства вкуса заразило и другія чувства и научило глазъ, вмѣсто того, чтобы радоваться танцамъ, картинамъ и статуямъ, цѣнить, какъ самыя драгоцѣнныя зрѣлища, убійство, умирающихъ людей, раны и сраженія [6]). Философъ Демонактъ совѣтовалъ аѳинянамъ, когда они задумали ввести у себя игры, прежде опрокинуть воздвигнутый ими алтарь божеству состраданія [7]). Императоръ Юліанъ не хотѣлъ разрѣшить жрецамъ посѣщеніе театра, считая, что не только они сами, но и ихъ сыновья не должны присутствовать при травлѣ звѣрей [8]).

Гораздо легче игры гладіаторовъ нашли себѣ доступъ въ малоазіатскія провинціи съ ихъ полу-восточнымъ пестрымъ населеніемъ и всего легче на самый востокъ, за исключеніемъ Палестины [9]). Въ Малой Азіи уже Страбонъ упоминаетъ амфитеатръ въ Нисѣ въ Каріи, а другой въ Лаодикеѣ на Ликѣ былъ выстроенъ въ 79 г. Въ Александріи амфитеатръ существовалъ уже во времена Августа. Антіохіецъ Либаній, несмотря на свое греческое образованіе, въ молодости, какъ и въ старости, былъ любителемъ гладіаторскихъ состязаній, „въ которыхъ побѣждаютъ и гибнутъ люди, которыхъ можно назвать послѣдователями трехсотъ при Ѳермопилахъ“ [10]).

Развалины амфитеатровъ сохранились почти во всѣхъ частяхъ римскаго государства. Самыя значительныя и многочисленныя, какъ уже было сказано, въ Италіи и южной Франціи, меньше всего въ Греціи и другихъ восточныхъ провинціяхъ. Степень сохранности, въ зависимости отъ судьбы ихъ постигшей, очень различна. Нѣкоторые погибли еще въ древности, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ гладіаторскихъ состязаній, и камни ихъ пошли на новыя постройки, какъ это случилось въ Веронѣ при Галліенѣ и въ Катаніи при Теодерихѣ, съ его собственнаго разрѣшенія. Этотъ видъ разрушенія продолжался во многихъ мѣстахъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и новаго времени и, безъ сомнѣнія, такимъ образомъ, исчезла большая часть амфитеатровъ вполнѣ, а отъ многихъ остались только незначительные, едва замѣтные слѣды. Въ другихъ мѣстностяхъ они обратились въ развалины подъ вліяніемъ медленнаго разрушительнаго дѣйствія силъ природы. Растенія, покрывающія развалины, корни которыхъ проникали въ каждую трещину,

[1]) Діонъ, Хрисост. «рѣчь» LXVI, стр. 606 М. коп.—[2]) «Hadrian.», гл. 19.—[3]) Ср. также Plutarch., «non posse suaviter vivi», гл. 17, 6 и «de sollert. anim.», гл. I, 4.—[4]) Лукіанъ, «Анахарс.», гл. 37.—[5]) Плутархъ, ук. м.—[6]) Pseudo-Plutarch., «De esu carn.», II, 2, 3.—[7]) Philostrat., «Vitt. soph.», 491, 6, изд. Kayser.—[8]) Julian., «Fragm. epist.», стр. 304 D.—[9]) Schürer, «Neutest. Zeitgesch.», стр. 387.—[10]) Liban., «De vita sua», гл. 5, изд. Förster, I, стр. 82.

докончили разрушеніе [1]). Тамъ, гдѣ свирѣпствовали войны и внутреннія междоусобія, особенно въ бурное время ранняго средневѣковья, амфитеатры обращались въ укрѣпленія. Особенно часто такъ поступали арабы. Защитники укрѣпляли ихъ башнями и рвами; стѣнобитныя машины грохотали, головни и стрѣлы влетали черезъ арки, гдѣ раньше двигалась празднично разряженная толпа. Съ возвращеніемъ мирныхъ временъ, они испытали новыя разрушенія, такъ какъ бѣднота строила свои жилища въ старыхъ стѣнахъ. Во многихъ мѣстахъ ими завладѣла, какъ мѣстомъ для своихъ оргій, проституція. Ихъ полуосыпавшіеся своды и переходы давали желанное убѣжище подонкамъ общества, и много преступленій было тамъ совершено. Искатели кладовъ рылись въ ихъ мусорѣ, надѣясь найти остатки прежнихъ сокровищъ, а колдуньи и заклинатели охотно пользовались этими странными и имѣвшими дурную славу развалинами [2]). Кое-гдѣ аренами пользовались для устройства рыцарскихъ состязаній, Божьихъ судовъ и турнировъ. Въ иномъ мѣстѣ плугъ проходилъ по упитанной кровью почвѣ, или ее покрывала зелень виноградныхъ лозъ и оливъ. Какъ ко всѣмъ другимъ остаткамъ давно прошедшихъ невѣдомыхъ временъ, и къ этимъ старымъ стѣнамъ пріурочивались сказанія. Согласно народнымъ вѣрованіямъ, ихъ населяли духами. Еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они называются гротами феи. Народъ считаетъ амфитеатръ въ Полѣ, вполнѣ сохранившійся снаружи, но разрушенный внутри, недовершеннымъ дѣломъ феи, которая должна была въ одну ночь построить дворецъ, но разсвѣтъ и крикъ пѣтуховъ положили навсегда конецъ ея работѣ [3]). Амфитеатры въ Бордо и Пуатье получили свое названіе Галліенскихъ дворцовъ, по имени испанской [4]) принцессы, которую, какъ разсказываютъ средневѣковые рыцарскіе романы, увезъ Карлъ Великій. Только благодаря толкованіямъ ученыхъ, это имя стали производить отъ имени императора Галліена (Gallien) [5]). Исторію нѣкоторыхъ изъ этихъ развалинъ можно прослѣдить, хотя бы въ главныхъ моментахъ, черезъ все средневѣковье и новое время. Когда франки, во главѣ съ Хлодвигомъ въ 508 г., ворвались въ южную Францію, вестготы укрѣпили амфитеатръ въ Нимѣ [6]). Они вырыли вокругъ широкій ровъ, возвели двѣ четыреугольныя башни, разрушенныя лишь въ 1809 году, и внутри устроили жилище для гарнизона. Съ этихъ поръ зданіе называлось Castrum arenarum. Съ 720 до 737 г. оно служило укрѣпленіемъ для сарациновъ, и Карлу Мартеллу лишь послѣ упорной борьбы удалось ихъ оттуда выгнать. Его попытка уничтожить это сооруженіе огнемъ не удалась. Амфитеатръ остался укрѣпленіемъ и до конца XIV в. былъ во

---

[1]) Ср. описаніе амфитеатра въ Сутри у Dennis, «Die etrurischen Städte», I, 67.— [2]) Колоссей считался мѣстопребываніемъ демоновъ, Gregorovius, «G. d. St. Rom», VIII, 388, 1. См. разсказъ Бенвенуто Челлини о волшебствѣ въ Колоссеѣ, при которомъ онъ присутствовалъ, кн. 2, гл. 1 (Goethe 28, 138) Gregorovius, «Röm. Tagebücher», 287 и «Gesch. d. St. Rom», 2 изд. I, 449, 1.—[3]) Stancovich, «Anfiteatro di Pola», стр. 10.—[4]) Или, по старинной рыцарской книгѣ, мавританская принцесса Толедо, гдѣ старая стѣна еще носитъ въ устахъ народа названіе «дворца Галіаны». Graf Schack, «Ein halbes Jahrhundert», 2 изд., II, 405.—[5]) Fr. Michel, «De la popularité du roman des Quatre fils Aymon et de ses causes», («Actes de l'ac. de Bordeaux», 1 semestre 1842, стр. 58 сл.).—[6]) Clérisseau, «Antiquités de la France», стр. 88 сл. Millin, «Voyage dans le midi de la France», IV, стр. 220 сл. Pelet, «Description de l'amphithéâtre de Nîmes», (1853), стр. 137 сл.

владѣніи milites castri arenarum, которые составляли родъ рыцарскаго ордена. Со временемъ онъ попалъ въ руки низшихъ классовъ общества. Внутреннее пространство наполнилось бѣдными хижинами и представляло собой, черезъ нѣсколько столѣтій, особый кварталъ (quartier des arènes), населеніе котораго возросло до 2000 и отличалось въ разговорѣ своимъ особымъ акцентомъ. Въ 1533 г. Францискъ I посѣтилъ Нимъ, и остатки древности вызвали его удивленіе. Его видѣли склоненнымъ надъ камнями съ римскими надписями, съ которыхъ онъ смахивалъ пыль платкомъ, чтобы прочитать ихъ. Городъ поднесъ ему серебряную модель амфитеатра, но его повелѣніе разрушить выстроенные дома осталось невыполненнымъ. Только въ 1809 году произошло очищеніе арены. Теперь тамъ устраиваются столь излюбленные въ Нимѣ турниры, состязанія бойцовъ и бои быковъ. И теперь еще амфитеатръ вмѣщаетъ до 15 тыс. зрителей [1]). Подобную же судьбу испыталъ и амфитеатръ въ Арлѣ, очистку котораго (а равно и возстановленіе погрузившагося въ Рону обелиска) приказалъ произвести уже Генрихъ IV [2]).

Когда сарацины высадились въ Фрежю, чтобы грабить Провансъ, они устроили въ тамошнемъ амфитеатрѣ укрѣпленный лагерь. Населеніе, покинувшее совершенно разоренный ими городъ, постепенно вернулось обратно по приглашенію епископовъ мѣстной церкви, руководившихъ ею съ VII в. Вновь устроенный городъ былъ въ X в. укрѣпленъ епископомъ Рикульфомъ изъ страха передъ варварами. При возстановленіи церкви, каменоломней служилъ, главнымъ образомъ, амфитеатръ, который разрушали и съ той цѣлью, чтобы въ случаѣ нападенія сарациновъ, онъ не могъ служить имъ опорнымъ пунктомъ. Такимъ образомъ, онъ былъ окончательно обращенъ въ развалины. Когда Карлъ V угрожалъ Фрежю осадой (до которой, однако, дѣло не дошло), жители изъ предосторожности должны были разрушить сохранившуюся часть. Въ 1828 г. онъ былъ раскопанъ [3]).

Амфитеатръ въ Веронѣ испыталъ, какъ уже было сказано, первое разрушеніе еще въ древности. Камни его были употреблены на спѣшную постройку стѣнъ для защиты города, когда во времена Галліена опасались нападенія варваровъ. Описаніе города, составленное при королѣ Пипинѣ, называетъ амфитеатръ лабиринтомъ, изъ переходовъ котораго можно найти выходъ только при помощи лампы или нити, а епископъ Ратеръ—„циркомъ, который называютъ ареной“. Въ эту эпоху (X вѣкъ) и позднѣе, онъ часто упоминается въ качествѣ укрѣпленія. Тамъ происходили также поединки, какъ по постановленію суда, такъ и другіе. Есть указаніе отъ 1263 г., что нѣкоторые Висконти обладали правомъ взимать по 25 лиръ за каждое совершавшееся тамъ единоборство. Они должны были за эту сумму освободить мѣсто и оцѣпить его вооруженными людьми. Нерѣдко на аренѣ происходило также обезглавленіе выдающихся преступниковъ, особенно во времена Скалигеровъ. Съ начала XV в. и до конца его тамъ жили продажныя женщины и платили за это городу подать. Какъ во всѣхъ другихъ городахъ, камни веронскаго амфитеатра служили постояннымъ матеріаломъ для построекъ. Но среди дру-

---

[1]) «Revue archéol.», VII, стр. 194.—[2]) Estrangin, «Études sur Arles».—[3]) Texier, «Mém. sur la ville et le port de Fréjus», «Mém. prés. p. div. sav. à l'acad. des inscr.», II серія, т. II (1849), стр. 235 сл.

гихъ городовъ, обладающихъ амфитеатромъ, Верона замѣчательна тѣмъ, что очень рано стала заботиться о сохраненіи его развалинъ. Уже въ статутѣ 1228 г., въ первое полугодіе своего правленія, подеста обѣщаетъ изъ общественной кассы 500 лиръ на возстановленіе арены, сумму по тѣмъ временамъ очень значительную. Въ другомъ статутѣ, изданномъ ранѣе 1376 г., предписывалось запереть арену и ключи передать на храненіе общины, такъ какъ тамъ было совершено и могло совершиться вновь много злодѣяній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, устанавливались наказанія за взламываніе воротъ, поврежденіе стѣнъ и засореніе зданія. Третій статутъ 1475 г. опредѣляетъ наказанія за растаскиваніе камней и ступеней изъ амфитеатра. Но послѣднія къ тому времени, большей частью, уже исчезли и въ 1480 г. одинъ поэтъ называетъ арену лишенной ступеней (gradibus vacua). Съ XVI в. началась реставрація. Съ 1545 г. время отъ времени выбирался одинъ изъ гражданъ, который долженъ былъ наблюдать за сохраненіемъ развалинъ. Въ 1568 г. произошелъ сборъ на возстановленіе ступеней. Съ 1579 г. каждые четыре года производился сборъ для поддержанія зданія; на это тратилась также четвертая часть всѣхъ денежныхъ штрафовъ. Подобныя постановленія издавалъ неоднократно совѣтъ двѣнадцати и совѣтъ пятидесяти. Въ XVII в. для попеченія о зданіи были назначены два presidenti dell'Arena. Въ немъ устраивались въ то время частые турниры, такъ, въ 1622 г. и въ 1654 г.; но они бывали нерѣдко и въ XVI в. [1]) и даже раньше. Одинъ турниръ упоминается въ 1222 г. Въ 1716 г. тамъ устроили въ честь баварскаго курфюрста бросаніе колецъ. Благородный веронецъ, которому мы обязаны исторіей самаго значительнаго памятника его родного города, маркизъ Маффеи, въ концѣ своего труда обращается къ знатной веронской молодежи съ предложеніемъ, время отъ времени, пользоваться этой несравненной ареной, чтобы показать свою доблесть и отвагу [2]). Когда Наполеонъ въ 1805 г. посѣтилъ городъ, въ амфитеатрѣ была устроена для него борьба между быками и собаками. Рукоплесканія 4000 зрителей въ такомъ мѣстѣ, при его появленіи, поразили его [3]). Во время конгресса 1820 г. тамъ устраивались иногда фейерверки и скачки. „Тогда королевская полиція собирала народъ изъ сосѣднихъ мѣстъ, такъ какъ населенія современной Вероны вмѣстѣ съ ея высокими гостями не было достаточно, чтобы наполнить гигантскій амфитеатръ“ [4]).

Но самыя большія изъ сохранившихся развалинъ представляетъ собою Колоссей. Хотя украшенія были давно расхищены, благодаря алчности и религіозному рвенію, стѣны остались стоять нетронутыми много столѣтій спустя послѣ паденія римской имперіи и вызвали въ VIII в. слова восхищенія: доколѣ стоитъ Колоссей, будетъ стоять Римъ, когда падетъ Колоссей— падетъ Римъ, когда падетъ Римъ—падетъ міръ [5]). Первое значительное раз-

---

[1]) Ср. «Journal du voyage de Montaigne en Italie», 1580—81, I, 152 сл.—[2]) Maffei, «Verona illustrata P. N. degli anfiteatri», т. V, стр. 135—148 (изд. 2, Миланъ, 1826).—[3]) «Mém. de M-me de Rémusat», II, 150.—[4]) Treitschke, «Deutsche Geschichte», III, 271.—[5]) Beda Venerab. «Collect.», гл. 3, «de bell.». Упомянутыя въ C. I. L., VI, 1796 с. h., 1—16 реставраціи Lanciani, «Bull. dell'Inst.», 1881 стр. 6 относитъ ко времени Өеодосія, Плацида и Валентиніана III и считаетъ, что ихъ произвелъ префектъ Флавій Павелъ. Уже въ эпоху Теодериха часть зданія употреблялась какъ жилище. Cassiodor., «Var.», IV, 42. Ср. выше стр. 519.

рушенiе онъ испыталъ, вѣроятно, лишь въ 1084 г., когда Робертъ Гюискаръ опустошилъ бо́льшую часть города между Целiемъ и Капитолiемъ [1]). Слѣдующiя разрушенiя принесли съ собой внутреннiя распри, когда Колоссей въ теченiе XII и XIII вв. служилъ укрѣпленiемъ, большей частью, въ рукахъ Франджипани. Они были вождями района de Colosseo, одного изъ 13 тогдашнихъ районовъ Рима [2]). Въ 1244 г. Фридрихъ II заставилъ ихъ уступить часть зданiя Аннибальди. У нихъ тамъ искалъ и нашелъ убѣжище и защиту Конрадинъ въ 1268 г., послѣ битвы при Тальякоццо [3]). Въ началѣ XIV в. Колоссей перешелъ во власть римскаго народа и сената. 3-го сентября 1332 г. тамъ былъ устроенъ большой бой быковъ. Были приглашены всѣ окрестные бароны, и три знатныя дамы приняли на себя обязанность отводить горожанокъ на ихъ мѣста. Имена бойцовъ, вынутыя по жребiю, объявлялись такъ же, какъ ихъ цвѣта и девизы. Восемнадцать изъ нихъ остались на мѣстѣ, девять были ранены и одиннадцать быковъ были убиты. Тѣла павшихъ паладиновъ были съ большой пышностью и при всеобщемъ стеченiи народа похоронены въ S. Maria Maggiore и S. Giovani del Laterano [4]). Въ 1381 г. сенатъ и народъ подарили третью часть Колоссея братству часовни Sancta Sanctorum, признавая его заслуги въ установленiи порядка въ этой мѣстности—многiе преступники укрывались въ развалинахъ и превратили ихъ въ настоящее разбойничье гнѣздо. Замуровавъ внѣшнiя арки въ верхнихъ этажахъ, братья приспособили нѣкоторые корридоры для госпиталя, который позднѣе соединился съ латеранскимъ [5]). Благодаря стеченiю своихъ и чужеземныхъ вѣрующихъ, желающихъ почтить мѣсто, напоенное кровью мучениковъ, на ихъ приношенiя была построена часовня на вершинѣ древняго подiя и рядомъ жилище отшельниковъ. Надъ часовней устроили сцену, окруженную стѣнами, на которой ежегодно въ страстную пятницу давали представленiе страданiй Христа, о чемъ упоминаютъ многiя сочиненiя XV и XVI вв. [5]). При Пiи III они были отмѣнены [7]). Между тѣмъ, продолжали пользоваться развалинами, какъ каменоломней. Уже въ началѣ XV в. Поджiо жалуется на то, что, „благодаря глупости римлянъ", остатки Колоссея большей частью пережжены на известь [8]). Павелъ II употреблялъ травертиновыя плиты Колоссея на постройки дворца S. Marco (di Venezia); кардиналъ Piapio—для Cancelleria, которую строилъ Браманте; Павелъ III—для дворца Фарнезе [9]). Смерть помѣшала осуществленiю плановъ Сикста V устроить въ Колоссеѣ суконную фабрику и жилища для рабочихъ [10]). Концессiя на устройство тамъ боевъ быковъ, которую въ 1671 г. получили, на два года, двое желающихъ, осталась неиспользованной [11]). Въ юбилейный 1675 г. входныя арки были задѣланы, чтобы прекратить злоупотребленiя и оскверненiя [12]). Отъ 1727 г. сохранилось позволенiе отшельнику отдавать

[1]) Marangoni, «Delle memorie sacre e profane dell'anfiteatro Flavio» (1746), стр. 46.—[2]) Тамъ-же, стр, 49—53.—[3]) Babucke, «Geschichte des Kolosseums», 1899.—[4]) Marangoni, ук. соч., стр. 53—55. Ср. упоминанiе о Колоссеѣ у Fazio degli Uberti (Dittamondo написано между 1355 и 1367 гг.). Jordan, «Topogr. d. St. Rom», II, 391.—[5]) Marangoni, стр. 55 сл.—[6]) Gregorovius, «G. d. St. R.», VII, 614 сл. — [7]) Marangoni, стр. 58—60.—[8]) Тамъ-же, стр. 47 (Sallengre «Nov. thes. antiq. Roman.», I, стр. 502).—[9]) Тамъ-же, стр. 46.—[10]) Тамъ-же, стр. 60 сл.—[11]) Тамъ-же, стр. 64 и 72.—[12]) Тамъ-же, стр. 64.

въ аренду растущую въ Колоссеѣ траву [1]). Но распоряженія относительно зданія оказались недостаточными, такъ что Бенедиктъ XIV приложилъ большія и продолжительныя заботы для сохраненія и обезпеченія его, будучи принужденъ къ этому покушеніемъ на убійство отшельника въ 1741 г. [2]). Со времени Пія VII началась реставрація, но, къ сожалѣнію, какъ это обычно случается въ Италіи, съ недостаточнымъ пониманіемъ и бережливостью по отношенію къ характеру возстановляемаго [3]).

Колоссей не имѣетъ уже того вида какъ тогда, когда могущественная фантазія Байрона вызывала изъ освѣщенныхъ мѣсяцемъ развалинъ души тѣхъ, кто напоилъ эту почву своею кровью. Дико растущая по стѣнамъ зелень исчезла. Новыя сооруженія изъ кирпича уродливо выдѣляются среди древнихъ травертиновыхъ плитъ. По верхнему краю стѣны проведена телеграфная проволока. При входѣ стоитъ французскій караулъ. Два раза въ недѣлю послѣ полудня проповѣдь капуциновъ собираетъ благочестивыхъ людей, большей частью женщинъ низшихъ классовъ, и подъ древними сводами раздается хвалебное и покаянное пѣніе (написано въ 1864 г.).

3. ТЕАТРЪ [4]).

Какъ уже было указано, театральныя представленія устраивались гораздо чаще другихъ, такъ какъ требовали наименьшихъ затратъ и причиняли мало затрудненій [5]). Но интересъ къ нимъ былъ гораздо меньше, чѣмъ къ двумъ другимъ родамъ представленій [6]). Правда, въ Римѣ къ началу императорской эпохи было три постоянныхъ театра, но во всѣхъ трехъ вмѣщалось немного больше половины того числа зрителей, которое вмѣщалось въ амфитеатрѣ: въ театрѣ Бальба — 6—7000, Помпея—около 12000 [7]), Марцелла—около 10000 [8]). Вѣроятно, лишь въ исключительныхъ случаяхъ и по большимъ праздникамъ играли во всѣхъ трехъ театрахъ сразу [9]). Для обычныхъ представленій достаточно было театра Помпея. Чтобы соперничать съ могущественной притягательной силой цирка и арены, сцена должна была пускать въ ходъ неблагородныя средства, дѣйствовать на толпу грубыми увеселеніями и утонченнымъ возбужденіемъ чувственности. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы препятствовать развращающему вліянію другихъ зрѣлищъ, сцена сама не мало способствовала порчѣ и одичанію римскихъ нравовъ.

Изъ уже существующихъ родовъ драмы во времена императоровъ господство на сценѣ получили оба низшихъ—ателлана и мимъ. Первая—нѣчто вродѣ комедіи пульчинелли, происходящая изъ Кампаньи, гдѣ она и сейчасъ распространена, рано была перенесена въ Римъ. Сначала она только импровизировалась, но во время Суллы вошла въ область литературы. Короткое, обыкновенно одноактное, дѣйствіе вертѣлось около четырехъ традиціонныхъ масокъ. Это прототипы дѣйствующихъ лицъ современной итальянской комедіи

[1]) Тамъ-же, стр. 73.—[2]) Тамъ-же, стр. 67 сл. — [3]) О новѣйшихъ реставраціяхъ Canina, «Ann. dell'Inst.», 1852, стр. 258 сл. — [4]) Для всего послѣдующаго изложенія я отсылаю къ моей статьѣ у Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд., III, 529 сл. и привожу здѣсь ссылки только для тѣхъ указаній и положеній, которыхъ тамъ нѣтъ, или которыя надо измѣнить.—[5]) Ср. выше стр. 495.—[6]) Ср. тамъ же.—[7]) По подсчету Hülsen'a.—[8]) Hülsen-Jordan., ук. соч., стр. 516 сл.—[9]) Seneca, «Clem.», I, 6, 1.

характеровъ: Pappus — старикъ — соотвѣтствуетъ приблизительно Панталоне; Dossenus — горбунъ — каррикатура на ученыхъ и философовъ (потому что, какъ показываетъ примѣръ Эзопа, горбунамъ приписывали особую мудрость) [1]), онъ выступаетъ какъ школьный учитель, предсказатель и т. п., соотвѣтствуетъ Dottore. Сюда надо прибавить еще двѣ фигуры обжоры и дурака — Bucco и Maccus. Многочисленныя сохранившіяся заглавія ателланъ, хотя и болѣе ранняго времени, знакомятъ насъ съ излюбленными темами этого рода представленій, которыя, вѣроятно, въ общемъ, были тѣ же въ эпоху имперіи, какъ и въ эпоху республики. Сюда принадлежатъ, между прочимъ, пародіи на миѳы, напримѣръ, исторія Пенѳея [2]) и „подмѣненный Агамемнонъ". Часто на сценѣ выставлялись опредѣленныя національности — „жители Кампаньи, трансальпійскіе галлы, солдаты изъ Пометіи", провинціальный говоръ и манеры которыхъ, безъ сомнѣнія, очень веселили столичную публику. Богатый матеріалъ давала, впрочемъ, и сельская жизнь: „козочка, больной боровъ, здоровый боровъ, корова, птичій дворъ, виноделы, дровосѣки и т. д.". Далѣе шли городскія ремесла: рыбакъ, живописецъ, глашатай и особенно валяльщики, игравшіе вообще на римской сценѣ очень значительную роль. Большое число другихъ заглавій указываетъ на главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ различныхъ комическихъ положеніяхъ и столкновеніяхъ: „два Maccus, Maccus — дѣвушка, Maccus — солдатъ, Maccus — шинкарь, Maccus — изгнанникъ, два Dossenus, Pappus — сельскій житель, невѣста Pappus'а, Bucco въ школѣ гладіаторовъ". Повидимому, часто выступали привидѣнія. Само собой разумѣется, что комизмъ въ этой народной комедіи имѣлъ преувеличенный характеръ, шутки были грубы и изобиловали непристойностями.

Какъ и ателлана, мимъ былъ только связной характерной картинкой изъ обыденной жизни, но безъ постоянныхъ масокъ. Какъ и ателлану, мимъ исполняли послѣ или между другими представленіями, и во времена Цицерона онъ пользовался бо́льшей благосклонностью зрителей, чѣмъ эти другія представленія. Также въ эпоху имперіи мимъ упоминается чаще всѣхъ другихъ видовъ, когда имѣется въ виду шутливый родъ представленій. Онъ сохранился дольше всѣхъ видовъ драмы и пережилъ западную имперію. Въ восточной имперіи онъ совсѣмъ завладѣлъ сценой во времена Юстиніана, тогда какъ трагическія сцены, произведенія музыкантовъ и скомороховъ наводили скуку на большую публику [3]). Сюжеты мимовъ, судя по сохранившимся названіямъ, были тѣ же, что и ателланъ, но заимствовались больше изъ городской, чѣмъ изъ деревенской жизни, въ особенности изъ жизни низшихъ классовъ и ремесленниковъ; изображались другія національности, и лишь въ исключительныхъ случаяхъ сюжеты заимствовались изъ миѳологіи. Тертулліанъ говоритъ, что въ мимахъ Лентула и Гостилія боги подвергаются насмѣшкамъ; онъ упоминаетъ слѣдующія заглавія: Анубисъ — нарушитель супружеской вѣрности, Луна мужского пола, высѣченная Діана, чтеніе завѣщанія умершаго Юпитера, три голодныхъ, одураченныхъ Геркулеса [4]). „Ану-

[1]) Marx, «Atellane», Pauly-Wissowa, «Realencycl.». — [2]) Ювен., 6, 71. — [3]) Choric., изд. Graux, «Rev. de philol.» N. S., I (1877), стр. 238, гл. 14, 7; ср. стр. 225, гл. 8, 4, стр. 227, гл. 8, 22. — [4]) Grysar, «Sitzungsber. d. Wien. Akad.», XII, стр. 251. Tertullian., «Apol.», 15. На мимъ «Актеонъ» указываетъ Варронъ, «Sat. Menipp.», 513, Petron., 3 изд., Buecheler, стр. 216.

бисъ—нарушитель супружеской вѣрности“ имѣлъ, вѣроятно, сюжетомъ происшедшее при Тиберіи обольщеніе благородной женщины влюбленнымъ, надѣвшимъ маску этого бога [1]), или какой-нибудь подобный случай. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что лица и событія недавняго прошлаго попадали на сцену въ этихъ пьесахъ. Въ одномъ мимѣ, игранномъ въ день убійства Калигулы, было представлено распятіе знаменитаго атамана разбойниковъ Лавреола, при чемъ очень искусно было изображено, какъ течетъ кровь, чему подражали многіе шутники [2]). Въ присутствіи Веспасіана, на одномъ представленіи въ театрѣ Марцелла, главную роль играла собака, которой дали наркотическаго средства, и которая къ общему удивленію зрителей представила медленное засыпаніе и пробужденіе [3]). Часто изображалось плутовство и ябедничество [4]), но чаще всего любовныя интриги и нарушеніе супружеской вѣрности. Застигнутаго врасплохъ любовника уносятъ въ сундукѣ, чтобы онъ не попался въ руки обманутаго мужа. Мужъ посылаетъ свою красавицу-жену къ могущественному врагу, чтобы ея прелестью купить свою безопасность и т. п. [5]). Внезапныя перемѣны судьбы напоминаютъ современныя феерія. Бѣднякъ становится сразу богатымъ [6]). Богатые, принужденные искать спасенія въ бѣгствѣ, несутся черезъ сцену, закутанные съ головой въ плащи, выставивъ только уши, чтобы трусливо прислушиваться къ своимъ преслѣдователямъ [7]). Большую роль въ мимахъ играли брань [8]) и побои, а звуки пощечинъ о толстыя щеки обычно появляющихся въ этихъ пьесахъ дураковъ (stupidi), [9]) повидимому, принадлежали къ любимымъ шуткамъ. Языкъ былъ полонъ тѣхъ выраженій и оборотовъ, которые употребляютъ низшіе классы [10]); остроуміе—плоско и вульгарно [11]); игра—каррикатурна и грубо комична; постоянно встрѣчались гримасы, шутовскія движенія, грубые танцы; танцы (подъ аккомпаниментъ флейты) составляли существенную часть этихъ пьесъ [12]). Во времена имперіи встрѣчаются мимы со многими дѣйствующими лицами и удачно развивающимся дѣйствіемъ [13]).

Можно предположить, что фарсъ тѣмъ больше заимствовалъ у настоящей комедіи, чѣмъ сильнѣе вытѣснялъ ее со сцены. Но чаще были, какъ и прежде, такія пьесы, въ которыхъ очень просто обращались съ развязкой драматическаго дѣйствія; когда пьеса должна была кончиться, одно изъ дѣйствующихъ лицъ убѣгало (напримѣръ, любовникъ, котораго застали), музыка затихала и танцы завершали все [14]). Сценическая постановка была очень проста. Мимы исполнялись на передней части сцены, отгороженной занавѣсомъ, безъ употреблявшихся также и въ комедіи котурнъ и масокъ. Костюмъ состоялъ изъ пестраго наряда арлекина съ наброшенной сверху накидочкой. Рядомъ съ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, на которомъ почти цѣликомъ лежало исполненіе фарса, являлся глупецъ или обжора (паразитъ), обыкно-

---

[1]) Выше, стр. 298.—[2]) Светон., «Калиг.», гл. 57. Ювен. 8, 185.—[3]) Плутархъ, «De sollert. anim.», гл. 19, 9.—[4]) Цицер., «Рабир.», гл. 12. Пруденц., «in Laur. martyr.» стр. 144.—[5]) Ювен., 6, 45. 1, 35. 8, 185.—[6]) Цицер., «Фил.», 2, 27.—[7]) Сенека, «Письм.», 114.—[8]) Philo «ad Gai.», стр. 598, M.—[9]) Ср. списокъ актеровъ у Mommsen, «Hermes», V, 303 сл. и C. I. L. VI, 1063.—[10]) Gell., «N. A.», XVI, 7.—[11]) Philo, ук. соч., стр. 552.—[12]) Gryzar, ук. соч. стр. 264 сл.—[13]) Quintilian., IV, 2, 53. Plutarch., «Qu. conv.», VII, 8, 4. «De soll. an.», гл. 19, 9. C. I. L., VI, 10118. «Bull. dell'Inst.», 1885, стр. 240.—[14]) Cic., «pro Cael.», гл. 27.

венно отличавшійся, какъ уже сказано, своими толстыми щеками, лысымъ черепомъ и, вѣроятно, особымъ характернымъ нарядомъ.

Открытымъ пренебреженіемъ общепринятой нравственностью, недвусмысленной и неприкрытой непристойностью мимъ, очевидно, далеко превосходилъ другіе виды фарса. Во времена республики извиненіемъ такой распущенности служилъ характеръ праздника Флоры, когда, главнымъ образомъ, исполнялись мимы; въ позднѣйшее время, очевидно, уже не ощущалось потребности въ какомъ-либо извиненіи. Только въ мимахъ женскія роли исполнялись женщинами, которыя, по желанію публики, исполняли танцы, сбросивъ верхнюю одежду, болѣе или менѣе обнаженными [1]). Овидій былъ правъ, считая несправедливымъ упрекъ въ безнравственности, брошенный его стихамъ, разъ императоръ и сенатъ, женщины, дѣвушки и даже дѣти посѣщали мимы, гдѣ безпрестанно жена со своимъ нѣжнымъ любовникомъ обманываетъ мужа и гдѣ не только уши привыкаютъ къ нецѣломудреннымъ рѣчамъ, но и глаза къ зрѣлищамъ, возмущающимъ своимъ безстыдствомъ. Самымъ смѣлымъ сценамъ аплодировали всего больше и такія пьесы всего дороже оплачивались преторами [2]). Мартіалъ могъ сказать, что женщины, которыя видѣли мимы, могутъ безъ всякаго колебанія читать даже самые дурные его стихи [3]). Свою восьмую книгу эпиграммъ онъ посвятилъ императору и потому не рѣшился написать ее со всею „распущенностью языка мимовъ“ [4]). Съ полнымъ правомъ христіанскіе проповѣдники ратовали, поэтому, также противъ посѣщенія театра, хотя часто безъ всякаго успѣха. Сальвіанъ спрашиваетъ, по совѣсти, своихъ читателей-христіанъ, гдѣ будетъ больше христіанъ, въ церкви или въ театрѣ, если въ одинъ и тотъ же день случится церковный праздникъ и театральное представленіе; многіе ли отдадутъ предпочтеніе словамъ Христа передъ словами мима; между тѣмъ, въ театрѣ загрязняется душа, глаза и уши и представляемыя тамъ картины разврата столь скверны, что безъ оскорбленія стыдливости о нихъ и говорить нельзя [5]). О томъ, что считалось здѣсь дозволеннымъ, можно судить, напримѣръ, по тому, что Эліанъ, желая лучше опредѣлить наглость въ поведеніи и движеніяхъ продажной женщины самаго низшаго разряда, называетъ ее „болѣе необузданной, чѣмъ тѣ, которыя выступаютъ въ мимахъ“ [6]). О томъ же даютъ понятіе разсказы Прокопія о мимическихъ представленіяхъ Ѳеодоры, хотя будущая императрица христіанской Византіи своимъ безстыдствомъ превосходила, можетъ быть, самыхъ смѣлыхъ танцовщицъ римской сцены [7]). Впрочемъ, въ XV и XVI вв. въ торжественныхъ случаяхъ бывало, что исполнительницы на сценѣ и въ другихъ мѣстахъ были совсѣмъ обнажены [8]).

---

[1]) Gryzar, стр. 271 сл. Свидѣтельства о представленіяхъвъ Византіи и Антіохіи во времена Іоан. Златоуста не доказываютъ того, что здѣсь можно предположить полное обнаженіе.—[2]) «Trist.», II, 497 сл.—[3]) Martial., III, 86.—[4]) Его-же, VIII, praef.—[5]) Salvian., «De gubern. Dei», VI. Ср. Cyprian., «De spectaculis», 6 и выше стр. 284, 9.—[6]) Свида, см. сл. καθημαξευμένος.—[7]) Grysar, ук. соч., стр. 310 сл. Ср. стр. 253 и 272.—Hieronym., «Epp.», 52, 2.—[8]) Falke, «Deutsche Trachten-u. Modenwelt», I, 278. При въѣздѣ Людовика XI въ Парижъ въ 1461 г. его встрѣчали со стихами самыя красивыя дѣвушки города совсѣмъ обнаженными. Среди представленій въ 1468 г. въ Лиллѣ, данныхъ въ присутствіи Карла Смѣлаго, былъ судъ Париса, при чемъ три богини, согласно миѳу, явились вполнѣ обнаженными. Дюреръ могъ разсказать о подобныхъ случаяхъ изъ своего нидерландскаго путешествія (1520 г.), которыя онъ самъ видѣлъ. Ан-

Изъ рѣчи ретора Хориція въ защиту мимовъ видно, что въ Восточной Имперіи сюжеты этихъ фарсовъ (и способъ исполненія) въ главныхъ чертахъ были тѣ же, что и раньше въ Римѣ. Сцены нарушенія вѣрности (когда, напримѣръ, мужъ приказываетъ рабу принести мечъ, чтобы умертвить застигнутаго любовника, но затѣмъ рѣшаетъ лучше на него жаловаться въ судъ) были и въ то время необходимой принадлежностью мима). Часто представлялись также безнравственныя отношенія между мужчинами. Непристойныя пѣсенки изъ этихъ пьесъ, благодаря легко схватываемымъ мелодіямъ, можно было слышать всюду на улицахъ. Сюжеты изъ Троянской войны (сцены между Троянцами и Мирмидонцами) были, по всей вѣроятности, пародіями. Роли въ мимахъ были очень разнообразны: господа и рабы, разносчики, колбасники, повара, хозяева и гости, люди въ своихъ дѣловыхъ отношеніяхъ, заикающіяся дѣти, любовники, вспыльчивые молодые люди и другіе, которые ихъ успокаиваютъ. Многія пьесы понятны съ начала до конца: въ нихъ можно слышать, какъ мужья уговариваютъ женъ быть скромными и избѣгать дурной славы; можно видѣть солдатъ и риторовъ, изъ которыхъ искусный и неискусный противопоставлены другъ другу, при чемъ первый вызываетъ аплодисменты, а второй—насмѣшку. Мимы должны были имѣть звучный голосъ, умѣть танцовать и очаровывать взглядами. Кромѣ того, постоянно можно было видѣть бритыя головы (дураковъ и паразитовъ) и слышать щедро раздаваемыя, звучныя пощечины [1]).

Въ Римѣ часто пользовались мимами и ателланами для намековъ на общественныя событія и на самихъ императоровъ. Исполнители и публика шли другъ другу навстрѣчу, чтобы подчеркнуть мѣста съ намеками на современность и сдѣлать несомнѣннымъ вложенный въ нихъ смыслъ. Актеры рѣшались на соотвѣтствующія импровизаціи и прибавленія, а увѣренность, что удастся наэлектризовать публику, заставляла актера, а часто и самого автора, забыть опасность. Въ общемъ, императоры считали лучшимъ такіе намеки, насколько возможно, оставлять безъ вниманія. Уже Юлій Цезарь долженъ былъ перенести со стороны Лаберія, автора и исполнителя мимовъ [2]), намекъ на свой государственный переворотъ. Послѣ его смерти Цицеронъ просилъ Аттика сообщить ему остроты мимовъ и впечатлѣніе, которое онѣ произвели на публику [3]). Когда, однажды, въ присутствіи Августа въ мимѣ встрѣтились слова: „О, милостивый и добрый господинъ!“ они вызвали громкое ликованіе, вложившее въ эти слова выраженіе общаго настроенія по отношенію къ императору; Августъ отклонилъ эту лесть выраженіемъ лица и движеніемъ, а на слѣдующій день строгимъ эдиктомъ [4]). Въ другой разъ,

тверпенскій магистратъ, пишетъ онъ своему другу Мелантону, устраивалъ при въѣздѣ Карла V на улицахъ разныя зрѣлища, въ которыхъ участвовали самыя красивыя и самыя благородныя дѣвушки города, почти совсѣмъ обнаженныя, безъ рубашекъ, а только въ тонкихъ кисейныхъ платьяхъ. Серьезный молодой императоръ не смотрѣлъ на нихъ, но Дюреръ признается, что разсматривалъ ихъ, потому что «онъ—художникъ».

[1]) Choricius, ὑπὲρ τῶν ἐν Διονύσου τὸν βίον εἰκονιζόντων, изд. Ch. Graux, «Rev. de philol.» N. S., I (1877), стр. 262 сл. Приведенныя мѣста: 7, 9, стр. 224. 10 стр. 229. 13, 6, стр. 236. 15, 3, стр. 239. 16 стр. 240 сл. 19 стр. 244 сл. Тоже было, вѣроятно, и на западѣ. Архимимъ Маскулъ, какъ католикъ приговоренный Гейзерихомъ къ смерти, а затѣмъ помилованный, см. Victor, «Vit. pers. Vandal.», I, 15, 47.—[2]) Макроб., «Сат.», II, 7.—[3]) Циц., «Письм. къ Атт.», XIV, 3 (44 г. до Р. Хр.).—[4]) Светон., «Авг.», гл. 43.

публика придала совсѣмъ невинному стиху смыслъ грубаго намека на изнѣженность Августа [1]). Во время пребыванія Тиберія на Капри, одно мѣсто въ ателланѣ, которое можно было примѣнить къ его распущенности, было принято съ шумнымъ одобреніемъ [2]). Уже въ 22 или 23 г., т.-е. за нѣсколько лѣтъ до своего удаленія изъ Рима, по поводу многочисленныхъ жалобъ претора на актеровъ, Тиберій письменно обратился къ сенату съ указаніемъ на ихъ дерзость, говоря, что ателлана, наиболѣе легкомысленная забава черни, стала столь разнузданной и скверной, что сенаторы должны принять противъ нея мѣры. Было ли это исполнено и какъ именно, не сообщается. Историки упоминаютъ только о происшедшемъ въ то время по другому поводу изгнаніи пантомимовъ [3]). Калигула приказалъ сжечь на аренѣ амфитеатра одного автора ателланъ за шутку, которая могла быть истолкована какъ намекъ на императора [4]). Послѣ убійства матери Нерономъ, исполнитель ателланы Датъ осмѣлился произнести слова: „Да здравствуетъ отецъ! Да здравствуетъ мать!“ сопровождая ихъ движеніями пьющаго и плавающаго, намекая этимъ на отравленіе Клавдія и на утопленіе Агриппины. Неронъ удовольствовался тѣмъ, что изгналъ его изъ Италіи [5]). Когда Гальба какъ императоръ вступилъ въ Римъ, и слухъ объ его алчности и жестокости предшествовалъ ему, на ближайшемъ представленіи ателланы, когда запѣли извѣстную хоровую пѣсню, въ которой домашніе жалуются на непріятное имъ возвращеніе старика изъ деревни, вся публика подхватила ее и нѣсколько разъ повторила [6]). Въ то время такія вольности сцены были совмѣстимы даже со строгостью похоронныхъ торжествъ. При погребеніи Веспасіана главный мимъ Фаворъ представлялъ особу умершаго императора, стараясь, по обычаю, копировать его манеры и рѣчи. Получивъ на вопросъ о томъ, сколько стоятъ похороны, отвѣтъ: „10 милліоновъ сестерціевъ“, онъ воскликнулъ: „дали бы мнѣ только 100000, а затѣмъ могли бы бросить меня въ Тибръ“ [7]). Гельвидій Прискъ Младшій былъ казненъ Домитіаномъ за то, что въ его ателланѣ Парисъ и Энона можно было усмотрѣть намекъ на разводъ императора съ его супругой [8]). Авторъ мимовъ Маруллъ безнаказанно высмѣивалъ на сценѣ Марка Аврелія и Люція Вера [9]). Въ мимахъ встрѣчались недвусмысленные намеки на извѣстныя всѣмъ любовныя интриги императрицы Фаустины [10]) и на постыдный образъ жизни Коммода [11]). Императора Максимина, не понимавшаго по-гречески, высмѣивали даже въ его присутствіи въ греческихъ стихахъ [12]). Подобная свобода сохранилась за мимами и въ Восточной Имперіи. Хорицій говоритъ, что они позволяли себѣ откровенныя сужденія не только о высшихъ чиновникахъ, но даже объ императорахъ и нерѣдко достигали того, что порицаемыя ими злоупотребленія уничтожались или становились рѣже, или, по крайней мѣрѣ, ихъ старались скрыть [13]).

[1]) Тамъ-же, гл. 68.—[2]) Его-же, «Tiber.», гл. 45.—[3]) Тац., «Анн.», IV, 14. Объ изгнаніи пантомимовъ см. выше стр. 285, 9.—[4]) Светон., «Калиг.», гл. 27.—[5]) Его-же, «Неронъ», гл. 39.—[6]) Его-же, «Гальба», гл. 12.—[7]) Светон., «Веспас.», гл. 19.—[8]) Его же, «Домитіанъ», гл. 12.—[9]) «M. Anton.», гл. 8. Этого Марулла (Grysar, ук. соч. стр. 301) упоминаетъ также Galen., π. ἀνατ. ἐπιχειρ. VII, гл. 12, изд. Kuehn, III, 631. Мимы Марулла въ началѣ V в. еще исполнялись въ южной Галліи (именно въ Массиліи). Paulin., изд. Schenkl, «Corp. scr. eccl. lat.», XVI, 499. Manitius, «Rh. M.», L, стр. 153 сл.—[10]) «M. Antonin.», гл. 29.—[11]) «Commod.», гл. 3.—[12]) «Maximini II», гл. 9.—[13]) Choric. ук. соч., 14, 3, стр. 238.

Кромѣ того, мимы на сценѣ копировали нерѣдко извѣстныхъ лицъ. Сенека говоритъ о нѣкоемъ Гостіи Квадрѣ, что распутство этого человѣка неоднократно было представлено на сценѣ. Мимъ Виталъ говоритъ о себѣ въ сочиненной имъ самимъ надгробной надписи: „Тотъ, кого я представлялъ, дрожалъ, видя во мнѣ своего двойника. Какъ часто женщины, которымъ я подражалъ въ своей игрѣ, краснѣли и внутренно волновались!“ [1]).

Въ то время, какъ эти фарсы удовлетворяли театральнымъ потребностямъ массъ, сочувствіе небольшого кружка образованныхъ съ трудомъ могло удержать на сценѣ настоящую драму, притягательная сила которой для необразованныхъ была незначительна. Трималхіонъ у Петронія говоритъ, что онъ купилъ труппу исполнителей комедій, но предпочиталъ, чтобы они играли ателланы [2]). Время творческой работы въ области трагедіи и комедіи, которыя всегда были воспроизведеніемъ греческихъ образцовъ, давно миновало. Его послѣдніе единичные эпигоны не появляются, повидимому, позже I в. Послѣдній авторъ, о которомъ извѣстно, что его пьесы ставились, былъ жившій при Клавдіи консуларъ Л. Помпоній Брассъ [3]). Большинство написанныхъ тогда драмъ предназначались только для чтенія, тогда какъ новые мимы писались до послѣднихъ временъ имперіи [4]), и сюжеты каждый разъ выбирались въ связи съ событіями и интересами дня. Само по себѣ вполнѣ правдоподобно извѣстіе, что Генезій, который потомъ былъ мученикомъ, въ правленіе Діоклетіана въ Римѣ участвовалъ въ мимѣ, въ которомъ осмѣивалось христіанское крещеніе [5]). Напротивъ, очень ограниченная потребность сцены въ серьезныхъ пьесахъ съ избыткомъ удовлетворялась большимъ числомъ старыхъ комедій и трагедій, которыя ставились въ болѣе или менѣе модернизованныхъ переработкахъ.

Единственная римская комедія (togata), о представленіи которой въ императорскую эпоху упоминается, это—„Пожаръ“ Афранія. Она была исполнена во время большого празднества, даннаго Нерономъ. Участникамъ, повидимому, было позволено расхитить всю обстановку горящаго на открытой сценѣ дома и оставить ее себѣ [6]). Но, надо думать, что весь этотъ драматическій видъ удержался на сценѣ. Изъ всѣхъ видовъ драмы наибольшимъ расположеніемъ публики пользовалась новая греческая комедія [7]) (къ числу авторовъ которой принадлежитъ, прежде всего, Менандръ. Образцы римскихъ передѣлокъ его комедій мы имѣемъ въ пьесахъ Плавта и Теренція). Не только въ Римѣ и въ Италіи столѣтіе за столѣтіемъ потѣшались надъ стереотипными фигурами переодѣтыхъ боговъ, ворчливыхъ и добродушныхъ отцовъ, безпутныхъ сыновей, лукавыхъ слугъ, хвастуновъ, гетеръ и т. д. Тонкость и художественность представленія обусловливались здѣсь не только

[1]) Meyer, «Anthol. Lat.», II, стр. 89 № 1173, 17. Seneca, «Nat. qu.», I, 16, 1.— [2]) Petron., гл. 53.—[3]) Welcker, «Die griech. Tragödie», III, стр. 1441 и 1458.—[4]) Мимографовъ упоминаетъ Galen., изд. К. II, стр. 644, «De anatom. administr.», VII, 16. Также Hieronym., «Epp.», 54, 15. C. I. L., II, 4092 (Тарраконъ).—[5]) «Martyr. S. enesii», 286 г, по Р. Хр. Ruinart, «Acta martyrum», стр. 236. «Раввинъ Абаху жалуется, какая ничтожная затрата остроумія нужна для того, чтобы заставить смѣяться театръ: стоитъ лишь издѣваться надъ евреями». Hausrath, «Neutest. Zeitgesch.», III, 76.—[6]) Светон. «Неронъ», гл. 11.—[7]) Изъ упоминанія вольноотпущенника Адріана аѳинянина Аристомена, какъ актера, играющаго древнюю комедію, у Athen. III, стр. 315, нельзя, конечно, дѣлать заключенія о постановкѣ на сценѣ древнихъ комедій.

самой сущностью этихъ комедій и традиціей, но и необходимостью поддержать интересъ къ пьесамъ, уже извѣстнымъ большинству публики. Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ Римѣ. Актеры комедій до конца I в., а можетъ быть и позднѣе, получали строго систематическое образованіе. Учителя краснорѣчія совѣтовали своимъ ученикамъ учиться у нихъ правильному произношенію, соотвѣтствующей содержанію дикціи, модуляціямъ голоса, умѣнію держать себя, мимикѣ и жестикуляціи [1]). Въ числѣ первыхъ учителей Марка Аврелія былъ комикъ Геминъ [2]), и надо думать, что при всестороннемъ образованіи преподаваніе декламаціи было въ рукахъ комическихъ актеровъ. Изученное изящество, которое въ Цицероновскую эпоху заставляло восхищаться Росціемъ, поколѣнію, живущему сто лѣтъ спустя, казалось старомоднымъ и смѣшнымъ. Тацитъ говоритъ, что строгій, лишенный всякаго украшенія старинный способъ выраженія такъ же мало считался возможнымъ при судебныхъ преніяхъ, какъ если бы актеры вздумали подражать жестамъ Росція или Амбивія Турпіона на сценѣ [3]). Игра, безъ сомнѣнія, стала болѣе реалистична, но все же гораздо менѣе, чѣмъ теперь на нѣмецкой сценѣ. Артисты очень серьезно смотрѣли на свою задачу. Квинтиліанъ часто видѣлъ, какъ комическіе актеры послѣ трогательныхъ сценъ уходили заплаканными [4]). Декламація не слишкомъ удалялась отъ обыденной рѣчи, но не копировала ея, а стилизировала, извѣстнымъ образомъ облагораживая [5]). Жестикуляція, очевидно, также подчинялась очень точнымъ предписаніямъ. Точныя указанія, которыя даетъ Квинтиліанъ относительно жестикуляціи ораторовъ, позволяютъ съ увѣренностью предположить, что соотвѣтствующія указанія, только болѣе строгія и всестороннія, существовали и для сцены [6]). Быстрая или медленная походка должна была точно соразмѣряться съ характеромъ данной роли. Для юношей, стариковъ, солдатъ, замужнихъ женщинъ она была медленнѣе, для рабовъ, дѣвушекъ, паразитовъ, рыбаковъ—скорѣе [7]).

Среди исполнителей комедіи въ римскомъ театрѣ временъ Квинтиліана и Ювенала выдѣлялись греки, эти прирожденные актеры, какъ ихъ называетъ Ювеналъ. Самыми знаменитыми были Деметрій и Стратоклъ. Характеристики обоихъ даетъ Квинтиліанъ. Онѣ показываютъ не только, какъ рѣзко и тогда еще проводилась граница между дозволеннымъ и недозволеннымъ въ театральномъ искусствѣ, но и какъ сильно и тонко ощущалось всякое ея нарушеніе. Деметрій былъ надѣленъ великолѣпнымъ голосомъ, удивительной красотой и безупречной фигурой. Ему особенно подходили спокойныя роли боговъ, юношей, добрыхъ рабовъ, отцовъ, супругъ и достойныхъ старыхъ женщинъ. Иногда онъ былъ неподражаемъ, напримѣръ, въ страстныхъ движеніяхъ рукъ, въ протяжныхъ и благозвучныхъ восклицаніяхъ. Его одежды очень искусно развѣвались по воздуху во время ходьбы, а движеніе, которое онъ иногда дѣлалъ правой частью тѣла, удавалось только ему одному. У Стратокла голосъ былъ болѣе рѣзкій, онъ былъ въ высшей степени гибокъ и

---

[1]) Квинтил., I, 11. Что и для комическаго актера требовался хорошій голосъ, показываетъ «comoedi fibula», Ювен., «Сат.», 6, 73. Марціалъ, XIV, 215.—[2]) «M. Antonin.», гл. 2.—[3]) Тац., «Діал.», гл. 20.—[4]) Квинтил., VI, 2, 35.—[5]) Квинтил., II, 10, 13.—[6]) Квинтил., XI, 3.—[7]) Квинт., XI, 3, 112. Что касается рыбаковъ, то здѣсь, можетъ быть, имѣлся ввиду Плавтовскій «Rudens».

подвиженъ, онъ могъ позволить себѣ взрывъ смѣха, несоотвѣтствующій его маскѣ, и при этомъ даже закидывать голову. Его спеціальностью были роли ворчливыхъ стариковъ, плутоватыхъ рабовъ, паразитовъ, сводниковъ и т. п. Небольшія отступленія отъ правилъ оба актера позволяли себѣ иногда не изъ незнанія, но изъ уступки вкусу публики. Впрочемъ, то, что у одного выходило очень хорошо, у другихъ какъ разъ было плохо [1]). Ювеналъ, кромѣ этихъ двухъ достойныхъ удивленія артистовъ, называетъ еще Антіоха и ловкаго Гема, какъ совершенныхъ исполнителей трехъ женскихъ ролей палліаты: замужней женщины, куртизанки и дѣвушки [2]).

Несравненно больше, чѣмъ комедія, трагедія осуждена была пользоваться вниманіемъ маленькаго кружка образованныхъ людей. Большинство, привыкшее къ зрѣлищамъ цирка, нервы котораго едва могла возбудить самая осязательная дѣйствительность, оставалось безконечно далеко отъ воображаемаго міра сцены. Образы идеальнаго міра казались ему несуществующими тѣнями: что для нихъ была Гекуба? Но даже и среди образованныхъ никогда не было велико число тѣхъ, кто предпочиталъ, вмѣсто веселыхъ сценъ Плавта, которыя въ нѣсколько измѣненной формѣ встрѣчались на каждомъ шагу въ жизни, видѣть на сценѣ судьбу героевъ и царей изъ прошлаго Греціи. Уже благодаря самому костюму трагедіи, ея образы являлись какъ бы изъ другого міра. Эти странныя, выступающія на котурнахъ, какъ на ходуляхъ фигуры, окутанныя въ длинныя волочащіяся пестрыя одежды, съ высокими искусственными париками и масками, ротъ которыхъ открытъ такъ широко, какъ будто онъ хочетъ проглотить зрителя [3]), могли многимъ казаться уродливыми и смѣшными [4]). Филостратъ разсказываетъ, что жители одного города въ Бетикѣ, никогда не видавшіе трагедіи, при первомъ представленіи разбѣжались испуганные изъ театра [5]). Уже въ послѣднее время республики роскошная постановка была лучшимъ и единственнымъ способомъ привлечь публику на представленія трагедіи. Военныя передвиженія большихъ отрядовъ пѣшихъ и конныхъ, огромныя тріумфальныя и другія процессіи съ большимъ количествомъ иноземныхъ нарядовъ и драгоцѣнностей, корабли, колесницы и прочая военная добыча, жираффы и бѣлые слоны, которыхъ проводили передъ зрителями, такъ что представленіе длилось четыре и больше часовъ—таковы были зрѣлища, которыя и для образованныхъ составляли въ эпоху Горація главную привлекательность трагедіи. Даже всадники, говоритъ онъ, отдаютъ предпочтеніе зрѣлищамъ передъ слуховыми наслажденіями [6]). Тѣ, которые искали въ театрѣ художественнаго наслажденія, приходили совсѣмъ не ради драмы, а ради представленія, не для того, чтобы восхищаться авторомъ, но артистомъ. Естественнымъ слѣдствіемъ полнаго исчезновенія драматическаго интереса было распаденіе трагедіи. Зрители стали равнодушны къ связному развитію драматическаго дѣйствія. Этимъ развитіемъ пожертвовали, и сохранили только отдѣльныя сцены, въ которыхъ заключались самые сильные моменты трагедіи и которыя давали возможность исполнителямъ показать свое искусство. Однако, въ Римѣ и въ провинціяхъ (осо-

---

1) Квинтил., XI, 3, 178—181.—2) Ювен., 3, 93—100.—3) Ср. напр., Attore tragico, «Mon. dell'Inst.», т. XI, табл. XIII (Robert., «Ann. dell'Inst.», 1880, стр. 206—212).—4) Lucian., «De saltat.», 27.—5) Philostrat., «Apoll. Tyan.», V, 195, стр. 8? изд. K.—6) Horat., «Epp.», II, 1, 181 сл., 187.

бенно греческихъ) еще ставили какъ цѣльныя, такъ и сокращенныя трагедіи. Но это перестало быть общимъ правиломъ, по крайней мѣрѣ, со II в., и мѣсто трагедій заняли сцены съ пѣніемъ, танцы и пантомимы [1]).

Музыка и танцы искони были существенными частями всякаго драматическаго представленія на римской, какъ и на греческой сценѣ. Древность не знала, правда, настоящей оперы, не прерываемой декламируемыми сценами, такъ какъ ямбическій діалогъ всегда декламировался. Все же для большей части драмъ нуженъ былъ не только поэтъ, но также и композиторъ [2]). Произнося діалогъ, актеръ долженъ былъ соединять рѣчь съ жестикуляціей, въ лирическомъ монологѣ рѣчь для большей выразительности переходила въ пѣніе, а жестикуляція—въ танецъ. Надо было или отказаться отъ одного средства изображенія, или раздѣлить роль между двумя исполнителями. Произошло послѣднее. Это показываетъ, насколько античная сцена и зрители были далеки отъ стремленія къ иллюзіи. Все устройство сцены ни на минуту не позволяло возникнуть обману, что передъ глазами — дѣйствительное происшествіе. Намѣренно далеко удаляясь отъ дѣйствительности, представленіе могло и должно было быть понято и оцѣнено только какъ произведеніе искусства, которое не только не имѣетъ никакой реальности, но и исключаетъ всякую мысль о реальности. Конечно, трагическіе актеры должны были быть хорошо обученными пѣвцами, такъ какъ они исполняли часто (можетъ быть, даже въ большинствѣ случаевъ) партіи съ пѣніемъ [3]). Но случалось также, что они проводили сцену въ безмолвномъ танцѣ пантомимы въ то время, какъ пѣвецъ, спокойно стоящій рядомъ, произносилъ необходимыя слова. Странное для насъ раздѣленіе слова и дѣйствія казалось столь естественнымъ, что во времена Плинія поэтъ предоставлялъ другому лицу, имѣющему болѣе пріятный голосъ, читать передъ избранной публикой свое произведеніе, а самъ сопровождалъ это чтеніе „шопотомъ, мимикой и жестикуляціей“ [4]). Это раздѣленіе пѣнія и танца подготовило распаденіе трагедіи на ея элементы. Упадокъ интереса къ драмѣ и повышеніе его къ пѣснѣ и танцу докончили это распаденіе. Уже въ послѣднее время республики роли пѣвца, танцора и аккомпанирующаго на флейтѣ признавались самостоятельными [5]). Здѣсь мы разсмотримъ только тѣ представленія, которыя, по крайней мѣрѣ отчасти, сохранили свой драматическій характеръ—пантомимы и декламацію трагедій. Цѣльными и связными представленіями были, насколько мы знаемъ, лишь первыя, въ то время, какъ послѣднія всегда оставались рапсодическими и никогда, даже приблизительно,

---

[1]) О декламаціи и жестикуляціи Ribbeck, «Röm. Tragödie», стр. 667 сл.—[2]) См. мою статью у Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд. III, 545.—[3]) Ср. приведенныя у Bergk, «Über einige Zeichen d. Plautin. Hdschr.», «Philologus», XXXI (1871—72), стр. 239, 11 мѣста изъ Цицер., «De or.», I, 60, «De legg.», 1, 4, «ad Fam.», IX, 22, «pro Sestio», 57.—[4]) Плин., «Письм.», IX, 34. Это странное рѣшеніе вопроса встрѣчается еще въ концѣ XVI в. напр. въ «Anfiparnasso» Orazio Vecchi (1597) у въ «Ballo delle ingrate Monteverde», Ambros, «Gesch. d. Musik», I, 520. «Jugendleben und Wanderbilder der Johanna Schopenhauer», (J. Sch. «Nachlass», изд. ея дочери) 1839, т. 1, стр. 343 сл. Devrient, «Gesch. d. dtsch. Schauspielkunst», III, 247.—[5]) Ср. Mommsen, «Röm. Gesch.», III, 612 сл. Распаденіе трагедіи на ея элементы, въ общемъ, очень правильно представлено G. Boissier, «De la signification des mots cantare et saltare et saltare tragoediam», «Rev. archéol. N.», S. II, 2, стр. 333—343.

не имѣли ни на сценѣ, ни среди публики такого значенія, какъ первыя, поэтому о нихъ дошло мало свѣдѣній [1]).

Трагэды выступали въ маскѣ и въ полномъ костюмѣ какъ въ настоящей драмѣ [2]). Ихъ роль ограничивалась почти исключительно пѣніемъ. Правда, они сопровождали пѣніе жестикуляціей, но она оставалась второстепеннымъ средствомъ выраженія и соотвѣтственной полноты достигала только при второмъ актерѣ. Мы не знаемъ, всегда ли выступалъ этотъ актеръ, о которомъ иногда упоминается, рядомъ съ пѣвцомъ [3]). Мы не знаемъ также, были ли монологи связаны съ хоромъ [4]); одинъ ли актеръ исполнялъ нѣсколько ролей пьесы одну за другой, и устанавливалась ли, и какъ именно, связь между этими отдѣльными ролями [5]); дополняли ли веденіе сцены безмолвные актеры и, наконецъ, присоединялись ли, и какъ, къ отдѣльнымъ аріямъ декламируемые діалоги [6]). Ясно только, что аріи актеровъ составляли главную часть представленія. Исключительно они разсчитывали на интересъ публики. Это былъ тотъ родъ драматическихъ представленій, въ которыхъ любилъ выступать Неронъ, считая, что тутъ, преимущественно, онъ можетъ блеснуть своимъ голосомъ и искусствомъ пѣть. Светоній говоритъ, что онъ пѣлъ трагическія сцены въ маскѣ, при чемъ маски боговъ и героевъ были сдѣланы похожими на его лицо, а маски богинь и героинь на лица женщинъ, которыхъ онъ любилъ. Между прочимъ, онъ изображалъ кружащуюся Канаку, матереубійцу Ореста, ослѣпленнаго Эдипа, безумнаго Геракла. Разсказываютъ, что молодой солдатъ, стоявшій на караулѣ у входа, бросился освобождать Нерона, когда увидѣлъ его въ цѣпяхъ и одѣтымъ для этой послѣдней роли [7]). Замѣтили, что въ знаменитой тогда переработкѣ изгнанника Эдипа, въ сценахъ которой онъ въ послѣдній разъ выступилъ публично, его пѣніе кончилось словами: „И жена, и отецъ, и мать влекутъ меня къ смерти“ [8]). Слова эти приведены по-гречески. Въ то время въ Римѣ часто трагедіи писались на этомъ языкѣ, потому что чужой языкъ даже для незнающихъ его не могъ мѣшать больше, чѣмъ теперь намъ въ итальянской оперѣ. Въ театрахъ Рима въ императорскую эпоху часто раздавался греческій и даже другіе языки. Уже Цезарь и Августъ позволяли выступать

---

[1]) Для всего этого вопроса я отсылаю къ моей статьѣ у Marquardt, «Staatsverw.», 2 изд. III, 553 сл. и къ приведенной тамъ статьѣ Grysar, «Über das canticum und den Chor in der Tragödie».—[2]) Костюмъ и маска Еврипидовскаго Алкмеона Tatian., «orat. ad Graecos», гл. 24. Очевидно, онъ не считаетъ представленій трагэдовъ за театральныя. О пантомимахъ и мимахъ онъ говоритъ въ гл. 22; затѣмъ слѣдуютъ игры амфитеатра и стадія (гл. 23) и лишь потомъ рѣчь идетъ о трагэдахъ.—[3]) Светон., «Неронъ», гл. 24 съ примѣч. Casaubonus. Grysar, ук. соч., стр. 56, 1. Lipsius, «Electa», I, 24. Согласно Pseudolucian., «Nero», гл. 9, Неронъ велѣлъ своимъ актерамъ умертвить соперничавшаго съ нимъ во время Истмійскихъ игръ превосходнаго трагэда Эпирота. Что Нерона сопровождало много актеровъ, вполнѣ естественно, но изъ этого случая насилія нельзя во всякомъ случаѣ съ увѣренностью заключать, что многіе актеры выступали одновременно съ пѣвцомъ.—[4]) Наличность хора можно во всякомъ случаѣ предположить на основаніи Epictet., «Diss.», III, 14.—[5]) Мнѣніе Grysar, стр. 45 есть простое предположеніе.—[6]) Діонъ Хрисост., «рѣчь» XIX, стр. 261 можетъ относиться къ діалогу, но также и къ ямбическому монологу.—[7]) Светон., «Нер.», гл. 21. Ср. Еврип., «Гераклъ», 1035.—Роли, которыя приписываютъ Нерону Ювен., 8, 223, Діонъ, LXIII, 9 и 22, Филостр., «Vit. Apollon.», V, 6, являются, вѣроятно, только произвольно выбранными примѣрами.—[8]) Светон., «Неронъ», гл. 46.

„актерамъ, играющимъ на разныхъ языкахъ“ [1]). На праздникѣ Ювеналій, данномъ Нерономъ въ 59 г., „ни благородство происхожденія, ни возрастъ, ни высокая должность не могли освободить отъ принужденія выступать въ качествѣ греческаго или латинскаго актера“ [2]). Но неизвѣстно, исполнялись ли цѣлыя греческія драмы, что вполнѣ возможно, или только полудраматическія, концертныя декламаціи греческаго текста [3]). Въ общемъ, исполненіе арій изъ трагедій сохранилось въ римской имперіи, по крайней мѣрѣ, до временъ Юстиніана, когда онѣ, повидимому, какъ уже сказано, наскучили большой публикѣ [4]). Хориццій упоминаетъ сцены изъ Ореста и изъ Медеи и говоритъ, что для актеровъ хорошій голосъ имѣетъ больше значенія, чѣмъ для мимовъ [5]).

Несравненно большее значеніе, чѣмъ эти аріи изъ трагедій, какъ было сказано, получили на сценѣ представленія пантомимовъ. Пантомимъ считался издавна болѣе важнымъ средствомъ изображенія, чѣмъ декламація и пѣніе. Объ этомъ можно судить потому, что даже въ настоящей драмѣ актеръ, который долженъ былъ выбрать одно изъ двухъ, оставлялъ послѣднее для пѣвца, стоящаго какъ бы внѣ дѣйствія, а самъ пластически выражалъ сущность драмы. При помощи жестикуляціи старались вознаградить отсутствіе мимики, исключенной употребленіемъ маски. Насколько богаче, тоньше и совершеннѣе былъ языкъ жестовъ въ тогдашнемъ пантомимѣ, чѣмъ въ теперешнемъ, можно судить по многимъ указаніямъ, а также, по крайней мѣрѣ приблизительно, по языку жестовъ современныхъ жителей юга. Общепонятность этихъ представленій, даже для людей, не знающихъ латинскаго и греческаго языковъ, не мало способствовала ихъ появленію на сценѣ, а затѣмъ очень скоро и господству на ней въ Римѣ съ его смѣшаннымъ населеніемъ.

Пиладъ изъ Киликіи и Баоиллъ изъ Александіи при Августѣ (около 732=22 г. до Р. Х.) [6]) сдѣлали изъ танцевъ самостоятельный родъ искусства. Рядомъ съ ними или непосредственно послѣ отличались сиріецъ Номій, каріецъ Гилъ (изъ Салмакиды), тибуртинецъ Піеръ и Гай Өеоръ, который въ недавно найденной надписи называется „блескомъ и побѣдителемъ пантомимовъ. Его искусство поразило даже бога (императора). Какъ могутъ люди медлить послѣдовать за богомъ?“ [7]). Новыя представленія ограничились скоро трагическими сюжетами. Комическіе пантомимы постепенно исчезли. Поэтому на пантомимъ можно смотрѣть, какъ на замѣну вымиравшей трагедіи [8]). Переработка заключалась въ томъ, что главные моменты дѣйствія были переданы въ связномъ рядѣ лирическихъ соло, исполняемыхъ однимъ пантомимомъ, который, такимъ образомъ, игралъ много ролей подрядъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ. Текстъ, соотвѣтствующій каждой такой сольной

[1]) Светон., «Цез.», гл. 39. «Авг.», гл. 43.—[2]) Тац., «Анн.», XIV, 15.—[3]) Mommsen, «Röm. Gesch.», 5 изд., III, 613. Grysar («Der röm. Mimus», «Sitzungsber. d. Wien. Akad.», XII, стр. 327—330) въ отдѣлѣ о «scena Graeca» много неотносящагося сюда и не вѣрнаго.—[4]) Выше стр. 584, 3; Choric., ук. соч., гл. 14, 7 стр. 238.—[5]) Тамъ-же, гл. 17, 2 стр. 243. Если упражненія и строгая діэта были необходимы для мимовъ (гл. 15, 9 стр. 240), то само собой понятно, что еще больше они были необходимы для трагэдовъ.—[6]) Sueton. «ap. Hieronym.», изд. Roth, (стр. 301, 25).—[7]) Henzen, «Tessera di un pantomimo», «Bull. dell'Inst.», 1875, стр. 170 сл. J. Schmidt, «Bull. dell'Inst.», 1879, стр. 170. Buecheler, «Ind. Bonn. aestiv.» 1877, стр. 11—13. C. I. L., VI, 2, 10115.—[8]) Ср. у Marquardt, ук. соч., стр. 551 и ниже.

партіи, исполнялъ не одинъ пѣвецъ, какъ въ настоящей драмѣ, а цѣлый хоръ. Текстъ пантомимовъ могли нерѣдко составлять и оригинальныя произведенія, но, конечно, чаще ихъ выкраивали изъ наличныхъ сочиненій греческихъ и римскихъ. Даже крупные поэты не считали ниже своего достоинства сочинять тексты для этихъ танцуемыхъ пьесъ (fabulae salticae); Луканъ написалъ ихъ четырнадцать [1]). Пантомимы щедро платили за это. Статій, получившій за свою „Ѳиваиду“ только похвалу безъ всякой прибыли, продалъ неизвѣстный еще текстъ для пантомима „Агава“ знаменитому танцору Парису и получилъ значительную плату [2]). Въ общемъ же, тексты пантомимовъ не считались цѣнными, какъ это и справедливо. Плутархъ говоритъ, что танцовальное искусство, сблизившись съ извѣстнаго рода поэзіей, потеряло всякую связь съ высокой поэзіей, поэтому оно господствуетъ въ безсмысленныхъ и безразсудныхъ театрахъ и лишилось вниманія понимающихъ и благородныхъ [3]). Сюжеты, вслѣдствіе заимствованія изъ трагедій, были почти сплошь миѳологическими и только какъ исключеніе—историческими [4]). Хотя Лукіанъ и считаетъ, что всѣ событія отъ начала міра до смерти Клеопатры годны какъ сюжеты для пантомима (понятно, что поэты императорской эпохи не могли идти дальше этой границы), но единственными историческими сюжетами, упоминаемыми имъ, являются, за исключеніемъ смерти Клеопатры, только трагическая исторія Поликрата и его дочери и страсть Селевка къ возлюбленной его отца Стратоникѣ [5]). И другими писателями историческіе сюжеты нигдѣ не упоминаются, тогда какъ число извѣстныхъ намъ миѳологическихъ очень велико. Исключеніями были также сюжеты, заимствованные изъ римскихъ сказаній (есть упоминаніе о Турнѣ, обработанномъ по Вергилію, въ которомъ хотѣлъ выступать Неронъ [6]), пантомима Дидона, также по Вергилію, была излюбленной на сценѣ еще во времена Макробія) [7]). Исключеніемъ были также сюжеты, заимствованные изъ египетскихъ сказаній (исторія Осириса, превращенія боговъ) [8]). Подавляющее большинство бралось изъ греческой миѳологіи, и возможно, что многіе сюжеты появлялись на сценѣ впервые, какъ пантомимы. Среди нихъ, конечно, нерѣдки были сюжеты глубоко трагическіе: Атрей и Ѳіестъ, безумный Аянтъ, безумный Гераклъ, Ніоба, Гекторъ и другіе подобные имъ. Но самыми излюбленными и чаще всего встрѣчающимися были разсказы о любовныхъ приключеніяхъ, иногда рискованнаго содержанія, частью изъ сказаній о богахъ, какъ, напримѣръ, любовныя приключенія Юпитера, Венера и Адонисъ, Венера и Марсъ въ сѣтяхъ Вулкана, Аполлонъ и Дафна и т. д.; частью изъ сказаній о герояхъ, какъ Федра и Ипполитъ, Мелеагръ и Аталанта, Протесилай и Лаодамія, Ясонъ и Медея, Ахиллъ на Скиросѣ, Ахиллъ и Брисеида, Аріадна на Наксосѣ, Пазифая, Киниръ и Мирра и т. д. [9]). Послѣдній изъ названныхъ пантомимовъ исполнялся на празднествѣ, которое далъ Калигула въ своемъ

[1]) Welcker, ук. соч., стр. 1469. Jahn, «Proll. ad Pers.», стр. XXXIV. Genthe, «De M. Annaeo Lucano», стр. 64 сл. Ср. Teuffel, «Röm. Litteraturgesch.», 4 изд. стр. 303, 4.—[2]) Ювен., 7, 92.—[3]) Плутархъ, «Qu. conv.», IX, 15. Ср. Либан., изд. Reiske, т. III, стр. 381 сл.—[4]) Dosith, «Interpr.», III, изд. Boecking, стр. 65.—[5]) Лукіанъ, «De saltat.», 54 и 58.—[6]) Светон., «Неронъ», гл. 54.—[7]) Макроб., «Сат.», V, 17, 15.—[8]) Лукіанъ. «De saltat.», гл. 59.—[9]) Лукіанъ, ук. соч., 37—61. Grysar, ук. соч., 53 сл.

дворцѣ въ день своей смерти. Обильно текущая кровь убивающихъ себя героевъ считалась впослѣдствіи предзнаменованіемъ его собственной смерти [1]). Эти и подобные сюжеты давались на сценѣ пантомимами въ теченіе всей императорской эпохи и повсюду очаровывали зрителей [2]).

Такъ какъ тексты пантомимовъ были или обработанными трагедіями или приближались къ нимъ по формѣ, то въ нихъ соблюдалось, вѣроятно, единство мѣста и не было перемѣны декорацій, по крайней мѣрѣ, объ этомъ не упоминается, какъ и о другихъ сторонахъ сценической обстановки. Вѣроятно, она была такъ же проста, какъ и обстановка трагедіи. Хоръ пѣлъ кромѣ текста, которому соотвѣтствовали танцы, вѣроятно, также во время паузъ, такъ какъ представленіе не могло обойтись безъ связующаго разсказа (вродѣ речитатива въ нашихъ ораторіяхъ). Въ это время танцоръ успѣвалъ перемѣнить костюмъ и маску. Основатель этого новаго рода сценическихъ представленій Пиладъ (въ 732=22 г. до Р. Х.) ввелъ хоровое пѣніе, вмѣсто отдѣльныхъ пѣвцовъ трагедіи, а вмѣсто простого аккомпанимента флейты, богато инструментованный оркестръ. На вопросъ о томъ, въ чемъ заключалось его нововведеніе, онъ, какъ разсказываютъ, отвѣтилъ Гомеровскимъ стихомъ: „въ звукахъ флейтъ и свирѣлей и въ шумѣ людскомъ“ [3]). Вмѣстѣ съ флейтой въ этотъ оркестръ входили также свирѣли, цимбалы, цитры и лиры [4]), а тактъ отбивался посредствомъ scabillum, инструмента, состоящаго изъ двухъ связанныхъ и прикрѣпленныхъ къ подошвѣ дощечекъ, которыя при наступаніи громко ударяли одна о другую [5]). Понятно, что цѣлью музыки было управлять движеніями танцора. Музыка стояла не выше обычнаго текста, полная треску и переливовъ, изнѣженная, лишенная достоинства и безнравственная, разсчитанная только на то, чтобы ласкать ухо. Серьезные друзья искусства считали, что господство на сценѣ пантомима повлекло за собой паденіе музыки [6]).

Чѣмъ больше музыка и пѣніе стали подчинены танцу, тѣмъ исключительнѣе сталъ обращаться къ нему интересъ публики. Правда, пониманію танца способствовали пѣсни хора, но настоящая задача, которую себѣ ставилъ и разрѣшалъ новый родъ представленій, состояла въ томъ, чтобы сдѣлать нѣмую игру насколько возможно понятной и безъ этой помощи. Эта задача была тѣмъ труднѣе, что, какъ сказано, одинъ актеръ въ той же самой пьесѣ исполнялъ много [7]) и часто совсѣмъ различныхъ ролей. Напримѣръ, онъ выступалъ какъ безумный Аѳамантъ, затѣмъ, какъ исполненная страха Ино; сначала какъ Атрей, затѣмъ какъ Ѳіестъ, потомъ Эгисѳъ и Эропа [9]), или подъ рядъ какъ Вакхъ, Кадмъ, Пенѳей и Агава [8]), какъ Гераклъ, Венера и Кибела [10]). Исполнитель долженъ былъ, такимъ образомъ, своей игрой до-

[1]) Іосифъ, «Древн.», XIX, 1, 13.—[2]) Ср. для позднѣйшаго времени P. E. Mueller, «De gen. aev. Theodos.», II, 104 сл. — [3]) Sueton. ap. Hieronym. (изд. Roth, стр. 301, 25). Ср. Макроб., «Сатурн.», II, 7, 18.—[4]) Обѣ первыя много разъ упоминаются Лукіаномъ, а обѣ послѣднія Овидіемъ, «Remed.», 753 сл. (гдѣ, однако, можетъ быть, имѣются въ виду мимы). Ср. Grysar., «Rh. M.», II, стр. 58 (Arnob. «Adv. gent.», I, 2. Cassiodor., «Var.», IV, 51).—[5]) Grysar, ук. соч., 57 сл. Ср. Jahn, «Columbar. der Villa Pamfili», стр. 24.—[6]) Овид., «Remed.», ук. м. Лукіанъ, «Salt.», 2.—[7]) Пять называетъ Лукіанъ, тамъ-же, 66. Ср. Grysar, «Rh. M.», II, стр. 38.—[8]) Лукіанъ, 26, 27.—[9]) «Anthol.», изд. Jacobs, IV, стр. 192. «Epigr. adesp.», 353.—[10]) Hieronym., «Epp.», 43.

полнить въ фантазіи зрителя остальныхъ дѣйствующихъ лицъ пьесы и показать ихъ отношеніе къ изображаемому имъ главному лицу. При изображеніи Ахилла, онъ долженъ былъ намѣтить фигуру Париса, при изображеніи Промеѳея — Вулкана, при Ганимедѣ — Юпитера и т. д. [1]). Прославленный при Неронѣ философъ-киникъ Деметрій высказался однажды о пантомимахъ какъ объ искусствѣ, которое не можетъ обойтись безъ хора и музыкальнаго аккомпанимента. Лучшій тогда въ Римѣ пантомимъ (вѣроятно, Парисъ) рѣшилъ убѣдить его въ противномъ и протанцовалъ передъ нимъ любовь Марса и Венеры. Онъ изобразилъ, какъ богъ солнца донесъ обманутому мужу, изобразилъ хитрость Вулкана и невидимыя оковы, стыдъ Венеры, просьбы Марса и другихъ боговъ, собравшихся на зовъ Вулкана, и изобразилъ это своей нѣмой игрой такъ выразительно, что восхищенный философъ призналъ неправильность своего мнѣнія [2]). Въ Ахиллѣ на Скиросѣ артистъ представлялъ прядущихъ и ткущихъ дѣвушекъ и среди нихъ Ахилла въ женскомъ нарядѣ. Слѣдящимъ за его игрой казалось, что они видятъ Одиссея, появившагося у дверей, и слышатъ звуки трубы Діомеда. Онъ могъ также изобразить Ахилла передъ Троей, мечущаго въ битвѣ копье и убивающаго, борющагося съ Гекторомъ и влекущаго его тѣло, паденіе Трои и смерть Пріама, подвиги Ѳесея, труды Геракла, даже борьбу кентавровъ съ лапиѳами [3]). Манилій говоритъ, что искусный актеръ можетъ своими танцами выразить каждую перемѣну судьбы. Онъ не будетъ въ своихъ движеніяхъ отставать отъ пѣсни хора, а заставитъ зрителя повѣрить, что передъ нимъ Троя и паденіе Пріама [4]). У Нонна, въ описаніи состязанія въ пантомимическихъ танцахъ между обѣими спутниками Вакха Марономъ и Силеномъ, несомнѣнно отражаются впечатлѣнія, полученныя на сценѣ. Маронъ представляетъ „беззвучными руками“ фигуру Ганимеда, подносящаго богамъ за пиршествомъ вино, а затѣмъ Гебу, разливающую нектаръ въ „задумчивомъ молчаніи“. Сюжетомъ танцевъ Силена является споръ между Аристеемъ и Вакхомъ, кто изъ нихъ сумѣетъ поднести богамъ лучшій напитокъ. Зевсъ возсѣдаетъ какъ судья. Эротъ стоитъ посрединѣ, держа въ рукѣ награду побѣдителю — плющевую и масличную вѣтви. Сначала Аристей обноситъ боговъ медомъ, но уже послѣ третьяго кубка они пресыщены и не дотрагиваются до четвертаго. Тогда Вакхъ подноситъ богамъ по кубку вина, сначала Зевсу, потомъ Герѣ, Посидону и такъ далѣе, по порядку; всѣ довольны, только Аполлонъ, отецъ Аристея, опечаленъ. Чѣмъ больше они пьютъ, тѣмъ больше жаждутъ вина. Ликуя, они присуждаютъ Вакху побѣду, и Эротъ, самъ опьяненный, вѣнчаетъ его плющемъ и кистями винограда [5]). Еще Кассіодоръ описываетъ, какъ руки пантомима объясняютъ публикѣ пѣсню хора, какъ по нимъ можно читать какъ по письменамъ, и какъ онѣ безъ письма выполняютъ ту же задачу. „Одно и то же тѣло можетъ быть Геракломъ и Венерой, мужчиной и женщиной, царемъ и солдатомъ, юношей и старцемъ, такъ что можно подумать, что въ немъ одномъ заключено много лицъ“ [6]).

Само собою понятно и опредѣленно засвидѣтельствовано, что пантомимы мѣняли маску и костюмъ для каждой роли данной пьесы, но суще-

[1]) Liban., изд. Reiske, III, 371, 23.—[2]) Лукіанъ, тамъ-же, 63.—[3]) Либан., тамъ-же, стр. 373 сл. —[4]) Манил., V, 479 сл. —[5]) Ноннъ, «Діонис.», XIX, 136 сл. R. Köhler, «Über die Dionysiaka des Nonnus», стр. 29, 2.—[6]) Cassiodor, «Var.», IV, 51.

ствовали представленія, когда они этого не дѣлали. Въ этихъ „танцахъ одеждъ или покрывалъ“ въ каждой новой роли оставалась та же одежда, и только драпировка была иная, изображая попеременно, напримѣръ, „хвостъ лебедя, волосы (выходящей изъ моря) Венеры, бичъ фурій“. Этотъ родъ мимико-пластическихъ представленій, очевидно, близокъ къ танцамъ Гендель-Шютцъ и описанной Гете возлюбленной рыцаря Гамильтона [1]) Эммы Гарте. Онъ былъ, конечно, проявленіемъ большой виртуозности и по самому существу дѣла, явленіемъ исключительнымъ [2]).

Пантомимическое искусство, которое разрѣшало такія задачи, должно было быть тѣмъ большимъ, что рядомъ съ отдѣльными танцорами никогда не выступали статисты для второстепенныхъ ролей [3]). То, чего достигали и чѣмъ прославились пантомимы, только тогда станетъ для насъ понятнымъ, когда мы вспомнимъ, что античное искусство (и особенно сценическое) въ несравненно большей степени, чѣмъ современное, требовало отъ фантазіи зрителя восполненія изображаемаго на сценѣ и пріучало его къ этому. Впрочемъ, въ эпоху Августа были и такія пантомимическія сцены, въ которыхъ выступали два актера, при чемъ каждый велъ самостоятельно свою роль; неизвѣстно, происходили ли подобныя представленія въ театрѣ [4]). Во всякомъ случаѣ, онѣ, повидимому, не удержались, такъ какъ о нихъ больше не упоминается.

Танецъ пантомима не былъ танцемъ въ современномъ смыслѣ слова, онъ состоялъ, главнымъ образомъ, изъ выразительныхъ ритмическихъ движеній головой и руками, хотя, конечно, были и движенія всего тѣла, различнаго рода повороты и сгибанія, встрѣчались даже прыжки [5]). Сприйца Помія, современника и соперника Пилада и Баѳилла, порицали за слишкомъ медленныя движенія руками, признавая и даже находя слишкомъ быстрыми движенія его ногъ [6]). Галенъ говоритъ, что напряженныя движенія танцоровъ, когда они высоко подпрыгиваютъ, быстро вертятся, присаживаются на корточки, вскакиваютъ, сближаютъ и разставляютъ ноги, какъ и всякія быстрыя движенія укрѣпляютъ тѣло [7]). Но все описанное происходило уже послѣ собственно пантомимическаго представленія, какъ объ этомъ говоритъ и Нониъ въ приведенномъ мѣстѣ. Силенъ подпрыгиваетъ вверхъ то на одной ногѣ, то на обѣихъ; онъ твердо становится на правую и поднимаетъ лѣвую до груди и плечъ; отгибаетъ ее назадъ такъ далеко, что касается затылка; весь изгибается назадъ и вертится такъ, что голова его въ быстромъ круговомъ движеніи кажется касающейся земли. Все это онъ дѣлаетъ лишь послѣ того, какъ, „соткавъ ее мудрой рукой“, онъ довелъ до конца настоящую сцену [8]).

Языкъ жестовъ, этотъ (какъ его называетъ Квинтиліанъ) общій языкъ [9])

---

[1]) Goethe, «Werke», 23, 257 сл. — [2]) Fronto, «Epp. ad M. Antonin. Aug. de oratt.», IV, 8 «Schol. Juv.», 6, 653.—[3]) Даже единственное мѣсто, на основаніи котораго можно подумать о выступленіяхъ второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ, Лукіанъ, «De saltat.», 83, на самомъ дѣлѣ можно понимать только такъ, что пантомимъ велъ себя, какъ будто рядомъ съ нимъ было другое лицо.—[4]) Квинтиліанъ, VI, 3, 65.— [5]) Лукіанъ, «Salt.», 71.—[6]) Сенека, «Контров.», III, praef., 8. Buecheler, «Ind. Bonn. aestiv.», 1877, стр. 12).—[7]) Галенъ, VI, 155. — [8]) Нониъ, «Діон.», XIX, 261—282. [9]) Квинтил., XI, 3, 87.

всѣхъ народовъ, при всей разницѣ ихъ разговорныхъ языковъ, былъ, очевидно, въ древности еще богаче, изобрѣтательнѣе и понятнѣе для всѣхъ, чѣмъ теперь у жителей юга. Мы восхищаемся танцорами, говоритъ Сенека, потому что руки ихъ способны изобразить всякую вещь и всякое ощущеніе, а ихъ движенія достигаютъ быстроты словъ [1]). Каждое измѣненіе въ положеніи руки и отдѣльнаго пальца даетъ уже другой смыслъ [2]), и это „краснорѣчіе танца“ [3]), съ дальнѣйшимъ развитіемъ искусства, безъ сомнѣнія, все больше расширялось, совершенствовалось и утончалось. Греческіе энтузіасты думали даже, что „философскіе“ танцоры въ своемъ молчаніи, подобно новымъ пиѳагорейцамъ, гораздо болѣе краснорѣчивы, чѣмъ риторы въ своихъ рѣчахъ [4]). Конечно, движенія рукъ поддерживались соотвѣтствующими другими дополнительными движеніями. По свидѣтельству Нонна, Маронъ „въ пляскѣ своей рисуетъ многорѣчивое молчаніе беззвучной рукой, онъ бросаетъ взгляды вокругъ, какъ бы произноситъ рѣчь и искуснымъ сгибаніемъ создаетъ полный смысла ритмъ, онъ раскачиваетъ головой и сталъ бы потрясать кудрями“, если бы не былъ лысымъ [5]). Вдумчивые артисты стремились передать соотвѣтствующимъ движеніемъ не только отдѣльныя слова, но и общій смыслъ текста. Они считали недостаточнымъ изображать болѣзнь щупаніемъ пульса или игру на цитрѣ ударами по струнамъ [6]). Когда Гилъ (на репетиціи или въ танцовальной школѣ) слова текста „великаго Агамемнона“ выразилъ, вставъ на цыпочки, его учитель Пиладъ сказалъ въ порицаніе, что онъ изобразилъ высокаго, а не великаго Агамемнона; самъ онъ при этихъ словахъ принималъ задумчивый видъ [7]). Во всѣхъ областяхъ античнаго искусства сложилась гораздо болѣе прочная традиція, чѣмъ въ искусствѣ новомъ. Она стала образцомъ для дальнѣйшаго развитія, исправляла заблужденія и неудачныя попытки оригинальничанья. Подобная традиція сложилась и для пантомима. Она въ значительной мѣрѣ облегчала артистамъ игру, а публикѣ пониманіе. Лукіанъ разсказываетъ, что одинъ пантомимъ, изображая Кроноса, проглатывающаго дѣтей, сбился на пиръ Ѳіеста, а другой, играя смерть Семелы въ пламени, смѣшалъ эту сцену со сценой смерти Главки, погибшей отъ огненнаго яда свадебныхъ одеждъ, посланныхъ Медеей [8]). Подобное смѣшеніе одной роли съ другой и то, что зрители это замѣтили, было бы невозможно, если-бы не было очень опредѣленной традиціи для каждой роли. На основаніи всѣхъ описаній мы должны предположить у лучшихъ художниковъ очень тонкія характеристики. Пиладъ былъ недоволенъ тѣмъ, какъ Гилъ изображалъ слѣпого Эдипа, находя, что его движенія были, какъ у зрячаго [9]). Въ трогательныхъ сценахъ пантомимы нерѣдко доводили зрителей до слезъ [10]), переживая, казалось, страданія изображаемаго лица [11]). Изнѣженные танцоры, восклицаетъ христіанскій писатель, внушаютъ тѣ страсти, которыя они изображаютъ, они оскверняютъ вашихъ боговъ, пред-

---

[1]) Сенека, «Письм.», 121, 6.—[2]) Квинтил., XI, 3, 91 слл.—[3]) Петрон., 3 изд., Buecheler, стр. 212. Тац., «Діал.», гл. 26, Antipat., Thessalon. «Epigr.», 27. Ср. C. I. G., 6305 и Grysar, ук. соч., стр. 41.—[4]) Аѳин., I, стр. 20, D.—[5]) Ноннъ, «Діонис.», 196—202.—[6]) Квинтил., XI, 3, 88 сл.—[7]) Макроб., «Сат.», II, 7.—[8]) Лукіанъ, «Salt.», 80.—[9]) Макроб., ук. м.—[10]) Лукіанъ, тамъ-же, 79.—[11]) C. I. G., 6306=Jacobs, «Anthol.», IV, 282.

ставляя ихъ безнравственными, вздыхающими, полными ненависти; ложнымъ страданіемъ и пустыми жестами и знаками они вызываютъ ваши слезы [1]).

Но, если художники и стремились достигнуть одухотворенной, продуманной, художественно прекрасной игры, то все же очарованіе, которое эти представленія имѣли для большинства зрителей и зрительницъ, было основано на чувственномъ возбужденіи. Роскошныя, пестрыя, съ богатыми складками одежды и маска, безъ уродливаго отверстія для усиленія звука, какъ маска трагэдовъ [2]), увеличивали впечатлѣніе юнаго, безукоризненнаго тѣла, которое было необходимо для пантомима. По мнѣнію Лукіана, въ немъ можно было видѣть воплощенный канонъ Поликлета. Зрители всего меньше были снисходительны къ внѣшнимъ недостаткамъ. Въ Антіохіи танцору маленькаго роста, изображавшему Гектора, кричали: это Астіанактъ, гдѣ же Гекторъ? Другому, очень высокому, который долженъ былъ въ роли Капанея подняться на Өиванскую стѣну, кричали: перелѣзай, тебѣ не нужна лѣстница! Толстяку, который стремился дѣлать очень большіе прыжки: пощади сцену! Тощему: поправляйся! [3]). По античнымъ понятіямъ еще больше, чѣмъ по современнымъ, пышные, вьющіеся отъ природы волосы составляли значительную часть юной красоты [4]). Природѣ содѣйствовало очень развитое искусство. Галенъ сообщаетъ рецептъ очень дѣйствительнаго средства для уничтоженія волосъ, составленнаго пантомимомъ Парисомъ, любимцемъ императора Л. Вера [5]).

Ведя правильный образъ жизни, въ особенности, соблюдая воздержанность въ пищѣ [6]), пантомимы добивались полной и безусловной власти надъ своимъ тѣломъ, гибкости, легкости и эластичности, что давало имъ возможность сдѣлать каждое движеніе граціознымъ, мягкимъ и элегантнымъ. Этими качествами они особенно поражали въ женскихъ роляхъ. Имъ вполнѣ удавалось заставить публику забыть ихъ полъ [7]). Апулей говоритъ о тестѣ своего пасынка, обвиняя его во всевозможныхъ позорныхъ поступкахъ и порокахъ, что, будучи въ молодости пантомимомъ, онъ достигъ такой гибкости, какъ будто у него не было ни костей, ни сухожилій, но онъ былъ чуждъ настоящаго искусства и школы [8]). Центральное мѣсто въ этихъ представленіяхъ занимали непристойныя сцены, въ которыхъ соблазнительная прелесть соединялась съ роскошью и безстыдствомъ, дозволявшимъ полную откровенность. Когда прекрасный Баөиллъ танцовалъ Леду, то передъ такимъ мастерствомъ въ утонченномъ и чувственномъ искусствѣ самая смѣлая танцовщица оказалась бы ученицей изъ деревенскихъ новичковъ [9]).

Всѣмъ пантомимамъ вообще приписывались безнравственность и развращающее дѣйствіе; противъ этого упрека были безсильны даже самые ревностные ихъ защитники. Молодые люди строгаго направленія избѣгали зрѣлища пантомимовъ. Уммидія Квадратилла (ум. около 107 по Р. Х. почти 80-ти лѣтъ) имѣла своихъ пантомимовъ, которыми она очень интересовалась, живѣе, чѣмъ это было допустимо женщинѣ высшаго круга. Ея внукъ, моло-

---

[1]) Минуц. Фел., «Октав.», 37, 12 — [2]) Лукіанъ, «Salt.», 27, 29. Ср. Marquardt, ук. соч. 551, 4.—[3]) Лукіанъ, «Salt.», 75 слл.—[4]) Ср. мѣста изъ Liban., У P. E. Mueller, «De gen. aev. Theodos.», II, стр. 104 и Claudian., «in Eutrop.», I, 403—5.—[5]) Galen., «De compos. medicament. sec. locos», изд. Kuehn, XII, стр. 454.— [6]) Liban., «pro saltat.», стр. 388 сл.—[7]) Колумелла, «De r. r.», I praef. 15. Лактант., «Inst. div.», VI, 20, 32.—[8]) Апул., «Апол.», гл. 74.—[9]) Ювен., 6, 63—66.

дой человѣкъ, ведшій очень строгій образъ жизни, не смотрѣлъ танцевъ пантомимовъ не только на сценѣ, но и въ домѣ бабушки. Она сама отсылала его, когда занята была своими представленіями, что она дѣлала, по словамъ младшаго Плинія, какъ изъ уваженія, такъ и изъ любви къ нему [1]). То, что пантомимъ имѣлъ очень вредное вліяніе на нравственность женщинъ, предававшихся страстно вообще всякимъ зрѣлищамъ, казалось бы вѣроятнымъ и безъ слишкомъ яркаго описанія Ювенала [2]). Императоръ Юліанъ, считавшій очищеніе театральныхъ зрѣлищъ отъ разнузданности и грубости невозможнымъ, требовалъ отъ жрецовъ, чтобы они воздерживались отъ посѣщенія театра и не допускали къ себѣ актеровъ, пантомимовъ или мимовъ [3]). Одинъ изъ послѣднихъ языческихъ историковъ государства, Зосимъ, считалъ введеніе пантомимовъ при Августѣ признакомъ всеобщаго міроваго упадка нравственности, начавшагося съ наналомъ монархіи [4]). А Августинъ приписывалъ изобрѣтеніе этого зрѣлища хитрости злыхъ духовъ; опасаясь, что зараза цирка когда-нибудь прекратится, они послали міру этотъ еще болѣе ужасный бичъ, который доставляетъ имъ самую большую радость [5]).

Различали два главныхъ рода пантомима, которые восходятъ къ двумъ его создателямъ—Баѳиллу и Пиладу [6]). Отъ послѣдняго ведетъ свое начало трагическій пантомимъ; онъ писалъ также о теоріи своего искусства [7]). Другой видъ пантомима отличался простотой, весельемъ, родственный шуточному, своеобразному греческому танцу кордаку старой комедіи; его сюжетомъ были, можетъ быть, вольныя изложенія миѳовъ о богахъ, какъ они часто встрѣчались въ старой и средней комедіи, возможно, что это были иногда и просто пародіи трагедій [8]). Эхо, Панъ, порхающій сатиръ съ Эротомъ—въ роляхъ такого рода Баѳиллъ былъ блистателенъ, тогда какъ въ многолюдныхъ, патетическихъ, торжественныхъ пантомимахъ Пилада онъ проявлялъ столь же мало дарованія, какъ послѣдній въ легкомъ танцѣ [9]). Пиладъ особенно увлекалъ зрителей, когда изображалъ Вакха; можно было подумать, говоритъ одинъ греческій поэтъ, что самъ богъ воплотился въ него, что Вакхъ дѣйствительно сошелъ съ небесъ [10]). Если-бы онъ пришелъ такимъ на Олимпъ, восхваляетъ его другой, сама царица-богиня признала бы его какъ сына [11]). При исполненіи неистовства безумствующаго Геркулеса его упрекали въ преувеличеніи [12]). Судя по надписи одного изъ высшихъ чиновниковъ въ Помпеяхъ, устраивавшаго тамъ въ праздникъ Аполлона представленія, связанныя съ разнаго рода музыкой и декламаціей (acroamata), „со всѣми пантомимами и Пиладомъ“ [13]), послѣдній выступалъ и въ городахъ Италіи, несомнѣнно, за большой гонораръ. Оба артиста создали школы [14]), и позднѣйшіе виртуозы носили, по распространенному тогда среди всѣхъ художниковъ обычаю, имена своихъ великихъ

---

[1]) Плин., «Письм.», VII, 24. C. I. L., X, 1946=I. R. N., № 2911 (Путеоли), C. I. L., IV, 2155; 2150.—[2]) Ювен., «Сат.», VI, 63 слл.—[3]) Julian., «Fragm. epp.», стр. 304 B C.—[4]) Zosim., «Hist.», I, 6.—[5]) August., «De civitate Dei», I, 32.—[6]) Athen., I, стр. 20 F. и Plutarch., «Qu. conv.», VI, 8, гл. 3, 3 черпали изъ одного источника—изъ сочиненія Аристоника.—[7]) Athen., ук. м.—[8]) Bursian, въ «Literar. Zentralbl.», 1869 № 17, стр. 490 сл.—[9]) Seneca, «Controv. epit.», III, praef.—[10]) Antipater Thessalon., «Epigr.», 27. «Anthol., Gr.» ed. Jacobs, II, стр. 102.—[11]) Boeth., тамъ-же, стр. 114.—[12]) Macrob., II, 7.—[13]) I. R. N., 2378=C. I. L., X, 1074.—[14]) Seneca, «Qu. n.», VII, 32.

предшественниковъ. Родъ пантомима, основанный Баѳилломъ, сохранился, по крайней мѣрѣ, до временъ Плутарха [1]), но видимо, онъ былъ оттѣсненъ рано на задній планъ другимъ, который вскорѣ одинъ сталъ господствовать на сценѣ. Лукіанъ въ своемъ очень пространномъ сочиненіи о танцѣ упоминаетъ только о трагическомъ пантомимѣ.

Кромѣ пантомима, на римской сценѣ были еще всевозможныя другія состоящія изъ танцевъ представленія. Какъ отрывки для пѣнія въ трагедіяхъ, такъ и стихотворенія, переложенныя на музыку, изображались пантомимомъ или сопровождались танцами пантомима; иногда пѣвцы сами себѣ аккомпанировали [2]). Такъ появлялись на сценѣ Рима стихотворенія Овидія, хотя они и не предназначались для театра; еще въ изгнаніи его обрадовали извѣстіемъ, что его стихотворенія танцовались и имѣли бурный успѣхъ въ театрѣ. Пѣли также на сценѣ похвальные гимны императору въ сопровожденіи женскихъ плясокъ на зло строгимъ критикамъ. Ораторы, стремящіеся къ безсмысленной изощренности выраженій, хвалились тѣмъ, что ихъ рѣчи можно было пѣть и танцовать [3]). Видъ балета, служащій для заполненія антрактовъ (embolium) [4]), исполнялся цѣликомъ или частью танцовщицами [5]). Однако, кромѣ пантомима, изъ встрѣчающихся тогда на сценѣ танцевъ болѣе подробно извѣстенъ только одинъ—это греческая пирриха. Имя это обозначало первоначально дорическій танецъ съ оружіемъ, который сохранился до позднихъ временъ въ Спартѣ [6]). Въ эпоху имперіи существовали, повидимому, различные виды пиррихи. Самая красивая изъ нихъ, распространенная въ Іоніи и другихъ малоазіатскихъ провинціяхъ, танцовалась тамъ публично дѣтьми знатныхъ семействъ на всякихъ торжествахъ [7]). Такихъ мальчиковъ императоры часто призывали въ Римъ и награждали ихъ послѣ представленія правомъ гражданства [8]). Но и рабовъ и рабынь обучали этому танцу, особенно въ домѣ императора [9]). Возможно, что нѣкоторыя пиррихи исполнялись только мальчиками, другія—и мальчиками и дѣвочками, но послѣднія исполнялись, вѣроятно, исключительно рабами или, по крайней мѣрѣ, профессіональными танцовщиками и танцовщицами. Пирристы были роскошно и пестро одѣты; они появлялись съ вѣнками на головѣ, въ шитыхъ золотомъ туникахъ, пурпурныхъ и ярко красныхъ мантіяхъ [10]). Въ безпрестанномъ чередованіи слѣдовали другъ за другомъ постоянно новыя группировки, схожденія и расхожденія; то они образовывали кругъ или четыреугольникъ, то тянулись цѣпью, то разсыпались безпорядочными кучками [11]). Къ этому виду танца принадлежали также мнимыя битвы, исполняемыя танцовщиками и танцовщицами съ помощью деревяннаго оружія [12]); главнымъ же образомъ сюда относились пляски вакхическаго и родственнаго ему характера [13]).

---

[1]) Plutarch., ук. м.—[2]) Срав. у Marquardt, ук. соч., стр. 553, 4 и 5, и Петрон., гл. 53.—[3]) Овид., «Трист.», II, 519. V, 7, 25. Плин., «Панег.», гл. 54. Тац., «Діал.», гл. 26.—[4]) Цицер., «р. за Сест.», 54, 116; ср. схол., въ «Mai. Auct. class.», II, 148.—[5]) «Bull. dell'Inst.», 1873, стр. 67 слл.=C. I. L., VI, 2, 10128. Emboliaria упоминается у Плинія, «N. h.», VII, 158.—Orelli, 2613=C. I. L., VI, 2, 10127.—[6]) Аѳин., XIV, 631 A.—[7]) Сравни вообще у Marquardt, ук. соч., стр. 553, 1.—[8]) Діонъ, ук. м. Светоній, «Неронъ», гл. 12.—[9]) Orelli, 2639=C. I. L., VI, 2, 10141.—[10]) «Digg.», XLVIII, 19, 8, 11; Plutarch., «De sera num. vind.», гл. 9. Fronto, «ad M. Caes.», I, 2, 4; Lucian., «Piscator», 36.—[11]) Апулей, «Метам.», X, 29, стр. 734.—[12]) «Anthol. Lat.», ed. Meyer, 959.—[13]) Аѳин., XIV, 631 A.

Танцующіе изображали титановъ, сатировъ, корибантовъ, пастуховъ, носили тирсы и факелы какъ вакханты [1]). Этимъ танцамъ можно было легко придавать драматическое содержаніе, какъ приключенія Діониса въ Индіи, исторія Пенѳея. Но брали сюжеты и изъ другихъ сказаній; такъ на одномъ праздникѣ, данномъ Нерономъ, была представлена въ амфитеатрѣ исторія Пасифаи въ видѣ танца пиррихи, при чемъ высоко парящій Икаръ, искусственно поддерживаемый машиной, оборвался и упалъ, обрызгавъ императора своей кровью [2]).

Апулей подробно описываетъ такую миѳологическую пирриху, очень сходную съ нашимъ современнымъ балетомъ, въ своемъ описаніи праздника въ римской колоніи Коринѳѣ, гдѣ онъ былъ, вѣроятно, ея очевидцемъ. Пирриха, лишенная драматическаго содержанія, предшествуетъ этому балету [3]). Сцена представляетъ изъ себя выстроенныя изъ дерева высоко поднимающіяся горы Иды, усаженныя живыми кустарниками и деревьями; съ нихъ сбѣгаютъ ручейки. Парисъ, прекрасный юноша въ варварскомъ одѣяніи, съ золотой тіарой, пасетъ въ горахъ нѣсколько козъ. Меркурій, красивый бѣлокурый мальчикъ, одѣтый только въ хламиду, съ палкой и кадуцеемъ въ рукахъ, съ золотыми крылышками на головѣ, появляется, танцуя, на сцену и передаетъ Парису яблоко. Онъ выражаетъ жестами порученіе Юпитера и оставляетъ Париса опять одного. Затѣмъ выходитъ Юнона, красивая женщина въ діадемѣ, со скипетромъ въ рукѣ. За ней врывается Минерва со щитомъ, размахивая копьемъ, въ блестящемъ шлемѣ, увѣнчанномъ оливковой вѣтвью. Наконецъ, является Венера, совершенно нагой, только съ прозрачнымъ голубымъ палліумомъ, легко наброшеннымъ на бедра. Юнона, которую сопровождаютъ Касторъ и Паллуксъ, плавными движеніями выражаетъ пантомимически подъ звуки флейты обѣщаніе дать Парису во владѣніе Азію, если онъ присудитъ ей первенство за ея красоту. Сопровождаемая нагими демонами ужаса и страха, исполняющими танецъ мечей, Минерва въ дикомъ ритмѣ подъ аккомпаниментъ воинственныхъ дорическихъ мелодій, обѣщаетъ Парису военную славу. Наконецъ, на середину сцены выступаетъ, при громкомъ рукоплесканіи зрителей, ласково улыбаясь, Венера; она окружена цѣлымъ роемъ маленькихъ амуровъ съ крыльями, лукомъ и факелами и группой дѣвочекъ, изображающихъ Грацій и Горъ. Слышится нѣжная, лидійская мелодія флейтъ, и Венера начинаетъ свой обольстительный танецъ („иногда кажется, что она танцуетъ только глазами"), обѣщая Парису самую красивую женщину. Онъ подаетъ ей яблоко; Юнона и Минерва, увидя это, уходятъ разгнѣванными. Венера же со всѣмъ своимъ хоромъ выражаетъ въ заключительномъ танцѣ тріумфъ и радость. На вершинѣ горы начинаетъ бить высокій фонтанъ изъ шафрана и вина; послѣ того, какъ весь театръ наполнится благовоннымъ запахомъ, гора падаетъ.

Пантомимъ вызвалъ къ себѣ въ эпоху имперіи самый горячій и общій интересъ не только изъ всѣхъ видовъ танца, но и изъ всѣхъ театральныхъ зрѣлищъ вообще. Насколько онъ оттѣснилъ на задній планъ всѣ прочія

---

[1]) Лукіанъ, «De saltat.», ук. м.—[2]) Светон., «Неронъ», гл. 12. Возможно, что и Ювен., 4, 122 имѣетъ въ виду пирриху. Ср. стр. 565, 4.—[3]) Апул., «Метам.», X, стр. 232—236.

зрѣлища, видно уже изъ того, что названіе, которымъ именовались раньше всѣ актеры (histrio), на языкѣ того времени стало обозначать исключительно танцовщиковъ пантомима. Филостратъ опредѣленно указываетъ на то, что это были обычныя представленія, усердно посѣщаемыя сенаторами и всадниками [1]) (во время Коммода). Но хотя пристрастіе къ пантомиму и было широко распространено во всѣхъ слояхъ общества [2]), все же низшіе классы менѣе другихъ раздѣляли интересъ къ нему. Имъ доставляли, безъ сомнѣнія, больше удовольствія грубыя шутки и непристойности мимовъ, на которыхъ приверженцы пантомима смотрѣли съ презрѣніемъ [3]). Пантомимъ требовалъ уже для пониманія своего миѳологическаго содержанія извѣстнаго образованія и еще большаго для оцѣнки всѣхъ тонкостей представленія. Никакое другое зрѣлище не было такъ приноровлено къ постоянно новому возбужденію нервовъ, притупленныхъ чрезмѣрнымъ воспріятіемъ удовольствій, какъ пантомимъ. Увлеченіе пантомимомъ скоро распространилось въ высшемъ обществѣ Рима. Уже старшій Сенека говоритъ объ этой своей „болѣзни“ [4]). По мнѣнію Тацита, она принадлежала къ своеобразнымъ, прирожденнымъ недугамъ жителей города [5]). Больше всѣхъ страдали имъ женщины [6]). Чтобы удовлетворить всѣхъ любителей пантомима не хватало публичныхъ представленій. Уже во времена первыхъ императоровъ появились среди рабовъ и вольноотпущенниковъ большихъ домовъ и двора, наряду съ другими сценическими артистами, также танцовщики и танцовщицы пантомима [7]). Послѣднія иногда пользовались такимъ расположеніемъ со стороны своихъ господъ, что получали въ приданое милліонъ сестерціевъ [8]).

Хотя сенатъ и постановилъ въ 15 году по Р. Х., чтобы пантомимы выступали только публично [9]), но, вѣроятно, это постановленіе оставалось въ силѣ не долго [10]). Домитіанъ, запретившій имъ публичное выступленіе, предоставилъ имъ право давать представленія въ частныхъ домахъ. Такое страстное увлеченіе танцовальнымъ искусствомъ вело неизбѣжно къ появленію искусныхъ дилеттантовъ, несмотря на то, что это противорѣчило римскимъ понятіямъ приличія. Уже въ послѣдніе годы республики этотъ дилеттантизмъ былъ такъ широко распространенъ, что многихъ мужчинъ знатнаго происхожденія и высокаго положенія осмѣивали, не только какъ любителей танца, но и какъ изощренныхъ виртуозовъ этого искусства: такъ — друзей Цицерона М. Целія Руфа и П. Лицинія Красса (сына тріумвира) и его противника А. Габинія (консула 58 г.), домъ котораго, какъ говоритъ Цицеронъ, оглашался пѣніемъ и звуками цимбалъ, и который плясалъ при гостяхъ безъ верхняго одѣянія [11]). Л. Афраній (консулъ 60 г.) также былъ лучшимъ танцоромъ, чѣмъ государственнымъ дѣятелемъ [12]). Возникновеніе изъ пантомима

[1]) Philostrat., «Vitt. soph.», II. 10 ed., стр. 256.—[2]) Такъ напр. Плин., «Панег.», 46.—[3]) Либан., ук. м., стр. 350, дѣлаетъ упрекъ своему противнику за то, что онъ смѣшиваетъ оба вида.—[4]) Сенека, «Контров.», epit. III praef.—[5]) Тац, «Діал.», 39.—[6]) Ср. стр. 285 сл.—[7]) Ср. стр. 59 слл. J. Schmidt, «Add. ad., C. I. L., VIII», «Eph. ep»., V, 315 № 443 (Карѳагенъ). Танцовщицы могли быть emboliariae (выше стр. 602, 5).—[8]) Seneca, «Cons ad Helv.», 12, Luxorius («Anthol. Lat.» ed. Riese, 310).—[9]) Тац., «Анн.», I, 77.—[10]) Светон., «Домит.», гл. 7. Ср, Плин., «Письм.», VII, 24.—[11]) Цицер., «прот. Пис.», 10, 22: ср. 8, 18; «за Планк.», 35, 87; «pro red. in senatu», 6, 13. «pro domo», 23, 60. «Катил.», II, 10, 23 (о приверженцахъ Катилины).—Макроб., «Сат.», III, 14, 15.—[12]) Діонъ, XXXVII, 49.

особаго вида искусства и интересъ, который онъ скоро пріобрѣлъ, увеличили и число искусныхъ любителей. При Августѣ образованные или старавшіеся казаться таковыми люди стремились стать искусными танцорами; это уже стало считаться принадлежностью хорошаго общества. Овидій совѣтуетъ влюбленному на званомъ обѣдѣ, гдѣ онъ находится со своей дамой, потанцовать, если его руки искусны въ красивыхъ движеніяхъ [1]). Навязчивый человѣкъ, упрашивающій Горація представить его Меценату, рекомендуетъ себя, между прочимъ, превосходнымъ танцоромъ [2]). Манилій считаетъ талантъ къ танцамъ, наряду съ искусствомъ пѣть или играть на струнныхъ инструментахъ, однимъ изъ превосходствъ умовъ веселаго склада, выдающихся элегантной утонченностью [3]). Скоро стали раздаваться жалобы, что эти изнѣженныя, неприличныя упражненія приносятъ ущербъ серьезнымъ занятіямъ юношей [4]). Страсть Калигулы къ танцамъ [5]) способствовала распространенію этого дилеттантизма. Хорошіе преподаватели танцевъ и музыки высоко цѣнились любителями [6]). Это были, большей частью, вольноотпущенники и иностранцы. Но уже при Августѣ впервые въ Римѣ сталъ давать уроки танцевъ римскій гражданинъ [7]). Сенека говоритъ, что искусство Пилада и Баѳилла нашло себѣ многочисленныхъ учениковъ и учителей. Онъ же говоритъ, что всюду въ частныхъ домахъ выстроены сцены, на которыхъ взрослые мужчины и женщины учились танцамъ [8]). И въ послѣдующее время это дилеттантство продолжалось. Это доказываютъ не мало свидѣтельствъ; такъ, изъ словъ Лукіана можно заключить, что къ персоналу знатныхъ домовъ Рима принадлежалъ, обыкновенно, и учитель танцевъ [9]). Хотя изученіе этого искусства считалось непристойнымъ и даже позорнымъ [10]) для высокопоставленныхъ лицъ, тѣмъ не менѣе, оно изучалось даже нѣкоторыми императорами [11]).

Участіе особенно высшихъ сословій и высокопоставленныхъ лицъ въ сценическихъ представленіяхъ не могло остаться безъ вліянія на положеніе актеровъ въ обществѣ, хотя ихъ правовое положеніе и не измѣнилось. Каждаго, отдавшагося сценическому искусству на публичной сценѣ для забавы народа, все еще ожидало безчестіе, подобно тому, какъ разжалованнаго солдата, сводника, уличеннаго вора, клеветника или мошенника [12]). Діоклетіанъ постановилъ, повидимому, впервые, чтобы лица, выступавшія малолѣтними на сценѣ, не лишались чести [13]). Въ муниципіяхъ и колоніяхъ актеры также лишались по закону права занятія почетныхъ должностей [14]). Съ сыномъ актера или актрисы не могли вступать въ законный бракъ внучки и даже правнучки сенаторовъ по мужской линіи, также какъ ихъ внуки и правнуки съ дочерьми изъ семьи актера [15]). Мужъ, заставъ жену въ своемъ домѣ въ прелюбодѣяніи съ актеромъ, могъ убить его безнаказанно, подобно тому,

---

[1]) Овид., «Ars am.», 595.—[2]) Горац., «Сат.», I, 9, 23.—[3]) Манил., IV, 525 слл.—[4]) Сенека, «Контров.», I введ.—[5]) Светон., «Калиг.», гл. 55.—[6]) Колумелла, «R. r.», praef. I.—[7]) Плин., «N, h.», VII, 159.—[8]) Сенека, «Qu. nat.», VII, 32. «Письм.», 90, 19.—[9]) Мартіалъ, II, 7. Ср. Апул., «Апол.», гл. 74.—[10]) Лукіанъ, «De merc. conduct.», 27. Светон., «Домит.», гл. 8. Діонъ, LXVII, 13. Ср. выше стр. 500 слл.—[11]) «Hist. Aug. Commod.», гл. I. «Elagabal.», гл. 32. Геродіанъ, V, 3, 10.—[12]) «Edict. praet. Digg.», III, 2, 1. Ср. Цицер., «De rep.», IV, 10. Корнел. Неп. Введ. 4.—[13]) Cod., II, 12, 21.—[14]) Dirksen, «Obss. ad tab. Heracl.» (VIII, 1. 34); part. II, стр. 71.—[15]) (Въ силу «lex Julia»), «Digg.», XXIII, 2, 42 и 44.

какъ онъ могъ это сдѣлать по отношенію къ своему рабу или вольноотпущеннику [1]). Солдатъ, отдавшійся сценической дѣятельности, подвергался смертной казни, какъ если бы онъ продался въ рабы [2]). Старое право магистратовъ подвергать актеровъ тѣлесному наказанію, всюду и во всякое время, ограничилъ впервые Августъ, и то только на время представленій и въ предѣлахъ театра [3]); это ограниченіе, видимо, осталось въ силѣ и послѣ [4]). Вообще же, Августъ былъ безпощадно строгъ съ актерами, провинившимися въ нравственности; онъ велѣлъ высѣчь розгами въ трехъ театрахъ Рима и сослать комика Стефаніона въ наказаніе за связь съ замужней женщиной, которая прислуживала ему въ костюмѣ мальчика, съ коротко остриженными волосами. Пантомима Гила онъ приказалъ публично наказать плетью въ атріѣ своего дома, по жалобѣ претора. Знаменитаго Пилада онъ изгналъ изъ Италіи за то, что тотъ указалъ пальцемъ на зрителя, шикавшаго ему [5]).

Естественно, что искусство, на которомъ лежало клеймо безчестія [6]), изучалось только рабами и вольноотпущенниками или свободнорожденными тѣхъ странъ, гдѣ не было этого предразсудка, главнымъ образомъ, греками, азіатами и египтянами; это обстоятельство, въ свою очередь, не могло способствовать распространенію большаго уваженія къ актерамъ. Впрочемъ, и въ Греціи они не пользовались хорошей славой. Геллій разсказываетъ, что ученикъ философа Тавра, богатый молодой человѣкъ, очень любилъ вращаться среди трагиковъ, комиковъ и флейтистовъ (которые, какъ онъ замѣчаетъ своимъ читателямъ-римлянамъ, были свободными людьми). Тавръ посовѣтовалъ ему, чтобы отвлечь его отъ этого знакомства, ежедневно читать по одному изреченію Аристотеля, который считалъ большинство художниковъ, служащихъ Діонису, нравственно низко стоящими людьми; это происходитъ, по его мнѣнію, оттого, что ихъ занятіе отвлекаетъ ихъ отъ философіи, и что они живутъ то въ роскоши, то въ нуждѣ, а то и другое ведетъ къ упадку нравственности [7]). Въ Римѣ, въ эпоху имперіи, пантомимы, комики, трагики и другіе актеры встрѣчались, обыкновенно, среди многочисленныхъ рабовъ богатыхъ домовъ, либо по одному, либо цѣлыми труппами [8]). Хотя для постановки трагедіи [9]) или комедіи требовалось всего лишь три актера, но, кромѣ нихъ, также статисты [10]), такъ что Марціалъ могъ говорить о „кучкѣ“ молодыхъ комиковъ, которые были всѣ такъ симпатичны, что ни одинъ изъ нихъ не годился для роли „ненавистнаго“, но за то всѣ — для „дважды обманутаго“ Менандра [11]). При императорскомъ дворѣ были самые лучшіе и многочисленные актеры. Артисты сцены продавались, дарились, отдавались за долгъ изъ рукъ въ руки, какъ и другіе рабы [12]); они служили,

[1]) Тамъ-же, XLVIII, 5, 24.—[2]) Тамъ-же, XLVIII, 19, 14.—[3]) Светон., «Авг.», гл. 45.—[4]) Тац., I, 77. Ср. у Marquardt, ук. соч., стр. 540, 7.—Kotzebue приводитъ въ своихъ воспоминаніяхъ о путешествіи въ Римъ и Неаполь (1805) пунктъ изъ театральнаго эдикта, ежегодно издаваемаго въ то время въ Римѣ, правда, не исполняемый, по которому пѣвцы и танцовщики въ извѣстныхъ случаяхъ могли подвергнуться тѣлеснымъ наказаніямъ.—[5]) Светоній, указ. м.—[6]) Актеры и сыновья актрисъ встрѣчаются сравнительно часто въ «tribus Esquilina» (отъ которой сохранилось, можетъ быть, не больше 8 камней), Mommsen, «Staatsr.», III, 1, 443, 10.—[7]) Геллій, XX, 4.—[8]) Ср. у Marquardt, ук. соч., стр. 539.—[9]) Ср. Lüders, «Dionysische Künstler», 116 слл. «Digg.», XL, 5, 12.—[10]) Марціалъ, VI, 6.—[11]) Марціалъ, XIV, 214.—[12]) Gai. «Inst.», III, 212. «Digg.», XXI, 1, 34. Извѣстно, что въ Россіи актеры, пѣвцы и пѣвицы очень часто были

отчасти, для развлеченія своего господина и его гостей во время и послѣ обѣда [1]), главнымъ же образомъ, для публичныхъ зрѣлищъ, для чего они давались въ займы и аренду, чѣмъ доставляли хозяину большой доходъ, съ избыткомъ возмѣщавшій издержки, сдѣланныя для ихъ образованія. Друзья дома и лица, желавшіе оказать владѣльцу вниманіе, не пропускали случая посѣтить театръ и усердно апплодировать [2]), когда участвовали его актеры. Очень часто эти рабы получали свободу въ награду за искусную игру, иногда благодаря ходатайству публики [3]). По обыкновенно, они обязывались при дарованіи имъ свободы оставаться до извѣстной степени въ распоряженіи своего патрона; онъ могъ ихъ отдавать въ наймы [4]). А въ его собственныхъ представленіяхъ и представленіяхъ его друзей, они должны были выступать безвозмездно [5]).

Но неуваженіе, отъ котораго страдали всѣ актеры, не мѣшало достигать выдающимся и любимымъ артистамъ блестящаго положенія. Это удалось уже Росцію и Эзопу; оба нажили себѣ большое богатство; первый получилъ, кромѣ того, отъ Суллы золотое кольцо [6]) (таковое же подарилъ Бальбъ Младшій, будучи квесторомъ въ Гадесѣ, актеру Герепію Галлу) [7]). Несравненно легче стало пріобрѣтать состояніе и уваженіе большимъ талантомъ въ то время, когда представленія получили бо́льшее значеніе, и предразсудокъ противъ искусства постепенно исчезалъ, вслѣдствіе возрастающаго усвоенія греческихъ нравовъ и воззрѣній. Этому способствовало также пристрастіе высшихъ сословій къ сценѣ. Разница въ соціальномъ положеніи между второстепеннымъ и прославленнымъ, знаменитымъ актеромъ была тогда гораздо больше, чѣмъ теперь. Не одинъ изъ первыхъ, выступавшій на сценѣ въ роскошной, пурпурной мантіи въ роли Агамемнона или Креонта, жилъ такой ежемѣсячной порціей хлѣба, какую получали рабы, спалъ прикрытый лохмотьями, получалъ скудное вознагражденіе, если ему апплодировали, или удары кнутомъ, если шикали. [8]). Послѣднее случалось, вѣроятно, довольно часто, такъ какъ публика едва ли была снисходительнѣе, чѣмъ во время Цицерона, когда каждый фальшивый тонъ, каждая запинка въ тактѣ и ритмѣ, въ рѣчи или движеніи, вызывала сейчасъ же шиканье, шумъ и крикъ всего театра [9]). Съ другой стороны, артисты, властвовавшіе на римской сценѣ, вращались въ кругу высшаго общества, обладали не только богатствомъ, но и вліяніемъ, мужчины знатнаго происхожденія домогались ихъ благосклонности, знатныя женщины — ихъ расположенія. На комиковъ и пантомимовъ, говоритъ Плутархъ, которымъ посчастливилось на сценѣ, свободорожденные, даже люди знатнаго происхожденія смотрѣли съ удивленіемъ и прославляли ихъ [10]).

Само собой разумѣется, что актеры оказывали почести и отличія своимъ

крѣпостными: Ségur, «Mémoires et souvenirs», III, 233. Еще Haxthausen («Studien» II, 310) видѣлъ въ Нижнемъ-Новгородѣ оперу, поставленную цѣлой труппой крѣпостныхъ.

[1]) Ср. стр. 248 сл.—[2]) Плин., «Письм.», VII, 24.—[3]) Светон., «Тибер.», гл. 47. Діонъ, LVII, 11. «Схол. къ Перс.», 5, 9.—[4]) Julian. lib. XLV, «Digg.», XXXVIII, 1, 25.—[5]) Его-же, lib. I «ex Minicio», тамъ-же, 1, 27.—[6]) Макроб., «Сат.», III, 14, 13.—[7]) Циц., «ad Fam.», X, 32, 2.—[8]) Сенека, «Письм.», 80, 7. Ср. Лукіанъ, «Apolog.», 5, «Piscator», 33; Его-же, «Icaromenipp.», 29.—[9]) Цицер., «Объ орат.», III, 51, 196. «Орат.», 51, 173. «Парад.», 3, 26.—[10]) Плутархъ, «De tranquill. anim.», гл. 13.

выдающимся коллегамъ: они исполняли должности жреца и занимали разныя почетныя должности въ обществахъ, корпораціяхъ и праздничныхъ товарищескихъ собраніяхъ сценическихъ художниковъ, особенно, на такъ называемыхъ священныхъ собраніяхъ [1]. Если они выступали въ театрѣ какого-нибудь города, то городъ выказывалъ по отношенію къ нимъ свою щедрость не только надписями или статуями [2], но даже и коммунальными отличіями. Однако, римскія коммуны не были такъ расточительны въ дарованіи права гражданства по отношенію къ проѣзжимъ художникамъ всѣхъ категорій, какъ греческія, которыя свое право гражданства чрезвычайно щедро раздаривали актерамъ, какъ это удостовѣряетъ Цицеронъ относительно регинцевъ, локрійцевъ, неаполитанцевъ и тарентинцевъ [3]. Но и „блестящіе города Италіи" не останавливались передъ наградами пантомимамъ, которые могли претендовать на почетный титулъ „первый своего времени"; они давали имъ знаки достоинства декуріоновъ, дуумвировъ и даже авгурата [4]. Въ маленькомъ мѣстечкѣ Бовиллы директоръ труппы мимовъ, исполнявшій въ то же время роли трагиковъ и комиковъ, былъ даже декуріономъ вопреки указу, по которому актеры исключались изъ общинныхъ должностей. При торжественномъ открытіи статуи, поставленной ему товариществомъ мимовъ въ 169 году, онъ распорядился раздать всѣмъ жителямъ города большую сумму денегъ [5].

Труды извѣстныхъ и любимыхъ актеровъ хорошо оплачивались (уже въ 15 году признали необходимымъ ограничить ихъ жалованье) [6]; кромѣ того, они получали подарки отъ устроителей празднествъ; стремленіе послѣднихъ, соперничая другъ съ другомъ, и здѣсь показать свою щедрость и любовь къ роскоши, привело къ такой расточительности, что Маркъ Аврелій былъ принужденъ опредѣлить максимумъ (10 золотыхъ монетъ) для этихъ подарковъ [7]; но сомнительно, чтобы онъ достигъ этимъ ожидаемаго результата. Въ состязаніяхъ между актерами побѣдители получали въ награду также золото, или какія-нибудь цѣнныя вещи, чаще всего золотые вѣнки, хотя, вмѣсто золотыхъ, давались и мѣдные, окрашенные бычачьей желчью [8]. На играхъ по поводу освященія вновь выстроенной сцены въ театрѣ Марцелла при Веспасіанѣ, каждый изъ участвующихъ актеровъ получилъ не менѣе 40000 сестерціевъ, кромѣ золотыхъ вѣнковъ, а трагэду Аполлинарію Веспасіанъ подарилъ даже 400000 [9]. Неронъ раздарилъ своимъ любимцамъ 2200 милліоновъ сестерціевъ (около 239 милл. руб.). Это были, по словамъ Плутарха и Светонія, все актеры и атлеты [10]; во всякомъ случаѣ, значительная часть этой огромной суммы (изъ которой Гальба потребовалъ $^9/_{10}$ обратно) досталась первымъ. Послѣ этого покажется вѣроятнымъ, что любимые и знаменитые актеры были, обыкновенно, зажиточными людьми. Пиладъ, напримѣръ, былъ настолько богатъ, что могъ въ старости самъ

[1]) «Mitt. d. Archäol. Instit.», 1888, стр. 79 (Путеоли.)—[2]) C. I. L., XIV, 2977. Henzen, 6185=C. I. L., III, 1, 375.—Ср. стр. 507, 13, «Bull. comm. di Roma», 1886, стр. 89. 1121.—[3]) Цицер., «рѣчь за поэта Архія», 5, 10.—[4]) Orelli, 2629=C. I. L., V, 2, 5889.—[5]) Orelli, 2625=C. I. L., XIV, 2408.—[6]) Тац., «Анн.», I, 77.—[7]) «M. Antonin.», гл. 11. У Marquardt, ук. соч., стр. 542, 1.—[8]) Плин., «N. h.», XXXIV, 94.—[9]) Светон., «Веспас.», гл. 19. Ср. также біогр. Элагабала, гл. 22.—[10]) Тац., «Ист.», I, 20. Плутархъ, «Гальба», гл. 16, 2.—Светон., «Гальба», гл.15.

давать представленія въ Римѣ (въ 752 году) [1]). Другой Пиладъ (при Коммодѣ) прославился своей невѣроятной щедростью при устройствѣ игръ гладіаторовъ и травли звѣрей въ Путеоли [2]). Старшій Плиній говоритъ, что ежегодный доходъ пантомима, выкупившагося изъ рабства, значительно превосходилъ въ его время самую высокую цѣну (700000 сест.) раба (грамматика Дафниса); онъ имѣлъ, вѣроятно, при этомъ въ виду Париса, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь [3]).

Мимъ Виталій хвалится въ своей надгробной надписи, что искусство сдѣлало его извѣстнымъ всему городу, благодаря ему, онъ пріобрѣлъ хорошій домъ, богатство и вліяніе. Въ Константинополѣ выдающіеся актеры получали также большой гонораръ: во всемъ мірѣ прославившіеся мимы щеголяли, по словамъ Хориція, своими дорогими одеждами, славились изобиліемъ золота, серебреными сосудами и многочисленными рабами [4]). Самые знаменитые актеры часто принадлежали, какъ было уже замѣчено, къ императорскому двору и пользовались уже поэтому всеобщимъ вниманіемъ, а нерѣдко, особенно пантомимы, и высочайшимъ покровительствомъ императоровъ и императрицъ [5]). Калигула покровительствовалъ одно время трагэду Апеллесу, а затѣмъ, вплоть до своей смерти, прекрасному пантомиму Мнестеру, котораго страстно любилъ. Мнестеръ былъ, хотя по принужденію, любовникомъ Мессалины; она держала его вдали отъ театра и приказала отлить изъ сплавленныхъ монетъ Калигулы его статую. Онъ былъ одновременно съ ней казненъ въ 48 году [6]). Пантомимъ Парисъ, будучи товарищемъ въ распутствѣ Нерона, пользовался у него такимъ покровительствомъ, что осмѣлился обвинять императрицу-мать и остался безнаказаннымъ и тогда, когда Агриппина выхлопотала наказаніе своимъ прочимъ обвинителямъ [7]). Тотъ же Парисъ потребовалъ отъ своей бывшей госпожи, тетки будущаго императора Домитіана, обратно сумму въ 10000 сест., уплаченную имъ за свой отпускъ на волю, подъ предлогомъ, что она его держала, яко бы, противозаконно рабомъ. Онъ выигралъ этотъ процессъ, какъ всѣмъ было извѣстно, по приказанію императора (въ 56 году по Р. Х.) [8]). Только 11 лѣтъ спустя (въ 67 году по Р. Х.) Неронъ приказалъ его казнить; онъ самъ хотѣлъ блистать искуснымъ танцовщикомъ и видѣлъ въ Парисѣ, обучавшемъ его танцамъ, опаснаго соперника [9]). Къ фаворитамъ Домитіана принадлежалъ мимъ Латинъ [10]). Самаго знаменитаго пантомима того времени, который (по тогдашнему обычаю художниковъ носить имена своихъ знаменитыхъ предшественниковъ) назывался тоже Парисомъ, Домитіанъ велѣлъ убить за то, что онъ пользовался благосклонностью его жены Домитіи. Впослѣдствіи ходилъ слухъ, будто убійство императора находилось въ связи съ ея страстью къ этому или другому пантомиму [11]). Существуетъ преданіе, будто Ювеналъ былъ сосланъ за сатиру, въ которой онъ говорилъ, что содѣйствіе танцовщика при исканіи должности или мѣста въ войскѣ сильнѣе, чѣмъ содѣйствіе всѣхъ видныхъ людей Рима; это было принято за намекъ

[1]) Діонъ, LV, 10.—[2]) «Mitt. d. Arch. Inst.», 1888, стр. 79 (выше стр. 608, 1).—[3]) Плин., «N. h.», VII, 128.—[4]) Choric., «Apol. mimor.», 2, 3, стр. 214.—[5]) Ср. стр. 59.—[6]) Ср. стр. 286, 1.—[7]) Тац., «Анн.», XIII, 19—22.—[8]) «Digg.», XII, 4, 3, § 5. Тац., «Анн.», XIII, гл. 27.—[9]) Діонъ, LXIII, 18. Светон., «Неронъ», гл. 54.—[10]) Ср. стр. 61 1.—[11]) Ср. стр. 286, 2.

на пантомима, который пользовался какъ разъ тогда большимъ покровительствомъ при дворѣ и выдвигалъ нѣсколько разъ своихъ близкихъ. Траянъ, большой другъ всѣхъ актеровъ [1], любилъ пантомима Пилада [2]). Антонинъ Пій „любилъ искусство пантомимовъ“ [3]). Изъ вольноотпущенниковъ, достигшихъ при пышномъ дворѣ Л. Вера выдающагося положенія, упоминаются не менѣе трехъ пантомимовъ: Мемфисъ или Аполавстъ (собственно Агриппинъ), котораго императоръ привезъ изъ Сиріи, Парисъ (собственно Максиминъ) и еще одинъ Пиладъ [4]). Среди тѣхъ, кого городская молва считала фаворитами императрицы Фаустины, были также пантомимы [5]). Каракалла назначилъ танцовщика Ѳеокрита командующимъ войскомъ въ Арменіи [6]). Нѣтъ ничего удивительнаго, такимъ образомъ, что лица высшихъ сословій усердно искали общества актеровъ. Постановленіе сената отъ 15 года запрещало сенаторамъ посѣщать дома пантомимовъ, а римскимъ всадникамъ сопровождать ихъ на улицѣ [7]), но это запрещеніе было мало плодотворнымъ. При Неронѣ мужчины и женщины домогались другъ передъ другомъ ходить рядомъ съ пантомимами [8]); молодые люди самаго знатнаго рода вели себя какъ ихъ прислужники [9]); самыя позорныя отношенія съ ними знатныхъ лицъ были извѣстны всему городу [10]). Громадная толпа тѣснилась вокругъ нихъ на улицахъ и при преемникахъ Нерона [11]). При Антонинахъ многіе проводили каждое утро у пантомимовъ или цирковыхъ кучеровъ [12]). Поклонники Париса усыпали цвѣтами то мѣсто, гдѣ онъ былъ убитъ по приказанію Домитіана, и воскуряли тамъ благовонныя травы [13]), а Мартіалъ сочинилъ ему слѣдующую надгробную надпись: „Странникъ Фламиніевой дороги, не проходи мимо этого благороднаго мрамора. Здѣсь покоятся вмѣстѣ съ Парисомъ услада Рима, остроуміе Александріи, забава и радость, красота и скорбь римскаго театра, искусство и грація и всѣ боги и богини любви“ [14]). Больше всѣхъ прославились женщины высшихъ сословій тѣмъ, что онѣ были крайне благосклонны къ личнымъ прелестямъ актеровъ и готовы были даже покупать ихъ. Такое всеобщее увлеченіе актерами и ихъ игрой неизбѣжно вызвало соперничество крупныхъ артистовъ и партійность публики [15]). Уже издавна между актерами существовали состязанія, на которыхъ побѣдители получали пальмовыя вѣтви, вѣнки и прочіе почетные знаки; это еще больше обострило партійность. Во время республики актеры пытались искусственно создавать себѣ успѣхъ цѣлой организаціей. Они искали себѣ какъ можно бо́льшее число вліятельныхъ почитателей, нанимали за хорошую плату рукоплескателей, настраивали публику въ свою пользу черезъ посредничество людей [16]), занимавшихся этимъ дѣломъ профессіонально. Главный зачинщикъ бунта паннонскихъ легіоновъ въ 14 году по Р. Х., солдатъ Перценній, дерзкій бунтовщикъ, пріобрѣлъ ловкость вызывать массовое волненіе своей прежней

---

[1]) Fronto, «Principp. hist.», 5, 13. ed. Niebuhr, стр. 249.—[2]) Dio, LXVIII, 10.—[3]) «Antonin. Pius.», гл. 11.—[4]) О первомъ «L. Ver.», гл. 8; о третьемъ Fronto, «Epp. ad L. Ver.», 12.—[5]) «M. Antonin.», гл. 23.—[6]) Діонъ, LXXVII, 21. Hirschfeld, «Verwaltungsb.», 233 сл.—[7]) Тац., «Анн.», I, 77.—[8]) Сенека, «Qu. n.», VII, 32, 5. [9]) Сенека, «Письм.», 47, 17.—[10]) Плин., «N. h.», VII, 184. «Bull. comm. di Roma», 1886, стр. 161, 1203.—[11]) Плиній, «N. h.». XIX, 9.—[12]) Галенъ, «Method. med.», I, (ed. Kuehn, vol. X, стр. 3).—[13]) Діонъ, LXVII, 3.—[14]) Мартіалъ, XI, 13.—[15]) Стр. 285, 6.—[16]) У Marquardt, «Staatsverw.», III, 520 сл. Ср. также Петрон., «Сат.», гл. 5.

профессіей главаря рукоплескателей [1]). Организація этихъ театральныхъ партій усовершенствовалась, укрѣплялась и росла [2]) все больше и больше въ императорскую эпоху, частью, подъ вліяніемъ цирковыхъ партій, частью, вслѣдствіе участія высокопоставленныхъ лицъ и даже нѣкоторыхъ императоровъ; ихъ попытки взаимно терроризировать и подавлять другъ друга приводили здѣсь нерѣдко къ кровавымъ побоищамъ и безпорядкамъ, несмотря на стражу изъ цѣлой когорты (1000 чел.), которая ставилась на время представленій; вслѣдствіе этого, повторялись постоянно высылки актеровъ и наказанія ихъ почитателей. Это распространилось изъ римскихъ театровъ и въ провинціи. Императорскій прокураторъ Эпира жаловался Эпиктету, что его оскорбили въ театрѣ приверженцы комика Софрона, на сторонѣ котораго онъ стоялъ и велъ себя непристойнымъ образомъ. Онъ кричалъ, вскочилъ со своего мѣста, его рабы дѣлали тоже. Какъ могъ онъ удивляться, что толпа обращалась съ нимъ, какъ съ равнымъ себѣ, когда онъ поставилъ себя наравнѣ съ ней [3]). Часто къ театральнымъ безпорядкамъ, особенно въ провинціяхъ, были, повидимому, причастны кружки юношей (collegia iuvenum) [4]). Юристъ Каллистратъ, жившій при Северахъ, говоритъ, что люди, называющіе себя юношами, часто содѣйствуютъ бурному успѣху актеровъ у публики. Ихъ слѣдуетъ наказывать палочными ударами (наказаніе свободорожденныхъ низкаго происхожденія), если они ни въ чемъ другомъ не провинились и не получали предостереженія отъ намѣстника, или запретить имъ посѣщеніе зрѣлищъ; въ случаѣ же повторенія, ихъ слѣдуетъ высылать, а если и тогда они не исправятся и вновь учинятъ безпорядки, то подвергать смертной казни [5]). То, что только пантомимы возбуждали такую партійность и безпорядки, свидѣтельствуетъ опять о томъ, насколько это зрѣлище оттѣснило всѣ прочія на задній планъ.

Историки придавали этимъ происшествіямъ въ римскомъ театрѣ настолько важное значеніе, что упоминали, по крайней мѣрѣ, о важнѣйшихъ изъ нихъ и объ отношеніи къ нимъ отдѣльныхъ императоровъ. Уже соперничество Пилада и Батилла вызвало безпорядки въ театрѣ (въ 17 году до Р. Х.); но Августъ отнесся снисходительно къ артистамъ, которые такъ кстати отвлекали вниманіе публики отъ общественной дѣятельности, и изъ которыхъ послѣдній слылъ любимцемъ Мецената [6]). Соперничество пантомимовъ нарушило порядокъ и во время представленія, устроеннаго въ честь Августа, тотчасъ послѣ его смерти (въ 15 году); однако, Тиберій не осмѣлился, въ самомъ началѣ своего правленія, строгимъ вмѣшательствомъ возбудить противъ себя народъ, привыкшій къ снисходительности по отношенію къ вольности въ театрѣ [7]). Но въ слѣдующемъ году борьба партій привела къ крупнымъ безпорядкамъ, еще сильнѣе подогрѣтымъ участіемъ принца императорскаго дома Друза [8]); было нанесено оскорбленіе магистратамъ,

---

1) Тац., «Анн.», I, 16.—2) Fest., стр. 86 M.—3) Epictet., «Diss.», III, 4.—4) Henzen-Orelli, «Ind.», стр. 173. Willmanns, «Exempla», II, 634.—5) «Digg.», XLVIII, 19, 28, 3. O «collegia iuvenum» ср. Demoulin, «Musée Belge», I (1897), стр. 114 и 200; III, 177 и Jullien, «Dictionnaire des antiquités», п. сл. «iuvenes». Usener, «Vorträge u. Aufsätze», стр. 125—130. Hettner, «Westd. Zeit.», X, стр. 217. Rostowzew, «Römische Bleitesserae», стр. 59—103 (особенно стр. 84 слл.).—6) Діонъ, LIV, 17. Тац., «Анн.», I, 54.—7) Тац., тамъ-же.—8) Діонъ, LVII, 14.

вступилась стража, и въ рукопашной схваткѣ погибли не только многіе изъ народа, но и солдаты, и одинъ центуріонъ, а трибунъ преторіанской когорты, бывшій на стражѣ, былъ раненъ. Послѣ этого послѣдовало уже упомянутое постановленіе сената, въ силу котораго преторы получили право наказывать нарушителей общественнаго порядка высылкой [1]). Однако, все тѣ же сцены постоянно снова повторялись въ театрѣ, и послѣ того, какъ жалобы преторовъ оставались нѣсколько разъ безуспѣшными, Тиберій приказалъ выслать въ 22 [2]) или въ 23 [3]) году изъ Италіи всѣхъ актеровъ, замѣшанныхъ въ театральныхъ волненіяхъ или иначе провинившихся [4]), въ особенности, пантомимовъ; никакія просьбы народа не могли склонить его къ ихъ возвращенію [5]). Калигула сейчасъ же послѣ своего вступленія въ правленіе [6]) далъ имъ возможность вернуться, и при немъ и его преемникахъ не упоминается ни о какихъ мѣрахъ противъ театральной вольности. Неронъ, въ концѣ 55 года, удалилъ даже изъ театра преторіанскую когорту, которая стояла во время представленія на стражѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы отвлечь солдатъ отъ искушенія, представляемаго зрѣлищами [7]); слѣдствіемъ этого было, однако, то, что борьба партій возобновилась еще съ большей силой, тѣмъ болѣе, что Неронъ разжигалъ противниковъ безнаказанностью и наградами, и даже самъ принималъ участіе въ борьбѣ, въ качествѣ предводителя партій, сначала тайно, а затѣмъ открыто. Однажды, при столкновеніи, когда летали камни и обломки скамеекъ, какъ метательное оружіе, императоръ самъ усердно бросалъ вмѣстѣ со всѣми и ранилъ въ голову претора [8]). Послѣ этого убѣдились, что стража въ театрѣ необходима; пантомимовъ опять выслали изъ Италіи, а главныхъ зачинщиковъ изъ зрителей преторъ отправилъ въ тюрьму; попытка одного изъ народныхъ трибуновъ воспрепятствовать этой непопулярной мѣрѣ была отклонена сенатомъ [9]). Но вскорѣ (уже въ 60 году) пантомимамъ опять разрѣшили выступать [10]). Титъ воздерживался отъ изъявленія одобренія даже своимъ любимцамъ, господствовавшимъ [11]) тогда на сценѣ въ качествѣ танцовщиковъ. Домитіанъ совершенно запретилъ выступленіе пантомимовъ на открытыхъ сценахъ [12]). Нерва разрѣшилъ его вновь, вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ народа [13]). Траянъ опять запретилъ въ началѣ своего правленія; но снялъ свое запрещеніе послѣ второго дакійскаго тріумфа (107) [14]). Адріанъ, какъ позднѣе Северъ, предоставилъ придворныхъ пантомимовъ въ распоряженіе государства [15]). Луцій Веръ покровительствовалъ предпочтительно этому виду театральныхъ зрѣлищъ. Позже, во II столѣтіи, уже не упоминается о запрещеніи его и мало вѣроятно, чтобы оно повторялось въ тѣ времена возрастающаго одичанія нравовъ, когда театральныя зрѣлища поглощали всѣ прочіе интересы.

---

[1]) Тац., «Анн.», I, 77.—[2]) Діонъ, LVII, 21.—[3]) Тац., «Анн.», IV, 14.—[4]) Ср. выше стр. 285, 9.—[5]) Светон., «Тибер.», гл. 37.—[6]) Діонъ, LIX, 2.—[7]) Тац., «Анн.», XIII, 24.—[8]) Тамъ-же, XIII, 24 сл. Светон., «Нер.», гл. 26; Діонъ, LXI, 8.—[9]) Тац., тамъ-же, гл. 28. Светон., «Неронъ», гл. 16 сл.—[10]) Тац., «Анн.», XIV, 21.—[11]) Светон., «Титъ», гл. 7.—[12]) Светон., «Домитіанъ», гл. 7.—[13]) Плин., «Паneг.», гл. 46.—[14]) Діонъ, LXVIII, 10.—[15]) «Hadrian.», гл. 19; также «Alexand. Sever.», гл. 34.

4. СТАДІЙ.

Позже всѣхъ другихъ въ Римѣ получили право гражданства греческія состязанія и игры атлетовъ и музическихъ художниковъ [1]). Во время республики они бывали рѣдко, только при императорахъ, при возрастающемъ сліяніи римской и эллинской культуры и нравовъ, они стали постепенно популярными. Здѣсь будетъ рѣчь только о борьбѣ атлетовъ [2]). Впервые устроилъ это зрѣлище (также, какъ и травлю звѣрей) М. Фульвій Нобиліоръ въ 186 году; много художниковъ съѣхалось для этого изъ Греціи [3]). 100 лѣтъ спустя Сулла устроилъ борьбу атлетовъ на празднествѣ въ честь побѣды надъ Митридатомъ (въ 81 году до Р. Х.); онъ привлекъ въ Римъ такъ много атлетовъ, что въ Олимпіи не могли состояться игры за недостаткомъ участвующихъ [4]), исключая состязанія въ бѣгѣ въ стадіи. Это зрѣлище повторялось и позже: въ 58-омъ году до Р. Х., устроилъ его М. Скавръ въ годъ своего эдилитета (вѣроятно, въ еще небывалыхъ размѣрахъ, оттого Валерій Максимъ ошибочно приписывалъ ему введеніе этихъ игръ) [5]); затѣмъ Г. Куріонъ, при похоронныхъ играхъ въ честь своего отца (53 г.) [6]), въ 55-омъ году Помпей при освященіи театра [7]). Цицеронъ писалъ тогда М. Марію, что онъ, вѣроятно, не пожелаетъ видѣть атлетовъ, если онъ презираетъ даже гладіаторовъ—это ясно опредѣляетъ вкусъ большинства тогдашней римской публики; и Помпей признался самъ, что онъ даромъ потратилъ „масло и трудъ" [8]). Но и Цезарь устроилъ на своихъ тріумфальныхъ играхъ въ 46 году трехдневную борьбу атлетовъ въ выстроенномъ на Марсовомъ полѣ, затѣмъ опять разрушенномъ стадіѣ [9]). Августъ, удѣлявшій этому зрѣлищу особенное вниманіе и находившій въ немъ большое удовольствіе [10]), также устраивалъ (тоже на Марсовомъ полѣ) борьбу атлетовъ, „которыхъ созвали со всѣхъ сторонъ": дважды отъ своего собственнаго имени и въ третій разъ отъ имени своего племянника [11]). Онъ же далъ поводъ не только къ ихъ частому, но и періодическому устройству. На постоянномъ празднествѣ въ память побѣды при Актіѣ онъ возобновилъ и расширилъ происходившія тамъ праздничныя игры, издревле посвященныя Аполлону. Эти игры устраивались каждые 4 года во вновь основанномъ имъ же Никополѣ, и на нихъ происходили гимническія и музическія состязанія [12]), вѣроятно, въ день битвы при Актіѣ (2-го сентября), такъ какъ атлеты отправлялись туда по окончаніи августалій въ Неаполѣ [13]), на которыхъ присутствовалъ Августъ незадолго до своей смерти (19 августа) [14]). Этотъ періодическій праздникъ причислили пятымъ къ циклу 4-хъ большихъ священныхъ состязаній въ Греціи [15]), и въ началѣ императорской

---

[1]) Эмилій Павелъ далъ въ 169-мъ году греческія представленія въ Амфиполѣ, Ливій, XLV, 22.—[2]) Ср. гл. X, 2.—[3]) Лив., XXXIX, 22.—[4]) Аппіанъ, «Гражд. в.», I, 99 (175 Олимп.).—[5]) Валер. Макс., II, 4, 7.—[6]) Плин., «N. h.», XXXVI, 120.—[7]) Діонъ, XXXIX, 38. Плут., «Помпей», гл. 52.—[8]) Цицер., «ad fam.», VII, 1, 3.—[9]) Плут., «Цезарь», гл. 39.—[10]) Светон., «Авг.», гл. 45.—[11]) Mommsen, «Res Gestae divi Aug.», 2 изд., гл. 22, (стр. 90). Светон., «Авг.», гл. 43. Діонъ, LIII, 1.—[12]) Страбонъ, VII, 325 С. Светон., «Авг.», гл. 18.—Діонъ, LI, 1. Ср. Franz, C I. G., III, стр. 730 и статью «Actium» Bursian'a у Pauly-Wissowa, «Realencycl.», I, 146.—[13]) Стат., «Сильв.», II, 2, 6.—[14]) Светон., «Авг.», гл. 98.—[15]) Franz, C. I. G., III, стр. 730a. Ср. 4472, 10.

эпохи лѣтосчисленіе велось иногда по акстіадамъ, вмѣсто олимпіадъ [1]). Онъ сохранился до позднихъ временъ древности (еще Юліанъ возобновилъ его) [2]) и пользовался большимъ почетомъ. Многочисленныя греческія надписи атлетовъ и музыкантовъ изъ различныхъ странъ свидѣтельствуютъ о томъ, что честь стать тамъ побѣдителемъ считалась не менѣе высокой, чѣмъ получить вѣнокъ въ Олимпіи или Дельфахъ. Подобные періодическіе праздники устраивались правителями въ честь Августа, какъ напримѣръ Иродомъ въ Іудеѣ (въ 8 году до Р. Х.) [3]); а во многихъ провинціяхъ Августу посвящались не только храмы, но и празднества почти въ каждомъ городѣ [4]).

И въ самомъ Римѣ сенатъ рѣшилъ сейчасъ же послѣ битвы при Актіѣ (724 г.) устроить въ честь побѣды періодическій праздникъ [5]), повторяющійся каждые 4 года, который и былъ въ первый разъ отпразднованъ въ 726=28 г. Агриппой [6]). Въ этомъ же году состоялось посвященіе палатинскаго храма Аполлона. Эти зрѣлища, посвященныя актійскому Аполлону [7]) и совершаемыя по обѣту „за благополучіе Цезаря", устраивались попеременно то консулами, то четырьмя великими коллегіями жрецовъ періодически черезъ каждые 4 года [8]); но повидимому, послѣ смерти Августа они прекратились: послѣдній праздникъ упоминается въ 762 году [9]). На первомъ изъ нихъ знатные мужи и мальчики правили колесницами, какъ это было принято на священныхъ играхъ въ Греціи, и боролись атлеты въ выстроенномъ на Марсовомъ полѣ стадіѣ; кромѣ того, было устроено состязаніе борцовъ.

Праздникъ продолжался нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ иногда вмѣсто заболѣвшаго Августа предсѣдательствовалъ Агриппа [10]). Несомнѣнно, что борьба атлетовъ постоянно повторялась и на послѣдующихъ праздникахъ. Когда на празднествѣ, устроенномъ понтификами, народъ потребовалъ кулачнаго боя, Августъ назначилъ его на слѣдующее утро и запретилъ женщинамъ, которыхъ онъ старался держать вдали отъ всякихъ игръ атлетовъ, являться ранѣе 5-ти часовъ [11]), т.-е. по окончаніи кулачнаго боя.

Вслѣдствіе частыхъ повтореній, игры атлетовъ стали любимымъ зрѣлищемъ въ Римѣ. Вскорѣ народъ сталъ требовать отъ магистратовъ [12]), устраивающихъ игры и считающихся съ ихъ желаніями, такъ же, какъ и императоры, „греческаго состязанія". Калигула устроилъ въ 38-омъ году гимническія игры [13]), а также въ 39-омъ году въ день рожденія Друсиллы, въ нѣсколькихъ мѣстахъ одновременно [14]). Во время игръ на празднествѣ по случаю британскаго тріумфа въ циркѣ въ 44-омъ году по приказанію Клав-

---

[1]) Іосифъ, «Іуд. в.», I, 20, 4.—[2]) Панег., X, гл. 9, 1.—[3]) Іосифъ, «Древн.», XVI, 5, 1; ср. «Іуд. в.», I, 21. 8.—[4]) Светон., «Авг.», гл. 59. Mommsen, «Res Gestae divi Aug.», 2 изд. стр. 42, 1. Запрещеніе Калигулы (Светон., «Калиг.», гл. 23) во всякомъ случаѣ не имѣло силы послѣ его правленія; Тац., «Анн.», XV. 23; C. I. G., 5804 стр. 24 (89 г. по Р. Хр.). и 27 (90 г. по Р. Хр.). Ср стр. 732.—[5]) Діонъ, LI, 19.—[6]) Его-же, LIII, 2, ср. Mommsen, «Res Gestae divi Aug.», 2 изд., стр. 51 сл.—[7]) Монета 738-го года носитъ изображеніе жреца, приносящаго жертву съ надписью: «pro valetudine Caesaris s. p. q. R.». На оборотной сторонѣ Аполлонъ, приносящій жертву, съ надписью: «Apollini Actio». Изъ этого Mommsen, ук. соч., правильно заключилъ что «ludi pro salute divi Aug. votivi» (762 г.) у Плинія, «N. h.», VII, 158 относятся къ этому періоду—[8]) Діонъ, LIII, 1, LIV, 19; ср. Mommsen, ук. соч.—[9]) Плин., «N. h.», VII, 158.—[10]) Діонъ, LIII, 1.—[11]) Светон., «Авг.», гл. 44; ср. Mommsen, ук. соч., (730, 746 или 762 г.).—[12]) Тац., «Анн.», XIV, 21.—[13]) Діонъ, LIX, 9.—[14]) Діонъ, LIX, 13.

дія между бѣгами колесницъ выступали атлеты [1]). Но гораздо большую популярность этихъ игръ вызвалъ въ Римѣ Неронъ, благодаря своей любви къ греческимъ нравамъ и установленіямъ. Онъ учредилъ здѣсь въ 60 году, совершенно по греческому образцу, „священный“ праздникъ съ тремя видами состязаній: бѣгомъ колесницъ, гимнастикой, пѣніемъ, музыкой, поэзіей и ораторскимъ искусствомъ. Этотъ праздникъ долженъ былъ повторяться періодически каждые 5 лѣтъ и былъ основанъ на средства государственной казны [2]).

Музическія состязанія, отсутствовавшія, вѣроятно, въ Римѣ на играхъ, посвященныхъ актійскому Аполлону, составляли здѣсь центръ, какъ это и понятно, разъ все это возникло, прежде всего, вслѣдствіе желанія Нерона блистать въ поэзіи, пѣніи и игрѣ на цитрѣ. Эти состязанія устраивались въ театрѣ подъ предсѣдательствомъ консуларовъ; въ нихъ участвовали, по примѣру самаго императора, самые знатные римляне. Побѣдителей награждали вѣнками [3]). Гимническія игры состоялись на первомъ праздникѣ въ септахъ, куда пригласили и весталокъ, такъ какъ и въ Олимпіи изъ женщинъ на такихъ торжествахъ присутствовали только жрицы Деметры. Одновременное основаніе гимназіи рядомъ съ термами и раздача масла сенату и всадникамъ [4]) при ея открытіи намекало достаточно ясно на желаніе императора, чтобы римляне высшихъ сословій тоже участвовали въ этихъ состязаніяхъ. Противники этого зрѣлища считали величайшимъ позоромъ, какимъ только могла заклеймить себя знать, обнажаться, надѣвать ремни и упражняться въ этой борьбѣ, вмѣсто того, чтобы служить оружію [5]). Однако, это однажды все-таки случилось. Пальфурій Сура, сынъ консулара, столь же высоко одаренный какъ и нравственно разнузданный человѣкъ, выступилъ борцомъ; при этомъ есть свидѣтельство, что онъ боролся съ лакедемонской дѣвушкой [6]). Но, повидимому, это невѣроятное оскорбленіе чувства приличія римлянъ не нашло себѣ подражанія. На празднествѣ многіе облеклись въ греческое одѣяніе [7]). Послѣ второго праздника въ 65 году [8]) (и его продолженія въ слѣдующемъ году) болѣе не упоминается о неронеяхъ; вѣроятно, ихъ отмѣнили сейчасъ же послѣ смерти Нерона. Гордіанъ III возобновилъ и расширилъ ихъ до своего похода противъ персовъ (въ 241-мъ году), вѣроятно, въ 240 году, въ которомъ состоялось бы 36-ое празднованіе нероней [9]). Праздникъ этотъ, повидимому, сталъ съ этихъ поръ называться „состязаніями Минервы“ [10]).

Несравненно большій почетъ пріобрѣло и сохранило за собой капитолійское состязаніе [11]), основанное въ 86 году Домитіаномъ; его также считали

---

[1]) Діонъ, LX, 23.—[2]) Тац., «Анн.», XIV, 20. Діонъ, LXI, 21. Светон., «Неронъ», гл. 12. Eckhel, D. N., V, 264.—[3]) Ср. приведенныя мѣста; Тац., «Анн.», XVI, 4. Светон., «Нер.», гл. 21.—«Vit. Luciani» и Haackh, у Pauly, «Realencyclop.», V, 584.—[4]) Светон., «Нер.», гл. 12. Діонъ, LXI, 21. Тац., «Анн.», XIV, 47.—[5]) Тац., «Анн.», XIV, 20.—[6]) «Схол. Ювен.», 4, 53 (видимо по Марію Максиму).—[7]) Тац. «Анн.», XIV, 29.—[8]) Тац., «Анн.», XVI, 4. Евсев., «Хрон.». То чтобы неронеи продолжались въ позднее время, конторніаты Eckhel «D. N.», VIII, стр. 312) также мало доказываютъ, какъ и камея, съ надписью Νέρων Αὔγουστε (Неронъ на квадригѣ со скипетромъ и сигнальнымъ флагомъ); Caylus, «Rec.», I, табл., 86, 2) и надписи, приведенныя Genthe, «de Luciani vita et scriptis», стр. 52 сл. Gruter, 116, 3, и 499, 6 (ср. стр. 484, 13). Единственный мнѣ извѣстный памятникъ нероней «tessera Saulini», съ надписью Νερωνεα, «Bull. dell'Inst.», 1864, стр. 37.—[9]) Aurel. Vict., «Caes.», гл. 27.—[10]) «Catal. imp.», C. I. G., 1068. C. I. A., III, 129.—[11]) Morcelli, «Sull' agone Capitolino», pubblicato da Labus ed. 2. Milano, 1816.

равнымъ съ олимпiйскимъ [1]). Оно устраивалось тоже перiодически каждые 4 года (для того, чтобы дать возможность участвовать заморскимъ соревнователямъ, оно бывало, очевидно, раннимъ лѣтомъ [2]), т.-е. во время судоходства); здѣсь домогались вѣнка въ трехъ главныхъ родахъ состязанiя; нѣкоторыя необычные виды состязанiя, введенныя Домитiаномъ, были впослѣдствiи упразднены [3]). Такъ исчезло соревнованiе въ краснорѣчiи на греческомъ и латинскомъ языкахъ; но получить награду за греческую или латинскую поэзiю, считавшуюся въ своемъ родѣ единственной, служило самой высокой цѣлью тщеславiя для поэтовъ во всемъ римскомъ государствѣ, и надежда получить изъ рукъ императора [4]) присужденный судьями вѣнокъ [5]), сплетеный изъ дубовой листвы [6]), влекла самыхъ талантливыхъ поэтовъ далекихъ провинцiй изъ-за моря въ столицу. Воспоминанiе объ этомъ вѣнчанiи поэтовъ на Капитолiи пережило все средневѣковье, и Петрарка ставилъ вѣнчанiе римскимъ сенаторомъ выше любого иного [7]). Награда за музыку давалась въ началѣ какъ за игру на цитрѣ отдѣльныхъ лицъ, такъ и хоровъ; впослѣдствiи за пѣнiе, за киѳарэдику (т.-е. за пѣнiе подъ аккомпаниментъ цитры), за игру на пиѳiйской (соло) флейтѣ и, вѣроятно, за хоръ флейтъ, можетъ быть, и за декламацiю изъ драмъ. Для этихъ музыкальныхъ представленiй Домитiанъ построилъ, по проекту знаменитаго архитектора Аполлодора, крытый театръ, Одеонъ, на Марсовомъ полѣ; онъ вмѣщалъ, приблизительно, 5000 зрителей и считался еще въ IV столѣтiи однимъ изъ красивѣйшихъ зданiй Рима [8]).

Гимническiя состязанiя на капитолiйскомъ агонѣ были тѣ же, что и повсюду въ Грецiи, какъ для мальчиковъ, такъ и для взрослыхъ мужчинъ; введенный при основанiи, по спартанскому образцу, бѣгъ дѣвушекъ былъ вскорѣ снова упраздненъ. Побѣда въ этихъ состязанiяхъ оставалась естественно, обыкновенно, за атлетами греческихъ странъ; многiе изъ нихъ, на сохранившихся памятникахъ, хвалятся присужденнымъ имъ здѣсь вѣнкомъ. Т. Флавiй Архибiй оставался побѣдителемъ 4 раза подрядъ на Капитолiйскихъ Олимпiадахъ (отъ 94—106 г. по Р. Х.); въ первый разъ въ панкратiѣ мальчиковъ, 3 слѣдующихъ раза въ панкратiѣ мужей [9]). Историкъ Кассiй Дiонъ говоритъ, что атлетъ Аврелiй Геликъ побѣдилъ при Элагабалѣ (218 г.) въ капитолiйскомъ состязанiи одновременно въ борьбѣ и въ кулачномъ бою, что удалось въ Олимпiи послѣ Геракла только семи борцамъ, въ Римѣ еще ни одному [10]). Для борьбы атлетовъ Домитiанъ выстроилъ также на Марсовомъ полѣ стадiй, вмѣщающiй 15000 зрителей [11]). Значительные остатки этого зданiя существовали еще въ среднiе вѣка, и память о немъ сохранилась и понынѣ въ имени Piazza Navona [12]) (первоначально Agon,

---

[1]) Franz, C. I. G., стр. 729. Ср. Vol. II, 2810 b. «Add.».—[2]) Morcelli, стр. 12. Clinton, «Fasti Romani», стр. 252. Seeck, «Rh. M.», XLI (1883) стр. 168. Ranke, «Weltgesch.», III, 1, 405, 1. Censorin., «De die natali» (напис. въ 238 г.), гл. 18, 11. Scaliger, «De emend. temp.», 243. Eckhel, «D. N.», IV, 437.—[3]) Светон., «Домит.», гл. 4.—[4]) Martial., IV, 1, 6.—[5]) Стат., «Сильв.», V, 3, 231. Мартiалъ, IV, 1, 6. 54, 1, IX, 23, 5. Ювен., 6, 387. Ср. Nohl, «Quaest. Statian.», стр. 26, 30.—[6]) I. R. N., 5252=C. I. L., IX, 2860.—[7]) Burckhardt, «Die Kultur der Renaissance», стр. 202 слл. Гл. XI, 3.—[8]) Preller, «Die Regionen Roms», стр. 169.—Hülsen-Jordan, ук. соч., I, 3, стр. 594.—[9]) C. I. G., 5804.—[10]) Дiонъ, LXXIX, 10.—[11]) Hülsen-Jordan, ук. соч., I, 3, стр. 593.—[12]) Preller, ук. соч., стр. 169 сл.

Campus Agonis). Греческій характеръ всего празднества выражался, по крайней мѣрѣ, при Домитіанѣ, и внѣшнимъ образомъ. Императоръ предсѣдательствовалъ въ греческой пурпурной мантіи, греческихъ сандаліяхъ, въ золотомъ вѣнкѣ на головѣ, съ изображеніями трехъ капитолійскихъ божествъ— Юпитера, Юноны и Минервы; другими членами президіума и судьями были фламинъ Юпитера и коллегія жрецовъ флавіева дома въ такомъ же одѣяніи, съ тою только разницей, что на ихъ вѣнцахъ было еще изображеніе императора [1]). Впослѣдствіи состязаніями руководили поочередно коллегіи жрецовъ, подъ предсѣдательствомъ императора. Собраніе слушателей и зрителей было самымъ блестящимъ изъ всѣхъ собраній, одобреніе которыхъ могло выпасть на долю борца, артиста или поэта [2]). Капитолійскія игры сохранились до послѣднихъ временъ древности.

Существовало еще много состязаній, можетъ быть, исключительно гимническихъ, основанныхъ различными императорами [3]): напр., праздникъ въ честь Адріана [4]), учрежденный, вѣроятно, Антониномъ Піемъ; состязаніе Геркулеса (основанное, вѣроятно, Каракаллой) въ честь Александра Великаго, которое праздновалось еще, по крайней мѣрѣ, при Александрѣ Северѣ [5]); уже упомянутое состязаніе Минервы, основанное Гордіаномъ III [6]), и затѣмъ состязаніе, празднуемое каждые четыре года въ честь бога солнца, учрежденное Авреліаномъ (въ 274 году) [7]). Одинъ греческій атлетъ хвалится въ своей надписи, что онъ побѣдилъ римлянъ въ бѣгѣ и получилъ какъ въ стадіѣ, такъ и въ двойномъ бѣгѣ, на состязаніяхъ бога солнца, богини луны и Геркулеса вѣнки и награды [8]). На торжествѣ тысячелѣтія Рима, которое отпраздновалъ императоръ Филиппъ Арабъ въ 248 году, состоялась среди прочихъ состязаній и борьба атлетовъ [9]). Епископъ Кипріанъ Кароагенскій (ум. въ 257 г.) пишетъ: къ состязанію на праздникъ тысячелѣтія всѣ готовятся и упражняются и считаютъ высокой славой всенародно получить вѣнокъ въ присутствіи императора [10]). Въ греческомъ анекдотѣ школьный педантъ утѣшаетъ побѣжденнаго на этомъ празднествѣ атлета: за то онъ побѣдитъ на слѣдующемъ тысячелѣтнемъ состязаніи [11]). Однако, о всѣхъ этихъ состязаніяхъ болѣе ничего неизвѣстно, и ни одно изъ нихъ не достигло даже приблизительно значенія капитолійскаго.

Но независимо отъ нихъ, атлеты стали появляться въ эпоху имперіи, главнымъ образомъ, начиная съ третьяго столѣтія, все чаще на римскихъ зрѣлищахъ всякаго рода. Такъ, Северъ выписалъ на свои тріумфальныя игры гимническихъ и музическихъ артистовъ изъ всѣхъ частей государства [12]); монета [13]), вычеканенная въ память этихъ игръ, и еще другая, времени Гордіана III отъ 244 года, изображаютъ атлетовъ въ циркѣ [14]); то же изображеніе находится и на мозаикѣ цирка въ Барцелонѣ [15]). На большихъ играхъ,

---

[1]) Светон., «Домит.», гл. 4.—[2]) Геродіанъ, I, 9, 2.—[3]) «Bull. comm. di Roma», 1887, стр. 186, 1922.—[4]) C. I. G., 3208.—[5]) «Alex. Sever.», гл. 35.—[6]) «Catal. imp.», C. I. G., 1068.—[7]) «Catal. imp.», стр. 648 изд. Mommsen, Евсев., «Хрон.»; Julian., «Or.», IV, 155 B.—[8]) C. I. G., 5923.—[9]) Евсев., «Хрон.».—[10]) Cyprian., «Epp.», 58, 8.—[11]) Philogelos, ed. Eberhard, 62. Надпись, отнесенная Моммзеномъ къ театральнымъ играмъ въ память тысячелѣтія Рима, C. I. L., VI, 488, можно отнести и къ тогдашнему гимническому состязанію.—[12]) Геродіанъ, III, 8, 9.—[13]) Cohen, «Méd. imp.», III, стр. 274.—[14]) Тамъ-же, IV, стр. 148 № 189.—[15]) Huebner, «Ann. dell'Inst.», 1864, стр. 158.

устроенныхъ Кариномъ, выступило 1000 атлетовъ, которыхъ, какъ и прочихъ греческихъ артистовъ, богато одарили золотомъ, серебромъ и шелковыми одеждами [1]). Повидимому, съ пятаго столѣтія, а можетъ быть по временамъ и раньше, гимнастическія состязанія замѣнили упраздненныя игры гладіаторовъ: такъ, на консуларскихъ играхъ Флавія Маллія Ѳеодора выступали атлеты, а не гладіаторы [2]). Въ астрологической книгѣ Фирмика Матерна, написанной, приблизительно, въ 334—337 годахъ, гороскопы послѣднихъ встрѣчаются гораздо рѣже, чѣмъ первыхъ, которые, состоя на службѣ знатныхъ лицъ, упоминаются вмѣстѣ со своими начальниками [3]).

Введеніе въ Римѣ греческихъ состязаній натолкнулось на рѣшительное сопротивленіе со стороны истинныхъ римлянъ, направленное, главнымъ образомъ, противъ борьбы атлетовъ. Правда, нѣкоторые изъ ея видовъ издавна укоренились въ Италіи и въ другихъ мѣстахъ на западѣ и устраивались на публичныхъ зрѣлищахъ Рима, именно борьба, бѣгъ и кулачный бой [4]). Послѣдній, національный видъ борьбы въ Этруріи [5]), Лаціѣ [6]), Кампаніи и Африкѣ [7]), выполнялся въ Италіи и цѣлыми группами, борящимися другъ противъ друга; на ряду съ ними, въ Помпеяхъ (при Августѣ) на играхъ, данныхъ однимъ изъ высшихъ магистратовъ города, на форумѣ выступили однажды и греческіе кулачные бойцы [8]). Это зрѣлище всегда очень любили въ Римѣ, не только во времена Терентія, „Свекровь" котораго провалилась въ 165 году при первомъ представленіи, такъ какъ публику привлекали больше кулачные бойцы [9]), но и во время Горація, гдѣ толпа среди представленія часто требовала медвѣдя или кулачныхъ бойцовъ: „такъ какъ милая чернь находила въ этомъ свою радость" [10]). Но италійскія состязанія существенно отличались отъ греческихъ, больше всего своей безыскуственностью. Отвращеніе римлянъ къ греческой гимнастикѣ и атлетикѣ основывалось, прежде всего, на ихъ чувствѣ приличія, которое считало наготу непристойной (справедливо, замѣчаетъ Цицеронъ, Энній говоритъ: „обнажаться среди гражданъ—начало позора") [11]), а затѣмъ на неодобреніи всѣхъ тѣлесныхъ упражненій, лишенныхъ практическаго примѣненія, главнымъ образомъ, непригодныхъ для военной службы; наконецъ, на опасеніи развращенія подрастающей молодежи и привычки всѣхъ къ праздному препровожденію времени въ гимназіяхъ, которыя по этимъ двумъ причинамъ, по мнѣнію римлянъ, и привели, главнымъ образомъ, Грецію, къ упадку и гибели [12]).

Несмотря на этотъ широко распространенный взглядъ, греческія упражненія снискали себѣ уже въ послѣднее время республики столько сторонниковъ, что имѣть въ каждой виллѣ по одной гимназіи считалось уже недостаточнымъ [13]), какъ это замѣчаетъ съ неудовольствіемъ Варронъ. Онѣ служили, безъ сомнѣнія, главнымъ образомъ, цѣлямъ лечебной гимнастики (iatraliptice); ея основатель Продикъ изъ Селимбріи, ученикъ Гиппократа,

---

[1]) «Carinus», гл. 18.—[2]) Claudian., «De cons. Fl. M. Th.», 287. Ср. Orelli, 2588, C. I. G., 5924; Cassiodor., «Var. epp.», V, 42.—[3]) Firm. Matern., VII, 22; III, 8, 4, 5; III, 13, 5, 10; V, 15 кон.—[4]) У Marquardt, 2 изд. III, 525.—[5]) Ливій, I, 35.—[6]) Светон., «Авг.», гл. 45.—[7]) Светон. «Калиг.», гл. 18.—[8]) I. R. N., 2378 = C. I. L., X, 1074.—[9]) Терент., «Свекр.», прол. 25.—[10]) Горац., «Посл.», II, 1, 185.—[11]) Цицер. «Туск.», IV, 33, 70.—[12]) Ср. Marquardt, «Privatleb.», 2 изд. I, 117 сл. и особенно Плутархъ. «Qu. R.». 40.—[13]) Варронъ, «R. r.», II, 1, 1.

открылъ доступъ въ нихъ также натирателямъ и помощникамъ врачей [1]), какъ говоритъ старшій Плиній. На званомъ обѣдѣ извѣстнаго кутилы Апиція, на которомъ присутствовалъ и Юній Блезъ [2]), разговаривали о гимнастикѣ; какъ живой примѣръ ея чудеснаго дѣйствія для сохраненія силъ и здоровья служилъ бывшій тутъ 91-лѣтній, еще совершенно бодрый палестритъ Исидоръ [3]). Цельсъ опредѣленно высказывается противъ примѣненія врачебной гимнастики для здоровыхъ; онъ же не рекомендуетъ и чисто атлетическихъ упражненій [4]). Но, вѣроятно, врачебная гимнастика пріобрѣтала, какъ все греческое, чѣмъ дальше, тѣмъ больше одобренія. Стараго Трималхіона, въ романѣ Петронія, сопровождаютъ на купанье три учителя врачебной гимнастики [5]).

Самый сильный толчокъ къ распространенію гимнастики далъ Неронъ; какъ упомянуто, онъ включилъ борьбу атлетовъ въ римскій государственный праздникъ, выстроилъ гимназію [6]), рисовался своей любовью къ этимъ упражненіямъ (онъ съ величайшимъ интересомъ присутствовалъ [7]) на нихъ въ неаполитанской гимназіи въ тотъ день, когда получилъ извѣстіе о возстаніи въ Галліи) и осыпалъ атлетовъ щедрыми подарками [8]). Онъ и его вольноотпущенники, особенно Патробій, выписывали, какъ нѣкогда полководцы Александра Великаго, песокъ съ Нила [9]) для своихъ гимназій; прибытіе изъ Александріи во время голода въ Римѣ корабля, нагруженнаго пескомъ, усилило ярость народа до крайнихъ предѣловъ [10]). Примѣръ императора и двора способствовалъ распространенію интереса къ греческой гимнастикѣ въ широкихъ кругахъ. Когда учителя и сторонники вошедшаго въ моду искусства не только восхваляли его, какъ нѣчто необходимое для полнаго здоровья и естественнаго развитія тѣла [11]), но и раздались голоса за введеніе его въ систему воспитанія юношества [12]), то въ консервативно-римскихъ кругахъ стали опасаться, что вмѣстѣ съ греческой гимнастикой проникнетъ въ Римъ и греческая испорченность нравовъ. Говорили, что чужеземная разнузданность разрушитъ окончательно и такъ уже постепенно пришедшіе въ упадокъ нравы отцовъ; для того, чтобы все соблазнительное служило въ Римѣ зрѣлищемъ, иностранныя затѣи, какъ гимнастика, праздность и позорныя любовныя связи, вырождали юношество [13]). Представители этого направленія, называвшіе грековъ виновниками всѣхъ пороковъ [14]), считали введеніе гимнастики въ режимъ здоровыхъ не только безполезнымъ, но и въ высшей степени безнравственнымъ [15]); они жаловались, что римское юношество теряетъ духовныя силы, упражняясь тѣлесно [16]). И Луканъ въ то время, когда онъ находился въ немилости и оппозиціи противъ двора Нерона, высказывалъ тѣ же взгляды; онъ называетъ „молодую дружину, воспитанную въ греческихъ гимназіяхъ, почти неспособной носить оружіе и немощной, вслѣдствіе того, что она постоянно

---

1) Плин., «N. h.», XXIX, 4.—2) Юній, Блезъ cons. suff. 10 г. по Р. Хр. Ср. выше стр. 534, 9 и Nipperdey, Tac. «A.», III, 35.—3) Эліанъ, изд. Hercher, II, 240.—4) Цельсъ, «De re med.», I, 1 и 2.—5) Петрон., гл. 28.—6) Сенека, «De ira», II, 14, 3.—7) Светон., «Неронъ», гл. 40.—8) Светон., «Гальба», гл. 15; Плутархъ, «Гальба», гл. 16, 2, выше стр. 608, 10.—9) Плин., «N. h.», XXXV, 168.—10) Светон., «Неронъ», гл. 45.—11) См. особенно Сенека, «Письм.», 15.—12) Сенека, «Письм.», 88, 18. 13) Тац., «Анн.», XIV, 20.—14) Плин., «N. h.», XV, 19.—15) Плин., «N. h.», XXIX, 26.—16) Тамъ-же, XXXV, 168.

толкается на площадкѣ для борьбы" [1]). Мартіалъ хвалитъ какого-то Аттика за то, что онъ довольствуется простыми движеніями бѣга и презираетъ всевозможныя гимнастическія упражненія, изъ-за которыхъ люди только напрасно теряютъ время, тогда какъ другіе молодые люди поступаютъ въ школу къ учителямъ съ изувѣченными ушами (какъ это часто бывало у кулачныхъ бойцовъ) и платятъ грязному натирателю незаслуженную высокую плату [2]). Въ другой разъ онъ спрашиваетъ, зачѣмъ расточать силу рукъ съ „глупыми гирями"; гораздо лучшее упражненіе для мужчинъ—копать виноградники [3]). Въ такомъ же смыслѣ жалуется Плиній младшій, что древне-римскія упражненія съ оружіемъ подъ наблюденіемъ ветерана, украшеннаго гражданскимъ вѣнкомъ, или такимъ, какой дается за взятіе стѣнъ, вытѣснены гимнастикой, которой обучаетъ греческій гимнастъ [4]). Сами греки были такого мнѣнія, что римляне заимствовали у эллиновъ наготу во вредъ своимъ нравамъ, но потомъ отплатили своимъ учителямъ съ лихвою за это зло [5]).

Капитолійское состязаніе Домитіана, которое, казалось, должно было въ широкихъ размѣрахъ ввести устройство греческихъ празднествъ въ Римѣ, вызвало вновь ту же оппозицію, продолжавшуюся, несмотря на то, что самое непріятное для римлянъ зрѣлище—состязаніе въ бѣгѣ дѣвушекъ—было, какъ упомянуто, упразднено. Когда въ кабинетѣ Траяна однажды голосовали за упраздненіе гимническихъ состязаній въ Вьеннѣ (въ Галліи), Юній Рустикъ, человѣкъ большой твердости и прямоты характера, подалъ свой голосъ противъ нихъ съ добавленіемъ: „я желалъ бы, чтобы ихъ можно было упразднить и въ Римѣ"; эти слова младшій Плиній, участвовавшій въ засѣданіи, приводитъ какъ примѣръ неустрашимости и рѣшительности. Онъ заканчиваетъ свой разсказъ слѣдующими словами: „было рѣшено упразднить состязаніе, которое привело къ порчѣ нравовъ жителей Вьенны, какъ наше состязаніе ведетъ ко всеобщей, такъ какъ пороки жителей Вьенны остаются у нихъ, наши же широко распространяются, ибо какъ въ тѣлѣ, такъ и въ государствѣ самая опасная болѣзнь та, которая исходитъ изъ головы и распространяется на все остальное тѣло" [6]).

Пока въ Римѣ существовала національно-римская оппозиція противъ атлетики и греческихъ состязаній (слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, еще въ началѣ II-го столѣтія), она достигала, хотя бы того результата, что участіе въ этихъ зрѣлищахъ лицъ высшихъ сословій ограничивалось единичными случаями, и даже въ низшихъ классахъ Рима мало распространялось. Тогда какъ всадники и сенаторы въ большомъ числѣ выступали въ первомъ столѣтіи на сценѣ, въ циркѣ и на аренѣ, упомянутое выступленіе въ стадіѣ Пальфурія Суры является единственнымъ. Люди низшихъ классовъ ухватились въ Римѣ, понятно, также и за ремесло атлетовъ. Уже въ 177 Олимпіаду (72 до Р. Х.) римлянинъ Гай выигралъ въ Олимпіи побѣду въ продолжительномъ бѣгѣ [7]). Панкратіаста Регула называютъ любимцемъ Тита [8]). Мартіалъ былъ друженъ съ нѣкіимъ Либеромъ, который направлялъ „италійской рукой греческіе удары" и былъ увѣнчанъ какъ побѣдитель въ

[1]) Луканъ, «Фарсал.», VII, 270.—[2]) Мартіалъ, VII, 32.—[3]) Мартіалъ, XIV, 49.—[4]) Плин., «Панег.», гл. 13.—[5]) Плутархъ, «Катонъ Старшій», гл. 20.—[6]) Плиній, «Письм.», IV, 22.—[7]) Phot., «Cod.», 79, стр. 156 H. стр. 43; Bekk. Krause, «Gymnastik», стр. 803.—[8]) Плутархъ, «De sanitate praec.», гл. 5, стр. 124.

кулачномъ бою [1]). Ювеналъ находитъ, что заимствованіе иностраннаго такъ далеко зашло въ Римѣ, что граждане Квирина носятъ „на выхоленной шеѣ преміи атлетовъ“ [2]). Но хотя Неаполь предоставлялъ полную возможность получить систематическое образованіе въ атлетикѣ, Италія воспитывала, повидимому, только такой классъ борцовъ, который, по словамъ Горація, странствуя изъ селенія въ селеніе, утолялъ свою жажду борьбы на деревенскихъ праздникахъ и не претендовалъ на вѣнокъ великихъ Олимпійскихъ игръ [3]), тогда какъ Греція и Востокъ попрежнему поставляли виртуозовъ этого искусства; это видно изъ того, что насколько часто встрѣчаются надписи и памятники греческихъ атлетовъ, настолько же много сохранилось ихъ отъ римскихъ возницъ и виртуозовъ фехтованія, памятниковъ же римскихъ атлетовъ почти совсѣмъ нѣтъ [4]).

Если увлеченіе римлянъ этимъ зрѣлищемъ и не было никогда такимъ страстнымъ, какъ по отношенію къ прочимъ, то все таки (какъ замѣчено раньше) любителей атлетики становилось въ Римѣ со временъ Нерона и особенно Домитіана, все больше. Это приводило нерѣдко къ дилеттантизму [5]); случалось даже, что и женщины упражнялись въ атлетикѣ. При Неронѣ поклонники этого искусства очень гостепріимно принимали „новѣйшихъ атлетовъ“ [6]) и были усердными зрителями ихъ упражненій [7]); уже тогда, повидимому, въ числѣ рабовъ знатныхъ домовъ бывали обыкновенно и атлеты [8]) (которые руководили режимомъ своихъ господъ и предписывали, вѣроятно, если имъ это позволяли, какъ слѣдуетъ двигать ногами во время ходьбы и челюстями при жеваніи) [9]). При Веспасіанѣ богатые люди украшали свои школы и площадки для борьбы портретами атлетовъ [10]). При Домитіанѣ молодые люди часто посѣщали площадки для греческихъ упражненій [11]). Любимцевъ изъ рабовъ или вольноотпущенниковъ часто воспитывали въ палестрѣ: такъ, Атедій Меліоръ—красавца Главція [12]). Квинтиліанъ, сравнивая искусство борца съ тактикой оратора, также обнаруживаетъ знаніе тамошняго преподаванія [13]).

Этому искусству обучали, повидимому, главнымъ образомъ, люди, потерпѣвшіе неудачу въ состязаніяхъ [14]). Во времена Мартіала и Ювенала нашлись также и въ этомъ искусствѣ энтузіастки, нерѣдко переносившія свою любовь на артистовъ [15]) и одарявшія ихъ драгоцѣнными подарками [16]); встрѣчались кое-гдѣ даже такія мужественныя женщины, которыя ѣли тяжелую пищу атлетовъ [17]), натирались желтымъ пескомъ, боролись и упражнялись съ тяже-

---

[1]) Мартіалъ, IX, 72; ср. VIII, 77.—[2]) Ювен., 3, 68.—[3]) Горац., «Посл.», I, 1, 49. Ср. Preller, «Röm. Myth.», 3 изд., II, 112, 3.—[4]) Здѣсь, конечно, идетъ рѣчь только о надписяхъ, по которымъ однѣмъ только можно судить о профессіональномъ занятіи римлянъ атлетикой. «Bull. dell'Inst.», 1864 стр. 27. Ср. Neubaur, «Comm. epigr.», стр. 76 сл. Можетъ быть, надписи атлетовъ и въ Италіи часто писались на греческомъ языкѣ.—[5]) Это показываетъ уже жалоба Плинія, «N. h.», XXXV, 168.—[6]) Сенека, «De brev. vit.», гл. 12, 3.—[7]) Тамъ-же.—[8]) Его-же, «Письм.», 15, 3. Мартіалъ называетъ «palaestritae» среди другихъ рабовъ III, 58, 20, 82, 20. VI, 39, 9; можетъ быть, и у Персія 4, 39 подразумѣваются рабы.—[9]) Сенека, «Письм.», 15, 9.—[10]) Плин., «N. h.», XXXV, 2.—[11]) Март., VII, 32.—[12]) Стат., «Сильв.», II, 1, 110. Значеніе infantes gymnici C. I. L., VI, 10158—10160 (среди нихъ дѣти 2—6 лѣтъ) не ясно.—[13]) Квинтил., XII, 2. 12.—[14]) Галенъ, изд. К. V, стр. 894.—[15]) Тертулл., «Spect.», гл. 22. Мартіалъ, VII, 57.—[16]) Ювен., 6, 356.—[17]) Ювен., 2, 53.

лыми гирями [1]. Въ продолженіе второго столѣтія, повидимому, стали все больше признавать цѣлесообразность греческихъ гимнастическихъ упражненій. Тогда какъ еще Адріанъ, несмотря на свой разносторонній дилеттантизмъ, ограничивался упражненіями съ оружіемъ [2], Маркъ Аврелій, по словамъ Галена, изъ всѣхъ императоровъ больше всего заботившійся о своемъ тѣлѣ, былъ постояннымъ посѣтителемъ палестры; онъ бывалъ тамъ въ короткіе дни при закатѣ солнца, въ длинные—въ 9—10 часу [3]. Маркъ Аврелій любилъ, пишетъ его біографъ, кулачный бой, борьбу и бѣгъ [4]. Подобно ему, также и Л. Веръ любилъ палестру и всѣ упражненія юношества [5]. Атлетъ Нарциссъ, съ которымъ упражнялся обыкновенно Коммодъ, и ставшій его убійцей, имѣлъ такое большое вліяніе на него, что, какъ думали, все совершалось черезъ него [6]. Александръ Северъ слылъ „первостепеннымъ борцомъ“ [7].

Гражданское положеніе атлетовъ было и въ Римѣ лучше, чѣмъ положеніе другихъ артистовъ, выступающихъ въ публичнымъ зрѣлищахъ. Значенія, которое они имѣли въ Греціи, нельзя было у нихъ совсѣмъ отнять; уваженіе по отношенію къ „священнымъ“ состязаніямъ, учрежденнымъ императорами, также требовало, чтобы борцы-соревнователи пользовались здѣсь бо́льшимъ почетомъ, чѣмъ актеры и гладіаторы, или, по крайней мѣрѣ, были свободны отъ безчестія; уже извѣстные юристы Мазурій Сабинъ (при Тиберіи) и Кассій Лонгинъ (консулъ 30 г.) высказались въ томъ смыслѣ, что атлеты не принадлежатъ къ занимающимся ремесломъ актерамъ, такъ какъ они въ своемъ выступленіи скорѣе обнаруживаютъ храбрость [8]. Тогда какъ въ прочихъ зрѣлищахъ такъ часто выступали рабы, въ императорскихъ состязаніяхъ (гдѣ побѣдитель получалъ вѣнокъ изъ рукъ императора) [9], какъ и въ священныхъ играхъ Греціи, къ участію допускались, повидимому, только свободные [10]. Распоряженіе Александра Севера, чтобы къ состязанію въ бѣгѣ въ священныхъ играхъ допускались только свободные [11], было, вѣроятно, только подтвержденіемъ болѣе стараго, относящагося сюда, закона. Кромѣ того, приспособленіе къ греческимъ обычаямъ выражалось и въ томъ, что должностныя лица и правительство обращались съ артистами съ извѣстнымъ уваженіемъ и предупредительностью. Къ отличіямъ, которыми награждали императоры выдающихся между ними, принадлежало пожалованіе пожизненной должности ксистарха [12].

Среди многочисленныхъ группъ атлетовъ, кочевавшихъ изъ одного мѣста въ другое и выступавшихъ на установленныхъ во всѣхъ большихъ городахъ состязаніяхъ и другихъ празднествахъ [13], во второмъ столѣтіи выдѣлялось „товарищество атлетовъ, вѣнчанныхъ побѣдителей въ священныхъ играхъ,

---

[1]) Ювен., 6, 246. Март., VII, 67.—[2]) «Hadrian.», гл. 14, 26.—[3]) Галенъ, изд. К. VI, 406.—[4]) «M. Antonin.», гл. 4.—[5]) «L. Verus», гл. 2.—[6]) «Commodus», гл. 17. «Pescenn. Nig.», гл. 1. Діонъ, LXXII, 22.—[7]) «Alex. Sev.», гл. 27.—[8]) «Digg.», III, 2, 4 (Ulpianus libro VI, «ad edictum»), Tertullian., «Spect.», гл. 22.—[9]) Lebas-Waddington, 1620a.—[10]) «Digg.», IX, 2, 7, 4 (Ulpianus libro XVIII, «ad ed.»), Ср. и P. E. Mueller, «De gen. aev. Theodos.», II, стр. 65 пр.—[11]) «Alex. Sever.», гл. 42.—[12]) Dittenberger, «Hermes», XII, 19 сл. Ср. напр. I. G. XIV, № 1103 (Римъ).—[13]) C. I. G., 5804 (Римъ). Ср. ad I, 349; II, 3476 b и ad № 3067. Dittenberger, «Inschriften aus Olympia», «Denkmäler u. Forsch.», 1876 стр. 14. Lebas-Waddington, 1620a.

почитающее Геракла". Эта труппа, какъ и всѣ подобные союзы, назначала изъ своей среды должностныхъ лицъ, жрецовъ и начальниковъ. Она имѣла въ Римѣ станцію, и ея высшее должностное лицо нѣсколько разъ исполняло тамъ должность смотрителя императорскихъ бань [1]). Адріанъ и Антонинъ Пій разрѣшили имъ имѣть помѣщенія для собраній, совѣщаній, жертвоприношеній и храненія документовъ, особенно во время капитолійскихъ игръ; помѣщеніе, данное имъ Антониномъ, находилось близъ термъ Тита [2]). Нѣкоторые рескрипты императоровъ на греческомъ языкѣ, обращенные къ этимъ корпораціямъ атлетовъ, еще сохранились. Мѣсто собранія (curia athletarum) было украшено статуями выдающихся атлетовъ. Такъ, императоры Валентиніанъ, Валентъ и Гратіанъ (между 367 и 375 годами) поставили тамъ статую атлету Филумену, который былъ побѣдителемъ въ борьбѣ и кулачномъ бою „на всѣхъ состязаніяхъ атлетовъ, отъ восхода до захода солнца". Не только всѣ атлеты приняли съ благодарностью, что онъ былъ удостоенъ вѣчной славы, но и сенатъ и народъ Рима встрѣтили эту честь съ большимъ одобреніемъ [3]). Въ той же куріи атлетовъ была поставлена императорами, между 384 и 392 годами, статуя Іоанна [4]), чего не могло бы быть, если бы христіане отвергли и это зрѣлище, какъ всѣ другія [5]). Впрочемъ, знаменитымъ атлетамъ воздвигали, конечно, статуи и въ ихъ родныхъ городахъ. Такъ, сенатъ Остіи присудилъ поставить „въ первый разъ", по требованію гражданъ, на средства общины, памятникъ въ этомъ городѣ одному атлету, побѣдившему во многихъ состязаніяхъ городовъ Азіи и Африки, „за его необычайное искусство и большую благотворительность по отношенію къ своему родному городу" [6]).

Но, несмотря на такія почести, пренебреженіе (по крайней мѣрѣ, въ первомъ столѣтіи), съ которымъ говоритъ особенно Сенека объ атлетахъ, было въ Римѣ очень распространено. Онъ называетъ ихъ тупоумными людьми, проводящими свою жизнь въ питьѣ и потѣніи; тѣло ихъ упитано, умъ грубъ и находится въ пренебреженіи; искусство ихъ состоитъ изъ грязи и масла [7]). Плиній находитъ, что они прожорливы, какъ лошади [8]). Одинъ христіанскій писатель говоритъ, что ихъ первая побѣда заключается въ пріобрѣтеніи жадности къ ѣдѣ, превышающей предѣлы человѣческаго желудка; они отдаютъ свое несчастное лицо на побои, чтобы откармливать свой несчастный животъ [9]). Иначе думали въ греческихъ провинціяхъ. Правда, и здѣсь, безъ сомнѣнія, въ образованныхъ кругахъ часто презирали атлетовъ. Плутархъ пишетъ, что учителя не даютъ имъ читать книгъ, а пріучаютъ ихъ къ праздному препровожденію времени; подобно колоннамъ гимназій, они становятся окаменѣлыми и блестящими [10]); а Эпиктетъ ставитъ „грязныхъ панкратіастовъ" даже на одну ступень съ гладіаторами [11]). Къ безусловно прези-

---

[1]) Ср. C. I. G., 5906—5913 и комментарій Franz'a, стр. 780. Lüders, «Die dionysischen Künstler», стр. 34 сл. Foucart, у Lebas-Waddington, II, № 16.—[2]) C. I. G., 5907. Выше стр. 187, 1.—[3]) Orelli, 2588=C. I. L., VI, 10154 ср. примѣч.—[4]) C. I. G., 5924=C. I. L., VI, 2, 10153; Eckhel., «D. N.», VII, 293.—[5]) De Rossi, «Bull. crist.», V, 87.—[6]) C. I. L., XIV, 474 (если это не былъ музыкантъ).—[7]) Сенека, «Письм.», 15, 3; 80, 2; 88, 18 сл.—[8]) Плин., «N. h.», XVIII, 63.—[9]) Cyprian., «Spectac.», 8. Ср. Hieron. «adv. Iov.», II, 6 ed. Vall., II, 332 сл.—[10]) Plutarch., «De sanitate praec.», гл. 20, стр. 133.—[11]) Epictet., «Diss.», II, 18, 22.

рающимъ атлетику принадлежитъ Галенъ. Онъ былъ еще больше возмущенъ дерзостью необразованныхъ атлетовъ, которые осмѣлились поднять свой крикъ противъ врачей на варварскомъ, неблагозвучномъ языкѣ и даже писать по вопросамъ діэтетики, въ которой ничего не смыслили [1]). Онъ особенно охотно воспользовался случаемъ высказать свое мнѣніе въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ; по его словамъ, жизнь атлетовъ подобна жизни свиней или еще хуже, вслѣдствіе безпрестаннаго принужденія къ чрезмѣрной ѣдѣ, сну и невѣроятному напряженію тѣла [2]): это—чередованіе ѣды, питья, сна, опоражниванія и валянія въ пыли и грязи [3]). Сверхъ того, атлетика искажаетъ мужскую красоту и придаетъ тѣлу противоестественную, мнимую силу, такъ какъ оно становится непригоднымъ для цѣлаго ряда занятій и сопротивляется болѣзнямъ гораздо меньше, чѣмъ въ нормальномъ состояніи; даже къ своей профессіи атлеты рано теряютъ способность (даже помимо неизбѣжныхъ поврежденій и увѣчій); сверхъ того, они не могутъ пріобрѣсти и богатства [4]). Гимназія воспитываетъ лѣнь, сонливость и медлительность мышленія; многіе тамъ пріобрѣтаютъ такую тучность, что съ трудомъ переводятъ дыханіе; важныя дѣла можно довѣрить скорѣе свиньямъ, чѣмъ атлетамъ [5]). Даже въ своемъ искусствѣ они не могутъ сдѣлать ничего выдающагося. Въ одномъ сатирическомъ стихотвореніи (повидимому, современника), направленномъ противъ атлетовъ, говорится: если бы Зевсъ призвалъ на состязаніе въ стадіи, кромѣ людей, всѣхъ звѣрей, то человѣку никогда бы не удалось побѣдить, ибо побѣдителями были бы: въ простомъ бѣгѣ заяцъ, въ двойномъ—олень, въ продолжительномъ—лошадь, въ борьбѣ, которая требуетъ силы, слоны и львы, въ кулачномъ бою—волы, въ панкратіѣ—оселъ; а въ историческихъ книгахъ значилось бы, что въ 21 олимпіаду побѣдилъ мужей оселъ [6]). Но что такія воззрѣнія ни въ коемъ случаѣ не были всеобщими, слѣдуетъ уже изъ того, что Галенъ стремится предостеречь самымъ серьезнымъ образомъ молодыхъ людей, при выборѣ профессіи, не отдавать предпочтенія атлетикѣ передъ полезными науками и искусствами, къ чему легко можетъ соблазнить ихъ надежда на славу среди массъ, легко пріобрѣтаемую благодаря атлетикѣ [7]). Съ тѣхъ поръ, какъ греческая жизнь утратила свое реальное содержаніе, ее наполняла игра тѣнью прошлаго великолѣпія. Съ легко понятной, иногда трогательной нѣжностью, лелѣяли эпигоны старыя воспоминанія и пытались возстановить ветхіе, частью неузнаваемые, остатки основъ эллинской культуры и эллинской славы. Къ нимъ принадлежала, на первомъ планѣ, гимнастика; ее продолжали, по прежнему, признавать однимъ изъ главныхъ средствъ воспитанія, и она нашла усердную заботу о себѣ въ институтахъ эфебовъ, остававшихся неизмѣненными во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ греческихъ общинахъ отъ Массиліи до Берита [8]).

Гимназіи и состязанія получили теперь тѣмъ большее значеніе, чѣмъ уже становился кругъ болѣе высокихъ и благородныхъ интересовъ. „Добрые греки", пишетъ Траянъ младшему Плинію, „дорожатъ гимназіями" [9]). Въ Греціи не только „занятіе этими легкими искусствами пользовалось поче-

[1]) Galen., ed. K., V, стр. 894.—[2]) Галенъ, ed. K., I, стр. 28 сл.—[3]) Галенъ, ed. K., V, стр. 878 сл.—[4]) Галенъ, «Protrept.», гл. 9, 14 —[5]) Галенъ, ed. K., V, стр. 905.—[6]) Галенъ, «Protrept.», гл. 13; ср. Haupt, «Hermes», IV, 27.—[7]) Галенъ, «Protrept.», гл. 9.—[8]) Ср. Collignon, «Quid de collegiis ephebоrum apud Graecos...», II, 1877.—[9]) Traian., «ad Plin. Epp.», 40 K. Lebas-Waddington, 1602 и прим. II, стр. 125.

томъ“ [1]), но даже высокообразованнымъ людямъ выдающіеся атлеты казались идеаломъ мужества, силы, храбрости, красоты и цѣломудрія, которыхъ можно сравнить развѣ только съ героями далекихъ временъ [2]). Вся Грецiя продолжала стекаться на пиѳійскія и олимпійскія игры [3]), гдѣ основные порядки и обычаи оставались, въ общемъ, неизмѣненными съ древнихъ временъ [4]); побѣда въ Олимпіи все еще считалась высокой славой [5]); чтобы достигнуть ея, люди подвергались не только труднѣйшимъ упражненіямъ, требующимъ продолжительнаго времени, но рисковали даже жизнью [6]). И происхожденіе отъ олимпійскаго побѣдителя считалось, особенно для атлета, славнымъ [7]). Испытанные борцы подкупались за большія деньги противниками, чтобы быть побѣжденными [8]). Павсаній удивляется, что это дѣлалось не только египтянами, слѣдовательно, иностранцами, но то же сдѣлалъ элеецъ, который въ 192 олимпіаду (12 г. до Р. Хр.), желая доставить побѣду въ борьбѣ сыну, далъ денегъ его противнику [9]). Олимпійскіе побѣдители привлекались устроителями празднествъ для участія въ устраиваемыхъ ими зрѣлищахъ за большія суммы денегъ: Діонъ изъ Прусы указываетъ на плату въ пять талантовъ (11787 рубл.) [10]). Имена тѣхъ, которые одержали въ одинъ и тотъ же день двойную побѣду въ борьбѣ и панкратіѣ (парадоксоники) [11]), назывались съ восхищеніемъ во всемъ мірѣ еще внуками и правнуками: такъ Никостратъ, которому это удалось въ Олимпіи въ 204 олимпіаду (36 году по Р. Хр.) седьмымъ или восьмымъ послѣ Геркулеса [12]), и финикіецъ Элій Геликъ—первый, достигшій этого на капитолійскомъ состязаніи [13]). Сверхъ этого атлеты, особенно увѣнчанные на играхъ, имѣли многія привилегіи, подтвержденныя и расширенныя Августомъ [14]). Вѣроятно, уже тогда къ нимъ принадлежало освобожденіе отъ тягостныхъ и дорого стоющихъ общинныхъ должностей; но оно даровалось по рескрипту Діоклетіана и Максиміана только тогда, если атлетъ участвовалъ всю жизнь въ состязаніяхъ и былъ увѣнчанъ, по крайней мѣрѣ, на трехъ „священныхъ“ состязаніяхъ (и притомъ одинъ разъ въ Римѣ или древней Греціи) по праву, а не вслѣдствіе подкупа [15]). Священными состязаніями считались тѣ, которыя императоръ отличилъ привилегіей торжественной встрѣчи побѣдителя на родинѣ и пожизненнымъ содержаніемъ (на государственный счетъ) [16]). Города, гдѣ выступали знаменитые борцы, соперничали другъ съ другомъ въ увѣковѣченіи ихъ памяти бюстами, статуями, декретами, дарованіемъ почетнаго права гражданства и званія члена городского совѣта [17]). Иногда атлеты выказывали свою смѣлость и на войнѣ. Мне-

[1]) Тац., «Діал.», гл. 10.—[2]) Dio Chrys., Or. XXIX, стр. 538 и стр. 542 R.—[3]) Ср. Philost., «Vit. Apoll. Tyan.», VIII, 18, стр. 362.—[4]) Hertzb., «Gesch. Griechenlands», II, 471.—[5]) Galen., «De Platon. et Hippokrat. dogmat.», V, 5 ed. K. V, стр. 463.—[6]) Dio Chrys., Or. XXXI, стр., 316 и 344 M.—[7]) Philost., «Vitt. sophist.», II, 25, 6. Dio Chrys., Or. XXVIII, стр. 291 M. XXIX, стр. 292 M.—[8]) Philost., «De gymnast.», гл. 3 ed. K., гл. 45 ed. Daremberg.—[9]) Pausanias, V, 21, 6 и 7.—[10]) Dio Chrys. Or. LXVI, стр. 607 M.—[11]) Plutarch., «comp. Cimon. et Lucull.», гл. 2.—[12]) Тац., «Діал.», гл. 10. Квинтил., II, 8, 14. Павсан., V, 31, 5. Krause, «Olympia», стр. 335.—[13]) Ср. о немъ Philost., «De gymnast.», 8, 22 стр. 59. Касс. Діонъ, LXXIX, 16; Philost., «Heroic.», 679.—[14]) Светон., «Авг.», гл. 45. Ср. Meier, «Olymp. Spiele», y Ersch u. Gruber, «Enzyklopädie», 3. Sekt., 3 стр. 318.—[15]) «Cod. Iust.», X, 53.—[16]) Діонъ, 1, 1. Плин., «Письм. къ Тр.», 119 сл. Mommsen, «Röm. G.», V, 265, 1.—[17]) Ср. напр. C. I. G., 5913. Lebas-Waddington, 1620 A, 1620 B, 1839. (Лаодикея Сир. 214 и 221 г. по Р. Хр.). Tertullian., «Scorpiace», гл. 6. Philost., «Heroic.», 678 ed. K., стр. 292. (Статуи). О дарованіи почетнаго права гражданства ср. Kuhn, «Verfassung», I, 28, 122.

сибулъ изъ Элатеи, побѣдившій въ 235 олимпіаду = 161 г. въ Олимпіи, отбилъ толпу костобоковъ (вѣроятно, въ 178/179 г.) [1]) во главѣ добровольнаго отряда и самъ палъ въ битвѣ [2]). Въ храброй защитѣ Византіи противъ Септимія Севера (194—196 г.) кулачный боецъ принималъ выдающееся участіе [3]). Послѣ всего этого почти не вѣрится, чтобы въ греческихъ провинціяхъ вызывало осужденіе, если лица изъ хорошихъ или даже знатныхъ семей открыто выступали атлетами; хотя извѣстна только одна подтверждающая это надпись атлета изъ консуларской семьи, Клавдія Аполлонія Руфа въ IV столѣтіи [4]). Знатные римляне участвовали только въ бѣгахъ колесницъ; такъ, вѣроятно, побѣдили въ Олимпіи: въ 195 олимпіаду = 1 г. по Р. Хр. четверка будущаго императора Тиберія; въ 199 олимпіаду = 17 г. по Р. Хр.—Германика [5]); въ 227 олимпіаду = 129 г. по Р. Хр.—Ю. Минуція Натала, сына консула 106 или 107 г., бывшаго впослѣдствіи тоже консуломъ [6]). Также, вѣроятно, побѣдилъ римскій сенаторъ, который воздвигъ себѣ тамъ во время Павсанія памятникъ, если это былъ римлянинъ [7]).

Въ общемъ, слѣдовательно, положеніе атлетовъ въ обществѣ въ ранній періодъ имперіи было въ греческихъ провинціяхъ гораздо лучшее, чѣмъ въ Римѣ и Италіи. Но, чѣмъ больше массовое усвоеніе греческихъ и восточныхъ элементовъ культуры вліяло на постепенное разложеніе и, наконецъ, полное раствореніе истинно-римскаго духа, тѣмъ больше исчезала въ Римѣ оппозиція противъ атлетики. Въ то время, когда полъ блестящаго помѣщенія въ термахъ Каракаллы украсили цѣлой вереницей изображеній побѣдоносныхъ атлетовъ [8]), когда Кассій Діонъ внесъ въ свою исторію имя Элія Гелика, одержавшаго двойную побѣду на капитолійскомъ состязаніи, герои стадія были въ столицѣ и всюду на западѣ, очевидно, уже въ большемъ почетѣ, чѣмъ во времена Сенеки, обоихъ Плиніевъ, Тацита и Ювенала, которые такъ единодушно высказывали свое мнѣніе о ничтожествѣ и вредѣ греческихъ упражненій и состязаній.

Конецъ перваго тома.

---

[1]) Barnabei, «Di un'epigr. onorar.», «Notizie degli scavi». Decembre, 1887.— [2]) Herztberg, «Gesch. Griechenlands», II, 372.— [3]) Діонъ, LXXIV, 14.— [4]) C. I. G., 5910. Ср. Kiessling, «Bull. dell'Inst.», 1862, стр. 157.— [5]) Hertzberg., «Gesch. Griechenlands», II, 59 пр. Dittenberger, «Inschr. aus Olympia», «Denkm, u. Forsch.», XXXV (1887), стр. 36.— [6]) Dittenberger, тамъ-же, XXXVI (1878), стр. 119.— [7]) Павсан., V, 20, 4, ср. Krause, «Gymnastik u. Agonistik», стр. 803.— [8]) Secchi, «Il musaico Antoniniano rappresentante la scuola degli atleti», Roma, 1843 стр. 4. По Hülsen-Jordan, «Top. Roms», I, 3 стр. 195, обѣ большія мозаики, изображающія атлетовъ, вложенныя будто бы во время Каракаллы, относятся, вѣроятно, къ исходу IV столѣтія. Впрочемъ, только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ можно съ увѣренностью опредѣлить время, къ которому принадлежитъ немалое число римскихъ изображеній атлетовъ. Мнѣніе Ф. Пиндера, что тускулонская мозаика атлетовъ («Mon. d. I.», VI и VII, t. 82) относится ко времени Адріана («Bull. dell'Inst.», 1862, стр. 179 слл.) справедливо опровергается Г. Гирцелемъ («Ann. dell'Inst.», 1863, стр. 412). Возможно, что мозаика атлетовъ въ виллѣ Casali, на Целіѣ, работана въ послѣднее время Антониновъ («Bull. Comm. di R.», 1886, стр. 49—51).

Содержаніе.

	Стр.
Предисловіе къ переводу	III
I. Городъ Римъ	1—30
II. Дворъ	31—98
1. Его вліяніе на формы жизни и нравы	31—33
2. Чиновники, вольноотпущенники и рабы императорскаго дома	33—70
3. Друзья и свита императора	70—82
4. Общество императоровъ	82—85
5. Церемоніалъ	85—98
a) Утренній пріемъ	85—93
b) Общественные пиры	93—98
III. Три сословія	99—233
1. Различія общественнаго положенія и происхожденія	99—108
2. Сенаторы	109—139
3. Всадники	140—153
4. Третье сословіе	153—233
a) Бѣдность и богатство	153—155
b) Виды заработка. Мелочная торговля и ремесла	155—166
c) Другіе виды заработка. Искусства и науки	166—210
d) Земледѣліе. Морская торговля. Низшія должности. Военная служба	210—219
e) Кліенты	219—228
f) Вольноотпущенники	229—233
IV. Общественная жизнь	234—260
V. Женщины	261—310
VI. Устройство путей сообщенія	311—371
1. Дороги, государственная почта, частныя средства передвиженія	311—323
2. Быстрота путешествія по сушѣ и по морю	323—331
3. Способы путешествія по сушѣ. Гостиницы, мытари, разбойники	331—345
4. Передвиженіе	345—371
a) Передвиженіе, обусловленное природою, величиною и управленіемъ Римскаго государства	345—350
b) Торговое движеніе	351—371
α) Торговыя путешествія	351—361
β) Сбытъ и распространеніе товаровъ	361—363
γ) Другіе роды передвиженій	363—371

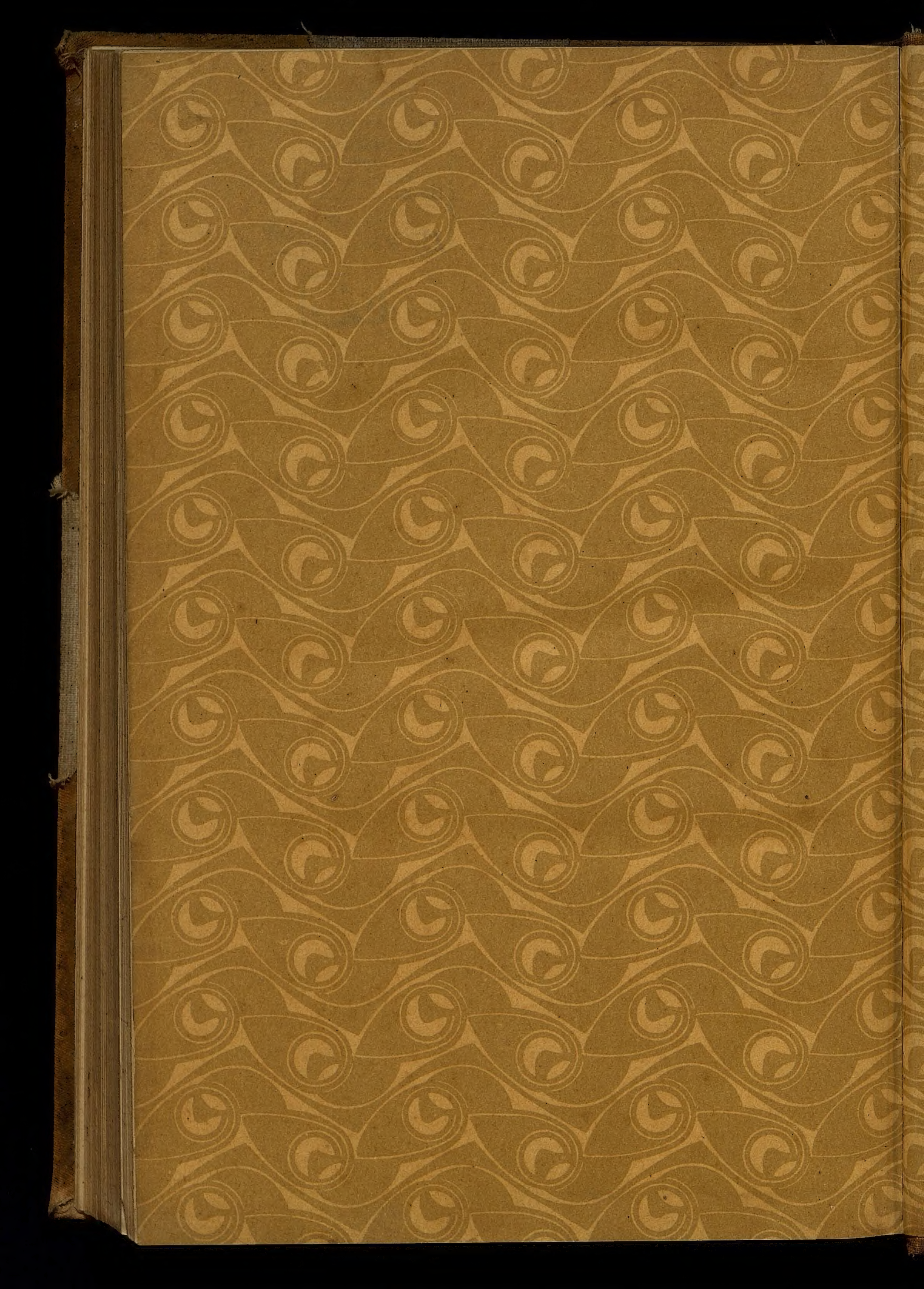
Стр.

VII. Путешествія туристовъ . . . . 372—482

1. Рѣдкость и ограниченность путешествій въ незнакомыя страны. Границы географическаго познанія. Область и цѣли путешествій туристовъ . . . . 372—378
2. Италія. Дачи на морскомъ берегу и въ горахъ. Баи . . . . 378—388
3. Сицилія . . . . 388—389
4. Греція . . . . 389—394
5. Греческіе острова и Малая Азія . . . . 394—399
6. Египетъ . . . . 400—418
7. Интересы римскихъ путешественниковъ . . . . 418—447
   a) Историческій интересъ . . . . 419—429
   b) Интересъ къ искусству . . . . 430—431
   c) Интересъ къ природѣ и чувство природы вообще . . . . . . 432—447
8. Развитіе романтическаго пониманія природы въ противоположность къ античному . . . . 448—482

VIII. Зрѣлища . . . . 483—626

Общія замѣчанія . . . . 483—503
1. Циркъ . . . . 503—527
2. Амфитеатръ . . . . 527—583
   a) Гладіаторскія игры . . . . 528—551
   b) Бои звѣрей . . . . 551—565
   c) Навмахіи . . . . 565—567
   Заключеніе . . . . 567—583
3. Театръ . . . . 583—612
4. Стадій . . . . 613—626

Цена 33 руб
6 р
200 р -

